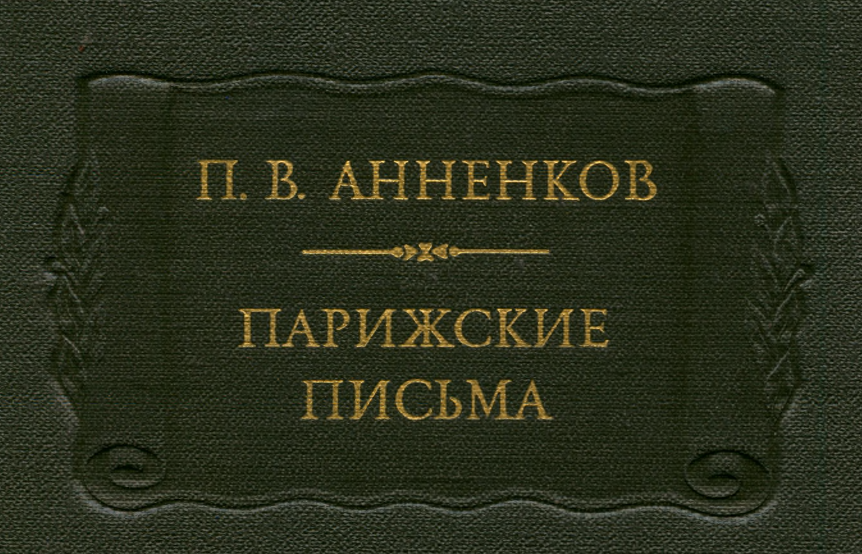

П. В. АННЕНКОВ
ПАРИЖСКИЕ
ПИСЬМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

П. В. АННЕНКОВ

ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛА
И. Н. КОНОБЕЕВСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Б. Ф. ЕГОРОВ

А $\frac{4702010100\text{-}287}{042\ (02)\text{-}83}$ без объявления

П. В. Анненков.

Рисунок К. Горбунова. 1840-е гг.

Изофонды Государственного литературного музея. Москва

ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

I

Гамбург. 12-го ноября 1840 года.

В три часа ночи снялись мы с якоря, отъехали восемь верст или немецкую милю и остановились: нас захватил туман и прикрыл словно матовым, стеклянным колпаком. Целое воскресение простояли мы на якоре; кругом какая-то белесоватая мгла, и точно зашили нас в мешок и кинули в море, как неверную ханым. Мы начинали приходить уже в отчаяние и, как матросы Христофора Коломба, в безумном ропоте хотели посягнуть на особу капитана Босса, который в огромных медвежьих сапогах, с сигаркой во рту, стоял почти весь день у компаса, как вдруг в понедельник, часа в два утра, приятное колыхание в моем гробике возвестило мне, что мы тронулись. Я выбежал на палубу: море было тихо, да ненадолго. Со вторника на среду в ночь ветер начал крепчать, крепчать, пароход заскрипел, стал качаться из стороны в сторону, а с ним вместе и мой мозг, и вся моя внутренность. Почти на корточках притащился я к трубе; там уже лежал К‹атков›[1], и мы, упираясь головами, пролежали так до глубокой ночи, не говоря, не думая, а следовательно, и не кушая... Гнусное положение! А между тем пароход то подымался, то уходил в волны: несколько раз белоголовая волна, как тень Сумбеки (в балете того же имени)[2], вырастала перед нами и, опрокидываясь, обливала пеной палубу и нас: однакож чистоплотный капитан Босс на этот случай поставил матроса с метлою и велел сгонять без пощады всякую потаскушку такого рода. Наконец, в четверг прояснилось, утихло, успокоилось, и в 8 часов мы прибыли в Травемюнде[3].

Прежде, чем стану описывать впечатление, произведенное на меня первым местечком Германии, скажу, что в ночь с середы на четверг я очнулся по случаю уменьшившейся качки, осмотрелся кругом и вдали увидел яркую, огненную точку. Самым скверным немецким языком, какой только может существовать, спросил я у матроса: «Что это за маяк?» — «Es ist *, — отвечал он мне, — шведский остров Борнгольм». Не поверите, как живо представилась мне комната, в которой читал я, сидя за столом, измаранным чернилами и изрезанным перочинными ножичками, длинную книгу под заглавием «Сочинения Карамзина». Я тут все вспомнил, до последней подробности: и девушку, и страдальца, и стихи, и фразу[4]: «Я стоял на палубе, прислонясь к мачте; слеза катилась по щеке — ветер снес ее в море», и все, все... Мне еще кажется до сих пор обманом со стороны географии и истории, утверждающих, будто Борнгольм при-

* Это (*нем.*).

надлежит какой-то другой стороне, а не России. Ну, да это в сторону!.. Травемюнде! Травемюнде! Захватив чемоданы, бросились мы на берег. Я смотрел, вытаращив глаза, на эти домики, прижавшиеся друг к другу так плотно, как стадо оленей в Сибири, захваченное сорокаградусным морозом, и вытянувшиеся, как пиявка, из которой выжимают кровь. Несмотря на глухую ночь и позднее время, мы пошли осматривать местечко в сопровождении одного немца и одного француза, наших товарищей по пароходу. В 12 часов были мы уже на ночлеге в Hôtel de Russie, но заснули только в 2, болтая обо всех вас[5]. В 7 часов утра стоял уже у крыльца штульваген * с почтальоном в фуражке с красным околышем, с красными и белыми снурками по синему мундиру и рожком. Мы сели и покатились в Любек. Тут проехали мы мимо часового из милиции... Что за пышная фигура! Я по глазам и по всему выражению лица узнал тотчас, что он отец многочисленного семейства и еще три четверти ночи провел в объятиях доброй своей женушки, под двумя пуховиками. Вообразите маленькое существо с кривыми ногами, которые так не привыкли к узким панталонам, что непременно должны ныть и тосковать; маленький, сплюснутый кивер на огромной тевтонской голове и страшное ружье, на которое он посматривал с недоверчивостью... За часовым открылись нам поля, разделенные кустарником на многочисленные участки; река Траве, которая несколько времени бежала за нами, но потом, вероятно, наскучив нашими веселыми лицами, поворотила и скрылась куда-то; крестьянки в фартучках, в соломенных шляпках и с коромыслами на плечах; краснощекие граждане в огромных телегах, заваленных мешками с хлебом; фермы и деревни по всем сторонам, и всюду на улицах, земле, строениях, камнях, людях выражение благосостояния и довольства, которые в единый момент пояснили мне «Германа и Доротею» Гете[6] и действительность этого поэтического произведения. Так въехали мы в Любек.

Любек поразил и очаровал нас. Мы переехали не только Балтийское море, но переехали прямо в Европу средних веков. За исключением стен, разрушенных Наполеоном[7], город остался таким, как застал его Лютер[8]. Поразительны эти узкие улицы, эти огромные дома, страдающие чахоткой, дома в семь и восемь этажей, с готическими фасадами, выступами, балконами, завитками, и все так тесно, так сжато, что скрывает свет божий, и кажется, идешь не по улице, а по ущелью, образовавшемуся от раздвоения огромной скалы. Мы остановились в Штат-Гамбурге для того только, чтоб съесть дюжину-другую устриц, и тотчас же отправились в кафедральную церковь Дом-Кирхе. Здесь видели мы перл Любека, которым он гордится и кокетничает перед путешественниками. Это картина Иоганна Гемлинга, одного из учеников Дюрера[9], изображающая на трех раскрывающихся досках «Несение Креста», «Смерть Спасителя» и «Вознесение». О, какое важное дело было искусство для этих благочестивых мастеров средних веков! Трудно себе вообразить, до каких мелочных подробностей доходили они, как вникали они в самомалейшую часть

---

* Штульваген (от *нем.* Stulnwagen) — общественный экипаж.

целого и как с равным тщанием и с равною любовью отделывали последнюю шашечку креста на башне церкви и главный алтарь ее. Вот и Гемлинг на образе святого выработывает каждую кисточку его ризы, каждый алмазик и украшеньице, всякий волосок в бороде Каиафы[10] режет глаз своею оконченностью, и наконец, труженик-живописец доходит до того, что группу кидающих жребий об одежде Христа[11] отражает целиком в латах близстоящего воина. Еще более подтверждается эта мысль о важности священного искусства в те времена необыкновенною религиозностью самих изображений. Тут все плачут: женщины, ломающие руки у подножья креста, поразительно страдают; сами исполнители казни взирают на божественного страдальца с соболезнованием, и Каиафа даже задумчив и печален! В довершение всего, на картине «Несение Креста» сам художник в своем национальном костюме изобразил себя. Чудо, какая картина! Мы едва оторвались от нее. И вот Овербек[12], проживающий, как говорят, теперь в Риме, хотел забыть все успехи живописи, обратиться к этой мозаичности, так сказать, объявить себя не знающим перспективы, лишь бы произвесть столь же простое, теплое, поразительное. Надобно было необычайное усилие, чтоб сделаться младенцем в душе, и действительно, он употребил пятнадцадь лет, чтоб произвести картину «Вшествие Христа в Иерусалим», которая стоит в другой церкви Любека, Мариен-Кирхе, и считается вторым перлом города. Выражение лица Спасителя удивительно: такое спокойствие, такая глубокая дума и такая скорбь! Разнообразие ощущений на лицах, составляющих толпу, поразительно. В любекских церквах меня еще поразило соединение самых строгих предметов с самым безграничным, свободным юмором; об этом я слыхал — теперь увидел своими глазами.

Наконец, отправились мы в ратгауз и в большой зале видели покойные софы для членов магистрата[13], и у каждой софы по чистой плевательнице. По стенам развешаны десять аллегорических картин, вероятно, придуманных самим магистратом, ибо еще ни один земнорожденный, как отдельное лицо, не мог бы снесть на плечах такой огромной ноши поэзии и воображения. Тут ключи изображают молчание, дети — скромность, зеркала — осмотрительность, женщины — твердость духа, мужчины — целомудрие, собаки — коварство, и проч. и проч. Вечером пошли мы гулять с К‹атковым› кругом города по валу — прежде бывшим укреплениям, обратившимся в сады; видели бедный памятник мяснику Пралю, расстрелянному в 1813 году за смелые слова[14], «für ein kühnes Wort» *, как сказал нам мимо проходивший бедняк-немец. Во время пребывания французов он обмолвился замечанием, что не худо бы «выгнать французов», и был без суда расстрелян.

Луна ярко горела на небе (когда вошли мы в город Holsten-Thor) **, освещая огромные башни этих ворот, соединенные переходами (единственный остаток прежде бывших стен), и отражаясь в Траве, бегущей в этом месте между рядами спершихся домов, из коих многие уже наклонились,

---

* «За одно смелое слово» (*нем.*).
** Hölzern Tor — деревянные ворота (*нем.*).

а многие стоят с пустыми стеклами — они, слышавшие звучание рыцарских шпор, звон палаша по каменному полу и крики чудных оргий. Уж мы мечтали, мечтали с К‹атковым›, стоя на мосту, откуда виднелись и позолоченная месяцем река, и посеребренные окна Holsten-Thor... На другой день, рано утром, сели мы в колясочку и отправились в Гамбург, беседуя с любовью о старом Любеке, который пользуется, как в Германии, так и в России, репутацией самого скучного города весьма неосновательно. Вот дорога так уж скучна, нечего сказать: через каждую милю кучер въезжал на постоялый двор, покрывал попоной лошадей и давал им по клочку сена; потом отворял дверцы колясочки и говорил самым спокойным голосом: «Погуляйте, покуда лошади перекусят». Шестьдесят верст ехали мы ровно 12 часов. У ворот Гамбурга Stein-Thor * подошел к нам чиновник и, вынимая учтиво часы из бокового кармана, поднес их к самым глазам нашим. Я хотел поблагодарить его за такое внимание, как, отняв часы, он подставил чашку и повелительным голосом произнес: «6 шиллингов». У других ворот та же история. Это, изволите видеть, маленький штраф за позднее вступление в город [15]: старый обычай! Но странно, что большая часть старых обычаев уже истреблена, а для этого старого обычая правительство поставило даже две прекрасные каменные будочки.

Гамбург! До тех пор, пока не наскучит путешествие, я буду ставить перед каждым городом восклицательные знаки. Итак — Гамбург! Что это за чудесный Альстер, два раза разлившийся озером и, как поясом с бриллиантовою пряжкой, сжатый аллеями вала и мостом, связывающим их! Что за чудесная Эльба, усеянная пароходами и судами, когда смотришь на нее сверху из павильона! Город так же тесен и узок, как Любек, но торговля, богатство совлекли уже с него несколько строгий, готический вид, и старые суровые дома изукрасились огромными зеркальными стеклами и великолепными магазинами. Не знаю, по той же ли причине, или самая реакция против католицизма была здесь сильнее, или время и французы 1813 года грабили здесь дружнее, — только главные церкви не сохранили в себе от давно прошедшего ничего, кроме наружного вида. В одной только Petri-Kirche с чудесным остроконечным шпилем отвели мы душу портретами толстощекого Лютера и холерика Меланхтона [16], да картиною Франка [17]. Лучшая церковь — это, без сомнения, Michaelis-Kirche, во вкусе Возрождения. Мы залюбовались гармонией во всех частях и украшениях ее, вошли на самую вершину стройной башни, и весь Гамбург с соседкою своею Альтоной, городом, уже принадлежащим Дании, представился нам в полной красе с остроконечными черепичными кровлями, как толпа бояр русских в стародавних шапках. В Гамбурге есть еще другой Гамбург: это задняя сторона улиц, омываемая каналами у самой подошвы домов, куда стекает нечистота и где на бесчисленных переходцах, балкончиках и выступцах развешено белье сенаторов и проч. Кто не бывал в Гамбурге, тот не может понять, что значит переулок, закоулок, нора, чердачок, дырочка. И везде живут, и все это днем ходит, торгует, просит милостыни, играет на улице из Вебера и Моцарта и про-

* Каменные ворота (*нем.*).

падает ночью, — зато нельзя и представить себе, какое оглушительное движение, какая жизнь и суета днем.

Вчера были мы в Stadt-театре[18], лучшем из трех театров города. Концерт давал знаменитый Лист. Магистрат повестил ему, что он не позволит ему положить ни одного лишнего шиллинга на места против обыкновенной цены, а обыкновенные цены следующие: нумерованные скамьи — 2 марки 4 шиллинга (около трех рублей ассигн.), а партер — 1 марка 12 шил. (два рубля с небольшим). И согласился Лист. Вот в восемь часов вся небогатая зала театра наполнилась черными шляпами, под которыми находились музыкальные головы немцев. Сперва посидели тихо, как прилично воспитанным людям, потом стали шушукать, потом стучать, наконец, со всех сторон послышались крики: «Начинайте, начинайте!» Несколько благоразумных особ хотели успокоить это нетерпеливое шиканьем, в котором ясно слышался упрек; противная сторона обиделась; начался шум. Вдруг кто-то свистнул, и вся эта толпа вдруг почувствовала неприличие поступка и всеобщим шиканьем и криками «heraus» * наказала шалуна. Наконец, поднялся занавес; все скинули шляпы; сыгралась увертюра из «Эгмонта» Бетховена, и вот вышел небольшого роста бледный молодой человек, с длинными волосами. Публика захлопала, музыканты троекратно проиграли туш; он поклонился публике и музыкантам и сел за фортепьяно. Гиммеля[19] концерт исполнил он гениально; игра его невыразима; это соединение Тальберга[20] с Фильдом[21], удивительного механизма с самым страстным выражением и самою увлекательною грацией. Потом стал он выбирать для импровизации темы, положенные заранее в урну, стоявшую в зале: публика потребовала тем из «Нормы»[22], «Фигаро» Моцарта и «Лукреции»[23], и он играл, играл... Ему кричали, ревели — он все играл и кончил страшным, громовым чем-то, произведшим необыкновенный эффект.

Я вам не говорю о бирже[24], куда стекаются тысячи каждый день в час, и Börsen-Halle **, ллойдовой кофейне Гамбурга[25]. Тут все газеты Европы, тут получаются все книги, чем-нибудь приобревшие известность, тут тотчас выставляется на черной доске всякая новость, случившаяся в каком-нибудь уголку Европы и по чему-либо примечательная. Я купил Гейне, который так расхватывается, что восемь частей его стоят уже семь червонцев. Когда я говорю об этом с кем-нибудь из платдойчеров ***, так он на меня всегда так смотрит, как будто у него изо рту выскочила ящерица, и по глазам его вижу, что он рассчитывает, сколько в этих деньгах стаканов пива, билетов на представление «Фрелиха»[26], обедов с пуддингом и проч. В Гамбурге все чрезвычайно дешево: сюртучная пара с жилетом, очень хорошая, 90 рублей, а за 120 — превосходная. А у нас в Петербурге!..

Наконец, в субботу 14-го ноября, а по-вашему 2-го, выезжаем в дилижансе в Берлин, где и ждем ваших писем.

---

* «Вон» (*нем.*).

** Биржевая зала (*нем.*).

*** Платдойчеров (от *нем.* platt Deutsche) — филистеров, пошлых немцев.

II

Берлин. 10-го января 1841 года.

С первым дыханием весны я буду в Италии. Я счастлив, друзья! В Берлине К<атков> хотел было засадить меня за книгу, да я вырвался и прямо побежал в погреб, где пьянствовал Гофман[1]. Там, под картиною, изображающею Гофмана в ту минуту, как, устремив масляные глаза на Девриента, вынимает он часы и напоминает знаменитому пьянице-трагику о времени идти в театр на работу, а Девриент, как школьник, почесывает в голове и высоко поднимает прощальный бокал, — там уселся я и пил иоганнисберг. Тут я сам профессор, и такой же гениальный по своей части, как Вердер[2], Гото[3] и Ранке[4]. Вообрази, что недавно один путешествующий чудак (еще из ученых!), выслушав несколько лекций в Берлине, сказал: «У меня пот выступил от умных вещей, которые я здесь слышал» (здесь очень много смеются над этим восклицанием). Ну, если у ученого выступил пот, то у меня, профана, должна уж выступить кровь; а потому, сберегая благородную кровь фамилии А<нненковых>, я предался площадям, погребам, картинным галереям, дворцам, музеям, театрам и т. п. Немецкий язык делается, сказать без скромности, очень ручным и начинает уж приходить есть ко мне из собственных рук моих. Я почти так же знаю по-немецки, как Фарнгаген[5] по-русски, потому что у Е<лагиных>[6] видел я книжку «Отечественных записок»[7], которая была в руках Фарнгагена, в которой читал он повесть Гребенки «Верное лекарство»[8]: первые две страницы порядочно помараны черточками под словами, ему незнакомыми. Всех отчаяннее черточки были те, что стояли под словами *мозоль, морщина, стклянка* и т. п. И потому я советую Гребенке больше не употреблять этих слов.

Любо мне было видеть в Берлине студентскую серенаду. Студенты, восхищенные лекциями профессора, нанимают музыкантов, приходят под окна учителя и после увертюры поют песни в честь науки, университета и преподавателя. Такую серенаду давали при мне профессору археологии. Старик вышел на балкон, все скинули шапки; он благодарил за честь, примолвил, что вдохновение слушателей сообщается профессору и что, может быть, лучшие соображения преподавателя зависят от этого взаимного энтузиазма. Вообще, университет поглощает всю жизнь и все толки лучших голов Берлина[9]; а для нашей братьи, имеющей несчастье носить на плечах весьма посредственные, существует изрядненький балетец. Гропиус[10] за безделицу построит вам целую кучу фантастических дворцов, а г-жа Тальони (сестра нашей по мужу)[11] пляшет посереди водопадов, бамбуковых деревьев, солнечных лучей и лунного блеска. Танцы здесь состоят, по старой методе, в преодолении таких трудностей, что индийский фокусник разинул бы рот от удивления, — да еще в неистовом метании ног на воздухе. Но бог с ними! Скажу вам нечто лучшее, а именно нечто о великом актере Германии Зейдельмане[12]. Я видел его в роли Полониуса[13] и в роли Мефистофеля в Гётевом «Фаусте», который — сказать между прочим — от совершенно бесталанности актера, игравшего самого Фауста, от выпуска многих сцен, от совлечения лирического характера

и от частых перемен декораций, сделался на сцене весьма похожим на плохую бульварную парижскую мелодраму. Но Мефистофель! .. О, мне ужасно хотелось бы дать вам понятие о Зейдельмане в этой роли. Кажется, у ‹Боткина› есть транспарант с изображением Мефистофеля, по рисунку Ретча[14]: ну, это наружность Зейдельмана. Невозможно более отделиться от собственной личности; притом же, он еще создал какие-то особенные ухватки, свидетельствовавшие о его чертовском происхождении: так, он беспрестанно выправлялся, как будто испанская куртка помяла его крылья, ходил неровно и большими шагами, как будто копытцам его неловко в узких башмаках; страшная улыбка, не сходившая с лица с начала до конца пьесы, довершала различие его от окружающих его людей. Но это только наружная отделка роли; внутренняя еще совершеннее. Несмотря на видимую зависимость от Фауста, он господствовал над ним всею силою своего духа, а когда снизошел он до волокитства за старою вдовою, ирония была поразительна. Высокий комизм этой сцены он умерял страшным вожделением, с каким смотрел и приближался к Гретхен, сочетая таким образом глубокое трагическое впечатление с комическим. Из всего этого, вы еще ничего не поймете; но у меня Мефистофель, созданный Зейдельманом, стоит до сих пор за плечами. Говорят, что торжество его — «Нафан Мудрый» Лессинга[15], но я не видал его в этой роли. Что же касается до Полониуса, который у нас на сцене дурачится, словно желая вознаградить публику за обязательный приход ее на такую скучную драму, как «Гамлет», — то здесь дело совсем другого рода. В буффонской сцене с королем он мастерски выказал иронию Шекспира на людей, которые мелким умишком своим хотят пояснить великие явления, а интриги и пошлости светские считают колоссальными происшествиями. Все сделалось мне ясным в этом человеке после Зейдельмана, и все неровности, на которые я прежде натыкался, пропали, как будто их никогда и не бывало.

Не буду описывать вам столь известные прямые и однообразные улицы Берлина, а также и новейшие его здания в игрушечном роде: род архитектуры, доведенной здесь до совершенства, как то видно в Wewer-Kirche, построенной на манер готической, и в музеуме Шинкеля[16]...

III

Вена. Февраля 1841 года.

В Потсдаме и Сан-Суси я посетил прежнее жилье Фридриха Великого[1] и нынешнее — в склепе гарнизонной церкви. Тут кистер[2] показал мне место, где стоял Наполеон в задумчивости над гробом Великого. С Наполеоном встретился я еще в Лейпциге, когда, после двухнедельного пребывания в Берлине, отправился туда в дилижансе: я говорю о поле битвы[3], где я осмотрел три четвероугольных камня, один на том месте, где Шварценберг начал атаку, другой, где Наполеон стоял с штабом своим, и третий на берегу Эльстера, где утонул Понятовский. Уж возможно ли, чтоб мой приятель К‹атков› пропустил знаменитый погреб Ауэрбаха[4], откуда Фауст, по народному преданию, выехал на площадь

с помощью дьявола, верхом на бочке? Но у К‹аткова› есть особенная манера осматривать погреба: он спрашивает, например, из которого угла двинулся Фауст, садится в этот угол, приказывает себе подать устриц и бутылку иоганнисберга, и когда то и другое прийдет к концу, ему действительно кажется возможным такое воздушное путешествие: даже кажется, будто оно уже и свершается: только вместо Фауста сидит на бочке он, добрый товарищ мой, и вот несется он мимо чудесной готической ратуши (так, по крайней мере, он сам рассказывал), и на балконе ее бургомистр объявляет народу о побиении ганзеатических купцов в Новегороде[5], а между тем часы начинают шуметь, смерть бьет в колокол, и все фигурные горельефы на стенах домов начинают под этот звук двигаться, рыцари шевелят мечами, дамы сбрасывают покрывала и проч. и проч. Товарищ мой всегда бывает этим доволен. Через два дня, по прекрасной железной дороге я отправился в Дрезден, через две недели в Прагу, а оттуда в Вену, где я нахожусь теперь, ожидая только первых ласточек, чтобы ехать в Венецию.

Что за счастливая землица Саксония! Что за богатство почвы! Что за роскошь видов! Я ездил в дурное время года, но застал еще Эльбу в полной красе, текущую между гор, усеянных деревьями, загородными домами, садами, колокольнями. Долина, в которой стоит Дрезден, показалась мне очаровательною, и как бранил я зиму, не позволявшую мне ехать в Саксонскую Швейцарию! Я видел ее, Рафаэлеву «Мадонну», «Мадонну» Мурильо, «Ночь» Кореджио, «Спасителя с монетой» Тициана, и надолго останутся со мною эти чудные лики. Не могу описать тебе теплого чувства, исполнившего меня, когда по выезде из дрезденской долины (на пути в Прагу) поднялись мы на горы, и с обеих сторон открылись нам лощины, поросшие лесом, деревни, разбросанные промежду скал, и вдали верхушки Кёнигштейна в тумане. Ты знаешь, как редко видел я не только природу, но просто горизонт неба, и потому впечатление это было совершенно ново и как-то освежило меня. До сих пор я только понимал условно все, что может заключаться усладительного во взгляде на землю: теперь понимаю иначе.

Прага, первый католический город на пути моем, показался мне преддверием в Италию. Бесчисленные статуи святых стоят на мосту, на площадях, на перекрестках; каменные мадонны возвышаются решительно на каждом выступе, и даже простенки домов расписаны происшествиями из священной истории. Св. Непомук, покровитель Богемии, оберегает входы, выходы, дворы и службы. Бездна монастырей, и, наконец, первая церковь светлого готического стиля (св. Вита, или иначе Dom-Kirche), со столбами, каменными кружевами и проч., которая в неоконченных частях своих показывает, что в голове архитектора была она совершенно полным, правильным, гармоническим созданием. Тут также впервые ухо поражено славянским говором, и вообще Прага походит на Москву, как Москва могла быть до Петра. С высоты здешнего Кремля, именуемого Градчин, виден дом Валенштейна[6], Вышгород, с остатками замка кровожадного Либуши[7], и проч. Богемия играла некогда добрую роль в европейской истории[8].

Наконец, я в Вене; но здесь совсем другая жизнь[9]. Ты можешь здесь, сколько душе твоей угодно, наслушаться вальсов и галопадов Штрауса[10] и Ланнера[11], приволокнуться за кем угодно, ибо женщины тутошние прежде всей Европы эмансипировались, накупить очень хороших вещей в магазинах, заказать прекрасную коляску, потанцевать на публичных балах, которых здесь бездна[12], наконец, даже прочесть русскую газету; но для всего этого у меня нет охоты. К счастью, нашел я здесь З‹аики›на[13], с которым живу почти об стену, и мы вдвоем стараемся перенесть тягость необычных здешних удовольствий, ожидая весны, чтоб ехать мне в Италию, ему во Франценсбад и в Берлин.

IV

Вена. Март 1841 года.

Прежде, чем буду описывать житие-бытие мое в Вене, скажу вам, что две усладительные недели провел я в Саксонии. Перл Германии — это Саксония! Массивный и мрачный Дрезден на берегу веселой Эльбы в зелени (еще была зелень при мне) гор, садов и загородных дач кажется старым караван-сераем[1] в роскошной долине: он таков и есть. Как только блеснет теплое солнышко на небе, все народонаселение его выходит изо всех ворот города и рассыпается по горам, пешком, верхом на ослах и проч. Иностранцы и туземцы все живут около столицы, а не в ней. Туда приезжают переменять рубашки, сделать маленький хальт * и опять, и опять под открытое небо. Зимой приобретает он какой-то особенно строгий вид, и этот оттенок уже лежал на нем, когда я прибыл; но Эльба все еще текла, горы все еще, хоть и тускло, а зеленели, и дилижансы в Пильниц и другие места ходили порядком-таки набитые. На зиму здесь все запираются, да вместе с собой запирают и музеумы, галереи и кабинеты. Чтоб повернуть на крюках железные двери их, надобно всякий раз приготовить два или три талера, а если сообразить, что целые дворцы обращены в коллекции, так тайны расходной моей книжки будут вам очень понятны. На искусство смотрят здесь строго и серьезно: это особенно заметно в театре, на который много действует пребывание в городе Лудвига Тика[2], самого короля и пьесы принцессы Амалии[3]. Последние разыгрываются превосходно, и от этого все их недостатки делаются очень ясны и ощутительны. Наиболее страдают они неимением верного основания, так что комические сцены, иногда хорошохонько придуманные, выходя из неестественного, а чаще ничтожного начала, кажутся неуместными. Конечно, Зейдельмана, о котором я уже писал вам, тут нет; но зато труппа как-то ровнее, чем в Берлине, и в исполнении пьес особенно отличается общностью и литературностью: я не знаю, какое другое слово употребить, чтоб объяснить вам эту тщательную критическую обстановку пьес и старание выполнять знаменитые произведения с той точки зрения, с которой смотрели на них лучшие германские критики. Это познакомило меня с новым родом наслаждения, доселе мне незнакомого. Лучшие

* Хальт (нем. *Halt*) — остановка.

актеры — бывшая петербургская актриса Бауер[4], Паули[5] для высокого комизма и муж и жена Девриенты[6].

И не воображайте, чтоб я вздумал описывать вам презнаменитую картинную галерею или так называемый Зеленый Свод с королевскими драгоценностями. Вы хорошо понимаете, как следует говорить о них. Разве только для одного ‹Боткина› упомяну о музеуме Менгса[7]: это собрание всех знаменитых статуй, разбросанных по дворцам и виллам Италии, в бесподобнейших копиях. Тут Менелай, выносящий из битвы Патрокла; Лаокоон, сидящая Агриппина, Венера Медичейская, Венера родильница, Венера Каллипига, спящий гений и, еще лучше, спящий гермафродит. Когда я очутился в этом музеуме, теплая кровь прилилась у меня к голове и сердцу, закружилась первая, застучало ретивое. Что за красота! Что за роскошь! Что за наслаждение! Если называют человека царем вселенной, то, конечно, уж не того, который ходит в штанах и фуфайке, и не того, у которого сочинился горб от наклонного положения за письменным столом, а вот этого, у которого каждый мускул — прелесть, мощь и жизнь... Неосторожное соприкосновение с нагою красотой сделало меня почти сумасшедшим: целую неделю казались мне отвратительными рожи с бакенбардами, шляпы с отворотами и плащи с полинялыми, плисовыми воротниками... Повторяю, я провел в Дрездене две восхитительные недели.

На австрийской границе нас тщательно осмотрели, отыскивая всего более книг и табаку[8]. Последний составляет монополию правительства. С нами ехал честный уроженец Гамбурга, который не позаботился засвидетельствовать своего паспорта у австрийского посланника. Его вынули из кареты и объявили, что он должен возвратиться восвояси. Немец побледнел и чуть-чуть не упал в обморок. Трепещущим голосом стал он уверять чиновников, что у него тесть в Вене болен, при смерти, да и родной его брат умирает, да и лучший его друг, с которым сидели они на одной скамье в школе, тоже не очень хорошо себя чувствует, да и сам он давно уже страдает завалами и едет совещаться с венскими докторами. Его пропустили до Праги, где он целые дни бегал по канцеляриям, выхлопатывая позволение ехать далее, и, кажется, выхлопотал.

С самого Любека не встречал я города, более Праги наполненного легендами, преданиями и памятниками старины, потому что в северной Германии реакция Лютера была так сильна, что уничтожила все это[9]. В церквах я ничего не находил, кроме портретов протестантских предигеров* около алтарей, с строгими лицами и книжками в руках[10]. Здесь что шаг, то легенда. Вот место на мосту, с которого низвержен был в реку св. Непомук, покровитель Богемии, обозначенное врезанным в камень крестом с пятью звездами, и проходящие снимают шапки и благоговейно дотрагиваются до него. Вот окна дворца, откуда при начале Тридцатилетней войны выброшены были депутаты[11]. Вот башня Делиборки[12]; там, под горой дворец и сад Валенштейна, а вдали Вышгород, где жил Либуша; самая кафедральная церковь св. Вита, первая церковь

* Предигеров (от *нем.* prédigen) — проповедников.

на пути моем, светлого, легкого, прозрачного, так сказать, готизма, наполнена надгробными памятниками прежде бывших Богемских королей и другими остатками старины. Это объясняет, отчего чешское племя сделалось теперь представителем славянизма в Германии, и старание писателей и ученых Богемии о сохранении народности и языка[13]. Я весьма сожалею, что не был у Ганки[14]: всех русских принимает он как родственник, дает им Краледворскую рукопись[15] и берет с них обещание выучиться по-чешски. До сих пор мало еще примеров, чтоб сдерживали слово. Кстати о славянизме. В Вене познакомился я с профессором Срезневским[16]. Человек этот совершает подвиг европейский: от Балтийского моря и до Адриатического изучает он славянские племена, их наречия, обычаи, песни, предания, и большею частию пешком, по деревням и проселочным дорогам. Теперь он в Вене доучивается по-сербски и потом собирается обойти Иллирию, Далмацию и Черногорию. Особенную прелесть его составляет необычайная, германская любовь к своему предмету. Он решительно убежден, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и с восторгом показывал нам карты, говоря, каким образом соотчичи наши разлились от Померании до Венеции. За две станции до Венеции есть еще славяне, в Австрии их 18 миллионов. Турция почти вся состоит из них, и, по остроумным его доказательствам, даже вся полоса Европы от Рейна принадлежала некогда славянам. Он будет обладателем богатейших фактов, с помощью которых и объяснится, наконец, наша народная физиономия.

О библиотеках скажу вам, что здесь одна только библиотека в городе имеет право давать книги для чтения[17]: все прочие ограничены продажею, которая, разумеется, не может быть велика. О многих творениях, известных всей Германии, и помину нет[18]. Это очень легко объясняется совершенным равнодушием общества к литературе и литераторам. Говорят, надворный советник Грильпарцер[19] много вредит службе своей страстью писать трагедии. На Анастасия Грюна (графа Ауерсперга)[20] даже смотрят пугливым оком. Всякий, напечатав статьи в заграничной немецкой газете без предварительной цензуры, платит 100 червонцев (1000 рублей), кроме других могущих быть оштрафований. Впрочем, все эти вещи и разные другие требования здесь должны откинуться в сторону, ибо в Вене живется совсем инаково, чем в остальной Германии. Чудно хорошо живется в Вене! В католических государствах Германии нет того, что называется maisons de joie*; от этого образовались здесь два класса женщин: для одного из них (pour les femmes galantes**) во всех концах города даются публичные балы под всевозможными наименованиями; для них играют оркестры Страуса, Ланнера, Морелли[21] и др.; для них отделываются великолепные мраморные залы; для них на всех перекрестках приклеиваются чудовищно гигантские афишки, с извещением о рококо-бале в Сперле[22], о сувенир-бале в Бирне[23], о флора-бале в Элизиуме[24]. Не буду описывать вам всех этих зал и балов,

* Дома веселья (*франц.*).
** Для женщин легкого поведения (*франц.*).

на которых даже можете быть в сюртуке, платя бездельную сумму за вход: довольно сказать, что вы очутитесь вдруг в центре интриги, волокитств, значительных взглядов, красноречивых улыбок, ревностей, притираний и проч. и проч. Свобода нравов в высшем избранном кругу тоже не подлежит сомнению, и бедная Италия совершенно понапрасну несет упрек в безнравственности и необузданности страстей: любовные сплетни и происшествия составляют насущный интерес всех голов, цель существования многих, и если вы прибавите к этому великолепие аксессуаров, утонченные формы обращения, пышность магазинов, экипажей, костюмов, движение, которое сообщается от необходимости искательства, то поймете, что все это может иметь жизнь и прелесть. Репутация Вены, как музыкального города, вся лежит на плечах Ланнера и Страуса и на бесчисленных их вальсах и галопадах. Опера же плоха; знаменитые музыкальные произведения даются раз в год обществом любителей музыки. В комедии отличается Ларош [25] и прелестная Нейман [26], и при новых пьесах Бурга-театр [27] посещается отборным обществом: это поселяет какое-то особенное соревнование в актерах, так что группа действительно может назваться хорошею, хоть недостаток понятий об искусстве заметен и тут в ломании и коверканьи образцовых драматических произведений. Но не Бург или не императорско-королевский театр составляют физиономию Вены, а ее три народных театра [28], где на народном наречии даются фарсы, местные пьесы, волшебные представления, где царствует каламбур нечесанный и где гомерический хохот гремит постоянно с 7 часов вечера до 10 включительно. Герой этих театров есть актер и писатель Нестрой [29]. Пьеса его «Zu ebener Erde» * известна в Петербурге. Мало-мало даже самый низкий класс народа причастен этому вихрю удовольствий: в кабаках даются Abendunterhaltungen **; тут на столе, по концам коего стоят сальные свечи, Пизарро машет руками, бьет себя в грудь, а индианка в соломенной шляпке с красным пером вынимает красный платок и всплакивает. Публика из извозчиков и носильщиков хлопает в ладоши и по окончании пьесы бросает гроши в жестяную тарелку Пизарро.

Такова Вена...

V

Рим. 28-го апреля 1841 года.

Вот я и в Риме; а как сюда попал, сейчас увидите. 9-го марта выехал я из Вены по дороге в Триест, и на другой день были мы уже в Альпах. Этот отпрыск знаменитых швейцарских Альпов имеет счастье заключать в себе несколько бедных славянских племен, которые вот уже несколько веков решительно больше ничего не делают, как живут, да впрочем, судя по всеобщей бедности и по количеству нищих на дороге, для них, кажется, и это не безделица. Мы проехали Стирию [1], Иллирию [2], оставив направо Коринтию [3], а налево Венгрию, с другими славянскими провинциями. Тут впервые увидал я босую женскую ногу и сказал: «Ну, вот мы и

---

* «На первом этаже» (*нем.*).

** Вечерние представления (*нем.*).

дома! Этой вещи не случалось мне видеть с самого Мурома...» Также любовался я влиянием, которое имеет на физиономию этого племени Германия — с одной стороны, Италия — с другой. В первой половине вы увидите славянина, флегматически запустившего руки в карманы штанов и представляющего такую антиславянскую фигуру, что, конечно, она должна привести в отчаяние всех наших профессоров-славянофилов [4]. Слыханно ли, чтоб славянин запускал руки в собственные свои карманы?.. Во второй половине, ближайшей к Триесту и Италии, вы уже встретите куртку, живописно брошенную на одно плечо, ленты на шляпе и в петлицах и сильный жест. Так как вскоре показался и классический очаг, то мне хотелось испытать, истину ли повествуют историки о том, что чужестранец, севший у очага, имеет право на все в доме. Я выбрал для пробы краинку, чрезвычайно красиво одетую: юбка ее сходилась в бесчисленных складках назади, верхнее платье состояло из куртки, распахнутой спереди и вполне открывавшей грудь. Белый платок на голове и белый передник довершали костюм. Вот я и сел у очага. Ничего не вышло! Врут историки.

Что касается до гор, то суровая красота их надолго останется у меня в памяти; потом я переезжал Аппенины, но это сад, как увидите после, где волканические скалы служат только рамой плодоносным долинам, усеянным виноградниками, фруктовыми деревьями и орошаемым ручьями и речками, которые текут с этих гор в Адриатику и в Средиземное море в бесчисленном количестве. Здесь совсем не то: строго и мрачно смотрят на вас горы; иногда подходят так близко, что, кажется, сдавят вас; иногда образуют вокруг вас колоссальный амфитеатр, и несколько раз говорил я: «Да как же мы выедем отсюда?» И всегда случалось, что у самого предела вдруг открывается дорога по скату горы, выводит в новую смычку их и открывает новые сцепления скал: это насладительно! Разрушенные замки стоят на страшных высотах везде, где только есть крутой поворот дороги, ущелье, выезд на долину: они походят на заставы, и действительно, замки были таможни средних веков, где собиралась пошлина. Жаль только, что количество ее не было определено и что всякий, получивший удар мечом плашмя, мог иметь свою таможню. Случалось так, что башня, зубчатая стена и донжон * с пустыми окнами поутру стоят прямо против тебя, в полдень косо поглядывают на тебя сбоку, а вечером долго, долго преследуют во всю длину дороги... Даже и страшно сделается, и думаешь: да чего же хотят они от меня, господи боже?.. Несчастно то племя, которое несколько веков жило под таким надзором!

Умные люди говорят, что природа состоит из звуков; умные люди говорят правду: это особенно заметно в горах. Ночью, когда остановишься, непременно слышишь: где-нибудь катится водопад, где-нибудь шумит источник, или воет ветер, или что-нибудь да делается. Меня приводило в отчаяние одно обстоятельство: мы были за четверть мили от Триеста, но ни Триеста, ни моря, которое тут значится по моей дорожной карте, и признаков не было. Все горы и горы, и вдруг мы круто поворо-

* **Донжон (*франц.* donjon) — башня.**

тили в сторону: город, голубая Адриатика, противоположный берег Истрии и Далмации лежали под ногами нашими. Это было так неожиданно, что произвело на меня даже болезненное впечатление. Англичанин, ехавший со мною, захлопал в ладоши. Здесь часто случается, что самое сильное чувство приходит внезапно, не возвещенное ни «путеводителями», ни путешественниками. Зигзагами стали мы спускаться с гор, и тут каждая точка в пространстве, можно сказать, изменяла ландшафт, выказывая его со всех возможных сторон, при всех возможных освещениях, почти так, как делает художник с моделью; а по мере того, как подвигались мы ближе к Триесту, свежий воздух гор наполнился теплотою. Въехав в город, мы были уже в средине полной, совершенной весны: чудо! Нынешний год не весна пришла ко мне, а я нагнал весну. В эту минуту, как пишу к вам, весна уже осталась за мною: я перескочил через несколько страниц календаря; понятно, что и поэтическое в путешествиях составляет именно это фантасмагорическое изменение костюмов, нравов, языков и даже климатов перед глазами вашими... Впрочем, полно с описанием природы...

В Триесте я остановился в том трактире, где был зарезан Винкельман[5]. У меня есть маленькие, практические истины для домашнего обихода, в числе которых не последнее место занимают следующие: смело останавливайся в том трактире, где был зарезан человек; нанимай всегда того извозчика, который уже раз опрокинул седоков; из двух дорог всегда выбирай ту, где случилось несчастье: это самая безопасная, и проч. В трактире показывают софу, с которой уже более не встал великий антикварий, и комнату, где была постель слуги, весьма колесованного. Говорят, что причиною злодеяния была столько же корысть, сколько и личное мщение за дурное обращение и угрозы. Памятник Винкельмана, в сооружении которого приняли участие почти все государи Италии, стоит на кладбище в старом городе, на горе, рядом с кафедральною церковью, обращенною из языческого храма, и где сохраняются еще четыре древние колонны в стене башни и старый жертвенный камень за главным алтарем. Кроме этого да римских цифр на шапках австрийских солдат, ничего примечательного из древностей не видал я. Гораздо лучше грязного, старого города новый, чистый, расположившийся у самого берега. Он объясняет вам лучше всякого трактата, каким образом в древнем мире цивилизация, торговля и художества переходили из города в город, из государства в государство, из одной части света в другую. Вот стоит он на десять часов езды по морю от Венеции, имеет, как портофранко[6], одинаковые права с нею, а между тем вся торговля Адриатического моря у него в руках, и покуда старые дворцы Венеции падают и разрушаются, здесь каждый год воздвигаются новые. Есть какое-то особенное удовольствие видеть в таком близком расстоянии друг от друга жизнь потухающую и жизнь зарождающуюся! Жаль только, что по чисто практическим элементам своим, по характеру нации, которой принадлежит, никогда не будет иметь Триест той теплоты красок, того яркого колорита и поэтического блеска, какие Венеция сохраняет даже до сих пор.

В Венецию прибыл я на пароходе 14-го марта нового стиля и встал ранехонько, во-первых, для того, чтобы не пропустить восхождения солнца

на море, а во-вторых, чтоб посмотреть, как станет выплывать из воды этот чудный город; но солнце на этот раз всходило так туманно и обыкновенно, что я предпочитаю этому восхождению таковое же в балете «Сильфида»[7]. Впрочем, оно и естественно: там больше издержек. Город выказался удивительно. Сперва проехали мы остров Лидо, где Байрон держал верховых лошадей и гулял по берегу моря; с одного холма этого острова направо видна необозримая пелена Адриатики, налево Венеция, плавающая на поверхности воды, как мраморная лодка, по выражению Пушкина. Потом мы вступили в канал св. Марка, а через несколько минут, оставив вправо Сан-Жоржио с церковью постройки Палладио, пароход наш остановился при входе в Большой канал, эту удивительную улицу Венеции, где мраморные лестницы готических, мавританских и времен Возрождения дворцов вечно обмываются волнами моря, мутными и зелеными в канавах, как будто с досады, что отвели их от родимого, широкого ложа. С борта парохода направо красовались перед нами площадь св. Марка, ее собор в византийско-арабском вкусе, знаменитая колокольня, дворец дожей с двойною колоннадой, темница, мост Вздохов и на первом плане две гранитные колонны, вывезенные из Архипелага; адриатический лев блистал на одной, статуя св. Феодора, попирающего крокодила, — на другой. Гондольеры окружили нас со всех сторон, с черными своими лодочками, которые летают по воде так легко, как птицы. Я порывался на берег; но австрийские чиновники осматривали наши паспорты; наконец, все формальности кончились, гондолы примчали нас к великолепной пристани Пиацетты, и вот я очутился на площади св. Марка, которой, по признанию всех туристов, нет подобной в Европе.

Вообразите несколько продолговатый четвероугольник, вымощенный плитами, окруженный с трех сторон великолепнейшею галереей (тут кофейни, лавки, магазины, в верхних этажах жили прежде прокураторы[8] св. Марка или чиновники республики), а с четвертой замыкающийся собором св. Марка. Его огромные, тяжелые куполы, его византийские арки, украшенные мозаиками, его порфировые, яшмовые и разноцветных мраморов колонны, четыре коня, вывезенные из Ипподрома константинопольского и блистающие над фасадом, его мавританская терраса и готические спицы и украшения, — все это составляет такое роскошное смешение всех вкусов, что, право, походит на волшебную сказку. Художники считают эту церковь одним из чудес Европы; колокольня стоит на площади и несколько в стороне, и площадь таким образом, особливо при ярком освещении кофеен, магазинов и лотков с апельсинами и фруктами, кажется вам огромною, гигантскою залой, которой потолком служит небо. Вторая площадь, известная под уменьшительным именем Пиацетты, примыкает к первой и состоит из продолжения той же великолепной галереи, поворачивающей к морю, из Дворца дожей, двух колонн, упомянутых мною, перед ним и темницами за ним. Темницы и дворец соединяются крытым мостом, как наш Эрмитаж, и этот мост называется Ponte dei Sospiri (Мост вздохов). Сюда, на эти две площади, следует присылать всех тех, которые страдают отсутствием энергии, жизненным застоем, так сказать. Когда итальянское солнце ударит на все эти фантастические постройки, боже

мой, сколько тут огня, блеска, красок! Почти нестерпимо для северного глаза, и в этом отношении один только Рим может сравниться с Венецией; но в Риме это нежнее, и притом же, чтобы вполне понять игру света и тени в великолепных его руинах, надо иметь, что называется, художническую душу. Здесь это падает на вас почти с силою какого-нибудь физического явления — грома, дождя и проч. Их нельзя не чувствовать. Прибавьте ко всему этому, что вечный праздник кипит на этих площадях. Шум и движение в северных городах не могут дать ни малейшего понятия о крике, говоре, песне итальянца. Не правда ли: там производит их какой-нибудь посторонний, чисто материальный двигатель, а если и бывает минута душевного веселья, так это вещь наносная, скоропреходящая. Здесь для этого только живут; веселье постоянно, так постоянно, что всех обратило в нищету. Кто-то сказал, что в Венеции работают одни только присужденные к галерам: это правда. В моральном отношении это дурно: но зато какая чудесная выходит площадь, как полна жизни, как музыкальна! Грешу я, может быть, но мне всегда приятнее смотреть на человека, который веселится, чем на человека, который работает. Таково первое впечатление от Венеции, несколько, как изволите видеть, многословное.

Присматриваясь ближе, душа ваша начинает настраиваться на байроновский лад плача и рыдания: вы увидите, что окна великолепных дворцов Большого канала забиты досками, величественные постройки Палладио [9], Лонгена [10], Сансовино [11], принадлежавшие этим купцам-царям, обращены в почты, трибуналы, полицию; на готических балконах, на мраморных каминах висит черное белье нищеты, не имеющей другого пристанища, кроме опустелых палат. Притом же, немецкий элемент, выгнав многое характерное, не мог привить здесь ничего своего, кроме разве некоторой регулярности в правительственных мерах, собственно от него одного зависевшей. Октавы Тасса [12], например баркаролы-пуф! Они остались в романах, операх да воспоминаниях. Изредка богатые англичане еще отыскивают за деньги увядшие цветки эти; но песня за деньги принадлежит статистике, как промышленность, а не поэзия, куда отнесена она, помнится, и г-м Рижским [13]. Да вот еще что: идти назад — в Европе значит остановиться; здесь же это значит возвратиться, бог знает, к какому веку. Чудеса поминутно! В Ферраре, в церкви св. Стефана, надписи обещают 200 и 600 лет индульгенции [14] в чистилище за три патерностера * в известном месте храма, и проч. Одна старуха набрала таким образом 8700 лет прощения; говорят, что отчаяние ее при смерти от того, что не успела достигнуть круглого числа десяти тысяч, было очень трогательно.

Здесь на площадях и в часовнях выставляются картинки, где странным образом участвуют лица, уважаемые церковью, и особенно Мадонна: то является она служанкой у изголовья больной, призвавшей ее на помощь, то поддерживает телегу, опрокинувшуюся на возницу, и проч. Когда я посещал церкви, где бронза конных статуй над гробами почивших дожей (как, например, в церквах Жиовани и Паоло, dei Frari) или одна часть драгоценнейших камней (как, например, в церкви dei Scalzi, по-

* Патерностер (*лат.* Pater noster) — Отче наш, молитва.

строенной знаменитейшими фамилиями Венеции) могли бы обогатить обнищавших потомков их, странствующих теперь по разным государствам Европы, — когда, говорю, я посещал эти церкви, мне думалось: «Верно есть что-нибудь для отвращения глаз венецианцев от всегдашнего созерцания их упадка», и узнал, что для этого есть театр «Фениче»[15]. Театр в Италии решительно есть политическая мера, как газета в остальной Европе. С девяти часов вечера великолепная зала его наполняется народом: тут поет удивительный Ронкони[16], и тут же позволяется итальянцам проявить свое индивидуальное значение, а также вылить и накопление желчи, вредной для здоровья, в свистках, шуме, шиканьи при малейшей оплошности певца, хотя два солдата с ружьями и стоят по обеим сторонам оркестра[17]. К несчастью, при мне жертвой дурного расположения духа потомков лепантских победителей[18] сделался наш Иванов[19]. Давали новую, весьма плохую оперу туземного композитора. Ронкони, привыкший вывозить на плечах нищенские произведения новых итальянских композиторов, блистал на первом плане, развертывая перед публикой, взамен пустоты сочинения, всю силу и гибкость своего голоса (баса). Иванов, с небольшим, слабеньким голоском, был им совершенно уничтожен, закрыт. Бедный хотел подняться, стал форсировать, что называется, взял несколько фальшивых нот и был покрыт шиканьем и свистом. Сложив руки на груди и опустив голову, он принял эту бурю с таким выражением грусти и покорности, что мне сделалось больно на душе... Вообще шиканье и свистки в театре мне не нравятся: они делают из актера какого-то поденщика сотни пустых голов, собравшихся в партере, и совлекают с него совершенно достоинство артиста.

Не безызвестно вам, что на свете есть венецианская школа живописи[20], отличающаяся теплотою колорита, светлостью создания и драматическим элементом в картинах. Все церкви Венеции наполнены ее произведениями, которые много терпят там от сырости. Во Дворце дожей она изобразила всех этих стариков в мантиях и шапках остроконечных, которые то стоят на коленях перед изображением Мадонн, благословляющих их, то коронуются прекрасною женщиной, называемою Венецией, то принимают посланников, то сражаются, — так что весь этот дворец, покрытый сверху донизу картинами, есть не что иное, как длинный и несколько утомительный панегирик бывшим властителям. Из этого следует исключить только удивительную «Венеру» Тициана, «Похищение Европы» Паоло Веронезе и «Рай» Тинторетта; но дворец имеет совершенно другое значение... Великолепною лестницей, которая называется Лестницей гигантов и на площадке которой короновались дожи, вступаешь в верхнюю галерею и на противоположной стене видишь два отверстия: тут были львиные пасти, куда клались доносы. Их было множество во всех концах города. До сих пор сохранилась одна в полной красе своей на стене церкви св. Мартина с надписью: «Для тайных доносов против неуважающих церкви и бласфематоров*». Другою лестницей, именующейся Золотою, входишь в залу пятисот. Наверху ряд портретов дожей и черная пустота там, где

* Бласфематоров (от *франц.* blasphemateur) — богохульников.

следовало быть портрету Марино Фальери, с надписью: «Вместо Марино Фальери, казненного за преступления[21]» (pro criminibus). Рядом зала избрания дожа, с готическим балконом, на который выходил новоизбранный, и человек, поднявшийся на самый спиц колокольни св. Марка, стремительно спускался к нему по веревке, вручал букет цветов и исчезал таким же образом. Когда аристократия почувствовала необходимость сжаться для сохранения влияния своего, она ограничила совет 200. Вот мы проходим залу этого совета с троном герцога, и другую залу, где принимались посланники. Через коридор или комнату, известную под названием Четырех дверей, вступаете вы в самое страшное отделение дворца: полукруглая комната, в которую входите через одну из дверей, есть Совет десяти, этот ужасный Совет десяти, разивший невидимо, как судьба, знавший, как Орлеанская дева, тайны чужой молитвы и настигавший преступника, как божий гром, везде и всюду. Небольшою комнатой, где каждое утро отворялся маленький шкапик и вынимались доносы, положенные с наружной стороны, переходите к венцу правительственных форм этой грозной республики. Когда уже и Совет десяти казался слабым и недостаточным, когда признали за нужное еще более централизовать тиранию, образовался Совет четырех, заседавший рядом с пыточною комнатой. Не стану описывать все ужасы, которые рассказывают здесь про эту комнату... Пятью или шестью ступеньками поднимаешься в залу инквизиторов, и дверь, которую видишь налево от себя, отворяется на лестницу, а эта лестница ведет под крышу, в свинцовые темницы!

Таким образом, обойдя дворец, вы получили первые черты истории Венеции. Свинцовые темницы, где заключенные всего более должны были страдать от нестерпимого жара, скоплявшегося в этом чердаке, разделенном на множество клеток, еще ничего не значат в сравнении с так называемыми венецианскими колодцами. Строение, собственно определенное на них, обращено в темницы уголовных преступников и закрыто от любопытства путешественников. Мост вздохов, ведший к нему из дворца, заколочен, и только осталось предание в народе, что он был разделен глухою стеною надвое для того, чтоб преступники уводимые не могли встречаться с приводимыми. Итак, вы должны довольствоваться только теми колодцами, которые находились в подземельях самого дворца. Хороши и эти! Представьте себе собрание каменных склепов, где своды, кажется, лежат на самой груди вашей, где самый отчаянный плач человека не мог пройти сквозь толщу окон и двойные железные двери даже за порог их и должен был возвратиться опять к тому, от которого вышел. Верхнее отделение определено было для легких преступников и для преступников, подлежавших суду Десяти. Осужденные инквизицией погребались во втором отделении и уже не выходили оттуда. Тут стояло и роковое кресло, прекращавшее страдания истерзанного пытками преступника одним поворотом колеса, к которому привязан был конец веревки, между тем как другой лежал на шее человека. Огонь в темницы эти вносили только на час, когда давали заключенным хлеб, и с помощью этого радостного и мимолетного гостя несчастные еще чертили гвоздями свои мысли и ощущения на сводах каменных гробов своих. Один выскоблил изображение церкви и

надписал: «Santa Maria, ora pro nobis!»[22] Другой начертил четверостишие, которое при свете факела, при чувствуемой во всех членах сырости от стен и пола, показалось мне драматичнее всего, что я слышал. Вот оно в прозаическом подстрочном переводе: «Не доверяй никому, молчи и думай, если хочешь избежать коварных, подстерегающих тебя шпионов! Раскаяние, раскаяние! .. Ничто не поможет! Но вот случай тебе доказать истинное свое мужество! ..» Когда вышел я на белый свет, вздохнул свободнее и совершенно помирился с нынешним упадком Венеции. Необходимость и разумность его мне сделались понятны, и я решительно вылечился от охов и вздохов, которыми все путешественники, по следам Байрона, оканчивают толки о чудном городе.

Первую станцию от Венеции сделали мы промежду лагун, в огромной гондоле, и вышли на твердую землю в Фузино. Здесь началась Брента, светлая Брента, берега которой усеяны дворцами, загородными домами бывших вельмож венецианских, садами и деревнями вплоть до самой Падуи, города, которым венецианцы управляли посредством подесты[23]. На другой день переехали мы Адиж. День был праздничный, все было разодето, и до Феррары ехали мы как владетельные князья, которым приготовлена встреча, промежду высоких лиц, колокольного звона и пестрых костюмов. Женщины сохранили здесь что-то античное в наряде: волосы, завитые спереди, и вуаль, покрывающий голову и спускающийся красиво вниз, как у новобрачных наших. Мужчины были в чулках и башмаках с пряжками и распашных куртках, выказывавших и грудь, и шею, легко и живописно перевязанную пестрым платочком.

За полмили от Феррары переехали мы По, реку, известную красотою берегов своих, разлитиями своими и шарадами князя Шаликова[24]. Представьте себе, во все время переезда у меня только и было в голове: мое первое — река в Италии... На противоположном берегу начинались уже церковные владения, и только что ступили мы на землю, как два папские драгуна верхами стали по обеим сторонам кареты, другой военный таможенный чиновник сел в самую карету. С этим почетным кортежем прибыли мы и в Феррару. Первое дело было кинуться ко дворцу, где жила прекрасная Леонора д'Эсте[25]. Господи! Глазам моим представился самый суровый, самый строгий замок, в котором когда-либо обитала красота: четыре тяжелые, трехэтажные башни по углам, подъемные мосты, ров, огромные стены, с платформы которых подымались собственно жилища с неправильными своими окнами и балконами. Угол, где жила герцогская фамилия, занят теперь кардиналом-легатом[26]; из тех окон, откуда смотрела Леонора и придворные дамы ее, выглядывала строго и подозрительно монашествующая свита кардинала. Я стоял долго перед этим замком и думал: Тасс должен был перейти эти подъемные мосты, миновать вооруженную стражу и очутиться в крепости, наполненной придворными и слугами; разумеется, ему было тесно. Больница св. Анны находится в нескольких шагах от замка по большой улице и ничего не сохранила от прежнего вида, кроме темницы Тасса, запрятанной теперь в темном углу коридора. Прямо перед нею находился садик, и тотчас из него была дверь в темницу, изрезанная, исписанная, исковерканная, чуть-чуть не искусан-

ная путешественниками, особливо англичанами. Байрон собственною своею аристократическою рукой вырезал гвоздем на соседственной стене пять букв своей фамилии. Этой дверью входите вы в сырой погреб; чичероне показывает вам на противоположной стене замурованное окно, у которого узник проводил целые дни, смотря на замок, один кирпич старого помоста, место, где была кровать, и говорит: «Вот темница Тасса!» Что всего более удивляет меня, так это отсутствие природы между Леонорой и Тассом: тут нет, да и не могло быть ни дерева, ни ручья, ни уединения, ничего такого, что так необходимо для любви и к чему мы так привыкли в изображениях несчастной любви Торквато драматиками[27]. Вся жизнь тогдашнего времени текла в городах, стенах, промежду камней и полная шума, происшествий, интриг, любви, ревности и даже поэзии: в этом водовороте Тасс и погиб. Мы, северные люди, не можем себе вообразить влюбленного поэта без голубого неба над ним, цветов и солнца, а любовь в тогдашней Италии, напротив, связана была с потаенной дверью, решетчатым окном, спальнею любимой особы, с домом, одним словом, и несла вместе с собою или высочайшее наслаждение, или смерть, а по малой мере — заключение на семь лет и два месяца, как это случилось с Тассом. Даже до сих пор сохранилось в Италии отвращение от загородной, сельской жизни. В Риме произвело оно пословицу: «lontano da cità, lontano da sanità» (далеко от города, далеко от здоровья), и странное явление для северного жителя — с наступлением весны многие переезжают из вилл своих в город.

В Ферраре есть еще строение, принадлежащее истории поэзии: это полуготический дом Ариосто. Он стоит почти в конце города: широкою лестницей подымаетесь вы в спальню и вместе кабинет поэта. Это просторная и совершенно пустая комната, потому что все вещи его, чернильница, кресло, стол перенесены в университет. Из окон вид в поле, и хотя множество построек обогнало уединенный дом творца «Орландо»[28], но все еще видны виноградники, пепельного цвета оливы, вишня, ореховое дерево и чистое, прозрачное небо. Этот человек устроился с жизнью лучше пылкого, несчастного Торквато[29].

На другой день рано утром приехали мы в Болонью, ныне пустую, мрачную и угрюмую, чему много способствовала последняя неудачная ее революция[30], но некогда блестящую и оживлявшуюся 12 000 студентов из всех наций. Первый мой визит, разумеется, был в старый университет ее[31], который ныне реставрируют. Чудная вещь этот университет! Представьте себе потолки и стены лестницы, внутренней галереи, комнат и коллегий, покрытые рисованными гербами лиц, получивших докторскую степень. Места нет, где бы не было львов, дворянских корон, рыцарских шлемов, развевающихся перьев, мечей, звезд и всей геральдической путаницы. Сколько тут гербов, покрытых кардинальскими шапками, герцогскими коронами! Есть даже такие, которые осеняются папскими тиарами и королевскими венцами и лучше всякого описания свидетельствуют о благосостоянии университета, считавшего в числе учеников своих первых людей века. Пестро, весело выглядывают опустелые стены под этою геральдическою сетью, где гербы прославившихся профессоров составляют солнца,

около которых вьются, как звезды, гербы их знаменитых и часто могущественных слушателей.

При выходе из университета вожатый мой дернул меня за полу и прошептал: «смотрите, смотрите: вон идет Россини!» Прямо на меня шел небольшого роста человек, бледнолицый, с маленькими, быстрыми и веселыми глазами и улыбкой. Магазинщики, торговцы и все встречные снимали перед ним шапки. Он шел, как принц, едва успевая отвечать на поклоны и награждая кого ласковым взглядом взамен приветствия, кого улыбкой, кого простым движением руки... Я был увлечен этим триумфом знаменитого маэстро и также снял шляпу: он посмотрел на меня пристально, прикоснулся к полям шляпы и прошел далее, оборачиваясь на все стороны и часто подавая голову вперед, что было каким-то грациозным сокращением поклона. Я долго смотрел ему вслед до тех пор, пока не скрылся он за углом. Россини развелся с женой, живет с какой-то француженкой и, упоенный славой, лестью, всеми благами земли, впал в летаргическое состояние[32] и, как говорят итальянцы, решительно ничего не делает, кроме любви.

Болонья, как и Венеция, имела свою школу живописи[33], которая, явясь после всех, получила в наследство опытность, но потеряла религиозное вдохновение, младенческую простоту и святость, так сказать, живописи, к чему одна партия художников, под предводительством Овербека, старается возвратиться; приверженцы ее носят название «пуристов» от противной партии. В Болонской академии любовались мы произведениями Караччи, Доминикино[34] и «Избиением младенцев» Гвидо-Рени[35], этого щеголя, который говорил, что он имеет сотню манеров заставить женщину смотреть на небо в картине. Это слово всего лучше поясняет самую школу. Тут же стоит удивительная «Сесилия» Рафаэля, которая от всех этих умных произведений отделяется, как вдохновение от работы. Удивительное чудо! Св. Сесилия, заслушавшись хора ангелов, выпускает из рук трубки органа. Кругом ее Павел апостол[36], Иоанн евангелист[37], Августин[38] и Мария-Магдалина[39]. Выражение божественного восторга на поднятой голове ее, конечно, вещь, потерянная для художников нашего века.

Поглазев на две косые башни да осмотрев Campo Santo, или кладбище, где в великолепных галереях и залах размещаются покойники и памятники их грациозно и симметрически, так что со временем это будет второе мраморное народонаселение Болоньи, весьма полезное для истории искусства, — выехал я в Анкону, имея четырех испанских капуцинов[40] товарищами: они отправляются в Сирию для пропаганды и королем своим считают дона Карлоса[41]; Кабрера[42] — великий человек у них, погибший от измены, Эспартеро[43] — пустой честолюбец, без способностей и ума. Королева (которую, между прочим, я видел в Венеции) наказана провидением справедливо за посягательство на монастыри и революционные мысли свои[44]... Они пояснили мне много состояние Испании. Таким образом, беседуя с почтенными братьями, ехали мы в Анкону, имея с одной стороны Адриатическое море, с другой Аппенинские горы, а пространство между ними — занятое садами, зеленеющимся хлебом, виноградниками и

фруктовыми деревьями. Некоторую противоположность с прекрасною природой составили выбритые маковки капуцинов, босые, грязные ноги их, капюшоны, перевязанные веревками, и нестерпимый запах пота, свободно выходивший из пор и открытой шеи, когда сбрасывали они колпаки назад...

В Анконе, полюбовавшись на мраморную арку Траяна, поставленную на берегу гавани, им устроенной, и высоко рисующуюся на небе и вечно омываемую волнами моря, да осмотрев крепость, недавно очищенную французами, я взял ветурина — частную карету. 200 итальянских миль до Рима (итальянская миля немного побольше русской версты) сделали мы в неделю: эта неделя — одна из самых насладительных в моей жизни. Первый предмет на пути моем, подвергшийся осмотру, была Лореттская церковь богородицы. Вы знаете, под великолепным куполом ее стоит святой дом, где жила в Назарете Мария. Этот каменный четвероугольник окружен снаружи другим, каррарского мрамора, на котором горельефы и статуи сивилл и пророков, чудеса искусства времен Возрождения. С наружной стороны окна, где случилось благовещение, алтарь; внутри дома, на месте, где была главная дверь жилища, алтарь со статуей Мадонны из кедра, резьбы св. Луки, засыпанною драгоценными камнями. Великолепные серебряные лампады кругом карниза едва прогоняют мрак этого святилища, в котором вы видите мужчин и женщин, распростертых на полу, и слышите тихий плач и заглушаемое рыдание... Коленки приходящих к Мадонне за помощью и утишением вытерли мрамор наружной ступеньки и превратили ее в желобок. Благочестивое предание говорит, что дом Марии был все время переворотов в Сирии покрыт облаком от нечестивых глаз; потом ангелы перенесли его в Далмацию. Три года стоял он в Далмации, не производя большого влияния на христианский мир; тогда ангелы перенесли его в Лоретто. Иезуиты основали тут монастырь, и богатство всей католической Европы потекло к нему. Французы ограбили церковь и монастырь в 1798 году; теперь, однакож, снова сокровищницы их полнеют, и богатеет сам город, производящий торговлю одними четками, серебряными сердечками, коронками из цветов и другими вещами для приношений знаменитой Лореттской Мадонне.

Но что за природа — удивительно! Надо вам сказать: здесь редко встретишь деревню, которая столпилась бы в одном месте, оставляя поля, ей принадлежащие, расстилаться зелеными степями на необозримом пространстве. Здесь белые домики поселян стоят посреди виноградников, отделенные друг от друга садами плодоносных деревьев, и целая огромная долина являет признак жизни во всех концах своих. Бордюром восхитительной картины, которая представляется сверху, служат горы, а иногда старый римский водопровод, тянущийся на бесчисленных и колоссальных арках своих, как гигантский змей через всю поляну. В Серравале поднялись мы на Аппенины, и когда достигли самой высокой точки их, остальная цепь гор распахнулась перед нами, как будто на время раздвоилось море, и мы увидели дно его. Тут спустились мы в цветущую долину Фолиньо, откуда понесло на нас благоуханием; речка Клипун извивалась, то светясь, то пропадая за зеленью садов, а маленький, необычайно грациоз-

ный храмик Дианы (ныне церковь) стоял как жилище божества-хранительницы этого счастливого места... В Терни видел я природу во всем строгом ее величии. Римляне отвели каналом реку Веллино от настоящего течения ее: река бежала до краю волканической скалы, обрывавшейся пропастью; тут всею массою воды упала она вниз, своротила вековые камни, образовала еще несколько водопадов, подняла облака влажной пыли, зашумела и загремела на всю окрестность и так осталась доныне. Это называется каскадом Терни. Чудо! .. Наконец, у Отрилби, до которого доходили предместья древнего Рима, показался Тибр, три раза извившийся прежде дальнейшего, правильного своего течения. Мы переехали его сперва у Боргето по мосту, построенному Августом, а в другой раз уже под самым Римом через Понте-Молле. Тут вступили мы в Рим, имея с одной стороны Ватикан и купол Петра, а с другой — гору Пинчио, место погребения Нерона. Спустя минут пять проехали мы ворота del Popolo и были в сердце нового Рима, на Corso, улице, которая ведет к Капитолию, римскому Форуму и Палатинской горе, а оттуда уже видны арка Тита и Колизей!

Вот я уже здесь две недели; отыскал Гоголя, который и указывает мне точки для наблюдения [45] в этом море, где век римлян и век Микеланджело и Рафаэля соединились, чтоб сделать его неисчерпаемым. Некоторые говорят, что Рим отживает теперь третий век — английский. В самом деле, англичан такое множество, и все с книжками. Даже дамы, с описаниями и маленькими картами в руках, с очками на носу и придерживая одною рукой платье сзади, лазят на куполы, колонны и глазеют на ганимедов, лебедей и проч. Удивительный город! Раза три в день непременно подымает он бурно всю внутренность, ударит по всем струнам души, и нигде так часто не сходит на человека то, что называется святыми минутами: как же и любят его художники! Но я еще не имею права говорить об этом, не видав и сотой части его. Две только особенности мне ясны: первая — это народонаселение, которое живет на местах древних римлян, не имея ни малейшего права назвать их своими предками, точно как в забытом дворце управитель помещается в самых комнатах владельца; вторая состоит в том, что всякий заехавший в Рим совершенно отделяется от современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле, до сих пор еще наполненной шедеврами древних.

Я опишу вам теперь церемонии страстной и святой недели. В четверг на страстной неделе церковь Петра наполнилась народом. В одной из боковых часовен ее приготовлен был трон со скамейками, которые около двух часов пополудни заняты были кардиналами в красных шапках. У ног каждого из них сел духовный из свиты. Немного подалее, в белом одеянии, помещалось 12 сельских священников, изображавшие апостолов. Ровно в полдень выстрелы с крепости св. Ангела возвестили, что папа выступил из Ватиканских палат своих; он воссел на трон, совершенно закрытый длинною, широкою мантией, концы которой придерживали кардиналы-диаконы, так что видна была одна ветхая голова его, особенно отли-

чающаяся каким-то болезненным, плачущим выражением. Тут кардинал прочел евангелие; другие сняли с него мантию, подвязали фартук, и, окруженный свитой принцев церкви, тронулся он к апостолам, лил из золотой вазы воду на обнаженные ноги их и утирал полотенцем; так свершилось омовение ног, за которым следовало в одной из зал Петра угощение бедных священников. Тихо и не подымая глаз, ходил промежду двух рядов их папа, раздавая плоды, цветы и проч., между тем как принимающие падали на колени и целовали руки его. В среду, четверг, пятницу вечером исполнялись в Сикстинской часовне, после псалмов, папскими певчими те духовные концерты, которые под именем Miserrere [46] так славятся в Европе; но я скажу вам, что мне чрезвычайно трудно было привыкнуть к голосу здешних певцов.

Не упоминая вам о других, побочных церемониях, как-то: бичевании при затушенных свечах у иезуитов, о крещении жидовского семейства у Иоанна Латеранского и о всеобщем покаянии, я прямо перейду к обедне светлого воскресения, совершавшейся самим папою. Начиная с полудня и до ночи, вся суббота гремела выстрелами, которые производились частными лицами в домах посредством петард, маленьких пистолетов и проч. В 10 часов, в воскресенье, предшествуемый кардиналами, швейцарскими латниками в костюмах средних веков, отрядом гвардии своей из дворян, всеми канониками и министрами своими, показался папа на носилках. Народ, наполнявший церковь, и два ряда солдат, стоявших по обеим сторонам шествия, преклонили колена. Так несом он был при трубном звуке и осеняемый двумя павлиньими опахалами до самого алтаря св. Петра, где, сошед с человеческих плеч и воссев на трон, начал обедню. В 12 часов таким же образом внесли его в колоссальное окно главного фасада церкви. Поднявшись в носилках на ноги и рисуясь таким образом всею фигурой своею на темном фоне балкона, дал он благословение городу и миру. Войско застучало в барабаны, раздались пушечные выстрелы с крепости св. Ангела, и когда все поуспокоилось, еще раз поднялся он, возвел глаза к небу и потом, опустив их на тьму тьмущую народа, наполнявшего площадь, новым благословением отпустил всем грехи. Тут полетели с балкона индульгенции и самый лист всеобщего отпущения вниз; народ кинулся ловить... Балкон опустел. Так кончилась церемония, не произведшая на меня сильного впечатления. Гораздо лучше освещение купола Петровского. Вообразите себе на черном небе горящий, огненный пантеон. Как какой-нибудь неслыханный огромный матовый колпак лампы, висел он над вечным городом. В восемь часов была перемена огней. Еще не затих звук башенного колокола, как непостижимым механизмом облился он весь ярким блеском взамен первого нежного блеска своего, и долго за полночь еще видны были струи огненных полос на колоссальных боках его. Это чудо! В понедельник был фейерверк с крепости св. Ангела—Адриановой [47] гробницы. Каскады лились по стенам, на площадках являлись храмы; гром пушек придавал что-то грозное и величественное этому фейерверку, заключившемуся громоносным изображением извержения Везувия. С последнею ракетой кончились торжества, а с тем кончается и сие письмо мое. Будет! Ужаснейшее письмо, когда-либо писанное человеком! Но чудо-

вищная длиннота его должна вам показать, как хотелось бы мне говорить с вами. Неужто не вызовет оно ответа с вашей стороны? Адрес мой, и проч.

VI

Флоренция. 3-го сентября 1841 года.

Не знаю решительно, с чего вам начать россказни мои. К чему ни повернусь, везде надо говорить долго; предметы толпятся в голове, и ни одному нельзя дать преимущества перед другим: столько разных костюмов, столько разных обычаев, столько чудес разных цивилизаций — древней, XV столетия, арабской — видел я, что, право, нахожусь в положении, начиная это письмо, тех дельфинов и драконов, которые в запустелых бассейнах и садах стоят целые годы с разинутыми ртами, не выплескивая и капельки водицы. О, только бы переехать мне Альпы! За ними письма писать к друзьям уже ничего не значит. Там уже нет этого множества тысячелетий, оставивших заметки, этого мелкого разделения одного народа на множество ветвей совершенно различных и, наконец, этой роскоши гениальных произведений, которые обступают вас, как только беретесь вы за перо, как дети, когда гувернер делит им фунт конфект и когда, выведенный из терпения, принужден бывает закричать: «Отойдите, никому ничего!» За Альпами живешь на почве совершенно известной, определенной, разложенной и оцененной, ясно видишь движение умов, знаешь, откуда началась каждая партия и куда идет. Стоит только в хороший, солнечный день надеть зеленые очки да выйти на улицу или даже и не выходить, а просто посидеть у ворот часочек, и дело кончено: письмо готово. Уже не говорю про то счастливое время для корреспонденций, когда на свете было только 7 чудес...

Я прожил в Риме три месяца: характер города много способствовал к тому. Вообразите себе, что на свете есть столица, куда надо приезжать для того, чтоб войти в самого себя и жить в каком-то благородном и плодовитом уединении, посреди древности и произведений искусства, из которых многие — граница творчества, за какую уж и не перейдут люди. Голос Европы доходит сюда ослабленный и едва внятный; но это не китайское отъединение от всеобщей жизни, а что-то торжественное и высокое, как загородный дом, где работал великий человек. Иногда казалось мне, что Европа нарочно держит этот удивительный город, окруженный мертвыми полями с остатками водопроводов, гробниц и театров, как виллу свою, куда высылает она успокоиться сынов своих от смут, тревог, партий и всякого треволнения. Кроме художников, сюда приезжают все раненые на великих побоищах Европы: здесь живет Дон-Мигуэль [1], да здесь же жила и Летиция [2], Наполеонова мать, и всякий раз, как совершался великий переворот, из Европы пропадает вдруг какое-нибудь громкое имя, а в Риме тихо и незаметно появляется новое. Отсюда Гёте вынес последнее свое аттическое, художническое воззрение на жизнь [3]. Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, советникам, поехавшим прогуляться немного, и проч.! После великого восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, бесконеч-

ных, как мне удалось слышать, да посещения ночью, с двумя факелами, Колизея, — хоть удавиться от скуки. Я несколько раз был вопрошаем: что вы делаете здесь так долго? И доходили до меня слухи, что великая эта задача ими же самими и была разрешена следующим образом: у него здесь есть любовишка. А я между тем жил рядом, стена об стену с Гоголем и в сообществе трех или четырех русских художников[4], которые, можно сказать без пристрастия, при нынешнем направлении живописи к картинам нравов или случайностей (tableaux de gerne *) и вообще умельчании искусства, одни только и работают, что называется, по мере сил. Довольно упомянуть о колоссальных трудах гравера Иордана и живописца Иванова, которого «Магдалина» осталась в памяти даже у петербургской публики. Первый уже четыре года трудится над эстампом с «Преображения» Рафаэля, и, может быть, столько же годов осталось для окончания этого подвига; но тогда Европа будет иметь эстамп с этого чуда Рафаэлева, за которым застала его смерть, эстамп, какого до сих пор у нее нет и не было. Я видел как самую доску, так и рисунок: кажется, невозможно сделать копию более верную и более оживленную духом оригинала. Иванов пишет картину «Появление Мессии»[5]. Множество групп, уже приявших крещение у Иоанна Предтечи, и несколько лиц, ожидающих его, вдруг поражаются словом учителя, который, простирая руки, с вдохновенным взором указывает им вдали на тихо приближающегося Иисуса: «Се Человек, у которого недостоин я развязать и ремень сапога!» Видно электрическое действие этого движения на всех лицах, которое переливается и на зрителя, знающего, что с этого времени начинаются проповеди Иисуса и наша религия... Что еще сказать вам? Одно разве: при всем разнообразии этих лиц нельзя не быть поражену естественностью всех их поз и какою-то эпическою простотою целого, которая так хорошо согласуется с евангельским рассказом. При мне также Пименов и Логановский, два русских скульптора, прославившиеся в Петербурге статуями Бабочника и Сваечника[6], начали вырубать из мрамора новые свои произведения, первый — мальчика, просящего милостыню и так грациозно почесывающего в голове, так нехотя протягивающего руку, но так убедительно смотрящего, а второй — прелестного Абадонну, в тяжелой грусти опустившего голову на грудь и полного печальных мыслей, которые, однакож, нимало не изменили пластической красоты его лица и всех форм...

Однакож я ушел в сторону, а еще заклятие давал себе не распространяться. Назад, назад! Итак, с ними-то жил я... И мы проезжали уединенные римские поля и были в горах, с которых вид на поля — что на море, с тою разницей, что никогда море не навеет на вас такого расположения духа. Были во всех этих местах, прославленных красотами природы, историческими воспоминаниями, дворцами и виллами папских племянников, Альбано, Фраскати, Тиволи, Субиако, и, наконец, углубившись еще далее в горы, на границе Абруццов, в городах, которые лепятся на вершинах скал, к которым нет дорог и где только один способ

---

* Жанровая картина (*франц.*).

сообщения известен: это верхом на осле. В этих городах встретили мы народонаселение совершенно дикое, едва знающее употребление монеты и, кажется, только сейчас вышедшее из первого состояния человека естественного, à la Rousseau [7]. И это рядом с Римом! Да что! В Сабинских горах есть еще деревни, где говорят по-латыни! Но со всем тем нельзя же даром жить на классической почве; как нынче, так и за несколько веков, люди и народы, приходившие в Рим, всегда уносили еще что-нибудь, кроме богатства его. Это моральное влияние Рима на народ, теперь обитающий около него, отразилось в общности его характера, имеющего что-то гордое, независимое, и проявилось в эстетическом вкусе, ему врожденном. Последнее качество всего более выказывается в празднествах, да не в тех, которые имеют какой-то официальный характер, как торжества святой недели, празднуемые больше, кажется, для иностранцев, чем для Рима, а в национальных праздниках июня месяца [8], когда знамена с изображением мучениц развеваются по ветру, капуцины со свечами в руках тянутся в длинных процессиях, проповедники на всех углах площадей поучают народ, и на улицах стреляют из петард. Какие тут встречаются женские лица, какие костюмы, и что иногда делают самые незначительные деревнюшки, так просто чудо! Так, например, в Женсано [9] мостовая, по которой идет духовная процессия, расчерчивается в прихотливые фигуры мелом: по ним сыплются разнородные цветы; в числе этих фигур есть гербы папы, кардиналов, львы, арабески, все из цветов. Мостовая вдруг покрыта великолепным ковром, который, уж без всякого сомнения, превышает все ковры в мире яркостью красок. Едва только минует процессия, как все это количество роз, маку, лилий смешивается и составляет какую-то мраморную груду. Где же это выдумается, скажите пожалуйста, кроме Рима? Буйные порывы римской черни, случающиеся очень часто и напоминающие времена итальянских республик средних веков, значительны еще тем, что это обыкновенно осуждение какого-нибудь преступления, не подлежащего законам. Так, когда принчипе Дориа [10] обольстил девушку обещанием жениться на ней и привел ее к смерти обманом и изменой, народ своротил погребальную процессию жертвы с настоящей дороги и заставил ее пройти мимо дворца принчипе, который, после этого и уехал из Рима. Да и сам я был свидетелем, как жестоко был освистан гроб другого принчипе, Пиомбино [11], не любимого за скупость и который запер свою великолепную виллу Людовизи и не пускал никого смотреть знаменитые статуи и фрески. Освистали мертвого, освистали совершенно, хоть и полиция наверное знала, что Пиомбино будет освистан.

19-го июля выехал я из Рима в Неаполь, унося с собой воспоминание о всех древних чудесах его, мною весьма подробно осмотренных, из которых иные стоят под открытым небом, поросшие плющом, связываемые новыми полосами железа от времени до времени или укрепленные колоссальной стеной, как Колизей, и эта стена есть сама по себе великий памятник; другие стоят в великолепных залах Ватикана. Что касается до Рафаэля и Микеланджело, то эти вечные граждане Рима как будто и не умирали: имена их звучат поминутно, поминутно. Унес я также вос-

поминание и о патриархальной дешевизне, по случаю которой английские нищие играют здесь роли богачей; об остериях его, где после бутылки орвието, национального вина, похожего на шабли с игрой, да стуфаты, да макарон, да салату, да жареной курицы, призываете человека, а сей, посмеявшись над вашим аппетитом или над чем-нибудь иным и похлопав вас дружественно по бедру, говорит: «Quaranta baiocchi, caro signor Paolo». (Сорок байков, дорогой синьор Павел, то есть 2 рубля). Русские, английские и немецкие фамилии не произносятся, потому что раз уже у одного лопнула артерия от натуги и другие были несчастные случаи.

В Неаполе — о какая разница! — только 150 миль, почти 200 верст от Рима, и уже вы можете в сердцах или для практики поколотить своею палкой всякое досадное лицо из черни. Я приехал вечером, так что мог еще застать представление в Сан-Карло[12], потому что спектакли начинаются здесь в 9 часов вечера, когда уже надышится народ вечерним воздухом, который, действительно, после дневного зноя кажется бальзамом, освежающим всю внутренность. Сан-Карло — огромная, вызолоченная зала, совершенно без вкуса. Заплатив 2 р. 40 к. за место, я имел счастье видеть балет «Свадьба гардемарина», где переодетые в морских кадетов танцорки врываются в женский пансион, а потом делают разные воинские эволюции. Танцорки обязаны здесь быть непременно в зеленых костюмах: это такая отвратительная вещь, что описать нельзя: какое-то соединение женщины и лягушки, — и это после строгого, величественного Рима! Впечатление даже болезненно... Я пришел в трактир свой, где потом разломали у меня замок и украли 300 рублей, и камердинер на лестнице спросил с улыбкой: «А не украли ли у вас платок?» Я пощупал карман: платок украли. И таков был первый мой вечер в Неаполе. Но на другой день (я жил на берегу моря, платя за очень хорошую комнату 2 рубля в день) я отворил окно: что за чудная картина открылась глазам моим! Трудно дать понятие о сладострастии, роскошных линиях, неге Неаполитанского залива и других, соседственных ему. Известно, что Неаполь был местом загородных домов римлян. Сюда приезжали они наслаждаться, проживать миллионы, проживать здоровье и жизнь, а некоторые и империю. Имена Лукуллов[13], Тивериев[14], Неронов существуют до сих пор на берегах этих, и кажется, несмотря на все перевороты религиозные и политические, можно найти здесь, хотя в умаленных размерах, все то, чего они искали. Какими чудными, голубыми волнами заливает море все эти широкие, утешающие глаз полукруги, которые образуют заливы Неаполитанский, Салернский и Пуцольский! Жемчужны, почти прозрачны, кажутся эти горы с своими виноградниками, которых лозы плетутся по стенам и воротам вилл и спадают вниз фестонами. Какой лучезарный цвет отдаление сообщает всем этим островам: Прочиде, Искии, Капри! А между тем куда бы вы ни поехали из окрестностей Неаполя, всегда виден и точно поворачивается вокруг вас двухвершинный Везувий, выпускающий из себя постоянно легкую струю дыма. Само искусство здесь, служа страстям, приняло такое чувственное направление, что королевский музеум в этом отношении есть Капуя скульптуры[15]: это все Венеры, любующиеся на самих себя; это фавны

и нимфы, перевившиеся руками; это Тиверий с любовницей на коне и проч. Помпея доставила и доставляет те роскошные фрески, которые древние имели в своих спальнях, и, право, никакой в мире балет не произведет на вас такого действия, как королевский Неаполитанский музей.

Теперь мне, однакож, приходит в голову, что живописность предмета и его внутреннее достоинство — две совершенно различные вещи. Какое значение может иметь, например, для путешественника, хоть их очень много здесь, Неаполь с низким своим народонаселением, которое живет для лицемерства, мелкого воровства и не имеет даже характера, чтоб быть хорошим вором? Что вынесет он из этого шумного города, даже когда будут отворены ему ворота тех огромных домов с бесчисленными балконами (дворцами их нельзя назвать из опасения обидеть римские и здешние флорентийские дворцы), в которых живут люди, поджидающие вечера, чтоб великолепным экипажем прибавить шуму и давки в Villa reale? С каким нетерпением ожидали здесь парад войск, так я удивился. А уже это пошлое равнодушие ко всему, что делается на белом свете и вокруг их, это сонное состояние, в котором и народ, и высшие окостенели, это даже меня придавило. Я ничего не видал подобного во всю дорогу... Самое жалкое впечатление производит здешняя литература. Существует здесь пошлая и пустая политическая газета и называется «Газета Обеих Сицилий», да еще ежемесячное «Обозрение» [16], тоненькое, как ломтик хлебца, что в дурных пансионах подают на завтрак детям. Я вспомнил об «Отечественных записках», и они мне показались в сравнении с ними Изидой... В этом «Обозрении» первая статья была анекдоты из жизни Шиллера, потом ботаническая какая-то, потом критика стихотворений одного импровизатора, сделавшегося печатным поэтом. Я считаю весьма дурным признаком для литературы появление так называемых снисходительных критик, которые обыкновенно доказывают посредственность и произведения, и рецензента, но эта вряд ли не превзошла все в этом роде критики, написанные Олиным, Измайловым и проч.[17] Тут вынимает он четыре стиха и прибавляет: «Нельзя лучше и вернее изобразить» и проч.; или выпишет пять стихов и прибавит: «Как хорошо последнее слово выражает мгновенное...» и проч. За критикой — библиография: две брошюрки стихов, роман в двух томах, потом статья о театрах и аминь. Да уж добро — и этого не читают. Что же остается делать? А вот: описать восхождение на Везувий — этим Неаполь уже подарил не одну тысячу путешественников. Пожалуй, и я не прочь от них. Был на Везувии, едва не задохся от усталости на последнем всходе; слышал, как он переваривал что-то и шипел под ногами; видел, как выкидывал массы дыма и огня; в одном месте, где поток подошел к самой почве, кора земли треснула, и я туда клал палку, и палка загорелась! Или... не хотите ли описания поездки в Сорренто, где дом сестры Тасса обращен теперь в гостиницу? Или хотите, может быть, описания поездки в лазуревый грот Капри? Или желаете, статься может, описания прогулки в Байю, где были Нероновы бани? Но я столько читал описаний всего этого, что рука не поднимается. Еще не совсем пошло могло быть описание Помпеи, с ее домами, дворцами, улицами, театрами, лавками, пуб-

личными местами, где так удивительно связывается настоящая минута, вам принадлежащая, с тою, когда город погиб; но я устал и тороплюсь дать вам какое-нибудь понятие о Палермо и Мессине. Скажу только, что пестро и празднично являются все эти стены, покрытые фресками, ярко горя на солнце все эти колонны, и вам кажется, что вы пришли не в умерший город, а в гости или на праздник в город, которого жители где-нибудь на площади, в амфитеатре или форуме. Так до сих пор сохраняет он отличительную черту всех неаполитанских окрестностей.

Палермо был для меня все равно, что страница из «Тысячи одной ночи». Сохранились еще дворцы арабские (дворец Зора), сохранились еще в монастырях эти галереи с грациозными сводами, легкими колоннами, фантастическими капителиями и фонтанами посреди (церковь и монастырь Монте-Реале). И все тут поощряет воображение к разным, может быть, пустым сближениям: террасы на домах и даже на фронтонах церквей, длинные, чреватые балконы в верхних этажах домов, закрытые железными решетками со всех сторон, пестрота мозаик, блистающих на наружных стенах строений, чудовищность воображения, проявляющегося там и сям и так подходящая к духу арабской сказки: то капуцины ставят в подземелии высушенные тела умерших, то владелец дачи украшает ее изображением чудовищ или обращает в кукольный монастырь траппистов [18], или как в даче... (фамилию забыл), отворяете беседку, и восковой кармелит [19] подымается и благославляет вас (разгул воображения у народа, проявившийся в этой неслыханно колоссальной колеснице св. Розалии [20], возимой быками по городу); далее кафедрал города, частью мавританской архитектуры, к которому так некстати приделали купол и лишили его родовой физиономии; наконец, это ощутительное напоминовение бедуинской жизни в недостатке воды и страшном действии солнца, пожигающего травы и цветы... (О, что за жары были нынче в августе! Буквально жарко ногам от прикосновения к мостовой, глаза получают воспаление, тяжело в груди.) Наконец, еще трепет сказочной, романической жизни в этом городе и народе, который в нашем веке знает употребление кинжала [21], сохраняет обычай отмщения, и где находят на улице раненых, которые на вопросы друзей и юстиции отвечают: «Это наше дело». Все это вместе взятое (хотя при окончании ужасного сего периода, коим хочу отделаться от вас, совершенно я забыл начало его), делает для воображения присутствие халифов востока и сказки его почти осязательными в Палермо.

Мессина — новый город, выстроенный после землетрясения, и как новый город, не имеет яркой физиономии, подобно Палермо. Сцилла и Харибда [22] его — эти лающие собаки древних — состарились, и водовороты их можно видеть только в известный час дня, когда образуются противоположные течения, да в бурю. Черткова «Путешествие по Сицилии» [23] очень хорошо, верно и дельно. Жаль одного: все он упрекает ее Англией и представляет ее в пример, как должно работать и извлекать выгоду из своего положения. Эти сожаления, что Сицилия не Великобритания, несколько тщетны. Уж господь бог затем и создал Сицилию, чтоб она была Сицилией!

Теперь живу я во Флоренции, проехав Пизу, Лукку, Пистою и Прато; весь этот цветник, весь этот фруктовый сад, который называется дорогой от Ливорно во Флоренцию и пересекается через каждые 15 миль столицею. Иначе я не могу назвать эти города, наполненные дворцами, соборами, памятниками эпохи Возрождения, за которыми следить такое наслаждение. Народонаселение честное, трудящееся, скопидомка и сладко говорящее тосканским мягким, горловым наречием. К 15-му сентября ожидают съезда ученых итальянских и других во Флоренции[24]. К этому времени готовятся праздники, фейерверки. И герцог, и народ считают эти съезды происшествиями, достойными торжеств. На счет итальянских ученых существует, благодаря французам, в России какое-то смутное и неблагоприятное мнение; но здесь я должен сказать вам великую истину. Как только итальянец вышел из толпы, отделился от массы, то уж не верьте решительно всем разглагольствованиям о лености, неге, фарниенте итальянском: он делается трудолюбив, постоянен, упорен и эрудичен, как дай бог немцу. Труды Тирабоски[25], Ланци[26] и проч. — лучшее этому доказательство.

Отсюда еду в Милан; оттуда через Швейцарию в Париж. В Россию буду скоро: может через год, а уж много, много через два...

VII

Женева. 26 октября 1841 года.

Не знаю, с чего начать продолжение описания бродяжничества моего. Помнится, в последнем письме остановился я на Флоренции. Долго надо бы говорить об этой земле, чтоб объяснить, почему Альфиери[1], проклявший в удивительных сонетах, которые гораздо лучше трагедий его, Рим, Пизу, Геную, приехал умирать во Флоренцию[2], и как это случилось, что во Флоренции давно уже существует публичное судопроизводство, между тем как только в 1842 году заводят его в Пруссии, и отчего, окруженная соседями с самым строгим остракизмом[3] в отношении печати, она одна дозволила свободный выпуск всех иностранных журналов, и по какому убеждению в нынешний съезд ученых отдала она все свои дворцы в их распоряжение, и как это делается, что в самом сердце Италии народ трудится, работает и живет в тишине, не сдерживаемый ничем, кроме сознания своего благополучия... Это решительно итальянская Германия: даже в физиономии женщин, в их особенной полноте, голубых глазах и скромном, домашнем благочинном сластолюбии (не знаю, как выразить этот род сластолюбия) есть что-то немецкое. Благославив Флоренцию и пожалев, что в качестве земли, не имеющей никакого влияния на человечество (человечеству, собственно, и нет дела, счастлива она или несчастлива), выехал я в Болонью, с которой пять месяцев тому назад начал мое путешествие по Италии. Все та же она: также пуста, грустна и меланхолична; ничего с нею не произошло, но со мною произошло многое. Господи боже! Сколько в эти пять месяцев проехал я языков, дорог, морей! Я остановился в том же самом трактире, в той же самой комнате,

и вечером, отворив окно, припомнил весь интервал! .. Вспомнилось мне также, что я приступал к этому подвигу, совершаемому англичанами в виде моциона для возбуждения деятельности желудка, с некоторым родом торжественности и робости... Но буди им вечная память! Я теперь, как лорд Байрон, знаю почти все простонародные проклятия итальянцев: Corpo di Bacco! и проч. и проч. С Болоньи началось мое торжественное шествие на Милан, роздыхами коему служили Модена, Парма и Пьяченца — три столицы, встречающиеся на пространстве немного поменее 250 верст. Вам не безызвестно, что Модена есть Парагвай всей Италии. Самыми сильными средствами прервано всякое сообщение мысли с Европою [4]. А между тем только голубые Аппенины, только роскошные поля, разлегшиеся у подошвы их, отделяют Модену от Флоренции! .. Супруги Наполеоновой не было в Парме [5], когда я прибыл туда; а хотелось бы мне взглянуть на нее. Взамен этого в Парме были фреска Корреджио и удивительная его картина, известная под именем «Св. Иеронима». С самого Рима не испытывал я впечатления более сильного. Вся эта сцена ангела с развернутой книгой, Христа-младенца, простирающего к ней руки, божьей матери, смотрящей с улыбкой на движения его, Магдалины, с величайшим благоговением целующей его ногу, — вся эта сцена, оттененная суровою фигурой Иеронима, полна небесной прелести, благоуханна невыразимо. В том же роде и другая его картина: «Madonna della Scodella». Я никак не понимаю, почему немецкая партия, старающаяся возвратить живопись к строгому христианскому началу [6], исключает этот элемент райской прелести, родившейся тоже из самого глубокого религиозного чувства.

Тороплюсь рассказать вам мое знакомство и целую неделю дружбы с миланским журналистом, издателем театральной газеты «Пират» [7], господином Регли [8], получающим подарки от Доницетти, Тальони и от всех певцов и певиц, проезжающих через Милан. Он, вот изволите видеть, совсем не так желчен, как иные прочие. На мое замечание о пошлости итальянской журналистики и о путанице этих мягких фраз в разборах и отчетах, которые словно занавеска, колеблемая ветром у окна, и открывают внутренность комнаты и не открывают, он объявил мне, что это дело условное, что это вещь, непонятная для иностранца, но что есть похвальные фразы, выражающие осуждение! Пуф! Так, например, сказать: «опера вообще нравится» значит сказать, что опера никуда не годится, да и сам он, Регли, имел историю с любителем танцовщицы, про которую откровенно сказал, что она заслуживает внимания. Можете теперь представить, сколько надо употребить восторга и энтузиазма при разборе вещи действительно достойной похвалы. С какою наивностью показывал он мне посвящение своего театрального альманаха графине Самойловой [9], в котором называет ее знатоком, покровителем изящных искусств в его отечестве и проч., за что и получил 600 франков! Наконец, он повел меня обедать к молодому композитору, для которого сам сочиняет либретто, и я имел счастье присутствовать при самом процессе создания итальянской оперы. После обеда, за чашкой кофе, подошел он к письменному столу, взял перо и набросал в одну минуту четыре строфы

романса, где cuor * и amor ** звучали сильно; композитор пододвинул стул к фортепьянам и стучал по ним до тех пор, пока выстукал мотив; мы, разумеется, пришли в неописанный восторг, а композитор, потирая руки, сказал: «Да, с хорошею певицей, и если разработать его хорошенько, он сделает свое дело». И вот, может быть, через год и на петербургской сцене мотив этот будет делать свое дело при всеобщих рукоплесканиях. Я удивился в Милане бедности исторических памятников, которыми так щедро наделены итальянские города, да и вообще, если исключить бездну кофейных домов, способствующих — не скажу публичной, чтоб не обидеть Афины и древний Рим, но наружной жизни, какую обыкновенно ведут итальянцы, то в этом городе с большими домами без стиля и чистыми улицами нет уже ничего итальянского.

Собор удивителен [10]. Кто-то сказал, что на крыше его он очутился в лесу колонн и спицов, и этой гиперболе так посчастливилось, что она обошла весь свет, что я встречался с нею всякий раз, как заходил разговор о соборе, и что она мне очень надоела. Для перемены предлагаю следующую, которую всякий учитель может употребить для назидания слушателей с кафедры: миланский собор с первого раза кажется лопнувшим бураком фейерверка, который выкинул в небо сотни звезд с огненными хвостами, и т. д. Особенно замечательно в этом соборе, что он был последним усилием готизма в Европе, и поэтому уж не найдете вы в нем фантастических барельефов, узоров, высеченных в камне, за которыми трудно следить глазу, всего того, что в германском готизме и в некоторых старых церквах Италии поражает разгулом, прихотью воображения. Все в нем правильно, чисто и симметрично. Это — классицизм готизма, если можно так сказать. «Путеводитель» мой говорит, что собор начат в 1386 году, то есть, именно, когда вся Европа кинулась в древность. Вот почему он несколько холоден и имеет весьма фальшивую ноту в общей гармонии, а именно — купол, столь несвойственный готизму, хотя снаружи он и прикрыт чем-то в роде готической беседки. Тяжело было, думаю, архитекторам строить собор этот между двух верований, двух противоположных мыслей, двух метод, исключавших одна другую!

Что касается до огромной залы театра della Scalla [11], за вход в которую платится 2 рубля 50 коп., то она, с золотыми украшениями своими по белому, не так безвкусна и аляповата, как зала Сан-Карло, но выстроена только для Каталани [12], Пасты [13] и проч. Все, что не Каталани, не Зонтаг [14] и прочее, погибает, задушается этим пространством, и усилия плохой певицы, которую я слышал, наполнить его походили, право, на предсмертные страдания человека с сильным телосложением. Судороги, крики, и потом тишина и ослабление: все было.

Наконец, из Милана приехал я в Геную: кинуть последний прощальный взор на Средиземное море, по которому, буквально сказать, так много колесил я на пароходах, да взглянуть на знамениты дворцы ее. В Генуе совсем неожиданно приснился мне как раз — как думаете кто?

---

* Двор, свита (*итал.*).
** Любовь (*итал.*).

Приятель мой, декоративный живописец! В коричневом сюртуке стоял он передо мною, и я будто бы упрекал его горькими словами: «Как это вам не стыдно жить бог знает где, когда вот здесь в улице Гальби есть пустой дворец Дураццо? И что вы это там рисуете? Какие вы там созидаете на полотне клетушки с окнами, какие лепите сбоку лесенки? Что за террасы вы там мажете, которые никуда не выходят, а если и выходят, то словно говорят: да что тут смотреть; ничего нет любопытного.

Да и сады ваши годятся только для прогулки немке, которой прискучило окошечко с деревянным балконцем и двумя горшочками цветов на нем. Да и осмелились ли вы когда-нибудь пустить воду так, чтоб не она походила на дождевую лужицу, скопившуюся в углублении? Переезжайте сюда, сударь. Здесь есть из камня, из мрамора, из гранита в полной своей действительности лестницы великолепнее ваших храмов, переходы, галереи, террасы, подобных коим не начертали еще мелом на полотне ни вы, ни учителя ваши, Мезонески[15] и Роллер[16]; сады, балконы, залы, от которых закружится у вас голова и, вероятно, воскликните вы: это уж слишком; нам этого нельзя! Счастлив будет тот день и много я порадуюсь, когда воображение ваше достигнет до величия одной из мраморных передних здешних.» И отвечал мне мой приятель: «Ох, боже мой! Что вы говорите? Вы не понимаете... Уж нынче это принято у нас, чтоб лестницы вели на стену, в кабинетах стояли огромные колонны, на галереях чтоб не было видно и кошки, крыши украшались куполами, и в садах стояли луксорские обелиски. Это для эффекта: вы не понимаете...» Тут я и проснулся. Прощай, Средиземное море; прощай, Италия! Отсюда переезжаю я в Женеву, снова на почву политических, исторических, философических вопросов и всяческого треволнения, и при сем случае не могу не возблагодарить Италии за множество тихих, но самых полных наслаждений. Будь я поэт, непременно написал бы прощание с Италией...

Вот я и в Женеве. И чтоб новая строка начиналась торжественнее, вот вам положение: Швейцария находится в сию минуту в каком-то судорожном состоянии[17]... Я уже вижу отсюда, как вы испугались, какой ужас объял вас... Успокойтесь! Не можете себе представить, как находящиеся в судорожном состоянии швейцарцы славно едят здесь, как набиты ими все кафехаузы *, какая музыка на озере, прогулки по восхитительным берегам его, пикеты[18] и экарте[19] во всех публичных залах. А между тем, с неделю тому назад, под самыми стенами города было народное собрание, говорят, в 4000 человек; полемика журнальная идет жарко и сильно, партии воюют и сшибаются на бумаге, собирается сейм в Берне. И если теперь вы не поймете здешнего уложения, где все говорят, но из круга частных своих обязанностей никто не выходит, где только случай производит иногда грубую, отвратительную материальную ошибку, но в общности все порешает диспут, смягчает, уничтожает и

* Кафехауз (от *нем.* Kaffeechaus) — кафе.

возводит, — то назову вас странным человеком. Многие говорят: чем-то все это кончится? какой-то будет конец? А я нисколько этим не интересуюсь. Известно, что какой-нибудь конец да будет, и известно, что будет конец мирный, потому что негодование Европы задушит всякую попытку междоусобной войны. Для меня, скромного жителя севера, странствующего для назидания своего, гораздо назидательнее и любопытнее настоящая минута и хладнокровное, чисто сиантифичное наблюдение борьбы страстей, испаряющихся или в декламациях, или закованных в печать, думаю, ни всеми и никем другим в дурную сторону не приймется и в вину мне не причтется! Необычайное разветвление представительности, вследствие чего все выбирается — совет малый, совет большой, совет представителей, так что канцелярийки нельзя составить без выбора, так что почтальон, принесший ваше письмо, мне казался здесь представителем и ночной сторож — депутатом от Морфея — все это прибавляет еще новую полемику, и весьма важную, о правильности выборов, о законности их; о духе, об аристократизме, сомнамбулизме и других разных «измах», имеющих, впрочем, каждый своего оратора и своего антагониста. Известно, что всякий отдельный кантон есть государство независимое[20]; но все подчинены в важных случаях решению сейма, который состоит из их же собственных депутатов, и вот 8-ой, или 10-й, или 15-й источник прения: что такое сейм? из чего составился сейм? правильно ли и здравомысленно ли рассуждал сейм? И эту распрю ведут уже не частные лица, а уже целые кантоны между собой. Знаменитый Сисмонди[21] объявил на днях в речи своей следующее: «Кантоны так разнятся между собой нравами жителей, религий и даже языком, что один не имеет никакого права входить в дела другого. Это самое будет всегда препятствовать сейму действовать справедливо и с знанием обстоятельств. Да и по смыслу уложения (Пакты) он может принять решительные меры только в случае единодушного согласия всех членов; и возможно ли ожидать этого от 22 депутаций?» Ну, что после всех этих слов остается делать? Впереди ничего нет, а в настоящую минуту как будто все трещит, лопается под ногами... Право, на месте этих швейцарцев, наложил бы я на себя руки, а они гуляют, курят, рассуждают об Америке, и один даже на упрек мой, что как ему не стыдно пить кофе с ромом и целый вечер смотреть, как другие играют в бильярд при таком отчаянном состоянии отечества, отвечал мне флегматически: «Мы любим споры!»

Я посетил Ферней, дачу Диодати и замок Копет[22]. Вольтер, Байрон и г-жа Сталь! Даже вискам больно от соединения этих имен! Впечатления на месте их жилищ весьма различны, столь же различны, как спокойная, холодная насмешка, позволяющая человеку наслаждаться всеми благами земли до глубокой старости, и кровная борьба с обществом, которой все принесено в жертву, или как различен от вышеупомянутого шум, поднятый ради оскорбленного тщеславица.

Однакож, осмотревшись, я вижу, что деревья стоят уже без листьев, небо туманно, озеро волнуется, с гор несет холодом. Все расчеты с при-

родой кончены. Пора в теплую комнату, под свет театральной люстры, за романы и журналы и мудрствования Миносов [23] и Солонов [24] нашего века.

Еду в Париж. Прощайте!

VIII

Париж. 29-го ноября 1841 года.

Вот 12 день, как народонаселение Парижа увеличилось еще одною единицей, а многочисленные страсти, кипящие в нем и о которых вы достаточно начитались, умножились всем количеством страстей, квартирующих в моей грешной особе. На лебедянской скачке [1] раз случилось, что первый приз выиграла простая мужицкая лошадь, которую два месяца держали в темной конюшне и прямо из нее вывели на ристалище. Оглушенная шумом, пораженная светом, она пришла в бешенство — и была у цели прежде английских скакунов. Прося прощение у самого себя, скажу, что в эти двенадцать дней я походил на ту лошадь... Театры, площади, обеды, журналы, книги, магазины, все это поглотил я в один прием, и удивляюсь, как выдержала его физическая и моральная моя организация. Теперь, когда сел я в широкие кресла и придвинул к себе десточку [2] почтовой бумаги с полным намерением наградить вас одним из тех писем-слонов, к которым вы должны уж теперь привыкнуть, — не знаю, как привести все виденное, выслушанное, вычитанное в порядок и с чего начать. Не начать ли с обедов? Я совершенно убежден, что кто не обедал в Пале-Рояле [3], тот никогда не обедал, и заклинаю вас всем святым отбросить мысль, что вы когда-нибудь ели в своей жизни, да и других предостерегите от той же мысли.

Мы приехали в Париж в пять часов ночи, самой темной и дождливой, какая только может быть. Историческая ночь короля Лира [4] перед нею — майский день. Я был рад: мне смерть не нравятся эти впечатления, раздробленные квадратным окошечком кареты, где в какой-то тяжелой путанице для сознания падают на вас только *части* предметов. В гостинице дилижансов провел я первую ночь и в полдень вышел на улицу Saint-Honoré. В ту же минуту Париж встал передо мною и зычным голосом воскликнул: «Это я!». Огромные омнибусы разъезжают в узкой, грязной улице с узенькими тротуарами; высокие-высокие дома завешены вывесками, и одни только окошечки на самой крыше свободны от золотых, голубых и фиолетовых надписей: это те самые, куда увлекал нас, к стыду сказать *будущих* моих дочерей, г. Поль-де-Кок [5], куда вносил *аналитический свой* факел г. Бальзак, и откуда так часто сводятся обитатели *на скамью обвиняемых* в исправительную полицию; потянулись окна магазинов, заблистали кафе, бросились в глаза афишки на углах с такими чудовищными буквами, что Кадм отказался бы от чести изобретения азбуки [6], и книгопродавцы за зеркальными своими стеклами выставили картины, виньеты, карикатуры, новые книги, новые брошюры... Что смотреть? Куда идти?.. Необходимость идти куда-нибудь или, лучше сказать, спасаться почувствовал я в ту же минуту, как задал себе вопрос,

ибо промчавшаяся карета покрыла меня грязью с ног до головы, а два носильщика едва не сбили с ног. К числу немногих моих отличных качеств присоединил я еще новоприобретенное в путешествиях: необычайный инстинкт отыскивать замечательные предметы в городах; перенесите меня в Пекин — сейчас пойду по тому направлению, где должен наткнуться на императорский дворец, и проч. Так случилось и здесь. Я все шел прямо и вышел к Пале-Роялю, сам не знаю как. Это дворец, образовавший собою три двора: самое полное выражение людскости французской и палладиум Парижа. Под портиками этих трех дворов, из которых большой, последний, обращен в сад, собрано все, что только могла произвесть промышленность блестящего, все, до чего только могло дойти ремесло. Размещение за зеркальными стеклами бронз, материй, кашемиров, перламутра, книг и даже живностей составляет здесь особенную науку, в которой есть профессора, магистры, кандидаты и проч. За известную плату являются они в магазин сообщить ему, из собственных его товаров, наружный блеск и репутацию вкуса. Нигде не видал я подобного искусства размещать вещи так, чтоб каждая оттеняла и выказывала другую, а целое составляло полный, живописный узор. Средняя галерея, соединяющая боковые флигеля, есть великолепная зала, покрытая стеклянным потолком, где постоянно кишит народ, и где роскошь боковых магазинов, простенки между ними, занятые зеркалами, и газовое освещение вечером составляют какую-то чудную пестроту, в которой огонь, золото, бархат и прочее дробятся на тысячи лучей. Из этой галереи, вероятно, вышло известное идолопоклонничество почти всех французских писателей перед богатством и роскошью. Есть старые habitués *, посетители Пале-Рояля, которые в продолжение долгой жизни в нем одном находили удовлетворение всем своим потребностям и всем своим прихотям. Бедные, однакож, старые люди! Когда они умрут, может быть, их вывезут в церковь, и тогда над ними простонет орган несколько торжественных песен, а из церкви, может быть, их вывезут за город, и тогда разверзнется небо и поле перед погребальным кортежем; статься может, что мертвецы и подумают тогда нечто такое, вероятно, следующее: хороший воздух здесь заведен; жалко, что нам дышать уже нельзя. Однакож отступление, говорит справедливо один наш ритор, — «всегда более затемняет, чем красоту речи сообщает»; итак, продолжаю. В великолепных мраморных и раззолоченных залах, где за бюро сидят разодетые девушки, принимая монету и ведя счетные книги, а промежду столов ходят величавые мужчины с салфетками в руках и с презрительным выражением в лице, между тем как зеркальные стены обманывают глаз, образуя оптические бесчисленные галереи, — в этих-то залах приютились лучшие парижские кофейни и все знаменитости, посвятившие себя на служение желудку, как-то «Вери», «Вефур», «Trois frères Provençaux» [7] и проч.

Так как vol-au-vent, котлеты à la victime [8] и прочие довольно дорогие (3, 4 и 5 франков) приготовления не могут быть описаны, разделяя эту честь невозможности с пением райской птицы и с красотою женщины,

---

* Завсегдатаи (*франц.*).

то подивимся лучше необычайному распространению кухонных познаний во Франции и упрощению самой науки, вследствие чего отвергнуты все сильные прибавки, которые так злобно и упорно еще держатся у нас; из вещества выгнано все грубое, раздражающее и оставлен ему очищенный, облагороженный, дистиллированный его характер; каждое блюдо старается подходить под приманчивый вкус того животного или плода земного, которого имя носит, отстраняя все, что мешает тому. Это упрощение кухни, а вместе и дешевизна припасов (относительно Петербурга, разумеется), произвели те удивительные обеды в $2^1/_2$ франка, где с полбутылкой вина вы можете выбирать по весьма подробной карте четыре блюда и десерт, какие вам угодно, и получаете их в удовлетворительном виде, не так, как в Петербурге, в трехрублевом леграновском обеде[9], где каждое блюдо, кажется вам, посягает на жизнь вашу (особливо кусок говядины у него, подаваемый после супа, есть вещь, в отношении которой следует соблюдать всевозможную осторожность). Разветвляясь и дешевея, обед парижский спускается в самые нижние слои народонаселения, съеживаясь и сокращаясь при каждом градусе понижения: последний предел есть обед в 10 су — 50 копеек. За этим восстает уже некая престарелая дева, именуемая статистикой (как выразился один ученый), и повествует страшные вещи. Медицинская комиссия в рапорте 14-го апреля 1841 года объявила: «Обман в торговле мясом, несмотря на бдительность полиции, столь обыкновенен в Париже, что мясо животных. умерших от болезни или убитых в болезненном их состоянии, достигает даже госпиталей». А потом статистика говорит еще: «В последнем возвышении цен на мясо лучший сорт получил прибавки 5 на 100, а третий, то есть собственно принадлежащий народу, 25 на 100. Тяжесть возвышения этого обратила бедный класс на мелочную продажу живности, убитой вне публичных живодерен, которая продается дешевле, хотя и платит пошлину гораздо значительней при въезде в город. В этой распродаже дело уже состоит не в исследовании внутренней доброты мяса, а в том, что на рынках Парижа часто и часто являются конина, собачина и мясо других отвратительных животных». А потом, разгорячаясь все более и более, престарелая дева прибавляет: «Да, счастливы те, которые, для удовлетворения голода, могут еще приобрести какую-нибудь, хоть и сомнительную часть говядины; а что сказать про тех, которым полиция насильственно должна возбранять похищение гнилой рыбы и испортившегося мяса, выкидываемого из монфоконской бойни? Что сказать о тех двух диеппских женщинах[10], у которых муниципальная стража с трудом исторгала куски двух коров, умерших от болезней и зарытых в землю?» И наконец, *пришед вне себя*, она же, престарелая дева, дрожащим голосом прибавляет: «Никогда не поверю... хоть и имею причины думать... что некоторые несчастные... были антропофагами!!!» Ужасно! Ничем лучше нельзя окончить описание великолепного Пале-Рояля. Это покажет вам, как страшно в этих городах с миллионом жителей соединяются и идут рука об руку непомерная роскошь и непомерная нищета; это пояснит вам, с одной стороны, восторги заезжих туристов, а с другой — неспокойное состояние общества; это поведет вас к разным заключениям,

что все и имел я в виду, употребив мои выписки и предаваясь этим, впрочем мне несвойственным, сближениям.

Едва только продерет глаза парижанин, как бежит в один из бесчисленных здешних кафе читать журнал. Каждый божий день выкидывается типографиями оглушительный вопль разнородных мнений [11], где взаимно подстерегается каждый шаг противника, каждое обвинение встречает оправдание, каждая мысль наталкивается на другую, диаметрально ей противоположную, и эта постоянная, не умолкающая ни на минуту борьба только укрепляет журналистику, сдерживая все возможные партии в каком-то волшебном кругу, из которого ни одна выйти не может. Нет сомнения, что если на этой чудной арене, где идет самый отчаянный бой, а между тем нет убитых, где в ту минуту, как один из гладиаторов начинает одерживать решительное превосходство, все другие забывают взаимную вражду и соединяются, чтоб опрокинуть его, — нет сомнения, говорю, что если на этой арене когда-нибудь будет действительно победитель, то Франция погибнет или в революционном вихре, или в другом каком-либо исключительном направлении. Так все ее значение, по моему убеждению, зависит от этого вечного движения, которое она осуществила не в физическом, а в печатном мире. Странное еще зрелище для непривычного глаза составляет отсутствие людей, имен в этой огромной сшибке. Везде в других землях борется человек с человеком, и имя некоторым образом делается представителем идеи: здесь враждует кто-то, известный под энигматическим [12] названием: «Débats» [13], «National» [14], «Commerce» [15], и нет тут славы за хорошую мысль никому, и нет тут презрения за порочную.

Само правосудие является в делах *печати* только тогда, когда, забыв свое абстрактное политическое назначение, печать подымает голос на *лицо*, и только в этом случае падают на нее удары. Я сказал: «на нее»: я сказал слишком много. По тому же отсутствию лиц, удары падают на какое-то неопределенное, ничего не выражающее и часто совершенно бесталантное имя «управляющего ответчика», gérant responsable, который партией, издающею журнал, за тем и берется, чтоб сидеть в тюрьме; случалось, что три редактора газеты один за другим посажены были в Sainte-Pelagie [16], а газета в полной красе и силе продолжала бежать к своей цели на всех парусах. Притом же преступления *печати* подлежат суду присяжных (jurés), выбранных из граждан, и хитрому адвокату обвиняемого журнала стоит только вкрадчивым манером внушить господам судьям, что в их приговоре может пострадать общее право всех граждан, то вот они и изрекают свое: *не виноват*, несмотря на все усилия правосудия. Это случается поминутно, и несмотря на это энергия юстиции в преследовании излишеств печати невообразима. В руках ее находится одно, но самое смертоносное орудие — денежный штраф [17], разрушающий капитал журнала: в тюрьму посадит она невиновного, а деньги возьмет с виновной партии, и вот королевский прокурор накопляет процесс на процесс в той мысли, что если из пяти два удадутся, то партия ослабеет. Но и тут выходит новая беда. Если удалось разрушить партию, то остатки ее, присоединяясь к другой, с которою имеют сочувствие, увели-

чивают силу последней, и является новый враг, еще страшнейший... Что сказать вам еще? Разве вот что: если в каком-нибудь городе увидите вы человека, читающего одну французскую газету роялистскую или оппозиционную, не имеющего средств читать их вместе и содержание одной пояснить содержанием другой, то пожалейте о нем и старайтесь отвлечь его от этой вредной, бесплодной и искажающей суждение работы. В будущих письмах, если я получу от вас подтверждение писать об этом, сообщу как образ полемики, так и главные идеи, историю появления и условие существования важнейших журналов, а до тех пор вот вам табличка, показывающая корифеев этой борьбы, около которых вьется страшное количество второстепенных витязей, а вместе с тем определяющая и число существующих в настоящую минуту журналов: 1) династические или приверженцы установленной власти: «Journal des Débats», «Presse»[18], «Messager»[19]; 2) парламентские или в конституционном духе оппозиции: «Constitutionnel»[20], «Siècle»[21], «Courrier Français»[22]; 3) радикальные, требующие совершенной реформы: «National», «Commerce», «Journal du Peuple»[23]; 4) легитимистские или приверженцы старой династии и монархии: «Gazette de France»[24], «Quotidienne»[25]; 5) листки, которых цель осмеивать всякий факт, всякое лицо, к какой бы партии они ни принадлежали, которые каждое утро поставляют для обихода парижан продовольствие острот, каламбуров, пародий, карикатур, — которые даже и не преследуются за излишество; так согласна и юстиция в необходимости этого насущного злословия для нынешнего общества: «Charivari»[26], «Corsaire»[27]. Самый мощный — отдел третий: он беспрестанно увеличивается новыми сподвижниками, хотя и теряет от этого силу, сообщаемую централизацией. Объявляют множество новых изданий. Только что появился по этому отделу журнал «Le XIX Siècle»[28], возвестивший, что в основание своему предприятию положил он — угадайте сколько — 1 200 000 франков! Акции или подписка — 50 франков, и выходит, что для составления полной реализации той суммы, ему надобно было 25 000 подписчиков. Если тут все увеличено вполовину, то и половина еще составляет цифры огромные. А между тем нет ничего удивительного! Понять трудно, как распространено здесь чтение журналов[29]. Не говоря о кафе и (бесчисленных) кабинетах для чтения, всегда битком набитых, вам всовывают в руки журнал, куда бы вы ни пришли: за обедом промеж двух блюд; в театрах промеж антрактов; у парикмахера, покуда он обделывает с любовью пукли на вашей голове; у портного, покуда смеривает он объем богатырской вашей груди и тонину античной вашей талии. Читают их фиакры, облокотясь на передний кончик дышла, читают их привратники, подбоченясь метлой, и у лакея, который аккуратно приходит в девять часов утра затопить камин мой, я, вместо того, чтоб спросить: «а какова погода?», как это делается везде, спрашиваю: «а что нового?» — «Да, двадцать седьмого декабря назначено быть открытию палаты депутатов», — отвечает мне муж сей, раздувая огонь, а из заднего кармана его торчит листок журнала, купленного за 15 сантимов на улице. Даже и обидно сделается!

Но мечом согрешивший мечом и наказан будет. Так эта же самая

политика, которою гордится француз, изгнала художественность в произведениях, чистое вдохновение и, что всего заметнее и поразительнее, разъединила в мысли Францию от других народов. Представьте себе, что иностранная идея тогда только начинает появляться и занимать людей здесь, когда приняла в себя какой-нибудь политический элемент: чужое имя делается известным тогда только, когда попало в какой-нибудь водоворот происшествий. От этого собственно журналы, revues, представляют какое-то подобие человека в уединенной комнате, беспрестанно любующегося самим собою, и иностранцу это очень тяжело. Тут Сент-Бёв[30] разбирает поэтов французских, которые существовали до Буало и которые никакого значения не имеют ни для искусства вообще, ни для истории искусства; тут исторические статьи в самом близком приложении к Франции и без всякого вывода для человечества; тут разборы некоторых форм правительственных, совершенно местных; тут, наконец, и огромные политические статьи. Но если в мимоидущих газетах личное и произвольное суждение о настоящей минуте имеет силу, как действие первого впечатления, первого порыва, так сказать, мысли к сознанию, то уж в журнальной статье все должно быть на верном основании, на законных выводах, на обдуманной плодотворной идее, готовой ко всяким приложениям, — и, господи, что же выходит? Вот пример: на днях появилось новое «Revue Indépendante»[31], издаваемое гг. Леру, Жорж Зандом и Виардо. Цель журнала — показать раны французского общества. В программе сказано[32]: философам мы опишем состояние человеческого мышления в настоящую эпоху; политикам — общественную политику, приличную нашему времени; ученым — пророчества истории касательно нашего века; артистам — нынешнее состояние искусства; гражданам — *индивидуализм и общественность* (!!!); *всем* — будущее общество! Громко, и сказать нельзя, как громко! В первой книжке и появились два начальные параграфа философам и политикам. Я тотчас принялся за первый: «Aux Philosophes: de la situation actuelle de l'ésprit humain» *. Шутка сказать! И что же? «В средние века общество было очень порочно составлено; общество точно такое осталось, как в средние века, — то вот в каком состоянии нынче ум человеческий». Ей богу, самая верная эссенция статьи! И все подвиги Германии на поприще мысли, и все заслуги прошедшего столетия этим определением, что называется, *порешены*! Со всем тем, при нелепости главной мысли, есть что-то любящее, сочувствующее человеку в этой статье, сострадающее ему, что отношу к участию Жоржа Занда в издании. Один Пишо с сыном в «Revue Britannique»[33] сделался проводником английской литературы; но переводные его статьи, часто весьма замечательные отдельно, мало, однакож, дают понятие о состоянии вообще английской литературы, потому что выбраны без цели и ничего не определяют.

В последней книжке находится статья об Эстонии[34], написанная какой-то англичанкою, бывшею и в Петербурге. Переводчик статьи кратко говорит, что автор прожил некоторое время в Петербурге, был очень

* «Философам: о современном состоянии ума человеческого» (*франц.*).

хорошо принят одним семейством; город и жители ему очень нравятся, но покинул он их с радостью. Миллион бомб! Да как же это так? .. Впрочем, надо сказать, в последнем замечании я крепко подозреваю фантазию г. переводчика или редактора. По действию в высочайшей степени раздражительного народного тщеславия, которое однакож составляет великую мощь нации, ни один француз не скажет доброго слова ни об Англии, ни о Германии, ни об Италии, ни о России без того, чтоб не оговориться и не попросить извинения у соотечественников. Непременно прибавит он к панегирику «Правда и то, что я находился в это время в особенно счастливом расположении духа: у меня умерла тетка», или, в крайнем случае, объяснит похвальное на свой манер: «Сближение с французскими идеями произвело все эти счастливые последствия». Вот и вся недолга! Поразила меня еще следующая фраза в этой статье: «Она имела счастье познакомиться с одним из высших русских офицеров, что доставило ей возможность видеть львов большого света...» Ну, нечего сказать — услужил ей высший русский офицер, и очень бы мне хотелось знать, как показались ей, после британских львов, наши посильные подражания. Наконец, переходя от revues к брошюрам, которые в эту минуту наиболее читаются, упомяну о так называемых «Физиологиях» [35]. С легкой руки какого-то шутника, говорят, профессора, написавшего книжечку нравов, уж я и забыл какого сословия, и выдавшего ее под заглавием «Физиология» имя рек, — появились тысячи брошюрок с виньетами и гравюрами, буквально наводнивших библиотеки. Каких тут нет только физиологий! Мастерового, депутата, солдата, фланёра, и проч. и проч.; наконец, физиология перчатки, наконец, физиология извощичьей лошади; того и гляжу, что появится физиология праздного славянина, объезжающего неизвестные государства, — с моим портретом.

Наиболее обращающие внимание брошюры: ноябрьская книжка «Les Guêpes» [36] Альфонса Карра [37] и «Almanach populaire» [38]. Первая объявляет претензию на совершенное беспристрастие, философическое презрение к знакам отличия, что явно доказывает существование грешной мечты и тайное страдание в неимении их, между тем, как Александр Дюма [39] (страшно обидно!) имеет, кажется, четыре или пять, Евгений Сю [40] (да будет он проклят!) тоже украшен, да и Виктор Гюго [41], да и Ламартин [42], да и множество других, все с бутоньерками! Тут поневоле сделаешься беспристрастен и будешь издавать весьма смешные брошюры, в которых происки, промахи, интриги всех партий остроумно и бесщадно выводятся наружу и которые имеют всю занимательность умной сплетни или рассказа какого-нибудь хитрого домашнего шпиона, вроде наших старых сплетниц! Вторая брошюра не столько замечательна своим содержанием, где в коротеньких статьях приведены факты разных бедствий — нужд и требований бедного класса, сколько по случившимся с нею маленьким обстоятельствам. Палата депутатов дозволила цензуру на гравюры и театральные пьесы. Цензура остановила гравюры альманаха, показавшиеся ей несколько вольными. Альманах, вместо гравюр, приложил описание их, которые далеко превзошли все, что было вольного в гравюрах; но теперь дело устроилось, картинки возвращены брошюре, и брошюра

осталась при гравюрах и при своих пояснениях гравюр! Успех книжонки Карра породил множество других, в числе которых особенно замечательны «Nouvelles à la main»[43]; успех «Альманаха» произвел огромную фамилию политических альманахов, под разными заглавиями: альманах владельцев, мастеровых, честных людей и проч. Все эти книжечки блистают за стеклами книгопродавцев, развернутые часто на самых жарких своих страницах, и филиппика таким образом против порядка вещей зароняется в душу проходящего невольно почти, навязывается насильно тому, кто не думал никогда покупать книжонки, и тем сильнее входит в грубый мозг, чем она дерзновеннее и поразительнее. Так вот-с как бьется жизнь в Париже в настоящую минуту.

Всю способность многоглаголания, мне врожденную, употребил я, чтоб уловить и передать вам удары пульса в этом Вавилоне: не знаю, успел ли! Я даже не хочу вам на этот раз писать о книгах, о лекциях в Сорбонне[44], о курсе Ройе-Коллара[45], о замечательных увражах *, что все бесспорно принадлежность, пояснение общества, но все как-то отвлеченнее, как-то дальше от настоящего парижского облика. В будущих письмах вмещу и эту статью, а до тех пор вот та последняя черта, которая должна, по моему мнению, уже непременно воссоздать полный образ новых Афин перед вами, подобно как в кабалистической[46] фигуре Нострадамуса[47] последняя черта выводила за собою тотчас бесика с рогами. Вот вам параграф о театрах.

Семнадцать — кроме концертов и панорам![48] Семнадцать — каждый день!.. В долгое мое пребывание в Италии я совсем отстал от водевилей и комедий с куплетами, и вдруг целый поток их вылился мне на голову. Естественным следствием было чувство удивления и какая-то моральная лихорадка, если смею сказать. Я никак не мог привыкнуть ни к одному из театральных условий, производящих здесь комические сцены: кареты, которые увозят не того, кого надо, люди, которые прячутся в корзинку один за другим и не встречаются; женщины, переодевающиеся в мужчин, и которых не узнают даже родители их, между тем как зритель по некоторым наружным признакам тотчас смекает дело; мужчины, переодевающиеся в женщин, и которых другие мужчины целуют в губы, нимало не чувствуя бороды, весьма заметной из партера, и миллион других нелепостей, совершенно сбили меня с толку. Мне все казалось, что если поверить всем этим водевилям, которые вам придется еще разбирать и на русской сцене, то должно будет согласиться, что общество составилось не разумно, а наоборот, сочинено каким-нибудь веселым юнкером после доброй бутылочки. Теперь начинаю я ощущать необычайную радость, когда вижу на афише прибавку к заглавию пьесы: «шалость, пародия, *charge* **». Ну, слава богу, думаю: хоть выведи мне полицейского, задумавшегося о первой любви своей, или ростовщика, плачущего на могиле своей матери, или какую хочешь нескладицу, — все будет хорошо: ведь это шалость! Да и парижане невольно чувствуют иногда потребность

* Увражах (*франц.* ouvrage) — литературных произведениях, сочинениях.
** Шарж (*франц.*).

выйти из этого шабаша происшествий, характеров и мыслей, родившихся незаконно, как будто брокенские ведьмы и колдуны создали для потехи и в пику настоящему свету свет театральный. Чуть явится пьеса, мало-мальски похожая на человеческую, — как гром этой новости разносится по всем концам Парижа (иногда переходит Францию, достигает моря великого Балтийского и не дает заснуть покойно переделывателю Адмиралтейской части [49]). Со всех сторон стекается тогда Париж в счастливый театр, имеющий человеческую пьесу, и она выдерживает сто представлений сряду. Это случилось с комедией «La Grâce de Dieu» [50]. В эпоху разврата прибыла в Париж хорошенькая савоярка. Через несколько времени возвращается она домой, измученная, обманутая, полусумасшедшая. На душе горько сделалось мне, когда в конце пьесы, по неслыханному отсутствию всякого такта, авторы привели молодого герцога к ногам обманутой им савоярки и таким образом уничтожили весь смысл предыдущих актов. Однакож не должно смешивать нелепость французскую с тем, что мы понимаем под этим словом. Русские нелепости — вещь странная: волосы становятся дыбом; французская нелепость, напротив, полна остроумных намеков, идет живо, и допустите только возможность лжи, лежащей в основании, согласитесь на нее, — выводы и следствия часто весьма забавны, а иногда и искусно расположены. Притом же все эти нелепости имеют счастье быть обставлены талантами, из которых каждый отдельно мог бы составить славу целого театра, — как г-жа Аллан [51] например! Сколько тут оттенков в самых талантах: почти для всякой ноты есть человек, который особенно хорошо берет ее: роскошь! Странное дело! ни одного почти из знаменитых актеров не видел я в естественном, нормальном состоянии: все возвели силою таланта бедные свои роли почти до очевидности, до созвучия с жизнью и действительностью. M-lle Дежазе [52] (театра Palais-Royal [53]) видел я в красных штанах, в белом парике, и со всем тем, как верна она была характеру гризетки, возвратившейся поздно ночью из маскарада на чердак свой, несмотря на чудные случаи, приключившиеся с нею в эту ночь. M-lle Соваж [54] (театра Variétés [55]) видел я в роли дамы двора Людовика XV, влюбленную в мулата, освобожденного невольника, и со всем тем как чудно сквозь ледяную, пышную ее физиономию пробивалось истинное чувство! Арналя [56] (театра Vaudeville [57]) видел я в роли притворного слепого, перед которым падают покровы, а по-человечески сказать, раздеваются девушки, и ни разу не перешел он в цинизм, все его ужимки и последнее восклицание, открывшее обман, все это было верно. Одного только Буффе [58] (театра Gaité [59]) видел я на твердой земле, в пьесе, которая имеет первые черты характеров, «Gamin de Paris» [60], — да больше и не нужно. Исполнить эти первоначальные указания есть дело актера, и как полна вышла роль у Буффе! Переходы от комизма к драме, от смеха к слезе и снова к смеху, в котором, однакож, дрожит еще остаток сильного чувства, были превосходны. Не упоминая о mesdames Плесси [61], Анаис [62], Леменель [63], о гг. Гиацинте [64], Равасе [65], Левассоре [66] и проч. и проч., оставляя все это до будущих писем, я перейду к светилам первых величин — к классической трагедии и новейшей мелодраме, к театру, куда

собираются пэры Франции, и куда ездит королевская фамилия (Théâtre Français) [67], и к театру, где собирается молодежь коллегий, воспитанники политехнической школы, да буржуа, жаждущие сильных потрясений (Théâtre Porte Saint-Martin) [68], — перейду, одним словом, к пресловутой г-же Рашели [69] и не менее знаменитому г. Фредерику Леметру [70]. Не подумайте, что Рашель мощью таланта претворила все длинные монологи в нечто живое и необходимое; не подумайте, что, в продолжение долгих и часто грозных повествований наперсницы или другого лица, все чувства сменяются постепенно на физиономии ее, так что мимическая игра актрисы поправляет все, что есть фальшивого в роли; не подумайте также, что, наконец, глубокое соображение, в соединении с вдохновением, побеждают все трудности, всю ложь классической трагедии и создают лицо возможное, великое, поэтическое (вещи, которые, говорят, делал Тальма [71]); не подумайте, сделайте одолжение, всего этого, — а вообразите высокую худощавую девушку, с черными, как смоль, волосами, которая декламирует стихи с особенным напевом, непохожим на старый вой, да непохожим и на действительную речь, и только в минуту сильного душевного порыва, особливо иронии, особливо негодования, ненависти или проклятия возвышается до высокого драматизма. Как-то судорожно сжимается лицо ее, слова бегут скоро-скоро (а сколько слов!), мерный стих дробится, поглощается, и часто конец монолога совсем пропадает, а вместо его видна только артистка в состоянии экстаза, с дрожащими губами и пламенеющим оком. Это хорошо! Жюль-Жанен вздумал было разрушить собственное свое дело [72], то есть колоссальную репутацию Рашели, и — не мог. Публика взяла сторону артистки: публике нравится новая ее декламация, ее вольности, ее порывы, даже несообразности ее, все ей нравится в счастливой дщери Исаака! Каким свистом покрыла она шутника, который в трагедии «Horace» Корнеля [73] вздумал было усмехнуться, услышав, что Куриаций говорит Горацию: «но твое рассуждение пахнет варварством», «tient de la barbarie», и та же публика хохотала до упаду в новой освистанной трагедии Вьенне «Арбогаст» [74], услыхав, что император Феодосий галантерейно говорит супруге зарезавшегося Арбогаста: «Не предлагаю вам утешений». А по-моему, я уже предпочитаю это последнее утешение тому первому варварству. Что касается до Леметра, то представьте довольно пожилого человека, который чудовищные свои роли играет весьма просто, не подготовляя зрителя к катастрофе и не разгорячая его ничем, в полной уверенности, что воображение гг. составителей мелодрамы постоит за себя. Это весьма умно. Выкинуть ли жену за окошко, как в «Ричарде Дарлингтоне» [75], отравить ли любовницу — плевое дело! Жена берется и выкидывается; нож в руки — и молодого путешественника как не бывало. Ужас достигается еще скорее этой простотой, беспечностью, так сказать, преступления, чем всеми возможными пояснениями актера; да и сколько раз случалось мне заметить в Петербурге, что слишком сильный талант портит мелодраму, думая поднять, возвысить ее. Та же метода у Леметра во все продолжение пьесы, при всех возможных толчках и во всех возможных положениях, какие только благоугодно было выдумать автору, и лучшего актера для этого рода

сочинений вряд ли где можно найти. Мне остается только сказать вам о двух операх, итальянской и французской. О, когда в первой Тамбурини [76], Лаблаш [77] и г-жа Персиани [78] сольются в одном звуке и потом, разъединившись, после множества уклонений, разными путями приходят опять к прежнему своему пункту, это апофеоз итальянской оперы и вместе человеческого голоса! К несчастью моему, Рубини [79] в Мадриде, и мне недостает, как и Парижу, еще одного звука в этой удивительной группе. Французская опера страждет недостатком талантов; все певицы обветшали. Исполнение «Жидовки» [80] и «Роберта» [81] зело посредственно. Дюпре [82], говорят, много ослабел, но все-таки в роли Елеазара услышать вместо свистящей фистулы, как мы привыкли, настоящий человеческий голос и вместо судорожного крика благородную ноту — не последнее наслаждение. Обстановка этих опер ничуть не лучше петербургской, за исключением их последних актов, которые здесь, разумеется, полнее, шире. Во французской опере танцует Фиц-Джемс [83]. Постарайтесь уверить кого нужно, что известные у нас средства, как-то: короткие платья и прочее, предоставлены уже провинциальным театрам и уличным плясунам, и тайна очарования перешла к составлению самих па, которые походят на фрески Помпеи, барельефы Капуи, достигают своей цели вернее и вместе не исключают грации — почему и дамы ими любуются, как любуются Венерой и Дианой...

Но когда же я кончу мою статью о театрах? Вот еще гремят трубы Франкони [84], вот еще висят картины на балаганах Campo Elysées * с чудными женщинами, ребятами-дивами, животными, укрощенными, как женский пансион; вот еще кафе-спектакли, где вы спрашиваете чашку кофе и покуда поглощаете ее за цену, ей определенную, разыгрывается перед вами народный фарс. Каждый вечер у бюро всех театров образуется масса народа, жаждущая дешевого билета в партер (2 франка, в операх — 4; места порядочных людей, то есть stalles d'orchéstre **, стоят 5 франков в маленьких театрах и 10 в операх); каждый вечер растягивается у всех бюро черный длинный хвост, постепенно приходящих за билетами, оберегаемый и сдерживаемый в повиновении солдатами с ружьями; каждый вечер врывается эта толпа во все театры, звучным говором изъявляет свое удовольствие и с многочисленными знаками нетерпения ждет удара смычка и поднятия занавеса. Мне казалось иногда, что толпа кричит: «газет и театров!» Но так как на другой день журналы ничего не говорили об этом, то я и сам сомневаюсь в достоверности известия и отношу это к впечатлению, произведенному на меня сильным изучением римской истории.

Я старался для первого моего письма отобрать самые яркие черты; но вижу, что труд мой пропал... Я забыл главную — забыл парижских женщин. Утомление превозмогает желание разобрать эту статью — до нового присеста. Как-то скоро, усиленно, полно живется мне здесь. Часы, дни, недели бегут быстро неимоверно. Не имею времени войти в самого

* Елисейских полей (*франц.*).
** Места в партере (*франц.*).

себя и порассчитаться с собственной особой... А между тем чувствую, что вся суета эта не похожа на праздность и безделье. Иначе отчего же было бы мне любо на душе? Праздность и безделье никогда еще не награждали человека довольством и весельем духа, ей богу!

Да, часто, любезный друг, по утрам выхожу я на набережную Сены, подымаюсь на мост Pont-Royal и, облокотившись на перилы его, смотрю на оба берега мутной реки. С правой стороны тяжелый, массивный Лувр соединяется длинною галереей с Тюльери, закрывая от глаз площадь Карусель и триумфальную арку Наполеона. За Тюльери идет его сад, оканчивающийся у площади de la Concorde *, с ее Луксорским обелиском [85], с которой уже начинаются Champs-Elysées, оканчивающиеся опять триумфальной аркой de l'Etoile. Поверните направо от Тюльери и вы выйдете на Вандомскую площадь, а с нее на знаменитые бульвары, на эти бульвары, преисполненные магазинов, ресторатеров, театров, где столько было кровавых сцен и сколько еще будет! С левой стороны реки видны на небе два купола — Пантеона и Инвалидного дома, составляющие как будто восклицательные знаки этому берегу, на котором красуется академия, палата депутатов, а далее вглубь — коллегии, Сорбонна, Люксембургский дворец, место заседаний палаты пэров. Прямо перед вами на самой реке виднеется остров Cité, зерно, из которого вышел Париж. Остроконечные крыши домов его прекрасно довершаются двумя башнями Nôtre-Dame de Paris **. И теперь скажу, когда все это пространство зальется народом, когда зашумит, заволнуется он, когда подумаю я, как внимательно смотрит Европа на его занятия и поведение — моя роль бесстрастного наблюдателя делается мне приятна и дорога. Есть в ней и наслаждение, и поучение! Мне кажется, как будто для занятия моего родились на свет все эти страсти, все эти теории, все эти победы и поражения. Играйте же, актеры, шуми, оркестр, и тешьте, и развлекайте меня, как это предписано условием для всяческих представлений! .. Прощайте!

IX

Париж. 7-го февраля 1842 года.

Праздники здесь начались весьма своеобычно, а именно — новою оперой Галеви [1], неистовыми балами-маскарадами в театральных залах, приговором к смерти трех заговорщиков [2] (после помилованных), осуждением журналиста Дюпоти [3], приговоренного к пятилетнему заключению, полною реакцией правительства духу неограниченной свободы и увеличением гарнизона. Я присутствовал на весьма важном заседании палаты пэров [4], когда адвокаты в черных своих мантиях и в трехгранных шапках, которые давали им очень большое сходство с портретами Вандика [5] и Рубенса, вставали один за другим, защищая каждый своего обвиненного клиента; я видел этого Дюпоти, которому судьба предоставила быть козлом покаяния журналистики, и в виде которого посадили на одну скамейку с убий-

* Площади Согласия (*франц.*).
** Собор Парижской богоматери (*франц.*).

цами всю революционно пишущую братию. Не возможно было дать более сильного урока! Трибуна обвиненных представляла контраст поразительный: на одном конце скамейки сидел Кенисе, выстреливший в принцев, плотный, ражий мужчина, с грубыми чертами лица и в синей блузе работника; на другом — молодой человек лет 33, щегольски одетый, во фраке, завитый, в белых перчатках, лев, одним словом! Адвокатское красноречие есть что-то условное, зело напыщенное, не исключая театрального эффекта и трескучей фразы, но поразительное особенно для свежих глаз, каковы мои, искусством отыскать уголок в кодексе, буковку, недоразуменьице, что-нибудь наконец, и если не закрыть обвиненного от меча правосудия, то смягчить удар по крайней мере. Есть что-то великодушное и в размахивании руками, и в придуманном понижении голоса, и в этих вопросах, долженствующих остаться без ответа, и в этих восклицаниях. Кажется, будто дело идет о собственной голове защитника; приходит мысль: вот человек, который для благородного своего подвига не погнушался бы сделаться балетмейстером, механиком увеселительной физики и даже составителем живых картин. Я думаю, Палье, неистово и прехитростно выпутывавший Кенисе, отдал бы половину своих доходов, чтобы какой-нибудь шутник сделал искусственный гром над головами пэров в средине его речи. Однакож последствия доказали, что ни главный прокурор Геберт [6], сидевший за особенным столом в красной мантии, ни канцлер, сидевший за другим, ни все почтенные пэры, сидевшие полукругом и украшенные почтенными сединами, а большей частью ничем похожим на волосы не украшенные, не были увлечены красноречием адвокатов. Дюпоти, почти сглаживавший важность настоящего преступника Кенисе, приговорен был к пятилетнему заключению, всегдашнему состоянию под присмотром полиции и уплате издержек, и Франция почувствовала наконец, что у ней есть чья-то сильная правительственная рука. Этим ударом и побочными, следовавшими за ним, совершенно нарушено то равенство борьбы между всеми партиями, о котором я писал в последнем письме. Напрасно журналисты выдали декларацию, а провинциальные прислали депутатов для подтверждения ее своими подписями; напрасно говорила она о гонениях на печать и принимала решение защищать свободу тиснения донельзя: это уж не тот манифест журналистов, с которого началось постыдное кровопролитие 1830 года [7]. Я видел вслед за этим следующее: 31-го декабря выпущен был из темницы Ламне [8]. Толпа молодежи и учеников собралась перед его окнами, кричала: «vive!», требовала появления его на балкон, как вдруг будто из земли появился отряд солдат, запер улицу с одной стороны, взял ружье под приклад и по команде офицера пошел тихо на толпу, сдавил ее, выгнал на бульвар и скрылся.

Душою всех внутренних и внешних событий — Гизо [9], замечательнейшее лицо нашего века. Сколько ненависти, сколько восторга! Решительно можно сказать, что во Франции нет ни одного человека, который говорил бы о нем хладнокровно и который с его именем не открыл бы все задушевные свои мысли. Притом же, он и загадка для современников: хочет ли он утвердить монархию на таком незыблемом основании, чтоб уже никакое столкновение партий не могло поколебать ее, или только

эгоистически хочет торжества своей партии мещанства, bourgeoisie; свергнет ли его палата депутатов, или он попрет это собрание — неизвестно...

На театре Porte Saint-Martin дается ныне презабавная шутка, под именем «1841 и 1941 год, или Париж сегодня и Париж через сто лет». Это одно из тех обозрений, о которых всякая новая выдумка, всякий новый роман, пьеса, происшествие, заслужившее почему-либо внимание публики в прошедшем году, находят каламбур, остроту, пародию. Пьеса открывается разговором работников у артезианского колодца: это знаменитый парижский Гренельский колодезь, который точно в прошлом году так проказил, как будто сам напрашивался в водевиль: во-первых, завяз в нем кусочек инструмента, которым ковыряли его, а во-вторых, вместо ключевой воды стал он выбрасывать массы грязи и возродил опасение в ученом мире и в правительстве, что обессилит грунт земли, на котором стоит Париж, и приготовит таким образом поглощение сего нового Вавилона. На сцене колодезь этот выбросил вместо грязи прехорошенькую девушку, легко, но благопристойно одетую — Истину, которая, в награду за случайное свое освобождение, дает зеркало владетелю колодца и говорит: «Ты узнаешь настоящее значение всех вещей». С этого начинается ряд сцен, выводящих чрезвычайно остроумно в карикатуре все, над чем плакал Париж, за что платил деньги, о чем толковал серьезно, а за ним и многие иные языки, все, чем восхищался. Теперь Париж ломится в театр похохотать над самим собою и сказать: «Какой же я был дурак!» Чудесная пьеса! И мне пришло в голову в антракте, когда отдыхал от беспрерывного смеха, разобрать вам ее ради поучения, пополнив некоторыми собственными комментариями, впрочем, везде ясный, сильный и во многих местах *высокого* достигающий текст ее.

Итак, вот является олицетворение нашего века открытий и выдумок в особе г. Блакфорта [10]. «Что я сделал в прошлом году? А вот посмотрите: я изобрел для артистов головного убора восковые фигуры женщин во весь рост, которые за зеркальными стеклами великолепных магазинов, освещенные сильным светом газа, повертываются весь длинный зимний вечер действием особенной машины перед глазами проходящих и толпы праздных гуляк, осуществляя таким образом возможность сказки Гофмана» [11]. Вслед за этим вносят пьедестал. Блакфорт нажимает пружину, и является девушка, великолепно расчесанная, с открытой грудью, и вертится медленно, вертится постоянно. Потом: «Я изобрел средство косые глаза возвращать на настоящий путь, так что с этих пор весь род человеческий будет правильно смотреть на вещи!» И тут же производит операцию, которая несчастного пациента обращает в какое-то чудовище. «Мало того: я подрезываю язычок в горле». И болезненное мычание молодого человека, потерявшего дар слова после операции, возвещает об успехе нового открытия. Наконец, показывает он ящик с замком-капканом от воров, имеющий один недостаток: он так дорог, что, купив его, вы ничего не оставите для сохранения, — и фельетон журнала с повестью, каждый раз отсылаемою к следующему нумеру, так что склеенные вместе листки составляют огромную ленту, для развития которой недостает сцены театра. Блакфорт тут же предлагает писать вместо: *окончание впредь* —

«Окончание завещаю законному наследнику моему». Тем и ограничился Блакфорт при исчислении новых открытий; но обозрение его далеко неполно. Куда же девал он объявления, печатаемые на последней странице журналов? А это последняя страница есть такой волшебный мир, с которым не может сравниться никакая фантастическая сказка. Там растут китайские деревья, приобретая в 13 дней толщину дуба, считающего себе сотенку-другую лет; там есть печь, которую стоит только внести в комнату, чтоб она обратилась в паровую баню; там есть порошки от известных болезней, не требующие ни малейших предосторожностей и столь невинные с виду, что вы можете глотать их перед 12-тилетней девочкой, и она спросит только: «Зачем вы едите конфекты, когда это зубам вредно?» Там есть неизносимые платья, шляпы, на которые пропущен был, с согласия Англии, Атлантический океан, и они выдержали опыт; несгораемые свечи, лампы почти без масла, сапоги, излечивающие подагру: совершенный ералаш физических законов мира! .. Необходимость сбыть товар произвела известный кредит, которым славится Париж, а необходимость иметь наличную деньгу произвела все эти шарлатанства и услужливость «гг. ремесленных профессоров», как они себя называют. Не солгу вам ни в едином слове, если скажу, что г. Штауб, знаменитый портной, оценив с опытностью знатока красоту моих луидоров, собственною своею особой изволит часто ждать в передней аристократического моего пробуждения. Говорят также, что я за честь заставить зевать Штауба от скуки плачу 10 и 20 франков лишних при каждой вещи... Та же нужда денег породила вещь почти непонятную: музыкальная газета, например, за 24 франка в год дает вам, кроме нумера журнала, десятка два новых романсов, десяток портретов виртуозов и три или четыре концерта, где участвуют многие знаменитости итальянской и французской опер. А вот это как покажется вам: вы подписываетесь на газету «Фигаро»[12], платите деньги и получаете билет абонемента. Кажется, и все? Как бы не так! Ступайте в любой из трех богатейших магазинов, приторгуйтесь к вещице и вместо денег заплатите билет абонемента: его примут как ассигнацию, а газету вы все-таки получаете как ни в чем не бывало. Тут уж человеческая догадка должна признаться в собственном бессилии, и тупой ум мой ничем другим изъяснить это не может, как только желанием гг. издателей ощутить, во что бы то ни стало, давление империала на ладони. Кстати о магазинах. Здесь существует приятное обыкновение дарить друг друга в новый год вследствие пословицы: «Маленькие подарки способствуют дружбе». Недавно огромные окна магазинов, а магазины здесь это целые улицы, это бесконечный переход от кашемира к едва существующим (так легки!) тканям и от них к бронзе, золоту, картинам, статуйкам и проч., — эти окна залиты были подарочными вещами. Конечно, прошел тот удивительный век, когда богатый человек мог сидеть на кресле, которое само по себе было художническое произведение, смотреться в зеркало, принадлежащее к истории искусства, когда Бенвенуто Челлини[13] помечал в записках своих: «Я сделал превосходную чашу кардиналу... Я выковал рукоятку кинжала для герцога...» и проч.; нечего и говорить: все зримое и покупаемое нашим поколением —

без стиля, ничтожно, мертвенно; но здесь как-то оно замысловато в собственном бессилии, хитростно в пошлости своей, мелочно со сноровкой, и есть некоторого рода польза и занимательность в рассматривании нынешнего ремесла в полном его проявлении. Наконец, упоминать ли вам о мелкой промышленности, которая собирает остатки обкуренных и брошенных сигар, чистит вам за 10 копеек сапоги, продает листки вечерних журналов за ту же сумму, играет на кларнете, придерживает вас за 5 копеек, когда вы выходите из кабриолета, и, словом, живет пылью, упавшею с ваших ног, прокармливается гвоздем, выпавшим из вашего каблука, спекулирует сброшенною перчаткой и проч. К числу, может быть, самых замысловатых выдумок нашего века принадлежат ухищрения воров, несмотря на бдительность полиции, которая, надо правду сказать, удивительна. У одного из знакомых моих вытащил из кармана фрака 300 франков молодой человек, спросивший у него о дороге куда-то и тотчас же узнавший в нем иностранца по ответу: «Я тоже иностранец, — сказал он, — и могу поделиться с вами некоторыми сведениями: вот площадь Согласия, это Луксорский обелиск, а это церковь Магдалины: обратите внимание ваше на горильеф фронтона»... А покуда он обращал внимание, кошелек противозаконно переменил хозяина. Последняя воровская штука, здесь случившаяся, решительно принадлежит истории мошенничества и водевилю. Известно, что дамы самого высшего легитимистского общества являются в дома «кетировать», собирать милостыню на бедных своего округа, и ради благородного своего подвига, даже в знак христианского смирения, вступают в комнаты холостяков, взбираются на чердаки и не гнушаются самых черных закоулков дома. Не нужно говорить, что сделало мошенничество проклятое... Подъезжает великолепная карета; человек в чулках и пряжках отворяет дверцу, выходит дама, щегольски одетая, по имени де-Фюсак или что-то такое на *ак*, и, обобрав порядком весь дом, благополучно отъезжает. Исправительная полиция, заседания которой, как вообще всех судов, публичны и находятся в Palais de Justice, старом здании на острове Сите, представляет иногда сцены занимательнее драм круглого года. В будущих письмах я вам опишу (разумеется, если ответите мне на это письмо) все здешнее судопроизводство, а теперь только скажу, что формы его одинаковы как для уголовного преступника, так и для хмелем ушибленного, и что мне казалось, будто с этими ограниченными формами нельзя даже Павлушу какого-нибудь выучить басенке г. Б. Ф.[14] Однакож нет... Да, впрочем, это после. Пояснив таким образом первую сцену, возвращаюсь снова к пьесе.

Толпа модисток с визгом выбегает на сцену, преследуя какую-то девушку в шубейке. «Подайте нам ее: она перепортила у нас все поддельные цветы, подмочила башмаки и расстроила все наши предположения!» «Да кто же ты?» — спрашивает почтенный старичок, владетель зеркала, у гонимой девушки. «Лето, сударь», — отвечает шубейка. Не знаю, справедлива ли эта насмешка над летом, но что касается до зимы, то это совершенная самозванка. На улицах грязь, недельку простоял холодок в семь градусов, да и пропал: фонтан Пале-Рояля бьет до сих пор, Сена течет без льда... Разговор модисток в этой сцене есть местная непереводимая

карикатура. Вообще, присутствие женщины в Париже поразительно заметно; решительно нет ни одного магазина, ни одной лавки, ни одного ресторатера, где бы не было за бюро и прилавком красиво одетой девушки, в передничке и ожерелье. Даже в публичных lieux d'aisance *, где берут с вас за удобство, соединенное с некоторою роскошью, 15 копеек, даже и там в конторе счетные книги ведет и деньги принимает молодая женщина, одетая в снуровку. В маскарадах Большой оперы лоретки в черных капуцинах своих интригуют, ревнуют или бесят своих поклонников; но что делается в зале тем первым классом, погибшим — это описать трудно! Женщины в мужских костюмах и мужчины в разных фантастических одеяниях, охватив, сжав друг друга, вихрем несутся вдоль залы, опрокидывая все, что попадется на пути. Вопли и бешеные крики неистового удовольствия возносятся до небес; громовая музыка не в состоянии заглушить адский шум; всякое движение есть обида, с умыслом нанесенная приличию; всякое слово — неблагоразумие или вольность человека, разорвавшего на некоторое время все связи с обществом и его условиями. В первый раз, как я увидел эту оргию, эту скачущую толпу, услышал эти визги женщин, меня кинуло в дрожь буквально: мне показалось, будто пушечным выстрелом выкинуло меня вдруг из настоящей жизни куда-то за две тысячи лет к вакханалиям [15] и луперкалиям [16]; таковы маскарады Парижа в Большой опере! Какая разница, боже мой, с балом, данным в зале Opera Comique [17] высшим легитимистским обществом в пользу ancienne liste civile, то есть пансионеров Карла X [18]! Билет стоит 20 франков. В 10 часов все ложи наполнились разодетыми дамами, и coup-d'oeil ** снизу на эти три ряда цветов, женских головок и туалетных драгоценностей был превосходный. В самой зале чинная теснота, толчки утонченной вежливости, молчаливые кадрили. Берье [19], знаменитый оратор легитимистской партии, принимал поздравления в ложах от дам за речь, произнесенную им в это же утро в палате против права взаимного осмотра кораблей державами: тут он изверг хулу на англичан [20] и поднял бурю. Но и Гизо, отвечавший ему, стоил поздравлений: его ледяная речь рядом с огненною импровизацией Берье, захватила энтузиазм палаты и остановила его. Наконец, упомяну вам еще о классе женщин: это гризетки, то есть девушки магазинов, труда, ремесла, которые для перенесения жизненных треволнений соединяются в группы тоже с трудом и ремеслом — со студентами, артистами, стихотворною и повествовательною молодежью, и все это участие женщин в обществе дает Парижу особенный характер, не без некоторой прелести, не без некоторого нежного оттенка. Скажу это для поучения тех, кто считает городок этот смесью крови и грязи [21] и укореняет такое мнение в публике.

Возвратимся к пьесе. Великое затруднение причиняет всем сущим на сцене бюст Мольера, которому никто не может найти приличного места, подобно тому, как правительство не знало, в каком углу Парижа поставить ему памятник. Происходит по этому случаю замечательный разговор:

---

* Уборных (*франц.*).
** Взгляд (*франц.*).

поставить его на площади Медицинской академии нельзя: он так часто оскорблял медицину; на площади Сорбонны нельзя: он не любил педантов; словом, перебрали все площади, и ни одна не годилась для Мольера: он оскорбил почти все площади и почти все народные памятники. Досталось бы от него, думаю, и нынешней Сорбонне, и нынешней Collège de France [22]. В этих двух зданиях происходят публичные лекции знаменитейших профессоров Парижа, получающих жалование от правительства, и лекции которых, посещаемые всеми классами народа, принадлежат к числу парижских зрелищ [23], во-первых, по отсутствию, по крайней мере в философских и литературных лекциях, строгой науки, а во-вторых, по необычайному старанию профессоров сделать чтения свои как можно остроумнее, пестрее, замысловатее. Никто так мастерски не наводит этого лоска, свойственного статейке, как Ампер [24]. Он читает историю французской литературы в XVI и XVII столетиях, разобрал Монтаня [25], как человека, писателя и философа, и перешел легким очерком Шарона [26] к Паскалю [27]. Это самое лучшее проявление французского анализа: текст писателя дает профессору обильный источник для отрывочных замечаний, всегда остроумных; сближение некоторых мест порождает особенную игру мыслей, где и софизм, и практически верная мысль равно искрятся и блистают; частые обращения к истории порождают эпизоды, где исторические лица группируются с верностью и увлекательностью современных записок, а все вместе образуют цветистую и занимательную лекцию. Только гораздо позже, когда вы пожелаете возвратиться к основной мысли, увидите очень простое положение, что XVI столетие, бурное, скептическое, породило необходимо-правильный, религиозный век Людовика XIV [28], а Монтань с холодным, несколько эгоистическим своим характером обратился, как свойственно этим характерам, к самому себе, написал, не думая, выводы этого учения и создал, во-первых, прекрасную скептически-философическую книгу, а во-вторых, прекрасную, живую, верную французскую прозу. Озанам [29] читает немецкую литературу, начав с «Нибелунгов» [30] и, мимо «Гудруны» [31], достигнув миннезингеров [32]. Это воплощение французского эклектизма, столь спокойного для изыскателя: все материалы под рукой — стоит только класть их всегда параллельно. Он находит в «Нибелунгах» то же присутствие *судьбы и теории возмездия*, как и в греческих эпопеях, и тут являются ему два ряда немецких критиков. Одни говорят: Гомера не было, и все, как древние, так и новые эпопеи созданы народом, а собраны только одним человеком. Другие говорят: Гомер был, и все эпопеи, старые и новые, созданы одним гениальным человеком, представителем народа. Эклектик тотчас мирит двух врагов, находя, что каждый отчасти прав, и это объяснение вопроса, как видите, немного трудное. Впрочем, Озанам привлекает огромную публику, и рукоплескания часто гремят ему сколько за занимательность самого сказания, столько и за те немецкие идеи, в которые он должен входить для химического процесса их соединения и переварки. Филарет Шаль [33] читает английскую литературу. Вступительная лекция его отличалась особенно произвольными положениями, весьма недостаточно оправданными, а следующие лекции показали это еще яснее. Разделение поэзии на услов-

ную и истинную, на ложную и верную, на искусственную и простую, не выведенное ниоткуда, а между тем пребеззаботно подтверждаемое примерами в том и другом роде, поражает глаза. Достоинство его лекций лежит собственно на большей или меньшей занимательности этих примеров и на большем или меньшем остроумии, с которым он их приводит. Эдгар Кине [34] еще не начинал своих лекций о литературе южной Европы. Кроме этих лекций, читаются курсы литератур китайской, коптской, санскритской, индийской и господь знает еще какой. Лекции естественных наук, ремесел всегда полны. Есть еще множество частных курсов. Недавно был я в институте, заведенном частными людьми для образования ораторов, в которых действительно так нуждается Франция. В положенные дни всякий может являться на кафедру института и говорить на заданную тему. При мне тема была: «о пользе искусств для оратора». Истинно сказать, часа два болтали пустяки, чему, впрочем, кажется мне, главною причиною была сама тема. Лучше всех о прекрасном и благородном говорил бывший издатель «Франкфуртского журнала» Дюран [35]. Он пользуется в Европе не очень завидною репутацией, но о тех вещах говорит всегда со слезами на глазах...

Я здесь достал у А. И. Тургенева [36] последние три тома Пушкина и, после четырнадцатимесячного воздержания от российской литературы, с первого приема наткнулся прямо на нашего псковского усопшего. Господи владыка, как он ударил по всему существу!.. Да вы, впрочем, не поймете, что значит читать за границей Пушкина. А здесь решительно ничего нет в литературе даже такого, чтоб наделало шуму. Французы совершенно согласны, что путешествие Гюго на Рейн — скучно [37]. «Майорка» [38] Жоржа Занда, тоже путешествие, расшевелило несколько умы, но скоро было забыто вследствие таковой резолюции: не может быть, чтоб «Майорка» была так хороша. Роман Бальзака, печатавшийся в «Siècle» и вышедший особенною книгой: «Записки двух девушек» [39], кажется, возбудил даже здесь негодование излишнею фигурностью выражения. Предпочитают ему «Кавалера Арменталя» Дюма [40], но многие говорят: «Я не читаю романов Дюма, потому что поджидаю, когда он переделает их в драмы: тогда будет легче, занимательнее, да и деньги хорошо употребятся: пьесу увидишь, и роман узнаешь». Книгопродавцы прибегли с горя к картинкам и великолепным изданиям, чтоб завлекать охладевшую публику; новый роман Сулье: «Если б молодость ведала! Если б старость могла!» издается еженедельно листками, со всею типографскою роскошью, и бог знает, когда кончится. В этом роде замечательны статейки, собранные под заглавием: «Животные, писанные ими самими (peints par eux-mêmes), а нарисованные другими», с прекрасными карикатурами Гранвиля [41]. Политические брошюры распространяются страшно, так распространяются, что одному человеку уже и вычитать нельзя, что появляется в неделю. Я только хожу да посматриваю на окна книжных магазинов, где каждый день является новая афишка. Вчера возвещали о брошюре: «Я бью стекла»; третьего дня: «Счет пощечин, полученных Францией»; сегодня: «Памфлет и история». Плюнешь всякий раз, да и отойдешь прочь!

Наконец, первый акт пьесы заключается пародией всех театров; тут в карикатуре являются целые сцены из замечательнейших пьес прошлого года, сыплются намеки на авторов, актеров и актрис, на писателей, деревянную мостовую, новые моды и черт знает еще на что. Думаю: только цензура помешала вывести на сцену палаты, магистрат, духовенство и двор. Так изволит тешиться Париж над самим собою. Второй акт, занятый будущностью Парижа, где пароходы ходят в тридцать шесть часов в Пекин, аэростаты летают в Гавану за сигарами, люди всех наций появляются на улицах всемирного города, вымощенных уже bois de pallisandre [42], фантастически довершает эту пьесу, доставившую мне более удовольствия, чем «Кипрская королева» Галеви с процессиями, серенадами, танцами; чем «Цепь» Скриба, поддерживаемая превосходною игрою Плесси в роли графини; чем несколько нахальный водевиль «Виконт Леторьер» [43], где Дежазе в мужском костюме так дерзостно хорошо читает; чем Арналь с уморительными ужимками в «Палатине» [44], Лафон [45] с иронией, скрывающей глубокую испорченность, в «Электрической цепи» [46], буф Левассор в фарсе «Синий чулок» [47], и сладенькая Вольпи [48] в сентиментальном водевиле «Парижские феи» [49], — более чем, вероятно, доставят удовольствие новоожидаемые письма Гюго, Дюма и Бальзака...

X

Париж. 18-го мая 1842 года.

Я выезжаю из Парижа на Рейн через Бельгию и Голландию собственно для того, чтоб в первой посмотреть гробницу Карла Великого [1] да купить две-три книжки французские за треть цены, а в последней поклониться в Саардаме великому русскому имени [2]. Когда я здесь говорю, что еду на Рейн, мне отвечают: «А, это туда, где на нас написали стихи» (народная песня Беккера: Sie werden ihn (Рейн) nicht haben) [3]. А кто с Рейна едет в Париж, так там, слышно, восклицают: «А, сходите же к Виктору Гюго, который хочет у нас Кельн взять («Рейн», Гюго), и скажите ему, что мы отнимем у него Страсбург!» Только и толков по обеим сторонам реки, что о реке [4]: увижу я ее, наконец, и вместе с З<аикиным>, который ждет меня в Кельне. К<атков> пишет, что собирается в Россию: хотелось бы видеть его, да вряд ли!

Я видел месяца два тому назад в палате Ламартина за работой: он ткал ввиду всех нас великолепное одеяние из золота, парчи, воздуха и вечерней зари своим мыслям о братстве народов, о подчинении всех иностранцев делу всеобщей цивилизации, мыслям, для которых изобрел и название политики социальной (sociale). Когда прерывали его, он складывал руки на груди, и благородная, аристократическая его фигура прекрасно рисовалась за мрамором трибуны. Этот уж Рейн нипочем ставит. Где Рейн! Рейна нет, а есть человечество. Ну, вот я разберу на месте и этот вопрос. Некоторого рода смешение царствует и по другим статьям, хоть, например, по статье о взаимном осмотре кораблей для прекращения торговли неграми. Прекратить торговлю — пожалуй; но согласиться на действительнейшую меру к прекращению ее — нет [5]. От этого чуть-чуть

не в один день палата отказывала в своем участии Англии, а из Англии приезжали ученые и филантропы на обед к герцогу Брольи для принятия мер к скреплению общества против торговли[6]. А чтоб ни одной ноты в этом аккорде не недоставало, человек-софизм, Гранье-Кассаньяк[7], очень хорошо понявший, что в наше время всеобщего движения вперед самое лучшее средство отличиться — это пятиться как можно более назад, издатель «Le Globe»[8], удививший Францию своею книгой «О происхождении дворянства и каст», крепко восстал *в пользу* порабощения негров. Самое великое смешение, однакож, представляется в Академии. Тут Токвилю[9] приходится говорить похвальное слово Сесаку, — не знаю, что он был такое, префект наполеоновский, конюший ли, господь его знает; Балланшу, с его «Паленгенезией»[10] и несовершенно уясненными на историю и человечество взглядами, рассуждать о Дювале[11], авторе «Влюбленного Шекспира», который так хорошо играется на домашних театрах; тут, наконец, принимают в Академию Пакье[12], не написавшего *ни одной строчки*, мимо Сент-Бёва и *господина* Патена[13], мимо Альфреда де-Виньи[14]. В этих приемах Академия хлопает, в продолжение года, трем-четырем самым противоречащим мнениям, как остроумно вывел Филарет Шаль: то ей нравится, что Наполеон есть остановка в прогрессе, то соглашается, что Наполеон — хороший человек, то похваляет наш век, то говорит: не мешало бы что-нибудь посущественнее. Прием Балланша породил умилительную сцену. Вместо больного Балланша его речь читал Минье[15] и в конце ее, обратясь в одну сторону, в угол, к самой двери, где сидел старик с продолговатым лицом, орлиным носом, блестящими глазами и клоками седых волос на открытом лбе, благодарил его от имени Балланша, разумеется, за дружбу, напомнив, что они оба — отшельники в сем мире, хотя один из них открыл настоящий век религиозною песнью[16], а другой, может быть, вниманию того первого обязан некоторою известностью. Гром рукоплесканий раздался со всех скамеек, со всех галерей, сверху, с боков и снизу. Шатобриан закрыл лицо руками и заплакал. С умилением смотрел я на почтенного старика, который пережил свое политическое влияние, которому скоро-скоро откажут и в титуле гения (уж и начинается!), но который оставит по себе память благороднейшей души, чистейшего характера. В одной из галерей сидела приятельница его, старушка Рекамье[17], с своим обществом и также хлопала. Я был у Рекамье на концерте (все это Александр Иванович Тургенев хранительно напутствует мне). Благородно просты комнаты ее. Из передней маленькая приемная с знаменитым горельефом Тенерани[18]; из приемной небольшая белая зала с огромною, но манерною картиной Жерара[19], изображающей г-жу Сталь в виде вдохновенной Коринны с арфой в руках. В этой зале пела Полина Гарсия[20] и Рашель—Федра декламировала страстные монологи. Как-то странны были в этой милой комнате и при этом обществе чинных дам и девиц ее сладострастные вскрики и полные жара описания... Кроме Гизо, Баранта[21], Шатобриана, тут был и Сент-Бёв, издавший вторую часть своего «Port-Royal», так хорошо обличающего болезненное воображение Сент-Бёва, который, начав с «Volupté», кончает теперь глубоким суровым мистицизмом янсенистов[22]. Тут был и Ампер,

так добросовестно и остроумно развивавший нам нынешний курс Монтаня, Паскаля и Декарта[23]; тут был еще Ленорман[24], Фориель[25], Сен-При[26] и пр. и пр. Турецкий посланник в красной своей феске и с благородною, задумчивою физиономией, свойственною всем туркам хорошей крови, тихо помавал головой, слушая Рашель и думая, вероятно, о других сильных страстях на другом конце Европы. Но из всех лиц, наполнявших залу, примечательнейшее лицо для меня была сама хозяйка. Есть имена, с которыми соединено всегда понятие о юности, красоте, грации: Юлия, Офелия, Мария Стюарт[27], Рекамье. Против всех правил эстетики последняя жива до сих пор, имеет большой чепец на голове, морщины на лице, неопределенную талию, и я подумал: нужна смерть для красоты!

Упомянул я за восемь строк несколько профессорских имен: должен прибавить, что нынешнюю зиму аудитории двух из них были особенно полны: Сен-Марк Жирардена[28] и аббата Дюпанлу[29]. Жирарден, профессор французской поэзии, придет, сядет и начнет веселый разговор со студентами Сорбонны: остроты, намеки, каламбуры даже образуют электрическую струю, которая постоянно возбуждает хохот слушателей, и та Сорбонна, в которой слушал лекции Данте, которая волновалась от вопросов Абеляров[30], Сен-Сиранов[30a], Декартов, хохочет нынче!.. Как бы порадовался г. К‹ор›ф[31], который, кажется, сказал, что гордится способностью хохотать и ценит ее выше всего. В нынешний курс Жирарден взял тему, которая так близка к обществу, что почти походит на политическую: это — о страстях, составляющих драму, где современных драматических писателей он уничтожает[32], ставя их лицом к лицу с старыми классическими писателями, а потом с греческими образцами. Оно. конечно, смело перед молодежью, которая имеет право свистка на лекциях и которая воспользовалась этим бесчестным правом сперва на лекции Ленормана за сравнение французской и английской конституций и предпочтение последней, а потом на лекции Мишле[33] — за хаотические, несвязанные его мысли о философии истории, где видно было только страшное желание сказать нечто близкое к высокому, sublime, не высказавшееся однако; конечно, смело — говорю — объявить этой молодежи, что любимые ее писатели разрабатывают в драме одно плотское страдание, одну физическую боль; это в Жирардене, как вообще у всех сотрудников «Journal des Debats» Шаля, Шевалье[34] и самого Жанена, происходит не от сильно возмущенного эстетического чувства, а от политических причин, да еще от свойственной всем им женоподобности, изнеженности, какого-то жалкого морального расслабления, печать коего носят они даже на лице и в голове и манерах. По всей справедливости, господа эти с ужасом отвращаются от безумного воя новейшей драмы; но они с таким же ужасом отвратятся и от всякого энергического душевного порыва.

Аббат Дюпанлу и проповедник Равиньян[35] составляют первые звенья той религиозной реакции, которая обнаружилась в последнее время в Париже[36]. Надо вам сказать, что обстоятельства приготовили и очистили ей дорогу, так что появление ее никого не удивило. Всякий, кто пожил в Париже месяцев шесть или семь, как я, скажет вам о необычайном равнодушии общества ко всему, что делается перед глазами его, о потере

им последней веры в свои собственные идеи, в дело рук своих, о изнеможении и апатии его[37]. Некоторые происшествия, вам известные и которые никогда не могли бы случиться в другое время, ясно подтверждают мою мысль. Присматриваясь ближе, я заметил или показалось мне, что даже волнение и протестации врагов настоящего порядка вещей не искренни, энергия их насильственна и подложна. Да, они ни к чему не готовы, ничего не определили и слабы, не имея никакого разумного будущего. И вдруг раздается голос старого католицизма, который никак не может отстать от Западной Европы, им вскормленной, и является к детищу тотчас, как задумалось оно после тревоги широкого пира. Если принять в соображение, что теперь идет дело не о семинарии, не о десятине какой-нибудь, а о введении католицизма в нравы и о принятии им под покров свой всех вопросов века, то нынешняя религиозная реакция может иметь важные последствия для Франции. А может быть, и ничего не будет; она явится и разлетится как мираж; уж их сколько было!.. Дюпанлу занимает кафедру духовного красноречия в Сорбонне. Нынешнюю зиму тема его была: об отношениях гения к церкви... Дюпанлу — лирик до излишества: часто случается, что самая мысль теряется в бесчисленном количестве образов и картин, которыми он обставляет ее; лекции его походили на непрерывную перемену декораций: но зато огромная аудитория, вмещающая в себе до трех тысяч человек, была недостаточна для всех жаждущих насладиться его импровизацией; но зато мертвая тишина царствовала во все время, как текла его речь; но зато оглушительные рукоплескания раздавались при всяком перерыве ее, при всякой остановке профессора. Проповедник Равеньян — совершенно в другом роде. С высших ступеней общества сошел он в ряды монашествующего ордена, и речь его отзывается непреклонностью глубокого убеждения, энергией, скажу даже — некоторым родом деспотического убеждения... «Проповедники посланы к вам», — сказал он в одной из своих проповедей удивленным парижанам, — «не для того, чтоб добиваться ваших похвал и прислушиваться к вашим толкам: они посланы учить вас и требовать покорности»... Широкий лоб его, впалые глаза и сухощавое лицо доказывают лучше всего, что он, как шелковичный червь, по выражению Гёте, плетет нить из самого себя, из собственной внутренности; старания его в нынешнюю Страстную неделю собрать *многозначительную* толпу под хоругвь религии увенчались полным успехом. В день Пасхи 2000 человек явились к причастию. Я был на некоторых из этих поучений[38], происходивших в 7 часов вечера в Nôtre-Dame de Paris. Старая церковь, плохо освещенная несколькими лампами, составляла чудную раму энергическому проповеднику, и покуда говорил он о нарушении грехом всеобщей, мировой гармонии, о разъединении души и божества, которое составит посмертное мучение первой, как составляет ее страдание здесь на земле, я украдкой смотрел на своды, висевшие из темноты над головой моею, на переходы церкви, залитые мраком, из которого выходили только колонны, стремившиеся вверх, да белые статуи алтарей. Аббат Ботен[39], бывший профессор Страсбургского университета, представляет третье лицо этой религиозной пропаганды, и блестящею своею речью, свободой и чистотой

французской фразы своей сделался исключительным проповедником аристократического женского общества, с принцессой Клементиной, дочерью короля, во главе... А между тем вы уже предчувствуете, что, верно, в каком-нибудь конце Парижа есть нечто диаметрально противоположное всему этому; это почти так же необходимо здесь, как в симметрической архитектуре второе отверстие по случаю существования первого. Есть, есть! Как не быть! Вот новый проповедник г. Шатель[40], который воспевает хвалы даже автору «Орлеанской девственницы»: я вспомнил о процессе, бывшем месяц тому назад в исправительной полиции. Я думал, что поколение отвратительных книжонок, порожденных концом XVIII столетия и которыми наполнены библиотеки провинциальных помещиков, уже прекратилось во Франции. Нет, недавно захватили книжонку г. Боналя «Les lamentations sociales»[41] при самом выходе ее из типографии, и судьи (французские судьи! видели и слышали они многое! не легко привести их в краску!), эти судьи потребовали тайного заседания, á huit clos * из опасения оскорбить разбором этой книжки общественное приличие, публичную нравственность. Напрасно хотел я потом взглянуть на это чудище: ни в одной лавке нет, и *матери дочерей* вон высылали, когда я спрашивал о ней.

С появлением спаржи, молодых артишоков и зеленого горошка у ресторатера начинается весна в Париже. Конечно, можно сказать, что и позеленевшие аллеи Champs-Elysées и Тюльери доказывают ее наступление, но не столько. А что уж без всякого возражения свидетельствует справедливость показания календаря, несмотря на противоречащий ему сырой ветер, так это закрытие выставок: художественной, севрской, гобеленовой и проч. Я вам не писал о конкурсе на сооружение памятника Наполеону[42]. Проекты, представленные по этому случаю художниками, могли бы составить поучительнейшую статью для эстетики. Представьте себе сотню голов, занятых мыслью произвести что-нибудь великое, неслыханное, необъятное, как сам человек, которому надобен, по мнению Франции, памятник... Что из этого могло выйти — вы догадываетесь: чудовищности неимоверные. И действительно: один хочет повесить гроб его под куполом церкви Инвалидов; другой — создать огромный кристальный шар, освещенный газом и вращающийся на своей оси, с драгоценным прахом внутри; третий предлагает нечто вроде гигантского фокуса-покуса, то есть, машины, которая будет выставлять круглый год, в тот самый день, как были выиграны баталии, изображения их. Благоразумнейшие из художников ограничились только гиперболическими аллегориями: шар земной, раскалывающийся под стопой великого, все столицы Европы, покрытые щитом его, и проч. и проч. Были и такие, как граф Батар, например, которые хотели напомнить некоторые частности из жизни императора. Огромный кусок гранита, обведенный великолепною золотою решеткой, доказал бы, по его мнению, простоту одеяния и привычек Наполеона, а вместе — роскошь туалета и блеск окружавшей его свиты. Вот истинно художническая идея! Удивительно, как никто не подумал изобразить в виде пре-

* При закрытых дверях (*франц.*).

красных женщин, летящих гениев, рогов изобилия и труб, надуваемых славою, обыкновения Наполеона складывать руки на груди, выставлять ногу вперед, щипать себя за ухо.

Но надо сказать и то: лишь только француз начинает задумывать серьезное oeuvre capitale *, как говорят здесь, — в художествах или литературе, все равно, первая мысль, поражающая его мозг есть: «что бы *доказать* такое?» Вам известно, что все «Лукреции Боржии», «Марии Тюдор» и «Марионы Делорм» В. Гюго доказывали различные идеи. Я нарочно привел примеры из драматической литературы, потому что в ней всего виднее это направление. Вся нынешняя зима была преисполнена подобных сценических доказательств; не говорю о бульварных театрах Ambigu, Gaité, Folies [43], которые назло своим титулам, были притонами страшных мелодрам, основанных единственно на разных невозможных происшествиях (это-то именно и составляет их прелесть для народа с живым и несколько испорченным воображением), но о театрах, имеющих притязание на литературность, каковы Одеон и Porte Saint-Martin. Одеон доказывал, например, следующие положения, признанные и обсужденные потом всеми критическими листками: «горе народу, выдающему защитников своих» (драма «Палермский трибун») [44]; «почести портят сердце» («Кедрик-норвежец», драма) [45]; «гений редко признан бывает современниками» («Плутни Кинолы», комедия) [46] и проч. Эта последняя вещь принадлежит Бальзаку. Вероятно, вы уже знаете, что никогда, an grand jamais **, не разрешался в страшном неестественном своем напряжении мозг человеческий чем-нибудь близким к этой нелепости. И произошла она не от порочного устройства умственных способностей в авторе, а от непомерных притязаний его, от желания подняться до облака ходячего. Тут же еще и Шекспир вмешался... Истинно сказать, что с тех пор, как Франция открыла Шекспира [47], потеряла Франция сон, аппетит и веселость. А сказать правду, так в целой Европе всякое литературное преступление производится во имя Шекспира. Круглый год нет двух пьес в нашей части света, которые произошли бы от наблюдения человека и жизни и которым не повредило бы желание автора поздороваться и подать руку Шекспиру. Что за вредный «сочинитель»! Да когда же выдадут закон против него? Широкий юмор его, его кончетти, игра слов его породили в «Плутнях Кинолы» («Ressources de Quinola») самые чудовищные вещи, и между прочим эту реплику: «Ему (Киноле) более известна любовь к механике, чем механика любви», а может быть, и наоборот: наверное не знаю. Знаю только, что когда пьеса приближается к этому месту, так напоминающему бесхитростных актеров Вильямова балагана [48], партер великолепного Одеона, доселе буйный и непокорный, вдруг притихает; лицедей, произносящий знаменитую фразу, приближается к лампам и при мертвой тишине произносит ее с расстановкою. Минуту затем царствует невообразимый шум, хохот, крик, вскоре покрываемый однакож ярыми: bis! bis! Снова наступает торжественная тишина, и актер снова

---

* Капитальное произведение (*франц.*).

** Никогда в жизни (*франц.*).

подходит к лампам с несчастною фразой во устах. Только после третьего и четвертого раза, вдоволь насытившись величием и глубиной ее, публика утихает, то есть покрывается и уходит.

Но возвратимся к пьесам на темы. Есть из них такие, основная идея которых даже в одну строчку и не упишется, а требует долгого и несколько сложного развития. Так «Жарвис», драма Дюма и еще другого господина, игравшаяся на театре «Porte Saint-Martin», по единогласному свидетельству всех критиков, написана для того, чтоб доказать, как предосудительно принимать на себя звание редактора-ответчика политического журнала из видов корысти, и как все низости, клеветы и преступления, свершаемые настоящими издателями, падают на лицо редактора и покрывают его всеобщим презрением, хотя бы сам он не имел на душе ни одной печатной строки, или хотя бы какая-нибудь благородная цель понудила его дать свое имя на прокат зависти, пороку и злобе... вот! Представьте себе, как приятно смотреть пьесу, когда знаешь наперед маршрут, растаги * и место следования всех ее страстей, перипетий и катастроф. В одном только случае позволяется хорошему писателю для сцены ничего не доказывать, именно — когда вздумается ему представить лакея, цыгана, бродягу благодетелем могущественного герцога, спасителем знаменитой принцессы, человеком, который держит в своих руках часть какой-нибудь важной фамилии или даже судьбу целого княжества (итальянского, обыкновенно). Тема эта здесь в большой моде. Вот и нынче на театре «Porte Saint-Martin» с успехом играют драму «Цыган Парис» [49], который устраивает благополучие Милана так ловко, как будто дело шло о краже лошади или обмане хохла. Фредерик Леметр появляется в пяти или шести разных видах и очень хорошо представляет сперва комедианта, потом жида, потом раба, умирающего в судорогах; но странная вещь, по окончании спектакля как будто он ничего не представлял: все сгладилось, пропало, забылось, словно вас добрый паралич хватил при выходе. Точно то же направление и в художествах: аллегория и какая-то изнеженная, рассеянная грациозность...

Впрочем, достаточно о важных пьесах; la specialité **, как говорится, Парижа — это пьесы *незначительные*; а так как каждый из театров имеет свой определенный характер, то, встав поутру и посоветовавшись с собственною совестью, можете без афиши назначить себе зрелище на вечер. Расположены ли вы смотреть грациозный цинизм — ступайте в Palais-Royal: там играют г-жа Дежазе и гг. Ашар [50] и Туссе; предпочитаете ли видеть комедию talon rouge ***, то есть любовных интриг времени Людовика XV, — ступайте в Variété: там играют г-жа Соваж и гг. Лафон и Левассор; намереваетесь ли посмеяться над современностью — ступайте в Vaudeville: там играют г-жа Дош [51] и гг. Арналь и Лепентр; наконец, желаете ли теплого впечатления от семейной драмы — ступайте в Gymnase [52] (благороднейший из всех театров): там играют г-жа Вольпи и

* Растаги (от *франц.* rastaquouère) — авантюры.
** Специальность (*франц.*).
*** Щеголь (*франц.*).

бесподобный Буффе. Если прискучали вам все обстоятельства, в которых может находиться человек, — ступайте к Франкони смотреть на лошадей: обучены весьма основательно... Не нравятся вам лошади — ступайте в Rue Vivinne на каждодневные концерты Мюзара[53] по одному франку за вход. Если увертюры, кватоуры* и септоуры** причиняют вам расстройство в нервах — ступайте в Rue Lepelletier на курс магнетизма с опытами. Если сомнамбулка не разберет посредством брюха любого русского романа — махните рукой и ступайте в Rue Saint-Jacques на курс френологии с опытами[54]. Устрашитесь ли вы всезнания френолога — бегите вон, закрывая череп шляпою, нанимайте фиакр и ступайте на один из публичных балов Прадо, Salle Saint-George, La grande Chaumière[55], где можете свести весьма *приятные* знакомства. Нелюдим вы и на дружество не податливы — ступайте в один из кабинетов для чтения — советую в Rue Richelieu, к Гальяни[56], — усаживайтесь в покойные кресла под лампой и читайте, как сгорел Гамбург дотла, как подкупает выборы министерство, какие процессы разбирались вчера в Palais de Justice, и прочее, и прочее. Но может статься, у вас глаза плохи, при газовом освещении делается воспаление, — так уж ступайте по направлению к Place de la Bourse, и в одной из улиц, прилегающих к этой площади, увидите вы дома с маленькими беленькими дверями, чистенькими, узенькими лесенками из сеней. Войдите по первой лесенке, какую выберете, отворите дверь и вы очутитесь в новом приятном обществе.

Случилось страшное происшествие на версальской железной дороге: сто человек мужчин, детей и женщин сгорели живьем в четырех вагонах, запертых на ключ, обливаемые кипятком опрокинувшейся и лопнувшей машины. В числе жертв находился Дюмон-д'Юрвиль[57], сгоревший с женою и четырнадцатилетним сыном.

XI

Кёльн. 19-го июня 1842 года.

Пишите в Мюнхен; оттуда хочу послать вам рапорт о странствовании по Рейну, об аллеманских государствах[1] *и идеях*, в них обитающих. Вы знаете, что людей здесь весьма мало, — только идеи да филистеры. До сих пор путешественник, который, по выражению Хлестакова[2], любит этак пофилософствовать, чувствует весьма ясно и определительно, что плывет по источнику, вышедшему из того огромного резервуара, который называется Парижем. Этот невидимый моральный ток проходит всю Бельгию, разветвляется налево в Голландию, направо в Люксамбург; но тут он и пропадает. В Кёльне другая жизнь, другие головы и другие в них *геданкены****.

Народная синяя блуза пропала, и вместо ее на грациозном корпусе немца появилась куртка, открывавшая моему изумленному глазу порочное устройство германских ног вообще и странные углы того мешка, который

---

* Кватоуры (от *франц.* quatour) — квартеты.
** Септоуры (от *франц.* septour) — септеты.
*** Геданкены (от *нем.* Gedanken) — мысли.

начинается на спине тотчас, как куртка оканчивается. Однакож, по закону всемирного равновесия, ничего не может быть потеряно на свете, даже фалда. Итак, все, что утратило в полноте и размерах платье, приобрела трубка. Эта трубка, беспрестанно встречающаяся на улицах, захваченная по верхнему концу сильною тевтонскою челюстью, подвергает иногда близорукого странному оптическому обману: издали кажется, что человек везет тележку. Вместо строго расчисленного французского стола показались снова эти обеды table d'hôte *, где настоящее блюдо, окруженное бесчисленным количеством соусов и приправ, походит на арестанта, препровождаемого с доброй стражей в этап. Нет также кафе, эстаминетов ** с вечным волнением народа около них, а есть прогулка в садах, где под каждым почти деревом стоит стол, а около него расположилась особнячком целая фамилия, охраняемая домашним пуделем от набега и преступных замыслов посторонних посетителей. Во всю дорогу следил я от скуки за физиологическим изменением женщин. По мере удаления от Парижа женщина в глазах моих постепенно и видимо теряла хрупкость членов и крепчала. Здесь это существо полное, румяное, переполненное жизнью и здоровьем. Гарнизон здешний опускает от стыда глаза вниз, когда проходит по улицам к вахтпараду, и Беккер мог бы, движимый вдохновением, воскликнуть, как Макбет: «Рождай мне только дочерей, Рейн!»[3] Наконец, уже не увидите вы здесь злостных энергических физиономий, на которых, не будучи Лафатером[4], можно читать все человеческие страсти (так разборчиво и крупно они написаны) и которые так часто встречаются во Франции и Бельгии. Чем-то тихим, успокаивающим веет от всех здешних фигур. Нигде нет такого несоразмерного количества счастливых лиц. Каждая голова имеет светлые глаза и ими смотрит на вас с неописанным выражением довольства, благополучия, душевного мира и *желанного состояния совести*[5]. Еще Байрон заметил эту особенность[6], которая и составляет одну из главных прелестей рейнских берегов.

Но я скучаю. Особливо чуждо и как-то странно мне, после легкомысленного французского приложения к действительности и настоящей минуте всех современных явлений, встретиться здесь с противоположною крайностью — возведением самых будничных, вседневных вопросов до ученой исторической, философской темы, до положений многознаменательных. Вы скажете: «это очень хорошо». Я тоже думаю; но знаете ли, как теряет от этого современность все краски, как текучая история делается незанимательна, отвлеченна, и как движение мнений заступило место движения лиц, появления характеров, столкновения страстей? «Это успех», — вы скажете. Согласен, но вот, видите ли, какая невыгода. Чтоб жить в 1842 году, надобно не выходить из кабинета; чтоб видеть свет, надобно иметь книгу и очки; чтоб знать, что делается, надобно записаться в библиотеку и иметь лейпцигский каталог. Действительно, важна не кёльнская католическая протестация[7], а важно сочинение: «Государство и религия»; не ганноверская оппозиция[8], а трактат какой-нибудь юридической «О кон-

---

* Табельдот (*франц.*).
** Эстаминетов (от *франц.* estaminet) — кабачков.

ституционных властях», или лучше «О диэте», или о чем-нибудь таком же. Конечно, это весьма занимательно; но мне, горькому, до крайности любящему происшествия, обстоятельство это крайне обидно. Едешь, приехал — никакой мало-мальски странной историйки ниоткуда! Господи боже, что это такое? Я очень хорошо понимаю Берне[9], который радовался за всю Германию, что у него украли из кармана часы в Цвейбрюкене, и говорил: это хороший знак! Я не знаю, что бы я дал, если бы *у моего соседа* украли часы для развлечения моего; да где! И надеяться нельзя от этой страшной немецкой честности, от убийственного расположения к порядку граждан сего племени, от совершенной их неспособности сделать что-нибудь не вседневное. Клеветники говорят, что в Германии случаются преступления: вы понимаете, как это мнение ложно и неприлично. С какой стати быть преступлениям в Германии? Чувствует ли здешняя особа последних 10 классов ревность — она пишет статью о ревности; хочет ли отомстить — рассуждение о чувстве мести, вот и все. Впрочем, эти строгие мои замечания прошу вас отнести к тому, что вот пять дней живу я один-одинехонек в Кёльне, поджидая З‹аики›на и смотря в театре самую прозаическую «Фенеллу»[10] когда-либо мною виденную, с таким лавочным *аусзихтом* *, что она могла быть посажена в тюрьму только за долги; смотрю на берегу Рейна его зеленые горы и пароходы, реющие по нем с баденскими картежниками и другими путешественниками; смотрю в городе чудную половину собора, треть колокольни и 1/10 соседней башни, что все вместе составляет и начало здания, и развалину: две вещи, соединившиеся великолепно. Вот стоит новая подмостка для работников, а уж плющ вьется по стенам недоконченной башни и трава колышится на платформе ее. Архитектор кладет камень наверх и камень вниз, поправляя испорченное временем и в то же время продолжая. Сколько разбитых стекол, сколько упавших столбов! Однакож масса спицев самого собора, выведенная за триста лет, высится вся сполна, образуя колоссальный паук, которому подобного нет. Как ни много видел я церквей, но здешние византийско-греческие: Герсона, Мартина и Апостолов — поразили меня.

Кстати о церквах и зданиях. Я жил в Брюсселе, столице того странного государства, которое имеет огромную книжную торговлю, не имея литературы и литераторов, и связало все свои города цепью железных дорог, так что они сделались почти предместиями чистенького и несколько монотонного города-столицы. Как паук, сидел я в центре этой сети, и чуть появилась мысль в Гент, Антверпен, Берген ехать, — я уже там, всякий раз, впрочем, каким-то чудом находясь опять в десять часов вечера в своей маленькой комнатке трактира du Grand Miroir **, rue Montagne. Поезд пробегает пространство в сто верст в $3^1/_2$ часа со всеми остановками: плодородные поля Фландрии опрокидываются тогда перед вашими глазами; счастливые фламандские деревни оставляют впечатление белой ленты с красною каймой от цвета домов и крыш; трубы бесчисленных брабантских фабрик бегут одни за другими, как солдаты разбитого

* Аусзихтом (от *нем.* Aussicht) — видом.
** Большое зеркало (*франц.*).

отряда, и из всей вселенной неподвижно только одно небо над вами. Таким образом, стоя одной ногой в Брюсселе, осмотрел я все эти памятники величайшего развития готизма (конец XV столетия), которыми наполнены города Бельгии: башню Мехельна, колокольню Антверпенского собора, ратушу Гента, ратушу Лёвена, вече (beffroi *) Бергена и проч. Мне вздумалось даже (праздность есть мать выдумок), мне вздумалось даже прочесть, что такое написано на этих сквозных, летящих, говорящих массах (известно вам, готическая архитектура есть архитектура по преимуществу беседующая: ратушу Лёвена, например, можно читать, как книгу); итак, лишь только стал я разбирать каменное письмо, как открылся передо мною новый мир. Я открыл необыкновенные характеры, новые фантастические лица, не подозреваемые никем рассказы, неизвестные еще черты юмора. Я уже хотел писать об этом открытии в арзамасскую академию искусств [11], как через неделю в окнах одного из здешних магазинов увидел все мои открытия прекрасно нарисованные, еще лучше раскрашенные и объясненные очень точно и вразумительно.

Проклятый век! Чего только не сделал он общим местом? Нет такого впечатления, которое не было бы уже известно тысячам, такой мысли, которая бы не приходила в другую человеческую голову. Как вы думаете: чтоб написать занимательное письмецо к приятелям в Петербург, нужно уехать, по крайней мере, в Тимбукту, к кафрам или в Вандименову землю [12]. Вот в Бергене стоял я перед ракой или, лучше, ларцем св. Урсулы с миниатюрами Гемлинга, украшающими его. Эта живопись — история святой, напомнившая мне Италию и великих сынов ее: Джиото [13], Фра-Беато [14], Массачио [15], наградила меня самым добрым чувством. Я непременно хотел дать вам отчет об этом чудном произведении, где простота сочинения, ощутительность всех выражений в лицах превосходно отделяются идеально поэтическою фигурой святой, являющейся в среде всей этой действительности всегда как видение, как луч или как вдохновение, я хотел, говорю, написать вам об этом подробно, но, взглянув на великолепное in-folio **, изданное о том же предмете и которое вы можете найти хоть в лавке Исакова [16], устыдился я и отложил перо. В Ахене стоял я перед мраморным троном Карла Великого, на котором сидел он в гробнице своей и на которой потом короновались 30 императоров; смотрел на золотой византийский ларец, где хранят кости его, на саркофаг, где покоились ноги императора и который прежде, говорят, служил гробом Августу, — все это вместе с необычайно смелыми сводами церковного хора произвело на меня впечатление странное... Я хотел написать вам об этом подробно, но, вспомнив, сколько тысяч таких впечатлений было до меня и как еще недавно Виктор Гюго достиг крайней степени пафоса за таковым же занятием, — снова устыдился и отложил перо. Наконец, здесь, в Кёльне, с какою любовью осмотрел я раку, где покоятся три восточные царя, шедшие за звездой в Назарет [17], как твердил я их имена: Гаспар, Мельхиор, Балтазар, как ходил потом в церкви Апостолов, вспоминая о благородной

---

* Дозорная башня (*франц.*).
** Книга (форматом) в пол-листа (*франц.*).

жене фрау Рихмодис, погребенной здесь заживо некогда во время чумы и вышедшей из склепа благодаря сребролюбию церковного пристава, пришедшего красть драгоценные перстни с ее пальцев; как, наконец, в церкви св. Урсулы с уважением обходил двойные ее стены, наполненные костями десяти тысяч кёльнских дев, принявших мученическую смерть... Да! думал я: непременно напишу вам о всех преданиях, легендах и сказаниях, существующих на Рейне и составляющих вместе с горами, окрестными благодатными (да здравствуют они! урожай нынче будет счастливый) виноградниками вторую, не менее прелестную, хотя и невидимую его рамку, — и что же? В тот самый день на столе моем лежала книга, сам не знаю, как очутившаяся: «Полное описание всех преданий, легенд и сказок, существующих на Рейне. 1842 года, Типография Котты[18] в Тюбенгене». Скажите сами: после всего этого можно ли человеку, уважающему самого себя и не желающему быть ни литературным вором, ни компилятором, писать приятелям в Петербург письма, которые они, вдобавок, еще и печатают?

Употребляя трагический стиль, скажу: вижу, судьба повелевает мне говорить только о самом себе; покоряюсь этой неумолимой судьбе. О чем же больше говорить из Европы? Притом же я здесь замечаю необыкновенную странность. Все окружающие меня жаждут знать, кто я такой. Сосед за табельдотом, видимо, страдает желанием узнать, кто я; хозяин гостиницы осведомляется о том же с участием; полиция отбирает сведения, едва скрывая любопытство. Однакож, несмотря на лестную аттестацию сию, я в обман не даюсь; на все их расспросы отвечаю таким простаком: приехал-де сюда покурить сигарочку, пробираюсь же в Баварию собственно пивца тамошнего отведать.

Выезжая из Парижа, я имел в виду насладиться созерцанием фламандца, этого существа, которое как электрический угорь, издающий удар от прикосновения, только в торжественную минуту жизни открывает все богатства, все сокровища глубокой натуры своей; но, увы, напор моральный со стороны Франции уничтожил все это племя, которого достославным представителем был всегда для меня фламандец «Конетабля Честерского»[19]. Где тяжелая походка, где эти наружное спокойствие и брюзгливость, скрывающие вполовину истинное чувство и восприимчивость сердца? Ничего нет! Во всей Фландрии фламандского только и осталось, что огромные пивные сосудины, «чаши, во истину дьяволу обреченные»[20], по выражению Курбского, ненавидевшего несоразмерные ковши эти, как и я. Один только раз встретил фламандца, и то вне отечества: я встретил его в Лютихе, на возвратном пути из велелепной Намурской долины, орашаемой Маасом-рекою. Приехав в Лютих[21], взял я шестидесятилетнего старика указать мне дорогу к церкви св. Иакова, узорчатой, как киосок, да к мрачному бесподобному двору бывшего дворца епископов-принцев, и этот старик оказался, во-первых, фламандцем, а во-вторых, человеком, который сперва был в Москве, как завоеватель, а потом в Саратове, как пленник. Он шагал передо мною, беспрестанно повторяя одну казацкую фразу, оставшуюся у него в памяти: «Ну, пошел на двор, собака-француз!» Фразу эту оканчивал он русской поговоркой, которая употребляется у нашего народа, как соль ко щам, как масло к каше. Я просил растолко-

вать мне значение последней поговорки, и он сделал это так точно, как делает Дюма с иностранными речениями и обычаями. Спокойно, но медленно, как будто с усилием рассказал он мне бедствия в плену, освобождение и новые домашние бедствия... Старик окончил горькую свою повесть живым восклицанием: «А каков Париж теперь? При Наполеоне был город славный!»

Хорош и теперь. Я оставил его в страшном волнении. Начались выборы[22]. По признанию всех публицистов, от этих выборов зависит участь Франции. Все партии, все честолюбии, все надежды сшибаются, перекрещиваются, отбегают, чтобы снова ринуться; но еще никто не знает, какого цвета и характера будет новая палата. Мне пишут из Парижа, что город словно находится в осадном положении; на улицах составляются группы, и всякая страсть, подняв голову, говорит громко... Теперь, когда отдаление сгладило все подробные черты, мешавшие общему, целостному взгляду, когда едва-едва доходит до меня оттуда дрожащий голосок какой-нибудь официальной газетки, теперь припоминаю я, что прожил три фазиса, три периода парижской жизни. Сперва показалась какая-то ровная, безвыходная борьба людей и мнений; затем раздался удар реакции, под которым погнулся, будто осел, весь волкан; за ним наступила минута тишины и апатии, изредка прорезываемая еще молниями неумеренных страстей... Все на ногах опять в сию минуту, все в движении и свалке. Изменчив, необычайно изменчив город этот! Нет предмета в природе, с которым можно было бы сравнить его ртутную движимость, беспрестанную мену цветов и красок. Нельзя ничего определить вперед, ни за что отвечать нельзя, и самое нелепое мнение о нем может встретить неожиданное подтверждение, как самое основательное — минутный отпор.

Прощайте. Надеюсь, вы причтете в заслугу немалую мне, что я умел, сидя на Рейне, не описывать Рейна и, проехав города, полные памятников, не говорить о них!

XII

Инспрук. 12-го августа 1842 года.

Не могу понять, как есть на свете люди, которые могут писать письма *летом* с Рейна и прилежащих к нему государств. Это все равно, что на балу думать о типографической ошибке, замеченной утром в статье, или беседовать с доктором о пользе и вреде ламповых и свечных испарений. С июня месяца по всему протяжению Рейна от Кёльна до Майнца загорается праздник, звездами которого служат Эмс, Висбаден и подалее — Баден-Баден и Киссинген. С июня месяца начинается этот прилив иностранцев, волна за волной, который походит на переселение народов, с тою только разницею, что вместо масс действуют тут частности в невообразимом смешении: языки, физиономии, понятия и даже различные оттенки понятий, как деньги, стекаются со всех концов Европы и — всюду принимаются. Я спустил здесь русский полуимпериал[1] и мнение, что не худо бы иметь деревеньку в сих местах. С июня месяца под каждым кустом гремит музыка, за каждым обедом летают пробки шампанского, и нет такой

горы, по которой не полз бы то англичанин, то художник, то французский commis-voyageur *, то немецкий студент с котомкой за плечами и палкой в руках. Кому не случалось в это время взбираться, как говорят, на недосягаемую высоту — к четвероугольной башне с провалившимися сводами, к обломку стены, который издали кажется продолжением утеса, к ряду окошек, в которые нельзя уже и заглянуть от неимения полов, иногда к остатку камина, к неясному гербу, к трещине, составлявшей некогда отверстие темницы или ублетки **, ко всему, что называется руинами замка, и думать: вот я иду туда, где витают орлы, поэты да профессора истории, а между тем встретить целое женское семейство, взобравшееся прежде вас, сохранившее в этой небесной поездке неприкосновенность щегольского костюма и наполняющее всю циклопическую постройку говором и смехом: верная эмблема Рейна в эту эпоху. А эти города — Эмс, Висбаден и проч. — столицы космополитизма, кажется, не принадлежат уж никому, принадлежа всем, и как будто одобрительно помавают головой сближению всех народов и будущему скорому уничтожению их родовых отличий. Сколько в них шума и сосредоточенной общественной жизни, которая от этого приобретает немаловажное значение! Особенно важны они для нас в том отношении, что сделались живыми герольдическими книгами русского дворянства. Я видел в Бадене доктора, который знал почти все дворянские фамилии России, а в том числе и мою. Добрый доктор! Тебе принадлежит мое первое воспоминание, и ты будешь стирать первое пятно, которое покажется на благородных легких моих... Не праздники, не балы, не фейерверки этих вод составляют их главную прелесть, а легкость, с какою приводят они человека в непосредственное соприкосновение с обществом Европы, с многими важными людьми ее и с бесчисленным количеством характеров: это их заслуга. Но одно из двух: либо смотреть на все стороны, либо писать! Наслаждаться и описывать вместе — невозможно. Известно, что лучшие мемуары оставлены нам людьми старыми или недовольными. Я — ни то, ни другое, особливо я очень доволен собою. Вот почему мне странно кажется, когда кто пишет на Рейне, точно как будто нет перед ним зеленых гор, величественной реки, превосходного вина, любезных людей!

Да, нельзя писать из окрестностей Рейна! Прийдет ли на ум порядочному человеку взяться за перо во Франкфурте, когда кругом города разлегся густой сад с бесчисленными виллами, дачами и домиками, которые дышат таким выражением благосостояния, что мнится, будто из каждого светлого окошечка их выглядывает по банкиру, — когда надо гулять по тесной, грязной, но живописной Жидовской улице, где все дома с проходами, как будто на случай внезапного нападения, откуда прямо с черного порога люди переходят в великолепные палаты, выводя с собой неподозреваемые капиталы, где живет еще доселе мать Ротшильдов[2] и где всем торгуют, — когда, наконец, надо обозреть залу, где короновались Германские импера-

* Коммивояжер (*франц.*).
** Ублетки (от *франц.* oubliettes) — подземная тюрьма, «каменные мешки».

торы, посмотреть на картину Лессинга[3] в галерее («Эцелино в темнице»), на «Ариадну» Данекера[4] в Бекманском саду[5] и помечтать перед двумя верхними окошечками желтого домика на улице Гроссен-Хири-Грабен[6]: там написаны были «Гёц фон-Берлихинген» и «Вертер»! За Франкфуртом являются перед нами Дармштадт, Карлсру, Стугарт. Вы скажете: да что же смотреть в этих новых столицах, которые еще обстраиваются[7] и которые, появившись случайно, хотят принарядиться по подобию великолепных сестер своих, других европейских столиц, и делают невообразимо широкие улицы без народонаселения и протягивают монотонную цепь домов без роскоши магазинов и промышленного блеска, которые прикрывали бы недостаток в них искусства? Так! Но от Дармштадта идет знаменитая Бергштрассе у подошвы Оденвальде, дорога, которая, с одной стороны, коронуется горами с их римскими башнями и феодальными замками, а с другой — прикасается к необозримым плодовитым полям, и идет она так до тех пор, пока, круто повернув, открывает реку Неккар, Гейдельберг, ярко оттеняющийся на зеленой стене горного хребта, и великолепнейшую руину замка на одном уступе его. Никогда не видел я ничего подобного этому замку времен Возрождения. Так мощна была его постройка; так действительно вся сеть украшений наружных вырезана на камне, так все в нем архитектор рассчитывал на вечность, что, кажется, стоило бы только вставить окна да положить крышу, и вышел бы тотчас дворец, которому мало подобных в Европе. И о Карлсру заметили вы справедливо[8]; но ведь в Карлсру заседает та баденская палата[9], которая свела палатские прения с профессорскою декламацией и педантическим разглагольствием до живого и настоящего рассуждения, внося таким образом новый элемент в немецкую жизнь. Явление это тем более заслуживает внимания, что оно не подготовлено журнализмом и не поддерживается им, и таким образом существование Ицштейнов, Пфицеров[10] и проч. есть чисто самородное существование. Речи их, мнения и оппозиция не фальшивы, не представляют лицам того оптического обмана, какой так часто встречается во Франции и Англии и происходит от духа партий и корыстных расчетов самого оратора, а напротив, каждое замечание есть их собственная жизнь, часть собственной их натуры, как и должно было случиться в отечестве Шиллера. Да и о Стутгарте намек ваш не без основания; но ведь надобно ж было узнать, почему Виртемберг называется *раем писателей*; надобно же было открыть, что в деревеньках ее, лежащих в чаще садов и фруктовых деревьев, существуют свои писатели, издаются ведомости, пишутся книги, являются стихотворцы, что все большею частью и не выходит из околотка, между тем как столица в литературном движении и умственном гостеприимстве (вы понимаете, какое это гостеприимство) соперничает с Лейпцигом[11]. Наконец, за Стутгартом лежит Ульм, с великолепным своим готическим собором, в котором резной по дереву хор походит на эпическую поэму, а за Ульмом — некогда вольный город Аугсбург, с его площадью, где происходило знаменитое confession d'Augsbourg[12], ратушей, золотой залой и четырьмя печами ее мастера, Николая Фохтса[13], которые составляют страницу в истории искусства XVII столетия. В довершение всего и как последнее слово поездки по Рейну, стоит в бесплод-

ной и нездоровой долине город Мюнхен. В замену изгнанных из него умственных интересов настроены дворцы, церкви и галереи [14]; но тяжело строить в наш век! Кажется, все уже высказано в архитектуре, и художнику только остается взять в образец старый памятник, очистить в нем все резкости, сгладить все углы и приноровить всего его к нашему современному расположению — к миниатюре и уютности. Так, здесь заметил я *облагороженные* и уменьшенные подобия памятников, виденных мною в других странах во всем их величии и энергии. Я видел базилику [15], которая напомнила мне базилики Лоренцо и св. Павла в Риме; глиптотеку [16], которая напомнила мне строения Помпеи; дворец и библиотеку, которые напомнили мне палаццо Питти и палаццо Рикардо во Флоренции; Людвигс-Кирхе, которая напомнила мне романский собор Бонна; капеллу Всех святых, которая напомнила мне византийскую часовню королевского дворца в Палермо и великолепный собор Монреале в часе расстояния от Палермо... Так в Мюнхене образовалась для меня радуга счастливейших воспоминаний; один конец ее упирался в Гент и Брюгге, а другой переходил Альпы, огибался над всею Италией и пропадал в голубых, фосфорических волнах Средиземного моря. До письма ли было тут, сами рассудите!

Нет, нет! Я положил добраться до какого-нибудь царственного захолустия, до какой-нибудь велелепной дачи, и тогда в тишине, как рыцарь Жуковского, вспоминающий о далекой Палестине над вывезенной им пальмой [17], написать в поучение моим внукам повесть моих странствований. С сим умыслом из Мюнхена поехал я в Зальцбург и Тироль, и тут, когда я очутился на Кениг-зее, озере, лежащем в трех часах езды от Зальцбурга, запертом со всех сторон скалами и уединенном так, что слышна капля, падающая с вынутого из воды весла, а дикие олени на неприступных высотах стоят и смотрят на вас, — тут высоко поднялась грудь моя и вылетел из нее богатырский вздох, от которого в старинные годы задрожали бы горы, а ныне только тиролька, правившая лодкой, остановилась, посмотрела несколько на меня внимательнее и снова принялась за работу. По-прежнему езжу я в разные стороны, спускаюсь в долины, чтоб с берегов ручья, клокочущего без устали во все протяжение свое, посмотреть на эти волны гор, недвижно как-то напирающие со всех сторон на вас, или взбираюсь на горы, чтоб с первого обвала взглянуть на этот зеленый оазис, который в чудном беспорядке деревень, тополей, мостов, мельниц лежит на дне, но все это без торопливости, без судорожного любопытства и без мучительного желания захватить глазами как можно более горизонта, как можно более пространства, что чувствуется обыкновенно в других странах. Тихо и целомудренно улыбаюсь я каждой тирольке, которая проходит мимо в костюме, сделавшемся, благодаря нашим театрам, эмблемой устаревшего порока, жму руку всем молодцам с остроконечною шляпой и зеленым в ней пером, читаю за завтраком «Молитвы св. Непомуку», которые принадлежат столовой девушке, и проч. и проч.; усиленно стараюсь, словом, прожить хоть недельку чисто, идиллически и успеваю. Вы видите по письму... Где же может прийти желание писать из одного благородного желания писать? Где, как не в благословенном Тироле, пи-

шется легко, нехотя, сладко, любовно, даже наперекор другу, который по получении письма будет, как кобылица кавказского тавра, коситься на него пугливым оком...

Базель. 16-го августа с. г. н. с.

«Пугливым оком»... С сим словом сел я в почтовую карету и приехал к Констанцкому озеру, прорезал его на пароходе до Констанца, а оттуда тем же способом прибыл в Шафгаузен, осмотрел падение Рейна, переночевал и теперь в Базеле ожидаю особенных, мною заказанных башмаков для путешествия по горам. Как тишине величественной Тироля обязаны вы первою половиной письма, так теперь башмакам, имеющим попрать горделивые вершины Оберланда, Риги, Бернарда, — окончанием его. Я так живо помнил страницу Карамзина о Рейнском водопаде[18], что в осмотре своем старался наблюсти тот самый порядок, какому он следовал: позднее осуществление одного из самых ранних, юношеских моих мечтаний! Но не только политическое состояние Европы изменилось с того времени, как странствовал молодой наш путешественник, даже изменился и водопад. Много утесов сбросил он уже с себя, сравнял много скал (смотри виды водопада в конце прошедшего столетия и вид его в 1840 году), и если что одинаково отразилось в *его* (Карамзина) и *моем* глазе, так это клубы пены да еще влажные облака водяной пыли, освещенной солнечным сиянием. Я спросил также у лодочника: нет ли такого же водопада, и, увы, не мог намекнуть он мне о Ниагаре в Америке, а просто отвечал: «Нигде нет такого». Итак, пропало даже и поколение умных лодочников с Карамзина[19], как пропадают письма на почте (весьма неприятная потеря), как пропадает все на свете... Но возвратимся к Германии.

«Пугливым оком»... Хорошо! Что всего более поражает, однакож, путешественника, так это следующее: Германия укрепляется; куда ни оглянешься, везде строятся крепости — на Рейне, в Раштадте, Ульме, Тироле, и еще существует множество новых предположений. По временам из официальных газет раздаются крики: «Укрепляйтесь, укрепляйтесь!» Так одно политическое обстоятельство обратило Германию к самой себе и к началам, на которых может быть основана твердо ее материальная и нравственная сила[20]. Позитивное религиозное учение, давно уже существовавшее в Мюнхене и не имевшее сильного влияния, явилось как современная необходимость и получило великолепное развитие в Шеллинге[21]. Одни из противников профессора отказывают ему в праве вывести из старой своей философии какое-либо чистое понятие о божестве; другие в собственной своей системе находят средства положительного примирения, что доказывается переходом Маргейнеке к так называемой правой стороне гегельянизма[22], торжественно возглашенном журналами. Замечательно, что доктор Салат[23], принадлежавший вместе со многими мюнхенскими профессорами к первому разряду, в доказательство невозможности соединения старого взгляда Шеллинга с новым, приводит между прочим разговор с ним Н. А. Мельгунова[24], напечатанный в «Отечественных записках», и где творец Naturphilosophie сказал: «Основание моей новой системы то же — только я сделался могущественней». Баллада Уланда[25], проник-

нутая таким духом любви к германскому рыцарству (вспомните «Ветку», переведенную Жуковским) сделалась по той же причине, более чем когда-либо, источником вдохновения для художников, и крайнею границей этого направления может быть сочтено появление аристократической партии, которая говорит о необходимости восстановления всей старой феодальной отрасли властителей и не без таланта поддерживает это мнение писателями своего класса, как например, князем Сольмс-Лих [26]. Иногда думается, что все вопросы, которые казались на школьной скамейке навеки решенными, снова положены на стол, как старое дело, забытое секретарем. Об оппозиции всему этому [27], появляющейся там и сям и также считающей в среде своей многих уважаемых людей, писать нечего: это дело без прелести новизны; аргументы все известны.

А впрочем, чем более смотрю я, тем более вижу, что никогда — о, никогда! — не были так перемешаны шашки, как в наш век: течением обстоятельств часто люди находят ныне защиту во врагах, неожиданных обидчиков — в приятелях, слабые берут с сознанием сторону сильных, сильные добровольно приносят никем не требуемые жертвы, и все это ради торжества собственных начал, principes *. Конечно, это только наружный хаос, имеющий тайные, но правильные законы: изучать их надо много терпения. Из всего этот выйдет нечто, но это нечто выйдет тогда, когда человек современный будет мирно опочивать под уголком деревенской церкви или за крапивой монастырской ограды... Итак, я вот что делаю: вслед за чистым, кристальным романсом Уланда, который походит на живопись по стеклу, читаю энергическое проклятие Анастасия Грюна [28], который составляет оборот медали и как будто дополнение старо-рыцарского направления швабского поэта. Когда устает за ним воображение, я перехожу к Рюккерту [29] и в роскоши его стиха и восточных образов забываю все одностороннее или раздирающее современности; а чтоб окрепнуть после расслабительного действия этой поэзии, похожей на сон в полдень, под шум водопада какой-нибудь волшебной Алгамбры [30], есть карета, есть Тироль, Шварцвальд, Альпы, французские газеты, мало ли еще что. Вам известно, до какой высокой степени развит здесь дух критицизма и эстетического анализа: почти нет журнальца, в котором при разборе литературного произведения не выставлено было бы прозорливо, ярко, во всеоружии противоречие, существующее между предметом и истинным о нем понятием, — разумеется, с точки зрения рецензента. Когда делается тяжело это неумеренное приложение идеи к мимо идущим вещам, что так сильно поразило меня при выезде из Франции, — я обращаюсь к уличным, так сказать, немцам и наблюдению этой странной натуры, распадающейся на две столь несовместимые половины. Вы не можете себе представить, как позабавил меня, после длинной статьи «Аугсбургского журнала» [31] о празднике в Киссенгене, немец, который вез на животе через всю Германию клетку с двумя канарейками, купленными в Остенде и отличавшимися от обыкновенных канареек только хвостиком. Особенно хорошо наблюдается эта добродушная порода Арминиевых детей [32] в ди-

---

* Принципы (*франц.*).

лижансе. Как только кондуктор запер дверь и лошади с упором двинули тяжелую карету, в этом желтом ларце образуется любопытный размен сведений. Все пассажиры с некоторым родом скромности спрашивают друг у друга: «Откуда вы? с вашего позволения, будет ли позволено мне... Откуда вы?» Вслед за этим тотчас обнаруживается выгода дробного деления Германии и польза характеристических отличий разных ее племен, ибо все уже знают, как и о чем друг с другом говорить, лишь только узнают, где кто родился. Вестфалец льстит славянской национальности богемца и защищает утишительное мнение, что племя его должно обновить Германию; богемец с робостью подделывается под тон воинственного пруссака, объявляя его стражем настоящей цивилизации; пруссак, со свойственным ему остроумием, снисходит до понятия венского обитателя, признавая необходимость народных театров; добродушный венец с примерным самоотвержением опровергает похвалы, ему воздаваемые, и проч. Раз встретился нам жид. На обыкновенное: «откуда вы?» он очень неграмматически отвечал: «Цюрихский еврей». Никто, однакож, не сконфузился; тотчас объявили, что все жиды музыканты — как Мейербер[33], философы — как Мендельсон[34], фельетонисты — как Берне. Мне еще ни разу не случалось избежать рокового: «откуда вы?» Я отвечал всегда, как Каратыгин в «Ермаке» г. Хомякова[35], помолчав с минуту и таинственным голосом: «Я — русский!» Так мало это всегда казалось тучетворящему дымопускателю, пытавшему меня, что он всегда прибавлял: «Откуда именно: из Петербурга или Москвы?» Я никак понять не мог и до сих пор не понимаю разумности и необходимости этого вопроса. Сперва отвечал я наудачу, но теперь привел это дело в некоторого рода систему. Если спрашивает молодой и холостой человек — так из Петербурга, а если женатый, имеющий дочерей, — так из Москвы. Этак, кажется, приличнее.

Несколько слов об искусстве в Германии.

Я был в Дюссельдорфе — столице нового воззрения на живопись[36], вследствие которого все, что называется смелостью кисти, бойкостью исполнения и порывами сильной фантазии, объявлено не живописью, а распутством живописи; важнейшим же долгом ее считается простота сочинения, верность выражения и сохранение той индивидуальности, которая принадлежит каждому характеру, психологически разобранному, и которая делает, что в картине, как в природе, не может быть двух схожих лиц, как и двух схожих характеров. Я обошел все мастерские дюссельдорфских художников и здесь скажу только о чудной картине Лессинга: «Гусс перед Констанцким собором» (недавно видел я и самою залу собора). Картина эта будет иметь знаменитость европейскую по окончании ее, и я очень рад, что могу первый сказать вам о том, что вы услышите в тысячекратном повторении. Гусс[37], изнуренный, кажется, более поедающей его идеей, нежели телесными страданиями, с видом глубочайшего убеждения развивает свое учение перед собором кардиналов, властей, тюремщиков и разных исполнителей, и тут прошел молодой живописец (я его видел: высокий мужчина тридцати трех лет, в котором особенная застенчивость как-то противоречит с почти байроновским выражением лица), прошел всю лестницу страстей человеческих, начиная с простого любопыт-

ства до холодного рассуждения, зарождающегося участия и слепой ненависти, дав каждой страсти одно только ей свойственное положение, так что каждое лицо может служить, взятое отдельно, типом отдельной страсти Это, может быть, и недостаток картины, ибо таким образом походит она на какой-то чудный горельеф или, скорее, на видение, чем на картину Само собой разумеется, что второстепенные таланты при этом направлении впадают в особенную сухость, а непоэтическое желание подражать наивности и добродушию старых мастеров производит *манеру*. Также заметна в школе и явная наклонность к холодной аллегории, произведшая боннские фрески Геценберга[38] и франкфуртскую картину Овербека[39].

Совсем не такое направление в Мюнхене. За исключением «Страшного суда» Корнелиуса[40] и византийских подражаний Гесса[41], все там пестро, ярко и золотисто. То, что называется благородною пестротой, за которой так хорошо спасается недостаток творческой способности и которая так наруку приходится бесталантной эрудиции, изгнано, совершенно изгнано Полихромия, или наружная окраска камня, в ходу, а внутри каждого здания, будь оно церковь, дворец, галерея, нет места, где бы не было картин, арабески, роскоши лепных работ и ослепляющего блеска свежих красок. Особенно поражает внутренность королевского дворца, где все стены и потолки в мастерском распределении творческими руками Каульбаха[42], Циммермана[43], Геценберга, Шлотгауэра[44] и проч. покрыты сценами из произведений германских и древних поэтов. Так, в приемной комнате Бюргер[45] рассказывает страшные свои повести; Гете в соседней комнате отдает на созерцание торжественные минуты «Фауста», «Эгмонта», «Геца»; Шиллер, в библиотеке, снова создает все свои баллады, снова переживает все моменты своей творческой деятельности; а там, далее, Анакреон[46], в столовой зале гомеровский гимн, горельефы Торвальдсена[47] в спальне, и вся эта беспрерывная цепь поэтических воспоминаний старого и нового времени великолепно заключается Зигфридом «Нибелунгов», могущественными ликами его родных и теми происшествиями песней, которые как будто связывают древний, распадающийся римский мир с новым миром христианской Германии. Совершенно подавленный впечатлениями, которые веют с волшебных этих стен, вышел я из дворца и, отошед несколько шагов, оглянулся назад, как Орфей[48], но дворцовый лакей запирал мою Эвредику огромным ключом... не навсегда, разумеется, но надолго еще... Я хотел написать вам о Розенштейне, загородном замке Виртембергского короля, о Глейссенхейме, загородном замке Баварского короля, и о состоянии скульптуры в Германии; но уже много написано, да и охота пропала. Прощайте!

XIII

Париж. 9-го марта 1843 года.

Хотелось бы мне, чтоб вы взглянули, какую славную квартирку занимаю я в самой середине города, но отвлеченную своим положением, в глубине двора, от всего его шума, так что весь гул разбивается о порог решетчатых ворот и далее не переходит. Чистый двор украшен статуей

отдыхающего Аполлона, из пьедестала которого бьет прозрачный ключ — клянусь честью! Прямо против меня живет молодая швея, которая с раннего утра, в передничке и с цветочком в косе, сидит у окна, наклонясь за работой. И когда я скажу вам, что раза два за пурпуровыми моими занавесками видел, как она плакала, то это я вам скажу по всей правде — хоть на колокольную присягу! Захваченный в эту идиллическую рамку, не весьма обыкновенную в Париже, сижу я дома много и долго, отдыхая от дилижансов, впечатлений и бессонных ночей и приготовляясь к новым. Со всем тем, как ни стараюсь я придать себе скромный вид и позу, но умолчать не могу, что из уединенного моего жилища протянул я невидимые нити ко всем концам города и связал их с собою. Я абонировался в Итальянский театр и консерваторию на всемирно знаменитые ее концерты: там за 250 франков (весь сезон по одному разу в неделю), здесь за 60 франков (десять концертов); с одной стороны, «Севильский цырюльник», «Моисей»[1], «Дон-Хуан», исполненные гениальными певцами, а с другой — симфонии на si, на re, пасторальная Бетховена стоят в необразимом величии друг против друга, помиренные удивительным воспроизведением, вдохновенною передачей их красок. Один из молодых французов, с которым я познакомился в Италии и который обязан рождением депутату, блюдет для меня палату. Всякий раз, как замышляется там брань и побоище, ведет он меня на верхнюю трибуну, соседнюю с журнальною, и я вижу, как люди входят на мраморную кафедру, как другие люди, сидящие амфитеатром на бархатных скамейках, завязывают борьбу с вошедшими. Левая сторона кричит: «c'est celá!» *. Центр стучит костяными ножичками по столам и выражает неодобрение желчно-ироническим «oh, oh!» **. Правая сторона вопиет: «laissez parler!» ***. И иногда шум делается всеобщим. Палата представляет вид страшного смятения[2]. Тогда президент, измученный бесполезным сотрясением колокола, находящегося под рукой его на столе, и криками: «silence! mais silence dons!» ****, надевает шляпу... Заседание прерывается, депутаты расходятся и собираются снова через полчаса. В этих парламентских бурях, которые стоили жизни Перье[3], высушили Гизо и сделали звучный голос его таким резким и глухим, тонет иногда целое министерство; но если погибают лица, то уж давно выплывает одна и та же мысль, вспомоществуемая мощной рукой короля. Самый важный акт нынешнего заседания было торжественное отпадение Ламартина и осуждение, им произнесенное всему ходу дел, начиная с 1835 года. Далее, старый отставной huissier *****, которому понравился я, сказав, что Ватерлооская битва, по моему суждению, была выиграна Наполеоном, водит меня в reservées ****** судов, всякий раз, как есть занимательный процесс и предстоит надежда слышать Ше-д'Эт-Анжа[4], Палье, Марье[5], знаменитых адвокатов, весьма разного таланта, но

* «Правильно!» (*франц.*).
** «О, о!» (*франц.*).
*** «Пусть говорит!» (*франц.*).
**** «Замолчите! да замолчите же!» (*франц.*).
***** Пристав (*франц.*).
****** Запасные места (*франц.*).

имеющих ту общую черту, что речи их походят на извилины преследуемой стаей псов лисы, и при всяком ораторском порыве их можно лукаво произнести: «Вишь, куда метнул, какого тумана напустил!»[6] Это объясняется несчастным положением, в которое они поставлены: защищать самые отчаянные дела — вследствие приобретенной репутации. Важнейший процесс нынешнего семестра был процесс одного из высших чиновников внутренней администрации, Гурдекена, обвиненного в лихоимстве, которое, к несчастью, начинает развиваться весьма сильно здесь. Подкуп сделался правительственною мерой, втерся в выборы, в журналистику, в представление мест, в приобретение писателей (кто бы мог это подумать за несколько лет!) и так поднял голову, что в виду всего Парижа распоряжался состоянием и будущностью людей, которые, по новым проектам очищения и украшения Парижа, имели дела за свои дома и земли с префектурой. Тут на него и упал меч юстиции, которая по внутреннему своему устройству, а главное, кажется, потому, что магистрат назначается пожизненно[7] и совершенно свободен от всякого постороннего влияния, сохраняет еще славу юстиции неподкупной. И видел я, как закон принял форму президента Фруадегонда, старика, вылитого из бронзы, как говорили здесь эфирные создания, старика, бесчувственного к самым патетическим сценам процесса и обладающего таким зорким глазом, что, кажется, ложь и изворот бегут тотчас, как надел он зеленые очки, а с другой стороны, видел я *теорию благоприобретения* в образе начальника отделения Гурдекена, человека весьма почтенной наружности, прилично толстого и имеющего ту благородную осанку, которая делает земнородного украшением званого обеда. Как своенравная фузея* или петарда, втерся между ними адвокат последнего Ше-д'Эт-Анж и начал: «Да это добрейший человек... он хочет помирить все споры... вылить весь родник добра, который природа открыла в его сердце... Ему шлют подарки с обеих сторон... он считает это естественным изъявлением признательности... он также бы сделал... слабость прекрасной души!.. Нужно ли еще доказательств? Вот письмо его жены... слушайте: „Мужайся! Люди могут тебя осудить, но ты имеешь навсегда мое уважение!“ Фруадегонд встал, отобрал мнения присяжных, посоветовался с двумя своими ассистентами, протер очки и присудил Гурдекена к четырехлетней тюрьме и сильной пене. На другой день в «Шаривари» была чрезвычайно милая карикатура, изображающая просителя в префектуре... Затем все предано забвению и унесено волной времени из глаз.

К грустным явлениям принадлежат также колебания университета, который стоит между двумя партиями — римскою и чисто национальною[8], равно опасаясь обоих. Чрезвычайно любопытна программа, данная советом философскому факультету. Как-то оскорбительно видеть, что главною целью при составлении ее была забота не высказаться, а главное — помириться со всеми партиями. Таким образом, профессорам этого факультета воспрещено касаться теологических систем, какие бы они ни были; объявлены *безвременными* и малополезными всякие изложения современ-

---

* Фузея (от *франц.* fusée) — ракета.

ных философских теорий в Германии и посоветовано не упоминать о французской философии XVIII века. Что осталось делать гг. эклектикам? Был один только выход: уйти совершенно в шотландскую психологию, с подставками из де Бирана[9] и Жуффруа[10] ради национальной гордости и с некоторыми прибавками из «Чистого Разума» Канта ради универсальности. Страшное смешение! Но так они сделали... Бартелеми Сент-Илер[11] в этом духе читает психологию. Гарнье[12] — историю психологии, Симон[13] — психологическую систему александрийской школы. Всего любопытнее, что вся эта осторожность не спасла университет от нападок. Римская партия более чем когда-нибудь объявляет публичное воспитание Франции атеистическим, а желчный, энергический и талантливый Леру объявляет эту методу постыдною игрушкой, которая ничем не связывается с действительною жизнью, разрывает всякое сношение с прошедшим и, ничего не объясняя для общества, заслуживает полное его презрение. Курьезно очень бывает, когда профессора в средине своих лекций косвенными намеками стараются отвечать на нападки буйных антагонистов своих. Студенты толкают друг друга локтями и говорят: «а! а!» Особенный класс почтенных старцев, имеющих счастье быть холостяками, известных здесь под именем rentier * (живущих доходами) и которые от убийственной праздности ходят на все чтения, высиживают бодро теорию дифференциалов, метафизику Аристотеля, ветеринарный курс, все, что угодно, эти старцы только и ловят подобные минуты. Вечером в кофейнях завязывается между ними неистощимый разговор о всех происшествиях accidents **, неожиданных случаях, бывших в аудиториях, конферансах, клиниках и анатомических театрах. За исключением школ медицинской, прав и нормальной[14] для образования профессоров, где курсы имеют ученую последовательность и преподавание фундаментально, все усилия университета, имеющего в руках решительно всю молодежь Франции, устремлены на развитие общелитературного образования. Зато нет и земли, — так мне кажется — где бы масса первых познаний была более разлита на народ. Появление *сочинителя* из крестьян, которое обыкновенно приветствуется инде трубными звуками и предвещается за год кометой или по крайней мере северным сиянием, здесь такое обыкновенное дело, что Леру стихотворную часть своего «Revue» только и замещает стихами ремесленников[15], и весьма пригожими! Теперь вы поймете резкое, но не совсем справедливое слово Дюпена[16], который сказал: «La presse, c'est le métier de celui, qui n'en a pas autre» ***. Сколько во всем этом народе законных и незаконных честолюбий, сколько движения, сколько деятельности, проявляющейся иногда уродливо, но никогда бессмысленно, идиотически. Бездну молодых сил и голов поглощают журналы...

Кстати о журналах. Прошлогодние попытки составить беспристрастные, независимые, с новыми направлениями журналы — все почти упали[17], как и должно было ожидать, а ныне образовались с большею надеждою

---

* Рантье (*франц.*).

** Инцидент (*франц.*).

*** «Пресса — это такое же ремесло, как и всякое другое» (*франц.*).

на долговечие такие, которые хотят служить органами мнению, уже существующему и признанному за факт. Вот разница здешней и немецкой журналистики. Там журнал рождает партию, здесь — наоборот. Таким образом, первый признак жизни в палате пэров произвел газету «La Législation» [18], а заметное соединение демократии с легитимизмом другую: «La Nation» [19] и т. д. Есть исключения. Любуюсь и отдыхаю я, например, на журнале, которого не назову [20], чтоб заставить вас поломать голову над разгадкой его имени. Представьте себе вещь, не имеющую ни одной общей черты со столетием, в котором мы жить честь имеем, не соприкасающуюся ни в одной точке с нашими понятиями об обществе, морали, значении и будущности человека, вещь, осуществившую идею о человеке вне своего века так полно, как никогда не представлялась она самому пламенному воображению. Признаюсь, есть какое-то странное наслаждение прислушиваться к голосу, не радующемуся ни одной радости нашей и столь уединенному, что современные явления служат ему только темой для развития фантастической неудобновообразимой будущности... И вполовину не имеют этой занимательности некоторые литературные произведения, выплывшие на поверхность шумного ручья беллетристики, который несет к забвению пасквили, брошюры, романы и рассуждения. Впрочем, их и немного. Эжен Сю пишет «Тысячу одну ночь» из самой грязной закоулочной парижской жизни, назвав нескончаемый роман свой: «Mystères de Paris» *. Он имеет здесь успех [21], ибо нравится глазу рассчитанными переходами своими из адской темноты к бенгальскому огню княжского салона и проч. «La Gendelettre» [22] (нововыдуманное слово, дающее понятие о изысканности всего сочинения) Бальзака есть пасквиль на литературную братию, критиковавшую автора, пасквиль, который со своими разделениями, подразделениями, микроскопическими анализами и претензиями на глубокомыслие есть страшная вещь, отгоняющая сон и расстраивающая равновесие душевных сил. Всего более тронуло меня новое произведение Ламне: «Amschaspands et Darvands» (имена добрых и злых духов из восточной мифологии), последний вопль отчаяния человека, который сам потерялся в разрешении общественных и жизненных вопросов [23].

И хотелось бы мне, чтоб вы посмотрели, каким Фаустом сижу я в своих креслах, перед камином, окруженный книгами, которые присылает мне Галлио, журналами и revues, которые присылает мне Гальяни. Тогда Париж передо мною как орган. Я опираюсь на любую педаль, извлекаю длинную ноту и слушаю долго, долго — до утомления. Но в 6 часов выхожу я на улицу — обедать. После обеда Париж принимает совсем другой вид: улицы горят газом, окна магазинов и колоннады театров залиты огнем; полицейский офицер, меланхолически прогуливающийся у дверей, за которыми бьет сильный свет, возвещает, что тут или публичный бал, царство лореток, или концерт, или магнетическое заседание, или религиозная конференция, или сеанс фокусника. Говорить ли вам обо всем этом, говорить ли вам также о всех явлениях в театрах? Нет... Покуда

* «Парижские тайны» (*франц.*).

перо будет выписывать заглавия пьес, они уже перейдут к вечной нощи. Ни с чем нельзя сравнить быстроты появления и исчезновения здешних театральных произведений, и кто бы теперь захотел говорить о «Галифаксе» Дюма, о «Сыне Кромвеля» Скриба, появившихся в начале зимы, тот непременно получил бы прозвание рококо и ответ: «N'allez pas me parler de l'époque Carlovingienne» *. Скажу одно: во всех театрах заметно *декоративное* направление [24]. Вы уже знаете, что есть целые огромные увражи, где текст написан только для пояснения картинок Гранвиля, Жоанно [25], Гаварни [26]. Итак, эта мода перешла на театры, и есть пьесы, написанные для связи великолепных декораций; но в первом случае можно вырвать текст, а тут уж пьесы никак не сорвешь с подмосток. В таком роде пьеса «Mille et une nuits» [27] театра «Porte Saint-Martin», где вид Нанкина, моря в бурю, кладбища при лунном свете необычайно ловко сделаны.

Это да еще предстоящее открытие публичной выставки живописи приводит меня к мысли об искусстве. Припоминаю, что сказал на днях один из здешних аристархов [28], толкуя об этом предмете: «Теперь, — сказал он, — теперь, когда промышленность сделалась общим достоянием всех народов, когда воцарилось между ними почти равное соперничество и всякое новое открытие в этой области принадлежит равно всем, теперь пальма первенства останется за тем народом, который своими произведениями сообщит неуловимую для других печать вкуса, красоты, грации. Вот почему мы одобряем частые художественные выставки в Париже, которые развивают понятие об искусстве в народе. Преклонитесь перед этими ремесленниками, перед этими фабрикантами, которые ходят по великолепным залам Лувра и судят о произведениях искусства вернее всякого привилегированного знатока: им предстоит упрочить за отечеством эстетическую славу, как это уже начинается в отношении мод, бронз, рисунков для материй и проч.» Так, так!.. Это воззрение на искусство уже породило непрерывную, волшебную цепь картинок, рисунков, статуек, канделябров, люстр, часов, бронзы, диадем и проч., которым от Пале-Рояля через улицы Ришелье и Вивьенскую тянется до площади Бастилии, блистая за окнами магазинов всем, что роскошь, остроумие и сноровка могут только выдумать. Но... но с негодованием, вероятно, прислушиваетесь вы к этой новой теории искусства, вы, великие, заальпийские тени XIV и XV столетий!..

* «Так было принято в эпоху Карловингов» (*франц.*).

ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА

I

8-го ноября 1846 года.

С чего начать о Париже? Разве с брошюрного мира, который к новому году заволновался непомерно, словно сумасшедший перед полнолунием. Брошюрная литература в последние три месяца имела, как вы знаете, несколько фазисов. Она шипела по-змеиному около выборов [1], свистала потом на Ротшильда и компании железных дорог [2], а теперь разразилась альманахами. Сколько их, сколько их! Социальные, популярные, и проч. и проч. Полфранковики так и скачут у меня за ними: это походит на травлю. Меня более всего тешат усилия каждой партии говорить с народом народно и перетащить его на свою сторону. Уж как они захваливают его и какие шелковые ковры расстилают под ногами его: только удостой немножко поваляться в теории нашей! Один из этих альманахов, «de la France démocratique» [3], взыскан честью преследования. Его отобрали во всех книжных лавках, еще не известно за что. За литографию ли, изображающую медаль скульптора Давида в честь ларошельских сержантов [4], за статью ли против палаты пэров, или за простонародные песенки на палату депутатов, которые не совсем глупы. Вот образчик:

Le chambr' c'est un coup d'oeil unique.
Et c'théâtre est en vérité
Bien plus gai qu' l'Ambigu-Comique
Et plus comiqu' que la Gaité! (bis)

Aux pièc's qu'on r'présent-les premièrs,
L'jour est sombr'dans c'local fermé,
Mais on y voit beaucoup d'lumières
Sitoit qu' l'lustre est allumé *.

Остальное все в романтическо-торжественном тоне Пьера Леру, который теперь в своем «Revue sociale» [5] изменил теорию распределения

---

* «Палата, если вы взглянете,
Настоящий театр,
Гораздо более веселый,
Чем Амбигю-комик,
И комичнее, чем Гете!» (*бис*)

«В пьесах-премьерах
Темно при закрытых дверях,
Но появляется много света,
Как только зажигается люстра» (*франц.*)

богатств в обществе, так что часть каждого работающего определяется уже не талантом его, а действительною нуждой (selon le besoin). Но где мерило? Эта крайняя степень, до какой может дойти сумасбродство сердца благородного и добродетельного! Остается только распределять общественные богатства по темпераментам, по расположению к брюнеткам и блондинкам (то-то бы хорошо!) и т. д. Странно, что о книге «Cosidérations économiques» до сих пор не говорит еще ни один из журналов [6]. Уж не хотят ли они *похоронить* ее, как это бывает здесь, *молчанием* за железную стойкость автора посреди партий и презрение к ним? Говорят, что Луи Блан[7], доктрина которого разбита в прах автором, поседел от негодования. А что — если бросим в сторону религиозные колебания автора «Considérations économiques», читали ли вы когда-нибудь книгу, которая яснее и убедительнее доказала бы, что цивилизация не может отречься от самой себя, что все ее победы, как-то: машины, конкуренция, разделение работ и прочее, невозвратно принадлежит человечеству, и что единственная помощь для общества заключается не в благонамеренных способах исцеления, предлагаемых со стороны, а только в отыскании закона, по которому богатства развиваются правильно и сами собою?..

Толпы народа бегут в Saint-Germain l'Auxerrois смотреть вновь реставрированный портал его. Нынешним утром потянулся и я за ними и вынес оттуда весьма горестное впечатление, которое намерен разделить с вами. Внутренность портала и ажурные фронтоны дверей заняты фресками Виктора Мотте (Mottez) [8], изображающими историю Спасителя, с распятием над главным входом. Расчлененные столбы, образующие этот портал или галерею, покрыты во впадинах своих фигурами из Ветхого и Нового завета [9]: выдумка весьма неудачная, потому что каждая фигура чудовищно жмется в этом узком пространстве и перегнута на самое себя. Это, впрочем, еще не самое противное. Главные фрески выдержаны в тоне новой римской школы. Уж не говорю о бедном чахоточном колорите, о рисунке без твердости и силы, о разрывчатости всего создания, но замечаю только новый факт в истории мистической живописи: во Франции она стала замещать гримасой — выражение, вместо духовного упоения — является у нее *ступидитет* *, с вашего позволения, и страшное, отчаянное отсутствие всякой мысли, делающее то, что произведения ее походят на кафтан, ловко набитый, но висящий на палочке. Так искусство, оскорбленное в существе своем, отмщает ложным пророкам своим!.. Я дожидаюсь выставки, чтобы поговорить с вами на просторе об этом предмете. Знаете ли, что мне кажется? Мне кажется, что живописцы XIV и XV столетия, *тречентисты и кватрочентисты*, напрасно считаются людьми, переводившими в искусство божество и откровение. Они занимались выражением собственных религиозных созерцаний, а не определением божества, как отдельного мира, как объекта. Это было дело одного византийского искусства, а потому оно одно и свято. Наше отечество частью до сих пор сохранило ее предания, в Европе же искусство это утерялось еще ранее Джиотто и Фан-Дейка [10], то есть XIV столетия. Вспомните, например,

* Ступидитет (от *франц.* stupidité) — тупость.

падуанские фрески Джиотто[11]. Тут главная задача, положенная художником, состояла в том, чтобы отыскать красоту формы для религиозных сюжетов и уловить выражение страсти, которая со всем тем проявляется у него еще весьма общно и неиндивидуально. Божественность сюжета тут только данная для посторонней и ему чуждой цели. Указывают обыкновенно на школу Перужино[12], на его задумчивые лица, спокойствие всех представлений и святую тишину, разлитую в них. Очень хорошо; но надо весьма небольшое внимание, чтоб увидеть, как все это принадлежит только личности художника. Как повторялся до Перужино, так и после него будет повторяться тот неизменный закон, по которому наш ум, силясь разрешить жизненные противоречия, создает грациозную мечту и за нею спасается от всех диссонансов, бурь и треволнений. Что тут есть общего с представлением божества, да и не профанация ли искать его в человеческой слабости, хотя и выраженной глубоко художнически? Перейдем к Фра-Фиезоле[13], который особенно цитируется приверженцами мнения, оспариваемого мною. Здесь личность выступает еще сильнее. Где ярче выразилось католическое монашеское воззрение на жизнь, как не у этого монаха? Не есть ли каждая его картина призыв к католическому монастырю, к музыкальной обедне, к торжеству обряда, к детям красивым, как ангелы и возвышающим кадила, к толпе доминиканцев, благоговейно стоящих перед престолом? Все это, может быть, очень похвально (а художественно оно чрезвычайно), но общего определения божества искать тут не следует. Другое дело — византийское искусство! С самого зародыша своего имело оно целью чисто и просто напоминать Его. Зная, что лик человеческий не в состоянии дать никакого пояснения в этом случае, оно создало свои условные типы, имея в виду только разбудить частное сознание и поднять его к внутреннему созерцанию божества. Так точно некогда было и в Европе. Кто не видел знаменитой Pala d'ora в храме св. Марка[14] в Венеции? Это собрание мозаичных картин по золотому полю, изображающих события Нового Завета и черты из жизни святого Марка, деланные в самом Константинополе в X столетии. Искусство занято тут не тем, чтоб осмотреть каждое явление со всех сторон и выразить его в наибольшей полноте, а напротив, взять только сторону самую простую, намекнуть ею без всяких подробностей о происшествии и представить все остальное благочестивому воображению самого зрителя. Искусство, как бы пораженное ужасом, отказывается от всех своих притязаний, но это-то самое и упрочивает ему сильное влияние. И так всегда поступает искусство символическое. Все же, что было сделано после Византии, и все, что будет еще делаться, несмотря ни на какие порывы и стремления, всегда было и всегда будет результатом личности человека, принадлежать только человеку и объясняться его понятиями, наукой, историей и никогда не выходить из этого круга! Не так ли? . .

Мне случайно попался здесь на днях один славянский «Сборник»[15]. Так как я давно уже не имел в руках русской книги, то с радостью пробежал первую статью: «О современном направлении искусств пластических»[16] (прилагательное на конце для колорита). Мы с вами, кажется, говорили когда-то о невыгодах сильного литературного образования.

Знайте же, что самый блестящий пример способности беседовать о всяком предмете без изучения его находится, к великому моему изумлению, не здесь около меня, в Париже, под колоннадой Магдалины, а там около вас, под стенами Китай-города. Мастерство вводить лица и сказать о них именно все то, что — смею выразиться так — связано почти со звуками их имен, но сказать особенным оборотом, как будто заключающим новую мысль, это мастерство очень порядочно развито у вас. Иногда, конечно, от трудности работы бывают и промахи. На стр. 34, при суждении о Меркурии скульптора Джиованни Болонского[17] я встретил, например, следующий период: «Не просто, непосредственно вылилась она (статуя): художник стремился придать особенную легкость и подвижность фигуре, утончая и облегчая формы тела: *он не чувствовал, каков есть, не знал, каков должен быть Меркурий, и потому в произведении заметна какая-то односторонность...*» Я подходил к этому периоду и справа, и слева, и en face*: все напрасно. Он, как чудовищный сфинкс, продолжал смотреть на меня тупо и безжизненно. Прибавьте еще к этому старческую, особенно неприятную хитрость избегать результатов собственных положений, когда они открывают существенную, светлую сторону противной партии. Самая религиозная школа живописи в Италии, по мнению автора, была Умбрийская[18]. Она несомненно выросла в лоне латинизма, но чтобы отделаться от уважения к нему, автор придумал следующую фразу (стр. 45): переход Умбрийской школы к другому направлению «доказал бессилие западного католицизма удержать в пределах религии ни живописи, ни тем более других искусств» и проч. и проч. Очень ловко! Еще одна любопытная черта в этой статье. Некоторые из периодов ее до такой степени общи, что, как флаг, могут развеваться по воле ветра во все стороны. Так и видно, что у них нет корней ни в труде, ни в мысли. Впрочем, мне иногда это кажется следствием тех софистических и праздных диспутов, за которыми большая часть нашей молодежи теряет всякое чувство истины. Посмотрите сами (стр. 43): «Но сильное развитие других сторон жизни, независимых от искусства, и внутреннее сознание самого художества, пробуждаемое теоретическими направлениями, препятствует искусству удалиться от жизни действительной, как это было во время цвета академии»... Поставьте вместо препятствует способствует — мысль будет в той же степени верна, как теперь: так отвлеченна она и так походит на тему для диспута! Статья эта заставила меня крепко задуматься о нашем образовании, о классе общества, который его получает, и об употреблении, какое он делает из него. Уяснилось мне одно следующее: замечание о чужой гнилости еще не есть признак собственного здоровия... Но довольно об этом.

Жизнь течет здесь в Париже пока еще весьма тихо и вяло, чему особенно способствует катастрофа орлеанского наводнения. Многие говорят, что и полное издание повестей Бальзака под титулом «Comédie humaine» ** немало помогло развитию общественной грусти. Не могу удержаться, чтобы не передать вам одно замечание о Бальзаке, слышанное мною или

* Напротив (*франц.*).

** «Человеческая комедия» (*франц.*).

в театре или за обедом: «Сочинения Бальзака походят на корзинку ходячего стекольщика: каждое стекло само по себе весьма тускло, а вместе взятые, они составляют массу, непроницаемую для света». Очень мило!.. Движение около театров однакож начинает, видимо, усиливаться. В Ambiqu Comique имела успех, и, что называется, колоссальный, новая драма Сулье «La closerie des genêts»[19]. Дело тут в двух отцах, подозревающих каждый свою дочь в незаконном составлении ребенка и вследствие сего позволяющих себе самые отчаянные тирады и поступки. Все улаживается, впрочем, благополучно после многих испытаний и страхов. Умный посредник, маркиз из помиренных легитимистов, успевает освободить обольстителя от жены, насильно ему навязавшейся, и возвратить его к ногам жертвы, между тем как он, сам маркиз, берет, вероятно, *за комиссию*, невинную ее подругу. В первые представления одобрение публики близко подходило к энтузиазму. Это заставило меня еще раз серьезно подумать о болезни, полученной мною еще в молодости, и которую, за неимением лучшего, я называю: *позывом к художественности*[20]. Всякий раз, как удавалось задавить этого червячка, гнездящегося во мне, глаз мой прояснялся, и я чувствовал себя здоровее. Нынче, выгнав его одною художественною статьей из славянского «Сборника», о которой уже упомянуто, я тотчас понял причину общего восторга и законность его. Все лица драмы взяты из жизни и верно выражают уровень, проходящий по всем слоям французского общества. Бретонский мужик с крестиком св. Лудовико за Вандейскую войну[21] подает братски руку наполеоновскому генералу с почетным Легионом[22]. Блестящий замиренный маркиз[23] стоит между крестьянскою девушкой и барышней в дружественных отношениях, понимаемых и тою, и другою. Отпускной солдат из Алжира[24] идет рука об руку с артистом из Парижа. Не забыта даже дама большого света, родословная которой начинается в бедной хижине; но она несколько оклеветана, и это чуть ли не существенный недостаток пьесы. Вот на каких лицах зиждется вся драма, и теперь понятно, отчего с первого раза вызвала она сочувствие публики.

Вам, может быть, приятно будет узнать новую шутку неугомонного Кабе[25]. Он уже давно на последнем листе своего «Populaire» печатает похвальные письма самому себе, получаемые от лиц всех сословий. Ныне сообщает он новый вариант панегирика. Какой-то господин, будучи при смерти, поместил в завещании: «объявить Кабе глубочайшую благодарность за минуты наслаждения, доставленные мне, завещателю, чтением икарийской системы»[26]. Почтенный покойник! Это, однако, еще не лучшая шутка Кабе. Он повздорил с фаланстерианцами[27]. Спор вышел, кажется, из того, чтоб узнать, которая из двух партий более облагодетельствовала человечество. Из желания очистить поскорее этот пункт Кабе предлагает Консидерану[28] нанять общими силами большую залу в хорошем квартале города и держать публично диспут о достоинстве обеих теорий, как во времена Абеляра. Дело остановилось за безделицей — за позволением. Вероятно, администрация, мало заботящаяся об интересе писем из-за границы, лишит меня удовольствия видеть одно из любопытнейших заседаний, какие представляло последнее десятилетие. Это тем более правдо-

подобно, что «National» возбудил презрительный смех в консерваторах, потребовав для работников публичных заседаний и права говорить о выгодах и невыгодах снятия таможен, как о деле, в котором они всего более заинтересованы, между тем как противники таможен, пэры и мануфактуристы, получили позволение составить общество и иметь заседания. Какая же тут, бога ради, зала для фантасмагорий Кабе и Консидерана и для публичных прений о том, чтоб узнать, где будет слаще пить и есть, в Икарии или в фаланстерах?

Сегодня хоронят старика Дюперре[29] у Инвалидов, но на дворе холодно и сыро — и у меня нет охоты смотреть эту церемонию. . .

До следующего письма.

II (a)

[Когда Париж денно и нощно стучит у вас под окнами, но [эти] и это имеет занимательность. На слишком гладкой дороге приятно встретить бревно и попотеть около него, а потом ведь всегда есть возможность плюнуть и обойти препятствие.] Многие находят, что обыкновенные сумасшествия французского карнавала в нынешнем году достигли крайнего развития, за которое вряд ли и перейти могут. Замечено именно в полицейских сержантах невыразимое снисхождение к условным жестам и позам [лореток] гризеток на балах Оперы, Variétés, Валентино, и относят это к нетвердому положению министерства. Всем известно, как долго страдала Франция от чистоты нравственных убеждений муниципалитета и катоновской строгости[1] правил таможенных приставов. И тем, и другим нанесены страшные удары. Допущение *живых картин*, сделавшихся источником дохода для трех театров и забавным зрелищем публики, так крепко связывает греческую цивилизацию с парижскою, что даже эстетика и филология противятся вмешательству цензора в кивере и красных эполетах. Развитие публичных балов доконало совсем это установление, уже потрясенное живыми картинами. С годами пропадала в них интрига, значение маски, таинственность и умение сочинить маленькую повестицу, а все более выказывалась потребность судорожного потрясения организма и усилия сделать назло официальному опекуну[2]. Несколько лет маскарад был войной между публикой и блюстителем благочиния. К ужасу моему должен я вам сказать, что последний побежден, по крайней мере на эту зиму. Галопад, который теперь танцуют, уже не может быть бешенее, вскрик уже очень близко подходит к настоящей лесной дикости, и речи, которые вам держат на ухо, сохраняя умеренность, требуемую духом языка, уже имеют весьма ясный благоуханный запах примитивности и наивного пребывания в природе. Причину упадка маскарадов Оперы полагают, главное, в том, что умные и добродетельные лоретки, уже вышедшие из точки отправления Руссо[3] к более широкой системе шотландского эмпиризма г. Дюгальд-Стюарта[4], разобраны и Оперу не посещают. В этом они походят на лучших профессоров Франции, которые, сделавшись пэрами, и лекций более не читают[5].

Что касается до посягновения на таможенных, оно вышло из общества *свободного обмена*[6], для ясности скажу: du libre échange. Я был на по-

следнем его заседании в Salle Montesquieu. На трибуне величались все знаменитости политической экономии: Дюноэ[7], Бланки[8], Шевалье, Бастиат[9], Леон Фоше[10], Горас Сей[11], а внизу до трех сот человек избранной публики собралось посмотреть на них. Известно, что противная партия. составившая комитет для защиты национального труда, а для ясности скажу: comité pour défendre le travail national, вместо опровержений профессорских теорий в какой-нибудь другой зале, взволновала мануфактурные департаменты Франции и послала грозный циркуляр администрации, объявив, что при первой уступке ее свободным обменщикам она, партия защиты, вооружит врагов династии. Вы видите, экономисты рассчитывают на красоту своего слова, мануфактурщики — на величие вооруженной силы; те опираются на непреложные законы ума, а эти — на твердость и самоотвержение кармана. Старик Дюноэ открыл заседание выговором противной партии за грубость употребляемых ею средств и призывал ее к спокойному, дельному обсуждению вопроса. Бланки визгливым голоском опровергал упрек в дерзости новой реформы, ограничивая ее на первый раз уничтожением в тарифе параграфа совершенных исключений и понижением пошлин с некоторых предметов, как кофе, какао и проч., которые от увеличившегося потребления вознаградят снисхождение правительства к ним с избытком. Он объявил также, что по милости мануфактуристов нынешние палаты неподвижнее палат двадцатых годов и что мануфактуристы не имеют даже права подавать голоса в настоящем вопросе, будучи судьями в собственном деле. Тогда воздвигся Шевалье и тоном жреца, только что беседовавшего с Аписом[12], произнес громовую речь против мнимого патриотизма защитительной партии и ее претензий блюсти выгоды работников[13]. Хорош этот патриотизм, который из личных выгод уничтожил блестящие начатки таможенного союза между Францией и Бельгией, который из мелочного расчета не допустил в государство сезама[14] и тем лишил Францию нескольких миллионов и возможности поднять торговую морскую силу! Хороша претензия, когда фабрики мануфактуристов суть вертепы распутства, огрубения и уничижения человеческих способностей! Вот как говорил он! В больших собраниях [любезный друг Боткин] я заметил, что слушающие бывают иногда любопытнее говорящих. Например, немаловажное значение приобрело для меня обстоятельство, породившее в самую жаркую минуту речи Шевалье громкий и продолжительный смех. Увлеченный бесом ораторства и естественным желанием как можно более напакостить враждебным фабрикантам, Шевалье поставил им в пример один американский город до 30 000 жителей, в который приходит со всех сторон 18 000 хорошеньких работниц, никогда не подвергающихся опасности защищать свою невинность и добродетель. Взрыв безумного смеха, встретивший слова эти, убедил меня, что по сю сторону океана эти 18 тысяч целомудренных дев весьма бы поуменьшились и что здешняя публика не понимает благородной терпимости публики американской. Это меня глубоко опечалило, как вы догадываетесь. Наконец, Горас Сей заключил заседание, убеждая нас, слушателей, к распространению, по мере сил и возможности, идеи свободного обмена, которая, — говорил он, — должна обойти весь мир. А до тех пор можно,

я думаю, заметить, что идеи редко распространяются посредством приглашения. Вообще эта борьба чистой теории с живыми интересами, сделанная под влиянием английской реформы[15] и без всяких других средств, кроме правильности выражения, весьма походит на забаву ученых. Это — их Тиволи[16].

Любопытнейшую сторону парижской жизни представляют в эту минуту, без сомнения, новые произведения промышленности, выставленные магазинами. Целую неделю ходил я по лавкам и признаюсь, давно не испытывал такого удовольствия, как в этом изучении тайной мысли, двигающей современную производительность. Право, любопытно было бы определить, каким образом формируется эта мысль, называемая вульгарно модой, а что она вдруг проносится от одного конца государства до другого, светится в разнороднейших произведениях — в ножевом клинке и в куске материи, и имеет корни в общественной настроенности — это, мне кажется, очевидно. В эту минуту, например, факт, что вся изобретательная способность индустрии движется воспоминаниями искусства и образа жизни XVIII столетия[17], этот факт для меня столько же важен, как недавнее арестование одного № «National» за статью против возвращения правительственной системы к старому порядку вещей. Вы легко свяжете, [друг мой,] страсть, которая овладела многими, собирать вещи и игрушки прошлого века с наклонностью настоящего к полному наслаждению собой и жизнью. Здесь образовались для первой целые магазины. У Дивильруа (passage Panorama) любовался я коллекцией старых опахал, роскошно обделанных в черепаху, золото и перламутр и на которых кисти учеников Вато[18] и Буше[19] изобразили беседу дам и кавалеров в присутствии амуров, поясняющих содержание ее, сельские праздники, даже мифологические события под деревьями, где в листьях таятся воркующие голуби. У Рого, на Монмартрском бульваре, это еще полнее. Там выставлены золотые табакерки с тончайшею живописью идиллического содержания, весьма мало закрывающего настоящую мысль сюжета, перстни, брошки и, наконец, те маленькие фарфоровые статуйки, в которых под видом пастухов и пастушек прошлый век рассказывал анекдоты из собственной жизни. Но промышленному искусству предстояла на этой реставрации недавней старины трудная работа заключить дух ее в непогрешительную чистоту линий, в художественную форму, снять угловатость с представлений ее и умерить выражение. За этою работой промышленность нынешнего года показала талант неимоверный. В магазинах Жиру я видел дамские туалеты, рабочие столики, вазы, сервизы и бюро для письма, в которых главный мотив составляет эмаль по фарфору, прорезанная тонкими золотыми нитями и покрытая живописью, где цветы и амуры переплетаются в удивительном рисунке. С трудом можно отвести глаза, и только ярлычки с ценами 2 т., 3 т., 4 т. франков заставляют их, так сказать, войти в себя. Этот tour de force * или ловкость современной промышленности еще яснее видна в магазинах Таксана, на углу бульваров и улицы de la Paix. Он приготовил к новому году доброе количество ларцов,

* Смелый прием (*франц.*).

несессеров, пюпитров для письма, garde-bijoux* и проч., из которых каждый есть образец отделки и, в некотором роде, поучение плодотворное. Круглота формы, любимая восемнадцатым столетием, образовала здесь превосходный рисунок: золотые полосы вместо старой путаницы завитков разрешились в художественные арабески, и линии, подражающие старой оковке ларцов, пересекаются удивительно свободно и красиво, а живопись, сохраняя тон нежной аллегории, выдержана строго и вместе тепло. Каждая вещь в этой форме может быть принята за светлое воспоминание отжившего столетия. Смотря на нее, хочется быть богачом, и покуда не отнимут ее от глаз, страдаешь жаждой обладания. Обиднее всего, что имена рисовальщиков, дающих первую мысль этим вещам, совершенно потеряны для публики, которая знает только человека, приведшего ее в исполнение. Бронзовые произведения, требующие, как вы знаете, настоящего творческого таланта, и притом в весьма сильной степени, уже гораздо слабее. Одна часть их навеяна бытом Алжира, который имеет сильное влияние и на самою живопись: так много тешит новая колония народное самолюбие[20]! Это борьба бедуинов с гренадерами или эпизоды африканской жизни, где барс и степной лев меряются силами с кавалеристом французской армии и проч. Вторая часть их, весьма полно представляемая магазином Сюса, находится в крайнем противоречии с первою: это женщины в сладострастных положениях несмотря на то, выражают ли они робкую стыдливость или безграничное упоение, скромность или увлечение. Любопытно, что многим из них основным типом послужила великолепная, несравненная Венера Милосская из Луврского музеума. Художники только, вероятно, из тонкой лести мещанству представили эту энергическую, страстную женщину в ее вседневных занятиях: в расческе роскошной косы, в омовении чудного тела ее и даже в перемене хитона; можно подумать, что все это злая нескромность горничной девушки Венеры. Впрочем, истинное выражение искусства находится не в произведениях, где забота о дешевизне, старание сделать доступным приобретение неимущему эстетическому карману порождает непременно некоторую мелкоту представления и выделки. Я совсем не приверженец системы, выдуманной, полагаю, старым ночным колпаком и состоящей в том, чтоб умельчать великие вещи ради доставления удовольствия экономным супругам или бедным молодым людям, подающим надежды. Она рождает подлог вместо дела, производит иллюзию вместо поучения, портит в одно время и образец, и того, кто наслаждается подражанием ему. Для бедных [как мы с вами, друг мой] есть музеумы, выставки, собрания: вот настоящая подмога бедности. И какое приобретение может с ними сравняться, и какой богач имеет то, что каждый день может видеть всякий! Европа поняла дело лучше, чем человеколюбы сентиментальные: между тем как публичные кабинеты и коллекции распространяются везде и неимоверно, фальшивые древности, подражания монетам, бисквитные статуйки, уродливые копийки беспрестанно падают. Все это я вам говорю по случаю магазинов серебряных дел мастера Мореля в улице des petits

* Шкатулка для драгоценностей (*франц.*).

Augustins. Там все дорого, но каждая вещь кажется упреком обветшалому, древним неизвестному разделению ремесла от искусства. Начиная с золотого набалдашника для палки до серебряного сюрту * для пиршественного стола, все имеет у него в основании поэтическую, художественную мысль, которая отзывается на всех подробностях и наполняет собою как главную фигуру, так и самую дальнюю черту произведения. Я видел, например, кубок, у которого кристальная чашка покоится на двух золотых фигурах — тритона и нереиды, между тем как вьющиеся широкие растения ползут по двум краям чашки и чудно завиваются вверху, составляя ее ручки. Везде верность раз взятой мысли поразительная. Из множества вещей помню еще один браслет с жемчугом. Что может быть обыкновеннее этой данной мысли? Но две серебряные резные русалки на золотом фоне, взятые в ту минуту, когда выносят они со дна морского корзинку перлов, сообщают обыкновенному браслету оттенок художественности и высокого искусства. Особенно ими помечена одна серебряная холодильница шампанского. Подножие ее составляют три пантеры, головы которых повторены еще и на золоченой крыше; на круглых же боках ее развивается удивительный рельеф: внизу спят вакхическим сном четыре лица четырех разных возрастов, между тем как над головами их носится вереница женщин, изображающая горькие и страстные видения каждого. Присутствие творческой силы тут уже так ясно, что у Мореля просили позволения перевесть рельеф этот на слоновую кость и украсить им стены богатого кабинета. Однакож заговорился я о промышленности, но ведь она тоже принадлежит к явлениям здешнего карнавала, о коем здесь и пою преимущественно.

Но самое несомненное достояние его суть две театральные пьесы, два обозрения на театре du Vaudeville и на Палерояльском. В первом является новая планета в бюро «Иллюстраций»[21] (г-жи Дош[22] и Жюльет[23]), и последняя показывает первой, называя ее сестрицей, все, что происходило нелепого в Париже. Идут пародии на театральные пьесы прошедшего года, новые открытия, объявления, романы, спекуляции. Планета чуть-чуть с ума не сходит от ужаса и бежит опрометью к себе на небо, где она с начала веков вела спокойную и добродетельную жизнь. Палерояльское обозрение еще смешнее. Там хлопчатый порох (poudre-coton), в образе Сенвиля[24], идет с приятелем своим, центробежною дорогой, изображаемою г-м Грасо[25], взрывать монмартрские копи и отыскивать клад. Вместо клада попеременно являются им на Монмартре: «Клариса Гарлов»[26], «Найденыш» Сю[27], «Вселенная и свой уголок» Мери[28], драма Сулье[29], госпожа Магодор, аристократические купальни, «Роберт Брюс» Россини, битва кашемиров, театры, экономическая щетка, сам Александр Дюма с новым театром[30], где люди будут с столовыми, гостиными и конюшнями и проч. Неудержимый хохот носится во все время представления этой пьесы, имеющей большой успех и которая, наконец, делается невыносима по изобилию уморительных глупостей и сумасшествию веселости, не дающих вам отдыха ни на минуту. Оставляю до будущего письма [Боткин]

* Сюрту (от *франц.* surtout) — большой вазы.

печальную историю появления великих сценических произведений, которых ожидала публика с таким замиранием духа: «Agnès de Méranie» Понсара[31] и оперы «Роберт Брюс» Россини. Было бы неуместно говорить о них тогда, как Париж, несмотря на сильные холода, денно и нощно бегает по улицам, словно спасаясь от всякого дельного слова и от всякого напоминовения о литературных и жизненных треволнениях.

[1-ое Генваря 1847 — С сим числом вас поздравляю. Я пишу к вам в Москву, но не знаю, где вы. Повторите ваш адрес, да на всякий случай приложите адрес того Современника[32], к которому можно писать в случае нужды. Мне это необходимо. Кудрявцев[33] мерзнет жалостливым образом.

П. Анненков]

II (б)

В Collège de France и в Сорбонне не все по-старому [любезный В. П.], Вы знаете, что в первой Эдгар Кине отказался от кафедры по случаю перемены, сделанной в его программе, и южные литературы, таким образом, не имели представителя в Париже. Вероятно, тени Дантов и Камоенсов[1] громко требовали удовлетворения от Сальванди[2], потому что он, при открытии нового курса, отдал кафедру Кине[3] г. Гинару[4]; но этой кафедре, вероятно, суждено переменять беспрестанно обладателя. Кине, разумеется, протестовал против назначения ему адъюнкта без его согласия, но, убежденный потом самим г. Гинаром, объявил, что если уж нужен непременно адъюнкт, то лучше г. Гинара не найти. Все, казалось, было слажено; однакож с приближением курсов последний проведал, что студенты, вполне признавая его добросовестность и многие хорошие качества, все-таки собираются освистать его при первом появлении, не находя другого, как самый лучший способ оказать симпатию свою к его предшественнику. Не чувствуя в себе способности на самопожертвование, Гинар, под предлогом глубокого уважения к Кине, отказался вовсе от кафедры, и зима эта, таким образом, должна пройти для нас без единого слова об инквизиции, Колумбе, ореолах Жиотто и воплях Бруно[5] и проч., Это жалко. Впрочем, поведение Кине во всем деле было чрезвычайно достойно и благоразумно. Кине живет точно так, как говорит — несколько напыщенно, но очень звучно и твердо. В Сорбонне произошло нечто посерьезнее. Знаменитый Дюма[6], вероятно, уже снесясь с администрацией, предложил от собственного имени [совету] факультету des Sciences *, где он старшина, просить совет университета об образовании третьего факультета — механических искусств, ремесел и земледелия, студенты которого могли бы получать все ученые степени первых двух факультетов. Так и сделано. Вы понимаете [, друг мой], что утвердительный ответ на эту просьбу будет одним из самых важных происшествий нынешнего года во Франции. Впервые промышленность и землепашество станут наравне со всеми другими учеными занятиями, почислятся детьми современной цивилизации, и снимается с них последнее урекание в корыстности и не-

* Наук.

благородстве, оставшееся от средних веков. Гораздо менее будет вам понятно, что мера эта встретила [самое] первое жаркое сопротивление [как бы вы думали где?] в демократической партии. При этом случае особенно ясно выказались узкость и ограниченность ее понятий о морали, которая все еще держится на старом эпитете d'un homme irréprochable *, то есть на достоинстве быть бедным с удовольствием и заниматься только невещественными вопросами самой первой величины. Едва разнесся слух о нововведении, как партия («National») объявила, что им оскорбляется величие науки, принужденной заниматься теперь торгашами, спекулянтами, фермерами вместо того, чтоб смотреть в небо, *открывать* идеи, совершенствовать человечество. Равнять людей, говорила она, — которые если и изобретают что-нибудь, то изобретают для собственной пользы, — равнять их с бескорыстными тружениками кабинетов есть позорная выдумка, достойная развратного общества, которое хочет освятить наукою собственную болезнь — жажду золота. Так они поняли эту меру. Дюма, разумеется (к случаю пришлось), растерзан в куски. Вообще [,друг Боткин,] моральные идеи оппозиционной Франции — вещь любопытная и заслуживали бы некоторого разбора, который, однако, оставляю до того близкого случая, когда писать будет не о чем. В это время я [тоже] вам скажу, что воззрение самого автора «Systèmes des contradictions» на жизнь до такой степени сухо [7], хоть и верно логически, что если жизнь не захочет быть добродетельною по его системам, право, хорошо сделает. В этом будущем письме я укажу вам на вторую часть увража его, где семейный быт так прекрасно определяется, как домоводство, ключничество и скопидомство, где еще приложено нечто в роде математической таблицы для особ обоего пола, с обозначением, в какой возраст и какою *любовью любиться им следует*, где еще, именно по этой природной *глухоте* к биению жизни, не понято значение искусства и артист назван развратителем общества! Тогда же обращу я ваше внимание на замечательный факт, недавно мною слышанный: говорят, что Прудон и Жорж Занд, при взаимном уважении, терпеть друг друга не могут. Как это понятно! Наконец, я заключу письмо мое указанием на «Лукрецию Флориани», этот перл романов Жорж Занд, в котором не знаю чему более удивляться — широте ли кисти, глубине ли характеров, мастерству ли рассказа и которое многие приняли за снятие всякого запрещения, между тем как он есть, напротив, самое строгое наложение правил на празднoшествие страстей, по моему мнению, разумеется, и моральный вопрос разрешается превосходно [8].

В полемике, возбужденной решением сорбоннского факультета наук, было уже несколько любопытных случаев. Прилагаю здесь один. Министр предоставил самому факультету обсудить предложение и подать ему рапорт подробный, что и было выполнено. Журналы тотчас же объявили, что рапорт этот составлен г. Дюма и фальшиво им выдается за мнение самого факультета. Три члена последнего протестовали против несправедливого утверждения, и в числе их свежая знаменитость, г. Леверье [9].

---

* Безупречный человек (*франц.*).

Вы знаете, с каким триумфом поднят он был на щитах за открытие планеты. Награды, похвалы и даже стихотворения посыпались дождем. Меня немножно посмешило, что при исчислении первых помечено было и позволение содержать табачную лавочку, данное сестре его; но я перестал смеяться, когда вспомнил народное происхождение почти всех здешних ученых и бедность, с какою боролись их семейства вначале. Итак, теперь наступила для Леверрье минута пережить другую сторону предмета: началось разложение его репутации. Известно, как это делается: миру, удивленному громкою славой, показывают те дудки, которые служили для произведения звука, и работников, нанятых сообщать им воздух из собственных легких. Это больно со стороны, но вместе благодетельно. Человек перегорает на огне полемики и выходит именно только тем, чем создала его природа. От души можно поздравить Леверрье, что гонение началось так рано. Оно как оспа: чем скорее, тем лучше.

Остальное в Collège и в Сорбонне по-старому; те же профессоры, то же направление, хотя многие из них выбрали новые предметы. По мере того, как с течением зимы все они будут яснее определяться, я буду сообщать вам известия. Вне круга официальных преподаваний замечательны три курса: Огюста Конта[10] — о положительной философии, Араго[11] — популярной астрономии в обсерватории и Рауль-Рошета[12] — истории древних архитектур по оставшимся памятникам в королевской библиотеке. Возвращаюсь опять к университетскому вопросу, с которым не могу расстаться, — так он мне кажется важен, а главное так живо затронул он здесь всю литературную часть публики. «Journal des Débats» еще с переформовки университетского совета сохраняет в отношении к Сальванди, вы знаете, некоторого рода оскорбительный тон недоверия. Ожидали от него сопротивления новой мере — и не ошиблись. Еще задолго до появления рапорта г. Дюма посетители Collège de France были несколько изумлены вступительною лекцией Сен-Марк-Жирардена, одного из главных редакторов журнала, как известно. Предмет, им выбранный на нынешний год, — литература XVIII столетия, подал ему случай горько посетовать на материальное направление нашего века, в котором может погибнуть — говорит он — духовное наследство отцов французских. «Промышленность — дело полезное, — внушал он нам, — согласен даже, что результаты ее достигают иногда поэтического эффекта, но когда мысль всего общества устремлена единственно на промышленность, я принужден сказать: есть опасность!» Слушатели были приведены в умиление, чему, вероятно, особенно способствовало воспоминание об акциях железных дорог, полученных журналом «des Débats» от компании[13]. Вслед за Жирарденом и Филарет Шаль открыл свой курс северных литератур. Вступительная лекция этого второго редактора была еще смелее. Он просто объявил, что все современное поколение Франции представляет ужасное зрелище духовной немощи, подавлено мелочными интересами, но что близко время, когда молодежь, погрязшая теперь в легких и часто неблагородных удовольствиях, очнется, пробужденная опасностью, какая угрожает основным идеям отечества... И тот, и другой профессор были правы; но согласитесь, что сходство этих причин с истинами, преследуемыми

самим журналом, в котором эти профессора участвуют, могло произвести некоторое замешательство в умах. Все объяснилось строгою статьей «des Débats» касательно меры. Они («des Débats») проведали именно, что, кроме своего официального смысла, мера еще имеет затаенный смысл — отнять непомерную важность, данную в народном образовании латинскому и греческому языкам. Это посягательство на основное качество литератора должно было соединить пишущую часть публики всех цветов, и действительно, в эту минуту совет университетский имеет приятный случай наблюдать, в какой форме выражается одно и то же осуждение у разных лиц, смотря по их темпераменту и любимому чтению каждого.

Одна «La Presse» делает исключение... Я всегда удивлялся способности этой газеты, стоя на одной ноге с «Débats», говорить всегда наперекор им[14]. Этим она выражает свое стремление к успеху, который, впрочем, должно понимать не иначе, как успех в подписчиках. К этой потребности противоречия следует отнести и то, что она открыла по вопросу о свободе торговли колонны свои г. Видалю[15], который равно беспристрастно называет слепцами и pro *-таможников и contra **-таможников, а говорит об организации государственного обмена, условливающем просветленное позволение и таковое же запрещение. Мне не нравятся [Боткин] эти обоюдоострые статьи, порожденные заразительным примером Прудона и, как у всех подражателей сильного образца, лишенные настоящего значения; но это в сторону. Одобрение «La Presse» не спасает университетской меры, которая под всемогущим осуждением, а главное, под могущественным veto *** «Journal des Débats», вероятно, бедняга, и зачахнет. «Так из чего же было занимать меня этим вздором, и еще во время карнавала?» — можете вы сказать весьма основательно. А я вам отвечу с нахальством, всегда приходящим по мере писания и развития предмета на бумаге, что весь проект имеет для меня особенное значение. Он мне кажется симптомом сознания, пробуждающегося в самой Франции, касательно разъединения, существующего здесь между потребностями общества и официальным преподаванием. Я исключаю точные науки и говорю только о нравственных, философских и исторических. Идеи, которые кружатся в народе, ничего не имеют общего с Сорбонной. Каждый труд, немного дельный, находится в явном противоречии с кафедрой. Collège de France, установленная с целью выражать частное воззрение, личный опыт, упала до совершенного произвола в назначении лекций, в предметах их, в способе изложения [все вещи, крепко удивлявшие нашего Кудрявцева]. Франция думает, судит, открывает совершенно помимо касты своих наставников, которые, наконец, потеряли способность и понимать ее. Мудрено ли, что борьба между духовными нуждами общества и стоячестью официальной науки проявляется то посредством *учено-религиозного* вопроса, как прежде, то посредством *учено-индустриального* вопроса, как теперь? Я люблю подчиняться всеобщему приговору и, несмотря на блеск последней меры, сначала ослепившей меня, уступаю

* За (*франц.*).
** Против (*франц.*).
*** Вето (*лат.*).

голосам, которые находят в ней опасность для нравственного влияния государства... Им, конечно, лучше знать настоящее его величие, чем иностранцу, хотя бы он и принадлежал к числу друзей ваших; но, соглашаясь, что проект, может быть, не зрел, для меня остается еще убеждение, что он выведет за собою другой, полнее. Нельзя же, чтобы в обществе, особенно отличающемся стремлением к единству материальной и духовной централизации, воспитание и жизнь шли рядом, не заботясь друг о друге, как в азиатских городах турка, данный в провожатые немецкому археологу. [Высказав это самым торжественным тоном, какой бир-бас породить может, жду вашей меткой и прозорливой оценки.]

Из новых публикаций замечательны особенно, во-первых: «Histoire de la domination romaine en Judée» par S. Salvador, II части [16]. Кроме увлекательной занимательности рассказа о всей политике римской в Сирии и Палестине, яркой картины разнородных партий, существовавших в Азии с Помпея [17] до Тита [18], и пояснения многих событий туземными нравами, книга эта еще развивает и героическую сторону в характере еврейского народа, забытую теперь почти совсем. Вместе с тем она доказывает упорство еврейской мысли, сохраняющейся даже ныне в самых образованных людях этой нации, так что воззрение Сальвадора в 1846 году на историю иудеев можно легко связать с понятием о ней санхедрина [19] времен последних Маккавеев [20]. Обращаю внимание ваше на эту книгу, которая вместе с «Филиппом II и Перецем» Минье [21] и с посмертным изданием: «Histoire de la poésie provencale» Фориеля [22] составляет венок исторических произведений французской школы [изданных], появившихся в этом году. Не мешает вам знать, если еще не знаете, что Дидот издает в дешевом издании 12 томов «Bibliothèque des memoires relatifs au XVIII siècle» [23], которая начинается с последних годов Людовика XIV строгим выбором любопытнейших достоверных записок, как-то: г-жи du Hausset, барона de Bézenval [24] и проч., а окончится на временах терроризма записками госпожи Роланд [25] и другими. Уже серия этих записок открылась мемуарами m-me Delanay, горничной девушки герцогини Менской [26], в которых Сент-Бев отыскал так много тайной грусти, недовольства своим положением и разочарования! Вообще, с годами способность Сент-Бева к анализу едва заметных оттенков в характере, любовь его к утонченному проявлению чувства и мысли, снисхождение ко всем болезненным и расслабленным организациям чрезвычайно усилились. Пример — его статья о Теокрите [27], помещенная в «Journal des Débats». Это переносит меня к другому, не менее замечательному критику, Филарету Шалю. Из своих лекций, из статей, разбросанных по обозрениям, выдал он четыре тома (дешевого издания) «Le dix-huitième siècle en Angleterre», «Études sur l'Antiquité» [28] и прочее, и обещает еще продолжение. Это — чтение самое разнообразное, в основании которого положена бездна эрудиции, беспрестанно вас обманывающей и оставляющей только в раздражении любознательность чтеца. Всякая мысль у него покидается тотчас, как показалась новая сторона предмета, мелькнет и [предмет] пропадет, плодотворное объяснение вдруг останавливается посереди дороги; это даже обидно. Так и кажется, что он спешит приколоть идею в том виде, как она блеснула в голове из

сознания неспособности своей обработать ее. Это мне объясняет врожденное отвращение Шаля к системе и методе, проповедуемое им и с кафедры. Не могу умолчать о маленькой книжке Александра Вейля «La guerre des paysans» [29], которая очень бегло рассказывает страшную драму, грозившую поглотить реформу Лютера, но основные черты которой собраны здесь в их последовательности и во всей их дикой энергии. Вот, [любезный Боткин], реестр изданий, обративших здесь особенное внимание. [Из поверхностного моего отчета вы увидете, что можно всех их прочесть и остаться в первобытной простоте, и это будет единственное поучение, какое вы из него извлечете.]

Еще одно слово: знаете ли вы статью де Молена [30] («Journal des Débats» 17 ноября) о Пушкине по поводу перевода его поэм и некоторых стихотворений господином Dupont? [31] Вообразите же: он судит о нем с политической точки зрения вместо художественной и эстетической, как бы [следовало] другой сделал, и находит крайнее ребячество там, где каждому русскому слышится глубокое слово! Так тяжело еще понимать нас иностранцам! Вот еще черта любопытная: Де Молен проходит без внимания мимо «Бориса Годунова», мимо «Дон-Хуана» и останавливается с любовью и умилением перед «Евгением Онегиным»! . .

[Прощайте. Жду ваших писем.

4-го Генваря.

П. Анн‹енков›]

III

[20-го фев‹раля›. Париж.]

[Здравствуйте, неоцененный мой.]

Может быть, не совсем скучно будет вам [,друг мой,] пересмотреть все шедевры здешних театров. Каждый из них приготовил, как это обыкновенно бывает, свою капитальную пьесу к зиме, и как все эти пьесы теперь уже налицо, то по ним можно судить вполне о драматическом движении во Франции. Признаться сказать, для меня они имели еще другую занимательность, именно как вопрос: чем занята общественная мысль; но это я оставляю про себя и от души позволяю вам думать, что всякая театральная пьеса сделана для того, чтоб быть театральною пьесой, а совсем не вопросом, который только в следственном деле бывает у места. Начинаю с «Роберта Брюса», французской оперы. Вам, вероятно, уже известен неслыханный поступок г-жи Штольц при первом представлении [1]. [Оскорбленная шиканьем, а может быть, и собственными фальшивыми нотами — она стала сперва иронически приседать перед публикой, потом ходить большими шагами по сцене, всплескивая руками, потом разорвала на мелкие куски платок, и так как ярость публики росла вместе с яростью певицы, то многие ожидали, что она кинется в партер и будет им разорвана. Однако порядок кой-какой восстановился благодаря усилиям капельмейстера.]

В следующие представления было мертвое молчание со стороны публики, бесчисленные фальшивые ноты со стороны г-жи Штольц, и так

идет до дня сего ради всеобщего желания не остановить представлений. Никто не предполагал, что по части скандальёзных происшествий будет в нынешнюю зиму нечто получше. Процесс Александра Дюма с журналами «Constitutionnel» и «Presse» [2] [доказал, что парижская публика во всех сомнительных случаях имеет право надеяться на своего любимого автора. Господин этот обязался первому журналу поставить в продолжение года 9-ть волюмов * романов, столько же второму, вместо того дал им волюмов пяток, и за ним теперь осталось не то 150 тысяч, не то 200 тысяч, положенных обоюдными контрактами. Об этих именно ненаписанных строчках идет дело. Редакторы журналов складывают их к подножью фемидиного престола и взывают о правосудии. Не то чтобы автор исписался или изнемог под тяжестью неблагоразумных контрактов их. Взяв с редакторов тысяч 30 фр. задатка (каждый том Дюма ценится нынче в 4500 фр.), автор вдруг стал писать пять разных фельетонов для пяти других журналов, потом поехал в Испанию показать ей гений французского народа в своей особе [3], потом поехал в Алжир и застрелил всех львов и тигров существовавших под вековой тенью Атласа, потом переехал в Тунис и спас жизнь французскому отряду. Взял и совершенно забыл об этих геркулесовских работах. Все это он сам рассказал в знаменитое заседание коммерческого суда, с прибавкой только непередаваемого хвастовства, нахальства и [торгашества] кичливости маркизским происхождением своим. Жалко, что нет нынче ни одного истинного комика во Франции, подобные явления умрут, может быть, незамеченные, а их бы стоило увековечить.] В речи Дюма каждая фраза была гасконада, каждая мысль — нелепая претензия и каждое слово — уморительное самохвальство. Это — Хлестаков в самом крайнем, колоссальном своем развитии [4] ... Но возвратимся к пьесе. Несмотря на восхитительные мелодии первого акта, на превосходный финал второго (третий очень слаб и вполовину наполнен балетом), эта опера Россини решительно не имеет никакого характера, не оставляет по себе никакого образа и до того лишена основной идеи, что до сих пор публика не знает, принять ли ее за шутку или за серьезное произведение болонского маэстро. Так всегда бывает с пьесами, составленными из разных посторонних клочков, хотя бы каждый отдельно из них и был превосходен. При этом случае следует упомянуть об удивительной обстановке, которая в соединении с превосходным хором произвела во втором акте (финал) сцену, постоянно электризующую публику. При перемене декорации открывается ущелье в шотландских горах, покрытых войском, ожидающим прибытия короля Роберта (Баруале) [5]. Ряд бардов длинным строем приближается к авансцене с арфами в руках и начинает военный гимн, который прерывается маршем короля Роберта, появляющегося со своей свитой. Тогда марш и гимн соединяются в одно целое поразительного величия, и ему отвечают с гор восторженные клики войска, колебание знамен и щитов. В это же время публика всего театра подымается, и крики энтузиазма из партера смешиваются с последними нотами хора. На этот отклик настоящего народа,

* Волюмов (от *франц.* volume) — томов.

сохраняющего еще до сих пор воинственную черту в характере, Россини, конечно, не рассчитывал, но именно это невольное движение и довершает полный эффект, начатый на сцене. Кстати, я видел одного немца, который нисколько не был увлечен им, потому что говорил — в XIV столетии не было бардов в Шотландии. Слова эти мне доказали еще раз всю пользу старого ученого образования. Нечто подобное, касательно энтузиазма, происходит при некоторых частях новой симфонии Берлиоза «La Damnation de Faust» *, особенно при так называемом венгерском марше, последние темпы которого всегда заглушаются френетическими ** рукоплесканиями. Что касается до целого, то оно уже страдает не от разорванности, а, напротив, от вычурности. Я убежден, что в России только прачка, которая на плоту крутит белье, выжимая из него воду, может иметь понятие о творческом процессе, свойственном Берлиозу [любопытно еще]. Между Берлиозом и Виктором Гюго есть, по моему мнению, сильное духовное родство, хотя первый, как талант, выше второго. Оба страдают жаждой новости, образов вне исторической и просто психологической поверки и гениальность полагают в том, чтобы произвести человека или идею, которые не имели бы ни с кем и ни с чем ничего общего. Как это любезно! Род человеческий за таковую к нему предерзость обыкновенно отомщает помрачнением головы неучтивца. Трагедии Виктора Гюго свидетельствуют это, и Берлиоз был тем же наказан. В своем либретто «Фауста» он приводит хор подземных духов и заставляет их петь следующий куплет, заметив сперва в выноске, что, по уверению Сведенбога [6], это настоящий язык чертей:

Tradioun marexil Trudinxe burrudixe,
Fory my dinkorlitz Hor meak omévixe!
Urakaiké!
Murakaiké! ***

и проч. и проч. Он перелагает потом этот прекрасный диалект, ни мало не уступающий языку, каким у нас пишутся некоторые драматические фантазии, на соответственную ему музыку, и, действительно, выходит чертовщина совершенная, да только многие сомневаются, может ли такая гадкая поэзия существовать где-нибудь, даже в преисподней. Ее бы с Александринского театра [7] согнали. Несмотря на все эти недоразумения, есть чудные проблески в этой симфонии, мотивы несомненной свежести и оригинальности, увлекательные по выражению легкости и игривости хоры, как, например, сильфов **** и гномов во второй части. Поэтому выходишь из концерта в том запутанном состоянии души, в котором должен был находиться известный античный герой, когда, нежно поцеловав детей своих, он отправил их на казнь [8]. Я думаю, не без расчета также выбрал Берлиоз и театр оперы Comique для исполнения своей симфонии и драмы. Софистическому уму его, вероятно, улыбнулась противоположность огла-

* «Осуждение Фауста» (*франц.*).
** Френетическими (от *франц.* frénétique) — исступленными.
*** Непереводимо.
**** Сильфов (от *франц.* silphe) — мертвоедов (этнограф.).

сить стены этого театра, посвященного шутливой и грациозной музыке, сильным и могущественным произведением.

В течение зимы опера Comique дала четыре оперы новых композиторов, и всякий раз, сидя в ее покойных креслах, окруженный старыми и юными щеголями, предавался я удовольствию следовать бессмысленно за звуками, прислушиваться к нежным переливам оркестра, к томному романсу, к веселой песенке и благодарить за всякую фразу, лелеющую ухо. Вы, может быть, несколько усумнитесь в возможности наслаждаться только чертами, только линиями, только звуками без образа и с едва видимым содержанием? Но послушали бы вы только здесь «Gibby la cornemuse» господина Клаписона [9], с г. Роже [10] и госпожою Делиль [11], новую «Ne touchez pas à la reine» господина Буассело [12], исполненную г. Одраном [13] и госпожою Лавуа [14]! Да что это я так умеренно говорю? Я, как Мария Стюарт у Шиллера, имею право сказать: «Святая осторожность, лети на небеса!» Знаете ли вы похвальную речь покойному Ройе-Коллару, произнесенную господином Ремюза [15] в академии? Что такое Ройе-Коллар! Человек, всю жизнь колебавшийся между двумя направлениями, изменивший [попеременно] добросовестно им обоим и, наконец, отыскавший способ привести в теорию собственное бессилие, что и сделало его патриархом позднейших доктринеров [16]. Все были уверены, что сказать настоящее похвальное слово Ройе-Коллару по мелкоте самого лица нет никакой возможности, и, однакож, после речи Ремюза Париж целую неделю только и бредил ею! Отчего же Париж целую неделю бредил ею? Ради фразы, звука и оборота, словом, ради только формы ее. Действительно, это chef-d'oeuvre* французского языка в XIX столетии. Гибкость, тонина выражения, остроумная умеренность каждой мысли, меткость каждого слова, ясный, но не совсем выговоренный намек, все качества, к каким только способен французский язык, приведены тут были в дело автором «Абеляра» и увлекли меня вместе со всем читающим миром. Надеюсь, что этого оправдания достаточно, а если все еще совесть у вас неспокойна, я, пожалуй, приведу в оправдание и целый народ. Возьмите итальянцев, которые до дня сего мастерство сказать что-нибудь поставляли конечною целью литературы и весьма мало обращали внимания на то, что сказано. Прекрасный народ, один из всех европейских народов, который может прийти в восторг от сцепления, падения, интонации слов! Правда, теперь начинается реакция [17], благодаря неугомонному Бианки-Жиовини [18], исторической драме, открытой Ревере [19], и нынешним сардинским брошюрам: погибель красного слова, видимо, приближается, исполняя рот мой прахом огорчения.

Это само собой переносит меня к здешнему Итальянскому театру и к Верди, который тоже принадлежит, в сфере музыки, к семье вышеупомянутых нововводителей [20]. Опера его «I due Foscari» [21] имела здесь успех колоссальный. Колетти [22] в роли старого дожа, Гризи [23] в роли молодой Фоскари были превосходны. Публика парижская смотрела если не друг на друга, что было бы грамматически неправильно, то по край-

* Шедевр (*франц.*).

ней мере внутрь себя и спрашивала: где же заунывное andante *, где фигурные аллегро с бесчисленною гранью фиоритур? ** В andante слышалась твердая жалоба, аллегро против обыкновения выражало упрек и иногда угрозу, а потом хоры необычайной энергии, которая все растет, растет, как волна в бурю ... Жены богатых мануфактуристов спрашивают у мужей своих: «Что такое сделалось с итальянскою музыкой? Уж не завели ли там обществ свободного обмена?» Но будет о музыке. Я и так, верно, наговорил множество ересей, огню подлежащих, но ведь я и отречься готов, хоть сейчас: не упорен я.

Перехожу к драматической литературе. Теперь вам уже известно падение «Агнесы де Мерани» г. Понсаро в Одеоне. Печальнее этого зрелища трудно вообразить себе. На первое представление съехалась публика, решившаяся заранее быть увлеченною во что бы ни стало. Ложи были наполнены всеми парижскими знаменитостями, не исключая Гизо, присутствие которого в театре как бы оправдывало весь запас восторга, предусмотрительно сделанный публикой на всякий случай. В продолжение первых актов чем более ослабевал автор, тем благорасположенней становилась к нему публика. Она придиралась к каждому стиху, несколько удачному, к каждому порыву актеров, тоже выходивших из себя ради соревнования. Можно было наблюдать, как партер не верит собственной своей скуке и соблюдает над собою род полиции, отгоняя все черные мысли и все ожидая: вот появится настоящее чувство и вырвется страсть. Все напрасно. Переваливаясь с ноги на ногу, шел автор к пятому акту, разговаривая с самим собою в каком-то непонятном состоянии немощи и тупости. В пятом акте обессиленная публика уже сохраняла мертвое молчание и разошлась, наконец, со всеми признаками изумления к способности некоторых пьес падать неудержимо, против всех и всего. Да зато и пьеса же! Недостатки «Лукреции» [24], как-то: отсутствие жизни и наклонность к резонерству, достигли чудовищных размеров во второй трагедии Понсара. Каждое лицо с начала до конца рассуждает: кто — о важности папского запрещения, кто — об обязанностях королевского сана, женщины — о любви, кавалеры — о благочинии. Понсар способен заставить рассуждать ребенка о лучшей манере извлечения молока из материнских сосцов — ведь заставил же он в пятом акте, при смерти отравившейся Агнесы, рассуждать папского монаха о том, подойти ли к ней с изъявлением сострадания или удержаться, умерив оное! Чудно! Падение «Агнесы» нанесло удар так называемой школе *здравого смысла* [25], которая образовалась из академиков, избранных, то есть неизвестных литераторов и людей хорошего тона. Школа эта, поставив Понсара во главе своей, хотела посредством его противодействовать драматическим вольностям Гюго, Дюма и проч. Увы! Последствия доказали, что здравый смысл может производить точно такие же нелепости, как и всякий другой смысл, и даже хуже — производить скучные нелепости! На кого же надеяться теперь и в кого веровать, когда и самый здравый смысл может

* Анданте (*франц.*).
** Фиоритур (от *франц.* fioriture) — прикрас.

так страшно падать? В отчаянии своем и, вероятно, еще для того, чтоб оправдать принятое ею название, школа эта через одного из своих членов запретила все пародии «Агнесы» на других театрах. Немного строго, а впрочем, в них, действительно, надобности нет.

Мне приятно при этом случае заметить [Василий Петрович], что ласковая снисходительность, проявившаяся в отношении «Агнесы», сделалась, кажется, основною чертою здешней публики и распространяется не на одни сценические представления. Куда ни обращался я, везде видел я внимание, беспристрастную оценку, похвальный разбор противоречащих мнений, с отдачей каждому должного. Я исполняю обязанность друга, предостерегая вас от некоторых иллюзий, всегда рождающихся, когда мы издали судим о народе по словам и актам людей переднего плана. Эти по необходимости должны быть горячи, странны, эффектны, запутанны, а публика, тоже по необходимости, может хладнокровно разбирать, насколько в них было жару, странности, эффектности и запутанности. Таким образом, все свое дело делают, и от этого разделения занятий рождаются те несомненные благие плоды, какие мы видим на глазах наших: укоренение существующей гражданской формы, занятие более собственными делами, всеобщее спокойствие. Есть люди, которые объясняют это *арифметическое направление* публики довольно коварно; говорят: она хладнокровна, потому что не верит ни в себя, ни в других, а не верит этому, потому что занята иною, новою, неизвестною мыслью [26]. В этом утешении, мне кажется, есть много мечты, а также много бессилия. Мысль, которая никак не может найти надлежащей формы для действительного, политического своего направления, вряд ли и называться таковою может. Она может быть высокою думой для будущего и походить на знатную даму, которая считает неприличным связываться с настоящим ходом дел, но зато и весь мир, с достодолжным уважением к ее породе, проходит мимо без всякого внимания. Все это говорю я, чтобы спасти настоящую деликатную умеренность публики от оскорбительных подозрений и злой недоверчивости.

В цирке дают пьесу под названием: «Revolution française» *. Она дурно составлена и по характеру театра занимается более военною стороной эпохи. Вербовка волонтеров на Pont-Neuf, Демурье [27] с сотней фигурантов в Бельгии или тридцать акробатов на лошадях скачут по горам и решают дело под Цюрихом [28], перестрелка, барабанный бой, страшный дым, неистовая музыка и перемена декораций с красным и голубым огнем: таково содержание пьесы. Со всем тем, раза два или три слышится известная песня, от которой так много страдала Франция [29]; раз показывается страшный комитет, в котором говорит устроитель побед [30]; раз даже открывается само ужасное собрание и на кафедре стоит Дантон [31], декламируя отрывок из настоящей речи, записанной «Монитором» [32], между тем как президентское кресло занимает молодой человек, названный в афише С. Жюстом [33]. Тут-то всякий человек, которому дороги успехи европейской цивилизации, с удовольствием мог бы заметить, до какой

---

* «Французская революция».

степени притупились некоторые звуки, обессилели некоторые имена. Еще за 7 лет нельзя было бы произнести и показать их, а теперь весь энтузиазм публики сосредоточился на проявлении военной доблести, черт самоотвержения и на жажде славы и побед — вещах, лежащих в основе народного характера и ничем не истребимых. Это успех неимоверный, который я спешу вам передать [я слышал даже]. В доказательство, как одна идея военного достоинства поглотила в народе, по моему мнению, все прочие, привожу достоверный анекдот. Содержатель театра платит в вечер двадцать су больше фигурантам, изображающим иностранные войска, за то, что они беспрестанно отступают. В одном балете крайняя необходимость требовала, чтоб и французские гренадеры отступили [да и то], разумеется, на безделицу, шаг назад, не более, без этого обойтись нельзя было: сделался ропот между фигурантами; едва уговорили, да и то заметив, что это нужно для искусства, а в действительности такой вещи с сотворения мира не было. Говорят, что и теперь, когда приходится делать этот роковой шаг назад, у многих из них слезы на глазах выступают; некоторые бормочут: «Проклятое искусство!» . . . Смех, да и только.

Я отношу к тому же счастливому направлению смотреть на страшный переворот, о котором идет здесь дело, как на прошедшее, подлежащее хладнокровному обсуждению, и появление большого количества историй, им занимающихся. Книги эти уже не события. Луи Блана волюм имеет строгую критическую форму [34] и ищет начал переворота по разным землям и у Гуса. Волюм Мишле [35] держится на туземной почве и написан с жаром, который, может быть, даст ему мгновенную популярность. Обещают на днях волюм Ламартина (о жирондистах) [36], волюм Эскироса (о монтаньярах) [37] и волюм Пожула [38], который, говорят, будет написан с консервативной точки зрения. Желательно было бы знать мне, успел ли я передать вам этим долгим отступлением мое понятие о настроенности французской современной публики.

В Gymnase dramatique [39] царит безраздельно несравненная Роза Шери [40], с своею девственною скромностью, с задумчивою улыбкой, полной сдерживаемого чувства, наконец, во всегдашней своей борьбе между искушениями падения и сознанием своего достоинства, которую передает она так тонко и нежно. Нынешнюю зиму она почти совсем вытеснила свой антипод, который, однакож, служил ей как бы дополнением и пояснением, — грациозно беззаботную и вызывающую на падение Дезире [41]. Боюсь я, чтобы по роду пьес, какие стал писать для [нас] Шери Скриб, все ее качества не обратились бы в манеру. После успеха «Шарлоты Гарло» [42] только и есть, что Брессан [43] в виде недостойного любовника, а Роза Шери — в виде девушки, облагораживающей любовника силою чистой к нему страсти.

В новой пьесе «Iréne ou le magnétisme» * любовник уже магнитезер, который хочет завладеть девушкой посредством медицинских своих качеств и находит собственное спасение в ее девических мечтах и стремлениях. Разбирая эту пьесу, Ж. Жанен рекомендовал Скрибу написать уж

* «Ирина и магнитизм».

заодно водевиль из новооткрытого действия эфира, который, как известно, поражает человека на несколько минут совершенною бесчувственностью. Действительно, комбинаций при этом случае может быть очень много, и даже моему уму, весьма мало драматическому, представляется несколько крайне обольстительных. Здесь у места сказать, что это открытие, взволновавши весь ученый мир и ныне почти единогласно признанное (Мажанди[44] сомнения все опровергнуты) одним из благодетельнейших для человечества, встречено было в ученом фельетоне «National» сильными нападками[45], и опять из принципа закоснелой морали: ведь эфир есть, так сказать, аристократия водки, — то употребление безнравственного средства, как пособие, не должно быть допущено. Право, выходит из этих статей, что лучше человечеству умирать в мучениях под ножом оператора, да только с убеждением, что во рту никогда хмельного не было. Если, с одной стороны, отвратительное зрелище представляет презрение к своему достоинству, продажа себя и своих убеждений, то, с другой, и эта исключительность людей с *правилами* возбуждает жалость. Между тем я сам, собственною особой, в присутствии одного из лучших парижских докторов, вдыхал эфир из красивого сосуда с трубочкой, похожего на кальян, и думаю, вы не почтете меня за это чудовищем разврата. Действие эфира на тех, которые достойны принять его (говорят, есть люди, сопротивляющиеся его влиянию, но для них уже изобретается новая крепчайшая химическая комбинация), большею частью мгновенно. С необычайною скоростью переносит он вас к самому высшему градусу опьянения, минуя вдруг все те более или менее скотские ступени, по которым проходит обыкновенный винный хмель. После нескольких глотков эфира, произведших сперва во мне перхоту, скоро, однакож, отстраненную им самим, именно через две минуты, почувствовал я онемение в ногах, сильное биение сердца и пульса. Голова моя не закружилась, а помрачилась, обильный пот выступил по всему телу. Разница между влиянием эфира и винных паров состоит в том, что первый не обезображивает сознания, а только отнимает его; сходство, может быть, состоит в том, что после первого отвращения наступает род влечения и неудержимой наклонности. В эфире факт этот особенно замечается на женщинах и девушках. При сильных вдыханиях из проводника, со стиснутым особенными щипчиками носом и уже со всеми форменными признаками сильного опьянения, я видел ясно вокруг себя и даже очень хорошо чувствовал, что еще пять или десять глотков погрузят меня непременно в сон, который и должен перейти в совершенное оцепенение. В это время доктор, державший все время пульс [у меня] мой, снял щипчики с моего носа и отодвинул инструмент, не желая, вероятно, приводить меня понапрасну в состояние крота или, может быть, боясь огорчить меня, лишив на несколько мгновений чувствительности, столь необходимой моему сердцу! Замечательно, что также скоро пропадает обаяние этих испарений, как быстро пришло оно. Два или три сильных вздоха освободили меня совершенно от всего: осталась только слабость во всех членах, легкое колотие у сердца, да и те через полчаса совсем пропали. Так вот так-то! Остальные театры не любопытны, исключая Théâtre Français с его «Дон Хуаном» Мольера,

окруженным великолепнейшею обстановкой. Это гениальное в первых четырех актах своих произведение заслуживает порядочного разговора, и о нем когда-нибудь после. Все первые сюжеты театров Variétés и Vaudeville — Буффе, Арналь, Дежазе — были чувствительно обижены со стороны авторов и вращались в ролях, как будто нарочно сделанных для того, чтобы закрыть их достоинства. Если случится наоборот, не премину уведомить. Театр Porte Saint-Martin без Фредерика Леметра, который в отпуску; Ambigu судорожно держится за свою доходную «Closerie des genêts *, а Gaité дал мелодраму Анисе Буржуа «Mystère du carnaval» [46], где шутовство маскарада развивается рядом с самым невозможным преступлением, так что масленица беспрестанно встречается с предчувствием эшафота, производя этим уничтожающие эффекты. Несколько раз слышался стон ужаса в партере. Впрочем, как же и легко надуть ужасом эту добрую публику, приходящую в театр с добродушною готовностью благодарно принимать решительно все, что подаст автор! Пустите, придравшись к чему-нибудь, отца с ножом на сына — будет ужас. Держите этот ужас часок времени на одном месте, потом растворите задние двери на сцене и велите крикнуть первому встречному и без всякой причины: «Сын, защищайся: это не отец твой!» будет радость и шумный аплодисмент. Так великий знаток человеческого сердца *Анисе Буржуа* и сделал. Гораздо хуже, что прогулка масленичного быка не удалась [47]: оба дня шел проливной дождь. Сердце разрывалось от горести при виде этого почтенного быка с золотыми рогами, предшествуемого рыцарями, мушкетерами и жертвоприносителями, сопровождаемого колесницей богов, богинь, гениев и обливаемого дождем! Он походил на профессора, говорящего речь при погребении в дурную погоду. Вечером последнего дня масленицы, mardi gras, сам «президент» из драмы «Коварство и любовь» [48] пролил бы слезы при зрелище, какое представляли мокрые бульвары. Тут гремели три бала, свет был от плошек и газовых этажерок, а на тротуарах кричали замаскированные [лоретки] гризетки, придерживая одною рукой мужские свои шальвары, а другою несчастный зонт, выбиваемый ветром. Некоторым подавал я руку, и они позволяли вести себя, куда угодно: так справедливо, что горе умягчает сердце человека! Прощайте. [Крепко благодарю вас за письмо и брошюру, полученные мною по почте уже, не знаю от кого. Перешлите это письмо в Петербург, если найдете любопытным и если поспеет к выходу книжки «Современника». Пусть скажут Белинскому [49], что здесь есть камфорные сигарки в роде папирос Parisien, помогающих от кашля в груди. Если их нет в П. Б. пусть напишет одно слово: *надобно* и бросит его моим братьям. Я тотчас вышлю.]

IV

...Вы требуете от меня новостей? Новости есть, да все газетные. Конечно, в новостях этого рода самое любопытное — комментарии. От *иногородних* скрывается множество подробностей и намеков, ясных только

* «Хуторок Жене» (*франц.*).

на месте происшествий, но при передаче их является двойная невыгода: то переговоришь, то не договоришь. Корреспондент находится в положении того сказочного героя, который на распутьи двух дорог увидел надпись: «Пойдешь направо — голову сломишь, пойдешь налево — головы не сломишь, да волк съест». Вот, например, недели две или три Париж был взволнован ссорой двух знаменитых особ, кончившеюся на днях радушным примирением [1]. Сколько страстей, ожиданий и гипотез породила эта размолвка! Я наблюдал за нею единственно с литературной точки зрения. Так как одна из тяжущихся сторон занималась прежде *историей*, а другая обрабатывала с успехом *роман*, то любопытно было мне видеть столкновение этих двух отраслей цивилизации, возбуждавших такие сильные прения на нашей памяти, в эпоху появления Вальтер Скотта. И со всем тем, никак не могу сообщить вам результата прилежных изучений моих из опасения оскорбить который-нибудь из этих двух великих литературных родов или, что еще хуже, оба их вместе. Пропадай же все комментарии! Так как дело идет о ссорах, сообщу вам и другие, хотя и не столь важного, ученого значения, как та, о которой я говорил. После уморительного процесса Александра Дюма, в котором, как вы знаете, произнес он на самого себя ядовитейший пасквиль, достойный того, чтоб автора посадили в тюрьму за диффамацию * себя, — явился процесс Евгения Сю [2]. Из этого процесса Европа узнала, что волюм Сю ценился после «Парижских таинств» в 10.000 франков; да это не беда, а вот беда: «Constitutionnel» [3] и за третий, уже нестерпимо скучный роман [4] Евгения Сю заплатил ту же сумму, да еще книгопродавец подкинул тысяч 30 за право издания, и оба к ужасу увидели, что сочиненьеце-то плоховато из рук вон. Отсюда гнев и придирчивый процесс с целью освободиться от тягостных условий, которые суд, вероятно, удержит в поучение своим и иностранным покупателям невещественных богатств сомнительного достоинства. Вторая ссора достигает пропорций поэтических и связывается с уничтожением журнала «Эпоха» [5]. Улисс спекуляций [6], достойный такой же многозвучной статьи, какую Гоголь написал про настоящего Улисса [7], г. Эмиль Жирарден [8] купил у последнего владельца «Эпохи» эту газету, перенес ее станки к себе и всех ее подписчиков присоединил к своему журналу. Редакторы ужаснулись, дня два еще издавали газету и, наконец, бросили. Пошла путаница неимоверная: процесс акционеров газеты с директором, продавшим ее, — господина Жирардена с редакторами, бранившими его за эту покупку, — редакторов с директорами, господином Жирарденом и акционерами, — поставщиков бумаги и других материалов со всеми ими вдруг и прочее. Вся эта масса процессов разрешилась тем, что «Эпоха» окончательно поглощена журналом Жирардена, подписчики ее получают «Presse», а редакторы ее выброшены на мостовую... Ведь это уж не просто спекуляция, а какое-то вдохновение. Что за человек Эмиль Жирарден, что за человек! Для него уже почти нет невозможностей, и я только прошу судьбу, чтоб когда-нибудь не пришло ему в голову объявить «Современник» своею собственностью.

* Диффамацию (от *франц.* diffamation) — клевету.

После пяти, шести слов, вы, гг. издатели «Современника», сами сознаетесь, что ошиблись в своих правах на издание, и собственноручно вручите ему ключи от вашего бюро. Пропускаю несколько других ссор, еще меньшего достоинства, и перехожу прямо к такой, которая по своей важности требует непременно, чтоб я начал рассказ о ней с красной строки.

Прение между пророками *свободного обмена и мануфактуристами* перешло теперь на другую почву и сделалось прением между экономами и социальною школой. Этого и должно было ожидать: но никто не ожидал, чтоб оно приняло такой жаркий полемический тон. Мнения двух сторон выступили с озлобленностью и ожесточением, поразившими многих и убедительно доказавшими теперь, что в сущности вопросы эти связаны с политическими верованиями обеих партий. Теории никогда не выражались так крупно. Г. Видаль в «Presse», журнал «Démocratie pacifique» [9] и Луи Блан в последней своей книге («История французской революции») сильно и энергически, тоном крайнего негодования восстают против положений экономической школы. Разумеется, вы не ждете от меня разбора их упреков и крепкого отпора противников, пишущих в своем журнале: «Le libre échange» [10] и в «Débats»; но я не могу воздержаться от одного замечания, показывающего, как время объясняет все положения и ставит каждую шашку на свое место. Неисчерпаемым источником ожесточенных нападок на теорию *обменщиков* служит предположение, что эта теория снимает спасительную узду с отдельных личностей, подмывает *права* государства, развязывает руки и пускает каждого на борьбу со всеми. Партизаны свободного обмена отбиваются от предположения всеми силами, не убеждая нисколько социальных и демократических своих противников и даже частенько доставляя им новое оружье оговорками и полудоводами своими. Недавно, например, Видаль разбором их возражений приведен был к заключению, что государство воспитывает под покровом своим истинных врагов своих и гонит в лице социальной партии идею, которая одна стоит за несомненные права его. Кто бы подумал это? «Démocratie pacifique» пошла еще дальше. Она смело объявила, что презрение, какое связывается со словами *государственная монополия* (monopole de l'Etât), происходит от путаницы понятий, порожденных консервативными анархистами, ныне уже смело подымающими головы. Сама фраза «государственная монополия», ими выдуманная, представляет бессмыслицу: монополия может принадлежать одному лицу, а не государству, то есть всему обществу. Основывая на этом табачную монополию, существующую во Франции, демократия представляет ее за образец, по которому должны устроиться многие другие монополии для блага государства, и, между прочим, важный нынешний вопрос, *соляная* монополия, которую она и призывает всеми силами своими. Не приходит ли вам в голову, что это кадриль, где в известное время все лица переставились, перешли с места на место? Дальнейшая разработка времени окончательно укажет им настоящие углы и установит приговор о них, который теперь всегда отзовется колебанием, существующим в самой жизни. В заключение скажу вам слова два о маленьких журналах, издаваемых работниками. «L'Union» [11] уже не существует: это неудивительно. Он был так

бесцветен, и так много разнородных мнений существовало в его редакции, что падение его можно было предвидеть наперед. Два других журнала: «L'Atelier» [12], католическо-либеральный, и «La Fraternité» [13], религиозно-общинный, здравствуют. Любопытно, что в деле *обменщиков* оба они почти одними словами выразили свое отвращение от новой теории, называя ее только домогательством *капитала*, а всю распрю — междуусобною войной денежных людей, и не предвидя от нее ни малейшего облегчения в участи работника, плата которому, при всех возможных изменениях тарифа, все-таки будет следовать за ценой хлеба и падать вместе с нею. Голос их в этом движении немаловажен и сообщает вопросу полноту, необходимую для правильного и совершенного ее разрешения, которое, впрочем, еще нескоро предвидится. Еще есть время, слава богу, отравиться мерзейшими сигарами во Франции, выносить пар сотню вонючих сапог в Германии и за банку хорошей помады в Италии заплатить то, что стоит в России паек денщика! ..

Мишле, при оглушающих рукоплесканиях, читает в Институте своим задумчивым, прерывающимся голосом комментарий на собственную последнюю книгу, в котором уничтожает всех почти действователей переворота восемьдесят девятого и последующих годов, называя их артистами и дилетантами политической бури, ими не понятой. Нельзя быть более смелым и вялым в изложении, как этот человек! ..

Сейчас пришло известие о смерти Мартеня [14], убитого столь же следствием апоплексического удара, сколько и страшною клеветой, неимоверно скоро распространившеюся, и которая, поместив его в одно из тайных заведений разврата, отдала в руки полицейского чиновника, им самим приставленного. Клевета взяла тут, как видите, манеру современных драматургов...

Начались религиозно-философские конференции в церквах по образцу знаменитых конференций аббата Лакордера в Nôtré-Dame, имевших нынешнюю зиму большой успех. Так как они теперь напечатаны, то можете сами ознакомиться с ними. От вас убежит только при чтении неимоверная способность проповедника играть фигурами, образами и аллегориями, часто зиждущимися просто на сходстве слов, но которым умеет он придавать искусными оттенками резкого голоса своего особенное выражение и краску. Не знаю, поразит ли вас также, как меня, опровержение некоторых современных теорий не простыми истинами Писания, а другими, весьма произвольными теориями, причем странным образом под сводами готической церкви раздавались имена Магомета, Гегеля и др.

Все три высших слоя здешнего общества решились как будто пройти парадом друг перед другом посредством трех публичных балов в Opéra-Comique, положив 20 франков за право входа. Два из них уже было: *артистический* — в присутствии всех женских знаменитостей здешних театров и артистов всех родов (он давался в пользу бедных артистов), и *буржуазный* — в присутствии семейных депутатов, негоциянтов, профессоров и журналистов. Сбор с этого последнего бала, патронируемого королем и принцами, определен на малолетних колонистов земледельческой

школы Petit-Bourg. Третий, легитимистский, бал в пользу старых пансионеров Карла X — будет на днях...

Восстановление капитула Сен-Дени [15] на особенных правах, по смыслу которых члены его отходят от ведения епископов в ведение правительства, а примас его будет иметь в распоряжении высшее семинарское преподавание, образуя таким образом нечто похожее на особенное министерство духовных дел, произвело суматоху в религиозных журналах. Кричат, что религия взята ко двору и проч. Я тут плохой оценщик и мало понимаю галликанские резоны, ими приводимые. А вот что сочинение Ламартина о жирондистах, имеющее выйти на днях, возбуждает какую-то всеобщую горячку любопытства, и что на законе о низшем преподавании [16], только что внесенном, г. Сальванди должен выдержать сильную парламентскую битву, — вот это так несколько очевиднее для меня... Мало развлекло здесь напряженную мысль публики открытие нового театра А. Дюма — Théâtre Historique, предположившего обучать бульвары отечественным событиям посредством своих драм; труппа обыкновенная, драма «La Reine Margot» *, хоть необыкновенная по длинноте и сцеплению сценических эфектов, не только не превосходит человеческие понятия, но и просто ожидания, порожденные объявлениями. Она имела, что называется, succés d'estime **, то есть почетное падение. Не так было с новою одой-симфонией «Христофор Колумб» Фелисиена Давида [17]. Энтузиазм, ею порожденный, в котором и я погрешил легонько в первое исполнение, напомнил красные дни «Le Désert» ***. Как не погрешить, скажите сами? Эта ода-симфония есть торжество сладострастного сенсуализма в музыке, странным образом открытого в ней сен-симонистскою головой [18]. Вы понимаете, что сенсуальная музыка должна непременно быть музыкой описательною и привязываться к предмету, исчерпывая все, что заключается в нем роскошного, грациозного и насладительного. Так и сделано. Каким образом? Не знаю. Тут есть музыкальные ткани прозрачности и тонины необыкновенной; тут есть такие комбинации инструментов, которые производят звук как будто еще нового, неслыханного доселе инструмента; тут есть, наконец, словно несколько голосов самой природы, как падение волн, стон ветра в парусах и пр. Знаю только, что из всего этого механизма выходят картины одна другой ярче: видишь постепенное удаление Колумбова корабля от берегов Испании, ночь под тропиками, дребезжащий свет звезд в волне, обтекающей корабль. В последней (четвертой) и лучшей части многим энтузиастам казалось, что интродукция несет с собою запах цветов и далекой земли навстречу Колумбу и спутникам его, что постепенно развертывается перед глазами их берега Нового Света, и что, наконец, выросли перед ними жемчужные горы и залиты пловцы светом, благоуханием и восторгом! А что после?.. Картина индейской жизни, пляска и песня не в ложном сентиментальном колорите, а в какой-то свежей простоте, в какой-то младенческой прелести. После колыбельной песни индейской матери, привязывающей к дереву колыбель ребенка, где

* «Королева Марго» (*франц.*).
** Умеренный успех (*франц.*).
*** «Пустыня» (*франц.*).

нежность грациозного очерка уже безусловно превосходна, публика потеряла всякое приличие и умеренность в одобрении. Она почти поравнялась с нашею петербургскою публикой, прощавшеюся с Виардо, Рубини и Тамбурини, когда они на время уезжали за границу... Но довольно! Услышите когда-нибудь сами.

Сегодня, 16 марта, во вторник, открывается публичная художественная выставка в Лувре, куда я поплетусь, как только кончу это письмо. На первый раз можете судить о плодовитости французского искусства по следующему факту: 2.100 № содержит новый каталог, и 2.300 № — (картин и скульптурных произведений) отказано в приеме *присяжными*[19]. И все это делается при возрастающей беспрестанно дороговизне хлеба[20], при неимоверных усилиях муниципалитетов удержать его в цене, доступной низшим классам, при сомнительных надеждах на будущую жатву и при явном дефиците финансов, который в 1848 году будет представлять почтенную цифру 650 миллионов. Между тем правительство покупает хлеб со всех сторон, посылает свои пароходы во все европейские моря покровительствовать и помогать подвозом его, усиливает внутри войско и сдерживает народонаселение, колеблемое страхом голода. В одно утро Париж был грустно потрясен в своих художественных, экономических и литературных занятиях известием, что три лица из наиболее провинившихся в смутах Бюзансе приговорены тамошними присяжными к смертной казни[21]. Надеются на милость короля...

16 марта н. ст.

V

Луврская картинная выставка 1847 г.

Поверите ли, что я должен начать описание выставки возвещением о погибели исторической и религиозной живописи во Франции, по крайней мере в прошедшем году, труды которого собрала нынешняя выставка? Любопытно, что Дюссельдорфская школа[1], имеющая претензию на сохранение лучших художественных произведений, нанесла первый удар исторической живописи. Она сделала это по излишеству любви и сочувствия к старым нравам и событиям, а за любовь, вы знаете, многое прощается. Желая проникнуть в задушевный, *интимный* смысл исторических событий и в глубокие оттенки характеров, доступные только романисту, она свела историческую живопись до tableau de ganre*. Что сделал Дюссельдорф из любви, за которую многое прощается, то сделала Франция по другому чувству — по отвращению к фразе, официальному пониманию исторических лиц и происшествий, наконец, по сомнению в тех и других. Вот уж это не так похвально, но удивительно, как в иное время и любящие, и не любящие люди бывают похожи друг на друга! Еще на прошлых выставках появились некоторые академики с картинами неслыханных размеров, содержание которых имело ложную торжественность, не оправданную историческими убеждениями народа. Их встречал, вы помните, сатанинский

* Жанровой картины (*франц.*).

смех публики, и опозоренные им, побледнелые и сконфуженные картины скрывались в какой-нибудь угол провинциальной префектуры или в кассу какого-нибудь полезного заведения. Ныне ничего нет подобного. У старых художников, которые еще решаются появляться на публичную оценку (их немного: знаменитейшие имена Академии, исключая Вернета [2], ничего не прислали на выставку), заметна робость, нетвердый шаг, как будто недоверие паствы смутило самого жреца. Вы помните, например, того Деверия (Devéria) [3], который несколько лет тому назад взял момент рождения Генриха IV [4] для картины, полной грома, треска и преувеличений. Она находится в Люксембургском музеуме. Eugéne Devéria явился ныне с картиной «Рождение Эдуарда VI» [5] и последовавшею затем смертью матери его Жанны Сеймур [6], которая на великолепном ложе, окруженная всеми своими дамами, покрытая бархатным одеялом, умирает, бросая последний взгляд на младенца, убившего ее. Уже большое снисхождение сделал художник господствующему вкусу публики, разорвав страданием красоту лица несчастной родильницы, и все-таки публика проходит без внимания мимо картины, находя в ней смерть все еще неестественно учтивою, умеренною, благовоспитанною. Тем менее расположена публика обманывать новые таланты вредным снисхождением. Я был даже удивлен решительным приговором, который произнесла она портрету *Наполеона во весь рост, в императорской мантии*, написанному Ипполитом Фландреном (Flandrin) [7] для одной из зал государственного совета. Самое великое имя, за которым уже многие посредственности находили спасение, не спасло теперь художника от осуждения за голубой фон, на котором вырезывается голова императора, с выражением браминского погружения в самого себя. Так даже ошибка в роде величия, замещение данного характера другим, большим или меньшим, все равно, здесь тотчас же чувствуется историческим тактом массы, толпы. Трудно даже представить себе, как быстро понимает она всякую натяжку возвести до огромного значения происшествие, не заслуживающее этого само по себе, и несмотря на всевозможную ловкость обстановки, которою художник старается иногда подкупить зрителя в свою пользу. Примером этому служат ныне две картины: «Сикст V [8], благословляющий Понтийские болота» Рудольфа Лемана [9] и «Основание Королевской коллегии Франциском I» господина Делорма [10]. В этих картинах есть все для успеха в любом государстве Европы: движение бесчисленного количества лиц, распределенное умно, группировка их, показывающая художнический расчет, наконец, самые их огромные размеры и заметное изучении предмета. В них нет только гармонии колорита и того, что называется стилем; но не это оскорбило особенно эстетическое чувство французов, а усилие раздуть отдельное явление до смешной важности, в которой теряет оно не только способность действования на других, но и весь свой смысл. Критика сделала несколько весьма строгих замечаний художникам, а публика изобрела для подобных картин название *исторических маскарадов*. Само собою разумеется, что это требование поставить каждое событие и лицо на свое место и дать им настоящее выражение, должно было породить живописные биографии, занятие частными явлениями, словом, особенный род изображения отдельных происшествий, то есть исто-

рическая tableaux de ganre. Конечно, прежде этого не было, да ведь и жизнь была простее за три столетия. Не правда ли? Когда содержание готово, то можно брать формы откуда угодно — с итальянской улицы, с антика, с фигур, уцелевших на старой стене. В такие эпохи художник встречает на перекрестке красивого мальчика и делает из него Крестителя, присматривается к древнему саргофагу и переносит его мотивы в барельеф христианского содержания; тогда Форнарина [11] и Виоланта [12] чудным образом служат типами для изображения римских лиц духовной и светской истории. Не так бывает, когда содержание утрачено для искусства, и нужно отыскивать его в естественном движении современных идей. Произведения художника, который теперь хочет миновать их, всегда будут иметь пискливый голосишко человека, изуродовавшего себя из похвальной цели. Теперь всякому художнику предстоит двойной труд — угадать верное содержание и обработать его в искусство. Но, оставив это в стороне, можно повторить, что критическое направление привело французскую живопись к тем же результатам, к каким немецкая приведена была добросердечием своим и сыновним уважением к предкам.

Это хорошо, да вот какая беда, оказывается: самый род крайне тесен и ничтожен. Подумайте только, два человека в Европе — *Лессинг* из Дюссельдорфа да *Поль Деларош* [13] из Парижа — успели дать историческим tableaux de gerne теплоту романа, занимательность посмертных записок и трогательность задушевной исповеди. И с какими пожертвованиями сделали они это! Не принуждены ли они были существом самого дела теряться часто в отделке самых микроскопических подробностей, без которых в подобных картинах нет полноты впечатления? Не походят ли произведения их на живописные барельефы от противопоставления множества лиц, которыми художники должны были заниматься с одинаковой тщательностью и любовью, если хотели быть верными собственному направлению? Я, видевший в промежутке трех месяцев Лессингова «Гусса» во Франкфурте и Деларошевскую «Иоанну Грей» [14] в Париже, в Обществе вспоможения артистам, знаю положительно, сколько было пожертвовано художнических требований старанию уловить историческую истину. А что же после этого сделает из этого рода (tableaux de gerne) фаланга второстепенных талантов? Разорвет событие на анекдоты, на составные его части, это легко, но... увы! ложь может быть так же присуща сказочнику, как и составителю ходульной эпопеи. Она будет только у первого измельчавшая, если смеем выразиться, ложь... Нынешняя выставка всего лучше объясняет мои слова. Роберт Флери [15], творец «Аутодафе», явился с двумя картинами: «Галилей перед судилищем», произносящий свое знаменитое: «E pur si muove» * и «Христофор Колумб, представляющий Фердинанду экземпляры (!) индейцев, им открытых». Сюжеты, как видно, совершенно в духе tableaux de gerne, что не мешает им быть в исполнении ложными и сухими в одно время. Зверообразно смотрит кардинал на старичка, лукаво произносящего свою фразу в первой картине; с мольбой и негой протягивают *экземпляры* индианок руки к королю, прося свободы, во вто-

* «А все-таки она вертится» (*итал.*).

рой, и все это в темнокрасном колорите; исполнение посредственное, свойственное этому художнику. Обман фальшивой естественности рознится с обманом надутого величия только тем, что первый по плечу всякой ничтожной личности и ею принимается с некоторым удовольствием. Многие *буржуа* говорят про «Галилея» Роберта Флери нечто вроде: «Старая лиса — так и видно». Это особенная манера выражать сочувствие к великим действователям и понимать их. Пропускаю картину Александра Гессе[16], изображающую народный восторг венецианцев при освобождении из тюрьмы адмирала Пизани[17], и другую Жакана (Jaquand)[18], представляющую Карла V[19] в монастыре, выслушивающего выговор другого монаха за рассеяние. Они обе обращают внимание публики именно яркостью ложной своей стороны; публика имеет ухо, чтобы различить диссонансы трескучей живописи, и совершенно беззащитна, когда принимают покорный вид искатели истины. Резкая пестрота и судорожное увлечение в первой кажутся настоящим итальянским бытом; мелодраматический монах во второй соответствует дурному мнению об Испании. Дело только в том, что ложь, согнанная с пьедестала, на котором она непомерно чванилась, оделась попроще, стала добрым малым и теперь гуляет под руку с самыми правдолюбивыми людьми, даже на публичных прогулках, а те и не подозревают, с кем идут они и как компрометируют себя таким сообществом.

При всем моем желании быть кратким, не могу умолчать о картине Шопена[20], того самого, который уже составил себе репутацию мастерством низводить библейские рассказы до фельетонных повествований: вспомните его «Суд Соломона», «Целомудренного Иосифа» и проч. Он явился с четырьмя картинами, из которых одна — «Молодость Людовика XIV», вылощенная, манерная, холодная и с матовым блеском табакерочной доски, украшенной живописью, особенно хорошо показывает, что оба рода, торжественный и будничный, могут иметь одинаковые результаты. Смешны кажутся версальские плафоны, на которых Юпитеры и Аполлоны имеют профиль и даже позу основателя дворца; странны кажутся богини с ужимками придворной любезности; но спрашиваю: менее ли смешна и странна мещанская сцена, явно рассчитывающая на умиленного зрителя, в которой Анна Австрийская[21] со слезами умоляет Конде[22] о защите малолетнего сына, уже (в противность всем историческим данным) думающего о будущем своем величии, грозного и негодующего? Если сантиментальность подобной картины может действовать на человека, я не знаю, почему и статуя Людовика XIV в парике и тоге на Place de la Victoire * не может погрузить его в священный ужас. Разве не одна и та же расчетистая мысль породила их мимо истины, мимо всех свидетельств современных, мимо исторического и иного приличия? Да уж если подумать хорошенько, так смешное обоготворение великой личности, право, лучше этого воззвания к чувствительным сердцам, посредством которого любой bourgeois может связать собственные свои семейные делишки с отечественными событиями. Есть в истории случай, особенно любимый этим направлением, именно — смерть Марии Стюарт. Почти не проходит выставки, где бы происшествие

---

* Площадь Победы (*франц.*).

это не явилось в более или менее пошло-слезливом виде. Не обошлась без него и нынешняя, да, вероятно, еще редкая мастерская в Европе не имеет пюпитра с этим эпизодом английской истории. Подумаешь, что человечество из всех поминаний своих предпочитает, разумеется, после проступка нашей прабабушки Евы, одно это, а все потому, что каждая мать семейства, даже не имеющая дочерей, может умилиться перед ним. Какое прекрасное лицо в истории составляет несчастная Шотландская королева, когда все усилия художников опошлить его до сих пор не имели успеха! Говорить ли вам о веренице картин в том же роде, красующихся по стенам бедной Луврской галереи, о принцессах, раздающих милостыню безобразным нищим, о верных служителях с затаенными мучениями любви, о всех этих произведениях, в которых ничтожность мысли спорит с немощью исполнения? .. Одна любительница, г-жа Каве (Cavé)[23], изобразила выздоровление юного Людовика XIII[24], расслабленного и играющего в шашки с важным сановником, полным угодливости и благоговения. Кругом себя я слышал: «Pauvre petit, comme il est souffrant!» * Из исторических tableaux de gerne удалась ныне одна, но именно потому, что в ней нет никакого исторического лица и никакого исторического события. Изабе (Eugène Isabey)[25] представил толпу разодетых кавалеров и красивых дам в костюмах XVI столетия, подымающихся по большой лестнице Дельфтского собора. Верхняя галерея готической церкви изукрашена знаменами, наполнена музыкантами, и между тем как первые группы уже входят в церковь, приветствуемые звуками труб, другие тянутся по лестнице, а толпа внизу разбивается на пары и торопится следовать за другими. Какая это церемония, кто эти люди, зачем они собрались и что празднуют — неизвестно, но вся картина похожа на беглый взгляд в прошедшее. В ней есть движение, жизнь, а размашистое и несколько поверхностное исполнение еще более придает ей вид прозрения, замеченный многими знатоками с похвалою.

Таково состояние исторической живописи на нынешней выставке.

Что касается до религиозной живописи, вы очень хорошо знаете, что Франция никогда не достигала чистоты духовного созерцания, так сильно заметного в Римской и в первоначальной Фламандской школах. Несмотря на все исключения, какие могут быть представлены, можно утвердительно сказать, что с Лебрена[26] до Горация Вернета включительно в религиозную живопись Франции беспрестанно врывались общественные привычки, условия и даже капризы. Примеров много. На глазах наших завоевание Алжира внесло арабский элемент в представление священных событий; прежде был элемент дворцовый; завтра будет элемент социальных теорий и проч. В ожидании последнего могу вам только сказать, что теперь религиозная живопись Франции представляет такую анархию, какою ни одно искусство в Европе похвастаться не может. Все существующие направления чудным образом смешались с воспоминаниями старой французской школы и порождают произведения крайней нелепости. Часто на одной картине вы видите мотив *Пуссеня*[27] с манерой *Жувене*[28]. Глаз и чувство оскорблены на каждом шагу. Еще хуже, когда художник захочет при-

* «Бедный малютка, как он страдает!» (*франц.*).

твориться доверчивым и беззлобным младенцем; тогда из соединения лукавой простоты с хитростью, свойственною французскому гению, в искусстве происходят вещи поразительного безобразия. Нет, не чуток французский ум к тонине, заостренности религиозных ощущений и страшно падает, когда за ними погонится! Пройду молчанием большую часть картин духовного содержания, потому что насмешливый тон был бы здесь неприличен, а они все как будто написаны с целью пробудить самый застоявшийся юмор.

И весь этот длинный обход сделан мною для того, чтоб с достодолжным уважением приблизиться к настоящему зерну этой выставки, к произведениям новой Французской школы, и показать вам ее значение, необходимость, достоинства. Правда, многие из предводителей ее или не прислали картин, или были бесчестно высланы приемщиками (jury) *, состоящими, как известно, из академиков. Декамп [29], Руссо [30], Каба [31] не удостоились попасть на выставку; но и те, которые попали туда, как например: Делакруа [32], Кутюр [33], Коро [34], Диаз [35], хорошо выражают направление этой школы и сильное развитие ее в последнее время. На них-то обрушились отчаянные приговоры людей, считающих подобные явления последними признаками падения искусства; их-то встретили восторженные поздравления других, видящих тут вместо падения зарю нового и истинного развития его. Как будто сознавая свою силу, школа вышла из ограниченных рамок, в которых держалась доселе, и явилась с огромною картиной, которая затмевает все около себя, не исключая и новой «Юдифи» Вернета, имеющей почти столь же много внешнего блеску, как и старая, но гораздо менее внутреннего содержания. Я говорю о «Римской оргии времен упадка», картине г. Кутюра (Couture). Кутюр взял один чудный стих Ювенала [36]: «Пророк взялся отомстить Риму за побежденную им вселенную» (сатира VI-я) и выразил его в оргии, наблюдаемой в стороне двумя людьми, из которых одного вы сейчас признаете за Ювенала: так сильно отпечаталось желчное негодование на лице его. Любопытно следить за мыслью Кутюра в этой картине: он выражает тайную мысль самой школы. В отношении древнего мира никогда оргия не может служить упреком, еще сильнее признаком гражданского падения: в лучшие свои эпохи он любил ее и часто изображал ее в барельефах и в живописи. Чтобы свести ее до упрека, надобно было взять художнику совершенно другую сторону предмета: древние выражали ею накопление молодых сил, прорвавшихся на волю; надобно было художнику теперь, наоборот, показать оргию без наслаждения, издыхающую под бременем раздражительных ощущений, но издыхающую без удовольствия, без торжества, со всеми признаками скуки и душевной пустоты. Только такая оргия может существовать во времена упадка. Именно так и сделал Кутюр. Уже на первом плане его картины видите вы человека, убитого пиршеством и явно изображенного тут художником с намерением показать, как единая цель одурения заместила все другие требования долгого ужина. Направо от него рабы выносят труп другого собеседника. Как ни разнообразны мотивы нагих римлянок, возле-

---

* *Жюри (франц.).*

жащих со своими любовниками, как ни сильно проявляется на задних планах раздражительное действие паров, везде одинаковое выражение тупоты и искусственной страсти, утомления сопровождает их жест, взгляд, действие, не исключая и того молодого безумца, который на левой стороне с пустым кубком бросается к статуе, требуя вина от самого цесаря. Замечательнее всего в этом отношении женщина посередине, опирающаяся на колена своего собеседника с изнеможением только что миновавшегося физического потрясения. С самой закраины картины глаз спокойно ведется художником через гирлянду цветов, перевивающих опрокинутые амфоры, до самого этого лица, и тут встречает женщину с блестящими черными глазами, в цвете молодости и красоты, но с таким выражением тоскливой думы, но бросающую такой взгляд скуки и безотрадного пресыщения, что она одна могла бы объяснить смысл картины, если бы ничего другого не было. Но вся картина Кутюра, написанная чрезвычайно твердо и смело, совершенно лишена отделки и того, что называется последним ударом кисти; *импасто* ее особенно неровно, все тельные части холодны, мертвенны, и светло-серый колорит составляет ее главный тон. После этого вы догадаетесь, почему она навлекла на себя так много осуждения со стороны любителей точной, определенной живописи. Но если вы поймете, что долгое бдение и жгучие наслаждения должны были под конец сообщить телу героев и героинь этой картины мраморный оттенок, если вы обдумаете, что пары долгого пиршества, в котором участвуют столько лиц, непременно должны образовать тяжелую атмосферу, на которую восходящая заря, застающая собеседников в их грустном веселии, бросает свой легкий, серебряный свет, тогда вы увидите ясно, что все кажущееся условным, произвольным в картине было сделано художником с намерением, для полноты законченного эффекта. Уразумев образ воззрения на историю новой школы, проявляющейся особенно ярко в этой картине, вы поймете и самый процесс, каким она передает его в искусстве.

Да, наскучив всеми фальшивыми подразделениями родов живописи, школа эта взяла за основное правило, что мир и история принадлежат всем, не составляя ничьего исключительного достояния. Как Вечный Жид, ходит она с тех пор по всему земному шару, вербуя для искусства всякую мысль, всякое явление, предание, рассказ, обычай, даже лепет народный и фантастическое видение какой-нибудь сказки. Поэтическое выражение, свойственное выбранному предмету, сделалось единственной целью ее усилий, последнею задачей, которую она старается разрешить. Отсюда вытекают все ее достоинства, которым соответствуют оглушительные «браво» в журнальных фельетонах, и все ее недостатки, которым идут параллельно мучительные «hélas!» * в обозрениях. Старание уловить сущность предмета, выказать все его содержание в *поэтической* (заметьте!), а не обыкновенной естественности порождает иногда, кроме небрежности исполнения, составляющей основную черту школы, и другие недостатки, а именно — недостаток освещения. Рисунок и колорит в картинах этой школы отзываются прихотью и своенравием. Смотря по силе творческого

* «Увы» (*франц.*).

таланта в художнике, все это может быть очень хорошо и очень не хорошо, но зато, по крайней мере, тут есть откровенность со стороны художника. Он берет на себя полную ответственность, не скрывается за школьными преданиями и, требуя полной свободы для себя, дает ее и всем своим судьям. Само собой разумеется, что тут также не может быть и помину о пошлости условного понимания вещей, а это — уже немаловажная заслуга. Шесть картин, выставленных ныне Делакруа, как разнообразием своих содержаний, так и манерой исполнения, всего лучше дают понятие о лицевой и задней сторонах школы, которой он считается корифеем.

Первая картина, поражающая нас при входе в длинную галерею, есть «Распятие» Делакруа. Спаситель на кресте испускает дух. Кто может иметь понятие о теме, которая спустилась тогда на землю и которая другой раз уже не повторялась во вселенной? Все усилия художника выдумать такой необыкновенный феномен, казалось, должны бы остаться бесплодными. Вот почему уже многие живописцы вместо мглы, скрывшей тогда солнце и небо, изображали сентябрьскую ночь, и никому в голову не приходило корить их. Делакруа не был остановлен однакож этою кажущеюся невозможностью. Не знаю, как сделал он, но он создал особенную мглу, в которую вошел красновато-синий оттенок, и ею задернул небесный свод. Конечно, тут все условно, странно и прихотливо, но поэтический эффект достигается вполне. Еще страшнее ночи фигура Спасителя, на мертвенном челе которого отражается грозный блеск феномена, это фигура с поникшею на грудь головою, с растворенною раной на боку, с перстами рук и ног, окостеневшими в судорогах! .. Тут бы и должен остановиться Делакруа; но, увлеченный собственною мыслью, он поместил еще внизу несколько лиц, которые выходят совершенно из плана и резкими движениями нарушают только величие ужаса, достигнутого художником в распятии и в ночи, служащей ему фоном. Особенно странен и смешон воин верхом: конь его пятится назад со всеми признаками разумного понимания дела. Слишком напряженное рвение дать выражение всем аксессуарам породило тут наивность, достойную веков карловингских.

Скачком, который может показаться вам крайне смелым, переношу вашу мысль от этой картины к «Марокканской скачке», где пять или шесть африканских наездников с развевающимися плащами и подымая густую пыль, несутся стремглав к цели, заряжая свои ружья и стреляя из них. При этой картине, самой своевольной, какую я когда-либо видел, не может быть слова не только об отделке, но даже о чем-нибудь похожем на достоверность. Вся она отражается в уме зрителя, как мгновенное впечатление от толпы, безумно промчавшейся и оглушившей вас. В этот момент сумасшедшей удали мелькнули перед вами неимоверные прыжки лошадей, неистовое увлечение всадников, и вместе с тем все подробности, линии и краски смешались. Это смутное впечатление бега взапуски Делакруа вздумал переложить на картину. Согласен, что здесь искусство вышло из пределов своих, в которых оно должно оставаться, если не хочет совершенного уничтожения в пустоте или метафизике; но, с другой стороны, надо иметь самообладание Будды, чтобы воспретить пораженному глазу своему удивление к энергии и таланту, с каким Делакруа выпутался из

дела. Столько же силы настоящей и смешного преувеличения, ясности намерений и ошибки в способах, поэтического смысла в целом и чудовищности в подробностях, знания живописных эффектов, с одной стороны, и странных художнических недоразумений — с другой, проявляется и в других картинах Делакруа, например, в «Жидах — музыкантах Могадора», а еще более в «Пловцах, испытавших кораблекрушение» и подбирающих в бедную лодку без весел и парусов, несомую волнами, трупы товарищей, встречающихся на пути. Безотрадность положения людей, отовсюду окруженных смертью и которые со всеми усилиями отчаяния занимаются вещью, совершенно для них бесполезною, выражена превосходно; но зеленая волна, уцепившаяся за лодку, как настоящий зверь, не принадлежит живописи и должна быть возвращена по праву Байрону, которым, вероятно, порождена. Все эти противоречия хотел я развить вам, но не знаю, удалось ли мне это? Время бежит, листы неимоверно накопляются! Г‹ерцен› крадет у меня дни за днями[37], и я спешу к концу. Заключу длинное описание это еще одной картиной Делакруа «Гауптвахта в Мекене» (Corps-de-garde à Méquinez). Два африканских муниципала преспокойно спят в своей караульне: один, прикрытый цыновкой, положил седло под голову, другой, просто прислонясь к стене; оба на полу. Солнце уже начинает играть в караульне, сообщая ей красный тон от седел и доспехов этого цвета, разбросанных в ней; но не оно составляет главный персонаж картины, а именно вот этот здоровый, крепкий, мертвенный сон, оковавший грубые, фантастические лица двух воинов. Сон этот кажется насмешкой над нашим тревожным, болезненным европейским сном. Чудная тишина разлита по всей картине и составляет резкую противоположность с судорожным движением, царствовавшим в прежде виденных нами картинах Делакруа. Так гибок и разнообразен талант этого человека, так с юношеским увлечением усваивает он все явления жизни, так даже в падении, когда случается ему падать (а падает он часто), еще заметно в нем обилие творческой силы, с которою он еще не может управиться.

До следующего письма о ландшафте и о том чистом роде (ganre) *, в котором французское искусство наиболее торжествует[38], — до следующего, если, разумеется, настоящее доставило вам что-нибудь, кроме скуки.

20 апреля н. с.

VI (a)

Окончание о Луврской картинной выставке 1847 г. — Брошюра г. Женена. — Драма Феликса Пиата: «Ветошник».

В последнем письме я остановился на ландшафте и на том чистом роде (ganre), в котором, как я уже сказал, торжествует французское искусство. Работа не слишком легкая: *всмотреться* в это огромное количество водопадов, убегающих рек, тихих полей и мрачных гор, — солнц, покрытых туманом, солнц, сожигающих почву, восходящих и закатывающихся, разобрать эти моря — в бурю, в затишье и в *среднем* состоянии, — наконец, приглядеться ко всем этим испанским цыганам, бретонским мужикам,

* Жанр (*франц.*).

итальянским женщинам и потом еще рассматривать это множество купальщиц, уже не принадлежащих никакой земле (кто разберет, какая подданная — купальщица?), окруженных фантастическим пейзажем, в котором иногда Ионическое море омывает шотландские или норвежские берега. Гораздо длиннее этого периода Луврские галереи, наполненные картинами и картинками, под влиянием которых переходите вы поминутно от дня к ночи, от луны к пожару, от старой улицы какой-нибудь деревушки к багдадскому дворцу и каирской мечети. Нервический человек тут пропал бы, наверное, и, вероятно, для таких болезненных организаций назначен здесь особенный день для входа в музеум по билетам (суббота), чтобы дать им возможность пройти свободно в галереях, не обращая внимания ни на что окружающее. Этот космополитический, универсальный оттенок, который лежит здесь на пейзажной живописи, еще увеличивается от вмешательства иностранных художников: фламандцы, как Дикманс[1], например, внесли мелочные эффекты и микроскопическую отделку Дова[2] и Метцу[3]; северные германцы пришли со своим Рейном, замками на скалах и тонкими госпожами, чинно гуляющими в *друидических* лесах; итальянцы явились с мадоннами в часовнях, освещенными то лампой, то солнцем Рима, сабинскими крестьянками на коленях и проч. Да и сами французы потрудились еще более запутать дело, представив картины в картине: я видел исторические пейзажи, списанные с Пуссеня, виды Италии, почти снятые с картин Клода Лорреня[4], и, наконец, придворные завтраки дам и кавалеров под стрижеными деревьями — прямо перенесенные с Вато. Прибавьте к этому от времени до времени какую-нибудь неожиданную нелепость, от которой, как от последней карты на карточном домике, весь домик разваливается. На прошедших выставках эту печальную роль играла *этрурская* живопись г. Биара[5] и живопись во вкусе г. Папети[6]; ныне взялись за нее сами академики, вероятно, из желания быть замеченными, что им так редко удается. Таким образом, г. Гюден[7] (Gudin) явился с морскими видами, в которых и земля, и вода, и небо равно имеют прозрачный, фосфорический, ложный блеск, заставляющий многих *буржуа* говорить: «А ведь лучше было бы, если бы в самом деле такая природа была, как у г. Гюдена!» Таким образом, еще г. Гейм[8] написал: «Чтение комедии в обществе гг. королевских актеров», где чтеца Андриё окружил он всеми современными литераторами Франции в такой странной расстановке и с таким комическим выражением лиц, что, говорят, они собираются купить картину на общие деньги и сжечь. Таким образом еще... но к чему продолжать? Довольно сказанного. Вы поймете, что когда мысль вашу в продолжение двух или трех часов таскали от одного земного пояса до другого, вертели перед ней парчу и лохмотья, старались разнежить и застращать, не останавливаясь даже перед чудовищностью, лишь бы опутать ее, — вы понимаете, что после этого она, как Эсмеральда после пыток, на ногах стоять уже не может и должна искать освежения в *живой натуре*. Вот почему, я думаю, Mabille, Ranelagh, Château-Rouge[9] поспешили открыть свои загородные балы, а впрочем, может быть, и потому, что время пришло: на дворе тепло, и первая зелень охватила все здешние сады и рощи. Эта эпоха в Париже — прелесть.

Но возвращаюсь к картинам.

Есть однакоже возможность отыскать порядок в этом хаосе. Для этого надобно только пройти молчанием все, что заслуживает одобрения, что похвально, в чем видно изучение природы и даже некоторая поэтическая теплота, а остановиться единственно только на том, что ново, оригинально и имеет решительный шаг сильного таланта, а потому и особенную важность для общества. В Европе искусство столько же общественный вопрос, сколько воспитание, пролетариатство, соль или табак. В самом деле, какую душеспасительную истину извлечете вы, прочитав, например, что «Нормандский пейзаж» г. Куанье (Coignet) [10] очень весел, хотя и сух, что «Возвращение с рынка бретонских крестьян» г. Адольфа Лелё (Leleux) [11] имеет невыразимую прелесть истины, что кисть его брата Армана [12] делается все тверже, что «Пиринейцы» Рокеплана [13] просты и верны, а «Разбойники» Лепуатьеня [14] в плащах и шляпах с перьями шумливы и театральны, что Флерс (Flers) [15] по-прежнему отгадывает в пейзажах окрестностей Парижа их задумчивое выражение и меланхолическую красоту, что Мейер [16] написал прекрасное «Захождение солнца на море», а Бланшар [17] — «Переход через ручей стада коров», очень милый, и прочее и прочее. Нельзя даже останавливаться на таких явлениях, какое представляет, например, г. Пангильи [18] (Penguilly l'Haridon), переносящий манеру испанцев в свои маленькие живописные анекдотцы. Вы можете судить о мрачном содержании этих картинок по названиям, данным им в каталоге; это, во-первых, «Нищие», во-вторых, «Un tripot», вертеп, в-третьих, «Пейзаж в дождь». Последнее вас удивит, и вы не найдете ничего страшного в нем, особливо, если человек завелся зонтиком, но дождь г. Пангильи не совсем простой. Это дождь исторический, омывающий монфоконскую виселицу с дюжиной жертв на ней, с которых сбегает он длинными струями на камни, прорезывает между ними ручьи и мутно шумит в темную, глухую ночь. Капризно и странно, но — увы! — как-то бессмысленно. Не знаешь, любуется ли художник явлением, или протестует против него, или делает то и другое в одно время. После этого скажите сами: следует ли обогащать ум приятелей, живущих вдали, замечаниями о заметном усовершенствовании такого-то художника, о перемене манеры у другого, о видимом упадке третьего или о хорошенькой картине, более или менее удавшейся, но которая, если бы и еще более удалась, так ничего не прибавила бы к общественному развитию, а если бы менее удалась, так ничего бы не отняла от него и ничему не научила? Конечно, все это до малейших подробностей дозволяется знать критику туземному — для оценки произведений, директору департамента внутренних дел — для назначения крестиков, немецкому изыскателю — так, для того, чтоб знать, на манер Осипа в «Ревизоре» [19], который все берет и веревочкой не гнушается. Ведь есть немцы, которые знают наших Хераскова [20] и Петрова [21]! Но мне, не родившемуся для этих трех почетных званий, мне неприлично захватывать преимущества и льготы, им усвоенные. Личное удовольствие, какое могу испытывать при том или другом произведении, берегу я для себя, а с отсутствующими приятелями буду только говорить о таких произведениях, которые или вносят новый элемент в искусство, а стало быть, и

в общественное духовное богатство, оригинальною манерой и смелым поэтическим взглядом на природу, или сильно выражают современное направление и тайные требования общества. Таким образом, из тысячи имен пригодны бывают для письма иногда пяток, а иногда и ни одно не бывает пригодно. Судите поэтому, что в нынешний раз я буду говорить с вами серьезно только о двух лицах — о Коро (Corot) и о Диазе (Diaz), именно по причинам вышеизложенным. Вместе с тем согласитесь, что невозможно лучше оправдать молчания, как сделал я, за что мне, вероятно, будут благодарны многие русские писатели и ученые!

Из двух пейзажей Коро особенно замечателен тот, который представляет *вечер*, и на нем-то я остановлюсь преимущественно. Маленькая, уединенная речка, сдавленная небольшими возвышениями, начинает покрываться вечернею мглой, но так, что особенным действием косвенных лучей солнца одна сторона ее уже делается совершенно безразлична и уходит в темноту, между тем как на другой еще играет последний свет вечера, но бледно и нерешительно. Облака на небе разорваны, и красный оттенок их тухнет как будто на глазах ваших. Перспектива реки в этом освещении и перспектива воздуха выдержаны превосходно. Через несколько минут внимания вы еще различаете на полусветлой стороне речки за пригорком, осенённым деревьями, лодку и человека, который вводит ее в затишье к берегу. Фигура лодки и человека представляет один нерешительный силуэт, позволяющий распознать их в общности, но уже не дающий никаких подробностей. Когда вы подходите к картине близко, она теряет все свое очарование, потому что вы видите предметы отдельно и теряете целое. Один шаг назад воссоздает ее вам в поэтическом блеске: вы словно наблюдаете тихую смерть дня! Картина эта — не копия с природы, не подражание видимым предметам: это передача впечатления, которое дает иногда глазу художника природа в некоторые моменты свои. Таков Коро!

Можно сказать, что та же самая манера свойственна и Диазу, но тут уже вошел каприз, своеволие представления природы, иногда просто старание обольстить глаз комбинацией красок, в которых изумруд зелени, рубины и перлы женских костюмов, огонь солнечного луча, играющего на девичьем теле, составляют удивительный калейдоскоп, не лишенный, однакож, как тот, гармонии в цветах. И впечатление еще увеличивается от беглого, поверхностного, убегающего, так сказать, исполнения. Как ни долго смотрите вы на картину Диаза, едва только отошли вы, вам уже она кажется пейзажем, мимо которого промчались вы на паровозе. Известно, сколько в современной французской *буржуазии* лежит чисто головного, абстрактного сенсуализма. Вспомните романы Дюма и Сю. Эту черту внес Диаз в живопись. Из десяти картинок, выставленных им ныне, только в трех нет фантастических женщин в густой чаще леса, на берегу ручья, облитых светом и негою в одно время, в сладострастном покое или в раздолье игр, сокрытых от всякого глаза. Женщинам этим нет имен; нельзя узнать, под каким небом родились они и даже какой народ выдумал костюм их: костюм их — это блестящая ткань, переливающаяся различными цветами, и только. Всего лучше поясняют дело самые названия картин, под которыми внесены они в каталог: «Repos oriental», «Le rêve»,

«La causerie orientale», «Baigneuse» * и проч. Может ли быть что-нибудь неопределеннее, мечтательнее? С этой точки зрения Диаз может считаться Вато современного общества, живописцем своего века и притом одним из самых сильных талантов его. Что он может сделать в серьезную свою минуту, свидетельствует его удивительный «Лес осенью», когда земля делается хрупка и все тоны неба и воздуха быстро бегут и сменяются один другим: это превосходно! Диаз уже составил себе школу во Франции[22], и между подражателями его есть люди тоже с талантами, каковы Лонге[23], Миллер[24] и др. Здесь кстати сказать, что *реального* выражения страсти любви и наслаждения, чем так блестит, например, бессмертная Венецианская школа, я не видел еще нигде в современном французском искусстве. С некоторою, впрочем, умеренною гордостью замечал я, что как только вздумает он коснуться действительного чувства, то переходит тотчас или в сантиментальность, или в скандалёзный будуарный романчик. Этот последний имеет ныне даже своего представителя в особе г. Видаля[25]. Рисунки его поражают мастерством выводить наружу, в условных грациозных формах, грешные мысли развивающегося организма. Люди совсем не робкие были однакож изумлены, увидев ныне в Лувре рисуночек его, изображающий молодую девушку, с упоением целующую собственный свой образ, отражающийся в зеркале. Тем приятнее, тем поразительнее для меня было встретить в скульптурных произведениях статую, полную силы и настоящей страсти, которая до того поразила Париж, что здесь только и толкуют о ней, когда речь заходит о выставке.

Статуя эта принадлежит г. Клесингеру[26] (Clésinger) и, под простым названием: «Женщины, уязвленной змеей» (Femme piquée par un serpent»), представляет совсем не боль, не отчаяние, а, напротив, жизнь в самую жаркую ее минуту, наслаждение в самом сильном его проявлении. Змей, обвивший ногу этой женщины, есть только уловка не назвать вещи по имени, впрочем, никого не обманувшая: такого выражения упоения змеи не производят, будь они воспитаны хоть центральною фаланстерией. Статуя находится в лежачем положении, на розах, с головой, откинутою в беспамятстве назад, с корпусом, сильно выдавшимся вперед, так что линия, образуемая им, составляет мягкую дугу. Если поднять статую на ноги, она представит очень близко знаменитую «Менаду» Скопаса[27], рельеф, находящийся в Лувре. В лежачем положении эта фигура, полная крайнего внутреннего самозабвения, грешит против законов скульптуры тем, что с какого вам угодно пункта глаз ваш обнимает только одну часть тела, а не все целое. Она должна быть поставлена весьма низко для полного осмотра. Заранее можно сказать, что настоящее ее место — какой-нибудь великолепный бассейн в саду загородного дома. Нужно ли вам говорить о нежнейшей отделке, об искусстве сообщать всему телу, каждому мускулу, каждой складке и морщинке биение жизни, тайне, доступной весьма немногим скульпторам в наше время? Поистине сказать, статуя Клесингера между колоссальными фигурами великих и не великих людей, заказываемыми муниципалитетами французских городов ради местного ки-

---

* «Восточный отдых», «Сновидение», «Восточная беседа», «Купальщица» (*франц.*).

чения, между холодными и безобразными бюстами, между фигурок манерной грациозности и в нескольких шагах от расслабленной «Pieta» * г. Прадье [28] (Прадье вздумал себя попробовать в самом патетическом сюжете нового искусства — «Плача Матери над Святым Сыном» — и произвел болезненное и ничтожное создание), статуя Клесингера, говорю, производит между ними невыразимое впечатление! Это до того свежий, здоровый голос природы, что от окружающей обстановки он делается почти едок, почти невыносим, и многими считается за отзыв языческого мира, между тем как явление, видимо, принадлежит всем векам. Стоит только один раз посмотреть вокруг себя, и оно делается ясно, законно, чисто. А что стоит человеку один раз быть повнимательнее к самому себе и другим. Ведь один раз не закон! Приказывал же Гиппократ [29], кажется, напиваться раз в месяц для здоровья, а тут просят раз в жизни быть тверёзу. Можно, чай, согласиться, да вряд ли кто послушает!..

Воротимся снова в картинную галерею не для того, чтобы заниматься бесчисленным множеством гравюр, литографий, рисунков, не представляющих ничего особенно замечательного, а чтобы сказать несколько слов по случаю всяческих портретов на слоновой кости — акварельных, двумя карандашами, пастелью, масляными красками и проч., которыми выставка преизобилует. Кроме пяти портретов, все остальные еще раз доказывают жалкое положение общества, хотящего обмануть самого себя, не имеющего силы показаться тем, что оно есть, и беспрестанно занятого надеждой провести других на счет себя. На всех этих лицах лежит лицемерная мысль с примесью самой смешной претензии для того, кто умеет разобрать и понять ее. Не говоря уж о молодых дамах, портящих душу и образ свой жаждой ложного эффекта, не говоря уж о молодых кавалерах, творящих себе характеры по образцам романов в ходу, — тут есть старики и старухи, гнушающиеся своим возрастом и похожие на бесчестных спекулянтов, играющих в большую биржевую игру без капитала; тут есть даже дети, которых выучили сидеть на стуле с выражением глубокой думы на челе, кажется, вот так и говорящей всем зрителям: «А ведь из меня выйдет на изумление оптовый торговец сукнами!» Решительно можно сказать, что современные портреты составляют самую безобразную часть парижской выставки. Причины этому предоставляю искать вам самим.

Не могу расстаться с выставкой, не сказав вам о пяти рисунках из нашей русской жизни, исполненных господином Yvon, которого я принимаю за англичанина и потому произношу его имя: Айвон [30]. Вот их названия по порядку: 1) «Татарская мечеть в Москве»; 2) «Русские дрожки»; 3) «Пересылка в Сибирь»; 4) «Тульская крестьянка»; 5) «Татары на Лубянке в Москве». Кроме типов, лиц, удачно выбранных, верности представления, которою особенно отличается третий рисунок, в них есть еще умение показать явление всякой жизни в его энергии и сильном национальном колорите. Такие рисунки поясняют характер народа и его общественный быт: здесь около них всегда стоит довольно многочисленная толпа. Никак, впрочем, нельзя делать упрека нашим отечественным худож-

---

* «Божественная любовь» (*лат.*).

никам в том, что иностранные живописцы вроде Вернета и Айвона подсматривают наш облик, нашу природу (вспомните Вернетова «Курьера», которого берлинский знаток Вааген так высоко ценит), потому что глаз наших художников для славы России постоянно устремлен на великие отечественные и религиозные события. Вероятно, другое поколение наших художников, не упуская из виду этих великих событий, обратит внимание и на вседневную, будничную жизнь, нас окружающую.

В заключение и припоминая все, что я видел здесь, скажу вам последнее и решительное мое мнение о французском искусстве вообще. Отсутствие ясного направления составляет его отличительную черту и вместе его несомненное достоинство. Это единственное искусство в Европе, которое идет параллельно с обществом и на котором отражается колебание последнего и не установившаяся мысль его. Это единственное искусство в Европе, говорящее прямо от себя, без подсказов со стороны какого-нибудь направления, принятого академией или важным лицом. Оно одно только откровенно, оно одно только в строгом смысле работает, то есть отыскивает почву, на которой художник — действительно полезное и необходимое лицо в общественном развитии. Вы уже могли заметить отвращение французского современного искусства от всякой окостенелой мысли, упорно навязывающейся с обветшалыми пояснениями, его суетливую беготню за всеми разнородными явлениями природы и духа и его неугомонную пытливость. Оно схоже с веком как дерзостью своих начинаний, так и глубиной своих падений. Вот почему каждая парижская выставка есть более чем средство потешить эпикурейский глаз; она связывается со многими стремлениями, вопросами, надеждами и заблуждениями настоящей жизни и поэтому заслуживает описания гораздо большего и лучшего, чем то, которое я теперь оканчиваю к великому моему да, вероятно, и вашему удовольствию. . .

Вернее ласточек показывают присутствие весны огневое убранство Елисейских полей по вечерам, открытие Ипподрома, где теперь раззолоченные короли Франциск I [31] и Генрих VIII [32] встречаются в Camp-d'or * и присутствуют на турнире, который, вероятно, богаче действительного, бывшего во время оно. К этим признакам солнечного поворота присоединился ныне министерский кризис и появление, вместе с молодым горошком, новых лиц в администрации; но, не останавливаясь на этом, я думаю достаточно будет для убеждения вашего, что действительно наступила весна, во-первых, известия о хорошей погоде, во-вторых, известие о музыке, гремящей в садах Парижа, и о железных дорогах, беспрестанно разносящих в окрестности его счастливые группы гуляющих. Так, зимний сезон кончился, а вместе с ним кончаются и мои парижские письма к вам. Я еду в Берлин [33] и, вероятно, напишу вам откуда-нибудь с дороги. . .

Когда я посмотрю назад, на год, прожитый Францией и особенно Парижем, мне яснее делается состояние, в котором находились вещи и люди прошлою зимой. К вещам я отношу книги, брошюры, лекции, а к людям — администраторов и политических деятелей. Таким образом, и парламент-

---

* Золотом поле (*франц.*).

ская партия *прогрессистов*, образовавшаяся в недре *консерваторов*, принадлежит к людям, по моей теории. Все они — вещи и люди — желали прошлою зимой чего-то хорошего, и всякий раз оказывалось, что их хорошее, при малой критической оценке, хорошо только по намерению и похвальному рвению к общественной пользе. Точно недостает какого-то элемента в развитии, точно позабыли второпях паспорт — и стоит человек на границе: назад не хочется, вперед не пускают. Вы знаете, что надежда является тотчас, как руки и ноги отнимаются. Вот и теперь ожидают прибоя недостающих сил, кто откуда: иные — от немецкой многосторонности, призванной теперь к поданию голоса, другие — от другого, столь же основательного предположения, и проч. А между тем можно сказать с некоторою решительностью, что на всех явлениях прошлой зимы лежал сильный оттенок немощи, начиная с общества обменщиков до теноров, появлявшихся во Французской опере. Всего неприятнее соединение в одном и том же произведении бойкой силы и непонятной ограниченности, а это поражало меня здесь на каждом шагу. Нельзя было заговорить с человеком, войти в кабинет для чтения или в театр, или в палату, чтоб эти две вещи не потекли в удивительной путанице, подтверждающей мнение тех, которые считают человека образовавшимся троглодитом. Да чего? Кажется, и видишь, что дело-то не так, а начнешь сам говорить, точно то же самое выходит; вот вздор так и идет сам собою, мешаясь с правдой по временам. Это похоже на проклятие. Хотите подтверждения? На днях вышла брошюра Жанена (Génin) по случаю вопроса о преподавании: «Ou l'Église, ou l'Étât» [34], чрезвычайно едко и остроумно написанная. Одна ее часть, обращенная на домогательства клира, написана как-будто взрослым человеком, а ответ на эти домогательства изложен как будто знаменитым малюткой Велисария [35], который кормил слепца. И сколько мог бы я привести вам книг, речей, предприятий и бесед, которые были сшиты наподобие морских флагов: один кусок белый, другой черный, а третий неизвестного цвета. Был я недавно в театре Porte Saint-Martin на пьесе Феликса Пията «Le Chiffonier» («Ветошник») [36], имевший успех более чем колоссальный. Роль ветошника принадлежит решительно к самым лучшим созданиям Фредерика Леметра. Он смело появился в грязной блузе, с корзиной за плечами, с крючком в руках, пьяный и недостойный, как сделали его ремесло и общество. Ни на минуту не оставлял он своего грубого тона и типических привычек своего звания, но чем далее шла пьеса, тем все сильнее пробивался наружу внутренний свет благородной души ветошника и облекал его сиянием. К концу пьесы лицо это выразилось во всем своем человеческом достоинстве. Но послушайте далее... Ветошник, никогда не выезжавший из Парижа, начинающий свои ночные поиски в то время, как другие начинают свои пиршества и удовольствия, лишенный всех отрадных чувств любви и привязанности и потому часто напивающийся, думая найти их в бреду, встречает девушку, такую же бедную, как он сам, и делается ее бескорыстным покровителем. До сих пор все просто и верно, а близость шумной, богатой парижской жизни сообщает сценам особенную выпуклость и значение. Но автору вздумалось втолкнуть в свою драму несколько исключительных лиц, и тут-то начинаются

натяжки. На сцену являются негодяй, подлежащий галерам, дочь его, допускающая избиение ребенка, незаконно ею прижитого, и прочее... Господи! Если бы шло дело о борьбе с подобными недостатками, то два-три полицейских сыщика исправили бы общество отличным образом. Борьба ветошника как-то теряет значение, какое могла бы иметь; упреки его вроде следующего: «Вы, матери, убивающие детей своих!» никого не клеймят; буржуазия спокойно их слушает, и даже в последней сцене, когда ветошник умоляет правосудие предоставить ему окончание дела, является на бал со своим крючком и снимает им подвенечный вуаль с преступницы, крича: «Это тоже ветошка!» буржуазия позволяет себе улыбаться... И она имеет право улыбаться! Если бы какой-нибудь прокурор согласился на такой эффект для удовольствия бедного человека, ведь прокурора *разжаловали* бы! Таким образом, несмотря на благое начинание, драма оканчивается пустым треском[37]. Она походит на пустые жернова, которые с визгом трутся друг о друга, не высыпая ничего, и от этого делаются скоро негодны к употреблению...

На столе у меня лежит только что вышедший 6 том «Истории жирондистов» Ламартина: та же история, то есть общая всей прошлой зиме и предписывающая выкупить несколько страниц ума таким же количеством недоразумений, всякую логическую верную мысль — мыслею, ей противоположною...

19 мая н. с.

VI (6)

Новая драма г. Дюма «Le chevalier de Maison-Rouge». — Драма: «Шарлотта Корде». — Процесс д'Эквилье и порода Жантильомов. — «История монтаньяров» Альфонса Эскироса. — Брошюра Корменена. — Умерщвление герцогини де Прален.

Я, как вам известно, снова в Париже. Мы приехали туда к последнему дню июльских праздников[1]. Недостаток продовольствия в продолжение зимы и обилие скандальёзных историй[2] в последнее время не имели никакого влияния на три великолепных фейерверка, спущенных на набережной Сены, ни на публичный концерт в Тюльери, ни на ослепительную иллюминацию Елисейских полей. Все это было очень пышно и богато. Если уж придираться да класть каждое лыко в строку, так, пожалуй, можно заметить, что народ очень серьезно и хладнокровно смотрел на все празднество, освистывал каждую неудавшуюся ракету, аплодировал римской свече, отшипевшей на славу, но об энтузиазме и о великих воспоминаниях, связывавшихся с торжеством, совершенно забыл. Правда и то, что происшествия вроде Жирарденовских нескромностей[3] да Тестова процесса[4] хоть у кого отобьют память, но все-таки, по-моему, это не причина оставаться мрачным при таком увлекательном зрелище. Когда же будет он радоваться? Ведь вот едва сгорел фейерверк, как начались новые истории, история *контракта*[5], история *завещания*, история Вернера[6], наконец, история новой драмы Дюма[7] «Le chevalier de Maison-Rouge»* в театре,

* «Кавалер красного дома» (*франц.*).

В. Г. Белинский
Портрет К. Горбунова. 1844 г.

П. В. Анненков. «Письма из-за границы».
«Отечественные записки» 1841, № 3

П. В. Анненков. «Путевые записки». Автограф. ИРЛИ. Ленинград

Карл Зейдельман.
1912.
Портрет из «Mimen» Paul Landau.
Берлин (фронтиспис)

Королевский театр в Берлине.
1820-е гг.
Гравюра из собрания
«Братья Гропиус».
Берлин

Театр Амбигю-Комик. Литография 1860-х гг. Париж

Театр Комеди Франсез. Гравюра 1830-х гг. Париж

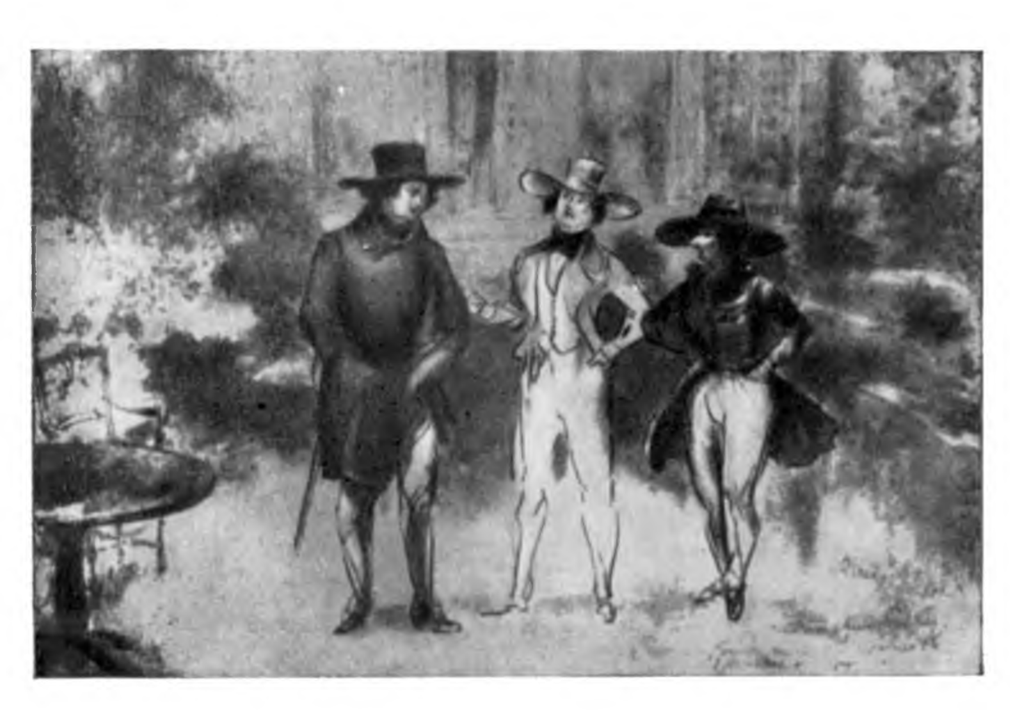
Бульвар Тампль. Гравюра 1830-х гг. Париж

Шарль Филиппон. Фотография 1850-х гг. Париж

Карикатура на сотрудников «Шаривари», справа О. Домье. Литография 1830-х гг. Париж

О. Бальзак, Ф. Пиа, Т. Готье. Рисунок Т. Готье. 1830-е гг. Париж

В. П. Боткин.
Рисунок К. Горбунова.
Изофонды Государственного литературного музея.
Москва

П. В. Анненков.
«Письмо из Парижа».
Автограф, ГБЛ.
Москва

Пьер Леру.

Жорж Занд.

LA REVUE

INDÉPENDANTE

3e ANNÉE. — 2e SÉRIE. — 12e VOLUME.

Première et Seconde Livraisons.

10 et 25 Novembre 1847.

PARIS,

BUREAU D'ABONNEMENT,

RUE JACOB, 33.

Титульный лист
«Revue Indépendante». 1847,
№ 1. Париж

Фредерик-Леметр в роли Робер Макера.
«Постоялый двор Адре»

Ein Bankier.

Парижские типы
в рисунках Ж. И. Гранвиля
из серии
«Сцены из (частной) жизни
животных».
1842
Париж

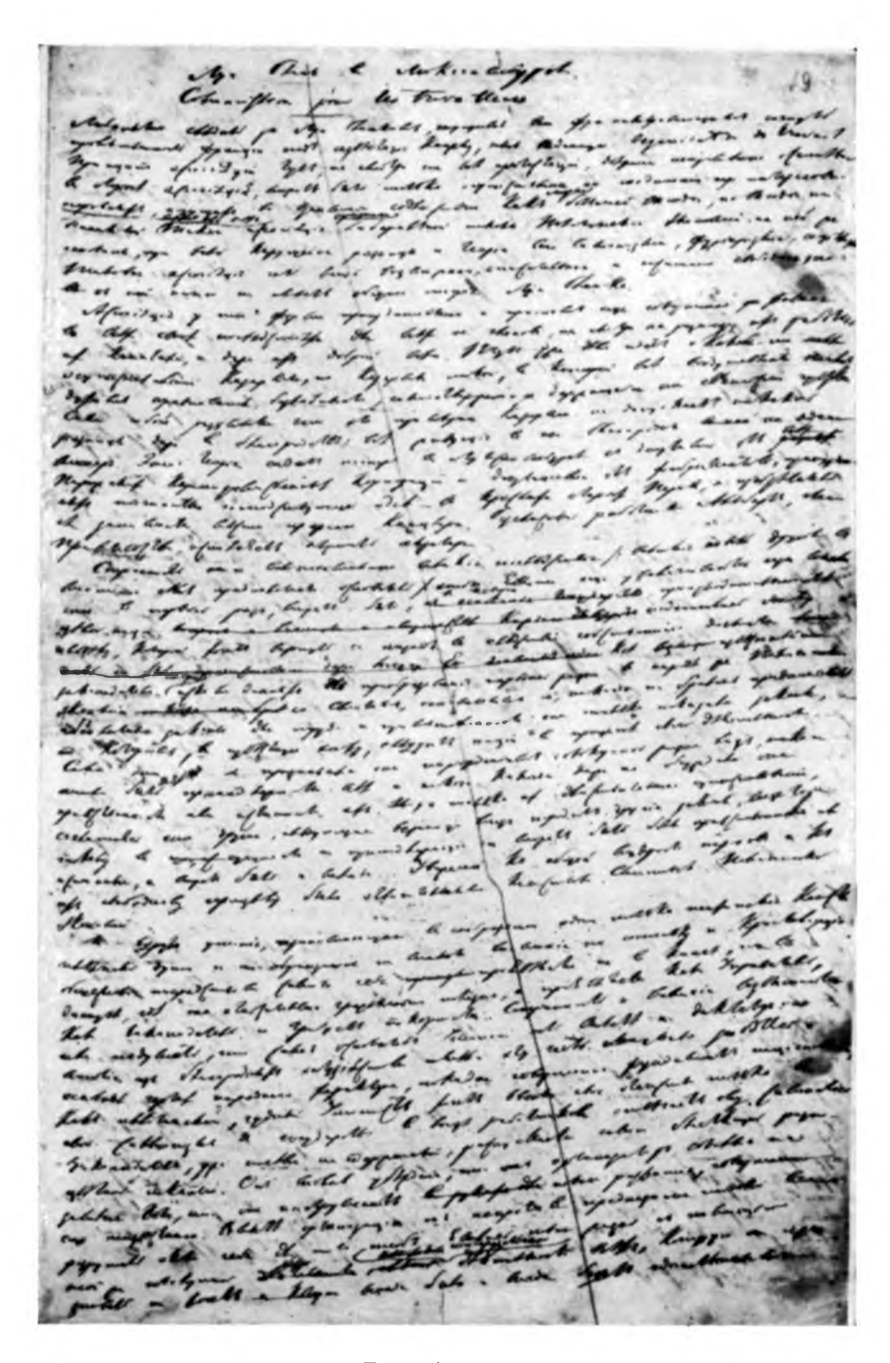
Ein Pariser Löwe

А. И. Герцен.
Литография Л. Ноэля. 1847.
Изофонды Государственного литературного музея. Москва

А. И. Герцен.
«После грозы».
Автограф. ГБЛ. Москва.
Приписка на полях сделана рукою Анненкова

После грозы.

П. В. Анненков.
«Записки о французской революции 1848 года».
Автограф. ЦГАЛИ. Москва

«К оружью! Нас предали!».
Февраль 1848 г.
Литография Арну и Адама. Париж

→

Последний совет бывших министров.
Литография О. Домье,
опубликованная в «Шаривари»
в начале марта 1848 г.

Парижский мальчишка в Тюильри.
Литография О. Домье,
опубликованная в «Шаривари»
в начале марта 1848 г.

Семья повстанцев защищает баррикаду в предместье С.-Антуан. Июнь 1848 г. Гравюра на дереве Смита. «Illustratend London News». 1848

Луи Блан.
Гравюра А. Риффо
по рисунку Уатера.
1848. Париж

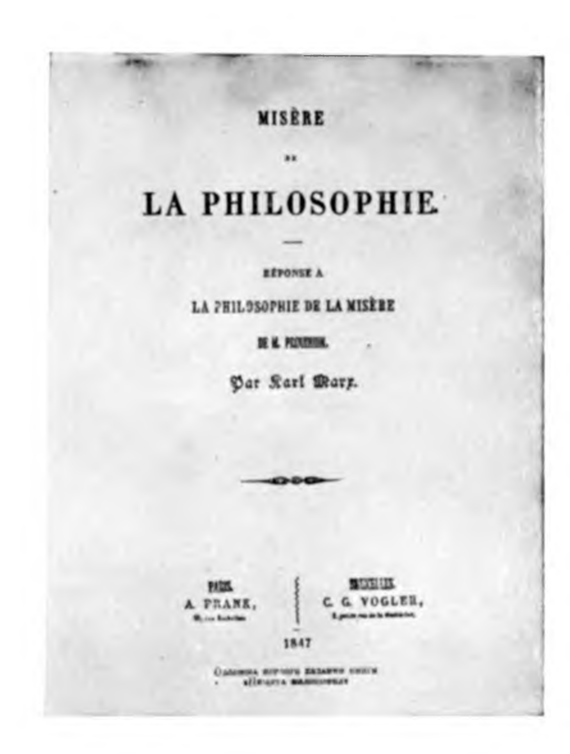
Огюст Бланки.
Литография
по рисунку М. Алофа,
сделанному в Венсенской башне
26 февраля 1849 г.
Париж

Рашель декламирует «Марсельезу».
Обложка нотного сборника. 1848.
Париж

Ф. Энгельс.
Фотография конца 1840-х гг.
Государственный музей
К. Маркса и Ф. Энгельса.
Москва

MISÈRE

DE

LA PHILOSOPHIE

—

RÉPONSE A

LA PHILOSOPHIE DE LA MISÈRE

DE M. [illegible]

Par Karl Marx.

PARIS.	[illegible]
A. FRANK,	C. G. VOGLER,
[illegible]	[illegible]

1847

Титульный лист
книги К. Маркса
«Нищета философии»

который сам очень впопад называется *Историческим* и достоин владеть всеми скандальёзными происшествиями современности. Так для веселья придется ему долго ждать, как видите...

Мы остановимся на новой пьесе Дюма и — просим извинения у многочисленных петербургских и московских почитателей его таланта — остановимся с упреком. Кто же виноват, что знаменитый писатель построил сам для себя театр и намерен 5 или 6 раз в году удивлять Европу отсутствием исторической добросовестности, систематической порчей народных понятий об отечественных событиях и дерзостью представлять известнейшие лица истории, как на ум придет. Новая пьеса его взята из времени Жиронды, но так ловко, что на всяком провинциальном театре, где нет 20 человек статистов, можно, пожалуй, и выкинуть Жиронду. Впрочем можно также выкинуть и всю интригу, оставив только народные сцены, или наоборот, выкинуть народные сцены, а сохранить только басню. Пьеса удобная, как видите, до крайности. Содержание ее можно рассказать в двух словах: одно роялистское семейство купило домик возле Тампля, где содержится вдова злополучного Людовика XVI [8]. Домик этот особенно тем знаменит, что имеет тунель, связывающий его с внутренним двором темницы. Почему же и не быть такому дому, когда есть бесчисленное количество домов без тунелей? Душа всего заговора — небывалый Кавалер Красного Дома. Он является во всех видах — и кавалером, и блузником, и национальным гвардейцем, и даже тюремным сторожем в Conciergerie [9]; так и видно, что полиция времен террора была крайне благодушна и терпелива. Обе попытки освободить великую узницу, сперва в Тампле, а потом в Conciergerie, где заговорщики будто бы и жандарма убивают, будто бы и в комнату заключения пробираются, — остаются безуспешны. Здесь мы должны отдать полную справедливость автору: он не решился показать освобождение королевы, не решился вывезти ее из Франции и передать в руки беспокоющегося августейшего семейства ее. И он тем более заслуживает похвалы и поощрения, что Жюль Жанен в разборе пьесы как будто упрекает его за этот недостаток смелости, в чем мы никак не можем согласиться с остроумным фельетонистом «Journal des Débats». Когда попытки не удались, кавалер уходит, как и следует, неизвестно куда. Остается для ответа роялистское семейство, в котором муж, по весьма нелепым причинам, развитым в драме, предоставляет жену эшафоту, а сам желает спастись. Эти причины заключаются собственно в том, что жена его в хлопотах разных coup-de-main * влюбилась в одну горячую голову, молодого республиканца, который сам того не зная, служил заговорщикам средством к достижению их предприятия. Едва арестовали жену, как горячая голова является в тюрьму, отказывается от своих убеждений и решается умереть со своею милой — да не тут-то было. У него есть друг, владеющий двумя билетами, с помощью которых можно погулять по тюрьме да и выйти. Друг уступает им эти билеты, а сам остается на их месте, рассуждая весьма основательно, что влюбленным надо жить, а иначе какая же польза от любви может быть, а что он, друг, теперь

* С налету (*франц.*).

покамест свободен, так пожалуй и умереть можно. Подымается задняя занавесь, и сцена представляет осужденных жирондистов, собравшихся на последнее пиршество и встречающих зарю последнего своего дня воздыманием кубков и патриотическим гимном.

Из рассказа этого вы уже, вероятно, заметили неуважение к историческому ходу происшествий, но вы не могли заметить великого неуважения к лицам. На эпоху, в которую происходит действие, смотрели много и с разных сторон, но никто еще не смотрел на нее как на арлекинаду, способную тешить всякую разгулявшуюся ярмарку. Эту сторону открыл в ней г. Дюма: ему показалось, что заседания тогдашних sections *, например, были импровизированные буфонства, и в этом смысле дает он на сцене образчик одного из них. Дурачатся как будто по заказу. Ему показалось даже, что сам трибунал с публичным своим обвинителем был пантанолада, и действительно, выведенный им на сцену трибунал сильно отзывается переулком, что ему показалось также, что и писатели тогдашнего времени позволяли себя прогонять пинками. Последнюю вещь Жюль Жанен считает высоким местом драмы наравне с известным «qu'il mourût» ** и другими вещами подобного рода. Он удивляется при этом случае, как могли современники, как может потомство ужасаться эпохе, которая была только смешна, и то еще, по свидетельству Дюма, самым пошлым и неблагородным образом! С намерением остановился я на этой пьесе так долго. Она показывает странный способ, принятый одной частью здешней публики, отвечать на возрождающиеся воспоминания бурного революционного времени, на множество «Историй» его, появляющихся одна за другою. Странное опровержение, которое, вместо серьезного и полезного разбора дела, хочет отделаться дерзостью лжи, ругательством и карикатурой. Пьесе Дюма предшествовали две другие: «Charlotte Corday» [10] на театре Gymnase Dramatique, где так нелепо обставлено это прекрасное лицо, совершенно испорченное авторами, да пародия на драму Пиата в Пале-Рояле под именем: «Les Chiffoniers de Paris» ***, где авторы как будто задали себе цель осмеять сочувствие публики к бедным классам общества и потопить его в позоре сцен из народной жизни, в отвратительности выдуманных ими подробностей!..

Процесс д'Эквилье [11], занявший все внимание города на три или четыре дня, предоставляет мне случай сказать вам пару слов о другом явлении Парижа. Вам известно, что в дуэли прежнего редактора «La Presse» Дюжарье, стоившей ему жизни, на противников его падало сильное подозрение в употреблении пистолетов, им прежде известных, в подготовлении себя стрельбой в цель тем же утром, когда назначено было сойтись, и вообще в бесчестном поведении относительно врага. Все это подтвердилось теперь судебным порядком; смерть Дюжарье объявлена разбойническим убийством, противник его Бовалон, несмотря на прежний оправдательный приговор присяжных, арестован, а секундант Бовалона, реченный

---

* Секций (*франц.*).
** «Пусть умрет» (*франц.*).
*** «Парижские ветошники» (*франц.*).

д'Эквилье, наказан десятилетним заключением, лишающим чести, à la paine infamante de réclusion *. Бовалон и д'Эквилье принадлежат к тому особенному классу молодых людей, который образовался во Франции на наших глазах, обозначается здесь именем «новых жантильомов» и составляет болезненный нарост в обществе, любопытный достаточно.

«Новые жантильомы» принимают титулы баронов, графов и маркизов. При малой опытности современной Франции в геральдической науке это легко. Жантильомы пользуются спокойно своими титулами до первого суда за воровство, и тут вдруг открывается, что подсудимые имеют право только на звание смышленных плутов. Пример этому был в недавнем процессе трех фальшивых игроков, которые весьма ловко поддерживали свои выдуманные титулы, принимали и отдавали обеды, балы, вечера, ездили всюду. Искусство их составлять себе фамилии, которые бы звенели как древние, а между тем были бы совершенно неизвестны, удивительно. Оно может равняться только их искусству передергивать карты. Впрочем, вероятно, в обществе есть требование на титулы, когда завелся целый класс людей, с помощью их отворяющий себе все двери. Те из жантильомов, которые не одарены творческими способностями, усвоивают себе название деревни, где родились, какое-нибудь фантастическое имя из забытого романа, а иногда и название хорошего иностранного урочища. Окрещенные таким образом, они начинают презирать как бедный, трудящийся вокруг них народ, так и заботливое, но богатеющее мещанство; появляется клятва орфиламой Сен-Дени [12], Мориц Саксонский [13] противопоставляется в геройстве маршалу Бюжо [14], герцогиня Шатору, ведущая к войску короля [15], вспоминается при смотре национальной гвардии и проч. и проч.

Я сам говорил с такими жантильомами — чего же вам? Особенно замечательно в жантильоме мастерство, с которым он умеет отлично проехаться в щегольском тильбюри и обсчитать вас на 20 су, быть первым на скачке и выиграть у вас 17 рублей и 50 копеек наверняка, иметь боковые ложи в обеих операх и составить фальшивый вексель. Вероятно, это уже в его природе! Величайшее честолюбие жантильома состоит в том, чтоб прослыть человеком, готовым зарезать и застрелить, кого угодно — ребенка, стыдливого семинариста и, пожалуй, женщину. Они все отличные стрелки в цель, знаменитые охотники с ружьем, и бывали примеры, что они отдавали свои врожденные и приобретенные таланты в наем чужой власти, как старые итальянские «браво» [16]. Секундантов Дюжарье подозревают, например, в том, что они находились в неоплатных долгах к своему патрону и потому очень естественно столько же желали его смерти, сколько и секунданты Бовалона. . .

Один отдел таких жантильомов провел первую половину молодости в самых отдаленных вояжах: жантильомы этого отдела находились на службе у короля Сандвичевых островов, были адмиралами в Дарфуре и фельдцейхмейстерами у кафров. Они носят ордена и знаки отличия властителей с именами весьма трудными для произношения и мало известными в Европе: д'Эквилье имел два таких ордена и называл их испан-

* Позорящим заключением (*франц.*).

скими. Вы можете узнать жантильома из любого отдела в три часа на Итальянском бульваре по дерзкому взгляду, которым он обводит толпу, в публичных балах — по равнодушному фамильярному обращению с женщинами. Актрисы особенно уважают людей этого закала и охотно разделяют с ними ночные трапезы у «Вери» и «Братьев Провансальцев»: есть что-то сходное между обеими сословиями в их блуждающей, неверной участи, в их житье *собственными* средствами, даже в конце их. Актриса умирает в богадельне; жантильом умирает или на каторге, или в Бельгии под чужим именем. В последние 15 лет класс новых жантильомов развился необычайно, но здесь у места будет сказать, что он вызван был самим направлением общества. Жантильом явился для разработки темной стороны мещанской жизни и ее неверности собственному своему происхождению. Они воспользовались ее затаенным желанием внешних отличий, мелочным старанием перевести на себя привилегии, уничтоженные для некоторых лиц, и уважением ее ко всякому счастливому выходцу, не разбирая ничего; они — дети, наказующие почтенных родителей. Напрасно родители стараются посредством трибуналов обуздать детей, осуждая их на приготовление в Тулоне материалов для военной морской силы Франции, — дети отомщают родителям, обыгрывая и презирая их, составляя ложные компании и смеясь над теми, которые попадают в них, и т. д. Еще хорошо, если такое дитя ограничится составлением продажного журнала или писанием драм и статей, в нелепости которых он сам первый убежден. Страннее всего, что новые жантильомы привили нравы свои и жокейскому клубу [17], куда теперь стекаются, как к несомненному и достойному прибежищу своему, потомки настоящих дворянских фамилий. Там и помину нет о гражданских или просто человеческих обязанностях, а есть помин о подделке клубных марок, как в истории известного богатого князя (имени его не упоминаю), есть помин о плутовской игре, как в недавней истории высшего офицера, да еще есть помин о циническом, неблагородном разврате. В прошлогодних скачках Шантильи [18] молодежь жокейского клуба выставила его напоказ перед всею парижскою публикой с аристократическою откровенностью, приводящею в изумление! По сущей правде можно сказать, что перед всеми этими господами известная jeunesse dorée * Директории, которую Наполеон расстрелял потом на полях Европы русскими и немецкими пушками, заслуживала еще уважения. И тем ярче выказывается сословие это теперь, когда мысль народа, видимо, возбуждена, когда он начинает довольно зорко смотреть вокруг себя, и все, что есть порядочного, как в известных фамилиях, так и в *бесфамильных* семействах, тяжело занято уяснением своих мыслей, своих ожиданий, рода будущей своей деятельности.

Между тем появился первый том «Histoire des Montagnards» [19] Альфонса Эскироса. На этой книге сбылась несчастная история малых владений, заключенных между сильными государствами: они попеременно клонятся то к одному, то к другому. Резкий очерк событий и лиц, встречаемый у Мишле, блестящее поэтическое развитие их у Ламартина поми-

* Золотая молодежь (*франц.*).

нутно увлекают Эскироса, двоят его образ изложения и сталкиваются по нескольку раз на странице. Как иногда хитростны и натянуты бывают эти подражания, может служить примером следующая характеристика Камиля Демуленя[20], написанная явно под влиянием Мишле: «Camille, nature flottante, mais qui s'appartient dans sa mobilité même, — un peu femme, très peuple!» *. Образ Ламартина отражается еще грубее в фразах Эскироса. При получении первого письма от Сен-Жюста «Robespierre demeure longtemps absorbé, — il se fit en lui et dans le ciel autour de lui comme une harmonie voilée, un son religieux, le son des deux âmes qui se rencontrent. . .» ** и т. д. Несколько новых фактов плохо выкупают бедность воззрения, сильно напоминающую журналиста второй руки. Крошечная брошюрка г. де Корменена «Le Maire du village» [21] могла бы подать повод к длинному рассуждению о разных способах поучать простой класс общества. Известно, что в последнее время бывший памфлетист посвятил себя преимущественно на воспитание народа, хотя многие думают, что прежние его письма о доходах Франции и королевского дома воспитывали народ не менее последних его творений. В новой своей обязанности народного учителя г. де Корменен отверг методу воспитывать деревенщину и бедных людей развитием в них чувства человеческого достоинства и собственного значения, простою, но откровенною передачей того, что сделала наука, и того, что существует в ней еще как надежда. Вместо этого он предпочел другую методу, которая считает интересных обитателей хижин детьми, повелевает утаить от них вещи, трудные для разрешения, а остающуюся половину дела, прикинувшись добрячком, рассказать как можно поверхностнее: известно, деревенский ум то и понимает, что не стоит труда понимать. Метода г. де Корменена имела успех. Его «Entretiens de village» *** были увенчаны Французскою академией и великолепно изданы с картинами. В последней брошюрке «Деревенский мэр», которая вся состоит из 96 страничек в 16-ю долю листа г. де Корменен довел направление свое до крайних границ[22]: когда читаешь ее, кажется, будто младенец беседует с полоумным. Он советует, например, деревенскому мэру приводить в исполнение министерские приказания, не буянить на улицах, любить жену и так далее до конца. Между разными советами, все одинаковой силы, я встретил даже два таких: 1) в канцелярском отчете не приписывать лишних денег за бумагу и чернила, 2) беречь деловые бумаги от домохозяйки, которая, пожалуй, их и утащит на что-нибудь. Конечно, все это советы полезные, особливо последний (известно, что всякая хозяйка дома весьма основательно считает исписанный лист бумаги уже негодным листом), но по чистой совести они оскорбительны. Я бы на месте деревенских мэров непременно рассердился на г. де Корменена. В извинение ему многие утверждают, что, будучи умным челове-

---

* «Камиль — натура нерешительная, но постоянная в своей подвижности, в нем что-то от женщины и много от народа» (*франц.*).

** «Робеспьер надолго уходит в себя; с небом, его окружающим, у него образовалось нечто вроде едва ощутимой гармонии, религиозная музыка, созвучие двух родственных душ» (*франц.*).

*** «Деревенские расходы» (*франц.*).

ком, говорить нарочно самые обыкновенные вещи есть необычайная храбрость. Действительно; но эта храбрость не заслуживает похвалы. Этак, пожалуй, и искусство говорить вздор, не будучи умным человеком, вздумают объявить храбростью: сколько героев будет у нас тогда в Москве и Петербурге...

Богатые кварталы Парижа взволнованы страшным происшествием — смертью герцогини де Прален[23], дочери маршала Себастьяни, тиранически умерщвленной в собственном своем отеле в улице Faubourg Saint-Honoré. Все выходы дворца оберегаются часовыми, толпа народа до глубокой ночи стоит у запертых ворот, и в ней ходят смутные слухи об арестации герцога де Праленя, пэра Франции, и о скором криминальном процессе в палате пэров, только что распущенной. А между тем над Парижем лежит неимоверный зной. Обливаясь потом, волнуется город, суетится, работает, но сильный пульс, которым бьется в нем жизнь, не останавливается ни на минуту. Также неутомимо работают печатные станки, и наборщики не спят всю ночь; также бодро и беспрерывно загорелые кучера омнибусов и дилижансов развозят публику до отдаленнейших частей города; также весело и старательно актеры играют на сцене перед многочисленной публикой, забывающею духоту и не хотящею верить в возможность стиснения груди и расслабления нервов. Нигде не видел я признака апатии: все стоит крепко на ногах, и в эту минуту, как в самый шумный зимний месяц, Париж живет полно, готовый поднять всякий вопрос и беспрестанно выбрасывая новые явления, доказывающие беспрерывный процесс творчества, совершающийся внутри его...

21 августа н. ст.

VII

Последние процессы. — Альбони. — Новые книги и брошюры. — Театральные новости: «Пьеро после своей смерти», арлекинада г-на Теофиля Готье. — «La belle aux cheveux d'or», волшебный фарс. — Журнальные и театральные обещания г-на Бюлоза. — Черито и новый балет «La fille de marbre».

Я нисколько не удивлюсь, господа, что солнечного затмения совсем не было видно в Париже. Город этот в последние два месяца вел себя так грустно, что не заслуживал столь прекрасного зрелища. Подумайте сами: три или четыре дня не умолкал нелепый шум на улице Saint-Honoré[1]. Полиция сперва распределяла и, говорят, с некоторою роскошью палочные удары зрителям, но потом довольно хладнокровно смотрела на группы, предоставляя разогнать их дождю и скуке, которые, действительно, и не замедлили явиться. Далее, в четырех или пяти местах города подкинуты были ящики с небольшими фейерверками, которые хотя и не причиняли вреда, но нравственному спокойствию духа обитателей нанесли некоторый удар. Последний акт этих площадных фарсов, этих шуток с зажженным фитилем разыгрывается теперь в исправительной полиции, где общество имело, как кажется, целью усовершенствование артиллерии и затаенную страсть к опытам над порохом. Впрочем, это дело крайне

ничтожно. Все усилия обвинительного акта представить его в роковом свете и наполнить его по возможности бомбами, кинжалами, чтением нехороших брошюр и опрометчивыми разговорами не могут придать ему значение, которого он не имеет. Это просто бессильное чувство досады у некоторых лиц, проявляющееся нелепостями. Особенно суды присяжных во все это время были для меня камнем преткновения и заставляли сомневаться в юридических моих способностях. За одну и ту же вину (статьи по случаю убийства герцогини Пралень) один журнал был оправдан («Démocratie pacifique»), а другой осужден («Réforme»[2]). До сих пор еще не могу понять причины этой разницы в приговорах; разве допустить в виде объяснения, что статья оправданного журнала была гораздо злее и дерзче? Вы знаете уже, что д'Эквилье за ложное свидетельство приговорен был к десятилетнему заключению. Товарищ его Бовалон за то же самое преступление осужден только на восемь лет и еще препоручен милосердию короля. Тут опять разве только тем можно объяснить разницу, что первый способствовал преступлению, а второй был настоящим его совершителем? .. Ничего не понимаю. Но процесс, который меня особенно раздосадовал, это процесс отца, покусившегося на собственную жизнь и на жизнь двенадцатилетнего сына из желания спасти, как себя, так и его, от приближавшейся нищеты. Он умертвил сына посредством угара ночью, а сам нечаянным случаем был спасен. По следствию оказалось, что он всегда слыл за трезвого, трудолюбивого работника и доведен был до крайности болезнью, истощившею все его средства. О сыне весь околодок единодушно отозвался, как о примерном мальчике, удивлявшем всех скромностью поведения и мягкостью своего характера. Во время суда президент спросил сыноубийцу: «Если бы сын ваш знал, какую участь вы готовите ему, согласился бы он на нее?» И отец со слезами отвечал: «Он бы на нее согласился, господин президент». Должно быть, мысль о беспомощном состоянии имеет много нестерпимой едкости. Досадный процесс этот лишил меня на некоторое время равновесия душевных сил, хотя публичный обвинитель, в конце его, очень хорошо защищал общество от упрека в невнимании к бедным классам. Вероятно, присяжные имели собственные свои мысли по этому предмету, потому что они вынесли оправдательный приговор убийце, который, впрочем, принял его без радости... Вы понимаете теперь, почему 9-го октября, в день затмения, небо покрыто тучами, и парижане лишены были дарового астрономического спектакля. Тем с большим рвением бросились они на спектакли, дозволенные им на земле министерством внутренних дел. Все залы театров битком набиты каждый вечер, а приезд знакомой нам Альбони[3] помог даже облегчить публику от того количества восторгов и энтузиазма, которое она, публика, с опасностью жизни, так долго носила в себе, не зная куда девать. Альбони имела ряд триумфов на сцене Французской оперы, и как не иметь? Свежий, здоровый голос есть такая редкость теперь везде; не знаешь, как и радоваться, если хоть импресарио какой-нибудь отыщет подобный для подмостков своих.

По сущей справедливости никак не могу отнести в пользу прошедшим месяцам и появление многих систем, клонившихся к реформе обществен-

ной организации. С одной стороны, весьма убедительно видеть столько голов и сердец, проникнутых желанием отыскать для человечества новый путь, более мягкий и приятный ныне существующего, а с другой — удовольствие это весьма ослабляется заметным отсутствием мысли, труда и изучения в произведениях. Так и видно, что книга или брошюра написаны только благородным намерением, которое, по правде сказать, предоставленное единственно самому себе, редко хорошо пишет. Под прикрытием всеобщего современного направления к отысканию законов нового общественного развития образовалась, как здесь, так и в других странах Европы, литература второстепенных действователей, которые затрагивают все вопросы при одном пособии английских чернил, листа белой бумаги и стального кутбертовского пера. Эта беллетристика, полная живого воодушевления и наполняющая теперь книжные магазины Германии и Франции, отводит глаза многих людей от настоящих задач [4], дает произвольные решения, а иногда даже просто играет с выбранным предметом, как золотая рыбка с солнечным лучом в хрустальном сосуде. Мне показалось, господа, не бесполезным обратить внимание на нее и при всей ее прелести, при всей ее добросовестности во многих случаях совершенно отделить от серьезных стремлений науки и сознания. Если вы подумаете, что она породила мысль об умственной анархии, будто бы существующей в наше время, что она развила убеждение, будто говорить о формах народного существования легче, чем говорить о приготовлении салата à l'oeuf *, то приговор мой не покажется строгим. Для большего вашего убеждения скажу вам несколько слов о двух книжках, вышедших в последнее время и которые удивительно хорошо выражают две различные манеры, принимаемые социальной беллетристикой попеременно почти во всех углах европейского континента. Я говорю о «Démocratie au XIX siècle» г. Берналя [5] и о «Réforme du savoir humain» [6].

Как всегда, книга г. Берналя написана с мыслью примирить авторитет с свободным развитием лица. Вам гораздо было бы труднее водворить согласие в недре какой-нибудь влюбленной четы, чем г. Берналю разрешить свою задачу. Он созидает трибуналы, конгрессы, суды для ограничения исполнительной власти с легкостью, к какой только бобры и дикие пчелы способны. Когда все меры им приняты, он становит всех на колени перед собственным произведением и верить не хочет, чтоб кому-нибудь пришла в голову мысль подняться на ноги. Самый процесс, употребленный им для развития своей системы, характеризует прекрасно все попытки этого рода. Каждое из двух противоположных начал он дробит на две части: хорошую, достойную подражания, и дурную, достойную порицания. Это *десна* и *шуя* страшного суда брошюрных организаторов. Подготовив таким образом материалы, он берет из обеих частей то, что ему нужно по собственному усмотрению и кладет эти осколки рядом один за другим. Вскоре выходит пестрая, бессмысленная мозаика, на которую автор скромно указывает, говоря:. «C'est l'avenir!» **. Способ изложения в подоб-

---

* Из яйца (*франц.*).

** «Это — будущее» (*франц.*).

ных произведениях замечателен, не менее содержания их. Он состоит большею частью из афоризмов, фраз, сжатых и имеющих вид политических пословиц или по крайней мере мудрых изречений. Он также, видимо, просится в родню к манере Монтескье, но вместе с тем имеет и качества, собственно ему принадлежащие. К числу самых важных должно отнести способность придать такой оборот фразе, что она кажется мыслью, будучи в сущности только рисунком посредством слов, если смеют так выразиться. Вообще искусство убирать пустоту положения внешним нарядом чрезвычайно развито в социальной беллетристике. Г. Берналь, например, разбирая различные виды гражданского быта, говорит о народном, автократическом и смешанном следующее: «Le premier est plus naturel, le second plus fort, le troisième plus sage» *. Кто не видит, что тут все рассчитано на оболочку, на внешнюю форму, и что сзади их ничего нет, как в старых арсеналах панцыри, шишаки и наколенники составляют пустых рыцарей. Не подумайте, чтоб книга г. Берналя принадлежала к числу ничтожных явлений, о которых говорить не стоит: совсем нет. Она была похвалена во многих журналах и даже пользуется некоторым успехом у людей, которые литературную нелепость очень скоро откроют, но за правильным последовательным изложением не скоро догадаются о внутренней пустоте произведения. К тому же можете ли вы проехать любой немецкий городок, любую французскую общину без того, чтоб не встретить в окнах первой книжной лавки создание какого-нибудь туземного г. Берналя?

Автор брошюры «Réforme du savoir humain», составляющей только пролог к огромному труду, имеет свою систему, которую совсем нельзя упрекнуть в робости или нерешительности. Она предназначена, видите, пояснить не только физические и нравственные законы вселенной, но и происхождение их, не только создание мира, но и сущность материи, из которой он сложился, не только сущность материи, но и причину, понудившую к творчеству. Автор сам говорит, что человечество достигло познания абсолюта, но познание *архи-абсолюта* будет ему только открыто в первых месяцах 1848 года, когда книга вполне явится. Правда, для основания подобной системы надобно было отвергнуть всю действительность, все данные, полученные наукой, историей и законами мышления, и заменить их совершенно новыми положениями. И они действительно замещены другими — *вдохновением абсолютного рассудка, самобытною творчественностью человека* и тому подобными, отысканными автором в собственной мысли, потерявшей всякое основание и уже ничем не связанной с нашею бедною планетой. Раз освободясь от всех земных условий, мысли этой уже не мудрено было при переходе к определению общественного быта высказать такие простые вещи о назначении человечества, каковы следующие: осуществление *абсолютной* истины, вечное пребывание в *абсолютном* знании и, наконец, полное бессмертие на земле... То-то бы славно в самом деле! Умалчиваю о других приятных надеждах, помогающих сносить горе жизни, и скажу только, что все это еще написано в мистическом свете и

* «Первый более естественный, второй более твердый, третий более мудрый» (*франц.*).

с хитростною терминологией, облегчающею понимание, насколько это возможно. Зная, какую сильную наклонность питают умные народы к трудолюбивому опыту и законам логики, автор обрекает их с самого начала на вечную темноту, а осуществление своей реформы человеческих знаний предоставляет будущим племенам. Со всем тем брошюра эта принадлежит к числу типических произведений и вместе с книгой г. Берналя составляет те два полюса, между которыми вращается в бесчисленных оттенках современная социальная беллетристика во Франции. Содержание может измениться, но приемы и манера остаются те же.

Не подумайте однакож, чтоб тяжелый труд, специальное изучение и добросовестная разработка предмета погибли совсем на свете. Нимало. Каждый месяц приносит ощутительное доказательство, что по всем отраслям знания, особенно по исторической и экономической частям, существуют деятели, понимающие условия настоящего истинного труда. В нынешний раз я могу вам указать на четвертый том прекрасной книги Волабеля: «Histoire des deux restaurations» [7] и на новое издание: «Du crédit et de la circulation» графа Чишковского [8], книги, получившей в последнее время почетную известность. На днях должен явиться второй том «Истории» Луи Блана. Этому последнему увражу давно уже предшествует какой-то смутный говор в публике, возвещающий открытие новых источников, за которыми должно последовать совершенное изменение понятий касательно происшествий последних годов XVIII столетия и их оценки.

Едва успела администрация Французской оперы очистить сцену свою от цветов, набросанных в честь Альбони, как появление танцовщицы Черито [9], еще не виденной парижанами, снова покрывает ее, три раза в неделю, венками и букетами. Черито дебютировала в новом балете: «La fille de marbre» — мраморная девица, так сказать, и явилась очень впору. Два месяца сряду принуждена была здешняя публика освистывать все новые водевили, разбегаться после второго акта каждой новой драмы и считать за величайшее одолжение, если свежие тирольцы выведут оригинальным образом свое вековечное *ала-и-ту* или если приезжие *эфиопцы*, видимо, получившие жизнь в окрестностях Эдинбурга, исполнят невольничий танец, сочиненный отставным фигурантом, пользующимся всеми правами гражданина. Многие уже начали думать, что болезнь Франции — отсутствие *живого явления, свежего происшествия, факта*, что эта болезнь, повергающая в смущение преимущественно иностранных наблюдателей, перешла на театр. «Кто даст нам живое явление?» — говорили, или, лучше думали зрители, выходя ночью из театров с поникшею от усталости и скуки головою. Теофиль Готье [10] написал даже по этому случаю для Variétés нелепейшую арлекинаду: «Пьеро после своей смерти», думая, вероятно, что живое явление должно быть непременно глупостью. Сконфуженная публика решилась *посвятить* себя в ожидании лучшей будущности созерцанию старых пьес, хотя и потерявших первый букет, но сохраняющих по крайней мере смысл, а из новых смотреть только те, которые смысл совершенно отстранили, заместив его великолепными декорациями, машинами, полетами и быстрыми переменами. Этим объясняется, с одной стороны, царство обветшалого репертуара на всех сценах, а с другой,

успех фиерии «La belle aux cheveux d'or» * на театре Porte Saint-Martin. Невозможно выдумать пьесы более способной утешить всякого зрителя в недостатке живого явления. Она состоит из великолепнейших сцен, не имеющих ни малейшей связи между собой и в ней совершенно не нуждающихся: сцены сделаны, чтоб поразить вас постепенно возрастающею странностью выдумки и ловкостью машинистов и декораторов, приводящих ее в исполнение. Правда, есть одно происшествие, которое проходит по ним, как нитка сквозь бурмицкие зерна, да его никто не понимает. До интриги ли, когда дело идет о том, чтоб представить обитель солнца, например, а за нею царство дождя, принимающего в гости знаменитейшие реки Европы, а потом царство ветра, который журит любимого сына Зефира за праздную его жизнь, посвященную исключительно прекрасному полу, а там еще царство движущихся статуй и, наконец, невыразимое царство бьющих каскадов, прозрачных киосков, детей, висящих на воздухе, и фигуранток, впихнутых в жемчужные раковины? Есть и тут, впрочем, забавные выходки: так, солнце награждает любимцев позволением смотреть на себя и цветными очками, облегчающими право это; так еще, старый Рейн, в гостях у дождя, на вопрос: «как у вас поживают?» чрезвычайно уморительно отвечает: «Tout doucement» **, и проч. Вы понимаете теперь, как легко за *красным вымыслом* подобного рода совершенно упустить из виду, что свежее, здоровое явление есть один из признаков сильного общественного развития. Но такое явление не может затеряться совсем: оно умирает только с жизнью самого народа, а можно надеяться без особенного азарта, что все существующие теперь народы в Европе будут еще долго здравствовать. Вот почему самобытный факт и не замедлил показаться сперва в образе Альбони, а потом в роскошных позах на кончике носка г-жи Черито. Однакож это было только навеяние со стороны чисто внешнее и, так сказать, призывный голос иностранцев; надо было, чтоб в недрах самого государства нашелся человек, который вызвал бы жизнь и движение. Такой основатель сильной деятельности, такой Кольбер [11] драматической и изящной литературы, открылся в особе нынешнего королевского комиссара при театре Théâtre Français, г. Бюлоз [12]. Известно, что обозрение «Revue des deux mondes» ему также принадлежит, и на обертке его вы уже видели, какой богатый запас повестей и произведений всех знаменитейших писателей Франции находится в его руках. Это обещает предстоящую зиму сделать чем-нибудь вроде века Людовика XIV. Что касается до администрации Французского театра, то, во-первых, г. Бюлоз перестроил его заново по образцу Итальянской оперы, и, говорят, сильно желает водворить в нем изящество костюмов и светский тон итальянской публики, а во-вторых, издал программу гениальных произведений, купленных им и актерами-общинниками на зиму. Прилагаю их список [13]: «Les Aristocraties», комедия в пяти действиях, в стихах; «La marquise d'Aubray», драма в пяти действиях, в прозе; «Cléopâtre», трагедия в пяти действиях; «Le Château de cartes», комедия в трех действиях,

* «Красавица с золотыми волосами» (*франц.*).
** «Очень осторожно» (*франц.*).

в стихах; «Le Puff», комедия в пяти действиях, в прозе; «La Rue Quincampoix», комедия в пяти действиях, в стихах. Таким образом, может статься, через месяц мы будем перенесены из совершенного застоя к самой судорожной умственной жизни. Возобновится, может быть, перед нами то счастливое время партера Французского театра, когда бурно сшибались в нем две партии [14]: классическая и романтическая, связывавшие с литературным вопросом еще множество других, посторонних. Может статься даже, что эпоха борьбы глукистов и пиччинистов [15] восстанет перед нами со всем своим увлечением, шумом, задором... Тогда только вполне оценится, какое сильное влияние имеет один смышленный человек на весь ход происшествий, и г. Бюлоз, как новое средство, будет прилагаться ко всем попыткам, издыхающим от бессилия и расслабления. Вероятно, он не забудет в это время общества для способствования свободному обмену произведений, которое после известного конгресса в Брюсселе [16], не имеющего, впрочем, никакого отголоска во Франции, буквально не знает, что будет оно делать напредки.

Но скоро ли найдется другой г. Бюлоз, чтоб вывести наружу силы, нуждающиеся дневного света и глубоко запрятанные на дне общества?

Я, однакож, ничего не сказал вам о новом балете... Извините! Дело вот в чем: средневековый художник произвел статую прелести необычайной, в которую, разумеется, тотчас же и влюбился. Вероятно, художник этот, по прозванию Манаи, составлял в свое время исключение, потому что статуя его (г-жа Черито) нимало не вытянута, не перегнулась набок в насильственной грациозности и нисколько не имеет задумчивого вида. Раз влюбившись, художник не крадет оживотворяющий огонь, как Прометей, а смиренно идет просить *луча жизни* для своего произведения у Белфегора, духа огня и шефа саламандров. Тут, как следует, тотчас же является условие. Довольно хриплый голос за сценой возвещает плохими стихами, что оживленной статуе будет позволено влюблять весь мир в себя, но что у нее отнимается эфемерное существование ее тотчас же, как она вздумает дать *реванш* и сама полюбит. Об остальном вы уже догадываетесь. Появляется великолепная декорация, изображающая Севилью с романскими ее башнями, тяжелыми воротами и мостом через реку, который вскоре покрывается пестрою толпой народа, выходящего из города, и представляет, действительно, прекрасный живописный эффект. Декорация принадлежит г. Камбону [17], который вместе с Филастром [18] произвел уже множество весьма удачных диорамических картин для разных театров. Начинаются земные похождения статуи: она беспрестанно танцует, веселится и дразнит влюбленных, которых число растет неимоверно. Всё и все влюбляются; это почти как где-нибудь на водах. Между пораженными находится также какой-то мавританский князь, к которому статуя уже начинает чувствовать некоторую наклонность. Во втором акте князь этот завоевывает Гренаду посредством пяти человек, пробегающих через сцену, и предлагает руку и корону статуе, которая после небольшой внутренней борьбы принимает ее... Раздается гром, и статуя лишается жизни, обращаясь по-прежнему в мраморную фигуру. Из всего этого можно вывести весьма спасительную мораль, именно: женщины мра-

морной породы должны выдерживать до конца свой характер и не поддаваться искушениям. Черито во все продолжение балета была увлекательна: смелость ее танцев, переходы от скромного выражения к страстному увлечению и упоению, которому, кажется, она сама предается при исполнении своих па, все это сообщает ей особенный, самобытный характер. Этим приятным воспоминанием, которое и хронологически было последнее, заключаю мое письмо. . . Благоденствуйте!

Париж, 24 октября н. с.

VIII

Théâtre Français; «Les Aristocraties», комедия г. Этьеня Араго. — «Клеопатра», трагедия г-жи Жирарден. — Брошюра г. Капфига «La présidence de M. Guizot». — О самоубийстве г. Брессона и помешательстве графа Мортье. — Несколько слов о герцогине Прален. — Патология брака, соч. г. Каза-Мажор (Casa-Major). — Освобождение г-жи Люзи из тюрьмы. — Обеды в пользу парламентской реформы. — Ниневийский музей.

С приближением зимы, господа, все, что думалось и затевалось разными головами в продолжение лета, начинает мало-помалу выходить наружу. Каждая неделя обозначается новым явлением, и вскоре все эти дети летних прогулок по Пиринеям и Италии, уединенных мечтаний в окрестностях Парижа и глубоких соображений в его собственных садах пойдут тесною, неразрывною толпой. Таково всегда здесь приближение зимнего сезона: видно, как все торопятся поскорее выкупить вексель, данный публике на собственную производительность, как всякий суетится захватить местечко повиднее в общей арене и как отовсюду бросают ярлыки с именами в народ: авось примется и расцветет известностью, славой, богатством. Эта игра, возобновляющаяся каждую зиму, имеет свою прелесть, а иногда — чего не бывает на свете! — и свою трагическую сторону.

Королевский театр (Théâtre Français) приступил к исполнению великолепных своих обещаний постановкою комедии г. Этьеня Араго [1] «Les Aristocraties», в 5 действиях и стихах. Она имела самый полный и блестящий успех. Когда пьеса имеет полный и блестящий успех, о ней позволяется говорить что угодно. Я видел в Италии поселян, преспокойно опочивающих на ступенях самых великолепных монументов ее, и монументы нисколько не оскорблялись. Почему же всякому не дозволить того, что позволено итальянским поселянам?

Г. Араго принадлежит к числу сотрудников журнала «La Réforme» и часто занимается в этом журнале рецензией театральных пьес. Замечено, что рецензент, который вздумает приступить к чистому созиданию, появляется, как Каин, с печатью своего греха на челе; он делается резонер. Вероятно, это устроено так для утешения плохих авторов. Повести г. Филарета Шаля, романы г. Сент-Бева, симфонии Берлиоза, комедии г. Леона Гозлана [2], фарсы г. Теофиля Готье, трагедии г-жи Эмиль Жирарден [3] всегда были хорошо обдуманы, так же хорошо, как любой план сражения, но самого сражения авторы почти никогда не выигрывали.

Исключение остается только за г. Берлиозом. Несчастие носить в гражданском быту звание рецензента, по моему мнению, много повредило и г. Араго. Содержание комедии можно рассказать в немногих словах. Банкир-миллионер Вердье, мучимый честолюбием, доискивается депутатства, баронства и жениха из знатной фамилии для дочери своей. На последнее желание отвечают ему два представителя знатности, разоренные вконец и нравственно ничтожные: г. Терси — потомок древнего дворянства, и г. Лариель — сын дворянина времен империи. Оба они, разделенные соперничеством в домогательстве актрисы-певицы г-жи Каслиль, заключают, однакож, союз в доме банкира и условие, по которому женившийся на дочери его уступает другому певицу. Когда бесчестный заговор этот открывается самою актрисой, женщиной молодою, но добродетельною и тщеславною, банкир обращает глаза на некоторого гениального механика, по имени Валентин, уже давно гуляющего у него по дому. Механик этот оказал впрочем услугу семейству банкира: он спас дочь его от страшной смерти, но взамен этого влюбился в нее. В ту минуту, как миллионер устраивает брак дочери с Валентином, надеясь с помощью глубоких соображений последнего так разбогатеть, что все головы мира склонятся перед ним, загорается кабинет банкира, и тридцать три миллиона банковых билетов в *ничтожный пепел превращаются*. Пожар этот, однакож, открывает, что механик Валентин уже сделал несколько удивительных операций и тайком сильно разбогател. Скромно сознавшись в этом, Валентин берет дочь разоренного банкира, читает, как ему, так и двум аристократам, добрую проповедь, особливо последним, причем отдает должную справедливость заслугам их отцов, и заключает комедию, провозглашая, что теперь наступает аристократия не финансовая, не родовая, а аристократия труда, таланта и добродетели. Партер сильно аплодирует, хотя не верит ни одному слову.

Вы могли уже заметить из краткого изложения этого некоторую ветхость пружин, которыми движется комедия, но вы не могли заметить ее хороших сторон, остроумного изложения и нескольких прекрасных комических сцен. Пьеса, видимо, только тем и страдает, что автор ее — сотрудник известной газеты. Будь он ничем, простым человеком, два аристократа, например, этой комедии вышли бы живые лица непременно, а не ходячие понятия, как теперь, бесцветные и мертвые. Банкир пьесы представлен не в комическом свете, а немножко в карикатуре: это собственно не банкир, а воззрение известной партии на банкирское достоинство. Оно, конечно, нравится тем, которые обижены касательно состояния, да только не достигает цели. Вслед за этою пьесой г. Ротшильд поехал в министерство финансов и взял на себя 250-ти миллионный заем Франции по 75 сантимов вместо 100. Вот уж критика, так критика и будет почище нашей! Миллионер г. Араго — дурной отец, а известно, что большею частью спекулянты, лихоимцы, ростовщики — примерные отцы семейства; миллионер г. Араго принуждает дочь выйти за знатного человека, а известно, что финансовые люди любят зятей скромных, смышленых и на знатные браки соглашаются только по слабости к детям; миллионер г. Араго выслушивает насмешки и грубости: «la finance et l'ésprit sont

rarement parents» *, «сердце банкира — кусок золота» и проч., а известно, что банкиры имеют многочисленную прислугу, способную выпроводить всякого невежду и грубияна; наконец, миллионер г. Араго, имеющий силу опрокинуть министерство, как сам говорит, добивается баронского титула, в котором министры почему-то ему упорно отказывают, а известно, что[4].. и так далее. Всех менее понравился мне гениальный работник, механик Валентин, рассуждающий в продолжение целой комедии и рассуждающий очень бойко и красноречиво о темных сторонах современной общественности, но именно это лицо и доставило г. Этьеню Араго похвалы всех партий. Его беспристрастие, его оценка истории и явлений, ею порожденных, и наконец, стремление заместить привилегии рода и богатства привилегиями труда и *таланта* встретили всеобщее одобрение парижан. Однакож мне все кажется, что это работник — немножко самозванец. Товарищи его, сколько случалось мне слышать, никогда не смешивают труда с талантом, находя в одном первом достаточное право на уважение и почет. Работник этот, должно быть, сильно потерся между пишущею братией, между кабинетными демократами и несколько утратил первобытный свой образ. Вероятно, от них занял он также искусство облечь в резкую форму мысль, в основании беззлобную и невинную. Сходство еще увеличивается, когда заметишь некоторое бессилие во всех его фразах и даже что-то похожее на отчаяние, старающееся обмануть себя. Вот почему критики самых разнородных направлений встретили Валентина как старого знакомого, как приятеля, с которым вчера расстались, несмотря на то, что завистливая «La Réforme» объявила успех комедии *семейным праздником* своим. Вся братия без исключения, печатающая разборы, фельетоны и premier-Paris ** в журналах, подняла г. Араго на щит, и при этой овации сам Жюль-Жанен доброхотно подставил плечо свое, разодранное сатирическою лозою г. Феликса Пиата[5] и не зажившее еще до сих пор.

Но в этой комедии есть лицо, несомненно доказывающее как наблюдательность автора, так и врожденный талант комика, который он, может быть, впоследствии разовьет. Лицо это называется Дюпре и представляет хитрого бедняка, который поставлен в необходимость жить на счет слабостей ближнего. Отличительная его черта — способность быть всем в одно время: управителем и живописцем, ходатаем по делам и издателем журнала, пожалуй, даже ученым записным и ростовщиком. Он разнится с Фигаро только тем, что равно употребляет в дело пороки сильных и беспомощность бедных, и притом, как следует в наш век, всегда из денег, а не из желания, как тот, восстановить равенство между силою и ничтожеством. Дюпре берет от сильных самонадеянность, от слабых — недоверие к себе и кладет их рядом в основание, на котором сам намерен построиться. Все, что недостает ему в знании, в глубине мысли, в природных способностях, пополняет он мастерством разрабатывать, эксплоатировать молодые, бесприютные таланты. Мастерство это возвел он до высокой

---

* «Финансы и ум — редко сродни» (*франц.*).

** Передовая статья в парижских газетах (*франц.*).

степени совершенства. От архитектора берет он план, отдает его живописцу, и из общих трудов их выходит картина, под которой он смело подписывает свое имя. Он сам говорит в минуту откровенности: «Я сажусь на плечи этим бедным труженикам, и они несут меня к цели, указанной мною. Тут мы останавливаемся. Они падают в изнеможении, а я являюсь к ней свежий и здоровый!» Лицо это до такой степени верно, живо и обще в наш век, что его также можно встретить здесь на Итальянском бульваре, как на Тверском в Москве и на Невском проспекте в Петербурге.

Еще несколько слов по случаю этой комедии. Я заметил, что избранная публика Королевского театра всегда сильно потрясена *резонерскими* выходками пьесы. Кто знает, что в обществе французском резонерство весьма мало, тот должен, конечно, удивиться присутствию его в искусстве. Я не говорю о проповедническом начале, которое вплетается почти во все произведения Мольера: наставления этого гениального человека до того проникнуты любовью к людям, здравым смыслом, исполненным чистоты, что имеют силу даже до сих пор. Я говорю о тяжелом ходе некоторых условных моральных положений, которые проникают всюду, даже в исторические и экономические сочинения и, сказанные перед публикой, всегда вызывают электрическую искру. Для меня явление это объясняется только вечною молодостью народа, который может быть потрясен всяким общим местом, лишь бы представляло оно воображению благородный, увлекательный образ. На представлении комедии г. Араго я смотрел столько же на пьесу, сколько любовался самим автором, выглядывающим из-за нее, и наблюдал волнение публики, слушающей его. Это было, так сказать, тройное представление для меня, и вот почему я так долго и остановился на нем.

В ту минуту, как я пишу вам, Королевский театр празднует новый и решительный успех. Трагедия г-жи Жирарден: «Клеопатра», благодаря мастерству г-жи Рашель, интересному полу, к которому принадлежит автор, многочисленным друзьям г. Эмиля Жирардена и сценическим эфектам, была принята с великим одобрением. Завязка ее могла бы показаться стара на всяком другом театре, но, привязанная к историческим именам и к лицам в котурнах и тогах[6], она получает какого-то рода новизну. Приятно видеть, что Антонии и Августы думают и поступают так, как будто знакомы с новейшею мелодрамой. Этот оттенок, приобретенный классическою современною трагедией, уже давно развит г-жею Жирарден с несомненным превосходством. Она пошла так далеко, как до нее никто не доходил. Дурная репутация, каковою пользуется Клеопатра в истории, показалась г-же Жирарден преувеличением профессоров истории, большею частью мужчин. Плутарх[7] был, как известно, мужчина. Порочной женщины в таком неимоверном градусе г-жа Жирарден никак не могла себе представить, да оно, конечно, теперь и трудновато несколько. Кто же ныне так коварен, так очарователен, так бесстыден и жесток в наслаждениях? Если кто и провинился в наше время, так это более из удовольствия приобрести на всю остальную жизнь поэзию раскаяния, чем из страсти. Считая все рассказы про Клеопатру выдумкой, г-жа Жирарден

почувствовала призвание восстановить и оправдать Клеопатру: услуга женщины оклеветанной сестре своей тем более замечательная, что исходит от особы, пользующейся, по справедливости, всеобщим уважением и ничем не запятнанной. Со всем тем, эта попытка восстановления, оправдания (réhabilitation) * приобрела участь всех современных попыток этого рода. Лицо сделалось гораздо хуже после восстановления, чем было до него. Точно то же случилось даже с талантливым Луи Бланом. Он так, например, восстановил в последнем своем произведении Лоу[8], Колонна[9] и других, что эти лица не только сделались другими, да и совсем перестали быть ими: вышли невозможными лицами. Тем менее могла надеяться г-жа Жирарден на успех своей попытки. И действительно, Клеопатра продолжает быть порочной женщиной, но мягко, нерешительно, с частыми укоризненными возвращениями на самое себя и горьким воззванием к добродетели, оскорбленной ею. Клеопатра г-жи Жирарден все то выиграла в нравственном достоинстве, что потеряла в характере и в облике, данном ей историей. Сцена, где Клеопатра г-жи Жирарден сознает моральное величие оставленной жены Антония и кается перед ним, столько же похвальна по намерению, сколько ложна в отношении обоих лиц. Это торжество и падение автора. Правда и то: нельзя в одно время иметь все за себя — историю и свою собственную цель, хорошую трагедию и благонамеренность побуждений. Довольно, когда произведение может служить характеристикою современного быта, а это качество несомненно принадлежит новой трагедии г-жи Жирарден.

Но будет о театрах; поговорим о другом. Люди, утверждающие, что время сильного влияния книг на народ уже прошло, получили недавно фактическое опровержение. Брошюра г. Капфига «La présidence de M. Guizot»[10] доказала, что не только хорошие книги могут еще производить шум и влияние, но даже и весьма плохие способны к этому. Правда, автор смешных биографий современных дипломатов выбрал весьма удобное время, чтоб пустить в ход свою книгу. Во-первых, она появилась почти вслед за манифестом г. Ламартина и могла показаться официальным опровержением его. Известно, что в декларации своей г. Ламартин, всегда находящийся в восторженном состоянии, поднял вместе с политическими и социальные вопросы, предлагая для разрешения последних устроить два новых министерства: публичной благотворительности и народной жизни. Г. Капфигу показалось очень кстати отвечать на странность этого предложения еще большею странностью, именно — посоветовать искоренение всякой жизни. Во-вторых, давно уже носились слухи, что г. Ленге (Lingnet)[11], директор в министерстве иностранных дел, занимается историей семилетнего существования нынешнего министерства. Г. Капфигу показалось крайне остроумно прибавить под заглавием своей книги: «par un homme d'Étât» **, и спустить ее как ожидаемое сочинение г. Ленге. Этот род остроумия очень часто и у нас встречается в рядах, где потемнее. Основанное на двойной спекуляции, сочинение г. Капфига отличается

* Реабилитация (*франц.*).

** «Государственного человека» (*франц.*).

еще тем, что упрекая кого следует в снисходительности к некоторым закоренелым мнениям и к веселой жизни парижан, советует прибавить и то, и другое: результатом, разумеется, будет тишина в головах и на улицах! Поднялся говор; думали, что это программа нынешнего президента. Я того и ждал, что биржу запечатают, появится комиссар и отберет с окон магазинов музыкальные сочинения, гравюры, изображающие Павла и Виргинию [12], и книги вроде «Voyage pittoresque autor du monde» *. Все это, конечно, можно заместить чем-нибудь дельным, например: собранием документов, записками академии и историей просвещения в Европе в бесчисленном количестве экземпляров, но я недоумевал, какое употребление сделают из танцорок публичных балов, которые, вероятно, были бы тоже закрыты.

Впрочем, шум продолжался недолго. «Journal des Débats» торжественно отказался от г. Капфига и одною статьей отбросил его в ничтожество, из которого ей никогда и выходить не следовало.

Теперь общественная мысль занята двумя новыми происшествиями — самоубийством г. Брессона и помешательством графа Мортье [13], едва не зарезавшего своих детей. Официальный рассказ последнего происшествия возбуждает много толков: удивляются, как призванные графиней сановники могли три часа без действия стоять у дверей, наблюдая страшную сцену безумного отца, вооруженного бритвой и трепещущих перед ним детей, как наконец, могли прорубить стену (реляция говорит: «une porte condamneé») **, не обратив внимания графа, и проч. Подозрительные люди видят в этом происшествии новую, непонятную и страшную драму; но ведь, надо и правду сказать: подозрительные люди иногда совершенно напрасно считают самих себя прозорливыми людьми. Это только смешение понятий, а не истина; истину откроет время!

Истина только теперь наступает для события, совершившегося во дворце Себастьяни. Несчастная графиня Праленъ, так бесчеловечно зарезанная, останется надолго образцом женщины, вполне и строго понимавшей супружеские обязанности. Она требовала от мужа всего человека, всего существа его, так точно, как сама отдалась ему. Ни малейшего снисхождения, никакого послабления, так облегчающих в семейной жизни исполнение долга, не дозволяла она ни себе, ни ему. С какою-то суровою строгостью доказывавшею, между прочим, присутствие невидимого *директора совести*, она отказывалась от необходимости взаимных уступок. Крепко опираясь на свои права законных семейных наслаждений, герцогиня единственно занята была мыслью вступить в полное обладание ими и действительно потеряла способность воспитывать детей своих. Редко можно встретить характер более полный, более благородный и вместе непреклонный: ограниченность сферы еще увеличивала силу его порывов. С другой стороны, убийца-герцог, смотревший на жизнь гораздо проще, был приведен ежедневным оскорблением его гордости, достоинства и независимости к сопротивлению, которое превратилось скоро в отчаянное зло-

---

* «Живописное путешествие автора вокруг света» (*франц.*).

** «Заколоченная дверь» (*франц.*).

действо. Катастрофа явилась тут сама собою и покрыла имя герцога позором, а злополучную супругу увенчала ореолом в искупление ее страшной мученической смерти. Нам, как посторонним наблюдателям, дозволено будет сказать, однакож, что по сущей правде они оба, и герцог, и герцогиня, равно усердно работали для ускорения трагической развязки, которая постигла их.

Вот почему не совсем понятна для меня несколько сантиментальная литература, образовавшаяся вокруг этого события как здесь, так и в других странах Европы. Происшествие, видимо, серьезнее, чем брошюры о нем. Желание схватить поучительную сторону его заметно только в одной книге, которая принадлежит г-же Каза-Мажор [14] (Casa-Major) и носит довольно хитрое название: «Pathologie du mariage» *. Многие из ее глав, говорят, подсказаны автору учеником и ревнителем Анфонтена [15], старым Баро [16] (Barault). К несчастью, тут уж не может быть помину об исторической верности, а именно на ней-то и основывает автор свои выводы. Как только воззрение автора сталкивается с примером — или пример разрушает воззрение, или воззрение не сходится с примером. Это часто бывает, когда от события во что бы то ни стало хотят добиться показания в пользу собственной идеи. Выходит, что рассуждения о положении женщины в обществе и о пристрастии французского кодекса к мужчине могут быть написаны с жаром, а к делу совсем не идти. Но самое любопытное в книге — это разрешение, предлагаемое автором всему вопросу. Он требует именно вмешательства государства тотчас, как начинают запутываться дела человека. Здесь это почти всеобщий и неизменный рецепт при всяких затруднительных случаях, где писатель не знает, что сказать. Одно слово «l'étât» ** все разрешает и выпутывает из беды как автора, так и читателя, к обоюдному их удовольствию. Подумаешь, что магическое слово это увольняет каждого человека от управления самим собою, от труда искать законного благосостояния и от необходимости основывать его собственными силами.

На днях освобождена из тюрьмы девица де-Люзи, бывшая гувернанткой в доме Прален, которая три месяца находилась в заключении и притом долгое время отдельно от всех (au secret) ***, что составляет, как известно, само по себе строгое наказание. Из напечатанных писем и отрывков журнала можно заключить, что г-жа де-Люзи, вообще свободно развитая, мало понимала фанатизм многих правил и убеждений, царствовавших в доме, где она была принята. К тому же она имела своего рода гордость — гордость бедности, упорство незначительного человека, который старается сберечь свое достоинство перед знатным. Все усилия юстиции привязать ее к ужасному преступлению каким-нибудь фактом остались безуспешны. Со всем тем трехмесячное заключение, которому она была подвергнута, вероятно, было необходимо для искупления преступных мыслей и надежд, какие мог иметь злодей-герцог, а также для

* «Патология брака» (*франц.*).
** Государство (*франц.*).
*** Секретно (*франц.*).

искупления тех мучений ревности и законного негодования, какие только могла иметь герцогиня. Наказывая г-жу де-Люзи, юстиция поступила точь-в-точь, как будто она принадлежала к школе покойного Балланша, который видел всюду необходимость *очищения* (expiation)...

С некоторою смелостью можно сказать, что общественный разговор всего Парижа вращается теперь между этими трагическими происшествиями да еще обедами в пользу парламентской реформы [17] и швейцарскими делами [18]. Что касается до первого предмета, то мнения о нем чрезвычайно различны. Иные говорят, что обеды эти связываются с народной почвой только посредством шампанского; другие наоборот утверждают, что это — единственная вещь, которая может теперь серьезно беспокоить твердое, установившееся министерство. Последним происшествием в истории политических обедов был раздор, оказавшийся в недре самих оппозиционных партий, за которым, вероятно, последует анархия и совершенное уничтожение меры, как это уже часто здесь бывало.

Журналы известили об открытии Ниневийского музея [19], но он еще до сих пор не открыт, и я только снисходительному позволению директора королевских музеев г. де Калье [20] обязан был честью видеть эти удивительные памятники. Всем известно, каким образом достались они Франции. Консул ее, г. Ботта (Botta) [21], вздумал прорыть горку, на которой расположилась ничтожная деревушка по соседству с старою Ниневией, и имел удовольствие открыть царский дворец с бесчисленным количеством скульптурных произведений и гвоздеобразных надписей. Правительство тотчас же послало ему военное судно и искусного живописца в особе г. Фландена (Flandin) [22]. Они срисовали те памятники, которые от внезапного действия воздуха разрушались в их глазах, нагрузили остальными присланное судно, причем колоссальные статуи распилены были на три и четыре куска, и теперь эти представители ассирийского народа и древнейшей известной цивилизации находятся в одном углу великолепного четырехугольника, образуемого Лувром.

Признательно сказать, впечатление, произведенное на меня этими остатками, было сильнее, чем я ожидал. Я уже видел в British museum * в Лондоне несколько фигур из развалин Персеполиса, довольно подробно осматривал богатое издание гг. Коста [23] и того же Фландена «Voyage en Perse» **, где памятники монархии Ахеменидов [24], имеющие большое родственное сходство с ниневейскими, переданы с удивительным искусством; наконец, очень пристально смотрел на рисунки гг. Ботта и Фландена с настоящих ниневейских остатков в превосходном сочинении «Monuments de Ninive» ***, которого теперь вышло тридцать девять тетрадей (полное издание будет состоять из девяноста тетрадей и стоить 1.800 франков); но все это приготовление ни к чему не послужило. Когда действительные памятники очутились у меня перед глазами, мне показалось, будто я видел прежде детскую игру, которая едва-едва успевает подделаться под окрепшую и возмужалую жизнь.

* Британском музее (*франц.*).
** «Путешествие в Персию» (*франц.*).
*** «Ниневийские памятники» (*франц.*).

Ниневийский музей состоит из двух больших и высоких зал. В первой из них находятся барельефы с фигурами выше роста человеческого и колоссальная отдельная дверь ниневийского дворца. Эта гигантская дверь образуется двумя огромными крылатыми быками, имеющими человеческие головы, увенчанные коронами поверх рогов, красиво вьющихся по лбу их. Туловища животных составляют проход. Передать вам особенный род тупого, неподвижного величия, которое представляют эти символические ворота, я, разумеется, не в состоянии. Рядом с быками по обеим сторонам должны были стоять два колосса с свирепым выражением лица, задушающие каждый одною рукой степного льва на груди своей. Колоссы эти, за неимением пространства, прислонены теперь к внешней стороне прохода. Ясно, что они должны были служить символом могущества и вместе с быками представлять архитектурное целое, нечто вроде громадного перистиля[25], полного религиозного и политического значения. Как всегда почти в искусстве востока, на этом памятнике вы видите едва порабощенную резцом массу камня и необычайную отделку подробностей, действительность и символ, поставленные рядом, не смешанные друг с другом. Одна часть предмета полна жизни и истины, а другая принадлежит мистической идее и фантазму. Так, мускулы, члены и жилы огромных быков резко и грубо обозначены, тогда как шерсть их, завитая правильными косами на груди, коленях, животе, исполнена с поразительной тщательностью. Человеческие головы, заменившие головы животных, блестят истинною действительностью, верностью природе при грубой, но энергичной отделке, напоминающей позднейшее этрусское искусство; это — типы ассирийской физиономии, в красоте, какая только ей доступна. Головы эти можно назвать родоначальниками всех остальных лиц на барельефах: один и тот же тип принадлежит царю и служителю, воину и евнуху, жрецу и лодочнику. Самое божество ниневийское нисколько не разнится в облике с последним. Властитель, обитавший в этом великолепном дворце, куда ни обращался, всегда видел только самого себя, ибо условный тип, по всем вероятиям, был царственного происхождения, что доказывают и короны, венчающие первообраз его — головы на быках. Я не знаю, можно ли вам дать какое-нибудь понятие о нем, сказав, что он представляет полное, круглое, мускулистое лицо с большим носом, загнутым клювом, глазами правильного, прекрасного разреза и толстыми губами, концы которых подняты несколько кверху, как это видно в Эгинских мраморах. Какое-то мягкое, задумчивое выражение лежит на нем, несмотря на то, что лицо зорко смотрит вперед. Можно подумать, что оно находится еще под влиянием или сильного религиозного упоения, или непомерного испытанного наслаждения. В религии ассириан эти вещи могли сходиться. Обильные волосы, падающие на плечи, тщательно завиты по оконечностям, борода разделена на множество прямых параллельных кос, и каждый волосок ее и усов расплетен с сверхъестественным прилежанием и осторожностью.

Когда от этих великолепных ворот перейдешь к громадным барельефам, составлявшим стены дворца, странное чувство наполняет вас. Тут нет ни одной женщины, ни одного мотива, в котором сказалось бы чув-

ство или проглянула фантазия; все строго и положительно. Дело идет только о том, чтоб увековечить бесчисленную прислугу властителя и ее занятия, покорность его вождей и жертвы, приносимые божеству. Нагота, которая составляет необходимый элемент скульптуры и принята даже египтянами, здесь почти совсем изгнана, если исключить часть руки и ноги, да обнаженные колени воинов и служителей. Туника, плотно облегающая тело, и поверх ее особенного рода мантия, едва обрисовывающая формы его, покрывает всех с головы до пят. Это очень удобно для нетвердого рисунка мастера, искусство которого еще не вышло из младенчества, но сообщает грубый, варварский оттенок всем представлениям. С первого взгляда чувствуешь, что это — первообраз того внешнего великолепия одежды, которым доселе щеголяют азиатские народы — персияне и турки. Притом же, по условному образцу все лица на барельефах видны уже в профиль, сбоку, и ноги их находятся непосредственно одна перед другою. Так точно представлены евнухи, несущие седалище, служители, украшенные мечами и несущие вазы и сосуды, воины, слагающие руки ладонь в ладонь в знак покорности, молящиеся с опущенною рукой перед священным и символическим растением, конюхи, тоже с мечами, перетаскивающие колесницу, чрезвычайно похожую на одноколку, и жертвоприносители с лотосом в руках. Некоторое стремление искусства к характеристике лиц замечено в евнухах, безбородым лицам которых оно придало особенную полноту и мясистость. Нельзя не сознаться также, что фигуре самого властителя оно, видимо, старалось сообщить горделивость позы и строгость выражения; но властитель гораздо более отличается от других своим посохом, высокою конусообразною шапкой, какую до сих пор носят персиане, и великолепием ткани, составляющей одежду его. Почти совершенно схожее лицо представляет сановник, беседующий с ними почтительно, но в более скромной одежде и с непокрытою головой. Почти совершенно схожее лицо представляет само божество, также в одежде: разница состоит в одном: вместо конусообразной шапки оно увенчано особенного рода тиарой и снабжено еще четырьмя великолепными крыльями, по два спереди и по два сзади. Божество это, особенно замечательное своим полным человеческим образом, держит в одной руке нечто вроде корзинки, а другою рукой подает плод, похожий на кокосовый орех. Если вы представите себе, что все эти барельефы были ярко раскрашены, что они окружены были малыми побочными изображениями и гвоздеобразными надписями, что поверх их шел разноцветный карниз, и все завершалось деревянным потолком, тоже покрытым различными красками, вы легко поймете, сколько могло тут быть блеску, внешнего великолепия, ослепительной пышности при неподвижности и сухости внутреннего содержания.

Во второй зале замечательны три барельефа, сильно попорченные, но не настолько, чтоб нельзя было различить их содержания. Они развивают одну и ту же мысль с барельефами первой залы: это — история постройки самого дворца. Вы видите тут, как все поле барельефа, представляющее чрезвычайно условно реку, воду посредством завитков, без всякой перспективы, наполнено рыбой, черепахами, змеями. Даже в этом элементе

на дне реки присутствует сам властитель, опять в образе крылатого быка с человеческою головою. Река покрыта лодками, влекущими бревна и доски, и гребцы, всегда видные в профиль, сильно упирают на весла. На самом верху четырехугольник означает восстающий мало-помалу дворец. Второй барельеф показывает гребцов и лодочников, занятых разгрузкой привезенных ими материалов; третий тоже условно представляет землю с дорогою, далеко вьющейся по ней: множество людей влекут на канатах с великим усилием тяжелую массу чего-то. Ее не видать, но самые усилия обнаруживают громадный камень восточных построек. И ясно, барельефы повествуют снова о могуществе владыки и о величии его предприятия. Здесь надо вспомнить еще, что задняя сторона досок, та, которая должна навечно была примкнуться к стене, еще покрыта надписями, вероятно, тоже свидетельствующими о славе его. Они теперь все сняты и ждут разбора европейских ученых. Вы понимаете теперь, что каждый угол дворца, даже навеки недоступный человеческому глазу, еще имел голос для прославления великого его жильца и строителя.

Что касается собственно до искусства, оно не лишено некоторой строгой важности, напоминающей церимониал современных азиатских властителей. Всего более удивило меня в нем столкновение условного представления с желанием естественности, столкновение которое произвело весьма странные вещи. Так, в переносчиках колесницы ноги их, по обыкновению, стоят боком, между тем как верхняя часть туловищ взята спереди, а руки, поддерживающие ношу, из желания естественной верности находятся в невозможном и чудовищном положении. Бедный мастер, отступив от образца, данного раз навсегда, видимо, потерялся.

Безусловное удивление заслуживают только фигуры животных; таковы, например, три коня, богато разукрашенные и приводимые в дар властителю. Античною своею простотой они напоминают коней парфенонских. Довольно большой медный рыкающий лев, с кольцом на спине, служивший, по всем вероятностям, застежкой для какой-нибудь драпировки, есть совершенство (chef d'oeuvre *) выражения и исполнения. Животное в эти времена имело для человека важное значение, которому он подчинял даже собственно свое.

Вот вам общий, поверхностный взгляд на Ниневийский музей. Когда разберутся надписи и памятники его сличатся с древне-персидскими и египетскими, история получит множество новых, вероятно, неожиданных открытий; что касается до меня, два часа, проведенные с этими камнями, от которых веет смертью, не обратили мысль мою на ничтожество человека, а, напротив, возродили во мне потребность жизни. Прямо из музея я побежал в Пале-Рояль и с вящим наслаждением стал смотреть на детей, играющих в саду его, на шум, движение и говор людей, постоянно царствующий в его галереях. . . Прощайте до нового года!

Париж, 22 ноября н. с.

---

* Шедевр (*франц.*).

IX

Поздравляю вас с новым годом, господа. Вы, вероятно, встретили его за корректурой и за перечетом всего, что было сделано в минувший год русскими литераторами и учеными. Занятие почтенное, которому и я поддался со своей стороны благодаря статье Шарля Луандра[1] «De la production intellectuelle en France depuis quinze ans (1830—1845)» *, напечатанной в «Revue des deux mondes» и вам, без сомнения, уже известной. Вы видите, что мои воспоминания на этот раз заняты были Францией и превосходят ваши объемом: последнее и составляет их преимущество.

Статья Луандра чрезвычайно замечательна по собранным в ней фактам, а также по бесцветности своего направления, добровольным утайкам и недоговорам. Это как-будто официальный отчет господствующего класса об умственном движении Франции за 15 лет. Сама статья почти столько же любопытна, как содержание ее. Везде, например, где дело касается до упадка теологических наук, Луандр делается зорок, остроумен, сжат. Он показывает, как из 575 увражей, являвшихся круглым числом каждый год по этой части, не было ни одного самостоятельного творения, но все они сильно пропитаны были грехами века, с которым борются. Так, литература эта, преследуя незыблимые духовные интересы, делалась, однакож, попеременно роматическою, легитимическою, гуманитарною, следуя шаг за шагом за господствующим направлением. В последнее время она приняла даже сильный оттенок индустриализма продажею книг, касающихся до ритуала, и журналами «L'Univers»[2], «L'Ami de religion»[3] и проч. Когда случалось ей возвращаться назад к преданиям, она останавливалась большею частью на таких, которые еще в XV веке были осуждены, как, например, «Золотая легенда» (La légende dorée)[4] и друг<ие>. В числе 575 сочинений каждый год являлось 250 книг мистического содержания. Луандр чрезвычайно остроумно проводит параллель между книгами этого рода, появлявшимися в XVII столетии, и современными. Там дело шло об удовлетворении сердечных стремлений, сильно поднятых религиозным созерцанием; здесь дело идет уже об обрядах самого узкого ханжества; первые носили заглавия: «Внутренний замок», «Часы на колокольне ангела хранителя» («Le Château intérieur», «l'Horloge de l'ange gardien») и проч., вторые называются «Manuel du rosaire vivant» ** и т. д. Жалко, что автор не упоминает, какой именно класс общества наиболее занимается чтением подобных книг. Можно, однакож, предполагать, что, кроме семинарий, только праздный класс легитимистов имел на это потребное время; рабочий, торгующий, официальный и крестьянский заняты, по крайней мере теперь, совершенно другими интересами. Замечательны также усилия этой литературы, несправедливо пользующейся почтенным названием теологической, перевести на свой язык явления других отделов. В ней мы видим, например, *очищенного* Вальтер Скотта, который приспособлен был таким образом к чтению благочести-

* «Интеллектуальная продукция Франции за пятнадцать лет (1830—1845)» (*франц.*)

** «Руководство к живым молитвам» (*франц.*).

вых детей обоего пола. Издатели выпустили в романах его любовные интриги, впрочем, с *осторожностью, какая нужна была, чтоб не повредить занимательности*. Точно так же поправлен был «Жиль-Блаз»[5], «Тысяча и одна ночь» подверглась подобной же участи, причем Динарзада сделалась помощницей инспектрисы в женском пансионе. Сам Тартюф[6] должен был испытать влияние реформы и из лицемера обратиться в честного добряка, имеющего свои недостатки. Кто не имеет их? Если бы г. Луандр присоединил к этому отделу и некоторые биографии, вроде «Жизни Елисаветы Венгерской» г. Монталанбера[7], то оказалось бы, что даже скандальёзность некоторых современных романсов не была чужда ему, хотя и проявилась совершенно в другой форме.

Известно, что промежуток времени между 1830 и 1835 гг. был эпохою самых дерзких попыток как в политике, так и в системах. Вместе с возрождением тамплиеров[8], сведенборгистов[9], иллюминатов[10] и миллинеров[11] появляется секта поклонения историческим действователям г. Шателя и известная секта отца Анфантеня[12]. Политические процессы возрастают в некоторые года до 250. Г. Луандр судит об этой эпохе снисходительно, как прилично человеку, живущему десять лет спустя и в обществе совершенно спокойном. В приговорах его нет ни малейшего негодования, но очень много легкого, насмешливого презрения. Когда принужден он хвалить некоторые явления, как, например, мастерство редакции журнала «L'Avenir»[13], который хотел поставить клерус во главе нравственного и ученого движения Франции, или отдать справедливость другому журналу: «Globe»[14], который на социальном начале создал глубокую и серьезную критику, — г. Луандр хвалит равнодушно с легкою, едва заметною улыбкой. Насколько все это в нем истинно, непритворно, не мое дело судить. Я не согласен в одном только: погибель явления тогдашнего времени г. Луандр относит к здравому смыслу народа, будто бы пробудившемуся от дерзких и опасных нелепостей эпохи. Конечно, здравый смысл есть великое дело, но здравый смысл не любит борьбы и редко бросается в битву. Явления погибли просто от карающих, притеснительных мер правительства или подавлены были им же другими способами. Галльский примас (primat des Gaules), как называл себя г. Шатель, был, например, просто подкуплен и до сих пор пользуется, кажется, местом начальника почтовой конторы где-то в провинции. После осуждения присяжными Анфантеновой секты большая часть членов ее сделались твердыми защитниками порядка и благочиния. Апрельский процесс (1835 года)[15] лионских и парижских заговорщиков в палате пэров положил конец существованию политических обществ, и сентябрьские законы, появившиеся вслед за тем, обезоружили журналы и положили препону легкомысленному увлечению. Здравый смысл не бывает так расторопен.

С сентябрьских законов[16] начинается эпоха постепенно возрастающего благоустройства, усмирения страстей и наукообразного занятия общественными вопросами. В 1838 году ярко выказываются три философские системы: *положительная* (philosophie positive) г. Конта (Comte), *гуманитарная* г. Пьера Леру и *католическо-демократическая* г. Бюше[17] (Buchez). Уже в это время эклектизм был осужден как попытка создать систему на

чужой счет, доказывающая собственное бессилие и недоверие к философии вообще. Теперь остается только один неутомимый борец эклектизма — г. Бартелеми Сент-Илер [18], в Институте (Collége de France), замечательный, впрочем, как и учитель его г. Кузен [19], превосходными переводами древних философов. Каждый год, перед десятком апатических слушателей, роется он, с помощью психологии своего изобретения, в душе человеческой, как в старом арсенале, наполненном всякою всячиной, и, разумеется, находит в ней все, что ему угодно. Но вместе с тем и три новые системы ограничиваются малым кругом почитателей и нисколько не перешли в общественное, народное убеждение. Причину их успеха и упадка, как и других явлений, г. Луандр объясняет легкою движимостью своей нации, бросающейся на новизну и отлетающей к другому предмету, как только насытилось ее любопытство. Сколь ни удовлетворительно подобное объяснение, но к нему можно прибавить и некоторые другие. Малое влияние теории г. Конта, например, самой серьезной из всех и связывающейся с философским движением XVIII столетия, можно объяснить еще тем, что, имея целью открытие законов развития общества наподобие тех, какие существуют для философских явлений, она советует покуда политическую стоячесть, совершенно противную духу народа. Упадок гуманитарной системы Леру, где человечество беспрестанно воскресает в человечестве же, тоже хорошо объясняется природным отвращением француза к фанатизму и невозможностью его настроить себя на сантиментальный лад, необходимый для принятия этого учения. Что касается до теории г. Бюше, она как-то плохо выдерживает историческую поверку. Особенно сильные удары нанес ей в последнее время г. Мишле. Во втором томе своей «Истории революции», только что появившемся, г. Мишле всякий раз, как останавливается мимоходом перед этою теорией, легким прикосновением разрушает все здание ее и опрокидывает долу.

Таким образом, через развалины и ненадежные останки уцелевших построек приходим мы к *политическо-экономическому* движению, которое составляет отличительную черту современного направления как во Франции, так и в Европе. Здесь все подразделения школ, делаемые г. Луандром (официальная, католическая, г. Консидерана и проч.), очень легко могут быть сведены на главные отделы, выражающие три основные идеи всякого движения. К первому принадлежат чистые экономисты, защищающие *личное право* каждого члена в государстве; ко второму относятся все те люди, которые стоят за безграничное *право общины*, как бы ни различны, впрочем, были их надежды и планы в будущем. В настоящую минуту один и тот же догмат связывает людей этого отдела, несмотря на то, что они по-часту ведут жаркую полемику между собой и носят самые противоположные имена: кабетистов, фаланстериан, социалистов и проч. К третьему отделу следует отнести одного человека — Прудона, но он составляет целую школу. Прудон столько же враг личного права, кончающегося анархией в мире промышленности, сколько и общинной тирании, под какою формой она бы ни являлась. Другое дело — чем он примиряет враждебные начала. Здесь, однакож, можно упомянуть, что когда г. Луандр называет Прудона просто общинником (коммунистом), он не показывает излишка

ни добросовестности, ни внимания. *Приблизительное определение всех ценностей* весьма далеко от ровного раздела и наслаждения ими. Справедливость требует сказать, что первый отдел, к которому принадлежат профессора, академики и правительственные лица, имеет крепкую почву под ногами. Как ни обманчиво на деле приложение его начала, но самое начало законно вышло из исторического движения Франции и связано с интересами ее цивилизации. Вот почему так тяжела борьба с ним!

Вы, конечно, не будете ждать от меня огромных, чудовищных чисел, которыми выразились в последнее пятнадцатилетие естествознание, история, ее вспомогательные и точные науки. Сильное развитие этих частей во Франции по достоинству оценено Европой, и значительные имена ее натуралистов, медиков, историков, астрономов, археологов и ориенталистов известны в каждом углу образованного мира. Трудолюбие отдельных людей перегнало даже предприятия правительства и общества: так, в отделе истории сборники документов, составленные одними частными людьми, образуют 240 томов. Другой пример необыкновенной деятельности встречается на юридической почве. Известный г. Дюпен[20], прокурор кассационного суда, издал 20 записок по разным делам, 21 том совещаний, 15 томов заметок и говорил в 4000 процессах; притом он еще имел занятия по званию депутата. Бедный труженик! А между тем, говорят, он всегда весел, отличается остроумием и в обществе известен ловкими, едкими замечаниями своими. Согласитесь сами, все это странно. Кстати сказать, почти все ученые Франции таким образом странны. У некоторых из них эрудиция соединяется с безграничным добродушием, как у Мишле например, и у весьма многих сухой, специальный предмет не исключает понимания жизни, любви к природе, искусству. Очень странно!

Так как речь зашла об искусстве, то вот вам необычное известие: каждый год появляется во Франции от 300 до 400 стихотворных произведений. Я до сих пор еще не верю в этот факт: да где же они? Правда, и насекомых в стакане воды не видать простым глазом, но они существуют. Удивительно, какие бесконечно малые могут развиваться в атмосфере старой, сильно производящей цивилизации. Эти бесконечные малые имеют и свою историю: они были Байронами до 1830 года, они отчаивались за себя и за весь мир до 1838 года. Последнее было отражением сомнительной политической борьбы тогдашнего времени. С выступлением на сцену иезуитизма, скоро и покинувшего ее, бесконечно малая поэзия предается на минуту старым отжившим преданиям и тотчас же после этого делается сладострастною и пантеистическою. Полное выражение последнего рода представляет г. Теофил Готье, который может считаться гением микроскопической поэзии. В произведениях его удивляешься столько же испорченности воображения, сколько и немощи его. Жажда наслаждения перерождается у него просто в жажду богатства, и то еще до пошленькой обстановки: золотой пыли, которую подымает карета, шелкового платья *метрессы*, на котором играют солнечные лучи, и проч. Природа покрывается массой ярких, пестрых и грубых красок: небо у него представляет смешение небывалых цветов, дубрава в окрестностях Парижа издает такие запутанные, косметические запахи, что они привели бы в тупик са-

мого Губикан-Шардена [21]. Под стать природе и слог делается ложно блестящ, светится жирным колоритом, который наведен на него с усилием. К довершению этих страдальческих усилий мысли, совершенно бесплодной, г. Готье хотел бы обнять каждую статую, снять с полотна картины каждую женскую фигуру, посадить ее около себя у камина, побеседовать с нею... Желание, достойное любого юного приказчика из магазина и первого капиталиста (rentier), который вздумает помечтать. Впрочем г. Готье — настоящий представитель мещанского понимания *идеала*. Зачем я так долго и остановился на нем? Нет! Для светлого состояния духа, для умения наслаждаться красотою природы и творения надо особенное мастерство и множество условий чисто личных. Этому не научишься, да этому и не выучишь. Порядочное место в массе стихотворений занимают произведения ремесленников. Я должен сознаться в моей слабости: я имею некоторое отвращение от поэзии рабочего класса. Эта поэзия весьма мало выражает натуральное чувство ремесленника и особенное отражение мира и общества на душе его. Она выражает только нескольких ремесленников, безмерно кокетствующих интересностью своего положения и класса, который сильными посторонними причинами выдвинут на открытое место. Пробавляется она *общими местами* французской поэзии [22]: любовью матери, беспомощностью сироты, свежим утром, свободною ласточкой, всеми вещами, которые, действительно, имеют живую струну в душе народа и всегда находят отголосок, но которые В. Гюго и Ламартином исчерпаны до дна, до последней капли. Истинных поэтов сосчитать легко во Франции. Поэтом был Беранже в реставрацию, одну минуту был им Барбье [23] и остается им Альфред де-Мюссе [24] с его отделкою подробностей и чувством формы, зоркостью на нежность линий и легких душевных проблесков, с его эгоистическим наслаждением собственными образцами.

Не малое число единиц приносят каждый год в стихотворную цифру первые попытки молодых писателей, вступающих в свет. Даже нынешние правительственные лица в этом отношении не без греха. Известно, что старый канцлер Пакье [25] в молодости провинился трогательным водевилем... Г. Карр написал свой роман «Sous les tilleuls» * сперва стихами, а г. Луи Блан приготовлялся к своей «Истории революции» поэмой на Мирабо [26], в которой насчитано 413 дурных белых стихов. Г. Гизо, впрочем, — надо отдать ему справедливость, — всегда имел отвращение к поэзии.

Если земля не была потрясена проклятиями, которые извергнул г. Луандр на современные роман и драматическое искусство, то это должно отнести единственно к безумному хладнокровию земли. Роман и драма (последняя после известной борьбы двух школ) приняли в 1830 году политический оттенок: да будут они позором для грядущих веков! Роман и драма одно время довольно неучтиво обращались с историей, употребляя ее для своих особенных целей: да будут они вечною укоризной народу, их породившему! Роман и драма, наконец, следуя общему движению, по-

* «Под липами» (*франц.*).

дали руку сперва классам двусмысленным и падшим, а потом стали наблюдать и опасные классы общества: пусть сгорают стыдом! «C'était une mésaillance!» *. Какое количество *плачевных* (déplorables) результатов находит г. Луандр в нынешнем фельетоне, завладевшем романом, — невообразимо. Можно подумать, что дело идет о какой-нибудь общественной язве, повальной болезни, симптомах конечного разрушения... А между тем г. Луандр и действительным немощам общества плохо верит. Странно, но понятно. Дело в том, что *фальшивый артистизм* (простите за слово) всегда выражается так напыщенно и неверно. Этот фальшивый артистизм наделал уже много бед: в одних, как у г. Луандра, он развил презрение к историческому ходу событий, в других, именно у литературных знаменитостей, породил убеждение, что они предназначены быть пророками на земле и составлять особенную касту, небом благославенную. Не он ли толкнул одного писателя явиться преобразователем пенальной системы [27], другого ехать в Тунис [28] представителем всей умственной Франции? На днях даже он подвигнул третьего (много раз упомянутого выше Теофила Готье), после превосходной комедийки Альфреда де-Мюссе «Un caprice» **, воскликнуть с энтузиазмом: «Артисты — цари творения, могущественнее самой природы! Стройте для них дворцы! Выгоните из госпиталей, из инвалидных домов ваших калек и отдайте их артисту, лучшему произведению вселенной!» Хорошо еще, что нашелся здравомыслящий человек, г. Ролль [29], и в фельетоне «Costitutionnel» предал г. Готье и его доктрину всеобщему посмеянию... Но, возвращаясь к приговорам г. Луандра, можно заметить, что свирепость их находится не в совершенно правильном отношении к справедливости. Я собственным опытом мог бы подтвердить следующее замечание: как бы ни была чудовищна драма вообще, но не проходит года, чтоб не явилось произведение, которое не оставило бы глубокие, благородные следы в народе, прибавив к его нравственному богатству более важное понимание собственного положения и положения других. Художнической оценке тут нечего вмешиваться, а только может быть допущена оценка поводов, заставивших автора написать драму, и большей или меньшей его верности своей мысли, своим положениям. Точно то же можно сказать и о романе. За примерами дело не станет, но они не нужны... Что же касается до спекуляций, до торгашества, образовавшихся вокруг всех родов (не исключая ученого) умственной деятельности, то жаловаться на них при огромном литературном развитии кажется мне несколько бесплодно. Ведь это неизменный закон всякого общества. Также основательно было бы смотреть с негодованием на появляющуюся бороду в 20 лет и с сожалением говорить о седых волосах в 80.

Страннее всего показалось мне в статье г. Луандра, что он делает порядочный выговор водевилю за вмешательство его в предметы высокой важности, до него не касающиеся, как например, в народную жизнь, семейную хронику и современные события. Зачем он не остался верен

---

* «Это опора неравных браков» (*франц.*).

** «Каприз» (*франц.*).

своему происхождению — застольной песенке и проч. Такое непонимание одного из самых характеристических явлений французского быта меня удивило в писателе, который, вероятно, обедает в Café de Paris и кофе пьет тоже в каком-нибудь парижском кафе. Какое взыскание можно после этого чинить немецкому журналисту в роде Гуцкова [30], если он недоразумеет значение водевиля, этого национального произведения по преимуществу, лукавого, веселого, скрывающего иногда под легкою оболочкой более серьезное дело, чем многие трагедии, и до такой степени *растяжимого*, что оно захватило всю современную жизнь общества. Просто немецкого журналиста надо уволить от всякого следствия. Добро бы еще г. Луандр был *рыцарь художественности* и готов был пожертвовать за чистое искусство женой, детьми, вежливостью и справедливостью. Совсем нет. Он нисколько не террорист искусства для искусства: единственного французского художника-романиста, имени которого не нужно здесь приводить, он не понимает, смешивая его с спекулянтами и дюжинными поставщиками романов. Это очень злобно и расчетисто — хоть бы какому-нибудь и нашему герою «Всякой всячины» [31]. Не понимая, однакож, истинной художественности и упрекая простых рассказчиков в дурном выборе предметов, г. Луандр поставляет всех в крайнее затруднение. На чем же остановиться? Какое содержание особенно прилично роману? Ведь нельзя же составить роман из жизни трудолюбивого писателя, добивающегося местечка в бюджете, крестика и видной должности! Если и можно, так разве один раз, а всегда писать об этом, согласитесь, было бы несколько скучновато.

Но я заговорился о статье г. Луандра. Правда, она мне показалась особенно замечательною, как воззрение одного класса общества на свое отечество. Скажу еще несколько слов. Когда вы будете читать в заключении этой статьи, что Франция, дорожащая своими правами, почтительна, однакож, до раболепства (jusqu'à l'humilité) перед внешними отличиями богатства, рождения, должности и проч., то знайте, что тут дело идет собственно не о Франции, а только о круге, к которому принадлежит автор. Затем кончаю, прося у вас извинения за долгую остановку перед журнальною статьей, когда Париж начинает уже праздновать свой карнавал...

По обыкновению, город превратился в одну огромную выставку драгоценных вещей, новых выдумок моды, изящных безделиц, великолепных книг и проч. На нынешний раз прошлогодний характер золотых и серебряных изделий во вкусе XVIII столетия удержан, но к нему присоединился еще новый. Появилось множество превосходных вещей, которым смешение обоих металлов, золота и серебра, придает чрезвычайно оригинальный характер и даже что-то похожее на колорит. Противоположность двух цветов на одном и том же предмете избавляет глаз от некоторого рода усталости, всегда порождаемой однообразием краски, а произведению сообщает живописность, почти картинную светотень (claire-obscur). Это было очень хорошо известно флорентийским ювелирам XVI и XVII столетий. Парижская мода, принужденная конкуренцией к беспрестанному творчеству и, как сказочная Баба-Яга, никогда не засыпающая, вполне

отыскала это предание и наполнила магазины браслетами, чашами, ларцами, где серебряные, черненые фигуры вьются по золотому матовому полю в удивительной гармонии. Сколько тут сноровки, художнического расчета, изобретения — говорить нечего. В магазинах известного Мореля выдумка эта достигла форм чистого искусства. Я видел у него, например, флакончик, обвитый золотою сетью наподобие рукоятки индийского кинжала, по бокам которого тянутся две баядерки черненого серебра, доставая корзинку цветов, образующую пробочку его: нельзя насмотреться! Золотой кубок, вышедший тоже из мастерских Мореля и назначенный быть скаковым призом, еще замечательнее. Подножие его составляет группа мальчиков из серебра, перелезающих друг через друга, как будто второпях к какому-нибудь необыкновенному зрелищу, а по золотым бокам выступают серебряные же головы лошадей и два медальона с амазонками. Мысль и отделка спорят тут в тонине, верности и грации. Даже старые, золотые полосы, фигуры, завитки, врезанные в посторонний металл, как это видно, например, в латах, приписываемых Бенвенуто Челлини, нашли самобытное, художническое подражание. Потерялись только размеры, да приложены они к предметам более изящным. Так, я видел у Мореля карманные часы с заднею дощечкой из платины. По ней в удивительной прелести развивается золотая микроскопическая охота со всадником, собаками, лесом и загонщиком, которая вся вместе однакож представляет только один великолепный арабеск. Что касается до искусства в духе XVIII столетия, то для полного наслаждения им надо спуститься в улицу Basse des remparts к серебряных дел мастеру г. Одио [32] (Odiot). Человек этот производит мастерские вещи: сервизы, туалеты, чайные приборы, плато, следуя так называемому вкусу Людовика XV, который широкими, пышными своими линиями и очертаниями так способен к выражению богатства и роскоши. Собственными своими прибавками и поправками Одио возвел эту манеру до величавости настоящего искусства. Я видел у него, например, модель суповой чаши, в которую вошло огромное количество мотивов, взятых из животного и растительного царства, и притом в поразительной стройности и соразмерности. Так, поднос, на котором стоит эта чаша, украшен массивными группами мертвых птиц, рыб и проч.; крайняя верхушка образована из плодов и овощей, а боковые ее ножки составлены из передних туловищ двух быков, сообщающих сосуду выражение крепости и тяжелизны, полной художнического такта. Все целое царственно великолепно.

Сказать по правде, восторженное состояние, в котором, как видите, я нахожусь перед этими произведениями, и которое, может быть, вас удивляет несколько, объясняется еще другою, особенною причиной. Именно: они мне послужили утишением и отдыхом после испытанных мною глубоких, нестерпимых огорчений от здешней церковной живописи, которою в недавнее время покрылись многие капеллы по распоряжению парижского муниципалитета и самих приходов. Я смотрел три новых фреска г. Мотте (Mottez) в Saint-Germain l'Auxerrois, я видел фигуры г. Госса (Gosse) [33] в Saint-Elisabeth, я глядел с изумлением на композицию г. Сибо (Cibot) [34] в Saint-Leu и вынес от них такое тревожное состояние духа, что

привратник мой уже полагал за нужное отнестись к доктору нашего квартала. Что это такое, боже мой? Один съеживается до крайности, чтобы как-нибудь войти в узенькую мерку старых мастеров; другой раскидывается нелепо, вздумав без силы и таланта подражать бойкости натуралистов; третий создает будуарную живопись и ею хочет пояснить мистическое видение: все, однакож, с ясным выражением немощи, где каждый удар кисти как будто говорит: «Я только хочу вам показать, на что я способен, а, впрочем, сам знаю, что это не годится!» Теперь понятно, с какою жаждой я должен был броситься на произведения, которые выражают настоящий гений народа, и род творчества, к какому он наиболее способен. Итак, прошу не удивляться...

Да уж заодно. По случаю великолепных книг, обыкновенно приготовляемых к Рождеству, нахожусь в необходимости привести здесь три имени, может быть, единственных в Европе: гг. Бозоне (Bausonnet), Нидре (Nidrée) [35] и Дюрю (Duru) [36]. Это — переплетчики. Первый, более всех знаменитый, переплетает уже только по протекции, и то еще весьма сильной и сопряженной со многими искательствами. Переплеты его отличаются такою изящною простотой, таким благородством украшений, щегольством и вкусом, что когда держишь книгу его в руках, кажется, держишь драгоценную вещицу. Я видел стихотворения г-жи Деборд-Вальмор [37], им переплетенные, и с тех пор мне чудится, что г-жа Деборд-Вальмор — прекрасная молодая девушка, гуляющая в цветнике. Нидре более роскошен: впрочем, рисунки и украшения, принадлежащие всем троим, ценятся равно высоко и тщательно сберегаются любителями. Мне случалось иметь в руках книгу, переплетенную г. Дюрю на манер *янсенистов*: переплет весь черный с черным же тиснением. Ни с чем и сравнить его не умею, кроме разве с донной Анной в трауре, приходящей плакать над мраморным гробом и черные кудри рассыпать... Какая честь, подумаешь, для воловьей и другой шкуры!

Королевский театр (Théâtre Français) снова был оглашен рукоплесканиями «браво» по случаю восхитительной комедийки Мюссе «Un caprice» и игравшей в ней г-жи Аллан. И ту, и другую петербургская публика очень хорошо знает [38]. Любопытно, что комедийка подала повод высказать почти всем здешним театральным критикам множество новых мыслей о драматическом искусстве, как-то простота содержания не исключает занимательности, или чем менее запутанности в таланте, тем более он нравится и т. д. Некоторые, однакож, на пути этих откровений пошли слишком далеко и стали утверждать, что будто пьесы совсем без содержания только и принадлежат искусству. Это уж увлечение! Как бы то ни было, но я с умилением смотрел на эту манеру основательной критики, которая начинает с открытия азбуки, чтоб оценить легкую шутку, блистающую остроумием и наблюдательностью. Жалко только, что эта зарейнская манера, вероятно, не удержится здесь: она и появилась-то единственно от восторга и от одурения, неразлучно следующего за ним.

Остальные театры не произвели ни одной капитальной пьесы, которая сильно бы захватила внимание публики. Это еще придет. Покамест Gymnase и Variétés поставили каждый по водевилю почти одинакового содер-

жания. Хорошие мысли, известно, приходят иногда вдруг пяти или шести человекам зараз. Г. Скрибу, с одной стороны, и г. Баяру [39] — с другой, в одно время блеснула идея представить человека, который неожиданно получил ларец с деньгами, ему не принадлежащими, и колеблется между тяжелыми обстоятельствами, повелевающими удержать ларчик, и *честностью*, предписывающей расстаться с ним. Подобные идеи, в старое время, приходили одному г. Коцебу [40]; теперь стали они приходить двум писателям зараз; значит, идеи размножаются! На этом основании г. Скриб написал пьесу «Дидье добрый человек» (Didier-l'honnête homme) и отдал ее в Gymnase, а г. Баяр написал «Жером каменщик» (Gerôme la macon) и отдал ее в Variétés. Первая отличается мастерством изложения и чрезвычайно ловким, свободным ходом интриги; вторая имеет претензию на глубину и психологическую верность, но идет неровно, отчасти судорожными скачками; обе же страдают одним и тем же недостатком: главное действующее лицо в них — ларчик с золотом! Я имею смелость считать себя за человека, который весьма трудно оскорбляется. Ведь не был же я оскорблен в Théâtre Historique трагедией г. Шекспира «Гамлет», переделанной гг. Дюма и Мёрис! [41] Мелодрама как мелодрама, и когда показывается снова тень отца и говорит всем раненым, за что они ранены, а к Гамлету обращается со словами: «А ты живи, вот твое наказание!». После этого обнаружилось во мне легкое волнение, но я его сию же минуту подавил. Теперь могу смотреть переделанного «Гамлета» сколько угодно... В прекрасной опере Верди «Jérusalem», данной с большим успехом во Французской опере, одно действующее лицо поет верхом на лошади. В первую минуту показалось смешно, но пригляделся — и ничего. Потом я даже посердился немного на остроумную карикатуру «Шаривари», представляющую певцов на лошадях с надписью: «Здесь поют пешие и конные» (On chante ici à pied et à cheval) наподобие вывесок постоялых дворов, имеющих всегда неизменные слова: «Здесь останавливаются пешие и конные» (On loge ici à pied et à cheval). Вы видите, как трудно огорчить меня, и со всем тем к ларчику с деньгами чувствую непреодолимое отвращение. Слова нет, что оно очень натурально, что всякий, кто найдет такой ларчик, подумает сперва: а *нельзя ли припрятать его*? — да зачем же требовать от меня, чтоб я прослезился, когда этот человек, одумавшись, отдаст ларчик по принадлежности. Мне кажется, будто авторы обеих пьес сделали немаловажную ошибку, заставив героев своих высказать душевное состояние свое перед отворенными ларцами. После такой борьбы, конечно, весьма естественной, они, авторы, как ни стараются сделать своих героев образцами добродетелей, никак не успевают. Нельзя же быть в одно время Роберт Макером и Цинцинатом! [42] Вы скажете: «Это та черная сторона человеческой души, которая может грязнить самую избранную натуру». Ну, хорошо! Я весьма податлив на ужас, и никому так скоро не делается *страшно за человека*, как мне, но в таком случае нет никакой надобности короновать нашего брата венком добродетели и давать ему премию благородства. Если, как я предполагаю, гг. Скриб и Баяр хотели именно учинить это примирение между некоторыми *сомнительными* качествами человеческой души и обиходною моралью, то на

сей ра они не успели. Пусть подождут до следующего. Случаев из текущей, современной жизни представится много. Вот недавно оказалось по следствию, что граф Мортье был очень хорошим чиновником, будучи в сущности всегда сумасшедшим. И сколько таких!

А какая странная драматическая пружина — ларчик с деньгами. Всякий раз, как актер запускает в него руку и начинает шевелить луидорами и наполеондорами, в партере разносится говор, точно на бирже при возвышении курса на испанские фонды. Впрочем сравнение не верно, потому что испанские фонды никогда не возвышаются.

Между тем обе пьесы дали возможность двум первым актерам, г. Фервилю [43] (в Gymnase) и г. Буффе (в Variétés) составить нечто вроде художественного поединка, занявшего на некоторое время театральную публику. Г. Фервиль, исполнявший характер Дидье, сделал из него добряка, выбитого из своей колеи неожиданным и сильным искушением. Г. Буффе, игравший Жерома-плотника, показал, наоборот, как глубоко может быть потрясен крепкий характер дурною, опасною мыслью. Роль у Фервиля целостнее и. натуральнее, у Буффе она блистает множеством прекрасных подробностей и счастливо схваченных оттенков. Я со своей стороны отдаю пальму первенства Фервилю, как ни уважаю я труд, верный расчет и мастерство, качества, несомненно принадлежащие Буффе, но в деле искусства люблю, чтоб артист, наподобие Картуша [44], украл у меня одобрение прежде, чем я успел бы очнуться. На этот раз точно такую штуку сыграл со мною Фервиль. Во всяком другом городе это соперничество двух известных артистов произвело бы непременно две партии. Куда, подумаешь, не вмешиваются партии! Случалось даже, что иногда две труппы волтижеров * производили их. Здесь, однакож, по случаю этого события партий не было. Голоса как-то перемешались. Те же люди, которые вчера кричали браво Буффе, без зазрения совести выкрикивают точно такое же браво Фервилю.

Вместе с тем открылись маскарады в операх, театрах и публичных залах. На улицах появились шляпы с перьями, испанские мантии, расшитые корсеты, красные башмачки и проч. В кофейных, кондитерских, в магазинах с цветами и костюмами огонь уже не потухает всю ночь. Люди, которые наполняют их, принадлежат именно к разряду людей, никогда не находивших ларчика с золотом. За это я их и люблю. Удовольствие их доставляет мне чрезвычайно отрадное чувство. Как ни говорите, а приятно видеть веселье людей с ограниченными средствами и заработавших себе бал, музыку, освещение, все удовольствия карнавала! .. Желаю вам на прощанье (может быть, долгое) наслаждаться как можно чаще зрелищем подобного рода! ..

23 декабря н. с. 1847 г.

---

* Волтижеров (от *франц.* voltigeur) — канатоходцев, наездников.

ФЕВРАЛЬ И МАРТ В ПАРИЖЕ 1848 ГОДА

I

В жизни целых обществ, как и в жизни частных лиц, воспоминание о тех событиях, которые изменили коренные основы их существования, играет, разумеется, весьма значительную роль. С воспоминанием о таких событиях рука об руку идет, для лиц и обществ, целый ряд моральных соображений, нравственных и политических выводов, которые клонятся к тому, чтоб ограничить или ослабить печальное действие исторического факта, если он был неблагоприятен; распространить или усилить его влияние, если он был полезен и благотворен. Этой работе современной мысли, рождаемой воспоминанием, не могут быть чужды и те общества, которые не подпали прямому действию какого-либо повсеместного, европейского события. Собирая известия о нем из чужих рук, сличая их с указаниями очевидцев и занимаясь ими, общества, находящиеся в положении зрителя, учатся законам и причинам, рождающим исторические явления, определенному, неизбежному ходу их при известных условиях и моральному смыслу, который непременно от них отделяется, каковы бы ни были их свойства, сущность и содержание. Все это не может быть выпущено из вида, если только общество чувствует уже потребность мыслящей, разумной и предусмотрительной жизни.

Вероятно, многие с нами согласятся, что корень большей части явлений, замечаемых в современной Франции, кроется в февральских днях ее последней революции. Цепь, связующая нынешний строгий порядок дел, заведенный там, с неожиданностью и случайностью февральского переворота, не нуждается в пояснении и указании. Как ни кажутся различны и противоположны эти два факта, поставленные вместе, но они образуют только крайние точки одной и той же линии, одного и того же исторического промежутка. Совершенно случайное появление французской республики и совершенно неожиданное утверждение империи; полная анархия в умах, ни к чему не приготовленных заранее, и полное подчинение умов одной идее, обсужденной 50 лет тому назад, в начале столетия; какой-то дилетантизм, баловство с междоусобной войной, с шумом улицы и площади — и нынешняя тишина по всем публичным местам, отданным, сверх частных дел, преимущественно официальным торжествам — все это так тесно связано между собой, как бывают только связаны в мире причина со следствием. Но покуда следствие у нас, что называется, перед глазами, причина уж довольно далеко отошла назад в прошедшее, нуждается уже в пере публициста и откровенном сказании свидетеля, чтоб не

пропасть окончательно из вида и удержать свое место в памяти нового поколения.

Соображения эти навели меня на мысль привести в порядок воспоминания мои о февральских днях 1848 года, который застал меня в Париже неожиданно [1] и которых я был случайным и почти невольным очевидцем. Труд этот значительно облегчается самым характером парижского переворота 1848 года. Он родился преимущественно на улице, там вырос, там и кончился. Кого он застал или повстречал на мостовой, тот и мог видеть его вполне и ознакомиться с ним со всех сторон. Другие исторические перевороты обыкновенно имеют длинную генеалогию. Нить, которая приводит их в движение и управляет ими, скрывается от глаз в кабинетах главных и, по большей части, невидимых деятелей. Нельзя говорить о таких переворотах, не исследовав предварительно идей и учений, под влиянием которых они созрели. Переворот 1848 года был весь налицо, весь на площади, без остатка. Он произведен единственно улицей: люди, партии, идеи, словом, все попытки дать ему определенный политический оттенок, навязаться ему в отцы и руководители, пришли к нему гораздо позднее. Настоящая история его должна начинаться очень скромно, почти как «дневник замечательных происшествий», как «перечень событий» или как «ведомость о необыкновенных случаях» в городе. Если рассказ о трех февральских днях 1848 (22, 23 и 24) года, пережитых Парижем, захочет быть верным, неподрумяненным отражением действительности, он должен держаться преимущественно, так сказать, мостовой. Правда, и всякое происшествие на улице должно иметь свой повод: февральские дни, само собой разумеется, не лишены поэтому ближайшей, основной и очевидной причины. Вопрос о народных обедах, «банкетах», устроенных оппозицией [2] с целью добиться ничтожной реформы в избирательной системе и свергнуть упорного министра иностранных дел (Гизо), разросся благодаря усилиям радикальной партии так, что 12-му парижскому кварталу, затеявшему последний банкет этого рода, нельзя было отобедать публично, не восстановив вместе с тем и права ассоциации (права на политические собрания). Очень понятно и очень извинительно, что король и его министры испугались возможности такого восстановления, которое уничтожило бы зараз все 18-летние труды правительства, подъятые на стеснение права политических совещаний, как начала враждебного и опасного для конституционной монархии во Франции!.. Очень понятно также, но менее извинительно то, что конституционная оппозиция, с гг. Барро [3], Дювержье [4] и др. во главе, под покровительством которой расцветали банкеты в продолжение всего лета 1847 года и на всех пунктах Франции, которая даже сама и вызвала их — отступила зимой перед собственной своей мыслью. Она вошла в сделку с министерством и согласилась вопрос о законности публичного «банкета» в 12-м квартале подвергнуть приговору кассационного суда. Сговорились непременно явиться на обед с тем, чтоб непременно встретить там полицейского комиссара, воспрещающего сборище, а затем непременно разойтись, но предварительно составить протест против злоупотребления полицейской власти, а потом передать его на суд высшего юридического места. Нет никакой причины

полагать, что дело не обошлось бы именно так, как указывала программа его, если бы исполнению ее не помешал сам министр внутренних дел, граф Дюшатель[5], или лучше Гизо, составлявший душу министерства. Им стоило только промолчать, когда пышный во всех делах и поступках г. Одиллон Барро пригласил национальную гвардию[6], от имени оппозиции, на обед, для которого ничего не готовилось заранее. Оба министра усмотрели в этом посягновение на право верховной власти, которая одна могла созывать национальную гвардию в полном ее составе. Под этим предлогом они, собственной властью, прямо и начисто запретили обед 12-го квартала. Кто знает? Может быть, Гизо, ожесточенный борьбой, уже раскаивался тогда в уступке, прежде сделанной им своим парламентским противникам. Как бы то ни было, но становилось ясно, как день, что народ, возбуждаемый все лето к требованию избирательной реформы, выйдет непременно на площадь, так как другого истока для политической его мысли уже не представлялось более. Он действительно и вышел с криком: la réforme *; с тем же единственным криком всей революции он и сошел с площади, но уже унося с собой королевство, конституцию, все общественные основы и всех людей 1830 года.

Начиная с понедельника, 21 февраля н. ст., уже стали показываться в городе симптомы приближающейся бури. По бульварам и смежным улицам только было и толков, что о завтрашнем дне. Между разнородными толпами всякого народа легко можно было отличить несколько лиц, которые обыкновенно являются в богатые части города накануне общественных потрясений. Как оторванные, ходячие фразы 93 года, они, по свидетельству старожилов, пускаются вперед революционными партиями, с целью напомнить достаточным людям изысканной странностью, придуманным цинизмом своего костюма о другом, беднейшем населении города, возвестить приближение революции и подействовать спасительным страхом на воображение противников. Один из таких герольдов восстания обратил общее внимание. Это был высокий сухощавый работник в истертых плисовых панталонах, в полинялой куртке, с головой, обвязанной *красным* платком à la Marrat **, и с прутом в руке, которым он флегматически махал в обе стороны. В походке и в выражении его лица было весьма много наглости и вызова. Он казался переодетым работником и шел прямо, не сворачивая с дороги. Люди перед ним сторонились и оглядывались на него. Когда вечером узнали о совершенном запрещении «банкета», произнесенном в палате депутатов гр. Дюшателем, толпы стали еще увеличиваться, и полицейские сержанты, уничтоженные два дня спустя торжествующим переворотом, напрасно переходили от группы к группе, упрашивая публику не загромождать тротуаров: толпы сами собой возникали по всей длинной линии бульваров. Особенно волновались *пассажи*. Вообще очень многолюдные зимой и осенью, они теперь буквально затоплены были народом. В некоторых из них уже образовались политические *кафедры*, но еще весьма робко: обыкновенно после нескольких громких

---

* Реформа (*франц.*).
** Как Марат[7] (*франц.*).

фраз, публичный оратор поспешно скрывался, как будто испуганный собственными словами. Как-то болезненно шумел оперный пассаж (passage de l'Opéra), тогдашнее место сборища биржевых спекулянтов, театральных волокит, тайных игроков — словом, всех тех, которым очистительная реформа была совсем не по нутру. Рядом с выражением страха и угроз беспокойным головам, там уже слышались слова дерзкой решимости, занесенные с улицы. В кофейной Тортони, куда стекались *львы* Парижа после обеда, стоял необычайный гул от шумных разговоров: она так же волновалась, как и уличные толпы, вращавшиеся около нее густыми массами. Предчувствие чего-то необыкновенного зарождалось в уме само собой; можно сказать без преувеличения, что приближение восстания носилось и слышалось в воздухе. Какой-то молодой человек, проходя мимо меня по бульвару, сказал очень равнодушно и весело вслух своему товарищу: «Paris va tenter demain une journée» (Париж завтра попробует счастья). Этот технический термин, изобретенный для парижских уличных проделок, точно объяснил мне вдруг все настоящее значение минуты, точно подвел неожиданно итог всем мыслям и наблюдениям, сделанным мною, да, вероятно, и многими другими, в течение целого вечера. На другой день, во вторник, 22 февраля в 10 часов утра, я прямо направился к площади Madeleine, которая по всем расчетам должна служить сборным пунктом народа, так как банкет 12-го округа, влиянием конституционной оппозиции, перенесен был поблизости ее в Champs-Elysèes, в квартал менее опасный и беспокойный, чем тот, где обеду следовало бы явиться. Оппозиция берегла правительство столько же, сколько и министерство. На площади уже было много народа, но совершенно безоружного и не знавшего решительно, что ему делать. Кругом не было видно ни одного солдата и ни одного полицейского. Вся толпа шумела, кричала и волновалась на одном месте, между тем как магазинщики запирали лавки, а жильцы великолепных домов, окружавших площадь, отворяли окна любоваться на восстающую инсуррекцию *, которая, видимо, колебалась, еще не имея основания. Одно только привлекло мое внимание; впервые раздался тут крик: «vive la réforme!», «à bas Guizot!» ** — который сделался потом лозунгом всей революции, паролем, отворившим ей, одну за другой, двери Палерояля, Тюльери и палаты депутатов. Между тем народ беспрестанно притекал по бульварам к площади, и когда я через час снова возвратился на нее, масса голов волновалась уже не на одной площади, а по всему протяжению Королевской улицы и примыкающей к ней площади de la Concorde. По-прежнему народ стоял один: ни солдата, ни сержанта, ни какого-либо мундира на всем этом пространстве!

Боялся ли Гизо неожиданной выставкой войска окрепить восстание преждевременно, или хотел видеть сперва развитие его, чтоб потом с расчетом направлять удары, как это сделал впоследствии генерал Кавеньяк [8], — не знаю, но это отсутствие публичной силы, казалось, приводило в замешательство самый народ. Он истощался в праздных криках и пес-

---

* Инсуррекцию (от франц. insurrections) — мятежников.
** «Да здравствует реформа! долой Гизо!» (*франц.*).

нях и очень обрадовался, когда из-за угла церкви Madeleine показался строй студентов и работников попарно. Вся толпа испустила пронзительный вопль: она находила видимый центр, около которого могла теперь собраться. Немедленно все пристали к шествию и потянулись через площадь de la Concorde к палате депутатов, разнося по всему этому пространству песню «la Marseillaise» *, которую, между прочим, я тут впервые услыхал на площади. Это было как будто повещение Парижу о начинающемся бунте. Вместе со всеми тронулись мы за шествием. День стоял грустный; небо было туманно, в воздухе носилась проедающая сырость, и от времени до времени перепадал мелкий холодный дождь, которым обыкновенно разрешаются здешние зимы.

Что-то похожее на шутку или детскую резвость произошло около палаты депутатов. Небольшой отряд муниципальной и национальной гвардии, стоявший за решеткой ее, скрылся, увидав многочисленную толпу, приближавшуюся к нему. По требованию передовых, привратник тотчас отпер дверь решетки, и народ побежал вверх по великолепной палатской лестнице, обыкновенно возбраненной для него и всегда строго охраняемой. Ему, по-видимому, весело было нарушить правило и приказание — он бежал по лестнице с удовольствием, какое может испытывать ученик, захвативший кафедру и ферулу ** своего учителя. Но в палате заседания еще не было; захватить пустую комнату было бы нелепостью. Оставшиеся внизу кричали собратам, чтоб они остановились и сошли. На минуту удивленные этой неожиданной помехой, ряды, покрывшие лестницу, остановились, подумали немного и спустились назад. В это время три человека, принадлежавшие, видимо, к разряду того, что называется манёрами, предводителями — мужчина русоволосый, высокого роста, пожилой человек, весьма почтенного вида, и третий — красавец с черными усиками, кричали что есть мочи толпе: «aux affaires étrangères, aux Tuilleries!» *** Назначать пункты восстания и притом самые опасные народу, ничем еще не вооруженному, было очень легко или, лучше, очень дерзко, но роль предводителей в то время тем только и ограничивалась.

Надо сказать, впрочем, что исключительное участие одного уличного народа в февральских днях 1848, может быть, и упрочило их неожиданный успех. Народ ничего не предлагал от себя. За него действовало и работало одно только слово: «la réforme!». Это слово вырвало, по выражению генерала Бедо [9], оружье из рук войска, и оно же вызвало ласковое вмешательство умеренно-либеральных граждан национальной гвардии, что окончательно упрочило победу и торжество восстания. Дело одной какой-либо партии, одного какого-либо оттенка никогда не могло бы произвести подобных следствий. Менёры, или предводители, явились гораздо позднее; они явились уж тогда, когда народ, добиваясь реформы и одной только реформы, пробил в государственном теле такую брешь, что в нее могла пройти так называемая республиканская партия. Да и тут еще

---

* «Марсельеза» (*франц.*).

** Феру́лу (от *лат.* ferula) — линейку (в значении розги).

*** «В министерство иностранных дел, в Тюльери!» (*франц.*).

многие из ее членов, при самом конце, еще сомневались в торжестве своем. Известно, что Кремьё [10] не верил в республику даже тогда, как народ пригнал его в ратушу управлять республикой; известно, что в списках нового правительства, выданных радикальными журналами в ночь с 23 на 24, у журнала «National» стоял во главе еще Одиллон Барро: так невозможно казалось ему показать Франции собственное свое имя. Когда дело достигло поразительной очевидности, все радикальные партии сошлись, чтоб назначить новых правителей государства из собственной среды, и произвели ту амальгаму всех возможных направлений, которая известна под именем временного правления gouvernement provisoire. После этого тяжкого труда каждая из партий возвратилась опять к самой себе, и издатель демократического «National», Арман Мараст [11], сделавшийся уже секретарем правительства, писал в пятницу, 25-го февраля: «О! как велик парижский народ, как велик он, когда вздумает *делать историю!*» Это, однакож, не помешало ни ему, ни его товарищам переделывать эту историю впоследствии, и каждому по своему вкусу: так неясно изложена она была сначала.

От палаты депутатов толпа повернула назад к министерству иностранных дел. В это время пронесся на полных рысях, вдоль всей площади de la Concorde, отряд верховой муниципальной гвардии. Народ хотел еще задобрить этих непреклонных блюстителей порядка, заведенного Л.-Филиппом, которые стойкостью своею возбудили всеобщую ненависть и в февральские дни одни только действительно и выдерживали некоторое время борьбу с народом. Известно, что *муниципальная гвардия* [12], пешая и верховая (последним был сохранен щегольский костюм наполеоновских кирасир) [13], пополнялась лучшими людьми из линейных полков, состояла без исключения из красавцев и содержалась в ведении префекта полиции весьма роскошно. Начальство употребляло ее на полицейский вооруженный надзор, а по надобности и на подавление народных сопротивлений. В обоих случаях войско это сделало для себя нечто вроде point d'honneur * из быстрого, неослабного исполнения полученных приказаний. Итак, народ кричал: «vive la garde municipale!» **. Офицеры и солдаты отвечали салютом саблями на всем скаку, но, встретив еще толпы на площади Madeleine, раскидали их по сторонам и явились к министерству иностранных дел на помощь. Мы прибыли почти в одно время с ними и нашли точку около противоположного министерскому дому Café Caumartin, с которой могли видеть всю сцену, происходившую пред дворцом Гизо. К этому пункту стекалось все более и более народа. Полицейский комиссар, явившийся для увещания, был встречен каменьями. В ту же минуту из ворот дома показался отряд пехотной муниципальной гвардии с ружьями и выстроился перед ним. Вместе с тем верховая муниципальная гвардия устремилась в толпу, рассыпанную на группы, собравшиеся по тротуарам и по улице, и погнала их перед собой, как пыль вдоль бульваров. Через несколько минут те же самые группы, однакож, снова формировались

* Дело чести (*франц.*).
** «Да здравствует муниципальная гвардия!» (*франц.*).

сзади ее, с боков, рассыпались при ее приближении и возникали снова на другом месте. Видно было, что народ этот уже не в первый раз имел дело с вооруженной силой и знает, как обходиться с нею. Во всех движениях его заметна была необычайная изворотливость, полная опытности и сноровки; кавалерийские атаки со стороны муниципалов также производились с некоторою осторожностью и разбором, как будто нападающие еще берегли свои силы для последних ударов. Между тем перед стеной министерского дома, обращенной к бульварам, выстроилось линейное войско, армия, в предупреждение уже начинавшихся попыток перебраться за нее. По ту сторону стены, в саду, торчали шишаки и ружья пехотных муниципалов, готовых на отпор: министерство крепко оберегалось и снаружи и внутри. Народ, поминутно гонимый в разные стороны атаками верховой муниципальной гвардии, кричал не умолкая: «vive la ligne, vive la ligne!» (виват армия!), стараясь заинтересовать ее в своем деле и отстранить от всеобщей ненависти, на которую, казалось, вызывались войска полицейские. Действительно, линейное войско, в противоположность последним, стояло под ружьем грустно и молчаливо, показывая уже одним видом малое расположение сделать из министерского дела собственное свое дело. Вскоре круг действия для публичной силы сделался уже слишком узок от прибывающего народа и был раздвинут вдоль по бульварам до самой улицы Монмартр. От министерства иностранных дел до этого крайнего пункта потянулись разъезды кирасир, атаки муниципальной гвардии по скопищам, арестации наиболее выставившихся инсургентов, и город начал сильно приобретать военную физиономию, хотя до сих пор в Париже не было сделано еще ни одного ружейного выстрела.

Однообразная цепь атак и разъездов, которые могли продолжаться до ночи, начала возбуждать, однакож, какое-то тяжелое, неприятное чувство в душе. Я отправился о-бок в королевскую библиотеку слушать чтение Рауль-Рошета о Египте. Надобно сказать притом, что мне, как и многим другим, все казалось тогда, что народ, предоставленный, как было очевидно, только самому себе, будет неизбежно подавлен и начатое им дело перенесется в парламент и обратится по-прежнему в игру между оппозицией и консерваторами. Неутомимый компилятор Рауль-Рошет уже сидел на своей кафедре в зале дендерского зодиака [14] и говорил о первых египетских династиях и их громадных постройках. «Они сделали, — сказал он между прочим, — для своего отечества то же, что короли наши для Франции, которым последняя обязана политическим значением и географическими своими границами». Это походило на ответ тому, что свершалось на улице. Рауль-Рошет вместе с Шамполионом-Фижаком [15], как известный приверженец системы Гизо, лишен был места консерватора в публичной библиотеке на третий день, кажется, после революции. Но уже в час, проведенный мною на лекции, много, много вещей случилось в Париже.

Появление войска действительно окрылило, воодушевило инсуррекцию, как того и ожидать следовало. Едва образовался охранительный кордон вокруг палаты депутатов, в которой началось заседание, как явились попытки образовать регулярное сопротивление по соседству ее (в Елисей-

ских полях), в улицах St. Honoré и Риволи. Широкое пространство первых дозволило только эволюции и меневры народу; он захватил нечаянно пост муниципалов и сжег гауптвахту их. Показавшиеся отряды пешей и верховой муниципальной гвардии встречены были каменьями, на которые они отвечали ударами штыков и сабель. Крики и шум сталкивающихся сторон могли доходить до самой палаты, которая, как ни в чем не бывало, занималась рассуждением о Бордоском банке [16]. В улице St. Honoré было иначе: там уже возникли баррикады. Остановлен был один омнибус, один дилижанс, шедший из Версаля, свалено несколько фур, но все это уничтожено было почти в ту же минуту, как образовалось, и когда я пришел на место — свежие камни, только что вынутые из мостовой, лежали в одной стороне, фуры и омнибусы отодвинуты были к другой, а вдоль улицы разъезжали эскадроны драгун... Как необходимая подробность парижского восстания, в близлежащем доме, на самом месте сшибки, открылся перевязочный пункт, «ambulance *» для раненых и ушибленных с обеих сторон.

Революция привязывалась, однакож, как репейник ко всему, что встречала на пути своем. Выгнанная из первых своих позиций, она ушла в сердце Парижа, в его простонародные кварталы, и там уже отыскала себе благоприятную почву и пустила корни.

Я шел от Рауль-Рошета по Палероялю, сделавшемуся внезапно мрачным, пустым. Почти ни души в его многолюдных галереях; вместо публики расхаживали по нем часовые из муниципалов, магазины были уже заперты, а у великолепных его ресторанов отворены были только половинки дверей: так чувствительна вообще торговля к уличным беспокойствам. При самом выходе поразил меня необычайный шум и гам. Здесь произошел один из тех эпизодов, которые еще раз показывают проворство народа в деле восстаний. Гонимый из улицы St. Honoré, где, как знаем, баррикады были уничтожены, он рассыпался, по обыкновению, на группы, смешался с мирными пешеходами, с жителями домов, вышедших на тротуары из любопытства, и, разумеется, тем затруднил преследование. Одна из таких групп, улучив минуту, в одно мгновение ока, почти под глазами муниципалов кинулась на оружейную лавку Лепажа и разграбила ее. Я видел, как мимо улицы Вивьень промчались работники и мальчишки (gamins) с великолепными ружьями и пистолетами в руках по направлению к предместиям С.-Дени и С.-Мартена, где вскоре и сосредоточилась вся инсуррекция. Вместе с тем вдоль богатых улиц Ришелье и Вивьень разнесся крик: «on pille!» — «грабят»! Панический страх овладел магазинщиками, которые еще до сих пор держали лавки свои открытыми. С судорожною поспешностью стали они накладывать ставни на окна и запоры на двери. Два верховые отряда муниципальной гвардии, в предупреждение подобных же попыток, промчались, что есть мочи, по обеим улицам, и плохо было бы группам, если бы они встретили их тут. Я сам едва успел в улице Вивьень прислониться к дому, чтоб пропустить мимо себя эту бешеную кавалерийскую атаку, которая, подымая стук и гром

* Амбулатория (*франц.*).

по мостовой, имела какой-то особенный эффект. В это же время все улицы и переулки, ведущие к Карусельной площади и Тюльери, запирались войском; сильный отряд оберегал министерство иностранных дел, разъезды ходили по бульварам, но движение в этой богатой части города уже кончилось. Оно ушло, как мы уже сказали, в народные кварталы и возвратилось на другой день опять сюда, но уже с победой и празднуя торжество.

Так кончился первый день революции. Наступивший вечер принес с собой ожидание будущих событий, порядочный запас сомнения и страха, которые вполне были разделяемы и всеми радикальными журналами. По вечерним газетам узнали мы, что Одиллон Барро вручил президенту палаты обвинение министерства. На эту тему появились на другой день все «premier-Paris» * республиканских листков: «National» писал, что министерство подлежит суду отечества; «Courrier Français» восклицает: «Retirez-vous, hommes du sang et du malheur» ** и проч. «Journal des Débats» был, по-видимому, спокоен, столько спокоен, что приложил ничтожную статейку о костюмах древней Британии, кажется, а между тем это был последний № монархического «Journal des Débats». Вскользь извещая о случившихся происшествиях, он вполне был уверен, что возмущение будет скоро подавлено: таково было действительное мнение Гизо, который, казалось, тем более ожесточался, чем сильнее привязывалась к его имени народная ненависть. Впрочем, и ошибка была позволительна; народ еще был безоружен, а в Париже находилось, как говорили, до 40 тысяч войска с грозным комплектом артиллерии, не считая крепостей знаменитой ограды «enceinte continue» ***, которых всего более ужасались как республиканцы, так и вообще недовольные правительством.

И вся эта сила пропала в руках Луи-Филиппа от одного вмешательства национальной гвардии, вдвойне оскорбленной им: во-первых и прежде всего, недоверием его, а во-вторых, его непостижимым упорством в отказе политических прав, изменявших, может быть, большинство в парламенте, но нисколько не опасных установленному порядку дел. Гизо и Дюшатель сделали промах, который и мог быть сделан только людьми, уверившими себя, что падение их как министров равносильно падению государства. Отуманенные восьмилетним успехом всех своих мер, государственные люди эти хотели подавить восстание своими собственными средствами, помимо национальной гвардии. Принцип «централизации» много бы выиграл от этого отстранения граждан в самую решительную и опасную минуту спора, но для этого надо было иметь под рукой «смелого и решительного» генерала, каких тогда еще не существовало. Сбор (rappel) национальной гвардии не раздавался до самой середы, но уже вооруженные граждане собирались сами собой. Еще во вторник видел я два отряда национальной гвардии, собравшиеся произвольно и под председательством своих полковников явившиеся на Карусельную площадь и

* Передовая статья в парижских газетах (*франц.*).
** «Уйдите прочь, люди крови и несчастья» (*франц.*).
*** Континуум (*франц.*).

в Тюльери. Они в одно время предлагали свою защиту короне и выражали необходимость реформы для замирения народа. В среду утром было еще хуже. Отряды национальной гвардии стекались к своим центральным пунктам-мэриям. Правда, в это время сбор уже бил по городу, но совсем понапрасну: он походил на приглашение, когда гости уже сидели за столом. Раздосадованная самоуправством Гизо, национальная гвардия громко требовала смены министра и избирательной реформы. Один крик раздавался почти из всех мэрий: «à bas Guisot, vive la rérfforme!» Этот крик донесся до Тюльери и был причиною немедленного падения Гизо, но этот же крик долетел до восстания и, подобно растительной пыли, переносимой ветром на тощее деревцо, оплодотворил его. С тех пор и расцвело оно с полной, ничем не удержимой силой.

Здесь кстати упомянуть об одной из самых странных претензий республиканских историков[17], объясняющих поведение национальной гвардии влиянием многих старых республиканцев, стоявших в рядах ее. Натяжка эта до такой степени противоречит фактам и общему ходу дела, что только и может извиниться естественными усилиями всякой партии все начать с себя и все возвратить к себе. Увлечение национальной гвардии было общее и мгновенное. Мы точно также скажем, что национальная гвардия вскоре и раскаялась в своем увлечении. Одушевление ее при внезапном обороте происшествий, тотчас сменилось непостижимой уступчивостью, странным отступничеством от своего естественного покровителя, короля Л.-Филиппа, и малодушным эгоизмом, забывшим даже истинные свои выгоды.

Итак, утром в среду направились мы к кварталам С.-Мартен и С.-Дени, где уже было выстроено за ночь несколько баррикад, начиная с рынка «des Innocentés», по четырем улицам, ведущим от этого пункта к бульварам, четырем главным артериям всех предшествующих революций, именно улицам du Temple, St.-Martin, St.-Deni и Monmartre [1*]. Баррикады, однакож, останавливались, не доходя бульваров, так как в плане военных начальников заметно было твердое намерение не допускать инсуррекции до этой линии, откуда она могла бы, как ручей, влившийся в широкую реку, омыть весь Париж. Итак, возмущение приютилось в узких внутренних улицах самих кварталов, где оно уже рано утром выдерживало сшибки с муниципалами, и где теперь вокруг него по бульварам собрана была вся охранительная сила правительства. Когда мы подошли к триумфальным воротам С.-Дени, а потом к воротам С.-Мартена, масса стоявшего тут войска представляла зрелище грозное и великолепное. Прямо против бунтующих улиц выстроены были эскадроны верховой муниципальной гвардии, готовые на атаку по первому сигналу. За ними в густых колоннах расположена была пехота. Другая часть ее занимала середину самих бульваров, вместе с эскадронами драгун и кирасир. Далее, позади всех, к воротам С.-Мартена красовалась превосходная конная артиллерия с пороховыми ящиками и совсем готовая в дело. Солнце по

[1*] Новейшая перестройка Парижа отняла у этих улиц их прежнее значение, частично очистив, а частично перерезав их с разных сторон широкими бульварами.

временам выглядывало из-за серых облаков и ярко ударяло в кивера, каски, латы и штыки. Старый маршал Бюжо, сделанный главнокомандующим всех войск в Париже на время бунта, разъезжал по всему пространству, занятому войском, на превосходном сером коне, окруженный великолепным штабом и в маршальской шляпе своей, обложенной широким золотым галуном. Вместе с тем отряды линейного пехотного войска беспрестанно ходили взад и вперед по тротуарам, очищая их от любопытных и все более и более накоплявшихся пешеходов.

Задача состояла в том, чтобы поразить апоплексией и бездействием всю эту вооруженную силу.

Около 12 часов произошло передвижение войск и большая часть сосредоточена у ворот С.-Дени, которые сделались таким образом на некоторое время главной квартирой парижского гарнизона. Тут постоянно находился и Бюжо. Мы долго не знали, что делать с собой: направиться ли в сердце инсуррекции, чтоб видеть ее средства, или остаться на месте, чтоб наблюдать распоряжения маршала. Мы решились на последнее. Более двух часов Бюжо находился в бездействии, получая беспрестанно донесения и направляя только слабые кавалерийские атаки по бульварам, затопленным народом, все более и более придвигавшимся к войскам, причем слышно было, как маршал предписывал осторожность кавалеристам и кричал им вслед: «aux pas, aux pas» — шагом! Около двух часов пополудни, однакож, в улице Rembuteau, пересекающей улицу С.-Дени, сформировалась баррикада, и за ней стали собираться работники и люди, добывшие себе ружья. В эту же минуту эскадрон верховой муниципальной гвардии, стоявшей у ворот, ринулся прямо в улицу и был встречен ружейным огнем. Это была первая перестрелка междоусобной войны, раздавшаяся в Париже. Вслед затем Бюжо сформировал отряд из пехоты в четыре батальона и двинул его вперед. Когда муниципальная гвардия возвратилась из атаки, он заместил ее кирасирами и скомандовал новую атаку. Между тем перестрелка вдали все более и более крепчала: тогда Бюжо стал приводить в движение все свои силы и, вероятно, очистил бы весь квартал от недовольных, если бы не случилось происшествия, которое электрически потрясло всю массу войска, начальников его и зрителей.

Из боковой улицы de la Lune показался батальон национальной гвардии. Еще издали приветствуем он был криками народа, но по мере приближения его к бульварам крики усиливались и сообщались всей массе людей, бывших тут, и наконец перешли в неописанное выражение восторга, когда услыхали, что голова небольшой колонны испускает крик: «à bas Guizot, vive la reforme!» Действительно, все эти вооруженные граждане, пожилые и молодые, иные в очках, другие с неописанными брыжжами, твердо приближались к главной квартире Бюжо, остановили готовящуюся кирасирскую атаку, поровнялись с самим маршалом и прокричали ему в лицо: «à bas Guizot», причем офицеры их делали такой твердый, уверительный жест рукой, что он походил в одно время и на приказание, и на угрозу; потом прошли под самыми пушками безмолвной артиллерии и скрылись в улице С.-Мартен, где тоже воздвигались баррикады. Другой такой же батальон, с теми же самыми криками, повернул в улицу

С.-Дени, прямо к сражающимся. Войска стояли как окаменелые. Бюжо почтительно и безмолвно пропустил мимо себя оба отряда. Вскоре тот, который повернул в улицу С.-Дени, возвратился назад, прекратив битву на ней и влача за собой высвобожденных баррикадистов, работников, мальчишек, блузы и сюртуки. Все эти люди промчались теперь в неистовой пляске, с воплями: «à bas Guizot, vive la réforme!», — мимо войска и мимо Бюжо, как бы насмехаясь над всеми их приготовлениями и усилиями. Точно то же самое произошло на многих других пунктах, в улице С.-Мартен, в Монмартрской, у подножья огромной баррикады, там выстроенной, и около Лоретской церкви. Париж, казалось, был замирен в одну минуту. Думали, что бездна уже наполнена одним человеком, брошенным в нее, и закроется. Вздох освобождения и радости пронесся по всему Парижу. Почти вслед за ушедшим батальоном национальной гвардии прискакавший адъютант вручил пакет Бюжо, который, не сходя с лошади, распечатал его, пробежал глазами бумагу и потом прочел народу во всеуслышание: это было извещение о смене Гизо и назначении президентом нового министерства г. Моле [18], на которого возложена и обязанность образовать его; но министерство это не состоялось, как мы вскоре увидим. Между тем, если существовали еще баррикады, то уже не было за ними сражающихся, и войско начало отступать, расточая украдкой от начальников пожатия рук (poignets de main) народу, врывавшемуся в ряды его. Только для приличия, а более для сбережения небольшой гауптвахты, где содержались захваченные пленники из зачинщиков и на которую народ, видимо, имел свои планы, еще разъезжал вдоль бульвара эскадрон кирасир, но вяло и неохотно. Народ достиг своей цели. По обыкновению своему, выждав минуту, он одним ударом захватил пост и выпустил на волю всех пленников, из коих многие, весьма чисто одетые, арестованы были на наших глазах.

Когда мы очутились снова на бульваре, там образовалось нечто вроде гуляния и народного празднества по случаю низвержения всеми ненавидимого министра и благополучного окончания революции.

Нельзя не вспомнить при этом об английских журналах, которые, получив известие об уступке, сделанной Луи-Филиппом народному восстанию, предрекли если не его падение, то совершенное изменение всей его системы правления. Это доказывает, между прочим, зоркость английских журналистов. С другой стороны, национальное чувство их выразилось таким безграничным восторгом перед вестью о смене Гизо, с которым они были в постоянной вражде по поводу *испанских и афинских дел* [19], что при этом решительно были позабыты консервативные начала, отличающие вообще английскую публику. Степенный «Times» [20], например, пел почти революционные песни: честь парижскому работнику, честь его бессмертному гамену и т. далее. Его тогдашний руководящий «articl» * мог служить комментарием к любому парижскому демократическому листку — можно было подумать, что у них одинаковые убеждения.

---

* Статья (*франц.*).

Казалось, большая часть парижского гарнизона только и ждала откуда-нибудь дозволения — разрешить себя от тягостной службы против народа. С минуты, в которую она получила это дозволение из рук национальной гвардии, начинается то, что на военном диалекте именуют деморализацией войска, а демократическом — братством армии и народа. Как только мастеровые и республиканцы освобождены были от борьбы, они приступили тотчас же к обезоружению войска. Трудно поверить, что происходило тогда. Десятка два-три ребятишек останавливали целые отряды, которые отдавали им охотно ружья, сабли и тесаки. Трактирные и кофейные слуги для потехи выходили на улицу и беспрекословно отбирали у солдат все их вооружение. Не говоря уж об очищении частных оружейных магазинов, и даже — по свидетельству некоторых — одного казенного депо, в некоторых местах таким образом взяты были даже пушки и свезены в мэрии. Мало того: к вечеру отдельные группы мастеровых явились в дома и магазины самих национальных гвардейцев и потребовали их ружей, грозя в случае отказа уничтожением их богатых лавок. Те же самые люди, которые за несколько часов шли навстречу Бюжо и его армии, отдавали теперь в ужасе оружие свое. Некоторые, похитрее, припрятывали его и объявляли приходившим, что оно уже выдано, но все выставили на ставнях своих магазинов позорную надпись, сделанную мелом, которая красовалась на них потом более недели: «vive la réforme! Les armes sont données!» * Эта эпиграмма на себя уже возвещала в них людей, которые, переспав ночь, будут покровительствовать самому взятию Тюльери. В подобные минуты события идут весьма скоро. К концу этого замечательного дня народ был вооружен так, как и не снилось ему в начале его, и к концу того же дня начинают возникать слабые, еще сомнительные надежды чистой республиканской партии. И между тем как на богатых и многолюдных улицах города либеральные люди протягивали руку блузникам, празднуя мир и поздравляя друг друга с победой над общим врагом, настоящий народ только что принимался за дело.

Само собой разумеется, что я не могу, да и не хочу, включать в описание это всех разнородных эпизодов, случившихся в продолжение революции, о которых мы узнали гораздо позднее из рассказов очевидцев и из журнальных известий. Между ними были многие весьма драматического интереса, каков, например, эпизод взятия на улице Bourg l'Abbé поста муниципалов и их спасения в ратуше благодаря усилиям каких-нибудь двух-трех человек. Мы отбираем только самые крупные черты революции и только те, которых были сами свидетелями.

Масса народа от улицы С.-Дени и С.-Мартен собралась снова у дома Гизо, но уже теперь с сознанием своей силы и своей победы. Между пехотными и кавалерийскими линейными полками, охранявшими его, находился еще отряд верховой муниципальной гвардии. Толпы приняли это за оскорбление и требовали удаления отряда, который представлял действительно единственную враждебную им силу. Масса народа делалась все нетерпеливее, крики становились все настойчивее и по временам уже

* «Да здравствует реформа! Оружье сдано!» (*франц.*).

мешались с возгласами: «à mort Guizot!» *. После всего происшедшего нельзя было и думать о сопротивлении. Бюжо, тут же находившийся, только ждал появления национальной гвардии, чтоб передать ей пост вместе с линейным войском, и тотчас же, как было возможно, свернул эскадрон муниципальной гвардии в густую колонну и приказал выступить. Неописанный вопль радости разнесся по всему народу, когда ненавидимый отряд тронулся с места, сопровождаемый криками: à mort, à mort ** — и каменным дождем, который, между прочим, задел и самого маршала. По отбытии муниципалов линейное войско сформировало каре вокруг дома, заперев его с трех сторон и оставив для прохода толпе противоположный широкий тротуар. Народ не убывал: он только составил прогулки вокруг министерства и войска, с известными ребятишками впереди, с надписями на длинных шестах, по обыкновению гласившими: vive la réforme, à bas Guizot, и с Марсельскою песней. В группах, между которыми круговращались процессии эти, шли толки о новом министерстве. Можно судить о духе их по насмешливому замечанию работника, переданному мне одним свидетелем: «bonnet blanc, blanc bonnet, — говорил работник, — et ainsi de suite» ***. Между тем наступал вечер, и — по чистой совести сказать — какое-то непонятное предчувствие говорило мне, что развязка революции произойдет там, где начался пролог ее. Я наскоро отобедал и явился снова к этому месту.

Огромный полонез, образовавшийся вокруг министерства, осветился вскоре факелами, несомыми впереди теми же самыми мальчишками, которые украсили еще головы свои бумажными треугольными шляпами и позаботились теперь о других шутовских подробностях костюма. Шествия эти начали сильно приобретать обыкновенный характер всех парижских движений: смесь грозы и карнавальной веселости. Красный свет, изливаемый факелами и бранная песня ночью странно вязались с выходками и дурачествами молодежи. Доходя до цепи войск, замыкавших улицу перед домом Гизо, шествия эти, как струя, упершаяся в неподвижную скалу, стекали по бокам его на тротуар, оставленный свободным, шли далее и возвращались после большого круга через ближние улицы снова к министерству. Это походило на водоворот, и так продолжалось уже довольно долго, когда у народа явился новый каприз или, если хотите, новое тактическое соображение. Кварталы С.-Дени и С.-Мартен, при самом начале вечера, осветились мгновенно огнями, в знак радости от победы, одержанной тут впервые народом. Огни домов постепенно тухли по направлению к богатым, аристократическим бульварам. Начиная с улицы Монмартр, кроме обыкновенного освещения, не видно было ни плошки. Разница была слишком резка и тотчас же обратила на себя внимание работничьего населения, республиканцев и гамэнов. Составив огромные отдельные толпы, они начали останавливаться перед каждым темным или пустым домом, подымали ужасный шум, требуя шкаликов и

* «Смерть Гизо!» (*франц.*).
** «Смерть, смерть» (*франц.*).
*** «Колпак белый, белый колпак... все равно» (*франц.*).

плошек и грозя перебить все окна в случае медленности или сопротивления. С первого раза даже составился из требований особенный припев, нечто вроде водевильного куплета, который и распевался всею массой мальчишек: «des lampions, des lampions! — ou des pierres» *. Какой-то чудак положил даже на ноты первый такт его, вероятно, из желания сохранить его потомству. Можно вообразить ужас хозяев, которых заставали врасплох; в каждом доме подымалась суматоха; чисто одетые люди давали им спасительные советы с улицы, крича: «зажигайте свечи, если нет плошек»; наконец, отворялись окна, и первый человек со свечами встречаем был громкими аплодисментами и насмешливыми замечаниями на счет его костюма и наружности. Все это было как-то забавно и грозно в одно время. Через час весь квартал зажегся многочисленными огнями и составил одну огромную и великолепную иллюминацию. Карнизы всех этажей, балконов и окон их унизаны были свечами, что образовало поистине фантастическую декорацию, в которой всех более отличался дом, занимаемый Одиллон Барро, на площади Маделень. Почтенный человек думал, что празднует падение парламентского своего соперника! Окончив свое дело на бульварах, толпы перешли в боковые улицы для той же цели, но они уже сделались нетерпеливее и страшнее. В улице de la Paix грозное приказание сопровождалось ударами в ворота и ставни. Один иностранец, восхищавшийся праздничным видом этой революции, сказал своему соседу: «queiie aimable révolution!» ** — и получил в ответ от парижанина, тоже любовавшегося освещением и щеголевато одетого: «le lion est déchainé, et il s'amuse» ***. Действительно, в толпе уже раздавались крики, между многими другими: au château! au château! — во дворец! Масса начинала электризоваться по чувству взаимного воодушевления, всегда возникающего посреди большого собрания людей и, может быть, решилась бы на какое-либо отчаянное покушение, если бы не остановил ее дом министерства юстиции на Вандомской площади. Мысль заставить праздновать желчного и ненавистного министра Гюбера [21] собственное падение, видимо, полюбилась ей, и так как в министерстве не слишком торопились исполнять приказание ее касательно иллюминации, то она начала ломать ворота, сорвала железные решетки с окон, притащила к дому будку и зажгла ее. Это могло быть началом доброго пожара в простом и переносном значении слова. К счастью, министерство вскоре осветилось, и толпа повернула назад. Я чувствовал в глубине души, что вечер должен кончиться каким-либо неожиданным событием. Не может же весь этот народ разойтись по домам — только от усталости, как после праздничного фейерверка. Кстати будет здесь заметить, что трудно понять, почему французские рассказчики этого дня приняли в отношении его одну общую идиллическую систему (мы разумеем рассказчиков из демократической партии) [22]. Народ, говорят они, невинно и беззаботно веселился, когда черная измена готовила ему смерть из-за угла. Эта фраза,

* «Фонари, фонари! — или камни!» (*франц.*).
** «Какая красивая революция!» (*франц.*).
*** «Лев сорвался с цепи и теперь забавляется» (*франц.*).

данная в руководство будущей истории — вряд ли может обмануть ее, как и все другие фразы различных партий, все их «mots d'ordre» — (внушения) потомству и наличным своим членам.

В десять часов вечера я стоял на углу улицы de la Paix и бульваров. В это время огромная масса народа показалась со стороны предместий, распевая Марсельскую песню, предшествуемая, по обыкновению, факелами и разноцветными фонарями. Из нее неслись голоса: «à l'Hôtel de Justice!» *. Ясно было, что толпа получила известие о сопротивлении, оказанном народу в министерстве юстиции, и шла или хотела идти на помощь своим собратьям. Какой-то офицер национальной гвардии, вероятно, из желания спасти министерство, а может быть, и по другой какой-либо причине, повернул голову колонны на войско, охранявшее дом Гизо, и она уперлась в него всей своей массой. В это время раздался бог знает откуда ружейный выстрел. Офицер, командовавший батальоном, обращенным к народу, получил приказание употребить оружие только в случае нападения. Приняв один ружейный выстрел за атаку, он скомандовал батальону своему «feu!» — пали! Батальон отвечал неровным залпом, который затрещал и пронесся по бульварам. Толпа в ужасе отхлынула назад, оставив несколько человек убитыми на месте. Я был сдавлен, унесен и очутился в коридоре близлежащего дома под № 13. Через минуту мертвое молчание воцарилось на шумном бульваре. Как-то странно вдруг улица опустела — только неслись еще по временам остатки многолюдной толпы, кричавшие: Trahison! On nous assassine! **. Некоторые из этих людей в каком-то беспамятстве ужаса уцепились за железную решетку ворот нашего дома, запертую наскоро привратником, и, судорожно потрясая ее, взывали: «отоприте, отоприте — сейчас будет другой залп и кавалерийская атака». Когда, по настоянию нашему, привратник отворил решетку, несколько работников пронеслись, гонимые паническим страхом, мимо нас, по корридору, вверх по лестнице, на чердаки. Вскоре показались раненые: работник с оторванным ухом, женщина с простреленной щекой, искали доктора, унимали вопли и рыдания, но выйти никто не смел. И совершенно понапрасну! Батальон, давший залп по народу, сам был поражен ужасом, тотчас как умолк звук выстрелов, прокатившийся по мостовой. Он принял меры против неожиданного нападения, поставил часовых по углам и очень стал походить на бедный отряд, отрезанный в неприятельском стане от собственной армии. Грустно и монотонно разносились, в мертвой тишине ночи, крики часовых: «Sentinelle, prenez garde à vous». — «Часовой, берегись!» Вместе с тем батальон выслал депутатов в кофейную Тортони, где собрались теперь республиканцы, объяснить, что все дело произошло от плачевной ошибки; бесполезная попытка примирения. Нападения, которого они ожидали, не произошло, но через полчаса из конторы журнала «le National» выслана была тележка подобрать нескольких убитых и составить из них ночную процессию для большего возбуждения народа. На тележку эту взвалили два-три трупа, в том

* «В министерство юстиции!» (*франц.*).
** «Измена! Нас убивают!» (*франц.*).

числе труп женщины, на козлы сел мальчишка с факелом, другой мальчишка, тоже с факелом, вел лошадь под уздцы. Перед этим ночным кортежем молчаливо расступались солдаты, несколько драгун верхами составили ему добровольно почетный конвой, и когда он показался в народных кварталах, то поднял на ноги последних людей, которые еще ожидали развития событий.

Я едва стоял от усталости и поспешил домой. У нас был тоже раненый: слуга, которому пуля, прорвав сапог, сняла всю подошву ноги. Совершенно измученный ходьбой и впечатлениями этого необыкновенного дня, я, однакож, никак не мог заснуть всю ночь. Следующий день был еще обильнее происшествиями.

Есть множество толкований на знаменитый ружейный выстрел, вызвавший батальонный залп, а вместе с тем и новую форму правления. Одни приписывали его случаю, другие страху солдат муниципальной гвардии, которая еще скрывалась за стеной, в саду министерского дома, третьи, — и кажется с наибольшей основательностью, — республиканской партии, которая хотела возвратить снова к бою народ, начинавший, по ее мнению, развлекаться празднеством. Последнее предположение сделалось теперь несомненным фактом, но и тогда уже общее мнение приписывало одному из республиканцев, Лагранжу, этот расчетистый выстрел [23]. Лагранж получил у консерваторов эпитет поставщика трупов и «entrepreneur des carnages revolutionnaires» *, хотя он впоследствии торжественно называл «клеветой» обвинение и оправдывался в нем. Как бы то ни было, выстрел этот убил наповал конституционную монархию.

Всю ночь с среды на четверг слышен был в Париже стук топоров и заступов по мостовой, взрываемой на баррикады, и отдаленный гул голосов. Утром явился ко мне старый мой привратник и умолял не выходить на улицу, предостерегая меня, что народ заставляет строить баррикады всех встречных и проходящих. Я ко многому приготовился, но, признаюсь, зрелище, представленное мне бульварами, когда я вышел на них около 10 часов, поразило меня невольным образом: на далекое пространство лежали теперь срубленные великолепные деревья их, пощаженные топором 1830 года; эшелонами высились заставы, образованные из деревьев, отхожих колонн, каменьев и будок; полосами была взрыта и обнажена земля, фонари разбиты и газовые проводники поломаны и свернуты в веревку. Я даже застал ночных работников, доканчивающих свое дело разрушения: при мне повалена была терраса улицы Basse des Remparts, и тут я имел случай видеть превосходный тип парижского мальчика, красавца собой, который яростно работал ломом своим, между тем как ветер разносил по воздуху его длинные черные волосы. Войско уже было сведено от министерства Гизо, которое охранялось теперь одним небольшим отрядом национальной гвардии, и, кроме работавших за террасой, на бульваре не было ни души. Он походил на помпейскую улицу. Народные атаки перенеслись от Hôtel des Capucines к Палерояль и Тюльери, то есть от ответственного министра к главе королевства.

* «Зачинщик революционной битвы» (*франц.*).

Еще в среду вечером Моле объявил королю, что отказывается от составления нового министерства, так как положение дел уже слишком натянуто (trop tendue); в 7-мь часов утра в четверг, при известии о необычайном волнении в Париже, король распускал палату и назначал министрами: Одиллона Барро (президент), Тьера [24] и Ламорисьера [25]. Назначение это сделалось гласным, по невероятной оплошности, только в 10 или 11 часов утра. В полдень того же дня, четверга, король подписывал свое отречение от престола в пользу малолетнего графа Парижского [26], передавал все дело на суд народа и выезжал потаенно из дворца с королевой, двумя внуками и одной принцессой. В два часа пополудни того же дня народ разгонял палату депутатов, уничтожал все надежды герцогини Орлеанской быть правительницей государства и устранял от престола самого графа Парижского: едва она спаслась при этом с обеими детьми своими в Доме Инвалидов, а принцы Немурский [27] и Монпансье [28], сопровождавшие ее, прибегли для того же к переодеванию. В три часа образовалось в ратуше из разных элементов новое правительство под именем Gouvernement provisoire *, и на другой день, в пятницу, оно торжественно объявило, что Франция отныне и *навсегда* усвояет себе республиканскую форму правления. После известного выстрела революция шла как огонь по сухому труту.

Около 10 часов утра, когда назначение Одиллона Барро и Тьера сделалось известным, большая часть национальной гвардии и в этот раз хотела уверить себя и других, что все дело опять кончено. Рассказывали тогда, будто сам новый президент, почтенный Барро, надев зеленые очки и шляпу с большими полями, ходил справляться на баррикадах, какое впечатление производит на умы его собственное недавнее возвышение. Результаты наблюдений, приобретенные сим новым Гарун-аль-Рашидом [29], остались тайною между ним и баррикадистами, но их угадать не трудно. Я сам видел около полудня небольшую толпу людей, с несколькими национальными гвардейцами во главе, которая везла на плохой лошаденке по закраинам бульваров и по тротуарам (так как середина улицы была уже завалена всякой всячиной) старого шефа оппозиции к его дому. Одночасный министр, вероятно, сам себе устроивший эту бедную овацию и этот уединенный триумф, ехал без шляпы, раскланивался на обе стороны своим приверженцам, которых можно было сосчитать всех по пальцам, но, вероятно, он не успел еще добраться и до крыльца своих палат, когда должен был услыхать частую и жаркую перестрелку в весьма близком расстоянии от себя. Народ в это время брал приступом Палерояль и гауптвахту перед ним, известную под именем Château-d'eau **, — единственное жаркое дело всей революции и единственное серьезное сопротивление, встреченное им в течение всех трех февральских дней.

Битва у Палерояля известна по многочисленным описаниям. Я пропускаю ее, потому что, не быв ее свидетелем, не могу прибавить ни одной черты к тому, что всякому читавшему газеты должно быть отчасти зна-

---

* Временное правительство (*франц.*).

** Шато д'О.

комо. Известно, что человек 200 того линейного полка, который накануне стоял у дома Гизо, и несколько десятков солдат муниципальной гвардии защищали старую каменную гауптвахту-фонтан Château d'eau[1*] с великим мужеством, возбраняя революции спокойно поселиться в Палерояле и не пуская ее далее по направлению к Тюльери. После жаркой перестрелки народ овладел ею, подложив огонь. Сцены ужаса, которые происходили там во время приступа и после него, вероятно, преувеличены хвастовством республиканской летописи, но перечень их, сообщенный вскоре листками и брошюрками, должен иметь все-таки историческое основание. Тут был ранен также и генерал Ламорисьер, как известно. После взятия приступом гауптвахты толпа, ожесточенная борьбой, предала собственно дворец Палерояля грабежу: она переломала все статуи, какие нашла там, изорвала все картины, еще не прибранные владельцем, разбила все окна, выкинула различную рухлядь на внутреннюю площадку и поделала из нее костры. Через полчаса дворец был гол, как ладонь. Галереи, с которых начинается ряд магазинов и склад частной собственности, остались неприкосновенными. Все движение останавливалось перед ними, как перед порогом, за который оно не имело силы или права перейти. Нельзя сказать, что им вовсе не угрожала опасность: к вечеру открылся пожар во дворце, и конечно, он мог сделать дело истребления очень хорошо, но, к счастью, его скоро потушили. Затем путь к Тюльери был совершенно очищен. Войско, охранявшее его со стороны Карусельской площади и простиравшееся, как говорили, разумеется с неизбежным преувеличением, до 40 т. ч., уже ретировалось по собственному изустному приказанию герцога Немурского на площадь de la Concorde через набережную Сены, Тюльериский сад и улицу Риволи. Когда народ явился по Карусельской площади к Тюльери, решетка, замыкавшая его с этой стороны, уже никем не охранялась, и ворота старого дворца были растворены настеж.

Выстрелы все еще гремели в отдалении, когда, направляясь с несколькими сопутниками к теперешнему театру борьбы, мы остановили первого попавшегося нам человека вопросом: что делается и за кем осталась победа? Человек этот был национальный гвардеец средних лет, в полном военном своем костюме, румяный и здоровый; он отвечал нам с невыразимым хвастовством: «Народ и национальная гвардия взяли приступом Тюльери». Не вполне доверяя этой почтенной гасконаде, мы повернули к Тюльерийскому саду. Зрелище, представившееся нам тогда, поистине описать весьма трудно: где набрать красок, чтоб передать одну из самых странных и поразительных картин, какие только мог видеть человек нашего времени; как уловить все бесчисленные подробности там, где каждая из них необходима для полноты целого; наконец, как представить это целое в его двойном характере — уличной потехи и грозного исторического факта?

Дворец уже был наполнен народом и изо всех его окон, изо всех отверстий, не исключая чердаков, палили из ружей на воздух, в знак

[1*] Как эта гауптвахта, так и все узенькие переулки между Лувром и Палероялем теперь снесены и обращены в великолепную площадь, разделяющую оба дворца.

радости. На балконе его в ужасной разладице трубили в трубы, на террасе били в барабаны, на среднем павильоне звонили в набат. По всему саду двигались колонны работников с криками и песнями, в разнороднейших костюмах, добытых в гардеробной Тюльери: в ливреях орлеанского дома, фалды которых влачились по земле у новых их обладателей, в шитых мундирах придворной свиты, надетых поверх грязной рубашки, в коротких бальных панталонах, и проч. Рядом с головами, перевязанными пестрыми платками, красовались головы, украшенные маршальскими шляпами с плюмажем; на голых плечах мотались густые эполеты короля и принцев; некоторые были подпоясаны их шарфами и орденскими лентами. Знамена и надписи все еще гласили: «à bas Guizot, vive la réforme», представляя едкую иронию и странное противоречие с тем, что происходило. Черная и запыленная масса вращалась, при страшном шуме, во дворце. Ветер, разносивший дым от беспрестанных выстрелов, колебал лохмотья разодранных оконных занавесов его, а в самых окнах появлялись и исчезали люди с обнаженной грудью и в лайковых перчатках, работники в блузах и в перевезях офицеров, бедняки в истертых сюртуках и в шляпах с перьями и золотыми галунами. Я видел даже мальчишку с митрой на голове, захваченной, вероятно, в придворной часовне. К картине этой следует еще прибавить разнородное вооружение толпы: сабли офицеров, тесаки солдат, штуцера кирасир, ружья пехотинцев. Всего резче бросались в глаза кивера муниципалов, разносимые на штыках поверх голов и служившие в одно время знаменем и трофеем. Тут выразился уже прогресс времени: в иную эпоху так точно разносились более кровавые трофеи. Как о весьма замечательной подробности, нами, да и большинством зрителей, вероятно, непонятой, нужно упомянуть о медном вызолоченном орле времен империи, прибитом неизвестной рукой к решетке балкона прямо над входом во дворец: он как будто указывал, что остается еще делать народу, и заранее превращал дворец в достояние наполеоновской фамилии. Но разбирать явления в этой всеобщей разладице было не легко, и как бы вы приступили к оценке их, когда ухо ваше было наполнено грохотом невообразимым, глаз поражен тысячью цветов, костюмов, физиономий, одни других страннее и неожиданнее. Представьте бал оперы в последний день карнавала, только вооруженный и опьяненный от битвы, победы, торжества; вы еще не будете иметь и приблизительного понятия о том, что свершалось в это время в Тюльери и саду его. Мы молча и без рассуждения смотрели на картину, стараясь уловить как можно более подробностей ее и утвердить их в памяти...

Другая сторона дворца, обращенная к Карусельской площади, была не менее странна, шумна и живописна. На огромной Карусельской площади горели в разных местах великолепные королевские экипажи, как громадные факелы или костры. Ребятишки для потехи запрягались в горящие кареты и развозили их по разным направлениям: со стороны казалось, будто пожар прогуливается. Множество людей скакали вдоль и поперек с невообразимым гамом и криком на лошадях муниципальной гвардии и притом скакали без всякой цели, единственно из удовольствия упиться шумом, суматохой, движением. Двор, решетка и оконечности триумфаль-

ных ворот завалены были навозом и нечистотой от войска, стоявшего тут бессменно три дня. Они издавали теперь запах смрада и гниения. Как муравьи, вращались на почетном дворике странные люди в тех же неимоверных костюмах, о которых мы уже говорили; там же дымились две, три кучи, и у самого подножья дворца образовались уже груды от сорванного железа, разбитых рам, вещей, выкинутых из окон. Известно, что в поспешном бегстве король предоставил народу завтрак, за которым сидел, но победитель не удовольствовался этим. Он сошел в кухню, развел огонь во всех печах и принялся за стряпню. Обильные запасы домовитого короля исчезли в несколько часов. Если бы еще одно это и исчезло!.. Мы беспрестанно видели людей, выходивших из дворца с кусками ветчины, хлеба, разных живностей на штыках и под мышками. Другие спустились в подвалы и уничтожали *династические* вина. Оттуда неслись песни, крики и завывания. Долго после совершенного очищения Тюльери мещане города Парижа и жены их прикладывали с улицы Риволи лица свои к разбитым рамам погребов и глядели в темь и пустоту, стараясь представить себе оргию, бушевавшую в них за несколько дней. Между тем изо всех этажей дворца сыпались клочья бумаг, как будто постоянный дождь (сколько любопытных документов могло быть истреблено таким образом), с шумом падали ставни, срываемые с крюков своих единственно из наслаждения порчи, и с звоном летели стекла на мостовую.

Газеты извещали потом о пожаре, начинавшем развиваться в одной части Лувра, скоро, однакож, прекращенном, и о том, что в придворном театре Тюльери между кулисами и машинами найдены горючие и зажигательные вещества.

Особенное внимание наше привлекла многочисленная толпа людей, собравшаяся в Тюльерийском саду, куда мы опять перешли. По устройству, с каким становился народ в колонны, видно было, что он имеет план, какое-то намерение. Удивление наше возросло при виде маленькой вороной лошадки, пригнанной в сад, на которую посадили верхом по-мужски немолодую, но еще красивую девушку. Эта новая богиня разума, déesse de la raison, взяла в руки трехцветное знамя и закричала: «à mort Guizot!» Толпа двинулась за ней к палате депутатов, а мы за толпой. В палате происходило ее знаменитое последнее заседание, довольно хорошо известное из официальных и неофициальных рассказов. Кругом парламента и на площади de la Concorde еще стояло войско, кавалерия, артиллерийский парк и генерал Бедо красовался на лошади. У самой решетки находилась маленькая карета герцогини Орлеанской[30], и рядом с ней небольшая прекрасная вороная лошадка, из породы пони, щегольски оседланная, под красным и золотым чепраком. На ней предполагали везти по Парижу графа Парижского, уже одетого в мундир солдата национальной гвардии, тотчас как палата признает его законным королем французов. И карета, и лошадь окружены были волнами народа. «Богиня разума», подъезжающая к ним, составила неожиданно странное противоречие, как будто опровержение мысли о подобном торжестве: это уже походило на манифестацию, направленную против манифестации. Толпа, прибывшая с ней и тотчас же побежавшая вверх по лестнице, придерживая свои

ружья, объяснила цель своего прибытия в самой палате: она именно составила тот «парижский народ» официальных демократических источников, который, оторвав герцогиню от детей, выбросил ее без чувств из заседания, который, разогнав герцогов Монпансье и Немурского в разные стороны, огласил выстрелами залу палаты, рассеял представителей и, назначив новых правителей из среды радикальных членов бывшего собрания, потащил их в ратушу. Не прошло и получаса после нашествия его, как карета и лошадка пропали с площади, а вместе с ними и «богиня разума». Войско и артиллерия начали производить отступление в казармы, с опрокинутыми ружьями, с опущенными фитилями, при одобрительных криках народа. Через час толпа, свершившая весь этот переворот, выходила из палаты с восклицаниями: «vive le gouvernement provisoire!» * Другие восклицания радости отвечали ей с площади. Новые правители, следовавшие за ней и сжатые массой беспрестанно прибывающего народа, делали неимоверные усилия на пути, чтоб не погибнуть под тяжестью всеобщего восторга и любопытства. Измученный Ламартин попросил воды у казармы Дорсе на набережной, и когда подали ему стакан вина, произнес, выпивая его: «c'est le banquet» **. Между тем задние ряды, опоздавшие к развязке, спрашивали об именах новых владык Франции, и многие записывали их в свои памятные книжки, несмотря на противоречие показаний. Говорили о Дюпоне[31], Ламартине, Ледрю-Роллене[32], Гарнье-Пажес[33], Кремье и проч. Я было и забыл прибавить, что народ, распорядившийся таким образом судьбами своего отечества, как теперь несомненно известно, был приведен агентами г. Армана Мараста.

Мы не вошли в палату, потому что заранее положили осмотреть Тюльери в его необычайном, неожиданном и негаданном превращении. Выбор был сделан еще и в том соображении, что короткий зимний день уже начал склоняться к ночи и следовало застать одно какое-либо явление этих драматических дней, из невозможности присутствовать разом на всех явлениях вместе. Таким образом, мы повернули к Тюльери и уже потом узнали сущность и содержание трагедии, происходившей в палате, где главной подробностью была агония — отход умирающего собрания, в одно время крайне терпеливого и крайне заносчивого, требующего, чтоб герцогиня Орлеанская с двумя своими братьями отошла в задние ряды, пока будет решаться ее участь, и допускающего уже посторонних людей садиться на скамьи депутатов и делать возгласы. Речь О. Барро, ответ Л. Ролленя, объявление Ламартина, что одна Франция может установить форму правления, бумажка герцогини Орлеанской, брошенная ею в ряды депутатов со словами: «мать бедного сироты сама требует приговора Франции для решения его участи», восклицание Ларош-Жаклена[34]: «Vous n'êtes plus rien, nous ne sommes plus rien» *** и затем появление вооруженной толпы и всеобщее бегство, последовавшее тотчас же, — все это сделалось потом известным Европе, точно так же как и нам, из рассказов и реля-

* «Да здравствует временное правительство!» (*франц.*).
** «Это банкет» (*франц.*).
*** «Вы более не существуете, мы в итоге ничто» (*франц.*).

ций. Переходим к тому, что мы видели собственными глазами, именно к внутренней Тюльерийской драме.

Мы поднялись в парадные залы дворца по великолепной его лестнице, при громкой Марсельской песне, не умолкавшей на ней ни минуты. Сходящий и выходящий народ образовал что-то вроде двух противоположных течений. Одна из статуй, украшающих лестницу, накрыта была красной шапкой, эмблемой торжества демократии. Дверь, прямо ведущая через галерею в половину герцогини Орлеанской, охранялась национальной гвардией — ведь герцогиня еще могла быть правительницей, и приличие требовало сберечь ее комнаты от поругания, но народ врывался уже туда через разбитые окна стеклянной двери. Мы повернули направо в приемные залы короля и, при треске ружейных выстрелов и невообразимом шуме, страшной давке, прошли залу Дианы, маршальскую и концертную. Все бюсты короля были изломаны, многие картины разорваны надвое, портрет Бюжо расстрелян и в клочках; лохмотья висели на окнах, и с потолков мотались порубленные цепи люстр, выброшенных на улицу. Особенная атмосфера, смесь духоты, пыли и пороха стояла в этих штофных, зеркальных, портретных комнатах и носилась в воздухе, как туман. Блестящий паркет их скоро потемнел и сокрушился под ногами, обутыми в сабо и в сапоги с гвоздями. Одна концертная зала, с ее великолепным куполом Делорма[35], была свежее других, и несколько минут мы остановились в ней, как на оазисе, чтоб перевести дух. Народ был в каком-то нравственном опьянении: сквозь гул, образовавшийся из массы звуков, проникали по временам то карнавальная шутка, то фарс, то особенно ироническая заметка: ирония, можно сказать, слышалась в каждом мимолетном слове, напирала отовсюду и составляла общее настроение умов. Все это, однакоже, более чувствовалось и разумелось, чем слышалось или виделось — каждая отдельная черта сливалась с другой, и один только голос явственно разносился в этом грохоте, состоявшем из бесчисленного количества разнородных звуков, голос картонных надписей, высоко поднятых на длинных шестах, со словами: Mort aux voleurs («смерть ворам!»). Тщетная угроза, как оказалось впоследствии. Если самая большая часть народа отдалась вполне, с каким-то самозабвением, удовольствию ликовать в необычайном месте, то была еще другая, которая думала о более существенных занятиях. Долго после того продавались в магазинах медали, альбомы, пресс-папье из дворца, и сколько раз отбирала полиция медальоны, портфели, сувениры, фермуары и другие драгоценности принцев и принцесс орлеанских, препровождая новых их обладателей к суду. Но если бы имели мы намерение поодиночке разбирать каждую черту в тюльерийской драме, то опять время положило бы преграду: начались сумерки. Мы спешили далее. В тронной зале несколько десятков работников преусердно работали топорами за золотым креслом Л.-Филиппа. Из тронной переступили мы в частные покои королевы. Дворец тюльерийский, как все постройки французской эпохи «возрождения» (Renaissance), изящно мал и уютен; позднейшие переделки растянули его в длину и сделали недостаток ширины уже весьма ощутительным и почти пороком. Парадные залы, занимающие все пространство между двумя фасадами, еще скрывают его, но

жилые покои, разделенные по обеим сторонам перегородкой, разрезывающей вдоль узкое внутреннее пространство дворца, скорее походят на галерею кабинетов, чем на комнаты. Обе половины сообщаются между собой маленькими проходцами, корридорцами, чуланчиками. Зато все выдумки комфорта приютились в этих небольших покоях как на почве, заранее приготовленной для них: едва переступишь порог, как от стен этих веет сосредоточенностью изящной семейной жизни. Вот почему также неожиданное вмешательство толпы и посторонних людей сделалось тут еще резче, а по сжатости рам и сама картина получила нестерпимо яркие краски. Давка тут уже была неимоверная. Великолепные ковры, застилавшие все комнаты, сгорели в несколько часов под ногами толпы. У широких каминов сидели молодые работники и ребятишки в штофных креслах, принимая серьезные мины и вычурные позы тех маркизов и князей, которые могли тут сидеть и о которых они составили себе понятие по театральным представлениям. На постелях королевы и принцесс лежали люди в блузах и сабо, пробуя упругость мебели; черные руки стучали по их фортепьянам; пороховые пальцы перевертывали великолепные их альбомы, разные коллекции, смысл которых был потерян, так как все в этих комнатах, начиная с картины и до последней книжки, имело свою причину, свое значение, унесенные с собой прежними владельцами. Народ не оставил без исследования и обыска ни одного чулана, ни одного закрома: все было выворочено им наружу и выставлено в оскорбительном хаосе. Поражаемые на каждом шагу новыми явлениями, добрались мы таким образом до павильона Марсан, откуда уже широкая дверь вела в знаменитую Луврскую картинную галерею. К счастью, она охранялась самими блузниками вместе с воспитанниками политехнической школы [36], которые решительно не только возбраняли доступ в нее, но всякое скопление народа в этом месте. Отсюда хотели было мы спуститься по лестнице в нижний этаж, в половину самого Л.-Филиппа, но сумерки увеличивались, а притом сверху из гардероба летели на нас камзолы, кафтаны и проч., и самые комнаты были так переполнены народом, что ранее глубокой ночи мы бы туда никак не попали. Все это, вместе взятое, понудило нас остановиться и повернуть назад сперва в наружную галерею, а затем опять в парадные залы и оттуда уже в сад. У всех его ворот уже стояла стража из работников, студентов, национальных гвардейцев и учтиво просила отдать вещи, какие могли были быть вами взяты во дворце. Кто-то около меня показал клочок оконной занавесы, клочок от тронного балдахина и кусок сургуча, который раздавал при нас, в половине королевы, какой-то работник, стоя массивными сапогами своими на великолепном черепаховом столе с золотыми нарезками (moble Boule) [37]: мы были пропущены радушно и ласково. Кстати прибавить в заключение, что странная надпись на воротах Тюльери «Hôtel des invalides civils» *, — выдуманная и помещённая на них Л.-Бланом — уже и в первую эпоху своего появления возбуждала своей риторической шумихой насмешливую улыбку всех партий, не исключая и его собственной.

* «Приют инвалидов труда» (*франц.*).

Так пал король Луи-Филипп, низвергнутый революцией, в которой ни разу не произнесено было: «vive la république!» *

Во дворце его, под предлогом охранения от внезапного нападения, поселилась затем толпа работников и всех возможных лиц, которые потребовали себе содержания от государства и получили его. Несколько недель жила она потом в Тюльери, предаваясь всевозможным оргиям, добрая часть которых уплачивалась казной, и нисколько не располагая покинуть его. Нужен был отряд солдат национальной гвардии, чтоб выжить этих странных охранителей из их убежища, и дело еще не обошлось без протестации, волнений и упреков временному правительству в посягновении на права народа.

Несколько замечательных публицистов, Эмиль-Жирарден, Монталиво[33] и др. уже рассказали, что происходило в эти роковые минуты с королем Л.-Филиппом, представлявшим себе революцию как волнение, направленное в пользу г. Тьера и смены прежде бывшего министерства. Он еще в день взятия Тюльери сидел за завтраком с семьей, из-за которого встал уже для того, чтобы подписать воззвание к народу и отречение свое. Один из отряда конных национальных гвардейцев, проводивших короля из Парижа в С.-Клу, известный портной Гюман, передал нам следующие подробности о последних часах короля в окрестностях Парижа.

На площади de la Concorde стоял отряд верховой национальной гвардии и бедный фиакр в одну лошадь: придворные кареты были прежде остановлены народом, лошади выпряжены и кучера разогнаны. Вышед на площадь, через тайный проход из Тюльерийского сада, король был на минуту разлучен народом от жены и двух внуков, взятых им с собой. Он, казалось, хотел говорить с толпой, но подоспевшая королева увлекла его к фиакру. Взяв детей промеж колен (с ними была еще принцесса, усевшаяся на козлы), они проскакали, что есть мочи, в С.-Клу, сопровождаемые отрядом и предшествуемые верховым гвардейцем, который, махая платком, кричал народу: «le roi a abdiqué, le roi a abdiqué...» **. У Инвалидного моста послышался выстрел, фиакр остановился на минуту — король мог быть взят, но конный отряд разрезал толпу, и все проскакали далее. Гюман прибавлял еще подробность: при выходе из Тюльерийского сада, увидев готовый отряд национальных гвардейцев, Луи-Филипп сказал всем: «Messieurs, j'ai abdiqué» ***, но таким тоном, как бы хотел прибавить: вы этого желали, увидите, что будет после меня. По прибытии в С.-Клу, весь отряд столпился около старой четы, и Луи-Филипп произнес: «Ai-je bien fait, messieurs?» **** Не понимая, к чему относится вопрос: к бегству ли, абдикации или политическому образу поведения, отряд отвечал криками: «vive le roi!» ***** — последними криками этого рода, слышанными им на веку своем. Едва они замолкли, как один гвардеец заметил падшему королю, что ничего подобного не случилось бы, если бы прав-

---

* «Да здравствует республика!» (*франц.*).

** «Король отрекся, король отрекся» (*франц.*).

*** «Господа, я отрекся» (*франц.*).

**** «Я правильно поступил, господа?» (*франц.*).

***** «Да здравствует король!» (*франц.*).

ление его было несколько полиберальней. Л.-Филипп молчал, стоя с опущенной головой. Тогда королева, заливаясь слезами и положив руку на плечо мужа, произнесла: «уверяю вас, господа, что это один из превосходнейших людей на свете! Il a toujours voulu le bien de son pays, mais les partis et l'étranger ont juré sa perte» *. Близстоящие люди, тронутые этой сценой, целовали руки ее, и старая Амалия[39] прибавила, оглядывая внимательно весь отряд: «я никогда не забуду вас, господа, никогда не забуду последней вашей услуги». Потом она увела мужа во дворец, оставив во всех отрадное впечатление, как всегда бывает при виде мужественной женщины, борющейся с несчастьем. Около часа пробыла королевская фамилия в С.-Клу, выжидая, по всей вероятности, известия из Парижа. Когда долетела до нее роковая весть о происшествиях в палате, отнявшая последнюю надежду на утверждение орлеанского дома во Франции, начинается ее несчастное бегство в Трепор. Для лучшего успеха, король расстается с частью семейства, прибегает к переодеванию и после тяжелых дней скитания достигает английского корабля в Трепоре. Бегство это возбудило неудовольствие английских журналов, считавших его бесполезным, добровольным унижением себя и уверявших, что народ и правительство французское дали бы королю средства спокойно оставить землю и берега родины. Может быть, это и правда, но Л.-Филипп так много видел в своей долгой жизни, что простительно, если он был гоним еще более своими воспоминаниями, чем действительной опасностью.

По выходе из тюльерийского сада, мы направились к Ратуше (Hôtel-de-Ville), где новое «временное правительство», назначенное в палате, застало другое правительство, выбранное народом из республиканских журналистов и знаменитых публицистов этой партии. В сшибке своей с ним, временное правительство отбросило некоторых, приняло в свои недра других, как Флокона[40], Мараста, Л.-Блана, но, соблюдая на первых порах иерархию, назначило их только секретарями правительства. Другая, тяжелейшая работа предстояла ему. Волнами прикатывался беспрестанно народ к Ратуше и ежеминутно разрывал правителей, которым стоило потом всякий раз неимоверных усилий, чтоб снова сосредоточиться и сойтись. Ледрю-Роллен, а особенно Ламартин, сделавшийся вдруг идолом и забавой толпы, говорили ежечасно, ежеминутно, задерживая таким образом массы народа на каждом шагу. Были густые колонны работников, которые врывались в Ратушу и требовали одного, чтоб Ламартин говорил... И он говорил, говорил... Старый Дюпон несколько раз падал в обморок. Правители уже сдавлены были в последней крайней комнате Ратуши, когда подоспевшая ночь прекратила напор народа. Тут только могли они прийти в себя, поправить платья свои, обращенные в лохмотья, и потребовать ломоть хлеба и кружку вина. Вместе с тем, при свете костров, разложенных на площади, где народ расположился покуда биваком, при шуме часовых из самозванной стражи, объявившей себя оберегательницей Ратуши («gardiens républicains» **), должны они были подумать о Па-

* «Он всегда хотел добра своей стране, но оппозиция и иностранцы поклялись в его гибели» (*франц.*).

** «Республиканская гвардия» (*франц.*).

риже, предоставленном самому себе, о всех общественных узах, порванных в один этот день, о неимоверных требованиях, которые должны непременно возникнуть завтра, о беспорядках, для которых уже не было оплота, о грозной будущности, из которой надо было вырвать несколько тайн, чтоб спасти государство, и, наконец, о страшной ответственности, лежавшей на них в эту минуту.

Итак, мы направились к Ратуше по набережной Сены. Вдоль этого пространства огромной лентой развивался тот же самый грозный карнавал, какой мы уже видели во дворце и в саду. У парапетов набережной дымились догорающие гауптвахты и посты муниципальной гвардии, а по мостовой неслись оседланные лошади, потерявшие своих хозяев, и составлялись процессии. Одна из них была особенно оригинальна: на пушечном лафете, лишенном орудия своего, катались вооруженные работники в сообществе с дамами, у которых холодный ветер, дувший во весь тот день, срывал поношенные шляпки и потертые их мантильи. В одной из таких процессий я встретил, к великому моему изумлению, недавнюю мою знакомку, богиню разума, но уже мертвецки пьяною. На тротуаре набережной было тесно и от народа, и от многочисленных революционно-маскарадных импровизаций. Всякий в тот день хотел сделаться самостоятельным лицом хоть на минуту, захватывал на улице клочек места и выкидывал свою шутку, возле которой все старались пройти как можно осторожнее. Частичка державства, власти («souveraintè du peuple» *) была теперь в каждом отдельном лице. Между тем из Ратуши шли лица, щеголевато одетые, с ружьями за плечами, как после конченного дела. Действительно, дойдя до площади, мы увидели шумный лагерь, освещенный бивачными кострами, но течение народа к Ратуше уже прекратилось. Проголодавшиеся и измученные, мы решились вернуться назад, но еще хотели сперва захватить Палерояль, место недавней битвы, и тут ожидала нас последняя картина, завершившая достойным образом весь этот день необычайных картин.

Пройдя двор Лувра, где еще высилась конная статуя покойного герцога Орлеанского[41], с известною фразою: «l'Armée de France an duc d'Orléans» **, сброшенная через день, мы очутились, миновав улицу du Cod, возле улицы St. Honoré. Улица эта была заперта отсюда здоровой баррикадой. Мы перелезли через баррикаду кое-как и очутились перед целой цепью баррикад, которые тянулись с этого места по направлению Палерояля и в разные стороны. Все они находились в таком близком расстоянии друг от друга и притом устроены были так солидно, что имели вид правильных инженерных построек. Одна особенно обратила мое внимание. Расположенная на перекрестке, баррикада эта правильными дугами заперла все четыре конца его и образовала нечто похожее на основание башни, верхняя половина которой снята. Внутренность баррикады наполнена была страшной грязью и лужами черной стоячей воды, стекавшей из подземных труб. Мы уже перелезли через три баррикады, цепляясь кое-как за камни и упираясь в стены домов, но картина делалась все

* «Суверенный народ» (*франц.*).
** «Армия Франции герцогу Орлеанскому» (*франц.*).

строже и строже по мере приближения нашего к Палероялю. В слякоти и полумраке вращался зачерненный народ, только что кончивший разорение дворца и недавно тушивший в нем пожар. Сцена беспрестанно освещалась факелами, за которыми показывались носилки с трупами, прикрытыми белым полотном. До пояса обнаженные люди извлекали убийственные, раздирающие звуки из труб, факельщики кричали: «chapeaux bas devant les victimes!» *, и всякий такой кортеж сопровождался целой толпой ободранных, загрязненных спутников, которые в диком энтузиазме пели la Marseillaise. Мы повстречали даму, известную Г‹ервег›[42]. Она прыгала с камня на камень и очень бодро выносила спектакль, как будто укрепляя нервы свои для известной революционной экспедиции в Баден, которую свершила потом с супругом[43]. С последней баррикады мы увидели площадь Палерояля, покрытую обломками дворцовой мебели, головнями и людьми, подбиравшими убитых и раненых. Героическая гауптвахта еще горела и весьма жарко, отбрасывая на противоположный дворец яркий свет. Далее нас не пустили. Мы должны были свернуть на улицу Валуа и через внутренний двор Палерояля выйти снова на улицу St. Honoré. Со стороны узкой rue Valois начинался пожар во дворце: она затоплена была теперь ручьями грязной воды, в которой валялись обломки мебелей и домашних принадлежностей. Между тем мы подходили к внутреннему двору Палерояля: оттуда неслось дикое пенье, и нам уже попадались люди, столько же возбужденные обаятельными впечатлениями тесного боя, сколько и бесплатным вином королевского погреба. На самом дворе была теснота невообразимая. В трех местах народ развел костры из дворцовых вещей, выброшенных и вытащенных сюда, и, охватившись руками, неистово танцевал вокруг них карманьолу. Песня, одна песня («la Marseillaise»), наполнявшая весь этот день, — гремела и теперь перед балконом дома, откуда в 1830 году пел ее и сам Л.-Филипп[44]. Удивительную противоположность составляла великолепная стеклянная галерея с ее богатыми магазинами (galerie d'Orleans **) на противоположной стороне дворца, погруженная в мрак, совершенно пустая и безжизненная. Она защищена была надписью: «on ne passe pas» *** и двумя национальными гвардейцами, которые стояли на обоих концах ее со сложенными накрест ружьями.

В таком же мраке и безмолвии лежал и весь притихший остальной Палерояль за этой галереей. Кое-как перебрались мы на противоположный конец дворца между воспаленных лиц, дыхание которых могли слышать, между обнаженных волосатых грудей, жизненную теплоту которых могли чувствовать. В первый раз я был так крепко захвачен со всех сторон бушующими волнами народа. При самом выходе, казалось, они захлестнут нас, а к увеличению беды из дворца то и дело шли носилки, белое покрывало которых ясно обрисовывало формы трупа, и раздавались: «chapeaux bas devant les victimes!» Мы могли свободно вздохнуть только тогда, когда очутились на улице St. Honoré. Грозное клокочущее море

* «Шапки долой перед жертвами!» (*франц.*).
** «Орлеанская галерея» (*франц.*).
*** «Ни шагу дальше» (*франц.*).

оставалось позади. На улице было свежо, просторно. Вправо по направлению к Тюльери горело яркое зарево, но то были отдельные лагери вокруг дворца, составленные народом, наподобие таких же около Ратуши. День наш был кончен: чудный день, в котором ярость и шутка, необузданное бешенство и безграничный разгул подали друг другу руки и в котором, однакож, ни разу не раздалось призыва к грабежу частной собственности и ни одно частное лицо не было оскорблено.

Мы отобедали наскоро у одного знакомого [45] — двери всех ресторанов были крепко заперты в этот день, и на кухнях их, вероятно, не разводилось огня вовсе. Не легко было достать просто кусок хлеба. Через час, несмотря на изнеможение, мы были снова на улице.

Весь Париж представлял одну массу огня. Проученные событиями вчерашнего дня — владельцы домов и хозяева квартир на аристократических бульварах осветили свои окна уже без приглашения. Урок был так силен, что они три дня сряду ставили свечи и шкалики по всем выступам домов, везде, где можно было поставить. О народных кварталах говорить нечего: там беднейшие дома сверху донизу усеяны были красными и трехцветными фонариками.

Баррикады, между тем, лежали по всем улицам, и вокруг них *гулял* народ, поминутно разряжая ружья на воздух (мирные залпы эти слышны были потом всю ночь), шумя, веселясь и потешаясь, как над собой, так и над другими. Зажиточное народонаселение Парижа, видя, что дело уже на исходе, тоже высыпало на улицу, и первой его заботой было пристроиться как можно скорее к народу. Нам встречалось не одно лицо с ложным выражением торжества и довольства, как будто после великого личного подвига, и не один раз видели мы жаркие пожатия рук, обмениваемые щеголеватыми господами и блузниками, причем с одной стороны раздавались льстивые похвалы народу и заверения в необходимости и законности переворота, а с другой — добродушное хвастовство своею удалью. Национальная гвардия тотчас же смешалась с работниками и вместе с ними принялась оберегать целость баррикад: действительно, посягновение на баррикады было бы теперь знаком междоусобной войны и сохранность этих крепостей лежала на сердце тех, против кого они были сделаны, еще более чем на сердце тех, которые их воздвигали. Все вообще с нетерпением ожидали первых известий от нового, временного правительства, первых его распоряжений. Официальные листки, вскоре показавшиеся на бульварах, расхватывались с необычайной и понятной алчностью. Они читались целыми группами, собором, так сказать, под газовыми столбами, которые будучи лишены фонарей, испускали теперь длинные, огненные языки, колеблемые ветром. Первые декреты «правительства» уже показывали весь будущий, искусственно-примирительный характер его. Оно приказывало сберечь на время построенные баррикады — это относилось к народу, защищавшему их; оно сохраняло Франции трехцветное знамя — это успокоивало либеральный класс людей с умеренными требованиями; оно предоставляло будущему «собранию» и всей нации выбрать и утвердить форму правления — это на первый случай мирило с переворотом разнородные партии, имевшие каждая свои собственные надежды. Не был

забыт почти ни один оттенок мнений, господствующих в обществе, как бы ни казался он противоположен другим. Между «секретарями» правительства, выбранными из демократических публицистов, встречалось одно поразительное, мало известное имя: «Albert, ouvrier [46], secrétaire de gouvernement» *. Этим именем правительство приветствовало возникающую идею о социальной республике. Таким образом, задача правительства — не исключать ни одного требования и сдерживать их взаимным противодействием, обнаружилась с первого шага. Иной оно и не могло иметь, потому что развитие народа в ту или другую сторону совершенно заслонилось у него другой, тоже важной потребностью отыскать ему нейтральную почву, на которой он мог бы сойтись. После этих декретов старание перемешать все партии сделалось лозунгом целой Франции. Результаты известны. Старое общество, потрясенное в основании, сжалось, так сказать, умалилось на время и с помощью уступок и покорности под конец вырвало победу у врага, который, надо признаться, не знал что и делать со своей победой. Она пришла к нему столь же неожиданно, как власть в руки тех, которые взялись за кормило правления. Все попытки народа сказать свое собственное слово, удержать за собой политическое влияние, предъявленные им в различные дни, следовавшие за февральскими, остались безуспешны. Поток событий уже обратился вспять и понесся с такой силой назад, что далеко миновал то место, откуда вырвался на свет впервые. Это обыкновенное свойство явлений случайных, не продуманных и не подготовленных предшествующим развитием: они обнаруживают еще большую торопливость и энергию при отступлении своем, чем в эпоху своего стремления вперед. История возвращения необдуманного переворота назад, домой, к старым, уже опустошенным местам, может быть, еще поучительнее истории его мгновенного и неожиданного успеха.

II

Начнем с той минуты, как парижская февральская революция избрала себе начальников [1*]. Первою мыслью временного правительства, ею созданного, как только сделалось немного посвободней в Ратуше, была мысль о самом себе и об утверждении своей власти, возникшей на баррикадах. Едва переступив порог общинного дворца, и еще в самую ночь, следовавшую за изгнанием короля, взятием Тюльери и палаты депутатов, оно предписывает формирование 24 батальонов «подвижной национальной гвардии» [9], ряды которой должны состоять из отчаянной молодежи, так

---

* «Альберт, рабочий, секретарь временного правительства» (*франц.*).

[1*] Окончательный состав «временного правительства» оказался следующий [1]: 1) президент совета — престарелый Дюпон (de l'Eure), 2) министр иностранных дел — Ламартин, 3) внутренних дел — Ледрю-Роллен, 4) юстиции — Кремье, 5) финансов — банкир Гудшо [2], 6) морской — Араго [3], 7) публичных работ — Мари [4], 8) просвещения — Карно [5], 9) коммерции — Бетмон [6], 10) военный — Бедо и потом Сюберви [7]; секретари правительства: 11) Арман Мараст, 12) Флокон, 13) Луи Блан и 14) Альбер (раб.); 15) мэр города Парижа — Гарнье-Пажас, 16) начальник Алжира — Каваньяк; 17) начальник национальной гвардии — Курте [8].

страшно бушевавшей на улице не далее как вчера. Этим знаменитым декретом оно ослабляет внезапно баррикады, которые должны еще несколько времени оставаться на улицах, и вместе льстит воинственному духу французского юношества, за что через два месяца, именно в июне, молодежь отблагодарила его победой над огромным бонапартисто-социалистским восстанием[10]. Отыскав выход для одного из революционных элементов, временное правительство, через несколько дней, находит уютное и спокойное помещение для другого и самого могущественного революционного двигателя, именно парижских работников. После работничьей манифестации, наскоро составленной членом правительства, Луи Бланом, оно декретирует (28 февраля) образование «работничьей комиссии», Commission pour les travailleurs[11], и помещает ее в Люксамбурге, под председательством самого Луи Блана, вскоре туда и переехавшего. Вместе с ним переходит во дворец и Дюпон (de l'Eure), занявший комнаты бывшего канцлера, и республиканец Барбес[12], так близко видевший эшафот и назначенный теперь на должность коменданта дворца. *Пикантность*, если смею так выразиться, этого распоряжения составляла только малую часть его достоинства. Покуда «Работничья комиссия», вскоре прозванная просто «Люксембургскою», заседала с представителями от всех цехов в креслах бывших пэров Франции, рассуждая о способах низвести промышленную гармонию в мир конкуренции и капитала, ход событий был уже очищен от страшной массы народа, мешавшей его течению, чем впоследствии Ламартин и похвастался перед национальным собранием. Кроме этих распоряжений, были приняты одновременно с ними и другие меры для успокоения сил наиболее опасных или наиболее докучных правительству. С тем же пикантным эффектом, который на первых порах был преобладающею чертой в характере временного правления, оно назначает в пособие работникам миллион франков, следовавший королю Луи-Филиппу за март месяц, и устами Луи Блана, дает торжественное обещание снабжать работой людей, нуждающихся в ней, следствием чего было обнародование 6-го марта декрета о «национальных мастерских»[13]. Декретом этим Луи Блан и Флокон, так сказать, отблагодарили работников за то, что они водворили их в правительстве вечером 25-го февраля. Что сделалось с декретом и как он обратился против партии, его задумавшей и неумевшей с ним справиться, — увидим впоследствии. Освободясь от первого гнета революционных страстей, правительство приступило к общим мерам вспомоществования. Один за другим появились декреты о возвращении владельцам из ломбарда (Mont de piété) бесплатно всех закладов, не превышающих десяти франков, об отсрочке платежей по всем частным обязательствам на пятнадцать дней — срок, который впоследствии был опять продолжен на пятнадцать дней, и проч. Самая популярная мера из числа этих милостивых манифестов была однакоже принята несколько позднее, именно 8-го марта, и состояла в уничтожении ненавистной французам долговой тюрьмы. Впрочем, самые щедрые награды достались не публике, конечно, а отдельным лицам. С марта месяца началась у правительства громадная раздача вакантных мест *благомыслящим* людям эпохи, нахлынувшим для этого в переднюю Ратуши со всех

концов Франции. В числе новых замещений были, однакоже, и такие, которые служили вознаграждением за несправедливости прежнего управления и которые повсюду были встречены единодушным одобрением. К числу таких принадлежало распоряжение о возвращении кафедр в Collége de France отставленным профессорам, Мишле и Кине, и создание кафедры там же для гонимого и презираемого старо-официальными людьми философа Конта 2*. В ряду милостивых декретов высились два — именно один об уничтожении смертной казни за политические преступления, который был объявлен в субботу 25-го февраля Ламартином, с крыльца ратуши, при кликах восторженного народа, а другой — о расширении кадров национальной гвардии, сословная замкнутость которой была теперь разорвана допущением в ряды ее всех без исключения 3*. Она тотчас же и явилась в новом своем составе на смотр, разночинец в блузе и сюртуке об руку с мундиром, и все под предводительством экс-депутата Гарнье-Пажеса, ставшего мэром Парижа; он строил их ряды, разъезжая верхом, в сюртуке, с шарфом через плечо и в круглой шляпе, будто какой-нибудь американский генерал. Впрочем, новая мера нисколько не изменила общего охранительного характера национальной гвардии на первых порах. Впоследствии оппозиционные части этого гражданского войска отделились от него, чтоб высвободиться и действовать самостоятельно с оружием в руках за свои собственные частные интересы; но теперь национальная гвардия, увеличенная всем количеством мастеровых пролетариев и слуг, нисколько не приняла особенного характера. В новом своем составе она тотчас же обратилась к старой своей работе: защите существующего порядка вещей, охранению собственности и подавлению буйств, насколько возможно. Такова сила учреждения вообще.

И, надо сказать, в содействии ее настояла уже крайняя необходимость. Временное правительство выдавало все эти декреты не только перед лицом волнующегося парижского народа, который легко воспламеняется, но и легко управляется льстивою фразой и знаками доверия к его мудрости, но также и при зареве пожаров, составлявших последнюю попытку темных слоев народонаселения, поднятых со дна общества. Ужас овладел зажиточным Парижем, когда он услыхал, что королевский дворец Нельи обращен в пепел, что дача Ротшильда в Сюрене предана огню, в то же самое время как хозяин ее жертвовал 50 000 фр. на раненых, что разрушение угрожает и железным дорогам. Получено было известие о погибели вели-

2* Взамен, и как будто для восстановления равновесия, отрешены были от мест при университете и библиотеке Низар [14], Орфила [15], Шамполион-Фижак и Рауль-Рошет как отъявленные приверженцы орлеанской фамилии.

3* Множество других распоряжений, менее значительных, выбрасывало временное правительство из недр своих поминутно, что вместе с частными декретами по министерствам составило в несколько дней весьма обширную литературу. В этой массе предписаний можно отметить декрет об освобождении из тюрем всех политических преступников и нарушителей законов о печати, потом уничтожение присяги на всякие формы правительства, как обманчивого установления, несостоятельность которого доказана во Франции опытом, и, наконец, распоряжение молиться в церквах за республику (Боже, спаси республику), ловко и осторожно измененное парижским архиепископом в «Боже, спаси Францию».

колепного Аньерского моста на Сен-Жерменской линии, о сожжении многих станций, о мосте в Руане, подвергшемся той же участи, и, наконец, о том, что по «Северной» железной дороге пожар идет уже сплошною массой, начиная от Сен-Дени до Амиена. Тогда-то новая национальная гвардия вместе с волонтерами и, по преимуществу, студентами Политехнической школы бросилась на угрожаемые пункты в разные стороны и с помощью местных национальных гвардий, поднятых ею на ноги, везде потушила огонь и уняла грабеж.

Новый префект полиции экс-заговорщик Косидьер[16], сам захвативший свое место, как некоторые его товарищи — места в правительстве, успел даже образовать мгновенно легион охранителей порядка из работников. Он назвал новых своих полицейских агентов, перешедших в эту должность прямо с баррикад, *монтаньярами*, дал им костюм солдат 1793, и этого было достаточно, чтоб они могли, с спокойной совестью, ходить патрулями по городу и предупреждать попытки к грабежу и самовольной расправе. Париж почти одновременно увидал и переформированную национальную гвардию, где под ружьем стояли, как мы уже сказали, рядом с щеголеватыми господами, люди в фуражках, лохмотьях и блузах, и охранительное войско Косидьера с пыльными, мрачными лицами в треугольных шляпах, с красным пером откинутым назад. Монтаньяры очень привольно разместились в казармах, около префектуры, и не скупились на льстивые уверения, что честь республики находится в их руках и что они призваны оберегать ее «перед глазами Европы» от позора и излишеств. Очень забавно было подмечать благодарные и вместе подозрительные взгляды, какими парижское мещанство провожало эти войска.

Между тем вся Франция, узнав в субботу 25 февраля, что у нее, благодаря бога, есть правительство, испустила, скажем без всякого преувеличения и риторической фразы, крик восторга. Еще баррикады лежали на улицах, немножко сдвинутые в сторону для восстановления сообщения, еще день-деньской раздавались выстрелы на воздух, пелись неистовые песни и тянулись оригинальные процессии к Ратуше, как уже временное правительство получило изъявления согласия признать его и новую республику от всех властей, гражданских и военных, со всех концов страны, не исключая Алжирии, из которой губернатор ее, герцог Омальский[17], очень спокойно выехал, оставив только манифест, где благославлял свое отечество и на новом его пути. Все потекли к временному правительству с судорожною, невообразимою поспешностью. Неожиданные изъявления покорности накоплялись в руках правительства массами, и тут встречались между собой люди самых противоположных учений: и приверженцы старого порядка (Одиллон Барро, Тьер, Дюфор[18], Бильйо[19]); и бывшая королевская магистратура (генерал-прокурор Дюпен первый предлагает свершить суд от имени народа[4*]); и духовенство (архиепископ, благодаря

[4*] Дюпен, занимавший место генерал-прокурора, вскоре был заменен Порталисом[20], который тотчат же открыл суд на зажигателей и начал следствие над министрами Луи-Филиппа, уже покинувшего Францию. Следствие это не имело никаких результатов.

народ за уважение к святыне, предписывает отправлять публичные панихиды за убиенных); и легитимисты (Ларош-Жаклен, Беррье[21] отказываются покамест торжественно от своих бывших политических идеалов, а сын Полиньяка[22] записывается в ряды национальной гвардии), и пр. и пр. Становится очевидно, что надежды каждой партии берут своею исходною точкой республику и временное правительство. С другой стороны, закаленные социалисты всех цветов — Кабе с целою икарией, Бюше с католическим республиканизмом (он сделан потом помощником парижского мэра), Распайль[23] «Ami du peuple»[24] и, наконец, аббат Шатель с новою французскою церковью, им изобретенною, — все простирают руки к правительству, призывая его открыть новую эру для человечества, каждый сообразно с своим представлением об этом предмете. Мы уже не говорим об адресах разноплеменных выходцев и воззваниях мистиков, визионеров * и пророков. Успех временного правительства ужасает его самого, потому что ответ на все требования и ожидания делается невозможным. Может быть, не менее (если не более) приходят в ужас и главные бойцы республики: они останавливаются на мысли образовать оплот этому неожиданному бурному потоку патриотизма и преданности, грозящему снести настоящих устроителей движения с их мест и отстранить их от прямого участия в делах государства.

В этом царстве всеобщего единодушия, пожалуй, могла затеряться и основная демократическая идея переворота. Вот почему Ламене и Дюпре основывают журнал «Le Peuple constituant»[25]; Распайль принимает роль присяжного доносчика и обличителя лицемерных друзей республики; Кабе советует своим икарийцам еще не покидать оружия, а старые экс-заговорщики Бланки[26] и Барбес создают первый чисто политический клуб под именем Commission des défenseurs de la république[27] с целью наблюдать за выборами в должностные лица, предостерегать временное правительство от врагов республики и от ошибок и направлять его предпочтения и политические стремления в хорошую сторону[5*]. Была, однакож, еще тайная, невысказываемая причина для сомнений и беспокойств, скрываемая всеми за официальным поводом к ним. В самом правительстве оказались, с первых же дней, признаки какого-то колебания, словно в недрах его заключались две противоположные политические струи, мешавшие друг другу выйти на свет вполне. Республиканские национальные декреты, выданные им единодушно, ничего не доказывали: они были вынуждены неуклонным требованием обстоятельств и гнетущею силой победителя. Но зловещие признаки неполной ясности и неполного соглашения в целях оказывались в частностях. Так, еще вечером 24 февраля объявлено было из Ратуши, что установление самой формы правительства предоставляется будущему собранию народа: вопль негодования, раздавшийся из рядов сражавшихся против июльской монархии, заставил отме-

---

* Визионеров (от *франц.* visionnaire) — одержимых.

5* Клуб этот впоследствии распался на составные свои части: клуб Бланки и клуб Барбеса[28]. За этими двумя последовало множество других, число которых дошло, в конце месяца, до 80 на один Париж; так велика была реакция против старых законов, воспрещавших ассоциации.

нить распоряжение и тотчас же объявить Францию республикой. Затем под мелодраматическим навесом из пик, сабель и пистолетов, смахивавшим чрезвычайно на обычную обстановку республиканских пьес в Cirque Olympique *, Ламартин отвергнул красное знамя, которое толпа народа предлагала ему сделать символом республики и утвердил эту честь за старым трехцветным знаменем. Многие весьма одобрили как эту решимость, так и знаменитую фразу, сказанную тогда оратором: «Красное знамя обошло только Марсово поле [6*], а трехцветное весь свет»; но после падения конституционного порядка это знамя уже ничего не выражало, кроме империи. Не успев отдать на суд будущему общему собранию форму правления, временное правительство декретом 1-го марта предоставило ему изменение налогов [7*], а покамест удержало в полной силе все существующие, равно как и все контракты и обязательства. Мало того, оно порывалось даже удержать до решения того же собрания самый штемпель на журналы, сообщая преднамеренно этому чисто политическому налогу характер финансового, но принужденно было опять изменить свое решение перед опасностью нового смятения. Оно даже и отступило не откровенно, тихо и робко, — отменило пошлину сперва только на время выборов в будущее собрание, для лучшего обсуждения кандидатур, и уж потом, при содействии, как было слышно, более решительных членов правительства уничтожило ее совсем. Совершенно то же происходило с ненавистными для демократов и республиканцев законами против ассоциаций, сборищ, обществ. В виду повсеместно зарождающихся клубов, ходили слухи о боязливых прениях в Ратуше, касательно их прав на существование и результатов их деятельности; но, видно, радикальная часть правительства опять одержала верх, потому что не только были отменены сентябрьские законы [29], воспрещавшие составление обществ, но и вся старая процедура относительно преследования проступков печати. Присяжные должны были утверждать приговор свой не на простом большинстве голосов, как прежде, а единогласно или по крайней мере большинством 8 голосов из 10. Как ни лестны были все эти распоряжения для господствующей партии и для народа, который все еще не покидал улицы, но они приходили всегда часом позднее, чем следовало, а предшествовавшее им колебание отнимало добрую половину их ценности. Ропот на медленность и нерешительность действий временного правительства уже начинался, когда пять документов, вышедших один за другим из Ратуши, окончательно обнаружили внутренние распри диктаторов, скрытые под официальной маской единодушия, поставили несколько жизненных вопросов для Франции и, возбудив все умы, снова наполнили улицу жизнью и движением. Мы намерены рассказать историю появления этих пяти правительственных актов,

---

* Цирк Олимпия (*франц.*).

6* При подавлении в Париже возмущения на Марсовом поле, в первую французскую революцию.

7* Распоряжение, подобно многим другим, также отмененное силой обстоятельств, которые заставили правительство увеличить, не дожидаясь собрания, все прямые налоги, о чем будем говорить впоследствии.

из которых третий — циркуляр Ледрю-Роллена, касавшийся устройства выборов для будущего собрания, чуть не породил новой революции. Не входя в позднейшие объяснения толкования и оценки, сделанные на досуге самими авторами документов, превратившимися в историков и адвокатов собственного дела[30], мы ограничимся одним изложением того, как понимаемы были массами народа новые распоряжения в самую минуту опубликования их, что они видели в них и за ними, как относились к ним и какую дали им обстановку своим участием и вмешательством. Можно надеяться, что подобная передача дел, мыслей и ощущений одного исторического мгновения будет несколько поучительною для других стран и эпох и может представить несколько полезных выводов для людей, достигших той степени развития, при котором требуется разумное убеждение и сознательный взгляд на предметы политического свойства. Из всех пяти актов временного правительства, наименее возбудивший разноречия, наименее оспариваемый партиями, был циркуляр министра иностранных дел Ламартина, от 2-го марта, к дипломатическим агентам правительства, заключавший в себе программу, которой должна была следовать Франция в своих международных сношениях.

В знаменитом циркуляре своем, от 2-го марта, Ламартин объявляет, что республика не нуждается в признании европейских держав, что она точно так же не имеет нужды в войне и в кровавой пропаганде, что она требует мира, но почтет себя счастливой, если будет принуждена взяться за оружие и насильно покрыть себя славой. Вместе с тем министр не признает трактатов 1815 года[31], но для дипломатических сношений признает государства, ими основанные. В этом круге Франция, желающая спокойствия для собственного развития, будет держаться до тех пор, пока которая-нибудь из угнетенных европейских национальностей не прострет к ней умоляющие руки (это был намек на Италию) и сама Франция не увидит, что час для исполнения решений провидения пробил... Итак, пусть народы не боятся Франции и сами в недрах своих свершают нужные им преобразования. Ламартин заключает манифест словами: «Si la France a la conscience de sa part de mission libérale et civilisatrice dans le siècle, il n'y a pas un de ces mots (то есть девиз республики: liberté, égalité, fraternité), qui signifie guerre. Si l'Europe est prudente et juste, il n'y a pas un des ces mots qui ne signifie paix». («Если Франция пришла к сознанию своего освобождающего и цивилизующего призвания в мире, то ни одно из этих слов (свобода, равенство, братство) не означает войны. Если Европа захочет быть благоразумною и справедливою, то каждое из этих слов означает для нее мир».)

Манифест этот, конечно, несколько двусмыслен, но, как подделка новых требований под старое европейское право, не лишен своего рода ловкости. Радикальные партии всех цветов поняли необходимость сделанной Ламартином уступки и единогласно положили считать его прокламацию образцовым произведением республиканской дипломатии. «Journal des Débats», упоминая о нем, прибавил только: «в этом документе г. Ламартин высказал, как и всегда, свои два основные качества: grandeur et confusion (величие пополам с путаницей)». Вслед за манифестом произошла общая

смена посланников и секретарей посольств. Лаконичным декретом, начинающимся словами: «ont été revoqués de leurs fonctions» *, все посланники и множество секретарей были уволены от службы, а замещение их отложено до будущего декрета.

Вторым документом, от 5-го марта, вышедшим из министерства внутренних дел, объявлены общие поголовные выборы в национальное собрание. Основанием их принято только народонаселение Франции. Каждая масса в 40 тысяч дает депутата, и всякий человек, достигший 21 года, есть избиратель. Что касается до избираемого, то от него требуется только возраст не менее 25-ти лет, небытие под судом или под гнетом позорного (infamant) приговора. Все условия имущества и состояния устраняются: государство принимает на себя обязанность давать по 25-ти франков в день каждому депутату на все время заседания будущего собрания. В крайнем случае, от депутата не требуется даже и грамотности на простом основании: человек с здравым смыслом найдет, что сказать в новой палате, которая будет состоять из 900 членов. Войско также участвует в этих обширных политических правах. Каждый солдат составляет свой бюллетень депутатов из земляков, и билет его высылается в тот департамент, которому он принадлежит по рождению. Надо заметить, что избиратель обязывался вписать в свой бюллетень полное количество депутатов, положенных для всей его местности. Так, например, Парижу с окрестностями предоставлено было посылать тридцать четыре депутата в собрание, и все тридцать четыре имени должны были находиться на каждом избирательном листке — обстоятельство, довольно затруднительное для людей, так мало развитых политически, каковы были крестьяне во Франции. Вот почему инструкцией от 8-го марта, которая сопровождала декрет о выборах, Ледрю-Роллен, министр внутренних дел, назначил для крестьян местом складки их билетов не деревенские конторы (мэрии), а главный город округа или департамента, куда они должны были приходить и где ожидали их политические партии с своею проповедью, борьбой и домогательствами в пользу своих почетных кандидатов. Право на депутатство давалось, разумеется, большинством голосов, но кандидату надобно было собрать их по крайней мере до 2000 на своем имени. К удивлению радикальной партии, время открытия выборов и созвания будущей палаты назначено самое близкое: 9-го апреля должны были состояться выборы, а 20-го того же месяца должно было явиться на политическую сцену и Национальное собрание. Так родилось знаменитое поголовное избирательное право, suffrage universel, возвещенное Франции как начало новой эры народного благополучия и принятое ею именно в таком смысле.

Не успел декрет о выборах обойти Францию, как республиканцы Парижа, видя, что время, назначенное для составления списков, на носу, а деревенское население департаментов совсем не приготовлено к созданию республиканского собрания, подняли шум: из поголовного права выборов могла родиться снова монархия. Не теряя времени, партия известного редактора «National» Мараста бросилась составлять «избирательный ко-

* «Их должность имеет быть упразднена» (*франц.*).

митет», который должен был рассылать совсем готовые списки депутатов в свои провинциальные конторы по департаментам, откуда они, в тысячах экземплярах, пошли бы по округам, местечкам и деревням. Разумеется, все другие партии поспешили последовать примеру республиканцев «National». Париж во мгновение ока покрылся «избирательными комитетами» всех цветов до конституционно-либерального включительно. Старый Вьенне из прежней парламентской оппозиции открыл, при содействии банкиров, купцов, адвокатов и вообще образованного и богатого мещанства, клуб «свободных выборов» (club républicain pour la liberté des élections) [32], в котором уже заговорили о деспотизме Ледрю-Роллена, самовольно назначившего складочным местом для крестьянских бюллетеней главные города, где голоса этих избирателей необходимо должны подпасть влиянию революционного меньшинства. Крайняя радикальная партия, видя, что ей не поспеть за усилиями соперничествующих партий, поставила вопрос иначе в своем клубе «société centrale républicaine» [33], который только что возник из отделившейся части Барбесовского клуба и приобрел такую знаменитость впоследствии. Клуб этот, в лице своего председателя, старого заговорщика Бланки, решил требовать у правительства отсрочки выборов. С этой целью он направил к нему депутации от цехов и ремесел. Правительство, которое через неделю после того принуждено было уступить и согласиться на все их требования, еще колебалось и показывало вид, что крепко стоит на своем решении: оно только отложило выборы в национальную гвардию до 25-го марта, вместо 18-го, как было прежде назначено.

Покамест все общество волновалось вопросом о выборах, явился новый циркуляр того же Ледрю-Роллена к агентам правительства в провинциях, от 12-го марта. Это был удар грома, раздавшийся по всей Франции. Мы уже сказали, что циркуляр этот составил главное событие марта месяца и чуть-чуть не породил новой революции, спустя три недели после февральской. Она не удалась только оттого, что ввиду прямых последствий, вытекающих из циркуляра, сам составитель его, Ледрю-Роллен, испугался и отступил перед последним заключительным словом собственной своей мысли.

Известно, что правительство в первые минуты своего существования послало в департаменты молодых людей с поручением повестить народу о новорожденной республике и способствовать ее укоренению. Ледрю-Роллен давал им теперь еще новую обязанность. В виду выборов и из опасения, чтобы голоса не приняли консервативного оттенка, он облекал комиссаров правительства безграничным полномочием и предоставлял им в провинциях власть, какой те давно уже не видали. Объявив, что главнейшею заботой каждого такого агента должна быть теперь забота о составлении республиканских выборов, Ледрю-Роллен давал им с этой целью право уничтожить муниципалитеты (провинциальные советы), если они окажутся сомнительного характера, употреблять военную силу и сменять самих начальников ее, сменять всех префектов и подпрефектов и, наконец, даже удалять от должностей (suspendre) лица бессменной магистратуры, то есть поколебать всю юстицию Франции. Диктаторский тон циркуляра

был, может быть, еще страшнее для общества, чем даже содержание его. Тут не было ни тени осторожности или колебания перед поставленною целью, а с другой стороны, нельзя было видеть в документе одну из новых вспышек революционного фейерверка. От него пахнуло 93-м годом и временами терроризма. Что произошло в Париже, трудно и рассказать. Поднялся общий вопль между достаточными классами населения, несколько похожий на «sauve qui peut» * проигранного сражения. Уже и прежде капиталы стали скрываться помаленьку из обращения, а теперь началось явное бегство их, при зловещем клике, что свобода выборов уже не существует, что наступили времена проконсулов [34] и кровавой анархии. В три дня, следовавшие за циркуляром, все ценности на бирже упали неимоверно, пятипроцентные билеты на 74 фр. 50 сант. и 72 фр., акции банка понизились на 300 фр. вдруг (с 1700 на 1400), акции железных дорог тоже; золото поднялось до 50 фр. лажа на тысячу [8*]. Не лучше было и с серебром, составлявшим главный меновой знак Франции. В среду, 15 марта, французский банк был буквально атакован. Все остальные коммерческие дела, основанные на кредите, мгновенно приостановились, и обществу на минуту открылось в перспективе банкротство правительства, разорение фабрикантов и грозная масса людей труда, предоставленных самим себе. Чтобы судить о состоянии умов и паническом страхе, овладевшем всеми, стоит только прочесть рапорт директора банка, г. Даргу [35]. Он извещал правительство, что с 26 февраля по 14-е марта уплачено банком 70 миллионов монетой, из наличной суммы в 140 милл., состоявшей в его распоряжении. К 14-му марта в кассе оставалось только 70 миллионов. «Нынешним утром, — продолжает он, — обнаружилось движение панического страха в публике. Предъявители банковых билетов явились к дверям его целыми массами: открыты были новые конторы размена; более 10 мил. выдано звонкою монетой; сегодня к вечеру (15-го марта) в Париже останется только 59 милл. монеты».

Как водится, биржевой и коммерческий кризис отразился на улице. Первая мысль, на которой, разумеется, остановился народ, была та, что это результат обширного заговора мещан, старавшихся привести республику на край погибели финансовым путем. С 14-го числа начали составляться на улицах группы, в которых говорили о способах остановить эмиграцию из Парижа и заставить богатых издерживать деньги, скрываемые ими на погубу коммерции и работников. Множество проектов для достижения этой цели, имевшей по обыкновению совершенно обратное действие, прибито было на стенах домов [9*].

---

* «Спасайся, кто может» (*франц.*).

8* Один журнал, кажется «La Presse», сосчитал, что Франция одним ударом всех бумажных ценностей и понижением производства вообще потеряла в один этот месяц до $3^1/_2$ миллиардов.

9* Один из них, вышедший из клуба Бланки, советовал правительству подвергнуть пятифранковые монеты особенному штемпелю, который давал бы им право на обращение. «Это заставит, — говорил проект, — утайщиков денег явиться на монетный двор с своими капиталами за пометкой и обнаружить перед правительством как самих сберегателей, так и количество сберегаемой ими звонкой монеты». Составитель проекта и не предполагал, что звонкая монета может найти себе сбыт и без штемпеля.

Правительство приняло некоторые меры с своей стороны: оно дало обязательный ход банковым билетам, наравне с монетой, а для легчайшего обращения их в публике предписало банку выпустить стофранковые бумаги наравне с пятисотенными и высших ценностей, которыми банк доселе ограничивался. Затем выдачу капиталов из казначейства по его облигациям из сберегательных касс, по их книжкам, и из банка, — указало производить только по прошествии шести месяцев со дня предъявления требования. Все это несколько остановило прилив народа к кредитным учреждениям; но всего более способствовала этому и вообще к успокоению владельческих классов общества речь Ламартина, которою он отвечал на депутацию от клуба «свободных выборов» (pour la liberté des élections). При первом волнении на улице, клуб этот поспешил к нему, как к старому своему собрату по конституционной оппозиции, и Ламартин осудил перед ним циркуляр товарища своего Ледрю-Роллена в выражениях, не оставляющих никакого сомнения: «Le Gouvernement provisoire n'a chargé personne, — сказал он, — de parler en son nom à la nation et surtout de parler un langage supérieur aux lois». (Временное правительство никому не давало права говорить от его имени с народом, а главное — не давало права говорить языком, который был бы выше закона.) Мало того, утверждая, что сам Ледрю-Роллен не имел намерения заместить господство народа своим собственным господством и свободные выборы — подкупом страха, Ламартин прибавил, не обращая внимания на противоречие в своих словах: «Nous voulons fonder une république qui soit le modèle des gouvernements modernes et non l'imitation des fautes et des malheurs d'un autre temps! Nous en adoptons la gloire, nous en répudions les anarchies et les torts». (Мы хотим основать республику, которая была бы образцом для современных правительств, а не подражанием ошибок и несчастий прошлого времени. Мы усвояем себе его славу и отвергаем его безначалие и проступки.) В тот же вечер (среда, 15) весть о многозначительных словах Ламартина разнеслась по Парижу, и часу в 11-м я сам видел одного энтузиаста в пассаже de l'Opéra, читавшего речь оратора при многочисленном стечении народа, со слезами на глазах дрожащим от внутреннего волнения голосом. На другой день (в четверг) появилась и последняя решительная мера против неожиданно приключившейся беды. Правительство издало манифест, подписанный всеми членами его, в котором за первое основание всех своих действий принимало уважение к собственности, к общественному мнению, к свободе выборов, удерживая за собой только право устранять от последних все, что может повредить существованию республики, признанной всеми без исключения. Министр юстиции Кремьё объявлял, что в его министерстве никто не будет и не может быть сменен без его ведома. Так общество и правительство совокупно отбивались от призрака 93 года, неожиданно восставшего перед ними.

Развитие этой драмы, однакоже, еще далеко не кончилось. С этой минуты ясно сделалось для всех, что правительство разделено на две партии: Ламартиновскую и Ледрю-Ролленовскую. К первой принадлежала вся та часть республиканской партии, которая имела представителями

Мараста и его журнал «le National», да отчасти и тот оттенок социализма, во главе которого стоял Луи-Блан; ко второй принадлежала часть крайних демократов, которой органом был журнал «la Réforme» и представителями — монтаньяры префекта Коссидьера. Париж должен был стать на ту или на другую сторону.

Дело начала национальная гвардия, или лучше, остатки прежней национальной гвардии, состоявшие в этом гражданском войске. Сильно возбужденные против Ледрю-Роллена, за циркуляр его, они объявили себя на стороне Ламартина, между тем как республиканские клубы и молодая подвижная гвардия вступилась за Ледрю-Роллена, действия которого казались им откровеннее в смысле революционном. В понедельник 13 марта, во вторник 14 и в среду 15, первая партия, заключавшая в себе вообще людей прежнего порядка, писала протестации, оклеивала ими стены города, делала манифестации (старый либеральный Керетри [36], например, подал в отставку из членов государственного совета, не желая быть, как говорил в письме, слугою никакой тирании: клуб «Свободных выборов», как мы видели, ходил сам к Ламартину in corpore *, для объяснения и проч.). Вместе с тем, что уже было гораздо хуже, она положила выдти на улицу, в четверг, 16 марта, и заявить свое неудовольствие Ледрю-Роллену полным политическим актом. Органом движения сделался журнал «la Presse», и фраза об устранении из правительства враждебных направлений принята за выражение мыслей и целей новой манифестации.

Национальная гвардия сделала при этом непостижимую политическую ошибку. Начать с того, что она выходила на площадь без призыва, в числе тысяч десяти, которое журнал «La Presse» смело возвел до 25 тысяч. Простее, а главное — законнее было бы послать от себя депутацию к правительству, с выражением своих опасений. Тогда не нужно было бы принимать и мер против собственного увлечения — приказывать чинам национальной гвардии являться в их штабы, в мундирах, но без оружия. Несмотря на эту предосторожность, движение все-таки имело вид бунта и противоречило собственным любимым учениям этой партии о порядке. (Национальная гвардия, скажем мимоходом, устроила свой собственный клуб на Boulevard Monmartre ** и положила основание новому органу своих интересов в печати журналу «l'Ordre» [37], жившему, однако, очень не долго.) Затем она имела неосторожность примешать к политической манифестации еще и домашнее свое дело. Декретом от 14 марта Ледрю-Роллен уничтожил образцовые роты национальной гвардии (compagnies d'élite), именно гренадеров, с их меховыми шапками, волтижеров с уланскими касками и с богатым костюмом, отличавшим тех и других от прочего войска. Министр указал разместить их по разным батальонам, где они обязывались, вместе со всеми, участвовать в выборе офицеров и начальников. Оскорбленные роты избранников подбили своих товарищей просить заодно у правительства и восстановления прежних кадров, под тем предлогом, что прежние гренадеры и волтижеры не могут теперь с толком

---

* В основном составе (*франц.*).
** Бульваре Монмартр (*франц.*).

участвовать в выборах, так как в батальонах, куда их запрятали, все было им незнакомо. Таким образом, вопрос о свободе выборов сплелся с мелочным и личным делом, которым вдобавок оскорблялось самое живое народное чувство в эту минуту — чувство равенства. Народ не замедлил окрестить всю протестацию шуточным прозвищем «протестации меховых шапок», мало обращая внимания на печатное объявление гренадер и волтижеров, в котором они торжественно отказывались от всех наружных знаков отличия. Шутовское прозвище, данное этому движению, осталось за ним и в истории: Protestation des bonnets de poil.

Народ не ограничился, однако, одной шуткой. В четверг, 16-го марта, в 12 часов пополудни, я встретил на бульваре Madeleine часть легионов национальной гвардии, направлявшихся через площадь к Ратуше в полном военном порядке, что доказывало, между прочим, участие штабов (мэрий) в организации заговора. Они шли рука к руке, в мундирах, без оружия, молчаливо и важно. На набережной Сены, почти перед самою площадью Hôtel de Ville *, их встретил новый их начальник, республиканский генерал Курте, прося и приказывая разойтись в объявляя их демонстрацию бунтом. Произошла скандальёзная сцена; первые легионы не послушались и продолжали шествие, но на самой площади народ встретил их свистом и каменьями, не допуская к Ратуше. Между тем на набережной, после бесполезных увещаний того же Курте, народ принял дело на себя, загородил дорогу остальным подходившим легионам и стал делать баррикады под носом бунтовщиков в мундирах, как он назвал гвардейцев: группа народа состояла, говорят, только из 100 или 150 человек. Легионы, в числе которых было множество людей, получивших приказание на сбор из штабов и повиновавшихся ему, не зная хорошенько в чем дело, разошлись со всеми заготовленными депутациями. Они не ожидали сопротивления, а начинать попытку новой революции совсем не было у них ввиду. То же сделали легионы, уже добравшиеся до площади и встреченные там народом. Кое-каким депутациям (от каждого легиона было заготовлено по одной) удалось разрозненно и без всякой связи представиться правительству и выслушать довольно строгий выговор Мараста, чем они и должны были удовольствоваться.

Однако одушевление Парижа в наступивший вечер было неимоверное. Так как по всем расчетам следовало ожидать, что республиканская партия захочет ответить на вызов консерваторов своею собственною манифестацией, то я и направился в клуб Бланки, который помещался в здании знаменитой музыкальной консерватории Парижа. Сцена консерватории, освещенная пятью или шестью свечами, походила на темное подземелье и весьма мало напоминала блестящую залу европейских концертов. В большой люстре горело несколько ламп, ложи были заняты людьми в блузах и женщинами из народа. В партер пускали или по билетам, или за плату одного франка при входе. Я поместился в партере. Бланки еще не было, председательствовал какой-то старичок. Один господин, с бледным лицом и черноволосый, стоял впереди и говорил с невообразимым жаром: «Кон-

* Ратуши (*франц.*).

серваторы, роялисты, мещане сделали демонстрацию... надобно спасти их. Sauvons les, messieurs, sauvons les! * Сделаем сильную народную демонстрацию, чтоб отбить у них всякую охоту мешаться не в свое дело на будущее время. Sauvons les (и он страшно махал при этом руками) для их почтенных жен, умирающих от страха». Раздались яростные рукоплескания и хохот. Едва они затихли, как неожиданно послышались в разных местах залы свистки. Кто-то свистит на самой сцене. Президент встает и говорит: «Разрешаю публике самой произвести суд и расправу над свистком. Близстоящие люди имеют право изгнать свистуна». Голос: «Подле вас свистят»... Голоса на сцене: «Вот кто свистит». Президент, обращаясь к группе народа и свистуну: «Если вы имеете что возразить на мнение оратора, я вам даю слово». Голоса: «á la tribune, á la tribune!» ** Свисток внезапно скрывается. Шум. Президент стучит что есть мочи молотком по столу. Выходит другой черный человек (мне сказали — г. Ипполит Боннелье, бывший актер в Одеоне) и с страшною быстротой произносит: «Citoyens. La conduite de M. Lamartine dans l'affaire de la circulaire est déplorable. (Граждане! Поведение г. Ламартина в деле циркуляра самое плачевное.) Голоса: «oh, oh!» «oui, oui!», «non, non!» *** Возле меня один раскрасневшийся слушатель, в каком-то состоянии упоения зрелищем, сперва кричит oui, а потом, переговорив с соседом, кричит non. Президент стучит, оратор после оговорки в пользу Ламартина продолжает: «но нам надобно утешить добродетельного Ледрю-Роллена во всех огорчениях, которые он, вероятно, испытал на бескорыстной службе республике». При этом подражании фразеологии клубов 93 года раздается браво со всех сторон. Затем выходит другой господин и говорит: «какой бы прием ни сделала мне публика, но честь заставляет меня сказать, что я не одобряю циркуляра г. Роллена». Ужасный шум; крики: «à bas!» сменяющиеся криками: «parlez!» **** Оратор становится под покровительство президента. Мой сосед кричит страшным образом à bas, но когда президент удерживает слово за оратором, также страшно кричит: parlez, бросая вокруг себя дикие взгляды. Между тем оратор уже успел сконфузиться: «я истинный республиканец и в некоторой степени совершенно понимаю циркуляр». (Хохот.) Наконец, является Бланки, человек небольшого роста, с седыми, коротко остриженными волосами, широким и костистым лицом, похожим на адамову голову [38]. Свет шандалов придает ему синеватый оттенок. Хриплым и отчасти визгливым голосом Бланки сообщает собранию, что на другой день назначена к правительству депутация от всех ремесел и от всех клубов, для заявления ему готовности народа защищать его от всех попыток возмущения, составляемых враждебными партиями. Он присовокупляет к этому, что вместе с заявлением верности положено просить правительство: 1) не впускать военных сил в Париж; 2) отложить выборы национальной гвардии до 5 мая; 3) отложить выборы в Национальное со-

---

* Спасем их, господа, спасем! (*франц.*).
** «На трибуну!» (*франц.*).
*** «О, о!», «Да, да!», «Нет, нет!» (*франц.*).
**** «Пусть говорит!» (*франц.*).

брание до 31 мая. Раздается сильный голос сверху, при последнем параграфе: «Vous voulez la perte du pays!» (Вы хотите погибели отечеству.) Все расходятся в неописанном волнении...

Дело в том, что во все время республики клубы не имели никакого значения сами по себе. Они дали только средства предводителю партии завести строгую дисциплину в рядах толпы и направлять ее по своему усмотрению. Пример этой военной организации клубов представила манифестация 17-го марта. Клубы Барбеса и Бланки, переговорив с клубом журнала «la Réforme» и с префектом Коссидьером, выставили в этот день совершенно организованную армию работников в 50 тысяч человек. Как только клубы принимались за публичное обсуждение дел и нужд, выходила страшная и вместе страстная чепуха. Малая привычка общества к политической жизни обнаруживалась тотчас же. Заседания клубов пробавлялись повторением журнальных статей, нелепым подражанием клубам 93 года, а иногда и дракой, как это случилось однажды в самом клубе Бланки. Только общество икарийца Кабе отличалось приличием и порядком своих заседаний, но это потому, что в нем почти всегда один человек и говорил — сам Кабе. Иностранные клубы соперничали с туземными в неурядице и анархии. Кстати рассказать в виде pendant * к сцене, только что описанной нами, заседание немецкого «демократического общества» [39], на котором мне случилось присутствовать. Общество это под председательством поэта Гервега, собралось для прочтения и одобрения поздравительного адреса от немецкого народа к французскому, составленного особенною комиссией из членов клуба. Заседание началось, во-первых, предлинным кантом песенников, помещенных на хорах, что с первого раза придало ему как бы характер мессы. Потом, едва Гервег уселся в кресла и разинул рот, как известный Венедей, впоследствии депутат во франкфуртском парламенте [40], заготовивший свой собственный адрес, стал свистеть... Шум поднялся страшный: «Да дайте же прочесть сперва адрес комиссии». Адрес прочли, восторженное «браво». Венедей прочел свой адрес, опять восторженное «браво» 10*. Один господин кричит президенту: «я убью тебя». У Гервега колокольчик ломается в руках: он начинает беситься и старается победить шум. Не тут-то было. Встает высокий господин и начинает бранить собственную нацию. «Мы, — говорит, — немецкие медведи, еще смеем толковать о свободе отечества, когда не умеем вести себя прилично в собрании и притом еще на чужой стороне». Снова восторженное «браво». Выбор адреса, однакож, нисколько не подвигался. Гервег прибегает к простому способу добиться решения общества: он просит приверженцев адреса комиссии поднять руки — огромное количество рук поднимается; просит сделать то же самое сторонников Венедея — и почти

---

* Пары (*франц.*).

10* Разница между двумя адресами состояла в том, что Гервег, уже замышлявший вооруженную экспедицию в Германию, призывал содействие Франции для возрождения своего отечества, а Венедей, приверженец единства великой Германии, гнушался иноземной помощью и говорил с французским правительством тоном представителя могущественной нации.

одинаковое количество рук поднимается за Венедея. Наконец, Гервег останавливается на последней, решительной мере: он приказывает именно людям одного адреса пойти в левую сторону, а людям другого в правую. Так как человеку нельзя раздвоиться физически, то можно было ожидать какого-нибудь результата: толпа поколебалась и почему-то шарахнулась в правую сторону. Адрес комиссии восторжествовал. После этого чартист Джонс[41], нарочно приехавший из Англии для этого заседания, произнес по-немецки речь со смыслом и чувством, в которой, между прочим, говорил: «Теперь я вижу, как далеки еще вы, дети Германии, до единодушия, которое одно в состоянии упрочить вам свободу. Всякий раз, как увидят иностранные посольства разногласие между вами, они будут писать в свои земли: не бойтесь здешних немцев, они не страшны, они еще не соединились. Мы, чартисты, тем и сильны, что мыслим и действуем, как один человек, и нас до трех миллионов»... Этот сухой, рыжий великан, с иностранным произношением, но совершенно развязный на трибуне, как и следует истому англичанину, произвел на немцев сильное впечатление. Впрочем, заметим, что единодушие чартистов и почтенная цифра их, выставленная Джонсом, не помешали Лондону рассеять всю эту партию в один день[42], как только она показалась на улице. Путаница сопровождала и все последующие заседания «Демократического клуба». Гервег, сам смеявшийся над малым политическим образованием своих соотечественников, рассказывал, что на одном из этих собраний какой-то маленький, приземистый работник, из коммунистов, в порыве восторга отпустил следующую фразу: «Wir wollen alles vernichten, was nicht auf der Erde ist» (Мы хотим все уничтожить, *чего только нет на земле.*) Но нелепость нелепостью, а из Немецкого демократического общества, таким образом составленного, вышло вторжение французских немцев в Баден с оружием в руках[43], а из безалаберных заседаний, подобных виденному нами в музыкальной консерватории, родилось огромное народное движение, к которому теперь и обращаемся.

На другой день, рано утром, Париж узнал программу предстоявшего ему зрелища. Так как демонстрация национальной гвардии была направлена в пользу Ламартина и против Ледрю-Роллена, то новая демонстрация работников и народных классов общества должна была принять обратный характер, то есть выразить осуждение Ламартина и одобрение Ледрю-Роллена. Вдобавок, первая демонстрация старалась отличиться важностью, спокойствием и порядком; определено было придать то же качество и новой. Первая шла в рядах, положено было тоже идти в рядах; первая была без оружия, положено выйти без оружия; только вместо десяти или двенадцати тысяч человек первой, решено было собрать тысяч сто для второй. Начальники распустили нарочно слух, что на улицах Парижа появится двести тысяч, между тем как и стотысячное число — преувеличение; судя на глаз, вряд ли было и наполовину этого на площади. Мы думаем, что и эта цифра все еще достаточна для удовлетворения клубного или народного самолюбия. Начальники обществ и выборные от ремесел приготовлялись к этой демонстрации уже давно, с первых минут волнения, произведенного Ледрю-Ролленовским циркуляром. Участию Коссидьера и его

многочисленных, хорошо выправленных агентов обязано все это огромное шествие тем строгим военным порядком, который в нем царствовал...

И вот, 17-го марта, в полдень, Париж увидел новое, истинно необыкновенное зрелище. Около двенадцати часов массы народа, в блузах и сюртуках, с знаменами цехов, корпораций и обществ, потянулись правильными рядами из Елисейских полей, где был сбор, к Ратуше. Мне посчастливилось видеть одну отдельную группу из этой процессии на площади Пале-Рояля, крайне любопытную, от которой впоследствии многие из вождей отказывались, называя рассказы о ней пустою выдумкой. Толпа эта, разбитая на отряды, несла заступы, колья, ломы, лопаты, все инструменты для сооружения баррикад, а посреди ее, тоже в отрядах, несколько стариков толкали перед собой пустые тележки, употребляемые обыкновенно для перевозки камней и земли на насыпи; словом, то были олицетворенные баррикады, явившиеся к правительству на смотр! Цельная сплошная масса тянулась, однакож, в это время по набережной Сены, к Ратуше, отворяя на пути все лавки, которые запирались при ее приближении, усовещая хозяев и даже растолковывая им, что дело идет не о грабеже. Из рядов неслись крики: «vive les boutiques ouvertes!» * Устроители движения имели предосторожность предписывать участникам взаимную полицию друг над другом. В час пополудни площадь перед Ратушей была загромождена народом, стройно стоявшим вокруг нее, с своими знаменами и значками, в числе которых находилось знамя при депутации ирландских семинаристов, здесь воспитывающихся. Остальные стояли по набережной. Крики: «Vive Ledru-Rollin, vive, circulaire révolutionnaire» ** не умолкали. Множество эпизодов в этой массе делали ее каким-то живым, действующим лицом, несмотря на ее неподвижность. Я видел, например, женщину, появившуюся с ребенком в одном окне Ратуши: восторг был неописанный, и всякий раз, как ребенок, смотря на эту грозную толпу, бил ручонками и начинал прыгать — шапки летели кверху, и тысячи людей трепетали от удовольствия. В два часа впустили депутацию к правительству, и тут-то Жерар [44] и Кабе предъявили известные требования от имени народа, о которых мы уже упоминали. Луи Блан взялся отвечать. Несмотря на двусмысленное его положение, как друга работников и в то же время друга Ламартина, он отвечал хорошо: «Не заставляйте нас, — сказал он, — писать декреты под угрозой народа. Величие правительства, величие самого народа, которого мы представители, может быть этим унижено: мы готовы умереть, и не за себя — что мы без народа? — но именно за вас, для спасения вашего достоинства. Вспомните, что в эту минуту глаза всей Франции, всей Европы устремлены в одну комнату в Ратуше». Ледрю-Роллен, который в эту минуту мог сделаться диктатором Франции, отступил перед страшною ответственностью решительного поступка и возвратился в лоно своих товарищей. Несмотря на приманку этого колоссального триумфа, устроенного в честь его, он твердо объявил, что отложить выборы в национальное собрание правительство не может,

* «Да здравствуют открытые лавки!» (*франц.*).

** «Да здравствует Ледрю-Роллен, да здравствуют революционные циркуляры» (*франц.*).

не узнав прежде мнения всей Франции. Кабе действовал чрезвычайно умеренно: высказав свои требования, он предложил спутникам своим тотчас же удалиться, для предоставления полной свободы действия правительству. Раздались крики: «oui, oui», «non, non». Собрие,[45] один из республиканских публицистов, приобретший впоследствии большую известность, потребовал объяснений: обладает ли правительство единодушием, необходимым для успеха дела? и назвал Ламартина. Вызов этот дал возможность Ламартину произнести одну из торжественнейших речей своих, которая получила особенно значение от обстановки и от грозной минуты, какую переживал сам оратор. Еще накануне друзья предостерегали его от опасности его положения, и Ламартин отвечал на намеки уверением, что он готов сложить голову. Короче, вопрос тут шел не о чьей-либо голове, а о предотвращении ужасов междоусобной войны во Франции с пожертвованиями, каких потребует задача. «Господа, — сказал он, — имя мое было упомянуто, и я прошу позволения отвечать на вызов». Потом, возобновляя вопрос о свободе совести правительства, он выразился так: «Что можем мы противопоставить вам? Ничего, кроме вашего собственного смысла, кроме могущества общественного разума, который действует в эту минуту между вами невидимо и принуждает вас остановиться перед нами! Как велика эта нравственная сила, это доказывается тем, что мы, благодаря ей, остаемся спокойны и независимы в виду огромной массы народа, окружающего дворец, защищаемый одним только понятием о его неприкосновенности». И потом, возражая депутации на три главные требования и переходя к последнему (отсрочке общих выборов), он сказал: «Если бы вы вздумали заставить меня, под угрозой насилия, лишить голоса всю остальную нацию, объявить ей, что она лишена права на представительство и на основание конституционного порядка в течение трех, шести, а может, почем знать? и более месяцев, я вам скажу то, что говорил несколько дней тому назад иному правительству: приговор этот вы можете вырвать у меня только с моим сердцем!» Многие депутаты, растроганные речью, кинулись к нему обнимать его, а оратор, ободренный успехом, прибавил: «Берегитесь подобных собраний народа и не шутите с ними. 18-е брюмера народа может повести за собой 18-е брюмера деспотизма»[46]. Речь Ламартина порешила дело. Необходимость сохранить целость и независимость правительства чувствовалась невольно, как мы видели, самими депутациями от народа; после речи Ламартина не могло быть более и помина о раздроблении властей. Ледрю-Роллен так вошел в роль самоотречения, что в один голос со всеми товарищами не соглашался, покамест, ни на одно из требований клубов. Мало того: вечером того же дня, когда одна отдельная группа решилась еще попытать счастья и пришла к нему, прямо в министерство, с предложением согласиться, по крайней мере, на оставление войска за городом, он отвечал решительно: «Нет, граждане, подобные чувства несправедливости и недоверия не могут жить в сердцах ваших. Мы все благодарим вас за ваше участие к нам; мы благодарим всю национальную гвардию за удивительную ее деятельность, которая упрочила порядок в нашем городе; но мы не хотим злоупотреблять долее вашим усердием и призовем на помощь вам братьев ваших по армии».

Депутация клубов решилась, наконец, удалиться, но народ, не вполне довольный малым успехом требований, предъявленных от его имени, вызывал к себе самое правительство. Массам хотелось, по крайней мере, лично заявить, что они берут Ледрю-Роллена под свое покровительство и противопоставляют его любимцу мещан и лавочников Ламартину. При кликах народа, на крыльце и эстраде Ратуши, показалось временное правительство в полном своем составе. Понятно, что никто не мог говорить с толпой теперь, кроме Луи Блана, посредника между двумя министрами, разделявшими симпатии парижского населения. Несколько слов, сказанных им, были покрыты рукоплесканиями, но все глаза, все руки и все клики направлены были к Ледрю-Роллену, «Vive Ledru-Rollin!» носилось в воздухе оглушительно. Он молчал, и на полном, открытом, сангвинистическом лице его ничего не выражалось, кроме твердой решимости выйти из Ратуши вместе со всеми товарищами. Политический день кончился.

Дав этот косвенный выговор Ламартину, вся масса тронулась и теми же правильными рядами направилась к Бастильской площади. Там, в глубоком молчании и с открытыми головами, она прошла кругом июльской колонны [47], свершая поминки по убитым 1830 года, а потом двинулась в богатые и аристократические кварталы города, с явной целью распространить спасительный ужас на заговорщиков и недовольных. Я опять встретил голову этой чудовищной, нескончаемой колонны: она пела хором «la Marsellaise», «Chant du départ» [48] и другие республиканские песни. Никто не отделялся от рядов; только песни, по временам, прерывались криками, впрочем не нарушавшими их мерного такта, которые требовали, чтобы встреченные пешеходы, зрители в окнах и хозяева у лавок кричали «vive la république» и снимали шляпы перед царствующим народом. Масса эта остановилась на минуту у биржи и провозгласила: «à bas les agioteurs» *, а затем одна часть ее отделилась и перешла в Сен-Жерменский квартал. Там, проходя мимо всех этих дворцов, по обыкновению с глухо-наглухо запертыми воротами, они пели: «ça ira» [49]. Никто при этом, однакож, не был оскорблен ни в личности, ни в имуществе. Страсти, видимо, сдерживались целью, которую задала себе толпа, именно уничтожить попытки какого-либо сопротивления новому порядку дел одною грозой своего появления. Если принять в соображение, что под всеми этими знаменами легко было различить самому беглому взгляду множество лиц, на которых гнев и ярость ожесточенной бедности оставили свои несомненные признаки, и множество глаз, горевших свирепым огнем, то поймем, что скромность толпы стоила ей значительных усилий. Вечером разредевшие обломки ее ходили группами по городу, заставляя иллюминировать дома, и покрикивали иронически: «des lampions ou des pierres» **. По первому такому приказанию город зажегся разноцветными огнями сверху донизу. В час ночи все было пусто на улицах, но дома продолжали гореть, заливая улицы реками света и образуя фантастическую декорацию. На другой день все вошло в обычный порядок; буря промчалась, люди вздохнули свободнее, но

---

* «Долой подстрекателей» (*франц.*).

** «Фонари или камни» (*франц.*).

во всех углах Парижа слышался один и тот же вопрос изумления: неужели все это могло пройти так, город остался цел, и никто не поплатился за спектакль? «Journal des Débats», рассказывая вкратце события дня, буквально повторил этот вопрос.

В сущности, он даром и не прошел. Во-первых, правительство, несмотря на эту маску независимости, которую позволили ему сохранить до времени, не устояло под давлением такого страшного гнета. Оно отложило выборы национальной гвардии до 5 апреля, а выборы в Национальное собрание до 23 того же месяца, забыв превосходные резоны, на основании которых сопротивлялось этой мере. Во-вторых, сами устроители и начальники движения поняли тотчас же, что играли с огнем: в клубах оказалось разногласие на другой же день манифестации. Одни из них заговорили, что она ни к чему не повела, кроме бесполезного раздражения владеющих классов, а может быть, и всей земли; другие, напротив, что она зашла далеко, но все это было уже поздно. Как трепетали сами республиканцы за себя и за участь Франции, при этой выставке материальных сил, заключающихся в пролетариате, доказали оба правительственные журналы: демократическая «la Réforme» и чисто республиканский «le National». В самый день торжественного шествия пролетариата по Парижу оба они единогласно умоляли оскорбленных граждан национальной гвардии не заводить, из пустого тщеславия, драки с народом и не делать таким образом столицы Франции позорищем братоубийственной войны. Этого не случилось, но национальная гвардия, а с нею и все земледельческое население Франции затаили на время обиду и ждали первого случая отмстить за нее. Случай не замедлил представиться: 16-го следующего апреля они вдвоем отвечали клубам и работникам точно такою же колоссальной манифестацией, но уже при кликах: «долой коммунистов». Мартовская драма имела злое потомство; она вызвала апрельскую драму, которая с своей стороны разрешилась майскою[50], а эта, наконец, произвела июньскую резню — последний акт всей эфемерной французской республики. . .

В шуме, произведенном циркуляром Ледрю-Роллена, пропал другой циркуляр министра просвещения и духовных дел, Карно, от 6-го марта. Впрочем, надо заметить, что Ледрю-Роллен своим циркуляром 12-го марта затмил собственные свои распоряжения, решительные не менее его знаменитого последнего наставления комиссарам правительства. Еще 8-го марта он предписывал им обратить особенное внимание на положение работников каждого департамента, и прибавлял такую вызывающую фразу: «республика *ими* основана и для *них* существует» (c'est par eux et pour eux que s'est fonde la République). Карно взял на свое попечение крестьян. Следуя основной мысли Ледрю-Роллена, он предписывал ректорам учебных округов стараться прежде всего привлечь крестьян к выборам, употребил для этого влияние школьных учителей, которые между ними живут и ими уважаются. Изъяснив далее, что Франция нуждается не столько в ученых и ораторах, сколько в новых людях и в ясном выражении нужд народных, Карно восклицал: «пусть 36 тысяч наших школьных учителей восстанут по моему призыву и сделаются глашатаями новых оснований народного образования перед сельским населением нашим. Франция жаждет новых

людей». И потом, как бы поправляя самого себя, Карно продолжал: «да отчего бы школьным учителям ограничиться одною этой проповедью, а не занять самим места в среде ожидаемых новых людей? Пусть придут они к нам во имя тех сельских классов, в недрах которых они родились и страдания которых они разделяли вполне. Таков, господин ректор, новый вид общественной службы, которую я ожидаю от гг. школьных учителей в это революционное время». Документ этот, как мы сказали, был заслонен циркуляром Роллена, но взамен того он возбудил жаркую полемику по ту сторону Канала, в Англии, на родине представительного правительства, и удостоился там подробного исследования. Особенно задело английскую журналистику выступление, где Карно излагает свой взгляд на значение представительной системы вообще. По его мнению, хорошая республиканская палата есть не что иное как собрание присяжных, где большинство решает через *да* или *нет* предложения, выработанные специальными, избранными людьми. Малообразованный и даже безграмотный человек, но с здравым смыслом, любовью к народу и знанием его нужд, как нельзя лучше поместит при этом свое да или нет. Афоризмы Карно, возбудившие интерес в Англии, едва были выслушаны в своем отечестве тем сельским населением, к которому обращались, да и благие последствия, каких могло еще ожидать республиканское правительство от распространения их в народе, оно же само и постаралось уничтожить в зародыше. Десять дней спустя после появления циркуляра Карно, товарищ его, министр финансов, Гарнье-Пажес опубликовал декрет о прибавочном налоге в 45 сантимов на каждый франк, падавшем преимущественно на крестьян-земледельцев, чем возбудил между ними сильное подозрение, что все заискивающие слова, к ним обращенные, только маска, принятая с целью ловчее развязать их кошельки и приличнее обременить собственность. Этот последний важный документ временного правительства имел тоже свою историю, которую мы и расскажем.

Банкир Гудшо, первый по времени министр финансов новой республики, в короткий срок своего управления сделал, однакоже, такую крупную ошибку, что приобрел тем имя себе. Из пустого желания показать, что ничего не переменилось во Франции с 24-го февраля, кроме формы правления, он бросил 50 миллионов на уплату владельцам 5%-й ренты еще до срока. Разумеется, настоящее положение дел скоро обнаружилось, а казначейство утратило 50 мил. фр. в самую трудную для себя минуту.

Иначе поступил Гарнье-Пажес, назначенный вскоре министром финансов и уступивший место мэра города Парижа Арману Марасту, предварительно отказавшемуся от управления коронными имениями, которое ему было предложено. Гарнье-Пажес представил 9-го марта временному правительству свой знаменитый пространный доклад, где изображал Францию на краю финансовой гибели. По его соображениям, администрация Лудовика-Филиппа сделала в течение семи лет (то есть в министерство Гизо, с которым Гарнье вел непримиримую парламентскую войну) более 912½ милл. долга, а в последние дни своего существования (то есть в 268 дней) издерживало каждый день по одному слишком миллиону сверх положенного. Суммы эти она покрывала самым опасным для госу-

дарства способом, именно захватывая деньги сберегательных касс, которые всегда могли быть потребованы вкладчиками, и занимая у казначейства в счет будущих доходов. Таким образом возник, накануне революции, долг сберегательным кассам в 350 милл. и долг казначейства, выпускавшего на себя облигации (bons de trésor) в 325 милл. Для покрытия первого долга, в феврале 1848 года, состояло наличной суммы в кассе только 65½ милл., а для покрытия второго не было ничего, так как суммы, определенные на это из комиссии погашения (amortissement), были предварительно растрачены на постройки железных дорог и публичные работы, которыми так хвасталось правление Лудовика-Филиппа. Гарнье-Пажес еще не удовольствовался этою мрачною картиной: он объявил, что к концу 1848 года наступило бы для Франции неизбежное банкротство, ибо расходы государства должны были, несмотря на все сделанные им долги, превысить бюджет 73½ миллионами. Министр заключил свой доклад восклицанием: «Да, граждане, провозгласим с радостью и гордостью ту истину, что ко множеству прав, которые имеет республика на любовь народа и на уважение света, должно присоединиться еще новое: республика спасла Францию от банкротства». Это было сильно сказано, но уже и тогда люди, знавшие, в каком цветущем состоянии находится во Франции наука группировать цифры, сомневались в непогрешительности всех выводов г. Пажеса. Действительно, вскоре объяснилось, что министр забыл упомянуть о свойстве тех вкладов сберегательной кассы, которые помещены туда общинами и ассоциациями, живущими на проценты и никогда не трогающими своих капиталов; это мертвые капиталы, и они-то составляют едва ли не половину всего имущества касс; что же касается до второй подвижной половины их сумм, то касса приобрела 5% ренту, дающую ей 8 мил. процентов, представляющую капитал тоже около 200 милл. Если с этой стороны опасность кризиса была преувеличена министром, то с другой — состояние комиссии погашения оценено им не совсем верно. Она не была совершенно пуста, как утверждал г. Пажес, а напротив числила у себя 80 милл., и притом с целью покрыть эту статью окончательно заключен был при Лудовике-Филиппе заем в 200 милл. на очень выгодных условиях и очень хорошо поступавший в казну. Как бы то ни было, но впечатление, произведенное докладом Гарнье-Пажеса в публике, нисколько не было ослаблено возражателями, потому что и сами они признавали тяжесть общего долга, лежащего на Франции, массу долгов казначейства, ничем не прикрытых, по случаю прерванного займа, и важного дефицита, который грозил республиканскому бюджету в конце года[11*].

Вслед за докладом своим министр объявил пять декретов временного правительства, имевших целью поправление печального положения дел.

[11*] Сумма дефицита оказывалась из следующего расписания бюджета на 1848 год:

Доходов	1 370 978 010
Расходов	1 420 978 607
Недочет	50 000 597 фр.

Присовокупляя к этому 23 379 000 ф. от излишне высокой оценки рент, которыми владеет государство, видим, что дефицит достигал предположенной цифры 78 370 597 фр.

Первым из них оно затрудняло обратное получение вкладов из сберегательных касс, предписывая удовлетворить сполна монетой только владельцев единственного капитала в сто и менее франков; прочие вкладчики получали, следуя определенной лестнице, десятый процент монетой, а остальное 5%-ю рентой на государство и облигациями казначейства (bons de trésor) тоже в 5%; вторым назначались в продажу коронные бриллианты, а все серебро дворцов присуждалось к переплавке в монету; третьим определено продать ту часть коронных имений (les biens de l'ancienne liste civile), которую укажет министр, с такими облегчениями для покупщиков, что они обязываются к немедленному взносу только ¼ всей продажной суммы, а на остальные ¾ дают обязательства на себя. Документы эти, помеченные штемпелем государства, могут быть пускаемы в обращение как монета, увеличивая собою количество меновых знаков. Четвертым дозволялось продать некоторую часть государственных лесов, и, наконец, пятым заключить национальный заем, примерно в 100 милл., подписчики которого получат пятипроцентную ренту на государство.

Все это было легче написать, чем привести в исполнение. Декретам Гарнье-Пажеса недоставало нужного авторитета, сообщаемого обыкновенно подобным мерам законодательною палатой, и контроль, их ожидавший, был контроль клубов, а не учреждений. В жизни общества случаются политические и финансовые кризисы, когда управлять невозможно. Финансовые декреты правительства явились на свет мертворожденными. Едва показались они в «Мониторе», как их встретило единодушное осуждение с двух противоположных сторон: от консерваторов — за то, что они воскрешали, посредством обязательств на покупщика и, вероятно, фиктивной продажей имений, старые ассигнации, уже наделавшие столько бед первой республике; от республиканской и социалистической партии — за то, что продажа лесов и коронных земель в частные руки, раздробляя государственное достояние, способствовала бы распространению мелкой собственности, между тем как спасение Франции зависело именно от уменьшения этой собственности и сбережения больших земельных участков, для обработки их ассоциациями, под надзором правительства. По обыкновению, клубы и журналы выслали депутатов в Ратушу с своими протестациями, и влияние их было достаточно, чтобы весь финансовый план г. Пажеса разлетелся в прах. Вместо продажи коронных земель и лесов, они просто отданы были, 29 марта, в управление государственными имуществами, на общих основаниях. Об отчуждении бриллиантов, дворцового серебра и проч. почти не было и помина на другой день декрета. Через неделю стало всем очевидно, что и предположенный заем также не может состояться, по отсутствию кредита и укрывательству капиталов. Вместо него учреждена была комиссия патриотических приношений (des dons patriotiques). Ее поместили в Елисейском дворце, Elysée Bourbon, некогда собственности первого Наполеона, и снабдили, в виде председателей, популярными именами Беранже и Ламене. Действительно, к ней тотчас же и потянулись эффектные процессии работников, с их *экономиями*, которые обыкновенно неслись на носилках, в ящиках, украшенных лентами и венками, и сопровождались толпами доброхотных дателей;

но в течение трех месяцев комиссия не собрала и 500 тыс. франков приношений, да и добрая часть самой этой цифры составилась из взносов банкиров и вообще достаточных людей, имевших свои виды на республику.

Надо было отыскать другие меры для покрытия дефицита. Г.-Пажес имел несчастье остановиться на одной, которая нанесла сильный удар делу республики во Франции. 16 марта, по его предложению, четыре прямые налога поражены были добавочным платежом в 45 сант. Декрет имел временное значение, и добавка эта требовалась на один только 1848 год; но это именно и способствовало тому, чтобы в крестьянах, естественных плательщиков прямых налогов, 1848 год считался годом бедствия, а республика, им порожденная, событием ненавистным. Клубы опять ходили к правительству, правительство опять смягчило декрет, объявив, что оно не намерено строго взыскивать налог и постарается освободить от него действительно неимущих людей. Это значило сохранить только неприятную сторону распоряжения и отказаться от выгодной... все было напрасно... В следующем месяце, когда декрет стал приводиться в исполнение, многочисленные, иногда кровавые схватки крестьян со сборщиками податей показали, как думает о нем сельское население и как мало надежды водворить любовь в его сердцах к республиканской форме правления.

Но мелкие собственники Франции раздражены были не одним этим обстоятельством. Они согласились со всеми владеющими классами государства во мнении насчет одного отвлеченного экономического принципа — права на работу, droit au travail, твердо введенного Луи Бланом, как известно, в программу правительства. Принцип этот, на первых порах, явился в довольно неблаговидном образе работников, прокармливаемых государством, без всяких результатов для него, кроме разве временной и еще весьма сомнительной поддержки общественного спокойствия. Мы уже знаем, что 6 марта, имея в виду работников, лишенных средств труда, по сокращении всей производительности Франции вообще, правительство декретировало устройство «национальных мастерских». После событий 16 марта министр публичных работ, Мари, уже объявил, что и пристроенные работники бегут от своих мест, и умолял народ возвратиться к занятиям и труду, первым основаниям благосостояния государств. Но обычные условия труда казались уже невыносимыми тем людям, которые могут повелевать Парижу и сами *делать историю*, по выражению газеты «National». Новые мастерские, однакоже, не так легко было устроить и направить, как уличную процессию: требовалось время, выбор работы, обдуманный устав. Поневоле приходилось или давать по одному франку в день даром, или платить по два франка в день за воображаемую расчистку Марсовых полей и ничтожные земельные работы вокруг города[12*]. Можно сказать с достоверностью, что истинно трудо-

---

[12*] Бедные работницы Парижа, класс действительно беспомощный не в одном Париже и не в одно революционное время, получили свою долю вспомоществования. Из них составлено было собрание, под председательством мэра и под руководством

вые люди из простого класса смотрели на этих работников, обыкновенно спавших на своих тележках или собиравшихся в праздные кучки, с таким же точно негодованием и с такою же затаенною злобой, как могли бы они смотреть на любого мещанина-собственника, плотно пообедавшего и обеспеченного в своем существовании. Таким образом, март месяц накоплял все более и более горючих материалов. Замечательно, что никто и не сомневался в близости пожара. Некоторая часть правительства еще возлагала надежды, в деле спасения республики, на Люксембургскую комиссию. Члены этой правительственной партии ждали оттуда провозглашения каких-либо новых оснований общественного порядка, которые можно было бы признать официальной программой правительства в его отношениях к внутренним силам, труду и хозяйству государства. Всякий раз, как одолевали его требования и вопли хозяев и работников, по разным частям бедствующего мануфактурного и земледельческого производства, правительство указывало им на Люксембургскую комиссию, как на место, где вырабатываются для всех основания лучшей будущности: некоторое время оно успевало отводить этим способом глаза первым и обманывать голод вторых. Однакоже при дальнейшем развитии трудов комиссии, надежды все более и более ослабевали с обеих сторон. Мы не намерены излагать здесь историю работ в люксембургской комиссии, так как она составляла совершенно отдельный эпизод в ходе революции и потому требует отдельной статьи. Скажем только, что положения, выставленные ею, после нескольких бурных заседаний, как аксиомы производительной жизни государства или были вовсе неприложимы, или требовали многотрудных, терпеливых усилий для приложения к делу, или не подавали надежды на успех в предстоявшей борьбе с Национальным собранием, которое неизбежно стало бы охранять исторические предания труда и производства. Впрочем, цеховой и ремесленный народ и не думал дожидаться подобного изъяснения новой теории, а еще менее смотреть терпеливо на упорную битву ее с условиями экономического быта, на медленный переход в убеждения, привычки и жизнь страны. Народ бросался к оружию всякий раз, как только представлялся случай, провозглашая неизменно одни и те же отвлеченные понятия о равенстве, братстве, общем труде, общем довольстве и пр., к которым приучили его вожаки, бывшие двигателями всех прежних революций в государстве и в которых, по его мнению, заключалась сила изменить мгновенно существующий порядок вещей, как бы по волшебному слову. Очутись победа на его стороне, он остался бы опять с одними отвлеченными понятиями, и снова тяжело и неохотно принялся бы за разработку их, конца которой, вероятно, опять бы не дождался.

гражданок Ламартин и Малле, которое вело списки работницам без мест и без заказов, получавшим затем по 50 сантимов в день. Мне ни разу не случалось услыхать или прочесть упрек временному правительству от кого-либо за употребление этих денег.

III

Можно было подивиться, с какою скоростью добропорядочный и чопорный Париж короля Луи-Филиппа превратился в демократический стан бедного городского населения, где забота о чистоте и соблюдении вообще уставов городского благочиния, конечно, не считались особенно важным делом. Казалось, революция была сделана для того, чтобы показать, сколько таилось в Париже нищеты, физического безобразия, позорных промыслов и болезней; все это вышло из темных закоулков, где все это крепко держала дотоле полиция бывшего министра внутренних дел Дюшателя, и село публично на улицах и тротуарах многолюдных и богатых частей города. Известно, что, по мере падения серьезных промыслов, всегда возникают мелкие и нищенские на манер итальянских, которые в других странах обыкновенно дожидаются ярмарок. Теперь именно настала их очередь. Тротуары бульваров, по всему своему протяжению, были загромождены показывателями обезьян, мальчиками, страшно коверкавшимися на разостланных ковриках, шарлатанами всех возможных родов, и даже азартными игроками, которые выставляли рулетки и фараоны, выманивая копейку у взрослых и малолетних детей на приманку выиграть пряник или карикатуру на Луи-Филиппа, изображавшую его бегство в Англию. Все это кричало и вопило, окруженное, по большей части, любопытною, но бедною и не очень великодушною толпой. Каждая такая группа еще издали возвещала о себе трехцветным знаменем, которое осеняло действовавшего в ней фокусника и служило ему вывеской, прикрывая точно также и всех как истинных, так и фальшивых нищих, поселившихся на улице. Между этим народом вращались, вдобавок, разносчики газет, умевшие перекричать самых рьяных ораторов мостовой. Резкие возгласы их: «voyez la Presse»! voyez le National»! *, а иногда и краткое изложение главной новости журнала, проносилось под ухом внезапно и неприятно. По мере того, однакож, как полнели тротуары, захватывая окраины улицы, сама улица тоже изменялась: на ней редели экипажи и затихало движение имущих классов общества. Неизменные дилижансы-омнибусы, свершающие, подобно планетам, свой ежедневный круговой объезд Парижа, разумеется, разъезжали по-прежнему, но уменьшение частных экипажей сделалось заметно тотчас же. Достаточные люди или выезжали из Парижа, или отпускали лошадей, с целью затеряться на время в торжествующей, революционной толпе.

Мы уже отчасти знаем физиономию парижских клубов и как там шли дела. Многочисленность и разрозненность клубов были спасением временного правительства: благодаря этому обстоятельству, ни один из них не овладел исключительно общественною мыслью, не приобрел сокрушительной силы, которая при господстве воспоминаний 89 года в этих собраниях, незрелости их убеждений и распущенности политической фантазии, могли бы сделаться источником немаловажных событий. Беда эта была отчасти замечена самими деятелями революции и понудила их составить

* «А вот Пресс»! А вот Натиональ!» (*франц.*).

центральный клуб из представителей всех других, более или менее серьезно утвердившихся в Париже. Он назвался club de la Revolution [1], выбрал себе президентом Барбеса, поместился в Пале-Рояле и завел свой орган в печати: «La commune de Paris» [2]. Это новое собрание, по идеям, в нем господствовавшим, нисколько не возвышалось над прочею братией своею, взятою в разбивку; но оно сосредоточило материальную силу, в них находившуюся, и сделало возможным пятидневную битву рабочего населения с войском и со всеми силами правительства в июне месяце. До тех пор плачевное состояние раздраженной, но бесплодной и хилой мысли, сказывалось и тут, как и везде, анархией заседаний и чудовищностью вносимых на рассуждение проектов. В одном из обществ («institution oratoire») [3], например, толковали о составлении двух правительственных палат — одной нижней, которая будет называться «камерой талантов» и заключать в себе знание и способности, соответствуя прежней палате депутатов, и одной верхней, имеющей называться «камерой добродетели», исполнять назначение бывшей палаты пэров и состоять из лиц, получивших Монтионовскую премию [4] за подвиги и примерный образ жизни.

Особенно посчастливилось идее *выкупа* всех возможных имуществ и ценностей для обращения в собственность народа или его природного опекуна, правительства. Грубая простота идеи приходилась решительно по всем головам и занимала их без устали, доставляя вместе с тем каждой наслаждение чувствовать себя на высоте современных требований. Выкуп не сходил с языка у ораторов и освобождал от труда мыслить что-либо другое. Отовсюду неслись голоса — выкупить железные дороги и отдать правительству, выкупить акции банка и отдать правительству, выкупить фабрики и мастерские у разоряющихся хозяев и отдать правительству. Вперемежку с этою панацеей против всех общественных зол, и отчасти выдерживая с ней соперничество, провозглашались решительные меры для отвращения скудости в деньгах и наполнения государственной кассы. Меры эти были свободные вариации на темы социализма, исполняемые каждым по мере сил и способностей. Так нескончаемо тянулись предложения в клубах о наложении особенной пошлины на жильцов первых этажей, о вычетах из жалования, *платимого народом* должностным лицам, об отобрании у домовладельцев той платы за квартиры, которую получают они впредь и с которой пользуются, следовательно, незаконными процентами, и проч.[1*] Некоторые из этих решительных мер приведены были даже в исполнение. Так, префект Лиона, Эмануэль

[1*] Иногда первую инстанцию, по которой шел проект к своему осуществлению или, лучше, к своему уничтожению, составляли стены Парижа; то есть плакард, на них вывешенный. Со стены проект являлся в клуб, из клуба несся в Ратушу, а в Ратуше, смотря по влиянию лиц и сущности дела, или превращался в бездейственный декрет, или клался под сукно. Таким путем шел, между прочим, плакард: «Un millior. des émigres» (миллион эмигрантов), предлагавший взыскать обратно с роялистских фамилий миллиард, выданный им, с согласия представителей, Людовиком XVIII за потерю имуществ в первую революцию; другой, под заглавием: «La France rich dans 8 jours» (Франция, обогащенная за одну неделю), предлагавший, кроме пошлин и поборов, еще понудить владельцев монеты выменивать ее на облигациях казначейства, которые должны составлять единственную монету государства, и множество других подобных.

Араго[5], издал декрет, по которому никто не имел права вывезти из города более 500 франков, и завел для этого осмотр и обыск путешественников на таможне. Мера эта возбудила всеобщее негодование и дала случай возвыситься до героизма журналу «La Presse», назвавшему распоряжение это *крайнею тиранией* и призывавшему всех граждан к сопротивлению ей *до смерти*. Никто не был изъят из общей болезни, произведенной брожением разных инстинктов, которым хотелось попасть в политические и общественные идеи. Степенный клуб Барбеса, состоявший из всех журнальных и других знаменитостей партий: Собрие, Коссидьера и проч., не уступал соперникам своим в странности этих проявлений потемненного или блуждающего сознания. Он принял какой-то мистический оттенок, заставивший его, между прочим, сопротивляться кандидатуре на депутатство бывшего пэра Франции д'Альтона Ше[6], за то, что убеждения соискателя, относительно предметов мистики, были сомнительного свойства. Когда в Люксембургской комиссии поднят был вопрос о равномерной плате всем работникам, несмотря на их способности и производительность, Барбес явился горячим защитником ее мысли. Этот высокий и статный человек, с воинскою осанкой, длинными, полуседыми усами, твердым, честным и рыцарским выражением в лице защищал мысль комиссии на следующих основаниях, покрывавшихся громкими рукоплесканиями: «Если я, — говорил он, — по силам и средствам моим, могу поднять тяжесть в четыре пуда, должен ли я получать более задельной платы, чем мой слабый товарищ, который не может справиться и с двумя пудами? Очевидно, что задельная плата не должна иметь меркой своею способность или производительность человека, да это противно и христианскому учению». Мы уже и не упоминаем о клубах, где и уравнение труда в одной общей плате было устранено, а толковалось об уравнении образа жизни, всех вкусов и наклонностей разными понудительными мерами. Были и такие, которые занимались воспитанием народа по тем же бойким, ничем не ограничивающим себя программам. Так, в клубе «Юной горы» (de la jeune Montagne)[7] положено было требовать замещения статуй прежних королей, еще находящихся кое-где в Париже, статуями мучеников 9-го термидора и проч.

Прения всех этих собраний не замирали в стенах, где они помещались; напротив, на другой же день сущность их излагалась в особых афишах (часто официальным языком в виде совсем изготовленного правительственного декрета) и украшала дома и заборы Парижа. Город был покрыт разноцветными публикациями, как от клубов, так и от философов, экономистов, реформаторов и пророков, не нашедшими себе места в журналах и газетах. Правительство избрало для своих собственных объявлений преимущественно белый цвет бумаги, предоставляя все остальные цвета преобразователям и законодателям из толпы. Каждое утро манифесты, теории, советы правительству, увещания собственникам, иногда весьма пространные, на желтой, синей, огненной бумаге, сменялись новыми, не прерываясь и не иссякая. Тут-то можно было ознакомиться с заседаниями самых малоизвестных кружков, с сущностью журналов, обращавшихся только между ними с проблесками мысли, вышедшей на свет из темных

углов Парижа, где долгое время она питалась ненавистью, наконец, ставшею для нее источником всей политической мудрости. Впрочем, надо прибавить, к чести времени и успехов, совершенных гражданственностью в последнее столетие, разные яростные декламации уже не возвращались к языку прошлой революции, а, напротив, старались приобрести вид наружного достоинства, который дал бы им серьезное выражение и дельную физиономию.

Чтобы дать понятие об этих изворотах необузданных страстей, старающихся идти приличным шагом современного образования и невольно подчиняющихся новым, более смягченным нравам, стоит только представить одну выписку. Клуб «монтаньяров», или «Сорбонны» [8], куда попала большая часть плохих писателей, осужденных за разные выходки при Луи-Филиппе, аббат Константен, Легалуа, Эскирос, — издавал еще очень бедный листок, под заглавием: «Le tribun du peuple» [9]. В одном из его нумеров, красовавшемся на стенах Парижа, можно было прочитать следующую тираду: «Мы думаем, что один человек, умирающий с голода, обвиняет тем самым все общество. Вот почему, если бы для устранения подобного несчастья нужно было уничтожить все общество целиком, мы бы попросили только для себя самих первого удара, но согласились бы на эту страшную и всеобъемлющую казнь». Нелепость мысли — исцелять общество его уничтожением — спорит здесь с искусственною и приторною формой, в которой она выражена. Другой пример — какой-то г. Бушело, который говорил от имени малоизвестного клуба «des Jacobins» [10]. Рассчитывая на воспоминание читателей о собрании, носившем некогда это зловещее имя, г. Бушело обещал выкинуть за окно всю жиронду (партию Ламартина), все будущее собрание, обещает буквально травить (je les parquerai) собственников, аристократов, умеренных в палате, на площади, на улице, но, прибавляет он великодушно: «я не стану требовать их голов». Дело дошло до того, что чем резче выступало название прокламации, клуба, журнала (журналы, кроме прославленных фирм прошлого времени, назывались еще «le Pilori» [11], «la Guillotine» [12] и т. п.), тем вернее можно было сказать, что они не намерены следовать духу своего названия и всеми силами постараются обнаружить свою измену ему. Даже и такие влиятельные и значительно распространенные журналы, как «Ami du Peuple», Распайля, сделавшийся представителем клуба Сен-Марсо [13], принуждены были вести счеты с духом времени; журнал Распайля, не взирая на постоянную угрозу народной расправы для всех и каждого, решительно не имел в себе ничего, что не могло бы заключаться в любом демократическом листке с обыкновенным, типическим, так сказать, направлением эпохи. Вслед за «Ami du Peuple» явился и «Père Duchesne» [14], воскрешая память грязного листка Гебера [15] и его приемов; но тут приемы были обманчивы. Новый листок принадлежал к числу умеренных республиканских журналов и отличался литературною отделкой своих статей; но кокетливо и красиво выточенные фразы его пересыпались крупными ругательствами и поговорками простонародия. Признаюсь, в этом виде он казался мне еще возмутительнее своего первообраза. Раз, на одной из частных манифестаций, показали мне и самого редактора. Это был

очень приличный человек средних лет, одетый изысканно и с прекрасною бородой, расчесанной так же тщательно, как и его белокурые волосы. Судя по его наружности и приемам, никак нельзя было допустить, чтобы он был расположен от природы говорить или слушать те ругательные эпитеты, которыми он пересыпал свои статьи.

Стены Парижа не оставили без ответа и очень популярного вопроса *о женщине и ее призвании*. На первых порах за него взялась некая госпожа Нибойе (Niboyet), объявившая от имени всего своего семейства издание журнала «La voix des femmes» [16]. К сожалению, листок ее отличался таким сантиментальным и туманно-фантастическим оттенком, что этот обычный покров незрелости и скудости мыслящих сил поразил даже людей февральской революции, когда некоторого рода сантиментальность сделалась правительственным элементом и участвовала в издании декретов. Г-жа Нибойе упрекала Ледрю-Ролленовский декрет о выборах в том, что он забыл о женщинах и ни одним словом не упомянул о правах их на голос в общем деле Франции. Поправляя ошибку или презрение декрета, она советовала женщинам принять участие в выборах косвенно, направляя голоса близких им людей — мужей, братьев, отцов. При этом она умоляла женщин покинуть старые приемы успеха, как-то заискивающие слова, подкупающие ласки, а говорить твердо и действовать решительно. «Eglairez vous assez, — учила она, — pour fixer leur choix, et l'inspiration vous guidera bien. Point de tièdes accents, de complaisances paroles, le moment est solennel: les indépendants du ciel regardent les indépendants de la terre, ils nous voient à travers les étoiles qui ne s'éteignent ni ne palissent jamais etc» *.

Впрочем, вопрос о женщине сделался уже политическим вопросом благодаря тем многочисленным труженицам, которые разделяли участь рабочих людей и не имели развлечений. Правительство отвечало на него, по обыкновению, издалека. Оно воздвигало в Collége de France новую кафедру, о бок с кафедрой замечательного мыслителя Франции, Конта, для профессора Легуве [17] и его курса «Моральной истории женщин» («Cours d'Histoire morale des femmes»). Ревнители идеи имели удовольствие слышать, как с высоты новой кафедры профессор рассматривал те прогрессивные и образующие элементы, которые у всех народов, в различные эпохи их жизни, вносила женщина. Дело этим и кончилось, если не считать временных пособий, о которых мы уже говорили. Совершенную противоположность с публикациями г-жи Нибойе представлял другой плакард, красовавшийся на стенах Парижа чуть-чуть не рядом с ними. Многие считали его за пасквиль и злую насмешку партий, враждебных республике, но доказательства этому искали в странности его содержания, что вовсе не было доказательством. Плакард коротко, лаконически возвещал формирование легиона из независимых женщин от пятнадцати до

---

* «Просветитесь в должной мере, чтобы сделать правильный выбор, и вдохновение поведет вас по истинному пути. Никаких задушевных интонаций, любезных слов; момент ответственный: независимые на небе смотрят на независимых на земле; они нас видят сквозь звезды, которые никогда не меркнут» (*франц.*).

тридцати лет. Он говорил просто: имеет быть составлен (il se formera) батальон женщин под названием «la legion Vésuvienne» *, не упоминая ни о цели, ни об уставе нового учреждения, которое в шуме общего негодования, им возбужденного, кажется, и не явилось вовсе на свет, хотя были очевидцы, утверждавшие, что «легион Везувиянок» действительно существовал и даже ходил, обычным манером, в Ратушу для заявления своего существования.

Но не одни журналы, клубы и составители прокламаций совещались между собой: совещались также все виды сословий, все подразделения ремесел, все мельчайшие отрасли парижской промышленности, толкуя о радикальном изменении своего положения. В этих заседаниях слуги переменили свое название «les domestiwues» ** на другое — «gens de maisons» *** сидельцы в магазинах положили добиваться права оставлять свои магазины в 8 часов, для того чтобы иметь время, наравне с прочими гражданами, предаваться удовольствию публичных балов, спектаклей и заветного бильярда; прислужники в кофейных возмущались против обыкновения платить хозяевам за разбитые рюмки; резчики же стали говорить о восстановлении гербов, необходимо нужных для процветания их ремесла. Всех лучше поступили кучера, потребовав у хозяев прибавки жалования в один франк. Они покинули свои места, и однажды целый день в Париже не было ни одного дилижанса и ни одной почтовой кареты; они получили требуемое. Менее счастливы были мостовщики улиц. Зная, как попорчены парижские мостовые баррикадами и как нужно правительству скорейшее восстановление сообщений, они запросили 8 франков поденной платы, вместо 4-х, которыми прежде довольствовались: претензия, показавшаяся мало-патриотическою всем партиям. Одинаковый с ними отказ испытали и тюремные приставы (huissiers), занимавшиеся препровождением должников в Клиши: они ходили в Ратушу с требованием вознаграждения за их упраздненные должности. Но всех счастливее были так называемые «защитники Тюльери». После взятия дворца несколько сот работников расположились, как известно, в его просторных комнатах и постелях и двенадцать дней жили там на счет казны, называя себя охранителями дворца против нечаянных нападений роялистских партий. Под конец в Тюльери осталась немногочисленная толпа, которой особенно полюбилась приятная монастырская жизнь его, и когда правительство решилось принять на себя заботу *охранения* дворца, толпа эта уже не хотела покинуть теплое местечко. Отряд национальной гвардии, посланный для защиты Тюльери, встретил с ее стороны сопротивление и мог исполнить свое поручение, только заключив с нею формальную капитуляцию, по которой правительство обязалось не шарить в карманах у старых защитников дворца при выходе из него и объявить им благодарность за добрую службу республике. Были и совершенно бескорыстные депутации в Ратушу: от рыночных торговок, трубочистов, савояров, бродячих

---

* «Легион Везувианок» (*франц.*).
** «Прислуга» (*франц.*).
*** «Домашний штат» (*франц.*).

торговцев, сносивших туда свои поздравления и пожелания благополучий. Процессии эти не ограничивались дневным светом, они возобновлялись ночью, при сиянии факелов, и превращались в шумные прогулки по городу, устрашавшие обывателей. В Ратуше бессменно сидел или какой-нибудь член правительства, или мэр Парижа, Арман Мараст со своими помощниками, Бюше и Адамом[18]; эти дежурные члены правительства принимали толпы, говорили им речи и отпускали их: в городе их называли ответными машинами, machines à reponse. Всего шумливее обнаруживалась страсть к сажанию так называемых деревьев свободы, овладевшая некоторою частью работников и украсившая почти все площади и углы города молодыми голыми тополями, признанными за эмблему народа, по созвучию слов peuple *, peuplier **. Дело это производилось с некоторою церемонией. Обыкновенно толпа добывала себе священника и заставляла его благославлять дерево, потом выпускала заранее приготовленного оратора из членов правительства или клубных знаменитостей, который произносил речь, а затем, при наступлении вечера, приказывала иллюминовать все окружные дома. Остальную часть праздника принимали на себя уличные мальчишки: они начинали стрелять из ружей и пускать петарды, иногда в окна домов и в ноги пешеходов. Журнал «la Presse», отличавшийся беспощадною войной с правительством, упрекал его за допущение подобных беспорядков, но получил в ответ от полуофициального его органа, «le National», замечание, которое чрезвычайно хорошо рисует положение тогдашнего общества. «Да, — говорил „National“, — власть правительства бессильна, но при этом потрудитесь еще разобрать, как и перед кем она бессильна. Правительство, действительно, лишено средств остановить всякую притеснительную выходку первого встречного, которому вздумается осветить тот или другой квартал Парижа; но взамен правительство так могущественно, что перед ним не смеет шевельнуться вся консервативная партия целиком, еще недавно управлявшая государством и обладающая доброю частью всего богатства нации».

Усилия правительства подчинить и собственную свою республиканскую партию какому-либо порядку привели его к необходимости подумать о том, чтобы выкинуть из Парижа его многочисленное иностранное население из рабочих и выходцев, которое участвовало в революции наравне с туземными патриотами. Ко всем бесчисленным депутациям, осаждавшим Ратушу, присоединились еще депутации от разных народностей: ирландцев, немцев, итальянцев, поляков. Они приходили к Ратуше при треске барабанов, с развернутыми знаменами, домогаясь каждая по-своему помощи для освобождения своего отечества. За них крепко стояли клубы и все демократическое общество, на том основании, что революция в Париже может быть упрочена только братскими революциями во всех других странах, что каждая попытка восстания в Европе есть победа для Франции, которую она одерживает, не трогаясь с места. Надежды воинственной пропаганды, этой любимой мечты французской демократии, раз-

---

* Народ (*франц.*).
** Тополь (*франц.*).

растались по мере известий о волнениях, произведенных у близких и дальних ее соседей февральскими событиями[19]. В редком доме Парижа не говорилось о коренном изменении всей карты Европы, и при этом не было такого странного, несбыточного предположения, которое бы не казалось очень простым и легко осуществимым, даже для лиц, известных своею осмотрительностью во всех других отношениях. Безграничная вера в себя и в будущее носилась в воздухе и царствовала в головах до такой степени, что самые невообразимые политические комбинации, обращавшие в ничто произведения целых столетий, считались уже делом решенным, и о них говорилось как об исторических явлениях, вошедших в общее европейское право. Я слышал однажды мнение очень образованного человека, космологически пояснявшего и оправдывавшего свое и общее доверие к политическим чудесам. «Нет сомнения, — говорил он, — что солнечная система наша вступила в такие пространства неба, которые должны изменить своим влиянием все физические и нравственные основы человеческого существования на планете, как это уже и начинается. Вот почему величайшее благоразумие состоит теперь в том, чтоб ожидать самых несбыточных явлений и безгранично верить в возможность их». Правительство, однакоже, еще не думало этого. Оно принимало довольно холодно и уклончиво депутации от народов, особенно польскую партию, оправдываясь перед общественным мнением необходимостью сберечь дипломатические сношения с дружественными государствами и повременить решением до полного развития всех сил республики. Втайне оно раздавало оружие немцам и волонтерам, собиравшимся в Бельгию, на Рейн и в Польшу, и поддерживало их политическую экзальтацию денежными и другими пособиями. Оно имело двойную цель, гналось за двумя зайцами. Очищая Париж от иностранцев, оно сбывало с рук один из анархических элементов и задавало соседям немаловажную работу дома, которая должна была отвратить их внимание от дел Франции. Благодаря этому чердаки домов, занимавшиеся иностранным пролетариатом Парижа, огласились воинственными криками, которым вторила и улица. В квартирах вождей образовались склады огнестрельного и холодного оружия; теоретически — публицисты, стихотворцы превратились мгновенно в полководцев. По целым ночам совещались они о маршах, эволюциях и планах сражений, а днем раздавали штуцера и револьверы толпам соотечественников, приходивших записываться в ряды будущего войска. Письменные столы их кабинетов были завалены, вместе с книгами и журналами, военною амуницией; в спальнях продавались ружья и штыки; дамы шили, не разгибаясь, знамена, значки и трофеи. В успехе задуманных предприятий никто не сомневался. Так, выкинуты были все немецкие рабочие в Баден-Баден, где после первых выстрелов это вооруженная революция, шедшая на завоевание Германии, разбежалась и была потоплена в крови[20]; так, еще наиболее воинственная часть французского и польского пролетариата была привезена по железной дороге на границу Бельгии, в Киеврен, и тут предательская машина высадила весь отряд в дебаркадере, наполненном бельгийскими войсками, которые и арестовали его целиком; другой отряд был встречен ими около Лилля и рассеян. Наиболее беспокойные, неуго-

монные личности, имевшие осторожность не записываться в волонтеры и продолжавшие ловко возбуждать народные страсти Франции и особенно дух завоевания и покровительства, ей свойственный, были возведены правительством в звание тайных агентов республики, снабжены деньгами и инструкциями и высланы за границу. Таким образом отчасти обессилен был и этот элемент народного брожения в Париже.

Покуда, однакож, шумел в городе тот неумолкаемый демократический праздник, который старались мы характеризовать, там и сям уже показывались зловещие признаки близкого его окончания. Одно за другим получались из провинции не совсем благоприятные известия, и многие из них уже носили характер общественного разложения. В Руане, после довольно бесчеловечного изгнания английских работников с фабрик, ремесленники ходили по окрестным долинам, уничтожая, насколько могли, большие фабричные заведения и не показывая особенного уважения к собственности вообще. Это было предтечей апрельского восстания в самом Руане, так беспощадно-энергически подавленного генералом Орденером. В Лионе каждый день порядок и имущество граждан становились предметом спора между рабочим населением его и комиссаром правительства, Эммануэлем Араго, боровшимся с ним, без особенного, впрочем успеха. В Бордо новый агент правительства был просто выгнан, и город удержал старого, менее революционного, и такая же сортировка комиссаров Ледрю-Роллена произошла в Труа, Безансоне, Амиене, Валансе. Зараза самовольных расправ сообщилась и войску: некоторые полки выпроводили своих офицеров, освободили арестантов и разбежались из казарм после первой жалобы, не тотчас же удовлетворенной. Ненависть к Парижу и диктаторскому тону его населения, для которого сберегаются все ласки и милости правительства, уже начинала подавать голос с разных пунктов страны, воскрешая старое историческое явление на Западе — вражду поля, деревни, крестьянина к городу и его притязаниям, которую очень хорошо поддерживали и разрабатывали легитимистские газеты («l'Union» [21], «Gazette de France»), с одной стороны, а с другой — орган орлеанистов, приобретший вскоре большую известность: «Assemblée Nationale» [22]. В самом Париже случилось происшествие, обнаружившее, как мало все произведенные в нем очищения могут еще служить ему порукой, что он не проснется когда-нибудь утром с новою, неведомою революцией на руках. Злым гением города являлся опять старый Бланки, этот, как его называли, Паганини заговоров, составлявший их по влечению природы и ради удовольствия. Оскорбленный в чувстве своего артистического самолюбия малою удачей попытки 16 марта, Бланки приготовил втихомолку новое восстание рабочих, в виде возмездия за недавно проигранное сражение. Цель заговора осталась неизвестною; да, кроме обычных революционных отвлеченностей, заговор и не мог иметь никакого лозунга, потому что составлял не более как ответную игру (partie de revanche) в политических шахматах; но последствия его могли быть неисчислимы. Вероятно, тайной полиции министра внутренних дел никогда бы не посчастливилось открыть заговор, если бы в Ратуше не составилась вторая тайная полиция, которую устроил мэр города Арман Мараст, собственно про себя и с намерениями следить

за действиями самого министра. Ею именно и усмотрен был заговор, и найдено чрезвычайно оригинальное средство отвратить беду. Прежний депутат оппозиции в палате г. Ташеро[23] предпринял издание более или менее позорных документов, обнаруживших способ управления Францией в министерстве Гизо, продажнические уловки и тайные пружины администрации вообще. Главными источниками скандальёзного обозрения Ташеро сделались архивы, открытые редактору с этой целью временным правительством. Разумеется, это *обозрение, проверяющее зады* («Revue retrospective»)[24], читалось с жадностью. Почти накануне осуществления нового предприятия Бланки, в «Обозрении» появился официальный документ[25], касавшийся заговора и событий 12-го мая 1839 года, за которые Бланки, бывший главным руководителем их, содержался тогда в тюрьме и готовился снести голову на эшафот. Ко всеобщему ужасу и негодованию, содержание документа, заключавшего в себе подлинные записки Бланки, обнаружило, что этот новый Катилина выдал тогда всех своих товарищей, подробно рассказал о пружинах и ветвях заговора, замешивая в дело, с откровенностью и чистосердечием, каких в нем никогда не предполагали, много лиц, остававшихся еще неизвестными правительству Луи-Филиппа. Вдобавок, тон показаний Бланки отличался еще какою-то кокетливостью, словно он хвастался перед своими судьями умением составлять тайные общества и управлять людьми, словно добивался чести породить высокое мнение о своих политических способностях в правительстве. Ирония и глубокое презрение к нравственным правилам всех своих сподвижников, не исключая и Барбеса, довершали впечатление, которое производил этот документ. Удар был верно рассчитан. Новый заговор Бланки разлетелся в прах от одной этой публикации «Обозрения» г. Ташеро, и самый клуб Бланки, где он царствовал безгранично, был на минуту потрясен в основании. Великий агитатор, пораженный на некоторое время совершенным бездействием, принужден был все усилия своего изворотливого ума, хорошо знавшего почву и людей, с которыми имел сношения, употребить на то, чтобы снова собрать вокруг себя и укрепить за собою потрясенную партию, в чем и успел.

Мы уже часто упоминали о журналах, но обязаны прибавить, что революция породила мало замечательных органов журналистики. Журнал Прудона «le Representant du Peuple»[26], отличавшийся оригинальностью взглядов и энергий речи, весь был обращен на беспощадное осуждение людей, принципов и самого хода революции. Новая «Presse» Жирардена, возвысившая число своих подписчиков с первых же дней переворота до огромной цифры, преследовала временное правительство с либеральной точки зрения, требуя от него в одно время крепкой устойчивости и безграничной смелости, притворяясь революционнее самой революции и защищавшая дисциплину не хуже любого алжирского генерала. Репутация гениального спекулянта, какою уже пользовался Жирарден, еще возросла, особенно оттого, что никто не мог разобрать, в чем состоит его настоящая игра. Позднее оказалось, что он играл в пользу бонапартизма. Его дерзкая, обличительная речь и постоянная диффамация правительства и его партии, все это имело вид гражданского мужества, все это

служило как бы упреком собратьям по журналистике, робко соглашавшимся («Journal des débats») предоставить устройство республики, если только оно возможно, самим республиканцам; но в сущности и этот вид мужества был не что иное, как дальновидный биржевой расчет. Когда раз газета позволила себе сделать сравнение Ламартина с Гизо и Ледрю-Роллена с Дюшателем, не находя большой разницы между ними, то одна фанатическая толпа, выведенная из терпения или направленная коноводами, бросилась на улицу Монмартр разбивать типографские станки газеты, при кликах: «à mort Girardin!» * Редактор показал себя и в эту минуту игроком не ниже обстоятельств. Он велел отворить ворота типографского дома, вытребовал к себе депутацию из толпы и тотчас завел с ней жаркую полемику, но в это время уже прибыл отряд национальной гвардии, а за ним поспешили явиться на место происшествия начальник ее, генерал Курте, и сам оскорбленный Ледрю-Роллен. Ламартин готов был броситься туда же. На другой день все журналы, без исключения, осуждали выходку толпы: так важно казалось всем сохранить полную свободу книгопечатания. Жирарден на это и рассчитывал, однако после этого случая тон журнала, на некоторое время, значительно смягчился. С «Прессой» соперничествовала только, как своими 27-ю тысячами подписчиков, так и ожесточенными нападками на временное правительство, газета «l'Assemblée Nationale», орган клуба «свободных выборов», хотя поводы к вражде тут были совершенно иные. Она считала правительство просто-напросто похитителем власти, относилась к нему как к самозванцу и следила за каждым его движением как за новым преступлением против законности, представляемой в ее глазах только будущим Национальным собранием Франции. Всякое распоряжение администрации она оспаривала во всех отношениях. Разоблачение тайных пружин клубов и партий, их скандальёзная хроника составляли также часть ее программы. Затем оставалось только или яростное ничтожество, или ничтожество резонирующее. К первому отделу, кроме уже названных нами прежде изданий и множества других, не заслуживающих названия, принадлежал и журнал «La Garde National» Капо-де-Фелида [27], отличавшегося способностью к бесцеремонному ругательству с противниками еще в 30-х годах. Ко второму отделу, вместе с «Commune de Paris» Барбеса и Собрие, вместе с «Réforme» Флокона и его партии, вместе с «La vraie Republique» [28] — органом Люксембургской комиссии, принадлежал еще «le Peuple constituant» Ламене, уже едва-едва сохранивший свой ультра-радикальный оттенок. Журнал этот постоянно отзывался чем-то вроде укорительной проповеди; он сильно негодовал на социализм, которым закрашивались его товарищи по радикальной пропаганде, неумолкаемо гремел против заносчивости и безумства новых теорий, влекущих Францию на край погибели, когда перед ней лежит один верный путь — именно путь обработки политических догматов и затем безусловной покорности им. Гораздо яснее видел свое призвание и неуклонно следовал ему, несмотря на всю мечтательность заданной цели, настоящий социалистический журнал «La Démocratie pacifique».

* «Смерть Жирардену!» (*франц.*).

Почти все время революции он находился в состоянии какого-то вдохновения, отвечая на каждый частный вопрос новою теорией. Он хлопотал о водворении на земле блаженного царства кредитных бумаг, освобождающих частные лица и государства от гнета долгов, денег и всяческих затруднений. Решение всех задач (было ли то накопление мертвых векселей в банке, была ли то продажа общественных земельных участков, или покупка железных дорог правительством) вызывало у редакторов особого рода творчество, ту деятельность богатого воображения, которою они постоянно отличались в изложении своих планов общей мобилизации, универсального превращения всех достояний в бумажные ценности, отвечающие сами за себя. Когда ультра-радикальные журналы принимали серьезную мину экономистов, они или рабски следовали фантазиям Луи Блана, или бессовестно обкрадывали «Démocratie pacifique», поочередно с журналом Прудона. Был однако еще один радикальный журнал, замечательный по диалектическому искусству речи и блестящей литературной форме, который издавался в министерстве внутренних дел. Это были знаменитые «бюллетени»[29] Ледрю-Роллена, которые выходили из-под пера Жорж Занда[30] и, вывешенные на стенах домов и по углам переулков Парижа, подымали столько противоположных страстей в его народонаселении. Мы помним эти художественные радикальные бюллетени, где знаменитый романист Франции, добровольно превратившийся в тайного секретаря министра, говорил с народом великолепным языком страсти. Особенно два бюллетеня сделались всем памятны по своему лирическому одушевлению. В первом Жорж Занд призывала работников рассказать миру свои неслыханные страдания, а во втором умоляла оскорбленных и униженных женщин не удерживать своих стонов, не подавлять в себе чувства обиды из великодушия и смирения, а, напротив, рыдать громко, упрекать людей во всеуслышание, для того чтобы отвечать равнодушному обществу еще раз услугой — указанием на тайную язву его, хотя услуги этого рода уже накопились в значительном количестве, не принося особенной пользы. Пламенная речь министерских дифирамбов разносилась по Парижу наравне с декретами и важными политическими известиями. Знаменитый бюллетень Жорж Занд о выборах, появившийся 16 апреля, накануне манифестации работников, был уже настоящим политическим событием. Он пророчески возвещал Франции, что если выборы в национальное собрание не будут соответствовать ожиданиям народа, то народ возьмется опять за оружие и уничтожит их. Бюллетень старался заблаговременно утвердить право на этот поступок за народом. Ужас, произведенный бюллетенем в умах тех, которые только с появлением национального собрания ожидали правительственного порядка, общественного спокойствия, разразился яростною полемикой; но никто не заметил тогда, что грозный бюллетень, явившийся накануне дня, который мог сделаться роковым для Франции, ослаблял приготовленное движение, способствовал к отнятию доброй части энергии у напора анархических сил, отчасти успокоенных лестной перспективой, какую открывал им министр в будущем. Люди, слушавшие накануне торжественное признание их всемогущества, держали слабее оружие в руках и менее были расположены упо-

требить его в дело. «Тогда не останется (говорил бюллетень, подразумевая неудачные выборы) другого спасения народу, строителю баррикад, кроме того, чтобы еще раз возвысить свой голос и устранить решение ложного народного представительства... Париж, по праву, смотрит на себя, как на доверенное лицо от народонаселения всей французской земли. Париж — аванпост той армии, которая сражается за республиканскую идею... Если анархия, издали подводящая свои мины, если общественные влияния успеют ввести в заблуждение или обмануть ожидания разрозненных и удаленных друг от друга масс народа, то народ Парижа объявляет себя ответчиком за всех, оберегателем всей нации». Так в смутные эпохи государственной жизни партии иногда служат в одно и то же время двум, совершенно противоположным целям, которые глаз современников не всегда различает.

Что касается до социалистических учений разных других толков, дробившихся до бесконечности, то большая часть их пристроилась к Люксембургской комиссии, как бы обрадовавшись твердой почве, которую, благодаря ей, почувствовали они внезапно под собой. Сама «Démocratie» потеряла одного из сотрудников своих, Туссенеля, покинувшего фурьеризм за слишком почетное место, которое назначено капиталу в его системе, а Видаль, автор книги «О распределении богатств», уже заседал в Люксембурге, рядом с Альбером. За Люксембургскую комиссию схоронились также и работничьи журналы, слывшие коммунистическими при Луи-Филиппе. Основатель католическо-демократического журнала «L'Atelier» Бюше и один из главных его редакторов, резчик по дереву, работник Карбон [31] уже заседали в парижской мэрии в качестве секретарей и прославляли в своем журнале благодеяния порядка и достоинства правильного труда. Другой журнал, издаваемый работниками, «la Fraternité», с умеренным социалистическим оттенком, приобрел покровительство мэра, Армана Мараста, и некоторые из его редакторов попали в список кандидатов на депутатство, составленный партией «National». Так, в виду всех, уже образовалась рабочая аристократия, отделяясь от своих собратьев во имя прав личности, высшего развития и благоприятных условий. Сам мэр города, Арман Мараст, глава умеренных республиканцев и владелец журнала «le National», считает социализм бедствием Франции, а Люксембургскую комиссию полезным злом, рожденным для того, чтоб уничтожить все прочие вместе с собою, и не скрывает своего мнения. При всеобщем молчании изящной и ученой литературы, которую застала врасплох февральская революция и которая во все ее течение так и не выходила из своего изумления, — политическая печать царствовала безгранично. Беллетристика давала знать о своем существовании только продолжением романа «Paturôt a la recherche d'une position sociale» — этим вялым возобновлением «Жилблаза» [32] в современной форме, с злым намерением, но без силы и одушевления в исполнении; натянутыми и немного искусственными шуточками огорченного «Шаривари», который напрасно слыл республиканским шутником при Луи-Филиппе; да еще адресами к избирателям от знаменитых литераторов Франции: Дюма, Сю, Виктора Гюго и проч. Адресы эти заключали в себе политическую исповедь авторов,

объясняли их отношения к прежнему правительству, которым многие из них были облагодетельствованы и, несмотря на разницу стиля, достигавшего у иных космического и вместе чудовищного выражения, приходили все к одному общему смыслу: они всю жизнь призывали в душе царство народа, предчувствовали февральскую катастрофу и способствовали ее появлению по мере сил своих и способностей.

Молчал и театр. Театр был теперь не на сцене, а на улице. Разумеется, прежде всего дирекции театров бросились на постановку пьес, запрещенных цензурою Дюшателя. На афишах тотчас же появились объявления о похороненных и воскреснувших драмах и водевилях: «Les filles cloîtrées» [33] в Одеоне, «Le poéte de Famine» [34] в Амбигю и проч. и проч.; все эти жертвы административной тирании, как их называли, действительно обнаружили бесполезность приговора, их поразившего. Нелепость и бессмыслица их были так велики, что решительно уничтожали действие чудовищных и скандальёзных подробностей, которыми эти пьесы изобиловали. Пошлость играла тут роль спасительницы нравственного и человеческого достоинства. Из этих запрещенных пьес еще довольно забавна была, при крайней пустоте своей, пьеса Пале-Рояля «Le camarade de lit» [35], представлявшая солдата первой революции, который пошел отыскивать по свету своего старого друга и товарища по казарме, Бернадота. Допущенный к нему, он мало-помалу разговорился с ним за бутылкою вина о прежнем житие-бытие, о богатырских походах, о том, как начинали они карьеру, и довел своего растроганного друга до того, что тот начинает припоминать песенки своей молодости и, наконец, уходит спать, крича на весь народ: «vive la République, une et indivisable» *. Несмотря, однакоже, на эти забавные и незабавные нелепости, партеры театров постоянно были пусты, и ни одно произведение, мало-мальски замечательное, не явилось в течение всей революции побороться с общим безденежьем и общим равнодушием к театру и поддержать разорявшиеся дирекции, которые тщетно взывали к правительству о помощи. Одна Рашель спасала еще общников классического французского театра Théâtre Française. Она придумала декламировать на сцене «la Marseillaise» и для того явилась перед публикой в образе древней статуи, с белою туникой, но с трехцветным знаменем в руках, олицетворяя таким образом Францию. Певучим речитативом и вполголоса, при мертвой тишине партера, произносила она стихи знаменитой песни, сообщая каждой строфе особенную интонацию, переходя от глубокого чувства грусти по родине к сосредоточенному негодованию на врагов и, наконец, к отчаянной решимости сопротивления. За всеми этими оттенками песни следило и выражение необычайно подвижного лица актрисы, а когда, в минуту призыва к оружию, она падала на колени, страстно прижимая к груди трехцветное знамя, глаза ее горели лихорадкой энтузиазма. Благодаря этой декламации, продолжавшейся не более одной четверти часа, зала Французского театра наполнялась народом сверху донизу и оглушалась неистовыми рукоплесканиями. Легко было понять, что люди различных партий и направлений видели в Франции, олицетворяемой

---

* «Да здравствует республика, единая и неделимая» (*франц.*).

актрисой, каждый свою собственную Францию, по своему вкусу и понятию, а в знамени, к которому она приникала, различали множество таких девизов, каких на нем вовсе и не было нашито.

Посреди этой общей несостоятельности и ничтожества театров выдавался в это время Фредерик Леметр, известный актер театра Porte St. Martin. Он также возобновил две запрещенные пьесы: «L'Auberge des Adrets» [36] и «Robert Macaire» [37], которые не уступали ни одной из своих подруг в отсутствии человеческого смысла. Спектакль, составленный из этих драм, продолжался, напоминая римские времена или ближайшую эпоху мистерий, два дня, то есть два вечера сряду. О содержании пьес распространяться нечего: автор их, имя которого я позабыл, очень добродушно воображал, что создает страшную мелодраму; но актер, Фредерик Леметр, понял дело иначе и превратил мелодраму в площадный фарс, для потехи публики, создав при этом из главного действующего лица чудовищного героя Робера Макера, поразительный тип современной испорченности. Первая пьеса, «L'Auberge», вся наполнена страшным преступлением, которое совершает Робер (кажется, убийством своего благодетеля); вторая — дальнейшими успехами Робера на пути возмутительных измен, злодейств и обманов всякого рода. Чего тут только не было!.. Но вот что замечательно. Робер казался страшен не столько подвигами своими, превосходившими меру возможного нравственного безобразия, сколько сам собою, психическою задачей, которую представлял из себя. Этот человек ни на минуту не лишается веселого расположения духа; он обладает неистощимым юмором и прикрывает крайнее развращение мысли и сердца лоском блестящего остроумия, располагающего в его пользу людей, которые всюду ищут потехи для себя. Притом же Робер, созданный актером Фредериком Леметром, не только сочинившим всю свою роль, но еще и дополнявшим ее блестящею импровизацией в минуту исполнения, является и вполне свободным человеком. Он свободнее всего своего века. Нет ни одного так называемого предрассудка, которому бы он верил; нет ни одного чувства, ни одного правила, ни одного общественного или нравственного догмата, которые бы он признавал. Он подсмеивается над всеми условиями человеческой жизни, даже такими, которые принадлежат всему животному царству, как, например, влечение матери к своему детищу, и окидывает презрительным взглядом мир, который лежит перед ним, опутанный сетями разных моральных чувствований и предрассудков. Подделываясь под лад этого бедного человечества, над которым еще тяготеет ноша обязанностей и добродетелей, уже сброшенная им самим, Робер постоянно говорит о святости долга, о будущем торжестве правды на земле, о величии самопожертвования на пользу общую и проч., и становится особенно красноречив именно в те минуты, когда он предает друга, обкрадывает сына, наносит побои отцу и позорно клевещет на жену. Как искусный артист, хвастающий своим умением владеть знакомым инструментом, Робер любит перебирать лестницу ощущений и помыслов людских для того, чтобы каждая нота издала под его рукою резкий, нестерпимо фальшивый звук, который можно было бы покрыть хохотом, сарказмом и злою иронией. Прибавьте к этому, что Робер — даровитый чело-

век, чувствующий себе цену и способный занять какое угодно место в обществе. Несмотря на свои преступления, он является постоянно нищим и в лохмотьях; он поэт порока, и поэтому всегда переступает меру, необходимую для выгодных преступлений; он с сумой за плечами и протягивая руку за подаянием, он держит себя, как английский лорд и говорит гордо, как вельможа. Изменившееся положение тоже не имеет влияния на Робера. Сделавшись главою огромного мошеннического общества на акциях, ворочая миллионами и щеголяя в изящном фраке, Робер нисколько не возбраняет себе удовольствия отрезать у посетителя цепочку на часах. Нищенство и богатство стали для Робера такими же мало обязывающими понятиями, как совесть или честь; все это уже ниже его, хотя, разумеется, он предпочитает богатство бедности, по материальным результатам, для которых не щадит ни себя, ни ближнего. Замечательно, что Фредерик Леметр, исполняя свою роль, несколько раз превращался сам, не подозревая того, в действительного Робера Макера. Оно и понятно: нельзя так близко породниться с типом, не имея в себе самом каких-нибудь отдаленных на него намеков. Так, речь, которую Робер, в качестве главы торгового общества, держит к акционерам, Фредерик Леметр начал теми обычными словами, какие влагались в уста экс-короля его министрами при открытии парламентов: «e'est toujours avec» * и проч., и пересыпал ее намеками на прошлое, мало приличными и еще менее великодушными. Еще хуже было, когда, следуя роли, Фредерик Леметр вышел на большую дорогу грабить проезжающих в костюме, имевшем разительное сходство с одеждой важного лица, только что покинувшего Францию: в партере пронесся какой-то смутный, почти болезненный вопль, без всяких рукоплесканий. Признаюсь, этот вопль, неожиданно раздавшийся, посреди постоянного, непрерывного хохота, имел для меня огромный смысл. Он свидетельствовал, что как бы ни ослаблена была общественная совесть софизмами и потворствами всякого рода, были же все-таки посягательства, которые возмущали ее. Со всем тем роль Робера, повторяем, была художественным произведением Фредерика Леметра; и если тип, им созданный, не присоединился к знаменитым типам театральной летописи: Дон-Жуанам, Фальстафам [38] и проч., то единственною помехой этому было то обстоятельство, что он не отлился в незыблемую форму письменного памятника. Рожденный на мгновение сценическою импровизацией одного очень даровитого человека, он вместе с ним и пропал, оставив по себе воспоминание только в бывших зрителях своих, все более и более редеющих. Теперь уже много потерял в своем значении и серьезный вопрос, им возбужденный, о нравственном состоянии того общества, которое дало материалы для создания подобного типа и которое встречало его, судя по общему хохоту и одобрению, как очень знакомое лицо. Толпа не может рукоплескать чистой клевете, в какой бы форме она ни являлась: всякий фарс, всякое преувеличение, ради комических и художественных целей, должны сохранять связь с жизнью, по крайней мере для того, чтобы возбуждать смех. Самый смех есть тут не что иное, как

---

* «Каждый раз с новым удовольствием» (*франц.*).

результат сличения комической гиперболы с действительностью, сличения, которое каждый зритель делает про себя. Что тип Робера не был произвольным созданием одной фантазии Фредерика Леметра, это доказывалось, между прочим, и страстями, которые волновали партер во время представления. Множество лиц выражало непритворное благоговение к того рода величию, которое сообщил знаменитый актер своему детищу, и множество глаз устремлены были на него с выражением чего-то вроде почтительной зависти, испытываемой обыкновенно учениками перед великим образцом. То и другое сказывалось еще в разных восклицаниях, раздававшихся из партера, посреди представления, и в уединенных рукоплесканиях какого-нибудь пораженного зрителя. Партер, видимо, находился под обаянием идеи, олицетворяемой типом. Когда в последнем акте Робер Макер, преследуемый полицией, садится в лодочку воздушного шара, пускаемого каким-то антрепренером, и, подобно Фаусту, уносится с ним в небо или бог весть куда, избавившись таким образом от ответственности за все свои проделки на земле, — оглушительный восторг партера показывал довольно ясно, в каком состоянии умственной анархии находятся все эти головы, и служил хорошим комментарием для многого, что делалось на улицах Парижа, что говорилось в клубах и что думалось большинством толпы про себя.

ДОПОЛНЕНИЯ

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

19-го октября 1840 г., приведя в порядок хлопотливые дела свои, написав дюжину прощальных писем, заплатив Штиглицу[1] за позволение существовать за границей, сели мы на пароход, который в два часа примчал нас к Кронштадту. Тут сошли мы с братьями и с другими товарищами путешествия на берег, отобедали у Стюарта[2], пропили целую неделю безбедного существования в Германии и часов в 12 ночи подплыли к пароходу «Николай I», который долженствовал верно и сохранно доставить особы наши Германскому союзу[3]. Всего досадней было, что приехали слишком рано: пароход ждал почты. Я влез в свой ящик и приложил ухо к стенке, разделявшей меня от пропасти: ничего не было слышно. Море было тихо. Часа через два пробудился я от глухого шума и какого-то судорожного сотрясения всех частей парохода, о котором можно иметь понятие, взглянув на руки человека, страдающего запоем. Я заснул опять, а когда проснулся — движения не было слышно: мы лежали в дрейфе, потому что густой туман прикрыл нас, как будто матовым стеклянным колпаком, и не позволял идти далее в этом опасном заливе, усеянном мелями. — Так простояли мы воскресение, шляясь по палубе и расспрашивая матросов, что бы такое это значило. Кто-то из пассажиров утверждал, что капитан наш Босс нарочно пригласил туман этот из Лондона, чтобы продлить время путешествия нашего. Каждый лишний день выманивал у нас по червонцу из карману, который переходил, не останавливаясь никакими мелями и туманами, прямо в карман к капитану, ибо кухня и все материальное существование пассажиров представлено было ему компанией пароходства. — Весь этот день употребили мы ознакомлению с пассажирами: тут был decan *; лейб-медик Креатон, который, сложа руки на груди по-наполеоновски, спал все время по-русски; веселый старик Казелет с сыном; несколько англичан; эльзасец, приехавший faire factum ** в Петербург и весьма недовольный Россией за то, что русские деньги, как огоньки на болоте, не давались ему в руки; два итальянца, из которых один поменьше, с кудрями, приволокнулся к хорошенькой [одной] немецкой актрисе и когда стал чувствовать приближение морской болезни, то в виду неба, воды и всех нас растянулся преспокойно на коленях ее, и морская качка достигала мозги его уже умень-

* Декан (*франц.*).
** Делать дела (*франц.*).

шенная сотрясением целого человеческого индивидуума. Но всего забавнее был наш соотечественник, удивительный наш Иванов. Это господин, помноженный на русскую пустоту и польскую хвастливость. — Невозможно привесть всего, что говорил этот уроженец Смоленска: довольно того, что он поехал в Америку на пароходе из Гавра, откуда никогда пароходы в Новый свет не ходили; давал взаймы деньги графу Зубову[4], барону ‹*неразборчиво*› и еще кому-то, отвозил депеши в Лондон по личному поручению государя, написал в Париже статью против Лудовика-Филиппа и до сих пор еще находится с ним в тяжбе, наконец, в Турецкую войну[5] получил рану в то место, где торс срастается с ногой, и предлагал показать ее всему почтенному обществу. Но довольно... теперь об известном домовом всех судов — морской болезни. Понедельник прошел для меня счастливо; во вторник глаза мои помутились, в голове начало шуметь, и, осмотревшись, я заметил, что большая часть пассажиров, исключая одного проклятого американца, спокойно насвистывающего песенки, ходило нетвердо и, видимо, страдало. К вечеру ветер еще скрепчал; мне посоветовали лечь в постель, я послушался совета и, действительно, заснул на первых порах, но в ночь я открыл глаза от невыразимо мучительного чувства. Едва я успел выскочить из отвратительного гробика своего, как весь внутренний человек мой выхлынул наружу, но это не возбудило ни малейшего внимания сотоварищей моих. Право, провинциал, попавший на бал и нечаянно закашлявшись, конфузится больше, отыскивая плевательницу, чем здесь человек, извергающий все задушевные тайны живота своего... Я едва выполз на палубу и лег у самой печки; там уже лежал другой страдалец — Катков. Мы уперлись головами друг к другу, прижались как можно крепче спинами и так пролежали всю среду, смотря туманными глазами на страшные волны, разбивавшиеся у самых перил палубы. Что это за море, море Балтийское? Бутылочно-зеленое, сердитое, мрачное — бог с ним. Нет в нем ни роскоши, ни прозрачности Босфора, ни юношеских порывов Средиземного моря; постоянно сурово и скучно, как старик, отживший век свой, притом же мне все кажется, что это море — кастрат: нет у него ни прилива, ни отлива, и холодно бьется оно в скалистые берега Швеции, Финляндии и островов своих. Кстати об островах: часа в два ночи в среду на четверг открыл я глаза и вдали увидел огненную точку какого-то маяка. Это было Борнгольм! Маяк показался мне духом одного Русского, плывшего некогда здесь, завидевшего этот остров и создавшего сказку[6], в которой запутался он сам, но которую Россия читала с жадностью и упоением, так что даже первые познания в географии каждого ребенка начались с тебя, остров Борнгольм, так что и теперь, в годы мужества, не верится, чтобы ты, Борнгольм, мог принадлежать какой-то другой державе, а не России... Этот русский первый прикрепил действующих лиц своих к действительной почве. До него были только острова любви, фантастические государства, небывалые города, носившие иногда, впрочем, имена городов русских; он первый поэтическим чувством сдул все эти призраки и влил в людей и в самую почву жизнь и бытие, живут еще они и до сих пор. Прочтите бесчислен-

ные надписи Лизина пруда[7], прислушайтесь к говору русских пассажиров, которые просят разбудить себя, как поравняются они с Борнгольмом. А вот уже он начал тонуть в серых волнах Балтики; все ближе и ближе подвигаемся мы к Травемюнде. Часов в 5 вечера четверга открылись нам Мекленбургские берега. Капитан велел спустить две ракеты для извещения, вероятно, травемюндских носильщиков о приходе груза русской праздности или немощи и изредка истинного желания быть полезным отечеству.

При входе в речку Траве спущена была третья ракета, высоко взвилась она и упала в море, позади парохода, уже опередившего ее, по этой третьей ракете травемюндцы высыпали на берег, пароход стал умерять ход свой, мы суетились около чемоданов и длинных счетов на коротеньких бумажках. Пароход шел все тише и тише, и, наконец, остановился совсем. — Тут кинули мостик на пристани, и мы вступили в Германию, посреди отцов семейства, с заткнутыми в боковые карманы руками, немочек, приглядывавшихся к родным физиономиям, детей, прыгавших около нас, носильщиков, согбенных под тяжестью чемоданов, наполненных штанами и жилетками, и трактирных служек, предлагавших свои услуги. — Это случилось в четверг, в 7 часов вечера, 24 октября (7 ноября) 1840 года.

ТРАВЕМЮНДЕ И ЛЮБЕК

Чистые домики Травемюнда, вытянутые в прямую линию на берегу, кажутся строем войска, ожидающего прибытия высоких особ из-за моря. Прекрасная липовая аллея придает им веселый, ландшафтный вид. Нельзя удержаться от чувства удовольствия [почувствовав], послышав тень их на себе: так скучно плаванье по Балтике, так хлопотны у нас сборы за границу, так много мечтаний неслось к ним издавна. — Может быть, и цветут они столь роскошно именно потому, что часто видят веселые лица. Восторг разрушает только организм человека, но деревьям, вероятно, он полезен. Переночевав в Hotel de Russie, на другой день рано утром взяли мы с Катковым повозочку, вроде наших шарабанов, и отправились в Любек, до которого считают здесь 2 мили. Кучер наш, в мундире с красным воротником, стал пощелкивать длинным своим кнутом, с которым кони его, вероятно, так сдружились, что на угрозы его отвечали только ласковой улыбкой и, казалось, говорили: «полно ворчать, дядя! мы знаем, что у тебя доброе сердце». — Речка Траве, огибающая Любек, несколько времени гналась за нами, словно извозчик, переманивающий ездока у товарища, но, видя безуспешность настояний, остановилась за первой горкой и поворотила куда-то. Утро было холодное. — Кучер наш надел серую шинель, мы крепче завернулись в свои, и через полтора часа прибыли в Любек, вдоволь надивившись по дороге немкам в соломенных шляпах и с коромыслами на плечах, фермерам в бархатных штанах, огромным телегам, запряженным гусем, а главное — не-

обыкновенному движению народа на этом пути и выражению всеобщего довольства. — Чудесной аллеей, окруженные со всех сторон деревнями, фермами, загородными домиками, въехали мы в Любек, и никогда не забыть мне впечатления, произведенного этим городом. Это врата Германии со стороны Севера, но никакие другие врата, изукрашенные конями, рыцарями и гауптвахтами, не могут сравниться с этим готическим памятником средних веков. — Мы ехали по узким улицам промежду высоких, стеснившихся домов, и клочки неба казались нам голубым полотном, которое натягивали древние на Амфитеатр свой, когда облака неуважительно грозились омочить божественные головы Цезарей. — Мы проезжали мимо остроконечных башен этих чудесных церквей, которыми так много восхищались в декорациях и которые заставляли с таким трепетом ожидать новой оперы с процессиями, знаменами цехов, шпорами, шлейфами и золотыми цепями. — Вот все очарование машиниста-декоратора, все искусство живописца, которому поручено исполнение задников к какому-нибудь великолепному путешествию, наконец, вся прелесть английской гравировки на стали и тщеславного альбома аристократки, наполненного видами городов, осчастливленных ее присутствием, — все это обратилось для нас вдруг в живую природу, стало перед нами в полной своей действительности, облеклось в настоящее бытие и, как говорится, воочию свершилось. — Готическая рыцарская Германия не могла выбрать себе лучшего представителя, который впервые бы встретил иностранца на первом шагу и, взяв его за руку, учтиво и улыбаясь, рекомендовал земле замков, баронов и феодалов. «Честь имею представить: Германия под благословением папы, правами владетелей, заступничеством рыцарей и тайными судилищами». — «Очень рад, я так много слышал... Честь имею представиться — русский, начинающий оправляться после драк, смут, суеверий и бессознательного управления по обычаю». — «Очень рада: сделайте одолжение, обращайтесь прямо ко мне, и если я могу быть Вам в чем-нибудь полезна, то с величайшим моим удовольствием». — «Вы так добры». — И я поцеловал руку великолепной дамы.

Без шуток и преувеличения, город остался почти таким, как застал его Лютер, за исключением стен, разрушенных хвостиком божьего бича Даву[8] на пути бегства его из России в годину славных бед Наполеона. Теперь, где стучали рыцарские палаши по каменным плитам, сделано гуляние, всегда чистое, усыпанное песочком и где вечерком водятся маленькие интрижки. Иногда ведь немец, прочитав драму Кальдерона[9], наденет калоши и скажет: опасность придает энергию любви — надо создать опасность, чего долго искать: к 9-и часам вечера, всегда, когда смеркнется, на валу очень страшно. Часовые стоят шагов за сто, а из города несется звук башенных часов так протяжно... Надо сказать Амалии, чтоб приходила туда...

Но стен нет, а мрачный, суровый облик города остался цел и нетронут.

В Гамбурге общая готическая физиономия несколько разжижается сильною торговою деятельностью, новыми постройками по определенному плану, как, например, известная Эсплонада, улица-стена с оконными про-

резями. В других городах заботливость государей о любимом городе беспрестанно наклеивает на старую его одежду новые заплаты самого тонкого сукна. Здесь ничего подобного нет. Все немцы единогласно уверяют, что Любек — самый скучный город, и, действительно, все здесь тихо, как прилично городу, созданному для воспоминаний. Мы, по прибытии, тотчас пошли осматривать церкви и прямо в Дом-Кирхе. В готическом стиле северной Германии все тяжело, массивно и сурово: он еще не дошел до легкости и прозрачности готизма южных областей. Тысячи столбов не взлетают к небу, и кажется, родственник друидическим камням не обратился в кружевную ткань, а сохраняет всю плотность и громадность языческих прадедов своих. Только колокольни оканчиваются недосягаемыми для взора шпицами, точно хвост ракеты, высоко взвившейся над головой самого фейерверка. — Любекская Дом-Кирхе отличается еще необыкновенною длиннотой своей, и так как легенда в Германии живет и вьется над историческими памятниками, как ласточка, свивающая гнездо в расселинах вековых стен их, то и по построению, и по длине Дом-Кирхе есть легенда. — На одной из стен ее вы видите альфреско[10] лань и охотника. Лань эту захватил на охоте Карл Великий и, надев великолепный ошейник на шею, пустил снова гулять в германских лесах; через несколько столетий заблудился охотник, встретил лань, помилованную Великим, и, убив ее, на цену ошейника выстроил Дом-Кирхе. Вообще охота играет большую роль в древних сказаниях Германии: наш Ревель[11] обязан существованием этой же страсти рыцарей и герцогов оглашать мрачные дубравы звуком серебряных рогов своих, и как бы хорошо было, если бы заячья травля наших помещиков имела последствием основание хоть какого-нибудь городишка. В крайней пристройке видите вы [бронзового] медного епископа с митрой и жезлом, распростертого во всю длину свою на каменной плите; он пожертвовал миллион марок на удлиннение церкви, желая по крайней мере оставить за ней честь самой длинной, если не самой высокой, церкви в Германии. В 1813 французы прострелили медного епископа, ожидая под густыми складками его тяжелой ризы найти клад: скважина, произведенная пулей, видна доселе. . . И не распугал ты их своим жезлом, владыка, и не простер ты к святотавцам благославляющей руки своей с угрозой и проклятием!

Другой католический епископ оставил в этой церкви самое умилительное [повесть своих заблуждений] воспоминание о себе. Желая принести покаяние, равное великости грехов своих, он соорудил деревянный резной портал, водрузил на нем крест [сам себе], выставил сам себя коленопреклоненным и с другой стороны поставил изображение любовницы, с которой делил он труды пастырства, и так в глубоком молчании каятся они уже несколько веков, и, может быть, долгая исповедь эта зачтется им при великом окончательном решении.

Вообще в чудной церкви этой ходишь промеж легенд и сказаний и, кажется, чувствуешь ветер с одежд их.

Вот деревянная статуя божей матери с младенцем в руке, сделанная в темницах; вот другой, позолоченный образ, сделанный с помощью

одного ножа мясника в его долгом заключении, но этот образ принадлежит к тому разряду произведений средних веков, где сильно напряженное религиозное чувство нашло в самом себе и реакцию, и юмор. Тут вы видите, как на колени святой девы скачет прекрасная золотая лошадка; другая дева, увенчанная ореолом, трубит в рог, и всю эту фантастическую сказку бог-отец благословляет из глубины кудрявых облаков.

Еще поразительней — это соединение самых важных предметов с безграничной веселостью в изображениях на боковых стенках бывшего епископского места: здесь сирены, чудовищные рожи, переплетаясь хвостами и разными завитками, играют в дудки и сопелки. Точно видишь ты фигуры тяжелого, горячечного сна.

Впрочем, это младенческое сознание одного из законов жизни, по которому (*неразб.*) должен быть всегда отпор, есть одна из многих заслуг средних веков, и ей мы обязаны Шекспиром и великолепной английской драме.

Осмотрев боковые пределы, где в великолепных саркофагах покоятся герцоги и патриции города, мы перешли к знаменитой картине Иоганна Гемлинга, которая составляет гордость города Любека, а наипаче кистера его кафедральной церкви. Он поставил нас прямо против нее, дал нам вглядеться в задумчивые лица четырех святых, написанных на наружной стенке дверец и укрывающих их, а потом отворил их, и... целая эпопея благочестивого художника явилась глазам нашим. На трех подвижных досках Гемлинг изобразил несение креста, распятие и вознесение Спасителя. Во всех трех картинах действующие лица схожи между собой, как будто писаны с портретов, но что всего поразительней в старом мастере, так это необыкновенная тщательность отделки, переходящая даже в педантичность, так сказать.

Не случалось вам брать лорнет близорукого и приставлять к свежим глазам своим?.. Не правда ли, тогда предметы имели столь резкие черты, что больно было смотреть на них, вся прелесть перспективы исчезала, и все, что стояло в поэтическом отдалении, приобрело [вместе с тем] какую-то ясность и противоестественную определенность: то же самое испытываете вы, глядя на картину Гемлинга. Видна вся добросовестность труда этого замечательного ученика Альбрехта Дюрера, который об руку с набожной идеей утвердил за этой [одной] немецкой школой [обладание] славу глубокой [верной] христианской школы. Действительно новейшая живопись может изобразить ужас природы в минуту смерти бога, великость жертвы, принесенной Спасителем, глубину идей на лице Великого страдальца, но [никто] никогда не достигнет до этого простодушного изображения всеобщей скорби в страшный час, которая [была собственным следствием] родилась из самой неограниченной любви к божеству. Это чувство потеряно в новейшей живописи. Так в картине Гемлинга все рыдают, и сам он, следующий за несением креста, и Божья матерь, окруженная женщинами, и сами исполнители казни, и сам Каиафа, первая причина всего... Вся вселенная обратилась в плач и стенание, как Ромео, потерявший Юлию[12], и любящему сердцу художника

невозможно было и представить себе радость на чьем-нибудь лице при такой страшной, всеобщей, вековечной потере.

Кистер затворил дверцы и снова отворил их: «Вы, может быть, не заметили прихоти художника?» — спросил он. — «А что?» — «А вот посмотрите, в этой процессии несения креста — видите... собака играет с лягушечкой!» О! ты и сюда проник, удивительный юмор средних веков! Так, стало быть, ничем нельзя оградиться от тебя, и самый крест не имеет на тебя никакого влияния. Как воздух, ты проникаешь всюду, и ни один еще академик не создал огромного колокола, чтоб вытянуть тебя из всеобщей жизни! .. Да об чем же думают академики?

Из Дом-Кирхе перешли мы в St. Marien-Kirche, знаменитую своими двумя башнями в 430 футов вышины каждая. Осмотрев мраморный алтарь, известные часы с 12 герцогами, которые выходят из маленьких дверец, доходят кое-как до статуйки с позолоченным ореолом, преклоняют головы, а статуйка их благославляет, и потом, повернувшись ловко, уходят в противоположные двери, — мы отправились прямо в боковую капеллу смотреть альфреско: танец смерти, недавно подновленный по старому рисунку. Скелет играет на флейте, и под эту дудочку [с видимым отвращением на лице] пляшут другие скелеты, влача за собой по порядку [всех] все сословия мира сего, и начиная с папы, императора, короля, до купца, мужика и ребенка... На лицах людей — отвращение, на скелетах — радость. Это тоже одна из старых шуток Германии. — Под [каждым лицом] каждой особой есть четверостишие. Так скелет говорит папе: «Ступай, старый отец! милости просим из Ватикана прямо в саван; да сними высокую шапку свою: теперь придется тебе жить потеснее». А папа отвечает скелету: «Как, неужели смерть не боится меня? Вот теперь-то пригодится мне ключ от неба», и проч. — В числе сословий стоит тоже и кистер. Эта шутка повторяется во многих городах Германии как реакция постоянной мысли о смерти, царствовавшей во всем католическом мире до Лютера, после чего народы стали уже думать о себе. Осмотрев великолепную готическую дарохранительницу, купель и саркофаги магистров, с портретами их, которые, вероятно, для того писаны, чтобы показать, какие свежие, упитанные, румяные, здоровые особы могут умирать, мы перешли к знаменитой картине Овербека, изображающей вшествие И. Христа в Иерусалим на осляти. — Любек как представитель католической Германии не вполне бы выражал ее, если бы утаил нынешнее направление умов к старому искусству, к старым песням, к старым преданиям (*неразборчиво*). Для этого есть у него картина Овербека, оконченная в 1825 году, чудесное создание таланта, добровольно наложившего на себя цепи. — Подражая древним мастерам, Овербек презрел свободную кисть новейшей живописи и стал вырезывать фигуры более, чем рисовать их, забыл все условия перспективы и только думал об одном, как бы перенять старое простодушие, старую веру в чудеса Спасителя и старую любовь к нему. — Пятнадцать лет употребил он для исполнения своей картины и все-таки не отделился ни от своей личности, ни от века своего... На прекрасном лице его Спасителя так много грусти и глубокой

думы, что к этому изображению его могли только привести колебание общества в последнее время и сама философия; на лице Иоанна такая небесная красота и смирение, что непременно вспоминаешь о целом ряде великих итальянских живописцев, и, наконец, в средней группе видно так много опытности, что [значит] с первого раза узнаешь, как хорошо знакома художнику история [и обыкновенного], а особливо история следствия [какого-нибудь] вечного нового учения на массу народа. И все это облечено в старую форму, в неопытную манеру художников 15 столетия, и потому [картина] произведение несет в себе какое-то странное противоречие с самим собой.

Рядом с церквью возвышается городская Ратуша позднейшего готизма [и так как Ратуша], в ней, к удивлению нашему, нашли мы в зале заседаний магистрата 10 аллегорических картин [заседающих], еще не известных миру, но заслуживающих вселенской славы. Чудо картины. Чего тут нет? Женщин, ключей, сабель, зеркал, рыцарей, и все это имеет значение не будничное, вседневное, к которому мы так пошло привыкли, а особенное, мистическое; даже колос хлеба выражает тут не хлеб, а что-то другое. Меня проняла дрожь от одной мысли, что члены магистрата могут унести тайну изъяснения всей этой фантастической эпопеи с собой в гроб и оставят потомство в совершенном мраке на счет этого живописного иероглифа, но прибытие сторожа скоро меня успокоило. Он нам подробно изъяснил значение каждого волоска на головах краснощеких богинь, потому что в картинах этих нет даже волоска, существующего так просто-запросто, а все с выражением какой-нибудь идеи, словно повести французских писателей. — Добрый сторож утешил нас признанием, что в случае его болезни или когда он бывает нетрезв, знаменитые картины толкует и показывает путешественникам жена его. — Ключ к картинам спасен! Если женщина знает тайну [держит его в руках], значит тайны нет и слово загадки может перейти до отдаленного потомства. После этого известия мы вздохнули посвободней и могли осмотреть чудесные диваны, поставленные в виде полумесяца и обязанность которых состоит в том, чтобы лелеять во время прений ту часть законодателей, которые имеют голос [отверженно] (*неразборчиво*) ни в каких совещаниях. Возле каждой софы стоят по две плевательницы, ибо жители Любека считают драгоценным решительно все, что выходит из уст их правителей в минуту заседания. — Маленькая комната рядом с этой залой показывает заботливость магистрата о себе, простертую даже до самых мельчайших соображений. И действительно, сколько гениальных мыслей может растеряться в тот промежуток времени, который употребляет член, чтобы добежать домой. Картина, украшающая стену этой комнаты, предательски высказала нам, что в давно прошедшие годы заседания были еще комфортабельней. Она изображает две палаты, в одной идет шумное прение сената, а в другой [освещенной] стоит длинный стол, и на столе тяжелые фляги, кубки, и посудина чистая, как невинный младенец... и множество глаз устремлено на перегородку, отделяющую комнату от совещательной залы, и сколько физиономий, ясно высказывающих, что мысль их витает теперь

около благодетельного стола, забыв и римского императора, и датского короля, и буйных рыцарей... Но прекрасные старые обыкновения исчезают... Что теперь хорошего в какой-нибудь пустой палате представителей, сзади которой нет ничего, кроме народа, ожидающего, чем прение кончилось?.. Одна уж мысль о пересохшем горле оратора заставляет меня бежать, хотя бы он говорил, как Сенека! [13]

Вечером бродили мы по берегу Траве, по валу, где возвышалась стена, и вошли в город воротами Holsten Tor *, тяжелым, массивным осколком прежде бывших укреплений!.. По дороге поклонились мы памятнику гражданина Праля, расстрелянного в 1813 году без всякого суда французами — за смелое слово; он сказал: «Мы тогда только будем спокойны, когда выгоним французскую каналью».

На другой день рано утром за три червонца наняли мы коляску и вечером в субботу, 7 ноября (26 октября) прибыли в Гамбург, употребив 12 часов на проезд 8 миль, или 56 верст.

ГАМБУРГ

С этих пор я решительно не верю никаким в свете воротам. Если я увижу где-нибудь надпись: «Ворота сии Сенат и народ посвящает победоносному Траяну», — первая мысль будет, что Траян был разбит [где-нибудь] евреями. Если случится мне [прочесть] взять фиакр à la porte d'Etoile **, я перестану верить существованию Наполеона и генералов его, в самом деле, если уж Мобель [1] обманул, чего же ждать доброго от других.

В северной полосе Германии учение Лютера пробежало потоком всесокрушающим [2] и уничтожило, и истребило монахинь, монастыри и все памятники католицизма, оставив только стены, где некогда царствовал он, и от этого стены приобрели необычайную важность. Картины, виды, все описания только к стенам; просвещенное желание сохранить памятники древности начинается с камня и им кончается. Не говоря о Пруссии, где реакция была так сильна, что даже произвела короля-философа, вся северная Германия, за исключением, разумеется, нескольких Рейнских провинций, рвала старую свою веру с каким-то ожесточением. Если где-нибудь в уголку сохранился остаток папизма в виде картины, образа, памятника, статуи, то существует единственно как [памятник одержанной победы] символ силы протестантизма, и кистер, показывающий вам церковь, с торжеством [удовлетворением] скажет, простирая к нему указательный перст свой: «Это принадлежит к временам католицизма и стоит здесь из милости, как старая попрошайка на паперти, когда всех остальных нищих велено брать в смирительные дома». Действительно, для картин и статуй есть свои смирительные дома — это музеумы.

---

* Holzern Tor — Деревянные ворота (*нем.*).
** Возле Этуаль (*франц.*).

Что значат, например, цветные стекла какой-нибудь церкви с изображением происшествий из священной истории в уютной зале [какой-нибудь] Академии. То ли [значит] значение имеет картина Страшного суда, оторванная от кафедры, с которой гремели угрозы вечного проклятия? Какое впечатление произведет старое деревянное распятие, с этим подробным, анатомическим изображением физического страдания, как обыкновенно католицизм примитивный делал распятия, — поставленное в светлой, веселой комнате, с двумя мраморными каминами по углам? Отвращение, разумеется. Взамен всех прежде бывших памятников, которых небольшая часть перешла в музеумы, протестантизм кругом алтарей выставил портреты всех своих проповедников, разрушивших власть римского антихриста[3]. — И вот они везде смотрят на вас строго и сурово [придерживая], указывая на одну книжку[4] (у каждого из них по книжке в руках), вне которой всё считают они ложью, искусство [тоже] даже. — Обманутые бесчеловечно Любеком, вы подходите, например, к церкви св. [Елизаветы] Николая, колокольня которой состоит из трех полукуполов один над другим, входите — алтарь на своем месте, орган тоже, все выкрашено белой краской — и больше ничего. Вы идете в церковь св. Екатерины, колокольня которой еще величественней и фигурней вышепоименованной, хотя и в одном вкусе, — и, кроме скамеек, алтаря и органа, не видите ничего. — В Якоби-Кирхе, которая еще издали манит самым легким готическим верхом своей башни, хотя верх этой новейшей постройки и есть подражание южному просветленному готизму, — и та же история. Одна только Petri-Кирхе, со своими многочисленными пристройками и величественной колокольней, оканчивающейся остроконечным шпицем, сохранила нечто: это картина старого Франка «Шествие на Голгофу»[5], которое сопровождают немцы, немки с овощами, корзинками, ослами, навьюченными хлебом, рыбою и домашним скарбом. Все почти державы Европы воздвигали памятники на местах, где происходила борьба их с Наполеоном: Гамбург, вместо памятника, повесил в Petri-Кирхе картину, где изображена внутренность самой церкви и несколько сот бедных семейств, которых в 1813 году [ночью вывозили за город] на день запирали в храм[6], а ночью вывозили за черту города, чтобы предупредить голод. Наконец, в этой же церкви висят во весь рост две главные причины приключившегося мне разочарования, а именно — толстый Лютер, на лице которого, при всем моем напряжении, ничего не мог я открыть, кроме добродушия и самой ясной наклонности к спокойной жизни, и сухой Меланхтон, с редкой бородкой, который весьма похож на прокуратора св. инквизиции — и со всем тем глаза мои долго не могли оторваться от этих двух портретов. Вот люди, открывшие безграничный путь мысли, по которому идет теперь Германия, вот люди, изъяснившие божественное учение до того, что оно вошло в кровь народов, принявших его, и сделало их нравственными [тут я с ними]. Да будет легка земля вам, почтенные люди, и если величественная процессия баллад, легенд, мраморных рыцарей, бледно-русых дам с соколами на белых руках, с золотыми поясами подойдет к вам в минуту Страшного суда и скажет: «Зачем

истребили вы последнюю память о нашем существовании на земле?», вы развернете им скрижали подвигов, свершенных народами для приобретения гражданской свободы, и скажете: «Зато вот, что мы произвели!»

Примечательнейшая церковь в Гамбурге есть, без сомнения, св. Михаила. Она построена во вкусе Возрождения и отличается красивостью узоров этого рода архитектуры, необычайной стройностью во всех частях своих, легкостью колокольни и подземельем, где на все стороны открывается колоннада, в которой теряется глаз. Действие света, проницающего в подземелье, обольстительно: кажется вам, будто попали вы во дворец гномов. Эта церковь достойна изучения архитекторов.

Но что всего прелестнее в Гамбурге — это Эльба, Альстер и гуляние по прежде бывшему валу... Начиная от Steinstor *, идете по прекраснейшему саду и, наконец, достигаете Ломбардского моста; тут широкой плотиной перерезан Альстер на два озера: с одной стороны, на противоположном берегу, видите знаменитую аллею Юнгферстиг с ее великолепными домами, изукрашенными вывесками, с другой — С.-Жорское предместье, с его мельницами, церквами и крышами домов. Прямо против С.-Жоржа берег весь зарос садами, сквозь чащу которых мелькают загородные домики владельцев, а вдали сквозь прозрачный туман виднеются шпицы деревень и городов, принадлежащих уже Ганноверу. Идите далее: вот известная Эсплонада, улица великолепных домов, посреди которых тянется старый вал, помолодевший от лиц и цветущей зелени, продолжайте: вот налево Петро-Гартен, а за ним еще сады и дорога в Альтону, город, соседственный с Гамбургом и связанный с ним цепью строений так, что они составляют теперь одно целое, но [разделенный на веки] первый принадлежит Дании и имеет короля, а второй принадлежит самому себе и не имеет короля[7]. Идите далее: вот какое-то возвышение, подойдите к самому краю — и Эльба явится вам как серебряная лента с бесчисленными извивами, рукавами, с лесом мачт, изукрашенных всеми возможными флагами. В праздничный день, когда корабли [изукрашенные] выставляют ленты всех 107 небесных цветов — кажется, будто бы старая река надела арлекинский костюм и собирается в маскарад Энгельгарда[8]. Необычайное движение царствует у вас под ногами в пристани (Binnen-Alster) и на берегу: там тысячи лодок скользят от одного корабля к другому, оттуда несутся крики и песни, выкрикиваемые и выпеваемые почти на всех европейских языках; тут матросы выкатывают тяжести и, боже мой! каких тут нет матросов: английское — годдем **, немецкое — доннер ***, французское — foutre ****, и русское многосложное... перемешиваются и равно взлетают, дружески обнявшись, к небесам, где, сделав им перекличку, записывают их в книгу смерти, но нет того, кто их породил. — И все это окружено бесподобным ландшафтом гор и даль-

* Каменных ворот (*нем.*).
** Годдем (*англ.* Goddem) — прокляни меня бог.
*** Доннер (от *нем.* Donnerwetter) — гром и молния, черт побери.
**** Черт подери! (*франц.*).

них лесов, в среде которых, как неподвижная звездочка [светится], виднеется чуть-чуть шпиц Саарбурга — города, принадлежащего Дании.

По позднему времени года мы не могли осмотреть всех садов, лежащих в окрестностях Гамбурга и всех его бесподобных загородных гуляний. Мы сделали одно только исключение в пользу Ренвиля, сада на крутом берегу Эльбы, с которого вид на реку уединенней, тише, задумчивей, так сказать, и оттого река делается еще привлекательней, чем в шумном торговом Гамбурге. Здесь уже нет кораблей и матросов, а только лодки с белыми парусами [неслышно], изредка несущиеся вдоль реки и кажущиеся сверху поплавками [с перышками наверху], которые пускают ребятишки, втыкая в них концы перьев. — По пути к (*неразборчиво*) мы проехали мрачную Альтону с ее Palmaille, грязным подобием Эспланады и Дом-Кирхе, где под широкой кипой стоят три камня, из коих один покрывает прах Клопштока[9], а два других — супругу его. — Мы с благоговением поклонились великому поэту, которого я не знаю ни одной строчки и которого, по какому-то странному предубеждению, считаю самым скучным [поэтом] писателем. Нет никакого сомнения, что я ошибаюсь, но мне все кажется, будто поэзия его не касается людей, а принадлежит собственно ангелам. Правда, говорят, что тут есть и Адам и Ева, люди очень знаменитые, но так как мы не знаем, в чем состояло наслаждение их в раю, то и горести от потери этих наслаждений испытывать не можем и в бедствиях их ни малейшего участия не принимаем. Погуляв достаточно по окрестностям, возвратимся опять в город и полюбуемся этими узкими улицами, этими семиэтажными домами, которых передний фасад состоит из одних стекол, этими выступами этажей один над другим, увенчанными закругленным верхом, скрывающим от вас безобразную крышу, которая так неприятно кидается в глаза в наших новопостроенных городах. Почти у всех домов в самой оконечности последнего выступа видите вы еще окошечко и, вглядываясь, замечаете там чистую гардинку, горшечек цветов и убеждаетесь, что на этой высоте приютилось не отвратительное нищенство об руку с развратом, а довольство, чистота, может быть, даже поэзия. — Из подобного окошечка глядела Гретхен, и часто думал я [подняв], запрокинув голову и поддерживая шляпу: вот подойдет белокурая головка, вот задумчиво устремит она глаза на улицу... Еще живописней задняя сторона домов в Гамбурге, обвиваемая каналами, проведенными из Эльбы и Альстера, что дает ему вид какой-то грязной Венеции. Невозможно себе представить этой путаницы балконов, галерей, пристроек, окошек, дыр, чуланов. Мне кажется, что именно в таком городе может существовать сказка со всеми своими прихотями и капризами, как прилично такой большой барыне. Разбойник здесь может спастись по крышам, привидение — скрыться за любую трубу, а для бесполезных поисков преследователей сколько здесь пояснений в этих будках, конурах, которые все, однакож, наполнены живыми существами. Жалуемся, что у нас мало беллетристических хороших писателей, да выписывайте вы хоть Шахеризаду[10] в Петербург, что она найдет в городе, где на первом шагу встретится ей городовой, забирающий в по-

лицию всех бородатых наших романтиков. — Присоедините еще в Гамбурге к этой отличительной черте его [города], по которой люди живут, как курицы, почти на [одном] шестах и в подземельях, превращенных в кофейные дома, присоедините еще необыкновенное движение на улицах. Как только блеснет солнышко, люди выскакивают из всех пор этих строений, и все это курит сигары, говорит, хохочет, играет на арфе, просит милостыню, таскает из карманов часы, платки. [Катков изволил как-то залюбоваться на одну вывеску.] Через каждые четверть часа ходит по одному направлению дилижанс в Альтону и обратно, который везет за 4 шил. (32 к.) и появление которого на тесной улице, наполненной народом, право, то же, что появление батареи артиллерийской или пожарных труб у Самсона в день Петергофских гуляний[11]. — Множество других дилижансов ходит по другим направлениям, и [все они] кучера предостерегают народ только хлопаньем длинного бича своего, приберегая свое горло для шнапса, вероятно. Иностранец, который не знает этого обыкновения, легко может быть задавлен, что, было, и случилось с Катковым, который загляделся на один из здешних великолепных магазинов, что касается до меня, во всю жизнь не получал стольких толчков, как в Гамбурге, и нигде не был так оглушен воплями и криками работников, которые все свои домашние споры решают здесь публично на площадях и улицах!

Такова наружная физиономия Гамбурга, сообщаемая необычным народонаселением [120 т. на столь малом пространстве] и движением торговли. Что касается до внутренней его жизни, то, по совести сказать, нет ничего пошлее, и именно это существование принадлежит к разряду тех, на которые жестоко восстают носители Юной Германии[12]. Я здесь не встретил гамбуржца, который [объяснил] мог бы объяснить мне конституцию своего города. Они так спокойны, так свободны, так благополучны, что не хотят знать причин всего этого. Но апатия, не разлучная со всем, где нет стремления, заметна в умах здешних даже для иностранца, наименее наблюдательного.

Если исключительное положение Гамбурга, как вольного города, поставило его вне волнений и требований, которыми дышит теперь Германия, то [вместе] надо признаться, что взамен во всей Германии пошлая сентенция, застой умов, будничная, кухонная мудрость не [доведены] достигали до такого развития, как в Гамбурге. Зато они ограждены от всех переворотов и необходимости восставать за права свои, скажут мне, но если все вопросы нашего века клонятся к тому, чтоб подарить человечество таким бесцветным и отчаянным спокойствием, как гамбургское, то игра не стоит свечки. — Они даже не внесли для развития своего элемента учености, который так свойственен Германии, и новые идеи, текущие по жилам всех государств с берлинских кафедр, им совершенно чужды, они даже не внесли художественного элемента, и венская потребность искусств, и мюнхенское стремление к изящному им совершенно не знакомы. Гейне приводя слова Шуппа[13]: «В свете более дураков, чем людей», — прибавляет: «Так как Шупп жил в Гамбурге, то этот стати-

стический вывод опровергнуть нельзя». Кстати о Гейне: я купил в Гамбурге, где издают его сочинения, «Reisebilder» [14] и «Salons» [15] за 70 рублей, так дороги они от возрастающего на них требования публики. Несмотря на шутки его, переходящие иногда в фарс, на какое-то кокетство самим собою и на употребление личности в степени, какой у нас даже понять трудно, — много верного, много поэтического, много любящего заключается в его капризных листках, производящих на вас такое впечатление, как будто видите вы фейерверк, и некоторые искры западают вам невольно в память и сердце, между тем как все остальное обращается в дым и развевается по ветру. — Неуловимо капризен он в своих стихотворениях: часто начинаются они шуткой и кончаются воплем глубоко растерзанного сердца; притом же эти вседневные положения, пошлости обыкновенного существования, которые любит он просветлять мыслью и возводить до духовного значения, получают необыкновенную прелесть от наивности изложения, от простоты формы. Вот одна из поэтических шуток его [16] [где однакож видим], которая наиболее показывает манеру его:

1

Нельзя довольно уважать этого любезного молодого
человека: часто кормит он меня
устрицами и поит Рейнвеновыми ликерами!

2

Мило сидят на нем сюртук и брючки,
а еще галстучек, и так разодетый
приходит он ко мне каждое утро и
спрашивает: здоров ли я?

3

И говорит мне о моей огромной
славе и [о мужестве моем] о моей любезности,
и о моем
остроумии: он рвется, он старается мне
услужить, мне быть любезным.

4

А вечером, в обществе, перед дамами
с восполенным лицом декламирует
он [мне] им мои божественные создания!

5

О! как хорошо было бы найти еще [это]
такого молодого человека в наше время,
когда все хорошее [все более и более]
пропадает помаленьку.

Следующее, которое я сейчас только прочел [17] и не могу удержаться, чтобы не перевести для себя в плохую прозу, принадлежит к числу тех, [в коих] где в своеобразную форму замкнул он сильную мысль:

I

Ель — дерево своими зелеными пальцами стучит
в низменное окошечко, и месяц, желтый
шпион, льет в хижину сладкое сияние.

II

Отец, мать спят в соседней спальне,
только мы не спим с тобой, беседуя
[наслаждаясь] упоительно.

III

«Мне трудно поверить, чтоб ты молился
часто: плохо идет к молитве это содрогание
губ».

IV

«Эта злая, холодная улыбка, которая всякий раз
заставляет меня трепетать, и только нежная
печаль кротких глаз твоих меня успокаивает».

V

«Да, сомневаюсь я, чтобы ты верил чистой верой:
скажи, ты веришь ли в бога отца и сына и
святого духа?»

VI

«Ах, дитя мое, еще мальчиком [бывало],
когда сидел на коленях матери, я уже верил в бога
отца, который правит там — велик и добр»,

VII

«Который прекрасную землю создал и на
ней прекрасных людей, который солнцам, лунам
и звездам указывает их путь».

VIII

«И когда подрос я, дитя мое, побольше
понимать стал, и поумнее стал — я стал
верить в бога сына»,

IX

«В милого бога сына [в любящее], в это любящее
сердце, любовь нам завещавшего, и который, как
восстал от смерти, народом распят был.»

X

«А теперь, как я уже вырос, да много прочел,
да много изъездил, да пострадал — от всего
сердца я верую в святой дух».

XI

«Этот творит великие чудеса и еще больше
сотворит, он разрушит притеснения граждан
владельцами, он разрушит иго рабства»

XII

«Он излечивает старые, смертельные раны и возобновляет
старые н добрые правила: все люди, одинаково
рожденные, одинаково благородны».

XIII

«Ои развевает белые облака, расправляет
темные морщины на лбу и завещает всем любовь и
свободу во дни и ночи».

XIV

«Тысячу рыцарей, хорошо вооруженных,
изобрел святой дух для исполнения воли и
благословил их на подвиги».

XV

«Блистают их дорогие мечи [развеваются их
добрые знамена], страшно губят их проклятия;
О! хотелось бы тебе, дитя мое,
видеть хоть одного из этих гордых рыцарей?»

XVI

«Так смотри же на меня, дитя мое,
поцелуй меня и смотри смело, я сам
один из них, я рыцарь святого духа».

Впрочем Юная Германия несколько потеряла влияние свое с тех пор, как все ее члены переругались между собой, Менцель [18] с Гуцковым, Гейне с Менцелем, Берне с Гейне и т. д. Представителем нового направления умов сделалась известная газета «Gallische Jahrbücher» [19], которая возвела требование свободы до философского мышления, взяв от Юной Герма-

нии отвращение к немецкой пошлости, слабосилию и наклонности к апатическому спокойствию, ненависть ко всем подкупленным защитникам. Status quo * и беспощадное преследование всякой подлости, всякого изменения образа мысли, колебания и всякой бесхарактерности. В последнее время досталось от нее порядком Фарнгагену-фон-Ензе.

[И ныне] Но обратимся к Гамбургу. Если он не имеет политического, художественного и ученого элемента, зато торговый развит в нем сильно. Он сообщает жизнь всему Гамбургу, разукрасил его пестрыми, чудесными магазинами, доставил ему дешевизну в отношении всех житейских потребностей вместе с добротой их и снабдил (*неразборчиво*), которые затаскивают вас к портным, сапожникам, продавцам белья и проч. От последних особенно должен остеречься иностранец, потому что они получают десять процентов [с хозяина] со всего того, чем хозяин может вас надуть... Путешественника здесь все считают, от мальчишки, продающего спички, до портного Петерсона включительно, за быка с золотыми рогами, какой выставляют в большой праздник и всякий старается оторвать самый большой кусок. Несколько оказий приключилось Иваницкому [20], Бредо и Кайданову [21]. Но так как во всех этих торговых оборотах мы принимали участие весьма неохотно, то и поспешили убраться.

14/2 ноября, в субботу, взяли мы дилижанс и в 9 часов вечера выехали из Гамбурга. В понедельник мы были уже в Берлине, 16/4 ноября, в 6 часов утра, проехав 33 мили, или 260 верст, за 33 часа... На дороге [случилось] успел я заметить три вещи: Лудвиго-Луст, замок герцога Мекленбургского, который похож на загородный дом промотавшегося барича, удивлявший некогда великолепием и приходящий теперь в разрушение, да еще заметил я, что прусские чиновники, ощупывающие наши пожитки, были весьма учтивы и снисходительны, да еще, что в дилижансе мы набиты, как селедки, и что на станциях позволяли нам отдохнуть именно столько, сколько нужно было времени кондуктору, чтобы высморкаться и уложить платок в карман.

Из портовых сооружений в Гамбурге примечательна старая биржа, это просто навес на тяжелых, массивных столбах, под которым собираются каждый день купцы и деловые люди. В это время даже площадь вся покрывается народом. Другое заведение есть биржевая зала, Börsen-Halle, где получаются газеты почти всех европейских городов, книги приобретаются почему-либо известные, и на особых досках выставляются рукописные извещения о всех новостях во всех уголках Европы и где уж ни одно изменение мира сего не укроется от глаз, от внимания людей [рассматривающих], следящих за судорогами сего времени. Эта [заведение] зала заслуживает полного [внимания] уважения и показывает, как сильно торговля развивает гражданственность народную.

* Существующее положение вещей (*лат.*).

БЕРЛИН

И прямо в небе знаменитый музеум постройки Шинкеля.

В Берлин въезжаешь садом, который хотя и называется Thir-Garten *, но животных не имеет: это великолепный парк [прямо в котором] с двумя дворцами: Шарлотенберг и Бельвю, оба на берегу Спре. — Мимо!

Вот на конце длинной аллеи виднеется колонна Брандербургских ворот со скачущей победой наверху [1], которая по велению Наполеона перевезена была в Париж и в 1814 г. снова возвращена на старое место, и естественное дело, что если победа так будет скакать, то рано или поздно [она] сломит себе шею. За Брандербургскими воротами Pariesen-Platz **, и у самого въезда дом вдовы Блюхера [2], но — мимо!

Вот прямо знаменитая улица Unter der Linden *** с липовой аллеей посреди и высокими, великолепными домами по обеим сторонам, в числе которых первое место занимает, без сомнения, дом русского посольства. Тут промелькнет мимо вас скромная вывеска ресторатора Ягора [3], который считается первым поваром Германии, [тут] заметьте ее, а все прочие магазины, лавки, кондитерские, трактиры, особенно Petersbourg, где принцы и знаменитости современные подняли цены и носы прислужников желудка до неслыханной степени, — пропустите мимо!

Вот на конце аллеи место, очищенное для памятника Фридриху Великому: так как на нем еще ничего не видно, то мимо!

Вот к массивной королевской библиотеке прислонен дворец принца Вильгельма [4], за потомством которого, по случаю бездетности короля, останется престол прусский: посмотрите на его зеркальные стекла и — мимо!

Вот напротив дворца Академия живописи под председательством Шадова [5], совершенно подавленная Дюссельдорфской школой [6], покрасневшая от зависти, что провинциальная Академия совершенно затмила столичную перед глазами всей Европы, — мимо!

Вот красивая обвахта, по бокам которой стоят мраморные памятники Бюлова [7] и Шарнгорста [8].

Вот напротив памятник Блюхеру, прекрасное произведение Рауха [9]. Герой 1814 года представлен в угрожающем положении, с саблей в руке и одной ногой на пушке; если можете вы себе вообразить самые грозные усы, какие только существовали на свете, то вы будете иметь понятие о Блюхере. — Мимо!

Вот королевский оперный театр, со скромной своей парадностью, однакож здесь вы остановитесь и посмотрите внимательно: тут поет Леве [10] и гениальный Зейдельман играет Мефистофеля.

Вот напротив большое здание Арсенала, в огромных залах его стоят орудия всех веков, да мне что в них? [Всякому человеку с воображением

---

* Зоопарк (*нем.*).
** Парижская площадь (*нем.*).
*** Под липами (*нем.*).

нетрудно себе представить простейшие виды орудий.] Всякому человеку, которому бог дал несколько воображения, довольно взглянуть на железный ствол, в котором Б. Шварц пробовал силу нового порошка[11], чтоб постичь все видоизменения пушек, и довольно взглянуть на шпагу квартального, чтобы вообразить себе всю историю мечей до первого, которым Ангел выгнал Адама из рая.

Вот небольшой дворец покойного короля в один этаж, с пристройкой, которую занимала княгиня Лигниц[12], сохранившая королевский титул свой, придворный штат и всеобщую любовь народа.

Вот Schloss-Brücke — широкий мост на Спре с огромными гранитными [перилами] камнями вместо перил, соединенных чугунными массивными решетками. [Направо у вас здание] Направо Королевская Академия архитектуры, превосходное здание Шинкеля в виде правильного четвероугольника. И, наконец, мы на площади, в основании которой стоит музеум Шинкеля. Мы только к нему и торопимся. Теперь только я вспомнил, что в описании знаменитой улицы Unter der Linden пропустил я Университет, помещенный в прежде бывшем дворце принца Генриха[13]. Как можно было пропустить Университет — не понимаю; это Университет, в котором читает Гердер[14] философию, Гото — эстетику, Витке[15] — богословие, Риттер[16] — географию, и множество других лиц, имена которых известны Германии и свету. Всякий, собирающийся в [Университет] Берлин, должен сперва определить, куда он едет: в Университет или в музеум. — В первом случае он свершает великий подвиг, во втором он ничего не свершит, кроме удовлетворения неумолкающей потребности эстетического наслаждения, которая, впрочем, замечается иногда и у пустых людей; в первом случае он три года посвящает изучению логики, может быть, полжизни философии Гегеля; во втором он ничего не жертвует, а напротив, довольно эгоистически отбирает у бога и гениальных людей все, что у них есть упоительного: от бога — луч солнца, сияние месяца, теплый ароматический воздух, напоенный благоуханием цветов; от людей — великую мысль, великий образ, красоту. В первом случае, в конце долгих трудов он знает тоску, из которой развился весь физический и нравственный мир, и всему видимому может определить место и значение; во втором — он ничего не знает, а только подходит к произведению, и когда луч гения ударит в его собственное сердце, пробудит все, что может оно заключать в себе, образует электрический ток от творения к наблюдателю и обратно, и в этот мир сладостных ощущений погружается он бессознательно — из единой потребности наслаждения!

Что касается до меня — то прямо в музеум и в галерею древних статуй. Нигде, может быть, античная галерея [не имеет] не производит такого болезненно приятного чувства, как в [двух] городах северной полосы Европы. Что мудреного встретить ее во Флоренции, где женщина [смотрит на вас такими глазами, какие любил писать какой-нибудь Гвидо, какой-нибудь Корреджио] сохранила форму, какие любил древний резец, что мудреного видеть ее в Маниле, где Везувий так хорошо поясняет любовь древних художников к пластической красоте, в Риме, где жен-

щины до сих пор служат еще живой моделью и первообразом созданий, которым мы после так много удивляемся, в Венеции, где гондольер, правящий веслом, покажет вам руку, достойную фарнезского Геркулеса[17]; но здесь прямо от безобразного кивера, от длиннополого сюртука, от шляпки с красным пером и от влажных клочков снега, который хлещет вам в лицо и растаптывается сапогами в липкую грязь, перейти прямо к подножью нагой красоты [к великому], к живому изображению неги, и к сознанию, что рука, сотворившая тело человека, сотворила нечто великое и прекрасное — это наслаждение горькое и отрадное вместе с тем. — Вот за минуту до того, как переступили вы порог, вы еще слышали запах пыли и сигарки, прозаическое волнение толпы, речь о нуждах, видели все уклонения природы от первоначального типа [человеческого совершенства] совершенства в лицах, членах, в самом существовании человека и — вдруг стоите вы лицом к лицу к примеру, чем долженствует быть человек. — Больно и упоительно... [Как это возможно] Каждый мускул здесь — роскошь и красота, каждое движение здесь — движение царя, на которое глядит в упоении все дышащее на земле, каждый член здесь — образец оконченности, прелести и силы! — И что за тишина царствует в этой земле! — Все эти Дианы, Музы, Венеры молча смотрят на вас с высоты пьедесталов своих, и ходите вы промежду них, как промеж теней; зала античная обратилась в храм красоты, и, как во всякий храм, входят в него с благоговением; теплое отрадное чувство наполняет сердце ваше, и кажется вам, что все это стоят люди, только обращенные в камень в самую лучшую минуту их жизни... Вот знаменитый бронзовый обожатель[18], adorant, он простер руку к неведомому божеству, корпус откинул несколько назад, одна нога выдвинута, и в эту минуту, когда чувство прозрения божества и прелесть тела слились в одно удивительное целое, он [окаменел] обращен в металл для наслаждения веков... Вечная хвала судьбе.

Вот Полигимния[19], захваченная приговором неумолимым в ту минуту, когда облокотилась она на колонну и выказала всю красоту тела, обвитого прозрачной туникой, вот сидящая Муза, которая держит в руках пергамент и, согнувшись несколько, внимательно читает — о! как же давно читает она его, и только неопытному глазу нашему кажется, будто она сейчас только села и сейчас только развернула свиток. — Вакханку окаменение застало в ту минуту, когда, сладострастно откинувшись и подняв руку, призывает она к наслаждению. Диану, когда горделиво закинула она голову, и складки туники роскошно упали на помост. Аполлона, когда поднял он грозный лук к глазу, и весь корпус его вытянулся и окреп для гибельного выстрела.

Античная галерея обязана своим существованием покойному королю: он собрал все статуи, разбросанные по разным дворцам и садам королевским и поместил в музеум. Поступок человека просвещенного! Кроме статуй, в галереи заключается также много бюстов римских императоров и две новейшие статуи: бронзовая г. Бозио[20], скульптура короля французского, изображающая лежащего гиганта, тело которого не имеет той

жизни и нежности, какие заметны в подобных статуях древних художников, и мраморная прекрасная Кановы, изображающая Гебу[21], несущуюся на облаках. Канова прославлен [необыкновенной] грациозностью своих женщин и нежностью их форм, но это совсем другой род. [Никогда древняя женщина не была тем, что мы называем грациозностью.] Никогда женщина древних не была сентиментальна и не отличалась тем, что ныне разумеется под словом грациозность: это была сильная, кроткая женщина, отличающаяся прелестью, врожденной всему ее существу, а не придуманной, заученной, и вместе с тем простотою чувства. — Любовь была не игрушка для препровождения времени, а потребность ее, и оттого при всей роскоши форм, неги положения вы видите еще в древних статуях и мощь духа, от которой теперь попятился бы не один волокита!

В новом здании музеума помещена и картинная галерея, которая [не знаменита великими произведениями, представляющими всеобщую известность], имеет множество картин известных итальянских мастеров, но ни одной знаменитой. — Немецкая и Фламандская школы обильнее шеф-деврами; но что всего замечательней в галереи, это ее ученый каталог картин, составленный Ваагеном[22]. Не мешало бы завести подобный всем галереям. — Картины расположены по школам; сперва Венецианская, с появления ее, развития ее отличительных качеств и упадка, потом Ломбардская, средней Италии; потом вы входите в залу упадка Итальянских школ и из нее постепенным рядом картин переходите к Караваджу и Караччам; когда вы вдоволь насладитесь могучими произведениями этих мастеров, вы вступаете в залу академиков и этим оканчивается первое отделение. Второе отделение назначено школам Фламандской, Голландской и собственно Немецкой. — Третье отделение примитивным школам, из которых развилось великолепное дерево живописи, осеняющее вас в сию минуту. — Таким образом вы наглядно прочли всю историю живописи со всеми ее видоизменениями. Если мы начнем с конца, с примитивных школ, то нам предстоит немалое наслаждение [каким образом] наблюдать [переход, как распалась Византийская школа на две: Итальянскую и Немецкую, которые в свою очередь разветвились (*неразборчиво*)] младенчество живописи у трех разных народов: византийских греков, итальянцев и немцев. — Византийская первоначальная живопись была, кажется, более подражанием искусству, чем природе: человек в ней безобразен не по-человеческому, а так как бывает обрубок дерева, которому неопытная рука хотела придать живую форму; белые полосы, проведенные в тех местах, где художник хотел изобразить жилы и морщины, совершенно соответствуют нарезкам и вырезкам, которые с той же целью делает доморощенный скульптор на деревянном своем творении. Самый фон картины золотой и кажется глазу [должен казаться и придуман для того] куском, из которого выбили это картинное величие и неподвижность, и отсутствие всякого выражения есть отличительная черта этой школы. — Представителем Византийской школы остается в Европе еще до сих пор Россия, где манера ее, освещенная церквью, сохранила до нас отличительные свои признаки.

Итальянская первоначальная живопись вытекла из Византийской, но скоро отделилась от образца своего по врожденному инстинкту красоты и наклонности к изображению страсти; так в картине «Взятие Божей матери не небо» и в картине Виварини[23] — обе мадонны заключают в себе, как в зерне, все будущие мадонны Италии во всей идеальной их красоте. Во многих картинах ясно заметно стремление к группировке, к созданию того, чего еще не может уловить итальянская кисть и где старания ее производят нелепые положения и чудовищные сближения.

Немецкая школа с бледными, задумчивыми лицами своих мадонн, с неподвижным, тусклым взором святых и водянистым колоритом ясно показывает, что живопись эта развивается не из созданий видимой природы, а из духа. Особенная скромность всех положений заранее приуготовляет вас к тому благочестию и чистой религиозности, которая потом удивляет вас в картинах Дюрера, Гемлинга, Гольбейна[24].

Но перейдем в большие залы. Вот Венецианская школа, уже совершенно отделившаяся от Византийской, начинает склоняться к роскоши и неге изображения и, наконец, доходит до Тициана. Портрет Лавинии, дочери живописца, поражает жизнью и теплотой; портреты Тинторетто (прокураторы св. Марка) есть выражение итальянских страстей, и роскошная «Венера и Амур» (подражание Тициану) уже совершенно определяет вам характер школы. — Вот Ломбардская школа, где как перлы блистают две картины Корреджио[25] одинакового содержания: Юпитер в виде Лебедя, прилетевший в первой — к Леде, во второй — к Ио[26]. Корреджио не любил полных сил и жизни женщин, он любит нежность, хрупкость, так сказать, членов, которые вместе с тем обличают жажду наслаждений и сладострастия.

Вот, наконец, достигли мы школы средней Италии, где вы видите Рафаэля учеником Перуджино[27], подчиненного его сухой кисти, и тут же видите Иоанна Крестителя[28], папу Юлия II[29] и Иоанна Богослова, по рисункам Рафаэля исполненными разными мастерами и где уже великий мастер является в полной силе. Теперь переходите вы к Караваджу и Караччам, могущественному соединению знания с вдохновением, слияния тела с глубиной мысли и создания, и смотрите на целый ряд святых, писанных Доминикино и Альбано[30] по рисункам Аннибала Караччи[31]. Между этой залой и предшествующей находится еще зала упадка живописи в Италии, поучительная вещь для художников. Невозможно представить себе более безвкусия, не наивного, как в школах первоначальных, а придуманного, рассчитанного, входящего в состав картины как эффект: искривленное положение Амура, освещение Психеи (кар<тина> Сальвиано[32]) и нагая женщина в картине «Рассуждение о зачатии св. Девы» производят тяжелое впечатление; наконец, вы пробегаете залу академиков, и, благодаря прекрасному каталогу, все вами виденное цело и ясно выразилось на мозгу и сохранилось в памяти. Фламандская и позднейшая Немецкая школы богаты картинами Рубенса, Ван-Дика, Рембрандта,

картинами genre *, пейзажами, но для описания всего этого надобны тома. Систематическое расположение сделало из этой сравнительно бедной галереи — почти драгоценность Европы.

Здание музеума есть продолговатый четвероугольник с мраморной колоннадой и ротондой вместо вестибюля.

Прямо против музеума возвышается массивный замок во вкусе Возрождения. Этот род архитектуры можно сравнить с временщиком, который [отступил] любит именно то, что давит грудь постороннего, ослепляет его глаза, поселяет то тяжелое чувство удивления, которое заставляет вас метаться как в страшном сне и не разрешается в гармонию всех душевных сил. — Он перешел от церквей во владение королевских особ и будет долго любимым родом архитектуры, потому что, допуская огромность, тяжелые завитки и золото во внутренних украшениях [он сохраняет четыре элемента примечательности крепостного храма], он соединяет циклопическую важность народного памятника с возможностью выказать богатство Великого Магола. Королевский замок переделан из старого, так что на наружной стене его, обращенной к Спре, видны еще башни прежде бывшего донжона, [тут показывают комнаты] и главный вход сделан наподобие арки Септима-Севера [33] в Риме. Таким образом в одном строении видите вы рядом три века, но Шлугер [34], великий художник Фридриха II, умел в своей архитектурной лаборатории переварить все три несоединяемые вещи, и замок представляет одну огромную, мрачную, тяжело великолепную массу, которая от избытка статуй и разных других наружных украшений более кажется надгробным памятником какого-нибудь почившего страшного владыки, чем жилищем живого человека.

Налево от музеума видите Дом-Кирхе новейшей чистенькой постройки, имеющей вид сплющенной церкви св. Павла, что в Лондоне. Внутренность ее не похожа на храм, а на концертную залу. — За Королевским замком видите так называемый Длинный мост с конной статуей Вильгельма, курфюрста Брандербургского. Тут кончается Новый Берлин и за рекой начинается Старый с узенькими улицами, как все старые города, с двумя готическими церквами, в которых нет ничего, кроме портретов протестантских предигеров у алтарей, как везде в северной Германии, с рыночной торговлей и мелкой промышленностью, народным движением, толкотней, бранью торговок и пр. Все эти вещи Новый, чинный Берлин откинул от себя и изредка ходит только в Королевский городской театр посмотреть, чем занимается народ, и видит то арабов из Сахары, которые кувыркаются по три раза на воздухе, и три человека становятся друг другу на головы так, что голова последнего касается уже театрального неба, или видит какой-нибудь французский водевиль, переделанный на немецкий вид, этот вид, который не намекает, а все откровенно, сполна высказывает, никого не колет, а бьет, как булавой по голове. — Случается, что устрашенный громовым, ужасным хохотом народа Новый Берлин спешит поскорее назад, в свой степенный, чистый, чинный, однообразный уголок.

---

* *Жанр* (*франц.*).

У Нового Берлина есть два театра: Опера, мимо которой мы проехали, и Schauspielhaus *, другая постройка Шинкеля, отличающаяся сколько прекрасной, стройной перистилью, столько и внутренней залой, удивительно покойной и красивой. В Опере видел я Леве и Зейдельмана в роли Мефистофеля, в Schauspielhaus видел я Эдуарда Девриента [35] в роли Гамлета и Зейдельмана в роли Полониуса, но об них после.

У Нового Берлина, подле театра, на площади Жандармов, есть две церкви, два Юпитера Олимпийских, два Исаакивских собора, построенных Фридрихом II. — Великолепные их куполы высоко поднимаются к небу, служа подножием — чему бы вы думали? Первый — статуе Разума с факелом, другой — Состраданию, ибо первая построена для Школы французского языка, а вторая — для Комитета о бедных. Это одна из тех тонких насмешек над религией, которая заставила Вольтера надписать над входом в церковь в Фернее: «Вольтер — богу» [36]. Фридрих II всегда завидовал Вольтеру, и чтобы убить противника, он в том же духе выстроил вместо одной две церкви. Однакож имеется правительство, которое всеми силами старается возвратиться к старому порядку вещей, что и составляет его борьбу с народом, требующим новых правительственных форм, — оно возвратило и этим зданиям то назначение, которое соответствует их наружности.

Новый Берлин имеет еще две игрушки: готическую церковь Werdersche-Kirche, которая с цветными стеклами своими, узорчатыми скамейками походит на новомодный карманчик для карманных часов, и еще католическая церковь наподобие Пантеона в Риме, за исключением, разумеется, его размеров, что и придает ей вид спального колпака, хорошо накрахмаленного и в полной красе поставленного на стол.

Исключая улицы Unter der Linden, которой многочисленность публичных зданий, построенных в разных вкусах, придает нечто живое, все остальные улицы, примыкающие к ней, поражают вас грустной симметрией, однообразием, сжимающим сердце. Вам кажется, будто идете вы по коридору крепости, которая содержится в большом порядке, и с обеих сторон видите вы окошки заключенных, правильно расположенных и даже украшенных по филантропии нашего века гардинами, и к удивлению своему замечаете, что преступники, весьма чисто одетые, учтиво смотрят на проходящих и благочинно разговаривают между собой.

[Изумляют вас] Если вы прислушаетесь к разговору, то немало изумит вас необычайное довольство заключенных и похвала их месту заключения: «это очень хорошо, что кругом нашего дома сделана канавка: все нечистоты стекают туда, и мы освобождены от мистического ** воздуха какого-нибудь Гамбурга. Или — это очень хорошо, что есть у нас запрещение близко подходить к стенам, иначе можно отбить штукатурку [дать ей], карниз, произвесть сквозняк и получить, чего доброго, рожу

* Драматический театр (*нем.*).
** От *нем.* der Mist — навозного.

на ногу. Или — это очень хорошо, что нам велено поднимать гардины только до половины окна, иначе можно получить удар солнца в голову» и проч. Чтобы иметь понятие, каким образом внутренняя чинность города согласуется с наружным обликом и безжизненностью окрестностей, подобно тому, как все длинные носы, по физиогномистике, должны выражать бойкость ума, а все огромные лбы, резко закругленные назад — безумие, стоит только взойти на Крейцберг, гору, где стоит памятник в воспоминание 1814 года, и посмотреть оттуда на Берлин. Что это такое, господи боже! Вы видите зеленую землю и на ней множество домов. На их месте я убежал бы отсюда и расположился бы где-нибудь попокойнее, под тенью горки или на берегу веселой речки!

Трудно описать впечатление, производимое Потсдамом. Огромные дома во вкусе Возрождения стоят на пустых улицах, точно заслуженные лакеи, получившие пенсион от нового барина и с восторгом вспоминающие о старом, когда он был так в чести, когда неизъяснимый восторг разрывал сердце от каждого милостивого слова его, и толчки, пощечины кажутся теперь забытым служителям не более как антрактами восхитительного представления. — Надо же быть и антрактам! Действительно, все эти мосты с почерневшими статуями, все эти дворцы частных людей, приходящие в ветхость, — все это оставленные домочадцы одного великого барина. Как печально смотрят они и думают, куда же девалось волнение придворных, прибытие посланников, отправление курьеров, суетливость искателей улыбок и проч. и проч. Пусто и безжизненно на улицах, и только одна искра Фридриха еще теплится в Потсдаме: это обучение солдат. Всюду видишь рекрутов, стоящих в линию, и унтера-офицера, который кричит: «Halte! Rechts! Links!» *; партии сменяются партиями, отряды, караулы идут в разные стороны, и даже на площади перед самым дворцом стучат барабаны, и мерное топанье, и войсковая команда раздаются под тем окном, где жил герой Семилетней войны [37]. Притом же как будто и природа, имея одинаковое со мной мнение о Потсдаме, бросила на него страшный туман. Мы приехали по железной дороге в 30 минут (4 мили). — Тяжело лежал туман над гаванью, которая тщетно старалась разорвать его и блеснуть перед нами своими рукавами, усеянными кустарником. — Туман бежал [перед] по прекрасному железному мосту, как скороход, перед самым нашим носом, и едва различали мы вдали колоннаду, окружающую дворцовую площадь. Кое-как отыскали мы смотрителя и тотчас отправились на половину Фридриха, не тронутую с самой его кончины. Еще тяжелее тумана впечатление, производимое этим остатком великого человека. Вот его приемная комната с портретом танцовщицы Барбарины [38], которая так страстно смотрит на нас огненными глазами с полотна, как будто промежду нас кто-нибудь похож на Фрица. Вот его комната с маленьким фортепьяно, нотами его сочинения, картина, где Барбарина танцует, и столик промежду окон, покрышка которого страшно измарана каплями чернил и воска. Тут он любил играть

* «Стой! Направо! Налево!» (*нем.*).

на флейте и между тем подписывал бумаги на столе. Я долго смотрел на капли чернил: господи боже! сколько радости, сколько отчаяния, сколько взволнованных страстей заключает в себе каждая капля: больше чем капля невской воды инфузорий. Другой стол его, так же испачканный, стоит в его рабочей комнате и примечателен еще тем, что Наполеон отрезал собственноручно огромный кусок его зеленого бархата. Этот гость Пруссии прохаживался в комнатах великого человека с такой свободой, как будто он был полный хозяин. — За рабочей комнатой — большая зала, разделенная надвое серебряными перилами, составляла его спальню и библиотеку. — Я посмотрел на библиотеку: энциклопедии, Дидерот[39], Гельвеций[40]. Хорошо! Но гораздо лучше всех этих книг атлас Силезии, покоящийся на бархатном табурете! Тут сам Фридрих был сочинителем[41]. И, наконец, за библиотекой знаменитая комната, где он ужинал с собеседниками. Вся Европа имела тогда les petits soupents *, Фридрих тоже. Это узенькая комната, обитая потемневшим пунцовым бархатом, с большим столом посредине, который действием особого механизма уносил пустые тарелки вниз и выставлял блюда и вина. Вольтер пишет, что тут были и картины, в соответственность речам и намерению, с которым чудесный стол сделан, но тут висят какие-то другие [это говорит], что доказывает, что неприкосновенность комнаты Фридриха еще не так священна, чтобы не снять признаков дурного поведения... Таким образом в пансионах, когда приезжают посетители, то всем мальчикам, стоящим на коленях, позволяется сесть на это время. Недалеко от дворца, который в архитектурном отношении есть очень простая вещь во вкусе Возрождения, стоит гарнизонная готическая церковь с огромной новейшей колокольней. — Под этой колокольней, прямо за алтарем, в склепу лежит отец Фридриха под тяжелым камнем, а бунтовавший некогда сын — в простом гробе, который сверху только обтянут железом для предохранения посетителей от смрада. Фридрих II гниет! Как торговка с рыбой, разбитая в кабаке параличем! Как... как все! — Я спросил у дряхлого кистера, где стоял Наполеон, стал на том же самом месте, сложил также руки на груди и... ничего. Церковь не потрясалась в основании, небо не разразилось громом, Фридрих не пошевельнулся! Шпагу, лежащую на гробу, Наполеон взял в Париж, теперь она находится в королевской Кунсткамере в Берлине.

Остальные отделения Потсдамского дворца состоят из великолепных комнат, где останавливался наш государь, и комнат покойного короля, наполненных прекрасными картинами видов Берлина, сражений, войск и штандартами полков. Последнее отделение принадлежит другому воспоминанию Пруссии, не могущественному, как воспоминание о Фридрихе, но сладкому, поэтическому — королеве Луизе[42]. Вот ее рабочая комната, столик для рукоделья, маленькая библиотека, простые картинки — больше головки. За этой [брачная постель] — комната с великолепной брачной постелью, обтянутая некогда какой-то белой материей и почерневшая те-

* Маленькие каморки (*франц.*).

перь от пыли нескольких годов, как лица мумий. За спальней этой находится туалетная комната с маской покойницы, под стальным колпаком. Эта женщина соединяла все, что делает женщину поэтическим лицом, очаровательным для романиста, отрадным для всякого сердца. Красоту, ум, любезность, патриотизм, любовь к семейству и страдание при виде бедствий его, которое прежде времени подточило корень жизни. В первом великолепном отделении есть множество отличных картин замечательных мастеров, но я как-то не могу смотреть на картины во дворце. Тут, переходя из комнаты в комнату так скоро, наслаждаться, стоять и думать некогда, только слышишь имена живописцев и вперед, вперед...

Однакож картина Дюссельдорфской школы Цорна «Диана, подстереженная в купальне» [43] приковала всех насильно. Актеона не видать, видна только богиня, у которой гнев превозмог чувство стыда, и между тем, как подруги ее с ужасом прижались к ней и стараются по возможности закрыть наготу свою, она стоит во весь рост, величавая и грозная. Глаза горят негодованием, прекрасное лицо искривилось гневом и простертая рука насылает кару виновному... Что за лицо!

По такому же густому туману отправились мы в Сан-Суси [44] [можно прибавить]. Голова проникается здесь еще более мрачными мыслями, на сердце падают еще более тяжелые впечатления: тут Фредерик умер. Мы начали осмотр с известной мельницы [45], которая из бедной мельницы сделалась великолепной мельницей, как торговец, разбогатевший от удачной спекуляции. На этой мельнице остановился деспотизм короля, но он вознаградил себя зато с другой стороны... От мельницы поднялись мы горой ко дворцу в один этаж с большими окнами и выходом на террасу, внизу которой расположен сад. Мы начали прямо с комнаты Вольтера, где жил передний баран огромного стада 18 столетия, и когда убежал он от ласк и милостей первого своего ученика [46], Фридрих оклеил его комнату сатирическими обоями, где на уступах рельефно стоят обезьяны, павлины, совы, аллегорически изображавшие качества камергера Аруета Вольтера. Рядом комнат, наполненных картинами, из коих зала, украшенная двумя нагими статуями, замечательна тем, что к подножью одной из них Фридрих поставил бюст Карла XII, сказав: «Ты не любил женщин при жизни, так стой же теперь под ногами женщины». И стоит он до сих пор. Если бюст страдает от унизительного положения, то поделом ему: как не любить женщин! Мы добрались до спальни героя, украшенной одним портретом Густава Адольфа [47]. К задней стене прислонен камин, а возле камина на временном ложе, составленном из стульев, умер Великий. Я вспомнил доктора Циммермана [48] и описание последних минут знаменитого больного. Я вспомнил, с каким трепетом Циммерман вошел в комнату эту и увидел старика, сидящего у камина и харкающего кровью. «Здесь, — сказала нам женщина, исполнявшая должность смотрителя, — у этого окна, любил сидеть король, потому что отсюда открывается бесподобный вид на сад». Мы подошли к окну: ни зги не видно, туман, как дух почившего, недовольный пустым любопытством толпы, закрыл от нас всю восхитительную перспективу. Из этой комнаты перешли мы в ком-

нату, обитую дубом, с огромными дверьми на аллею, против которой на покойном диване, вдыхая благоухание цветов, писал король свои филантропические сочинения и ни одной букве из них не верил сам. Не мудрено быть хорошим сочинителем, имея такую хорошую комнату да еще сзади нее длинную галерею, украшенную картинами французской школы, где венценосный автор ходил взад и вперед, собирая мысли для великих творений[49]... В этой творческой комнате сохранены черты лица Фридриха, в стенах ее шкафы с книгами и собственными сочинениями хозяина: одно из них развернуто, и в стихотворении, где сказано: chiche des monts *, рука Вольтера зачеркнула эти слова и на полях написала: des monts avares **. Таким образом перемывал он черное белье короля[50]. В Потсдаме еще множество дворцов новейшей постройки: мраморный новый, Павлиньего острова, но мы ничего не хотели видеть, ибо собственно приехали [видеть] смотреть посмертные останки короля-философа и с грустно-утешительным чувством возвратились в Берлин, вспоминая об этом великом человеке, который унес с собой громкое имя, военную славу Пруссии, жизнь из города Потсдама.

В Берлине нас ожидало представление оперы-балета «Фесидея». Обстановка балета богата очень, великолепна декорация города египетского, в котором совершается церемониальное шествие, очень хороша и последняя декорация Гропиуса, когда богиня получила позволение снизойти на землю к любовнику, которых такой недостаток на небе. Сперва вы ничего не видите, кроме облаков, облака понемногу развеваются, и начинают неясно показываться горы. Все более и более растут они, и вот у подножья их вы видите какой-то городок и светлую полосу речки. Постепенно городок делается виднее, и прямо перед зрителем беседка, в которой томится несчастный любовник, и когда все уже ясно, как действительность, богиня спускается на землю и попадает в объятья возлюбленного.

Но Берлин владеет сокровищем, которое лучше всех его декораций и танцорок, — это Зейдельман. Я видел его только два раза в роли Полониуса и в роли Мефистофеля. Нельзя себе представить двух более противоположных ролей и более совершенства в исполнении их. В первый раз узнал я, что Полониус не придворный шут, а человек смешной только потому, что интриги двора и происшествия его считает явлением огромным и придает им почти религиозную важность. Смешен он и потому, что ограниченными догадками своими хочет изъяснить помешательство Гамлета; за исключением сего, он примерный отец и так нежно любящий семейство, что это даже переходит за границу достоинства мужчины, как заметно в наставлениях его человеку, посланному во Францию. Дети его весьма чувствуют нежность отца, и весьма понятно делается после сего неистовство Лаерта и помешательство Офелии. Ко всему присоедините еще доброту души, которая обыкновенно у старых ограниченных людей сопровождается резонерством, и вот почему, когда Гамлет по ошибке

* Скудные слова (*франц.*).
** Слова скупые (*франц.*).

убивает его, так глубоко трогательны слова: «Бедный, ты попался нечаянно: не на тебя направлен был удар». До последней минуты Полониус не изменяет своему характеру и, падая мертвый, произносит тем же педантически важным голосом, к которому привык в продолжение своего долгого существования при дворе: «O Weh! Ich sterbe!» * В Мефистофеле Зейдельман достиг высоты, которая ставит его наряду со всеми бывшими гениями сцены. Если вы видели картины Ретша к Фаусту, то вы можете иметь понятие о наружности Зейдельмана, какую создал он себе для этой роли. Не знаешь, у кого кто украл выражение злости, иронии и ума, при этом складе тела, обличавшем человеческую породу, знаю только одно, что я не видел примеров, как можно было так отделиться от собственной личности своей.

Не говоря уж об отделке роли, поразительной отделке до мельчайших подробностей; он нюхает пламя свечи, пробует мягкость тюфяка, осматривает всякую безделку на столе Фауста, как истинный черт, для которого нет пустых вещей на свете, и ходит большими шагами и выгибается беспрестанно, словно узкое платье сжало его великолепные черные крылья. Не говоря о всей этой мозаичной работе гениального художника, довольно сказать, что несмотря на подчиненность его Фаусту, он во все продолжение пьесы господствует над ним всею силой своего мощного духа, и когда спускается до нежности с вдовой, какая страшная ирония! и когда смотрит на Гретхен, что за неистовое, пронизывающее вас скорбью, наслаждение! Он осматривает это чудное создание, простирает часто к нему руки, смотрит на добычу с вожделением! Много надобно исписать листов, чтобы отдать отчет об игре Зейдельмана в этой роли.

Гретхен играла известная Шарлота Гагн [51], умная актриса, которая при знании сценических эффектов и при прекрасной мимической игре производит сильное впечатление. Но в этой роли не было у нее главного: девственного аромата, этого букета невинности, который падает на сердце при одном появлении этого удивительного создания...

Эдуард Девриент, исполнявший роль Гамлета, походил более на чтеца, понимающего, в чем заключается дело; но тут не было ни игры, ни вдохновения, ни пластической отделки. Это всегда должно случиться с людьми умными, образованными, но не имеющими замечательного таланта.

Берлинцы всего более в восторге от певицы Леве [52]. И действительно, при малых средствах, которые дала ей природа, она так увлекательно грациозна, так умеет просветлять и одухотворять каждую рольку, вышедшую из-под пера Скриба, соединенного с камертоном Обера [53], что возводит их даже до поэтических образов и совершенно заставляет забывать необширность голоса и некрасоту лица, Скриб сам бы удивился, посмотрев на собственные свои создания, только прошедшие через руки г-жи Леве. Еще славится актриса Шмит [54] в ролях наивных девушек, но я не видел ее.

---

* «О, ужас! Я умираю!» (*нем.*).

Все прочие, не исключая певца-тенора Мартиуса[55], которому однакож много хлопают, не исключая и танцорку Тальони 2-ую, которой хлопают еще сильнее, — посредственность.

Прощаясь с Берлином, в котором провел я две недели и успел осмотреть почти все, достойное осмотра, даже и прекрасный египетский музеум в Монбижу, примечательный гробом жреца, недавно открытый профессором, прекрасно сохранившейся мумией женщины, тремя колоссальными гробами жрецов и страшно огромной статуей Сезастрата[56] в сѐдячем положении. Кто-то сказал, что ни один народ так много не заботился о том, чтобы передать память своего существования потомству, как египтяне, и действительно, в этом музеуме сохраняются их печати, светочи, домашняя утварь, зерна разных хлебов, плоды, орудия, употреблявшиеся при бальзамировании, даже башмаки и сандалии. — Между прочим, на одном из колоссальных гробов египетского гранита вырезана фигура женщины, которая может служить немалым опровержением всеобщему положению о неподвижности, мертвенности пластического искусства в земле фараонов! Несмотря на позу, которая [кажется] сходна со всеми прочими существующими позами египетских женщин, словно определены были они законом, и [имели форму, от которой не могли отступить художники] художники не могли отступить от данных форм, — все тело этой фигуры так прекрасно и полно жизни, лицо блистает такой красотой, что фигура может по справедливости считаться переходом к греческому искусству. В Мюнхене сохраняются статуи, украшавшие фронтон храма на острове Егине и принадлежавшие к первым временам греческого ваяния. Они так много походят на фигуру женщины на гробу, что с первого раза всякий признает ее звеном, соединяющим Египет с Афинами.

Оставляя Берлин, я не могу не заметить, что в мое время носились слухи о близком гонении на университетское преподавание. Уже выписан был профессор Сталь[57] с той целью, чтобы противопоставить православное учение о божестве, происхождении веры и власти гегельянскому, ограничивающему их условиями ума и мышления. Хотят даже сдвинуть круг цензуры и снабдить вход в магистратуру добрым шлагбаумом. Жалко будет, если Берлин потеряет свое умственное влияние на Германию, если интересы философские и литературные замолкнут в нем и отыщут другой уголок в доброй Тевтонии: тогда останутся в нем только строения, принцы, разъезжающие по театрам, гауптвахтам, да разве прекрасная ресторация Ягора, которой везде хорошо, где есть рты, деньги и желудки.

1-го декабря н. с., во вторник, в 8 часов вечера, выехал я из Берлина, и в среду в час пополудни очутились мы в Лейпциге, сделав 22 мили, или 150 верст, в 17 часов. Диво! Из Лейпцига в 7 часов утра 4-го декабря н. с., в пятницу, сел я в карету паровоза и через три часа очутился в Дрездене, проехав 15 миль, или 105 верст. Это лучше.

ЛЕЙПЦИГ И ДРЕЗДЕН

Лейпциг, некогда вольный город, а ныне — перл Саксонии, примечателен ярмаркой и полем Наполеоновской битвы[1]. Это необозримая равнина, на которой Наполеон хотел остановиться и дать сражение союзникам, ободренным Кульмской победой[2] и взятием Дрездена. Сзади Наполеона был город, направо Альстер и несколько других речек, слева Хомутов и Прага, так что в случае поражения он должен был броситься на город, чтобы сзади его перейти Эльстер и очутиться по дороге во Франкфурт. Точно так и случилось. Это удивительное поле имеет три различных памятника: один, воздвигнутый природой и именуется «холмом монархов», потому что здесь 2 императора и один король получили извещение о победе и преклонили колена; другой, воздвигнутый семейством Шварценберга[3] на том месте, где он выдерживал огонь неприятеля и состоящий из простого камня в виде параллелограмма, окруженного решеткой; тотчас же за памятником открывается глубокая лощина, в которой стояли союзные монархи во все время битвы, совершенно укрытые от выстрелов. В подземелье памятника собрано несколько костей и три черепа [жестоко искалеченные] жестоко пораненные. — Осколок ядра проломил одному висок, пуля пробила другому затылок, кортечь сорвала глаза третьему: эти три головы показались мне головами главнокомандующего...

Третий памятник, еще беднее этих двух, принадлежит Наполеону и поставлен владетелем этой части поля на том самом месте, где в табачной мельнице император французов имел главную свою квартиру. Все государи Европы воздвигнули на местах их борьбы с Наполеоном великолепные памятники, кроме Саксонии[4], потому что Лейпцигскую битву считает она дурным воспоминанием. И действительно, до самого Лейпцига не хотела она еще верить падению Наполеона и, очнувшись под стенами его, хотела вознаградить ошибку изменой, но уже поздно. Выстрелы, обращенные на бегущее французское войско, только показали пример жестокости, а не спасли Саксонию от мстительности Венского конгресса[5], сжавшего ее в незначительное государство и уничтожившего все ее претензии на Польшу и [герцогство] создание Саксонского герцогства. И со всем тем на ней оправдывается теория Гинемана[6], что тело, уменьшенное в объеме, приобретает взамен наиболее духовного вещества. Нет никакого сомнения, что Саксония теперь есть счастливейшее государство Германии... О богатстве ее почвы говорить нечего, кроме руд, ценных камней, находят даже жемчуг в Эльстере, хотя и весьма незначительной доброты; о красоте местоположения тоже нельзя много распространяться. Кто не знает ее гор, называемых Швейцарией, водопадов, скал, равнин, Эльбы, текущей в горах? Путешественник будет приведен в восторг, когда мили за 4 до Дрездена откроится ему долина, в которой стоит город этот, окруженный со всех сторон темной цепью гор! Что за долина! Деревня за деревней мелькают у вас перед глазами: за городом дома разбросаны по склону холмов и в зелени увеселительных садов и кажутся вам косточками крепса на зеленом поле игрального стола. Шпицы

колоколен красуются на небе, и часто луч солнца, упав в ущелье, открывает глазу красную крышу дачи, скромно притаившейся за тополями. — Рано утром кругом вас со всех сторон подымаются струи дыма, и под ногами вы видите соху земледельца, а где-нибудь [над головой] высоко на горизонте горит ярко окошко веселого домика, как звездочка от первых лучей солнца.

Но все эти богатства и красота почти еще ничего в сравнении с конституционным правлением Саксонии[7]... Через каждые три года собираются депутаты и назначают бюджет, содержание короля и войска, утверждают законы, планы построек, взимание податей и проч. Таким образом, тихо и мирно, как прилично германскому племени, разрешила Саксония загадку о представительных правительствах. Она усвоила себе все их преимущества и выгоды и откинула неразлучные с ними столкновения партий, игру страстей и порывы честолюбия. — Король делается только первым блюстителем законов, определенных штатами, и обязанный действовать в духе их, он имеет полное право, однакож, действовать, как ему угодно для достижения общей цели. Отсюда выходят два явления, по-видимому, противоположные, но между тем находящиеся в самой близкой, родственной связи, а именно, сильная королевская власть и сильное народное влияние [методически действующие друг на друга], взаимным действием друг на друга составляющие благополучие и царствующего дома и народа, над которым он поставлен царствовать. Для другого требования нашего века — для умственного прогресса есть Лейпцигский университет, книжная ярмарка, для которой лавки бывают наняты за год вперед за 400 и 600 талеров (1500 и 2000 х), свобода цензуры, которая произвела замечательное явление: какая-нибудь новая идея, не имеющая законного паспорта, является вдруг в Лейпциг и получает в его газетах приют и покровительство. Вероятно, наследники людей, создавших Венский конгресс, сожалеют, что предшественники совсем не уничтожили этой земляцы, и нет ничего мудреного, что при нынешнем направлении правительств пятиться назад[8] — они Саксонию [уничтожат], как живой упрек своим стремлениям — сотрут с лица земли. Да и чего стоит это? Стоит только Пруссии и Австрии, между которыми сжата она, немного пораздвинуться, выправить члены, и Саксония треснет в середине, а обе половинки, образовавшиеся от сего, Пруссия и Австрия возьмут себе, и делу конец. Уже поговаривают в Берлине о запрещении Лейпцигских газет, а в Вене положено около 1000-х штрафа за всякое стихотворение, которое пошлется в Лейпциг без предварительной австрийской цензуры. — Если уж соседственные коронованные главы так боятся Саксонии, то как же должен трепетать сам король Саксонский. Он ходит всегда во фраке, обожаем своим народом, и во все время моего пребывания в Дрездене я ничего не слышал, кроме похвал и благославений, в тишине изливаемых на главу его всеми его подданными!

При беспорядочном бегстве Наполеона через Лейпциг за Эльстер утонул Понятовский в этой же реке, раненный русской пулей[9]. Неподалеку от Франкфуртовского моста, куда направилась вся разбитая армия, существует теперь сад частного человека, и за 4 гроша привратник показы-

вает всем место гибели знаменитого графа и несколько далее, на зеленой площадке сада, под четырьмя ивами место, где погребено тело его, выброшенное этой узкой, мутной, но быстрой рекой. На обеих местах стоят по камню. Здесь, как во времена друидов[10], только камни. Эта пара камней вся исписана поляками. Понятна их любовь к герою Польши: это было самое высокое проявление национальности польской, которая теперь имеет в себе много особенностей, отвращающих от нее прямое, честное сердце. Понятовский был идеал поляка, как Венера Медицейская есть идеал женщины. При рыцарской храбрости он имел еще жаркий патриотизм, совершенно славянскую привязанность к герою, им избранному, и благородство духа, которое всем этим качествам придавало ослепительный блеск. Все это вместе взятое образует облик какого-то эпического героя хорошей славянской крови — и вот почему ни при одном имени польской истории не бьется сердце поляка так сильно, как при имени Понятовского.

Внутри города особенно примечательна его площадь с готической Ратушей; фигурная Ратуша эта украшена чрезвычайно капризной башней и окружена скромными домами, которые хотя и потеряли готическую форму, но, как изменившаяся порода лошадей, сохранили родовые, неизменяемые следы первой отличной крови... Эти родовые признаки состоят в наклонности к наружным украшениям, иногда так простодушно затейливым, что кажется вам, что будто жив еще добрый рыцарь, любовавшийся ими. Балконы одним длинным выступом идут от верхнего этажа до нижнего, и часто на стенах видите вы странные горельефы: то сидит каменный рыцарь и держит руку дамы, закутанной в покрывало и подвязанным ртом, то чудовищные звери и сфинксы идут в какой-то тяжелой, медленной процессии. Башенки стоят на крышах домов и кажутся издали трубочистами-фокусниками, которые намереваются сделать несколько представлений; иногда вырастают они чрезвычайно прихотливо где-нибудь на уголку, словно сухоядные растения. Ратуша, с продолговатыми окнами, железными на них решетками, с башней и балконом, кажется предводителем всей этой романтической толпы домов. Когда долго стоишь и долго смотришь на часы ее и на полузолотой и полутемный шар, изображающий видоизменение месяца, сделается на сердце вдруг так любо, как будто ожидается — вот из ближнего Ауэрбахова погреба вылетит на бочке Фауст и пронесется в виду всех, как это он сделал за несколько сот лет. — Два исторические погреба видел я[11], один в Берлине, погреб Лютера и Вегнера, где пили Гофман и Девриент, другой здесь, в Лейпциге, где пил Фауст и, с помощью дьявола выиграв заклад, выехал на белый свет верхом на бочке. Оба украшены картинами, увековечившими память этих людей, как картина Марофонской битвы долженствовала увековечить славу победителей. В первом погребе изображен Гофман в ту минуту, как, оканчивая вторую бутылку шампанского, вынимает часы и показывает знаменитому актеру, что время идти на театральную работу, а Девриент, как школьник, которого посылают в училище, почесывает в голове и с грустью подымает прощальный бокал. Во втором погребе две старые, современные, как говорят, самому Фаусту, чрезвычайно запачканные кар-

тины, где в первой изображен он в минуту торжества, принимающий заклад, а во второй уже верхом на бочке, исполняющий его. Но гофманский погреб чист и опрятен, украшен гардинами, мебелью, картинками, гравюрами, а фаустовский мрачен и сыр, как и следует быть историческому погребу: там показывают окно, прежде бывшее дверью, откуда началась воздушная прогулка чародея.

Примечательна церковь св. Николая с прекрасными гипсовыми новейшими украшениями внутри и старой кафедрой, с которой гремел Лютер[12] и которая сохранилась в особенном углу. Наружность этой церкви чрезвычайно любопытна, как переход от простого, тяжелого северного готизма к легкому и прозрачному южному. Тут уже начинает проявляться каприз, фантазия художника, но еще мертвенно. Нет той гармонии, эстетической симметрии, которые показывают вам в неоконченных чертах самой церкви, что в голове архитектора она была полное, совершенное создание, только не проявившееся вполне по недостатку средств. В этом отношении стоит изучения церковь св. Вита или Дом-Кирхе, но об ней мы будем говорить после. Примечательна также биржа, великолепный Почтамт и гуляние вокруг города на месте прежде бывших стен, где вы видите Плейсенбург или что-то вроде крепости. Наконец, старая церковь, из которой Лютер решительно все унес, оставив ей только название. — В пятницу, 4 декабря н. с., как я уже сказал, ехал я в 7 часов утра по прекрасной железной дороге, переехал мост через Эльбу (это уже второй раз переезжаю я Эльбу; в первый раз было ночью у Виттемберга в Пруссии, знаменитое местопребывание Лютера[13], которого осмотреть я никак не мог, потому что ехал в дилижансе), проехал небольшим подземельем, видел, с каким порядком и с какой скоростью наливают воду на станциях, которых насчитал 6 и где останавливаются не более 5 минут, и очутился в Дрездене.

Сказочный мрачный Дрезден кажется с первого раза путешественнику построенным из камней какой-нибудь огромной крепости, из египетских пирамид или индийского храма. [Противоположность] Контраст между веселой Эльбой, зеленеющими горами, загородными домиками, которые чуть-чуть мельком улыбаются от счастья, и самим городом, тяжелым, грустным, имеет какую-то особенную прелесть. Эльба разделяет столицу Саксонии на новый и старый Дрезден, и величественный каменный мост, соединяющий оба берега, конечно, принадлежит к чудесам новейшего искусства. Огромные быки, на которых он стоит, придают ему вид циклопической постройки, а взятый в целости, он поражает гармонией и стройностью частей. С этого моста, особенно от подножья огромного бронзового распятия, возвышающегося на пятом выступе, считая от старого Дрездена, открываются очаровательные виды на обе стороны. Направо Эльба и горы Саксонской Швейцарии, налево Эльба и горы Цейссена. По целым часам стоял я тут и не мог наглядется на извивы реки, на прихотливые очерки гор, на игру света в воде и желтеющей зелени садов и рощ. Известна участь этого моста в 1813 году: Наполеон взорвал его, а Александр Павлович[14] восстановил.

Если идти от нового Дрездена, то на другом, противоположном берегу

видите вы готическую церковь. Этой церковью искусство времен Возрождения вознеслось на степень самостоятельного творящего искусства. Смольный монастырь в Петербурге и католическая церковь в Дрездене составляют две звезды в венце этого рода зодчества и упрочат ему место в истории и славу в дальнем потомстве. Последняя состоит из двух храмов, поставленных один на другой, из которых нижний шире, а верхний, составляющий собственно свод внутренней церкви, уже. Снизу крыш не видать, и потому [этот храм] кажется обманутому глазу, будто этот храм имеет две террасы, как волшебный мавританский дворец. Перила, закрывающие обе крыши, украшены статуями святых, как и наружные стены нижнего отдела. Фасад, обращенный к реке, украшен великолепной, почти сквозной башней. Надо взглянуть на эту церковь, чтобы испытать это насладительное, успокаивающее чувство, которое охватывает человека, когда он смотрит на колоссальную постройку, не противоречащую, однакож, ни в одной из своих частей его эстетическому вкусу. Внутренность этого храма состоит из огромной великолепной залы с двумя боковыми; в первой — главный алтарь украшен тремя картинами Рафаэля Менгса: «Вознесение Спасителя», «Св. Яков», «Божья матерь с младенцем». В этом же вкусе Возрождения построены и другие церкви Дрездена, что [особенно] много способствует наложению мрачного, тяжелого облика на весь город. Из них всего примечательней Frauen-Кирхе — это один огромный купол, покоящийся на четырех стенах, и, конечно, самая лучшая копия римского Петра, какая когда-либо существовала...

Не говорю о Крейц-Кирхе, которая со своей колоссальною башней и собственно храмом (в виде правильного четвероугольника), конечно, была бы собором, возбуждающим удивление, если бы не существовала рядом с двумя описанными церквами. Такие постройки делали саксонские государи в счастливые времена свои, теперь уже не то, но взамен представители каждый год уплачивают долги Августа II [15], грозящие Саксонии почти банкротством. Я здесь не упоминаю о Софийской церкви подкрашенного и переложенного готизма, еще не возвысившегося до полной творческой идеи, хотя портал и главный алтарь замечательны.

Позади католической церкви возвышается Королевский замок [16], соединенный с церковью деревянной галереей, с высокой башней в 150 футов на переднем фасаде, но это здание совершенно обезображено пристройками и переделками и совершенно незначащая вещь в архитектурном отношении. Кто захотел бы видеть, каким образом желание и нужда распространения портят совершенно здание до того, что оно превращается в нелепую груду камней [видят первоначальное зерно или вид, из которого развилось оно и которое сохранило готическую симметрию], тот должен сперва войти на двор Королевского замка, а потом посмотреть его снаружи. — Там увидит он правильный четвероугольник с четырьмя башенками по углам и готическую симметрию: то зерно замка, из которого он развился; здесь же смешение родов чудовищных пристроек, выглаженная наружность, сквозь которую кое-где мелькают остатки старины. — С помощью ломания, разрушения, подставок и переделок Королевский замок раздвинулся или, лучше, разнесся на огромное пространство. Ла-

биринтом галерей соединился он с одной стороны с куполом галереи, а с другой, через дворец принцев, с Цвингером[17]. [Первое в архитектурном] Кусок земли огромный! Однакож нельзя умолчать, что эта безобразная масса замыкается Цвингером — одной из самых замечательных построек Дрездена. Если католическая церковь может почитаться шеф-девром храмового искусства эпохи Возрождения, то Цвингер [таким же представляется в дворцовом роде] есть великолепный представитель ее жанра в частных зданиях. Он прислонен к горе и, вероятно, существует на месте прежде бывшей пропасти или донжона. Вообразите [продольную галерею] массивную галерею в виде правильного четвероугольника, на каждом конце коего стоит по дворцу. Надо подняться в гору и тогда с террасы кинуть взгляд вниз, чтобы вполне насладиться могущественной мыслью художника и прелестью целого здания. Из других городских дворцов гораздо правильнее Королевского замка так называемый Японский дворец, он нравится особенно гармонией всех частей, что делает его похожим на удивительную Академию художеств нашу, да прежде бывший дворец Брюля[18] с выходом на крутой берег Эльбы, обложенный камнем, где устроен сад и терраса, с которой вид на мост, на противоположный берег, на реку, на горы — невыразимо хорош, особенно вечером, при закате солнца или утром, при первых лучах его.

Но дворцы потеряли здесь первоначальное свое предназначение, и вместо того, чтобы укрывать главу и семейство одного живого человека, они укрывают целую семью изящных произведений древности и новейших времен. Вместо движения придворных, молча стоят, однакож полные жизни, во всех комнатах боги и богини, нагие женщины; вместо кокетства и чопорности примерных дам, молча, но полные выражения, смотрят на вас со стен чудные дамы великих живописцев Италии; вместо грохота и шума придворной стражи, молча, но полные выражения, смотрят рыцари в старых своих доспехах. Другими словами, дворцы обращены здесь в музеумы, и чудное дело! Собрания, коллекции, картинные и античные галереи считаются не царственной роскошью могущества, а необходимостью в государстве, как войско, юстиция и финансы. Саксонский король не мог бы вообразить себе существования своего королевства без ученых и изящных собраний. Вот почему не разбросаны они у него по собственным его комнатам, служа великолепным украшением стены, камина, садовой площадки или нищенского искусственного водопада, а собраны в единообразных отделениях как предмет изучения и благородного восторга. Таким образом, весь Цвингер есть не что иное, как один огромный музеум. Тут в одном конце — исторический музеум, где показывают все видоизменения рыцарских костюмов в виде всадников, одетых в доспехи и неподвижно сидящих на безжизненных лошадях. Каждый доспех принадлежит какому-нибудь историческому лицу Саксонии. Кроме того, сохраняются и другие остатки средних веков: первый ствол для первого выстрела Бертольда Шварца, бюро Лютера и проч. В другом конце — кабинет натуральной истории, где показывают вам все роды минеральных произведений и богатую коллекцию птиц, рыб, животных. Замечательно огромное окаменелое дерево, для приведения коего в это

состояние, по выражению одного ученого, потребно было по крайней мере 20 т. лет. Лошадь Августа II, у которой грива и хвост 11 и 16 аршин длины, урод единственный может быть такой от сотворения мира; куски самородного серебра от одного большого, найденного в Саксонии, многие минералы, показывающие богатства саксонской почвы и проч.

В третьем конце галереи — гравюры и резьба по меди, а если перейдем собственно во дворец, то найдем там так называемый Зеленый свод, Grün-gewölbe, с драгоценностями во всех возможных родах; бронзовые статуэтки с великих произведений древности бесподобной работы, произведения из слоновой кости, кубки, статуэтки, «Падение ангелов» 85 фигур, выполненные из целого куска, голландский фрегат, где паруса, тонкие и прозрачные, как настоящее полотно, имеют еще герб царствующего дома; мозаика, эмали, литерные вещи, вырезанные на жемчуге, поражают отчетливостью исполнения, тонкостью и трудною работой; зала посуды, золотой, серебряной, яшмовой, холцедонной и проч. и проч.; зала алмазов, наконец, зала резчика Диатлингера[19], где покажут вам в маленьких золотых и эмалевых фигурках двор Великого Магола[20] в ту минуту, как он принимает подарки от своих подданных. Все это собственно не принадлежит искусству в истинном его назначении, но по искусности, трудности и отчетливости работы приобретает необыкновенную ценность.

Зала алмазов и знаков коронования польских королей из саксонского дома изумляет богатством драгоценных камней: тут известный саксонский бриллиант в 279 карат, и вообще Зеленый свод по редкости своих игрушек, по чудесам терпения артистов и по многим, так сказать, — tour de force * — искусства резьбы есть без сомнения первая сокровищница в Европе. Далее во дворце — галерея оружия, еще далее — галерея Менгса, образцов-копий с знаменитых статуй древности с сохранением всех их размеров. Это драгоценность для художников или для занимающихся историей искусства. Все, что разбросано по дворцам и виллам Италии, здесь собрано в одно и может дать вам полную идею о состоянии и процветании искусства в древнем мире. Каждый год еще пополняется галерея новыми копиями, со временем это будет живой, поучительный каталог всех существующих шеф-девров ваяния. Не буду описывать его здесь, потому что крепко надеюсь на встречу с самими подлинниками, которых уж галерея дала мне восхитительную мысль. Чтобы показать вам значение этого кабинета, купленного у вдовы Менгса и составленного Менгсом для собственного своего наслаждения, довольно упомянуть о двух остроумных сближениях, существующих в нем и показывающих разность древнего и нового резца. К удивительной статуе Менелая, спасающего убитого Патрокла из сражения[21], приделана была новейшая голова, ее посадили на плечи Менелая... Через несколько времени в Тиволи отыскали настоящую Менелаеву голову; теперь любопытно знать, в чем сошлись художники и в чем поразноречили. Боже мой! Вот эти две головы стоят перед вами рядом, и все-таки между ними есть пропасть. Голова новейшая,

* Смелый прием (*франц.*).

при всем искусстве художника, выражает болезненное сострадание, глаза подняты к небу и того и гляди покроются (как говорил наш Шаликов) неблагородными слезами. Вам уже кажется, что эта голова совсем не в середине горячей схватки, а дома, у камелька, промежду двух слезливых старух. Старая голова закинута гордо, глаза гневно устремлены на врага, поразившего друга, и все лицо выражает жажду мщения. Кто из них лучше понял «Иллиаду» и древний мир?

Другое сближение еще поразительней: это две головы Нептуна, одна из них принадлежит древнему художнику, другая — Микеланджело, и первая с струящимися волосами выражает задумчивость и глубокую важность, как прилично богу морских хлябий, а другая кудрява и грозна, как разбойник Абруцских гор. Кто из них лучше знал мифологию?

Наконец, дворец оканчивается картинной галереей[22]. В Японском дворце — библиотека, фарфоровая выставка и античная галерея с малым количеством древних статуй, приобретенных Саксонией. Однакож тут есть два перла: Сатирикус, юноша, которого красота тела может составить pendant * к берлинскому бронзовому adorant **, и так называемая Геркуланумская матрона[23], статуя женщины, закутанной в длинную тогу. Удивительное произведение! Не только что каждый член этой женщины живет, как будто вы видите трепетание мускулов, но в каждой складке ее тоги есть жизнь... Это произведение так совершенно, что действием оптического обмана вам кажется иногда: она живое существо и только поражена каталепсией. Когда смотритель стал повертывать ее на железном крюке, я даже испугался: вот пошевельнется она, тронется и сделает шаг вперед, потому что она вся подготовлена к тому, чтобы двинуться, и, право, вы изумляетесь, почему так долго не совершает она движения? Кроме этих статуй в Античной галерее замечательные две маленькие матроны, сидящая Андромеда и торсы борцов и натирающегося. Последний есть торжество анатомического знания тела. Египетский отдел не так богат, как Берлинский музеум, но замечателен египетской рукописью, которую не разобрал еще ни один ученый Европы.

Остается теперь картинная галерея: тут что ни комната, то шеф-девр, особенно в среднем отделении, посвященном Итальянской школе. Тут блистает «Мадонна» Рафаэля, «Ночь» Корреджио, «Мадонна» Мурилио. Вот три лица [женщины] богоматери, выражающие три высокие главы христианской эпопеи. Корреджио взял на себя пояснить людям материнскую любовь, Мурилио — ее страдания в земной жизни, Рафаэль — ее просветление. Первый написал ее припавшею с неизъяснимым выражением восторга и любви к новорожденному младенцу, который извергает из себя небесный свет и освещает лица присутствующих. — Все, кроме родильницы, сохраняющей на лице еще какое-то болезненное выражение, приближающее ее к идее матери [материнской идее], ибо мать без страдания вещь тяжелая для ума нашего, все, говорю я, в ужасе от этого явления, и даже какая-то женщина раскрыла рот для вопля... Одна она, матерь, в порыве любви не видит ни блеска, ни чуда и, впе-

* Пару (*франц.*).

** Обажателю (*франц.*).

рив глаза на младенца, сладостно улыбается не богу, а сыну. Удивительно! Мурилио изобразил ее отдавшею красоту свою, истомленную горестью, и бледное лицо его Мадонны, совершенно выходящее из полотна, глубоко врезывается вам в сердце. — [Со всем тем страдания не искажают ее некогда прекрасное лицо, и спокойствие, заметное в нем, и гармония духовных сил, ясно показывает, что она умела страдать в молчании и терпеливо.] Что касается до Рафаэля, то поглядев пристально на эту картину, вы не можете удержаться от трепета. Вот идет по небесам женщина, для которой уже нет тайны во вселенной, которая знает начало и конец всего, исход и окончание бывшего, сущего и будущего. Страшно. — На руках несет она грозного младенца, придущего некогда судить мир, и она ведает минуту этого явления. — Какая глубокая, нечеловеческая мудрость в лице ее, какая дума, поглощающая века, время и пространство во взгляде, соблаговоли она открыть уста и произнести слово, небеса бы содрогнулись и задымились горы.

Кроме трех перлов этих в отделении итальянской живописи блистают: 1) «Спаситель с монетой» Тициана. Иисус устремляет задумчивые, но глубоко проницательные взоры на фарисея, отвечая: «Кесарю кесареви, а богу богови» [24]. Как важен, как строг он в эту минуту!

2) Роскошная «Венера» его же.

3) «Магдалина» Корреджио. Возлежащая женщина с книгой промежду восхитительного ландшафта. Открытая грудь кажется жаждет еще земных наслаждений, между тем как лицо тихо просветляется небесной благодатью, которую черпает святая из божественной книги.

4) «Блудница, приведенная к Иисусу» Тинторетто. Иисус, занятый поучением, оборачивается на приход людей и видит перед собой женщину, устремившую глаза в землю.

5) «Св. Матфей, евангелист» Аннибала Каррачи. Могущественное выражение младенца Иисуса, протягивающего руки к св. Франциску, лобызающего ноги его, все сочинение картины поразительно.

6) «Вознесение богоматери». Сила и энергия, составляющие отличительные качества Аннибала Каррачи, здесь развиты до необычайности как в фигуре апостолов, так и во всей вообще картине.

7) «Игроки» Караваджио. Из темного фона почти выпукло, рельефно является вам молодой человек, обыгрываемый, наверное, другими с помощью третьего, передающего ему все тайны карт неопытного его противника, неопытность последнего и коварство первых — противоположность, выраженная мастерски.

8) «Ниней и Семирамида» Гвидо Рени [бледный колорит].

Не упоминаю здесь о бесподобных созданиях Павла Веронезе, где многочисленные фигуры живут совершенно отдельными, своеобычными характерами и составляют в картине этого живописца проявление богатства мысли и фантазии творческой. Таковы наиболее: «Брак в Кане», «Встреча в Еммаусе», «Религия» [25], подводящая к божьей матери венецианское семейство.

Не упоминаю также о картинах Луки Джордано, отличающихся смелостью создания, пример которому блистает удивительный [Исаак]

«Иаков, подымающий камень с колодца»[26] и Ревекка, покорно, но полная любви смотрящая на него.

Не упоминаю о сильной клар-обскуре* Еспаньолета[27], которая в соединении с творчеством производит такой необычный эффект в картине «Ангел, освобождающий Петра из темницы», ни о Гверчино, картина которого «Царица Томариса»[28], получившая известие о поражении сына в то время, как она расчесывает свои волосы, отличающаяся необычайной игрой света и тени, ни об «Аврааме, приносящем в жертву Исаака» Дель-Сарта[29]; ни о «Лобызании Иакова» Джорджино[30], ни о «Спящем Иисусе на коленях Марии» Марати[31] — ни о тысячи других, которые заслуживают описания. Не могу однако умолчать о «Нищем» Мурилио и об архитектурной живописи Каналетти[32].

Что касается до немецкой школы, то она отличается таким множеством шеф-девров, что решительно нет никакой возможности перечесть их. Тут два удивительных портрета, мужчины и женщины, Гольбейна, портреты Зейбельды[33], прелестные tableaux de genre** Нетчер[34], наконец, Рубенс, Ван-Дик, «Ангел» Менгса, ландшафт Рюйсдаля[35], сцены Теньера[36], Останде[37], Вувермана[38] и проч. Между прочим, Рембрандт представил «Мальчика, уносимого орлом в облака»[39], который, от страха и боли пронзительных когтей хищной птицы, сделал ужасную гримасу и очень прозаически извергает мочевую струю. Это может со всяким случиться, кто неосторожно подымется в облака, как я теперь, желая определить характер многочисленных произведений живописи, представляемых на удивление знаменитой Дрезденской галереей.

Мне остается сказать несколько слов о театре.

В плохом, бедном по наружности театре, рядом с которым вздымается ныне новый, играет прекрасная труппа, отличающаяся общностью исполнения, каким-то старанием и вкусом. Мне издали показалось, что я сижу в обществе, где благородные актеры вздумали давать представление: так все опрятно в игре, так аристократически, важно. К этому присоединяется еще огромное понятие об искусстве. Я думаю причину всего этого должно отыскать в высоко образованном вкусе самого короля и во влиянии принцессы Амалии. Конечно, здесь нельзя, как об игре Зейдельмана, написать разбора, где могут быть подняты все вопросы изящного, но взамен ни разу в продолжение многих и многих вечеров не противоречили со сцены моему эстетическому вкусу, а это много. Вот имена актеров: Паули, ровный, многосторонний и глубоко понимающий тайну комизма, для которого требуется, может быть, более спокойствия, чем движения и разных выходок; Девриент, трагический актер с умом, но так тщательно отделывающий свои роли, что они не кажутся вам целым, а состоящим из многих прекрасных кусочков; наконец, Шоппе[40], Хевлинг[41] и проч. Из актрис — некрасивая, но умная г-жа Девриент, у которой недостаток наружных средств огорчает зрителя, чувствующего, что без них не может она выразить полностью того огня, того чувства и понятия о всех

* Клар-обскуре (от *франц.* clair-obscur) — светотени.
** Жанровые картины (*франц.*).

оттенках внутреннего ощущения, которое хранится на дне души ее. Наконец, прелестная Антюц[42] и г-жа Бауер, принадлежащая к старой немецкой методе, где от желания картинных положений и от подбирания поз, приличных действию, игра принадлежит больше к пантомиме, чем к игре собственно, однакож сквозь эту сеть сквозит у нее умение сделать сценический эффект и заставить почувствовать зрителя силу хорошего места в писателе. Что касается до оперы, то мне приходится глодать кости, обглоданные славой и известностью. Так, в Берлине наслаждался я уже избитым голосом Леве, а здесь предстояло мне наслаждение видеть пресловутую Шредер-Девриент[43], с голосом, начинающим глохнуть, видимо. Любопытно было видеть молодую, красивую певицу Маркс[44], когда она, как богач, не предвидящий и конца сокровищам своим, расточала силу голоса при всяком случае, и Шредер, как банкир, близкий к банкротству, сберегает все свои средства для одного известного места. Впрочем, эта борьба не исключала и другую, закулисную, состоящую из интриг, как известно, и проч. Из певцов замечателен тенор Чифачек[45], все прочие — посредственность. Частые посещения театра показали мне всю ничтожность немецкого репертуара. Что это за пьесы, где ложные следствия из верного начала или ложные начала с систематическими выводами, или ложное следствие и ложное начало вечно проходят перед вами в какой-то грубой, непросветленной процессии. Все в этих пьесах наносное, придуманное, все сцены — чужеядные растения, все комические положения — батарды *, не могущие сыскать отца своего. Например, «Капитан Ферневильд» принцессы Амалии принадлежит к этому числу. Клейст[46] в своем «Принце Гомбургском» показал типический образец драматической немощи. В то время, как уже начинает выясниваться характер Брандербургского курфюрста и принца Гомбургского, когда катастрофа из столкновения этих характеров выливалась сама собой, вдруг все разрушено. Курфюрст, приговаривая принца на смерть, объявляет, что он шутил; принц, с завязанными глазами ждавший смерти, вдруг падает в объятья всех действующих лиц, и эффект пошлой мелодрамы заступает место сильного трагического эффекта.

Наконец, в субботу, в 11 часов, расплатившись с честным хозяином гостиницы Hôtel de Roma, у которого оставил я книги Гейне, неудобные для ввоза в Австрию, сел я в дилижанс и пустился далее. Мы ехали долго в долине, и, наконец, за Пирной поднялись на горы. Тут я простился с Саксонией, выбрав самое лучшее место для прощания. Горы расстилались перед глазами, как окаменелые волны, далеко, далеко; там, на самом горизонте, выплеснулась еще одна, выше всех других — это знаменитый Кёнигстайн. — Под ногами у нас были дома, аллеи, дороги, стада, и я удивился, как можно жить в такой глубине. Там и сям по скатам холмов тянулись леса, как длинные плоты бревен, спускаемые у нас вниз по рекам. Прощай, Саксония! Вскоре вступили мы в другую, столь же богатую по почве землю Богемии, землю видов, лощин, целительных ключей, но не столь богатою управлением.

* Батарды (от франц. bâtard) — незаконнорожденные.

В Петерсвальде, за 4 мили от Дрездена, услышали мы впервые голос Австрии из уст пограничного чиновника, который хотел отослать одного честного гамбуржца назад в его вольный город оттого, что на пашпорте его не было свидетельства австрийского посланника. Потом Австрия начала осматривать наши чемоданы, вынимая и выбрасывая пожитки, качая сомнительно головою при всякой вещи. Между тем холод крепчал, пронзительный ветер свистал в горах. Нас пересадили в узкий, беспокойный дилижанс, которого приготовления в какой-то нетопленной и сырой лачуге мы ждали, съев супа и котлет с картофелем. Дрожа всем телом, уселись мы в этом деревянном ящике, закрыли окошки, и таким образом при завывании ветра приехали в Теплиц. Тут обогревшись немного и выпив пива, в темную ночь пустились далее, не видели или не хотели видеть ни Кульмского поля, ни трех его памятников. С окостеневшими ногами, болью в коленках от узкого пространства и продрогшими прибыли мы, наконец, в воскресение 20 декабря утром, в 8 часов, в Прагу, столицу Богемии, проехав таким образом 20 миль 21 час, полные, как можно себе представить, самых счастливых впечатлений, которые еще увеличились от второго осмотра наших вещей (при въезде в город), который хотя и был полегче петерсвальдского, но все-таки составил порядочную остановку.

ПРАГА

Богемия составляет теперь оппозицию Австрии[1] так, как католические провинции Рейна — Пруссии, Ирландия — Англии и проч., и проч. Старания ее ученых и писателей, каковы Ганка, Шафарик[2] и др., о сохранении народного языка есть оружие этой оппозиции. Общими усилиями дошли они до того, что в отечестве своем успели зародить ту особенную гордость национального происхождения, которая известна у них под именем чехизма. — Австрия отвечает на это [всевозможным], полагая всевозможные препятствия затеям патриотов или давая только в крайнем случае позволение на народные балы, где все гости и гостьи обязаны говорить по-чешски, захватывая бумаги подозрительных людей, как это случилось в бытность Срезневского[3], и отбирая допросы, мимоходом сказать, некоторые давали порядком дельные ответы, как, например, этот: «18 миллионов славян не могут видеть равнодушно, что все важнейшие должности в государстве принадлежат немцам, которых только 4 миллиона». — Они знают, что на востоке есть большое славянское государство, и уверены поэтому, что из славян может быть составлено хорошее государство. Отвращение к немцам и приверженность к России развиты в ученом и высшем сословии Богемии весьма сильно[4].

Также трудно представить восторг, производимый народной песней, певицей, у которой чешская фамилия, артистом, который выдает афишку на чешском языке. — Это собственное сознание сделало Богемию представительницей славянизма в Германии, и Карпатия, Иллирия, Долмация, Славония[5], сколько мне известно, считают голос Богемии за свой представительный голос. Вот почему глаза Австрии постоянно обращены на

Прагу, которая многими считается за зародыш того [разрушения] отделения многочисленных племен, составляющих Австрию, которое и будет ее гибелью. Действительно, вещь важная и достойная изучения, если сообразить неутомимость ученых и писателей о распространении языка, одобрение их усилий всем обществом, и связь, которая существует между ими самими, и при которой, лишь только дело идет о чехизме, уничтожается всякая вражда, всякая личность. Нимало не покажется удивительным, что огромное славянское племя, идущее от Балтийского моря до Венеции и наполняющее все лежащее на этом пути Германское государство и почти всю Турцию (по догадкам Срезневского, даже племя это простиралось некогда в ширину до Рейна), что это, говорю, порабощенное славянское племя показало признаки боли, а стало быть, и жизни в средине, а не по концам. Богемия была некогда отдельным государством [6], и об этом осталось у нее воспоминание, принимала участие в великих переворотах [7] — и сохранила гордость. Как можно заставить молчать людей, которые в родном городе на каждом шагу встречают памятники своей старины, которые поклоняются гробам своих королей, которым церковь, мост, статуя твердят каждый день, что они были историческим народом и, наконец, которые имеют столицу, так переполненную легендами, преданиями, вытекающими, как живой источник воды Моисеевой, из каждого камня [8] и повествующих дела отцов, что в этом отношении я до сих пор даже ничего подобного не видел. —

Вот, например, Градчин [9] — святое место, наш Кремль. — Пройдя дворец Тосканского герцога, кармелитский монастырь, вы через ворота королевского дворца выходите на площадь, где красуется кафедральная церковь св. Вита. Эта готическая церковь принадлежит к числу бесподобнейших храмов Германии, хотя и неокончена. Тут уже нет чудовищных пристроек, безобразных наростов из грубого камня северного готизма, тут все прозрачно, все узорчато, все подчинено руке художника. — Части этой церкви имеют все достоинство эстетической необходимости, и каждая из них стремится к одной цели — к небу [в этой общей цели], где, как у общего отца, сходятся они под [знаменем] связкой креста. Чудное здание кажется вам [окаменевшим] не плохою попыткой ученика, пишущего сочинение на заданную тему, где тысячи помарок, поправок и прибавлений, где одна часть развита слишком сильно на счет другой и потому кажется нелепа по излишеству силы, а другая по недостатку ее; нет, это полное художественное творение мастера, где форма и мысль сроднились и срастились в одно удивительное целое, в котором поэтому самое незначащее слово так же необходимо, как и главная цель. — Есть противники готической архитектуры, но они не видят или не хотят видеть, что в лучших храмах этой архитектуры проявляется точно то же, что составляет достоинство греческой архитектуры, а именно: мысль, творчески проявленная в такой форме, которая одна ей и свойственна. Что касается до красоты, то красота есть вещь условная, и понимающему внутренний смысл готического столба он кажется так же красив, как ионическая колонна. Как творческое, самобытное, полное, гармоническое, поэтически правильное создание, церковь св. Вита гораздо выше св. Стефана в Вене, где первая

простая мысль была в позднейшем времени подправляема, раздуваема, расширяема и которая может быть сравнима с пергаментным листом, на котором пять раз писали сочинение, стирая всякий раз прежде написанное.

Внутренность этой церкви переполнена памятниками старины. Посреди возвышается [мавзолей 11 членов богемского королевского дома] саркофаг 5 императоров и 2 королей с их супругами, который с возлежащими наверху каменными фигурами [боковыми] и изображениями почивших на боках составляет драгоценный памятник древнего искусства. Кроме этого, боковые пределы наполнены гробами королей, и все они в каменных подобиях покоятся сверху гробов, между тем как тела тлеют внизу. Пушки Фридриха II в Семилетнюю войну у многих из них отняли головы, руки и проч. Главный алтарь украшен картиной Гольбейна, и эта огромная зала с гигантскими окнами en ogive *, с великолепным, смелым сводом, окруженная целым рядом боковых часовен, наполненных воспоминаниями и составляющих около нее как будто историческое ожерелье, — производит впечатление глубокое. Три вещи наиболее красуются в этом архиве богемских древностей: рака св. Непомука [10], серебряный гроб, высоко поднятый ангелами, между тем как серебряные аллегорические изображения сидят внизу; резное на дереве изображение Праги и часовня св. Вацлова показывают вам старую мозаику на стенах, может быть, родоначальницу мозаик в Германии; изображение святого, вылитое из пушки гуситов [11], и, наконец, в двери то кольцо, за которое он ухватился, когда брат его, отрубив ему голову, застал его на коленях пред образом. Мне пришло на ум, что необходимо надо истребить сперва церковь, чтобы истребить и народ, предки которого построили ее — воспоминание о прошедшей своей жизни.

По выходе из церкви вам представляется дворец, где жил некоторое время Карл X, за ним какое-то казенное здание, за ним остатки старого замка. Отсюда началась Тридцатилетняя война [12] тогда [здесь собрались депутаты], и вам показывают еще окна, из которых граф Турн выбросил депутатов [13]. Спускаясь с горы, направо видите вы старые стены, окружающие Градчин, тут были темницы, тут башня железной женщины Делиборки [14], тут что ни угол, это сказка, что ни камень, то легенда; справа, внизу красуется дворец Валенштейна, с рощей, им самим насаженной, и с чучелом любимого его коня, на котором свершал могущественный вассал свои подвиги [возбудившие] доставившие ему так много приверженцев, немолчную славу в истории и бедственный конец. Сам собой рождается вопрос: народ, имевший такое влияние на Европу, может ли быть исключен из числа народов?

Вторая часть Праги, соседственная Градчину и именуемая Кляйнзайте **, имеет церковь св. Николая, которая может служить примером безвкусия иезуитов, построивших ее. Войдя во внутренность, вы подавлены бесчисленным множеством статуй, украшений, золота, аль-фреско, так что целое кажется вам бредом тяжелого, горячечного сна [15]. Это одно из доказательств, как осторожно должно обращаться с итальянским родом архитектуры и как много надобно эстетического чувства художнику, чтобы

* Стрелками (*франц.*).
** Кляйнзайте (от *нем.* Kleinseite) — Малая сторона.

не употребить во зло свободы и фантастической этой манеры. Отлогим спуском, где громадно красуется дворец Шварценберга, спускаетесь вы с моста на реке Влтаве, этого чудного моста, заключенного промежду двух массивных гигантских ворот и перила которого украшены столь же массивными группами святых и духовных аллегорий. На том месте, где св. Непомук был брошен вниз, врезан в камень крест с 5 звездами в воспоминание пяти огненных звезд, явившихся на воде вслед за погибающим мучеником. С этого моста открывается вам чудесный вид, и вы стоите лицом к лицу ко всем поэтическим, мифологическим и достоверным воспоминаниям Чехии. . .

Вот прямо на горе Градчин: это история, строгая, фактическая, несомненная; подальше, прямо перед вами, белеется церковь монастыря Страховского, а сбоку гора св. Лаврентия, по которой, как лента, вьется белая стена, построенная во время похода [16], чтоб дать занятие и работу народу: это история, в которую уже начинает вплетаться поэтическая легенда, и оба эти отдела связываются цепью садов, домов, церквей. Справа от вас, если стоите вы лицом в Градчину, вдали за живописным островком на реке, виднеется Вышгород, с остатками замка кровожадного Либуши [17]: это уже мифология, народная сказка, болтовня летописи, соскучившейся говорить серьезно. Слева Влтава течет, сжатая горами, по которым шагают укрепления города, обведенного крепостным валом. [Сзади]. Повернитесь назад к противоположному берегу, к той части города, которая называется старым городом, господи! Москва! Католическая Москва! Тысячи куполов, башен, шпицев, крестов!

До сих пор не знаю, которому из двух мостов: Дрезденскому или Пражскому — отдать преимущество. Если первый более гармонирует во всех частях, более правилен, более художественен, так сказать, то взамен второй есть решительно говорящий мост [18]. Со всех сторон беседуют с вами века, происшествия и затейливые выдумки народа. Вы можете простоять целый день на этом мосту и не быть праздным ни одну минуту. Вам покажется, будто вы читаете добродушный, прелестный сборник с приложением картинок, и, может быть, это навевание старины и делает Прагу более, чем ее церкви, набожность жителей и славянский их говор, похожей на нашу первопрестольную столицу, замечание, которое услышишь почти от всякого русского, побывавшего в Праге.

Тотчас по миновании моста является вам справа Крейц-Кирхе со своим куполом, т. е. монастырь рыцарей креста или прежде бывших тамплиеров [19] [члены которых], и члены их еще до сих пор носят пришитый красный крест на мантиях и на груди. Прямо красуется прежде бывшая коллегия иезуитов, обращенная Иосифом II [20] в Академию искусств, в императорскую библиотеку и проч. Это был один из всех владык Австрии, который хотел покончить совсем расчет с прошедшими веками. После него и теперь при знаменитом министерстве Меттерниха [21] Австрия решительно кажется вам стоящей спиной к современности, с глазами, устремленными только на прошедшее, так что все ее действия клонятся к сбережению остатков своей истории, а не к заложению новых, плодотворных начал. Я сам для себя хочу выяснить мою любовь к старине, чтобы не подвергнуть ее осуждению

в неразумности. Старина для меня только воспоминание, а не действительность; в ней я люблю не самый поступок, а предание и рассказ о поступке; для меня они имеют прелесть исторических записок, а не прелесть жизни, составляющих содержание их. Необходимо было пояснить это, чтобы не впасть в противоречие, удивляясь любви Австрии к историческому труду, любви, которая понуждает ее сберегать даже остатки тамплиеров, между тем как весь свет убежден в несуществовании их, допускать орден иезуитов (хотя под другим названием — литониян), когда весь свет единогласно отвергает касту, и сохранять в костюмах войск, в привычках аристократии, в этикете и процессиях, даже в суде, не едином для всех, но особенном для преступлений дворян (дворяне судят себя сами, per ses paire) и особенным для граждан, во всех указаниях отживших поколений, хотя бы они были дряхлы и младенчески неопытны. Эта ideé fixe * Австрии была пагубна для всех плодотворных начинаний нашего века: она сделала Империю каким-то германским Китаем, куда не достигает насущная образованность рода человеческого, и она мешает развитию ее внутри себя. К чему? Разве знали ее прежде? Это status quo ** относится не к одному внутреннему управлению, а ко всем странам и землям, на которые она может иметь влияние. Право, неудивительно будет, если в один день Австрия вздумает Мексику и все штаты Южной Америки отдать снова инкам и ацтекам [22]. Впрочем, нет правила без исключения, и исключение тут захватывает все те страны, которыми сама Австрия завладела, вопреки их истории, обычаям и старым постановлениям.

Мне остается только упомянуть о церкви Вознесения божей матери на Тенае и о старой Ратуше с часами [23]. Первая замечательна двумя башнями своего фасада, верхи коих еще украшены маленькими башенками, прикрепленными кругом главных, и гробом Тихо-Браге [24]... На каменной доске высечено изображение рыцаря в доспехах: это астроном. Это старая готическая церковь с двумя фантастическими башнями своими [показывает] определяет [манеру] способ, каким старые художники начали освобождаться от неподвижности и безжизненной колоссальности построек, и составляет первую ступень к колокольне св. Стефана в Вене, к соборам Миланскому, Страсбургскому и Кёльнскому. Что касается до удивительных часов Ратуши, теперь неподвижных и окаменевших, то это полная система философии средних веков, которая необыкновенно проявилась в часах. — Сущность этой философии составляет всегда смерть, и часы служили [для указания] не просто для указания времени, а проповедью, благочестивым напоминанием о тщете земного, угрозой богатству, утешением страданию. Там и тут скелет бьет в колокол при каждом часе, апостолы выходят. Спаситель благославляет, иудей преклоняет голову, шар показывает видоизменение месяца, зодиакальный круг, как лицо Изиды, повествует о тайнах природы, и часы делаются полным выражением теологических, естественных и моральных идей. Жалко, что эти часы замолкли и не могут прочесть чудесной своей лекции, которую прежде читали каж-

---

* Навязчивая идея (*франц.*).
** Существующее положение вещей (*лат.*).

дый час, в науку всему христианскому миру. Башня под именем Пульвер Турм * есть остаток старых укреплений города и весьма походит на одну из наших кремлевских. Она построена Карлом IV[25]. Каждая столица Европы имеет одного человека, от которого все идет, которого мы встречаем на каждом шагу и который невидимо присутствует всюду, куда вы только ни заглянете. В Петербурге такой человек называется Петр, в Берлине — Фридрих, в Дрездене — Август, в Праге — Карл IV...

Для полного понятия о национальной физиономии Праги должно упомянуть о безобразных изображениях мадонн и св. Непомука, которые украшают стены домов, дворы, площади и почти все выступы. Простенки между окнами часто расписаны аль-фреско из священной истории. Наконец, католические распятия, эти ужасные распятия, где так много крови и ран, все люди останавливаются, снимают шапки и крестятся перед этим страшным изображением физического страдания. Все это вместе взятое в соединении с легендой производит чрезвычайное впечатление и делает Прагу действительными вратами в Италию, как Любек есть врата рыцарской Германии.

Пробыв два дня в Праге, я выехал во вторник из нее, 22 декабря, в 6 часов утра, чуть-чуть не опоздав на почту. 24, в среду, в 11 часов ночи прибыли мы в Вену после 40 мильного путешествия, полуживые от холода и усталости. Конец дороги я свершил уже в каком то состоянии тоски и отчаяния. Ужасные дилижансы! Ужасные дороги!

О театрах Праги не могу ничего сказать, видя весьма плохо поставленную оперу «Густав III» и пустейшую пьесу «Шпага и портупея», где блистала хорошенькая девица Альрам.[26] Цены местам чрезвычайно низки: место впереди — около 1 р. 50 к., место в ложе — 1 гульден, около 2 р. 50 к., ложа первого яруса — 4 гульдена, около 9 р. 20 к.

* Пульвер Турм (от *нем.* Pulver Turm) — пороховая башня.

ЗАПИСКИ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

... невыразимом вся масса откинулась назад[1], и крик: «aux armes»* пронесся по всему Парижу. Люди бежали в беспамятстве, но вопя: «aux armes-trahison... ils veulent la révolution... la révolution... la révolution»**.

Несколько человек схватили решеточную дверь нашу в ужасе [невыразимом] неимоверном и требовали, чтоб отперли ее, потрясая ее, между тем, как соломинку, concierge***, жена его потеряли голову. Отпер посторонний человек. Показались раненые: работник с [разбитым] разрезанным ухом, женщина с простреленной щекой. [Крик] Раздались вопли и крики. За доктором никто не смел выйти, боясь нового залпа. Через четверть часа воцарилась на бульварах мертвая тишина, еще страшнее предшествующей бури, и в довершение картины привезли тележку, положили на нее трех или 4 убитых и при свете факелов, освещавших их окровавленные лица, повезли по городу.

Что династия кончилась, можно судить потому, что [этот] перед этим кортежем из народа [сопровождал] отступил [полсотни] отряд из кирасир [занимавший], занявший улицу la Paix. Кортеж направился к колоссальной Монмартревой баррикаде: она устроена была, как догадываются, радикалами.

Боковой улицей пробрался я к себе домой в 11 часов, еще дрожа от всех этих впечатлений, и никак не мог заснуть: до сна ли было. В доме у нас оказался тоже раненый: лакей с простреленной ногой.

Революция была уже сделана: стоило только дождаться утра. Куда девались все страшные приготовления 18 лет, сделанные Лудвигом Филиппом. Все рушилось от подлости самих консерваторов, от деморализации войск, от парижского народа, неудержимого, как только раз снял он с себя цепи.

И можно ли вообразить? Гизо в Палате, объявив об увольнении своем, объявил, что до составления нового М‹инистерст›ва он восстановит порядок в городе силой, а «Journal des débats» (последний № монархического журнала «des Débats»), объявляя о возмущении, твердо уверен, что оно будет подавлено, и занимается, как ни в чем не бывало, разбором заседания Академии наук и книги о [старых] древних костюмах Нормандии, кажется!

---

* «К оружью».

** «К оружью... измена... они хотят революции... революция... революция» (*франц.*).

*** Консьерж (*франц.*).

ЧЕТВЕРГ

Четверг 24 февраля. День решительный, в половине которого монархия уже не существовала. Революция с этой минуты шла, как искра по труту. В ночь все улицы покрылись баррикадами[2], и только слышно было стук ломов, падение деревьев, звон железа о камень. В 10½ часов утра король назначил министрами Одиллона Барро и Тьерса * и распустил Палату, но уже поздно. Никто не хотел более этих династических имен[3], и я видел бедного Барро на лошади, окруженного малочисленной толпой работников, — его везли в М‹инистерст›во, которым он не управлял. Тьерс был в Тюльери. Национальная гвардия[4], очнувшись уже поздно от страшного своего промаха, кричала, что все уже кончено, и старалась уверить в этом и самое себя и других. Но в 11 ч. король отказывается от престола в пользу регентства герцогини Орлеанской и права на престол графа Парижского, с передачей всего дела на суд народа, а между 12 и 1 часом он тайком выезжает из Тюльери[5] с королевой, одной принцессой, двумя внуками, послав сперва герцогиню Орлеанскую с ее детьми в Палату депутатов. И последняя надежда утверждения этого акта Палатой пропала. [В три часа] Между тремя и 4 часами ворвался народ в Палату, и, между тем как Барро отстаивал права графа Парижского, Ламартин протестовал против законности и возможности подобного решения одной Палатой, Кремье и Ледрю-Роллен [объявив] хотели отстаивать права всей Франции на определение формы правительственной, а герцогиня Орлеанская, сидевшая в верхнем [углу] ряду с детьми своими, бросила бумажку со словами, смысл которых был следующий: «Я, бедная мать, сама требую для несчастного сироты моего избрания всей Франции, всего народа». В это время [народ] ворвавшийся народ согнал Созе с председательского кресла[6], расстрелял картину над трибуной, где был виден король, дающий присягу, кинулся на скамьи депутатов. Адский шум и сумятица наступили. Напрасно хотел Ламартин, Дюпон (de l'Eure), седший в председательские кресла, и Роллен составить тотчас же временное Правительство: никто их не слышал, и только к концу повлекли их в Ратушу[7], где они при непостижимом смятении (Дюпон упал в обморок) и объявили Правительство, таким образом составленное: Араго, Дюпон, Ламартин, Ледрю-Роллен, Мари, Пажес, Кремье [Мараст, Луи Бланк, Фредерик Флокон, Альберт (работник)]. Весь остальной день они беспрестанно встречали толпы и говорили речи под саблями и пиками и только в ночь могли принять некоторые, самонужнейшие меры. В Палате какой-то Шевалье, посторонний человек, ворвался на кафедру[8] и предложил посадить графа Парижского на лошадь и везти по Парижу, полагая это единственным спасением монархии. Ларошжаклен (легитимист) сказал Палате: «vous n'êtes nien, nous sommes rien, á present» **. Герцогиня упала в обморок при первых выстрелах народа, захватившего Палату. Депутаты вынесли за ней детей на руках кое-как, герцог Немурский, переодевшись в [каф-

* Тьера.
** «Вас более не существует, мы отныне ничто».

тан] сюртук, выпрыгнул из окна в сад, и еще никто не знает, где они все и герцог Монпансье, тоже с ними бывший. В три часа я был перед Палатой и еще видел карету герцогини и маленькую лошадку с великолепным седлом, приготовленную для графа Парижского, и около кареты [которая стояла] довольно красивую женщину, верхом по-мужски [изображавшую реформу]. Она изображала реформу, махала саблею и кричала, что есть мочи: «Guizot à la mort» * при громких аплодисментах народа. После я видел ее мертвецки пьяной на набережной.

Но возвратимся к началу:

В 11 часов, когда все около меня говорили, что дело кончено, я увидел картину поразительную на бульварах. У Hôtel des Capucines уже ни одного солдата, пост занят был национальной гвардией — страшная пустота, и во всю длину его высились эшелонами баррикады из камней, срубленных деревьев и отхожих колонн [для нужд]. При мне повалили террасу улицы Butte des remparts и опрокинули одну из этих колонн ломами, причем я видел превосходный экземпляр того, что называется: мальчишка, gamin de Paris. Он бил своим ломом в каменную колонну с невыразимой яростью. Не успел я войти к Гервегу (на бульварах же), как со стороны Пале-Рояля послышалась перестрелка. Через [три четверти] час или $1^1/_2$ перестрелка стала умолкать постепенно: мы были в неописанном состоянии лихорадочного страха и ожиданий происшествий. В это время народ вырезывал и расстреливал стражу [9] [14 пехотного полка], отряд из 184 человек 14-го пехотного полка, того самого, который сделал вчерашний несчастный залп у Пале-Рояля, зажигал самую гауптвахту, врывался через улицу Валуа, переименованную теперь в rue du 24 Février, во дворец и предавал его полному и совершенному разрушению. Оттуда, разведя огонь из 12 королевских карет, найденных в близлежащей конюшне, он отправлялся через Карусельную площадь в Тюльери: войска на ней, которого считали до баснословного числа 40 т. человек, уже не было. Они все отретировались к Палате депутатов, к площади de la Concorde, кроме неисправимых garde munizipale [10], еще стрелявших из окон его. Решетки дворца были отперты, короля уже не было, народ вошел в Тюльери почти без сопротивления. Он был теперь без Правительства и мог бы потопить Париж в крови, но справедливость требует сказать, что в эти анархические минуты ни одно [лицо] частное лицо и ни одна частная собственность не были им оскорблены. Это удивительно!

Еще удивительней, может быть, было зрелище, представшее нам в Тюльери, когда в 2 часа я с Гервегом и Сазоновым направился к Тюльерийскому саду. Весь он покрыт был колоннами работников в разнороднейших костюмах, с знаменами, двигавшихся в разных направлениях, с криками, воплями и песнями: все это походило на [маскарад] на какой-то странный маскарад. Представьте бал Оперы в день карнавала, только вооруженный и перенесенный на поле битвы. Между работниками в саду уже были люди в ливреях, перевезях, шляпах, даже церковных ризах, найденных в Тюльери. Одна толпа возила по саду ту женщину, которую мы

---

* «Смерть Гизо».

потом видели около Палаты депутатов. Из всех окон дворца и почти из всех его отверстий, не исключая и крошечных, стреляли из ружей на воздух, трубили в трубы, на террасе били в барабаны, на среднем павильоне звонили в набат. Ухо наполнено было грохотом невообразимым, глаз разодран тысячью разноцветных костюмов, тысячью физиономий, одна другой необычайней, одна другой ужасней и смешнее вместе. Мы хотели пробраться через средний проход на Карусельную площадь, за теснотой не могли этого сделать и, возвращаясь назад, обошли дворец через набережную и на площади Карусельной встретили то же зрелище с прибавкой горящих экипажей, пустых пороховых ящиков, людей, скачущих в разные стороны из удальства на лошадях муниципальной гвардии, владельцы которых были убиты. Шум, крик и оргия торжества были тут в самом крайнем, в самом последнем своем проявлении. К картине этой следует еще прибавить разнородное вооружение всей толпы, сабли офицеров, тесаки солдат, штуцера кирасир, ружья пехотинцев и, наконец, кивера муниципалов, которые разносились на штыках высоко над головами, служа в одно время и знаменем и трофеем. Эти кивера заменили старые головы и члены убитых неприятелей и доказывали значительный прогресс времени. У некоторых с обнаженными руками и волосатой грудью торчали вместо киверов на штыках куски ветчины и хлебы, добытые в подвалах Тюльери. Многие уже были пьяны его винами и ревели во все горло. Профанация дворца была самая полная снаружи, но внутри она была еще разительней, как увидите. Я забыл сказать, что из разных этажей сыпались клочья бумаг, разодранных, выбрасываемых из окон, падали ставни и летели стекла на мостовую...

Крепко держались мы друг за друга и прошли через площадь Concorde, покрытую войсками, к Палате депутатов. Тут мы видели сцены, выше описанные, и конечную ретираду всех войск и артиллерии с опущенными ружьями и фитилями в казармы. Я сгорал желанием прогуляться в самый [Тюльери] дворец Тюльери с пировавшим там народом и отправился туда в 4 часа, Сазонов сопровождал меня. С трудом поднялись мы по [великолепной] раззолоченной парадной лестнице его, загроможденной народом, и очутились во всех этих [комнатах] залах, где Наполеон, Карл X и Лудвиг Филипп праздновали разнородные свои величия [11]. Выстрелы не умолкали, [гам] шум носился страшный, паркетные полы растрескались под количеством этих ног, так вообще дурно обутых. Уже некоторые люстры были [разбиты] сорваны и выброшены из окон, бюсты короля уничтожены, портрет маршала Бюже в маршальском зале разорван, занавески разодраны, а в тронном зале стук топора около тронного балдахина показал новое намерение профанации. Действительно, трон был выброшен из окошка и торжественно сожжен на ступенях Июльской колонны [12], что на Бастильной площади. И все это сопровождалось беспрестанными шутками: «Как же это ты здесь в блузе, — говорил один блузник другому, — c'est indécent» *. «Забыл заказать придворное платье к этому дню», — отвечал последний. Профанация делалась еще

* «Это неприлично» (*франц.*).

жгучее, резче в гостиных комнатах королевы и принцесс. Тут на великолепной постели лежал, растянувшись, молодец в чёботах, работники пороховыми руками перевертовали листы альбома, один мальчишка [играл] стучал по фортепьянам герцогини Орлеанской при громких аплодисментах слушателей, полупьяный человек стоял на [стуле] превосходном столе (Буль), черепаховом с нарезками и держал в руках сургуч, крича: «Вот сургуч, которым l'infame gouvernement * печатало письма». Я попросил у него на память кусочек и получил. Всех сцен описать нельзя. Чудные ковры, покрывавшие полы, побледнели и вытерлись в один этот день более, чем они могли вытереться в 10 лет своего служения. Украдено почти ничего не было. В полночь комиссары нового Правительства заперли дворец, собрали в одно все его драгоценности, еще не попорченные, и вывезли их на другое утро. Так как монархия уже не может спать под кровом, обесчещенным более 3 раз в продолжение полустолетия [13], то дворец сегодня (26-го февраля) объявлен будущим госпиталем престарелых работников — Hospital des invalides civiles **!

Впечатления этого дня еще не кончились!

Из Тюльери направились мы при тех же картинах по набережным к Ратуше. Туда и оттуда шли массы с той же физиономией саббаша, полного веселости. По сторонам там и сям горели гауптвахты. Один человек, уже совершенно пьяный, держал на штыке огромный кусок ветчины и, рассекая его тесаком, кричал: «qui veut Louis Philippe?» ***. Мы осторожно обошли его. [Притом] Составлялись неимоверные процессии: на [лафе] пушечном лафете я видел одну такую с детьми, женщинами, девками и работниками в неимоверных костюмах. Чудовищный карнавал растягивался по всему этому направлению, он был еще перейден сценами, какие мы встретили у Пале-Рояля на месте [прежнего] бывшего побоища. Спешу, однакож, прибавить, что я не слышал ни одного кровавого крика, ни одного воззвания к мести, даже простого оскорбления частного лица, а между тем весь город был покамест в руках работников, вместе с жизнью и имуществом ненавистной ему буржуазии. Я так устал, что идти далее уже не мог, и все мы (Сазонов и Гервег с женой *(неразборчиво)* с женой) решились возвратиться снова на бульвары через Пале-Рояль. Мы прошли через двор Лувра, где еще стояла верховая статуя молодого герцога Орлеанского и через улицу St. Honoré вышли на du Cod. Здесь баррикады стояли так близко друг к другу, в такой высоте и с таким стратегическим чутьем строителей, что походили на инженерные постройки. Мы перелезли кое-как три баррикады, из коих каждая имела все качества небольшой крепостицы. — Особенно помню одну, запершую собою четыре смежных улицы и образовавшую таким образом правильный круг, похожий на основание башни. Внутренность их уже была наполнена стоячей водой и грязью от уличных канавок, и в этой-то [время] грязи волновался черный, ужасный народ. Переносили убитых и раненых в предше-

---

* Гнусное правительство (*франц.*).

** Госпиталь для инвалидов труда! (*франц.*).

*** «Кто хочет мяса Луи Филиппа?» (*франц.*).

ствии людей с факелами, обнаженных до полутела, в сопровождении воя труб, марсельской песни и криков: «chapeau bas devant les victimes» *. Госпожа Гервег перелезала славно и выдерживала зрелище чрезвычайно бодро. У Пале-Рояля оно делалось все мрачнее и грознее. На площади его догорала гауптвахта, лежали еще трупы, и грязь уже была смешана с кровью, [облом] позолоченными обломками мебели, разлитым вином и углем. Сам дворец был пуст и мрачен: в нем не было ни одной двери и не одного стекла. Мы повернули на улицу Валуа, нынешнюю 24 Février, нога скользила по грязи, между тем как в лужах плавали бумаги и обгоревшие обломки. — Вступив на [двор] внутренний двор Пале-Рояля при адском шуме, мы видели повторение того же, с той разницей, что под ногой звенели стекла и множество групп плясали перед [нами] огнями, поглощавшими мебель и разные вещи. Галерея в саде была заперта, и ни один магазин не тронут. Через противоположную сторону мы вышли снова на улицу St. Honoré, сопровождаемые и окруженные всеми этими нагими грудями, всеми этими экзотическими лицами, [поверх] которые пробивались от времени носилками с ранеными и убитыми и криком: «chapeau bas devant les victimes». Через улицу Rivoli и La Paix возвращались мы никем не оскорбленные, никем не тронутые на бульвары, и в 7 часов я обедал у Сазонова.

Ночью бульвар, покрытый баррикадами, наполнился народом. Во всех углах стреляли из ружей на воздух в знак радости, зажглись разбитые фонари, и чадовое пламя, не огражденное стеклами, разносилось полосами. [Везде было] Все дома были освещены сверху донизу разноцветными фонарями, и линия бульваров, как и самих улиц, представляла волшебное зрелище. Группы беспрестанно составлялись, передавая новости дня [образовывались], расходились и снова образовывались: национальная гвардия уже была вся под ружьем [стараясь], оберегая по возможности внешний порядок. Революционные песни разносились, умолкали и снова подымались. На лицах всех [выра], одетых во фраки, выражались страх и недоумение, трепет будущих событий. Я сам никак не мог собрать собственных мыслей, и [никак не мог] нужно мне было [несколько] некоторое усилие мозга, чтобы представить себя посреди республики. В продолжение всего дня, можно с достоверностью сказать, никто не видел особенного воодушевления в пользу республики: и крики: «vive la réforme» ** слышались гораздо более на всех пунктах, чем крики: «vive la republique» ***. Взятие Пале-Рояля и Тюльери было coup de main **** народа [который], чем цель для составления новой формы правительства. Зато народ [и не вырабо]-завоеватель и не породил Правительства из собственных своих недр, а взял его снова из радикальной буржуазии. Отсюда [пойдут все] должны выйти все будущие столкновения народа и Правительства. Консерваторы национальной гвардии, не вышедшие на битву, как мы сказали,

---

* «Шапки долой перед жертвами» (*франц.*).
** «Да здравствует реформа» (*франц.*).
*** «Да здравствует республика» (*франц.*).
**** Делом рук (*франц.*).

теперь все были налицо, но уже поздно. Гомерическое удивление выражается теперь почти на всех [улицах] лицах.

Между тем у Ратуши Ламартин и все Правительство делали [сверх] чудеса усилий, чтобы сдержать, успокоить, вразумить народ. [Ламартин] В Ратуше образовалось нечто из заседания народного, перед которым говорили Ледрю-Роллен, Ламартин (сей последний с опасностью для жизни за желание предоставить Франции выбор правительственной формы и за отстранение красного знамени [14]). Это же народное собрание провозгласило членами Правительства Луи Бланка и Флокона. Оно беспрестанно сменялось новыми толпами, перед которыми снова должны были объявляться члены Правительства. Один голос хотел Луи Наполеона представить в Правительство, другой — Одиллона Барро. [Едва успевали они.] Словом, едва успевало Правительство, особенно Ламартин, отпустить одну толпу, как прибывала новая, врывалась в залу — и поглощала в себя новое Правительство, которое издерживало бесчисленное количество энергии, чтобы снова выказаться и сформироваться. Ламартин говорил беспрестанно, и только к ночи могли все члены его войти в себя и принять какие-нибудь меры. Покамест объявлена была республика под условием одобрения будущего Национального собрания, издана прокламация, возвещающая составление Временного правительства, и другая, увещевающая не стрелять без нужды и сохранять порох для будущих происшествий: это были первые меры к водворению порядка.

Не знаю, спал ли кто-нибудь в наступившую ночь, что касается до меня, лихорадочное состояние лишило меня сна. Всю ночь слышались выстрелы и песни, но ни пожара, ни грабежа, даже воровства не было, а город был совершенно без власти. Так кончился этот невообразимый и неожиданный день!

ПОДРОБНОСТИ БЕГСТВА КОРОЛЯ

Богатый портной Гумон, находившийся в верховой национальной гвардии, как человек, приверженный короля, вместе с 60 другими товарищами участвовал в спасении короля. Вот подробности, сообщенные им мне. Утром четверга, часов в [9] 6 король сделал смотр войскам и этому верховому отряду, с намерением убедиться в его расположении. Жаркие «vive le roi» * убедили его, что он может положиться на него. Это доказывает, что король уже думал о бегстве в то время, когда назначал министрами Барро и Тьерса... Вскоре после смотра верховой отряд получил приказание вступить в сад Тюльерийский, где никогда не ставили кавалерию: тогда уже не было сомнения, что ему предоставлена была опасная честь [соста] сделать последнюю службу при короле. Около [1] 12 часов Луи-Филипп вышел во фраке с пакетом под мышкой в сопровождении королевы, внуков и одной принцессы на площадь. Он сказал отряду: «J'ai abdiqué M-ss, le vois laisse» **, но с таким жестом, который говорил: вы

* «Да здравствует король» (*франц.*).
** «Я отрекся, господа, я вас покидаю» (*франц.*).

увидите, что будет после меня. Отряд его окружил и положил во что бы то ни стало вывезти его из Парижа sain et sauf * в С.-Клу [Отрядом Гумона. Нашли какой-то.] У обелиска их окружила толпа народа, король хотел говорить, но увлечен был королевой. Нашли какой-то фиакр в одну лошадь, уже заготовленный заранее, посадили туда короля, королеву, двух внуков их (принцесса Немурская села с кучером), отрядили Гумона вперед махать белым платком и кричать: «le roi a abdiqué, le roi a abdiqué!» ** и помчались, что есть мочи. Народ кричал «браво» при известии об абдикации короля, но у Pont des Invalides чуть-чуть их не схватили. Один человек схватил лошадь за узду у одного ездока, кортеж приостановился, и король рисковал быть узнанным, но опасность миновалась. Между тем в четверть часа были они в С.-Клу, как говорит Гумон. Тут семейство короля вышло перед дворцом, и король сказал: «Ai-je bien fait. Messieurs, dites-le moi? ***, на что отряд, столпившийся около них, ответил [только] криками: «vive le roi» ****, один гвардеец заметил, что если бы Правительство было немного полиберальней — ничего бы этого не случилось. Тогда королева, заливаясь слезами и положив руки на плечи мужа, стоявшего печально с опущенной головой, сказала: «Je vous le présente, Mss, comme le meilleur des hommes, je vous le présente encore une fois comme le meilleur des hommes. Il a toujours voulu le bien de son pays, toujours — mais l'opposition et l'étranger ont juré sa perte» *****. Потом, обращаясь к отряду тронутому этой сценой, королева прибавила: «Я никогда вас не забуду, господа, никогда не забуду, что вы для нас сделали, никогда». [Многие поцеловать просили] Она дала руку свою близстоящему и удалилась с мужем во дворец. Через три четверти часа они въезжали в Трепор через Версаль [Остальной двор] [Лица двора прибыли в С.-Клу в двух омнибусах.]

[ПЯТНИЦА 25, СУББОТА 26, ПОНЕДЕЛЬНИК 27 ФЕВРАЛЯ]
Первые меры Правительства и происшествия 25, 26, 27, 28 и 29

Журнал «des Débats» [вновь] поразителен. Объявив, что стремительность происшествий не дает ему до сих пор опомниться и что легко поймут чувства, наполняющие его душу, он просит для себя свободы, в которой никогда, говорит, не отказывал другим, и потом на пол-листе своем дает первые декреты нового Правительства. «Presse» требует доверенности к новому Правительству, а во втором своем №, объявляя себя республиканской, призывает народ к порядку. «Siècle» присоединяется к Правитель-

* В целости и сохранности (*франц.*).
** «Король отрекся, король отрекся!» (*франц.*).
*** «Правильно ли я сделал, господа, скажите мне?» (*франц.*).
**** «Да здравствует король» (*франц.*).
***** «Я вам говорю господа, что это лучший человек на свете, и еще раз повторяю, что это лучший человек на свете. Он всегда хотел добра своей родине, но оппозиция и иностранцы поклялись в его гибели» (*франц.*).

ству. «Constitutionnel» тоже. Дюпен, генеральный прокурор, предлагает [отдавать] свершить суд во имя народа. Архиепископ, благодаря народ за уважение к святыне, повелевает молиться за народ и свершить панихиду за убитых: вся и все начинают окружать новое Правительство как единственного представителя порядка.

Между тем, еще в четверг вечером листки журнала «La Patrie» [15] дали имена лиц, составляющих Правительство, именно: Араго, Дюпон, Ламартин, Ледрю-Роллен, Мари, Мараст, Луи-Бланк, Альберт (работник). В страшную ночь, следовавшую за взятием Тюльери, Правительство конституировалось таким образом: Дюпон — президент без портфеля, Ламартин — иностранных, Кремье — юстиции, Роллен — внутренних дел. Гудшо — финансов, Араго — морской, Мари — публичных работ, Карно — просвещения и духовных дел, Бетмон — коммерции, Бедо, потом Сюберви — военный, Куртэ — начальник нац‹иональной› гвардии, Каваньяк — Алжирии, мэр города и полиция — Гарнье-Пажес, потом помощником его — Бюшес *, секретари Правительства — Арман Мараст, Луи Блан, Альберт (: работник). В замешательстве некоторые из этих имен были пропущены, а другие [изменены] не точны.

(Х) [В ночь это новое Правительство издало прокламацию Франции об основании нового порядка вещей, объявив себя Правительством республиканским].

(Х) В ночь это новое Правительство принимает важное решение: декретирует составление 24 батальонов национальной гвардии подвижной, которым назначено жалование 30 су в день и обмундировка на казенный счет: оно обращает таким образом сражавшихся на улице в защитников порядка и на другой же день направляет их в окрестности Парижа. В эту ночь с 24 на 25 именно самый [отстой] нижний слой народонаселения как столицы, так и окрестностей начинает жечь и грабить. Дворец Нельи обращается в пепел, причем, говорят, в подвалах его погибло до 100 самих зажигателей, упившихся сладкими винами короля; дача Ротшильда [16] в Сюррене предается огню в то же самое время, как он дает в Париже 50 т. на раненых. Разрушения начинаются по железным дорогам: великолепный Аньерский мост, на С.-Жерменской линии мост сжигается, станция тоже, мост в Руане подлежит той же участи, и, наконец, на Северной железной дороге пожар идет до Амьена, начиная с С. Дени. Через несколько дней усилия подвижной гвардии, волонтеров и студентов вместе с локальными национальными гвардейцами и войском останавливают пожары и грабежи. Ряды парижской национальной гвардии пополняются всеми сословиями, и я видел уже на другой день людей в блузах и лохмотьях под ружьем вместе с буржуа, и они составляют полицию у баррикад, занимают мосты, одна часть их (: монтаньяры), захватившая префектуру полиции под начальством Коссидьера, ходит патрулем: город [совершенно] начинает обретать себя и создает себе власть. В пятницу свершается два акта: Ламартин под ружьями и саблями отстраняет красное знамя и признает только трехцветное с известной речью: «трехцветное наше знамя обошло

* Бюше.

весь мир, а красное только Champs de Mars». Но вместе с тем республика признается окончательно. Второй акт, о котором подробнее впоследствии, — это обязательство доставить работу всем работникам и подарок им — миллион, следовавший Луи-Филиппу, за которым [28 февраля] следует учреждение национальных мастерских и 28 февраля учреждение особой комиссии для организации работ, commission pour les travailleurs *, которая будет заседать в Люксембурге под президентством Луи Блана и вице-президентством Альберта. [Все воодушевлено, все горит, стрельба из ружей.] Эта мера принята по требованию нескольких тысяч работников, собравшихся у Ратуши. Все движется, горит, возбуждено страшно. Выстрелы на воздух, громыхавшие всю пятницу, однакож начинают умолкать к воскресению. Под этим шумом и беспрестанным напором народа в Ратушу Пр‹авительств›во издает декреты [каждый] и прокламации каждый час: 1) Заклады в ломбарде (Mont de Piété) не выше 10 франков отдаются безденежно владельцам, 2) плата по всем обязательствам отлагается для частных людей на 15 дней, до будущего 15 марта, 3) отворяются [все] темницы для всех политических и штатных преступников, 4) все титулы уничтожаются, 5) присяга на новую форму Пра‹витель-ст›ва отменяется навсегда, как обманная вещь, доказанная опытом, 6) суд производится во имя французского народа, и в церкви предложено молиться: Dominum Salvam fac Républicum ** [Отдельные министерства в свою очередь тоже сделали бесчисленное количество] и, наконец самое важное, в субботу с лестницы Ратуши Ламартин при криках энтузиязмированного его речью народа объявляет уничтожение смертной казни за политические преступления. Отдельные министерства со своей стороны издают тоже бесчисленное количество предписаний. (Как в тетради)

Карно издает два замечательных декрета: [27 февраля] первым — восстанавливается забытое положение, по которому Академия должна послать комиссаров для исследования состояния земледелия, а вторым — открывает учителям [провинциальных] первоначальных школ (école primaire) возможность достигнуть всех ученых степеней и достоинств. Кремье — сменяет консервативных прокуроров, назначает Порталиса генеральным прокурором, который уже начинает процедуру обвинения экс-министров и суд над зажигателями окрестностей, наконец, приостанавливает исполнение всех смертных приговоров. Мари — объявляет начатие публичных работ и главную — работы [для провода новой железной дороги в самый город] на железных дорогах. Гарнье, как мэр, свидетельствует булочников, мясников — и находит, что продовольствия [всем] городу обеспечено на 33 дня, вместе с тем цена на хлеб поднимается. Невозможно описать сверхъестественных усилий Правительства, которое заседало в Ратуше 60 часов сряду, сменяясь и отдыхая попеременно... Первыми исполнителями их поручений, когда они еще не имели никаких агентов, была молодежь Политехнической школы и Университета: они разносили приказания, смиряли народ, спасали драгоценности Тюльери и шли про-

* Комиссия для рабочих (*франц.*).
** Господи, сохрани Республику (*франц.*).

тив грабительства. Расторопность их и благодетельное влияние на народ — выше похвал. В пятницу и субботу баррикады еще лежали на улицах, немного сдвинутые в сторону для проезда экипажей, в воскресенье для смотра всей н‹ациональной› гвардии и прокламации республики у Июльской колонны (терраса которой по дождю не имела огромного блеска) они были почти совсем сдвинуты; в понедельник 28 февраля баррикады пропали, циркуляция восстановлена совершенно, и только торчали корни срубленных деревьев да лежали на тротуарах обломки отхожих колонн. Кругом начинают слышаться остроты и насмешки над республиканизмом, театры открыты, энтузиазм к республике, которого и вообще никогда не было, делается низким неимоверно. Во вчерашнем, 28 февраля, вторник, довольно крикливом представлении во Французской Опере «La Mutte» *, возмущение которой показалось мне, между прочим, крайне пошловато, хлопали страшно песням: «La Marseillaise», «Chant du départ» (гимне des Girondins) **, всем историческим остаткам большой революции 89 и 93 года, но vive la république выходило туго. Это, впрочем, ничего не доказывает, это еще остатки того чудовищного изумления, которое снизошло в пятницу на всех после неожиданного из всех событий. Между тем, республиканское Пра‹вительст›во, как единственный представитель управления, получает с каждым днем неимоверную силу. Около него собираются люди всех цветов. Все маршалы, все генералы, старая оппозиция; Тьерс, Дюфор, Билло, Барро, все духовенство, многие пэры (Гюго сделался, например, мэром одного парижского квартала), наконец, легитимисты, торжественно отказывающиеся от своего идеала герцога Бордосского [17], и во главе их Беррье [доказывает], что, между прочим, всю их битву с Луи-Филиппом поясняет как мщение. Сказывают, сын Полиньяка записался в н‹ациональную› гвардию. Притом же все они рады выйти из лживого своего положения. Теперь самое важное дело — присоединение к нему провинций, из которых покуда получаются самые разнородные, разорванные, неверные известия. Даже [клуб] Кабет со своим «Попюлером» [18] и католические работники (глава их Бюше, как известно, сделался помощником парижского мэра) с «Fraternité» стали за Правительство. Клубы еще [запрещены] не показываются. Вместе с тем есть уже и недовольствие на многочисленные назначения Правительства (оно уже, говорят, завалено требованиями мест), взятые из старых династических либералов. Есть уже и «Ami du peuple» Распайя [но что-то фразист и что-то слишком рано показывается, чтоб иметь силу и право обвинения. Удары его все падают на воздух. Мы будем следить за ходом Правительства], да на днях, вероятно, и «Père Duchêne» покажется.

Вступление в революцию кончилось.

Среда, 1 марта. Правительство издало декрет, по которому предоставляет изменение налогов будущему Национальному собранию, удерживает покамест все существующие, равно как и все контракты и обязательства. Ларошжаклен пишет письмо Правительству, предлагая свою преданность.

---

* «Восстание» (*франц.*).
** «Марсельеза», «Патриотическая песня» (гимн жирондистов) (*франц.*).

Гарнье-Пажес выбирает в секретари к себе работника Карбона, старого Дюпона помещают в Люксембург и главную команду над дворцом отдают Барбесу, заговорщику, в нем некогда судившемуся [19]. Множество изменений в лицах по Академии и факультетам, сменены Орфила, Рауль-Рошет, Шампиньон-Фижак и др. [Дюпен с прокурорства] Низар заменен Жаненом, и восстанавливаются в профессорстве Мишле, Кине и Конт. Страшная ломка позиций, требуемая обстоятельствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, 3-го МАРТА, ПЯТНИЦА

[Первый акт] Пролог революции, кажется, кончился. По известиям из провинций, вся Франция присоединилась к новому Правительству вместе с признанием его Англией, вчерась полученным, которая, впрочем, не назначает посланника по форме, представляя себе это сделать позднее. Настоящие революционеры начинают уже страшиться этого всеобщего признания нового Правительства, его силы, правительственных замашек и особенно в негодовании на декрет, который, удерживая все старые налоги, удерживает вместе с тем журнальный залог [20] и тимбр *. Боятся уже, чтоб перемена не произошла только номинально [21], чему особенно способствует тенденция Правительства восстановить порядок во что бы то ни стало, бесчисленная раздача мест его лицам, показавшим привязанность к падшей династии (Кремье обвиняют в раздаче мест преимущественно своим [соотечественникам] одноверцам — жидам), и вообще в явном намерении остановить ход революции. Для противодействия этому направлению уже составился журнал «Peuple constituant», издается Ламенэ, Дюпра и другими лицами старой «Revue indépendante»; «Ami du peuple» изд‹ается› Распайлем и воскрешающий роль доносчика и обвинителя, игранную некогда знаменитым его одноименником [22]. Наконец, уже составились с этой целью клубы: Кабетовский [23], который, говорят, своим коммунистам советует не покидать еще оружия, и другой под именем «Commission des défenseurs de la république» [24], основанный Бланки, (*неразборчиво*) Барбесом, старыми заговорщиками и политическими осужденными с целью предостережения Пра‹вительст›ва (: клуб этот распался на два клуба — Бланки и Барбеса). Много и других клубов составляется. Что Правительство быстро устанавливается, свидетельствует открытие всех судов, прекращение пожаров и долженствующий скоро начаться правильный суд над зажигателями, грабителями и ворами, взятыми в Тюльери, Нельи и в железных дорогах (Версальской, Руанской, Северной), где много таких захвачено. «National» делается правительственным журналом, как некогда «Journal des débats». Циркуляры разных министерств, предписывающих везде дисциплину, отзываются тем повелительным тоном, который вообще свойственен всякому правительству во Франции.

[Правительство, по-видимому, установилось, но уже неудовольствие сильное. Второй акт революции будет — выборы в национальную гвар-

* Тимбр (от *франц.* timbre) — штемпель.

дию и в Национальное собрание, а третий — само Национальное собрание. Не скрою, многие думают, что настоящее Правительство будет скоро свергнуто и не успеет издать закон о выборах в Собрание, нужду которого оно, может быть, чувствует более, чем вся остальная Франция.]

ОКОНЧАНИЕ ПОДРОБНОСТЕЙ

Я забыл сказать, что в четверг 24 февраля, когда революция шла, как мы видели, со скоростью зажженной пороховой нитки, король в $10^{1}/_{2}$ часов назначил министров: Одиллона Барро, Тьерса, Дювержье. Вот прокламация:

Citoyens de Paris! L'ordre est donné de suspendre le feu. Nous venons d'être chargés par le roi de composer un ministère. La Chambre va être dissoute. Le général Lamoricière est nommé commandant en chef de la garde nationale de Paris. MM Odillon Barrot, Thiers, Lamoricière, Duvergieur de Hauranne, sont ministres.

Liberté! Ordre! Union! Réformes!

Singé: Odillot-Barrot et Thiers *.

Вторая прокламация была в час:

Citoyens de Paris

le roi abdique en faveur du comte de Paris avec la duchesse d'Orléans pour régente.

Amnistie générale.

Dissolution de la Chambre.

Appel au pays.**

Третья прокламация была издана в ночь, но уже исходила из Временного правительства. Вот ее начало: «Un gouvernement rétrograde et oligarchique vient d'être renversé par l'héroîsme du peuple de Paris, le gouvernement s'est enfui en laissant derrière lui une trace de sang, qui lui défend de revenir jamais sur ses pas» ***. Подпись: члены нового Правительства.

В продолжение этого дня я видел еще несколько прокламаций, которые бегущие происшествия поглощали одну за другой: так, у Палаты сорвана

---

* Граждане Парижа! Дан приказ прекратить огонь. Мы только получили распоряжение короля составить министерство. Палата будет распущена. Генерал Ламорисьер назначен командующим национальной гвардией Парижа... Одиллон Барро, Тьер, Ламорисьер, Дювержье-де-Оран — министрами.

Свобода! Порядок! Союз! Реформа!

Подписи: Одиллон Барро и Тьер (*франц.*).

** Граждане Парижа!

Король отрекается от престола в пользу графа Парижского, регентшей будет герцогиня Орлеанская

Всеобщая амнистия

Роспуск Палаты

Призыв к стране (*франц.*).

*** «Только что героизмом парижского народа свергнуто ретроградное, олигархическое правительство. Правительство бежало, оставив за собой кровавый след, который запрещает ему когда-либо вернуться обратно» (*франц.*).

была народом прокламация Ламорисьера, призывавшего к порядку национальную гвардию, которой он был назначен на минуту командиром, и прокламация тоже минутного министра Барро, призывавшего народ собраться около графа Парижского и в новом принце, как и во вдове, матери его, отыскать спасение от анархии и гарантию свободы: все напрасно.

Ламорисьер был даже ранен в руку у Пале-Рояля перед постом, у двух адъютантов его убиты лошади! В этом посте вместе с муниципальной гвардией и солдатами 14-го пехотного, его защищавшими, сгорело 20 человек, арестованных накануне. Подробности спасения драгоценностей из Тюльери довольно любопытны. Так, корона с бриллиантами и другими вещами спасены были тем, что из них сделали нечто, похожее на раненого, положили на тюфяк и вынесли, крича: «place aux victimes! chapeau bas!» * Бастид[25] снес другие драгоценности с помощью работников. Бриллианты и вещи герцогини Орлеанской сложены были в ванну, прикрыты покрывалом, и четыре работника сидели на ней, распевая до тех пор, пока можно было их вынести. Все эти вещи сложены теперь в м‹инистерст›ве финансов. Впрочем, захвачено множество и воришек. У какого-то по имени Лефавра найдено около [80] 1500 т. золотых и билетами. Нет сомнения, что теперь есть люди более счастливые, избежавшие поимки и сделавшиеся в эту минуту из нищих богатыми. Подписка на раненых производит суммы невероятные, а их только, по слухам, около 500 человек — все они по милости революции выйдут из госпиталей достаточными людьми.

[ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ. МАРТ МЕСЯЦ]

От субботы 4 марта по субботу 11 марта

[Происшествия бегут с неимоверной быстротой, но это уже не уличные происшествия, а правительст‹вен›ные меры, из которых каждая есть событие. Первые дни была ломка индивидуальных положений, лиц — теперь идет ломка установлений, страшная и многозначительная в будущем...

Прежде надо сказать, что, по какому-то внутреннему колебанию нового кабинета, Правительство хотело удержать штемпель на журналы, смешивая этот чистый политический налог старого правления с финансовым. Всеобщее негодование, возбужденное этим, готово было превратиться в инсурекцию. Правительство отступило, но так нерешительно, что чуть-чуть не потеряло совершенно народности на первых днях своего существования. Оно именно сперва объявило себя не в праве изменять налоги, потом уничтожило его на десять дней перед выборами в Национальное собрание и, наконец, совсем отменило вместе с Сентябрьскими законами[1], запрещением ассоциаций, вместе со всей процедурой, касательно преступлений печати, и вдобавок еще восстановило старый революционный закон, по которому присяжные при всех судопроизводствах должны иметь не простое большинство для приговора, а непременное большинство, по крайней мере 8 голосов из 10. Все это, однакож, было уж несколько поздно,

* «Место жертвам! Шапки долой!» (*франц.*).

когда 5 декретов, следовавших почти один за другим, подняли снова отходящее общественное мнение и составили ему как настоящих друзей, так и настоящих врагов. Эти 5 декретов суть, по-моему, новая революция. Вот они в кратком очерке:

1) Циркуляр Ламартина к дипломатическим агентам Франции и пути, которому Франция намерена следовать в своих иностранных сношениях, от 2 марта. В нем он объявляет] (X) Что Республика не имеет нужды в признании европейских держав для своего существования, что она точно также не имеет нужды в войне и кровавой пропаганде, что она требует мира, но почтет себя счастливой, если будет принуждена взяться за оружие и покрыть себя посильной славой. Вместе с тем министр не признает трактатов 1815 года, но для дипломатических сношений принимает за основание государства, им основанные. В этом круге Франция, желающая спокойствия для собственного развития, будет держаться до тех пор, пока которая-нибудь из угнетенных европейских национальностей не подымется силою и сама Франция не увидит, что час для исполнения декретов провидения пробил... Итак, пусть народы не боятся Франции и пусть сами в недрах своих свершают нужные им преобразования. Ламартин заключает манифест словами: Si la France a la conscience de sa part de mission libérale et civilisatrice dans le siècle, il n'y a pas un de ces mots (то есть девиз Республики: liberté, égalité, fraternité) qui signifie guerre. Si l'Europe est prudente et juste, il n'y a pas un de ces mots qui ne signifie paix *.

[Как изворот] Манифест этот, конечно, несколько двойственен, но как подделка совершенно нового принципа под старую дипломатическую колею — есть мастерская вещь. Радикальные партии всех цветов поняли необходимость этой уступки старому порядку вещей, этой маскировки, требуемой обстоятельствами, единогласно назвали документ chef d'oeuvre. Журнал «des Débats» только, приведя его, прибавил: в нем, как всегда [виден весь г. Ламартин] г. Ламартин выказал свои два основных качества: grandeur et confusion! ** Вслед за манифестом произошла Варфоломеевская ночь[2] посланников и секретарей посольств: лаконическим декретом, начинающимся словами: ont été révoqués de leur fonctions *** все посланники и множество секретарей сменены, но не замещены. 2) Второй декрет от 5 марта объявлял всеобщие, прямые и безусловные выборы в Национальное собрание. Основанием их положено только народонаселение. Каждая масса в 40 т. человек дает депутата. Все должны быть избирателями, все могут быть избранными. Ограничения следующие: для избирателя требуется 21 год, для избираемого — 25 лет и для обоих ненахождение под судом или под гнетом позорного (infamant) приговора. Даже не требуется условия грамотности для обоих, а условия состояния отстраняются тем, что государство дает 25 франков в день избранному

* Если Франция сознает свою либеральную и цивилизующую миссию в этом веке, то ни одно из этих слов (то есть девиз Республики: свобода, равенство, братство) не означает войны. Если Европа осторожна и справедлива, нет ни одного из этих слов, которое не означало бы мира (*франц.*).

** Величие и путаница! (*франц.*).

*** Имеет быть упразднена их должность (*франц.*).

на все время заседаний. Депутатов будет 900 (собираются в старой Палате депутатов, в которой будут сделаны нужные перестройки), и так как каждый департамент по народонаселению имеет разное число депутатов, то избиратель должен непременно все это число имен написать в своем бюллетене. Париж с окрестностями, например, (департ‹амент› Saine) имеет 34 депутата, и каждый его квартал должен представить 34 депутата. Из них выбираются уже наиболее получившие голосов, причем условие для [каждого депутата] депутатов — иметь по крайней мере 2000 голосов. Правило это распространяется на Алжирию[3] и распространяется на войско! Полк разбивается на столько частей, сколько в нем [есть представителей] находится солдат из разных департаментов. Эти солдаты, разбитые на департаменты, пишут каждый число депутатов, положенное их [месту жительства] департаменту, а полковник отсылает, запечатав все эти записки, в главный его город, где они присоединяются к другим. Выборы положено начать 9 апреля, а 20 того же месяца — открыть само Собрание. В инструкции от 8 марта, сопровождавшей декрет, кроме разных правил для составления листов избирателей и способа избрания, — указано, что все деревенские избиратели приходят в главный город округа и там в присутствии мэра, по вызову и по порядку деревень, кладут свои билеты, которые могут быть ими составлены заранее [Билеты эти потом пересылают в главный город]. По объявлению результатов все следственное дело выборов (procès-verbal) пересылается в главный город департамента, и там в Ратуше имена эти окончательно присоединяются к именам, собранным в самом городе, — и объявляются депутаты, удостоенные чести заседать в Национальном собрании. Все это должно, разумеется, произвести некоторое замешательство, но принцип поставлен. Все ожидают результата его с сжатием сердца. С первым объявлением декрета чистые демократы, видя, что время весьма коротко для выборов, а деревенская популяция департаментов весьма мало воспитана политически [кинулись составлять], что может составиться монархическое Собрание вместо республиканского, кинулись составлять электоральные* комитеты (: центральный для Парижа[4] находится в Bazar Bonne-Nouvelle и состоит под покровительством партии Мараста). В них должны заранее составляться листы депутатов-патриотов и совсем готовые рассылаться по деревням и общинам. В каждом городе департамента будет образован один такой центральный демократический комитет, который должен находиться в переписке с парижским и с провинциальными комитетами, составляя таким образом сеть огромную. Покуда это еще удалось только партии цвета Мараста. Между тем, не дремлют и старые династические либералы, прогрессивные консерваторы, а всего более приверженцы регентства: они тоже начинают составлять территориальную деревенскую пропаганду в пользу своих идей. Декрет Правительства предвидел этот набег побежденных партий на крестьян и от этого положил делать выборы не в общинах, а в городах кантона и в главном городе департамента, где гораздо более политической жизни, знания дела и республиканской партии, которая будет ликвидиро-

* Электоральные (от *франц.* électoral) — выборные.

вать попытки роялистов. В этом недавно еще упрекали его; в «club républicain pour la liberté des élections» [5], составленном под председательством Вьенне из филиппистов, банкиров, консервативных собственников и династической оппозиции, начинающих уже подымать голову, и вместе с такими же клубами «des prévoyants» [6] (rue de l'Arcade, 60), клубом «comité préparatoire pour l'Assemblée Nationale» [7], (rue Neuve Saint-Georges, 10), клубом «de la Garde Nationale» [8] (boulevard Montmartre, 10), образовали консервативную партию весьма сильную [9]. Между тем, множество других радикальных клубов, еще не успевших захватить выборов, как партия Мараста, — просят отсрочить выборы, и во главе их стоит покамест сильнейший еще клуб после Кабетовского («Société fraternette centrale») — клуб «Société centrale républicaine», salle Conservatoire de Musique [10] (rue Bergère) под председательством старого заговорщика Бланки. Многие депутации от них уже представили свои просьбы в Hôtel de Ville, но Правительство еще сопротивляется, отложив только выборы офицеров в новую национальную гвардию до 25 марта, вместо 18, как было назначено.

3) Самый страшный вопль в разнородных партиях, уже образовавшихся, и в эту минуту, может быть, предтеча новой революции [есть], был циркуляр Ледрю-Роллена (министра внутренних дел) 11 или 12 марта к комиссарам Пра‹вительст›ва в д‹епартамен›ты. Известно, что Пра‹вительст›во послало в де‹партамент›ы в первую минуту молодых людей объявить и устроить Республику. Роллен ввиду выборов [и для основания] предоставил им безграничную власть, как старым проконсулам 93 года [11]. [Объявив, что первое их старание должно быть — отстранить всех людей старого времени и споспешествовать выбору de tous les hommes de la veille (старых республиканцев) et pas du lendemain (новых республиканцев), он для этой цели дает им право.] Объявив, что главнейшая их обязанность теперь — составить республиканские выборы, он с этой целью дает им право уничтожить враждебные муниципалитеты, употребить военную силу и сменить начальников ее, сменять всех префектов и подпрефектов, [12] и, наконец, даже суспендировать * лиц пожизненной магистратуры [13]. Диктаторский тон циркуляра был еще страшнее самого содержания его, которое, сказанное с некоторою осторожностью, прошло бы, может быть, незамеченное в революционное время. Поднялся страшный, ужасный крик sauve qui peut ** в Париже. Закричали, что свободы выборов уже не существует, что время террора наступило. Уже и прежде капиталы стали скрываться, богатые отпускали людей, и все сжималось [в первый день], на следующий день все билеты упали на бирже неимоверно и неожиданно, пятипроцентные билеты — на 74—50 и 72, акции банка понизились на 300 франков, золото поднялось до 50 франков лажа на тысячу, 1400 ф. стало 1700. Многие стали бежать из Парижа [на третий день было еще хуже; сами банковые билеты уже возбуждали]. Наконец, поднялось само серебро, а банки были вчера (15, среда) буквально атакованы людьми, которые его билеты старались поскорее про-

---

* Суспендировать (от *франц.* suspendre) — временно отстранить от должности.
** Спасайся, кто может (*франц.*).

менять. [Капиталы скрываются, никто не хочет издерживать ни полушки лишней.] Коммерция вдруг остановилась совсем, а на конце всего этого можно было предвидеть разорение фабрикантов, голодную смерть работников и дислокацию государства. Чтобы судить о состоянии умов и паническом страхе, овладевшем всеми, стоит только прочесть рапорт директора банка Даргу (прежнего д'Аргу). Он извещает, что с 26 февраля по 14 марта уплачено банком 70 миллионов из наличной суммы 140 миллионов и 14 марта осталось в кассе только 70 миллионов. «Ce matin, — продолжает он, — une panique s'est déclarée. Les porteurs de billets se sont présentés en foule à la Banque. De nouveaux guichets d'échange ont été ouverts pour accélérer le service. Plus de 10 millions ont été payés en numéraire. Il ne reste ce soir à Paris que 59 millions» *.

Вместе с тем кредитная ажиотация перешла сама собой на улицу [14]. Первая мысль, разумеется, была, что это действие злостных буржуа, которые хотят привести Республику на край гибели финансовым террором... С 14 начались составляться группы на улицах, в которых говорили о способах остановить эмиграцию [во внутрь] из Парижа и заставить богатых издерживать их деньги, скрываемые ими для погибели коммерции и работников. Множество проектов для достижения этой цели, имевшие, по обыкновению, совершенно обратное действие, прибиты были на улицах. Правительство, однакож, объявив банковые билеты монетой, остановило [этим выдачу денег из банка] этим промен билетов в банке и дозволило ему выдать новые во 100 франков. Все это подняло несколько фонды, кредит и доверенность, но всего более речь Ламартина на депутацию от клуба Свободных выборов (: старых династиков), в которой он сказал, намекая на циркуляр Роллена, произведшего все это волнение: «Le gouvernement provisoire n'a chargé personne de parler en son nom à la nation et surtout de parler un langage supérieur aux lois (Bravo!)!» **.

И потом, заверяя, что сам Роллен не имел намерения заместить господство народа своим собственным и свободные выборы — подкупом, страхом — прибавил: «Nous voulons fonder une république qui soit le modèle des gouvernements modernes et non l'imitation des fautes et des malheurs d'un autre temps! Nous en adoptons la gloire, nous en répudions les anarchies et les torts!» ***

В тот же вечер (: среда, 15) разнеслась речь по городу, и я видел сам одного энтузиаста часов в 11 в Пассаже de l'Opéra, читающего речь при многочисленном стечении народа со слезами на глазах и дрожащим голосом. Наконец, Правительство за подписью всех членов его издало мани-

* «Нынешним утром, — продолжает он, — обнаружилось движение панического страха в публике. Предъявители банковых билетов явились к дверям его целыми массами; были открыты новые конторы размена; более 10 миллионов выдано звонкой монетой; сегодня к вечеру в Париже остается только 59 миллионов» (*франц.*).

** «Временное правительство никому не давало права говорить от его имени с народом и главное — не давало права говорить языком, который был бы выше закона (браво!)!» (*франц.*).

*** «Мы хотим основать Республику, которая была бы образцом современных правительств, а не подражанием ошибок и несчастий прошлого. Мы принимаем его славу и отвергаем его безначалие и проступки!» (*франц.*).

фест в четверг, в котором полагает за первый признак своего существования уважение к собственности, к мнению, к свободе выборов, а за необходимость — [только остановление последнего] — только отстранять от последнего все, что может помешать существованию Республики, уже всеми признанной! Министр юстиции объявил, что без его ведома никто сменен быть не может.

Перипетии эти, однакож, еще не кончились. Почти вслед за циркуляром разнеслись слухи, что Правительство разделено на две партии: Ламартиновскую с Nationale-вской и социальной Луи Блана и Ролленовскую с «Реформой» и монтаньярами его. Почти в одно время старая национальная гвардия, сильно возбужденная против Ледрю-Роллена, объявила себя за Ламартина. Клубы и гвардия мобильная за второго, которого [откровенность] замашки им казались откровенно революционными. В понедельник 13, вторник 14, среду 15 первая партия (старой гвардии и людей прежнего порядка) писала протестацию. Кератри подал в отставку из Государственного совета, не желая быть, как говорил в письме, [орудием в чужих руках] слугой никакой тирании. Клуб выборов, как мы видели, ходил сам к Ламартину объясняться, но в четверг 16 партия вздумала выйти на улицу и сделать целой массой протестацию против диктаториальных тенденций некоторых правительственных членов. Исполнение приняла на себя национальная гвардия, а органом ее сделалась газета «La Presse». Тут сделана была, однакож, [страшная] непростительная ошибка: во-первых, 14, вместо посылки депутатов, прежняя национальная гвардия вышла сама, хотя и без оружия, но в мундирах и в числе тысяч 10, хотя журналы возвели это число до 25 т. Это уже имело вид инсурекции и противоречило их собственному принципу порядка (эта гвардия, между прочим, составила клуб в Boulevard Monmartre, № 10, и основала свой орган в печати «l'Ordre». Во-вторых, вместо протестации против тенденции и циркуляра, она стала протестовать в собственном своем деле, а именно: декретом 14 марта Роллен уничтожил избранные компажи * в национальной гвардии (compagnies d'élite), гренадеров с их волосатыми шапками и волонтеров с уланским и богатым костюмом, указав разместить их по другим батальонам, где они должны вместе с прочими участвовать в выборах офицеров и начальников. Оскорбленные компажи подбили прежнюю гвардию идти вместе с ними требовать восстановления их для того, чтобы они могли с знанием людей вотировать на выборах, ибо в [новых] батальонах все лица им не известны. Таким образом принцип свободы выборов сведен был на частное тщеславное дело с оскорблением самого главного в ту минуту чувства, чувства равенства, и народ в ту минуту же назвал всю протестацию protestation des bonnets à poil **, хотя в объявлении [гвардейцы] гренадеры и волонтеры отказывались от всех наружных знаков отличия. Народ [поступил еще решительней] не ограничился, разумеется, шуткой. Я видел в четверг, в 12 часов, 16 марта все эти легионы в необычайном порядке, доказывавшем, что мэрия кварталов участвовала

---

* **Компажи** (от *франц.* compagnie) — роты.

** Протестация меховых шапок (*франц.*).

з заговоре, проходивших через бульвары и площадь Madeleine, рука в руку, в мундирах, без оружья, молчаливо и важно. На набережной, почти перед площадью Hôtel-de-Ville их встретил начальник н‹ациональной› гвардии генерал Куртэ, прося и приказывая разойтись и объявляя их демонстрацию бунтом. Произошла скандальная сцена: первые легионы не послушались и продолжали шествие; на самой площади народ встретил их каменьями, не допуская к Ратуше. Между тем, на набережной, после бесполезных увещеваний Куртэ, народ принял дело на себя, загородил дорогу остальным легионам, стал делать баррикады, называя их бунтовщиками в мундирах. Группа народа состояла, говорят, из 100—150 человек. Легионы, в числе которых было множество людей, получивших приказание на сбор из мэрии и не знавших хорошенько, в чем дело, тотчас же и разошлись со всеми заготовленными депутациями. То же сделали легионы, уже добравшиеся до площади и встреченные там народом. Коекаким депутациям (от каждого легиона была одна такая) удалось разрозненно и без всякой связи представиться Правительству, и там получили они довольно строгие слова Мараста, Бюше [несколько наставлений Ламартина]. Вся демонстрация, что называется, упала в воду.

Но воодушевление в Париже в наступивший вечер было неимоверное. Я направился в клуб Société républicaine central к Бланки, в Консерваторию. Сцена ее, освещенная пятью или шестью свечами и с которой привыкли слушать в концертах ее море гармонии и звуков, походила на темное подземелье. В большой люстре горело несколько ламп, хоры были заняты людьми в блузах, сюртуках и женщинами из народа. В партер пускали или членов, или с доплатой одного франка. Я поместился в партере. Бланки еще не было, председательствовал какой-то старичок. Господин с бледным лицом, черными волосами, с фанатическим воодушевлением кричал: «Консерваторы, династики, роялисты, буржуа — сделали демонстрацию... нам надобно их спасти! Sauvons-les, Messieurs, sauvons-les *, сделаем сильную народную демонстрацию, чтобы отбить у них всякую охоту на будущее время... Sauvons-les, — и он махал руками, — для их жен, для их почтенных жен, умирающих от страха». Яростные аплодисменты и хохот. В разных местах раздаются свистки. Один человек свистит на самой сцене. Президент говорит: «Разрешаю публике произвести над свистком суд, самые близстоящие люди имеют право выгнать свисток». Голоса: «Подле вас свистят». Голоса на сцене: «Вот кто свистит». Президент, обращаясь к группе и к человеку: «Если вы имеете возразить на мнение оратора, я вам даю слово». Голоса: «à la tribune! à la tribune!» ** Свисток убегает... Шум... Президент стучит неимоверно молоточком по столу. Выходит черный человек (кажется, г. Hyppolite Bonnelier, бывший актер на сцене в Одеоне) и с неимоверной быстротой речи говорит: «Citoyens! La conduite de Mr Lamartine dans l'affaire de la circulaire est déplorable...» ***

* Спасем их, господа, спасем их (*франц.*).

** «На трибуну! На трибуну!» (*франц.*).

*** «Граждане! Поведение г. Ламартина в деле циркуляра самое плачевное...» (*франц.*).

Голоса: «oh, oh, oui, oui, non, non» *. Подле меня один, раскрасневшись и в каком-то опьянении дискуссией, кричит: «oui», а потом, переговорив с соседом, кричит: «non». Президент стучит. Оратор, после оговорки в пользу Ламартина, продолжает: «Но нам надобно утешить добродетельного Ледрю-Роллена во всех огорчениях, которые он, вероятно, испытал в бескорыстной службе Республике». (Это уже чистое подражание якобинизму, когда он отзывался о Робеспьере.) Раздается «браво!» — со всех сторон. Выходит другой господин и говорит: «Какой бы прием мне ни сделала публика, но честь заставляет меня сказать, что я не одобряю циркуляра г. Роллена». Ужасный шум... Кричат: «à bas, parlez!» ** Оратор останавливается и становится под покровительство президента. Мой сосед кричит страшным образом: «à bas», но когда президент удерживает слово оратору, также страшно кричит: «parlez», метая вокруг себя дикие взоры. Но оратор уже успел сконфузиться и прибавляет: «Я истинный республиканец и в некоторой степени совершенно принимаю циркуляр». Хохот... Наконец, является Бланки, человек небольшого роста, с седыми короткими волосами, костистым лицом, похожим на череп, которое при свете шандалов кажется синим, и объявляет хрипловато-визгливым голосом, что на другой день (от 10 до 12) назначена демонстрация от всех ремесел и от всех клубов к Правительству для заявления ему готовности защищать его от всех инсурекционных попыток враждебных партий и вместе с тем просить его: 1) [Навсегда] Не впускать военные силы в Париж, 2) отложить выборы в национальную гвардию до 5-го мая, 3) отложить выборы в Национальное собрание до 31 мая. Раздается сильный голос при последнем параграфе: «Vous voulez la perte du pays» ***. Все расходятся в неописуемом волнении...

Этот сколок дает понятие о том, что происходит теперь почти во всех клубах. Бланкистский еще сильнейший и наиболее пользуется влиянием, за исключением, впрочем, Кабетовского, но этот со своим икарийским оттенком знаем только одной партией, хотя и сильной. Можно сказать, что только основатели их знают, что делают, а [члены] заседания, головы, речи находятся в страшном, неимоверном беспорядке. Этот хмель политических бесед и ассоциаций, так долго воспрещаемых, проявляется в блеске глаз, быстроте слова, фантазии у оратора, визге и трепетании у слушателей. [В клубах] Пробавляются и те, и другие воспоминаниями старой революции, вычитанными тирадами у якобинцев, современными журнальными статьями и своими фразами... Каково — это известно [вы видели]. Я еще помню одного оратора, который демонстрацию национальной гвардии сравнивал с мухой, которая кусает и беспокоит Временное правительство во время его занятий. «Нам надобно всем подняться, чтобы отогнать эту муху», — присовокупил он. Клуб «de l'Emancipation des peuples» [15] представляет покуда настоящую анархию. В некоторых клубах даже доходило до драки. Один Кабетовский правильнее и спокойнее, но это потому

* «О, о, да, да, нет, нет!» (*франц.*).
** «Долой, пусть говорит!» (*франц.*).
*** «Вы хотнте погибели отечеству» (*франц.*).

что в нем почти всегда один только человек и говорит — сам Кабе. [Он подходит более на секту, основатель — на первосвященника, чем на клуб.] Он очень смахивает на первосвященника. Иностранные клубы не лучше. Помню заседание Немецкого демократического общества[16] под председательством Гервега для составления поздравительного адреса от немецкого народа к французскому, составленного Гервегом и комиссией: началось оно, во-первых, долгою песней песенников, помещенных на хорах, и что с первого раза придало ему характер обедни. Потом, едва Гервег уселся в кресла и разинул рот, как Венедей, имевший свой адрес, стал свистать... Шум поднялся страшный: «Да дайте прочесть сперва адрес!» Адрес прочли — восторженное «браво!» Венедей прочел свой адрес — восторженное «браво!» Один голос кричит Гервегу: «Я убью тебя!» У Гервега колокольчик ломается в руках, он бесится и хочет победить шум. Не тут-то было. Встает высокий господин и начинает бранить собственную нацию: мы, говорит, немецкие медведи смеем говорить о свободе отечества, когда не умеем вести себя прилично [даже в обществе] в собрании и притом еще в чужой земле. Восторженное «браво». Выбор адреса, однакож, еще не решен. Тогда Гервег прибегает к материальному средству (поднятие рук было единодушным как за тот, так и за другой): он приказал встать именно людям Венедеевского адреса, уйти в левую сторону, а людям его адреса — в правую. Так как человеку нельзя раздвоиться фактически, то [многие приняли] решение должно было непременно воспоследовать: большинство ушло в правую сторону. После этого хартист Джонс[17], нарочно приехавший из Англии для заседания, произнес по-немецки прекрасную речь, в которой сказал: «Теперь я вижу, как далеки еще вы, дети Германии, до единодушия, которое одно в состоянии упрочить вашу победу. Не бойтесь здешних немцев, — будут писать посланники [ваши] королям своим всякий раз, как увидят разногласие ваше, — они не страшны: они еще не соединились. Мы, хартисты, потому и сильны, что 3 миллиона нас человек суть как один человек, но мы не свободны. Свободна одна Франция!» Этот сухой рыжий человек с иностранным произношением, но совершенно развязный на трибуне (он на ней у себя дома) произвел на немцев сильное впечатление. Впрочем, путаница не прекратилась. Гервег мне рассказывал, что на одном из следующих заседаний какой-то маленький, приземистый работник из коммунистов в порыве восторга произнес следующую фразу: «Wir wollen alles vernichten, was nicht auf der Erde ist» *. «Мы все уничтожим, чего только нет на земле». Подобные сцены ярости, беспорядка, даже драки часто бывали в собраниях старой революции, но тогда, действительно, отечество вообще и каждый человек в особенности были в опасности. Теперь этого покуда еще нет, и увлечение [это] происходит от неопытности, от жажды впечатлений, наслаждения быть политическим действователем и подражательности. С таким-то трудом, с такими-то муками вырабатываются политические права!

Один Бакунин[18], по натуре своей любящий всякое беспокойство, хотя бы самое пустое, находится в постоянном и абсолютном наслаждении

---

* «Мы хотим уничтожить все, чего только нет на земле» (*нем.*).

и выносит неподдельный восторг на лице из всякого собрания, которому удалось оглушить и отуманить его. Он гораздо ближе к французу настоящей минуты, чем все мы. В нем не осталось ни одной искры критицизма!

После этого долгого отступления возвращаюсь к рассказу.

Так как демонстрация национальной гвардии была направлена против Роллена, то демонстрация работников и народа должна была выразить [народное] одобрение ему и осуждение Ламартина. Вдобавок первая демонстрация имела вид порядка, точно такой же характер положено было сообщить второй. Первая шла в рядах — положено было идти в рядах, первая была без оружия — положено было выйти без оружия, только первая состояла, говорят, из 10 или 12, а вторая должна была состоять из 100 тысяч. Начальники распустили нарочно слух, что будет 200 тысяч, между тем как и число 100 еще весьма сомнительно и по глазному обзору, мне кажется, что в демонстрации участвовала половина этого числа, что, уже думаю, очень [достойно] почтенно. Начальники клубов и поверенные от разных ремесел приготовились к этой демонстрации уже давно, с первых минут волнения, произведенного Ролленовским циркуляром. К ним еще присоединился сам префект полиции Коссидьер, принадлежавший к партии «Реформы» и потом, посредством своих агентов, устроил почти военный порядок в этом огромном шествии. С помощью их 17 числа увидели мы истинно необычайное зрелище. Массы народа в блузах и сюртуках со знаменами корпораций, правильными рядами потянулись около 12 часов из Елисейских полей, где был сбор, к Ратуше. Я видел одну отдельную группу на Палерояльной площади, крайне любопытную. Все люди несли лопаты, заступы, колья, ломы — все инструменты для составления баррикад, а сзади их старики везли пустые тележки для перевозки насыпи и камней. Это были сами баррикады, явившиеся к Правительству. Впрочем, цельная сплошная масса тянулась по набережной к Ратуше, отворяя по пути все лавки, которые запирались при их приближении, объявляя с негодованием, что они собрались не для грабежа. В некоторых рядах кричали: «vive les boutiques ouvertes» *. Коссидьер и зачинщики имели предосторожность помещать в рядах людей, знакомых друг другу, и предписывать им взаимную полицию. В [два] час площадь перед Ратушей была загромождена народом, выстроившимся вокруг нее со своими знаменами, в числе которых было знамя и депутация ирландских попов, здесь воспитывавшихся. Остальные стояли по набережной [в два ряда]. Крики: «Vive Ledru-Rollin! Vive la circulaire révolutionnaire!» ** не умолкали. Множество эпизодов в этой массе делало ее каким-то действующим лицом, несмотря на неподвижность ее. Я видел, например, женщину с ребенком, показывающуюся в окнах Ратуши: это был восторг неописанный, и всякий раз, как ребенок, смотря на эту грозную толпу, бил ручонками и начинал прыгать — шапки летели кверху, и [радость] тысячи людей трепетали от удовольствия. В два часа [отворилась дверь] впустили депу-

* «Да здравствуют открытые лавки!» (*франц.*).

** «Да здравствует Ледрю-Роллен! Да здравствуют революционные циркуляры!» (*франц.*).

тацию к Правительству, и тут же Жерар и Кабет представили свои требования от самого народа. Луи Блан ответил хорошо: «Не заставляйте нас, — сказал он, — издавать декрет под угрозой народа. Величие Правительства, величие народа, которого он выражает, может быть оскорблено этим: мы готовы умереть не за себя, мы — ничто без народа, но именно за вас, за спасение этого достоинства [которое есть достоинство народа]. Помните, в эту минуту вся Франция, вся Европа устремляет на нас глаза». [Кабет был всех умереннее и, высказав свои требования, предложил тотчас же удалиться.] Ледрю-Роллен тоже исполнил свой долг: он твердо объявил, несмотря на приманку этого триумфа, для него устроенного, что отложить выборы в Национальное собрание не может Правительство, не узнав прежде мнения всей Франции. Кабет был всех умереннее: высказав свои требования он предложил тотчас же удалиться для предоставления свободного рассуждения Правительству. Раздались крики: «oui, oui, non, non!» * Собрие тогда потребовал разъяснения: имеет ли Правительство нужное единство (: намекая на осуждение Ламартином циркуляра) и все ли члены его одобряют циркуляр м‹инистр›а внутренних дел. Это дало Ламартину возможность сказать одну из превосходнейших и благороднейших речей. Еще накануне друзья говорили ему, что наступает для него тяжелый день. Он отвечал хладнокровно: «Я пожертвовал для Республики жизнью, я знал на что иду». [Сказав несколько превосходных слов о независимости, нужной Правительству, он] «Messieurs, — сказал он, — j'ai été interpellé par mon nom. Je relève mon nom et je demande à parler aussi...» **

Потом, возобновляя вопрос о деллибрации Правительства, он выразился так: «Que pourrions-nous opposer? Rien qu'une seule chose: votre raison même! Cette puissance de la raison générale qui se place toute ici entre vous et nous, qui nous inspire et qui vous arrête devant nous! C'est cette force morale invisible et cependant toute puissante qui nous rend calmes nous-mêmes, indépendants, et dignes en face de cette masse qui entoure ce palais du peuple défendu par la seule inviolabilité...» ***

И потом, возражая депутации на три главных требования и переходя к последнему (отсрочке выборов), он сказал: «Si vous me commandiez de délibérer sous la force et de prononcer la mise hors la loi de toute la nation, que n'est pas à Paris, de la déclarer pendant trois mois, six mois, que sais-je, exclue de sa représentation et de sa constitution, je vous dirais ce que je disais à un autre gouvernement, il y a peu de jours, vous m'arracheriez ce votre de ma poitrine qu'après que les balles l'auraient percée...» ****

---

* «Да, да, нет, нет!» (*франц.*).

** «Господа требовали объяснений, назвав мое имя. Я свое имя отвожу и тоже прошу слова...» (*франц.*).

*** «Что мы можем противопоставить вам? Только одно — ваш разум. Эта мощь общественного разума, которая стоит между вами и нами, которая нас вдохновляет, а вас останавливает перед нами! Эта та невидимая сила, которая делает нас спокойными, независимыми и достойными перед толпой, которая окружает этот народный дворец, защищенный только сознанием его неприкосновенности...» (*франц.*).

**** «Если бы вы вздумали заставить меня под угрозой насилия лишить голоса всю остальную нацию, которая уважаема не меньше парижан, объявив ей, что она

Многие депутаты кинулись к нему обнимать его, и он прибавил: «Prenez garde à des réunions de ce genre» *: «18 брюмера народа может повести за собой 18 брюмера деспотизма» [19].

Необходимость сохранить правительственную [достоинство] независимость так сильно чувствовалась всеми его членами, что Ледрю-Роллен, который, говорят, сказал недавно в недре его: «Я выкину Временное правительство за окно, как только захочу». На что, уверяют, будто бы Гарнье-Пажес ответил ему, вынув пистолет: «Ты умрешь Ледрю!» Этот Ледрю-Роллен одной [депутации] массе, явившейся вечером того же дня к нему на двор министерства с требованием не вводить войска, ответил решительно: «Non citoyens, de pareils sentiments d'injustice (против армии) de méfiance, d'exclusion ne sont pas en vous... Nous vous remercions tous de votre zèle, nous remercions la garde nationale tout entière de cette admirable activité qui a maintenu le calme dans la grande cité. Mais nous ne devons pas abuser de votre bonne volonté et c'est pour cela que nous avons appelé auprès de vous vos frères de l'armée» **. (Крики: «браво», «браво».)

По выходе депутации народ потребовал к себе Правительство. Сделали наскоро эстраду, и все члены его вышли наружу [к народу]. Несколько слов Луи Блана были покрыты рукоплесканиями и криками; «Vive Ledru-Rollin!» После этого вся масса рядами направилась к Бастильной площади и там в молчании и с открытыми головами прошла вокруг Июльской колонны, а потом двинулась в богатые аристократические кварталы, распространяя спасительный ужас на заговорщиков и недовольных. Я встретил голову этой чудовищной колонны на бульварах: зрелище было грозное и торжественное. Прогуливался, видимо, le peuple souverain. Никто не отделялся от рядов, все пели республиканские песни, заставляя зрителей и людей в окнах снимать шляпы и кричать: «vive la république». Эта масса остановилась на минуту перед биржей и прокричала: «à bas les agitateurs!» *** [и разделилась]. Одна часть ее отделилась и перешла в С.-Жерменский квартал: там, проходя мимо этих дворцов, глухо-наглухо запертых от ужаса, она пела: «ça ira, ça ira» **** и кричала: «à bas les aristocrates, à bas le carlistes — vive le gouvernement provisoire, vive la république» *****. Никто, однакож, не был оскорблен, ни малейшего воровства, никакой попытки к грабежу. Все как-то сдерживались чувством

лишена права на представительство и на основание конституционного порядка в течение трех, шести, а может, почем знать, и более месяцев, я бы вам сказал то, что говорил несколько дней тому назад другому правительству: приговор этот вы могли бы вырвать у меня только с сердцем...» (*франц.*).

* «Берегитесь подобных собраний» (*франц.*).

** «Нет, граждане, подобные чувства несправедливости (против армии) и недоверия не могут жить в сердцах ваших. Мы благодарим вас за участие к нам, мы благодарим всю национальную гвардию за удивительную ее деятельность, которая упрочила порядок в нашем городе, но мы не можем злоупотреблять далее вашим усердием и призовем на помощь вам братьев ваших из армии» (*франц.*).

*** «Долой подстрекателей!» (*франц.*).

**** «Пойдет, пойдет» (*франц.*).

***** «Долой аристократов... долой карлистов — да здравствует Временное правительство, да здравствует республика» (*франц.*).

заданной цели, придавить восстание одной угрозой своего появления, хотя под всеми этими знаменами я видел множество лиц, на которых гнев и ярость [изрыли] оставили свои несомненные признаки, и множество глаз, горевших свирепым огнем. Вечером уже разредившиеся толпы ходили по городу, заставляя освещать дома и иронически покрикивали: «les lampions ou les pierres, les pierres ou les lampions» *. Город зажегся разноцветными огнями сверху донизу. В час ночи уже было пусто на улицах, хотя они еще были залиты светом. На другой день все относительно было спокойно, буря промчалась, разрешив глухое волнение предшествующих дней. Теперь каждый спрашивал [друг друга] у другого, начиная с «Journal des Débats» [Да как же это могло пройти]: неужто это могло пройти так?

И сами возбудители и начальники еще не могут прийти в себя от недоумения и только теперь поняли, что играли с огнем. Уже показались разногласия в клубах. Одни говорят: демонстрация пошла слишком далеко; другие говорят: не надо откладывать выборов — но уже поздно. Правительство под этим страшным гнетом чувств не устояло; оно отложило выборы в национальную гвардию до 5-го апреля, что почти равно отложению всеобщих выборов, долженствующему непременно воспоследовать на днях и, действительно, отложенных до 23 апреля, и вместе с тем министр публичных работ объявил, что все мастерские пусты, и призывает народ к труду. Но возбужденный народ не скоро улегается, а голод приходит очень скоро.

Демонстрация подняла для меня один вопрос и объяснила другой. Именно вопрос, может ли Париж и Правительство существовать без всякой [огромной] охранительной силы для первого, сопротивляющейся для второго, ввиду 200 т. вооруженного народа, полагаясь только на нравственную силу народа. В эту минуту (вот уже три недели) мы живем совершенно только под гарантией всеобщей морали, но ведь голод (а он скоро должен явиться) — плохой советчик для уважения лиц, собственности и системы правления. Демонстрация объяснила мне вопрос: каким образом в революционное время вдруг самые пустые личности, именно даже вследствие своей односторонности и ограниченности, могут быть подняты страстями на огромную высоту и заимствовать от обстоятельств блеск, который сами по себе совершенно не имеют. Ледрю-Роллен пояснил мне множество лиц 93 года. Вообще эта демонстрация гораздо лучше и величественнее церемонии 4 марта (суббота) погребения убитых, где в скучных, апатичных рядах шли корпорации, депутации, народы со своими знаменами за погребальными дрогами. Колесница свободы, ведомая 8 белыми лошадьми, с двумястами золотыми руками, сложенными ладонь в ладонь, была-таки порядком бессмысленна и безобразна. Подобные процессии удаются только одному народу в мире — художественным итальянцам. Всего безобразней был кабриолет, в котором везли двух больных мучеников свободы, выпущенных политических заключенных: Барбеса и еще другого. Войско, особенно кавалерия, возбуждали жалость. Они ехали грустные, убитые, с опущенными головами, точно для позора по-

* «Фонари или камни, камни или фонари» (*франц.*).

пуляции, которая, между прочим, беспрестанно заставляла их трубачей играть «Marseillaise»! Так одним ударом Париж снял полицию, снял Правительство, как отдельный класс, снял войско, но упрочит ли все это время? Кстати сказать, в самый день народной демонстрации оба главные правительственные журналы: «Le National» и «la Réforme» в ужасе умоляли граждан оскорбленной национальной гвардии не начинать драки с народом, не вздумать [мстить] из пустого тщеславия сделать Париж сценой междоусобной войны.

Действительно, мало чего недоставало для этого.

4) Циркуляр министра просвещения и религии Карно к ректорам Академии от 6-го марта 1848 г. Только знаменитый циркуляр Роллена отвлек внимание от этого циркуляра, не менее замечательного в революционном смысле. Даже можно сказать, Л. Роллен и свои предшествующие распоряжения убил собственным циркуляром 11 марта, потому что его наставления комиссарам от 8-го марта, весьма ясные и характеристические, были сбиты и затеряны благодаря последнему документу. В этих наставлениях он уже говорил им и о выборах, и рекомендовал заботиться преимущественно о старых республиканцах, и присовокупил, что надобно, чтобы будущее Собрание имело tous les hommes de la veille et pas du lendemain *.

В них тоже есть одна фраза чрезвычайно замечательная и дающая воззрение на революцию 1848 г. Вот она: «Attachez-vous enfin à ramener avec précision et clareté tout ce qui touche au sort des travailleurs de votre département. C'est par eux et pour eux que s'fondée la République dont la mission et de faire cesser leurs souffrances et de consacrer leurs droits» **.

Циркуляр Карно был еще откровеннее и, по-моему [был первым отголоском социализма], может служить первым важным документом в истории социализма. В начале его он изъяснил, что воспитание народа, оставленное до сих пор в пренебрежении, получит широкое развитие в республике. Карно предписывает ректорам стараться всеми силами призвать крестьян к выборам и к кандидатуре в Национальное собрание: «La plus grande erreur contre laquelle il faille prévenir les populations de nos campagnes, c'est que pour être représentant il faut avoir de l'éducation et de la fortune. Quant à l'éducation, il est manifeste qu'un brave paysan avec du bon sens et de l'expérience représentera infiniment mieux à l'Assemblée les intérêts de sa condition qu'un citoyen libre et lettré, étranger à la vie des champs ou aveuglé par des intérêts différens de ceux de la masse des paysans. Quant à la fortune, l'indemnité qui sera allouée à tous les membres de l'Assemblée suffira aux plus pauvres» ***. Сказал он и дальше продолжал: «Il ne faut pas oublier que,

---

* Людей бдительных, людей завтрашнего дня (*франц.*).

** «Постарайтесь же вы, наконец, четко и ясно разобраться во всем, что касается судьбы рабочих вашего департамента. Ведь именно для них основана республика, миссия которой — прекратить их страдания и узаконить их права» (*франц.*).

*** «Самая главная ошибка, от которой надо уберечь сельское население, — это убеждение, что для представительства необходимо быть образованным и состоятельным. Что касается образования, то честный крестьянин, обладающий здравым смыслом и ответственностью, будет несравненно лучшим представителем интересов своего сосло-

dans une grande assemblée comme celle qui va se réunir, la majeure partie des membres remplit le rôle des jurés. Elle juge, par oui ou non, si ce que l'élite des membres propose est bon ou mauvais. Elle n'a besoin que d'honnêteté et de bon sens: elle n'invente pas. Voilà le principe fondamental le principe fondamental du droit républicain» *. Для достижения этой цели Карно предписывает ректорам внушить народу первые основания политической жизни [и особенно], употребляя для этого особенно школьных учителей (les instituteurs primaires): «Que nos 36 000 instituteurs primaires se lèvent donc à mon appel pour se faire immédiatement réparateurs de l'instruction publique devant la population de la campagne... Des hommes nouveaux, voilà ce que réclame la France...» ** И потом добавил: Mais pourquoi nos instituteurs primaires ne se présenteraient-ils pas, non seulement pour enseigner ce principe, mais pour prendre place eux-mêmes parmi ces hommes nouveaux? ... Qu'ils viennent parmi nous, au nom de ces populations rurales aux sein desquelles ils sont nés, dont ils savent les souffrances, dont ils ne partagent que trop la misère... Tel est, M[r] le recteur, le service nouveau que, dans ce temps révolutionnaire, je réclame de Mm les instituteurs primaires ***.

Этот чисто социальный циркуляр возбудил жаркие прения здесь, а особенно за границей, в Англии, когда циркуляр Л‹едрю› Роллена, вследствие политического оттенка своего, вследствие страстей, а особенно необходимости настоящей минуты, согнал его со сцены.

5) Гудшо в малое время своего правления финансовыми делами сделал, однакож, весьма важную ошибку[20]: он бросил 50 миллионов для уплаты пятипроцентной ренты [лицам] владельцам их и притом еще до срока. Мера эта собственно назначена была утишить ужас мещан после революции и показать им, что финансы государства в хорошем положении и что собственно ничего не переменилось. Разумеется, она не достигла ни одной из этих целей — и 50 миллионов совершенно пропали для государства.

Гудшо вскоре был сменен в м‹инистерств›е Гарнье-Пажесом, который сам был заменен в мэрии Арман Марастом, отказавшимся от управления имуществом короля (liste civile), ему порученным. Гарнье в ту же минуту

вия в Национальном собрании, нежели состоятельный гражданин с образованием, не знакомый с сельской жизнью или занятый чуждыми крестьянству интересами. Что касается состояния, то вознаграждение, которое будет выплачиваться всем членам Ассамблеи, будет достаточно для самых обездоленных» (*франц.*).

* «Не нужно забывать, что в большой Ассамблее, подобной той, которая должна собираться, подавляющее большинство членов выполняет роль присяжных. Они судят путем „да“ или „нет“ о том, хорошо или плохо то, что предлагает элита Собрания. Им нужен только здравый смысл и честность; они ничего не сочиняют. Вот основной принцип республиканского права» (*франц.*).

** «Пусть 36 т. учителей начальных школ восстанут по моему призыву и сделаются глашатаями новых оснований народного образования перед сельским населением. Новых людей — вот чего требует Франция» (*франц.*).

*** Отчего бы нашим школьным учителям не только проповедовать этот принцип, но и самим не занять место среди новых людей? Пусть они придут к нам во имя этого сельского населения, среди которого они родились, страдания которого им известны, нищету которых они познали сами. Такова, г-н ректор, та новая служба, которую в это революционное время я требую от господ школьных учителей» (*франц.*).

хотел сделать сильный революционный акт, но удалось это только вполовину. [11] 9-го марта появился (в вечернем «Мониторе») рапорт Гарнье Временному правительству о состоянии финансов. (X) Гораздо позднее оказалось, во-первых, что 24 февраля в государственной кассе осталось наличными суммами около 250 м. франков, во-вторых, что, по крайней мере, половина всего текущего долга никем не могла быть потребована, ибо состояла из вкладов разных [обществ] общин, ассоциаций, искони живущих процентами с отданных государству капиталов, что, в-третьих, [в сберегательных кассах было не 65 м., а 8 м. 5% ренты на государство] не все растащено в сберегательных кассах, но на 8 м. выдана 5% рента на государство, что представляет 250 м. капитала, и, в-четвертых, что в погашение долгов не было пустоты, а напротив, находилось 80 м., — но все же положение было крайне затруднительно, потому что было натянуто до чрезвычайности и от малейшего толчка должно [просто] было лопнуть при самом Филиппе. Ввиду же будущего уменьшения государственных доходов и необходимости [может быть] новых и огромных постоянных издержек, Г‹арнье› П‹ажес› имел право представить эту страшную картину. Эту страшную картину финансового состояния Гарнье-Пажес оканчивал словами: «Ce qui est certain, ce que j'affirme de toute la force d'une conviction éclairée et loyale, c'est que si la dinastie d'Orléans avait régné quelque temps encore, la banqueroute était inévitable. Oui, citoyens, proclamons-le avec bonheur, avec orgueil: à tous les titres qui recommandent la République à l'amour de la France et au respect du monde, il faut ajouter celui-ci:

La République a sauvé la France de la banqueroute» *.

Итак, для поправления этого состояния издано 5 декретов 9-го марта: 1) чтобы остановить требования кредиторов, сберегательные кассы выдают деньги сполна только имеющим 100 ф. в ней, имеющим от 101 до 1000 — деньгами 100 ф., а остальные кредитками в 5% и рентой на государство в 5% же, имеющим более 1000 — выдать деньгами 1000 и опять кредитами и рентой (предшествующей мерой проценты, платимые кассой, вообще подняты до 5%), 2) продать коронные бриллианты и серебро дворцов обратить в монету, 3) продать владения короля (les biens de l'ancienne liste civile), какие министр назначит, с облегчением покупщику, заплатить тотчас же одну четверть суммы, дать обязательства на остальные 3/4 сроком на один год, которое с печатью государства может обращаться как монета, 4) продать некоторую часть государственных лесов, 5) открыть национальный заем на сумму 100 м., взносчики коего получат 5% ренту на государство.

Мера с виду чрезвычайно энергическая и касательно продажи (частная собственность короля и принцев исключены) коронных имений откро-

* «Не подлежит никакому сомнению, и я это утверждаю, руководствуясь знанием и чувством чести, что если бы Орлеанская династия господствовала еще некоторое время, банкротство было бы неизбежным. Да, граждане, провозгласим с радостью и гордостью: ко всем основаниям, которые Республике дают право на любовь французов и уважение света, нужно добавить следующее: Республика спасла Францию от банкротства» (*франц.*).

венно революционная, но она была поражена смертью при самом появлении своем. Что касается до продажи имений как королевских, так и государственных, то кроме старых невыгод, представляемых историей первой революции, как-то отдача их за бесценок и опасность появления старых ассигнаций, столько принесших вреда, еще все социальные партии подняли страшный вопль. Дробить имущество государства, когда столько вреда произошло от маленьких собственностей и когда единственное спасение государства полагается всеми в [сохранении раздробленности] предоставлении огромных участков в эксплоатацию всех под его надзором! Клубы и журналисты ходили с представлениями к Пра‹вительст›ву, и голос их был так силен, что не только не приступлено к исполнению декрета, но новым декретом 29 марта леса королевские присоединены к лесам государства и подчинены общему управлению. О продаже бриллиантов, дворцов и проч. почти не было помина на другой день декрета. Через неделю всем открылось, что национальный заем многого не даст, при сильном потрясении всех капиталов и уничтожении публичной доверенности. Осталась только [невыдача денег] мера о невыдаче денежных сумм из [сохранной] сберегательной кассы, да мера о насильственном ходе банковых билетов наравне с монетой — но они сами показывали отсутствие кредита и невозможность доверия к Пра‹вительст›ву. К ним скоро присоединилась новая комиссия des dons patriotiques *, помещенная во дворце Elysée Bourbon, снабженной именами Ламенэ и Беранже, подавшая повод к некоторым трогательным процессиям и актам работников, но которая через два месяца [дала] не составила более 500 тысяч приношений.

Надо было отыскать другие, более энергические средства. Гарнье-Пажес не нашел ничего другого, как увеличение налога, как самый обыкновенный министр. Декретом 16-го марта четыре прямых налога временно и только на 1848 г. поражены прибавочным налогом в 45 сантимов на каждый франк. Клубы и все ультра-демократические партии нашли снова, что эта мера ввиду будущих выборов и ввиду неудовольствия, которое она произведет на крестьян, самых сильных консерваторов в государстве, неудовольствия, долженствующего непременно отразиться на их вотировке, что эта мера не политическая. Правительство под влиянием их протестации должно было опять объявить, во-первых, намерение свое не строго взыскивать налог, а во-вторых, освободить от него после законных свидетельств истинно бедных людей. Это уже значило: вполовину отказаться от выгод, ожидаемых ими от меры.

И все это от нежелания объявить государство просто-запросто банкрутом.

Оставались только частные меры для [поддержания] удержания работ, кредита, разбитых существований от конечной гибели. Они были приняты. Уже с шестого марта учреждены были для праздных работников национальные мастерские, где на счет государства производили они за 1 фр., за 2 фр. в день самую бесполезную работу, как нивелировка

---

* Патриотических приношений (*франц.*).

Champs de Mars и другие земельные работы в окрестностях Парижа. В первое время работники даже получали даром по франку, приходя за ними в мэрию; число работников н‹анациональных› м‹астерских› к концу этого месяца возросло до 70 т., а к концу следующего до 100 т., в мае их было 150 т.

8-го марта уничтожено заключение в тюрьму за долги (contrrainte par corps) после сентиментально-романтического considerant* г. Кремье, как он их всегда писал.

6-го положено учредить банковые конторы во всех индустриальных городах Франции для снабжения кредитом и деньгами малых торговцев, которым не доступны [банки] городские и сельские банки. Эти конторы в Париже под председательством государственного секретаря, книгопродавца Паньера [намеренно] основаны на тройном участии акционеров, города, где они заведены, и государства.

[16 марта облигации на государство (bons du Trésor)]

16 марта les bons du Trésor будут выплачиваться только после 6 месяцев [их первого срока] после их срока. Мера, сравнявшая их с суммами из сберегательных касс, тоже относительная, как сказано выше.

21 марта — заведены в городах дела для изъятия товаров, не имевших сбыта, и о снабжении торговцев под залог их свидетельствами, имеющих ценность как в обороте, так и перед банком.

28 марта льготы на уплату векселей и обязательств, данных должниками в феврале до 15 марта, еще продолжены на 15 дней.

29 марта уменьшены все издержки на печать, записку долговых и торговых бумаг.

[Кстати сказать, что главный бюджет города Парижа после уничтожения департамента и городского совета предоставлено сделать самому мэру Марасту, как он заблагорассудится.]

Но все эти вспомогательные меры для поправки торговли, промышленности и работников не имели сильного влияния на кредит и доверенность. К концу этого месяца один журнал, кажется «des Débats», сосчитал, что упадком всех ценностей на акции, государственные бумаги и на все продукты, в продолжение только этих последних 30 дней, Франция обеднялa на сумму 3 700 000 000, если не считать упадка акций железных дорог, отчего владельцы их в общности лишились почти 1 миллиарда. Сколько тут погиблых существований — перечесть нельзя. Уж не упоминая о лопающихся беспрестанно банкирах. Маленькая таблица покажет, что стоили бумаги на бирже до 24 февраля и чего они стоили 1-го апреля: 1) билет государ‹ственного› займа в 3 процента на 100 стоил 23 февраля 47 франков — ныне 33 и 32. 2) билет такой же в 5% на 100 стоил 118 франков — ныне 50. 3) Акции банка вместо 1250 фр. (а покупались они вследствие ажиотажа за 3400 франков) — ныне 900. 4) (облигации — bon du Trésor) имели вычеты 48 франков и проч. и проч. Все это, действительно, так и должно быть. Покуда Гарнье-Пажес и одна часть Правительства [хотели восстановить] выбивались из сил, чтобы поднять про-

* Рапорт (*франц.*).

изводительность Франции и возвратить ей утерянную силу от неожиданного удара, рядом с ними другая часть Правительства заседала в Люксембурге под председательством Луи Блана и добродушно разрушала в основании все, что первые придумывали на поверхности. К этому великому дезорганизатору без сознания Луи Блану мы и переходим теперь.

[ЛУИ БЛАН В ЛЮКСЕМБУРГЕ] COMMISSION POUR LES TRAVAILLEURS[1]

[Любопытно следить за Луи Бланом [гнущим всю Францию], намеревающим согнуть промышленность Франции под известную книжку, им выданную, «Organisation du travail»[2]. Принцип ассоциации тут, несмотря на все протестации, должен непременно остаться в стороне: ассоциация может быть только осуществлена на соединении интересов неравных, ищущих во взаимном содействии как можно большей выгоды, но выгоды не одинаковой для всех. Такая ассоциация признана либеральной школой политической экономии[3], на ней же основаны, при всей кажущейся разнице, и теории сен-симонизма, фурьеризма, социализма. Таковая ассоциация есть вещь возможная, спасительная и истинно свободная; с ней ничего не имеет общего теория Луи Блана.

Ассоциация у него форма принудительная и притом еще совершенно равная во всех своих последствиях для всех ее членов, несмотря на разницу их работы, их капитала и даже их доброй воли... Тут уже дело идет о каком-то [нелепом] осуществлении казармы, но казармы такой, в которой все воодушевлены одним духом соревнования, беззлобливости, самоотвержения и держащейся на святости чувства. Само собой разумеется, что эта примерная казарма не допускает никакой разницы даже в благородстве: все живущие в ней благородны на один манер. Эта теория сидит теперь в Люксембурге с депутатами от всех парижских ремесленных корпораций и депутациями от фабрикантов, принужденных подчиняться господствующей идее, — в креслах старых пэров, а изобретатель ее занимает место прежнего канцлера. Безгласный работник Альберт, член Правительства, исполняет должность секретаря.

Странность и несомненно великие последствия (великие в отношении членов, предполагает основатель) этого явления еще увеличиваются при мысли, что в первый раз, может быть [с основания государства], в истории производительность целой нации [вопрос о личности и имуществе каждого доверено] подчинилась одному человеку, который хочет вернуть ее назад вследствие собственного догмата. [Эта честь не была предоставлена даже Иисусу. Его догмат идея.] Все [возможнейшие] известнейшие преобразователи скорее искали данных для преобразования народной жизни в народе же. Политическая экономия [никогда не брала] со Смитом[4], основателем ее, никогда не бралась предписывать абсолютные законы для труда и промышленности: она только показала законы, которым в известную эпоху следует нация в процессе своей деятельности. Сами эти законы признавала она порождением совокупной жизни лиц[5] и, стало

быть, принадлежностью всех и никого. Никогда даже не обсуждала она нравственность или истинность их, а только их действительное существование, соглашаясь, что другая, следующая вереница лиц породит другие законы, тоже никому в сущности не принадлежащие и, может быть, более нравственные и истинные, а может быть, и менее... Уважение к общей мудрости народов, к их свободному произволу было отличительным качеством Смитовой политической экономии...

И вдруг утопия, принимающая в соображение одни только психологические качества человеческой души и не обращающая ни малого внимания на составку и кристаллизацию общества посредством самого себя, проявляется не в книге, не в диспуте, где она относительно чрезвычайно полезна, а проявляется как Управитель, как Законодатель и требует покорности. Странность и величие возвышаются, если подумать, что сам основатель Утопии есть вместе и диктатор: немногие из благородных энтузиастов имели эту честь. Мало заботясь об основных чертах народного характера, покидая совершенно фундамент национальности как нелогический, чудный Утопист хочет ввести свое отечество только в свой силлогизм. И государство в лице работников отвечает ему симпатией. Законодатель, уже ничем не сдерживаемый, распускается самой блестящей, разноцветной тканью. Он вполне убежден, что он — организатор, совсем не замечая того, что он инструмент [в руках для] нового развития, совершенно еще неизвестного. Вместо организации он, напротив, предназначен только все разрушить около себя, для того чтобы явилась новая жизнь с помощью той же совокупной [деятельности] непосредственной деятельности всех, которую он и признавать не хочет, а которая всегда была и всегда будет единственным организатором и творцом в мире.

Вследствие всех этих соображений Луи Блан есть теперь замечательнейшее лицо во Франции. Но если бы у него было только одно: благородство мыслей, чистота убеждений, беспрестанно сталкивающихся с ребячеством выводов и бессилием приложения, — он уже заслужил по одному этому ближайшего рассмотрения].

Еще в революционном заседании в ночь 24 на 25 февраля в Ратуше, когда Луи Блан и Флокон провозглашены были толпами [нар] перемежающегося народа членами Правительства, оба они с трибуны обещали изменение основных законов работы[6]. На следующий день декрет Правительства, подписанный Гарнье-Пажесом и Луи Бланом (секретарь), показал как стилем, так и замашкой сантиментальной эффектности влияние последнего: «Le gouvernement s'engage à garantir l'existence de l'ouvrier par le travail; il s'engage à garantir du travail à tous les citoyens; ...Le gouvernement provisoire rend aux ouvriers, auxquels il appartient, le million qui va échoir de la liste civile» *.

Этот подарок миллиона, следовавшего Луи Филиппу, был началом кормления праздных работников [вскоре последовавшее] из государствен-

* «Правительство обязуется обеспечить существование рабочих посредством труда: оно обязуется обеспечить работу всем гражданам; ...Временное правительство возвращает рабочим, которым он принадлежит, миллион, освобождающийся с уничтожением цивильного листа»[7] (*франц.*).

ных доходов, вскоре последовавшее и до сих пор продолжающееся. 27 февраля Луи Блан, вследствие той же эффектности, издал следующую эпиграмму: les Tuileries serviront désormais d'asile aux invalides du travail *, — мера ребячески громкая и решительно варварская, ибо в центре города и в великолепном саде сделать богодельню — свойственно было только монстру или фельетонисту. Мера и не будет никогда приведена в исполнение. За ней тотчас последовало учреждение «Commissions pour les travailleurs» под председательством Блана и вице-президентством Альберта (работника) и местом ее работы назначена Палата пэров в Люксембурге. 2-го марта уже было заседание комиссии с поверенными от работников, и в прокламации Правительства, в тот же день изданной, романтическое перо автора «Истории революции» начертало: «la commission du gouvernement pour les travailleurs est entrée en fonctions aujourd'hui même sur ces bancs où siégeaient naguère les législateurs du privilège, les pairs de France; le peuple est venu s'asseoir à son tour comme pour prendre matèriellement possesion de son droit et marquer la place de sa souveraineté!» **

Потом прокламация убеждает работников вернуться в свои мастерские. Но это нелегко было сделать. [С самого 27] С 27 февраля, когда было объявлено учреждение государственных мастерских: ateliers nationaux [8], — все работники, поднятые льстивыми обещаниями Правительства и без того сильно возбужденные, бесчисленными толпами ходили в Ратушу, требуя уменьшения часов, увеличения платы, максимума, минимума... На всех площадях стояли работники разнородных цехов, выдумывая меры к улучшению своего положения [самые], неслыханные и неудобоисполнительные. [Не только] Первую неделю после революции это была ходьба поминутная масс с противоречащими требованиями [иногда], отличавшимися особенно чудовищными запросами, доказывавшими в одно время как их несчастное положение, так и невежество их. Правительство только тем и отделывалось, что сулило горы благоденствия и [указывало] благополучия вперед, и бедные удалялись с удовлетворением: если не было пособия нужде, зато удовлетворено было воображение, а это немаловажная часть в здешних работниках.

Зал первого заседания комиссии (1-го марта) представлял зрелище необычайное. 200 человек работников в 9 часов утра заняли места пэров, объявив себя поверенными от цехов, но другие голоса их, стоявшие на дворе дворца, требовали тоже допущения и объявляли первых самозванцами. [Эффект] Тут уж не подействовали и фразы председателя, говорившего о величии зрелища работников, рассуждающих о своих нуждах в зале, где сидела прежде аристократия: ремесленники бросались один за другим на трибуну, требуя наиболее увеличения платы, уменьшения часов, уничтожения marchandage (нашего подряда), которым один под-

---

* Тюльерийский дворец отныне послужит приютом для инвалидов труда (*франц.*).

** «Правительственная комиссия для рабочих уже сегодня начала свою работу на тех самых скамьях, где недавно заседали законодатели привилегий, пэры Франции. Народ пришел сюда, желая как бы материально утвердить свои права и отметить место своего суверенитета!» (*франц.*).

рядчик набирает по уменьшенной, разумеется, плате работников для исполнения [всего] труда, ему заказанного. Наконец, они объявили, что не возвратятся в мастерские до тех пор, пока вопросы эти не будут разрешены. Кое-как распустил их Луи Блан с помощью прибывшего Араго, объявив, что каждый цех должен предоставить [двух] трех поверенных, из которых один постоянно должен участвовать в трудах комиссии, а другие два присутствовать в общих собраниях. На другой день, 2-го марта, наскоро собрали кое-каких фабрикантов, чтобы иметь хоть малый вид беспристрастия, и с этими людьми, разумеется, находившимися под террором всеобщего работнического восстания, приняли среднюю меру между требованиями ремесленников: уничтожили marchandage *, оставив только личный подряд на отдельные вещи (piéçard), да подряд самих работников, по [согла] взаимному соглашению, задельной платы не прибавили, но часы труда уменьшили: в Париже вместо 11 — 10, в провинции вместо 12—11. Декрет был издан тотчас же [9].

Это была первая и до сих пор (1-ое апреля) еще единственная положительная мера комиссии.

Само собой разумеется, что декрет, сделанный по его собственному изъяснению с намерением дать возможность работникам вместе с удовлетворением их физических [нужд] потребностей позаботиться о нравственных потребностях ума и души — глубоко похвален по мысли. Он разрушает, однакож, несколько [индустрий] промышленностей, которые с уменьшением одного рабочего, должны непременно вздорожать и таким образом не в состоянии уже выдерживать соперничество на иностранных рынках. Промышленности эти упадут непременно и выкинут на улицу несколько сотен работников без хлеба. Но это бы не беда. Тут как нельзя более приходятся старые слова [10]: «vivent les principes, périssent les colonies» **. Беда состоит в том, что Луи Блан провозглашает: «vivent les principes et vivent les colonies» ***, а это невозможно. Очень скоро придет время, когда надо будет выбирать между этими вещами, чего знаменитый председатель никак и предположить не хочет.

С появлением декрета начинаются в Люксембурге речи Луи Блана, рассуждения о его теории, проекты: из них составятся впоследствии законы, которые и будут представлены на обсуждение Национальному собранию. И снова речи. Так прошел весь март месяц и половина апреля. Проследим комиссию все это время.

Комиссия положила правилом созывать в свои недра известнейших экономистов разных школ для обсуждения своих проектов [11]: такое собрание было 5 марта, переданное официально. Надо сказать, что комиссия публикует происходящее в ней, когда заблагорассудится, не подчиняясь постоянной, правильной публичности.

5 марта в подобном заседании [12] Л. Блан подал мысль о составлении в четырех народонаселенных кварталах города 4 заведений для помещения

* Подрядная работа (*франц.*).

** «Да здравствуют принципы, пусть погибнут колонии» (*франц.*).

*** «Да здравствуют поинципы и да здравствуют колонии» (*франц.*).

в каждом 400 женатых работников с отдельными покоями для каждой семьи и общими садами, банями, кабинетами для чтения, приютами. Эта ассоциация [имеет] представляет выгоду дешевизны при общем потреблении топлива, освещения и прокормления, которую они составят, и будет соответствовать увеличению платы без отягощения фабрикантов. Мера может быть приведена в действие займом публичным под залог самих заведений, которое будет приносить кредиторам 4 процента. Для большего успеха его Л. Блан предлагает: le placement d'un pareil emprunt serait confié à la généreuse intervention des femmes *.

Мнения о проекте созванных лиц все были в пользу его: Дюпоти [предлагал допустить семейства как награду] спросил, не верно ли допущение сделать наградой семействам. «Sans dureté» **, — ответил Луи Блан. Маларме [сам], работник, заметил, что это все-таки будет конкуренция фамилий [допущенных], помещенных в заведение с непомещенными. Луи Блан ответил: «il faut compter avec le principe de l'antagonisme... nous ne créons rien de nouveux» ***.

Один член, г. Дюссар[13], заметил, что лучше бы объявить покровительство государства подобным заведениям, а основание их предоставить доброй воле самих работников, ну Луи Блан объявил уже совершенно диктаторски: «Si la question se présentait ainsi, elle perdrait toute son importance. Nous voulons que ce soit l'Etat qui se mette à la tête de l'institution» ****. Он закрыл заседание, сказав, что берет на себя [проект] предоставление проекта закона Правительству.

Этот проект, разумеется, до сих пор остался под сукном, потому что у государства в эту минуту нет ни гроша денег и ни малейшего кредита. [Другой] Но возвратимся ко второму заседанию работников, совершивших выборы поверенных своих. [В субботу] В пятницу 2 марта старая Палата пэров была наполнена 250 или 100 [работниками] ремесленниками. Кроме Луи Блана и Альберта, Видаль (автор «Distribution des richesses» *****) занимает место секретаря.

С первых слов президента проявился уже энтузиазм [был неописуемый] у всех этих истинно замечательных людей, который все более и более рос и окончился слезами и объятиями. Это уже была великая разница с предшествующим заседанием: тогда ремесленники подчинились обаянию речи, благородству чувства и несомненному желанию добра у своего президента, его неподозреваемой любви к трудящемуся классу. В это время, если бы он сказал: нам надо месяц [вашего] всего вашего заработка — они бы отдали его. Луи Блан опять начал атитезой блузы,

---

* Организацию такого займа поручить великодушной заботе женщин (*франц.*).

** «Без жестокости» (*франц.*).

*** «Мы принимаем существующий принцип антагонизма и ничего нового не создаем» (*франц.*).

**** «Если вопрос поставить так, он утратит все свое значение, мы хотим, чтобы во главе заведения стояло государство» (*франц.*).

***** «Распределение богатств» (*франц.*).

сидящей на месте, где восседала раззолоченная аристократия, падшая от презрения к страданиям бедноты и простого труда. Распространяясь о всех бедствиях труда в анархическое время конкуренции, он сознался, что восстановить его в достойном величии — дело трудное. Если мы уменьшим час работы, основываясь на votre réclamation touchante, fondée sur des considératious heroïques *. Мы это сделали, потому что мы сказали себе: il faut que cela soit, cela sera; advienne que pourra! ** (браво). Но в нашем обществе, где есть взаимодействие (solidarité) как в добре, так и во зле, подобные меры опасны, они могут, как острие оружия, вместо защиты обратиться на самого работника. [Посвятим] Надобно взять все вопросы в общности, действовать твердо, но справедливо, и разрешить их в братской [солидарности] ассоциации, спасающей всех и каждого без различия классов... «Vous le voyez, les questions que nous avons à étudier veulent être examinées dans leur ensemble. le quii est à chercher après demain, demain, dans une heure, c'est le moyen de realiser l'association, de faire triompher le grand principe de la solidarité des intérêts. Cette solidarité il faut la faire passer dans le bien, car elle existe dans le mal. La société est semblable au corps humain où une jambe malade interdit tout accès à la jambe saine. Un lien invisible, mais réel et fatal voit l'oppresseur à la misère de l'opprimé. Qui, le moment vient tôt ou tard où cette solidarirté éclate en expiations terribles. Qu'est devenu le roi de France, il y a quinze jours! Qui s'en inquiète! Il s'est enfui dans un état misérable... Je m'arrête, sachant bien qu'il faut respecter le malheur... Plaider la cause des pauvres, c'est, on ne le répétera jamais trop, plaider la cause des riches, c'est défendre l'intérêt universel! Aussi ne sommes-nous ici les hommes d'aucune fraction. Nous aimons la patrie, nous l'adorons, nous avons résolu de la servir dans l'union de tous ses enfants... Voilà sous l'empire de quels sentiments a été constituée la commission de gouvernement pour les travailleurs» ***.

Восторг, часто заглушающий красноречивые слова оратора, дошел до крайнего своего пароксизма, когда, сходя с трибуны, Луи Блан произнес: «Permettez-moi de vous quitter maintenant, mais au revoir, c'est-à-dire au pre-

---

* «Основываясь на ваших трогательных требованиях, основываясь на героизме» (*франц.*).

** «Нужно, чтобы это было, и это будет, как там бы оно ни обернулось» (*франц.*).

*** «Вы видите, вопросы, которые стоят перед нами, требуют, чтобы их рассмотрели в совокупности. То, что нужно искать послезавтра, через час — это средство осуществить ассоциацию, заставить восторжествовать принцип солидарности интересов, великий принцип. Эту солидарность надо заставить служить добру, так как она служит злу. Общество подобно человеческому телу, у которого больная нога не дает никакого хода здоровой ноге. Невидимые, но роковые узы связывают угнетателя с нищетой угнетенного. Да, наступит рано или поздно момент, когда эта зависимость разразится страшным взрывом: что стало с королем Франции две недели назад? Кто о нем думает? Он бежал в жалком состоянии. Я останавливаюсь, так как чувствую, что нужно щадить беду... Защищать дело бедных — никогда не мешает об этом помнить — это защищать всеобщий интерес. Т. о. мы здесь люди, не принадлежащие ни к одной фракции. Мы любим родину, мы ей поклоняемся, мы решили ей служить в едином усилии... Вот под влиянием каких чувств была основана комиссия для рабочих» (*франц.*).

mier grand problème à résoudre, au premier acte patriotique à accomplir. Ici le rendez-vous» *.

Все собрание поднялось и завыло. По удалении президента выбрали 10 человек по жребию, которые должны были заседать постоянно в частных собраниях комиссии, и старые huissiers ** Палаты пэров, как и прежде, разносили урны по всем лавкам.

Для сохранения вида справедливости созваны были поверенные от фабрикантов и патронов 17 марта. Им также было говорено о конкуренции, которая производит вместо богатства нищету, о необходимости соглашения и уступки, чему такой превосходный пример подают работники. Несколько голосов добродушно объявили, что они весьма готовы на ассоциацию, лишь бы комиссия выработала план ее. Видаль предложил им также отрядить 10 человек для постоянных заседаний, и так как они хотели это сделать по взаимному соглашению, то Видаль посоветовал им следовать примеру работников и выбрать по жребию, что и было, разумеется, исполнено.

После этих двух заседаний, особенно последнего, оказалось ясно, что оба лагеря воодушевлены истинным желанием примирения[14] и что над всеми ими лежит всеобщая европейская необходимость, разрушающая всю их добрую волю. Противоречие, видимо, разрешится только участием в ассоциации всех [наций] производящих наций, что и приведет опять к нашему положению, выше изъясненному, — законы работ устанавливаются [бессознательно] самими народами, вследствие их новых потребностей.

Пропускаем несколько малозначительных заседаний [и переходим прямо], как, например, заседание, в котором порешено запретить работать в тюрьмах, монастырях, делающих конкуренцию вне их, да еще заседание вскоре после 17 марта, когда все члены Правительства явились в Палату пэров благодарить работников за их сильную и миролюбивую манифестацию, бывшую в этот день. Последнее заседание носило какой-то семейный, патриархальный характер, сентиментальный, грустный и наивный: Луи Блан или Ламартин приготовили даже к этому дню фамильный сюрприз. Уже все ремесленники хотели расходиться, бюро опустело, когда... Но вот слова «Монитора»: «Les délégués commencent à sortir de la salle. Mais M. Louis Blanc, reparaissant tout-à-coup, le visage rayonnant de joie, les arrête dans les escaliers par ces mots: „Mes amis! remontez! J'ai une grande nouvelle à vous donner!“ Tout le monde d'élance aussitôt dans la salle.

M. Louis Blanc: „Deux mots seulement. (Profond silence). La république que nous avons proclamée va triompher dans tous les points de l'Europe.

Je viens d'apprendre de mon honorable collègue M. Lamartine, ministre des affaires étrangères, qui vient d'en recevoir la nouvelle, que l'Autriche est en révolution. (Explosion d'applaudissements. — Cris de joie).

---

* «Разрешите мне теперь покинуть вас, но до свидания, т. е. до первой крупной проблемы, которую надо будет решить, до первого патриотического акта, который надо будет совершить. Свидание здесь» (*франц.*).

** Приставы (*франц.*).

L'Autriche est si bien en révolution, que Metternich est en fuite". (Immense enthousiasme. Cris: Vive la république universelle)» *.

Перейдем прямо к необычайному частному заседанию комиссии[15] в присутствии созванных [известных экономистов] поверенных от работников и от патронов, бывшему 20 марта и наделавшему много шума в индустриальном, политическом и научном мире. В нем также заседали многие знаменитости социальной мысли: Видаль, Туссенель, Пеккер[16] и один из либеральных экономистов — Воловский[17], призванный в него как наименее жестокий враг социализма, чем он [оказал] почел за нужное оказать себя в недавнем заседании общества «le libre échange» **.

Заседание открылось проектом Луи Блана о составлении государственных мастерских. Он заметил, что фабриканты закрывают ныне свои фабрики, взывая: общество распадается, рабочие бегут из фабрик, требуя новых условий труда. Что делать? Государство завладевает упраздняющимися фабриками посредством известного выкупа и само открывает их для работников на праве ассоциаций и на следующих условиях. Касательно задельной платы: она может быть равной для всех и неравной. [Государство нынешнее] Правительство наклонно к абсолютно равной плате, но предоставляет это решить самим работникам. Возразят: при равной плате нет соревнования. Это значит не понимать или отчаиваться в достоинстве человека. Совесть разве не ревнует отличиться единственно из чести. Разве не может быть в мастерских, как в армии: le point d'honneur du travail ***. Наконец, есть средства принуждения к честной и посильной работе: qu'on plante dans chaque atelier un poteau avec cette inscription: dans une association de frères qui travaillent, tout paresseux est un voleur ****.

Это неслыханная теория задельной платы разразилась над Францией как гром и подавила все умы.

Далее Луи Блан переходит к подробностям устройства такого государственного, общинного atelier *****. Распределение выручки, следующее после задельной платы: 1) одна четверть отлагается для заплаты старому владельцу, 2) одна четверть для вспомоществования старикам и детям и пр., 3) одна четверть для раздела между всеми участниками, 4) одна четверть для вспомоществования государственным мастерским,

---

* «Делегаты начинают выходить из залы. Но г-н Луи Блан, вновь появившись, вдруг с сияющим радостью лицом, останавливает их на лестнице следующими словами: „Друзья мои, поднимитесь! я должен сообщить вам большую новость". Все тут же бросаются в залу. Г-н Луи Блан: „Два слова только (глубокая тишина). Республика, которую мы провозгласили, будет торжествовать во всех точках Европы. Я только узнал от моего уважаемого коллеги, г. Ламартина, министра иностранных дел, получившего сейчас об этом сообщения, — в Австрии революция. (Взрыв аплодисментов). Революция охватила всю Австрию. Меттерних бежал" (Бурный энтузиазм. Возгласы: Да здравствует всемирная республика)» (*франц.*).

** «Свободного обмена» (*франц.*).

*** Честь — награда труду (*франц.*).

**** В мастерской это осуществляется посредством установки надписей: ассоциация — братство трудящихся, поэтому праздность есть вор (*франц.*).

***** Ателье (*франц.*).

не имеющим работы. [Эту одну образцовую мастерскую можно распространить на каждую отдельную ветвь.] Можно приложить такие мастерские к одной ветви промышленности: для этого стоит только определить, во что обходится [чистый барыш] доход этой ветви, его произведения, назначить легкий барыш, и цены уже будут одинаковы, без конкуренции и соперничества мастерских. Можно, наконец, приложить их ко всей промышленности вообще, для этого стоит определить только ценность каждой, работать на этом основании и страждущим ветвям делать пособие (3 и 4%) из отложенных сумм в других ветвях. Будет всеобщая ответственность, solidarité * всех, будет, таким образом, работа верная и неоспоримая для всех, и все это под одним начальником, назначенным от государства, который будет знать [все] требования на каждую индустрию, цены на каждую ветвь ее и направлять работы вследствие этих данных. Мир, братство вместе с богатством водворятся на земле.

И таким образом [принцип] старый принцип 89 года — свобода отдельного лица [18] — отвергнут, частные характеры сглаживаются под тяжелым однообразием, личный интерес не признается деятелем... Все, как шашки в шахматной доске, и притом еще так, как если бы партия располагалась при ханжах, заранее все предвидевших и устроивших.

Воловский стал ревностно защищать свободу промышленности от узурпации государства, говоря, что общинные мастерские не увеличат массу произведений, в чем особенно нуждается Франция, а только уменьшат ее, увеличить ее может только частный интерес. Видаль возразил, что работник не должен зависеть от требований и предложений, как ныне, в силу частных интересов. Он должен быть, как чиновник, всегда платим за свою работу, несмотря на внешние условия. Это достигается только ассоциацией, которая гораздо более увеличит произведение, чем индивидуализм. «On peut exalter le courage du travailleur jusqu'à l'enthousiasme au nom du devoir, de la fraternité, de la justice» **.

Луи Блан снова в длинной речи заметил, что гораздо важнее не увеличение произведений, а их распределение: «Mais il ne suffit pas que la production augmente pour que le pauvre échappe au danger de mourir de faim; il faut qu'une répartition équitable et bien ordonnée fasse arriver jusqu'à lui lal richesse accrue» ***.

Ничто так не вредит увеличению произведений, как свобода без братства и равенства. Свобода одна — это конкуренция, а конкуренция производит только развалины. В слепом враждовании все народные силы при конкуренции сталкиваются и уничтожаются одна другой. Частный интерес — двигатель, но роковой (funeste). «Faut-il done admettre tous les stimulant par cela seul qu'ils ont de la puissance? Quelle force n'a pas le

---

* Солидарность (*франц.*).

** «Энергия рабочих может возвыситься до энтузиазма именем долга, братства, справедливости» (*франц.*).

*** «Недостаточно увеличить продукцию, чтобы бедняк избежал опасности умереть с голоду. Нужно, чтобы справедливое, хорошее и упорядочное распределение дало возможность богатству дойти до него» (*франц.*).

mobile qui pousse les voleurs de grand chemin à assassiner le passant au risque de la guillotine? No jugeons pas les stimulants par leur puissance, mais pai leur moralité» *.

А на вопрос, какая награда предстоит деятельному работнику, Луи Блан ответил: l'estime, l'honneur, la récompense du soldat sur le champ de bataille **.

Заседание закончилось заметкой г. Le Play [19], известного горного ученого, что бесплодные равнины Гарца вследствие ассоциаций рудокопов и собственно разрабатывателей покрылись 50 т. счастливых жителей, но плата там равная не всем, а только равная для разных категорий работников: Les mines de la Russie sont exploitées d'après les mêmes principes. Un officier, nommé par l'Empereur, y veille à leur fidèle application. J'ai fait le bilan d'un ménage de serf russe employé aux travaux des mines; j'ai fait le bilan d'un ménage d'ouvrier français dans des conditions passables, et je le dis à regret, j'ai trouvé que le serf russe était incomparablement mieux traité que l'ouvrier de France ***.

Луи Блан: Ces faits sont très précieux ****.

Le Play забыл только упомянуть, что в рудах и почти во всех фабриках русских работа обязательна, и, следовательно, она или эксплоатация, или наказание, а довольство зависит от дешевизны первых необходимостей.

Это достопамятное заседание [в котором] не имело до сих пор еще никаких результатов, разумеется, кроме смятения в ученом и промышленном мире. Не считать результатом еще предшествующее ему учреждение народных мастерских за городом и в городе, где получившие место работники производят вялый и бесполезный труд за 2 франка, а не получившие — имеют тратить 1 франк в день. Для работниц открылись тоже мастерские, где они шьют блузы за 1 фр. 50, а праздные получают даром 50 сантимов. [При этом еще неизбежнее и безнравственное смешение.] Первых уже считают более 45 т. Это просто старый рацион: безнравственное прокормление [работников] государством праздности, средство отделаться от парижской популяции, причем никто серьезно не ищет работы и не исполняет ее, принужденный к ней.

Шум, сказал я, поднялся страшный. [Даже соц] Оттенок социальной партии восстал против равенства платы и отчуждения капитала в лице Консидерана. Либеральная школа восстала в лице Michel Chevalier («Journal des Débats»), где он показал за частный интерес, и этот писатель

* «Так нужно ли допускать все стимулы потому только, что они сильны? Какой силой обладает та пружина, которая заставляет грабителя с большой дороги убивать прохожего, рискуя попасть на гильотину? Не будем судить стимулы по их силе, а будем судить по их нравственности» (*франц.*).

** Почет и уважение —награда солдату на поле брани (*франц.*).

*** Рудники в России эксплоатируются на тех же принципах. Один чиновник, назначенный императором, следит за правильным распределением рабочих. Я подсчитал бюджет русских крепостных, работающих на рудниках, и бюджет семьи французских рабочих, живущих в сносных условиях, и, к сожалению, должен сказать, что русский крепостной живет несравненно лучше, чем французский рабочий (*франц.*).

**** Это требует уточнения (*франц.*).

доказал, что солдат на месте битвы находится в лихорадочном состоянии, чего от работника никто не будет требовать в мастерской — стало сравнение не уместа. А средство принудить к работе разноской надписи l'oisif est un voleur * есть чисто материальное средство, которому соответствует виселица, расстрел или кнут. Прудон в своем новом Revue «Solution du problème social» [20] восстает против всей манеры комиссии и Луи Блана определять нынешнее состояние индустрии: «Conçoit-on ces romanciers de la terreur, qui en 1848, prennent les entrepreneurs d'industrie pour des seigneurs féodaux, les ouvriers pour des serfs, le travail pour une corvée? qui s'imaginent après tant d'études sur la matière, que le prolétariat moderne résulte de l'oppression d'une caste? qui ignorent ou font semblant (?) d'ignorer, que ce qui a établi les heures de travail, ...?, le salaire, divisé les fonctions, développé la concurrence, cor... é (?) le capital en monopole, asservi le corps et l'âme du travailleur, c'est un système de cauşes fatales, indépendantes de la volonté du maître comme de celle des compagnons?» (1e livraison, p. 37) **.

Наконец, часть радикальной партии, вся беллетристика и даже работники, т. е. те, которые трудом и усилием вышли из толпы, восстали против равенства платы. Плотник Vallu [21] поместил в «Courrier Français» 27 марта весьма замечательное письмо к редактору, в котором защищает право работника продавать свой труд на тех же условиях, на коих хлебник продает различно хороший и дурной хлеб и проч. Против положения Луи Блана: que son principe exclue les jalousies et les haines ***, он приводит свою 40-летнюю опытность, доказывающую, что все ассоциации работников в продолжение этого времени в Париже и департаментах его разрушились именно от jalousie **** хороших работников к работникам непроизводительным, таким образом разрушилось равенство. Определение производства вещи и легкого барыша на нее может уничтожить французскую индустрию на чужих рынках, где эта вещь дешевле, а если [ограничиться] Франция ограничится только домашним производством, то обеднеет вместо обогащения. Притом же [работники] нужды работников различны по их положению и одинаковой платой не удовлетворяются: женатый работник в Париже с этой платой — нищий, приходящий холостой ученик — достаточен, а работник, приходящий извне только на зара-

* Бездельник — вор (*франц.*).

** «Как понять этих романтиков террора, которые в 1848 г. принимают промышленных предпринимателей за феодальных сеньоров, рабочих — за крепостных, труд — за наказание и которые после такого количества исследований о нации воображают, что современный пролетариат является результатом угнетения одной касты? которые не знают или притворяются, что не знают (?), что та сила, которая определила часы работы (?), заработанную плату, разделение труда, вместе с тем породила конкуренцию? превратила капитал в монополию, подчинила тело и душу трудящихся; это все система роковых причин, не зависимая ни от воли хозяев, ни от воли компаньонов?» (1-ый выпуск, с. 37) (*франц.*).

*** Который принципиально исключает праздность и леность (*франц.*).

**** Зависти (*франц.*).

боток в известное время и после уходящий в другое место, — богат. Где же равенство? Практические замечания этого человека весьма любопытны.

Нельзя умолчать однако, что Л. Б. имеет партию и весьма сильную в работниках, до которых если не коснулись коммунистические теории, то коснулась их сантиментальная мечтательность, а также в плохих и праздных ремесленниках.

При посадке дерева свободы в Люксембургском саду в присутствии Л. Б. и Альберта, один работник подал заступ им и сказал: «aux premiers ouvriers de France» *. Слезы навернулись на глазах доброго Луи, и он торжественно объявил, что ему сделана ныне великая награда.

Радикально-(религиозная)-евангелическая часть демократов (не смешивать с радикально-католической Бюше), которой представитель Барбес, тоже аплодируют его стремлениям. Я сам видел в клубе Барбеса в Palais National, как этот человек, высокий ростом, с прекрасным, мужественным лицом и взглядом, имеющим какое-то упорство и повелительность, свойственную [нач] волевому начальнику, объявил равенство платы принципом христианским, евангелическим. «Разве обязан быть более награжден человек, который по силам своим может пронести 7 пудов, против человека, который в состоянии поднять только 4?» — сказал он в подтверждение принципа, с чем согласился также Этьен Араго и один издатель «Réforme».

Но как бы то ни было, шум, произведенный новой доктриной, был так велик, что непременно требовал опровержения, ответа на [возраж] подавляющие возражения. Они и явились в [заседании] общем заседании комиссии 3 апреля, где Л. Блан, только что оправившийся от болезни, произнес длинную и, надо сказать, красноречивую [речь] и мастерски составленную речь.

К удивлению всего Парижа, юный преобразователь вдруг отказался от теории равной платы, назвав ее хотя и хорошей мерой, но мерой проходящей и нисколько не составляющей цели общественного развития. Цель всего общественного стремления должна быть по новой теории следующая: труд — по мере сил и способностей, вознаграждение — по мере нужды каждого: «que chacun produise selon son aptitude et ses forces, que chacun consomme selon ses besoin-ce qui revient à dire que l'égalité juste-c'est la proportionnalité.» (Bon!) **.

Разумеется, нет возможности разбирать всей речи, которой еще болезненное состояние оратора придавало новую прелесть. В середине один работник встал и произнес тронутым голосом: Reposez-vous, ménagez vos forces, nous avons besoin de vous ***.

---

* «Первому рабочему Франции» (*франц.*).

** «Пусть каждый производит по своим способностям и силам, пусть каждый потребляет по своим потребностям. Это то же самое, что сказать: справедливое равенство — это пропорциональность». (Хорошо!) (*франц.*).

*** Отдохните, берегите свои силы — вы нам нужны (*франц.*).

Луи Блан [горько жаловался] начал с жалобы на нападки и злостность их [врагов], причем прибавил, что они нисколько не поколебят его в трудах, за которыми он умрет, прежде чем уступит тем из убеждения. За ними последовала жаркая и, действительно, великолепная филиппика против конкуренции, которая, выкидывая всеобщую бедность, покоится на безнравственности, слепоте случая и в которой — благодетель человечества — гений, выдумывающий машину, производит злодеяние, делается орудием погибели тысячи людей. Одна ассоциация спасает общество, но равность задельной платы в ней еще не последнее слово. Это только переход, но переход необходимый. Все возражения против нее слабы. В нынешнем состоянии она невозможна, в будущем — необходима, Car alors — при другом благодетельном воспитании — «tout change... Qui oserait ne pas payer sa dette de travail, quant à l'égard de ses assosiés, de ses frères, sa paresse serait une lâcheté, un vol» (immense bravo) *.

Но равность платы еще не представляет вполне принципа справедливости, он только осуществляется, когда долг находится в отношении сил и способностей, а право — в отношении нужды. До сих пор это было наоборот и вся история шла криво: «d'un bout de l'histoire à l'autre a retenti la protestation du genre humain contre ce principe: è chacun selon sa capacité, la protestation du genre humain, en faveur de ce principe: à chacun selon ses besoins!» (Bravo! Bravo!) **.

Луи Блан заключил, что при большом развитии общественном равность платы должна быть распространена и на государственные лица тем более, что в самом [идее] факте властительства есть нечто безнравственное, долженствующее быть выкуплено страстью быть полезным. «Gouverner-c'est se dévouer. On a demandé si je consentirais à m'appliquer la règle que je proclame. Voici ma réponse: dans le système d'universelle association, dans le système complètement réalisé que j'appelle de tous mes voeux... oui! (Acclamations unanimes) Et ce oui je désire qu'il soit imprimé à 200 exmplaires, pour que si jamais je venais à le renier, chacun de vous pût, un exemplaire à la main, me démentir et me confodre». (Nouvelles et bruyantes acclamations) ***.

---

* «Ибо тогда — при другом благодетельном воспитании — все меняется... Кто бы посмел не заплатить свой долг труда по отношению к своим товарищам, к своим братьям — его лень была бы подлостью, воровством» (несмолкаемое браво) (*франц*).

** «от начала истории человеческого рода гремел протест против принципа: от каждого по способностям, протест в пользу принципа — каждому по его потребностям!» (браво, браво!) (*франц*.).

*** «Управлять — это жертвовать собою. Меня спросили, соглашусь ли я применять к себе самому то правило, которое провозглашаю. Вот мой ответ: в системе всеобщей ассоциации, в полностью реализованной системе, которой я желаю всем сердцем, всем своим существом — Да! (единодушные аплодисменты). Это „да“ я желаю напечатать в 200 экземплярах, если когда-либо мне случится его отрицать, пусть каждый из вас возьмет экземпляр и придет ко мне, чтобы уличить во лжи и пристыдить». (новые громкие аплодисменты). (*франц*.).

Эта речь произвела удивление, не менее предшествующей. Кто не знает, что ассоциация есть противодействие конкуренции, но кто же не видит, что долг работать по мере сил находится в противоречии с правом брать по нужде. Нужда совсем не зависит от работы, и определить ее никто не может (разве предположить, что человечество будет так нравственно, как женский пансион, и нужда всегда будет). Нужда, напротив, есть вещь неуловимая [и часто], и почти всегда мало работающий (это заметно) потребляет или имеет наклонность потреблять более работающего. Где же истина?

И так прошел этот месяц комиссии, замечательный по многим отношениям. Между прочим, Л. Блан объявил, что вскоре опубликуются как проекты постепенного введения ассоциаций, сперва в мастерских одной ветви и потом в мастерских всех ветвей промышленности, так и его новый труд: sur l'établissement d'ateliers agricoles et sur le lien qui les doit unir aux ateliers industriels, de manière à compléter notre plan *.

Подождем. Неужто и это представит ту же пышную немощь, какую комиссия представляла до сих пор?

В антрактах своих заседаний комиссия занималась примирением работников и патронов в разных частях индустриации: это ее великая, благодетельная и истинно плодотворная деятельность. Так, примирены были хлебники и им даны новые основания, весьма выгодные обеим сторонам. Так, еще в мастерских механиков Дерони[22] и Кюля[23] введен принцип с ее помощью, по которому работники за малостью заказов не отсылаются, а скудность заказов падает на всех. Хозяева при первой возможности обязались дать работникам участие в самом барыше производства по общему согласию. Еще прежде комиссии старый сен-симонист Олен Родриг[24] подал пример подобного приобщения работников к части барыша на Северной железной дороге. Он положил именно распределять доходы ее следующим образом: 1) жалование и задельная плата, 2) процент капиталу и погашение его, 3) оставшийся доход за издержками содержания делить между [всеми] работниками и капиталистами, смотря по силе труда, представляемого жалованием, — у первого, смотря по количеству взноса, представляемого акцией, — у второго. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что именно в этих свободных соглашениях и есть настоящий зародыш будущей жизни и новой истории.

---

* Об основании сельскохозяйственных мастерских и о той связи, которая должна их объединить с промышленными мастерскими так, чтобы дополнить наш план (*франц.*).

ФИЗИОНОМИЯ ПАРИЖА В МАРТЕ МЕСЯЦЕ 1848

Разумеется [восстание], что с падением Дюшателя, так строго воспитавшего Париж в своей системе приличия и подавления народных фантазий, Париж вдруг изменился. Пассажи и галереи наполнились свободными женщинами и лоретками, которым прежде строго воспрещалось посещение публичных мест. Тротуары самой аристократической части бульваров [наводнились] захвачены шарлатанами, комедиантами, нищими, продавцами лохмотьев и даже [разносчиками] основателями азартных игр, рулетки, фараона, которые выманивают публично у детей, женщин, работников последнюю их копейку на приманку выиграть пряник, ножичек, карикатуру на Гизо или Лудвига-Филиппа! Нельзя почти нигде пройти, чтоб не натолкнуться на группу довольно плотную, загораживающую дорогу, в середине которой рыжий человек показывает танцующую обезьяну, или несчастный певец дерет во все горло республиканские песни, или, наконец, мальчишка, разостлав коврик, кувыркается страшным образом перед скупой и мало великодушной публикой. Так как все это делается непременно под тенью трехцветного знамени, то вы издали можете видеть эту вывеску нового рода. [Я видел одного молодца] С паденьем серьезных индустрий развились в одну минуту ничтожные и нищенские, наподобие итальянских. На каждом повороте и при входе в каждую галерею неимоверное количество мальчишек, женщин, детей, работников оглушают вас предложением журналов, пасквилей, листков со стихами и разных ничтожностей, начиная с кокарды до коллекции гвоздиков, пуговиц и проч. Vouez «La Presse»! Vouez «Le Nationale!» * проч. Иногда бывает трудно пробиться сквозь эту толпу. Но, вместе с тем, чем сильнее завладевают богатыми кварталами самые низшие слои демократии, тем реже делается на них циркуляция. Богатые отпускают своих кучеров, лошадей и спешиваются, словом, как все [1]. Вы можете видеть [иногда] часто эти иронические и несколько презрительные лица, вокруг которых волнуется [этот] шумный поток [нескольких] индустрий нижнего слоя, неожиданно выкинутый на них революцией. О нищих и говорить нечего. Вообще можно подумать, что революция была сделана с намерением показать Парижу, сколько в нем есть людей с переломанными руками и ногами, женщин, похожих на [обезьяну] издыхающую обезьяну, нищеты, отчаяния и позорной промышленности, унижающей человека.

Дюшатель, вероятно, умирает от негодования в Лондоне при известии об основании более 80 клубов в Париже [2]. Мы уже дали некоторое понятие о них. До сих пор они представляют зрелище самой разнузданной фантазии, чудовищных соображений, народной мысли, выпущенной на волю и гуляющей по горам и лесам. Частые драки не исключены нимало из заседаний, как еще это доказал недавно знаменитый клуб Бланки. Чтобы иметь [некоторое] понятие о материалах их совещаний, самом

---

* А вот «Пресс»! А вот «Националь» (*франц.*).

образе их [упомяну прежде], стоит только привести несколько фактов. В одном клубе (institution oratoire [3]) толковали о составлении двух Палат правительственных: одной la chambre des talentes *, в которой будет заседать знание и соответствовать старой Палате депутатов, в другой la chambre de la vertu **, куда вместятся все, получившие Монтионовскую премию [4] добродетели и заместит Палату пэров. По случаю коммерческого и финансового кризиса, в разных клубах появились прожекты, достойные быть сохранены историей. Говорить нечего, что вследствие социальных теорий, крайне льстящих народу и в эту минуту торжествующих, отовсюду слышны голоса: выкупить железные дороги — отдать Правительству, выкупить акции банка и отдать его Правительству, выкупить у хозяев фабрики, мастерские, закрывающиеся от недостатка [капиталов] убегающих капиталов и отдать их Правительству, обложить пошлиной дома, патенты, жильцов первых этажей, чиновников и проч., но шеф-девром в этом экспедитивном роде представил опять клуб Бланки. Там была предложена мера, чтоб заставить обнаружить скрывающуюся монету — приказать, чтоб каждый 5 франковый имел еще особенный штемпель (*неразборчиво*), что и заставит владетелей принести их на монетный двор как можно скорее для штемпеля. Правительство узнает таким образом скрывателей монеты. Об освидетельствовании вояжоров и говорить нечего. Мысль эта даже диктаторским декретом Эммануила Араго приведена в исполнение в Лионе и подняла здесь и там снова жаркую полемику. По декрету Араго все свидетельствуются на таможне, и каждый имеет право вывезти только 500 фр. Жирарден в своей «Прессе» даже возвысился до геройства — объявил эту меру тиранией, достойной восстания и сопротивления до смерти [1*].

---

* Палата талантов (*франц.*).

** Палата добродетели (*франц.*).

[1*] Количество клубов так велико и все они так любопытны, как свидетельство народной [мысли], еще не созревшей мысли, что я решился оставить особенное место для записки их совещаний, афишных объявлений, памфлетов, карикатур, прокламаций, депутаций, имеющих равное им значение.

Самая забавная депутация была приставов — для арестовывания должников, которые, после декрета об уничтожении тюрьмы за долги, ходили к Правительству просить вознаграждения [это все равно, что]: эти грубые люди, можно сказать, запугивали свою жертву до привода на место заключения. Нельзя исчислить всех депутаций с более или менее нелепыми требованиями: мелочные торговцы, просившие еще отсрочки платежа по обязательствам, уже раз им данной, говорят, произвели в Ратуше маленькое возмущение, но им отказали. Одному только работнику — никогда не отказывается ни в чем, и я буду иметь случай уже скоро говорить, как эта демократия начинает смахивать на тираническую американскую демократию. Не дай этого бог. Но далее. Также невозможно перечислить чудовищностей клубных, которые, как кажется, заразительны и действуют даже на весьма умных людей. Так. Туссенель, отделившийся от фаланстерианцев [5], как известно, вследствие своего презрения к капиталу, ими сильно уважаемому, сказал в одном клубе: «На свете только одна была тирания — капитал и одно рабство — работа. Иисус распят был капиталом». Впрочем, к концу этого месяца, после кровавых сцен у Бланки, клубы уже начинают, видимо, успокаиваться, по крайней мере формально. Они уже пускают только по билетам, длинные речи заменили жаркие диалоги, но пережевка журнализма и какая-то бойкая невежественность еще до сих пор им свойственны — и долго будут еще. Что-то выкажет

Но, кроме клубов, беспрестанно созываются частные совещания разных сословий: [так созваны, например] по призыву собираются лакеи (*неразборчиво*) потолковать о своих отношениях к господам, комми мага-

---

Центральный клуб Барбеса. В начале месяца довольно любопытное происшествие заняло все умы. После взятия Тюльери, народа в нем осталось, говорят, несколько тысяч с намерением оберегать его. Они расположились в комнатах, завели там пир из королевских погребов, приняли больных девок, выпущенных народом из St. Lasare[6] и все вместе делили добычу поровну, делая по ночам, однакож, патруль в саду и в городе, вероятно, для собственного освежения. Когда же не стало королевской провизии, они опустошали окрестные лавки хлебников и винных торговцев, предоставляя им чинить взыскания с Пра‹вительст›ва. Двенадцать дней таким образом жила эта толпа в Тюльери, опочивая в его постелях, лежа на его диванах и беспрестанно выгоняя старый хмель новым и все под предлогом охранения дворца от попыток тирана Лудвига-Филиппа. Каждый день она, однакож, уменьшалась работниками, возвращавшимися к себе в дома или наскучившими своим добровольным заключением. 7 марта их осталось только 200 человек, но Пр‹авнтельст›во решилось во что бы то ни стало очистить дворец. Эти упорные 200 человек, полюбившие свою мясную монастырскую жизнь, как любой францисканец[7], хотели сопротивляться. К ним послали отряд национальной гвардии, принудивший их покинуть теплое место. В крайности они сдались, но с условием: во-первых, чтобы не обыскивали их карманы (многие предупредили эту меру бегством), а во-вторых, чтоб свели их в Ратушу и объявили им благодарность за хорошее сохранение дворца и услугу, оказанную им этим государству. Так и было сделано: молодцы получили похвалу официальную и даже во многих журналах («L'Ami du peuple») об них говорилось, как о героях, которые оклеветаны в городе злостными людьми и сделались жертвами своей преданности к Республике. Чего, подумаешь, не бывает на свете и как иногда составляется история. Немалую тревогу подняла история с «Прессой». Ее желчные нападки на людей Пра‹вительст›ва, особенно сравнения Ламартина с Гизо и Роллена с Дюшателем, возбудили толпу, которая направилась на улицу Monmartre разбивать станки журнала и на пути покрикивала: «à mort Girardin» *). Прибежавшая национальная мобильная гвардия, сам Куртэ, наконец, сам Роллен, прибывший на место, прокламации всех республиканских журналов, осуждавших попытку, оттеснили толпу и спасли свободу книгопечатания. Жирарден, бывший в типографии, выдержал бурю довольно хорошо. Он велел открыть ворота, просил депутацию от работников для объяснения всего дела, спорил с ними часа два и с задором интригана, составляющим его отличительное качество, возражал на их обвинения, но тон журнала несколько смягчился, хотя по-прежнему старание более запутать дело, чем объяснить их, сохранилось. Третья история, занявшая все умы, это публикация в «Revue rétrospective» г. Ташеро (смотри ниже) документа, обличающего в Бланки доносчика и мерзавца. Вчера, 3 апреля, в клубе его подписывалось друзьями его письмо, протестация против обвинений, как там названо, клеветнических, Пра‹вительст›ва, желающего погубить известного патриота, но Бланки уже потерялся в общественном мнении, ибо документ несомненен. Тут же кстати в клубе говорилось о радикальном уничтожении собственности, как первой причины всего зла на свете.

Другой клуб (de la jeune Montagne[8] прежний de la Sorbonne) просил Пра‹вительст›во об уничтожении всех статуй королей французских, еще находящихся на площадях Парижа, и заменении их статуями мучеников 9 термидора. Рано ли, поздно ли, желание это будет исполнено. Я никак не могу отнести к числу странностей и эксцентричностей эпохи, которым посвящен этот пост-скриптум, декрет Правительства, основывающий женские собрания из работниц, под председательством мэра и под покровительством гражданки Ламартин и гражданки Милле, в котором они должны совещаться о своем положении, выбирать работы, им свойственные, перечислить не имеющих работы, и все это представить Правительству. На первый раз назначено 50 сантимов праздным работницам в день. Как говорят, 20 т. праздных работниц получают

*) «Смерть Жирардену» (*франц.*).

зинов, garcon * кофейных, переносчики, водоносцы, hommes de peine ** и проч. Совещания их нисколько не хуже и нисколько не лучше клубных совещаний и до сих пор повели к одинаковому результату, а именно: к совершенному status quo. Комми, между прочим, предлагали требовать у Правительства права оставлять свои магазины в 7 часов, чтобы иметь время с другими своими согражданами предаваться удовольствию публичных балов, спектаклей и забиванию бильярда, без чего равенства не может быть. Кофейные слуги предлагали не платить хозяевам за разбитые рюмки, резчики предлагали даже восстановление гербов, необходимо нужных для процветания их ремесла. Кучера сделали даже маленькое возмущение[10], требуя прибавки 1 фр. жалования, и один день в Париже не было ни одного дилижанса, ни одного омнибуса, ни одной публичной кареты. Они получили от хозяев требуемое. На этом пути не отставали и действовали цехи, ремесленные корпорации: две недели ходили они толпами в Ратушу объявлять Правительству свои требования, нужды, которое лично и красноречиво благодарило их за содействие в основании Республики и льстиво обещало златые горы в будущем, основываясь особенно на комиссии для работников Луи Блана. На этом шуме не отстал и прекрасный пол. После предварительного совещания, прачки ходили процессией в Ратушу, во-первых, объявить свое согласие на учреждение Республики и, во-вторых, требовать прибавки 50 сантимов жалования в день, за ними следовали пудосардки *** и рыночные дамы, савояры, наконец, трубочисты, бродячие торговцы и проч. Всех больше отличились мостовщики. Зная, как попорчена парижская мостовая баррикадами и как желает Правительство восстановить поскорее сообщение, они требовали 8 франков в день вместо 4-х прежних. Это увеличение платы показалось даже Луи Блану несколько излишним и мало патриотическим: им отказали! Так всегда рядом идут рука об руку великое и комическое, огромные народные стремления и узкие эгоистические соображения!

После бесчисленных процессий ремесел явились процессии от городов, от советов, от учебных заведений, наконец, от народов: немцев, англичан,

---

каждый день 1 фр. 50 сантимов. Желающие работать получают в публичных работах, нарочно устроенных (сравнение почвы в Champs de Mars, на железных дорогах) — 2 фр., но предпочтение работников остается за платой без труда. Это старый республиканский рацион: государство кормит народ. Также нельзя отнести к странностям новую кафедру, открытую официально в Сорбонне: Cours d'Histoire morale des femmes *), профессором который назначен г. Легуве, разделяющий вместе с Мишле и Кине, снова открывшими свои лекции, толпы жаждущих поучения и любопытствующих. Об этом курсе придется сказать много слов впоследствии. Вот письма старых литераторов, запятнанных на службе Луи-Филиппа, к избирателям и их исповедь своей жизни, полны уж точно чудовищностей: таковы письма Дюма, В. Гюго, Сю и др.[9], о них мы будем говорить в следующем месяце при выборах, которые, вероятно, и будут его единственным и настоящим содержанием. И все это волнуется, колеблется, черное и фосфорическое, как море в бурю!

*) Курс моральной истории женщин (*франц.*).

* Гарсоны (*франц.*).
** Чернорабочие (*франц.*).
*** Пудосардки (от *франц.* sans pudeur) — бесстыжие.

ирландцев, поляков, ходивших поздравлять в лице Временного правительства всю Францию и выражать свои собственные надежды и требовать ее нравственного пособия. Каждый шаг, каждая процессия, каждый народ являлись со своими знаменами. Весь город [во всех направлениях] буквально перекрещивался депутациями в разных направлениях, знамена колеблются ветром, революционная песня раздается громко, пугая бедных торговцев, и прохожие сторонятся. Никто не работает, разумеется, увеличивая тем правительственный кризис. Наконец, составлялись просто прогулки, без цели, толпами, под знаменами днем и факелами ночью: последние с «Марсельезою» особенно распространяли ужас, обходя все кварталы города. В Ратуше бессменно сидит или какой-нибудь член Правительства для приема депутации, или мэр со своими помощниками: Мараст (Бюшед) [11], Адам. Они беспрестанно встречают толпы, говорят речи, отпускают их: в городе их просто называют machines á reponse *. Работа Правительства, и без того не малая, делается почти [непостижимо] нечеловечески тяжела, но держатся. К Ледрю-Роллену на двор недавно нахлынула сотня работников: они посадили дерево свободы на Марсовом поле, работая для этого без отдыха два дня, и требовали, чтоб министр лично прибыл pour arosser l'arbre de liberté **. Роллен просил часок времени, клялся, что зайдет, что будет, но позднее. «Пускай работает, — отвечали работники, — мы подождем здесь на дворе, а будет иначе, завтра придет нас несколько тысяч». Поехал открывать дерево свободы Роллен и речь сказал. Это просто праздник демократии!

Кстати о деревьях свободы [12]. В последние дни месяца напала на мальчишек мания сажать эти деревья: их уже теперь несколько десятков на разных площадях. Обыкновенно берут попа, привозят гибкий тонкий тополь, заставляют первого благословлять его и вечером приказывают освещать все окружные дома, пускают петарды, стреляют из ружей. Так как новые gardiens de Paris, заменившие старых сержантов города, еще не смеют показываться, войска народ никак не хочет пускать, а национальная гвардия боится разгонять группы, то часто пять или десять мальчишек поднимает на ноги любой выбранный ими квартал. В Пале-Рояле они стреляли из ружей вокруг посаженного ими дерева на дворе, приказали освятить его, пускали ракету и петарду, плясали и орали целый вечер. Торговцы начинают попривыкать ко всем этим капризам республиканской жизни. Правительство, чрезвычайно сильное в отношении политических партий, совершенно [бессильно] обезоружено перед каждой уличной группой, что и заставило «National» сказать с великим основанием в ответ на яростные укоризны «La Presse»: «le pouvoir est faible, dites-vous. Mais en ceci encore il y a singulièrement à distinguer. Oui, le pouvoir est faible pour certaines choses; tellement faible qu'il ne peut même pas réprimer ces désordres vexatoires et arbitraires, qui depuis quelques jours forcent à illuminer tantôt un quartier de Paris, tantôt un autre... Mais, en revanche, il est tellement fort que le parti conservateur tout entier, qui il y a un mois, tenait le pouvoir et que est

* Машина для ответов (*франц.*).
** Оросить дерево свободы (*франц.*).

encore le plus grand détenteur de la richesse, est absolument impuissant contre lui...» *

Впрочем, надо сказать, чем сильнее напирает гуляющая и забавляющаяся демократия, тем уединеннее и пустыннее становятся улицы: циркуляция частных карет и экипажей заметно останавливается, и на улице уже происходит то, что [составляет] скоро свершится в обществе: один класс общества сходит со сцены истории.

Немало способствует к придаче совершенно нового вида Парижу бесчисленное количество плакард, прокламаций, пасквилей на стенах и углах улиц, с которых сняты все полицейские ограничения. Правительственные декреты и предписания печатаются на белой бумаге, затем разноцветная ткань листов с дельными и недельными, нелепыми и чудовищными мыслями растягивается решительно по всему городу, изворачивая и запутывая все народные понятия. Плакарды эти уже имели несколько видоизменений. Сперва это были извещения о составлении новых клубов, патриотические воззвания, приглашения к порядку или приглашения к осторожности и сохранению военного порядка. Теперь с наступлением коммерческого и торгового кризиса — плакарды каждый день выкидывают проекты обогащения Франции, один другого страннее и безобразнее. Литература эта чрезвычайно замечательна столько же по содержанию, сколько и по форме: последняя беспрестанно отзывается воспоминаниями 93 года своим диктаторским тоном, беззаботной походкой, а иногда легким оттенком цинизма. Так, например, был плакард о составлении Везувийского легиона légion vésuvienne ** из свободных женщин от 15 до 30 лет, который не только составился, но даже ходил в Ратушу [и этот будущий]. Плакард этот походил на декрет проконсула и как таковой даже не объяснял цели составления легиона: il se formera *** — вот и все. Другой с надписью un milliard des émigrés **** приказывал Правительству взыскать с всех фамилий миллиард, данный эмигрантам в царствование Лудвига XVIII [13] и даже приложил декрет, который должно оно выдать по этому случаю. Из финансовых плакардов до сих пор [знаменательны] замечательны следующие: la France riche dans 8 jours *****, который требует, чтобы все владельцы серебро сносили на монетный двор, обменивая на bon de trésor, другой, чтобы хозяева домов, берущие с жильцов плату вперед за неделю, отдавали ее в кассу на полгода, а не держали у себя, без всякого права пользуясь процентами. Как его изменение, был плакард, советовавший просто всю поступающую плату отдавать Правительству. Третий — о прогрессивных пошлинах с доходов, четвертый, подписанный: Bobeuf [14] об отобрании

* «Власть большинства, — говорите вы. — Но в этом нужно еще разобраться как следует. Да, власть слаба в некоторых вещах, она так слаба, что не может остановить сумасбродную выходку первого встречного, которому вздумается осветить тот или другой квартал Парижа. Но зато она так сильна, что вся партия консерваторов, которая всего месяц назад была у власти и которая до сих пор является основным обладателем богатства, совершенно бессильна перед ней...» (*франц.*).

** Легион везувианок (*франц.*).

*** Имеет быть составлен (*франц.*).

**** Эмигрантский миллиард (*франц.*).

***** Франция, обогащенная за восемь дней (*франц.*).

части самих доходов, и множество других, лаконически повелительных и имеющих одну общую черту при разнородных содержаниях: ненависть к богатым и владельцам. Не должно думать, чтоб эти произведения появлялись и пропадали с каждым днем без следа, как мошки [в известное время года]. Нет. Повеличавшись на закоулках или на стенах, они переходят потом в клубы в форме предложений, обсуждаются серьезно обществом и потом в виде прошения с необходимой процессией передаются Правительству, где покамест и умирают. Плакард — это только первая инстанция взволнованной мысли 2*.

2* Чтоб сохранить память их приема и тона, им свойственного, списываю [целиком один о составлении якобинского клуба, подписанный каким-то] конец одного плакарда, извещающего о новом коммунистическом журнале гг. Комбе (Combet) и Карла Дезольма [15]

(Désolme). La Véritable République:

«Que personne ne puisse jouir d'un superflu tant que quelqu'un mangue du nécessaire:
Sans cela point de Fraternité.
Que personne ne jouisse du droit au nécessaire sans l'avoir mérité:
Sans cela pas d'Egalité.
Que personne ne puisse être dépossédé de ses droits imprescriptibles d'homme:
Sans cela pas de Liberté.
La véritable République le démontrera.

Victor Combet, Charles Désolme *)

Несмотря на этот решительный тон, первый №, только показавшийся, состоял из бедного полулистка и держался в той общей неопределенной форме, которая понятна грубому уму, но не представляет выхода в действительность. Совсем другое выражал плакард, возвещающий о составлении нового клуба: Club de la Montagne [16]. Основатели его: известный расстриженный аббат Констан, гг. Легалуа и Эскирос представляют партию кровавых коммунистов, начинающих с нивелировки всего существующего и странно связывающих свое существование с Иисусом и [религией] христианством. Плакард возвещал, что клуб намерен продолжать работу старых монтаньяров, которые сами только продолжали дело великого сан-кюлота Иисуса, замученного на тридцать первом году своего возраста. Мы будем, говорит он, возвещать истину, как возвещал Иисус на горе, посреди грома и молнии. Клуб этот, крайне ничтожный, имеет однакож тоже бедный листок под названием: «la tribune du peuple». Он редактируется преимущественно г. Констаном, уже прежде отличившемся в своей Библии «de la liberté» **) советами убить отца, жену, если они стоят на пути прогресса (за что и в тюрьме посидел). Тон журнала на первый раз мягче, чем следовало бы ожидать, как можно видеть из следующей выписки: Nous croyons qu'un seul homme qui meurt de faim accuse d'assassinat la société tout entière... Or s'il fallait pour qu'un pareil crime ne se renouvelât jamais, que la société tout entière fût punie. ...je demanderais seulement d'être frappé le premier, mais j'acquiescerais en frémissant à cet immense et épouvantable justice! ***)

*) «Настоящая республика
Пусть ни у кого не будет излишка, пока есть кто-то, кому не хватает необходимого.
Без этого нет братства.
Пусть никто не будет иметь права на необходимое, если не заслужил его.
Без этого нет равенства.
Пусть никого нельзя будет лишить неоспоримых прав человека.
Без этого нет свободы.
Настоящая республика это докажет.

Виктор Комбе и Карл Дезольм» (*франц.*).

**) «Свобода» (*франц.*).

***) Мы думаем, что один человек, умирающий с голода, обвиняет тем самым все общество. Вот почему, если для устранения подобного несчастия нужно было бы уничтожить все общество целиком, мы бы попросили только первого удара для себя,

Разрывчатость, многочисленность и взаимный антагонизм клубов еще спасает Париж от составления огромной правительственной силы, помимо официального Правительства, и свидетельствует как в пользу: [всякий] никто не хочет тирании одного общества [как прежде], так и в осуждение [той] нашей эпохи. Есть, однакож, попытки составить Центральный клуб[18] из поверенных всех других клубов и сосредоточить таким образом их разбросанные влияния в одном пункте. Этот новый клуб называется «Club de la révolution» и [состоит] основан, может быть, действователями, предназначенными играть впоследствии важную роль: Барбесом (президент клуба), Собрие, Каэнь[19] (Cahaigne), Коссидьером (нынешний префект полиции) [имена известные]. Все они [без исключения] почти суть старые политические преступники и известны как слитностью своих убеждений, так и твердостью характера. Коссидьер, например, [24 февраля] в последний день февральской революции с толпой приверженных работников направился в префектуру полиции, объявил себя префектом и, когда Временное правительство хотело назначить другого префекта, наотрез сказал, что он не выдаст своего места... Янычары, окружающие его, прогнали посланца. Правительство оставило его в покое, потом утвердило за ним должность, и теперь он, посредством своей преторианской стражи, имеющий сношение с работниками, представляет силу, весьма значительную и которая держит в страхе самих министров. Для своих (их, говорят, около 3 тысяч) работников-телохранителей он отвел казарму в самой префектуре подле себя, и в ней красуется надпись: «Caserne des montagnarde». В последнее время он, выдававший себя почти чуть-чуть не за Бабефа,

---

и с содроганием, но согласились бы на эту страшную и поголовную расправу! (*франц.*).

К числу сентиментальных нелепостей должно отнести еще листок, издаваемый г-жею Нибойе (Niboyet) с семейством: «la voix des femmes». Она сделалась заступницей оскорбленных прав женщин, о которых декрет о выборах не сделал никакого упоминания, в фантастически-сладком тоне [умоляет] призывает женщину обрабатывать на первых порах мужей, отцов и братьев, а там, что бог даст: «Eclairez-vous assez poru fixer leur choix et l'inspiration vous guidera bien! Point de tièdes accents, de complaisantes paroles, le moment est solennel: les indépendants du ciel regardent les indépendants de la terre; ils nous voient à travers les étoiles qui ne s'éteignent ni ne pâlissent jamais» *) и т. д.

Раскаиваюсь, что не списал плакарда о составлении клуба des Jacobins[17], подписанного, кажется, г. Бюшело: это был самый оригинальный, всего лучше доказывающий и невольное воспоминание о прошедшей революции, и уступку духу времени, сшибающихся здесь на каждом шагу. Объявив, что не позволит новой Жиронде (намек на Ламартина) украсть революцию 24 февраля и что без его, Бюшело, ведома не упадет волос с головы ни одного работника, он обещает выкинуть и нынешнее Правительство и будущую Assemblée Nationale за окно, как только станет это нужным. [Богатых]. Собственников, аристократов и умеренных он дает слово преследовать всюду: «je les parquerai dans l'Assemblée, sur la place publique, dans la rue... mais, — прибавляет он великодушно, — je ne demanderai pas leurs têtes» **).

*) «Присмотритесь хорошенько, чтобы сделать их выбор, и вдохновение поведет вас по правильному пути. Никаких задушевных интонаций, любезных слов — момент сейчас ответственный: независимые неба смотрят на независимых земли, они видят нас сквозь звезды, которые никогда не гаснут и не меркнут» (*франц.*).

**) «Я буду травить Ассамблею всенародно на площади, на улице, но я не стану требовать их голов» (*франц.*).

[сперва] склоняется на сторону Мараста, как слухи носятся, но иерархию и военный порядок установить вряд ли им удастся. Историю Барбеса все знают. Клуб, основанный им, имеет орган под названием «Commune de Paris» [20], издающийся Каэном и начинающий ярко отличаться республиканской оппозицией, но чисто политической, хотя поневоле о социализме всегда говорится с уважением. Душа журнала Собрие. Впрочем, попытка еще сомнительна. Тут уже составился другой подобный клуб Société centrale démocratique [21], где встречается множество самых известных имен и между прочим Этьена Араго, имеющего много общего с Коссидьером как в сметливости, так и в [хитрости] смелости. 24 февраля, когда народ пошел из Пале-Рояля на Тюльери, Э‹тьен› Араго, видя, что королевства уже не существует, вызвал 4 или 5 волонтеров и с ними отправился на почту. Там был порядочный отряд солдат, положивший оружье после твердого приказания Араго, после чего он вышел к директору почты г. Дежану [22] и объявил ему, что он перестает быть директором. Дежан еще [сомневался] колебался, тогда Араго оторвал клочок бумаги, написал от собственного имени деституцию Дежану и подал ему, провозгласив себя директором, чем и продолжал быть после к великому удовольствию, говорят, подчиненных. Есть еще и третий соперник этим двум претендентам в колоновожатые общественного мнения: Comité central des élections [23], захвативший уже парижские выборы в национальную гвардию и в Национальное собрание, разославший списки своих кандидатов по многим провинциям и имеющий значительную партию в самом городе. Он состоит под покровительством журнала «National», который с недавнего времени принял такой же характер формальности правительственной, какую имел прежде журнал «J. des debats», только с той разницей, что его часто превосходные статьи имеют сильный колорит и энергический оттенок иронии и едкой насмешки, составляющий пафос Бергеневского [24] журнала [3*].

[3*] [Кстати о журналах]. Еще несколько слов о журналах. «J. des débats» с самой революции, как и вся его партия ученых и литераторов, ведет себя благородно и разумно, по признанию самих врагов. Он умеренно осуждает некоторые мнения Пра‹вительс›тва, отдавая справедливость как затруднительности его положения, так и необходимости ошибаться. Сохраняя глубокую горесть о потерянных друзьях и привязанностях, он дает свое согласие на Республику, если Республика может дать, наконец, Франции порядок и свободы, которых она напрасно искала доселе в монархиях. Он советует приверженцам своим блюсти за ходом Республики, но устроить ее советует вполне представить республиканцам, как людям, которые эту вещь si la chose est faisable *) лучше знают. Не таков тон «Presse»; с первых дней она торжественно объявила себя республиканской и начала выкладывать финансовые и социальные проекты один за другим и один другого радикальнее. Правительство, разумеется, должно было идти тише на деле, чем перо г. Жирардена на бумаге. Теперь ведет «Presse» самую [важную] ожесточенную войну с Правительством за его бездейственность, недостаток энергии и холодный республиканизм. Так и видно, что г. Жирарден имеет целью запутать дело как можно более, но журнал его сильно читается. Династики, присоединившиеся к Республике, составили клуб: «club de la liberté des élections» [25], как уже я сказал, орган их: «Assamblée Nationale» составился, видимо, под страхом приближающегося, по их мнению, террора, народных расправ и частных диктатур,

*) Если это возможно (*франц.*).

Должно ко всему этому прибавить, что улица беспрестанно вспыхивает известиями из-за границы, известиями одно другого необычнее, неожиданнее, известиями, обманывающими все убеждения, все предположения, все принятые меры. То приходят известия, например, о страшном дне 18 марта в Берлине [31], после которого осталась едва только тень королевской власти в Пруссии, то [передается] прибывает новость об инсурекции в Вене 17 марта [32], после которой Австрия перескакивает [к среде самых либеральных] вдруг в число радикальных государств и начинает, видимо, разлагаться на свои составные части, то возвещают, что Милан после 5-ти дней, 18—23 марта, кровавой драмы [объявляет] выгоняет австрийское войско и объявляет независимость Ломбардии [33]. Уже не говорю о маленьких княжествах Германии, перерождающихся в один час, в одну минуту, и об одном крике, пронесшемся по ней, словно волшебство, — Немецкий парламент [34]! Это время чудес, это время сна, фантома! [35] Надо разучиться географии, истории, даже способу мыслить, бывшему доселе, и особенно логической последовательности выводов. Если бы

он выказывает крайнюю недоверчивость, подбирает все уличительные современные несообразности и пропитан страхом. Он ненавидит Л‹едрю›-Роллена и только в Ламартине считает спасение Франции. Нападки желчные и яростные на Правительство принял на себя [известный] Капо де Фелиде, известный журнальный герой 30 годов, основавший газету «Le garde National», он совершенно затмевается «Прессой». Между тем образовалась национальная гвардия, основавшая тоже свой клуб, издает газету «l'Ordre», в которой усиленно хочет побрататься со своими новыми товарищами — работниками и гаменами, уверяя их в своей любви к девизу: «liberté, fraternité, egalité» *) и привести их таким образом к спокойствию на улице, к правильной форме Правительства. «Réforme» по-прежнему бесцветна, слаба, ничтожна, хотя Флокон, Роллен, ее главы, играют заметную роль в Правительстве, но это происходит именно от их похвальных намерений и безличной любви к народу, в основании которой не лежат никакие цели и никакого ясного учения или политического стремления. Ламенэ с Дюпра и другими сотрудниками старой «Revue indépendante» основали журнал «Le peuple constituant», где первый дает советы и увещевания, очень похожие на проповеди, но в нынешнюю эпоху теорий совершенно бесполезные. Он почти не имеет читателей. Радикальные экономисты Смитовой школы основали газету «La République française» [26] с целью сопротивления организации работ на политическом поприще, но это идет у них робко и, видимо, волна времени захлестывает их. Все другие старые журналы довольно бесцветны и походка их крайне шатка; толпы «Конституциенелей», «Siècle» и проч. «Démocratie pacifique» находятся в каком-то восторженном состоянии и плавает в проектах общественной организации, открывая почти при каждом частном вопросе индустриальную готовую теорию, низводящую небо на землю. Впрочем, в ней уже было много весьма замечательных статей. Из старых журналов по-прежнему издается остроумный «Шаривари», начинающий подтрунивать уже довольно остроумно над членами Правительства (статья о Луи Блане, например). «Liberté» [27], основанная редактором скандального «Corsaire» [28] St. Alma [29] только и занимается тем, что вместе с «Курьером» [30] с любовью подбирает чудовищности, нелепости, глупости черни (чернь есть и между работниками). «Ami du peuple» Распайля и новый «Père Duchesne» оказались весьма беззлобливы и входят в ряд обыкновенных оппозиционных журналов. Последний даже, если судить по одному номеру, кажется правительственным журналом. Вот полный отчет о современной журналистике. Коммунистический «Le populaire» Кабета, «L'Atelier» Бюше (он секретарь в парижской мэрии теперь) и «Fraternité» (Карбон тоже в мэрии) сохраняют свой прежний колорит, подчиняясь впрочем Люксембургской комиссии для работников на первых порах.

*) Свобода, равенство, братство (*франц.*).

[остановили вас] послышался на улице крик: Турция призывает пашу в князья, все бы, право, сказали: дело возможное. Откуда это? Такие чудеса творятся в истории народов, когда [последние долго] приходит момент, подготовляемый долгим высиживанием задушевных идей.

Но здесь все это подняло на ноги различные племена, обитающие в Париже, и умножило волнение популяции его. Право, иногда думается, что пришла снова великая эмиграция народов или Крестовые походы. Все явления старой истории переживаем мы воочию каждый день.

Поляки, бельгийцы [итальянцы], немцы, итальянцы поднимаются на ноги и вооруженные, без копейки денег, в энтузиазме неописуемом идут каждые в свое отечество, кто восстанавливать его, кто опрокидывать. За ними тянется толпа французов по принципу братства народов помогать везде учреждению Республики. Эта толпа именно и есть самая опасная вещь во всех этих экспедициях как оскорбляющая чувство национальности у народов, на освобождение которых подвигнулась, и отказать нельзя ни устроителям походов, ни Правительству. Последнее играет тяжелую, двойную [роль], опасную роль. Оно отказывает всем в оружье, особенно бельгийцам, полякам и немцам, объявляя гласно только свою симпатию к их проектам, но втайне помогает. Клубы собирают для них деньги, новая национальная гвардия отдает им свои ружья, министр внутренних дел дает листы для дарового ночлега во Франции по франку в день на каждого человека: Правительству тоже нужно очистить Париж при нынешней стоячести дел и безденежья от иностранной популяции работников. С французами, которых оно тоже остановить не может, поступает оно иначе: оно дает приказание остановить их на границе, как это было на границе Бельгии. У поляков, которые выступают завтра, в четверг, 30 марта, есть уже парижских волонтеров до 300 человек, которым, вероятно, предстоит эта участь. Да неизвестно еще, что будет и с главными корпусами. В Бельгии первый легион наблюдателей, приехавший по железной дороге, арестован весь в Кьеверне, что относят одни к измене Ротшильда и агентов его, а другие — к измене самого французского Правительства. Второго остановили в Лиле и имели кровавую стычку с бельгийскими войсками. Слухи о нашествии Гервега[36], выкидывающего с помощью клубов, кажется, 1200 вооруженных немецких республиканцев на Германию, произвели, кажется, в ней не совсем благоприятное впечатление. Баден, Вюртемберг готовы, говорят, к отпору, публицисты осуждают эту мысль о Республике, привезенной извне[37] (тут действует Венедей, а особенно Маркс с неизменным своим спутником Энгельсом, который Маркса ждет в Кёльне подымать там коммунистов[38] и связать это движение с движением хартистов в Англии, имеющим быть в начале апреля. Он лютый враг всякого превосходства и на эту минуту, разумеется, Гервега[39]). Может быть, на границе будет сшибка, потому что Германия, кажется, хочет федеративного устройства под Немецким парламентом, а не республики. Поляки идут не только на помощь Позену, образующемуся тоже не в республику, а в отдельное герцогство под прусской короной, но даже с тем, чтобы отбросить Россию в Азию. Об этом даже говорят как об деле решенном. Но каков бы ни был выход этих движе-

ний, только город наполнился шумом оружья, тайными совещаниями начальников, военным энтузиазмом иностранцев, которому вторит новая национальная гвардия [и бредит как накануне чего-то, какого-то неизвестного события]. Даже в каждом частном доме только и говорят, что об инсурекциях, оружьи, предстоящих битвах и [будущих] шансах падения, успеха, крови и огне. Маленькая квартирка Гервега представляет в этом отношении необычайное зрелище, почти в сокращении передающее картину всего происходящего здесь в эмиграции [в городе]. Там работники приходят за ружьями, в спальне образовалось депо сабель, на чайном столике жены лежат пистолеты, патроны, сама она шьет знамена Немецкого государства (черный, красный и золотой цвет), перевязи начальникам. [Поминутно приходят] Являются один за другим устроители, солдаты, французы и к довершению всего жена его сделала себе полный мужской костюм, между тем как он, поэт, [говорит о стратегии] похудевший и больной от хлопот и сомнений, требует ружье нового изобретения в 16 зарядов, стреляющих один за другим.

Литература не успела еще принять особого характера, свойственного обстоятельствам, да неизвестно, каково оно будет. Политические и социальные брошюры, разумеется, являются в огромном количестве [пускаются], но безжизненны и большею частью поражены смертью при самом появлении. Пасквилей и карикатур на Лудвига-Филиппа и старое Правительство безумно много, но все это мало остроумно и крайне отвратительно. Какой-то г. Надар [40] отличился пасквилем, о котором криеры * возглашают на улицах: «Vouez Messieurs le concubinage de Louis Philippe avez sa soeur» **. Из карикатур, изображающих экс-короля в самых позорных положениях [41], больным диспепсией, ребенком, грушею, я видел даже одну, в которой он привязан к столбу каторжников вместе с Гизо и Дюшателем, как это делается с преступниками, присужденными á l'éxposition ***. Во всем этом есть что-то подлое. Самый лучший пасквиль и лучшая карикатура на короля и его министров есть то, что они не оставили даже после себя никакой партии, а народ нисколько не заботится, где они все, что они делают, и сохраняет к нему полное равнодушное презрение!

Драматическая литература тоже еще не установилась, не приобрела самобытного оттенка. Парижские театры, как и улицы, делаются пусты, падают вместе с торговлею, кредитом и остановившейся работой и производительностью. Тем более гуляет масса, тем более сажает она повсюду деревья свободы, во всех закоулках стреляет из ружей, пускает петарды в ноги проходящим (на днях вышел увещевательный декрет Правительства, желающий остановить эти манифестации, но никто не слушается). Напрасно стараются поддержать себя театры уменьшением цен, перемещением театров на улицу [42]. Все новые пьесы суть только пьесы á propos **** никакого значения не имеют. Таковы: «les filles de la liberté» в Gymnase,

* Криеры (от *франц.* crieur) — разносчики.
** «Посмотрите, господа, на сожительство Луи Филиппа с сестрой» (*франц.*).
*** На выставление (*франц.*).
**** По поводу (*франц.*).

«les barricades de 1848»[43] и проч. Стараются заместить недостатки революционной литературы, еще не успевшей оформиться, возобновлением чудовищных пьес 1830 г., которые теперь уже совсем не страшны, а только смешны и нелепы. Таковы: «les filles cloitrées» в Одеоне, «Le poéte de famine»[44] в Амбигю или в Порте С. Мартина «la tour de Nesle»[45]. Смотря на эти пьесы, уже кажется, что в 30-х годах происходила детская игра навирать на себя и других. Одна пьеса в Пале-Рояле «Le camarade de lit»[46], запрещенная цензурой Дюшателя и теперь поставленная с прибавкой нужных революционных украшений, имела успех. Она представляет старого наполеоновского солдата, прибывшего в Швецию и отыскивающего там своего прежнего товарища по артели, короля Бернардота. Они вместе с ним попивают. Бернардот отказывается по увещанию солдата от престола и уходит спать, крича на удивление [зала] всех придворных, совершенно пьяный: «vive la république!» Довольно забавно. Но из всех возобновленных самая замечательная была на Porte St. Martin «L'Auberge des Ardets» и «Robert Macaire»[47], где в обеих — действующее лицо Робер Макер, этот замечательный тип, переданный Фредериком Леметром с таким необычайным увлечением, с таким пафосом[48], состоящим из иронии, цинизма, ловкости и бессовестности, что его фигуры, раз видевши, забыть уже нельзя.

Робер Макер — тип, до такой степени освободившийся от всех общественных предрассудков, от всех нравственных пут, от всех условий морали и верований, уступок, такое чистое Я, уединенное Я, что делается в разврате своем [почти] великим человеком. Немецкие фельетонисты с Мером во главе ничего подобного выдумать не могли. Рассказывать пьесы, разумеется, нет возможности: первая — [пуста] ничтожная мелодрама, вторая — пустой фарс, и все их содержание наполняется Робер Макером, а скорее Фредериком Леметром, ибо и роль Макера едва очерчена в них. Актер тут все создал, и это, может быть, самое огромное, само позорное создание, когда-либо бывшее на подмостках. На всей земле не осталось чувства, не осталось движения сердечного, благородного порыва, светлой мысли, которые не были бы оскорблены Робером. Он обкрадывает сына, бьет отца, клевещет на жену, предает друга, убивает благодетеля и в то же время говорит о добродетели, чистоте нравов, святости чувства. Ирония делается едка до невозможности. К этому еще прибавить, что он может быть в лохмотьях и беседовать как английский лорд, что он может быть в щегольском фраке [надувать акционеров и плакать], главой акционерного общества и [вытащить] отрезать цепочку у посетителя просто уж для забавы. Вся эта испорченность крайняя, далее которой, кажется, уж и идти нельзя, подернута лоском блестящего остроумия, неистощимой веселости. Конец последней пьесы Робера Макера довершает впечатление: преследуемый полицией, он берется на небо, как Илья или Фауст, на воздушном шаре. После двух вечеров, проведенных мною за этими пьесами, [право, мне сделалось], я смеялся невыразимо тяжелым смехом и вышел из театра почти убитый Фредериком Леметром, создавшим тип, который вынесет его имя, но за раз невыносим.

Современных намеков, разумеется, разбросано вволю. Так, например,

во 2-ом акте второй пьесы он вышел на большую дорогу грабить в [образе] совершенном подобии Лудвига-Филиппа. Это уж перешло границу. В партере раздался какой-то смешанный, болезненный вопль без рукоплесканий. В третьем акте, обращая речь к акционерам, Фредерик начал обыкновенными словами экс-короля: C'est toujours avec un nouveau plaisir * и проч. и в продолжение всей речи беспрестанно переходил в намеках то к старому, то к новому порядку вещей, покрывавшихся громким хохотом. Странно! безопасно позорить человека как-то уж и невесело.

Вместе с Фредерик Леметром разделяет восторг публики Рашель. Она поет Марсельскую песню на древний манер — более распевая, чем поя, и достигает эффекта величия и ужаса, свойственного этому удивительному гимну — несомненно. Она в безумной любви к отечеству прижимает к груди трехцветное знамя, бросается на колени и потом с припевом: «Aux armes citoyens» **, который варьируется [три раза], в троекратном повторении, посылает его напоследок как проклятие всему миру, после которого он, кажется, должен рассыпаться и погибнуть... И со всем тем песня была ужасна, когда я слышал ее на улице 24 февраля.

И покуда я писал, случилось опять необычайное происшествие: открыт почти заговор Бланки для низвержения Правительства, но Пра‹вительст›во его убило страшным образом, пропечатав в «Revue Rétrospective», под ответственностью Ташеро, будто отыскавшего документ — доказательство, что Бланки после заговора выдал старому Правительству всех заговорщиков 12 мая 1839 г. Говорят, что Бланки намерен спастись бегством от кинжалов, которые на него подняты. Работников, им поднятых, Правительство совершенно успокоило, послав к ним вчера в воскресенье на Марсово поле (2-го апреля) воспитанников военных училищ, ими весьма уважаемых, которые, вместо манифестации враждебной, очень мирно провели их в процессии, где я их видел. С этим заговором, говорят, и связана вся эта стукотня, трескотня, сажание дерев, наполнившая целый город в продолжение круглого месяца шумом и гамом.

Из провинции известия не так благоприятны. В Руане, например, после довольно бесчеловечного изгнания английских работников с фабрик, ремесленники ходили по окрестностным долинам, уничтожая фабрики, грабя и разбивая все на пути. В Лионе каждый день смуты, и жизни, и имущество всех вообще граждан совершенно во власти рабочего народонаселения, с которым едва борется комиссар Правительства Эммануэль Араго. В Бордо новый комиссар Пра‹вительст›ва выгнан, и город удержал старого, менее революционного — Пра‹вительст›во смолчало. В войсках показывается дух возмущения, и многие полки выгнали своих офицеров, освободили арестантов и толпами ушли из казарм. Волнение в провинции, оказывается, поддерживается ненавистью к супремации *** Парижа, к диктаторскому тону его [распоряжений] народонаселения, что очень хорошо поддерживают и разрабатывают, с одной стороны, легитимисты посред-

* Каждый раз с новым удовольствием (*франц.*).
** «К оружью, граждане» (*франц.*).
*** Супермации (от *франц.* suprematie) — верховенству.

ством «l'Union», «Gazette de France», с другой стороны, старые династики своей газетой «Assemblée Nationale». Но как бы то ни было, какая бы будущность не предстояла Франции, какую бы случайную странность не имел Париж в эту минуту — все это поглощается зрелищем сильных гражданских установлений, данных себе Францией. Все публичные залы, все дворцы, все манежи каждый вечер, каждое утро наполнены массами народа, совещающихся о выборах полковников, майоров, капралов, сержантов в национальную гвардию, к которой, как известно, теперь все принадлежат. Тут происходит исповедь кандидатов на разные чины и самое благотворное волнение, в котором крепнет политический дух народа. За этими шумными и плодотворными сходками явятся такие же собрания для выборов депутатов в Национальное собрание (они отложены до 20 мая, что и следовало ожидать). Воодушевление будет еще сильнее, исповеди еще строже, борьба еще упорнее, и, может быть, в этом непрестанном огне публичности и обсуждения выработаются сильные и энергические личности. Между тем, для каждой мэрии квартала клубы представляют своих кандидатов, корпорации работников — своих, комитет республиканский — своих, династический — тоже, легитимистский — тоже. Что выльется из всего этого, увидим впоследствии.

‹ПЛАН›

АПРЕЛЬ МЕСЯЦ

1) Разрушение клуба Бланки [1].

2) У Барбеса Альтон Ше отстранен от выбора за атеизм [2], и один какой-то клуб в декларации прав заместил слова: le souverain de la terre c'est le peuple, le souverain de la terre c'est dieu *. У него же доктрина Блана названа христианской.

3) Народное представление в Théâtre de la république [3].

4) Речь Блана в Люксембурге, где равенство жалования объявлено переходящей мерой, а настоящее будет — долг по мере сил, вознаграждение по мере необходимости.

4) Новый циркуляр Роллена к комиссарам о наблюдении выборов и с программой, чем будет заниматься Нац‹иональ›ное собрание.

5) Новый декрет Карно об обращении Collége de France в школу административных и госуд‹арственных› людей.

6) О бюллетенях республиканских, печатаемых Ледрю и объявляемых на всех перекрестках, в которых он старается держать народ постоянно на высоте сознания своих прав. Они походят на прокламации: так, к работникам — стоит рассказывать все свои неслыханные страдания, к женщинам, чтоб взывали к обществу об отмщении за его жестокость и безнравственность.

7) О выборах: прокламации Монталамбера, Виктора Гюго, Дюмаса **, уморительные афиши: какой-то господин говорит, что нет такого социаль-

* Владыка земли — народ... владыка земли — бог (*франц.*).
** Дюма.

ного и политического вопроса, которого он бы не изучил в основании. Кто написал какую-либо фразу — он агитирует, всех лучше типографщик, который наивно объявляет, что не думал о выборах, да читал объявление Правительства, что не нужно никакого таланта, то и решился представиться, его имя Сирье (Cirier), а право — что на похоронах говорил речь, да раз читал собственную Марсельезу, причем наподобие священника одел блузу, подпоясал — как тот надевает этоль * и шасюблю **.

8) Мастерские для работниц. Выбором в национальную гвардию не довольны.

9) Об эгоистических требованиях работников: изгнание савойцев, иностранцев; поход наресторанты не удается.

10) Открытие кафедр новых в Сорбонне и их профессоры.

11) Принуждают локаторы владетелей давать квитанции, обозначают дома упорных и сдавшихся: [декрет] циркуляр Мараста по этому случаю.

12) На бирже в начале месяца заем 3% на 100 был [38—40] 32—[35] [вместо] [прежних] бывших 23 ф.; 5% был [48] 50 вместо 128; акции были 960 вместо 1200 (а продавались даже до 3400) bon de Trésor, акции железных дорог тоже страшно упали, но теперь, 10 апреля, начинает подыматься все, кроме банковых акций, ибо из последнего отчета видно уменьшение его капитала, накопление литеров, и слухи носятся, что Пра‹вительст›во хочет выкупить дороги банковыми билетами. — Что-то будет!

13) В провинциях выгоняют новых комиссаров Пра‹вительст›ва, оставляют старых; в Безансоне народ грабит фабрики.

14) Клуб Барбеса требует, чтоб Пра‹вительст›во все эксплоатации захватило, а «Démocratie pacifique» вместе с тем, чтоб выдавало беспрестанно новые билеты, чему страшно сопротивляется «Journal des débats»; «Démocratie pacifique» даже на приносимое серебро хочет билет, как и на дороги, да билет требует согласия принять их, чего нет во Франции.

15) Пьеса Poste в театре de la Gaité, la foi, l'espérance, la charité [4] — мерзкая и по тенденции: свести на покорность право, на религию — сопротивление и проч.; в Ambigu другая крайность: даются две пьесы: «Les révolutions 89, 30, 48» и «Les 4 sergents de Rochell» [5], где беспрестанно политическая вражда самая упорная, беспрестанно идущая на кровь и оканчивающаяся битвой или эшафотом. Смотреть мучительно, а продолжается с 5 до 12 часов.

16) Прогрессивная удержка жалования чиновникам, предшествующая прогрессивному налогу.

17) 2 № «Revue rétrospective» смеется Бланки; Мишелло, президент клуба Sorbonna, схвачен как каторжник, вор и фальшивый банкрут: его настоящее имя Даллас [6] — он надел шапку красную на Лудвига XVI.

18) Один журнал сосчитал, что упадок всех билетов и акций обеднил Францию в продолжение одного месяца на 3 миллиарда 764 миллиона, к которому еще надо присоединить 1 миллиард железных дорог.

19) «Пролог» Жорж Занд — нелепость [7]. Пьеса Оже «L'Aventurier» [8] — переложенная хорошо и пустая в сущности пословица. Мюссе — прелесть [9].

* Этоль от (*франц.* étole) — епитрахиль.
** Шасюблю (*франц.* chasable) — риза.

20) Лекции Легуве — беллетрист и несколько цветист, разрешение вопроса в просветленном браке для частной жизни, в честном братстве — для публичности. Много анекдотов, развития учения нет.

21) Клуб des droits de l'homme (Arts et métiers) заседание 12 апреля наиболее дезорганизует, президент Вуллен радуется, что помечаются дома, не прощающие найма, и представляет Пра<вительст>ву проект кормить все народонаселение рабочего государства от Пра<вительст>ва до объявления организации работ, а Барбес между тем Бланковские занятия интригой просто конспирирует.

22) Манифест 16 апреля в «Bulletin de la République», где парижский народ является как resume народного государ<ства> всей Франции и может низвергнуть Assemblée, говорят, написан Жорж Занд.

23) Манифестация 16 апреля всей национальной гвардии, мобилей и города, ищут заговорщиков, а их нет, на другое утро тоже.

24) Сосчитано в журналах, что [цена] за три месяца 16 мил. дохода убыло, хотя налоги 24 миллиона увеличились, оказывается, вперед.

25) Декрет о соли, говядине, замещение этих налогов налогами на предметы роскоши: кареты, лошадей, и декрет об уничтожении несменяемости магистратуры и уничтожение (*неразборчиво*).

26) Смотр 20 апреля; декрет о проценте с капиталов, ссудах под залог, капитал 12 мил. и доход 120 мил. облагаются — все эти декреты последовали один за другим и обвиняются в несуразности их и несвоевременности.

17) Выборы — листы 20 работников Люксембурга, где отстранены 7 членов Пра<вительст>ва. Шум по этому поводу и обвинение Луи Блана, ответ Люксембургских делегатов.

18) Торжество буржуазной партии радикалов в лице Мараста, Ламартина; негодование «Реформы», «Коммуны» и «Représentant du peuple».

19) Манифест<ация> в Руане 27 и 28 апреля, где буржуазия расстреляла пушками баррикады недовольных выборами; в Лиможе работники сожгли бюллетени, в клубах волнения, у Бланки войска Франции сравниваются с русскими и Руан уподобляется Праге. Барбес в клубе des droits, прибивается манифест, в котором привилегированным классам грозятся возмездием. Ультра-журналы объявляют, что реакция торжествует. Во многих местах деревенские депутаты, встреченные проделками жителей, разбивались и у них отнимались бюллетени.

20) Лувр [будет] декретирован окончательно, музыкальная школа вместо убежища.

22) Ламенэ и Мараст, объявляя социализм утопией и нападая на защитников его, объявляют свою систему, которая состоит в развитии, воспитании и публичном кредите. Луи Блан издает резюме работы комиссии, где, умалчивая о теориях, особенно налегает на услуги в примирении работников и патронов и о портных в Клиши, где работают по одинаковой плате. Но дело в том, что Клиши работают дороже, вместо 10 т. штук сделали только 1400 и что притом другим работникам передают дешевле. Статья Прудона экономическая.

23) Всеобщее негодование ультра на самый принцип поголовного всеобщего выбора, который теперь защищают консервативные журналы: «Débats», «Siécle», «Constitutionnelle», «Assemblée». Между тем Палата открывается 4 мая и для нее мундир.

24) Совершенная неудача попытки революционеров в Германии. Горькая история с Гервегом и женой. Реакция не в одном Париже, а во всей Европе. Предчувствие бури.

[МАЙ МЕСЯЦ]

25) Дерзкая просьба Бланки и манифест Societé des droits de l'homme в Assemblée National (Mercredi 3 Mai 3 мая № 64).

26) Отчет Луи Блана в Journal des débats 3 мая.

27) Письма Прудона: Solution de probléme и другие.

28) Бюллетени Ледрю о себе, сочинен‹ные› Сандом (*неразборчиво*).

МАЙ МЕСЯЦ

1) 4-го мая открытие Собрания. Конституция Ламенэ в «Commune de Paris» 4 мая.

2) Смешной проект конституции Вик‹тора› Леру [10] в «Société des droits de l'homme» («Commune de Paris» 4 мая)

3) Верификация* кулуаров в Assemblée. Отчеты Ламартина, Луи Блана, Пажеса, Мари (Ламартина в «Assemblée Nationale» № 70, 9 мая), Ледрю Роллена и Луи Блана (там же, № 68, 7 мая). Списки всех депутатов (в «Asemblée Nationale» № 68, 8 мая). Диспут о составлении правительственной комиссии («Assemblée Nationale», 10 мая, среда, № 72). Назначение членов Исполнительной комиссии, назначение министров.

4) Речь Блана о министерстве прогресса. Ответ Пепена («Assemblée Nationale», № 73). О совещании Барбесовского центрального клуба для манифестации перед Собранием («Commune», № 65). Правительство там же. Говор о неотложных делах: Польше и Италии. Инсуррекция в Риме. Адресы о Польше и Руане Распайля в «Commune», № 65.

5) Превосходные статьи Прудона 9 и 10 мая в «Représentant», об устройстве циркуляции без денег, как средство порешить революцию. Спор его с «Démocratie pacifique» о капитале и ответ ее 7 мая, 119 №.

6) Назначение министра Директории в Assemblée Nationale. Ее усиленные споры — сперва о Директории, порешено речами Фавра, Ламартина, Роллена, потом о регламенте Конгресса, потом о комиссии для конституции и о комиссии для работников («Assemblée Nationale», 12 и 13 мая).

7) Страшный день 15 мая и подробности его в «Patrie», «Presse», «Assemblée» (Отчеты Garnier Pages в «National», 15 мая). Подробности о заговоре: Фаллу и Воловский ведут войска справа, Ремюза и Пиолотори

* Верификации (от *франц.* verification) — проверка.

слева, ближайшие легионы шли сами прямо. 9 легионов у Ратуши впускают бунтовщиков, 6 выгоняют их. Убийство двух человек в passage Moliére. Арестация Барбеса, Альбера, Гюбера, Бланки спасается. Куртэ арестован и избит. Речь Блана, речь Коссидьера. Новый префект полиции; письма Бланки. Прокламация Assemblée National и ее (*неразборчиво*), Клемент Томас, начальник национальной гвардии, Каваньяк — министр, поведение Бюше. — Грабительство конторы Собрие и его оружья, данных Коссидьером. Assemblée формирует поскорее комитеты — проект Трела о мастерских, проект Дюклера о выкупе железных дорог, регламент ее, и Экзекутивная комиссия может не заседать и проекты ее принимаются в Собрании тотчас же. Оправдание Этьена Араго, арестация Пьера Леру — речь Торе (Журналы от 15 до 21).

8) Праздник 21 мая, воскресенье.

9) 27, 28, 29, 30 мая — вопрос о ateliers nationaux *, исчезновение Эмиля Томаса, волнение в мастерских, толпы, военные приготовления, между тем декрет о них, декрет об отношении к Правительству, декрет о прудомах, арестация Бланки и Флотта. Жорж Занд и ее журнал «La vraie republique», о себе и о работнике [11]. В городе начинается тревога.

10) 31 мая Арестация Луи Блана. Конец месяца.

ИЮНЬ

1) 8 дней рассемблементы ** у С. Дени и С. Мартена до тех пор, пока Клемент Тома 10 июня в субботу захватывает всех любопытствующих и начинщиков.

2) Банкет 25 сан‹тимов› «Pere Duchesne» отложен по требованию клубов, образумившихся, вероятно, на неопределенное время.

3) Следствие разнородных элементов С. Дениских и С. Мартинских рассемблементов понедельник 12, вторник 13; движение в пользу Луи Бонапарта, меры кавааллерии, подкуп работников, доверенная вота Ассамблеи Правительству для усмирения движения и принятие ею членом Луи Бонапарта, после чего движение замолкло. — Радикальные партии соединяются вокруг Ламартина и Л. Роллена, которых прокляли за меры после 15 — соединяются ввиду опасности потерять Республику.

4) Выборы 4 июня Прудона, Леру, Тьерса.

5) Бесчисленное количество левых журналов: беспокойство мысли, бонапартистские журналы «le Napoléonien» и проч.

6) Закон об агрупентах ***, крикунах **** и проч. Бонапарт отказывается, продолжение о котиономенте *****.

7) Речь Пьера Леру, речь (превосходная) Коссидьера 20 июня. — Чтение Конституции Марастом 19 июня. Прения продолжаются о рас-

---

* Национальных мастерских (*франц.*).

** Рассемблементы (от *франц.* rassemblement) — сборища.

*** Агрупентах (от *франц.* agrouper) — собирающихся в группы.

**** Крикунах (от *франц.* crieur) — разносчиках.

***** Контиономенте (от *франц.* cautionnement) — обязательствах.

пущении народных мастерских: борьба между комиссией и министром Трела; подозревают, что Пра‹вительст›во не распускает мастерских нарочно. Накопление работ везде в комитетах Палаты, но решения еще нет ни на один вопрос никакого!

8) Странности: письмо Буасси в «Assemblée Nationale» 20 июня, просьба о многоженстве[12] в «Représentant du peuople» 17 июня, другая, социальная. Дом Тьерса подвергается опасности разграбления. Клемент Тома подает в отставку.

ПО ПОРЯДКУ

6 — Представлен проект бюджета Дюклерка, и так как Лефонд и Беррье от имени финан‹сового› комитета требуют отстранения проекта, изменения текущего долга — в постоянный, — завязывается спор любопытный, потом обращаются к проекту Дюклера большинством голосов 387 против 362. Пажес говорил. Аргументы были старые с обеих сторон: Беррье говорил — надо доверенность возбуждать, Дюклерк говорил — мы выплатим 2 миллиона сбережений, но 4 миллиона bon du Tresor в руках богатых: могут ждать, а между тем, наш покрывает как 1848, так и 1849, но для этого надо выкупить железные дороги, общественные застрахования также, разумеется, наложить пошлину на наследство, составить прогрессивные налоги на доходы, налоги на наследство, наконец, продать государственные леса и некоторую часть отдать под залог банку, у которого занимается 150 мил. фр. Вот план Дюклерка, а, между тем, стычки каждый день на улицах.

11 июня, воскресенье, назначается банкет по 25 сантимов, составленный редактором «Pére Duchesne». Банкет назначается с [видимой] целью оффенсификации *, но в него входит бездна элементов. Он назначается как будто для освобождения Барбеса и других, а, между тем, богатые люди берут огромное число билетов с целью сделать из него движения разные, одни — в пользу Бонапарта, другие — в пользу легитимизма, третьи — в пользу филиппизма. Банкет откладывается по резолюции клубов до 14 июля — дня взятия Бастилии.

8 июня декрет о несовместимости звания депутата с жалованием чиновника.

7 июня принят закон об агрупентах, где положено три компликации **, но кто захвачен после первой [все, даже безоружные], наказываются все, невооруженные подвергаются штрафу от 1 до 3 лет, вооруженные после третьей компликации наказываются от 5 до 10 лет, если днем, и от 8 до 12, если ночью. Мари защищал декрет с хитростью. Наказываются и типографщики и литографы, но сборища продолжаются.

10-го суббота. Народ у Ассамблеи ждет Луи Бонапарта. Ассамблея защищена, но Луи Наполеон не показывается, как другие избранные.

---

* Оффенсификации (от *франц.* offensif) — наступления.
** Компликации (от *франц.* complication) — осложиения.

Донос на «Organisation du travail» [13], где помечаются банкиры и собственники на разграбление. В это заседание Бетмон дает министру Трела все, что он спросит: 2 миллиона на работу по дороге от Тура до Наната, 2 940 000 на пять мостов, 37 450 000 на дороги департаментов и главное 1 мил. на работы земляные, на Сенский канал 500 т., на другой канал тоже 500 т. между (*неразборчиво*) — 1 мил., на Салонский канал 1 мил. Каваньяк по вопросу Гекера: правда ли войско кричало: Vive Napoléon, отвечает энергически. Вечером rassia * у С. Дени, сделанная Тома.

11 воскресенье, расемблементов не было, но в Палате на другой день по случаю доверенной воты к Правительству [за фонды 1 200 000] Ламартин произносит речь, вся атака на народ, кто-то выстреливает в Клемента Тома, и один гвардеец ранен в руку — этим пользуется Ламартин, чтоб исключить Наполеона... Осталось до завтра, но фонды, кажется, падают.

Во вторник 13-го, мстительная речь Ж. Фавра о допущении Наполеона, ответ Роллена, Палата принимает Наполеона, но с условием оправдать свои года и национальность, но на другой день Трела еще просил 3 мил. фр. на мастерские, Фаллу говорил, что ничего не сделано для распущения мастерских в продолжение 15 дней с декрета, Трела сознался.

В четверг 15-го, первый раз говорил Пьер Леру о колонизации, за ним Гудшо — и вдруг письмо Л. Наполеона. Страшный шум. Фаллу отказывается от своих заключений. На другой день Л. Наполеон хочет поправить ошибку, посылает отставку и погибает под всеобщим презрением. День проходит тихо. Однакож Бетмон в это заседание говорит: cautionnement ** не уничтожаются, новый шум. Ламартин отвечает Пьеру Леру.

В субботу 17-го Пьер Леру возвещает кровопролитие по случаю 45 сантимов в департаментах [14].

19, понедельник — чтение Марастом конституции — новый ужас для демагогов, а между тем Пра‹вительст›во предлагает мобилизовать из национальной гвардии 500 батальонов на всякий случай! Фаллу в это же заседание атакует снова Трела, и тот отвечает плачем.

20-го новая битва комиссии и Трела. Речь Коссидьера.

21-го Дюклерк дает 100 т. политических заключенных и уверяет, что все заговорщики будут преследоваться.

22-го, четверг — адмирал Кади возвещает об убийствах в Мартинике. Разбирается письмо Буасси, о дорогах говорили, а в этот день работники ходили в Люксембург и после жестокого отказа стали приготовляться к битве.

23-го в 11 часов фузельяция ***, и пушки гремят.

К. Тома о Крите 2 июня [15], в пятницу, тогда же декрет не давать паспортов работникам в Париже и декрет о задельной плате и об отсылке из Парижа.

---

* Свалка (*франц.*).

** Обязательства (*франц.*).

*** Фузельяция (от *франц.* fusillade) — перестрелка.

Программа о банкете: le repas se composera de veau rôti, de salade, de fromage, d'une demi bouteille de bierre, d'un verre d'un vin et d'un petit verre d'eau de vie. Chacun apportera son pain et son convert. Будете петь «Марсельезу», а потом танцевать. Toutes les jeunes filles des environs pourront y prendre part: la plus grande décence devra y être de rigueur *.

АПРЕЛЬ МЕСЯЦ

Сколько прошедший месяц был шумен, громок, трескуч и огнен, столько настоящий [спокоен] имеет выражение спокойствия, отстойки, утишения народных волн. Владетельная часть народа снова начинает выступать вперед и захватывать движение. Впрочем, раздраженный пульс народа обратился не вдруг к правильному биению. Свершилось это постепенно и притом с явным пособием одного правительственного члена — мэра города, Армана Мараста [1], который в один этот месяц и получил необычайную популярность между всеми владельцами и умеренными. Вместе с тем двойкость, разногласие в Правительстве, проявлявшиеся и прежде, сделались уже для всех очевидны. На одной стороне в нем стоят Мараст, Ламартин, как умеренные республиканцы [думающие], допускающие социализм как политическую меру, требующую обсуждения и осторожности, и органом их служит «National», «Peuple constituant» с Ламенэ, сильно негодующим на скорые попытки социальных реформ, с другой — Ледрю, Флокон [думающие], мечтающие о прямом участии народа и энергическом его разрешении всех вопросов, с органом их «Réforme», «Commune de Paris» Собрие, наконец, с третьей — Луи Блан и Альберт, замышляющие полное преобразование общества на началах социализма. Органа собственного они не имеют, но нашли подпору в клубе Барбеса «Club révolutionnaire» и какого-то фанатического поклонника в г. Торе, издающим «La vraie république». К социальным органам, разнящимся от Люксембургского направления, присоединился [недавно] орган Прудона «Le représentant du peuple», чрезвычайно замечательный по блеску и свежести некоторых идей. Наконец, «Assemblée Nationale» приобрела в этом месяце 27 т. подписчиков своими шумливыми, желчными и иногда крайне меткими нападками и откровениями касательно террористической и социальной партий. Идеи собственной журнал не выражает, а только проникнут ненавистью к диктаторству, проконсульству и произвольным распоряжениям. Борьба этих журналов в печати и борьба правительственных лиц в Ратуше — собственно и составляет содержание месяца. Народ уже скрылся, и когда только показался, как увидим ниже, — был откинут [2]. Шаг сделан [неизвестно], вперед или назад, еще бог знает.

Скрылся он, повторяю, не вдруг. Ночные прогулки с факелами и саженье деревьев с вечным их ружейным треском первые подпали поли-

---

* Трапеза будет состоять из жареной телятины, салата, сыра, кружки пива, полбутылки вина и рюмки водки; каждый принесет свой хлеб и прибор. Будете петь «Марсельезу», а потом танцевать. Все девушки округа смогут принять участие; обязательно соблюдать самую строгую благопристойность (*франц.*).

цейским мерам Мараста, у которого, еще по наследству от короля, идея строгого военного порядка должна быть присуща свободе и республике. [Сперва префект полиции Коссидьер издал объявление, затем появилось народное требование, встретившее сильный отпор в парижской мэрии.] Замечательно, что репрессивные меры его и префекта Коссидьера облечены в ультра-республиканскую форму, под которой хочет скрыться правительственная мера. Так, Коссидьер, воспрещая ночные прогулки с факелами, промолвил: «Поберегите факелы до той минуты, когда Республика будет в опасности, тогда явимся мы с огнем и мечом, чтобы сражаться за нее днем и ночью». Шумная посадка деревьев, в которой заставили участвовать клерус и окружили стражей монтаньяров, прекратилась после увещания Мараста и прокламации Правительства, говорившего: «Veillez citoyens à ce qu'une bruyante affectation du patriotisme ne devienne pas une cause d'alarme et de trouble dans cette cité, maison commune de la république» *.

Я уже заметил прежде, какие [революц] эгоистические и иногда неблагородные требования у работников подняла революция: к числу их должно отнести намерение изгнать всех иностранных работников из Франции [3]. В Париже (*неразборчиво*) требовали с угрозами изгнать савояров, занимающихся одинаковыми ремеслами с ними, переносчиков, комиссаров, всегда отличавшихся примерной честностью. Они встретили в Ратуше сопротивление [4], и Правительство [поставило] препоручило работников-иностранцев гостеприимству и point d'honneur ** Франции. Многие из зачинщиков демонстрации были арестованы. Самая страшная попытка в этом роде была попытка наемщиков квартир, заставлявших хозяев прощать наемную треть и отличавших дома, где было сделано снисхождение, трехцветным знаменем, а не снисходительных — черным для будущих расправ. Президент известного клуба «des droits de l'homme» [5] г. Вуллен сказал даже в заседании 12 апреля, что он обошел недавно многолюдные части города и с удовольствием должен объявить обществу свое наблюдение: более половины их домов украшены знаменем. Однако эта попытка [вызвала] встретила опять сопротивление в мэрии, строго осудившей пометки домов и ответившей на одну депутацию, просившую декрета о невзыскании хозяевами домов наемной платы вперед, твердо и решительно. Она объявила именно, что Правительство и Республика никак не намерены посягать на святость контрактов и разрывать то, что было сделано под присягой чести двумя сговаривающимися сторонами. Вскоре должна была подпасть реакции порядка и сама социальная манифестация работников, царившая на улицах весь прошедший месяц, как увидим ниже. Мараст — мэр города и душа всех этих мер, уже начал делаться предметом желчной ненависти ультра-радикалов, и к концу месяца республиканцы уже не отзывались иначе о ветеране либерализма, как c'est un traître ***, что много раз мне самому приходилось слышать.

---

* «Следите, граждане, за тем, чтобы бурные порывы патриотизма не стали бы причиной тревоги и беспорядков в этом городе, общем доме республики» (*франц.*).

** Чувству чести (*франц.*).

*** Это изменник (*франц.*).

По мере упадка Мараста и нападков на его партию, к которой причисляли Мари, Гарнье-Пажеса и самого Ламартина, журналов «La reforme» и «La commune», «Le représentant», тем более вырастали во мнении энергичных социалистов республиканцы — Ледрю-Роллен и Луи Блан, сильно преследуемые с другой стороны журналами «Le peuple», «Des débats», [«Le National»] и особенно «l'Assemblée National». Что касается до Ледрю-Роллена, то никто из приверженцев не обращал внимания на путаницу, которую он произвел в департаментах необдуманной посылкой своих комиссаров. Почти не было города во всей Франции, который бы не возмутился ребячески-диктаторскими мерами, не раздвоился на две партии, и иногда после шума и сильной схватки, часто кровавой, как в Туре и Безансоне, Валенсе, Амьене и пр. — не выгонял одного, удерживал другого, выпроваживал всех, ибо в некоторых городах было даже по три комиссара, так что народонаселение иногда не знало, в котором из них сосредотачивается Правительство. Много было и комического во всем этом, но серьезная сторона дела состояла в том, что буржуазия 1848 г. решилась не допускать террора, диктатуры и легкомысленного произвола, вспомоществующая в этом народонаселением деревень и войском. Об анархии в Лионе[6], об уничтожении фабрик, грабеже лесов, атаке некоторых замков во многих департаментах здесь не упоминаем, потому что это нисколько не связано с политическим движением Франции, а есть та пена, которая всегда поднимается наверх при возбужденном состоянии масс и страстей. Приверженцы Ледрю выпускали совершенно из вида административные его способности и смотрели на него как на человека-идею, противостоявшего с величавою энергией слабости умиротворительных мер других членов Правительства, которых величали реактивными. Казалось, для Ледрю-Роллена сделалась необходимостью журнальная экспансивность, род деятельности, обычной ему издавна и более ему удачной, чем другой какой. Он основал нечто вроде уличного журнала, прикрепляемого ко всем стенам и на всех переулках и имевшего титло «Bulletin de la République». Главные его статьи premier-Paris писаны были, как после открылось, Mme George Sand[7]. Они отличались какой-то страстной экзитацией народа, выходившей из самого Правительства, необычайным жаром, страстным указанием бедному и недовольным на собственные его раны, на законность его гнева и [всех требований] мер, какие он предпримет для себя на будущее время. Мастерство изложения и поэтический оборот еще придавали силы энергической мысли. Странное дело, что собственный журнал г-жи Занд «La cause de peuple»[8], под которым она подписывает свое имя, напротив, не имеет всех этих качеств и колеблется между увлечением яростного трибуна и раздумьем гражданина, отступающего от собственных своих положений. Великое дело ответственность нравственная за статью! Как бы то ни было, но бюллетени Ледрю-Роллена возбуждали всякий раз крик ужаса в мещанской части народонаселения, вопли радости в клубах и ультра-радикалах. Я помню два превосходных в литературном отношении бюллетеня: один, призывающий работника рассказать всему миру свои неслыханные страдания, другой — обращающийся к женщинам бедных классов народа и советующий им

не удерживать своего стона, своих проклятий и рассказать о позоре, тяготеющем над ними, — в науку обществу и будущим представителям народа. Наконец, бюллетень George Sand от 16 апреля[9] довершил волнение, после которого, по обыкновению, бюллетени сделались вдруг почти совершенно ничтожными, что вообще характеризует природу Ледрю-Роллена, состоящую из [желания добра, дерзости и слабости] желания добра посредством дерзости, и слабости, если попытка не удалась с первого раза. ~~Этот знаменитый бюллетень говорил о предстоящих~~ выборах в Национальное собрание и о праве одного Парижа уничтожить Собрание, если республиканская и революционная мысль окажется в нем тускла и слаба. Для сохранения тона и манеры, выписываю несколько строк его: «Il n'y aurait alors (если выборы обманут ожидания Парижа) qu'une voie de salut pour le peuple qui avait fait les barricades, ce serait de manifester une seconde fois sa volonté et d'ajourner les décisions d'une fausse représentation nationale. Ce remède extrême, déplorable, la France voudrait-elle forcer Paris à y recourir? A Dieu ne plaise! Non! La France a confié à Paris une grande mission, le peuple français ne voudra pas rendre cette mission incompatible avec l'ordre et le calme nécessaire aux délibérations du corps constituant. Paris se regarde, avec raison, comme le mandataire de toute la population du territorial national; Paris est le poste avancé de l'armée qui combat pour l'idée républicaine; Paris est le rendez-vous, à certaines heures, de toutes les volontés généreuses, de toutes les forces morales de la France; Paris ne séparera pas sa cause de la cause du peuple qui souffre, attend, et réclame d'une extémité à l'autre du pays.

Si l'anarchie travaille au loin, si les influences sociales pervertissent le jugement en trahissant le voeu des masses dispersées et trompées par l'éloignement, le peuple de Paris se croit et se déclare solidaire des intérêts de toute la nation!» *

Поднялся сильный шум, фонды упали [журналы], консервативные журналы пребывали в ужасе, и между тем тот же самый Ледрю-Роллен был орудием уничтожения огромных социальных процессий, инструментом, снявшим последнее волнение революционного движения на улице, и, таким образом, против воли совпал с Марастом и противоположной партией — это часто бывает в революционное время.

---

* «Для народа, построившего баррикады, — если выборы обманут ожидание Парижа, — остается лишь один выход, один единственный путь спасения — он должен во второй раз выразить свою волю и отстрочить решения ложных представителей нации. Но неужели Франция заставит Париж прибегнуть к этому крайнему средству? Не дай бог! Нет, Франция доверила Парижу великую миссию, французский народ не создаст положения, при котором эта миссия окажется несовместимой с порядком и спокойствием, какого требует работа Учредительного собрания. Париж считает себя представителем всего французского народа. Париж — передовой пост армии, сражающейся за республиканские идеалы. Бывают моменты, когда Париж объединяет и воплощает волю всей Франции. Париж не устранился от дела народа, который страдает, ждет и надеется по всей Франции. Если анархия работает в подполье, если социальные влияния нарушают волю рассеянных и обманутых народных масс в провинциях, то народ Парижа считает и объявляет себя солидарным со всей нацией» (*франц.*).

Заговор 16 апреля и восстание всей национальной гвардии, молодого войска (garde mobile) на защиту Правительства в этот день — до сих пор остается загадкой и только объяснится позднее. Я не имею намерения объяснять его, а только рассказать все происходящее. По какому-то условию, вероятно, данному сверху [10], сбор национальной гвардии происходил при криках: «à bas les communistes» *, хотя известно, что бедное тело икарийских коммунистов Кабета никак не могло произвести такого огромного движения, но крик был хорош, потому что пугал заговорщиков, никого не компрометировал и по общности своей давал выход к примиренчеству партий. Итак, 16 апреля, воскресенье, около 30 т. работников собрались рано утром в Champs Elysée для выбора из среды своей 17 человек в штаб национальной гвардии и для прохода оттуда в Ратушу с представлением своего неудовольствия на [медленность и слабость] существующее направление [репрессивности] порядка и социальной недеятельности. Вся буржуазная часть города была взволнована этим событием. Давно уже носились слухи о новом изменении Правительства, о новой радикальной революции, замысленной парижским Катилиною Бланки [11], который очень мало был поражен убийственным документом «Revue rétrospective» [где он являлся доносчиком], ему принадлежащим и где он, как сказано выше, являлся доносчиком своих собратьев перед старым Правительством и как-то кокетствует своим умением составлять тайные собрания, распределять людей и выдавать их при нужде. Клуб, им составленный и в который он после этой публикации не являлся более 16 дней, послал к нему депутацию, требуя его присутствия во имя нужд отечества. Само собой разумеется, что к ужасному, желчному честолюбию присоединилось теперь у Бланки жажда власти. Он еще более, еще яростнее восстал против реакции в Правительстве, его измены началам февральской революции и замыслам [победить уничтожить] подавить мерами порядка, благочиния, за которыми, может быть, говорил он, скрывается роялизм и отдача народа снова в руки одной касты, богатству и, наконец, королю. Как средство возбуждения работников чрезвычайно ловко было разработано им и журналами его партии несогласие, существующее в недрах самого Правительства... Так говорил он, что большинство Правительства, представлявшее измену (Ламартин, Мараст, Мари, Араго, Гарнье-Пажес) [посягает на меньшинство] держит в унижении и тиранической зависимости его (Ледрю, Блана, Альберта), единственных друзей народа. Чувство чести и признательности к своим покровителям было поднято у работников весьма искусно. Разумеется, большая часть их и не подозревала, что скрывается за всем этим. Адрес, составленный для них начальниками и который они должны были поднести Правительству, был очень неопределен: в случае удачи попытки, он мог быть представлен как доказательство, что работники сами свергли правление, а в случае неудачи — как документ, что они не имели никаких преступных замыслов. Вот он: «Les travailleurs du département de la Seine au gouvernement provisoire. Citoyens! La réaction lève la tête; la calomnie (намек на „Revue rétro-

* «Долой коммунистов!» (франц.).

spective“), cette arme favorite des hommes sans principes et sans honneur, déverse de tous côtés son venin contagieux sur les véritables amis du peuples. C'est à nous, hommes de la Révolution, hommes d'action et de dévouement, de déclarer au gouvernement provisoire que le peuple veut la Révolution démocratique; que le peuple veut l'abolition de l'exploitation de l'homme par l'homme; que le peuple veut l'organisation du travail par l'association» *.

[Адрес был составлен] Видимо было для всех, что партия Бланки всего более рассчитывает на шум, который мог произойти у Ратуши, на смятение и сюрприз, когда из манифестации неожиданно выйдет для самих работников новые правительственные люди и новая форма общества. Одни только депутаты Люксембургской комиссии [может быть, устроившие], имевшие, естественно, большее влияние на свои цехи и устроившие собрание, знали, что за всем этим стоит новый комитет общественного спасения и что члены его уже названы: Бланки, Кабет, Пьер Леру. Поддерживая обман до последней минуты, они объявили своим товарищам-работникам, что сам Луи Блан явится [к ним] на Champs Elysées вести их против Ратуши, чего, разумеется, не могло быть. Наконец, распустили даже слухи, что будто жизнь последнего в опасности и проч. Как бы то ни было, но Ледрю-Роллен притянул к Парижу национальную гвардию из окрестностей, и в то время, как масса работников рядами двинулась к Ратуше, приказал бить сбор национальной гвардии в Париже. Я видел, как они в порядке тянулись по набережной, разделенные на цехи, со знаменами и надписями: «Organisation du travail par l'association, à bas l'exploitation de l'homme par l'homme!» **. На некоторых знаменах странным образом наклеены были плохие и гадкие карикатуры на Лудвига Филиппа. В рядах, где люди шли, взявшись за руки, по обыкновению, раздавались революционные песни, изредка прерываемые криками: «à bas les carlistes!» «les barricades contres les carlistes, s'il le faut» *** и проч.

[В то же время] Они совсем не подозревали, что в то же самое время в Париже царствует почти такое же смятение голов, как у них; там национальная гвардия кричала: «Коммунисты идут жечь и грабить город!», чего никогда не бывало. Носились слухи, что в разных частях Парижа уже дерутся, что существовало только в паническом воображении буржуазии[12]. Ясно только, что когда работники подошли к Place de Grève, — площадь Ратуши была буквально затоплена национальной гвардией с ружьями, garde moblile стояли вокруг нее, готовые к отпору, у каждой из двери готовы были две пушки — и во всем городе, на всех

* «Временное правительство трудящихся департамента Сены.

Граждане! Реакция поднимает голову, клевета — это излюбленное оружие людей без принципов и чести — источает на истинных друзей народа свой заражающий яд. Нам, людям революции, людям дела и самоотверженности, надлежит заявить Временному правительству, что народ хочет демократической революции, что народ хочет уничтожения эксплоатации человека человеком, что народ желает труда посредством ассоциаций» (*франц.*).

** «Организация труда путем ассоциаций, долой эксплоатацию человека человеком!» (*франц.*).

*** «Долой карлистов... на баррикады против карлистов, если нужно» (*франц.*).

улицах стоял вооруженный народ. Работники остановились в удивлении, отправили депутацию в Ратушу, которая едва была в состоянии пробиться к Правительству, и разошлись. Таким образом, в первый раз после революции социальная прогулка встретила отпор, и человек, уничтоживший ее с улицы, был Ледрю-Роллен. Весь день казался отмщением национальной гвардии за [разгром] разгон ее работниками тому ровно день в день месяц назад 17 марта.

Энтузиазм [национальной гвардии] Парижа был невыразим. [Он походил] Город осветился вечером сам собой. Колонны, пришедшие из окрестностей, проходили мимо Правительства у Ратуши, церемония ушла глубоко в ночь. Патрули парижской гвардии арестовывали в группах на улицах людей экзальтированных под предлогом коммунизма. Члены Правительства говорили [речи] ласковые речи отрядам национальной гвардии. Депутацию от работников встретило не Правительство, а один из помощников мэра Едмонд Адам и сказал холодно: «citoyens, le gouvernement provisoire a témoigné en toutes circonstances de son vif intérêt pour les classes ouvrières. Les voeux que vous venez d'exprimer lui seront transmis» *.

А так как другая депутация явилась жаловаться, что вооруженная гвардия не допускает народ к Правительству, то Луи Блан кое-как устроил дело, но уж очень поздно. Часу в 5 утра собралась опять гвардия, ибо в ночь были попытки заговорщиков делать баррикады, и несколько постов, говорят, было обезоружено, да все прекратилось перед решимостью популяции удержать Правительство. В клубе Бланки в этот вечер решено совещаться с оружием в руках, организовать тайные общества по прежним примерам, ибо, говорил оратор: «Мещанство запрещает нам изложение наших требований публично, мы прибегаем [с ней] к настоящему заговору, при всем нашем отвращении к этой мере, по преимуществу монархической». Один бланкист открыл заседание фразой: «Я являюсь к вам как побежденный, со стыдом на челе, с ненавистью в сердце и с криком мщения на устах».

Правительство торжествовало, но в этом торжестве была опасность: мещанство сделалось дерзко и надменно, демократический характер революции мог утеряться. Некоторые консервативные журналы на другой день испустили вопль радости, называя всю манифестацию возвращением города Парижа к самообладанию, находя в ней залог безопасности будущего Национального собрания, а желчный «Assemblée Nationale» [торжествовал] объявил ее торжеством порядка над анархией, видел в ней осуждение Ледрю-Роллена, социальных теорий и чуть-чуть не всей революции 24 февраля. Радикальные журналы «Commune», «Réforme» были в смятении, считая весь день la jeurnée des dupes **, который представил погоню за фантомом, за небывалым заговором и [делом реакции] явлением в пустоте. Один «National» бодро объявил, что 16 апреля может стать рядом с собратом своим, днем 17 марта по своему значению, так как

---

* «Граждане! Временное правительство проявляло всегда живой интерес к рабочим массам. Пожелания, которые вы выразили, будут переданы ему» (*франц.*).

** Днем обманутых (*франц.*).

в оба спасено было Правительство, а стало быть, и Республика. Социалисты всех скорее поняли его настоящее значение. Они тотчас прозрели в нем упадающую силу народа. С невыразимой яростью обратились они на Мараста, которому приписывали энергические меры сопротивления. На этом поприще всех более отличился «Le représentant du peuple», журнал [который по значению своему заслуживает], чрезвычайно замечательный с некоторого времени. Вот одна статья о Марасте еще не самая ядовитая: «Si l'on avait dit-il y a trois mois—aux conservateurs, aux royalistes, aux philippistes, aux dynastiques qui se pressent dans les couloirs de la salles des Pas-perdus du Palais-Bourbons: vous voyez bien, ce petit homme qui grisonne, qui sourit en passant près de vous avec une méprisante et spirituelle ironie: c'est M. Marrast! c'est le rédacteur en chef de cet abominable journal, organe de la démocratie la plus avancée, de la République la plus terrible qui a le nom le National; eh bien intéressants conservateurs, honorables royalistes, dévoués philippistes, clairvoyants dynastiques, dans trois mois vous vous considererez comme comme très heureux de porter ce petit homme grisonnant, — mais spirituel, comme député à l'Assemblée Nationale, vous le regarderez comme une sauvegarde de vos privilèges sociaux, de vos intérêts réels, lui et sa horde redoutable! Oui vous le jugerez indispensable au gouvernement provisoire de la République! Vous pleurerez comme des enfants à la seule pensée que des républicains non modérés pourraient bien l'enlever du pouvoir! Vous serez enfin ses infatigables défenseurs!» *

На другой день депутация [опозоренных] работников напечатала жаркую протестацию против избиения, им сделанного, и оскорбленного величия народа. Правительство отвечало на нее робко и довольно недобросовестно отнесло к усилиям реакции все существующие разногласия в народе, что заставило «Journal des débats» сказать очень забавно: «Правительство хочеть бить своих врагов по нашей спине. Но надо было предпринять что-нибудь решительное для утишения ропота в нижних слоях, прекращения торжества наверху и снять с самого себя [Правительства] подозрения в остановке или возвращении назад. Тогда появились известные энергические декреты, из которых многие противоречили объявленным прежде намерениям Правительства, другие отличались революционной направленностью, совершенно непонятной в настоящее время,

* «Если бы сказали три месяца назад тому консерваторам, филиппистам, династикам, которые толпились в коридорах перед приемной залой бурбонского дворца: вы отчетливо видите этого маленького седого человечка, который, проходя мимо вас, улыбается с презрением и едкой иронией. Это г. Маррaст, это главный редактор той ужасной газеты, органа наиболее передовой демократии, наиболее грозного республиканского органа, который именуется „Националь“; ну вот интересные консерваторы, почтенные роялисты, преданные филипписты, ясновидящие династики, через три месяца вы будете за счастие считать выставить этого маленького седеющего, остроумного человека депутатом в Национальное собрание, вы будете на него смотреть как на защитника ваших привилегий, спасителя ваших подлинных интересов, на него и на его ужасную орду! Да, вы будете считать его необходимым Временному правительству Республики! Вы будете плакать, как дети, при одной мысли, что неумеренные республиканцы могут отстранить его от власти. Вы будете, наконец, его неутомимыми заступниками!» (*франц*).

и все — странностью своего появления накануне выборов в Национальное собрание и, так сказать, в минуту издыхания существующего Правительства. Перечтем их:

1) В самый день работнической манифестации, 16 числа, появился декрет об уничтожении налога на соль, особенно всегда падающий на бедный класс, но действие декрета должно начаться с 1 января 1849 г., мера, которая могла, очевидно, быть предоставлена и Национальному собранию. Декрету предшествовал рапорт Гарнье-Пажеса, написанный в сентиментально-республиканском духе, как он всегда пишет.

2) На другой день, 17 апреля, декрет о прекращении на время знаменитого принципа о неподсудности магистратуры Франции[13], [французского] принципа, который дал независимость судам и примерное бескорыстие, принципа, защищаемого самим министром Кремье на другой день революции. Это была пустая уступка клубам, требовавшим, вследствие демократической консеквентности, выбора [суда] в судейские должности, как это было в 93 году. Вследствие декрета тотчас же отставлены 4 президента оппозиционных судов и известный Бат, президент контроля. Декрет начинался категорически: «le principe de l'inamovibilité de la magistrature, incompatible avec le gouvernement républicain (!), a disparu avec la charte 1830» *.

3) В тот же день декрет Правительства по рапорту Араго, заместившего генерала Сюберви [временно] в военном министерстве с сохранением портфеля морского м<инистр>а, по которому уменьшается штаб армии и отставляются от службы 38 дивизионных генерала, 27 бригадных генер<алов>, 3 полковника, 5 подполковников, в нем числившихся. Это была уступка ультра-революционерам, беспрестанно требовавшим отставки всех служителей Филиппа и [вообще навсегда уничтож] весьма наклонных уничтожить, если бы можно, вообще высших офицеров. Многие из генералов писали к Араго, что подобного декрета не выдал бы человек, когда-либо в жизни своей носивший шпагу.

4) Наконец, декрет, который, вводом прогрессивной пошлины и налога на богатых, явно отвечал на любимую идею [клубов] радикалов, предоставляя вполне важнейшую фискальную меру, хотя и приложима она к ограниченной сфере действия: La gouvernement provisoire,

Considérant que la subsistance du peuple doit être une des premières préoccupations de la République;

Qu'il importe surtout de diminuer le prix des objets d'alimentation qui peuvent ajouter aux forces physiques des travailleurs;

Décrète.

Art. 1r — A Paris les droits d'octroi sur la viande de boucherie sont supprimés.
Art. 2e — Ces droits seront remplacés:
1° — Par une taxe spéciale et progressive sur les propriétaires et sur les locataires occupant un loyer de 800 fr. et au—dessus;
2° — Par un impôt somptuaire établi sur les voitures de luxe, les chiens et sur

* «Принцип несменяемости магистратуры несовместим с республиканской формой правления, он исчез с хартией 1830 года» (франц.).

les domestiques mâles quand il y aura plus d'un domestique mâle attaché à la famille

Art. 3 Исполнение возложить на м‹инистр›а финансов и парижского
Art. 4 мэра *.

5) Как следствие этого частного ввода прогрессивной пошлины и налога на богатых, 19 апреля Гарнье-Пажес потребовал налога на закладные, на кредиторов, живущих своими процентами, словом, на капиталистов. Эти две меры никогда и не разделялись в умах демократических экономистов. Первая статья декрета, последовавшего за рапортом, назначает 1 процент с франка всякого капитала, данного под залог недвижимой собственности под каким бы то ни было условием, вторая и 3 статьи обязывают всякого, имеющего недвижимость в закладе, доставить об этом сведения в течение 15 дней, четвертая — всякого, давшего капитал под заклад, доставить такие же сведения в течение 40 дней, остальные занимаются способом поверки этих сведений и распоряжений. Рапорт, предшествуемый декрету, гласил: «Citoyens! Avant la révolution, l'impôt était proportionnel, donc il était injuste. Pour être réellement équitable, l'impôt doit être progressif. Vous avez reconnu et proclamé ce principe. Il sera mis en action dans le premier budget de la République. Mais, en attendant cette grande amélioration, il est indispensable de créer les ressources que réclament les besoins de l'Etât. Vous avez à pourvoir à nombreux services et á remplacer le vide que va faire dans nos finances l'abolition de certains impôts désormais impossibles.

Jusqu'ici les producteurs, les consommateurs et les propriétaires ont en la charge exclusive des grandes crises. Seuls les capitalistes ont échappé à la nécessité de tant de sacrifices. La justice veut que cette inégalité cesse. Lorsque tous éléments de la richesse sont atteints, il ne faut pas épargner celui de tous qui est le plus puissant. En conéquence... и проч.

Garniere-Pagès» **.

---

* «Временное правительство

считая, что пропитание народа должно быть первой заботой республики;

что особенно важно снизить цены на продукты питания, которые могут увеличить физическую силу народа,

декретирует:

ст. 1. В Париже налоги на мясо отменить;

ст. 2. Налоги заменить:

1. Специальным налогом на владельцев и жильцов, занимающих жилище в 800 фр. и выше;
2. налогом на роскошь, на богатые экипажи, собак и слуг мужского пола, когда к семье их приставлено больше одного»

ст. 3

ст. 4

** «Граждане! До революции налог был пропорциональный, следовательно, он был несправедливым. Чтобы быть действительно справедливым, он должен быть прогрессивным. Вы приняли и провозгласили этот принцип. Он будет приведен в исполнение в первом бюджете Республики. Но, в ожидании этого серьезного облегчения, необходимо создать ресурсы, которых требуют нужды государства. Вы должны помнить тот ущерб, который появился в наших финансах в результате отмены некоторых налогов, отныне неприемлемых. До сих пор производители, потребители и собственники несли основную тяжесть больших кризисов. Только капиталисты избегали необходимости

По примерной оценке, во Франции [находится] существует закладных и залоговых обязательств на 12 миллиардов, что дает по силе декрета 120 миллионов дохода. Но это обман цифр, как справедливо доказал Прудон. Об этом после.

Все эти энергические революционные декреты [должны], вызванные нуждой и носившие характер хвастливости перед разными народными партиями, имели один главный недостаток: они не выходили из вполне твердой правительственной системы и до сих пор кажутся [мерами] дипломатическими уловками, которые по прошествии обстоятельств и погибнут.

Наконец, наступил великий день 20 апреля, четверг, в который Правительство хотело соединить все классы народа, национальную гвардию, мобильную гвардию, доселе преследуемую, в одном чувстве братства и любви к Республике. Прокламацией, выданной накануне [14], оно увещевало их к одному крику, который должен был подавить все раздоры и недоумения, крик: «Vive la République!» Я не стану описывать этого празднества: оно было удивительно, но как-то не подлежит рассказу. 300 тысяч штыков, которые 14 часов сряду стояли, как разлившаяся река, по двум главным артериям города: бульварам и набережным. Беспрестанные песни, музыка, бой барабанов, знамена, белые платки и разноцветные костюмы дам в окнах — все это составляло картину великолепную, несмотря на туманный день. Присутствие блузы и лохмотьев в рядах национальной и мобильной гвардии еще придавало живописности: это были работники и волонтеры, еще не успевшие обмундироваться. Демократический оттенок, присущий народу, сильно выказался в этот день и придал ему особенный характер, который никакие другие смотры иметь не могут. Один Париж во всей Европе может в эту минуту вращать в недрах своих такое неимоверное количество вооруженного народа. Чрезвычайно красиво смотреть было с высоты Итальянского бульвара на некоторые легионы, воткнувшие [привязавшие] в дула ружей [первую] букеты сирени: весна, несомая на штыках! 14 часов проходили ряды их мимо Триумфальной арки, Arc de l'Etoile, под которой на великолепной трибуне с огромными знаменами сидели члены Правительства, окруженные всей администрацией, магистратурой, университетами, раненными в февральские дни, блузами, грубыми капотами, поместившимися несколько выше, щегольскими костюмами дам. Смешение удивительное [замечательное], воспроизводившее в Правительстве то, что было внизу на улицах. Последние легионы национальной и мобильной гвардии с помещенным в их [рядах] интервалах регулярным войском миновали Правительство уже в 9 часов ночи с факелами. Город с приближением ночи осветился. Мы ходили вечером с семейством Тучковых [15] смотреть в разные части его разнохарактерную иллюминацию. Можно с достоверностью сказать, что в эту ночь весь Париж заснул довольный сам собой и с надеждой на будущее.

в таких больших жертвах. Справедливость требует, чтобы это неравенство прекратилось. Когда все элементы богатства задеты, нет нужды щадить того, что является самым мощным, соответственно...

Гарнье-Пажес» (*франц.*).

Но как бы то ни было, ни смотры, ни декреты не могли остановить направления, данного 16 апреля: выборы в Париже в Национальное собрание совершились под его влиянием, т. е. под влиянием модерантизма * и умеренной партии. Точно такой же характер лежал на выборах и департаментов с той только разницей, что в них отвращение к комиссарам Ледрю-Роллена и их безобразному управлению [послужило] толкнуло популяцию к легитимистам, династической оппозиции и даже духовенству.

Займемся выборами парижскими. Им предшествовали выборы полковников и других членов национальной гвардии после ее демократического преобразования. К удивлению всех, оказалось, что, кроме двух имен полковников, взятых из старых condamnés politiques **, остальные имена полковников для 10 легионов принадлежали умеренным работникам, мещанскому радикализму и даже полулиберализму. Еще хуже было с выборами в Национальное собрание.

Париж с окрестностями должен был, как мы знаем, выбрать 34 депутата в самый день des Pâcues ***, 23 апреля. В продолжение всего месяца клубы разбирали достоинства представлявшихся кандидатов, их прошедшую жизнь и особенно социальные теории их [в самом узком примитивном толковании клубов], но в прямом, особенном свете, свойственном клубам, а именно: у кого есть лучшая теория обогатить бедных и обеднить богатых. Большая часть кандидатов скрывалась, за неимением своей собственной, за теорией Луи Блана с некоторыми изменениями, разумеется, не к лучшему. Самые оригинальные перефразировки ее были сделаны в клубе des droits de l'homme, уже известного своими странностями, особенно предложением — кормить до организации работ все мануфактурное население Парижа и всей Франции на казенный счет. В этом клубе citoyen Victor Leroux читал проект свой, из которого сделаю две выписки, одну из первой главы, другую из 2-ой: 1. «Que fut l'ouvrier? Que sera-t-il? D'abord définissons l'ouvrier. J'appelle ouvrier non seulement cette partie de l'humanité que d'habitude on désigne par ce mot, mais encore, ce qui, émanant de la créature même, concourt au travail tant matériel qu'intellectuel. Pris dans ce sens, l'ouvrier sera donc la force et l'intelligence». Столь же понятно начинается и второй параграф: «Matière première, outil et enseignement, étant suivant moi, dûs à la créature, je dis que les seuls élements constitutifs du travail sont en matériel le talent et la force, en intellectuel le talent et l'intelligence. Mais à le prendre dans l'état où le passé le transmet, je vois qu'entre ces deux éléments il s'en est glissé un troisième, le franc ou le capital» ****.

* Модерантизма (от *франц.* modération) — умеренности.

** Политических осужденных (*франц.*).

*** Пасхи (*франц.*).

**** «Чем был рабочий? Чем он станет? Сначала определим рабочего. Я называю рабочим не только ту часть человечества, которую обыкновенно обозначают этим словом, но еще и ту, что содействует труду как материальному, так и интеллектуальному. Взятый в этом смысле рабочий будет, следовательно, тот, кто обладает физической силой и умом». «Так как сырье, орудие труда и обучения составляют существо труда, то я утверждаю, что единственными элементами труда в материальном отношении является талант, а в интеллектуальном отношении — талант и интеллект, но учитывая то состояние, в которое труд обратило прошлое, я вижу, что между этими элементами вклинивается третий — франк или иначе капитал» (*франц.*).

Этот образчик очень хорошо показывает, как при сильном литературном образовании [всякий человек, социальные идеи] легко обращаться с самыми тяжелыми вопросами современного социализма. В клубе Барбеса теория Луи Блана приняла оттенок спиритуализма [христианского католицизма] под влиянием самого основателя, соединявшего в прекрасном своем виде три противоположных характера: мистицизм, ограниченность и решительность. В этом клубе, между прочим, посереди проектов разорения богатых и передачи всех индустриальных предприятий и собственности в руки Правительства — отстранена была кандидатура экс-пэра д'Альтон Ше за известную речь его в Палате пэров, в которой он объявил себя атеистом. При всеобщих рукоплесканиях собрание объявило, что человек, объявивший себя атеистом, не может быть ни хорошим гражданином, ни истинным демократом. Клуб Бланки, занятый постоянной конспирацией, не имел [решительной теории] особенного социального направления, а равно принимал [теории Бланка, Кабета] ассоциативные теории Блана, коммунистические — Кабета и продуктивной солидарности — Прудона [16], как [особенно поднимающие] удобные к подчинению и обольщению масс. Покуда все клубы разбирали жизнь своих кандидатов с большей или меньшей скандальностью, каждый журнал выдавал свой лист кандидатов, и, наконец, каждый человек, когда-либо написавший строку в жизни или сказавший речь в обществе друзей, предлагал в кандидаты самого себя, не забывая выписать лучшие места из той или другой. Город покрылся разноцветными афишами искателей с воззваниями к своим гражданам. Были люди, которые просто печатали имена кандидатов, какие им вздумалось, не забывая собственного имени, и раздавали их даром в улицах, площадях и пассажах. Разумеется, нет никакого средства перечислить все, что было во всех этих прокламациях странного, неясного, чудовищного: самое разнузданное воображение никогда не достигнет и до половины действительности. Помню три афиши, заслуживающие перейти в потомство: 1) какого-то г. Гуни [17], объявившего, что нет такого финансового, административного и государственного вопроса, которого бы он не знал и не обдумал с совершенной зрелостью, 2) какого-то г. Буало [18], обещавшего, как только его выберут, доставить Франции 450 миллионов, вследствие ему одному известного секрета, 3) самая наивная и почтенная г. Сирье [19], где он излагает причины, побудившие его к кандидатству: во-первых, он беден: 25 франков в день, назначенные депутатам, очень помогли бы поправить дела его, во-вторых, он не имеет образования, но министр просвещения объявил образование даже помехой в исполнении депутатских обязанностей, в-третьих, он крайне уважает народ и в доказательство рассказывает случай из своей жизни. Раз в обществе работников его просили спеть «Марсельезу». Сирье был в сюртуке. Он отошел в сторону и, как священник, облачающийся прежде приближения к алтарю, возложил на себя блузу, перевязался кожаным кушаком и из платка сделал фригийскую шапку на голову — и только после этого приготовления запел песню. Все это очень простодушно и без всякой иронии. Если когда-нибудь исполнит свою программу — собрать все афиши и частные прокламации — новый журнал «Les Murs de Paris» [20], он окажет истории великую услугу, захва-

тив современную мысль города во всей ее общности. Литераторы, как Виктор Гюго, Дюма, Сю, написали тоже свои прокламации, конечно, менее безграмотные, но чудовищные — по истинной совести — не менее трех предшествующих.

Покуда царствовало волнение голов, которое с избытком вознаграждало за утерянное уличное волнение прошлого месяца, образовалось несколько комитетов для составления списка кандидатов как Парижу, так и всей Франции. Комитеты эти объявили, что они приходят на помощь народонаселению, неожиданно застигнутому революцией, намерены указать ему настоящих друзей народа и посредством провинциальных комитетов [предлагать] действовать на всю массу народа, еще нерешительную и способную подпасть влиянию реакции, роялизма и [буржуазии] частного интереса. Из этих комитетов захватили и разделили между собой [силу] истинное влияние на публику только два: Comité central под влиянием партии «National» и Comite révolutionnaire под влиянием Барбеса и Бланки и составленный из депутатов Люксембургской комиссии (работников), депутатов самых жарких клубов и ультра-демократов. Мы займемся листами их кандидатов для Парижа и результатом, вышедшим из этого. Comité central в листе, им опубликованном, предложил имена первых всех 11 членов Временного правительства, потом 9 человек, участвующих в Пра‹вительст›ве и большую часть друзей политики «National» (Бастид, Карно, и проч.), для представления науки, поэзии, искусств Филиппа Леба[21] (из Института), Дегуза[22] (инженера), Трела[23] (доктора), Беранже[24], Ламенэ и Давида (скульптора), тоже имеющих сильный оттенок консервативного либерализма, а для работников выбрали имена работников-издателей журнала «L'Atelier», замеченного особенно в последнее время жаркой защитой порядка, правильного труда и приверженности к настоящему Правительству, а именно: Карбона, резчика по дереву, Данги[25], наборщика. Вне журнала «Atelier» взяли они двух самых умеренных социалистов: Леруа[26], часовщика, и Совари[27] из журнала «Fraternité». [С намерением перевеса Люксембургской комиссии, он присоединил к листу имя начальника мастерских, числивших до 80 т. работников.] Наконец, лист заключался одним из редакторов «National» Charles Tomas[28] и, странным образом, д'Альтоном Ше. Новые социальные теории были совершенно исключены, а равно и крайние демократические партии.

Лист, таким образом составленный, сделался знаменем для всех старых консервативных журналов и для всех умеренных клубов, которые хотели сделаться республиканскими как можно дешевле. Они оставили [переменили некоторые имена] его почти [целиком] во всей целостности [присоединили], заменили только некоторые, еще опасные, по их мнению, имена другими, вроде доминиканца Лакордера[29], протестантского пастыря Cognerel[30], часовщика Пепена[31], принадлежавших к «Atelier», т. е. к аристократизму работников, плотником Валлу[32], опровергавшим теорию Луи Блана в «Прессе», и работником Смитом[33], написавшим одну брошюру «Catéchisme de l'ouvrier», в которой он опровергал все неумеренные надежды трудящегося класса, представляя разрешение вопроса о труде взаимному соглашению работника и фабриканта. Брошюра имела страш-

ный успех в мещанстве, но на другой день выборов оказалось, что Смит совсем не работник, а бывший чиновник г. Гизо. Выбор его тотчас же и был уничтожен, как только собралось Национальное собрание. На всех листах красовалось имя Воловского, как единственно возможного в эту минуту представителя свободной торговли. Измененная таким образом программа «National» или «Comité central» и послужила к составлению парижской депутации, но об этом далее. Comité révolutionnaire действовал иначе. Он согласился с депутатами-работниками Люксембурга и вдруг выставил двадцать имен работников, известных покорностью начальникам и увлечением своим, остальные 14 имен он предоставил пополнять каждой партии радикальной именами ультра-социалистов (Кабета, Консидерана, Прудона, Пьера Леру) и ультра-радикалами (Барбес, Распайль, Собрие) и по молчаливому согласию только 4 лицами из Правительства: Ледрю, Флокона, Луи Блана, Альберта. Этот лист и был роздан депутатами Люксембургскими всем своим цехам и корпорациям. Вот имена работников этого листа, большею частью совершенно неизвестные: 1) Савари, сапожник, 2) Montaigne [34], ouvrier en limes, 3) Valériot [35], scieur de Long, 4) Drevet [36], mécanicien, 5) Adam [37], cambreur, 6) Malarmé [38], monteur en bronze, 7) Gauthier [39], dessinateur, 8) Chevassus [40], passementier, 9) Flotte [41], cuisinier, 10) Dupreis [42], serrarier, 11) Berard [43], tailleur, 12) Cartigny [44], tisseur en châles, 13) Redon [45], chapellier, 14) Charles [46], tailleur de pierres, 15) Lagarde [47], horloger, 16) Agricol Perdignier [48], menusier (автор известной книги Sur le campagnonage), 17) Martin Bernar [49], typographe (политический экс-преступник), 18) Hubbert [50], corroyeur, 19) Guillaumon [51], cordonnier, 20) Griveau [52], peintre *.

Эти попытки ввести ультра-демократов в Национальное собрание вызвали вопль негодования из «Peuple constituant» от Ламенэ. Его желчные статьи против Луи Блана и [всей теории] всех социальных теорий обратились теперь в обвинение, когда разнесся слух, что Луи Блан сам способствует распространению листа между работниками и даже созывает с этой целью их в Champs Elysées. В этих, как и во многих других вещах, Ламенэ совершенно совпал с Ламартином: демократически-церковная иерархия первого очень близко стоит к демократически-военной последнего. Мараст по своему положению не мог начать борьбы, Ламенэ вышел на нее тотчас же и воззванием к независимости работников, к их чести, оскорбленной чужим вмешательством, к их отвращению от закрытой тирании предводителей внес расстройство в ряды самой партии...

Наконец, 23-го числа образовалось по предписанию Ледрю и Мараста около 350 бюро для Парижа и окрестностей для принятия бюллетеней и разбора 300 т. имен, в них заключаемых. В головах было волнение, но улица была тиха, за малым исключением. 28-го общий разбор всех собран-

* 2) Монтель, кузнец, 3) Валерио, продольный пильщик, 4) Древе, механик, 5) Адан, башмачник, 6) Маларме, бронзовщик, 7) Шевасю, бассонщик, 8) Флотт, повар, 9) Готье, рисовальщик, 10) Дюпре, слесарь, 11) Берер, портной, 12) Картеньи, ткач, 13) Реду, шляпочник, 14) Шарль, каменотес, 15) Легард, часовщик, 16) Агриколь Пердигье (автор известной книги «Союз подмастерьев»), 17) Мартин Бернар, типограф, 18) Юбер, кожевник, 19) Гильом, сапожник, 20) Гримо, маляр (*франц.*).

ных в кварталах бюллетеней происходил в Hôtel de Ville в присутствии всех мэров и под председательством старшего из них. При стечении многочисленного народа он продолжался до ночи, и, наконец, мэр Парижа Мараст [торжественно] около 10 часов объявил результат его с кафедры; потом при свете факелов, при барабанном бое, музыке, перед гвардией, стоявшей в строю, со всей театральной обстановкой, какую Мараст-артист очень любит, результат этот объявлен был народу с крыльца Ратуши. Аплодисменты, крик энтузиазма при каждом имени и крики: «Vive la Rèpublique» составили ночью и при огне эффект, действительно немалый. Вот этот результат:

1) Lamartine	250 800	
2) Duport (de l'Eure)	245 983	
3) F. Arago	243 640	
4) Garnier-Pagès	240 890	Правительство
5) Marrast	229 166	
6) Marie	225 776	
7) Crémieux	210 699	
8) Béranger	204 271	песенник
9) Carnot	195 638	министр
10) Bettemont	189 252	то же
11) Duvivier [53]	182 252	генерал de la garde mobile
12) Lasteyrie [54]	165 156	из старой оппозиции
13) Vavin [55]	151 003	то же и покровитель поляков
14) Cavaignac	144 127	из «National», начальник Алжира
15) Berger [56]	136 660	из старой оппозиции и мэр II квартала
16) Pagnerre	136 117	из «National», книгопродавец
17) Buchez	135 678	основатель «Atelier», католический демократ
18) Carmenin	135 050	памфлетист и редактор декрета о всеобщих выборах
19) Carbon	135 045	работник из «Atelier», помощник мэра
20) Caussidier	133 779	префект полиции
21) Albert	133	работник из Правительства
22) Wolowsky	132 353	экономист старой школы
23) Peupin	132 353	из «Atelier», работник
24) Ledru Rollin	131 567	член Правительства!!
25) Schmit	124 383	ложный работник
26) Flocon	121 865	член Правительства!!
27) Lous Blanc	121 140	член Правительства!!
28) Recurt [57]	118 075	медик из «National»
29) Rerdignier	117 290	работник, автор книги «du campagnonage»
30) Bactide	110 928	редактор из «National»
31) Cognerel	109 934	протестантский пастор

32) Garnon [58]	106 747	
33) Guinard [59]	106 262	начальник штаба национальной гвардии
34) Lamenais *	104 871	

Из результатов оказалось: Ламартин в качестве главы умеренной партии получил страшное число — 260 т. голосов, в депутаты вводится старая династическая оппозиция короля Лудвига-Филиппа, из работников принимаются только работники-аристократы «Atelier», допускаются два либеральных священника (Когнерель, Ламенэ), вся социальная партия отстраняется без исключения, даже та умеренная, которой покровительствовал «National» [наконец, члены Пра‹вительст›ва], решительно демократическая — тоже, наконец 4 члена Правительства, представляющие движение, получают обидное меньшинство голосов и, видимо, только из опасения произвести междоусобную войну исключением их, но генерал Куртэ, главноначальствующий национальной гвардией, исключается без милости за одно слово, может быть, им сказанное: «Je veux être le général du peuple»**. И между тем работающий класс весь участвовал в выборах, но тут надобно принять в соображение: тысяч 80 работников национальных мастерских, состоявших под влиянием Эмиля Томаса [60], наклонного к либерализму «National'а», и выбор войска, состоявшего, разумеется, под влиянием военного м‹инист›ра Араго.

Вопль негодования и ужаса раздался при этом списке парижских представителей народа в ультра-радикальных журналах: «Réforme», «Commune», «La vraie République», «l'Ami du peuple», «Courrier», которому соответствовал такой же в социальных: «Démocratie pacifique», «Représentant du peuple».

Оставляя в стороне неизбежные обвинения в подлоге, подкупе, неправильности и обманах при выборах, обратим внимание на [сущность и самую мысль, содержание нападков] мнение этих журналов о [всеобщности] мысли, которую представляли выборы. «Реформа» возгласила первая: «Nous avions compté sur de bien mauvaises élections, mais l'événement, il faut l'avouer, a passé notre attente. Nous avons dit sous quelle influence s'est partout ouvert le scrutin. Les fonctionnaires du règne déchu n'ont eu qu'à suivre les errements qu'une pratique de 64 ans avait dû leur rendre faciles. L'arbre monarchique que nous n'avons fait qu'émonder a porté ses fruits» ***.

* 1) Ламартин, 2) Дюпон д л'Эр, 3) Ф. Араго, 4) Гарнье-Пажес, 5) Мараст, 6) Мари, 7) Кремье, 8) Беранже, 9) Карно, 10) Бетмон, 11) Дювивье, 12) Ластери, 13) Вавен, 14) Каваньяк, 15) Берге, 16) Паньер, 17) Бюше, 18) Корменен, 19) Карбон, 20) Коссидьер, 21) Альбер, 22) Воловский, 23) Пепен, 24) Ледрю-Роллен, 25) Шмит, 26) Флокон, 27) Луи Блан, 28) Рекюр, 29) Пердигье, 30) Бастид, 31) Когнерель, 32) Гарно, 33) Гинар, 34) Ламенне (*франц.*).

** «Я хочу быть генералом народа» (*франц.*).

*** «Мы рассчитывали на весьма плохие выборы, но произошедшие, надо признать, превзошли все наши ожидания. Мы говорили, под каким влиянием началось голосование. Чиновники падшего режима просто следовали по дорожке, которую 64-летняя практика сделала для них привычной. Монархическое дерево, которое мы только подрезали, принесло свои плоды» (*франц.*).

И потом, обвиняя своих комиссаров в слабости и излишнем помышлении о собственной кандидатуре, она прибавляет: «La réaction a fait le reste. Elle a, elle aussi, continué le système de la monarchie. Elle a sonné l'alarme, elle a crié au communisme et à l'anarchie et c'est sous cette sorte de panique que bien des braves gens ont voté. Prenons patience, les scrutins sont changeants et nous sommes doués d'une persistence que rien ne saurait décourager» *.

Журнал ультра-демократа Собрие «la Commune de Paris» произнес еще сильнейшее выражение угрозы, доказывавшей, что он готовился к делу, вскоре потом и разразившемуся над Собранием. Нельзя сказать, чтобы редакция этого журнала отличалась особенным мастерством, но ему принадлежит честь почти с первых дней революции заговорить о реакции и о полной совершенной перестройке общества на демократических и социальных началах. Какие это начала, он никогда не выказывал, а было известно только, что в улице Риволи № 16 в доме, принадлежавшем государству, где помещалась редакция, жила постоянно шайка отчаянных республиканцев, составлявших нечто вроде гвардии для издателя и готовая по первому его повелению рассыпаться во все концы города; известно было также, что там состояло депо оружья, скупались военные материалы и готовились к бою. Журнал этот говорил прямо к народу, называя его просто: «toi peuple» ** и проч. Накануне [самых выборов] 27 апреля [последнего счета голосов в Ратуше] он писал: «Posons nettement la question. Si la nation trouve la place de sa souveraineté occupée par des hommes capables et actifs, elle marchera avec eux; si au contraire elle trouve cette place vide, elle reviendra la remplir elle-même. Ainsi donc, pas de vaine inquiétude sur le résultat plus ou moins heureux des élections. Peuple, tu ferais croire en te livrant à ces futiles alarmes, que tu ignore ta force. N'est-tu pas aujourd'hui ce que tu étais hier? Ce qui tombe dans l'urne, ce sont des morceaux de papier; ce que tu as dans le coeur, c'est le sentiment indomptable de tes droits» ***.

Спустя несколько дней, когда уже разыгралась кровавая драма в Руане (см. ниже), «la Commune» (mercredi 3 мая) писала, в предположении, что Национальное собрание отвергнет республику социальную, следующее, разделяя свои фразы многозначительными точками и печатая курсивом то, что у меня подчеркнуто: «Alors, frères, instruits par cette expérience solennelle... ayant montré jusqu'à la fin la patience et la dignité du bon droit et de la force... alors vous ferez tonner votre grande voix. «*Le peuple est*

---

* «Реакция довершила остальное. Она тоже продолжила систему монархии. Она забила тревогу, кричала о коммунизме и анархии: при этой панике и голосовали многие честные люди. Наберемся терпения. Баллотировка переменчива, а мы одарены упорством, которое ничего не может сломить» (*франц.*).

** «Ты народ» (*франц.*).

*** «Поставим вопрос четко. Если нация находит место своего суверенитета занятым способными и активными людьми, она пойдет вместе с ними; если же, напротив, она находит это место пустым, то она вернется, чтобы самой его занять. Так что не нужно пустых сомнений относительно более или менее счастливого исхода выборов. Народ, ты дал бы основание подумать, отдавшись этому пустому беспокойству, что тебе неизвестна твоя сила. Разве ты сегодня не то, что был вчера? То — что падает в урну, это клочки бумаги, то, что у тебя в душе — это неотвратимое чувство твоих прав» (*франц.*).

le souverain: le gouvernement est son ouvrage et sa propriété; les fonctionnaires publics sont ses commis. Le peuple peut, quant il lui plaît, changer son gouvernement et révoquer ses mandataires. (Art. 14 Déclaration des droits de l'homme). Et alors le jugement du peuple sera le jugement de Dieu. Droit d'élection, droit de révocation: l'un est le principe, l'autre la conséquence» *.

Журнал «La vraie république», известивший об участии Барбеса, Жорж Занд, Пьера Леру и проч., объявляя, что Национальное собрание будет состоять преимущественно из буржуазии, говорил, что ввиду этого настоящие республиканцы не составят оппозиции, а составят партию будущего: «Nous serons l'Avenir. *Nous ne sommes pas l'obstacle passif.* Nous serons *les combattants actifs* et dévoués, qui appelleront en avant tous les amis de la République sociale vers l'idéal que nous indiquent la tradition, le sentiment de la génération vivante, l'histoire, la philosophie, la politique et cet enthousiasme irrésistible du Peuple en faveur de la justice et de l'égalité» **.

Защиту социализма, отстраненного выборами и ведомую довольно слабо и более из убеждения, чем из знания дела журналами политическими, принял Прудон в своем превосходном журнале «le Représentant du peuple» с многою дерзостью и свободой, попирающей все народные предрассудки, которая отличает его критические статьи, он заговорил не об элементах, вошедших в состав Национального собрания, а [подчинил разбору самый принцип] о самом принципе, породившем suffrage universel, называя его безобразнейшей выдумкой либерализма. Статья его по этому поводу (le Représentant du Peuple, Samedi, 29 апреля, № 28) есть, может быть, шеф-девр резкого анализа. Объявляя, что демократическая республика 24 февраля, основанная либералами Hôtel de Ville, до сих пор была только детским обезьянничеством старой революции, что партии и Правительство сражались словами: г. Монтаньяр, г. Жирондист, что Люксембургская комиссия заставила в бездейственности всю Францию сложить руки на груди, что, наконец, республика 24 февраля не [выдумала] произвела даже своего поэта, не выдумала своей песни, а продолжает тянуть la Marseillaise, совершенно не свойственную обстоятельствам, что клубы наследовали от предшествующих только их нелепость и т. д. и т. д. он переходит к suffrage universel: «Le suffrage universel est la contrerévolution» ***, и чем общее сделаются они, тем ближе к гибели государство, потому что они ничего не выражают, кроме случайности. Во второй статье (30 апреля,

---

* «Тогда, братья, наученные этим великим опытом, до конца проявив терпение и сознание своего права и силы... вы дадите прогреметь вашему голосу. Народ — властитель. Правительство — дело его рук и его собственность, народные служащие — его приказчики. Народ может, когда ему вздумается, сменить свое Правительство и отозвать своих депутатов (ст. 14 «Декларации прав человека»). И тогда суд народа будет божьим судом. Право на выборы, право на отозвание — одно из них основа, другое — следствие» (*франц.*).

** «Мы это будущее. *Мы не являемся пассивным препятствием.* Мы будем *преданными и активными борцами,* которые будут звать вперед всех друзей социальной Республики, к идеалу, узаконенному традицией, чувствами живущего поколения, историей, философией, политикой и неудержимым порывом народа к справедливости и равенству» (*франц.*).

*** «Всеобщие выборы — это контрреволюция» (*франц.*).

№ 29) он еще идет далее, называя suffrage universel * грубым материализмом республики, поголовным счетом народонаселения, не выражавшим его настоящей мысли, вещью, соответствующей в философии — атомистической теории, в политической экономии — разделу земли двум признанным наследствам, наконец, теорией, подчиняющей направление государства безобразной случайности: «100 тысяч человек в государстве не могло по обстоятельствам вотировать — и государство получает отвратительную физиономию; 100 т. человек вотировало разумно, 100 т. вотировало неразумно, приходит еще один голос неразумный, и весь округ подчиняется одному этому голосу, воображая, что он подчиняется всеобщности голосов. Да и сами цифры голосов [при отсутствии изложении], не поясненные ничем избирателям, недоступны никакому положительному выводу. И при suffrage universel экономический вопрос, вопрос нашего времени, состоит нетронутым со всеми бедствиями и страданиями современного общества. В неумолимой последовательности, идя все далее и далее, Прудон подчиняет [разбору] в новой статье самую мысль о souveraineté du peuple **, спрашивая, где она выказалась, когда она была равна себе самой, постоянно ли она действует, как прилично царствующему, кто уловил ее, и, наконец, мысль о демократии. Здесь Прудон делается [почти] совершенным политическим атеистом и с несомненной великостью, надо прибавить. Демократию он считает новой формой монархии, оборотной ее стороной, так же, как и она создающей диктаторство, безответственность и впоследствии — тиранию. У обоих одинаковый [инструмент] способ действования — выбор, одинаковая цель — создание особенного Правительства вне общества и одинаковый результат — народ не управляет сам собой. Что ставит Прудон на место всех этих либеральных хитростей — об этом после.

Под криком всеобщего негодования ультра-радикалов и ультра-социалистов Мараст почувствовал необходимость уступки. Отнеся дурные выборы в провинциях действию роялистской реакции и особенно тому, что выборы были сделаны не тотчас же после революции 24 февраля, когда вся Франция приветствовала республику с восторгом, он защищается от обвинений в ненависти к социализму, но скромно и слабо. Социализм, по его мнению, есть несомненное следствие революции, хотя новые общественные формы должны быть созданы самим народом и временем, а не вдруг отдельными теориями и комиссиями. Собственную свою теорию для [изменения] улучшения трудящегося класса «National» излагал [лаконически] коротко: она состояла, во-первых, в развитии [народного] общественного воспитания, что приравняет [бедность] нравственно бедные классы общества с богатыми, и, во-вторых, в развитии государственного работнического банка, который ссудит трудящимся инструменты работ и даст средства сравняться фактически с достаточными классами. Эту невинную теорию, состоящую в воспитании и образовании работника, развивал в подробности сателлит «National» Ламенэ в своей «Peuple constituant» [61], после чего первый и перепечатал статью второго у себя.

* Всеобщие выборы (*франц.*).
** Суверенитет народа (*франц.*).

Между тем пришли известия о выборах в департаментах. Хотя ультрареспубликанцы, отстраненные в Париже, отыскали в месте своего рождения более снисхождения, и Барбес, генерал Куртэ, Эдгар Кине, Дюрие[62] (редактор «Courrier français»), Мартин Бернар (типографист) и были выбраны, хотя [ультра-радикалы] ультра-социальная партия получила удовлетворение в лице депутата Консидерана и Видаля, но малое число выбранных крестьян и работников (последних всего 12), в числе их заметно имя поэта-хлебника Ребула[63], но торжество мещанства во всех списках, присутствие легитимизма в особах Ларошжаклена и Беррье, присутствие католической партии в особах аббата Лекордера, епископа Файе[64], викария Делапуэ, ультра-католиков в особе экс-пэра Монталамбера и почти всей старой династической оппозиции целиком: Одиллона Барро, Дювержье-де-Горана, Дюфора, Ремюзе, Биллью[65], Перрье[66] (редактора «Siécle») показало, что департаментские выборы прошли под влиянием той же идеи умеренности и возвращения назад, как и парижские. Тьер не представлялся на выборы, один департамент послал в Собрание г. Мюрата[67], сына Неаполитанского короля, Корсика послала г. Наполеона Бонапарта[68], сына короля Жерома, и г. Пьера Бонапарта[69], сына Люциена.

Как замечательный факт можно представить, что Ламартин за репутацию всеобщего умиротворителя выбран был в 10 департаментах и соединил на голове своей до 3 миллионов 500 т. человек. Вход Франции в новые свои права, разумеется, не мог обойтись без беспорядков. Партии комиссаров департаментов встречали крестьян на дороге к месту выборов и уничтожали их бюллетени после порядочных драк [партии клубов], крестьяне в свою очередь врывались в мэрии и выгоняли [клубистов] ожесточенных клубистов и проч. Но чего совсем не ожидала Франция, даже после примера Лиона, где работники одной части города (Croix-rousse) в числе 650 человек под грозным именем les voraces[70] укрепились на горе своей [управляют], захватили все посты, разрушили укрепления и вооруженные открывают и закрывают мастерские, выпускают и впускают войско, делают и освобождают арестантов и подчиняются или уничтожают приказания правительственных комиссаров (сперва Эммануэля Араго, теперь Мартина Бернара) — чего не ожидала Франция — это событий в Лиможе. Толпа работников, недовольная результатами выборов и особенно старого депутата Море Бампл и возбужденная, с другой стороны, партией комиссара Бака[71] и клубистами, обезоружили национальную гвардию, ворвались в мэрию, уничтожили все бюллетени и, наконец, завладели самим городом, выбрав тотчас по примеру Парижа Временное правительство. Комиссар Бак для предупреждений страшных последствий сам стал во главе бунтующих, сдержал движение [обложил трепещущую буржуазию], но буржуазия, живущая до сих пор под [ударом] [страхом] опасением народного терроризма, обложена была 700 т. насильственного налога. Движение это началось в Руане, но там кончилось совсем иначе. 27 числа при известии, что комиссар Deschamps[72] [остается] выбран 20-ым человеком и, стало быть, остается за линией, ибо Руан дает только 19 депутатов, да и вообще при известии [умеренных депутатов],

что лист, где было названо 10 работников, не прошел, а прошел противоположный с именами только умеренных работников, народ, возбужденный партией комиссаров и клубами, бросился на Ратушу, но встречен был выстрелами национальной гвардии и войска. Тогда он разбежался по [народным] населенным кварталам и стал делать баррикады. В два дня было построено 41 баррикада. До сих пор все походило на февральское движение Парижа, но не походило на него решение муниципалитета предоставить город на время битвы в управление генерала Орденда[73] и твердое намерение командира войска (Gerard de Soisons) уничтожить мятеж. 41 баррикада были взяты; некоторые дома и баррикады расстреляны пушками, и покуда солдаты неумолимо шли на [бунтовщиков] инсургентов (великая разница с парижскими происшествиями), отставной генерал прокурор Сенар[74] самовольно вступил в должность и подвергал суду зачинщиков, агентов и людей, взятых с оружьем. Частная эта попытка к революции к вечеру 28 числа была совершенно подавлена, и на месте ее только осталось 34 убитых и до сотни раненых. Париж при получении этого известия был в ужасе: «Réforme» и «Commune», увеличивая по духу партий эту победу умеренного либерализма, говорили одинаковыми словами так: «Hier à Rouen on a tiré 150 coups de canon chargés à mitraille; près de 200 ouvriers ont été tués sur la place et il y a un très grand nombre de blessés. La terreur et loi suspects sont organisés à Rouen; il suffit de porter une blouse pour être arrêté et battu à coups de crosse de fusil (Commune de Paris, 29 avril)» *.

И таким образом под заревом междоусобной войны кончился этот месяц и открылось новое Национальное собрание.

По необходимости мы должны пропустить еще биржевое волнение этого месяца вследствие проекта Гарнье-Пажеса о выкупе железных дорог, проект, ожидаемый со дня на день, который, однакож, встретил во владельцах акций и в требовании их сопротивление, убившее его до рождения, и еще волнение чиновничества, вследствие прогрессивной удержки в жаловании их в следующей пропорции: получающие от 1001 фр. до 2000 — 4 сантима с франка, с 2001 фр. до 3000 — 5 сантимов с франка, с 3001 до 4000 — 8 сантимов и т. д. до 25 001 фр., платящих уже 30 сантимов, и так далее, что служило предтечей прогрессивному налогу, сильно покровительствоваему Гарнье-Пажесом.

Переходим прямо к двум лицам, имеющим такую значительность в прошедшем месяце: Карно и Луи Блану с его Люксембургской комиссией.

Г. Карно [вскоре сам] составил при своем м‹инистерст›ве еще в прошлый месяц главную комиссию, haute commission des études scientifiques et littéraires **, под председательством известного сотрудника Encyclopédie

---

* «Вчера в Руане было произведено 150 выстрелов из пушек, заряженных картечью; около 200 рабочих было убито на площади и очень много раненых. Террор и подозрительность воцарились в Руане: достаточно быть одетым в блузу, чтобы быть арестованным и избитым ружейными прикладами и т. д. («Парижская коммуна», 23 апреля)» (*франц.*).

** Главная комиссия по научным и литературным исследованиям (*франц.*).

Nouvelle[75] Léon Reynaud[76], которого статья к ней «Ciel» *, как резюме доктрины Пьера Леру, служит новым догматом для республиканцев-спиритуалистов. Комиссия эта предложила составить при Collège de France школу для образования администраторов и государственных людей, в которых так нуждается Франция, оставляя за Сорбонной методическое преподавание точных, словесных и исторических наук: «L'ère nouvelle dans laquelle la nation vient d'entrer impose à cet égard à l'instruction publique ses obligations impérieuses. Du moment que le Nation reprend possession d'elle-même, pour conduire par sa propre souveraineté, il faut de toute nécessité que l'étude des hautes sciences du gouvernement soit instituée dans son sein sur le mode le plus large et le plus efficace. La perfection et la puissance de l'administration politique sont à ce prix» **.

Вследствие этого Карно посредством правительственного декрета от 7 апреля, уничтожив в Collège de France кафедры естественного и народного права, политической экономии, сравнительного судопроизводства, турецкого языка, латинской словесности, открыл следующие кафедры:

1) Droit politique français et droit politique comparé
2) Droit international et histoire des traités
3) Droit privé
4) Droit criminel
5) Economie générale et statistique de la population
6) Economie générale et statistique de l'agriculture
7) » » » des mines, usines, arts et manufactures
8) » » » des travaux publics
9) » » » des finances et du commerce
10) Droit administratif
11) Histoire des institutions administratives françaises et étrangères ***.

[Документ] Воспитанники этой новой школы после предварительного экзамена, определенного новым приказанием м‹инистр›а, получают название élèves du Collège de France **** и после трехгодичного курса преимуще-

* «Небо» (*франц.*).

** «Новая эра... в которую нация только что вступила, диктует, естественно, народному образованию свои настоятельные обязанности. С этого момента, как нация вступает в свои права затем, чтобы самой вести себя самостоятельно, следуя необходимости, обучение высшим государственным наукам должно быть введено в ней самым широким и действенным образом. Необходимость совершенствования и усиления политического управления требует этого».

*** 1) Политическое право Франции и сравнительное право
2) Международное право и история договоров
3) Частное право
4) Уголовное право
5) Всеобщая экономика и статистика народонаселения
6) Всеобщая экономика и статистика земледелия
7) Всеобщая экономика и статистика шахт, ремесел и промышленности
8) Всеобщая экономика и статистика публичных работ
9) Экономика финансов и торговли
10) Административное право
11) История административных французских и иностранных институтов (*франц.*).

**** Воспитанники Коллеж де Франс (*франц.*).

ственно употребляются в государственную службу. Некоторое удивление произвело назначение профессоров на новые кафедры, отказавшихся от жалования: первую кафедру получил сам Léon Reynaud, на вторую — Ламартин, на третью — Арман Мараст, на 4-ую — (*неразборчиво*), на 5-ую — Serres [77], на 6-ую — Decaisne [78], член Академии, на 7-ую Bineau [79], инженер, на 9-ую — Гарнье-Пажес, на 10 — Корменен, на 11-ую — Ледрю-Роллен.

Очень ясно было, что большая часть этих профессоров, занятая другими обязанностями, читать лекций не могут, уж не говоря о возможности чисто практической: это походило на старые почетные места, противные духу республики. Затем в числе [фактически] упраздненных [кафедр] профессоров был Мишель Шевалье, весь месяц ратовавший в «Journal des débats» против Люксембургской комиссии, так что вся мера казалась отчасти личным отмщением. Однакож, когда старые академики и партизаны свободной торговли с Леоном Фоше во главе, раздосадованные дерзким снятием политической экономии Смита и Сея [80] из ряда наук, ходили с протестацией к Ламартину, слова последнего не оставили никакого сомнения, что Правительство приняло это решение с явным намерением выключить либеральную экономию из числа официальных наук, как уже противостоящую стремлениям народа и его требованиям: «Мы хотим, — сказал он, — сделать из науки, занимающейся доселе одним классом общества — собственниками, науку для всех классов. Мы намерены демократизировать политическую экономию и, вместо чистой непреложной теории, отдать на свободное изучение элементы, составляющие народную жизнь». — Академики объявили, что они сами откроют кафедру политической экономии для пополнения в государственном образовании пустоты, сделанной декретом 7-го апреля.

Луи Блан в продолжение всего месяца молчал со своей комиссией; только в конце его еще раз красноречиво пожаловался в общем собрании делегатов, на гонения, им претерпеваемые, а 3 мая напечатал в «Moniteur universel» полную систему организации работ, обнимающую всю производительность государства [81]. Удивляться надо логичности, консекветности *, с каким построил он целое здание своей утопии, но, вместе с тем, эти самые качества и дали ей то невыносимо тупое выражение, какое, например, представляла организация египетских каст. Читая ее, делалось душно, точно воздух весь украден кем-нибудь. Он начинает ее изложением услуг, оказанных Люксембургской комиссией [республике], — применение многих работников с патронами, что справедливо, и переходит потом к теории. Тут он основывает земледельческие колонии на том же основании, как и мастерские, под условием ссуды капиталом и землею от Правительства и под условием равной платы всем членам за работу и распределение барышей по таблице, приведенной выше.

Тут, отстраняя торговцев и людей du commerze, он составляет для продуктов самих мастерских и земледельческих колоний — магазин от Пра‹вительст›ва, где консематор ** может брать, что ему угодно и по первой

* Консекветности (от *франц.* conséquent) — последовательности.

** Консематор (от *франц.* consemmateur) — потребитель.

цене; для мелкой вседневной промышленности — базары от Пра‹витель‹ст›ва, где опять консерватор получает за первую цену все произведения. Тут еще Пра‹вительст›во основывает огромный кредит на этих магазинах и базарах, выпуская акции [которым] под залог товаров, в них сберегающихся, а эти акции вытесняют металл и деньги. Далее Пра‹вительст›во захватывает все общества страхования, составляя одно огромное общество застрахования для него и для всех, и от процентов, платимых ему, образует великие капиталы, которые оно снова и вливает в народ, основывая новые мастерские и целые земледельческие колонии, и т. д. Кажется, что всему этому устройству председательствовал какой-то гениальный фараон. Между тем Луи Блан решился и на практическую попытку. Под его покровительством основаны две мастерские равной платы — сидельщиков и портных. Последняя и самая любопытная — в старой тюрьме за долги — Клиши под названием «Association fraternelle des ouvriers tailleurs»[82] особенно заслуживает внимания. Общество это получило от Ледрю-Роллена, во-первых, основного капитала 26 т., потом заказ от разных ведомств по увеличенной цене мундиров для национальной, подвижной, республиканской (префектурные стражи) гвардий. Через несколько времени д'Альтон Ше в демократическом клубе, где он председательствует, и Ламенэ в «Peuple costituant» известили, что огромная цена, наложенная Пра‹вительст›вом за исполнение работ в обществе, есть ущерб государству и другим свободным работникам, что, вместе с тем, к назначенному числу четверть заказов была не исполнена, что исполнение отличалось дурной работой и что, наконец, общество отдает работу уже от себя на сторону, восстанавливая таким образом уничтоженный институт marchadage — подрядчиков. Общество объявило клеветой все эти обвинения, но через [два] месяца своего существования общество выказалось вполне. Все члены (их, говорят, до 1500 (?) человек) получают одинаковую плату по 2 фр. в день, не исключая занимающихся домашней работой. «Тот, что у нас выметает комнату, к концу дня столь же устает, как и сидящий за станком, — сказал работник Конде Герцену, осматривающему заведение, — и, стало быть, имеет право на одинаковое со мной вознаграждение». Ничтожество платы, разумеется, [только] привлекает единственно работников или несчастных или мало искусных, отчего и заказы не могут быть исполнены с должной скоростью и должным совершенством, а работники искусные уже вступают в общество по чувству самоотвержения и религиозности убеждений. Таким образом, ассоциация по образцу Луи Блана перерождалась тотчас же в монастырь или новое моравское братство[83], чего и должно было ожидать.

Для перечисления всех идей, вращающихся теперь в обществе, переходим к социалистам вне Пра‹вительст›ва. Здесь стоят две партии, два органа: «Démocratie pacifique» и «Représentant du peuple» Консидерана и Прудона. Все остальные — это только заимствователи или у Блана, или у этих двух последних; есть заимствователи у всех трех вдруг.

С самого начала революции «Démocratie pacifique» при каждом возникновении финансового или экономического вопроса давала постоянно один совет, только в разных формах: перевода на бумагу всех ценностей, мо-

билизацию произведений и инструментов работ, чему «Journal des débats» в предчувствии ассигнаций сопротивлялся всегда сильно и, надо сказать, с замечательным смыслом и талантом. Так, «Démocratie pacifique» при оскудении деньгами банка и накоплении в нем [обязательств] бумажных обязательств, которых он не мог обратить в монету [журнал осуждал], требовала не осторожности в выкупе билетов, а, напротив, обращения в билеты всех его номинальных ценностей. Когда зашла речь о поземельной собственности — журнал требовал обращения в акции всех участков Франции, причем была двойная выгода: владелец [сохранял] узнавал настоящие достоинства своей собственности, а фермер, оплодотворивший трудами своими землю, не возвращал ее [хозяину], улучшенную даром, хозяину, а по оценке мог требовать вознаграждения. Так, еще когда в [прошлом] настоящем месяце Гарнье-Пажес хотел выкупить железные дороги посредством пятипроцентной ренты на государство (затруднение состояло в настоящей оценке акций и в упадке курса на ренту), журнал требовал выкупа посредством особенных билетов железных дорог под залог их самих и их материалов. Наконец, когда заговорили о земледельческом кредите, журнал дал проект банка (Banque hupotécaire *), посредством которого всякий владелец земли, минуя лихоимца и вообще кредитора, мог заложить свою собственность и получить взамен банковые билеты. Эти последние, данные на срок под гарантией государства и под гарантией заложенных земель, должны иметь обращение, как монета, до тех пор, пока по истечении срока последний их владелец не выплатит банку деньгами представленной им суммы с ничтожными процентами. В случае неисполнения, продается земля, которой они служили выражением; но здесь следует заметить, что банк или государство, помимо всякой справедливости, получают огромные капиталы без права, без пожертвования со своей стороны, за одно вымогательство, за одно то, что он напечатал билеты.

Мысль Прудона совсем другая. Этот человек, постоянный до парадокса, смелый до нелепости и верный всегда самому себе до бесчувственности ко всему окружающему, придумал средство, как сам говорит: в политике — отстранять Правительство, в чувстве — религию, в экономике — собственность. Считая тяготы управления Палаты — измененной монархией, а деньги — выражением аристократизма в торговле, он положил уничтожить участие последних в обмене произведений, а [предоставленные] оценкой [труда] частного труда и свободой его уничтожить первое. Это небывалое общество без управления и без денег должно осуществиться в экономической сфере посредством Banque d'Echange **, а так как все явления солидарны, то подобное экономическое общество непременно охватит и все политическое устройство [общества] государства. В этом и разрешение современного политического вопроса.

Прежде описания банка должно сказать, что критические статьи Прудона, касавшиеся до финансовых мер Правительства, отчеты о заседаниях Палаты под названием «Physionomie de l'assemblée Nationale» ***, статьи

* Залоговый банк (*франц.*).
** Обменный банк (*франц.*).
*** «Лицо Национальной Ассамблеи» (*франц.*).

[о том, что значит], нападающие на любимую идею французов о государстве и на идею собственности, — все эти статьи, помещенные в разных №№ «le Representant du peuple», могут почитаться, без сомнения, образцами [живописности] энергии выражения, живописности стиля, едкого остроумия и способности выказать новую сторону предмета в возможно ярком свете. По мастерству изложения Прудон имеет только соперника в Мараcте (старом). Разумеется, выписать содержание всех замечательных статей его невозможно, но главный пафос составляет отрицание [прав общества] государства, как отдельного правящего лица или собрания, отрицание собственности непродуктивной, как берущей премию с труда, и замещение ее продуктивной поссесией. Наконец, отрицание всех народных французских предрассудков и всех верований на историческом, экономическом и теологическом поприщах. Это содержание и разбивается у него на тысячу цветов, на тысячу оттенков, в число которых входит ирония, насмешка, крик негодования и спокойное, величавое слово. Переходим к банку. Для отстранения денег и уничтожения Пра<вительст>ва надобно дать всем продуктам одинаковое значение с деньгами и всякому члену общества участие в Пра<вительст>ве. Это исполняет Banque d'echange. Банк этот производит все свои обороты билетами без гроша металла (металл делается товаром) на следующем основании. Составляется общество производителей, которые прямо и непосредственно обменивают свои произведения, давая друг другу квитанции на получение взаимообразно товара. Эти квитанции за двойною подписью, как все квитанции, приносятся в банк и там обмениваются на билеты, имеющие ход как монета, ибо они гарантированы настоящим и товарами, составленными и проданными [полученными покупщиками].

На содержание себя банк берет, вместо 5, 6, 7 нынешних процентов со ста, только один процент: само собой образуется из этого дешевизна произведений, ибо, во-первых, между обменщиками нет третьего лица — торговца, который берет процент, во-вторых, сам банк вычитает только ничтожный один процент. От этого само собой рента на государство падает с 5 процентов на 1, наем квартир с 20—30 на 1, фермерство с 50 на 1 же. Но этого мало. Отстранение денег, сделанное банком и обществом, вдруг дегажирует, освобождает капиталы, уже бесполезные, и дает им в руки огромные суммы, которыми они выкупают все обязательства на государство. Все заложенные земли, всю поземельную собственность, все недвижимые имения. Выкупленные таким образом последние два предмета — из частного владения обращаются уже в разрабатываемую поссесию и [подчиняются тем же самым законам] делаются всем доступны на одном праве труда и усилий. Таким образом, уничтожены несправедливые поборы капитала и собственности, а вместе с тем уничтожено и Правительство, ибо банк есть контора, где исправляют свои нужды акционеры, его составляющие, и другого значения не имеет [требований порядка, понудительных мер и надзора]. Общественный порядок рождается из необходимости труда и возможности его для всякого, а полицейский надзор и полиция осуществляются всеми членами общества, заинтересованными собственной выгодой наблюдать друг над другом, ибо на них падает ущерб

от неправильных уклонений каждого. Всю эту теорию Прудон последовательно развивал в своем журнале, а сокращение ее предложил в брошюрах, которые довольно хорошо представляют его энергическую манеру изложения, пугающую весьма многих. Он редко начинает сначала, а, напротив, берет всегда предмет с конца, с цели, которой следует достигнуть: само собой разумеется, предварительно ужасает читателя. Таково его знаменитое выражение: «la propriété — c'est le vol», таково и заглавие брошюры: «Organisation du crédit et de la circulation et solution du problème social, sans impôts et sans emprunt, sans numéraires, sans papier—monnaie, sans maximum, sans réquisitions, sans banqueroute, sans loi agraire, sans taxe des pauvres, sans ateliers nationaux, sans association, sans participation, sans intervention de l'Etât, sans entrave è la liberté du commerce et de l'industrie, sans atteinte á la propriété», — par P.-J. Proudhon *.

К этому поверхностному обзору прибавим, что уже теперь составляется и общество на основаниях, предложенных Прудоном [84].

Кто не видит, что в идеях как Блана, Консидерана, так и Прудона есть [идеи] вещи, которые составляют ступень для будущего преобразования европейских государств на совершенно новых началах, но что при нынешней разработке народами своих убеждений ни одна из этих систем не может быть принята целиком ни одним из них.

В заключение скажем, что апрель месяц был месяцем приостановки для всей Европы. Хартистское движение в Англии, с которым Маркс и Энгельс, мною виденные здесь [85], хотели связать коммунистическое движение в Кёльне, было уничтожено в Лондоне его коммерческой популяцией [86], а в Пруссии — политической революцией Берлина. Из последней вышло одно Собрание с [двойными] всеобщими выборами в два градуса [87], правда, но прерогатива короля и торжество либеральной мещанской партии, потрясенной в основании на мгновение, с каждым днем укрепляется. Ломбардия, видимо, начинает собираться около Карла Альберта [88], своего защитника, который с наследственной хитростью савойского дома борется с австрийцами нерешительно и медленно, выжидая [согласия] выбора своего в короли Ломбардии и Венского округа для конечных мер. Рим, Неаполь, Тоскана, посылая волонтеров своих на помощь братьям сев‹ерной› Италии, крепко дерутся перед глазами народа своего [за каждый] за новые конституции, спасаясь за ними от республики, бьющейся к ним в двери. Что касается до Германии, она вся поглощена своим новым Центральным Парламентом во Франкфурте, который хочет составить из нее федеративное государство под собственной своей опекой. [Революционное] Республиканское движение в ней отстранено совершенно. Попытки Гекера и Струве в Бадене [89] придавлены союзными войсками Германского союза при рукоплесканиях Парламента и всего народа. В это же время

* «Собственность есть кража», таково и заглавие брошюры: «Организация кредита и обращения и решение социальной проблемы без налога, без займа, без звонкой монеты, без бумажных денег, без максимума, без реквизиции, без банкротства, без аграрного закона, без пошлин с бедных, без национальных мастерских, без участия, без вмешательства государства, без препятствия свободной торговле и промышленности, без ущерба собственности». П.-Ж. Прудон (*франц.*).

возвратился в Париж — один с женой своей Гервег. Легионы, которые вел отсюда на завоевание республики, представили жалкое зрелище войска, разбежавшегося до битвы. Едва переступили они Рейн — как весь обман пропал (Гекер уже был разбит), и ко всем проникло убеждение, что попытка должна кончиться трагически [90]. С тех пор это было уже позорное бегство к границам Швейцарии, на которой у леска, близ какого-то городка (имени его не упомню) сорок человек Вюртембергских стрелков начали перестрелку. При первых выстрелах Борштейн сорвал с себя начальственную повязку, а Гервег и жена его ускакали в Гент, где была аптека. За ними послали погоню, они пролежали день в траве, спасаясь на чердаке у какого-то доброго крестьянина и, наконец, в мужичьих костюмах добрались до Швейцарии, откуда приехали в Париж, преследуемые насмешками всей Германии, презрительным хохотом всех партий и ругательством даже друзей. Гервег явился в Париж худой, желтый — с обритой бородой, которую он сбрил во время бегства, грустный и задумчивый. Блеск, окружавший его имя в Германии, совершенно потерялся. Его называют трусом, а он только не досмотрел себя, приняв поэтическое воодушевление за способность выдержать прозаическую резню, по справедливости, противную вообще артистической [натуре] организации, а его в особенности.

МАЙ МЕСЯЦ

Этот, так долго [ожидаемый всеми] и с таким нетерпением ожидаемый месяц, месяц появления Национального собрания, обманул все партии без исключения, представив неимоверное зрелище анархии в мыслях, бесцветности Собрания, ничтожности и бесхарактерности им созданного Пра‹вительст›ва (потери слова, лозунга), смешение направлений, в которые с великим усилием можно внести какой-либо свет. В этот месяц клубы должны были окончить свое [существование] политическое существование последней громадной нелепостью, которая была результатом всех предшествующих нелепостей, вращавшихся в их недрах.

Мы видели, что в конце прошедшего месяца тяжелое чувство близкой беды охватило весь Париж при известиях о де‹партаментс›ких выборах и о происшествиях в Руане. Преувеличенные слухи в народе, редкие картины убийств, свершившихся в последнем городе, представленные клубами, и, наконец, угроза распущения потихоньку агентами клубов, что Правительство замышляет такую же Варфоломеевскую ночь пролетариата для Парижа. Все эти элементы брожения еще увеличивались двумя актами, вышедшими из клубов. [Часто упоминаемое общество] Общество société des droits de l'homme et du citoyen издало прокламацию, которая получила особенное значение от подписи Барбеса, находившейся в числе [главных членов его] подписей главных членов его. Прокламация эта возвещала, что исходный пункт всех стремлений клуба есть déclaration des droits de l'homme formulée en 1793 par Robespierre *, объявляет вслед-

* Декларация прав человека, сформулированная в 1793 г. Робеспьером (*франц.*).

ствие этого принципа свое посредничество между двумя классами современного общества: «entre les parias et les privilégiés» *. Первых она увещевает к тишине и соединению, прибавляя, что за ними теперь [число] сила, вторых приглашает к полному самоотвержению и [отречению] уничтожению всех своих преимуществ, прибавляя, что законы, их подтверждающие, не имеют никакой силы, ибо составлены ими самими, без участия народа. Прокламация заключалась грозными [словами] воззваниями к избранным классам: «Ralliez-vous donc, car vous avez besoin du pardon de ceux que vous avez si longtemps sacrifiés. Si, malgré cette promesse de pardon, vous persistez à vous isoler pour défendre l'ancienne forme sociale, vous trouverez à l'avant-garde, au jour de la lutte, nos sections organisées, et ce n'est plus de pardon que vos frères vous parlerons, mais de justice!» **.

Второй документ было письмо Бланки к Временному правительству о происшествиях в Руане, исполненное угроз и ненависти, доходившей до бешенства по чувству своего бессилия. Жалко, что величина документа не позволяет мне выписать его целиком. Отрывистые его фразы, здесь выписанные, могут дать о нем некоторое понятие: «La société républicaine centrale au gouvernement provisoire. Citoyens! La contre révolution vient de se baigner dans le sang du peuple. Justice, justice immédiate des assassins!

Depuis deux mois, la bourgeoisie royaliste de Rouen tramait dans l'ombre une Saint Barthélémy contre les ouvriers. Elle vait fait de grands approvisionnement de cartouches. L'autorité le savait» ***.

Потом, после десятка коварных вопросов, имеющих целью отбросить на само Правительство подозрение в участии или в допущении руанских убийств, Бланки сравнивает это происшествие с экзекуцией короля Филиппа: «Ce sont bien les mêmes bourreaux et les mêmes victimes! D'un côté les bourgeois forcenés, poussant par derrière au carnage des soldats imbéciles qu'ils ont gorgés de vin et de haine; de l'autre des malheureux ouvriers tombant sans défense sous la balle et la baïonette des assassins... C'est une insurrection royaliste qui a triomphé dans la veille capitable de Normandie et c'est vous gouvernement républicain qui soutenez ces assassins révoltés! Est-ce trahison ou lâcheté? Etes-vous des soliveaux ou des complices?» ****.

---

* «Между париями и привилегированными» (*франц.*).

** «Итак, соединяйтесь с нами, вы нуждаетесь в прощении тех, кого вы так долго приносили в жертву. Но если и теперь, несмотря на обещанное прощение, вы настаиваете на отделении и защите старых форм общества, вы встретитесь в день битвы с нашими организоваными отрядами в авангарде, и ваши братья будут тогда говорить с вами не о прощении, а о возмездии!» (*франц.*).

*** «Центральный республиканский комитет Временному правительству. Граждане! Контрреволюция искупалась в народной крови. Под суд, немедленно под суд убийц!

В течение двух месяцев роялистская буржуазия тайно замышляла устроить рабочим Варфоломеевскую ночь. Она заготовила большой запас патронов. Власти знали об этом» (*франц.*).

**** «Это те же палачи и те же жертвы. С одной стороны, одержимые буржуа, подталкивающие на резню дурней-солдат, которых они напоили вином и ненавистью; с другой — несчастные обездоленные рабочие, падающие под пулями и штыками убийц... В старой столице Нормандии восторжествовал роялистский бунт, и вы — республиканское правительство — поддерживаете этих восставших убийц! Что это: предательство или низость? Кто вы — подпорки или соучастники?» (*франц.*).

Конец документа выписываю целиком: «On ne s'est pas battus, vous le savez bien! On a égorgé! et vous laissez raconter glorieusement les prouesses des égorgeurs! Serait-ce à vos yeux, comme à ceux des rois, le sang du peuple n'est que de l'eau, bonne à laver de temps en temps des rues trop encombrées! Effacez donc alors, effacez de vos édifices ce détestable mensonge en trois mots que vous venez d'y inscrire: Liberté, égalité, fraternité!

Si vos femmes, si vos filles, ces brillantes et frêles créatures, qui promènent dans de somptueux équipages leurs oisiveté tissue d'or et de soie, étaient jetées là tout à coup à vos pieds, la poitrine ouverte par le fer d'ennemis sans pitié, quel rugissement de douleur et de vengeance vos feriez retentir jusqu'aux extrémités du monde!

Eh bien! allez! allez voir, étendus sur les dalles de vos hôpitaux, sur la paillasse des mansardes, ces cadavres de femmes égorgées, le sein troué de balles bourgeoises, ce sein, entendez-vous, qui a porté et nourri les ouvriers dont la sueur engraisse les bourgeois! . . . .

Les femmes du peuple valent les vôtres et leur sang ne doit pas, ne peut pas rester sans vengeance!

Justice donc, justice des assassin!» *

«Nous demandons» **: Здесь изложены четыре требования клубов: распущение руанской национальной гвардии, предание суду генералов, офицеров, командовавших там войском, и судей, разбиравших процесс, наконец, вывод всякого войска из Парижа: qu'en ce moment-même les réacteurs dressent dans des banquets fratricides, à une Saint-Barthélémy des ouvriers parisiens ***.

Оба документа эти особенно замечательны тем, что в сокращении представляют [весь процесс] всю внутреннюю жизнь нынешних клубов: воспоминания [прошедшей] клубов старой революции, сообщающих им форму для выражения, способов [уничтожения, невозможного, насильственного], каким разрешают они всегда общественные противоречия, изворот современных происшествий, сделанный столько же из страсти, сколько и по расчету, манера возбуждения [народа] страстей сравнениями, взятыми из двух концов общества, и, наконец, ненависть, проис-

---

* «Никакой борьбы не было, вы это прекрасно знаете! Это было убийство! Что же, и в ваших глазах, как и в глазах королей, кровь народа — вода, годная на то, чтобы время от времени омывать загрязненные улицы! Сотрите же, сотрите с ваших знамен эту ненавистную ложь из трех слов, которые вы только что начертали на них: свобода, равенство, братство.

Если бы ваши жены, если бы ваши дочери — эти блестящие и хрупкие создания, которые от безделия катаются в роскошных экипажах, разодетые в золото и шелк, вдруг были брошены к вашим ногам, пронзенные штыками безжалостных врагов, вы так завыли бы от горя и жажды мести, что вас слышно было бы на краю света! Пойдите же, посмотрите: распростертые на каменном полу, на соломенных тюфяках, в мансардах лежат трупы этих убитых женщин, их груди продырявлены пулями буржуа, а ведь это груди, слышите вы, вскормили рабочих, от трудов которых жиреют буржуа! Женщины из народа сто́ят ваших жен, и кровь их не должна, не может оставаться не отмщенной. Под суд, под суд убийц!»

** «Мы требуем» (*франц.*).

*** в данный момент бунтовщики готовят на братоубийственных банкетах Варфоломеевскую ночь для парижских рабочих (*франц.*).

шедшая от собственной неудачной попытки (руанское дело возбуждено, как оказывается, парижскими клубами) и столь слепая, что для нее иногда начальники жертвуют собственным делом и всеми своими сектантами, как это ныне оказалось.

Вместе с тем, третий клуб des Amis du peuple[1] Распайля с журналом того же названия говорил в salle Montesquieu и писал потом воззвание и обвинения, если не превосходящие в ожесточении предшествующую прокламацию, то, по крайней мере, еще более проникнутые ненавистью к отдельным личностям, составляющим Правительство, и к агентам его. «Commune de Paris» с Собрие, укрепившемуся со своим гарнизоном в доме rue de Rivoli, делалась день ото дня грознее. Несомненно, что существовал огромный и притом вооруженный заговор в недре самого Парижа.

С такими-то предзнаменованиями открылось 4 мая, четверг, Национальное собрание в новой зале, нарочно пристроенной к старой Палате депутатов и оказавшейся вскоре глухой и неудобной. Программа, выданная Пра‹вительст›вом для открытия, была только вполовину исполнена. В $12^1/_2$ часов тронулись из министерства юстиции, с Вандомской площади [все] члены [Пра‹вительст›ва] Временного правительства с министрами, секретарями и чиновниками своими между двумя рядами войск и национальной гвардии, предшествуемые и заключаемые той же гвардией верхом. Они прошли улицу de la Paix и через бульвар la Révolution (бывший des Capucines), площадь de la Révolution (бывшую de la Concorde), направились к ожидавшему их Собранию для сложения всех своих должностей. Все они [были] следовали с открытыми головами и на пути останавливали почетный барабанный бой войска, делавших на караул. Впереди шел старик Дюпон, Президент, ведомый под руки [двумя своими] членами Правительства и совершенно подавленный годами, снявшими с лица его [всякое определенное выражение] всю жизнь и оставившими только выражение какой-то честной тупости. Маленький Луи Блан шел весело и довольный сам собою, потряхивая головою, между тем как товарищ его, работник Альберт, двигался ровно, мерно и [серьезно] как-то застенчиво, словно стыдясь своего присутствия в Правительстве. Развязно и аристократически свободно разговаривал Ламартин с офицерами национальной гвардии, держа шляпу над головой от пронзительных лучей весеннего солнца. Он похудел, и лицо его приобрело какую-то птичью [остроту] остроконечность, между тем как сосед [его Ледрю] и, по слухам, противник его Ледрю-Роллен отличался [завистливой] неприятной и завистливой своей физиономией, за которой тяжело было узнать жаркого демократа. Кремье выказывался своим [характерным] характеристическим безобразием, сутуловатостью и густою массой курчавых волос, обличавших его иудейское происхождение. Мараст, как всегда, имел выражение остроумия и лукавства и притом отличался, по обыкновению, изысканным щегольством [своего] костюма; Араго и Гарнье-Пажес обращали внимание своими сильно живописными и характерными лицами, достойными кисти фламандских портретистов; остальная свита терялась [за ними] в толпе. В четверть второго часа пушечные выстрелы возвестили прибытие Правительства в Собрание, где уже многие члены разместились с некоторым

значением: направо, около Одиллона Барро, собралась старая династическая оппозиция, налево, на самом верху, воскрешая покойную la Montagne[2], поместились Барбес, Ф. Араго, Дюрие [а потом] и др. Всех больше обращали внимание отец Лакордер в своем доминиканском костюме и префект полиции Коссидьер, человек высокого роста и энергического выражения, в мундире [назнач] à la Robespiere, с огромными треугольными отворотами фрака и блондой жилетки. Мундир этот, составленный Пра[вительст]вом, погиб под всеобщими насмешками еще прежде принятия его Собранием. Коссидьер, один надевший этот мундир и поместившийся рядом с Барбесом, накануне издал прокламацию, в которой увещевал народ забыть несчастное и анархическое разделение общества на париев и пролетариев и соединиться в одном чувстве любви к Республике. В этих двух актах заключалась вся [манера] политика Коссидьера: форма — ультрарадикала, содержание — умеренного республиканца. Посредством их он и успел водворить порядок в Париже, защитить собственность и личность, употребляя на эту работу под именем монтаньяры лионцев, республиканскую гвардию — головы самые отчаянные, решительные и нимало не подозревавшие, что они служат водворению регулярного Пра‹вительст›ва и собственному уничтожению.

По прибытии Пра‹вительст›ва Дюпон взошел на кафедру, поздравил Национальное собрание с его [избранием] появлением и передал ему всю власть, какой до сих пор облечено было Пра‹вительст›во волей народа, и прибавил при восторженных криках: «Aujourd'hui nous inaugurons les travaux de l'Assemblée Nationale à ce cri, qui doit toujours la rallier: vive la République» *.

Затем Президент по старшинству годов Audry de Puyravean[3] пригласил Собрание разойтись по бюро для поверки выборов и собраться в общую залу через 2 часа.

Я ходил все это время в Тюльери и по площади de la Concorde, занятой батальонами национальной гвардии, линейного войска и палимой ярким солнцем, ожидая сигнала, который должен был по программе Пра‹вительст›ва возвестить народу объявление Республики в Собрании. Со мной было семейство Тучковых. Сигнала не показалось, но показалось нечто лучшее. Когда депутаты возвратились снова в общую залу, то по предложению одного члена [дать] принести отдельно каждому присягу [верности] в основании Республики, объявили в один голос, что Республика уже основана. Мэр 2-го квартала Беррье[4] не удовольствовался хладнокровием этого решения и предложил сперва от имени избирателей Сены, а потом от имени всей Франции объявить, что [Республика] отныне форма правления пребывает навсегда республиканская. Все Собрание поднялось на ноги и закричало: «oui, oui, debout, debout, vive la république!» **. Несколько голосов, неразумно заметивших, что подобное решение еще нужно для сообщения Республике права на существование, воз-

---

* «Сегодня мы начинаем работу Национального собрания возгласом, который должен служить отныне знаком единодушия: „Да здравствует Республика!"» (*франц.*).

** «Да, да, встать. Да здравствует Республика!» (*франц.*).

будили жаркий отпор на горе, возвестившей, что Республика [уже получила] как право и как факт существует уже с февраля месяца. Барбес при всеобщих одобрительных криках произнес: «La République existe en fait et en droit, personne peut, ne doit vouloir le contester. Et vive la République une, individuelle et sociale!» *.

Трела еще увеличил энтузиазма, когда сказал: «il n'y a plus en France qu'un seul cri, qu'un seul sentiment pour la république; elle est comme le soleil et comme le soleil ell éclairera un jour l'univers» **.

Крайней своей степени достиг энтузиазм, когда один член прибавил: «Cela ne peut pas faillir et c'est la France qui aura la gloire d'avoir donné le signal. Saluons tous la République» ***.

Трибуна и зала слились в одном крике; [члены] дамы в перьях махали платками, члены все поднялись. [Куртэ, начальник полиции] Шеф национальной гвардии генерал Куртэ предложил выйти к народу, и так как Собрание еще колебалось, то один член увлек всех, сказав: «L'héroïque population de Paris vous fait demander par le commandant général de la garde nationale de venir proclamer devant elle la République; allons tous, tous, proclamer la République à la face du soleil et du peuple héroïque de Paris» ****.

Тотчас же Пра‹вительст›во и почти все Собрание поднялись и вышли на перисталь Палаты, обращенную к pont et place de la Rèvolution. В ту же минуту загремели пушки, раздался вопль приветствий в народе, все штыки поднялись кверху с [шапками] киверами в знак восторга, и Пра‹вительст›во прочло с крыльца следующее объявление, составленное г. Беррье: «L'Asseblée Nationale, fidèle interprète du sentiment du peuple qui vient de la nommer, avant de commencer ses travaux, déclare, au nom du peuple français, que la République, proclamée le 24 Février 1848 — est et restera la forme du gouvernement de la France» *****.

Неописанный восторг завладел всеми, кто мог слышать чтение, и крики их разносились по волнам штыков через всю площадь. Члены Собрания сошли с крыльца и смешались с народом, обнимаясь с незнакомыми и пожимая руки, кому ни попало. Миг был превосходен! Чуть ли это не был последний превосходный миг Республики!

Кто мог бы тогда сказать, что через 11 дней Барбес, Альберт, Куртэ и множество других жарких патриотов будут сидеть в тюрьме как оскорбившие величие этого же самого Национального собрания.

---

* «Республика существует фактически и юридически. Это не подлежит сомнению. Да здравствует Республика единая, неделимая, социальная!» (*франц.*).

** «Сегодня во Франции Республика признана всеми, Республика стала национальной. Она, как солнце, и как солнце, она однажды осветит весь мир» (*франц.*).

*** «Это не может не состояться, и Франции принадлежит слава за то, что первая подала сигнал. Мы все приветствуем Республику» (*франц.*).

**** «Героический парижский народ просит вас устами шефа национальной гвардии провозгласить перед ним Республику; пойдемте все, все провозгласим Республику перед лицом солнца и героического парижского народа» (*франц.*).

***** «Национальное собрание, верный истолкователь только что избравшего его народа, прежде чем приступить к своим работам, заявляет от имени французского народа, что Республика, провозглашенная 24 февраля 1848 г., есть и остается формой правления Франции» (*франц.*).

Разумеется, мы не предполагаем здесь писать историю первого республиканского Парламента или даже перечень его занятий: на это есть документы, всем известные и всем доступные. Мы будем говорить только о физиономии его и о пружинах, которые приведены были в действие страстными и разнородными направлениями в его недрах.

5-го мая Собрание разошлось только в половине первого часа после полуночи, употребив весь этот день на поверку выборов, которые утверждаемые были целыми массами, и на выборы Президента и секретарей. Последнее было значительно, ибо с первого раза должно было показать политическое направление Собрания [глубоко вечером 727 депутатов выбрали Бюшеза]. Большинством 389 голосов на 727, участвовавших в вотировке, выбран был автор «Histoire parlementaire» *, основатель журнала «Atelier» и католический демократ умеренного направления Бюшез, сроком на один месяц, за ним следовало 5 вице-президентов оттенка «National» [секретари] и между ними работник из «Atelier» Карбон, секретари были выбраны в том же духе и тоже с работником из «Atelier» Пепеном. Только два имени имели некоторую легкую радикальную репутацию, в вице-президентах — Гинар, а в секретарях — Фалукер Пиат[5]. Занимая президентские кресла, Бюше произнес речь, в которой засвидетельствовал, что во вчерашнем заседании Палаты 17 раз провозгласили Республику, и вместе с тем объявил, что на будущее время устроение судьбы рабочего класса и разрешение труднейших экономических задач составит ее призвание. Длинное это заседание путаницей частных предложений, разговоров, вместо рассуждений, и, наконец, даже крупной бранью, которой обменялись Барбес с одним членом, получившим от него название аристократа и ответившего названием крамольника (vous êtes un faction), показало как неопытность [Палаты], нетерпеливость Палаты, так и разнородность элементов и глухую вражду, в ней вращающихся.

Следующие два заседания были заняты преимущественно отчетами Временного правительства за время своего управления, прочитанными и просто сложенными на бюро. Вместо старого Дюпона, долженствовавшего в качестве Президента [отдать] предоставить полный рапорт управления, обязанность эту принял на себя Ламартин. Аплодисменты и [восторги] восклицания не умолкали: это было вроде учтивости, какую Палата отдавала народу, выбравшему Временное правительство. Сказав о величии народа, свершившего одну из самых великодушных революций, когда-либо появлявшихся: «où chaque citoyen à Paris était à la fois soldat de la liberté et magistrat volontaire de l'ordre, в которой la France et l'Europe comprirent que Dieu avait ses inspirations dans la foule et qu'une révolution inaugurée par la grandeur d'âme serait pure comme une idée, magnanime comme un sentiment, sainte comme une vertu» **, Л<амартин> перешел к внешним сноше-

* «Парламентская история» (*франц.*).

** «в которой каждый парижский гражданин является одновременно борцом за свободу и добровольным магистратом порядка, в которой Франция и Европа поняли, что божья благодать принадлежит толпе и что революция, произошедшая от величия души, будет чистой, как идея, благородной, как чувство, святой, как добродетель» (*франц.*).

ниям и в них отыскал точно чувство бескорыстия, самоотвержения, великодушия Франции. Перечисляя отдельные акты министерства, Л<амартин> очень искусно умел заострить каждую меру многозначительной фразой, намекавшей на опасность отъединенного положения и на будущность, которая посредством их открывается. Говоря собственно о способе управления, Л<амартин> [извлек огромное] несколько браво заметил, что члены Пра<вительст>ва в эти тревожные месяцы не пролили ни одной капли крови и не позволили себе даже арестации кого-нибудь, и промолвил: «Noua pouvons redescendre de cette longue dictature sur la place publique et nous mêler au peuple, sans qu'un citoyen puisse nous demander: qu'as—tu fait d'une citoyen?» *.

Он заключил речь просьбой отпустить Правительству грехи невольной диктатуры (amnistiez notre dictature involontaire) желанием снова стать в ряды простых граждан и, наконец, воззванием к истории: да сохранит она при описании этой революции только два имени: «le nom du peuple qui a tout sauvé et le nom de Dieu qui a tout béni sur les fondements de la République» **.

За Л<амартином> появился Ледрю-Роллен и, несмотря на свою дурную репутацию ультра-радикала, заставил себе аплодировать. Палата тут уже льстила не народу, а одной из сильных партий в государстве. Л<едрю>-Роллен [прямо] почти прямо начал с комиссаров, посланных в провинцию, и со своих циркуляров и публикаций, наиболее возбудивших ропот в мещанской части популяции. Касательно первых он объявил, что на другой день революции он мог вручить сокровища свободы только людям [вер], взятым с баррикад. Инструкции, им данные, были тоже делом обстоятельств: «Je ne les aurais point écrites qu'elles seraient nées de la force-même des choses ***.

Притом же самая его корреспонденция с ними может показать Палате, «qu'il n'y rencontre une dépêche qui ne soit empreinte à la fois du désir ardent de faire triompher la révolution et d'une pensée constante de conciliation, d'ordre et de paix» ****.

Перечисляя свои распоряжения по организации всеобщей вотировки, вооружения национальной гвардии и всего народа, энергически неутомимо и без отягощения государ<ственной> кассы, Л<едрю> прибавил слово о подозрениях, ходящих касательно его участия в народных движениях последних месяцев: «Я сочувствовал, сказал он, Парижу, когда он пришел целой массой к Правительству, окружая его своими миролюбивыми волнами, в ответ на одну неблагоразумную попытку, (une démarche imprudente),

---

* «Мы можем спуститься с этой долгой диктатуры на городскую площадь и слиться с народом, и ни один гражданин не сможет нас спросить: что ты сделал с гражданином?» (*франц*).

** «Имя народа, который все спас, и имя бога, который все благословил на основах Республики» (*франц.*).

*** «Даже если бы я их не написал, они появились бы в силу обстоятельств» (*франц.*).

**** «что в ней не встречается ни единой депеши, которая не была бы проникнута одновременно страстным желанием прийти к торжеству революции и постоянной мысли о примирении, порядке и мире» (*франц.*).

(16 марта см. выше) «mais le jour où quelques fous ont essayé de pervertir le sens et le résultat d'une manifestation pareille, je n'ai point nésité à les combattre de front. C'est par mon ordre que le rappel a été battu etc.» *

Л‹едрю›-Роллен заключил мнением, что революция пришла для осуществления уже назревших социальных идей. «Bien imprudent et bien coupable sera celui qui voudrait arrêter la révolution à la stérile conquête de formes politiques, — сказал он, — и мы пришли сюда для создания новой общественной формы, par là nous n'avons pas seulement rendu l'homme à sa dignité naturelle, nous avons assuré la gloire et le bonheur de notre commune patrie et contribué à émanciper le monde!» **

И Луи Блан был много аплодирован, Палата льстила работникам. Луи Блан, у которого Ламартин уже отнял поживу на блестящую фразу и на поэтические образы, откинулся сперва к яркой исторической картине и рассказал, каким образом перед Ратушей [образовалась] по требованию бесчисленного количества народа, несшего одно только знамя с надписью: «Organisation du travail» ***, образовалась вдруг Люксембургская commission du gouvernement pour les travailleurs ****. Она спасла Париж от неисчислимых бед. Тогда-то стены Палаты пэров увидели голодных тружеников, требовавших работы для себя, для жены, для детей: «et quand nous leur avons répondu: Attendez, souffrez avec patience et noblesse... quand nous avions ainsi fait d'une voix émue, d'un coeur désespéré, l' aveu de notre impuissance, ces hommes se retirèrent le coeur ému, eux aussi, le front pâle et ils criaient: vive la République» *****.

Тогда-то прошли мимо нас все индустрии, со всеми признаками отчаяния требуя помощи голосами своих патронов, — и мы нашли свое призвание: множество патронов вышли из дворца рука об руку с работниками. «Des conciliations sans nombre ont été opérées au Palais du Luxembourg; les archives en existent encore, archives qui nous sont chères, archives que nous conserverons à jamais, car ce sont les achives de la concorde et de la fraternité» ******.

Таким образом, по признанию Луи Блана, Люксембургская комиссия была нечто вроде спасательного громоотвода или благородной воинской

---

* «я без всякого колебания присоединился к этой торжественной демонстрации [17 апреля]; но когда нашлись люди, которые попытались исказить смысл и последствия такой манифестации, я не колебался выступить против них, сбор был объявлен по моему приказу и т. д.» (*франц.*).

** «Весьма неблагоразумный будет тот, кто захотел бы ограничить революцию бесплодным завоеванием политических форм... этим словом мы не только вернули человеку его естественное достоинство, мы обеспечили славу и счастье нашей общей родины и способствовали эмансипации мира!» (*франц.*).

*** «Организация труда» (*франц.*).

**** Правительственная комиссия для рабочих (*франц.*).

***** «И когда им ответили, подождите, пострадайте с достоинством и терпением; когда мы таким образом взволнованным голосом и с отчаянием в душе признались в своем бессилии, эти люди ушли тоже взволнованные и бледные, и они кричали: „Да здравствует Республика"» (*франц.*).

****** «В Люксембургском дворце состоялись бесчисленные примирения их; ныне существуют архивы, архивы, которые нам дороги, которые мы сохраним навечно, так как это архивы согласия и братства» (*франц.*).

хитрости[6]. Что касается до теории ее, то Луи Блан указал на общество портных в Клиши (смотри выше), объявив, что полные материалы для будущего находятся в его подробном отчете, который мы уже знаем. Он прибавил, что неправда, будто государство по его теории должно захватить всю производительность: «Non non! Mais ce que nous avons entendu ce... n'est que l'Etat doit intervenir entre la faible et le fort, pour protéger le faible. L'Etat intervenant dans l'industrie, non plus pour la désorganiser, mais pour la régler, non pour s'emparer, mais pour en exclure ce principe d'antagonisme, source empoisonnée de tant de haines, de tant de violences, de tant de ruines. L'Etat protecteur des pauvres, L'Etat tuteur — voilà ce que nous avons demandé! ... Et quand nous plaidons la cause du pauvre, nous plaidons en même temps la cause du riche, quand nous plaídons la cause du faible, nous plaidons aussi la cause du fort», — и далее, перейдя к старому обвинению — созданию ассоциаций на демагогических началах: «Non il n'est pas vrai qu'il y ait aujourd'hui en France... un seul homme qui veuille le progrès par la violence et par la spoliation (Оправдание не заставило себя ждать: оно явилось 15 мая.) L'Association est une grande et noble chose parce que enlèvera le peuple à sa misère et maintiendra le riche dans sa richesse... parce qu'elle élèvera le niveau de tous, de tous sans exception. Ce niveau perpetuellement élevé, ce n'est pas le niveau du peuple seulement, c'est le niveau de l'humanité» *.

Вся эта речь имела успех в народе, несмотря на [частое] излишнее занятие оратора собственной личностью и на скамеечку (во Франции так значительны все аксессуары), на скамеечку, которую [постав] принесли ему на трибуну и на которую он взошел для поправления [своего] малого эффекта, производимого его недостаточным ростом.

Затем Карно, министр просвещения, прочел перечень своих распоряжений, а Бетмон, министр торговли, такую же сложил на бюро. Следовал рапорт Гарнье-Пажеса, который уже прочитан был им за болезнью [его г. Дюклерком] на следующем заседании (понедельник 8 мая).

Описав несчастное состояние кассы до 24 февраля и пересчитав все меры, нам уже известные, какими министр усиливался уменьшить беду от растраты денег из сберегательных касс и от [возможности] неумеренного выпуска bon du Trésor (950 мил., по слухам), вместе с покрытием новых издержек, требуемых революцией, Гарнье-Пажес ослепил Палату [уверен], заверив ее, что если утвердит она все старые распоряжения

---

* «Нет! Нет! Но то, что вы слышали, это только то, что государство должно стать между сильным и слабым, чтобы защитить слабого. Государство, вмешивающееся в промышленность, уже не для дезорганизации, а для упорядочения, не для захвата, а для исключения из нее принципа антагонизма — источника, который отравляет все вокруг ненавистью, разорением. Государство — заступник бедных, государство — опекун, вот чего мы требовали... И когда мы защищаем дело бедняка, мы защищаем дело богатых, когда мы защищаем дело слабого, мы также защищаем и дело сильного»... «Нет, неправда, чтобы сегодня во Франции был хоть один человек, который желал бы прогресса путем насилия и грабежа... Ассоциация — большое и благородное дело, так как она выведет нас из нищеты и сохранит богатому богатство, так как она поднимет уровень всех, всех без исключения. Этот уровень, постоянно повышающийся, не только уровень народа, это уровень всего человечества» (*франц.*).

да согласится на новые, им предлагаемые, то к концу 1848 г. бюджет не только покроет все, но и представит излишек 11 миллионов 324 258 фр. Надо [читать] прочесть [весь] вполне рапорт, чтобы понять и ловкость рапорта, и слабую его сторону, ибо он весь держится на предположениях и супозициях *. Таким образом, если утвержден будет национальный заем, прибавочный налог в 45 сантимов и налог на закладные, если к ним прибавить еще обращение всех билетов du trésor в 5% ренту на государство, выкуп всех железных дорог тоже рентой, прогрессивные пошлины на доходы, плату или лучше раздел выгод [от извлечения вкладов], какие владельцы получают от позволения вырубить лес и проч., то доход государства в 48 г. будет 1 546 301 190 фр., а расход, тоже вследствие разных субсидий, только 1 501 128 422 фр., остаток 45 мил. Этот остаток вместе с 84 м. комиссионными, погашением долгов и остатком займа 41 г. в 22 миллиона [с тысячами] представит сумму в 152 м., которая обратится на публичные работы, а как публичных работ назначено только 140 м., то чистого излишка останется 11 м. 324 258 фр. Уже не говоря о произвольности всех этих исчислений, вскоре и указанных сперва Тьерсом в «Constitutionnel», а потом и бывшим министром Ленон-Ленантом [7] в особенной брошюре, но революционные и отчасти коммунистические меры, предлагаемые Гарнье-Пажесом, видимо, противоречили духу Палаты, однакож она опять аплодировала и даже весьма сильно, когда Гарнье-Пажес заключил речь, взывая к первым условиям существования этого бюджета: к истинности, самоотверженности, любви к Республике: «Ces conditions je n'en suis pas en peine: elles sont en vous, elles sont dans le coeur du pays. Guidés par vous, appuyés sur lui, le pays et vous, vous aurez la gloire d'écrire à la fin de vos travaux, comme un fait accompli, l'espérance que nous avons écrite au début des nôtres: la République a sauvé la France de la banqueroute!» **

Сильный успех имел Араго, в качестве военного и морского министра объявив, что один корпус в 50 т. человек стоит в долине Роны, что другой такой же формируется в долине Durance и что Республика может выставить неприятелю 300 т. войска и 85 т. кавалерии, не говоря о национальной гвардии, которой роздано 446 т. 689 ружей. Морская сила находится в соответственности: «et la République peut se reposer avec confiance sur ses escadrons et leurs équipages pour les succès des combats maritimes qu'elle pourrait avoir à soutenir pour l'honneur de son pavillon» ***.

Мари, отдавая отчет о публичных работах, особенно распространился о пользе национальных мастерских, и Палата, изъявляя ему [благодарность] свое одобрение, никак не воображала, что через две недели они

* Супозициях (от *франц.* supposition) — допущениях.

** «Эти условия, они меня не беспокоят: они в вас, они в самой стране; при вашем руководстве и при опоре на нее, вам и стране будет дано право записать как о совершившемся факте о надежде, на которую мы уповали в наших трудах, — Республика спасла Францию от банкротства!» (*франц.*).

*** «Республика может спокойно положиться на свои эскадры и на их экипажи для успешного ведения морских битв, которые ей, может быть, придется принять для поддержания чести ее знамени» (*франц.*).

будут самая затруднительная задача положения и самая сильная признанная опасность как для нее, так и для Парижа и для Франции.

В заключение Ламартин снова взошел на кафедру для отчета по дипломатическим делам. Вольная или невольная бездеятельность его получила здесь санкцию во имя какого-то сентиментального разделения революций на révolution de territoire et на révolution d'idées. Les unes se résument en conquêtes et en bouleversement de nationalités et d'empires; les autres se résument en institution *.

Первым нужна война, вторые могут быть приведены к войне, но побеждают мир одним своим появлением. Франция, совершившая вторую из этих революций, стоит, опираясь на свой меч и предоставляя идеи своей [свершать победы] доставлять ей победы без крови, но готовая ко всему. Положение Франции это: «une diplomatie armée!» ** Затем Л‹амартин› вычислил все прогрессивные завоевания, которые уже сделала Франция в продолжение двух месяцев, именно революции в Вене, Берлине, Франкфурте, Бадене, Баварии и проч. и проч. С падением филиппской династии все дипломатические отношения Франции очистились и упрочнились: «en un mot nous étions 36 millions d'hommes isolés sur le continent; aucune pensée européenne ne nous était permise; aucune action collective ne nous était possible; un tel système était la compression; l'horison était court, l'air manquait comme la dignité à notre politique (très bien). Notre système aujourd'hui = c'est le système d'une vérité démocratique qui s'élargira aux proportions d'une foi sociale, universelle. Notre horizon-c'est l'avenir des peuples civilisés; notre air vital, c'est le souffle de la liberté dans les poitrines libres de tout l'univers» ***.

Если Франции, как протестанизму, предстоит выдержать Тридцатилетнюю войну [8], — она идет уже не 36 миллионами своего народонаселения, но «comptant dans son système d'alliés la Suisse, l'Italie et les peuples émancipés de l'Allemagne, elle marche déjà à la tête de 86 millions de confédérés et d'amis» ****.

Этот блестящий призрак Л‹амартин› заключил при всеобщих «браво»: «Le bonheur ou la gloire de cette situation sont tout entiers à la République. Nous en acceptons seulement la responsabilité et nous félicitons toujours d'avoir paru devant la représentation du pays, en lui remettant la paix, en

* На революцию территорий и на революцию идей. Первые сводятся к завоеваниям и переворотам в нациях и империях, вторые же к институтам (*франц.*).

** «Не дипломатия оружья!» (*франц.*).

*** «Одним словом, тогда нас было 36 миллионов человек, изолированных на континенте, ни одна европейская идея не была нам дозволена; ни одно коллективное действие не было возможно. Такая система была гнетом; горизонт был узок, нехватало воздуха, как и достоинства в нашей политике (очень хорошо!). Наша система — это система демократических идей, она разрастается до всеобщей справедливости. Наш горизонт — это будущее цивилизованных народов; воздух, которым мы дышим, — это дыхание свободы в свободной груди всего мира» (*франц.*).

**** «насчитывая в числе своих союзников Швейцарию, Италию и эмансипированные народы Германии, она уже идет во главе 86 миллионов союзников и друзей» (*франц.*).

lui assurant la grandeur, les mains pleines d'alliances et pures de sang humain!» *

Народ, однакож, не разделял убеждений, будто все побеждено в мире невещественным влиянием Франции, как в конце увидим.

Таким образом, [в сокращении] все отчеты, нами представленные вкратце, имели одинаковое значение. Правительство передает Собранию Францию, изломанную, измученную, почти безденежную, а главное, совершенно не знающую собственного своего облика, но в которую закинуты отчасти людьми правления, но более обстоятельствами, глубокие и плодотворные семена для будущего. Собранию предстояло сберечь и вывести их на свет...

В это же самое заседание Собрание и показало, что значат все его аплодисменты. Надо сказать предварительно, что главная задача [состояла] положения состояла в основании Правительства. Слухи в городе носились чрезвычайно разноречивые. Одни утверждали наклонность Палаты составить Правительственную комиссию, другие — намерение обойтись без нее, посредством прямого выбора министров. Всего более занимало головы опасение, в случае принятия [комиссии] первого проекта, весьма возможное исключение Ледрю-Роллена, исключение, которое могло подать повод к первой стычке народа с Собранием. Г. Дорнес [9], вероятно, после предварительного соглашения с партией «National», решился, для отстранения опасных споров, вырвать согласие на Правительственную комиссию с Ледрю-Ролленом у Палаты невзначай, сюрпризом. Тотчас же, по окончании отчетов, он вошел на кафедру и предложил [за услуги] объявить Временному правительству благодарность за услуги, им оказанные государству, qu'il a bien mérite de la patrie **, а потом вдруг перешел к предложению составления Правительственной исполнительной комиссии (Commission exécutive) из 5 членов (Les cinq membres sont). Но он уже не мог закончить. Адский шум и вопль заглушил слова его. Палата не хотела слушать имен, не хотела подчиняться неожиданному предложению о комиссии и после неимоверного [смущения] смятения отослала его в свои бюро, которые должны были назначить 18 комиссаров для обсуждения всего дела. Изъявление благодарности Временному правительству от имени отечества нашло сопротивление в Барбесе. «Прежде свершения этого акта, — сказал он, — il faut qu'il s'expliquât sur une foule d'actes, sur les quels il a gardé jusqu'à ce jour le silence et qui n'ont pas peu contribué à le rendre impopulaire (Murmures). Je veux qu'il nous dise quelle part de responsabilité lui revient dans le massacre de Rouen (à l'ordre!)» ***.

---

* «Счастие и слава этого положения принадлежит Республике. Мы принимаем лишь ответственность за него и радуемся тому, что всегда являлись представителями народа, вручая ему мир, обеспечивая ему величие, с руками, полными союзов и незапятнанными человеческой кровью!» (*франц.*).

** которую они вполне заслужили от отечества (*франц.*).

*** «Оно должно дать объяснения по поводу множества актов, о которых до сегодняшнего дня оно молчало и которые немало способствовали его непопулярности (ропот). Я хочу, чтобы оно сказало, какая доля ответственности лежит на нем за руанское избиение (к порядку!)» (*франц.*).

Несмотря на сопротивление, Барбес продолжал: «Je veux que le gouvernement s'explique sur les tueries de la garde nationale (шум) qu'il nous dise comments ont été massacrées les colonnes belges, comment ont été sacrifiés les Italiens, les Polonais... jusque-là j'attends... j'attends au nom du peuple!» *

После изъяснения прокурора Сенара касательно руанских дел, Палата огромным большинством утвердила благодарность Пра‹вительст›ву, но с замечанием, что каждый частный акт его может в случае нужды подлежать разбору.

Ночь между тем принесла, как часто бывает, свет. Большинство Палаты ясно поняло необходимость покуда Правительственной комиссии с именами народных избранников. Лист 5 человек г. Дорнеса был изъяснен: Ламартин, Ледрю, Араго, Гарнье, Мари. Остановка была за одним: присутствие монтаньярской партии [как думали] в особе Ледрю казалась опасностью. Предполагаемая вражда его с Ламартином (мало основательная, как оказалось вскоре) казалась помехой. Надо было исключить Ледрю, а исключение было еще опасно. Дело было порешено самими Ламартином и Ролленом. Первый в благородной и искренне красноречивой импровизации (заседание 9 мая) объявил, что не примет никакой должности, если сотоварищ его по всем трудам и во всех опасностях правления будет отстранен. Второй в ином, гневном роде, в котором он часто достигает истинного эффекта, вразумил Палату, что в недрах Правительства существовало только различие мнений и совершенное единство целей и намерений. [Таким образом] этим двум речам предшествовал рапорт вчерашней комиссии, изложенной работником Пепеном, в котором он предлагал Палате просто назначить министров от себя. Длинное и искусное возражение Жюля Фавра[10] (секретарь в министерстве внутренних дел) о всех невыгодах этого предложения, где каждый министр будет иметь 900 судей и, стало быть, никакого ясного направления, потом тоже длинное и тоже искусное возражение Одиллона Барро на проект Правительственной комиссии, которая сама есть не что иное, как министерство, и которая должна еще назначить второстепенное мин‹истерст›во, вдвойне ответственное Палате и комиссии, но в уме Палаты проект был уже решен. Она отвергла предложение своей комиссии и дала согласие на основание Исполнительной комиссии. Барбес [по крайней мере старался] усиливался, по крайней мере, ввести в эту новую директорию все старое Временное правительство, чтобы дать место в ней Луи Блану и теориям его. Палата объявила, что комиссия будет состоять только из 5 человек. Тогда Луи Блан произнес несколько слов, весьма сильно отзывавшихся угрозой: «La commission du gouvernement du Luxembourg ne relevait d'aucun ministère, elle avait une institution toute populaire. Son président et vice-président ont révoqué leurs pouvoirs comme leurs collègues du gouverne-

---

* «Я хочу, чтобы правительство дало объяснение по поводу резни, учиненной национальной гвардией, чтобы оно рассказало, как были перебиты бельгийские отряды, принесены в жертву итальянцы, поляки... а пока я жду... я жду во имя народа!» (*франц.*).

ment. Après le vote qui vient d'avoir lieu, ils ne pourraient les reprendre; l'Assemblée aura à pourvoir à leur remplacement». (Rumeurs divers) *.

Но Палата была недовольна собственным своим решением. Она отомстила Ламартину за насилие, ей сделанное — ввести Роллена в управление, — тем, что в числе [директоров] 5 директоров поставила предпоследним. Араго получил 725 голосов, Гарнье — 715, Мари — 702, Ламартин — 643, Ледрю — 458. Вместе с тем выказалось ясно ее недоверие и малое расположение к Правительству, ею созданному, и обидное подозрение касательно его планов. При рассуждении устава для Собрания, она предоставила защиту его от внешних неприятелей самому Президенту, который имел право бить сбор национальной гвардии и распоряжаться всею военной силой Парижа и Франции. Комиссия, со своей стороны [наблюдала за законными движениями], тотчас же переехавшая в Люксембург, отстранилась от Палаты, как будто с намерением наблюдать все ее движения. Отсюда выходила слабость обоих, бесцветность, безжизненность управления и, наконец, правительственная анархия, которая и росла с каждым днем все более и более.

В то же самое заседание (10 мая) Луи Блан сделал последнее и довольно неосторожное усилие, чтоб удержаться в Правительстве, он предложил составление министерства du travail et du progrès **. Вся речь его была не что иное, как горькая жалоба на врагов своих, на клеветы, на лживое понимание его теорий и на преднамеренное их искажение. Личность его так неимоверно выказывалась в каждом слове и притом в таком смешении просьб и угроз, что Палата, беспрестанно перебивавшая его, два раза вышла из себя. В первый раз, когда он выставил себя жертвой величия своих идей: «Si j'ai été attaqué, je m'en console en songeant qu'on n'émet pas impunément des idées nouvelles, que les novateurs, les vrais amis du peuple, se font des ennemis» ***.

Второй раз, когда он выставил себя единственным защитником народа: «Ne croyez pas citoyens qu je sois le moins du monde découragé; malgré tout ce qu'on pourra dire, je défendrai toujours la cause du peuple» ****.

Вся Палата поднялась как один человек, крича: «Nous sommes tous dévoués à la cause du peuple» *****.

Луи Блан принужден был откинуться на другую сторону и радоваться, что он был причиной такого прекрасного движения. Проект нового министерства, несмотря на подпору Барбеса, разрушен был несколь-

---

* «Правительственная комиссия Люксембурга не подчинялась никакому министерству, это было чисто народное учреждение. Ее президент и вице-президент сложили с себя свои полномочия, как и их коллеги в правительстве, после выборов, которые только что произошли, они не могут их снова получить. Ассамблея должна позаботиться об их замене». (Разные выкрики.) (*франц.*).

** Труда и прогресса (*франц.*).

*** «Если на меня нападали, меня утешает мысль, что безнаказанно нельзя выдвигать новые идеи, что новаторы, настоящие друзья народа, наживают себе врагов» (*франц.*).

**** «Не думайте, граждане, что я сколько-нибудь обескуражен, что бы ни говорили, я всегда буду защищать дело народа» (*франц.*).

***** «Мы все преданы делу народа» (*франц.*).

кими едкими словами работника Пепена: «Je ne demanderai donc pas un ministère du progrès parce que je ne connais pas encore le ministère de la routine (très bien). Et quant au ministère du travail, il existe dans le ministère des travaux publics (bravo)... Mais nous comprenons parfaitement et je dis nous car je suis ouvrier (applaudissements), nous comprenons que la condition du travail — c'est l'ordre. Quant à la commission du Luxembourg, je ne dirai pas qu'elle est coupable, car je ne crois pas qu'on puisse être coupable qu'on n'a rien fait». (Rires et applaudissements) *.

Пепен предложил составить следственную комиссию для узнавания настоящего положения работника во всей Франции, и Палата, ненавидевшая Луи Блана наравне с Ледрю-Ролленом, с жаром ухватилась за эту мысль для отстранения первого без опасности и единодушно решила создание комиссии в 36 человек по 2 с каждого бюро под именем commission d'enquête pour les travailleurs **.

Затем в следующее заседание 11 мая Палата положила образовать комиссию для составления государственной конституции посредством прямого выбора ею самой людей из всех партий и всех оттенков. Потом она перешла к обсуждению собственного устава и в конце заседания получила из Правительственной комиссии при благодарственном письме [список] сообщение: это было назначение министров, сделанное уже (*неразборчиво*)

Юстиции — Кремье; иностранных дел — Бастид [основатель], один из основателей «National», у него помощником, sous secrétaire d'Etat *** — Жюль Фавр; военный — Каваньяк, помощник — Ширас [11]; морской — вице-адмирал Кади; внутренних дел — доктор Рекур; публичных работ — Трела (доктор «National»); торговли и земледелия — Флокон; просвещения — Карно, помощник — Жан Рейно; духовных дел — Батмон, вскоре отказавшийся, причем м‹инистерство›, нарочно для него и отделенное от министерства просвещения, соединилось с последним по-прежнему; финансов — Дюклер [12] (из «National»); мэр Парижа — Мараст; префект полиции — Коссидьер. Наконец, государственным секретарем к Правительству взят Паньер, с правом совещательного голоса. Три четверти всех этих людей принадлежали к партии «National», как и большинство самого Собрания. Последнее заставило сказать кого-то: «ce n'est pas l'Assemblée Nationale, mais bien l'Assemblée du National» ****.

12 мая Собрание снова занималось комиссией конституции, положив составить ее из 18 членов, своим уставом, причем решило воспретить подачу просьб лично и прием какой бы то ни было манифестации. Это

---

* «Итак, я не требую министерства прогресса, так как мне еще не известно министерство рутины (очень хорошо). Что касается министерства труда, то оно существует в министерстве общественных работ (браво!). Но мы отлично понимаем, я говорю мы, так как я рабочий (аплодисменты), мы понимаем, что условие работы — порядок. Что касается Люксембургской комиссии, я не скажу, что она виновата, так как я не думаю, что можно быть виноватым, если ничего не совершил». (Смех и аплодисменты) (*франц.*).

** Комиссия по обследованию рабочих (*франц.*).

*** Государственным секретарем (*франц.*).

**** «Это не Национальное собрание, а собрание „Националя“» (*франц.*).

[должно было] было сделано уже ввиду клубных замыслов и должно было нарушиться через три дня. Между тем депутат Воловский требовал объяснения у Ламартина касательно польских дел; последний назначил ответ на завтра, субботу 13 мая, и [обещал] обязался представить отрывки дипломатической переписки по этому предмету.

Здесь мы остановимся. Мы видели при начале месяца [состояние умов] ожесточенное состояние умов в клубах и у работников при известии о руанских происшествиях, к этому присоединилась теперь новая экситация, именно, получены были известия из Польши, во-первых, о предательском изгнании польских эмигрантов из Кракова[13] после битвы на баррикадах, а потом поражение Мерославского в Позене[14] и кровавых неистовствах, произведенных в Герцоговине немецкой партией. Впрочем, если судить по взаимным обвинениям, как поляки, так и немцы повторили в этой несчастной земле самые канибальские сцены варварских времен. Один из депутатов Бреславского конгресса[15] рассказывал мне, например, что в какой-то деревне мужики-немцы подрезали у 30 человек польских раненых коленные жилы, чтобы [воспретить] сделать неспособными к продолжению службы. Правда и то, прибавил сам молодой делегат, что поляки окружили деревню, избили всех от мала до велика и срыли [хижины] деревню до земли. Как бы то ни было, но польский вопрос, находящий сочувствие в душе француза, присоединился теперь к другим, достойным негодования, почерпнутым из хода внутренних дел. Еще 6 мая в заседании клуба des Amis du peuple (salle Montesquieu) Распайль предложил снести в Национальное собрание следующие два предложения, обсужденные в клубе и которые мы предлагаем в сокращении: «Première délibération. Considérant 1) Que la conquête de nos libertés sera en péril tant qu'il restera en Europe un peuple qu'on opprime; 2) Que le devoir d'un peuple libre est de voler au secours de tout peuple opprimé... 3) ... 4) ... que notre politique égoïste et effrayée semble avoir prêté main-forte aux tendances liberticides des avis coalisés... 5) que les peuples n'avaient levé le saint étendard de l'insurrection qu'en marchant sur nos traces, ... que yaincus, ils ont droit de nous accuser de leur défaite... Par ces motifs... le club demande par acclamation à l'Assemblée Nationale qu'elle décrète incontinent: a) que la cause de la Pologne sera confondue avec celle de la France, b) que la restitution de la nationalité Polonaise doit être obtenue à l'amiable ou les armes à la main, c) qu'une division de notre vaillante armée soit tenue prête à partir immédiatement après le refus qui serait fait d'obtempérer l'ultimatum de la France. Et ce sera justice et Dieu bénira le succès de nos armes. Deuxième déclara tion Considérant 1) Que le peuple rouennais a été victime d'un infâme guet-apens: 2) Que la réaction royaliste avait tout préparé de longue date pour assouvir ses veilles rencunes... 3) ... 4) ...; 5) Que la magistrature du régime déchu semble avoir été la cheville ouvrière de cette levée de boucliers... 6) Que les chefs militaires ont prêté les mains à cette atroce boucherie... Par ces motifs... le club arrête, qu'une pétition sera portée à l'Assemblée Nationale par son président, à l'effet d'obtenir: a) Que les prisonniers incarcétés à la suite de ces journées de lugubre mémoire soient mis incontinent en liberté; b) qu'une instruction soit commencée à Paris contre les auteurs et les instigateurs de ces massacres, c) que les

chefs militaires qui en ont été complices soient incontinent distitués et leur conduite déférée à un conseil de guerre, d) que la magistrature entière de Rouen soit destituée et remplacée par des magistrats républicains, e) que le vieux Franc-Carré [16] soit mis en état d'arrestation, comme prévenu d'avoir organisé de complot liberticide; f) que le procureur-général... soit appréhendé au corps, comme prévenu du même crime... g) que les troupes soient retirées de Rouen, h) que la ville de Rouen soit condamnée à une indemnité en faveur des victimes et des parents des victimes de cet attentat liberticide. Et ce sera justice et la leçon profitera à quiconque aura envie de recommencer désormais. Raspails, président, Kersousie [17] etc. ..» *

Документ этот особенно замечателен тем, что он сделался впоследствии, так сказать, ультиматумом народа и был прочтен как таковой с Собрания 15 мая. Судорожная деятельность Распайля не прекратилась после этого: В журнале своем «Ami du peuple» он утверждал, что существует красная книга le libre rouge (на подобие той), в которой Лудвиг Филипп записывал издержки на подкуп опасных людей и что в этой книге блестит имя Мараста на сумму 100 т. франков, выданную ему за поддержку закона о фортификациях. Разумеется, никто, кроме Распайля, этой книги не видал. В другой раз его докторская ненависть к своим собратьям выказалась довольно забавно: он заверял публику, что Правительство желает отделаться от февральских [жертв] раненых, препоручив их неопытным докторам, лечение которых оканчивается всегда смертью пациента, вместо

* «Первое решение. Принимая во внимание: 1) что завоеванные нами свободы будут находиться в опасности, доколе в Европе останется хоть один угнетенный народ; 2) что каждый свободный народ обязан прибегать на помощь каждому угнетенному народу... 3) ... 4) ... что наша эгоистическая и трусливая политика является поддержкой свободоубийственных стремлений; 5) что народы подняли священное знамя восстания, лишь идя по нашим следам, и имеют право обвинить нас, если они побеждены... По этим мотивам клуб единодушно требует от Национального собрания немедленно декретировать: а) что интересы Польши будут слиты воедино с интересами Франции, б) что восстановление польской национальности должно быть достигнуто либо мирным путем, либо с оружьем в руках, с) что дивизия нашей доблестной армии будет держаться наготове, чтобы выступить немедленно после отклонения ультиматума Франции. И это будет справедливо, и бог благословит успехи нашего оружья.

Второе заявление: Принимая во внимание: 1) что народ Руана пал жертвой подлой западни; 2) что роялистская реакция все подготовила заранее, чтобы утолить свою давнюю злобу; 3) ... 4) ... 5) что магистратура нашего режима была, по-видимому, главной пружиной этого злодеяния; 6) что военные начальники помогали этой ужасной резне..., по этим причинам клуб постановляет, что его президентом будет подана петиция в Национальное собрание с тем, чтобы добиться: а) чтобы узники, схваченные в эти траурные дни, были немедленно отпущены на волю; б) чтобы в Париже началось следствие против виновников и подстрекателей этих погромов; с) чтобы военные начальники, которые были соучастниками, были немедленно разжалованы, а об их поведении сообщено военному совету; д) чтобы вся руанская магистратура была смещена и заменена республиканской магистратурой; е) чтобы старый Франк-Корре был арестован по обвинению в заговоре против свободы; ф) чтобы главный прокурор... был взят под стражу по обвинению в том же преступлении; г) чтобы с города Руана было взыскано возмещение в пользу жертв и родственников этого свободоубийственного покушения. Это будет правосудием и послужит уроком тому, кому захочется еще раз сделать подобное. Распайль, председатель, Керсози и т. д.» (*франц.*).

того чтобы препоручить их ему, Распайлю, доктору-патриоту, как он это требовал. Но тогда все раненые были бы живы, а это совсем не входит в намерение Правительства.

Жаркая афишка позенских делегатов, в которой они взывали к состраданию Франции, сильно упирая на слова: «frères on nous assassione! Frères. Les Polonais sont massacrés» *, служила дополнением движения. Прежде этого делегаты описывали несчастное положение своего отечества во всех демократических клубах, поднимая везде крики негодования и ужаса.

Наконец, присоединилась еще [другая] новая, свежая причина волнения: отказ Собрания образовать министерство работы и прогресса. Социальные журналы приняли замену его — следственную комиссию для работников — с решительным отвращением и резкими насмешками. Они говорили, что исследовать общественный факт, не подлежащий во всей Европе никакому сомнению, есть пустая работа, доказывающая одно из двух: или глупость представителей или их коварство. Бывший член Правительства Альберт, опровергая замечание журнала «la Presse», будто и он не согласен на составление нового министерства, прибавил в письме своем к нему: «Sur la question de savoir si le Peuple souffre et jusqu'à quel point il souffre, je déclare qu'une enguête m'apprendrait peu de chose. La misère des travailleurs, je la connais pour l'avoir subie; car, moi aussi je suis un ouvrier, et un de ces ouvrier qui n'ont jamais prétendu à l'honneur d'être des journalistes ou des hommes d'Etat adaoptés par la bourgeoisie. Je l'avoue en toute humilité: je n'ai jamais manié que la lime, le marteau..., et le fusil, toutes les foi que la liberté m'a paru menacée» **.

Слова эти в устах бывшего вице-президента Люксембургской комиссии имели особенное значение. Между тем как клубы посылали депутацию к Луи Блану с выражением своих симпатий, реформатор в трогательном собрании люксембургских делегатов от всех корпораций прощался с ними и распускал их, но это была только форма. Делегаты совсем не разошлись, а составили особенное общество, сохраняя свое влияние на работников и ища случая проявить публично негодование свое на отстранение проектов их великого учителя. Случай представился скоро. Еще в прошлом месяце Вре<менное> Пра<вительст>во замыслило народный праздник, препоручив составление его брату Луи Блана Этьену Блану [18], попавшему в директоры Отделения изящных искусств при мин<истерст>ве внут<ренних> дел. Этьен Блан составил программу довольно забавную, в идиллически-робеспьеровском духе. Не говоря о колоссальной статуе свободы, которая должна была возвыситься посреди расчищенного Champs de Mars, символических статуй, окружающих ее, пирамид с именами городов и народов совершавшихся революций, великолепной иллюминацией там и в Champs

---

* «Братья, нас убивают! Братья, поляков истребляют!» (*франц.*).

** «На вопрос относительно того, страдает ли народ и до какой степени он страдает, я заявляю, что вопрос мне мало что дал бы. Нищету трудящихся я знаю, ибо я тоже рабочий и из тех рабочих, которые никогда не претендовали на честь быть журналистами или государственными людьми, принятыми буржуазией. Я признаю со всей смиренностью, что никогда ничего не держал в руках, кроме напильника и молотка... и ружья, всякий раз, когда свобода мне казалась в опасности» (*франц.*).

Elysées, двух фейерверках и проч., программа объявляла, что будет спущен шар, который улетит в небо, что по бульварам будут стоять лавочки с образцовыми произведениями всех промышленностей, окруженная каждая юными девицами в белых платьях, что все они пройдут потом церемониально мимо Пра<вительст>ва по Champs de Mars, что им будет предшествовать колесница с земными произведениями: хлебом, оливой, виноградом, запряженная могущественными быками, у которых рога будут вызолочены и которая будет ведома стариками-земледельцами разных де<партамент>ов в их локальных костюмах, и проч. Празднество это, назначенное сперва на 4 мая, потом на 5 мая и потом на 14 мая, причем и Собрание после довольно сильного прения согласилось в нем участвовать, встретило сопротивление у люксембургских делегатов, в отдельных ремесленных корпорациях и, наконец, в [политических] старых политических заключенных, составлявших в первые месяцы революции нечто в роде аристократии республиканской: они все требовали предпочтительных мест, представительства, первого шага везде. Форма, в которой проявилось сопротивление, была замечательней самого содержания: она показывала приближение грозы. Люксембургские делегаты, например, вспоминая декрет Пра<вительст>ва от 25 февраля, которым оно обязывалось упрочить всем работу и существование и отдать работникам миллион, следовавший Луи Филиппу, писали: «les promesses faites sur les barricades n'étant pas accomplies et l'Assemblée Nationale ayant refusé dans sa séance un ministère du travail et du progrès, les ouvriers, délégués du Luxembourg, ont décidé à l'unanimité qu'ils n'iraient pas à la fête de la Concorde. Lagarde [19], président etc.» *

Политические заключенные писали еще яснее, если можно: «Une fête a été décrétée pour le 14 mai; Les détenus politiques sont conviés à cette fête; mais, attendu que le peuple meurt de faim; attendu que les blessures de nos frères de Rouen saignent encore; attendu que la présence des détenus politiques à la fête du 14 mai pourrait être considérée comme une adhésion à tout ce qui s'est fait politiquement et socialement depuis le 24 février, l'assemblée des détenus politiques, convoquée extraordinairement; considérant que des Républicains ne peuvent se livrer à la joie, lorsqu'ils portent le deuil dans leur coeur; décide, à l'unanimité, qu'elle s'abstiendra d'assister à la fête du 14 mai. Paris, 13 mai, 1848, Cannes [20], Pellevillain, Kersousie, Rosières [21], Huber [22], Geoffroy [23], Flotte [24], Bietre [25], Dugrospré [26], Raumond [27], Boisaxe [28]» **.

---

* «Так как обещания, данные на баррикадах, остались невыполненными и так как Национальное собрание в заседании от 10 мая отказалось учредить министерство труда, то рабочие делегаты Люксембургской комиссии решили единогласно не идти на празднество Согласия. Легард [19], президент, и т. д.» (*франц.*).

** «На 14 мая декретом был назначен праздник; политические заключенные приглашены на этот праздник; но ввиду того, что народ умирает с голоду, ввиду того, что раны наших братьев из Руана еще кровоточат, ввиду того, что присутствие политических заключенных на празднике 14 мая могло быть расценено как одобрение всего, что совершилось с 24 февраля в политической и социальной области, чрезвычайное собрание политических заключенных считает, что республиканцы не могут предаваться радости, когда они в душе носят траур, и поэтому решает единогласно воздержаться от присутствия на празднике 14 мая. Париж, 13 мая 1848 г. Кан, Пелльвиллен, Керсози, Розьер, Юбер, Жоффрэ, Флотт, Бьетт, Дюгропрэ, Раймон, Бусаке» (*франц.*).

Пра<вительст>во отложило праздник до 21 мая, но горизонт от этого не уяснился.

Журналы движения [ниже имена] уже давно приняли тон презрения и насмешки в отношении собрания Н<ационально>го, согласуясь в этом совершенно с журналами реакции и остановки, только заключения их были различны: «La vraie République» Торе покрывала иронией новых министров. «Le Représentant du peuple» Прудона представлял уморительные картины парламентских заседаний. «Commune de Paris» Собрие одна сохраняла серьезный [тон], грозный тон, 11 мая она [говорила] писала, например: «c'en est fait, nous le disons avec douleur, mais avec conviction, le temps des vaines espérances est passé, le jour des déceptions est venu. Qui sait? l'heure de la justice va bientôt sonner peu-être? *

Он пришел слишком скоро, однакож, как оказалось. Покуда все это происходило, Ламартин 13 мая сложил [на бюро] свои польские депеши, которые к великому удивлению даже «J. des débats» написаны были в непонятном духе ненависти к польской национальности. Агент Ламартина г. Сикур[29], долго живший в Москве и женатый на русской, представлял в них поляков, разделенных на множество партий, без определенного плана, враждующих между собой и готовых предаться России из слепой ненависти к немцам, благодеяния которых не понимают. Изумление от этих донесений было всеобщим, но манифестация в пользу поляков, назначенная, как выше сказано, на 13 мая, не удалась, ибо клубы по какому-то внутреннему несогласию разошлись в намерениях и отложили настоящую большую манифестацию до понедельника 15 мая. В [понед] субботу только незначительная часть работников со знаменами дошла до церкви Madeleine и послала депутатов в Палату, которые и вручили просьбу от общего имени г. Воловскому, известному покровителю поляков. Теперь уж можно сказать с достоверностью, что день 15 мая не был преднамеренным заговором, а скорее чем-то вроде уличной, площадной импровизации, почти столько же нелепой, сколько неожиданной и странной. За несколько дней до этого Бланки советовал удержаться от всякого восстания, говоря, что в обществе существует теперь неудержимый ток реакции, который уносит само Пра<вительст>во, людей самых либеральных и который следует поэтому переждать. Гюбер, президент du Comité centralisateur[30], составившегося из Барбесовского Comite des élections[31] и собиравшегося в Тюльерийской Orangerie, Гюбер, распустивший, как увидим, Палату, протестовал накануне против всякого подозрения в насилии или смуте, называя его клеветой. Барбес говорил, что он станет грудью против всякого, кто бы вздумал употребить силу. В этом смысле даны были и приказания клубистам и работникам; они должны были участвовать в манифестации без оружия и притом, не доходя до площади la Concorde, остановиться у Madeleine, но непредвиденное, всегда сопутствующее большой массе народа, выказалось здесь самым чудовищным образом и победило и погубило самих начальников всего дела.

* Конечно, говорили мы с горечью, но убежденно, время напрасных надежд прошло, день разочарования наступил. Как знать, может быть, скоро пробьет час правосудия?» (*франц.*).

Около [двух] двенадцати часов, покуда Бастид своим вялым, едва слышным голосом излагал в Палате принципы, которым следует Пра‹ви-тельст›во в иностранных своих сношениях, толпа народа со знаменами клубов и корпораций сходила по бульвару к Мадлен, крича: vive la Pologne! При первом взгляде на нее какое-то внутреннее предчувствие сказало мне, что она не разойдется миролюбиво. Я обогнал ее и в одном углу площади Madeleine увидел известного епископа галликанской церкви аббата Шателя под тенью домов на скамеечке, окруженного [огромной] множеством народа, которому он возвещал братство народов при оглушительных криках. Вскоре появился тут же генерал Куртэ, долженствовавший играть вскоре такую печальную роль, верхом, со своим штабом. Он с жаром говорил народу о реакции, которая поднимает голову, и объявлял себя другом парижской популяции. Одобрительные крики отвечали ему. В это время голова колонны уперлась в Madelein. Куртэ ускакал к Палате. По программе следовало бы колонне остановиться здесь, но кто же может затормозить локомотив на полном ходу его? Колонна двинулась далее через улицу Royale к площади de la Concorde. Около Палаты собрано было довольно большое количество войска, мост к ней был перехвачен подвижной гвардией, в Тюльери стоял отряд национальной гвардии, и сбор бил по всему городу, но все эти силы были парализованы противоречащими приказаниями ближайших начальников, которые не знали, кого слушаться: Правительственную комиссию ли, президента ли, Палаты, военного министра или генерала Куртэ? Главные начальники были в совершенном смущении, боясь взять на себя ответственность от стычки, и таким образом все были ниже обстоятельств. Посягательство на Палату удалось.

Колонна, как мы видели, направилась к площади de la Concorde с песнями и криками. В это время один [легион] отряд 2-го легиона национальной гвардии, созванной сбором, выступил на площадь с другой стороны. Работники, возбужденные опасностью, сжались в рядах и уже в виде провокации, вместо того, чтобы остановиться, пошли прямо на мост, ведущий к Палате. Куртэ, совершенно потерявшийся, ослабил отряд, его защищавший, и толпа в одно мгновение ока прорвала отряд, прошла мост и очутилась перед решеткой Собрания. Куртэ уже и тут приказал подвижной гвардии, собранной под перистилем, снять штыки с ружей, — путь был очищен таким образом. Уже в самих дверях встретили толпу Ламартин и Роллен, думая еще откинуть [толпу] ее назад нравственной силой, но ведь с февраля уже прошло много времени. Передние ряды процессии опрокинули ораторов и захватили Собрание.

Что произошло тогда в недрах республиканского Парламента, надо читать в рассказах очевидцев (в подробном отчете «Moniteur universel». Его сухой официальный рассказ восстановляет страшную картину в такой полноте, какой не достигнет самый живописный рассказ). Толпа ворвалась сперва в трибуны, потом множество людей, с опасностью сломать себе шею, спустилась из них по стенам в самую залу. Они сели на [пустые] первые попавшиеся места, а некоторые стали сзади депутатов, как бы для [исполнения]надзора за ними. У самой кафедры произошла драка между

народом за знамя, причем Роллен получил несколько ударов концом его. Знамя это, наконец, передано квестору[32], который и держал его над Президентом. Кафедра, занятая Барбесом, Распайлем, Клемент Тома[33], Ледрю, которые, наконец, так сдавлены народом [захват], поместившимся на закраине ее обвода и на президентском и секретарском местах, сидя и стоймя, что некоторые из них делают неимоверные усилия удержаться на ней. Тома протестует против вмешательства народа и получает легкую рану в руку. Пот течет градом с лица ораторов, которые [хотят] умоляют об одной минуте тишины. Распайль [хочет] принимается несколько раз читать свои просьбы, приведенные нами выше, и в неслыханном шуме не может [дочитать] дойти до конца. Несколько слов Луи Блана, умолявшего народ не уничтожать собственного своего представительства и быть спокойным в силе, покрываются аплодисментами, но тишина не водворяется. Большая часть депутатов на своих местах; толпа кидается бить одного из них, спросившего, по какому праву Распайль на кафедре, и сдерживается другой толпой. Бесчисленное количество частных эпизодов, странных, неожиданных, поминутно волнуют толпу, а между тем вливаются в залу беспрестанно новые группы с знаменами и новыми криками. В зале делается нестерпимо душно. Многие депутаты кричат: «Отворите верхние окна! Отворите: мы задохнемся здесь!» Наконец, Бланки взбирается на закраину трибуны и усиливается водворить некоторое молчание, которому как Президент, так и депутаты так рады, что сами кричат: «Слушайте! Слушайте!», хотя Бланки не имеет права занимать место оратора. Бланки говорит довольно умеренно о крайней необходимости пособия Польше и о выпуске из [ареста] тюрьмы арестованных, захваченных в Руане, о пособии народу, умирающему в нужде. В это время уже более 20 человек захватили кафедру. Ледрю возвышает свой голос и начинает: «Avec son admirable bon sens, le peuple de Paris ne veut pas être trompé!» *

Тысячи голосов отвечают ему: «il l'est, il l'est déjà, farceur!» ** В это время Президент, окруженный грозящим народом, пишет на клочках бумаги приказание не бить рапель *** и не созывать войска. Впоследствии он оправдывает этот поступок необходимостью спасения во что бы то ни стало депутатов, ибо отказ его мог быть сигналом их избиения. «По должности в парижской мэрии, — прибавил он тогда наивно, — я знал, что делаю. Мы играли в подобную игру с народом в течение двух месяцев». Три с половиной часа пропадает всякая надежда восстановить порядок, ибо случилась новая компликация.

Мы видели, что первые ряды манифестации прошли в Палату через перистиль, обращенную к площади и мосту de la Concorde. Остальные ряды [обошли] двинулись со своими знаменами в боковую улицу Bourgogne и сплошной массой остановились тут. Голова этой колонны стояла у задних ворот Палаты, обращенных к площади de la Concorde. День был

---

* «Я взываю к здравому смыслу парижского народа, который не захочет быть одураченным!» (*франц.*).

** «он одурачен, он уже одурачен, обманщик!» (*франц.*).

*** Рапель (от *франц.* rappel) — сбор.

неимоверно жаркий и душный. Я ходил между этими рядами людей, с загорелыми лицами, воспаленными глазами от зноя и вдвойне возбужденными: во-первых, весенним солнцем, а во-вторых, вином, которое раздавали им начальники. Дико разносились по рядам республиканские песни. Подвижная гвардия [была] со стен [переднего] главного перистиля браталась с ними, раздавая ветви лип, сорванных в саду Палаты. На углу площади Bourgogne в cafe l'Assemblée из открытых окон несколько народных трибунов поддерживали экзитацию речами, на которые ближайшие ряды отвечали страшными воплями. В одном окне я видел несколько поляков, кричавших: «vive la France et la Pologne!» *, и толстую польскую даму с каким-то орденом на груди, задыхавшуюся от жара и [беспрестанно] колебавшуюся в неописанной экзитации, [еще] вызвавшей у народа яростные аплодисменты. Заговорщики с ярлыками своих клубов на шапках вращались беспрестанно между рядами; странные слухи носились в них: говорили, что Палата объявила войну России, что Палата наложила подать на богачей и проч. Наконец, нетерпение массы росло вместе с действием солнца, речей, винных паров: голова колонны, сильно сдавливаемая напором задних рядов, уперлась в западные ворота и прорвала их. Некоторые полезли через [ряды] колонны. Здесь встретил их Куртэ и умолял [их] остановиться: они опрокинули его назад и очутились на дворе. Тут встретил их Луи Блан и увещевал удалиться: они выслушали Луи Блана, подняли на руки и потащили с триумфом в залу заседаний. Новое это наводнение довершило хаос, там царивший. Зала наполнилась одним ревом, в котором, однакож, можно было различить визг и хохот женщин, издыхавших в истерике в трибунах. Тут-то Барбес, снова появившийся на трибуне, в нечеловеческих усилиях [изложил Палате] успел выразить свои [новые] положения: «Je propose un impôt forcé d'une million sur les riches». Говорят, при этом раздались голоса: «tu te trompes Barbès. Deux heures de pillage!» — «Je propose, — продолжал Барбес, — que l'Assemblée déclare que le peuple a bien mérité de la patrie et que celui qui fera battre le rappel soit déclaré traitre à la patrie» **.

Но уже большая часть членов Палаты покинула свои места и собралась в президентском доме, рядом с Палатой, принять решение в этих обстоятельствах. Гул царствовал свободно в зале Собрания, и бог знает, чем кончился [согласились споры], если бы Гюбер не объявил громовым голосом с кафедры: «Je déclare qu nom du peuple français que l'Assemblée Nationale est dissoute» ***.

В одну минуту Президента и секретарей выпроводили в толчки при

---

* «Да здравствует Франция и да здравствует Польша!» (*франц.*).

** «Я предлагаю насильственный налог в 1 миллион на богатых». «ты ошибаешься. Два часа грабежа». «Я предлагаю, чтобы Национальное собрание объявило, что народ заслужил благодарность родины, а тот, кто прикажет бить сбор, тот должен быть объявлен изменником родины» (*франц.*).

*** «Я объявляю, от имени французского народа, что Национальное собрание распущено» (*франц.*).

криках: «Allez-vous en, tas de canaille que vous êtes!» * Послышались вопли: «В Ратушу! aux armes! aux armes!» **

Барбес был увлечен в Ратушу составлять новое Правительство. Говорят, он упал в обморок от разнородных ощущений, перешедших через его душу и в эти немногие часы. Но — удивительно! Казалось, судьба только и ждала этого последнего акта народного сумасшествия, чтобы изменить вдруг всю картину с быстротой почти театральной.

Это было в 4 часа. В четыре часа площадь de la Concorde, бульвары, буквально весь город стал покрываться вооруженной национальной гвардией, которая направилась к Палате, более по собственному порыву, чем вследствие призыва. Между тем, члены [Собрания] Палаты, собравшиеся в президентском доме, уже призвали на площадь ближайшие батальоны подвижной и национальной гвардии. Около Палаты сделалось неимоверное движение штыков — и в пять минут Палата была очищена от народа. Собрание снова вступило в свои права и открыло заседание. При этой реставрации Правительства гнев раздраженной национальной гвардии пал на старика Куртэ, у которого сорваны были генеральские эполеты начальника и брошены ему в лицо. Он сам едва спасся от неминуемой смерти в ватер-клозете. Прибытие Луи Блана подало новый повод к новым расправам: несколько человек бросились на него, ломали ему руки, вырывали клочки волос, и только с помощью своих сотоварищей, Ларошжаклена и др., успел он, изорванный и избитый, спастись в зале заседания, где появление его было приветствуемо ропотом, но где он сказал несколько слов в пользу сотоварища своего Альберта, увлеченного в Ратушу, слова, тем более великодушные, что они произнесены были после истинного насилия и ввиду возможности нового. Между тем Ламартин при барабанном бое вооруженных граждан и восторженных криках говорил: «Honte à ces misérables insurgés qui ont voulu plonger le pays dans le deuil и проч. Dans un moment pareil la place du gouvernement n'est pas dans le conseil, elle est à votre tête, dans la rue, sur le champs même de bataille» ***.

Множество голосов ответило: «Et nous aussi, nous aussi, nous irons sur le champs de bataille» ****.

Ламартин и Ледрю Роллен вышли из Собрания и верхом отправились в Ратушу в сопровождении нескольких членов Палаты и бесконечного количества народа, везде встречавших их с энтузиазмом.

Там точно такой же оперной переменой декораций все было кончено. Едва только успели Барбес, Альберт и свита их опрокинуть генерала Рея, защищавшего Hôtel de Ville, войти в него и составить листы нового Правительства [следующим образом], выкинутые ими из окошек и гласившие, что членами его назначаются: Барбес, Луи Блан, Альберт, Л‹едрю›-Роллен, Распайль, Пьер Леру, Торе (мэром Парижа), а Коссидьер утвер-

* «Вон отсюда, канальи, убирайтесь вон!» (*франц.*).

** «К оружью! к оружью!» (*франц.*).

*** «Позор этим жалким бунтовщикам, которые хотели погрузить страну в траур... В такой момент место Правительства не в совете, а во главе вас, на улице, на самом поле битвы» (*франц.*).

**** «И мы тоже, мы тоже пойдем на поле битвы» (*франц.*).

ждался в префектуре полиции, как настоящий мэр Мараст из отдаленной комнаты Ратуши призывает 3 легиона национальной гвардии, несколько артиллерийских рот, и оба главы инсурекции были захвачены [почти] просто руками вместе с сотней других человек. Ламартин и Ледрю-Роллен [приехали] явились только для провозглашения эффектных речей, ибо Мараст уже послал рапорт об освобождении Ратуши в Собрание. Замечательно, что Барбес не хотел быть в Пра‹вительст›ве вместе с Бланки и исключил его из списка, что по какому-то предчувствию Беранже во второй раз [подал] умолял [об отставке] в этот самый день Собрание уволить его от обязанностей депутата и получил отставку. Локордер просил о том же на следующий день, испуганный важностью и опасностью депутатской роли. Вечером этого замечательного дня Порталис (генеральный прокурор Республики) потребовал у Собрания арестовать членов его: Барбеса, Альберта, Куртэ, для суда и, разумеется, получил его, а Гарнье-Пажес [возвестил арестацию Распайля, Собрие (сей последний был захвачен национальной гвардией и избит) и по ошибке Бланки и Гюбера, которые арестованы были гораздо позднее. Вместе с тем он объявил намерение Правительства уничтожить революционных стражей префектуры — полиции, монтаньяров, лионцев и проч., назначить генералом национальной гвардии Клемента Тома, отличившегося своим сопротивлением инсурекции и распорядительностью в подавлении ее, а также] возвестил намерение Правительственной комиссии закрыть клубы, собиравшиеся, так сказать, с оружием в руках: «En ce moment, — сказал он, — notre devoir est de pourvoir au besoin d'une répression sévère; ceux qui ont conspiré sont emprisonnés (très bien, très bien). Le droit de réunion est sacré, mais les clubs qui délibèrent en armes et qui parlent ouvertement d'attaquer dans cette assemblée les véritables souverains du pays, ces clubs seront dissipés (bravo). Nous voulons la République honnête, ferme et modérée (Applaudissements)» *.

Ночью город был иллюминирован, и прокламацией мэра, квестора, Собрания и Правительственной комиссии возвестили народу как свершившееся посягательство на свободу Собрания, так и быстрое ее восстановление.

Разумеется, негодование буржуазии, уже довольно грубо выразившееся в насилии над отдельными лицами, не могло утихнуть тотчас же. Отряд ее арестовал на набережной d'Orsay Собрие тоже не без сильных и позорных оскорблений, а потом часть какого-то легиона окружила его укрепленный дом в улице Rivoli с находившимся там гарнизоном. Гарнизон, разумеется, сдался, несколько лиц по крышам перелезли на балкон дома, а оттуда в самые бюро, где состоялась и печаталась известная «Commune de Paris». Все было опрокинуто, разбито и захвачено; между прочим, найдено было там несколько проектов прокламаций, несколько законов

* «В этот момент наш долг в случае необходимости прибегнуть к строгим репрессиям; те, кто конспирировал, — в тюрьму (очень хорошо! очень хорошо!). Право собраний свято, но клубы, которые заседают с оружьем в руках и которые открыто говорят в этой Ассамблее о нападении на настоящих хозяев страны, эти клубы будут распущены (браво!). Мы хотим Республику честную, твердую и умеренную. (Аплодисменты)» (*франц.*).

вчерне, довольно грубых, о разделе собственности, план составления комитетов общественного спасения и доброе количество ружей и военных снарядов. На другой день знаменитый этот дом стоял пустой, со стражей из национальной гвардии, с разбитыми окнами, с оторванными ставнями, а разоренная «Commune de Paris» порывалась еще продолжать свое существование, но злостный тон ее уж очень походил на бессильный гнев, ребяческое ругательство, она рушилась.

Второй, почти формальной осаде, подверглась префектура полиции на другой день 16 мая. Дело было в том, чтоб обезоружить республиканскую стражу ее, монтаньяров и проч. и все другие корпуса, которые служили инструментом в руках Коссидьера, признавали в Республике одного его, состояли помимо намерения самого Пра‹вительст›ва и уже раз в прошедшем месяце испытали нечто вроде атаки от национальной гвардии и подверглись переформированию. Задача состояла в том, чтобы распустить их окончательно. После многих переговоров цель была достигнута без пролития крови: республиканская гвардия покинула префектуру, притом в ту самую минуту, когда Коссидьер защищал ее и собственное свое поведение в начале революции в Собрании. Коссидьер сказался больным на день 15 мая и находился, таким образом, в сильном подозрении [касательно] если не касательно участия в заговоре, то по крайней мере в преднамеренном бездействии. Он оправдался чрезвычайно бойко и с каким-то наивным добродушием, оправдывающим данное ему название Тайлерана[34] демократии. Он объяснил спокойно Палате, что еще вскоре после 16 апреля он требовал арестации Бланки [и не получил] у Пра‹вительст›ва и не получил его, что [Париж ему обязан] после этого вся его роль состояла в одном — сдерживать народные страсти посредством потачки им, что, таким образом, Париж ему обязан своим спасением 15 мая, ибо по его настоянию манифестация явилась в Палату без оружия, что с самого февраля месяца, лишенный всех материальных средств, он [играл] исполнял обязанность медиятора* между всеми партиями в префектуре, стараясь убить анархию анархией, и на это употреблял именно самые отчаянные головы, образовавшиеся корпуса под разными именами. Он умолял Палату дать им законное существование, ибо теперь они могут быть самыми верными охранителями порядка. Он показал Палате, как его хладнокровием, расчетом, уступкой спасены были люди и собственность тотчас после революции: «J'ai fait de l'ordre avec le désorde»**, — сказал он. Что касается Собрие, его стражей и военных снарядов — и те, и другие, по уверению Коссидьера, даны были ему с ведома Ламартина и всего Временного правительства. Это было правда; Пра‹вительст›во боялось тогда еще монархической реакции и держало Собрие как цепную собаку, долженствующую предостеречь смелых воров лаем своим. Речь Коссидьера отличалась необыкновенной живописностью при безыскусственности выражения, таким смешением [ума] практического ума, оригинальности и [проницательности] и вместе эстетической свободы, что ей подчинилась вся Палата. Он

---

* медеятора (от *франц.* mediateur) — посредника.
** «Я сделал порядок с помощью беспорядка».

сделался вдруг человеком всех партий: буржуазии — за спасение от грабежа и пожара, пролетариата — за свой народный язык и демократические убеждения. Когда он потом (после распущения национальной гвардии) подал двойную отставку от депутатства и от префектуры (заменен он был в последнем месте довольно незначительным лицом, г. Труве-Шовеленом[35]), и те и другие послали его снова в Собрание большинством голосов. Между тем, в это же самое заседание Гарнье-Пажес возвестил Собранию заключение в крепости Vincennes[36] Барбеса, Альберта [и др. арест], Собрие, Распайля и по ошибке арестацию Бланки и Гюбера, захваченных в Париже гораздо позднее; закрытие опасных клубов (клуба Барбеса, клуба Бланки, клуба Распайля, des droits de l'homme в passage Molière, причем национальная гвардия из окрестностей, пришедшая в большом количестве на помощь Парижу, встречена была в темном зале клуба двумя выстрелами и перестреляла в ужасе самое себя, осталось [7] 2 человека убитых и 3 раненых на месте). Гарнье извещал еще о прибытии в Париж войска, назначении Клемента Тома генералом национальной гвардии, распущении корпусов монтаньяров, лионцев и проч. и заключил речь, прося у Палаты доверенности: «Nous vous prions de nous laisser agir et de nous donner le temps nécessaire d'agir. Nous ne prendrons de repos que quand nous aurons donné satisfaction au besoin d'ordre qu'éprouve toute la population et que nous aurons garanti la sécurité nécessaire pour assurer le travail (Bravos prolongés). La plus grande mesure financière que nous puissions prendre — c'est d'assurer le travail par la sécurité et par l'ordre. Vous pouvez compter sur nos efforts, comme hous comptons sur votre confiance. (Applaudissements)» *.

Действительно, после того, как экзальтированная партия так безумно и так нелепо сама отдалась в руки своих врагов, можно было думать, что Правительство, освобожденное от этой важной помехи, пойдет твердым шагом к исполнению своих планов, какими бы они ни были, что физиономия его выразится ясно и определенно, но вместо этого почти с этой минуты начинается совершенный правительственный хаос, немощь и бессилие, порождающие бунты почти каждый день, кончившийся такой неслыханной резней в Париже, какой, может быть, не представляет история междоусобных войн. Причина всего этого до сих пор еще тайна, как многое другое в этой революции. Скажем, что знаем.

Первая причина [которая выказывается], выказавшая тотчас же, заключалась в недоверии Палаты к Правительственной комиссии, которую сменить, однакож, она не могла. Палату, видимо, беспокоило темное подозрение если не об участии Комиссии в происшествиях 15 мая, то по крайней мере двойственность ее поведения, ее выжидание происшествий и слабость принятых мер. Все знали, что со многими из арестованных члены

---

* «Мы просим вас разрешить нам действовать и дать нам время, необходимое для действия. Мы успокоимся только тогда, когда удовлетворим потребность в порядке, которую испытывает все население, и когда мы сумеем гарантировать необходимую безопасность для обеспечения труда (долгое браво). Самая большая финансовая мера, которую мы можем принять, это обеспечить труд путем гарантии и порядка. Вы можете рассчитывать на наши старания, как мы рассчитываем на ваше доверие. (Аплодисменты)» (*франц.*).

Комиссии имели близкие отношения. Комиссия, со своей стороны, опасаясь, чтобы победа, одержанная над анархистами, не откинула Собрание в реакцию, наблюдала за ним и, видимо, удерживалась от энергических мер, ею самою возвещенных. Образовался род немой, сильной вражды между ними, полной недоразумений, в которых терялись силы обоих. Через неделю ясно [всем] было, что правления Франции не существует: стали образовываться заговоры партии движения, расчеты монархической партии, наконец, даже виды бонапартистской партии Луи Наполеона. Популярность Ламартина, еще весьма сильная 15 мая, вдруг упала: через неделю уже никто не считал его правительственным человеком, как он сам с удивлением сознался в своем журнале «le Bien public» [37], а равно не сомневался в бесцветности и слабости самого Правительства.

Чтобы дать некоторое понятие об этом странном поединке двух властей, не смевших вступить в явную борьбу и опасавшихся победы как несчастия, стоит привести несколько заседаний, полных придирок и невыговоренной вражды к Комиссии. Так, в заседании 17 мая Правительство требовало для [своих мер] препозиций своих немедленного обсуждения (discussion d'urgence), а Палата хотела их подчинить общему регламенту, повелевающему все препозиции членов своих, признанных нужными, обсуждать через 24 часа. Вышел парламентский бой, в котором наговорено было много жестокого с обеих сторон и кончившийся тем, что Палата приняла amendement * Жюля Фавра, гласившую, что параграф регламента не относится к препозициям, представляемым на обсуждение Правительственной комиссией. Флокон, неумолимый Флокон, сказался в этих прениях, как и во многих других, самым жарким партизаном «du pouvoir central, unitaire, fort, capable de faire face aux factions du dedans et à nos ennemis du dehors» **, к удивлению всех своих демократических собратьев и даже сотрудников «Реформы». Так министерство меняет людей! На следующем заседании 18 мая еще было хуже. Дело состояло в том, чтобы составить благодарственную прокламацию от имени Собрания всей Франции за ее готовность к защите Парламента. Г. Берар [38] ввернул тогда в проект прокламации, им составленный, между другими фразами следующую: «Sans menaces extraordinaires, sans lois d'exception, nous anéantirons leurs (анархистов) odieuses espérances; il n'y aura pas d'autre réaction que la fermeté de tous les pouvoirs: le pouvoir exécutif, exercé avec vigueur et unité, ne pactisera pas avec le désordre» ***.

Эта прокламация встречена была сильными аплодисментами и только по сильному сопротивлению левой стороны, уже находящейся в необходимости bon-gré, mal-gré **** поддерживать Комиссию, борющуюся с реакцией,

* Поправку (*франц.*).

** «власти центральной, единой, способной сопротивляться мятежникам изнутри и врагам извне» (*франц.*).

*** «Без исключительных угроз, без исключительных законов мы уничтожим их гнусные надежды; не будет иной реакции, кроме твердости во всех областях власти: исполнительная власть, проводимая с твердостью и единством, не будет мириться ни с каким беспорядком» (*франц.*).

**** Волей-неволей (*франц.*).

отослана до завтра, и тогда изменена совершенно с выключением оскорбительной фразы, направленной против Пра‹вительст›ва. Самый жаркий [прения] и обидный спор встретила Пра‹вительственн›ая комиссия при рассуждении о декрете, которым [Палата] просила Палату предоставить ей право не участвовать в прениях, не присутствовать в собраниях, отвечать только на настоятельные требования Парламента, а главное вручить ей защиту [Парламента] его. Последнее требование встретило неимоверную бурю, все коварные подозрения поднялись с новой силой, и только уступка Ламартина [заседание 30 мая], объявившего, что Президенту Палаты в силу прежнего регламента остается право собирать войско по благоусмотрению и только распоряжаться его действиями препоручается исполнительной власти. Декрет прошел, несмотря на оппозицию партии Барро и многих политических и умеренных республиканцев: Комиссия еще была необходимостью. Тотчас после этого заседания Комиссия опубликовала оправдательный акт, в котором показывала, что накануне 15 мая все военные меры предосторожности были ею приняты и только по разным недоразумениям не приведены в исполнение начальниками, притом Коссидьер обвинялся ею в двойственности поведения и в странной своей болезни, воспрепятствовавшей ему участвовать в совещаниях Комиссии. Коссидьер отвечал другим актом, в котором со своей стороны показывал, что все известия о заговоре были им переданы вполне Комиссии, но что Комиссия отвергла и всегда отвергала решительные меры, им предлагаемые в подобных случаях для уничтожения инсурекционных планов. Оба эти акта только еще подтверждали в мнениях Палаты излишнюю снисходительность Комиссии к заговорщикам. Это зашло даже так далеко, что один член мог предложить без особенного волнения в Парламенте — составить комиссию для пересмотра всех декретов старого Временного правительства, начиная с 24 февраля. Палата отвергла.

Но отвергнув формально предложение, она предоставила делать то же самое по частям своим комитетам. Еще 13 мая сверх комиссий, случайно назначаемых, назначалась постоянная комиссия для составления государственной конституции (членами ее выбраны, под председательством Одиллона Барро, Корменен, Мараст, Ламенэ, вскоре выбывший по собственному желанию, Вивьен [39], Токвиль, Дюфор, Мартин, Вуаре [40], Когнорель, Карбон, Турре [41], Бетмон, Дюпен, Волабель [42], О‹диллон› Барро, Пажес (из Ариежа) [43], Дорнес, Виктор Консидеран). Кроме своих ежемесячных объявляемых бюро, Палата еще составила 15 комитетов для приготовления законов по всем частям управления с равным числом членов (по 60) в каждом, в следующем порядке: «1) Comité du travail, 2) de la justice et de la législation, 3) des cultes, 4) des affaires étrangères, 5) de l'instruction publique, 6) de l'intérieur et des arts, 7) de l'administration départementale et communale, 8) du commerce et de l'industrie, 9) de l'agriculture et du crédit foncier, 10) de la marine, 11) de la guère, 12) de l'Algérie, 13) des finances, 14) des travaux publics, 15) de la législation civile et criminelle» *.

* «1) комитет труда, 2) юстиции и законодательства, 3) религии, 4) иностранных дел, 5) народного образования, 6) внутренних дел и искусства, 7) управления депар-

По обстоятельствам, важнейшим из этих комитетов был уже не иностранных дел, как это, вероятно, бы случилось в предшествующее царствование, а комитет работ с двумя своими сателлитами: комитетом финансов и публичных работ. Все эти комиссии, бюро, комитеты в продолжение всего месяца выработали [один] только один существенный закон и одну важную меру. Какая разница с Собранием 89 года и Конвентом! Закон состоял в [новом установлении] преобразовании установления des Prudhommes (мировых судей между работниками и патронами) и предложен был Флоконом. По смыслу его каждый промышленный город имел несколько судей des Prudhommes с равным количеством в каждом патронов и работников, причем последние выбирают первых, а первые выбирают последних. Все спорные пункты между фабрикантами и ремесленниками [предлагаются] разрешаются одним из таких судов, смотря по индустрии, миролюбиво и без (*неразбор.*). Мера состояла в назначении следствия по всему лицу государства для узнавания в каждом кантоне его состояния земледелия и мануфактурной промышленности, отношения фабрикантов к работникам, количество их, нравственное положение [выгоды], величину задельной платы, способы, которыми кантон располагает, его еще не тронутые богатства и проч. Следствие должно производиться в главном месте каждого кантона комиссией из равного числа патронов и работников, причем каждая индустрия должна иметь выборного представителя и все они состоять под председательством мирового судьи (juge de Paix). Остальная работа Палаты состояла в нескольких законах частного интереса, во временном изгнании фамилии Луи Филиппа [44], в политических прениях, а особенно в бесчисленном количестве предложений, проектов, мыслей, которые в странном, хаотическом беспорядке стремились выразить каждый на трибуне из 900 членов Палаты. За этим разумеется, следовали отсылки в комитеты, опровержения, споры, хохот и, наконец, путаница, часто кончавшаяся насильственным прекращением заседания. Этот властительный Парламент походил весь месяц на странное зрелище разнородных сил, сшибающихся между собой и отбегающих назад, еще в бессилии создать какое-либо тело. Только три знаменитые комитеты, упомянутые нами, выказывали довольно ясно сопротивление тому слабому оттенку правительственного социализма, который находился в министерстве и был им получен в наследство от февральского Пра‹вительст›ва, составлявшего теперь Commission du pouvoir exécutif *.

Разумеется, первые подпавшие действию комитетов были министерство финансов — Дюклер и публичных работ — Трела. Оба они в короткое время своего управления оказались, может быть, неспособнейшими министрами, какие когда-либо были, а главное, оказались простыми орудиями неясных мыслей Правительственной комиссии. Первый из них, ученик Гарнье-Пажеса, сберегает, как святыню, его мысли [об умеренном участии]

таментами и коммунальным хозяйством, 8) торговли и промышленности, 9) земледелия и поземельного кредита, 10) по морским делам, 11) военный, 12) по Алжиру, 13) финансовый, 14) публичных работ, 15) гражданского и уголовного законодательства» (*франц.*).

* Исполнительную комиссию (*франц.*).

о праве государства завладеть большими предприятиями, как-то: железными дорогами, общественными застрахованиями и проч., и о необходимости пошлины на доходы. Он был поддерживаем, по обыкновению, «Nationa'лем» и сильно опровергаем «Jurnal des débats». Дюклер имел удовольствие видеть, что налог в 45 сантимов Гарнье-Пажеса был подтвержден комитетом финансов и что предложения независимых социалистов (фурьеристов) — о земледельческом банке, колонизаторов — об обращении работников к земледелию и проч. были иронически отсылаемы Палатой в разные комитеты, но он имел удовольствие видеть, что его собственный правительственный социализм, последний [отклик] голос теории о вмешательстве государства в предприятия, остававшийся еще в правлении после уничтожения Люксембургской комиссии, был враждебно принят комитетом финансов. Еще 17 мая внес Дюклер проект о выкупе железных дорог. Он разделял их на несколько категорий: дороги конченные, дороги, производящие работы, дороги, оставившие их. Для выкупа первых он предлагал определить ценность их акций [средним числом], взяв среднее число между тем, что они стоили за 6 месяцев до февраля на бирже и что будут стоить 6 месяцев после февраля там же. Это казалось ему единственным способом соединить право государства с уважением к частной собственности. Вместе с тем Дюклер объявлял, что выкуп железных дорог есть краеугольный камень новой финансовой системы, которую он вскоре представит Палате и которая должна не только покрыть весь долг Республики, но изменить совершенно всю систему налогов, кредита, работы. Это было названо в насмешку — секретом Дюклера. Но с представления проекта о выкупе прошло несколько недель, а система не показывалась. Бюро и два комитета, разбиравшие проект, по обыкновению, колебались между неохотой признать необходимость проекта и опасностью ниспровергнуть Пра‹витель-ст›во отказом. Между тем, разумеется, компания железных дорог кричала о грабеже собственности, свершаемой во имя государства, а социалисты, наоборот, кричали о грабеже собственников, свершаемой во вред государству. Это безобразное, вялое преследование меры чисто республиканской и столь же [незначительный] нерешительный отпор окончательно спутывали все партии, не знавших, чего надеяться и ожидать. Беспорядок был довершен, когда в заседании 2 июня (пятница) Билло от имени комитета финансов объявил, что его [состояние] комитет, после долгих изысканий, находит состояние отечественных финансов в самом дурном положении и не имеет никакого доверия к бюджету, представленному временным Пра‹вительст›вом 8 мая (см. выше). Не только нельзя ожидать 11 миллионов остатка в 1848 году, как возвещал бюджет, но все цифры доходов им так преувеличены, что в конце 1848 должно непременно следовать банкротство. Новые меры бюджета не дадут и половины того, что возвещено. Так, налог в 45 сантимов должен был произвести 160 миллионов немедленно, которые и помечены в бюджете, а к 10 мая было только в 34 миллиона, и проч. и проч. Комитет предлагает вследствие того, как единственную меру — поднять кредит доверия к промышленности — весь текущий долг (dette flotante), самый опасный и тяжелый, как мы видели, состоящий из 867 м., которые могут быть всегда потребованы сполна кредиторами, обратить

в постоянный долг. Для этого следует капитал des dons du Tresor, des caisses d'épargnes *, составляющий собственно текущий долг, превратить в пятипроцентную ренту на государство [считая каждый билет по текущему курсу], но с условием считать 5 на 70 по биржевому курсу, а не 5 на 100, как сделало Временное правительство, помимо всякой справедливости. Государство при этом выигрывает в будущем все то, что теряет [теперь] в настоящем, и вместе с тем этой простой мерой отстраняются все хитростные и лживые проекты как Гарнье-Пажеса, так и Дюклерка.

Дюклер умолял Палату прежде решения подождать его собственного бюджета, заметив, что вмешательство комитетов в управление грозит изменением всей конституции: «Je ne voudrais pas me servir d'une expression trop forte, mais il y a là une usurpation» **.

Он был прерван гневным шумом Палаты, и, однакож, были правы комитеты, по существу своему всегда стремясь стать на место Пра‹вительст›ва, а теперь у них было еще и затаенное намерение.

С г. Трела, министром публичных работ, было еще хуже, но в его отношениях к комитетам работ поднимается уже страшный инсурекционный вопрос, вопрос о национальных мастерских.

17 мая Трела требовал кредита от Палаты для производства многих работ по каналам, дорогам и проч. и 3 миллиона для национальных мастерских, сознаваясь притом, что работы, производимые ими, действительно [слабы] ничтожны и что все старание его будет обращено для приведения в соразмерность издержек государства с пользою, какую [должны] вправе ожидать от них. Палата, с согласия комитета, подтвердила кредит, поручив, однакож, министру неутомимо преследовать свою благую цель. Со всем тем в недрах комитета уже ходили мысли о совершенном распущении мастерских. [Эти мастерские, составленные] Временное февральское правительство, образовавшее их ввиду крайней необходимости, полагало, что число [их] государственных работников [в них] не превысит 13 тысяч; но оно уже превосходило 100 т. в начале мая, когда прием [в них] в мастерские был остановлен. Временное правительство думало притом образовать из них готовую на всякий случай республиканскую армию, подчинив работников военному распорядку, распределив на бригады, роты, но эта сильная организация образовала из них страшный корпус у самых ворот Парижа — и только. Наконец, Правительственная комиссия, сознавая опасность мастерских и видя притом существование их совершенно бесполезно для государ‹ственных› работ, останавливает решительно все частные — вознамерилось принять некоторые меры, требовавшие великой осторожности, долгого времени и легкой руки. Тут и встретило оно комитет работ и Палату, требовавших немедленных энергических мер для ослабления корпуса, который поедает государственный бюджет, не возвращая ему ничего, но который имеет за собой важное право: отсутствие настоящих дельных работ, голод и, наконец, законную надежду из-

---

* Облигации казначейства и сберегательных касс (*франц.*).

** «Мы не хотели употреблять слишком сильные выражения, но это узурпация» (*франц.*).

менения отношения трудящегося класса к капиталу, к фабрикантам и патронам. Это обещала ему торжественно февральская революция.

Самый проект Дюклера о выкупе железных дорог соединялся в мысли Пра‹вительст›ва с [целью] затаенной целью иметь в своем распоряжении большие государственные работы для занятия если не национальных мастерских, то по крайней мере всех тех работников, которые страдают от остановки разных индустрий (chômage). [Эта цель социальна] План чисто социальный, но как он, так и меры, придуманные для [роспуска] постепенного роспуска мастерских, разрушались перед постоянным требованием Собрания. Еще 21 мая депутат С. Ром [45] показывал анархию в распределении задельной платы работникам, причем часто один и тот же человек получает двойную плату, и многие, совсем не нуждающиеся, тоже получают ее и проч. Трела, ссылаясь на комиссию, которую он составил при своем ми‹нистерст›ве для разбора всего дела, просил Палату ждать ее документов. 25 мая Леон Фоше, заклятый враг всякого социализма и по инстинкту ненависти чувствующий, что в мастерских лежит гонимый им принцип, сложил на бюро Палаты предложение открыть министру публичных работ кредит в 10 миллионов для земельных работ по дорогам Страсбургской, Ронской и проч. и туда направить [всех] или в их департаменты всех работников [живущих в Париже], не имеющих постоянного жительства в Париже. Когда 28 мая он стал развивать свое предложение, тон его речи был замечательнее самого предложения: никто еще так не говорил о работниках с февраля месяца: «Les ateliers nationaux, — сказал он, — ...sont devenus une véritable plaie... les ateliers absorbent 240,000 f. par jour, 66 millions par an... some égale, à un million près, à celle que, dans d'autres circonstances, la monarchie a consacrée en 1845 à la grande oeuvre des chemins de fer. Voulez-vous savoir ce que l'on obtient en retour de si immenses sacrifices? Voilà trois mois que l'on travaille au Champs de Mars, vous avez vu quel immense cloaque on en fait» *.

Говоря о духе, царствующем в мастерских, он прибавил: «les entrepreneurs de conspirations croient n'avoir qu'à se baisser pour y trouver complices (sensation)... De l'oisiveté au désordre il n'y a qu'un pas, le cabaret remplirait bientôt les habitudes de la famille et les ouvriers descendraient à l'état de prolétaire en attendant qu'ils devinssent des bandes prétoriennes au sein de la République... (très bien) Il est temps de dissoudre les ateliers nationaux... Vous ne voudrez pas que le péril continue de menacer l'ordre en même temps que nos finances et notre industrie; vous ne permettrez pas que l'on transforme les ouvriers de la capitale en lazzaroni» **.

---

* «Национальные мастерские, — сказал он, — стали настоящей язвой. ...мастерские поглощают 240 000 фр. в день, 66 миллионов в год... сумму, равную, с разницей в один миллион, той, которую при других обстоятельствах монархия отдала в 1845 году на дело постройки железных дорог. Хотите знать, что получают взамен таких огромных жертв? Вот три месяца, как работают на Марсовом поле, вы видели, в какую огромную клоаку его превратили?» (*франц.*).

** «Заговорщики думают, что им только нагнуться, чтобы найти себе сообщников (волнение). От безделья до беспорядка всего один шаг. Кабаре скоро могут заменить домашние привычки, и рабочие окажутся на положении пролетариата, а потом превратятся в преторианские банды, живущие на иждивении Республики (очень хорошо!)...

Речь была покрыта одобрительным говором Палаты, к которому присоединился и комитет работ в лице своего докладчика Falloux [46]. Он сказал: «La proposition que le citoyen Faucher vient de développer avec une autorité qui lui est propre et que nul ici ne conteste occupe depuis plusieurs jours le comité des travailleurs. Je demande donc qu'elle lui soit renvoyée» *.

25 мая Фаллу явился [от имени комитета] с декретом от имени комитета работ. [Он внес предложение] Речь, им [произнесенная] прочитанная и составляющая изложение причин [на поверку], побуждающих к декрету, была очень искусно составлена и отличалась умеренностью [протестации]. Комитет заверял работников в своей попечительности о пользе их, готовности на все пожертвования, согласия с правом государства и с их частным правом, обещал в будущем множество законов, которые выведут их в широкую гражданскую жизнь и дадут им средства для взаимной ассоциации, народного обучения детей их и помощи работникам, изувеченным и престарелым. Он говорил: «l'humanité, hâtons'nous de le dire, a les mêmes droits aujourd'hui qu'au jour même de l'avènement de la république. L'intérêt du travailleur est sacré pour l'Assemblée Nationale comme pour la commission exécutive, et l'avenir ne peut que développer encore les pensées de dévouement fraternel qui nous sont communes. Mais c'est pour aller jusqu'au bout de cette voie, que nous ne pouvons consentir à nous laisser égarer dès nos premiers pas» **.

Потом, пересчитав всю неправильность и безобразие нынешнего существования мастерских 1*, он предложил следующий декрет от имени комитета: «Considérant que le travail des ateliers nationaux du département de la Seine est devenu improductif, que son maintien dans les conditions actuelles serait en contradiction avec une bonne administration de la fortune publique, avec le retour de l'ordre et la reprise des opérations industrielles ou commerciales, qu'il constituerait une aumône déguisée et que le plus grand nombre des travailleurs inscrits aux ateliers nationaux réclament eux-mêmes le moyen de gagner librement leur existence, et refusent de prélever plus longtemps sur la fortune publique des deniers qui n'appartiennent qu'aux orphelins, auv infirmes et aux vieillards, décrète:» ***.

Пора распустить Национальные мастерские.. Вы хотите, чтобы порядку продолжала угрожать гибель, как нашим финансам и промышленности; вы не позволите, чтобы рабочие столицы превратились в лаззарони» (*франц.*).

* «Предложение, которое гражданин Фоше сейчас развернул с присущей ему авторитетностью, которую тут никто не оспаривает, уж несколько дней занимает комитет работ. Итак, я прошу, чтобы оно было ему отослано» (*франц.*).

** «Человечество, скажем об этом не откладывая, сегодня имеет те же права, что и в день пришествия Республики. Интересы рабочего священны для Национальной Ассамблеи, как и для Исполнительной комиссии, и будущее станет только развивать дальше идеи о братстве, самоотверженности, которые нам свойственны. Но чтобы дойти до конца этого пути, мы не можем разрешить себе с первых же шагов делать ошибки» (*франц.*).

1* Издержки государства по счету комитета возвышаются только на эту grève permanente et organisée, как сказал Фаллу — до 170 000 фр. в день, 45 миллионов в год.

*** «Считая, что труд национальных мастерских департамента Сены стал непродуктивным, что его сохранение в современных условиях противоречило бы хорошему управлению народным достоянием при восстановлении порядка и возобновлении ком-

Поденная плата изменена в задельную (à la tâche), открывается кредит для дельных работ как государственных, так и частных, наконец, работники, не принадлежащие Парижу, отсылаются в свои департаменты на казенный счет. Когда на другой день декрет был представлен на обсуждение Палаты — умеренность комитета не нашла подражателей! Страсти фабрикантов, патронов, собственников и работников сделали из рассуждения желчный спор, который хорошо отражал элементы ненависти и антагонизма, находившиеся в самом обществе. Депутат Севестр [47] (Sevaistre) от фабрикантов прочел речь, в которой изъяснял, как праздные работники государственных мастерских ходят по частным фабрикам и останавливают в них работы, как в недавнее время великолепные заказы из Италии и Франции были отвергнуты французской индустрией именно по этой причине и как на конце всего этого лежит гибель государства и гибель самого трудящегося класса. Депутат Мишо [48] (Michaud), работник, ответил: «Ce langage est bien celui d'une chef d'industrie, celui-là n'a jamais senti les douleurs de l'ouvrier... Je ne nie pas qu'il n'y en ait pas eu (d'ouvriers, qui avaient refusé le travail) — mais ce n'est pas une raison pour jeter un discrédit, un blâme sur les ouvriers en masse» *.

Г. Грандин [49] (Grandin) [работник, сделавшийся фабрикантом], другой богатый фабрикант, превзошел двух первых в увлечении, как часто бывает с выходцами (parvenu), ненависть его еще [была] сильнее к классу, из которого он вышел: «il y a des meneurs, — сказал он, — qui spéculent sur le désordre et sur l'agitation (très bien!) Il y a un gouvernement placé entre l'ordre et l'émeute, qui dit aux partisans de l'ordre: comptez sur moi! et qui en même temps, dit à l'émeute: ayez confinance, je suis pour vous! (Violents murmures)... Dans cette assemblée, il y a d'excellentes intentions, mais une disposition dangereuse a laissé faire ou plutôt a attendu que les choses se fassent d'elles-mêmes. Il faut cependant en finir, il faut que cette situation ait un terme (oui, oui). Un grand nombre de manufacturiers en sont à ne plus savoir où reposer leur tête. Après avoir mangé leur dernière obole et même l'obole qui leur avait été confiée, ils se voient menacés, leur sûreté est compromise; telle est la situation que vous leur avez faite. Encore une fois, cela ne peut pas durer (vive sensation)» **.

мерческих и промышленных операций; что он был бы скрытой милостыней и что большинство рабочих, записанных в национальные мастерские, сами требуют себе возможности свободно зарабатывать на жизнь и отказываются брать из народного достояния деньги, которые принадлежат исключительно сиротам, инвалидам и старикам, декретирует:» (*франц.*).

* «Это речь, конечно, предпринимателя, он-то никогда не испытывал страдания рабочего. Я не отрицаю, что их не было (рабочих, отказывающихся от работы), но это не причина, чтобы дискредитировать, осуждать всю массу рабочих» (*франц.*).

** «Есть зачинщики, которые спекулируют на беспорядках и на волнении (очень хорошо!). Имеется правительство, поставленное между порядком и мятежом, которое говорит сторонникам порядка: рассчитывайте на меня, и которое одновременно говорит мятежникам: доверяйте мне, я за вас (бурные аплодисменты). В этой Ассамблее существуют прекрасные намерения, но опасная склонность не вмешиваться или, скорее, ждать, чтобы все само собой устроилось. Однако с этим надо покончить, этой ситуации надо положить конец (да, да!). Большое число мануфактурщиков уже не знает, куда ум приложить. Съев свой последний обол и даже тот обол, который им доверили, они

Так, эти три человека выразили враждебные станы, поставленные современностью в [каждом] всяком европейском государстве. Между тем министр публичных работ [Трела] печальным своим голосом, полным истинного добродушия, старался убедить, как взаимные их нападки несправедливы. Он своей честью клялся, что масса работников желает истинного труда, представлял многие черты из великодушия, благородства, прочел даже манифест большинства работников национальных мастерских, которым они заверяли министерство в своей привязанности к Республике и в уважении их к общественному спокойствию. Вместе с тем он обещал Палате свои проекты новых, серьезных работ и распределения [трудящихся] ремесленников на разных пунктах. Декрет комитета, однакож, прошел огромным большинством голосов, и исполнение его, разумеется, возложено было на Трела. В том-то и состоит вся задача. [Трела встретил сопротивление уже.] Через неделю после своего вступления в министерство Трела встретил уже сопротивление в простом намерении узнать истинное число работников в мастерских, которое определительно никто не знал, и должен был прибегнуть для достижения этой цели к странной мере — похищению начальника мастерских, г. Эмиля Тома. Этот молодой человек [недавно выпущенный], воспитанник Политехнической школы, поселился в прекрасном парке Моисеан вместе с друзьями своими и матерью. Там образовалось у них нечто вроде отдельного (*неразборчиво*). Тома, посредством своих агентов (делегатов от бригад), посредством особенного клуба (club des délégués centraux), посредством, наконец, товарищей, успел сделаться чем-то вроде князька. Он берег документ о мастерских при себе, требовал от казны денег по [простому]собственному назначению, не подлежащему поверке, и когда меры Исполнительной комиссии и министерства Трела,

---

чувствуют себя в опасности, их обеспеченность под угрозой — таково положение, которое вы им создали. Дальше так не может продолжаться» 2* (*франц.*).

2* Грандин в речи своей намекнул на письмо, найденное у Бланки и в котором какой-то тайный друг одобряет план этого заговорщика разорить буржуазию, если не новыми социальными теориями, то вечной смутой на улице, которая уничтожит торговлю, кредит и все дела. Письмо это крепко отзывается рукою агента Луи-Филиппа и по многим причинам весьма далеко от достоверности. Бланки был только арестован в конце этого месяца. Он доставил себе удовольствие написать, покуда скрывался, два иронических насмешливых письма над Пра‹вительст›вом и полицией его, какие он вообще писать мастер. Арестован он был на улице (*неразборчиво*) № 14 комиссаром потом, в то время, как садился за стол с Лакамбром и Флоттом, успевшими скрыться однакож. Он и тут не изменил своему демоническому характеру и саркастически сказал комиссару: «Вот, г. Ион [50], вы часто арестовывали республиканцев при Лудвиге-Филиппе, пришлось вам арестовывать республиканца и при Республике». Знаменитый повар, коммунист Флотт, заменявший в прошедший месяц вооруженную grève всех парижских поваров и отличавшийся клубной яростью, арестован был в улице St. Honoré, № 26. Несколько лиц, принадлежавших к мерии 12 легиона, в котором, как известно, Барбес был полковником, были также посажены в Conciergerie после 15 мая, в том числе помощник мэра Боке [51], энтузиаст Барбеса, за раздачу патронов в этот знаменитый день подозрительным людям и препятствия, какие он выдумал, чтобы не исполнять приказания, полученного им из Ратуши — бить сбор национальной гвардии в своем округе. Боке я знал лично — прекрасный человек, для которого не существовало никаких политических затруднений; «nous les tuerons» *, — говорил он о всех врагах как Республики, так и социализма. Он сидит в тюрьме до сих пор.

* «Наши убийцы» (*франц.*).

видимо, стали склоняться к уяснению дела и подчинению его всем формальностям служебным, он [взял] принял методу сопротивления, истинных и выдуманных затруднений, протестаций и неохотного исполнения приказаний. Действительно, прекрасное социальное положение [грозило], добытое им в марте, грозило падением.

Человек этот показался министру Трела так опасен, что он приложил к нему венецианскую меру предупреждения государственных преступлений. Вечером 26 мая он призвал его к себе для объяснения по делам службы, заставил его подать, во-первых, в отставку, а во-вторых, принять новое поручение в Бордо и тотчас же из своего министерства выслал его с двумя жандармами к месту назначения. Нелепо романтический оттенок этого акта еще увеличился, когда Э. Тома с дороги выкинул бумажку, где написал истертым карандашом несколько слов к беспокоящейся родительнице своей и прибавил: «10 fr. au porteur» * [когда потом Ташеро, известный редактор «de la revue retrospective» хотел сделать из этого]. Между тем волнения, произведенные в мастерских исчезновением начальника, имевшего популярность, подняли на ноги Париж: в ночь били рапель национальной гвардии, на другой день Палату окружили войсками. Волнение не утихало, когда сам министр явился к работникам в их клуб объяснить свое поведение и оправдать [изложить им как свое намерение] намерение Трела касательно мастерских, говорят, он был довольно дурно принят там и что комиссия подвинула отряд войска для выручки своего министра. С этой минуты уже Палата постоянно была окружена войском почти вплоть до июля месяца, и ее жаркие и пустые прения происходили под защитой штыков подвижной гвардии, расставленной [вокруг фронтом] бессменно перед фасадом здания под покровительством кавалерии, охранявшей мост, и линейного войска, занимавшего набережные и самый сад Президента.

Новый [начальник] шеф мастерских инженер Леон Леннан [52] принял уже с подчиненными своими грубый, повелительный тон начальника, свойственный французской администрации. Какая неимоверная перемена в течение одного месяца! Ревизия всех работников, декретированная Правительством, произошла сверх ожидания как в бригадах, так и на месте жительства их довольно тихо и дала следующую цифру — 106 тысяч! Но [вместе с тем] взамен мастерские, по крайней мере бригадные делегаты их, вступают в [какую-то страшную] явную борьбу с Парламентом. В желчных, кровавых пасквилях, прибиваемым ко всем углам Парижа, они [опровергают] критикуют меры его; отдают диффаматорам рабочего класса, находившимся в его недрах и вне, за брань — сильнейшую брань, за осуждение — угрозу и проклятие. Таковы были афишки их против клеветнического известия «Constitutionnel», будто в мастерских находится 20 тысяч освобожденных каторжников, против Севестра и против Дюпена. Последний еще в заседании 16 мая [сказал] подал мысль [превратить] поставить мастерские совершенно на ногу войска со строгой дисциплиной, «pour leur

* «10 фр. посыльному» (*франц.*).

faire gagner en travaillant des salaires, qu'ils obtiennent aujourd'hui en ne travaillant pas» *.

Мы выпишем несколько слов из ответа работников, чтобы дать некоторое понятие об этой полемике, на конце которой стояла междуусобная война: «Mieux eût valu, Mr Dupin, — говорила афишка, — dire à la bourgeoisie armée: fusillez cette canaille! Car c'est elle qui a chassé ce bon Philippe! C'est elle qui veut l'organisation du travail! C'est elle qui, victorieuse, nous tendit la main le 25 février, sans nous demander compte du passé! .. Cela eût été plus logique, plus franc.

Le reptile superbe,

Mord le talon de son maître et fuit en rampant dans l'herbe. ... Vous demandez la décentralisation des Ateliers nationaux pour ménager les deniers de l'Etat. Non, seigneur Depin, non! — mais bien pour éloigner de Paris et de ses aimables faubourgs les vrais et vigoureux soutiens de la République, votre éternel cauchemar! Ah! Nous ne gagnons pas l'argent qu'on nous donne! Mais nos pères et nous, nous avons tué pour constituer un trésor capable de vous allouer annuellement 30,000 francs et par jour 25 francs de commission sur votre débit de paroles. Quand nous arrivons trop tard sur les travaux, on ne nous solde que moitié. Imitez—nous, grand économiste moraliste, ne recevez qu'en raison de votre aptitude et de votre travail. Ce sera justice, et le trésor public, le nôtre, serait moins grevé. Vous qui nous insultez, organisez le travail de manière à ce que l'homme ne soit plus exploité par l'homme... Que chacun de nous reprennent ses outils spéciaux, il ne sera plus obligé de mendier, comme on dit, sa pioche à la main. Sachez, sachez bien Mr Dupin, que si cette maxime: celui-là seul qui travail a droit de vivre, était exécutée, beaucoup de fonstionnaires seraient aux abois. (Suivent les signatures des délégués)» **.

Афишка эта, наделавшая много шума, может служить теперь уже историческим документом: так хорошо она выражает, во-первых, волнение голов в мастерских, во-вторых, враждебные отношения к Палате и, наконец, политические воззрения работников на состав современного общества.

---

* «Чтобы заставить их работать и, работая, зарабатывать то жалованье, которое они получают теперь, не работая» (*франц.*).

** «Лучше было бы, г. Дюпен, сказать вооруженной буржуазии: расстреливайте эту каналью! Она требует организации труда! Она, победоносная, 25 февраля протянула нам руку, не требуя отчета о прошлом! Это было бы логичнее и честнее...

Гордая змея жалит хозяина в ногу и уползает в траву.

...Вы требуете децентрализации национальных мастерских, чтобы сохранить государственные гроши. Нет, синьор, Дюпен, нет! — для того, чтобы удалить из Парижа и его окрестностей настоящую и сильную опору Республики — вечно преследующий вас кошмар! Ах! Мы не забываем те деньги, которые нам дают! Но наши отцы и мы, мы убивали, чтобы создать казну, способную ежегодно ссужать нам 30 000 франков, а в день по 25 франков комиссионных за ваши словесные потоки. Когда мы опаздываем на работу, нам платят только половину. Подражайте нам, великий экономист и моралист, получайте только в размере вашей способности и вашего труда. Это будет справедливее, и народная, наша казна будет целее. Вы, кто нас оскорбляет, организуйте труд так, чтобы человек больше не эксплоатировал человека... Если каждый из нас возвратится к своему инструменту, ему не придется больше просить милостыни, как говорят, с заступом в руке. Знайте, знайте же, г. Дюпен, что если бы максима: только тот, кто работает, имеет право жить, — выполнялась — многие служащие оказались бы в отчаянном положении. (Следуют подписи делегатов)» (*франц.*).

Покуда это все происходило, предвещая неминуемую компликацию в будущем, останавливая все попытки к восстановлению торговых транзикций и наполняя все сердца [сказать без преувеличения] неизвестностью и страхом ожидаемых событий, Трела, само собой разумеется, не хотел да и не мог привести в исполнение декрет Палаты от 16 мая с решительностью, какой последняя ожидала и требовала. Но чем медленнее и осторожнее он действовал, тем сильнее, разумеется, росло негодование и нетерпение Собрания. Положение Исполнительной комиссии и министра ее делалось нестерпимо. Поставленные между двумя анатагонистами, они вместо примирения их, как [задумали] надеялись в младенческой доверенности к добрым намерениям своим, заслужили только презрение и ненависть обеих сторон. В начале следующего месяца как Палата, так и журналы реакции [громко] говорили в услышание всем, что Правительственная комиссия не распускает национальные мастерские с целью держать эту угрозу над Собранием [Парижем] до тех пор, пока [Собрание] оно не примет проект о выкупе железных дорог и всего бюджета министра Дюклера.

И, наконец, [чтобы ни одна черта] словно для того, чтобы не пропала ни одна нота в этом всеобщем разложении, процесс Луи Блана показал анархию в недрах самого Правительства и министров его. — Исполнительная комиссия держала обвиненных 15 мая в крепости и тюрьмах, но следствие над ними шло медленно, а формальный суд казался уже многим невозможностью. Действительно, в мыслях народных Барбес, Альберт, Куртэ становились более и более мучениками народного дела, особливо первый, и отдать их криминальной процедуре — значило чуть ли не [отдать] приготовить им [последствие] насильственное освобождение или, по крайней мере, создать нравственно великий триумф. Комиссия еще медлила и потому, что при нисходящем направлении Парламента осудить радикалов — значило увеличить реактивное стремление его. Не так думали генеральный прокурор Республики при апелляционном суде Порталис и прокурор ее при первой Сенской префектуре Ландрен[53]. По старым традициям французской магистратуры они, подчиняясь в общности направлению комиссии, считали, однакож, за дело чести (point d'honneur) внести как можно более света во все дело и миновать при этом всякие политические расчеты. Вследствие этого они потребовали как у министра юстиции Кремье, так и у Исполнительной комиссии согласия внести в Палату предложение об арестации Луи Блана как человека, который произносил 15 мая к народу речи, поощрявшие к возмущению, и который по слухам (распущенным, говорят, Марастом) находился в самый день этот в Ратуше с Барбесом и Альбертом. Министр и комиссия не имели твердости отказать требованиям этих судей (оно, правда, было и опасно, ввиду существовавших уже подозрений на Правительство), но они представляли себе [выход] в случае нужды [или исправления] выразить истинные [мнения] свои мнения по этому предмету [или откупить все дело за счет судей]. Бедный расчет, как почти все умеренные и ложно умиротворяющие расчеты этого Правительства!

Получив согласие, оба прокурора внесли 31 мая предложение: «considérant qu'il résulte dès à présent présomption grave que le dit L. Blanc a pris part à l'envahissement et à l'oppression de l'Assemblée, considérant... qu'à la suite des

deux allocutions, il a été porté en triomphe par les rebelles dans l'enceinte de l'Assemblée, considérant... que pendant le tumulte L. Blanc ayant pris la parole, a dit notamment: Je vous félicite d'avoir reconquis le droit d'apporter vos pétitions à la Chambre, désormais on ne pourra plus vous le contester», —, considérant... qu'il résulte suffisamment de l'ensemble de la procédure commencée présomption contre L. Blanc d'avoir volontairement participé à l'envahissement et à l'oppression de l'Assemblée Nationale, ... requérons, en conséquence, qu'il plaise à l'Assemblée Nationale autoriser les poursuites contre le citoyen L. Blanc, représentant du peuple et l'application contre lui, s'il y a lieu, des dispositions du code d'instruction criminelle et du code pénal. Fait au Palais de Justice le 31 mai 1848. Portralis, Landrin» *.

Л‹уи› Блан вышел тотчас же на трибуну и в жаркой импровизации, потрясшей Собрание, объявил, что вся его жизнь, все его убеждения, наконец, все его увражи свидетельствуют о всегдашнем его уважении souveraineté du peuple, настоящей представительницей которой он всегда считал и считает одну «l'Assemblée Nationale»: «Et j'aurais ainsi, devant la France, donné un démenti à toute ma vie; j'aurais manqué de respect pour ma propre pensée jusqu'au point de vouloir violer, et pour moi c'est le plus grand crime, l'Assemblée dont je m'honore de faire partie! Non! mille fois non! Que celui qui voudra dire le contraire se lève pour que je puisse lui dire qu'il a menti» **.

Что [же] касается до двух речей его к народу, то они были сказаны с согласия самого Президента: «Je m'adressait au président, et je lui dis: Croyez-vous que je doive aller au devant de la foule? Si vous le croyez, je suis aux ordres de l'Assemblée. Je ne me sépare pas de vous. — Comme président, a dit le président, je n'ai rien à vous dire, mais comme citoyen je vous engage à aller au devant de la foule» ***.

Но документ, сложенный гг. прокурорами, имеет значение большее, чем простой обвинительный акт: это начало скорого очищения Собрания от лиц, ему ненравящихся, в недрах своих, как это было в старую революцию, это начало уничтожения меньшинства большинством, это, может быть, пер-

---

* «Принимая во внимание, что уже теперь существуют серьезные подозрения в том, что названный Луи Блан был участником вторжения и действий против Национальной Ассамблеи, принимая во внимание, что после его двух речей мятежники с триумфом пронесли его по зале Национальной Ассамблеи, принимая во внимание, что Луи Блан, выступая во время мятежа, сказал: „Я поздравляю вас с тем, что вы вновь завоевали право предъявлять петиции в Палату, отныне его у вас не смогут оспорить“ ... принимая во внимание... что из совокупности данных начатого расследования явствует, что есть основания считать Луи Блана намеренным соучастником вторжения в Национальное собрание и действий против него... Мы просим разрешить преследование против гражданина Луи Блана, представителя народа, и, если это понадобится, применить к нему статьи из судебного и уголовного кодекса. Составлено в судебной палате 31 мая 1848 г. Порталис, Ландрен» (*франц.*).

** «Выступать против Ассамблеи, быть членом которой я считаю за честь, это было бы величайшим преступлением перед Францией, отречением от собственных убеждений, от собственной жизни. Нет! Тысячу раз нет! Пусть тот, кто хочет сказать противное, встанет, и я скажу ему, что он лжет» (*франц.*).

*** «Я обратился к президенту и сказал ему: считаете ли вы, что я должен пойти навстречу толпе? Если вы так считаете, то я к услугам Ассамблеи. Я не отделяю себя от вас. „Как президент, — сказал он, — мне нечего сказать вам, но как гражданин я прошу вас идти навстречу толпе“» (*франц.*).

вый симптом восстановления смертной казни за политические мнения... И тогда в этом месте Палата в негодовании и ужасе закричала: «Кто, кто восстанавливает смертную казнь?» Луи Блан ответил: «La peine de mort ne sera pas rétablie par telle ou telle fraction de la société, mais elle pourra l'ètre par la force des choses...» *.

После неслыханного смятения, когда дело дошло до речи, упомянутой в предложении прокуроров и смысл которой Луи Блан исправил так: «Si vous voulez que le droit de pétition soit consacré, respectez donc votre propre souveraineté — voilà ce que j'ai dit» **.

Палата [отослала] назначила особую комиссию для разбора предложения [высших судей] прокуроров и для доклада ей в пятницу, 2-го июня.

До тех пор Луи Блан уже издал свое печатное опровержение, в котором изложил историю всего дня и свою собственную в продолжение его. Он показал, как два раза был измучен: сперва народным восторгом, а потом, когда успел оправиться от него, насилием национальной гвардии. Капитолии и тернии пришли к нему равно непрошенные один за другим. Из оправдания видно было также, что ноги Луи Блана не было в Ратуше, а напротив, короткое время междуправления он провел в доме приятеля, переодевая и возобновляя изорванный костюм свой. Вместе с тем благородный Барбес из Венссанской своей тюрьмы писал, что слова, приведенные прокурорами, были сказаны им, Барбесом, а не Л‹уи› Бланом. Второй раз уже Барбес выставлял себя на все удары юстиции из великодушного желания спасти сообщников: так, при арестации коменданта Рея [54], впустившего его со свитой в Ратушу, Барбес печатно клялся, что он опрокинул Рея и [его] ворвался силой в Hôtel de ville. Убеждения Палаты были всеми этими актами, видимо, потрясены.

Когда в пятницу 2-го июня и в субботу 3-го докладчик составленной комиссии Jules Favre произнес две свои речи, клонившиеся к допущению преследований, — успех был уже весьма сомнительный. Эти две речи могут служить образцами адвокатской [красноречия] изворотливости, истинного коварства, капитального обвинения, прикрытого [лоском] цветами любви и расположения. В этих речах Жюль Фавр лобызал ровно столько же Л‹уи› Блана, как и прокурора, видев в обвинении первого только средство для него победить все неприятности, [в поступках] хвалил тех, которые несогласны выдать своего члена, но хвалил и тех, которые, из любви к справедливости, нарушают собственное право: быть неприкосновенными. Заключение же было: отдать Луи Блана под суд! Палата, однакож, выслушав их, колебалась в нерешительности, когда тот, кто и поднял, может быть, все дело, окончил его одной фразой, а именно: А‹рман› Мараст, он сказал: «J'avais cru que le citoyen L. Blanc était allé le 15 mai à l'Hôtel de-ville, et je l'avais cru parce que j'avais entendu crier sur la place: vive L. B., vive Berbès! Vive L. Blanc. Un citoyen m'avait même dit dans mon cabinet qu'il avait

---

* «Смертная казнь не будет восстановлена той или иной фракцией, но она может быть восстановлена силой обстоятельств...» (*франц.*).

** «Если вы хотите, чтобы право петиций было освящено, уважайте вашу собственную суверенность, вот, что я сказал» (*франц.*).

aidé le citoyen L. B. à s'évader. Louis Blanc. Quel est ce citoyen? Marrast (continuant) Mais depuis j'ai interrogé et des renseignements que j'ai recueillis, il est résulté pour moi la conviction la plus complète que le citoyen L. B. n'est pas venu à l'Hôtel-de-ville dans la journée du 15» *.

Тотчас же Палата приступила к собиранию голосов, сперва посредством вставания и сидения, а потом посредством баллотировки. Последняя большинством 369 голосов против 337 отвергла дозволение преследовать Л‹уи› Блана, а стало быть, и заключение палатской комиссии. К удивлению всех при вставании большая часть Правительства, в том числе и министр Кремье, поднялись в пользу Л‹уи› Блана, откидывая таким образом всю ответственность за совершенный акт на прокуроров, которым само же оно дозволило его. [На другой день] Скандал был неимоверный!

На другой день Порталис и Ландрен послали свои отставки и в публичном заседании Палаты обвинили как Кремье, так и Исполнительную комиссию в поступке столь же безнравственном, сколько и противном всем правилам управления. Журналы, разумеется, поднялись с криком почти ужаса. Кремье хотел оправдать себя и комиссию какими-то экивоками и тем, что оба имеют право сберегать частное свое мнение, помимо правительственных обязанностей. Теория покрыта было ропотом Палаты... Кремье подал в отставку вслед за прокурорами и был замещен в министерстве Бетмоном, Жюль Фавр, более всех одураченный, последовал его примеру, и все дело Л‹уи› Блана окончилось, вероятно, к тайному удовольствию тем, что показало уже до несомненной очевидности несуществования правительства во Франции.

Первый результат этого убеждения, проникнувшего теперь в сознание народа, дали выборы 4-го июня. Вследствие нескольких отставок [предпочтение] [депутатами, вдвойне выбранными] и двойных выборов, Париж с окрестностями должен был избрать 4-го июня 11 новых представителей. Напрасно «National» по-прежнему публиковал лист своих кандидатов [ни одного из них], заверяя публику в их умеренности и благоразумном республиканизме: ни одного из этих имен не попало окончально в списки представителей. Дело уже шло совсем не об отыскании средней почвы для основания Республики, как в прошлом месяце, при совершенном разложении правительственных элементов, за которым неминуемо следовало разложение самого общества, каждая группа избирателей собиралась около нескольких имен, которые казались ей наиболее способными восстановить или создать какую-нибудь форму правления. Образовался самый чудовищный список представителей, в котором имя Тьерса красовалось рядом с именем Пьера Леру, Виктор Гюго шел об руку с Лагранжем, и Луи Наполеон сталкивался с Прудоном. Один Коссидьер получил голоса всех

---

* «Я утверждаю, что гражданин Луи Блан 15 мая ходил к Ратуше, я так думал потому, что слышал, как на площади кричали: „Да здравствует Барбес! Да здравствует Луи Блан!" Один гражданин даже говорил у меня в кабинете, что он помог гражданину Луи Блану бежать» ... Луи Блан: «Кто этот гражданин?» — Мараст (продолжает): «Но я потом распросил кое-кого и из сведений, которые получил, вынес убеждение, что Луи Блан в день 15 мая не ходил к Ратуше» (*франц.*).

партий и величался своими 147 тысячами избирателей. Вот этот чудовищный лист, приведший в изумление остальную Францию:

1) Caussidiére	— 147 450
2) Moreaux [55]	— умеренный 128 889
3) Goudehaux [56]	— республик‹анец› 197 027
4) Changarnier [57]	— (генерал, защищавший Hôtel-de-ville 16 апреля) 103 539
5) Tiers	— 97 394
6) Pierre Leroux	— 91 345
7) Victor Hugo	— 86 965
8) Louis Napoléon [58]	— 84 420
9) Lagrange [59] (condamné politique)	— 78 682
10) Boissel [60]	— 47 094
11) Proudhon	— 47 094 *

Так разрешилась общественная анархия в сфере всеобщего голосования (suffrage universel). Она должна была разрешиться еще кровавым образом на улицах, несколько недель спустя, но это уже относится к следующему месяцу.

ИЮНЬ

События этого грозного месяца имеют для современников значение битвы при Лейпциге, при Акциуме, Ватерлооской [1], всех битв, которые решали на долгое время судьбу и физиономию народов. В этом месяце кончилось существование республики социальной [и возникло существование], самое имя ее предано проклятию, и восстанет ли она когда-нибудь — остается тяжелым, но почти непоколебимым сомнением на сердце всякого, кто пережил эти 30 дней, подобия которым надо искать далеко назад в 15 и 16 столетиях.

Как все это сделалось?

Истинно сказать, я глазам и ушам своим не верил, когда 10 июня, в субботу, при вступлении новых парижских депутатов в Палату [толпы народа], увидал толпу народа на площади de la Concorde, которая ждала с нетерпением прибытия Луи Наполеона. Неистовые крики: «Vive Napoléon III», испускаемые ею ввиду молчаливого войска, охранявшего Собрание и как будто разделявшего страдательно ее увлечение, имели для меня какое-то непонятное значение, словно кабаллистическая фигура, смысл которой известен одному учителю. Откуда взялся этот смешной претендент через три месяца после февральской революции, претендент без права и без генеалогии великих полководцев, даже без того уважения, на которое [имеет право] может рассчитывать человек [честный] несомненных способностей и прямой жизни. И, однакож, три департамента послали Луи Наполеона в Палату, а окрестность Парижа (la banlieu) в числе 80 т. че-

---

* 1) Коссидьер, 2) Моро, 3) Гадебо, 4) Шангарнье, 5) Тьер, 6) Пьер Леру, 7) Виктор Гюго, 8) Луи Наполеон, 9) Лагранж, 10) Бойссель, 11) Прудон.

ловек, упрочившая его выбор в самой столице, воодушевлена была почти энтузиазмом к его особе, не считая приверженцев в городе [послав], выставлявших этого Булонского и Страсбургского авантюриста[2] человеком обстоятельств и чуть ли не спасителем отечества. Конечно, раздача денег, подкуп выборов тут играли большую роль, но что бы они могли сделать без наклонности самого народа к блестящему деспотизму, какой обещало им имя претендента. Можно судить о неожиданной политической важности Луи по следующему факту. В это же самое заседание 10 июня министр Трела, во исполнение декрета Собрания, требовавшего серьезных работ и распущения национальных мастерских, просил следующих страшных кредитов и все их получил сполна: 2 м. на железную дорогу от Тура до Нанта — adopté * 12 м. 940 000 на пять новых мостов — adopté! 1 м. на департаментские и общинные дороги — adopté! 1 м. на морской канал — adopté! 1 м. на Сенский канал — adopté! и, наконец, 1 м. на Салунский канал — adopté! Этот [огромный] кредит, который [должен] мог иметь огромные последствия, прошел почти незамеченным, а изо всего заседания осталось в памяти народной только следующее происшествие. В конце сеанса Гекерн (Петербургский Дантес[3]) спросил у военного министра, правда ли, будто один линейный полк вступил в Труа, провозглашая: «Vive Louis-Napoléon!» Министр Каваньяк ответил в сильном волнении, подтверждавшем опасность, что слух этот он считает лживым и клеветническим. «Но, — прибавил он, — je dois dire que je déclare ennemi de la patrie quiconque oserait porter une main sacrilège sur les libertés publiques (tonnerre d'applaudissements). Autant on doit d'estime et d'honneur au citoyen fidèle à son pays, qui en observe les lois, autant nous devons vouer haine, exécration et mépris aux malheureux qui voudraient spéculer sur les souffrances de la patrie. (Les applaudissements redoublent. Tous les représentants se lèvent et crient à plusieurs reprises: vive la République!)» **.

Такое значение приобрел вдруг племянник своего дяди, как сказала про него одна забавная карикатура. И если бы волнение бонапартистское ограничилось только толпой, пришедшей к Палате, которую, действительно, и подкупить можно, но оно перешло в недра общества. Слухи разнеслись, что Правительство намерено препятствовать вступлению Бонапарта в Палату. В ту же минуту образовалась народная партия, которая в этом акте видела оскорбление выборов и пошла об руку с другой партией, которая поддерживала Л. Наполеона из ненависти к Национальному собранию. Вместе с тем, около этого имени сгруппировались [все] уже и многие ретроградные партии, поднявшиеся каждая сделать его имя инструментом для собственных замыслов, новым невольным (*неразборчиво*) в свою пользу. Отсюда объясняется поддержка, которую он получил от

---

* Принято (*франц.*).

** «Я должен сказать, что объявляю врагом всякого, кто осмелится поднять кощунственную руку на народные свободы (гром аплодисментов). Насколько достоин уважения и чести гражданин, верный своей стране, уважающий ее законы, настолько вызовут ненависть, отвращение и презрение те несчастные, которые решились бы спекулировать на страданиях своей родины. (Аплодисменты усиливаются. Все встают и многократно кричат: „Да здравствует Республика!"» (*франц.*).

Дюма и от журнала «Assemblée Nationale», «Liberté» ввиду филиппизма, от Женуда[4] и от журнала «Gazette de France», «l'Union», ввиду легитимизма. Были и бескорыстные почитатели наполеоновских традиций, были [и очень много], которым нужна была только путаница. [И когда смотрел я на все это] И, таким образом, часто [случалось] приходилось мне спрашивать, смотря на все это бонапартистское движение, самого себя и других: неужели трагедия, начавшаяся в феврале, должна кончиться ярмарочным фарсом?

В этот же день вечером (суббота 10 июня) случилось происшествие, доказавшее в одно время и [бессилие] ничтожество Правительства, и решимость его заменить произволом или coup d'ètat недостающую ему силу. С самого начала месяца постоянно в семь часов вечера пространство между Porte St. Denis и Porte St. Martin заливалось народом, который густой массой стоял тут, прерывая все сообщение. Главное зерно этих сборищ составляли работники и приверженцы общества des droits de l'homme, которое после падения Comité centralisateur 15 мая приняло управление красными республиканцами и вооружило свои секции почти ввиду Правительства и всего общества, несмотря на то, что президент его, кажется, Вулен, сидел тогда в Венссене. К этому зерну присоединились теперь недовольные работники национальных мастерских, адепты нового претендента Луи Бонапарта, старые династики, искавшие смут, и чистые легитимисты, лелеявшие надежду обмануть всех и самим сорвать плод чужого заговора. На улице, как видно, было такое же смятение политических тенденций, как в Палате и журналистике. Впереди, по обыкновению, выступали gamin de Paris * для шума и придания грозному замыслу той маскарадной веселости, которая отличает, а иногда и закрывает до времени парижские восстания, и все это увеличивалось любопытными иностранцами, женщинами и детьми... Чудно было смотреть на эти сборища. Главная масса стояла, как будто ожидая приказания, mot d'ordre **, чтоб принять участие. Между тем как одна часть, схватившись руками, танцевала карманьолу вокруг костра, сделанного из объявлений кандидатов на депутатство, сорванных со стен, другая часть разрезывала толпу, предводимая мальчишками, которые несли на плечах других и кричали мерно: «Vive Barbes! vive Barbes! vive Napoléon!» Визги, крики, стоны далеко разносились по бульварам, где в одной кофейне, прямо против Porte St. Denis, собирались люди, которые вели или думали, что ведут все движение. Две недели сряду скопища эти собирались на одном месте, грозя ежеминутно ринуться на город, останавливая все попытки к возобновлению торговых сношений и предвещая страшную грозу в будущем. Раз одна толпа, двое по двое, на моих глазах отделилась от сплошной массы народа и направились к дому Тьерса ***, только что выбранного, снести его дом на площади St. George, но там была встречена и разогнана подвижной гвардией! Экзекутивная комиссия решилась принять некоторые меры, и на долю

* Парижские гамены (*франц.*).
** Пароля (*франц.*).
*** Тьера.

Мари выпала тяжелая обязанность пожертвовать своею популярностью представлением закона о сборищах (des attroupements). Закон, написанный, однакож, в драконовском духе, что доказывало между прочим опять недоверие Правительства к самому себе, принесен 7 июня в Собрание. Он наказывал всех случившихся в толпе, даже безоружных, не разошедшихся после первой сомации *, удваивал наказание после второй сомации, утраивал для вооруженных, учетверял для конных скопищ, и проч. Мари защищал свое произведение энергически, с какой-то трусливой решительностью: будь что будет. Либеральные журналы «Réforme», «Vraie république» подняли, разумеется, жаркую полемику, объявляя, что республиканский закон превзошел в жестокости все монархические законы, выдаваемые по этому предмету. Последний журнал, объясняя все скопища ни чем другим, как клубом бедных людей, которые не имеют средств нанять залу для своих совещаний, и, вместо наказующих мер, предлагал, напротив, узаконить их, отведя для народного клуба, например, хоть площадь Лувра. Но дело было совсем не [в клубе] в законе, а в возможности его исполнения, потому что, при правительственной анархии, никто эту обязанность не хотел принять на себя, да и разгонять эту массу — значило начать битву. Тогда новый главнокомандующий н‹ациональной› г‹вардии› Клемент Тома решился на coup d'état ** и произвел нечто подобное африканским razzia ***. Он собрал батальона два н‹ациональной› г‹вардии›, батальон линейного войска и в 9 часов вечера, в субботу, окружил все пространство между обоими воротами, захватывая безразлично и любопытных, и проходивших, и настоящих участников. Всю эту толпу с женщинами, стариками, иностранцами продержал он до часу ночи, осмотрел кофейную, арестовал находящихся в ней подозрительных людей, и потом всю эту массу народа в числе [1000 и 2000] 800 человек между двумя рядами войска направили в префектуру полиции, где она, разумеется, провела бессонную ночь и распущена, за исключением некоторых лиц, только на другой день.

Урок, однакож, нисколько не помог, потому что восстание уже было решено партиями, он только породил жестокую, неумолимую вражду к самому Тома. Не далее как через день, в понедельник 12 июня, снова выстроился блестящий кавалерийский полк перед мостом de la Concorde, ведущим в Палату, снова забили сбор по Парижу, и стала собираться национальная гвардия. В этот день [Палата] Собрание должно было одобрить или уничтожить выбор Л. Бонапарта, которого, впрочем, и сама национальность была еще не определена: его считали швейцарским подданным. В этот день Правительственная комиссия, измученная полудоверием Собрания, решилась поднять министерский вопрос по случаю назначения собственных ее расходов. Ламартин решился выйти на кафедру и требовать отставки или доверия: существовать иначе не было возможности. С утра стали собираться грозные толпы народа на площади de la Concorde,

---

* сомации (от *франц.* sommation) — предупреждения.

** Государственный переворот (*франц.*).

*** Набег (*франц.*).

которым ответствовал сбор линейного войска около Палаты и призывный бой барабанов по всему Парижу. Около [часу] двух часов пополудни, когда Ламартин довольно вяло говорил о надеждах Франции, о ее призвании, о бюджете, который устраивает для нее министр Дюклерк, в это время К‹лемент› Т‹омас› сильными кавалерийскими атаками гнал толпу с площади на бульвары, а в том числе и меня, при непрестанных криках: «à bas Clément Thomas! Vive Napoléon!» * В то же самое время начальник подвижной гвардии генерал Дамэт[5] равнял ее перед домом мин‹истер›ства иностранных дел и спрашивал ее: хочет ли она поддержать республику, на что она ответила: «Vive la république». Покуда это происходило, другая толпа с улицы Rivoli ворвалась на площадь Concorde и смяла несколько буржуа [вероятно]: при сем случае у одного из них [конного] выстрелил пистолет или ружье, не помню, в суматохе и поранило его в руку. Тотчас разнесся слух, что Клемент Тома произвел выстрел и уже двое из национальных гвардейцев тяжело ранены. Слух этот [дошел] донесся до Собрания и в ту же минуту обработан был очень ловко Л‹амартином›: «Citoyens représentants, — сказал он тотчас после промежутка, следовавшего за апологией собственного правления, — une circonstance fatale vient d'interrompre le discours que j'avais l'honneur de prononcer devant l'Assemblée Nationale» **.

Он возвестил о трех небывалых выстрелах и прибавил: «Ces coups de feu étaient tirés au cri de vive l'Empereur Napoléon» ***.

Вместе с тем он объявил, что изготовил закон, которым удерживается положение 1832 г., об изгнании Луи Наполеона[6] и прибавил: «Quand la conspiration est prise en flagrant délit, la main dans le sang français, la loi doit être votée par acclamation» ****.

В предчувствии неожиданной беды Собрание взволновалось, как море, и тогда Ламартин потребовал доверия к Правительству, сказав свою знаменитую фразу, которая так хорошо отвечала на тайные подозрения Палаты: «On a dit que j'avais conspiré avec Blanqui, Barbès Sobrier... Oui, j'ai conspiré avec eux, mais j'ai conspiré avec eux, citoyens, comme le paratonnerre conspire avec le nuage qui porte la foudre. J'ai longtemps tenu tête à ces hommes!...» *****

Доверие в форме 100 т. фр. ежемесячно для Исполнительной комиссии было таким образом вырвано у Палаты, но она поступила осторожно в отношении Л. Наполеона. Закон об утверждении его изгнания она не вотировала единогласно (par acclamation), как хотел Л‹амартин›, но отослала его, по обыкновению, в бюро свои для предварительного рассмотрения.

---

* «Долой Клемент Тома! Да здравствует Наполеон!» (*франц.*).

** «Граждане депутаты, ... фатальная случайность прервала речь, которую я имел честь говорить Национальному собранию» (*франц.*).

*** «Выстрелы были сделаны при криках: „Да здравствует император Наполеон!"» (*франц.*).

*** «Когда конспирация застигнута врасплох, с руками в крови французов, закон должен быть принят единогласно» (*франц.*).

***** «Меня обвиняют в том, что я конспирировал с Бланки, Барбесом, Собрие. Да, я конспирировал с ними, но конспирировал, как громоотвод конспирирует с тучей, предотвращая вспышку. Я долго противостоял этим людям» (*франц.*).

Но уже доверенность, выраженная Палатой, ничего не могла сообщить Правительству. Через два дня те же грозные толпы ночью стали собираться вместо Porte St. Denis, перед Ратушей, с теми же факелами, с теми же плясками, выставляя передовых своих мальчишек, как и прежде петь на голос «des lampions!» *: «Nous l'aurons, nous l'aurons, Louis Napoléon!» ** и сами, стоя угрюмо, как бы замышляя совсем другую песню...

Государство как будто разваливалось.

В то же время один из редакторов журнала «Père Duchesne», который старался быть грозным, как его образец, и про которого крикуны взывали вместо «il est bougrement méchant Père Duchesne — il est joliment méchant» ***, объясняя тем уже невозможность иметь действительного «Père Duchesne», этот редактор, кажется, Томасен[7], придумал общий банкет по 5 су с человека под открытым небом и созывал на пиршество по билетам 100 или 150 тысяч. Место обеда было назначено вокруг загородных стен и преимущественно в Венссенском лесу, в предместье С. Манде, прямо против крепости, где содержались Барбес, Бланки, Распайль. В революционной цели банкета усомниться было [Трудно] нельзя, несмотря на сантиментальную программу, выданную учредителями, где было сказано, что будет одно блюдо, кружка пива и пол-бутылки вина, ножи и вилки просят взять с собой всех участников и приглашают их потом предаться удовольствию благопристойного танца на лугу перед гласисом крепости. Но такая уже анархия царствовала во всех головах, что настоящий политический оттенок банкета никому не был известен. У подъезда одной из контор, где раздавались билеты (в улице St. Menard), беспрестанно останавливались великолепные легитимистские и бонапартистские кареты, забирая билеты по 5 су сотнями. Сами красные клубы еще не знали, с каким намерением предполагается банкет и следует ли им поддержать или отвергнуть его. Несмотря на радикальные заверения изобретателей его, банкет поэтому беспрестанно откладывался, и, наконец, в общем собрании депутатов от всех клубов окончательно отложен до 14 июля — дня взятия Бастилии. [Недели две перед] Почти месяц предположение этого чудовищного банкета занимало всю публику и все Правительство. Военному министру, генералу Каваньяку, приписывают слова: если не воспрещено законом собираться под стенами крепости 100 тысячам человек для обеда, то закон и мне не воспретит в день банкета собрать 40 т. войска с артиллерией и сделать им учение под стенами той же крепости...

На такую уж почву ставились все вопросы.

Говорить ли о парламентских прениях? Уже с половины прошлого месяца произошло совершенное разъединение между партиями, с одной стороны, и Собранием, с другой, и шли они совершенно в разные стороны, чувствуя сами, что с каждым днем более и более расходятся. [Все решения Палаты наперед казались временными и скоропреходящими даже самим членам ее: они уже считались недействительными, и она могла декре-

---

* «Фонарей!» (*франц.*).

** «Наша надежда, наша надежда, Луи Наполеон!» (*франц.*).

*** «Он чертовски зол „Папаша Дюшен"... Он здорово зол» (*франц.*).

тировать, что угодно, не изменив ни на волос планов партий.] Париж и Собрание жили двумя разными жизнями, и несомненно было, что для прекращения этой двойственности, при которой не может быть правления, надо, чтоб которая-нибудь из сторон задушила другую. В заседании 12 июля депутат Севестр сказал весьма замечательные слова, которые к удивлению были приняты со смехом: «Les rassemblements qui se forment dans les rues ne sont que les bras de la conspiration; la tête qui la dirige et lui donne le mot d'ordre est dans les clubs. Je dis que nous perdons notre temps. (Hilarité générale')» *.

А он был прав. В это же заседание министр Дюклерк представил свой исправленный бюджет 1848 г. и открыл тот секрет, над которым так много смеялись династические журналы и по которому не только покрывались все издержки 1848 г., но в руках Пра‹вительст›ва обреталась экстраординарная сумма в 555 и даже в 580 миллионов, и бюджет мог быть, таким образом, достаточен до 21 декабря 1849 г. Чудный секрет этот был весьма прост: он состоял, во-первых, в выкупе всех железных дорог посредством облигаций (этим разрешался вопрос о нац‹иональных› мастерских и государственных работах, но запутывался вопрос о частной собственности и святости контрактов), в займе в 150 мил. у банка, в-третьих, в продаже государственных лесов на 86 мил., в выпуске новых бумаг на 100 мил., несмотря на страшное падение уже существующих, и тому подобное. Рапорт давал еще предчувствовать, что не все [еще] ресурсы государства истощены, и таким образом молча предвещал впоследствии три любимые меры учителя Дюклерка — Гарнье-Пажеса: именно, прогрессивную подать, пошлину на доходы и наследство и подать на закладные. Как приятная перспектива оставалась еще ввиду членов Собрания выкуп и взятие в казну всех общественных застрахований. Этот чисто революционный и отчасти социалистический бюджет, в чем по удивительному противоречию никак не хотели согласиться родоначальники его, был противен Палате, может быть, более, чем чисто социальные попытки: он вел их без сопротивления к тому же результату. Мы знаем уже, что Палата по собственному положению не могла свергнуть Экзекутивную комиссию и министров ее: она старалась только мешать им. Так [и здесь] сделала она и теперь. Она не отвергла проекта Дюклерка, но депутат Бино от имени комитета финансов опровергал и пользу выкупа железных дорог, и справедливость этой меры. Фаллу и Леон Фоше, эти заклятые враги национальных мастерских и [стало быть] министра Трела, удвоили желчные нападки на последнего и утверждали, что работники национальных мастерских не распускаются Правительством с намерением заставить Палату принять закон о выкупе железных дорог, выкупе, который сам по себе есть, во-первых, ложь, а во-вторых, бесчестное дело. Но проект все лежал на очереди до тех пор, пока в Париже не раздались пушки. . . Тут первым делом Палаты было опрокинуть ненавистный бюджет Дюклерка, и новый

* «Сборища, которые образуются на улицах, — всего лишь руки конспирации; голова, которая управляет ею и дает распоряжения, находится в клубах. Я говорю, что мы теряем время. (Общий смех)» (*франц.*).

министр Гудшо из всей фантасмагории его цифр оставил только одну: заем в банке, это делалось и прежде. Когда потом тот же самый Гудшо хотел предложить некоторые меры, действительно, справедливые, как, например, увеличение пошлины с наследства и завещаний, он уже встретил сопротивление. Вскоре уже сам Гудшо был сменен, как слишком [республиканский] революционный министр финансов, и особенно за одну меру: он вымучил у Палаты закон об обмене облигаций 3 процентного долга на новые по биржевому курсу в 80 фр. Облегчение великое владетелям, но биржевый курс на другой день был уже только 78 — и снова гнев [мещанства] богатого мещанства, который до того преследовал бедного банкира Гудшо, что он вышел в отставку и преемник его Труве-Шевель первым долгом поставил заплатить владельцам недостающую сумму. И необычайные уступки еще не кончились. Со второго дня одержанной в июне победы правительственной и мещанской партиями видно было, что последняя не остановится до тех пор, пока все не возвратится к старой рутине, не изгладятся все самые законные начинания февральской революции и не задернется наглухо занавеса на беспокойный блеск будущего, ею открытый. Затем, во вторник, 13 июня, Жюль Фавр, назначенный докладчиком от 7 бюро, где разбиралось дело о [допущении] выборе Л. Наполеона, разыграл в Палате старую скандальную роль человека, который в публичном деле хотел выместить личную обиду, ему нанесенную. — Хитро и ловко, задев мимоходом Л.-Роллена за [дело] процесс Луи Блана, где он, Ж. Фавр, так отличился, оратор заключил, что Пра<вительст>во, согласясь на допущение двух членов фамилии Бонапарта в мае и на декрет, уничтожающий их изгнание, не имеет никакого права теперь входить с законом об устранении одного Бонапарта. Он советовал Палате утвердить выбор последнего, и та, действительно, его утвердила [с условием отобрать у него], представив ему впоследствии [оправдать] доказать свою французскую национальность. Ж. Фавр торжествовал. Комиссии нанесен был удар, и она уже хотела просить изъяснения, как ей понимать уничтожение предложенной ею меры, когда все дело поправил сам Л. Наполеон. Он вдруг ни с того ни с чего написал дерзкое письмо Палате, в котором ни слова не упомянул о Республике, а, напротив, извещал диктаторски: «Je n'ai pas recherché l'honneur d'être représentant du peuple, parce que je savais les soupçons injurieux dont j'était l'objet. Je recherche encore moins le pouvoir; si le peuple m'imposait des devoirs, je saurais les remplir» *.

Неописуемое волнение охватило всю Палату особливо, когда вдруг из трибуны какой-то Блум[8] выкинул бумажку со словами: «Si vous lisez pas les remerciements (его же Бонапарта, приложенные к письму) aux électeurs je vous déclare traître à la patrie» **.

---

* «Я не стремился к чести быть представителем народа, так как знал об оскорбительных подозрениях, предметом которых я был. Еще менее стремлюсь я к власти; если бы народ возложил на меня кандидатские обязанности, я сумел бы их выполнить» (*франц.*).

** «Если вы не зачитаете благодарности... избирателям, я вас обвиню изменником родины» (*франц.*).

Ж<юль> Ф<авр> сознался, что он зашел далеко во вчерашней защите Наполеона, и все Собрание с энтузиазмом и негодованием разошлось при неистовых криках: «vive la république», с намерением не положа никакого ответа или решения на странную цидулю Луи Наполеона. Этот ничтожный человек сам испугался в Лондоне эффекту, произведенному письмом его, которое и читано было на следующий день Президентом и гласило уже: «M. le Président j'étais fier d'avoir été représentant à Paris et dans trois autres départements... je désire l'ordre et le maintien d'une république sage, grande, intelligente et puisque involontairement je favorise le désordre, je dépose, non sans de vifs regrets, ma démission entre vos mains» *.

Так кончилось это дело, показавшее еще раз ничтожество претендента, впрочем, нисколько не убедившее партии, а главное, совершающуюся путаницу во всех головах, не знающих, чего хотеть и как начать.

После этого основной идеей всех последующих прений было предчувствие близкой, неминуемой, приближающейся беды. Еще в самый день получения первого письма Наполеона К. Тома сказал с кафедры: «Si mes renseignements sont exacts, c'est une bataille que vous aurez demain» **.

Он ошибся 9-ю днями. В это же заседание произнес свою первую действенную речь новый депутат Пьер Леру, который должен был впоследствии составить мучение Палаты своими философическими и психологическими трактатами: основание этой речи было то же чувство нестерпимого положения современного общества. Замечательна была смелость, с которой П. Леру, основываясь на неизвестных данных, объявил, что во Франции только 1 миллион человек заказчиков и консематоров всех произведений, а остальные 35 миллионов, по тирании капитала, только их работники и не потребляют произведений, самими ими выработанных. Очевидно, что тут есть насильственный вывод, потому что если бы, действительно, 35 т. служили одному, то само потребление обще им всем, ибо потребление всегда совершает круговорот, и без этого и тот один не мог бы существовать. При нынешнем состоянии промышленности работник только не может выкупить поденной платой всего, что он произвел (и это уже большое зло), но если бы он ничего не мог выкупить, как это утверждал П<ьер> Л<еру>, тогда индустрия кончается и начинается политическая колония. Положение антрепренера или заказчика только тем и несправедливо, что он поглощает у работника ту необходимую часть дохода, без которой последний никогда не может войти в обладание тем, что он породил. Следующая часть речи П<ьера> Л<еру>, где он говорил об обращении рук к земледелию и об земледельческих эмиграциях в Африку, которые туда должны перенести, может быть, и саму историю Европы, — весьма замечательна, но замечательнее всего — это слова, так верно обозначающие страдание настоящей минуты: «Дайте исток нашему мануфактурному на-

* «Господин президент! Я горжусь тем, что меня выбрали представителем народа в Париже и в трех департаментах. Я желаю порядка и сохранения великой, мудрой Республики. И так как, несмотря на это, мне приходится невольно способствовать беспорядкам, я, не без глубокого сожаления, передаю свою отставку в ваши руки» (*франц.*).

** «Если мои сведения точны, то завтра нас ждет битва» (*франц.*).

родонаселению и не запирайте наглухо Франции, как улей с пчелами, где в мучениях смерти труженицы растерзают сами себя!» Пафос всех речей, несколько иногда замечательных, постоянно был один — предчувствие неизбежной, роковой драмы... Гудшо, которого Палата слушала два дня кряду, объявил народные мастерские моральной порчей работника, открыл, между прочим, что в первое время их основания на них рассчитывали, как на готовую армию против династической попытки Луи Филиппа и его приверженцев, и, наконец, уведомил, что в феврале он вышел в отставку тотчас, как пошли заседания Люксембурга и мастерские начали пускать корни; пособия должны были давать, по его мнению, не работникам, а антрепренерам, питающим работников. Как помочь настоящей беде, он не видел, а произнес только эти горькие слова, чрезвычайно сильно подействовавшие на Палату: «Поверьте, господа, что кожа, отделяющая нас от пропасти, чрезвычайно тонка и с каждым днем делается тоньше». Сам фразистый Гюго умолял с кафедры народных вожатых произнести слова мира и успокоения и сдержать грозу в руке, если еще можно: «l'avenir est aux travailleurs, il ne faut qu'un peu de patience et de fraternité, et il serait terrible que cette vérité n'étant pas comprise, la France, ce premier navire des nations, sombrât en vue du port qui s'ouvre dans la lumière» *.

В это же заседание, вторник 20 июня, за три дня до битвы, Коссидьер, во имя которого она должна была начаться, как бы в тоске ожидания, говорил свою живописную, оригинальную речь, это смешение тривиальных выражений, выражавших глубокое чувство, и резких образов, за которыми светится мысль... Он призывал всех к соединению и говорил: «Unissons nos efforts; jetons toutes nos divisions dans le sac de l'oubli» **.

Необходимость возвратить руки к земледелию уже признана: «que les hommes d'intelligence en montrent l'exemple; qu'ils ne rougissenet pas de labourer et de gratter la terre» ***.

Он советовал давать простор экспортации, чтобы делать конкуренцию Англии в самой Англии, советовал колонизацию, ассоциации, рассчитку новых земель: «c'est le seul moyen de vous débarrasser de 100 000 bouches inutiles que vous avez dans Paris; autrement avec toute votre police, avec vos 200 000 hommes — troupes, je vous défie d'empêcher qu'un beau matin tout cela ne crève comme une vessie trop gonflée» ****.

Речь произвела сильное впечатление, но этот человек, знавший, как впоследствии оказалось, весь ход заговора, говорил еще: «Nous avons dans Paris 100 000 hommes qui iront sur nos boulevards au moindre trouble; il y

---

* «Будущее принадлежит трудящимся. Нужно только немного терпения и братства. Было бы ужасно, если бы эта истина оказалась непонятной, и Франция — этот первый корабль наций, пошел бы ко дну, в виду порта, уже возникающего в лучах солнца» (*франц.*).

** «Объединим наши усилия, предадим наши раздоры забвению» (*франц.*).

*** «Пусть люди интеллекта подадут пример, пусть они, не краснея, возьмутся пахать и обрабатывать землю» (*франц.*).

**** «Это единственный способ вам освободиться от 100 000 лишних ртов, имеющихся в Париже, иначе со всей вашей полицией, с вашими 200 000 войск, я вас уверяю, вы не сможете помешать тому, что в одно прекрасное утро все это лопнет, как чересчур надутый пузырь» (*франц.*).

a l'or de la Russie, l'or de l'Angleterre, si vous ne le savez pas, qui sèment le désordre» *.

Эта коварная и неблагородная попытка сваливать на каких-то воображаемых Питта и Кобурга[9] все естественные волнения Франции доказывает, во-первых, ребячество нации и пошлость людей, играющих ее доверием. Поддержанная Флоконом уловка эта впоследствии наделала хлопот иностранцам, но вместе и выказала ничтожество [пошлость] новых государственных людей: за этим слухом уже нельзя более скрыться, как прежде, детям, пожалованным в министры. Покуда происходили таким образом прения о работниках и мастерских, что делалось в последних? Они стояли в полной своей организации, несмотря на несколько строгих дисциплинарных мер нового начальника. [В самый день битвы 23 начальника битвы стали добиваться] Еще в самый день начавшейся битвы, в пятницу 23 июня, вышли первые листки газеты «Journal des ateliers nationaux»[10], положившей заниматься интересами их. Осторожные попытки Трела отсылать партии работников на серьезные работы, определенные Палатой и на которые уже он получил кредиты, как мы видели, произвели волнение: мастерские понимали, что наступает час их уничтожения, и собирались на отпор. Вербовка шла медленно, люди [поднятые ими] возвращались назад в Париж с дороги или ничего не хотели делать на месте. Большая часть предлагала невозможные условия, волновала бригады и клуб свой. Напрасно Л. Фоше и Фаллу не давали покоя Трела, он выходил из себя, и все оставалось на своем месте. Напрасно, наконец, Правительство настаивало на учреждении конскрипции ** и приписывании всех молодых холостых работников к войскам (мера, казавшаяся, по справедливости, совершенно произвольной). Напрасно в каком-то отчаянии Палата выказывала свое настоящее мнение о национальных мастерских посредством г. Турка[11], всегда отличавшегося неистовством своих [убеждений] консервативных убеждений и предлагавшего следующие декреты все принять к рассуждению: 1) возвратить на прежние места жительства всех освобожденных каторжников, 2) возвратить в свои де‹партамент›ы работников, не имевших годичного пребывания в Париже, и объявить ворами тех, которые записываются в мастерские, имея способы существования, 3) возвратить [работников в прежние их мастерские] в частные мастерские тех работников, которые прежде там находили занятия, и вспомоществование давать уж не работникам, а хозяевам мастерских, и проч. — все напрасно. Работники государственные не хотели конкуренции, еще менее позорного возвращения за старые станки [в старые], а также [не хотели] масса их, несмотря на несколько групп, высланных в департаменты к серьезным работам, не хотела покидать Париж, говоря с [великой] непогрешимой логикой, что они имеют право требовать или работы в Париже на новых основаниях, или прокормления себя государ-

---

* «У нас в Париже найдется 100 000 людей, которые выйдут на бульвары при малейшем волнении: золото России, золото Англии, да будет вам известно, сеет беспорядки» (*франц.*).

** Конскрипции (от *франц.* conscription) — воинской повинности.

ством, обещавшим им таковое. Положение делалось безвыходным, и суд божий был неизбежен!

В ожидании развязки разброд всех мнений, интересов, настроений постепенно достиг крайней своей степени. Для того, чтобы показать градус разнузданности идей и головной анархии, стоит только [привести] воспомнить о журналистике этого времени. Это был невообразимый нравственный хаос. Каждый день появлялось несколько полулистков с заглавиями одно другого чудовищней, одно другого странней, и крикуны еще более придавали им эксцентрического, фантастического колорита своими затейливыми прибавлениями и пояснениями. На бульварах уже образовались через каждые пять или десять шагов подвижные лавочки, облепленные и заваленные полулистками, из коих многие имели один только №, другие — два-три, будучи простой спекуляцией на любопытстве парижан. [Несколь] Большая часть, однакож, пользуясь свободой от залога, платимого большими, серьезными журналами [вследствие сокращения], что, между прочим, составляло удивительную несправедливость, возможную только в подобные эпохи, — преследовали самые противоположные интересы, иногда самые невероятные цели. Здесь-то появилось то разъединение личностей, которое обыкновенно предшествует междуусобной войне: все мнения, составленные в уединении чердака или погреба, все [чудеса] нелепости, омрачившие мозг человека в минуту отчаяния или едкой нищеты, выползают тогда на божий свет. Рядом с социальными листками [листами] клубов или обществ появился [тогда] в это время «Cabbuliste» [12] [занимавшийся], видевший в новейших событиях поверку старых пророчеств и ими же пояснявший будущность Франции; «Le Christ républicain» [13], который в революции видел только уничтожение касты попов и, вероятно, издавался каким-нибудь отверженным попом в [туманном] фразисто-мистическом тоне; «le franc-maçon» [14] [призывавший], объявлявший, что наступает царство [греха, лжи] масонства, которое, как известно, основалось еще до потопа, и проч. «la république des femmes» [15] — орган везувиянок, о котором мы упоминали, возвещавший буквально высвобождение женщин из-под мужа. Трудно узнать в запутанные эпохи, что́ шутка и что́ добросовестная нелепость: так обе они близко граничат. Я еще до сих пор не уверен в настоящей цели последнего листка, несмотря на следующую угрозу мужьям, в нем помещенную, от имени женщины:

«Qu'une vengeance sans pareille
Soit la leçon du genre humain,
Frappons: que les coqs de la veille
Soient les chapons du lendemain» *.

Известно разделение республиканцев на р‹еспубликанцев› de la veille и du lendemain.

---

* Пусть не имеющая себе равной месть
Будет уроком человеческому роду.
Ударим: пусть вчерашние петухи
Будут завтрашними каплунами» (*франц.*).

Далее появлялись каждодневные листки, приучившие публику мало-помалу к приемам терроризма, к которому масса ее питала решительное отвращение: таковы были «l'Accusateur public»[16] Ескироса, «le tribunal révolutionnaire»[17], «le Pilori». Любопытно было следить, как осторожно они брались за дело: они давали ужасающие названия журналам своим и объявляли, что в основании имеют невинную, благородную и мирную цель. Так, «l'Accusateur» говорил, что в нынешнее время за партией, которая называется des modérés *, лежит кровь и преступления и что, напротив, партия, именуемая des exaltés **, должна теперь воздвигнуться для умиротворения и дружелюбного решения всех вопросов. Так, еще «Tribunal» давал описание несуществующего суда, к которому приводили Луи Филиппа, Гизо, Дюшателя, и, после воображаемых прений и воображаемой защиты, присуждали их к различным легким наказаниям в ожидании настоящего суда и более жестоких приговоров. «Le Pilori», заглавная вывеска которого представляла каждый раз новое лицо на плахе: Тьера, Дюпена и проч. и который потом сам рассказывал жизнь своей жертвы в позорнейших красках, прибавляет, что он это делает без всякого намерения оскорбить кого бы то ни было, и проч. Подобное же замечание относится и к листкам с циническими названиями. Помню удивление, произведшее появлением журнала «Aimable Fauborien, journal de la canaille»[18]. Между тем, название было дано, по-видимому, только для приучения слуха к неблагородному слову. Журнал, как и все и многие другие, восставал против партии Мараста и особенно против ее страсти к захватыванию [мест] всех мест. Разумеется, это делалось с помощью трескучих фраз к народу, но читать его было можно, и только в конце какой-нибудь песенки обнаруживалась настоящая мысль листка:

«Sur le grabat où le tient sa blessure
De combattant, héros de Février,
Dît à son fils, qu'il console et rassure:
«Je dois subir mon destin d'ouvrier:
«La mort approche. Afin que je m'en aille,
«Certain par toi d'être un jour imité,
«Jure-moi bien de mourir en Canaille
bis!
«Car la Canaille a fait la liberté!» **** и проч.

Один из новых журналов, с названием тоже много скандальным «La Carmagnole, journal des enfants de Paris»[19], с эпиграфом «Ah! ça ira! ça ira! ca ira!» и двумя рисунками, изображавшими короля, который плачет, и уличного мальчишку, который смеется: «Jean qui pleure, Jean qui rit» ****.

---

* Умеренная (*франц.*).

** Пылкой (*франц.*).

*** «На одре, к которому его приковала рана, борец, герой Февраля, говорит сыну, которого успокаивает и утишает: „Я должен подчиниться моей судьбе рабочего: смерть близка. Чтобы я мог уйти уверенным, что ты последуешь моему примеру, поклянись мне умереть, как каналья, ибо каналья завоевала свободу“» (*франц.*).

**** «Жан, который смеется, Жан, который плачет» (*франц.*).

Этот журнальчик ответил на предосудительную и злобную выходку Жюля Жанена против него статьей, превосходно написанной и доказывающей опытную литературную руку. В ней он говорит: «la Carmagnole n'est ni la guerre civile, ni l'émeute, ... Laissez-la passer comme un signe de conciliation entre les hommes de la veille que le passé enthousiasme et les hommes du lendemain qui comprennent le passé en saluant l'avenir!!» *

Удивительное противоречие намерений и средств. Известный портной-писатель, завистливый и низкий Констан Гильбе [20], издавал журнал, появлению которого сперва, было, воспротивилось Правительство, — «Journal des Sans-Culottes» [21]. В первое время глаз был поражен страшно этой публичной выставкой [цинического] слова с таким циническим и страшным знаменованием, но когда заметили, что журнал будет постоянным панегириком Мара и не делает никакого намека на человека, что он ратует еще против аристократии и социальные вопросы называет выдумкой дворян, желающих отвлечь глаза народа от настоящего дела, что, наконец, все современные события он ценит только потому, согласны ли они с статьями и брошюрами Мара или нет, — недоверие и страх много поутихли. Все эти непонятные попытки обновить старое, уже невозможное, новым нашли еще бездну подражателей, несмотря на то, что образцы также были подражанием. Бульвары, улицы, переулки, пассажи буквально были завалены журнальчиками в этом роде: «Diogène sans-culotte» [22], «Gamin de Paris» [23], «Vrai gamin de Paris» [24], «République rouge» [25], «Bonnet rouge» [26] и «Boulet rouge» [27], «Conspiration des poudres Journal fulminant» [28]. «le Volcan» [29] и т. д. и т. д. Дело только в том и заключалось, чтобы выбрать немыслимо громкое заглавие.

Всех решительней отличался на поприще скандала «Le père Duchêne, gazette de la Révolution» [30] (целая семья Père Duchêne: le Père Duchêne, gazette de la Révolution, le vrai père Duchêne de 1848 [31], le travailleur, par la mère Duchêne [32], le petit-fils du père Duchêne [33], le père Duchêne, ancien fabricant de fourneaux [34], les lunettes du père Duchêne [35] и проч.).

Но и тут [все это были только слабые копии] в этой [отвратительной] копии грязного и подлого Геберта заметна [была] удивительная черта: [никто из них] он еще [не хочет, видимо] не смеет сравняться с образцом и только [старается] берет от него спартанское ТЫ при обращении [смешное в эту минуту] к современным лицам, смешную (по настоящему времени) угрозу: горе вам! Я вас обличу! Да еще уверение, что он раздулся от гнева, что он готов лопнуть от негодования, и проч., но уже нет ни «х», ни «б», ни желчного бешенства предшественника. Впрочем, в нынешнем своем виде он еще был порядком неистов и яростен, но так как убеждения его оказались крайне сомнительными и многими объявлялись подкупленными с иными, совсем не республиканскими целями, то ругательства и провокации его имели только успех скандала, а не направления. Самого «Père Duchêne» превзошли враги и соименники его, другие «père

* «Карманьола — не гражданская война, не бунт. Дайте ей прийти как знаку примирения между людьми вчерашнего, которые восхищаются прошлым, и людьми завтрашнего дня, которые не забывают прошлого, но приветствуют будущее!!» (*франц.*).

и mère и petit-fils Duchên» в завистливой полемике с ним. Вот как, например, отзывается «le vrai père Duchêne» о вышеупомянутом соименнике своем: «Vieille caricature d'une passé hideux qui ne peut plus renaître, enfant mort-né des saturnales d'une imagination débauchée, ignoble exploiteur de la crédulité d'un peuple trop longtemps abusé, triste avorton d'une piteuse opération mercantile, jusques à quand lasseras-tu la patience du peuple souverain? . .» *

Другой из этой фамилии «Le petit-fils du père Duchêne» появился вдруг как защитник порядка, благочиния, спокойствия [и обратился с следующей речью к осудившему его] [но защищает его на свой манер] и дал следующее определение собственного дела: «Un brutal, un barbare, un furieux; la rue était son domaine, il aimait à se vautrer dans la fange sanglante, . . il avait la sagacité du chien, la faim du loup; il était le limier qui menait toute la bande en hurlant» ** Чудный способ уничтожить влияние имени, прикрывшись этим же именем.

Зато «la mère Duchêne» или лучше «Le travailleur par la mère Duchêne» называет Père Duchêne «vieux pendard» *** и недовольна его умеренностью: «Si la mère Duchêne est bougrement en colère, c'est qu'elle s'aperçoit que tu ne l'es plus autant» ****.

Это единственный чисто цинический журнальчик, попавшийся мне в руки: «On dit, vieux pendard, que tu t'est laissé séduire par les beaux yeux d'une altesse dite républicaine. . . Si cela était, sache bien. . . que la mère Duchêne serait capable d'arracher les yeux rouges de ta poupée politique. . . Si encore tu te laissais enjoler par les fille du peuple, on te le pardonnerait, vieux scélérat, mais par ces langues dorées de bourgeoises décrottées, qui puent la viande humaine, fi donc, vilain, monstre d'homme! Ou oublies-tu que la sueur du pauvre a humecté les lèvres que tu baises? . . . Jette ta princesse dans le panier aux ordures, sinon la Mère Duchêne se divorce, de par les crétins qui veulent nous faire des lois pour eux» *****.

После подобного тона, конечно, можно усомниться в справедливости заметки моей о какой-то невольной, может быть, временной сдержанности журнализма при всей его распущенности, но ведь это единственный экзем-

---

* «Старая карикатура отвратительного прошлого, которое не может больше возвратиться, мертворожденное дитя сатурналий, развращенного воображения, мерзкой эксплоатации доверчивого народа, слишком долго обманываемого, жалкий выродок, результат меркантильной сделки, сколь долго ты будешь испытывать терпение суверенного народа? . .» (*франц.*).

** «Грубиян, варвар бешеный, улица была его стихией, он любил валяться в кровавой грязи; у него была прозорливость собаки, голод волка, он был ищейкой, которая с воем вела за собою всю свору» (*франц.*).

*** «Старый негодяй» (*франц.*).

**** «Если мать Дюшен чертовски разгневана, то это оттого, что видит, что ты не столь же гневен» (*франц.*).

***** «Говорят, старый повеса, что ты дал себя соблазнить прекрасным глазам некой высокой особы, называющей себя Республиканкой. Если это так, то знай, что мать Дюшен способна вырвать красивые глаза твоей политической куклы. Если бы еще тебя прельщала девушка из народа, тебе бы это простили, старый нечестивец, но золотые языки намалеванных мещанок, от которых несет человеческим мясом. Фи! Мерзкое чудовище! Уж не забыл ли ты, что пот бедняка смачивал эти губы, которые ты целуешь? Брось принцессу в корзинку для мусора, иначе мать Дюшен расторгнет узы с теми, которые хотят дать нам законы, предназначенные для них» (*франц.*).

пляр. Говорили мне, что в предместиях издаются журналы возмутительного содержания, которые даже не заходят по сю сторону Бастилии, говорили, что есть журналы, даже не печатные, а литографированные в этом духе, раздающиеся только членам тамошних самых опасных клубов: des Antonins [36], Quinze-vingt [37], называли мне и имена их: le va-nu-pieds [38], l'incendiaire [39], но я никак не мог добыть их. В коллекцию мою случайно попался журнал под заглавием «la Guillotine» на красной бумаге с портретом Л.-Филиппа, показывающего грудь свою, на которой вырезана гильотина. Но, во-первых, он кажется простой спекуляций, а во-вторых, имеет две надписи: 1793. Tout le monde y passera, — и другую: 1848. Persone n'y passera, а в-третьих, отличается тем сантиментальным изложением истории изобретения гильотины и первых ее жертв, которое как будто нарочно придумано, чтобы приучить к мысли об инструменте и к назначению его!

Затем бесчисленное количество социалистских листков, в которых теории Сен-Симона, Фурье, Л. Блана, Прудона перемешивались в каком-то удивительном хаосе [в котором почти], который еще раз свидетельствовал, как научные и теоретические истины, пущенные в народ, целиком перепутываются в его сознании... Случилось здесь то, что почти всегда бывает: от каждой теории взяты были ее резкие стороны, только выпуклые мысли, бросающиеся в глаза массе, сущность же ее, требующая размышления, оставалась в стороне. Так, в «la France libre» [40], который издавался, говорят, бывшим учеником Политехнической школы, теория Прудона об изменении собственности во владение (possession) превратилась в уничтожение [собственности и капитала] и того и другого. Теория Луи Блана об участии государства в заказах обратилась в теорию ссуд денег всякому ни под что и с тем вместе по необходимости в теорию [надсмотра] надзора за должниками и гарантию против банкротства, [так всегда]. Но это высказано запальчиво и обнаруживает в писателе представителя множества клубных социалистов. Нельзя упоминать обо всех этих листках, журнальцах, которые [возвещали] говорили, требовали социализма, коммунизма, раздела собственности в тех общих фразах, затвержденных наизусть у главных представителей различных теорий, которые поясняются предшествующим и последующим, но, вырванные из полного учения, только кажутся инструментом для возбуждения страстей. Так, «Spartacus libérateur du peuple» [41] взял эпиграф из Прудона «la propriété-c'est le vol» *, но у него это положение, весьма обоснованное Прудоном, выходило просто-запросто призывом к истреблению грабителей-имущих. Подобное же значение имело у него и все экономические фразы учителей, как-то: le droit des travailleurs à l'intégrité de leurs produits ** и проч., из которых выходило в результате не обновление общества [совершенное, простое], а совершенная невозможность существования какого-либо общества. Что касается до журнальцев, занимающихся участью женщин, как-то: «la Politique des femmes» [42] и др., то ничего темнее, запутан-

* «Собственность это кража» (*франц.*).

** право трудящихся на сохранность продуктов их труда (*франц.*).

нее представить нельзя, хотя опять [в отрывочных положениях встречаются] тут беспрестанно встречались отрывки из положений людей, впервые поднявшие этот вопрос. Были, впрочем, листки, издававшиеся для народа и знатоками дела с примесью, разумеется, отчаянной политической полемики. Таков был листок фурьериста de Bonnard [43] «le Salut social journal des droits de l'homme, redigé par les opprimés» [44] и листок с.-симониста Эмиля Барро [45] (Barrault) «Tocsin des travailleurs» [46]. Барро отличился еще потом письмом к Ламартину, в котором ловко доказывал, что его политика примирения должна привести непременно к междуусобной войне и ненависти всех партий лично к Л‹амартину›. Взятые в общности все стремления социальной хаотической журналистики июньских дней чрезвычайно хорошо выражаются следующим журнальным декретом, напечатанном в каком-то листке: «Au nom du peuple français: Article I^r — Il n'y a plus rien. Art 2 — La Commission du pouvoir exécutif rendra une loi pour assurer l'exécution du présent article» *.

Таким образом, мы упомянули о двух видах журналистики: террористической и социальной. К ним примкнул еще третий с половины июня — наполеоновский. Здесь представилось явление, указывающее, как должно ценить большую часть этих народных газетчиков. Один из издателей «Père Duchêne» г. Deschamps [47] отделился от редакции его и сам издает журнал «le Robespierre» [48], в котором он заставляет говорить грозного человека от самого себя разный вздор. Все статьи журнала были подписаны Максимилиан Р‹обеспьер›. В них Робеспьер гуляет по улицам и объявляет, что он не доволен тем-то и тем-то, и отзывается о себе следующим образом: «je rentre dans la carrière de la révolution-que j'avais quittée jeune encore — mûri par 60 années de méditations sur les découvertes du génie humanitaire» **.

И дает советы не брать с него примера. Между прочим, он заявляет: «Des imprudents parlent de rétablir une cour prévotale pour juger sommairement les patriotes qui sont à Vincennes. Peuple souverain! par pitié pour les réacteurs tu ne le permettras pas: il y aurait là le germe du tribunal révolutionnaire, que repoussent nos moeurs de 1848... !» ***

Правда, подобная попытка заставлять говорить деятелей старой революции от собственного имени уже была сделана в мае месяце журналом «le vieux cordelier, drapeau du peuple» [49], который вывел на сцену аттического Камиля Демулена и вложил ему в уста следующую речь: «Bourgeois puisqu'il faut t'appeler par ton nom, si ta bouche conspue la foi et le génie; si, doué soudain du courage de la peur, tu veux arrêter la République

---

* «От имени французского народа: Статья 1 — Больше ничего нет. Статья 2 — Комиссия исполнительной власти объявит закон, чтобы обеспечить исполнение данной статьи» (*франц.*).

** «Я возвращаюсь к революционной карьере, которую оставил еще молодым, созревшим за 60 лет размышлений об открытиях человеческого гения» (*франц.*).

*** «Опрометчивые говорят о восстановлении судов превотальных для скорейшей расправы над патриотами в Венсане. Суверенный народ! Из сострадания к бунтарям ты этого не допустишь! Это было бы возвращением революционного трибунала, против которого восстает весь дух революции 1848 г.» М. Р. (*франц.*).

dans son essor vers les grandes choses, je, suis là pour te faire rentrer dans ton marais, moi, adorateur du bien, du grand, du juste, moi artiste, moi, Camille Desmoulin. ((NI)» *.

Как бы то ни было, но г. Deschamps издавал своего «Робеспьера» до тех пор, пока не обнаружилось наполеоновское движение, и тогда он вдруг бросил Максимилиана и стал издавать журнал «Napoléon républicain» [50], в котором точно так же заставляет гулять Наполеона по улицам и точно так же говорить про себя глупости: «Je n'étais pas né pour la guerre» ** и давать следующие советы народу: «Souviens-toi que tu es le seul souverain et que tes représentants sont tes commis» ***.

Впрочем, были примеры внезапных странных переворотов и посильнее: Так, какой-то г. Guillemain [51] в один день издал «l'Aigle républicain» [52] с энтузиастическими песнями в честь бонапартистского времени, а на другой «les lunettes du père Duchêne» с такими же во славу терроризма. Наполеоновская литература разрасталась, однакож, вместе с движением на улице: тогда посыпались один за другим листки: «le Napoléonien [53]», «le Petit caporal» [54], «la Rédingote grise» [55], и проч. и проч., и наконец листки и большой журнал, занимавшийся уже кандидатурой и будущим значением Луи Бонапарта. Название его носило симптом той же путаницы идей, которая существовала в народе и которой старались обмануть народ: «la Constitution, journal de la république napoléonienne!» [56] Он называл противников Бонапарта оскорбителями народа: les insulteurs du peuple — и, однакож, вскоре умер. И вообще в это время Б‹онапарт› не имеет еще серьезного значения. К этому надо еще присоединить листки сатирического содержания, выходившие тоже в неограниченном количестве. Иногда они поражали сочетанием шутки и какого-нибудь страшного события. Так, например, «le Pamphlet» [57] при известии о кровавом мщении негров Мартиники [58], получивших известие о февральской революции и требовавших свободы, сказал, что знаменитые слова: «périssent les colonies plutôt qu'un principe» **** должны быть нынче изменены в другие: «périssent les colonies suivant les principes» *****. Впрочем, все остальные журналы этого рода: «Diogène sans culotte», «Gamin de Paris», «le Cancan» [59], «les bêtises de la semaine» [60], «le canard» [61], «le diable rose» [62], и проч. и проч., были довольно пошлы. Демократия вообще смеяться не умеет, и род блестящей искрометности и надменного презрения, требуемой для политической насмешки, остается преимущественно за роялизмом. Так было и здесь. Одним только легитимистским и филиппистским листкам, как «le petit homme rouge» [63], «le lampion» [64] и др., удалось сказать несколько едких острот.

---

* «Буржуазия! Раз уже тебя надо называть по имени, если твои уста поносят веру в гений, если вдруг, обретя смелость трусливого, ты собираешься остановить Республику в ее порыве к великим делам — я тут, чтобы возвратить тебя в твое болото. Я почитатель прекрасного, великого и справедливого. Я художник. Я — Камиль Демулен. (№ 1)» (*франц.*).

** «Я не был рожден для войны» (*франц.*).

*** «Помни, что ты единственный господин и что твои представители — твои приказчики» (*франц.*).

**** «Пусть погибнут колонии скорее, чем принципы» (*франц.*).

***** «Пусть погибнут колонии, следующие принципам» (*франц.*).

Последний журнальчик, чисто легитимистский, отличался даже в это время тем неимоверным количеством позора, который выливал он на Исполнительную комиссию и республиканских действователей. Между прочим, один раз он сказал, что если Барбес заболеет, то не следует поручать его товарищу по тюрьме, доктору Распайлю, ибо как ни огромны его преступления, но смертная казнь уничтожена во Франции. В другой раз он объявил, что Иисус был казнен по требованию народа, а так как это известие оскорбляет величие народа, то придется издать декрет, по которому казнь Иисуса должна будет считаться отныне делом национальной гвардии той эпохи, и проч. А клевет на лица, а оскорблений, а ложных известий — бездна! [Часто смеялся] Забавны были также комические изложения заседаний Парламента в журнале «la Séance» [65]. Исключение из нашего правила составляет демократически-сатирический журнальчик «l'Epoque» [66], который иногда очень удачно пародировал старую известную эпоху и закоренелые мнения Одиллона Барро и др. Если к этому присоединить еще попытки восстановления журналов, знаменитых в 1830 году, как-то: «le bon sens» [67], «le tribune» [68], «Figaro» [69], попытки, кончившиеся вообще неудачно, то приблизительно можно получить понятие о всем этом каждодневном хаосе журнальном, где беспрестанно сталкивались воспоминания всех минувших эпох с плохо понятыми требованиями современности, (*неразборчиво*) с истинным увлечением, настоящая нелепость с поддельной глупостью и особенно вражда одного класса общества к другому. Последнее только и было знаменательно и действительно реально во всем этом движении. Несмотря на [резкость] оглушительный шум этих тысяч голосов, нашелся журнальчик «l'organisation du travail» [70] — приверженец теории Л. Блана, который успел покрыть разладицу и обратить на себя внимание. Он напечатал в двух своих №№ списки банкиров и торговцев с показанием их капиталов и списки землевладельцев с показанием их доходов (№ 8 и 9). Как ни преувеличены и ложны были цифры, но в эпоху всеобщего бедствия и нищеты, они были прямым указанием народу, где искать пособие и добычу. Это уже выходило из ряда личных оскорблений и взаимных обвинений партий, и поэтому один депутат потребовал отчета у министра юстиции, какие меры приняты для наказания дерзкой провокации и вообще, что сделалось с залогом (cautionnement) журнальным, который преимущественно назначался для обуздания их издателей. Министр Бетмон сознался, что, действительно, старые большие журналы имеют этот залог, но что многие и вновь явившиеся его не имеют, что он видит в этом большую несправедливость, что Правительство имеет наклонность определить залог для всех вообще журналов, но когда и как представит оно закон по этому предмету — оно само не знает этого (всеобщий смех). В таком положении находилось Правительство. В другом оно и не могло быть. Напрасно уже сам «National» взывал к Исполнительной комиссии: мы вас поддерживаем, но, ради бога, покажите же, что все управляется. Управлять было нельзя — и только первые пушки, раздавшиеся в Париже, поставили на истинной почве вопрос: кто будет править Францией.

Вечером в четверг 22 июня огромная масса народа, говорили, тысяч 5

или 6 [человек], двинулась от Палаты, прошла улицу St. Jacqu es, хлынула на Гревскую площадь перед Ратушей и оттуда направилась к Бастилии, где и рассеялась на проходе ее. Гревская площадь была занята войском. Толпа эта уже кричала: «vive la république democratique et sociale» и напев: «vive Napoléon» был заменен другим, более значительным: множество голосов припевало в каданс: ««du pain au du plomb» *. Слух об ней тотчас же разнесся по Парижу.

Это были уже восставшие работники национальных мастерских. Несколько человек из партии работников, отправившихся на Салунский канал, возвратилась с известием, что на болотистой почве его не приспособлено было ни жилищ, ни пропитания для людей. Подозрение, уже ходившее в работниках, что Правительство намерено [образовать] во что бы то ни стало отделаться от работников, хотя бы мором [получило здесь], превратилось теперь в уверенность. Вместе с этим негодование, произведенное декретом о взятии многих работников в солдаты, было очень искусно разрабатываемо главными предводителями. Часть работников, весьма небольшая в сравнении с общим числом их, отправились поутру в четверг прямо в Люксембург требовать объяснения у Исполнительной комиссии этим предметам. Здесь вместо свободного прохода, какой они бы получили два месяца назад, они встречены были по приказанию Мари, игравшему и здесь непопулярную роль мужа опоры, — караулом. После переговоров между Мари и передовыми положено было отправить от толпы депутацию, а массе ждать решения у св. Салюстия. Депутация говорила дерзко и грубо [повелительно] с Мари — тот отвечал твердо и повелительно, что все вредные слухи распускаются неблагорасположенными людьми, но что Правительство не отступится от своих намерений. Один из депутатов Пюжоль[71], наиболее запальчивый, был отстранен при самом начале переговоров Мари, который сказал ему: «Я видел вас 15 мая в Собрании и не хочу говорить с бунтовщиками», а когда товарищи начали роптать, он прибавил: «Разве вы не можете сами изложить свои претензии? Est-ce que vous êtes les esclaves de cet homme?» **

Когда переговоры кончились, разумеется, неудачно, депутация, а более всего Пюжоль, изменила весь смысл их и донесла толпе, ждавшей у св. Салюстия, что Правительство решило истребить работников и называет их les esclaves. Крик бешенства раздался из толпы, которая хотела броситься снова на Люксембург, но Пюжоль велел ей собраться вечером у Пантеона. Там с решетки, окружающей пустой храм Славы, Пюжоль произнес возбужденную речь, в которой ярко выступили пророческие слова: «Истинно говорю вам: много прольется нынче крови на эти камни» и приказал на другой день утром собраться у Бастилии. Толпа в неимоверном возмущении прошла, как мы видели, площадь Ратуши и на другой день, действительно, собралась у Бастилии. Здесь перед [лицом] тенями павших в июле 1830 г. и в феврале 1848 г. Пюжоль произнес за всех клятву умереть, как они, в деле свободы и равенства. Утром в пятницу

---

* «Хлеб или свинец» (*франц.*).

** «Разве вы рабы этого человека?» (*франц.*).

я сидел за журналом в кофейной, когда прибежал бледный и запыхавшийся человек к хозяину с извещением, что у ворот св. Дени уже строят баррикады. Я тотчас же отправился домой узнать, в чем дело. Я жил довольно высоко тогда и там мог слышать перестрелку. Едва я отворил окно в комнате, как раздался вдали ружейный залп, за ним другой, третий — гроза начиналась.

Но если национальные мастерские начали битву, то по какому-то капризу судьбы зерно восстания, разлившегося вскоре с неимоверной остротой, составляли не они, а члены общества des droits de l'homme, клубов и радикальная часть национальной гвардии.

ВАРИАНТЫ

ВАРИАНТ К с. 289—290

В ночь приняли они прокламацию к народу, войску, национальной гвардии, приняв две решительные меры, а именно: декретировать 24 новых батальона национальной гвардии из работников, сделав, таким образом, из невооруженных людей — офицеров порядка, причем дано им 30 су жалования в день, а обмундировка на казенный счет, и на другой день я уже видел в рядах национальной гвардии людей в блузах, куртках, сюртуках: это шли защитники тишины. Они составляют уже полицию у баррикад, занимают посты и, так как они объявлены передвижными, то будут направлены на зажигателей и грабителей, которые уже появились.

В ночь с пятницы на субботу сожжен Нельский замок, причем погибли и сами зажигатели: (150 человек), упившихся и передравшихся в его погребах; сожжена и дача Ротшильда, давшего в самое это время 50 т. на раненых; сожжен великолепный мост в Аньере, по которому проходила железная дорога, мост и станция на Руанской и С. Жерменской дорогах. Против них направлена тотчас из Парижа колонна из волонтеров и мобильной гвардии под предводительством студентов. В Руане сожжен великолепный мост. Национальная гвардия с подвижным батальоном направлены в окрестности.

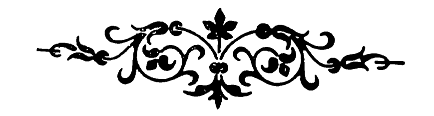
Вторая мера — это была социальная, заявленная Луи Бланом и, может быть, нужная на первое время, как удовлетворение требований работников, но сама по себе незрелая: объявлено, что Правительство обещало работу всем работникам и дает им на первое время миллион, следовавший Луи-Филиппу. 24 февраля вторым декретом объявлено открытие национальных мастерских и назначено Тюльери стать Инвалидным домом для старых работников. Наконец, вчера, во вторник, на требования 6000 работников, собравшихся у Отель де Виль и требовавших организации работ [Правительство декретировало], Правительство объявило, что вопрос этот представляется суду будущего Национального собрания, а покамест составляется комиссия для исследования отношений фабрикантов и работников — Commission por les travaileurs (Президент Луи Блан, Вице-президент Альберт), которая будет заседать в Люксембурге (Палате пэров). Между тем другие министерства тоже делают бесчисленное количество декретов. В пятницу в 1 час объявлена Республика окончательно. Ламартин под саблями и страшными угрозами удерживал трехцветное знамя вместо красного, которое предлагали.

ВАРИАНТ К с. 309

Из него мы видели, что последняя администрация в 7 лет сделала долгу в 912 миллионов (229) 328 франков и возвела весь долг Франции в 5 миллиардов 179 миллионов 644 тысячи, цифра страшная и тяжелая. Далее, с 1831 года управление Людвига Филиппа возвысило текущий долг с 250 миллионов до 670 миллионов, и каждый день в последние дни (в 268 дней) издерживала более положенного (т. е. более 294 800 000) по 1 000 000 франков в день, которых уже не знало, чем покрыть. Этот текущий долг состоит особенно из долгу сберегательной кассе 350 миллионов (депозитных), из кредитных билетов (bons du Tresor), которые в один год, сказать между прочим, с 12 апреля 1847 г. по 26 февраля 1848 г. возведены до этой ужасной цифры: они прежде составляли только 86 миллионов. Между тем, этим двум долгам не соответствует ничего. В сберегательной кассе наличной суммы только (в феврале 1848 г.) 65 753 тысячи [франков] 620 франков, а сумма погашения долгов, обеспечивающих кредитки, обращена была на работы и другие потребности. Касса уже не защищена ничем, и в это время, несмотря на страшное увеличение доходов, бюджет государства постоянно не покрывал издержек: в течение 7 последних лет издержки превосходили доход на сумму 652 с половиной миллиона.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Анненков и его друзья — П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 гг. СПб., 1892.

Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М.; Л., 1953—1959.

Герцен — Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1959—1960.

Лит. воспоминания — Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

ГБЛ — Рукописный отдел Всесоюзной Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

ЛН — Литературное наследство.

Тургенев — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т. М., 1962—1968.

Чернышевский — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1949—1950.

ЦГАЛИ — Центральный архив государственной литературы и искусства.

И. Н. Конобеевская

ПАРИЖСКАЯ ТРИЛОГИЯ И ЕЕ АВТОР

1

При всем своем национальном своеобразии русская освободительная мысль развивалась в одном ритме с европейской. И если знаменитое письмо Белинского к Гоголю, этот манифест русского освободительного движения 1840-х годов, по своему содержанию являлось отражением настроений русских крепостных крестьян [1], то факт его появления в 1847 г. стоял в прямой связи с предгрозовой атмосферой, окутавшей Европу накануне революции 1848 г.

Связи русской освободительной мысли с европейским революционным движением во многом способствовала та полная и нацеленная информация, которую передовое русское общество получало от своих представителей, подолгу живших в Европе.

Значительную роль в социально-политическом и культурном обмене молодой России с передовой Европой сыграл Павел Васильевич Анненков, который в 1840-х годах был постоянным представителем кружка Белинского в Европе.

Современный читатель знает П. В. Анненкова как автора интересных мемуаров, значительных литературоведческих исследований, как критика, первого научного редактора и издателя собраний сочинений А. С. Пушкина, автора его биографии, но мало кто знает Анненкова-публициста, автора популярных в свое время «Писем из-за границы» и «Парижских писем», тем более, что после публикации их в журналах они были переизданы всего один раз (*Анненков и его друзья*, с. 122—369).

Павел Васильевич Анненков (1812—1887) принадлежал к среде русского служилого дворянства среднего достатка. Родился он в Москве в 1812 г.[2], а детство провел в Симбирской губернии, в родовом поместье матери селе Чирькове [3].

Учился Анненков в Петербургском горном корпусе, который оставил в 1832 г., так и не дойдя до специальных классов. В том же году он становится вольнослушателем философского факультета Петербургского университета, а в 1833 г. поступает на службу в министерство финансов. Однако служба для Анненкова была лишь номинальной. В отличие от

---

[1] *Ленин В. И.* О литературе и искусстве. М., 1979, с. 256.

[2] Дата рождения Анненкова в разных изданиях указывается по-разному, поскольку запись о его рождении сгорела вместе с церковью во время московского пожара; 1812 г. как подлинная дата рождения Анненкова указана на основании копии метрики, составленной по свидетельским показаниям (*ЦГАЛИ*, ф. 7, ед. хр. 28).

[3] Биографические сведения об Анненкове см.: *Дорофеев В. П.* П. В. Анненков и его воспоминания. — В кн.: *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1960, с. 5—40; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей. СПб., 1889, т. I, с. 601—612.

своих двух братьев, Федора Васильевича и Ивана Васильевича, дослужившихся до генеральских чинов, Павел Васильевич не сделал карьеры и в чине коллежского асессора оставил министерство, перейдя на положение неслужащего дворянина.

Небогатая внешними событиями молодость Анненкова, как и многих людей его поколения, была наполнена богатым внутренним содержанием. Круг его интересов лежал в области науки, литературы, искусства. Он член известных петербургских литературных кружков [4], завсегдатай петербургских театров (см. *ЛН*, т. 57, с. 309).

Духовным вождем его юности был Н. В. Гоголь. Анненков входил в тесный кружок близких друзей писателя и был постоянным посетителем его субботних вечеров на Малой Морской (*Лит. воспоминания*, с. 72—78). Гоголь, как видно, высоко ценил ум, наблюдательность и литературно-критические способности Анненкова: не случайно у него в гоголевском кружке было прозвище Жюль, по имени известного французского критика Жюля Жанена.

Именно Гоголь, общение с ним воспитали в Анненкове то глубокое уважение к реальной действительности, объективной истине, которым впоследствии отличались все его произведения, а в молодости — его духовные устремления.

В конце 1830-х годов на смену Гоголю, уехавшему за границу, в жизнь Анненкова входит В. Г. Белинский. Лично с Белинским Анненков познакомился в 1839 г. на одном из вечеров у А. А. Комарова (см. там же, с. 135, 141), но знал и любил давно, начиная с «Литературных мечтаний». В эти годы Анненков еще никак не проявил себя в литературе, и окружение Белинского относилось к нему сдержанно, но сам Белинский почувствовал в нем незаурядного человека и старался заинтересовать им своих московских друзей (см.: *Белинский*, т. 11, с. 530, 540, 544). Знакомство с Белинским — новая ступень в духовном развитии Анненкова: именно Белинский приобщил Анненкова к современным социальным и нравственным проблемам, именно Белинский стал его учителем в области философии и эстетики.

Знакомство перешло вскоре в дружбу и определило всю дальнейшую жизнь и деятельность Анненкова. Первое зарубежное путешествие Анненкова, маршрут его и идея литературного оформления зарубежных впечатлений, возможно, были подсказаны Белинским, хотя мечта о таком путешествии жила в нем с детства, внушенная знаменитым земляком Н. М. Карамзиным, чьи сочинения составляли детское чтение Анненкова.

В глухую осень 1840 г. П. В. Анненков и М. Н. Катков сели на последний пароход, отправлявшийся в Любек. Белинский, Панаев, Языков и Кольцов провожали их до Кронштадта (см. там же, с. 564).

За границей Анненков провел три года. Он проехал страны и города Германского союза и входившей в него Австрийской империи, Францию, Швейцарию, долго жил в Париже, а в 1843 г. посетил Бельгию, Голлан-

[4] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950, с. 105.

дию, Данию, Англию, Шотландию и Ирландию, что было несколько необычно для русского путешественника.

Результатом зарубежной поездки Анненкова явились тринадцать корреспонденций, оформленных в популярном для 1840-х годов жанре писем. Первые письма еще не предназначались для печати, это были частные письма, адресованные Белинскому, которому они понравились (см.: *ЛН*, т. 57, с. 309), и он счел возможным их публикацию в журнале «Отечественные записки». Весь цикл был напечатан в этом журнале в разделе «Смесь» в течение 1841—1843 гг. под названием «Письма из-за границы».

На значительность «Писем из-за границы», их отличие от произведений подобного рода, наводнивших русские журналы 1840-х годов [5], сразу же обратила внимание читателей редакция «Отечественных записок», снабдив первое письмо Анненкова примечанием [6].

Белинский также похвалил литературный дебют Анненкова. В письме к В. П. Боткину от 1 марта 1841 г. читаем: «В „Смеси“ 3 № „Отечественных записок“ напечатаны (почти целиком) письма Анненкова из-за границы — прелесть! Я еще больше полюбил этого человека» (*Белинский*, т. 12, с. 29).

По своему содержанию «Письма из-за границы» не однозначны. В первых — в центре внимания автора явления искусства, прошлое народов, исторические памятники, события культурной жизни; начиная с VIII письма на первый план выходят явления общественно-политической жизни, актуальные проблемы современности. Такому смещению интересов во многом способствовала сама география путешествия: первые письма посылались из филистерской Германии, из Вены, Праги, итальянских городов, скованных австрийским режимом; восьмое и последующие отправлялись из Парижа, где била ключом общественно-политическая жизнь.

Анненков прибыл за границу в тот момент, когда Европа только что оправилась от последствий французской революции 1830 г. и последовавшей за ней реакцией. Революция нанесла тяжелый удар трактатам 1815 г., политическим и нравственным основам, установленным в Европе «Священным союзом». Германское и австрийское правительства соединенными усилиями пытались оградить свои народы от влияния Франции как в мире идей, так и в житейском мире, но это мало удавалось. Росло и ширилось оппозиционное движение в Германии и Австрийской империи, подчиняя себе университетское преподавание, литературу, искусство, театр. Нелегко было Меттерниху справиться и с ростом национально-освободительного движения, грозившего распадом лоскутной Австрийской империи, включавшей в себя Австрию, Венгрию, Чехию, славянские провинции и итальянские земли.

---

[5] В «Отечественных записках» одновременно с «Письмами из-за границы» Анненкова печатались: «Поездка в Сицилию и Мальту» Н. Сатина, «Заметки о Сибири» И. Кириллова, «Поездка в Китай» неизвестного автора; то же было и в других журналах.

[6] Отечественные записки, 1841, кн. 3, с. 15.

«Письма из-за границы» весьма точно освещали истинное положение дел в Европе. Анненков нигде прямо не говорит о зловещих меттерниховских порядках и растущем сопротивлении им, но его «Письма» исполнены намеков, скрытого подтекста.

В общем объеме «Писем из-за границы» Германскому союзу и Австрийской империи уделяется сравнительно мало внимания. Однако Анненков, наряду с «Письмами», написал серию очерков под общим названием «Путевые записки». Окончательная обработка «Записок», возможно, была сделана уже после путешествия, в 1843—1845 гг. Автор не довел свою работу до конца, в архиве Анненкова удалось обнаружить лишь пять очерков, переписанных его рукой: «Травемюнде и Любек», «Гамбург», «Берлин», «Лейпциг и Дрезден», «Прага»; от очерка «Вена» сохранилось одно название (*ИРЛИ*, 57.43 XXX 6.33). Суждения в очерках не только более зрелые, чем в письмах, но и более свободные. Все, что в «Письмах» запрятано в подтекст, здесь дается крупным планом. В настоящем издании эти очерки публикуются впервые. Каждый из них имеет свой характер, свою общественно-политическую направленность.

В очерке «Гамбург» в центре внимания автора противоречия, которые привнесло в жизнь общества развитие капиталистических отношений. Анненков пишет о гамбургском порте, гамбургской бирже, о необычайном оживлении его улиц, запруженных пешеходами и омнибусами, о роскошных магазинах с зеркальными витринами и в то же время о беспредельной бедности и нищете простого люда, ютящегося по чердакам и подвалам. Вместе с тем Анненков отмечает протест в интеллектуальных кругах общества против нарастающего капитализма. Не случайно именно в этом очерке Анненков рассказывает об оппозиционных настроениях, нарастающих в Германии, о знаменитой литературной группе Молодая Германия, об органе младогегельянцев «Hallische Jahrbücher», о поэзии Г. Гейне, подчеркивая, что требования свободы «возведены оппозицией до философского мышления».

В очерке Анненков приводит два своих перевода из Гейне[7]. Этот гонимый цензурой поэт был для Анненкова знамением времени.

Обращает на себя внимание и очерк «Берлин». Это беспощадное обличение пруссачества, переживавшего расцвет с приходом к власти в 1840 г. Фридриха Вильгельма IV. Анненков показывает, к какому духовному убожеству, пошлости, филистерству приводит этот режим, основанный на корпорациях, спекуляциях, привилегиях. Улицы, дома, памятники поражают «грустной симметрией», от которой «порой сжимается сердце». Это крепость, это тюрьма, но самое страшное, по мнению Анненкова, то, что узники в этой тюрьме довольны своей судьбой. С горечью рассказывает он, как пруссачество брало приступом последнюю цитадель просвещения — оплот гегелевской философии, знаменитый Берлинский университет,

---

[7] Переводы Анненкова, сделанные белым стихом, принадлежат к числу первых в России переводов Гейне, которого систематически начали переводить только со второй половины XIX в. Первый сборник стихов Гейне в переводе И. Генслера вышел в России в 1857 г.: Стихотворения из Гейне. СПб., 1857.

в который был приглашен реакционный профессор Ф. Ю. Шталь для того, чтобы «противопоставить православное учение о божестве, происхождении веры и власти гегельянскому...»[8] Вскрывает Анненков и исторические корни пруссачества — милитаристский режим Фридриха II, вольнодумца и тирана одновременно.

Пафосом протеста против мертвящей политики «Священного союза», убивавшей живую душу народов, проникнут очерк «Прага». С особенной любовью рассказывает Анненков о всех памятниках, исторических и культурных, этого древнего города, олицетворяющих собой славное прошлое города и страны. Нельзя заставить молчать людей, пишет он, которым на каждом шагу напоминают об их славном прошлом; и, опираясь на это прошлое, растет и ширится национально-освободительное движение в Чехии.

Очерки Анненкова вместе с «Письмами из-за границы» дают чрезвычайно интересный материал не только для понимания социально-политических, но и эстетических идей передовых русских людей 1840-х годов. Суждения Анненкова о немецком и французском театре, анализ игры великой Рашели, Карла Зейдельмана и Фредерика-Леметра несомненно заинтересуют театроведов как ранние образцы русской театральной критики, утверждавшей реализм. Большой интерес должны вызвать и искусствоведческие экскурсы Анненкова, его суждения о памятниках готики и Возрождения, их подчеркнуто демократический и антиклерикальный характер.

После беглого знакомства с Германией и Австрией Анненков отправился в Италию, где провел три месяца, а оттуда во Францию, в Париж, где жил шесть месяцев.

Разделяя симпатии, которые Франция вызывала в России, понимая, что именно Франция стоит во главе начавшегося в 1840-х годах пробуждения социально-политического движения в Европе, Анненков особенно внимательно вглядывается в общественную жизнь Франции, в развитие ее культуры, ее искусство, в движение социальной, политической, научной и эстетической мысли. Всю информацию он стремится получить из первых рук, поэтому изыскивает время всюду побывать сам: в палате депутатов, суде, театре, концертах, на проповедях знаменитых проповедников и лекциях известных профессоров. День его расписан по минутам, как он пишет братьям[9]. Он читает груды книг, журналов, газет, чтобы быть в курсе современных событий. Он принялся даже за изучение языков за границей: в Германии изучал немецкий и итальянский, во Франции стал совершенствоваться в знании французского и изучил английский.

В одном из писем к братьям он шутя рассказывает о трудностях информационного поиска, с которыми сталкивается для того, чтобы написать одну или две строчки в очередном «Письме» из-за границы. По-

[8] См. наст. издание, с. 263.

[9] В *ИРЛИ* сохранились письма Анненкова к И. В. и Ф. В. Анненковым, написанные им в период зарубежной поездки 1840—1843 гг. (ф. 7, ед. хр. 3); эти письма, разумеется, были известны Белинскому, который, судя по переписке, тесно контактировал с братьями Анненкова.

смотрев комедию Бальзака «Плутни Кинолы», он тут же пошел смотреть и пародию на нее: «...думаешь, теперь с этим конец. Как бы не так, за 40 копеек продается карикатура на всю комедию, мастерски нарисованная и преостроумно рассказанная — надо прочесть. Прочел, и вдруг тебя кто-нибудь спрашивает: А читали ли вы едкую сатиру Жюль Жанена на Бальзака? Стыдно сделается, побежишь в читальную и прочтешь. Через минуту спрашивает тебя кто-нибудь: А будете ли в суде, где один зритель притянул Бальзака за лишние деньги, взятые за места: процесс будет прескандальный...» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 50 об.).

От наблюдательного взора Анненкова ничего не скрывается: ни католическая реакция, угрожающая образованию во Франции, ни культ Наполеона как новое свидетельство роста оппозиционных настроений в обществе. Анненков стремится исследовать конкретные жизненные ситуации, конкретные факты социально-политической жизни, экономики, чтобы уловить общие закономерности, которые управляют развитием страны. Чутко прислушиваясь к настроениям общества, он стремится узнать образ мыслей самых различных социальных групп и партий. С этой целью он знакомится с легитимистами. «Вы не можете себе представить, — пишет он братьям, — какой ужас им внушает все нынешнее состояние Франции, как презирают они новое дворянство, с каким отвращением говорят о свободе печати и о всех неистовых удовольствиях de la canaille (канальи. — *И. К.*)» (там же, л. 66 об.).

Противоположные рассуждения — в кофейных: «посреди чада сигарок», «за стаканами пива» «разговор идет о необходимости истребления аристократии, о благодеяниях эшафота, о пользе крови, и в тяжелом воздухе передо мной носятся лики Робеспьера и Марата» (там же, л. 67).

Иное мнение слышит Анненков от своего учителя, профессора коллежа, приверженца «настоящего порядка вещей». Он повествует, «как надобно обе партии пускать друг на друга, как надобно править не силой и откровением, а исподтишка, побочными средствами, подкупами» (там же, л. 67).

Анненков подметил, что во Франции, в отличие от Германии, решавшей все проблемы философским путем, все определяет политика. И в VIII письме из-за границы он приходит к выводу: «...нет сомнения, говорю, что если на этой арене когда-нибудь будет победитель, то Франция погибнет или в революционном вихре или в другом каком-либо исключительном направлении».

Все, что есть лучшего, талантливого во Франции, по наблюдениям Анненкова, не приемлет Июльской монархии, и идеи оппозиции получили довольно широкое развитие, поскольку в руках ее сосредоточилась массовая информация, на многообразные формы которой Анненков обращает внимание своих читателей. Особенный интерес у Анненкова вызвали современные течения французского утопического социализма. Полагая весьма плодотворными идеи гуманизма, которыми руководствуются представители утопического социализма, их интерес к насущным потребностям народа, стремление переустроить общество «на началах равенства и справедливости», Анненков подчеркивал, что положительная программа всех

без исключения течений французского утопического социализма, и классического, и современного, весьма далека от реальной действительности.

Во время пребывания Анненкова за рубежом кружки Белинского и Герцена ревностно изучали французских утопистов. Об этом свидетельствуют и мемуары, и дневники, и письма, и современные исследования [10]. Публикации «Отечественных записок» 1840-х годов о французской литературе [11], «Encyclopédie Nouvelle» Ж. Рейно и П. Леру, «Revue Indépendante», романы Жорж Занд — притягивают к себе лучшие русские умы. И в этот ответственный момент перехода русского общества от абстрактных созерцаний к социализму «Письма из-за границы» Анненкова обращали на службу этому процессу передовые достижения европейской мысли, критически оценивая их, побуждая тем самым русскую передовую мысль к новому философскому поиску.

Французские корреспонденции Анненкова укрепляли в передовой русской молодежи интерес к современности, действительности, к социально-политическим проблемам, заражали активностью Франции и умеряли приверженность к умозрительной Германии, которая так долго притягивала к себе русские умы.

Отправив свою последнюю тринадцатую корреспонденцию из Парижа, Анненков не вернулся в Россию, а начал новое путешествие, на этот раз в Англию, Шотландию, Ирландию.

Из этих стран от него не последовало писем в журнал, писал он только братьям, но свои путевые впечатления Анненков все же закрепил, однако его записи остались необработанными; написанные карандашом, они едва различимы [12].

Англия поразила Анненкова бурным развитием промышленности, своими «дворцами из стекла и стали». В письме к братьям Анненков пишет: «. . . целый месяц провел внутри самой Англии, был в Ирландии, Шотландии, Ливерпуле, Манчестере, Иорке, Бирмингеме, Кембридже, Оксфорде, видел чудные парки, видел чудно обработанные земли, видел мануфактуры, видел пристани, видел каналы, мосты, видел дворцы, галереи, наконец, видел кафедралы, образ жизни и возвратился снова в Лондон, прямо скажу, пораженный, удивленный и весьма близкий к апоплексии. Ничего подобного в Европе не видел я. Что сделали они из своей земли, так это непостижимо. Просто всю Англию обратили в сад и сделали из нее изумрудный остров, как они сами говорят, намекая на бесконечные свои зеленые луга и парки. Притом же все предприятия — гиганты. Если железная дорога, так это во все концы государства, если фабричный город, так это от дыма адских машин над городом стоит туча, которую солнце не может пробить. . .» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 108 об.).

Но и на Британских островах Анненков разглядел глубокие социальные противоречия, которые принес с собой капитализм. Особенно яв-

---

[10] См.: *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М., с. 28—67.

[11] См.: *Кулешов В. И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX в. М., 1958.

[12] *Анненков П. В.* Путевые записки. — *ИРЛИ*, 57 43 XXX б. 33, л. 88—98.

ственно они выражены в Ирландии, породив в ней грозное движение сопротивления. «...Нищенство и нищета страшные, — записал он, — как гроза, великий Агитатор (имеется в виду Д. О'Коннел. — *И. К.*) разрастается по Ирландии, подымая все» (там же, 57 43 XXX б. 33, л. 93).

В отличие от французской оппозиции движение ирландских бедняков под предводительством О'Коннела носит чисто практический характер, как подметил Анненков. О'Коннел на митингах, которые Анненкову удалось посетить, не выдвигал никакой собственной политической программы, напротив, в своих выступлениях перед народом, которые слышал Анненков, он подчеркивал, что «религия, моральное воспитание масс и монархия есть необходимые вещи свободы народной» (там же, л. 97).

В 1843 г. Анненков вернулся в Россию. Почти одновременно с ним вернулся на родину М. Н. Катков, его товарищ по путешествию, на которого в кружке Белинского возлагали большие надежды. Но как различны были результаты их пребывания за рубежом. Катков, все три года проведший в Берлине, вернулся по-прежнему ревностным поборником немецкой идеалистической философии, привезя с собой перевод на русский язык «Писем о природе» Фридриха Шеллинга. Анненков вернулся во всеоружии знаний о современной Европе, с глубоким пониманием новых социально-политических идей, волновавших передовую Европу, с живым сочувствием этим идеям.

«Письма из-за границы» и «Путевые записки» по глубине и проницательности суждений, умению ориентироваться в сложных явлениях общественно-политической жизни Европы, остроте наблюдений, несмотря на умеренность общественно-политических взглядов автора, были чрезвычайно значительным явлением русской публицистики и стояли на уровне лучших образцов европейской публицистики 1840-х годов.

Время с 1843 по 1845 г., проведенное Анненковым в России, было чрезвычайно ответственным моментом в развитии русского освободительного движения 1840-х годов. И Анненков с его знанием экономической и политической обстановки Запада, с его глубоким пониманием современных европейских социально-философских проблем, сыграл, видимо, значительную роль в окончательном становлении западничества, в размежевании западников и славянофилов.

Постоянный участник субботних вечеров Белинского, Анненков немало сделал для молодых русских писателей, особенно Н. А. Некрасова[13] и И. С. Тургенева (см.: *Лит. воспоминания*, с. 241, 378), а самому Белинскому помог глубже разобраться в интересующих его течениях французского утопического социализма[14].

Зарубежный опыт Анненкова сыграл свою роль и в оформлении наиболее передового русского журнала «Отечественные записки»[15]. Можно предположить также с достаточной долей вероятности, что Анненков, прекрасно знакомый с достижениями французской беллетристики, способ-

---

[13] См.: М. М. Стасюлевич и его друзья в их переписке. СПб., 1912, т. III, с. 352.
[14] См.: *Нечаева В. С.* Указ. соч., с. 103—105.
[15] См.: *Кулешов В. И.* Указ. соч., с. 109.

ствовал у себя на родине возникновению новых литературных жанров. Он один из первых заговорил о так называемом «физиологическом» очерке, на успех которого во Франции обратил особое внимание в VIII письме из Парижа[16].

К сожалению, мы не можем должным образом представить ту роль, которую Анненков сыграл в становлении натуральной школы: из «Замечательного десятилетия», своего исследования эпохи 1838—1848 гг., он изъял XXII и XXIII главы[17], которые, по логике повествования, говорили об этом.

Несомненно, если бы Анненков остался в России во второй половине 40-х годов, его участие в развитии русской литературы и русской общественной жизни получило бы более отчетливое выражение. Но так уж сложилось, что у Анненкова определилась своя особая роль в этот период. Умение тонко чувствовать современность, четко анализировать факты общественной и культурной жизни, солидная эрудиция в самых различных областях культуры, прекрасное знание Европы и «энциклопедически-панорамическое перо» сделали его незаменимым зарубежным корреспондентом. В январе 1846 г. Белинский пишет Герцену: «Анненков уехал 8 числа и увез с собой мои последние радости...» (*Белинский*, т. XII, с. 257).

2

Приехав в Европу в 1846 г., Анненков обратил внимание на необыкновенное оживление, царившее в ее общественно-политической жизни, на появление разнообразных партий, «подвергавших разбору условия и порядки политической и социальной жизни», на повсеместное возникновение обществ, рассуждавших «о способах остановить, изменить и направить течение современной жизни в другую сторону» (*Лит. воспоминания*, с. 298—299).

Анненков поспешил познакомиться с тем, в ком он увидел подлинного вождя европейского революционного движения — с Карлом Марксом. Это была третья знаменательная встреча в его жизни. Личные встречи и беседы с Марксом в 1846 и 1848 гг., интенсивная двухлетняя переписка с ним оказали огромное влияние и на интеллектуальное развитие Анненкова, и на его произведения. Эта проблема так значительна, что требует специального исследования. Отметим только, что к этой встрече, к восприятию идей Маркса Анненков был подготовлен и пытливостью собственной мысли, и духовной близостью Белинскому и Герцену.

В конце 1846 г., после длительного путешествия по Италии вместе с Боткиным, Анненков поселился в Париже, сделав его основным объектом своих наблюдений. Из Парижа он направил в Россию десять корреспонденций, которые под названием «Парижские письма» публиковались в «Современнике» в течение 1847—1848 гг.

---

[16] Первое упоминание о «физиологическом очерке» см.: Отечественные записки, 1841, кн. 10, отд. VI, с. 19, в обзоре французской литературы.

[17] Неопубликованные письма П. В. Анненкова к А. Н. Пыпину. Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Р. О., ф. 621, ед. хр. 26.

К началу XIX в. в русской публицистике, как известно, сложились два основных направления: агитационно-пропагандистская, революционно-демократическая публицистика Радищева и информационно-просветительская, либеральная публицистика Карамзина.

В «Парижских письмах» так же, как в «Письмах из-за границы», Анненков, в отличие от Герцена, продолжал традиции карамзинской зарубежной публицистики. Однако письма Анненкова — качественно новый этап в развитии карамзинского направления. И по своей идейной направленности, и по своим художественным особенностям они соответствовали запросам передового русского общества 1840-х годов.

Даже теперь, спустя более столетия, «Парижские письма» Анненкова не выглядят архаическими. Они воскрешают перед нами во всех неповторимых особенностях Париж времен Дюма и Бальзака, Париж, когда Ламартин и Луи Блан были в зените своей славы, когда в Парижском Салоне выставлялись картины Делакруа и Коро, а Францию сотрясали голодные бунты.

Июльская монархия близилась к закату. Политические скандалы, коррупция правящей верхушки, узурпация власти финансистами, неурожаи, финансовый дефицит, репрессии, усиление оппозиционных настроений, нравственное разложение высшего сословия, успех в обществе людей с сомнительной репутацией и не менее сомнительными титулами — все это нашло отражение в корреспонденциях Анненкова вместе с рассказом о французском театре и французской литературе.

Современники сумели по достоинству оценить второй цикл зарубежных корреспонденций Анненкова. «Письма ваши — наша отрада», — писал автору Белинский (*Белинский*, т. XII, с. 342). «Я считаю Вас артистом в лучшем смысле этого слова, и именно артистический элемент, артистический рисунок, обнаруживающийся во всем, в описании, в намеке, в очерке, делает Ваши „Письма" так дорогими для меня. А сколько в них ума, простодушного, меткого, разгульного, живого» (*Анненков и его друзья*, с. 546), — писал В. П. Боткин.

Н. В. Гоголь, внимательно следивший за появлением очередного «Письма» из Парижа, находил в них много ума, наблюдательности и отмечал, что их автор пребывает на «боевой вершине современного движения» [18]. Именно «Парижские письма» дали впоследствии И. С. Тургеневу возможность сказать Анненкову: «Вы мастер резюмировать данный момент эпохи» [19].

Корреспонденции из Парижа заметил читатель: книжку «Современника», где печаталось очередное «Письмо» Анненкова, ждали, по словам Боткина, «с особым нетерпением». В письме к братьям Анненков пишет: «Я получаю отовсюду, из Питера и из Москвы, уведомления, что мое описание парижской выставки чрезвычайно понравилось и имело успех» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 4, л. 55 об.). Отметил «Парижские письма» Аннен-

---

[18] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. В 14-ти т. М., 1937—1952, т. 13, с. 384.

[19] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т. М.; Л., 1960—1968. Письма, т. 3, с. 333.

кова А. Н. Пыпин при их переиздании[20], высоко оценили их и современные исследователи[21].

Информация, содержащаяся в «Парижских письмах», иногда служила сигналом для развернутой статьи в «Современнике», на нее живо откликались постоянные корреспонденты Анненкова: Белинский и Боткин.

В центре «Парижских писем» — политические, социальные, экономические и эстетические проблемы. Поражает осведомленность Анненкова в политической жизни Франции; он шутя писал братьям: «Точно я находился на службе и должен был знать о каждом прыщике на носу у Гизо» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 4, л. 55 об.).

В своих зарубежных корреспонденциях Анненков не просто информирует русского читателя о социальной и культурной жизни Запада — его информация активна и целенаправленна. О чем бы он ни писал, он всегда имел перед глазами Россию. Отмечая социальный и культурный прогресс в Европе, он торопил наступление капитализма в России, с которым связывал этот прогресс. Подчеркивая светский характер искусства Возрождения, он полемизировал со славянофилами. Пропагандируя творчество художников-барбизонцев, он боролся за торжество реализма в русской живописи.

Не менее активен был Анненков и в борьбе за упрочнение позиций реализма в русской литературе, за утверждение принципов социальности и современности, которые он отстаивал, опираясь на опыт французской литературы.

Усиленно посещая парижские театры, следя за современной французской литературой, анализируя общественные настроения, Анненков приходит к выводу, что французское искусство «идет параллельно с обществом», и в этом видит его силу. Он научился подавлять в себе «позыв к художественности» и понимать, что в служении обществу заключается основной смысл и цель искусства, и пропагандирует эту идею в своих письмах, стремясь внедрить ее в сознание русского писателя и русского читателя.

Успеху «Парижских писем» во многом способствовала та художественная манера, в которой они были написаны. Современное литературоведение дает возможность точно определить их жанр — это *репортаж*, т. е. рассказ о реальных людях и реальных событиях, синхронный этим событиям.

Основной особенностью репортажа Анненкова является его *многотемность*, или, вернее сказать, многослойность; Анненков ведет свой репортаж отовсюду: из парижских театров, вернисажа, из зала заседания палаты депутатов, с судебного заседания, с парижских улиц...

Репортаж Анненкова *визуален*. Перед читателем проходит пестрая толпа парижан, мелькают оживленные парижские улицы, блестящие мага-

---

[20] Вестник Европы, 1893, № 3.

[21] *Егоров Б. Ф.* П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х гг. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, Труды по рус. и славян. филологии, XI. Лит.-ведение. Тарту, 1968, вып. 209, с. 58—63; *Нечаева В. С.* Указ. соч., с. 367.

зины, собор, дворцы, набережные, бульвары; он видит знаменитую Рашель в роли Клеопатры в трагедии г-жи Жирарден, не менее знаменитого Фредерика-Леметра в роли парижского ветошника, видит полотна Диаза и скульптуры Клесингера, перед ним проходит галерея знаменитых политических деятелей.

Образность повествования — не менее существенная черта этого репортажа. О чем бы ни писал Анненков: уличном происшествии, политической дискуссии, последней премьере в театре — все под его пером превращается в маленькую драматическую сценку, исполненную живого юмора и наблюдательности.

Но, пожалуй, главной особенностью репортажа Анненкова является его *динамичность*. Анненков показывает общественно-политическую и культурную жизнь Парижа в непрестанном движении, в развитии. Динамичность достигается и тем, что автор с удивительной быстротой переключает внимание читателя с одного явления на другое. Его репортаж как бы раздроблен на отдельные кадры, выхваченные из разных сфер жизни: автор смонтировал их в одну ленту и теперь быстро прокручивает ее перед зрителем. Мелькание этих разнородных кадров и создает впечатление движения.

Позиция автора «Парижских писем» также чисто репортажная — он всегда за кадром, читатель поставлен лицом к лицу с самой жизнью. Анненков не подчиняет свое повествование никакой заданной идее, выводы рождаются сами собой, и их делает читатель.

Для своего репортажа Анненков нашел и очень удачную тональность — это дружеская беседа, искренняя, доверительная, адресованная не широкому кругу читателей, а как бы узкому дружескому кружку. Но интимность отнюдь не лишает «Письма» Анненкова значительности.

Репортаж Анненкова очень объективен, автор бесконечно уважает действительность, чтобы позволить себе исказить ее даже в мелочах, но авторская позиция в этом репортаже четко очерчена: Анненков выступает борцом за антифеодальную, антиклерикальную, демократическую культуру.

В своих парижских корреспонденциях Анненков не претендовал на всесторонний анализ социально-экономической и культурной жизни Франции, хотя во многом дал такой анализ. Сам он определял задачу значительно уже: «Для меня важно, — писал он, — дать понять о настроениях современной публики»; его интересует, «чем занята общественная мысль». Анненков не был профессиональным психологом или социологом. И все же он достаточно четко представляет себе структуру общественных настроений, о чем свидетельствует широта его парижских наблюдений. В центре его внимания поведение, эмоции, чувства, идеи парижского общества.

Особенно внимательно прослеживает Анненков настроения двух классов: рабочих и буржуазии.

Французскую буржуазию Анненков не воспринимает как нечто единое. Он различает финансовую буржуазию, группировавшуюся вокруг «Journal des débats» и составлявшую оплот Июльской монархии; промышленную, являвшую оппозицию настоящему режиму, но оппозицию очень

уклончивую, неопределенную; радикальную мелкую буржуазию во главе с Ледрю-Ролленом и Этьеном Араго, группировавшуюся вокруг журнала «Réforme» и представлявшую действительную угрозу современному состоянию общества; трусливого буржуа-обывателя, падкого на чувствительные исторические сцены и сюжеты, посредством которых он пытался «сводить свои семейные делишки с отечественными событиями»; наконец, буржуазную золотую молодежь «жантильомов», чей образ составляет одну из бесспорных удач «Писем». Не менее внимательно приглядывается Анненков и к простым людям Франции, к ее рабочему люду, выделяя и здесь несколько социальных групп.

Прислушиваясь к настроениям французского общества, Анненков не мог не сделать вывода, что огромное большинство французов пришло в столкновение с официальной Францией, что «Франция судит, думает, открывает совершенно помимо касты своих наставников, которые потеряли способность понимать ее». Однако скептический ум Анненкова не доверился этим оппозиционным настроениям, а политическая близорукость помешала увидеть настроения наиболее активных, наиболее сознательных рабочих и их вождей, хотя он и подметил, что «мысль народа возбуждена». Завороженный успехами буржуазной цивилизации, переоценив прочность капитализма, не веря в активность и сознательность французских рабочих, Анненков не смог сделать в «Парижских письмах» должных выводов о неизбежности и близости французской революции.

Впоследствии Анненков писал, имея в виду собственную близорукость: «Белинский принял известие о революции 48 года в Париже почти с ужасом. Она показалась ему неожиданностью, оскорбительной для репутации тех умов, которые занимались изучением общественного положения Франции и не видели ее приближения. Горько пенял он на своих парижских друзей, даже и не заикнувшихся перед ним о возможности близкого политического переворота, который, как оказалось, и был настоящим делом эпохи» (*Лит. воспоминания*, с. 371). Но не будучи в состоянии предвидеть революцию 1848 г., Анненков нашел в себе желание и возможность стать ее летописцем.

3

Февральская революция 1848 г. застала Анненкова в Париже. В нашей литературе до сих пор бытует совершенно необоснованное мнение, будто Анненков испугался революции и хотел бежать от нее в Россию. Повинен в таком мнении, видимо, И. Л. Морозов, который, опубликовав в 1935 г. шесть писем Анненкова к братьям из революционного Парижа, снабдил их предисловием, во многом извращающим их смысл[22].

Остановимся на этих письмах. Первое из них от 27 февраля, заканчивающееся припиской: «Поклонитесь от меня Белинскому и покажите ему

---

[22] *Морозов И. Л.* Горестная профанация. (Неопубликованные письма П. В. Анненкова о революции 1848 года в Париже). — В кн.: Исторический сборник. М.; Л., 1935, № 4, с. 223—258.

от меня письмо это»[23], содержит достаточно объективную и серьезную информацию о февральских днях в Париже.

Характер трех последующих писем (от 9 марта, конца апреля и 7 июня) уже иной. Анненков, видимо, учел обстановку, сложившуюся к марту месяцу в России[24], возможность перлюстрации писем, а главное, страх своих сановных братьев, что его длительное пребывание в революционном Париже может их скомпрометировать[25]. Информация о революционных событиях в этих письмах очень краткая и не совсем объективная. Анненков больше пишет о бытовых курьезах в революционном Париже и о тех подарках, которые он готовит родственникам. Его цель — успокоить братьев и оттянуть время своего возвращения в Россию. Он спешит заверить, что обстановка в Париже нормализуется, а его поведение не может вызывать никаких опасений: «...если вы вспомните еще мою уединенную жизнь, хладнокровное наблюдение всего происходящего, патриотизм мой, который, конечно, не уступит никакому русскому, то и совсем перестанете бояться за меня»[26]. Выехать из Парижа он категорически отказывается, ссылаясь на отсутствие денег и плохое самочувствие.

Лишь в предпоследнем письме от 4 июля Анненков говорит о своем настойчивом желании покинуть Париж, но это свидетельствует лишь о глубоком смятении, в которое его повергла июньская бойня. Не забыв осыпать похвалами генерала Кавеньяка, Анненков все же не может удержаться и пишет братьям: «Суд над взятыми и новыми пленниками, беспрестанно захватываемыми в домах, подвалах, на улице, происходит военный: одну часть их сошлют в колонии, другую, вероятно, расстреляют. В окрестностях бродят те из них, которые успели спастись, но за ними гоняются как за зверьми»[27]. И ниже: «...все это страшно гадко, страшно отвратительно. Во всех домах глубокая скорбь — тяжелое чувство придавливает всех»[28].

Как видим, письма Анненкова братьям — документ сложный и противоречивый, и судить по ним о его отношении к революции вряд ли можно. Для этого есть другие документы, более достоверные. Это, в первую очередь, письма Герцена.

С момента приезда Герцена в Париж в марте 1847 г. между ним и Анненковым установились самые дружеские отношения. «Герцен крадет

---

[23] Там же, с. 247. Братья, видимо, исполнили просьбу Павла Васильевича. Л. М. Берг, познакомившийся в начале 1848 г. с Белинским и часто навещавший его, рассказывает: «Февральская революция вспыхнула во Франции, и большая, обширная комната, в которой мы находились, носила на себе следы тогдашних его занятий. Всюду висели и лежали географические карты. Тут около них теснились книги, идущие к делу, и планы и т. п. Он в это время был в переписке с кем-то из своих знакомых или приятелей, жившим в Париже и посылавшим ему горячие, животрепещущие вести оттуда» (В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977, с. 573).

[24] См.: *Нифонтов Н. С.* Россия в 1848 году. М., 1949, с. 203—216.

[25] См.: Там же, с. 222—225.

[26] Исторический сборник, 1935, № 4, с. 252.

[27] Там же, с. 256.

[28] Там же.

у меня дни за днями...», — пишет Анненков в «Парижском письме» от 20 апреля. «Провожу время здесь в чтении и частом посещении семейства Герцена», — сообщает он братьям[29].

В период февральской революции до середины апреля Герцена не было в Париже; в письме к Анненкову из Рима от 5 марта 1848 г. он поздравляет его с парижскими событиями, уверенный, что Анненков относится к ним так же, как он, и выражает надежду, что Анненков не покинет Париж в такое время (см.: *Герцен*, т. 23, с. 65). В письмах к московским друзьям Герцен, хотя и сетует, что Анненков «никак не может стать обеими ногами на революционную terrain» (там же, с. 81), прямо заявляет: «Ан‹ненков› был увлечен первым временем после революции и еще до сих пор под влиянием его» (там же, с. 96).

Конечно, оценки парижских событий у Анненкова и Герцена не всегда совпадали. Герцен упрекал его в «ламартыжничестве» и «буржуазологии», был не согласен и с отношением Анненкова к французской республике во главе с Кавеньяком (см. там же, с. 96), но в принятии Анненковым революции 1848 года он никогда не сомневался.

О подлинном отношении Анненкова к событиям в Париже 1848 г. свидетельствует новый документ — его «Записки о французской революции 1848 года», впервые публикуемые в настоящем издании.

Написанные в Париже в период революционных событий, «Записки» предназначались не для печати, а готовились специально для московских друзей и отправлены в Россию с А. А. Тучковым, о чем сообщает Герцен (см. там же, с. 81). Это первое и единственное упоминание о труде Анненкова, если не считать приписки того же Герцена на авторизованной копии одной из статей «Опять в Париже», отправленной в 1848 г. в Россию: «Ad lectorem» (к сведению. — *И. К.*): можете снабдиться сильными тетрадями Поля, у него об апреле и марте много. — Мое любимое время с 15 мая» (там же, т. 5, с. 488).

О французской революции 1848 г. создано много значительных и интересных работ. Это прежде всего глубокий анализ движущих сил революции и причин ее поражения, сделанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в их классических трудах[30]. Это пламенные статьи Герцена[31], десятки мемуаров участников и свидетелей революции, в том числе и русских[32], обширные исторические труды[33].

И среди всего этого множества «Записки о французской революции 1848 года» Анненкова не теряются. Их нельзя назвать историей рево-

---

[29] *ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 4, л. 61 об.

[30] *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7; *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Там же, т. 8.

[31] *Герцен А. И.* Письма из Франции и Италии. — *Герцен*, т. 6.

[32] Письма Андрея Карамзина 1847—1848 гг. — В кн.: Исторический сборник, 1934, № 3; И. В. Селиванов и его письмо из революционной Франции 1848 г. — *ЛН*, т. 67; *Тургенев И. С.* Наши послали. — *Тургенев*, т. 4; Отрывки из заграничных писем Матвея Волкова 1844—1848 годов. СПб., 1857.

[33] Революция 1848—1849 гг. / Под ред. М. Потемкина. М., 1952, т. 2 (библиография).

люции, хотя Анненков запечатлел в своем произведении весь ход ее, проанализировал все важнейшие события революции. В главе «Май месяц» сам Анненков достаточно точно определил специфику своего труда: «Разумеется, мы не предполагаем писать здесь историю первого республиканского Парламента или даже перечень его занятий, на это есть документы, всем известные и всем доступные. Мы будем говорить только о физиономии его и о пружинах, которые приведены были в действие страстными и разнородными направлениями в его недрах» [34].

Это признание, относящееся к истории Учредительного собрания, может быть отнесено ко всему повествованию в целом. «Записки о французской революции 1848 года» явились логическим продолжением «Парижских писем», но жанр социально-психологического репортажа, в котором были написаны «Парижские письма», сменился в «Записках» социально-психологическим исследованием. Так же, как и «Письмам», «Запискам» присущи образность, динамизм и непосредственность повествования. В них нет заранее продуманной идеи, отношение к событиям, понимание их, равно как и людей, героев повествования, меняется с ходом самих событий. Поэтому они читаются с неослабевающим вниманием и подлинным волнением.

Как и в первых двух циклах зарубежной корреспонденции, в «Записках» анализируется настроение всех социальных групп, так или иначе участвующих в революции. Здесь и рабочие, и буржуазия, и крестьяне, и интеллигенция, здесь и радикальные, и оппозиционные партии, здесь и парижане, и провинциалы, и иностранцы, живущие в Париже. Очень интересны психологические портреты вождей революции и ее идеологов: А. Ламартина, Л. Блана, А. О. Ледрю-Роллена, А. Барбеса, А. Марраста, Л. О. Бланки, Альбера, М. Коссидьера; портреты ее врагов, портреты рядовых участников революции. Много внимания уделяет автор психологии массы, толпы во время взятия Тюильри, во время народных манифестаций, в период июньских дней, предшествующих июньскому восстанию. Но, как и в «Письмах», в центре «Записок» настроение и обусловленное им поведение двух основных классов: буржуазии и рабочих.

«Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, — писал В. И. Ленин, — только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» [35]. Это положение ленинской науки о революции находит интересное подтверждение в «Записках о французской революции 1848 года». Анненков показал, как на политическую арену Франции активным борцом вступил рабочий класс, до того пребывавший в тени.

Французская революция пробудила не только нравственные силы народа, героизм, самоотверженность, чувство собственного достоинства, революция воспитала политическое и социальное самосознание французского народа. И Анненков спешит уловить эту разбуженную народную мысль во всех ее проявлениях. Он внимательно вчитывается в бесчисленные

---

[34] См. наст. издание, с. 381.
[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

афиши, прокламации, посещает заседания клубов, участвует в народных манифестациях.

Анненков запечатлел в своих «Записках» «маленькие возмущения» — первые забастовки, которые устроили в революционные дни рабочие городского транспорта Парижа. Подметил он и совещания разных ремесел и профессий, собиравшихся потолковать о своем отношении к хозяевам, и многочисленные депутации от разных цехов, направлявшихся в Ратушу со своими социальными требованиями. Осветил он и женский вопрос, поднятый революцией.

«Записки» его рассказывают о первых шагах парижского народа в общественной жизни, о том, как проверял парижский народ на практике жизненность и реальность теорий своих идеологов. В своем инстинктивном влечении к социализму парижский народ, по наблюдению Анненкова, готов был участвовать в социальных экспериментах Луи Блана. «Ничтожество платы, разумеется, привлекает единственно работников или несчастных, или мало искусных, — писал Анненков об ассоциации портных, организованной по проекту Луи Блана в долговой тюрьме Клиши, уничтоженной в революцию, — а работники искусные вступали в общество по чувству самоотвержения и религиозности убеждения» [36].

Мужественный и сильный парижский народ сносил все тяготы революции, терпел все ошибки Временного правительства, защищал его от посягательства реакции и настойчиво направлял на решение социальных проблем. Анненков в своих «Записках» сумел отметить это. Он показал рабочий класс как основную движущую силу революции, который не только совершил политический переворот, но придал революции 1848 г. социальный характер.

В «Записках» народ многолик: он исполнен сознательности и детской наивности, он силен и беспомощен, беспощаден и великодушен, но жестокость ему чужда. «Он был теперь без правительства и мог бы потопить Париж в крови, но справедливость требует сказать, что в эти анархические минуты ни одно частное лицо, ни одна частная собственность не были им оскорблены» [37], — записал Анненков в начале своего повествования.

Подметил Анненков и изменения в настроении и политическом самосознании рабочих на протяжении пяти месяцев революции. В феврале народ верил в свою силу, был полон веры в победу, а потому благодушен и весел; чувство классовой ненависти еще не было пробуждено в нем в должной мере, он видел в буржуа союзника. Оттого и само февральское восстание было исполнено какой-то карнавальной веселости, по определению Анненкова, не скрывавшей, однако, его грозной исторической значимости. В июне народ страшен. Пять революционных месяцев, заполненных непрестанными ошибками Временного правительства, предательством буржуазии, голодом и безработицей, несказанно изменили его, и это уловил Анненков.

В «Записках» не раскрыто все богатство интеллектуальных и волевых качеств французского народа. И все же психологический портрет фран-

[36] См. наст. издание, с. 371.
[37] См. наст. издание, с. 283.

цузского рабочего в период революции 1848 г., данный в них, составляет бесспорную удачу Анненкова.

Не менее интересна и психологическая характеристика буржуазии, данная автором «Записок». «Признание революции буржуазией не может быть искренним. . ., — писал В. И. Ленин. — Буржуазия не может не внести с собой своекорыстия и непоследовательности, торгашества и мелких реакционных уловок и на эту высшую стадию движения»[38]. «Записки о французской революции 1848 года» на примере поведения французской буржуазии в революции 1848 г. подтвердили это ленинское положение. «Вы часто можете видеть эти иронические и несколько презрительные лица. На лицах всех, одетых во фрак, выражается страх и недоумение, трепет будущих событий»[39], — подметил Анненков в первые дни после февральского восстания.

Анненков пишет, что в процессе революции буржуазия последовательно оказывает сопротивление всем попыткам Временного правительства решить социальные проблемы, выдвинутые революцией. Почувствовав слабость движения, буржуазия тут же выступает вперед, стремясь захватить его в свои руки и направить по своему руслу: «мещанство сделалось дерзко и надменно, — записал Анненков после манифестации 16 апреля, — демократический характер революции мог утеряться»[40].

После событий 15 мая буржуазия открыто пошла в наступление, стремясь уничтожить все завоевания февраля, и Анненков сразу же почувствовал этот враждебный натиск: «Со второго дня одержанной в июне победы правительственной и мещанской партиями, видно было, что последняя не остановится до тех пор, пока все не возвратится к старой рутине, не изгладятся самые законные начинания февральской революции и не задернется наглухо занавеса на беспокойный блеск будущего, ею открытого»[41].

Рассказывая об июньских дебатах в Учредительном собрании, Анненков, не щадя красок, показал агрессивность финансовой буржуазии, ее ненависть к рабочим, ее стремление во что бы то ни стало задушить революцию.

В «Записках», как и в «Письмах», ощутим дифференцированный подход к французской буржуазии. Наряду с звериным ликом финансовых волков типа П. Сивестра, В. Грандена, Ж. Фавра и А. Фаллу, Анненков изобразил и передовую радикальную буржуазию, во главе которой стояли умеренные буржуазные республиканцы. Но он показал, чего стоит этот радикализм, когда дело коснулось посягательства на социальные и экономические интересы их класса. Именно потому, что основную роль во Временном правительстве, как и в Национальном собрании, играли умеренные республиканцы, представлявшие интересы крупной буржуазии, французская революция оказалась неспособной решить социальных проблем. Анненков

---

[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 117.
[39] См. наст. издание, с. 286.
[40] См. наст. издание, с. 353.
[41] См. наст. издание, с. 425.

не сформулировал этого вывода, но подвел к нему логикой повествования. Его «Записки» — обвинительный приговор умеренным буржуазным республиканцам.

Анненков отметил революционную активность мелкой буржуазии. Мелкобуржуазные демократы Ледрю-Роллен и Флокон лучше других понимали истинные нужды рабочих, но Анненков не скрыл их трусливой ограниченности, помешавшей им взять движение в свои руки, когда представлялась к этому возможность.

Не прошел Анненков и мимо интеллигенции, ее настроений, ее поведения. Продолжая основную линию зарубежных корреспонденций, Анненков показал, как революция пробудила творческую активность лучших представителей французской интеллигенции. В этой связи интересны портреты Фредерика-Леметра, Рашели, Жорж Занд. Однако психологическая зоркость Анненкова помогла ему заметить, что революция произвела страшную путаницу в сознании французской интеллигенции, особенно в среде профессоров и писателей: «. . . письма старых литераторов, занятых на службе Луи-Филиппа, к избирателям и их исповедь своей жизни точно уж полны чудовищностей: письма Дюма, В. Гюго, Сю и др.» [42], — записал Анненков, и остается только пожалеть, что он не остановился на этом подробнее, как обещал.

Понимая, какое значение для формирования настроения общества имеет информация, Анненков подробно рассматривает афиши, прокламации, воззвания, появившиеся на стенах Парижа в дни революции. Но особенно много внимания он уделяет французской прессе. Не считая двух больших обзоров февральской и июньской прессы, его «Записки» испещрены выдержками из французских газет разных направлений.

Рассказ Анненкова о революции — это повествование о ее постепенном поражении. Одну из причин этого поражения Анненков видел в несостоятельности теории, которой вожди революции вооружали народные массы, в несостоятельности утопического социализма. «Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам домарксовского социализма» [43], — писал В. И. Ленин. «Записки» Анненкова, очевидца революции, конкретное подтверждение этого ленинского положения. «Кто не видит, — писал он, — что в идеях как Блана, Консидерана, так и Прудона, есть вещи, которые составляют ступень для будущего преобразования европейских государств на совершенно новых началах, но что, при нынешней разработке народами своих убеждений, ни одна из этих систем не может быть принята целиком ни одним из них» [44]. На примере промышленных ассоциаций Луи Блана, теории и личности которого он посвятил одну из центральных глав своих «Записок» — «Луи Блан в Люксембурге», — Анненков подтвердил это свое утверждение. По его мнению, все разветвления французского утопического социализма оказались «ниже обстоятельств» и не выдержали испытания жизнью.

---

[42] См. наст. издание, с. 329.
[43] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 23, с. 2.
[44] См. наст. издание, с. 374.

«Записки о французской революции 1848 года» позволяют нам в какой-то мере выяснить философские и социально-политические взгляды самого Анненкова в 1840-х годах. Об этом свидетельствует не только выше приведенное высказывание, но и ряд других. Так, в той же главе «Луи Блан в Люксембурге» Анненков защищает материалистическое понимание исторического процесса, заявляя себя сторонником «Смитовой политической экономии», а в сущности повторяет, перефразируя, отдельные места из письма Маркса от 28 декабря 1846 г., адресованного ему [45].

Критикуя утопических социалистов, Анненков выступает последователем сен-симониста Олена Родрига, создавшего на Северной железной дороге промышленную ассоциацию. «Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что именно в этих свободных соглашениях и есть настоящий зародыш будущей жизни и новой истории», — пишет он [46].

«Записки» являются логическим завершением зарубежной корреспонденции Анненкова 1840-х годов. Это последняя часть единой «Парижской трилогии», единого повествования о важнейшем событии XIX в. — революции 1848 г. на разных ее этапах. Рассказ Анненкова не свободен от идейных просчетов, и все же «Парижская трилогия» — одно из самых значительных произведений русской освободительной мысли XIX в.

«Записки о французской революции 1848 года» Анненкова — уникальное произведение русской потаенной литературы XIX в.

В 1861 г. в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература» Н. П. Огарев писал: «Наступило время пополнить литературу процензурованную потаенной, представить современникам и сохранить для потомства ту общественную мысль, которая прокладывает себе дорогу как гамлетовский подземный крот. . .» [47]. По его мнению, «В подземной литературе отыщется та живая струя, которая давала направление и всей белодневной, правительством терпимой литературе, так что только в их совокупности ясным следом начертится историческое движение русской мысли и русских стремлений» [48]. Хорошо осведомленный Огарев утверждал, что эта потаенная литература нашла свое выражение в «частных письмах», «мемуарах», «известных только немногим и тщательно скрываемым». Вот таким «тщательно скрываемым» произведением и были «Записки» Анненкова, по-новому освещающие и характер русской общественной мысли 1840-х годов и личность самого Анненкова.

Обращаясь к потомкам, Огарев говорил: «Если наши библиофилы помогут нам когда-нибудь напечатать, за наше столетие, сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей ... ярко восстановили бы историю нашего развития» [49]. Публикуя в настоящем издании «Записки о французской революции 1848 года» Анненкова, мы выполняем завет замечательного деятеля русского освободительного движения.

---

[45] См. наст. издание, с. 571.
[46] См. наст. издание, с. 325.
[47] *Огарев Н. П.* Избр. произведения. М., 1956, с. 450—451.
[48] Там же, с. 451.
[49] Там же.

В октябре 1848 г. Анненков возвращается в Россию. Первые два года он вынужден был провести в своем симбирском имении: пребывание в Петербурге для свидетеля революции было небезопасным, но с 1850 г. снова принимается за активную литературоведческую и критическую деятельность. Анненков становится одним из ведущих русских критиков 1850—1860 гг., ему принадлежит честь стать первым пушкинистом, блестящим биографом Гоголя, Станкевича, Пушкина, другом и литературным консультантом ведущих русских писателей, в первую очередь Тургенева и А. Ф. Писемского, исследователем общественно-литературного движения «замечательного десятилетия», т. е. 1838—1848 гг., непревзойденным мемуаристом. Литературное наследие Анненкова составляет золотой фонд русской культуры. И во всех своих работах он предстает перед нами не только как яркий и своеобразный талант, не только как европейски образованный человек, но как человек, стоящий на вершине современной ему социальной и эстетической мысли, что во многом объясняется тем опытом, который он приобрел в период своих зарубежных поездок 1840—1843 и 1846—1848 гг., тем влиянием, которое на него оказало общение с великими европейскими и русскими умами 1840-х годов.

И. Н. Конобеевская, В. А. Смирнова

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И П. В. АННЕНКОВ

1

Взаимоотношения К. Маркса и Ф. Энгельса с передовыми русскими политическими и общественными деятелями в 40-е годы XIX в., история проникновения идей основоположников научного коммунизма в Россию в эти годы неоднократно являлись предметом основательного исследования в исторической и литературоведческой науке. Широко известна и история взаимоотношений Маркса с видным русским литератором, критиком, первым в России научным издателем произведений Пушкина Павлом Васильевичем Анненковым. Эти сведения почерпнуты из сохранившейся переписки Маркса и Анненкова и из воспоминаний последнего — «Замечательное десятилетие», неоднократно публиковавшихся на русском языке. Именно Анненкову было адресовано знаменитое письмо Маркса о Прудоне от 28 декабря 1846 г., давно ставшее хрестоматийным и вошедшее в золотой фонд сокровищницы марксовых идей.

Из всех русских деятелей 40-х годов XIX в., лично или заочно (Герцен) знавших Маркса, наиболее объективная и правильная оценка его личности и деятельности принадлежит именно Анненкову. Анненков всегда выделяет Маркса из среды других видных представителей общественной мысли Западной Европы. Для него Маркс «авторитетный, положительный и законодательствующий», он «учитель Лассаля» и «глава интернационального общества» (*Лит. воспоминания*, с. 318, 301).

Говоря о непримиримой вражде между Марксом и Бакуниным, он отнюдь не поддерживает последнего, хотя они были друзьями. Один только раз в начале революции 1848 г., в пору обострения политической борьбы по вопросу о целях и методах революционных действий между пролетарскими революционерами и мелкобуржуазными демократами, Анненков бросил недоброжелательную фразу о Марксе. Глубокое уважение к Марксу Анненков пронес через всю свою жизнь. Оно явствует из его писем к Марксу в 1840-е годы и из воспоминаний и частной переписки в 1870-е годы [1–2].

В русской и советской литературе Анненков, его политические взгляды, расхождения с Герценом неоднократно подвергались суровой и

[1–2] См. характеристику К. Маркса в письме Анненкова к М. М. Стасюлевичу в кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912, т. III, с. 352.

справедливой критике, в том числе со стороны П. Л. Лаврова[3] и Г. В. Плеханова[4].

Безусловно, многое в этой критике справедливо, однако это не дает основания не ставить вопроса о влиянии на Анненкова и его произведения основоположников научного коммунизма.

Впервые о взаимоотношениях Анненкова и Маркса заговорил Д. Б. Рязанов в 1912 г. в статье «Карл Маркс и русские люди сороковых годов»[5].

Ценность работы Рязанова в том, что он впервые приводит письма Анненкова к Марксу в период 1846—1847 гг. и излагает историю их знакомства. Но основываясь на ложных посылках относительно личности Г. М. Толстого[6], чья рекомендация помогла Анненкову познакомиться с Марксом, Рязанов предвзято истолковывает как личность и деятельность Анненкова, так и историю его взаимоотношений с Марксом.

«Скучный критик пятидесятых годов», апологет «слабых людей», «пописывающий благодушно» в «Русском вестнике» и «Вестнике Европы», сомнительный пушкинист, чьи труды о Пушкине научное пушкиноведение давно превратило в «груду материалов», требующих проверки, автор не менее сомнительных мемуаров, в которых много «мелочей, интересных для историков, но и только»[7] — так абсолютно бездоказательно, субъективно характеризует Рязанов Анненкова. Отнеся его к числу русских идейных «сластен», Рязанов использует письма Анненкова к Марксу лишь для иронических комментариев.

Вывод, к которому подводит читателя Рязанов, тридцать лет спустя сформулировал Д. О. Заславский в статье «К вопросу о политическом завещании Белинского»: «Анненков читал Маркса, писал Марксу, бывал у Маркса — и совершенно не понял Маркса, был ему совершенно чужд» (*ЛН*, т. 55, с. 66).

Приговор Рязанова и Заславского среди многих причин объясняется отчасти высказыванием самого Анненкова, который, вспоминая о впечатлении, произведенном на него письмом Маркса о Прудоне, писал: «Признаюсь, я не поверил тогда, как и многие со мною, разоблачающему письму Маркса, будучи увлечен, вместе с большинством публики, пафосом и диалектическими качествами прудоновского творения» (*Лит. воспоминания*, с. 306).

Однако, наряду с точкой зрения Рязанова—Заславского, в советском литературоведении есть и другое мнение относительно возможности влияния взглядов Маркса на Анненкова, высказанное П. Н. Сакулиным.

Внимательно проанализировав «Письма из-за границы», «Парижские письма», вдумчиво подойдя к личности самого автора, Сакулин приходит

---

[3] *Лавров П.* Русский турист 40-х годов — Дело, 1877, № 8; *его же*: Турист-эстет. Там же, 1879, № 10.

[4] *Плеханов Г. В.* О Белинском. — *Плеханов Г. В.* Избр. философские произведения. М., 1958, т. 4, с. 592.

[5] Современный мир, 1912, № 8—12.

[6] *Чуковский К.* Григорий Толстой и Некрасов. К истории журнала «Современник». — *ЛН*, № 49—50, с. 365—366.

[7] *Рязанов Б. Д.* Карл Маркс и русские люди сороковых годов. Очерки по истории марксизма. М.; Л., 1928, т. 2, с. 86—87.

к выводу, что, «добиваясь личного знакомства с Карлом Марксом, Анненков действовал не под влиянием только простого любопытства или тщеславия, но из желания ближе присмотреться к тому социальному движению, которое приобретало тогда все большее и большее значение и в котором роль Маркса становилась все более и более заметной» [8]. Он указывает далее, что все факты истории взаимоотношений Маркса и Анненкова «позволяют думать, что наш путешественник произвел на Маркса достаточно благоприятное впечатление» [9], и он понял, «что перед ним не просто широкая русская натура, а русский интеллигент, серьезно вдумывающийся в социальные явления западноевропейской жизни, человек, с которым стоит говорить по-настоящему» [10]. Не ставя своей задачей выявить влияние Маркса на взгляды Анненкова, Сакулин тем не менее считает вполне вероятным, что в своем понимании революции 1848 г. и фактов европейской жизни 1840-х годов Анненков мог быть близок Марксу. «Не будучи ни прудонистом, ни марксистом, — пишет Сакулин, — Анненков в 40-х годах наиболее интересовался идеями авторов „Философии нищеты“ и „Нищеты философии“. Его подкупали в Марксе научный реализм и строгий историзм мысли» [11].

Точка зрения Сакулина оказалась наиболее стойкой и нашла развитие в советском литературоведении 1960-х годов, хотя вопрос о взаимоотношениях Маркса с Анненковым и не стал предметом специального исследования.

В. И. Кулешов высоко оценил роль Анненкова как «квалифицированного информатора» о всех новинках философской, экономической и эстетической мысли Запада, указав, что знакомство с Марксом во многом помогло ему дать такую информацию [12].

Значительно больше внимания Анненкову как собственному корреспонденту «Отечественных записок», а потом «Современника» уделяет В. С. Нечаева. Анализируя «Парижские письма» Анненкова, его переписку с Гоголем в 1847 г., общение с Белинским и Тургеневым в Зальцбрунне, поездку с Белинским по Европе летом того же 1847 г., позицию, занятую Анненковым в дискуссии о роли буржуазии в историческом процессе, происходившей в Париже по приезде туда Белинского, она приходит к выводу о высоком интеллектуальном уровне Анненкова, о его осведомленности во всех политических и социальных вопросах своего времени. Надо отметить также, что Нечаева впервые обратила внимание на близость отдельных суждений Анненкова в «Парижских письмах» положениям, выдвинутым Энгельсом в статьях конца 1840-х годов [13].

В 1968 г. было опубликовано исследование Б. Ф. Егорова «П. В. Ан-

---

[8] *Сакулин П. Н.* Русская литература и социализм. М., 1924, ч. 1, гл. VII, с. 251.
[9] Там же, с. 252.
[10] Там же, с. 254.
[11] Там же, с. 265.
[12] *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1965, с. 93.
[13] *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество, 1842—1848. М., 1967, с. 373.

ненков — литератор и критик 1840-х—1850-х гг.», в котором автор, основываясь на анализе «Парижских писем», не только отметил влияние Маркса на мнение Анненкова о книге П.-Ж. Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты», но пришел к более глубокому выводу: «Думается, что и общая методология Маркса (изучение исторических закономерностей общественного движения, введение частного факта в общую социально-экономическую структуру и объяснение частного общим) оказала некоторое воздействие на мышление Анненкова»[14].

Публикация в настоящем издании печатных работ и рукописей Анненкова позволяет вновь вернуться к вопросу о влиянии взглядов основоположников научного коммунизма на понятия и представления Анненкова. Для исследования этого вопроса, помимо «Писем из-за границы», «Парижских писем», рукописей, впервые публикуемых в настоящем издании: «Путевые записки» и «Записки о французской революции 1848 года», очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», привлечена вся сохранившаяся переписка Маркса с Анненковым, которая, фактически, не была никем исследована[15].

При выяснении влияния мировоззрения Маркса и Энгельса на представления Анненкова о тех или иных сторонах западноевропейской действительности нельзя подходить к этому вопросу прямолинейно и искать в сочинениях русского автора подлинно марксистских идей. Взгляды Маркса и Энгельса в представлениях Анненкова отразились не прямо, но наложили существенный отпечаток на понимание автором тех событий, свидетелем которых он стал в Европе. При этом следует помнить, что эти представления слагались не только под воздействием взглядов Маркса и Энгельса, но и под влиянием самых разнообразных факторов. Бесспорно, например, влияние на Анненкова его соотечественников, особенно Герцена и Бакунина. Кроме того, Анненков сам достаточно самостоятелен в своих выводах и суждениях. Назревание революционной ситуации в России в конце 1850-х годов, полемика вокруг отмены крепостного права в той или иной степени также отразились на его взглядах.

Необходимо также иметь в виду, что при исследовании обращается внимание на понимание автором событий и идей, а не на отношение к ним. Последнее бесспорно очень важно, но именно этот вопрос уже не раз обсуждался в литературе и не нуждается в дополнительных изысканиях.

С точки зрения поставленной в данной статье проблемы следует рассмотреть три периода деятельности Анненкова:

Период, относящийся к первой половине 1840-х годов, когда никаких личных контактов между Анненковым и К. Марксом и Ф. Энгельсом не

---

[14] Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 209. Труды по рус. и славян. филологии XI. Лит-ведение. Тарту, 1968, с. 59—60.

[15] Сохранилось два письма Маркса Анненкову (от 28 декабря 1846 г. и 9 декабря 1847 г.); кроме того, достоверно известно о существовании еще трех писем: 27 мая, сентябрь и начало октября 1846 г. Шесть писем Анненкова Марксу за 1846—1847 гг. воспроизведены в издании: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 127—146.

было. Анненков в это время — начинающий литератор, автор «Писем из-за границы», «Путевых записок» (неопубликованных), друг Белинского.

Второй период относится ко второй половине 1840-х годов. Анненков — уже активный участник русского общественно-литературного движения 1840-х годов, друг не только Белинского, но и Герцена, и многих других западников. Он автор одного из лучших в русской публицистике 1840-х годов произведения «Парижские письма», автор не предназначавшихся для печати «Записок о французской революции 1848 года». Именно в эти годы происходят личные встречи Анненкова с Марксом и Энгельсом и переписка с Марксом.

Третий период — это конец 1850-х и начало 1860-х годов, время первой революционной ситуации в России. В эти годы Анненков — активный деятель русского литературного процесса, автор многих критических статей о современной русской литературе, замечательных исследований о русских писателях, автор «Материалов к биографии А. С. Пушкина», опубликованных в первом томе первого научного издания сочинений Пушкина, издателем которого он был.

В эти годы продолжается дружба Анненкова с Герценом и Огаревым, дружба со всеми крупными русскими писателями, особенно Тургеневым и Л. Толстым; Анненков активно сотрудничает во многих ведущих русских журналах: «Современнике», «Атенее», «Библиотеке для чтения». Он выступает одним из организаторов и устроителей Литературного фонда, существующего и по сей день.

2

При рассмотрении первого периода публицистической деятельности Анненкова следует подчеркнуть, что формирование его представлений о западноевропейской действительности, общественной мысли и социальных процессах происходило в известной мере под влиянием тех же факторов, что и мировоззрение основоположников научного коммунизма. Разумеется, здесь ни в коем случае нельзя ставить знака равенства. Осмысливание факторов социально-политической действительности и предшествующей истории человеческой мысли Марксом и Энгельсом даже на стадии революционного демократизма, которую они переживали в это время, не идет ни в какое сравнение с умственным багажом Анненкова. Однако заслуживают внимания следующие факты. Анненков и Энгельс почти одновременно побывали в одних и тех же странах и городах. Летом 1841 г. Энгельс из родного Бармена совершает путешествие по Швейцарии и Ломбардии, в сентябре приезжает в Берлин для прохождения военной службы. Анненков выехал из России в октябре 1840 г., в январе он был в Берлине, в марте в Вене, а летом 1841 г., так же как и Энгельс, путешествует по Италии, в 1842 г. отправляется в Швейцарию.

В 1842 г. Энгельс уезжает в Англию, где проводит и 1843 год. Летом 1843 г. туда же приезжает и Анненков.

В Европе Анненков и Энгельс часто читают одни и те же произведения, смотрят одни и те же спектакли, слушают одних и тех же музыкан-

тов, и реакция на эти явления европейского искусства у них иногда сходная: их восхищает поэзия Г. Гейне, они одобрительно отзываются о комедиях Ф. Грильпарцера, стихах А. Грюна и Ф. Рюккерта [16].

О своих европейских впечатлениях Энгельс пишет очерки, корреспонденции и письма для немецких и английских газет. В тех же жанрах работает и Анненков. «Письма из Вупперталя» (1839) [17] Энгельса по манере письма и выводам в чем-то близки очеркам о европейских городах в «Путевых записках» Анненкова.

Между суждениями Энгельса и Анненкова о фактах общественно-политической жизни Европы 1840-х годов также есть известная близость. Оба они выступили с резким осуждением прусского режима: Энгельс в «Письмах из Вупперталя», Анненков в очерке «Берлин» из «Путевых записок». В Англии Анненкова и Энгельса поражает глубина социальных противоречий. Они отмечают, с одной стороны, бурное развитие английской промышленности, с другой, пауперизацию неимущих классов. Энгельс пишет в декабре 1842 г. для «Rheinische Zeitung» статью «Положение рабочего класса в Англии» [18], где говорит о росте безработицы в Англии, о чартистах, а в мае—июне 1843 г. — «Письма из Лондона» для журнала «Schweizerischer Republikaner», где, среди прочего, упоминает и о движении рипилеров в Ирландии. Анненков в своих заметках «По Англии» [19] сообщает о положении ирландских бедняков и о развитии движения протеста в Ирландии под предводительством Даниэла О'Коннела.

Осенью 1843 г. в статье для английской газеты «The New Moral World» «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» Энгельс писал: «...три крупные цивилизованные европейские страны — Англия, Франция и Германия — пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоятельной и неотвратимой необходимостью». Он подчеркивает, что каждая из указанных стран пришла к идее коммунизма самостоятельно: «Англичане пришли к нему *практическим* путем, вследствие быстрого роста нищеты, деморализации и пауперизма в их собственной стране; французы — *политическим* путем..., немцы же стали коммунистами *философским* путем...» [20]

Суждения Анненкова определяются другой позицией. Но так же, как и Энгельс, в «Письмах из-за границы» и «Путевых записках» он говорит о росте освободительного движения, охватившего Францию, Германию и Англию в начале 1840-х годов, называя это движением за переустройство общества на началах равенства и справедливости [21]. Причем национальное своеобразие этого движения во Франции, Германии и Англии он характеризует почти «по Энгельсу» [22].

---

[16] См.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Об искусстве. М., 1976, с. 418, 420, 432.
[17] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 451—472.
[18] См.: Там же, с. 507—509.
[19] *Анненков П. В.* Путевые записки. *ИРЛИ* 57 43 XXX 6. 33, л. 88—98.
[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 525—526.
[21] См. наст. издание, с. 43, 45, 73.
[22] См. наст. издание, с. 45, 250, 450.

Подобную близость суждений можно объяснить тем, что Анненков, как внимательный и вдумчивый наблюдатель, мог уловить основные отличия в развитии общественной социальной мысли в Англии, Франции и Германии. При этом следует иметь в виду и то обстоятельство, что взгляды самого Энгельса вплоть до 1844 г. не выходили за пределы революционного демократизма.

Однако в отношении некоторых статей Ф. Энгельса уже можно сказать, с известным основанием, что они оказали воздействие на корреспонденции Анненкова. Это прежде всего статьи Энгельса о Ф. Шеллинге.

Осенью 1841 г. Энгельс слушал в Берлинском университете лекции Шеллинга[23], непримиримого противника прогрессивного крыла в гегелевской философии, представляемого в начале 40-х годов XIX в. так называемыми младогегельянцами. Анненков уехал из Берлина до начала этих лекций, но он знал о готовящемся выступлении Шеллинга.

Критике Шеллинга Энгельс посвятил три работы: статью «Шеллинг о Гегеле», которая была опубликована в «Telegraph für Deutschland» в декабре 1841 г. под псевдонимом Фридрих Освальд, и две анонимные брошюры: «Шеллинг и откровение» (март 1842 г.) и «Шеллинг — философ во Христе, или Преображение мирской мудрости в мудрость божественную» (май 1842 г.). В этих работах он расценил выступление Шеллинга как «новейшее покушение реакции на свободную философию»[24].

Брошюру Энгельса «Шеллинг и откровение» привез в Россию В. Ф. Одоевский[25]. Она стала известна в кружке Белинского, и В. П. Боткин приводит из нее выдержки в обзоре немецкой литературы, помещенном в январской книжке «Отечественных записок» за 1843 г.[26]

Возможно внимание Анненкова к этим проблемам привлек М. Н. Катков, его товарищ по путешествию, который, так же как Энгельс, присутствовал на первой лекции Шеллинга в Берлинском университете 15 ноября 1841 г. Так или иначе, но знание одной из работ Энгельса, именно его брошюры «Шеллинг и откровение», прослеживается в XII письме Анненкова из-за границы (см. прим. к XII письму из-за границы, п. 21, 23, 25).

Можно предположить также, что Анненков был знаком со статьями Энгельса «Эрнст Мориц Арндт», опубликованной в январе 1841 г. в «Telegraph für Deutschland», и «Александр Юнг. Лекции о современной литературе немцев», опубликованной в «Deutsche Jahr-bücher für Wissenschaft und Kunst» в июле 1842 г. за подписью Фридрих Освальд. Боткин, внимательно следивший за немецкой прессой для своих обзоров немецкой литературы в «Отечественных записках», использовал последнюю статью Энгельса для апрельского номера журнала за 1843 г.[27] С известным основанием поэтому можно высказать предположение, что суждение Аннен-

---

[23] Фридрих Энгельс. Биография. М., 1977, с. 17.
[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 41, с. 173.
[25] *Нечаева В. С.* Указ. соч., с. 57.
[26] *Шульгин В.* Энгельс в русской легальной печати в 40—70 гг. Исторический журнал. 1940, 8, с. 25; см. также: *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М., 1949, с. 17.
[27] *Нечаева В. С.* Указ. соч., с. 58.

кова о «Молодой Германии» в очерке «Гамбург», который, видимо, был обработан Анненковым после возвращения из-за границы, навеяно статьей Энгельса.

Конечно, говорить о прямом влиянии Энгельса на первый цикл зарубежной корреспонденции Анненкова на основе некоторой близости их отдельных суждений нет оснований, хотя и можно высказать предположение о знакомстве Анненкова с некоторыми публицистическими произведениями Энгельса, тем более, что Анненков очень внимательно следил за периодикой, и она была одним из источников «Писем из-за границы».

Главный же вывод, к которому приводит анализ «Писем из-за границы» и «Путевых записок», заключается в том, что пребывание в 1840—1843 гг. в Западной Европе, знакомство с экономическим положением и политическим строем многих европейских государств, основными направлениями общественной мысли и особенно с течениями утопического социализма и мелкобуржуазного радикализма неизмеримо расширило кругозор Анненкова и вместе с тем сделало потенциально возможным влияние на него в дальнейшем со стороны Энгельса и Маркса.

3

В 1846 г. Анненков снова отправляется за границу. Воспользовавшись рекомендацией Г. М. Толстого, Анненков сразу же стал искать знакомства с Марксом. Оно состоялось в Брюсселе в марте 1846 г. Маркс пригласил Анненкова на заседание Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, где в его присутствии подверг резкой критике немецкого утопического коммуниста Вильгельма Вейтлинга. Доводы Маркса произвели сильное впечатление на Анненкова, но больше всего его поразила сама личность Маркса, о чем он вспоминал несколько десятилетий спустя (*Лит. воспоминания*, с. 302—304).

Личные контакты Маркса и Анненкова продолжались до середины апреля 1846 г. Маркс познакомил Анненкова с Энгельсом. При отъезде Анненкова из Брюсселя в Париж Маркс снабдил его рекомендательными письмами к Г. Гейне, А.-Г. Эвербеку, К.-Л. Бернайсу [28]. В 1846—1847 гг. между Анненковым и Марксом идет живая переписка. Анненков пишет Марксу о своих встречах в Париже с людьми, которых знают Маркс и Энгельс, рассказывает, о чем ведутся споры в этих кругах. Он исполняет отдельные поручения Маркса. 8 мая 1846 г. он пишет в Брюссель: «Что касается Эвербека, то здесь никто не знает его адреса — ни Гервег, ни Бакунин, но я надеюсь скоро разыскать его. На днях я рассчитываю нанести визит Бернайсу в его уединении» [29].

В следующем письме от 2 июня 1846 г. Анненков сообщает Марксу: «Дорогой г-н Маркс!

Получив Ваше письмо от 27 мая, я поспешил переслать 140 франков Бернайсу через посредство Эвербека, так как непредвиденные обстоятель-

---

[28] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 127—128.
[29] Там же, с. 128.

ства помешали мне передать ему их лично. Я надеюсь еще иметь это удовольствие, когда поеду смотреть Монморанси, по соседству с Сарселем»[30]. Близкое знакомство и общение с Марксом и Энгельсом, естественно, наложили известный отпечаток на второй цикл зарубежной корреспонденции Анненкова, на круг его интересов и характер суждений.

В «Парижских письмах» Анненков рисует многогранную жизнь столицы Франции в бурный предреволюционный период. На правах «праздного» наблюдателя он сумел увидеть и образ жизни, и настроения самых различных слоев французского народа.

«Парижские письма», опубликованные в 1847—1848 гг. в «Современнике», стали заметным явлением в русском обществе. 20 марта 1847 г. Боткин писал в Париж: «...Ваши письма просто клад для журнала; я знаю многих, которые, получая новую книжку журнала, прежде всего прочитывают в ней Ваше письмо» (*Анненков и его друзья*, с. 532).

Такое свидетельство очень важно, поскольку тираж журнала в марте 1847 г. подходил к цифре 2000 экземпляров.

Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что Маркс и Энгельс открыли для Анненкова подлинное место рабочего класса в гражданском обществе, познакомили его с передовыми представителями пролетариата. Отправившись в Париж, Анненков, по рекомендации Маркса, вступил в контакт с некоторыми рабочими кружками[31], в частности с рабочими, группировавшимися вокруг газеты «l'Union. Bulletin des ouvriers rédigé et publié par eux-memes».

«Недавно, — пишет Анненков Марксу 8 мая 1846 г., — я присутствовал на заседании рабочих-редакторов газеты „Union". Они тоже говорили и спорили, но они отрывали у своего сна время, чтобы предаваться такого рода интеллектуальному наслаждению, и конечным результатом их негласных дебатов всегда был новый номер газеты, которую они редактировали»[32].

От Маркса и Энгельса Анненков получил четкое представление о необходимости научного подхода к изучению общества, об утопичности произвольных, надуманных схем его социального преобразования. В связи с этим следует обратить внимание на суждения Анненкова о социалистических школах, распространенных в Западной Европе накануне революции 1848 г. Они встречаются и в «Парижских письмах» (например, в первой статье, где содержится резкая и непримиримая критика Э. Кабе и В. Консидерана), но особенно четко он говорит об этом в «Замечательном десятилетии» в связи с борьбой западников и славянофилов у себя на родине: «...Европейский социализм того времени не стоял еще на практической и научной почве, а только разрабатывал покамест нечто вроде „видений" из будущего строя общественной жизни, которую он сам рисовал по своему произволу. Существенной частью его содержания была ожесточенная кри-

---

[30] Там же, с. 128—129.

[31] См., например, письмо Эвербека Марксу от 15 мая 1846 г. в кн.: *Marx Karl, Engels Friedrich.* Gesamtausgabe (MEGA). Dritte Abteilung, Briefwechsel, Band 2, S. 203.

[32] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 128.

тика всех экономических уставов и действующих религиозных верований и убеждений, которая служила ему способом очистить самому себе место в умах: она и давала ему сильно намеченный, боевой характер. И в каких энергических словах выразился этот характер! Уж не говоря о пресловутом восклицании Прудона — la propriété c'est le vol (собственность — это кража. — *И. К., В. С.*) — и о не менее знаменитом изречении портного Вейтлинга: „Нам предоставлен только один вид свободного труда — грабеж!" — сколько было еще других, тоже ослепляющих и оглушающих тезисов тогдашнего молодого социализма, над которыми приходилось работать его неофитам» (*Лит. воспоминания*, с. 272).

В оценке Анненкова подчеркнут утопический характер всех этих социалистических взглядов и систем. Сравнение данного отрывка воспоминаний Анненкова с его же описанием в той же работе заседания Брюссельского комитета от 30 марта 1846 г., на котором Маркс выступил с резкой критикой Вейтлинга, позволяет определить источник, откуда Анненков заимствовал это представление: «Сущность саркастической его речи заключалась в том, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значило просто обманывать его. Возбуждение фантастических надежд, о котором говорилось сейчас, замечал далее Маркс, ведет только к конечной гибели, а не спасению страдающих. Особенно в Германии обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно с пустой и бесчестной игрой в проповедники. . .» (там же, с. 303).

На опыте французской жизни, французского искусства Анненков в «Парижских письмах» показывает сложную зависимость между идеологией той или иной социальной группы и ее экономическим положением. Не исключено, что это понимание пришло к нему под воздействием Маркса.

Вспоминая об этом периоде общения с Марксом, он записал в «Замечательном десятилетии»: «Маркс один из первых сказал, что государственные формы, а также и вся общественная жизнь народов с их моралью, философией, искусством и наукой суть только прямые результаты экономических отношений между людьми» (там же, с. 305). Эта идея была, в частности, развита Марксом и в знаменитом письме к Анненкову от 28 декабря 1846 г.

Возможно, что не без влияния Маркса изменились и суждения Анненкова о французском искусстве. Теперь его уже не смущает, как в «Письмах из-за границы», стремление французской литературы служить интересам общества и прислушиваться к его настроениям. Подавив в себе «позыв к художественности», он ставит в особую заслугу французской литературе ее социальность и современность. Мало того, Анненков усматривает определенную зависимость между художественным методом художника и вкусами того класса, интересы которого он отражает, развивая это положение на примере творчества В. Гюго и Г. Берлиоза.

Особенно четко влияние Маркса проявилось в формировании отношения Анненкова к Прудону, идеи которого после выхода в свет книги «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» стали завоевывать приверженцев среди довольно значительного круга современников.

1 ноября 1846 г. Анненков в связи с чтением только что вышедшей книги Прудона пишет Марксу в Брюссель: «Очень прошу Вас извинить меня, дорогой г-н Маркс, что я почти месяц не отвечал на Ваше последнее письмо. (Письмо Маркса к Анненкову не сохранилось. — *И. К., В. С.*) Я был до такой степени поглощен чтением книги Прудона («Система экономических противоречий»), что пренебрег почти всеми своими обязанностями. Мне хотелось бы знать Ваше мнение об этой книге. Идеи автора о боге, провидении, антагонизме духа и материи, которого в действительности не существует, весьма путаны, но экономическая часть кажется мне поистине необычайно сильной. Никогда еще ни одна книга не показывала мне с такой ясностью, что цивилизация не может отказаться от всего того, что она приобрела путем разделения труда, машин, конкуренции и т. д. — и все это завоевано для человечества навсегда. Я прекрасно вижу дурную сторону дела (у Прудона это легко), — но так как он сражается против коммунизма и в то же время использует один из его догматов, чтобы разрешить трудности, то я не верю больше в его рецепты... Вот почему я обращаюсь к Вам, чтобы узнать скрытый порок его системы, если таковой имеется, чтобы узнать, одним словом, что Вы думаете о ней? Признаюсь, что сам план работы представляется мне скорее плодом фантазии человека, которому удалось обозреть уголок немецкой философии, нежели необходимым результатом разработки определенной темы и ее логического развития» [33].

В этом письме выявляется далеко не однозначное отношение Анненкова к новой книге Прудона. Однако в первом письме из Парижа, написанном Анненковым через семь дней, 8 ноября 1846 г., преобладает положительная оценка этого сочинения. Лишь мимоходом он говорит о «религиозных колебаниях автора».

Суждения Анненкова сразу же находят отклик у его единомышленников. Боткин 26 ноября 1847 г. сообщает ему в Париж: «...Ваши несколько слов показывают мне всю дельность этой книги, и слава автору, что он вышел из юношеских декламаций социальной школы и взглянул на дело прямо и твердо» (*Анненков и его друзья*, с. 525).

Но вот 28 декабря 1846 г. Маркс пишет Анненкову свое знаменитое письмо. Оно вызывает у адресата смятение мыслей. Часть критики Маркса Анненков принимает безусловно, что явствует из второго парижского письма, написанного 4 января 1847 г.[34] Рассуждения Анненкова в этом письме прямо перекликаются со следующим местом из письма Маркса: «Но разве сам г-н Прудон не создает себе странных иллюзий, противопоставляя свою сентиментальность мелкого буржуа, — я имею в виду его декламации о семье, о супружеской любви и все его банальности, — социалистической сентиментальности, которая у Фурье, например, гораздо более глубока, чем претенциозные пошлости нашего доброго Прудона? <...> Он не подвергает критике социалистическую сентиментальность или то, что он считает сентиментальностью. Он, как святой, как

[33] Там же, с. 130.
[34] См. наст. издание, с. 95.

папа, предает анафеме бедных грешников и славословит мелкую буржуазию и жалкие любовные и патриархальные иллюзии домашнего очага. И это не случайно. Г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии» [35].

Не случайно именно это место из письма Маркса, включая и конец его с общей оценкой Прудона и планами собственных публикаций Маркса, Анненков целиком приводит в своих воспоминаниях (См.: *Лит. воспоминания*, с. 305—306). Критика Маркса прудоновской сентиментальности нашла отражение в пятом парижском письме Анненкова — в его оценке одного из направлений французской живописи, потакающей буржуазной страсти к чувствительности.

Положения Маркса о закономерностях развития человеческого общества, о соотношении производительных сил и производственных отношений, о неизбежности изменения способа производства с ростом новых производительных сил, об историческом и преходящем характере форм производства определенной эпохи, в том числе и буржуазного способа производства, его критика системы экономических категорий Прудона, прудоновского отрицания практической и революционной деятельности масс не нашли прямого отражения в «Парижских письмах». Однако они отнюдь не остались не замеченными Анненковым. 6 января 1847 г. он пишет Марксу: «Ваше мнение о работе Прудона своей правильностью, ясностью, а главное, стремлением держаться в рамках реального, оказало на меня поистине живительное действие... дружеский голос, который возвращает нас к экономическим и историческим *фактам* и показывает их нам в их *действительном* развитии, куда более многозначительном, чем вымышленное развитие чистых категорий и логических противоречий, — голос, который, наконец, подрывает самую основу чрезвычайно сложного здания системы, оторванной от жизни, истории и подлинной науки, — такой голос целиком заслуживает нашей признательности за то целебное действие, какое он оказывает» [36].

Перед русским публицистом встали новые вопросы. Он продолжает в том же письме: «...признавая всю произвольность прудоновской классификации экономических эволюций и всю несостоятельность его метода побивать практику теорий и наоборот (нечто вроде заколдованного круга, от которого делается дурно), — я еще не уяснил себе, заслуживает ли серьезного внимания критическая часть его работы. Он раскритиковал некоторые положения официальной экономической школы с убедительностью и силой, значительность которых прекрасно понимают все те, на кого Прудон нападает. За примером ходить недалеко: возьмите удары, которые он нанес доктрине Луи Блана, они произвели здесь очень сильное впечатление и, без сомнения, будут содействовать тому, чтобы навсегда ее дискредитировать. Одного этого было бы уже достаточно, чтобы считать его книгу очень полезной для Франции, но, по-моему, он сделал еще больше. Он осмелился сказать нации, которая в своих самых революционных меч-

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 411.

[36] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 142.

таниях не идет далее 93 года и режима Робеспьера, — он осмелился сказать, что всякое правительство, стоящее особняком в государстве, безнравственно. Совокупность этих, а также других, причин и вызвала *тот заговор молчания*, жертвой которого сейчас является Прудон... Отсюда я делаю вывод, что книга Прудона, хотя она и не представляла большого значения для общего развития экономических идей, не лишена, однако, важности в том, что касается политики, просвещения и тенденции французской буржуазии»[37].

Далее Анненков обращается к Марксу с просьбой разъяснить ему сущность отдельных положений коммунистической доктрины: «Это в самом деле имеет для меня исключительное значение и важность»[38].

После критики Маркса Анненков, в отличие от первого парижского письма и письма Марксу от 1 ноября 1846 г., отвергает претензии Прудона «отыскать закон, по которому богатства развиваются правильно и сами собой», а «экономическая часть» книги французского публициста уже не кажется ему «необычайно сильной». Он по-прежнему считает достоинством сочинения Прудона его критическую часть. Это мнение отчасти совпадает со словами Маркса, который, как известно, писал Анненкову о своем согласии с прудоновской критикой «социалистической сентиментальности». Позднее, говоря о роли Прудона в революции 1848 г., Анненков и в «Записках о французской революции 1848 года», и в опубликованном очерке «Февраль и март в Париже 1848 года» отмечает, что прудоновский «Le Représentant du peuple» отличался «оригинальностью взглядов и энергией речи» и «весь был обращен на беспощадное осуждение людей, принципов и самого хода революции»; в то же время он был, по мнению Анненкова, одним из источников утопических идей социально-экономического преобразования Франции[39].

Переписка с Марксом позволила Анненкову выяснить и сущность разногласий Прудона со сторонниками коммунистических идей. В последнем «Парижском письме», разбирая статью Шарля Луандра «De la production intellectuelle en France depuis quinze ans (1830—1845)», опубликованную в «Revue des Deux Mondes», автор подвергает критике предложенную Луандром систему классификации взглядов французских писателей по вопросам политики и экономики. Анненков предлагает свое деление[40], в котором нашла отражение оценка Марксом особой роли Прудона в общественной мысли Франции: «... г-ну Прудону принадлежит заслуга быть научным выразителем французской мелкой буржуазии; это — действительная заслуга, потому что мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций»[41].

Анненков прямо заимствует критику Марксом эклектического метода Прудона, например, при разборе книги Берналя «Демократия

[37] Там же, с. 142—143.
[38] Там же, с. 143.
[39] *Анненков П. В.* Воспоминания и критические очерки. СПб., 1877, отд. 1, с. 319, 321.
[40] См. наст. издание, с. 154.
[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 412.

в XIX веке»[42]. Эту критику Анненков также распространяет на многочисленные издания, претендовавшие на решение социального вопроса, на брошюры и памфлеты, которые заполняли книжный рынок Франции и Германии и на которые с жадностью набрасывались русские путешественники за границей.

Анненков знал о работе Маркса над книгой о Прудоне и, после выхода ее в свет, с нетерпением ждал от Маркса экземпляра с автографом. Любопытное свидетельство мы находим в письме Гервега Марксу от 1 ноября 1847 г.: «Анненков, по-видимому, несколько уязвлен тем, что ты не прислал ему своей книги. Если у тебя есть экземпляр, то ты доставишь ему радость, прислав ее»[43].

Судя по письму Анненкова Марксу от 8 декабря 1846 г., он не дождался личного экземпляра. С некоторой обидой он писал в Брюссель: «Я еще не имел в руках Вашей брошюры о Прудоне и его доктрине, так как единственный экземпляр, известный мне в Париже, принадлежит Гервегу, и он передается из рук в руки. Когда придет моя очередь, я прочту ее самым внимательным образом»[44].

Позднее в известных нам упоминаниях о Прудоне Анненков оценивает его довольно объективно, никогда не поднимаясь до восторженного тона первого парижского письма.

В «Замечательном десятилетии» Анненков дает наиболее полную и достаточно положительную характеристику письма Маркса ему от 28 декабря 1846 г.: «...по поводу известной книги Прудона „Système des contradictions économiques" Маркс написал мне по-французски пространное письмо, где излагал свой взгляд на теорию Прудона. Письмо это крайне замечательно: оно опередило время, в которое было писано, двумя своими чертами — критикой положений Прудона, предугадавшей целиком все возражения, какие были предъявлены на них впоследствии, а потом новостью взгляда на значение *экономической* истории народов. Маркс один из первых сказал, что государственные формы, а также и вся общественная жизнь народов с их моралью, философией, искусством и наукой суть только прямые результаты экономических отношений между людьми и с переменой этих отношений сами меняются или даже и вовсе упраздняются. Все дело состоит в том, чтобы узнать и определить законы, которые вызывают перемены в экономических отношениях людей, имеющие такие громадные последствия. В антиномиях же Прудона, в его противопоставлении одних экономических явлений другим, произвольно сведенным друг с другом и, по *свидетельству истории*, нисколько не вытекавшим одно из другого, Маркс усматривал только тенденцию автора облегчить совесть буржуазии, возводя неприятные ей факты современных экономических порядков в безобидные абстракции à la Гегель и в законы, будто бы присущие самой природе вещей. На этом основании он и обзывает Прудона *теологом* социализма и мелким *буржуа* с головы до ног (*Лит. воспоминания*, с. 304—305).

[42] См. наст. издание, с. 136, 137.
[43] MEGA. Dritte Abt., Bd. 2, S. 372.
[44] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 144—145.

Приведенный отрывок не оставляет никаких сомнений в том, что изложенные в письме к Анненкову критика Прудона и некоторые положения исторического материализма были в определенной мере поняты и усвоены корреспондентом Маркса, об этом же свидетельствует и его рукопись «Записки о французской революции 1848 года», анализ которой будет дан ниже.

Взгляды Маркса и Энгельса сказались не только на оценке русским литератором Прудона, но и на более широком круге его представлений о тогдашней действительности. В этой связи следует рассмотреть вопрос о влиянии Энгельса на «Парижские письма» Анненкова. Пребывание Анненкова в Париже совпало по времени с пребыванием там и Энгельса, который с некоторыми перерывами жил в столице Франции с 15 августа 1846 г. до высылки из нее в конце января 1848 г. Трудно предположить, чтобы за это время, имея общий круг знакомых (Эвербек, Бернайс, Сазонов, Гервег и др.), они ни разу не видели друг друга. Более того, по косвенному упоминанию в письме Бернайса Марксу, посланном из Сарселя в Брюссель после 20 мая 1847 г., можно утверждать, что между Энгельсом и Анненковым существовали в это время прямые контакты[45].

Возможно, что Анненков был знаком с публицистикой соратника Маркса. Энгельс сотрудничал в это время в парижской газете «La Réforme», в органе чартистов «The Northern Star» и в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», в которой с сентября 1847 г. фактическим редактором стал Маркс. Две последние газеты получались в Париже Союзом справедливых и были вполне доступны Анненкову, который читал на этих языках. По-видимому, при работе над «Парижскими письмами» могли помочь ему статьи Энгельса из «The Northern Star»: «Правительство и оппозиция во Франции», «Закат и близость падения Гизо. — Позиция французской буржуазии» и некоторые другие.

Первая статья Энгельса о Франции была опубликована в «The Northern Star» в сентябре 1846 г. под названием «Правительство и оппозиция во Франции». В статье давалась оценка новой палате депутатов, состоящей из финансовых дельцов, полемике во французской прессе в связи с появлением памфлета Ж. Дернвиля, направленного против Ротшильда и К^0, и другим событиям.

Анненков пишет свою первую статью двумя месяцами позже, 4 ноября 1846 г., вернувшись в Париж после своего путешествия по Ломбардии вместе с Боткиным. Любопытно, что он начинает свое письмо с тех же самых фактов, анализ и оценка которых составили содержание статьи Энгельса «Правительство и оппозиция во Франции» (см. прим. к первому парижскому письму, п. 1 и 2). Можно было бы предположить, что такое совпадение в отборе фактов носит случайный характер. Однако анализ последующих «Парижских писем» Анненкова заставляет усомниться в этом.

При разборе упомянутой выше статьи Ш. Луандра «Интеллектуальная продукция Франции за пятнадцать лет (1830—1845)» Анненков выяв-

---

[45] MRGA. Dritte Abt., Bd. 2, S. 337.

ляет характер и особенности внутренней политики Июльской монархии за последние пятнадцать лет. Суждения Анненкова по этому вопросу перекликаются с мнением, высказанным Энгельсом: «...после революции 1830 г. буржуазия во Франции, — писал Энгельс, — достигла всей полноты власти, этому правящему классу осталось только *изживать самого себя*. Именно это он и делал. Вместо того чтобы прогрессировать, буржуазия была вынуждена пятиться назад, ограничить свободу печати, упразднить свободу ассоциаций и собраний, издать всякого рода исключительные законы, чтобы держать в подчинении рабочих. И скандальные истории, преданные гласности за последние несколько недель, доказывают со всей очевидностью, что правящая буржуазия Франции окончательно одряхлела, полностью „пришла в негодность"» [46].

Анненков, видимо, не оставил без внимания также и статью Энгельса для «The Northern Star» «Движение за реформу во Франции»: ее влияние прослеживается не в «Парижских письмах», а позднее, в очерке «Февраль и март в Париже 1848 года», который начинается как раз с подробного анализа этого движения. Понимание его характера Анненковым совпадает с пониманием и характеристикой Энгельса.

Возможно, что знакомство со статьями Энгельса помогло Анненкову глубже понять природу Июльской монархии вообще, признать наличие во французской буржуазии нескольких социальных групп, что нашло свое отражение не только в «Парижских письмах», но и в той полемике о буржуазии, которая возникла в кружке Белинского и Герцена во время пребывания Белинского в Париже в августе 1847 г. и продолжалась затем как в частной переписке, так и на страницах «Современника», в связи с публикацией «Писем из Avenue Marigny» Герцена. Эта полемика, как и позиция сторон, достаточно хорошо освещена в литературе [47].

Характеристика французских рабочих, их готовности до конца бороться за свои права, которую дал Анненков на первых страницах своих «Записок», почти текстуально совпадает с характеристикой, данной французским рабочим Энгельсом в статье «Движение за реформу во Франции»: «...когда столкновение между народом и правительством станет неизбежным, — они вмиг окажутся на улицах и площадях, разроют мостовые, перегородят улицы омнибусами, повозками и каретами, забаррикадируют каждый проход, каждый узкий переулок превратят в крепость и двинутся, сметая все препятствия, от площади Бастилии к Тюильрийскому дворцу» [48].

Близость ряда суждений Анненкова некоторым мыслям Энгельса в этот период часто определялась, конечно, общим ходом событий, использованными источниками; например, суждения Анненкова о демагогическом характере полемики pro и contra запретительных пошлин близки статьям Энгельса «Конгресс экономистов», «Брюссельский конгресс по вопросу

---

[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 192.

[47] См.: *Плеханов Г. В.* Работы о Белинском. — В кн.: Плеханов Г. В. Избр. философские произведения. М., 1958, т. 4.

[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 364.

свободы торговли», «Протекционизм или система свободы торговли», которые написаны Энгельсом в июне—октябре 1847 г., а Анненков писал об этом вопросе во втором письме в январе 1847 г., но все же и факта прямого влияния Энгельса на Анненкова не следует исключать.

Через все «Парижские письма» проходит четко выраженный интерес к социальному вопросу. Анненков выделяет рабочий класс как самостоятельную социальную силу. В четвертом письме, рассказывая о полемике вокруг проблем свободы торговли, Анненков пишет об особой позиции пролетариата, мнение которого в этом споре представляют для него две рабочие газеты: «l'Atelier» и «La Fraternité de 1845» [49].

Не без влияния Маркса и Энгельса Анненков составил себе определенное представление о социальном положении пролетариата в современном обществе. Это отчетливо видно из примечательного отрывка более поздних его воспоминаний о Белинском, в которых Анненков сравнивал тяжелое положение Белинского с материальным положением «тогдашнего работника и пролетария в Европе» (*Лит. воспоминания*, с. 294).

4

Февральскую революцию 1848 г. П. В. Анненков встретил в Париже в обществе И. С. Тургенева, Н. И. Сазонова, А. А. Тучкова, М. А. Бакунина. Революция была принята этой группой русских с подлинным энтузиазмом. А. И. Герцен, первые два месяца революции живший в Италии, писал Анненкову 5 марта 1848 г.: «Наконец-то старуха проснулась и пошла писать» (*Герцен*, т. 23, с. 65).

Русские внимательно наблюдали за ходом дел в Париже, участвовали в народных манифестациях, присутствовали на клубных дискуссиях, наслаждались самой революционной атмосферой. «Правда, пожили мы, да, пожили... теперь поднимается грудь, как вспомнишь...», — пишет Герцен московским друзьям 2—8 августа 1848 г. (там же, с. 81).

5 марта в Париж приезжает высланный из Брюсселя Маркс, 21 марта к нему присоединяется Энгельс. Из воспоминаний Анненкова давно было известно, что в эти весенние дни 1848 г. Анненков встречался с ними в Париже: «Я встретил его еще вместе с Энгельсом в 1848 году в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции, намереваясь изучать движение французского социализма, очутившегося теперь на просторе. Они скоро оставили свое намерение, потому что над социализмом этим господствовали всецело чисто местные политические вопросы, и у него уже была программа, от которой он не хотел развлекаться, — программа добиваться с оружием в руках господствующего положения в государстве для работника» (*Лит. воспоминания*, с. 304).

Однако только теперь расшифрованные заметки Анненкова о французской революции позволяют уточнить и время их встреч, и отчасти содержание бесед. В «Записках о французской революции 1848 года» Анненков дважды упоминает о Марксе и Энгельсе. Первое упоминание — запись от

---

[49] См. наст. издание, с. 110.

29 марта в главе «Физиономия Парижа в марте 1848». Фактические неточности в этой записи («Энгельс ждет Маркса в Кельне»)[50] дают основание сделать вывод, что до 29 марта Анненков не встречал в Париже Энгельса, а Маркса если и видел, то не разговаривал с ним обстоятельно. Второе упоминание о Марксе и Энгельсе сделано Анненковым в главе «Апрель месяц»[51], оно свидетельствует о прямых его контактах (одной или нескольких встречах) с основоположниками научного коммунизма. Эти встречи могли иметь место в короткий промежуток времени после 29 марта и до отъезда Маркса и Энгельса из Парижа в Кельн около 6 апреля 1848 г.

Несмотря на это Анненков не только познакомился с их отношением к происходящим событиям, но, по крайней мере, и с одним из программных документов Союза коммунистов, написанных Марксом и Энгельсом к этому времени: либо с «Манифестом Коммунистической партии», либо с «Требованиями коммунистической партии в Германии» (об этом свидетельствуют выше приведенные воспоминания Анненкова). Чрезвычайно любопытно упоминание Анненкова в «Записках» о том, что Маркс и Энгельс намерены были «подымать» коммунистов в Кельне, чтобы «связать это движение с движением хартистов в Англии, имеющим быть в начале апреля»[52].

Анненков мог также слушать Маркса на собраниях немецких рабочих в Париже, во время которых Маркс не только разоблачал авантюристическую деятельность лидеров Немецкого демократического общества, но и давал анализ текущих событий во Франции, предсказывая начало открытой классовой борьбы между рабочими и буржуазией[53].

О революции 1848 г. во Франции в литературном и эпистолярном наследстве Анненкова сохранились материалы трех родов: письма к братьям из Парижа за 1848 год, «Записки о французской революции 1848 года», не предназначавшиеся для печати, и опубликованный очерк «Февраль и март в Париже 1848 года». Письма к братьям — специфический материал. Автор публикации (И. Л. Морозов) верно указывает, что в них отразился и страх русского литератора перед перлюстрацией его писем в царской России, и расчет на определенный интеллектуальный и политический уровень своих родственников, достигших к тому времени высоких чинов[54]. Для изучения событий во Франции это самый неинтересный и малоговорящий источник. Гораздо более значительны «Записки о французской революции 1848 года», впервые публикуемые в настоящем издании.

Их нельзя назвать историей революции, хотя Анненков запечатлел в своем произведении весь ход ее. В центре «Записок» — события, люди, их поведение, эмоции, идеи. Общие закономерности буржуазно-демокра-

---

[50] См. наст. издание, с. 336.
[51] См. наст. издание, с. 374.
[52] См. наст. издание, с. 336.
[53] См.: Союз коммунистов — предшественник I Интернационала. М., 1964, с. 184.
[54] См.: *Морозов И. Л.* Горестная профанация (неопубликованные письма П. В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже). — В кн.: Исторический сборник. М.; Л., 1935, № 4, с. 228—258.

тической революции непосредственно запечатлены Анненковым в их конкретном, фактическом проявлении. «Записки» Анненкова — это и дневник революции, и некоторый ее анализ. В них воспроизведен сложный комплекс политических, экономических, социальных и эстетических идей, порожденных революцией 1848 г., воссоздана ее эмоциональная атмосфера.

Основываясь на письмах Анненкова к братьям, В. Дорофеев в предисловии к последнему изданию «Литературных воспоминаний» Анненкова высказал мысль о том, что влияние Маркса не могло не отразиться на оценке Анненковым парижских событий 1848 г. как «начала великой битвы труда против капитала и всего миропорядка, основанного на владычестве буржуазной собственности» (*Лит. воспоминания*, с. 11). Однако эта совершенно правильная мысль не нашла дальнейшего развития. Между тем упомянутые выше работы Анненкова дают более широкие возможности для наблюдений и выводов.

Знакомство с Марксом и Энгельсом и их трудами, личные контакты и переписка с Марксом в 1846—1847 гг. подготовили Анненкова к восприятию парижских событий 1848 г. Присутствие Маркса в Париже в марте—начале апреля 1848 г. также оказало свое воздействие на Анненкова. Судя по «Запискам», он знал о позиции, которую занял Маркс в начале революции [55].

Общение с Марксом и Энгельсом помогло Анненкову подойти, в известной мере, к пониманию классовой природы февральской революции (в центре его внимания — социальная политика Временного правительства, социальные проблемы, поднятые революцией), а также разобраться в расстановке сил и понять, что ее главной движущей силой является рабочий класс, описанию которого Анненков посвятил многие страницы своих «Записок».

Многие оценки событий февральских дней в «Записках» близки к оценкам этих же событий в работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»

У Маркса сказано: «Заставив временное правительство, а через его посредство всю Францию, принять республику, пролетариат сразу выступил на первый план как самостоятельная партия, но в то же время он вызвал на борьбу с собой всю буржуазную Францию» [56].

Анненков же пишет, что «народ-завоеватель и не породил Правительства из собственных своих недр, а взял его снова из радикальной буржуазии. Отсюда должны выйти все будущие столкновения народа и правительства» [57].

Анализируя ход революции во Франции, Маркс указал: «. . . февральская республика прежде всего должна была *сделать более полным господство буржуазии*: благодаря ей рядом с финансовой аристократией *все имущие классы* получили доступ к политической власти. Республика извлекла большинство крупных землевладельцев, легитимистов, из того состояния политического ничтожества, на которое их осудила Июльская

[55] См. наст. издание, с. 336.
[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 14.
[57] См. наст. издание, с. 286.

монархия»[58]. Анненков же пишет о том, что около Временного правительства собрались «люди всех цветов»[59].

Близок Анненков Марксу и в оценке финансовой политики Временного правительства. Маркс говорил: «Временное правительство могло бы совершенно законно, без насильственного вмешательства, принудить банк к *банкротству*; ему нужно было только оставаться пассивным и предоставить банк своей судьбе»[60]. Выясняя причину неудачи всех финансовых мероприятий правительства, Анненков отметил, что все происходит «от нежелания объявить государство просто запросто банкрутом»[61].

Анненков не забыл преподанного ему Марксом в письме от 28 декабря урока исторического материализма. В «Записках» совершенно отчетливо видно, что он, вслед за Марксом, основой общества считает производительную деятельность людей, а в главе «Луи Блан в Люксембурге» Анненков, опираясь на Маркса, пишет о том, что люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются продуктом предшествующей деятельности людей, хотя и выражает эту мысль не в такой четкой формулировке.

«Дружеский голос», который в свое время помог Анненкову понять скрытый для него порок системы Прудона, теперь дал ему возможность разобраться во взглядах Луи Блана. При анализе системы Л. Блана Анненков явно подражает Марксу в его критике Прудона в письме от 28 декабря 1846 г. Оценка Люксембургской комиссии, данная Анненковым в «Записках», напоминает в чем-то оценку, данную ей Марксом[62].

Начиная с апреля месяца, Анненков видит и назревающий конфликт буржуазии и рабочих, и яростные попытки буржуазии захватить в свои руки движение. Он пишет о предательской роли умеренных республиканцев в революции, о классовом составе Временного правительства. Видимо, личные встречи с Марксом и Энгельсом в Париже на многое раскрыли ему глаза.

Так, рассказывая о первых шагах Национального собрания, Анненков подчеркивает его настойчивое стремление уничтожить все завоевания февраля, похоронить окончательно идею о министерстве труда. В «Классовой борьбе во Франции» Маркса читаем: «Собрание немедленно порвало со всеми социальными иллюзиями февральской революции и напрямик провозгласило *буржуазную республику*, и только буржуазную республику. Оно поспешило исключить из выбранной им Исполнительной комиссии представителей пролетариата — Луи Блана и Альбера; оно отклонило предложение учредить особое министерство труда. . .»[63].

В «Записках» Анненков дает подробную характеристику и развернутую хронику июньских событий французской революции; в центре его внимания — вопрос о национальных мастерских, открытое наступление

---

[58] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 14—15.
[59] См. наст. издание, с. 291.
[60] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 21.
[61] См. наст. издание, с. 310.
[62] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 15—16.
[63] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 27—28.

буржуазии на рабочих. Оценивая июньские дни в Париже, Маркс писал: «С трибуны Учредительного национального собрания раздавались открытые вызовы, издевательства и брань по адресу рабочих. Но главным пунктом для нападения были, как мы видели, *национальные мастерские*. На них Учредительное собрание повелительно указало Исполнительной комиссии, которая только и ждала, чтобы Национальное собрание в форме приказа подтвердило ее собственный план» [64].

Однако влияние Маркса [65], вполне объяснимое для рассказов Анненкова о марте и отчасти апреле, на его описание майских и июньских событий, на первый взгляд, кажется загадочным.

Разгадку, очевидно, следует искать в том, что после отъезда Маркса и Энгельса из Парижа Анненков продолжал общаться с тем кругом лиц, которые сохраняли свои связи с ними. В частности, члены Союза коммунистов Ф. Вольф, Эвербек и Бернайс стали корреспондентами «Neue Rheinische Zeitung», органа революционно-пролетарского крыла немецких демократов, которая стала издаваться Марксом и Энгельсом в Кельне с 1 июня 1848 г. Через Эвербека и Бернайса, а возможно и Фердинанда Вольфа [66], Анненков имел возможность регулярно читать эту газету, в которой все сообщения парижских корреспондентов подвергались редакторской правке Маркса. Сравнение июньских номеров «Neue Rheinische Zeitung» с рукописью Анненкова свидетельствует в пользу такого предположения.

В течение всего июня 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» систематически освещала парижские события. В газете был заведен специальный раздел «Französische Republik», в котором печатались корреспонденции из Парижа и отчеты о заседаниях Национального собрания. Хронику парижской жизни, среди прочих, давал корреспондент газеты Эвербек, а стенографические отчеты посылал член Союза коммунистов Себастьян Зейлер, при-

---

[64] Там же, с. 28.

[65] Разумеется, это влияние не следует преувеличивать, так во второй и четвертой главах, когда Анненков находился под воздействием Бакунина и Гервега, в оценке событий он был близок тем «республиканским простакам», которые «отрицали само существование классов или в лучшем случае считали их следствием конституционной монархии» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 18).

[66] Одна находка убеждает в близости в это время Анненкова Эвербеку и Бернайсу: это черновик записки Анненкова, адресованный Бернайсу (*ИРЛИ*, Черновые заметки Анненкова П. В. 57 41 XXX б. 31) (листы не нумерованы). Полуистертый текст не датирован, но он написан (карандашом) на листе, куда Анненков занес свои отрывочные впечатления о событиях последних дней июня в Париже 1848 г. (21 и 23 июня). В записке речь идет о долге, который Анненков просит вернуть, упоминается в тексте Эвербек, дается обещание сообщить при возможности адрес М. Бакунина, который выехал из Парижа еще в апреле. Содержание записки, ее непринужденный тон и обращение «Mon cher» (записка написана по-французски) — все это говорит о том, что Анненков был с адресатом в дружеских отношениях. Факты, упомянутые в записке, также дают основание утверждать, что она была написана после 21 мая 1848 г. — до наступления трагических дней июня. О сотрудничестве Ф. Вольфа в «Neue Rheinische Zeitung» см.: *Schmidt W.* Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848/49 in der «Neuen Rheinische Zeitung». Ein Beitrag zum Ringen der Kommunisten um die Emanzipation der deutschen Arbeiterbewegung. — In: Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Heft 2, 1968, S. 267—268.

сутствовавший на заседаниях Учредительного собрания в качестве стенографа. Его Анненков также, разумеется, знал.

Парижские корреспонденты «Neue Rheinische Zeitung» и Анненков сосредоточивают свое внимание на одних и тех же событиях, выбирая их из множества других, которыми была так богата жизнь революционного Парижа.

В центре внимания газеты, начиная с № 1 и кончая № 25, стояли вопросы национальных мастерских и социально-финансовой политики. Те же вопросы были в центре внимания Анненкова.

Рассказ Анненкова о французских событиях мая и июня 1848 г. по своей направленности совпадает с «Neue Rheinische Zeitung», хотя, бесспорно, материалы газеты значительно богаче и ярче материалов шестой и седьмой глав «Записок» Анненкова, а идейная их направленность носит ярко выраженный революционный характер, чего нет у Анненкова.

С большой энергией газета Маркса вскрывает махинации наглеющей с каждым днем реакции. В № 1 «Neue Rheinische Zeitung» дается обзор парижских событий с 15 по 29 мая. Главная тема обзора — наступление французской буржуазии на завоевания февраля и не менее яростный отпор рабочих этим действиям. В обзоре сообщается о проекте Улисса Трела, министра общественных работ, реорганизовать национальные мастерские; приводится признание «Le Moniteur universel» (официальный орган французской республики) о намерении правительства совсем распустить национальные мастерские. Корреспонденция содержит комментарий, разъясняющий реакционный смысл изложенных фактов. В номере третьем газеты говорится о нападках на Бланки депутата Учредительного собрания фабриканта В. Грандена.

Примерно те же темы затронуты и в рассказе Анненкова о событиях в Париже с 15 по 28 мая в шестой главе «Записок», но он построен не по тематическому, а по хронологическому принципу. Анненков рассказывает о заседании Учредительного собрания от 17 мая, где Трела выступил с предложением реорганизовать национальные мастерские. Так же, как корреспондент «Neue Rheinische Zeitung», Анненков приводит выдержку из «Moniteur» о клеветнических измышлениях Грандена относительно Бланки.

В № 3 газеты содержатся выдержки из стенографического отчета заседаний Учредительного собрания от 30 и 31 мая. Об этих же заседаниях, с ссылками на одни и те же выступления, с такими же подробностями, рассказывает и Анненков. Дело о преследовании Луи Блана, освещенное в № 4, 6 и 7 «Neue Rheinische Zeitung», с такими же подробностями изложено и Анненковым. Причем и корреспондент газеты, и Анненков подчеркивают предательскую роль Марраста в этом деле.

В №№ 4, 8, 10, 11, 14 газеты сообщается о народных собраниях у Св. Дени и Св. Мартина в связи с подготовкой и принятием 7 июня декрета о запрещении народных собраний. Об этом же рассказывает и Анненков в главе «Июнь», причем и корреспондент газеты, и Анненков характеризуют этот закон одним и тем же словом — «драконовский».

В № 10 «Neue Rheinische Zeitung» анализируется финансовая политика правительства. Анненков также много внимания уделяет этому вопросу.

В № 12—13 газеты говорится о дополнительных выборах в Учредительное собрание, которые происходили 4 июня, приводится список новых депутатов с соответствующими комментариями. Анненков также приводит список новых депутатов, и его оценки близки оценкам газеты.

В №№ 16—20 газеты говорится о Луи Бонапарте, его прошлом, поведении во время выборов. Так же подробно, останавливаясь на тех же фактах, говорит о Луи Бонапарте и Анненков в седьмой главе своих «Записок». Как и корреспондент газеты, Анненков характеризует Луи Бонапарта как «авантюриста», «племянника своего дяди», и объясняет его успех во многом обаянием имени Наполеона I, поддержкой крестьянских масс, уставших от поборов Республики, и отдельных слоев рабочих, недовольных политикой Учредительного собрания.

«Neue Rheinische Zeitung» в № 20—23 приводит рассказ парижского корреспондента о настроениях народа в Париже, о законе правительства против национальных мастерских и о реакции народа против этих декретов. Последние страницы «Записок» Анненкова повествуют о тех же фактах.

В экстренном прибавлении к № 25 «Neue Rheinische Zeitung» говорила о причинах июньского восстания — это прежде всего подготовительные меры к роспуску национальных мастерских, перепись занятых в национальных мастерских рабочих, высылка на родину и отправка в Солонь на работы по сооружению канала тех, кто не родился в Париже, законы против уличных сборищ, законопроект о восстановлении залога для газет, что было прямым выпадом против демократической прессы. Именно на эти причины, приведшие к восстанию, указывал и Анненков в главе «Июнь», которая, как и глава «Май месяц», писалась, видимо, уже позже июньского восстания.

Особенно большое влияние на последнюю главу «Записок» Анненкова оказала, как нам кажется, корреспонденция Энгельса «23 июня», помещенная в газете 28 июня. Энгельс пишет в этой статье: «Июньская революция — первая революция, которая действительно расколола все общество на два больших враждебных лагеря, представленных восточным и западным Парижем. Исчезло единение февральской революции. . .»[67]. Анненков также отмечает, что в июне государство как будто распалось, что «Париж и Собрание жили двумя разными жизнями, и несомненно было, что для прекращения этой двойственности, при которой не может быть правления, надо, чтоб которая-нибудь из сторон задушила другую»[68].

В той же статье Энгельс пишет, что «*Июньская революция — революция отчаяния*, и она протекает в молчаливом гневе, в мрачном хладнокровии отчаяния»[69]. Это же состояние отчаяния, охватившее народ, его мрачную решимость начать смертельную битву подчеркивал и Анненков, рас-

---

[67] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 124.
[68] См. наст. издание, с. 424.
[69] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 123.

сказывая, как «грозные толпы народа» собирались перед ратушей, «стоя угрюмо, как бы замышляя совсем другую песню».

Энгельс подчеркивал, что «Июньскую революцию отличает от всех предшествовавших революций *полное отсутствие каких бы то ни было иллюзий, какой бы то ни было восторженности*»[70]. Именно эту решимость развеять все надежды, все иллюзии февраля подметил и Анненков: «Со второго дня одержанной в июне победы правительственной и мещанской партиями видно было, что последняя не остановится до тех пор, пока все не возвратится к старой рутине, не изгладятся все самые законные начинания февральской революции и не задернется наглухо занавеса на беспокойный блеск будущего, ею открытого»[71].

Энгельс сравнивал июньскую революцию с великой битвой при Лейпциге: «Армии, сражавшиеся на улицах Парижа, столь же многочисленны, как армии, сражавшиеся в Лейпцигской битве народов»[72]. Анненков также прибегнул к этому сравнению, начав с него седьмую главу[73].

Конечно, близость между «Neue Rheinische Zeitung» и «Записками» Анненкова можно объяснить близостью самих событий, о которых они повествуют, но важны не факты, а отбор и освещение их, в чем Анненков, несомненно, следовал за газетой, а в данном случае — за Энгельсом.

В пользу предположения, что газета была одним из источников для шестой и особенно для седьмой глав «Записок», говорит целый ряд косвенных доказательств. Анненков еще в марте месяце из личных бесед с Марксом мог знать о его намерении издавать газету[74]. С проспектом этой газеты он мог ознакомиться через Эвербека, получившего его наверняка от Маркса[75].

О том, что Анненков поддерживал постоянные контакты с Эвербеком, косвенно свидетельствует, в частности, обзор парижских событий конца апреля—начала мая 1848 г., который, по-видимому, был послан в Кельн Эвербеком[76]. Этот обзор во многом перекликается с рассказом о тех же событиях, которые приводит Анненков в конце главы «Апрель месяц» и в главе «Май месяц».

Возможно, именно близость с Эвербеком и чтение «Neue Rheinische Zeitung» объясняют удивительную осведомленность Анненкова о деятельности демократических клубов и рабочих обществ. Август Герман Эвербек, немецкий революционный деятель, политический эмигрант в Париже, имел там большие связи, обусловленные его работой в качестве журналиста и отношениями его с французскими политическими деятелями, редакторами газет и журналов. Являясь членом Союза справедливых, а затем

---

[70] Там же.

[71] См. наст. издание, с. 425.

[72] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 124.

[73] См. наст. издание, с. 374.

[74] См.: *Левиова С. З.* Маркс в Германской революции 1848—1849 годов. М., 1970, с. 50.

[75] См.: Там же, с. 51.

[76] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 23, № 19/12.

Союза коммунистов, он вел большую пропагандистскую и просветительскую работу среди немецких рабочих, живущих в Париже. Уезжая в Кельн для издания газеты, Маркс, как это явствует из письма Эвербека ему от 21 мая 1848 г., оставил его в Париже в качестве лица, представляющего перед французскими рабочими и демократическими кругами Союз коммунистов[77]. Анненков, обладавший особенным умением и усердием добывать нужную информацию, которые он приобрел еще со времени «Писем из-за границы», конечно, не мог не использовать Эвербека в качестве источника информации.

Судя по шестой и седьмой главам, Анненков располагал не только печатными документами, но и той информацией, которую он получал от Эвербека, С. Зейлера и других лиц, сопричастных с политической борьбой во французской столице. На обладание этой особой информацией он достаточно ясно намекает в шестой главе, говоря, что не собирается писать историю республиканского парламента, потому что для этого существуют документы, всем известные и всем доступные, а будет говорить лишь о физиономии этого собрания и о пружинах, которые были приведены в действие разнородными направлениями...

Все приведенные выше факты позволяют высказать предположение, что Анненков был знаком с «Neue Rheinische Zeitung», читал ее и под ее влиянием отбирал и освещал факты, приведенные им в шестой и седьмой главах «Записок о французской революции 1848 года». И хотя Анненков не дал описания самого июньского восстания, он достаточно много в этих главах говорил о его причинах.

5

«Записки» были использованы Анненковым в конце 50-х годов, когда политическая обстановка в России изменилась, для подготовки к печати трех статей: в 1859 г. в декабрьском номере журнала «Библиотека для чтения» появилась статья Анненкова «Париж в конце февраля 1848 года», а в марте 1862 г. в журнале «Русский вестник» ее продолжение — «События марта 1848 года в Париже» и «Физиономия Парижа в марте месяце»[78].

В этих статьях понимание исторических событий, свидетелем которых стал автор, отличается большей зрелостью выводов по сравнению с рукописью, составленной по горячим следам событий. Для Анненкова парижане, совершившие февральскую революцию, отнюдь не составляют единую массу. Он выделяет прежде всего рабочих, которые, по его мнению, сыграли главную роль и которые вместе со студентами сохранили в эти дни и национальное достояние (в том числе Луврскую галерею), и частную собственность, что особенно импонирует автору. Анненков отме-

---

[77] MEGA. Dritte Abt., Bd. 2, S. 453.

[78] Эти статьи были перепечатаны позднее под общим заголовком «Февраль и март в Париже 1848 года» в издании: Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова. 1849—1868. СПб., 1877, отд. 1, с. 241—328.

чает, что состоятельные слои Парижа присоединились к революции после того, как победа была завоевана рабочими, а плоды ее были присвоены вождями буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции.

Анненков дает проницательную характеристику Временного правительства, вокруг которого сгруппировались не только республиканцы всех оттенков, сторонники мелкобуржуазного утопического социализма, но и представители монархических фракций — легитимистов, орлеанистов, бонапартистов.

Характеристика Временного правительства дана автором в заключительных строках первой статьи «Париж в конце февраля 1848 года». В «Записках» она содержится в начале главы «Апрель месяц». И нам представляется неслучайной близость оценок Анненкова следующим словам Маркса из «Классовой борьбы в Франции»: «По своему составу *временное правительство*, возникшее на февральских баррикадах, неизбежно являлось отражением различных партий, которые разделили между собой плоды победы. Оно не могло быть не чем иным, как *компромиссом между различными классами*, которые совместными усилиями низвергли Июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны. *Значительное большинство* его состояло из представителей буржуазии. . . Рабочий класс имел только двух представителей: Луи Блана и Альбера»[79].

Во второй статье Анненков рассказывает о некоторых декретах Временного правительства и реакции на них в столице и в стране. И здесь в оценке этих событий можно говорить о влиянии Маркса.

В связи с декретом временного правительства от 5 марта о проведении выборов в Национальное собрание и введении всеобщего избирательного права Анненков верно расценил бурную деятельность партии «National» в избирательной кампании как страх перед крестьянством, его монархическими настроениями[80]. Это перекликается с оценкой Марксом того же факта в «Классовой борьбе во Франции»: «Всеобщее избирательное право отдало судьбу Франции в руки номинальных собственников, составляющих громадное большинство французского народа, — в руки *крестьян*»[81].

Много общего у Анненкова с Марксом в оценке финансовых мероприятий Временного правительства. Так, то, что пишет Анненков о налоге в 45 сантимов[82], очень близко к оценке этого закона у Маркса: «Временное правительство ввело дополнительный налог в 45 сантимов на каждый франк по всем четырем прямым налогам, <. . .> он пал прежде всего на *крестьянство*, т. е. на огромное большинство французского народа. *Крестьянам пришлось нести издержки февральской революции*, — и они составили главную армию контрреволюции. Налог в 45 сантимов был жизненным вопросом для французского крестьянина, который, в свою очередь, сделал его вопросом жизни и смерти для республики. С этого момента

---

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 13.
[80] См. наст. издание, с. 199.
[81] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 15.
[82] См. наст. издание, с. 215.

в глазах французского крестьянина *республику* олицетворял *налог в 45 сантимов*, а парижский пролетариат представлялся ему расточителем, который благоденствовал за его счет»[83].

Создание Люксембургской комиссии Анненков, опять-таки сближаясь с Марксом, оценивает как весьма ловкий ход со стороны Временного правительства, которое тем самым очистило «ход событий... от страшной массы народа, мешавшей его течению»[84].

Очерк «Февраль и март в Париже 1848 года» написан на материале не только первых глав «Записок о французской революции 1848 года», но и с учетом всего накопленного материала. Многое Анненков переоценил в своем повествовании, но влияние Маркса не только осталось неизменным — оно усилилось и стало более определенным и четким. В этой связи особенно интересной представляется оценка русским литератором событий 17 марта и 16 апреля 1848 г.

Как и в «Записках», демонстрацию 17 марта Анненков рассматривает в очерке как выступление парижского пролетариата в защиту революционного декрета Ледрю-Роллена, против попыток выступления контрреволюционных сил, но в очерке он уже показывает, что внушительная демонстрация сил парижского пролетариата 17 марта обнаружила глубокий социальный раскол всей Франции: против рабочего класса оказалась вся страна собственников. Анненков ставит в зависимость от этого события весь последующий ход революции[85].

Беседы с Марксом, чтение «Neue Rheinische Zeitung» помогли Анненкову ретроспективно верно расценить подлинные причины неумолимого хода событий во Франции, приведших к июньскому восстанию парижского пролетариата.

В очерке Анненков с большой иронией описывает неразбериху, путаницу, революционное фразерство, царившее на заседаниях Немецкого демократического общества, где главную роль играли Гервег и Борнштедт. За этим стоит нечто большее, чем ирония образованного и умного барина: он видит бесплодность вооруженного вторжения в Германию, более того, он понимает, что революционный энтузиазм иностранных рабочих умело используется Временным правительством, которое мечтает избавиться от них. Здесь поразительное совпадение с оценкой Марксом и Энгельсом авантюристических планов немецких и иных мелкобуржуазных демократов, их пагубной тактики, которая привела к выдаче рабочих-эмигрантов в руки реакционной военщины собственных стран.

Анализ работ Анненкова разных периодов позволяет с определенной долей уверенности говорить о влиянии Маркса и Энгельса на его взгляды. К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы высказать предположение о знакомстве Анненкова с работами Маркса «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Письмами из Франции» Энгельса. Однако близость отдельных суждений

---

83 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 22.

84 См. наст. издание, с. 195.

85 См. наст. издание, с. 211.

Анненкова некоторым положениям этих работ Маркса и Энгельса может быть объяснена тем, что их взгляды и оценки определялись уже в первые месяцы революционных событий во Франции.

Естественно, русский литератор ни в коей мере не становится марксистом, однако его кругозор под влиянием идей основоположников научного коммунизма существенно расширяется и оценка событий, свидетелем которых он стал в Европе, становится более глубокой и правильной.

6

Работы Анненкова имели определенный отклик в России, а потому их следует принимать во внимание при изучении влияния идей Маркса и Энгельса на формирование мировоззрения передовой части образованного русского общества как один из каналов проникновения их идей.

В этом плане значение «Писем из-за границы» состоит в другом — в том, что они знакомили русского читателя с передовой общественной мыслью Европы, в частности, с идеями французского утопического социализма.

Для самого Анненкова его первое зарубежное путешествие, новейшая литература по социально-политическим, экономическим и философским вопросам, а также наблюдение за контрастами социальной жизни в наиболее развитых капиталистических странах и прежде всего в Англии, значили очень многое. Все это помогло ему во время второй длительной поездки за границу в какой-то степени верно оценить историческое значение нового учения, которое вошло в современную ему действительность с именем Маркса.

Для знакомства русского общества с идеями уже сформировавшегося марксизма реальное значение имели «Парижские письма», которые получили большой общественный резонанс. Это объясняется многими причинами: прогрессивная позиция самого Анненкова; авторитет «Современника», каждая публикация которого была событием в общественной жизни России; острый интерес русского общества 40-х годов XIX в. к умственным и политическим движениям на Западе. Помимо «Парижских писем» большое значение имели и личные контакты Анненкова с кругом «Современника».

Летом в Силезию приезжал лечиться Белинский. Анненков, отказавшись от собственных планов путешествия в Грецию, отправился вместе с ним в Зальцбрунн. Здесь, а затем в Париже, где в спорах, помимо Белинского и Анненкова, принимали участие Герцен, Бакунин, Сазонов, велись долгие разговоры о социально-экономическом и политическом положении стран Западной Европы и особенно Франции. Споры эти уже были описаны в нашей литературе [86]. Мы приведем лишь отрывок из письма Белинского Боткину от 2—6 декабря 1847 г., из которого становится ясным их основное содержание: «Я согласен, что одною буржуази нельзя объяс-

---

[86] См., например: *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842 - 1848. М., 1967, с. 374—379.

нить a fond (вполне. — *И. К., В. С.*) и окончательно гнусного, позорного положения современной Франции, что этот вопрос страшно сложный, запутанный и прежде всего и больше всего — исторический, а потом уже какой хочешь — нравственный, философский и т. п. Я понимаю, что буржуази явление не случайное, а вызванное историей, что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги. Я даже согласен с Анненковым, что слово bourgeoisie не совсем определенно по его многовместительности и эластической растяжимости. Буржуа и огромные капиталисты, управляющие так блистательно судьбами современной Франции, и всякие другие капиталисты и собственники, мало имеющие влияния на ход дел и мало прав, и, наконец, люди вовсе ничего не имеющие, т. е. стоящие за цензом. Кто же не буржуа? Разве ouvrier (рабочий. — *И. К., В. С.*), орошающий собственным потом чужое поле. Все теперешние враги буржуази и защитники народа также не принадлежат к народу и также принадлежат к буржуази, как и Робеспьер и Сен-Жюст... Итак, не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать, как на чуму и холеру современной Франции...» (*Белинский*, т. 12, с. 448—449).

И второй раз он упоминает об этих спорах в письме к самому Анненкову от 15 февраля 1848 г.: «Когда я в спорах с Вами о буржуази называл Вас консерватором, я был осел в квадрате, а Вы были умный человек. Вся будущность Франции в руках буржуази, всякий прогресс зависит от нее одной, и народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль... Мой верующий друг (Бакунин. — *И. К., В. С.*) доказывал мне еще, что избави-де бог Россию от буржуази. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази...» (там же, с. 468).

Мы не останавливаемся здесь ни на существе спора, ни на толковании его оттенков[87]. Для нас важно подчеркнуть, что Белинский выносит из этих споров новые для него мысли: буржуазия является закономерным продуктом исторического развития человеческого общества; ей противостоит неимущий рабочий; на определенном этапе развития буржуазия играет прогрессивную роль; она не однородна по своему составу (в письме говорится о мелкой буржуазии); в современной Франции все радикальные политические деятели и социальные реформисты хотя и заявляют себя защитниками народа, принадлежат к буржуазии.

Не будет преувеличением, вероятно, утверждение, что в защиту этих положений в парижских спорах выступил Анненков. На основании «Замечательного десятилетия», писем Белинского это можно утверждать с уверенностью по крайней мере по отношению к первым четырем положениям. На позицию же, занятую в споре Анненковым, несомненное влияние оказали и Маркс, и Энгельс.

---

[87] На наш взгляд, например, В. С. Нечаева предвзято подходит к позиции Анненкова в этом споре. См.: *Нечаева В. С.* Указ. соч., с. 378.

В отличие от «Писем из-за границы» и «Парижских писем» «Записки о французской революции 1848 года» не были опубликованы, но, без сомнения, они были известны узкому кругу близких ему лиц. Судя по письму Герцена от 2—8 августа 1848 г., «Записки» были отправлены в Россию с семейством Тучковых, еще до отъезда на родину их автора. Когда «Записки» Анненкова попали в Москву, среди друзей Анненкова и Герцена уже не было Белинского, скончавшегося в мае 1848 г. Но Грановский, Кетчер, Боткин, Корш, разумеется, прочитали труд Анненкова. Не исключено, что московские друзья Анненкова познакомили с его рукописью и более широкий круг близких к ним людей. В пользу этого предположения говорит сохранившаяся копия, снятая неизвестным лицом с третьей главы «Записок» — «Луи Блан в Люксембурге» (*ИРЛИ*, 57 49 XXX 6 33).

Анненков возвратился в Россию осенью 1848 г., когда в стране началась реакция. «По приезде из Парижа в октябре 1848 года, — писал он впоследствии, — состояние Петербурга представляется необычайным: страх правительства перед революцией, террор внутри, предводимый самим страхом, преследование печати, усиление полиции, подозрительность, репрессивные меры без нужды и без границ. . .» (*Лит. воспоминания*, с. 529).

Такая обстановка, естественно, не могла способствовать ни публикации «Записок», ни какому бы то ни было распространению их. Сам Анненков уехал в свою симбирскую деревню, где сначала занялся публицистикой и написал «Письма из провинции», а затем, с помощью младшего брата Ивана Васильевича Анненкова, купившего у Н. Н. Ланской право на издание сочинений Пушкина и черновые бумаги поэта, принялся за основное дело своей жизни — научное издание сочинений Пушкина и материалов к его биографии. Этому делу Анненков отдал более пяти лет.

В 1850-е годы Анненков — активный участник современного литературного процесса и общественной жизни России. Он возобновляет приятельские отношения с Герценом, приветствуя его лондонское предприятие — издание «Колокола», систематически выступает с критическими статьями и литературоведческими исследованиями.

Круг интересов его по-прежнему широк, как обширен и круг людей, с которыми он общается. Принадлежа по своим личным и эстетическим симпатиям, политическим взглядам к кругу редакции «Библиотека для чтения», Анненков в то же время живо интересовался «Современником» и его молодыми идеологами — Чернышевским и Добролюбовым.

В литературе Анненков обычно фигурирует как антагонист Чернышевского и его имя приводится лишь в связи с полемикой между ним и Чернышевским по поводу современных литературных явлений, и совершенно забывается о других фактах.

В период работы Чернышевского над «Очерками гоголевского периода развития русской литературы» Анненков снабжает его богатым фактическим материалом. А. Н. Пыпин писал впоследствии: «Если не ошибаюсь, немало он (Чернышевский. — *И. К.*, *В. С.*) почерпнул из рассказов

П. В. Анненкова»[88]. Анненков в письме к И. С. Тургеневу от 1 июня 1856 г. просит: «Пришлите мне по тяжелой почте кипу Чернышевского. Это будет безделица по почте. Кипа эта мне нужна, да и недаром же заставлять работать Чернышевского. Ничего нет приятнее для человека, когда труд и одолжение его гуляют в пространстве»[89]. Помощь Чернышевскому в работе над «Очерками гоголевского периода», видимо, сблизила Анненкова с ним; в письме к Тургеневу от 16 ноября 1857 г. Анненков сообщает: «Я часто навещаю Чернышевского, с которым познакомился короче»[90].

Чернышевский высоко ценил работы Анненкова. Собрание сочинений А. С. Пушкина, отредактированное и изданное Анненковым, материалы для биографии Пушкина, опубликованные в первом томе издания, воспоминания Анненкова о Н. В. Гоголе, труд его о Н. В. Станкевиче — все вызвало, как известно, хвалебные рецензии Чернышевского. Вместе с Анненковым Чернышевский принял активное участие в организации и работе Литературного фонда, что также не могло их не сблизить.

В период интенсивного общения с Анненковым Чернышевский работал над рядом статей по истории Франции. В 1857 г. в «Современнике» (№ 7) Чернышевский поместил рецензию на статью кн. В. А. Черкасского о работах А. Токвилля «L'ancien régime et la révolution» («Старый режим и революция». — *И. К., В. С.*) и Ш.-Ф. Монталамбера «De l'avenir politique de l'Angleterre» («О политическом будущем Англии». — *И. К., В. С.*). Статья была опубликована в «Русской беседе»[91] и дала возможность Чернышевскому высказать ряд резких замечаний в адрес режима Июльской монархии и Луи Бонапарта. В 1858 г. по инициативе Чернышевского издается при «Современнике» «Историческая библиотека», которая открывалась переводом труда немецкого историка Ф. К. Шлоссера «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи». Предисловие к первому тому написано Чернышевским.

В том же 1858 г. в «Современнике» появляются статьи Чернышевского «Кавеньяк» и «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X»; последняя представляет собой рецензию на «Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps» par Guizot, t. 1, 1858 («Воспоминания как материалы для истории моего времени» Гизо, т. 1, 1858. — *И. К., В. С.*). В 1859 г. была написана статья «Франция при Людовике-Наполеоне», не пропущенная цензурой, а в первой, второй и пятой книжках «Современника» за 1860 г. появилась статья «Июльская монархия».

Статьи Чернышевского объединяла мысль о народе как движущей силе истории, революции как единственном пути радикального изменения общественного устройства, о предательской роли либералов в ответственные, решающие моменты истории. Актуальность статей для русского общества была очевидна.

---

[88] *Пыпин А. Н.* Некрасов. СПб., 1905, с. 24.
[89] Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Публикация Н. М. Мендельсона. — В кн.: Труды пуб. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1934, вып. 3, с. 58.
[90] Там же, с. 72.
[91] Русская беседа, 1857, т. 2, кн. 6. Критика, с. 23—88.

Вопрос об источниках этих статей Чернышевского не раз ставился в литературе. В работах советских историков конца 1920-х годов подчеркивалась удивительная близость высказываний и суждений Чернышевского суждениям Маркса. Так, Ц. Фридлянд пишет: «Статьи Н. Г. Чернышевского обнаруживают поразительное совпадение по целому ряду вопросов с блестящими страницами Маркса из „18 Брюмера"»[92]. Его мысль продолжает М. Н. Покровский: «...в самом деле много блестящих мыслей и много формулировок, сходных с формулировками Маркса в его исторических работах»[93]. Особенную близость Марксу, по мнению Фридлянда и Покровского, Чернышевский обнаружил в статье «Кавеньяк»[94].

Авторы указанных статей анализируют обширный круг исторической литературы, которая могла быть использована или действительно была использована Чернышевским в его работах по истории Франции. В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на глухое упоминание в статье «Кавеньяк», мимо которого до сих пор проходили все исследователи. В ней Чернышевский пишет: «Этот взгляд нимало не принадлежит нам, мы только передаем то, что находим в источниках, которыми руководствовались» (*Чернышевский*, т. 5, с. 5).

Мы считаем возможным высказать предположение, что на одно из первых мест здесь претендует Анненков. Основание для этого нам дают некоторые соображения. Во-первых, Анненков был в глазах Чернышевского не только маститым литератором, но и знатоком Европы, особенно Франции 40-х годов. Чернышевскому были, конечно, известны «Письма из-за границы» и «Парижские письма». Во-вторых, среди окружения Чернышевского Анненков был единственным непосредственным свидетелем Французской революции в продолжение пяти месяцев, находясь к тому же все это время в тесном общении сначала с Бакуниным, потом с Герценом, о чем Чернышевский не мог не знать. Наконец, во время работы над «Очерками гоголевского периода развития русской литературы» Чернышевский мог убедиться в ценности информации Анненкова, в ее объективности и достоверности.

Анненков, в свою очередь, шел навстречу Чернышевскому, стремясь сблизиться с вождем русского молодого поколения. Нам представляется возможным даже, что Анненков не скрыл от Чернышевского своих зарубежных контактов, в частности своего знакомства с Марксом и Энгельсом, тем более что интерес к ним в России появился уже в 40-е годы. Об этом говорят не только выше приведенные факты, но и упоминание о Марксе и Энгельсе в таком официальном издании, как «Справочный энциклопедический словарь»[95].

---

[92] *Фридлянд Ц.* Н. Г. Чернышевский как историк. — В кн.: Летописи марксизма 1928 г. Записки института К. Маркса и Ф. Энгельса, VII-VIII, с. 43.

[93] *Покровский М. Н.* Н. Г. Чернышевский как историк. — Историк-марксист, 1928, № 8, с. 32.

[94] Вновь это предположение (правда, без анализа конкретного материала) выдвинуто в статье: *Чеканов Н. С.* Основные вопросы истории Франции периода июльской монархии и революции 1848 г. в освещении А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. Кафедра истории, 1961, вып. 13, с. 161.

[95] Справочный энциклопедический словарь / Под ред. Старчевского. СПб., 1848, т. 11, с. 139.

В статье Чернышевского есть несколько страниц, в которых кратко излагаются основные события французской революции 1848 г. Причем автор не просто излагает ход революции во Франции. Опираясь на факты, Чернышевский так интерпретирует и располагает их, что они помогают ему выдвинуть обвинение против партии умеренных республиканцев, партии «National». Чернышевский отмечает в статье «Кавеньяк», что определяющее влияние во Временном правительстве имели умеренные республиканцы. Эти «чистые республиканцы» пришли к власти с помощью рабочих, их «союз» с рабочими был противоестественен и породил многие противоречия. Основным вопросом революции 1848 г. Чернышевский полагал социальный вопрос. Неумение и нежелание решить этот вопрос, по его мнению, составляет основную вину умеренных республиканцев, стоявших у власти, что и привело в конце концов к июньскому восстанию, неизбежность которого была заложена уже в феврале.

Близость «Запискам» Анненкова статьи Чернышевского «Кавеньяк» проявляется не только в освещении общего хода событий революции 1848 г., но и в понимании отдельных революционных событий и фактов.

Как и Анненков, Чернышевский основной движущей силой революции 1848 г. считал рабочий класс, который вынудил Временное правительство заняться решением социальной проблемы: «...они хотели существенных изменений в своем материальном быте, и когда республиканцы, достигшие власти их силой, показали вид, что хотят ограничиться изменениями политической формы, работники потребовали от них на другой же и на третий же день после победы принятия мер к улучшению материального положения низших классов» (*Чернышевский*, т. 5, с. 15).

Анненков называл Люксембургскую комиссию «спасительным громоотводом». Чернышевский же, говоря о ней, пишет: «Пока продолжались Люксембургские конференции, они более, нежели что-нибудь другое, удерживали работников от насильственных действий» (там же, с. 17).

В оценке национальных мастерских, причин, вызвавших их создание, и роли, которую им первоначально отвело Временное правительство, Чернышевский также близок к Анненкову: «Национальные мастерские с тем и были устроены, чтобы служить армией против социалистов... эти мастерские были организованы по военной системе...» (там же, с. 21).

Анненков, как было сказано выше, не без влияния Маркса, стал, начиная с апреля месяца, достаточно трезво понимать расстановку политических сил, видя нарастание классовых противоречий в стране. Он писал также, что партия «National» представляет большинство в Национальном собрании. Это же отмечает и Чернышевский: «Под влиянием всех этих обстоятельств умеренные республиканцы решительно восторжествовали на выборах в Национальное собрание...» (там же, с. 23).

В оценке событий 15 мая Чернышевский также следует за Анненковым, повторяя его даже в мелочах. Он называет Бланки, как и Анненков, «интриганом».

Уклонившись от описания июньского восстания, что было совершенно естественно в условиях подцензурной печати, Чернышевский, подобно Анненкову, очень обстоятельно анализирует причины, породившие восстание:

бездейственность Исполнительной комиссии, реакционная политика Учредительного собрания, требовавшего от комиссии решительных действий против рабочих национальных мастерских, наглое наступление на завоевания февраля.

В своем рассказе Чернышевский точно следует за Анненковым, передавая кратко его пространные описания, которые иногда почти текстуально совпадают: «В продолжение четырех месяцев легкомысленное бездействие и разноречащие распоряжения временного правительства и его наследницы, Исполнительной комиссии, раздражали массу, обманываемую в своих надеждах, исполнение которых было ей формально обещано» (там же, с. 14) [96].

Любопытно, что Чернышевский близок Анненкову именно в тех суждениях, в которых последний следовал за Марксом; «ламартыжничество», «буржуазологию» Анненкова Чернышевский напрочь отсекал.

Влияние «Записок» Анненкова сказалось не только на статье «Кавеньяк», но и на других статьях Чернышевского, в которых говорится о некоторых событиях революции 1848 г. во Франции.

В статье «Франция при Людовике-Наполеоне» примечательны характеристика Луи Бонапарта и понимание причин, способствующих его выдвижению в 1848 году. Чернышевский, подобно Анненкову, называет Луи Бонапарта «авантюристом». Объясняя причины, приведшие его к власти, Чернышевский указывает на обаяние его имени, на популярность его среди крестьянских масс: «Было и еще одно обстоятельство, тоже упущенное из виду политическими прожектерами, обстоятельство, проявившееся потом с непреодолимой силою: это очарование, производимое именем Наполеона на невежественную массу деревенского населения, очарование почти баснословное... они считали его за Персея, который явился затем, чтобы убить это отвратительное чудовище — республику, столь алчную до налогов» (там же, с. 398).

В своих «французских» статьях Чернышевский неоднократно писал о враждебном отношении крестьянских масс Франции к республике 1848 года, по милости правительства которой был введен налог в 45 сантимов. Как помним, на такое же отношение крестьян к революции и по тем же причинам указывал и Анненков.

В статье «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» Чернышевский разоблачает антинародную сущность буржуазного либерализма. Это разоблачение вряд ли было бы возможно без учета опыта революции 1848 г. Одним из источников для понимания предательской роли либеральной буржуазии Чернышевскому могли стать шестая и седьмая главы «Записок» Анненкова. В них Анненков показал, что стремление к свободе у буржуазии, равно как и защита монархии у монархистов, мнимое, каждая из этих партий заботилась прежде всего не о свободе или короле, а о своих эгоистических интересах. Так же характеризовал эти партии и Чернышевский: «В чем же заключались действительные стремления партий, из которых одна выдавала себя защитницей

---

[96] См. наст. издание, с. 428, 429.

монархической власти, другая — свободы? Они заботились об интересах, гораздо более близких им, нежели престол или свобода» (там же, с. 224).

Видимо, именно потому, что Чернышевский использовал в качестве одного из источников (следует еще раз подчеркнуть, что, конечно же, материалы Анненкова не могли быть единственным источником информации для его статей о революции во Франции) «Записки» Анненкова, статьи самого Чернышевского оказались так близки работам Маркса.

Изложенный выше материал позволяет, на наш взгляд, с достаточным основанием утверждать, что написанная Анненковым по горячим следам событий рукопись «Записки о французской революции 1848 года» была не только прочитана его московскими друзьями в 1848 г., но позднее, через 10 лет, стала известна Чернышевскому и оказала определенное влияние на его статьи о Франции, а тем самым и на передовое общественное мнение России.

Поэтому совершенно необходимо конкретное изучение литературного наследства Анненкова, его писем, рукописей, истории его личных отношений со своими соотечественниками для воссоздания полной картины влияния идей Маркса и Энгельса на передовые круги русского образованного общества не только в 1840-х годах, но и в период нарастания революционного подъема в России во второй половине 50-х годов XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании впервые публикуется вся зарубежная корреспонденция известного русского критика, публициста, литературоведа и мемуариста Павла Васильевича Анненкова.

«Письма из-за границы» и «Парижские письма» впервые были опубликованы в «Отечественных записках» (1841—1843) и «Современнике» (1847—1848); вторичная и последняя их публикация осуществлена А. Н. Майковым в издании «П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 гг.» СПб., 1892.

Непосредственно к письмам по своему содержанию примыкает очерк «Февраль и март в Париже в 1848 году», написанный Анненковым в конце 1850-х гг. и опубликованный первоначально в «Библиотеке для чтения» 1859, № 12 и «Русском вестнике», 1862, № 3. Вторая публикация была сделана автором в его избранных сочинениях «Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова. 1848—1868 гг.» Отд. 1. СПб., 1877. Эти три работы составляют основу настоящего тома.

В разделе «Дополнения» впервые публикуются два материала, не известные нашей науке. Это «Записки о французской революции 1848 года», на основе которых был написан очерк «Февраль и март в Париже 1848 года», но далеко не вобравший всего их содержания. «Записки» были созданы Анненковым в Париже в период революции 1848 г., свидетелем которой он был. «Запискам о французской революции 1848 года» предшествуют «Путевые записки», дополняющие «Письма из-за границы» и написанные примерно в то же время.

Данная книга является первым научным изданием зарубежной публицистики Анненкова.

Орфография и пунктуация публикуемых текстов приближены по возможности к современным нормам русского литературного языка. Однако при общей лингвистической унификации текста, с целью сохранения своеобразия авторского стиля и особенностей речевой практики 1840-х годов, допущены некоторые отклонения, которые сводятся: к делению текста на абзацы; фонетическому оформлению одинаковых по значению слов (сантиментальный — сентиментальный), в том числе и имен собственных (Стирия — Штирия, Тюльери — Тюильри, Каваньяк — Кавеньяк, Сталь — Шталь); синтаксическим конструкциям (управление); пунктуации. В отдельных случаях сохранена даже старая орфография (однакож — однако ж; как-то — как то и др.).

Переводы иностранных текстов, слов и выражений даются под строкой, обозначены знаком звездочки *, сноски Анненкова обозначены цифрой и знаком звездочки *.

Тексты всех пяти материалов прокомментированы, ранее публиковавшимся текстам предшествуют преамбулы, впервые публикуемым — археографические введения. Публикация зарубежной публицистики Анненкова сопровождается двумя статьями.

Подготовка ранее публиковавшихся текстов, публикация автографов, комментарии ко всем материалам, преамбулы и археографические введения, указатели имен и периодической печати подготовлены И. Н. Конобеевской, ею написана и вводная статья «Парижская трилогия и ее автор». Исследование «К. Маркс, Ф. Энгельс и П. В. Анненков» подготовлено совместно И. Н. Конобеевской и В. А. Смирновой.

За систематическую помощь, консультацию и содействие в работе выражаю глубокую благодарность Институту Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, доктору искусствоведения И. С. Зильберштейну и Н. Б. Волковой, директору ЦГАЛИ.

ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

«Письма из-за границы» писались Анненковым во время его первого зарубежного путешествия и по мере написания публиковались в журнале «Отечественные записки» за 1841—1843 гг., в отделе «Смесь».

Отдел был выбран не случайно: он позволил скрыть «Письма» от цензуры. Стилевая манера «Писем», их иронический тон, обилие информации о культурной жизни Запада, обилие имен второстепенных актеров — все направлено было к тому, чтобы отвлечь внимание цензуры от основного — социально-политической и философской информации. Всего было опубликовано тринадцать «Писем из-за границы».

Вторая публикация «Писем из-за границы» была осуществлена после смерти Анненкова, в 1892 г., в сб. «П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 гг.» СПб., 1892. Редактором сборника был Л. Н. Майков, на что есть прямое указание сына Анненкова — П. П. Анненкова (*ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 2, ед. хр. 14, с. 4).

Никакой существенной разницы в текстах первой и второй публикаций нет, поскольку в основу второй публикации была положена первая; есть лишь редакторская правка, которая свелась к следующему:

1. В первой публикации «Письма» названы: «Письмо I», «Письмо II» и т. д., во второй публикации оставлены лишь римские цифры.
2. В первой публикации каждое письмо заключалось подписью «А—в», во второй письма даны без подписи.
3. Во второй публикации убраны редакторские примечания к тексту.
4. Текст второй публикации заново разбит на абзацы.
5. В первой публикации все иностранные фамилии, а также названия картин, книг, журналов и т. д. даны курсивом, во второй оставлен лишь смысловой курсив, а названия книг, журналов, газет и т. д. даны в кавычках.
6. В первой публикации фамилии русских друзей Анненкова обозначены начальной буквой, во второй они даны полностью.
7. Во второй публикации исправлено написание некоторых иностранных собственных имен.
8. В первой публикации к некоторым письмам в оглавлении была дана аннотация. Во второй публикации все аннотации убраны.

Во второй публикации допущено несколько опечаток: Письмо I, с. 108 — «казенные», в первой публикации «каменные». Письмо IV, с. 136 — «Баурер», в первой — «Бауер». Письмо V, с. 140 — «Вера», в первой — «Венера». Письмо XI, с. 227 — «подобные», в первой — «подробные». Письмо XII, с. 231 — «Пциферов», в первой — «Пфицеров».

В настоящем издании «Письма из-за границы» печатаются по тексту первой публикации с сохранением некоторых редакторских поправок, сделанных во второй публикации, а именно: письма даны без подписи и обозначены лишь римской цифрой; редакторские примечания убраны из текста и оговорены в общих примечаниях; названия газет, журналов, книг и т. д. даны в кавычках; сохранены исправления в иностранных собственных именах.

При публикации «Писем из-за границы» в «Отечественных записках» в оглавлении соответствующего номера журнала к письмам, начиная с шестого, дается аннотация. Судя по принципу публикации следующего цикла зарубежных корреспонденций Анненкова «Парижские письма» (см. ниже), аннотации принадлежат автору, поэтому текст их приводится в примечаниях.

Письмо I

Впервые — «Отечественные записки», 1841, кн. III, отд. «Смесь», с. 15—19.

Письмо снабжено примечанием от редакции, принадлежащим, на наш взгляд, В. Г. Белинскому. Об этом говорит стиль примечания, оценка дебюта Анненкова, перекликающаяся с оценкой, данной Белинским в письме к В. П. Боткину (*Белинский*, т. 12, с. 29), а также утверждение, что «Письма из-за границы» не предназна-

чались для печати, о чем, естественно, мог знать только сам Белинский, которому они были адресованы. В примечании читаем: «Едва ли есть что-нибудь в литературе скучнее „путешествий“. По крайней мере, нет более действительного средства от бессонницы, как иные записки о Париже или о берегах Рейна, с преданиями о рыцарских замках, каждому наизусть известными. И это очень естественно: путешественник, который хочет систематически описывать страну, необходимо должен повторять общие места, уже сто раз до него повторенные, делать выписки из дорожников, говорить о том, чего сам не видел, и вообще придавать своему сочинению апатическое свойство статистического описания. Не таковы „Письма Русского Путешественника“ Карамзина, впервые познакомившие Россию с Европою: знаменитый автор этого сочинения не без причины дал ему форму писем, средоточием которых была его собственная личность: это придало его путешествию всю прелесть романа, всю живость очевидного свидетельства, всю яркость и свежесть известного момента времени.

Но часто простые, отрывочные заметки путешественника бывают несравненно интереснее полных рассказов и описаний. Эти заметки, часто не имеющие между собой никакой видимой последовательности и связи, дают вернейшее понятие о стране и народе, чем все в мире систематические путешествия: в них авторы не описывают вам страны, но, так сказать, переносят вас самих и ставят в среду ее жизни. Вот причины, которые заставили нас печатать здесь отрывки из писем одного нашего заграничного корреспондента, вместе того чтобы помещать из них одни извлечения в виде новостей. Мы убеждены, что читатели не без удовольствия будут пробегать эти отрывки. Лучшее в письмах г-на Анненкова то, что они писаны не для печати и скорее могут быть названы импровизацией, чем сочинением. Ред.»

[1] *Катков* Михаил Никифорович (1818—1887) — русский литератор, журналист; в 1830—1840-е гг. близок кружку В. Г. Белинского, сотрудник «Отечественных записок» и «Московского наблюдателя», первый переводчик на русский язык «Писем о природе» Ф. Шеллинга и лекций об эстетике Гегеля; в 1860—1880-е гг. — реакционный публицист, редактор журнала «Русский вестник».

[2] *...как тень Сумбеки (в балете того же имени)...* — Героический балет «Сумбека, или Взятие Казани», поставленный на сцене Большого театра в Петербурге в конце 1830-х годов балетмейстером А. Бланшем, сыном парижского балетмейстера Ж. Бланша.

[3] *Травемюнде* — гавань в Любеке, куда всегда привозили русских путешественников, отправлявшихся за границу.

[4] *...и девушку, и страдальца, и стихи, и фразу...* — Имеется в виду романтическая повесть русского писателя Карамзина Николая Михайловича (1766—1826) «Остров Борнгольм» (1793), написанная под влиянием английского романтизма. Цитата приведена Анненковым неточно. В повести Карамзина читаем: «В горестной задумчивости стоял я на палубе, взявшись руками за мачту. Вздохи теснили грудь мою; наконец, я взглянул на небо, и ветер снес в море слезу мою» (*Карамзин Н. М.* Избр. соч. М.; Л., 1964, с. 673).

[5] *...болтая обо всех вас...* — Имеются в виду В. Г. Белинский и его ближайшее окружение в Петербурге: Языков Михаил Александрович (?—1885), промышленник и литератор, Панаев Иван Иванович (1812—1862), русский журналист и писатель, и др.

[6] *...пояснили мне «Германа и Доротею» Гете...* — Речь идет о поэме И. В. Гёте, повествующей в гекзаметрах о быте немецкого бюргерства (1797).

[7] *...за исключением стен, разрушенных Наполеоном...* — В 1806 г. город Любек был захвачен войсками Наполеона и в 1810 г. присоединен к французской империи; в 1814 г. Любек был освобожден и вместе с Гамбургом и Бременом вновь стал вольным городом, с собственной администрацией и на правах союзного государства, входящим в Германский союз.

[8] *Лютер* Мартин (1483—1546) — деятель эпохи Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии.

[9] *...картина Иоганна Гемлинга, одного из учеников Дюрера...* — Большой алтарный складень «Страсти Христовы» работы художника старонидерландской школы Мемлинга Гана (1433—1499), ошибочно называемого Гемлингом; Мемлинг — ученик немецкого художника Дюрера Альбрехта (1471—1528).

[10] *Каиафа* — иудейский первосвященник, собственное имя которого, по свидетельству Иосифа Флавия, римского историка, было Иосиф; согласно легенде, Каиафа был яростным врагом учения Иисуса Христа и повинен в его смерти.

[11] *...кидающих жребий об одежде Христа...* — Выражение восходит к библейской легенде, согласно которой воины, распявшие Христа, деля его одежду, метали жребий.

[12] *Овербек* Фридрих (1789—1869) — представитель позднего немецкого романтизма, принадлежал к школе т. н. «назарейцев», обществу австрийских и немецких художников, основанному в Риме в 1808 г.; школа стремилась к возрождению простоты и наивности религиозного монументального искусства средних веков.

[13] *...для членов магистрата...* — В Германии 1840-х годов магистратом называлась совокупность городских учреждений.

[14] *...расстрелянному в 1813 году за смелые слова...* — Эпизод из восстания в г. Любеке против французского владычества в 1813 г.

[15] *...маленький штраф за позднее вступление в город...* — Намек на полицейский режим, усилившийся в Германии после французской революции 1830 г. и возродивший средневековый обычай.

[16] *Меланхтон* Филипп (1497—1560) — протестантский богослов, сподвижник М. Лютера, вставший после его смерти во главе лютеранства в Германии.

[17] *Франк* Пауль (1540—1596) — фламандский художник, автор картины «Шествие на Голгофу».

[18] *Stadt-театр* — Городской театр, основанный после закрытия в 1768 г. Гамбургского национального театра.

[19] *Гиммель*, правильно Гуммель, Иоанн Непомук (1778—1837) — пианист и композитор, ученик В. А. Моцарта.

[20] *Тальберг* Сигезмунд (1812—1871) — австрийский пианист и композитор, ученик Гуммеля; гастролировал в России в 1839 г.

[21] *Фильд* Джон (1782—1837) — композитор, пианист и педагог; долгое время жил в России, упоминается в романе Л. Толстого «Война и мир».

[22] *«Норма»* — опера итальянского композитора В. Беллини (1801—1835), впервые поставленная в миланском театре в 1831 г.; написана по трагедии французского драматурга Ф. Сулье (1800—1847) на либретто итальянского драматурга Ф. Романи (?—1865).

[23] *«Лукреция»* — «Лукреция Борджиа», опера итальянского композитора Г. Доницетти (1797—1848), написанная по драме В. Гюго того же названия на либретто Ф. Романи; впервые поставлена в 1833 г. в миланском театре «La Scalla».

[24] *Я вам не говорю о бирже...* — Знаменитая гамбургская биржа, открытая в 1554 г. В письме Анненкова к братьям из Гамбурга читаем: «Но самое главное в городе, так как он вольный и торговый, это биржа: просто старый, темный, готический навес, но в час под этим навесом собирается весь Гамбург, площадь между банком и биржей наводняется толпами, и тут кончаются все сделки и ворочаются миллионы» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 4).

[25] *...ллойдовой кофейне Гамбурга.* — Кофейня в Лондоне конца 17—нач. 18 вв., принадлежала Эдуарду Ллойду, возглавлявшему английское акционерное общество морского страхования.

[26] *«Фрелих»* — представление на открытой сцене (Freilichbühne).

Письмо II

Впервые — «Отечественные записки», 1841, кн. III, отд. «Смесь», с. 19—21.

[1] *...в погреб, где пьянствовал Гофман.* — Немецкий писатель-романтик Гофман Эрнест Теодор Вильгельм Амедей (1776—1822), живя в Берлине, большую часть вечеров проводил в винном погребке Лютера и Вегнера, где его собеседником был немецкий актер, глава актерской династии Девриент Людвиг (1784—1838). В память об этих вечерах в погребке висела картина работы неизвестного художника, изображавшая собеседников.

[2] *Вердер* Карл (1806—?) — немецкий философ и драматург, с 1834 г. приват-доцент на кафедре философии Берлинского университета.

[3] *Гото* Генрих Густав (1802—1873) — немецкий ученый гегелевской школы, историк и теоретик искусства, профессор Берлинского университета.

[4] *Ранке* Леопольд фон (1795—1886) —немецкий историк, основатель немецкой историко-критической школы.

[5] *Фарнгаген*, иначе Варнаген, Энзе Карл Август фон (1785—1858) — немецкий писатель и критик, много сделавший для популяризации русской литературы в Германии.

[6] *...у Е‹лагиных›...* — Речь идет о популярном литературном салоне Москвы в 1830—1840-х годах, хозяйкой которого была Елагина (по первому мужу Киреевская) Авдотья Петровна (1789—1877), мать известных славянофилов И. В. и П. В. Киреевских.

[7] *«Отечественные записки»* — русский общественно-политический и литературно-художественный журнал демократического направления, выходил в Петербурге с 1839 по 1884 г., до 1866 г. под редакцией А. А. Краевского.

[8] *...повесть Гребенки «Верное лекарство»...* — Нравоописательная повесть украинского писателя Гребенки Евгения Павловича (1812—1848); повесть напечатана в «Отечественных записках», 1840, кн. VII.

[9] *...университет поглощает всю жизнь и все толки лучших умов Берлина...* — Берлинский университет, основанный в 1808 г. немецким ученым В. Гумбольтом, был в первую половину XIX в. центром образования в Европе. В него стекались слушатели из всех европейских стран, в том числе и из России; Н. В. Станкевич, Н. П. Огарев, И. С. Тургенев, М. А. Бакунин были студентами Берлинского университета.

[10] *Гропиус* Фердинанд (1796—?) — художник сцены, работал для Stadt-theatr, член известной фирмы Gebrüder Gropius.

[11] *...г-жа Тальони (сестра нашей по мужу)...* — Брат известной итальянской балерины Марии Тальони, гастролировавшей в Петербурге, также танцовщик, был женат на балерине Амалии Гольстер.

[12] *Зейдельман* Карл (1793—1843) — немецкий актер, зачинатель реалистического театрального искусства в Германии, был близок прогрессивным культурным деятелям группы «Молодая Германия». По свидетельству К. Либкнехта, любимый актер К. Маркса.

[13] *...в роли Полониуса...* — персонаж драмы Шекспира «Гамлет».

[14] *...транспарант с изображением Мефистофеля, по рисунку Ретча...* — «Гравюры в очерках» (28 листов) к драме «Фауст» Гёте, созданные немецким живописцем и гравером Ретцшем Фридрихом Августом Морисом (1779—1857); гравюры Анненков видел у своего друга и друга В. Г. Белинского, Боткина Василия Петровича (1811—1869), известного русского литератора.

[15] *...«Нафан Мудрый» Лессинга...* — Речь идет о драме «Натан Мудрый» немецкого писателя и теоретика искусства Лессинга Готхольда Эфраима (1729—1781).

[16] *Шинкель* Карл Фридрих (1781—1841) — немецкий архитектор, автор проекта старого музея в Берлине.

Письмо III

Впервые — «Отечественные записки», 1841, кн. V, отд. «Смесь», с. 30—31.

[1] *...я посетил прежнее жилье Фридриха Великого...* — Потсдам был резиденцией Фридриха II, прозванного Великим (1712—1786), прусского короля с 1740 г.

[2] *Кистер* — привратник в лютеранской церкви.

[3] *...я говорю о поле битвы...* — Речь идет о Лейпцигской битве 16—19 сентября 1813 г., в результате которой войска Наполеона I были разбиты войсками коалиции. В память об этой битве на холме «Трех монархов» была возведена пирамида, установлен памятник австрийскому фельдмаршалу Шварценбергу Карлу Филиппу (1771—1820) и камнем отмечено то место, где утонул маршал Понятовский Юзеф (1763—1813), а также место, где был расположен штаб Наполеона.

[4] *...знаменитый погреб Ауэрбаха...* — Винный погребок в Лейпциге, на Ауэрбаховом подворье, связанный с легендой о докторе Фаусте; в погребке находились две картины, изображавшие эпизоды из легенды.

[5] *...бургомистр объявляет народу о побиении ганзеатических купцов в Новегороде...* — Речь идет об уничтожении новгородской конторы Ганзейского союза в Новгороде при великом московском князе Иване III.

[6] *Валенштейн*, правильно Вальдштейн, Альбрехт Венцслав Евсей (1583—1634), герцог Фридляндский и Меклембургский, главнокомандующий имперскими войсками в Тридцатилетнюю войну; убит по приказу императора; герой драматической трилогии Ф. Шиллера, «Смерть Валенштейна» — заключительная часть трилогии (1789).

[7] *...с остатками замка кровожадного Либуши...* — Анненков допустил ошибку: Либуши (Libuŝe) — персонаж древних чешских сказаний, отличалась мудростью и даром предвидения; с именем этой мудрой девы, по преданию, связано основание Праги и установление первых чешских законов.

[8] *...Богемия играла некогда добрую роль в европейской истории.* — Имеются в виду революционное движение в Богемии, иначе Чехии, в XV в., известное как гуситская война, по имени ее вождя Яна Гуса, а также упорная борьба чешского народа против католицизма и габсбургского ига в период Тридцатилетней войны (1618—1648).

[9] *...но здесь совсем другая жизнь.* — Намек на отсутствие всяких общественно-политических интересов в Вене, о чем непрестанно заботился австрийский канцлер Меттерних, вдохновитель Священного союза. На это же указывал и Ф. Энгельс в своей статье «Роль насилия в истории» (опубликована в 1895—96 гг.): «Внутри страна была застрахована от всякого, даже самого слабого, политического движения абсолютистским произволом, единственным в своем роде даже в Германии» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 432).

[10] *Штраус* (Страус) Иоганн (1804—1849) — австрийский композитор, дирижер, автор популярных вальсов. Следуя привычке знакомиться с знаменитостями, Анненков познакомился и с И. Штраусом, о чем пишет братьям в письме из Вены: «Я сказал ему, что слава его весьма громка в Петербурге и что следовало бы ему приехать туда и самому удостовериться в ней, на что с улыбкой он ответил, что у него большая семья, т. е. 300 человек музыкантов, составляющих его оркестр, и что с ними трудно, а без них не для чего и ехать» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 14).

[11] *Ланнер* Иосиф Франц Карл (1801—1843) — австрийский композитор, автор танцевальной музыки, пианист и дирижер.

[12] *...потанцевать на публичных балах, которых здесь бездна...* — Имеется в виду стремление правительства отвлечь население столицы от политических интересов; в письме к братьям Анненков уточняет свою мысль: «Нигде не видел я такой заботы, чтобы веселились все классы общества, как здесь» (там же, л. 15).

[13] *...нашел я здесь З‹аики›на...* — Заикин Павел Федорович (1810—?), отставной гусар, университетский товарищ Белинского. В письме Анненкова к братьям о Заикине сказано: «Он из Москвы, служил в армейских гусарах и приехал сюда лечиться. Его знают Комаров и Белинский» (там же, л. 13 об.).

Письмо IV

Впервые — «Отечественные записки», 1841, кн. V, отд. «Смесь», с. 31—34.

[1] *Караван-серай* — большое общественное строение на Востоке в средние века для приюта путешественников.

[2] *...на который много действует пребывание в городе Лудвига Тика...* — В 1825 г. немецкий писатель-романтик Людвиг Тик (1773—1853) был приглашен в качестве консультанта-режиссера в Дрезденский придворный театр, где проявил себя подлинным реформатором, следуя театральной эстетике Лессинга.

[3] *...пьесы принцессы Амалии.* — Имеются в виду пьесы Амалии Анны (1739—1807), герцогини Саксен-Веймарской, которая не только покровительствовала писателям и художникам, но и сама была автором пьес, игравшихся на придворном театре Дрездена.

[4] *Бауер* Каролина (1807—1877) — немецкая актриса, выступала в Вене, Дрездене, гастролировала в Петербурге.

[5] *Паули* Людвиг Фердинанд (1793—1841) — немецкий драматический актер.

[6] *...муж и жена Девриенты...* — Речь идет о немецких актерах из актерской династии Девриентов — Девриенте Эмиле (1805—1875) и его жене Девриент Доротее (1805—1882).

[7] *...упомяну о музеуме Менгса...* — Основатель музея скульптуры, преимущественно античной, в Берлине Менгс Антон Рафаэль (1728—1779), немецкий художник.

[8] *...отыскивая всего более книг и табаку.* — Намек на полицейский режим и политику государственных монополий, введенных канцлером Меттернихом. В письме к братьям Анненков пишет: «Забыл сказать, что нас три раза осматривали в Праге и в Вене, что по приезде все сами должны являться в полицию для получения дозволения жить в городе» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 13).

[9] *...реакция Лютера была так сильна, что уничтожила все это.* — В отличие от католицизма, протестантизм, насаждаемый в Северной Германии М. Лютером в 1520—1540-х годах, отказался от всякой излишней обрядности и внешней обстановки при богослужении, в том числе от икон и статуй святых, которые наполняли католические храмы.

[10] *...книжками в руках.* — Речь идет о Библии, которую Лютер положил в основу протестантской религии и перевел на немецкий язык, чтобы сделать доступной народу.

[11] *...при начале Тридцатилетней войны выброшены были депутаты.* — Имеется в виду чешское восстание против австрийских Габсбургов, начавшееся 23 мая 1618 г., когда австрийские наместники в Чехии были выброшены восставшими из окна Пражского града; во главе восстания стоял граф Турн Генрих Матвей (1580—1646); чешское восстание явилось началом войны 1618—1649, известной под именем Тридцатилетней.

[12] *...башня Делиборки...* — Башня для особо важных преступников, названная по имени ее первого узника рыцаря Делибора из Казоеда, укрывшего в своем поместье восставших крестьян соседнего феодала.

[13] *...старание писателей и ученых Богемии о сохранении народности и языка.* — Речь идет об освободительном движении в Чехии конца XVIII и первой трети XIX вв., проходившем в условиях национального угнетения, глубокого упадка чешской культуры, а потому связанном с борьбой против насильственного онемечивания, за развитие национальной чешской культуры.

[14] *Ганка* Вацлав (1791—1861) — чешский ученый-филолог, отличавшийся русофильством.

[15] *...дает им Краледворскую рукопись...* — Памятник древнеславянской письменности, изданный впервые Ганкой в 1827 г. в «Strabylá skladanîe», в 1852 г. переведенный на все славянские и некоторые европейские языки. Впоследствии Краледворская рукопись была признана искусной подделкой самого Ганки.

[16] *Срезневский* Измаил Иванович (1812—1880) — русский ученый-филолог, славист, этнограф. Его деятельность была необычайно многогранна и отличалась демократической направленностью. В 1839 г. Срезневский выехал за границу, где провел почти три года, изучая во время путешествия по Чехии, Моравии, Силезии, Черногории, Венгрии местные говоры и собирая славянский фольклор.

[17] *...имеет право давать книги для чтения...* — В письме к братьям Анненков уточняет: «Здесь никто не читает, и привычки такой нет. И только одна библиотека, где можно подписывать книги, а в других запрещено и только велено продавать книги, да какие же и продают! „Робинзон Крузо“, „Матильда, или Крестовые походы“» (там же, л. 15).

[18] *О многих творениях, известных всей Германии, и помину нет.* — Имеется в виду политическая и интеллектуальная изолированность Австрии при Меттернихе. Об этом же Анненков писал и М. Н. Каткову, который остался в Берлине: «Австрию решительно считаю немецким Китаем» (*ИРЛИ*, 47 43 XXIV б.).

[19] *Грильпарцер* Франц (1791—1872) — австрийский писатель, драматург, исследователь театрального искусства; с 1832 г. находился на государственной службе, но не принимал меттерниховского режима и постоянно конфликтовал с цензурой. Ф. Энгельс писал о нем своему другу Ф. Греберу 5 февраля 1840 г.: «Я прочел очень милую комедию Грильпарцера из Вены „Горе тому, кто лжет“; она значительно выше всей той дребедени, которая именуется в наше время комедией. Там и сям дает

себя чувствовать благородный, свободный дух, придавленный невыносимым бременем австрийской цензуры» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 41, с. 442).

20 *Анастасий Грюн* (псевдоним графа Ауерспперга Антона) (1806—1876) — австрийский поэт, в своих произведениях выступал против реакционной политики Меттерниха.

21 *Морелли* Аламанно (1812—1893) — итальянский композитор и дирижер.

22 *...о рококо-бале в Сперле...* — Известный в Вене танцевальный зал «Zum Sperl», где выступали Ланнер и И. Штраус-отец со своими оркестрами.

23 *...о сувенир-бале в Бирне...* — Венский танцевальный зал «Golden Birne».

24 *...о флора-бале в Элезиуме.* — Венский театр «Neues Elysium», где с 1840 г. проводились костюмированные балы, ставились пантомимы и давались театрализованные представления.

25 *Ларош* Карл (1794—1884) — немецкий комедийный актер, в 1830—1840 годах играл в венском Бург-театре.

26 *Нейман* Луиза (1817—1888) — немецкая актриса, играла в комедиях и водевилях.

27 *Бург-театр* — крупнейший австрийский театр, открытый в Вене в 1741 г. под названием Королевский театр при дворе. В 1840-е годы Бург-театр отличался антифеодальным, прогрессивным направлением, в нем ставились пьесы Шекспира, Шиллера, Лессинга, Грильпарцера.

28 *...ее три народных театра...* — Театры в предместьях Вены, любимые простым народом. Особой популярностью пользовался Леопольдштадт-театр, открытый в 1786 г.

29 *Нестрой* Иоганн Непомук (1801—1862) — австрийский драматург и актер, представитель венской народной комедии.

Письмо V

Впервые — «Отечественные записки», 1841, кн. VI, отд. «Смесь», с. 91—102.

1 *Стирия*, правильно Штирия — земля в Австрии.

2 *Иллирия* — Иллирийские провинции, вассальное от Франции государственное объединение (в 1809—1814 гг.) словенских и хорватских земель. Решением Венского конгресса 1814—1815 гг. их территория была закреплена за Австрией, которой принадлежала до 1849 г. Название произошло от иллирийцев — племен, населявших в древности эту территорию.

3 *Коринтия*, правильно Каринтия, или Корушна — словенская земля, входившая в Иллирийские провинции.

4 *...профессоров-славянофилов.* — Представители одного из направлений русской общественной и философской мысли 1830—1840-х годов, такие, как Беляев Иван Дмитриевич, историк права, Попов Александр Николаевич, историк, и др., выдвигавшие теорию об особом пути развития России.

5 *...где был зарезан Винкельман.* — Злодейское убийство немецкого ученого, искусствоведа, основателя классической археологии Винкельмана Иоганна Иоахима (1717—1768); совершено выпущенным из тюрьмы преступником, вкравшимся в доверие ученого.

6 *Портофранко* — приморская гавань, пользующаяся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

7 *«Сильфида»* — балет на музыку Ж. Шнейцгоффера, либретто Ц. Нодьера в постановке парижского балетмейстера Филиппа Тальони; в 1835 г. балет был поставлен на сцене Большого театра в Петербурге балетмейстером А. Титюсом по проекту Тальони; в 1837 г. на петербургской сцене в этом балете дебютировала знаменитая балерина Мария Тальони (1804—1884), дочь Ф. Тальони.

8 *Прокураторы* — поверенные в делах, уполномоченные.

9 *Палладио* Андреа (1508—1580) — итальянский архитектор.

10 *Лонген* Балтазар (1598—1682) — венецианский архитектор.

11 *Сансовино* Андреа (собственно Кентучи) (1460—1529) — итальянский скульптор и архитектор.

12 *Тассо* Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, жил при дворе герцогов д'Эсте, правителей Феррары.

13 *Рижский* Иван Сергеевич (1761—1811) — профессор риторики и логики, автор сочинения «Опыт риторики, сочиненной и преподаваемой в С.-Петербургском горном училище» (1822, СПб., изд. 2-е).

14 *Индульгенции* — покупаемые за деньги отпущения грехов.

15 *Фениче* — один из крупнейших театров Италии, открытый в Венеции в 1892 г.

16 *Ронкони Джорджано* (1810—1890) — итальянский оперный певец (бас).

17 *...хотя два солдата с ружьями и стоят по обеим сторонам оркестра...* — Намек на реакционный режим Меттерниха, державшего под строгим надзором полиции и цензуры культуру итальянских городов, входивших после 1815 г. в Австрийскую империю.

18 *...потомков лепантских победителей...* — Подразумевается победа, одержанная венецианцами у г. Лепанто во время войны с Турцией в 1570—1573 гг.

19 *Иванов* Николай Кузьмич (1810—1877) — русский певец-тенор, дебютировавший в 1841 г. на итальянской сцене.

20 *...венецианская школа живописи...* — Одна из главных школ живописи Италии, сложилась в XVI в.

21 *Фальери* Марино (1278—1355) — венецианский дож, был казнен после раскрытия заговора, целью которого было низложение Совета десяти, верховного правительства Венецианской республики.

22 *«Santa Maria, ora pro nobis!»* — Начало известной католической молитвы: «Святая Мария, молись за нас...»

23 *Подеста* — консул в средневековых итальянских городах.

24 *...шарадами князя Шаликова.* — Шаликов Петр Иванович, князь (1767—1852), второстепенный русский поэт и журналист, эпигон романтизма; упоминаемую в тексте шараду Шаликова Анненков расшифровывает в письме к братьям: «Мое первое — река в Италии, мое второе — имя, а третье — происходит, когда на второе смотришь» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 25).

25 *...где жила прекрасная Леонора д'Эсте.* — Дворец правителей Феррары, герцогов д'Эсте, к семье которых принадлежала Элеонора; в нее, по преданию, был влюблен Торквато Тассо; эта любовь послужила одной из причин, благодаря которым Тассо впал в немилость правителей Феррары и был заключен на восемь лет в госпиталь св. Анны.

26 *Кардинал-легат* — папский уполномоченный в католических государствах.

27 *...в изображениях несчастной любви Торквато драматиками.* — Трагедия Т. Тассо, как поэта и человека, не раз служила предметом поэтического творчества: о Тассо писал Н. К. Батюшков, Д. Г. Байрон, И. В. Гёте; последний написал драму «Торквато Тассо» (1780—1789), в центре которой история любви поэта к Элеоноре д'Эсте.

28 *...творца «Орландо»...* — Речь идет о итальянском поэте Ариосто Людовико (1474—1533), авторе знаменитой поэмы «Неистовый Роланд» (1516—1532).

29 *...устроился с жизнью лучше пылкого, несчастного Торквато...* — Л. Ариосто в продолжение большей части своей жизни пользовался покровительством кардинала Ипполита и брата его, герцога Альфонса Феррарского II; сам поэт, однако, очень тяготился этим покровительством.

30 *...неудачная ее революция...* — Революционное восстание в Болонье, входившей в Папское государство, направленное против папы Григория XVI, известного реакционера; восстание продолжалось два года (1831—1832) и было жестоко подавлено австрийцами.

31 *...старый университет ее...* — Болонский университет — один из старейших в Европе, основан в XII в.; слушатели стекались в него из всех стран мира, в их числе, как и в числе преподавателей университета, были женщины; болонский университет окончили такие великие ученые, как Куза, Коперник, Ульрих фон Гуттен.

32 *...впал в летаргическое состояние...* — После необычайной творческой активности великий итальянский композитор Россини Джоакино Антонио (1792—1868) с 1829 г., года окончания оперы «Вильгельм Телль», долгое время не писал оперной музыки.

33 *...имела свою школу живописи...* — Болонская академическая школа живописи XVI—XVIII вв., основателями которой были итальянские художники братья Карраччи: Агостино (1557—1602), Аннибале (1560—1609) и Лодовико (1555—1619).

34 *Доминикино* (Dominico Jampierri) (1581—1641) — итальянский художник, последователь братьев Карраччи.

35 *Рени* Гвидо (1575—1642) — итальянский художник, гравер и скульптор, особенное значение имеют его ранние произведения, позднее в его живописи появляются черты академизма под влиянием братьев Карраччи.

36 *Павел апостол* — по преданию, ученик Иисуса Христа.

37 *Иоанн евангелист* — по преданию, автор одной книги евангелия, возвещающей учение Иисуса Христа.

38 *Августин* Блаженный Аврелий (1354—1430) — христианский теолог.

39 *Мария Магдалина* — персонаж истории христианства.

40 *Капуцины* — члены монашеского католического ордена, основанного в 1525 г.; для этого ордена характерна фанатическая преданность папе и строгий устав; бедность соединялась у капуцинов с невежественностью, их называли пролетариями среди монахов.

41 *...королем своим считают дона Карлоса...* — После смерти короля Испании Фердинанда VII претендентом на престол стал его брат, инфант испанский дон Карлос Мария Исидор Бурбон де (1788—1855); он опирался на поддержку католических кругов Испании и папы; династический конфликт привел к первой карлистской войне (1834—1839); после поражения дон Карлос бежал во Францию.

42 *Кабрера* (дон Рамон, граф Морелло) (1810—1877) — генерал-капитан карлистов.

43 *Эспартеро* Бальдомеро (1792—1879) — испанский генерал и государственный деятель, отличился в борьбе с карлистами и в то же время возглавил оппозицию против регентши, королевы Марии Христины, жены Фердинанда VII; после ее бегства в Англию в 1841 г. был избран регентом.

44 *...и революционные мысли свои...* — Правление Марии Христины, регентши при малолетней дочери, королеве Изабелле, отличалось некоторым либерализмом, она вела упорную борьбу с карлистами, опирающимися на клерикалов; после выхода замуж за королевского телохранителя, по требованию кортесов, отреклась от престола и покинула Испанию.

45 *...отыскал Гоголя, который и указывает мне точки для наблюдения...* — Н. В. Гоголь с осени 1840 г. жил и работал в Риме. Приехав в Рим, Анненков поселился рядом с Гоголем, переписывал под его диктовку 1-й том «Мертвых душ», который Гоголь готовил к изданию, и был попутчиком писателя в его прогулках по окрестностям Рима.

46 *Miserrere* — псалом, начинающийся словами: «miserere mei, Domine» — «Помилуй мя, боже».

47 *Адрианова гробница* — гробница римского императора Адриана (76—138 н. э.).

Письмо VI

Впервые — «Отечественные записки» 1841, кн. X, отд. «Смесь», с. 81—87. Аннотация: «Рим. Неаполь. Мессина. Флоренция».

1 *Мигуэль* Мария Эверест дон (1802—1866) — третий сын португальского короля Иоанна IV, сторонник абсолютной монархии; добивался с оружием в руках королевской власти и не раз высылался из Португалии; конец жизни провел в Германии.

2 *Летиция* Рамолино (?—1836) — жена корсиканского дворянина Карло Мария Бонапарте, мать Наполеона I.

3 *...художническое воззрение на жизнь.* — Имеются в виду «Римские элегии» Гёте, написанные в 1790 г. на основе итальянских впечатлений.

4 *...жил рядом, об стену с Гоголем и в сообществе трех или четырех русских художников...* — По приезде в Рим Анненков поселился рядом с Гоголем, возобновив старые приятельские отношения; Гоголь познакомил его со своими друзьями, художниками из России, которые жили в Риме; это художник Иванов Александр Андреевич (1806—1858), скульптор Пименов Николай Степанович (1812—1864), скульптор Логановский Александр Васильевич (1810 (или 1812)—1855) и гравер на меди и стали Иордан Федор Иванович (1800—1883). Подробно о своей жизни

в Риме Анненков сообщал братьям: «Пишу вам, любезные братья, последнее письмо из Рима, почти перед отъездом в Неаполь; провел я здесь три месяца, больше, чем хотел: долго буду помнить об этом городе. Причина этому — главное Гоголь, а потом несколько русских художников, с которыми познакомился я, и жили мы, таким образом, весело, осматривая все, что есть лучшего, обедали вместе — не видели, как пролетели три месяца» и дальше: «К пяти часам уже дома и отдыхаю до 6 или 7, а потом обед и после — поездка на загородную виллу Боргезе или Памфила-Дориа, и там, под кипарисами, платанами, кустами роз, гуляли до времени захождения солнца. Вечером у нас (мы живем об дверь с Гоголем, на горе Пинчино, где были сады Нерона и где он погребен, в частном доме, платим 30-х в месяц, а за прислугу 5-х) образуем из вышеупомянутых лиц бостончик по 1½ копейки, и по окончании всегда выходит, что либо 30 копеек проиграл, либо 15 копеек выиграл» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 35; письмо частично и с искажениями опубликовано в *ЛН*, т. 58, с. 605). См. также: Лит. воспоминания, с. 89—91.

5 *«Появление Мессии»* — первоначальное название картины Иванова «Явление Христа народу».

6 *...статуями Бабочника и Сваечника.* — Скульптуры Пименова «Русский парень, играющий в бабки» (1836) и Логановского «Русский юноша, играющий в свайку» (1835).

7 *...à la Rousseau...* — Руссо Жан Жак (1712—1878), французский писатель и философ, проповедовавший в своих сочинениях необходимость для человека вернуться назад к природе, к естественному состоянию.

8 *...в национальных праздниках июня месяца...* — Эти праздники восходят к глубокой древности и связаны с культом богини Юноны.

9 *Женсано*, иначе Джеисано — об обычае этого города выкладывать улицы замысловатыми узорами из цветов писал Гоголь в статье «Рим».

10 *Дориа* — знаменитый генуэзский род, правивший в Генуе в XIII—XIV вв.

11 *Пиомбино* — знатный итальянский род.

12 *Сан-Карло* — известный неаполитанский театр, открытый в 1737 г., на его сцене ставились оперы Россини и Доницетти.

13 *Лукулл* Луций Лициний (ок. 117—ок. 56 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, прославившийся роскошью жизни и богатством пиров, вошедших в поговорку («лукуллов пир»).

14 *Тиверий*, правильно Тиберий, Клавдий Нерон (42 до н. э.—31 н. э.) — римский император в 14—37 гг. н. э.

15 *...Капуя скульптуры...* — Музей с богатым собранием античных и средневековых произведений искусства в главном городе Кампании Капуе.

16 *«Обозрение»* — «Revista teatrale, Geurnal dramatico, musicale et coregrafico», ежемесячная газета, издавалась в Неаполе в 1831—1848 гг.

17 *...критики, написанные Олиным, Измаиловым и проч.* — Русские критики 1820-х годов, отличавшиеся крайним примитивизмом своих суждений: Олин Виктор Николаевич (1788—1840), писатель, издатель и критик; Измаилов Александр Ефимович (1779—1831), баснописец, журналист и критик.

18 *...монастырь траппистов...* — Монастырь монахов католического церковного ордена с очень строгим уставом, требовавшим обета молчания; орден основан во Франции в 1636 г.

19 *Кармелиты* — монахи церковного католического ордена, основанного в XII в. в г. Кармеле, в Палестине.

20 *св. Розалия* — Розалия, племянница неаполитанского короля Вильгельма Доброго; за свою отшельническую жизнь была канонизирована церковью, считалась покровительницей г. Палермо, вблизи которого жила; день ее именин отмечался с большой пышностью 11—15 июня.

21 *...который в нашем веке знает употребление кинжала...* — Намек на восстание в Палермо в 1820 г., во время которого народ сверг австрийский муниципалитет и образовал новый, демократический и национальный по своему составу; восстание было подавлено неаполитанскими и австрийскими войсками.

22 *Сцилла и Харибда* — по верованиям древних греков, на прибрежных скалах по обе стороны Мессинского пролива обитали два чудовища Сцилла и Харибда, виновники кораблекрушений.

[23] ...*Черткова «Путешествие по Сицилии»*... — Чертков Алексей Дмитриевич (1789—1858), председатель общества Истории и древностей Российских; 1822—1824 годы провел в путешествиях, результатом которых была книга «Воспоминания о Сицилии» (М., 1835—1836) в 2-х частях с приложением атласа и рисунков.

[24] ...*ожидают съезда ученых итальянских и других во Флоренции*... — Один из девяти конгрессов итальянских ученых, проводимых в период 1839—1847 гг. в разных итальянских городах вопреки воле Меттерниха; среди участников конгресса были те самые лица, которые в 1847—1848 гг. сыграли большую роль в освободительном движении Италии.

[25] *Тирабоски* Джиролимо (1731—1796) — итальянский историк литературы, автор многотомного труда «Storia della litteratura italiane» (1772—1781).

[26] *Ланци* Луиджи (1732—1816) — аббат, итальянский археолог и историк искусства.

Письмо VII

Впервые — «Отечественные записки» 1841, кн. XII, отд. «Смесь», с. 79—82. Аннотания: «Флоренция.—Парма.—Милан.—Генуя.—Женева».

[1] *Альфьери* Витторио, граф (1749—1803) — итальянский драматург и поэт, основатель новой итальянской трагедии.

[2] ...*приехал умирать во Флоренцию*... — После длительных странствий по Европе Альфьери вернулся в Италию, певцом свободы и национального возрождения которой он всегда был как в своих трагедиях «Филипп II», «Антигона», «Саул», так и в своих страстных сонетах; скончался Альфьери во Флоренции.

[3] *Остракизм*, правильнее остракизм — в Древней Греции изгнание путем народного голосования на 10 лет гражданина, признанного опасным для общества; имя изгоняемого писалось на особых черепках (ostracon), откуда название.

[4] ...*прервано всякое сообщение мысли с Европою*... — Имеется в виду тираническая политика моденского герцога Франца IV, сторонника Австрии; во время его правления, 1814—1846 гг., в Модене не было никакой гарантии личной свободы и безопасности, печать притеснялась.

[5] *Супруги Наполеоновой не было в Парме*... — Вторая жена императора Наполеона I, Мария Луиза (1791—1847), получившая по решению Венского конгресса в свое владение герцогства Парму, Пьяченцу и др., не пользовалась популярностью в Италии, особенно среди простого народа, что и вынудило ее после революции 1831 г. покинуть Парму.

[6] ...*к строгому христианскому началу*... — См. прим. к Письму I, п. 12.

[7] *«Пират»* («Piratá») — итальянский литературно-театральный журнал либерального направления, издавался в Милане с 1835 по 1891 г.

[8] *Регли* Луиджи — итальянский публицист и журналист, театральный критик, был близок миланским музыкальным кругам.

[9] *Самойлова* Юлия Павловна, графиня — приятельница и восторженная поклонница русского художника Карла Павловича Брюллова, светская красавица, обладательница колоссального состояния, славилась своим независимым образом жизни и любовью к искусству; покинув Россию, графиня поселилась в Милане и благодаря графу Джулио Помпео Литте стала обладательницей роскошных дворцов и вилл в Милане и его окрестностях, посещавшихся известными итальянскими музыкантами, которым она оказывала материальную поддержку.

[10] *Собор удивителен.* — Имеется в виду громадный Миланский кафедральный собор, вмещающий до 40 000 человек; постройка его в готическом стиле начата в 1386 и закончена в 1856 г.; собор сложен из больших кусков белого мрамора, снаружи украшен двумя тысячами статуй.

[11] *della Scalla* — итальянский оперный театр, открытый в Милане в 1776 г.

[12] *Каталани* Анджелика (1780—1849) — оперная и камерная певица (сопрано), в 1820-х годах гастролировала в Петербурге.

[13] *Паста* Джудитта (1797 или 1798—1865 или 1867) — итальянская оперная певица (сопрано).

[14] *Зонтаг* Генриета (Гертруда Вальпургис Зоннтаг) (1806—1854) — немецкая оперная певица (колоратурное сопрано).

15 *Мезонески* Виценто — архитектор и театральный художник; в первую половину XIX в. художественный руководитель театра Сан-Карло в Лиссабоне.

16 *Роллер* Андреа Леонгард (1805—1891) — живописец и театральный художник; в 1833 г. был приглашен в Петербург на должность декоратора и главного машиниста сцены императорских театров.

17 ...*Швейцария... в каком-то судорожном состоянии...* — В 1840-х годах в Швейцарии обострилась политическая обстановка в связи с открытой агитацией католического духовенства против либерально-демократических преобразований в стране.

18 *Пикеты* — старинные карточные игры, иозбретенные в XIV в. французами.

19 *Экарте* — французская карточная игра для двоих.

20 ...*кантон есть государство независимое...* — Мнение Анненкова о замкнутости и ограниченности швейцарской демократии перекликается с мнением Ф. Энгельса, который писал в статье «Гражданская война в Швейцарии» (1847): «Старая Швейцария, напротив, только то и делала, что боролась против централизации. С чисто животным упрямством она отстаивала свою оторванность от всего остального мира, свои местные нравы, моды, предрассудки, всю свою местную ограниченность и замкнутость» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 355).

21 *Сисмонди* Жан Шарль Леонард (1773—1842) — швейцарский экономист классической школы; в его экономическом учении причудливо сочетаются научные принципы с реакционным мелкобуржуазным романтизмом.

22 *Ферней*, правильно Ферне — местечко в Швейцарии на границе с Францией, где с 1760 г. жил Ф. М. А. Вольтер; *Диодатти* — вилла недалеко от Женевы, где в 1816 г. после отъезда из Англии жил Д. Г. Байрон; *Коппет*, правильно Коппе — местечко в Швейцарии, на берегу Женевского озера, где в замке родителей жила французская писательница Сталь (Staël-Holstein) Анна Луиза Жермена, баронесса де (1766—1817) в 1793—1796, 1804—1805, 1811—1813 гг.

23 *Минос* — легендарный царь Кноса.

24 *Солон* (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.) — афинский законодатель.

Письмо VIII

Впервые — «Отечественные записки», 1842, кн. I, отд. «Смесь», с. 17—27. Аннотация: «*Париж*: Пале-Рояль. — Журналы и газеты».

1 *На лебедянской скачке...* — Имеются в виду офицерские скачки, ежегодно проводимые в первой половине XIX в. на призы военного министерства в г. Лебедяни Тамбовской губернии.

2 *Десточка* — 24 листа писчей бумаги (от слова — десть) (перс.).

3 *Пале-Рояль* — дворец в Париже, на территории которого в 1840-е годы были расположены лучшие магазины и рестораны города.

4 *Историческая ночь короля Лира...* — Имеется в виду 2 и 4 сцены IV акта трагедии В. Шекспира «Король Лир».

5 *Кок* Шарль Поль де (1794—1871) — французский романист.

6 ...*Кадм отказался бы от чести изобретения азбуки...* — Мифический основатель г. Фивы, древней столицы Египта, которому приписывали изобретение азбуки.

7 *Вери, Вефур, Trois frères Provençaux* (Трое братьев провансальцев) — названия популярных ресторанов Парижа.

8 ...*vol-au-vent, котлеты à la victime...* — Волован — слоеный пирог, котлеты наподобие жертвы — популярные в 1840-х годах блюда парижской кухни.

9 ...*в трехрублевом леграновском обеде...* — Обед в популярном ресторане Леграна на Невском проспекте.

10 ...*диеппских женщинах...* — Женщины портового г. Дьеппа в Нормандии.

11 ...*оглушительный вопль разнородных мнений...* — В период Июльской монархии в Париже необычайное развитие получила периодическая печать; на протяжении 18 лет правления Луи Филиппа выходило более 700 наименований газет и журналов, большинство из них в Париже. Правительственной прессе противостоял, с одной стороны, воинствующий отряд республиканской и социалистической печати, с другой — династической оппозиции. Французский журналист Ипполит Кастель называл прессу тех лет «четвертой силой» в государстве.

[12] *...энигматическим названием...* — загадочным названием (от франц. enigmatig).
[13] *«Débats»* — «Journal des débats politiques et littéraires» — «Журнал политических и литературных дебатов», французская газета, выходила в Париже с 1789 по 1864 г.; во время Июльской монархии — правительственный орган; во время революции 1848 г. — орган консервативной оппозиции; ведущие редакторы и сотрудники Жюль Жанен и Сен-Марк-Жирарден.
[14] *«National»* — «Le National, *feuille politique et littéraire*» — «Национальная политическая и литературная газета», выходила в Париже ежедневно с 1830 по 1851 г.; во время Июльской монархии — орган республиканской оппозиции, в период революции 1848 г. — правительственный орган; редактор Арман Марраст.
[15] *«Commerce»* — «Le Commerce, *journal des progrés moraux et matériels*» — «Коммерция, газета морального и материального прогресса», французская ежедневная газета буржуазно-республиканского направления, выходила в Париже с 1837 по 1848 г.; редактор Арнольд Шеффер.
[16] *Sainte-Pelagie* — Сант-Пелажи, долговая тюрьма в Париже.
[17] *...самое смертоносное орудие — денежный штраф...* — В 1835 г. во Франции был введен закон о печати, согласно которому с редактора журнала, обвиняемого в антиправительственных выступлениях, взымался денежный штраф, отчего страдала демократическая пресса, материально плохо обеспеченная.
[18] *«Presse»* — «La Presse» — «Пресса», французская ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Париже с 1836 по 1866 г.; в период Июльской монархии — умеренно-оппозиционный орган, в период революции 1848 г. — орган буржуазных республиканцев, после революции — орган бонапартистов; редактор Эмиль Жирарден.
[19] *«Messager»* — «Le Messager *politique, littéraire et industriel*» — «Вестник политики, литературы и индустрии», французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1834 по 1848 г.; в период Июльской монархии — орган правительства, в период революции 1848 г. — орган консервативной оппозиции.
[20] *«Constitutionnel»* — «Le Constitutionnel, *journal du commerce, politique et littéraire*» — «Конституционалистическая газета политики, коммерции и литературы», французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1819 по 1870 г.; в период Июльской монархии — орган конституционной оппозиции, в период революции 1848 г. — орган консерваторов, после революции — орган бонапартистов; редактор Адольф Гранье-Кассаньяк.
[21] *«Siècle»* — «Le Siècle» — «Век», французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1836 по 1866 г.; в период Июльской монархии — орган оппозиции, а период революции — орган умеренных буржуазных республиканцев; редактор Геркулес Гуллемон.
[22] *«Courrier Français»* — «Le Courrier français» — «Французский курьер», ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Париже с 1819 по 1851 г.; в период Июльской монархии — орган оппозиции, в период революции 1848 г. — орган умеренных буржуазных республиканцев; редакторы О. И. Керетри и Ф. М. Ш. Ремюза.
[23] *«Journal du Peuple»* — «Журнал народа», французская общественно-политическая ежедневная газета, выходила в Париже с 1834 по 1842 г., оппозиционный республиканский орган; редакторы и основатели П. Ф. Андре де Паравеон и Ж. Ш. Дюпон де л'Эр.
[24] *«Gazette de France»* — «Французская газета», ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Париже с 1681 по 1914 г., в период Июльской монархии и революции 1848 г. — орган легитимистов.
[25] *«Quotidienne»* — «La Quotidienne» — «Ежедневная газета», французская общественно-политическая газета крайне монархического направления, выходила в Париже ежедневно с 1815 по 1847 г.; редактор Ж. Ф. Мишо.
[26] *«Charivari»* — «Le Charivari» — «Шаривари» («Гвалт»), французская ежедневная юмористическая газета с иллюстрациями, выходила в Париже с 1832 по 1866 г.; в период Июльской монархии — орган республиканской оппозиции, в период революции 1848 г. — орган республиканцев; редактор Филиппон Шарль (1802—1862), французский публицист, рисовальщик, карикатурист, прозванный королем сатиры, привлек в журнал первоклассных очеркистов демократического направления Ф. Пиа, Ф. Сулье, а также видных художников и рисовальщиков А. О. И. Домье, Г. Ш. Гаварни, Ж. И. Гранвиля и др., чьи рисунки часто играли в газете самостоя-

тельную роль, заменяя фельетоны. В письме к братьям Анненков писал: «Между тем есть один листок, под названием „Шаривари“, который аккуратно каждый день поставляет провизию острот и каламбуров на все, что происходит, что только случается, начиная с уличной драки и до министерских распоряжений... Пародируются речи депутатов, подымается на смех все решительно, и не спасают тебя ни лета, ни заслуги, и даже тайны семейной жизни выводятся на позор и поругание. Притом же вдобавок еще к статьям прилагается и карикатура описываемых лиц, нарисованных, признаться надо, мастерски» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 52).

27 *«Corsaire»* — «Le Corsaire, *journal des spectacles, de la littérature, des arts, moeurs et modes»* — «Корсар, газета театров, литературы, искусства, нравов и моды», французская ежедневная юмористическая иллюстрированная газета, выходила в Париже с 1822 по 1852 г.; в период Июльской монархии — орган оппозиции, в период революции 1848 г. — орган умеренных буржуазных республиканцев; редакторы Альфонс Карр, Леон Гозлан. С 1847 г. газета выходила под названием «Le Corsaire-Satan» под редакцией Сант-Альма.

28 *«Le XIX Siècle»* — «Le Dix-neuviéme siècle, *journal politique, quotidien, des intérêts nationaux et du commerce»* — «XIX век, ежедневная политическая газета, выражающая национальные и коммерческие интересы», орган республиканской оппозиции, выходила в Париже в 1841 г. под редакцией Эжена Пеллетана.

29 *...как распространено здесь чтение журналов.* — В 1840-х годах французская пресса носила массовый характер и имела широкое распространение. Бедные слои населения, не имея средств покупать газеты, читали их в кабачках и кафе. Оппозиционные газеты распространяли специальные разносчики, за которыми постоянно охотилась полиция.

30 *...Сент-Бёв разбирает поэтов французских, которые существовали до Буало...* — Сент-Бёв Шарль Огюст (1804—1869) — французский критик, историк и писатель, создатель тонких характеристик писателей и поэтов, т. н. литературных портретов, особенно XVI—XVII вв. Французский поэт Буало Депрео Никола (1636—1711) — автор знаменитого стихотворного трактата «Поэтическое искусство» (1694), в котором он сформулировал принципы классицизма.

31 *«Revue Indépendante»* — «Независимое обозрение», общественно-политический и литературный журнал, выходил в Париже два раза в месяц с 1841 по 1848 г. с перерывами, пропагандировал социалистические идеи. Основатель журнала Леру Пьер (1797—1871), французский философ, социалист-утопист и общественно-политический деятель; первоначально придерживался сенсимонизма, а затем разработал собственную философскую доктрину, близкую христианскому социализму; в ее основе лежало пантеистическое мировоззрение и идея бесконечного общественного прогресса. Помощником Леру по редактированию журнала был Виардо Луи (1800—1883), французский журналист, критик и писатель социалистического направления. Активное участие в журнале принимала Жорж Занд, которая в этот период находилась под сильным влиянием Леру.

32 *В программе сказано...* — Изложение программы журнала Анненковым отличается, видимо, по цензурным соображениям, от программы, приведенной в № 1 «Revue Indépendante» за январь 1841 г., где сказано: «Философам и политикам: о современном состоянии ума человеческого. Рабочим: о правильном понимании собственности и подлинном источнике богатства. Ученым: пророчества истории о нашей эпохе. Деятелям искусства: об искусстве нашего времени. Буржуазии и пролетариату: об индивидуализме и социализме».

В письме Анненков упоминает о двух статьях первой книги «Revue Indépendante» за ноябрь 1841 г.: «Aux Philosophes: De la situation actuelle de l'esprit humain» и «Aux Politiques. De la politique sociale et religieuse que convient à notre époque».

33 *«Revue Britannique»* — «Британское обозрение», французский ежемесячный журнал, выходил в Париже с 1825 г. сдвоенными книгами шесть раз в год; журнал давал обозрение английской и американской литератур; придерживался умеренно-республиканского направления; редактор журнала Пишо Амеде (1796—1877), французский писатель и переводчик.

[34] *...статья об Эстонии...* — Статья «l'Estonie» из раздела «Vouages-Moeurs» сентябрьской и октябрьской книги «Revue Britannique» за 1841 г.; в сноске к статье указано, что она взята из «Letters form the Baltic 2 vol. Londers 1841».

[35] *...упомяну о так называемых «физиологиях».* — Французские нравоописательные очерки, впервые появившиеся в 1838 г. в «Шаривари»; они стали чрезвычайно популярными в 1840-х годах. Лучшие из них имели демократическое направление и принадлежали перу Ш. Филиппона, Ф. Пиа, Ф. Сулье; иллюстраторами их были А. О. И. Домье, Г. Ш. Гаварни, Ж. И. Гранвиль. Часто физиологические очерки издавались отдельными брошюрами малого формата, отсюда название «карманные физиологии». Термин вошел в обиход с появлением книжечки Б. Саварена «Физиология вкуса» (1824).

[36] *«Les Guêpes»* — «Осы», французский ежемесячный сатирический журнал, выходил в Париже с 1839 по 1847 г., придерживался республиканского направления; редактор Альфонс Карр.

[37] *Карр* Альфонс (1808—1890) — французский писатель и журналист; романы и повести Карра проникнуты мелкобуржуазным сентиментализмом, лучший роман «Под липами»; успех имели сатирические очерки.

[38] *«l'Almanach populaire»* — «Народный альманах», французский ежемесячный литературно-общественный журнал, выходил в Париже с 1841 по 1844 г., придерживался либерального направления; редактор Паньер Лоран Антуан.

[39] *Дюма* Александр (1802—1870) — французский романист; в 1848 г. депутат Учредительного собрания.

[40] *Сю* Эжен (1804—1857) — французский писатель, автор сентиментальных нравоописательных романов на актуальные социальные темы с демократическим направлением.

[41] *Гюго* Виктор Мари (1802—1885) — французский писатель, глава демократического романтизма, в 1848 г. депутат Учредительного собрания.

[42] *Ламартин* Альфонс Мари Луи (1790—1869) — французский поэт, историк и политический деятель; в период революции 1848 г. министр иностранных дел и фактически глава Временного правительства.

[43] *«Nouvelles à la main»* — «Les Nouvelles à la main» — «Подручные новеллы», французский сатирический журнал, выходил ежемесячно в Париже с 1840 по 1844 г., придерживался республиканского направления, редактор Нестор Рокеплан.

[44] *Сорбонна* — первоначально богословская школа, основанная в 1253 г. Робертом де Сорбонной; в 1808 г. указом Наполеона I была слита с университетом, которому и передала свое имя.

[45] *Ройе-Коллар* Пьер Поль (1763—1845) — французский политический деятель Великой французской революции, после революции 1830 г. отошел от политики, стал профессором Сорбонны, придерживался монархических взглядов, возглавлял школу «доктринеров».

[46] *Кабалистический* — таинственный, загадочный (восходит к евр. каббала — мистическое учение).

[47] *Нострадамус* (настоящее имя Мишель де Нотр-Дам) (1503—1566) — французский врач и астролог, публиковал свои прогнозы о будущем.

[48] *Семнадцать — кроме концертов и панорам!* — В период Июльской монархии в Париже было свыше 20 театров, главные из них: Гранд-Опера́, Итальянская опера, Опера́-Комик, Амбигю-комик, Французский театр. или Одеон, Французская комедия, театр Пале-Рояль, театр Порт-Сен-Мартин, Гэте, Варьете, Водевиль, Фолие, Буфф, Фонамбюль, Жимназ.

[49] *Адмиралтейская часть* — в 1840-х годах Петербург был разделен на пять частей, первая из них называлась Адмиралтейской.

[50] *«La Grâce de Dieu»* — «Божья милость», комедия французского писателя-демократа, автора многих сатирических комедий из жизни современного французского общества, очеркиста Сулье Фредерика (1800—1847).

[51] *Аллан,* полное имя Аллан-Депрео Луиза Розали (1810—1856) — французская актриса, воспитанница Ф. Ж. Тальма.

[52] *Дежазе* Виржини (1798—1875) — французская актриса, популярная в 1840-х годах, играла во многих театрах; расцвет творчества связан с театром Пале-Рояль.

[53] *Театр Palais-Royal* — Пале-Рояль, небольшой парижский театр, построенный на территории дворца в 1784 г.; под названием Пале-Рояль был открыт в 1831 г.; на

его сцене работали известные актеры Дежазе, Буфф и др., ставились комедии и водевили.

[54] *Соваж*, правильно Зоваж Мари — французская драматическая актриса театров Водевиль и Варьете.

[55] *Театр Variétés* — Варьете, один из старейших в Париже, основан в 1720 г., после 1807 г. переместился на бульвар Монмартр; в 1840-е годы на его сцене работали Дежазе, Арналь и др.

[56] *Арналь* Этьен (1794—1872) — французский актер и драматург.

[57] *Театр Vaudeville* — Водевиль, открыт в Париже в 1792 г., принадлежал к так называемым театрам на бульварах; на его сцене ставились комедии и водевили; привлекал демократические круги населения.

[58] *Буффе* Мария (1800—1880) — французский актер, очень популярный в 1840-х годах, создатель многих комических образов в театрах Жимназ, Варьете, Водевиль.

[59] *Театр Gaité* — Гэте, открыт в Париже на бульваре Темпль; на его сцене работали многие известные французские актеры, в том числе Буффе.

[60] *«Gamin de Paris»* — «Парижский гамен», популярный водевиль французского драматурга Баяра Жана Франциска Альфреда (1796—1853).

[61] *Плесси*, правильно Плесси-Арну, Жанна (1819—?) — французская актриса; с середины 1840-х годов до 1855 г. жила в России и выступала на сцене Михайловского театра в Петербурге.

[62] *Анаис* Паулина (1802—1871) — французская актриса, работала на сцене театров Водевиль и Французская комедия.

[63] *Ламенель* Луи (1800—?) — французский актер комедийного амплуа, работал в театре Гэте.

[64] *Гиацинт* Пьер — французский актер театра Пале-Рояль.

[65] *Равас* — французский актер драматических театров.

[66] *Левассор* Пьер Тома (1808—1870) — французский актер, пародист, исполнитель комических куплетов.

[67] *Théâtre Français* — Французский театр, или Одеон, по названию площади, на которой был открыт в 1783 г.; с 1807 г. был включен в число привилегированных театров; в последние годы Июльской монархии в Одеоне, под руководством известного актера Пьера Бокажа (1799—1862) шли антиправительственные пьесы и устраивались бесплатные спектакли для студентов и рабочих.

[68] *Théâtre Porte Saint-Martin* — Театр Порт-Сен-Мартен, открыт в Париже на бульваре Темпль в 1781 г.; подлинного расцвета достиг в 1830-х годах при постановке драм В. Гюго и А. Дюма; в 1840-е годы на его сцене шли главным образом мелодрамы; театр пользовался любовью у молодежи и демократических кругов населения.

[69] *Рашель*, собственно Феликс Элиза Рашель (1821—1858) — французская трагическая актриса, возродившая в театре классическую школу актерского искусства. В письме к братьям Анненков писал о ней: «Фаворитка, избалованное дитя публики — эта Рашель, как знаете, играет в классических трагедиях. Жалко, что не знаю Семенову, а то бы хорошо было сличить. Рашель играет как-то скачками, т. е. все идет обыкновенно, благополучно, как у всякой актрисы, да вдруг в каком-нибудь месте побледнеет, задрожит и вырвется у нее что-нибудь такое, что подерет по коже» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 53).

[70] *Фредерик Леметр* (псевдоним, настоящее имя Леметр Антуан Луи Проспер) (1800—1876) — французский актер, очень популярный в 1830—1840-е годы.

[71] *Тальма* Франсуа Жозеф (1763—1826) — французский актер.

[72] *Жюль-Жанен вздумал было разрушить собственное свое дело...* — Французский фельетонист, писатель и критик Жанен Жюль Габриель (1804—1874), один из основных сотрудников консервативного правительственного журнала «Деба», отличался переменчивостью своих симпатий. Стремясь противостоять демократической романтической драме, Жанен способствовал популярности Рашели, игравшей в классическом репертуаре, но когда искусство Рашели приобрело героический характер и стало поддерживаться демократическими кругами, Жанен стал третировать актрису в своих театральных обозрениях.

[73] *...«Horace» Корнеля...* — Драма французского драматурга Пьера Корнеля (1606—1684) «Гораций».

[74] ...*в новой освистанной трагедии Вьенне «Арбогаст»...* — Французский драматург Вьенне Жан (1797—1863), прозванный за свои политические симпатии «бардом Июльской монархии», воскрешал в своих трагедиях, в том числе и в «Арбогасте», написанной в 1820 г. по образцу трагедии Расина, отжившие традиции классического искусства и монархическое направление; его пьесы вызывали протест в демократических кругах общества.

[75] *«Ричард Дарлингтон»* — социальная драма А. Дюма из политической жизни Англии, впервые поставлена в театре Порт-Сен-Мартен в 1831 г.; исполнитель главной роли в пьесе был Фредерик-Леметр.

[76] *Тамбурини* Антонио (1800—1876) — итальянский оперный певец (баритон).

[77] *Лаблаш* Луиджи (1794—1858) — итальянский оперный певец (бас).

[78] *Персиани* Фанни (1812—1867) — итальянская оперная певица.

[79] *Рубини* Джованни Баттиста (1795 или 1794—1854) — итальянский оперный певец (лирический тенор).

[80] *«Жидовка»* — «Жидовка, или Дочь кардинала», опера французского композитора Галеви (правильно Алеви (Hàlevy), настоящее имя Леви Фроманталь Жак) (1799—1862); либретто оперы написано французским драматургом Огюстином Эженом Скрибом (1791—1861); впервые поставлена в Гранд-Опере в 1835 г.

[81] *«Роберт»* — «Роберт-Дьявол», опера французского композитора Мейербера Джакомо (1791—1864); либретто для оперы написано Скрибом.

[82] *Дюпре* Жильберт (1806—1896) — французский оперный певец и композитор.

[83] *Фиц-Джеймс* — французская балерина.

[84] ...*гремят трубы Франкони...* — Цирковая семья Франкони стала в Париже преемницей знаменитой английской цирковой семьи Астлеев; в 1840-х годах Франкони содержали цирк в Париже, перестроив его помещение и обновив репертуар.

[85] *Луксорский обелиск* — египетский обелиск, вывезенный Наполеоном I во время египетского похода; получил свое название по имени г. Луксора, близ Фив, древней столицы Египта.

Письмо IX

Впервые — «Отечественные записки», 1842, кн. IV, отд. «Смесь», с. 15—22. Аннотация: «*Париж:* — Промышленная изворотливость парижан. — Роскошь. — Лекции в Сорбонне и в Gollége de France. — Литературные и театральные новости».

[1] ...*новою оперой Галеви...* — Опера «Кипрская красавица», впервые поставлена в Гранд-Опера́ в 1831 г.

[2] ...*приговором к смерти трех заговорщиков...* — Имеется в виду процесс Кенисе, стрелявшего в герцога Омальского, четвертого сына Луи Филиппа; в прошлом Кенисе был солдатом и служил в войсках под командованием герцога.

[3] ...*осуждением журналиста Дюпоти...* — Редактор оппозиционной газеты «La Presse» Дюпоти Шарль Дизере (1798—1865), французский журналист, был осужден за «моральное соучастие» Кенисе; французское правительство воспользовалось процессом Кенисе для сведения счетов с оппозиционной прессой.

[4] *Я присутствовал на весьма важном заседании палаты пэров...* — В письме к братьям Анненков сообщает: «Алек‹сандр› Иванов‹ич› (Тургенев. — *И. К.*) достал мне билет в палату пэров на процесс Кенисе, стрелявшего в принца, как вы знаете, и я видел как знаменитое судилище, так и всех обвиняемых» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 52).

[5] *Вандик*, правильно Ван-Дейк, Антонис (1599—1641) — фламандский живописец.

[6] *Геберт*, правильно Эбер (Hébert), Мишель Пьер Александр (1799—1887) — французский юрист и политический деятель, с 1841 г. главный прокурор королевского суда.

[7] ...*манифест журналистов, с которого началось постыдное кровопролитие 1830 года.* — Имеется в виду коллективный протест оппозиционной французской прессы 26 июля 1830 г. против ультрареакционных ордонансов (чрезвычайных указов) Ж. О. Полиньяка, главы французского кабинета, изданных в нарушение французских законов; протест послужил одним из сигналов к восстанию в Париже 1830 г., перешедшему в революцию.

[8] ...*выпущен был из темницы Ламне.* — Речь идет об освобождении из тюрьмы

французского аббата, философа и писателя Ламенне Фелисите Робера (1782—1854), представителя христианского социализма, автора «Слова верующего» — трактата, направленного против католической церкви и режима Июльской монархии; Ламенне в 1840-е годы неоднократно подвергался преследованиям.

9 *Гизо* Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский историк и политический деятель; в период Июльской монархии — министр иностранных дел, премьер-министр, фактически глава государства.

10 *Блакфорт*, настоящее имя Дюпати Луи Эммануил Шарль Марсье (1775—1851) — французский литератор, драматург, автор популярных водевилей и сатирических обозрений.

11 *...осуществляя таким образом возможность сказки Гофмана.* — Имеются в виду проделки волшебника Коппелиуса, сведшие с ума студента в сказке немецкого писателя-романиста Э. Т. В. А. Гофмана «Песочный человек» (1815); впервые на русском языке — «Телескоп», 1831, № 6.

12 *«Фигаро»*, «Le Figaro» — французская общественно-политическая ежедневная газета консервативного направления, выходит в Париже с 1826 г.

13 *Челлини* Бенвенуто (1500—1571) — итальянский скульптор, ювелир и медальер.

14 *...выучить басенке г. Б. Ф.* — Речь идет о русском писателе Федорове Борисе Михайловиче (1794—1875), авторе книги «Эзоповы басни в стихах» (1829).

15 *Вакханалии* — праздники в Древней Греции в честь бога вина Вакха.

16 *Луперкалии* — древнеримский праздник, отмечающийся 15 февраля в честь фавна Луперка.

17 *Opéra Comique* — Комическая опера, французский театр, основанный в Париже в 1715 г., на сцене которого шли оперы популярных французских композиторов Обера Даниэля Франциска Эсприта (1782—1870), автора «Фенеллы», «Фра-Диаволо», и Адана Адольфа Шарля.

18 *...пансионеров Карла X.* — Речь идет о французских аристократах, чьи земли были конфискованы в период Великой французской революции; в 1825 г., во время правления короля Карла X (1757—1836, правил с 1824 по 1830 г.), им в качестве компенсации был выплачен миллиард.

19 *Беррье* Пьер Антуан (1790—1868) — политический и юридический деятель, легитимист.

20 *...изверг хулу на англичан...* — Имеется в виду соглашение 1822 г., дававшее право Англии осматривать корабли, прибывающие в английские порты и подозреваемые в провозе рабов.

21 *...кто считает городок этот смесью крови и грязи...* — Подразумеваются русские писатели охранительной партии, в первую очередь Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, не раз обвинявшие Париж в бунтарстве и разврате.

22 *Collège de France* — Коллеж де Франс, старейший французский университет, основанный Франциском I в 1530 г.; в период Июльской монархии — передовое учебное заведение Франции.

23 *...лекции... принадлежат к числу парижских зрелищ...* — В письме Анненкова к братьям читаем: «...хожу слушать лекции публичные, которые нечто вроде репрезентаций. Теперь читает только Мицкевич — славянскую литературу и Шевалье — политическую экономию; в январе будут читать свои курсы, при немалом количестве дам, Ампер, Филарет Шаль и проч. и проч. Все это имеет для меня необыкновенную занимательность, хотя большей частью не удовлетворяют меня, особливо против германских идей, но внимание совершенно сковано, так что вряд ли не более имеет интереса театральных представлений» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 52 об.).

24 *Ампер* Жан Жак (1800—1864) — французский филолог и литературный критик, сын знаменитого физика.

26 *Монтань* — Монтень Мишель Эйнем де (1533—1592), французский философ и писатель.

26 *Шаррон* Пьер (1541—1603) — французский философ-моралист.

27 *Паскаль* Блез (1623—1662) — французский физик, математик и философ, автор знаменитого философского труда «Мысли».

28 *Людовик XIV* — французский король (1638—1715), правил с 1643 г.

[29] *Озанам* Антуан Фредерик (1813—1853) — французский писатель, филолог, специалист по германским литературам, профессор Коллеж де Франс.

[30] *«Нибелунги»* — «Песнь о Нибелунгах», немецкая эпическая поэма, относящаяся приблизительно к 1200 г.

[31] *«Гудруна»* — немецкая эпическая поэма, относящаяся приблизительно к 1240 г.

[32] *Миннезингеры* — поэты немецкого Средневековья, представлявшие рыцарскую лирику XII—XIII вв.

[33] *Шаль* Виктор Эфемион Филарет (1798—1873) — французский писатель и филолог.

[34] *Кине* Эдгар (1803—1875) — французский писатель, историк и политический деятель; в период правления Луи Филиппа был настроен оппозиционно, участник февральской революции, после революции 1848 г. стал на сторону партии порядка.

[35] *...издатель «Франкфуртского журнала» Дюран.* — Дюран (Durand) Ипполит (1805—1861), французский журналист, редактировал «Francfurter Journal fur kunst, literatur und theater», который выходил во Франкфурте-на-Майне с 1836 по 1866 г.

[36] *Тургенев* Александр Иванович (1784—1845) — русский литератор, брат декабриста Николая Тургенева, друг Пушкина, покровитель Анненкова за границей.

[37] *...путешествие Гюго на Рейн — скучно...* — Книга путевых очерков В. Гюго «Рейн» (1842).

[38] *«Майорка»* — путевые записки Жорж Занд, написанные ею под впечатлением поездки с Фредериком Шопеном и детьми на испанский о. Майорку, где в г. Пальма она провела зиму 1838—1839 гг.

[39] *«Записки двух девушек»* — роман О. Бальзака «Переписка двух молодых дам» (1841).

[40] *«Кавалер Армантель»* — первый исторический роман-фельетон А. Дюма, написанный им в соавторстве с Маке Августом (1813—1888).

[41] *...с прекрасными карикатурами Гранвиля...* — Французский рисовальщик Гранвиль (Gerard, по прозвищу Granville) Жан Исидор (1803—1847), сотрудник и соратник Филиппона, после суровых законов о печати 1835 г. вынужден был отказаться от политических шаржей; его специальностью стало осмеивание характеров и нравов буржуазии под видом животных, что дало повод называть его «звериным Лабрюером».

[42] *...вымощенных уже bois de pallisandre...* — т. е. палисандровым деревом, древесиной тропических деревьев, употреблявшейся для изготовления дорогой мебели.

[43] *«Виконт Леторьер»* — популярный водевиль французского драматурга Ж. Бояра; главную роль исполняла В. Дежазе.

[44] *«Палатин»* — «Великий палатин» («Великий наместник»), водевиль в трех действиях; автора установить не удалось.

[45] *Лафон* Пьер Шери (1797—1873) — французский актер.

[46] *«Электрическая цепь»* — комедия в двух действиях французского драматурга Тома Фредерика (1814—1884).

[47] *«Синий чулок»* — водевиль в одном действии французского драматурга Лангле Огюста.

[48] *Вольпи*, настоящее имя Фэ Леонтина (1810—1876) — французская актриса, выступавшая главным образом в водевилях и комедиях.

[49] *«Парижские феи»* — французский водевиль; автора установить не удалось.

Письмо X

Впервые — «Отечественные записки», 1842, кн. VI, отд. «Смесь», с. 95—101. Аннотация: *«Париж:* — Ламартин. — Прием новых членов во Французскую Академию. — Шатобриан и г-жа Рекамье. — Лекции Жирардена. — Проповедники: Дюпанлу, Равиньян и Ботен. — Проекты памятника Наполеону. — Новейшие театральные пьесы».

[1] *...посмотреть гробницу Карла Великого...* — Карл Великий (742—862), король франков с 768 г., был погребен в Аахене.

[2] *...поклониться в Саардаме великому русскому имени.* — Речь идет о Петре I (1672—1725), который в молодости работал семь дней на Саардамской верфи в Голландии под именем волонтера Петра Михайлова во время своей поездки за границу с русским посольством в 1697 г.

[3] *...народная песня Беккера: Sie werden ihn (Рейн) nicht haben.* — «Они его (Рейн)

не получат»; патриотическая песня немецкого бюргерства о Рейнской границе, отошедшей французам, написанная немецким поэтом Беккером Николаусом (1809—1845), под названием «Немецкий Рейн».

4 *Только и толков по обеим сторонам реки, что о реке...* — Об этих толках писал Энгельс: «Глупую болтовню нескольких французских журналистов по поводу рейнской границы считают заслуживающей пространных возражений, которых французы, к сожалению, совсем не читают, и песню Беккера „Они его не получат" хотят par force (насильно. — *И. К.*) сделать народной песней» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 41, с. 129).

5 *...но согласиться на действительнейшую меру к прекращению ее — нет.* — Намек на бесконечные дебаты о прекращении торговли неграми, которые велись с начала 1820-х годов в Европе. «Отечественные записки» писали по поводу этих дебатов: «С тех пор, как английский парламент (1807 г.) в первый раз внимательно рассмотрел вопрос о рабстве негров, завязалась об этом предмете борьба мнений, которая увеличивается с каждым днем, и по своей живости и увлечению едва ли в новейшее время может сравниться с чем-нибудь» («Торг неграми в новейшее время». 1842, т. XXII, отд. «Смесь», с. 1).

6 *Брольи* Ашилль Шарль Леон Виктор, герцог (1785—1870) — французский государственный деятель, орлеанист, ряд лет министр иностранных дел; один из инициаторов соглашения пяти держав: России, Англии, Пруссии, Австрии и Франции против торговли неграми, заключенного в 1841 г.

7 *Гранье-Кассаньяк* Адольф де (1806—1880) — французский журналист, публицист, беспринципный политик; до революции 1848 г. орлеанист, затем бонапартист, в период Второй империи депутат Законодательного корпуса.

8 *«Le Globe»* — «Le Globe, *gazette des deus mondes»* — «Глобус, газета Старого и Нового света», французская газета республиканского направления, выходила в Париже с 1837 по 1845 г. под редакцией Гранье-Кассаньяка.

9 *Токвиль*, правильно Токвилль Алексис Карл Генри Глер (1805—1859) — французский историк, писатель и государственный деятель, сторонник конституционной монархии; в период революции 1848 г. принадлежал к республиканцам и вел активную борьбу с социалистами.

10 *...Балланшу, с его «Паленгенезией»...* — «Возрождение» (1818), сочинение французского писателя и поэта-мистика Балланша Пьера Симона (1776—1847), в котором развивается мистическое учение о возрождении живых существ после смерти, откуда и получило свое название.

11 *Дюваль* Жорж (1772—1853) — французский писатель и драматург.

12 *Пакье* Этьен Дени, герцог (1767—1862) — французский политический деятель, президент палаты пэров при Луи Филиппе.

13 *Патен* Генри Жозеф Гильом (1793—1876) — французский писатель, профессор латинской и греческой поэзии в Сорбонне.

14 *Виньи* Альфред де (1787—1863) — французский писатель романтического направления.

15 *Миньé* Франсуа Огюст Мари (1796—1884) — французский историк, создатель нового направления в историографии, участник революции 1830 г.

16 *...открыл настоящий век религиозною песнью...* — Речь идет о французском писателе и политическом деятеле Шатобриане Франсуа Огюсте Рене де (1768—1848), авторе «Гения христианства», произведения, написанного им в изгнании в 1802 г., в котором разуму противопоставляется вера.

17 *Рекамье* Юлия Аделаида (1777—1849) — парижская красавица, хозяйка известного салона, посещаемого многими знаменитыми людьми Франции; особую популярность салон Рекамье приобрел в эпоху Реставрации (1814—1830).

18 *Тенерани* Пьетро (1789—1869) — итальянский художник и скульптор, ученик Кановы.

19 *Жерар* Франсуа (1770—1837). — Французский живописец, ученик Давида; прославился светскими портретами.

20 *Гарсиа-Виардо* Мишель Полина (1821—1910) — французская певица (меццо-сопрано), педагог и композитор.

21 *Барант* Амабль Гильом Проспер Брюшар (1782—1866) — французский государственный деятель, монархист, историк, публицист, переводчик Шиллера.

22 ...*кончает теперь глубоким, суровым мистицизмом янсенистов.* — Речь идет о творческой эволюции французского писателя и критика Ш. О. Сент-Бёва, авторе знаменитого «Volupté» — «Утешения», написанного под влиянием Ф. Ламенне; в этом психологическом романе показана борьба мистических настроений с энергией и ясностью молодости; роман был высоко оценен А. С. Пушкиным. Постепенно Сент-Бёв подпал под влияние янсенистов (оппозиционное учение внутри католицизма, основанное Корнелием Янсением и отличавшееся мистицизмом); под влиянием этого учения Сент-Бёв принялся за пятитомный труд «Port-Royal» — «Убежище королей», в котором дал ряд психологических портретов янсенистов, связанных с этим янсенистским женским монастырем близ Парижа; труд был окончательно завершен в 1860 г.

23 *Декарт* Рене (Renatus Cartesius) (1596—1656) — французский философ и математик.

24 *Ленорман* Шарль (1802—1859) — французский ученый, археолог.

25 *Фориель* Клод Шарль (1772—1844) — французский историк литературы и критик.

26 *Сен-При* Феликс (1801—1851) — французский политический деятель, сторонник Бурбонов, депутат Учредительного собрания.

27 *Юлия, Офелия* — героини трагедий Шекспира «Ромео и Джульетта» и «Гамлет»; *Мария Стуарт* (1542—1587), королева Шотландская.

28 *Сен-Марк-Жирарден* (Saint-Marc-Girardin) (1801—1873) — французский писатель, критик, профессор Сорбонны, автор популярных статей о литературе в «Journal des débats».

29 *Дюпанлу* Феликс Антон (1802—1878) — аббат, французский проповедник, богослов, профессор Сорбонны, член французской Академии, клерикальный публицист.

30 *Абеляр* Пьер (1079—1142) — французский философ и богослов.

30а *Сен-Сиран* или Дювержье де Горан Жан (1581—1643) — французский философ и богослов.

31 *Корф* Модест Андреевич (1800—1872) — русский государственный деятель, реакционер, соученик А. С. Пушкина по Царскосельскому лицею.

32 ...*современных драматических писателей он уничтожает...* — Речь идет о драматургах демократического романтизма во главе с В. Гюго, против которых в период Июльской монархии ополчились литераторы, группировавшиеся вокруг правительственного консервативного «Journal des débats»: Ж. Жанен, Ф. Шаль, Сен-Марк Жирарден.

33 *Мишле* Жюль (1798—1874) — французский ученый, историк, обратившийся к исследованию народных движений и положения народных масс в различные эпохи; был настроен оппозиционно к режиму Июльской монархии.

34 *Шевалье* Мишель (1806—1879) — экономист французской классической школы, в молодости сен-симонист, впоследствии сторонник умеренной конституционной монархии, один из основателей общества свободной торговли; выступал с публицистическими статьями в «Journal des débats».

35 *Равиньян* Густав Франсуа Ксавье (1795—1858) — французский проповедник, принадлежал к школе воинствующих иезуитов.

36 ...*составляют первые звенья той религиозной реакции, которая обнаружилась в последнее время в Париже.* — Реставрация католицизма, начавшаяся во Франции после восстановления ордена иезуитов в 1815 г., особенно усилилась в период Июльской монархии и сопровождалась развитием религиозного красноречия. Знаменитые проповедники, на проповеди которых стекался весь Париж, касались самых животрепещущих вопросов. Католицизм стремился подчинить себе культурную жизнь страны, даже образование, что вызвало тревогу правительства. В 1845 г. Гизо направил в Ватикан для секретных переговоров с папой профессора П. Л. О. Росси, итальянца по происхождению; миссия Росси увенчалась успехом, и количество иезуитских домов в Париже несколько сократилось.

37 ...*о изнеможении и апатии его.* — В письме к М. Н. Каткову в Берлин от 17 марта 1842 г. Анненков писал: «А под прикрытием этой апатии Гизо сильнее, чем за год назад, и делает бесчинства. Не знаю, перед бурей ли это спокойствие, но знаю только, что если новые избирательства не создадут Палаты несколько энергичнее, потеряет Франция драгоценный подарок Европы, эти развитые учреждения для возможно более личной свободы каждого, потеряет, будь шельма, потеряет» (Русский вестник, 1896, № 12, с. 51).

38 *Я был на некоторых из этих поучений...* — В письме к братьям Анненков пишет: «Посещаю проповеди в церквах известных проповедников. Последнее однако же даром не обходится. Как только кончается проповедь, красавицы самого высшего общества, графини и герцогини, становятся у дверей, на том месте, где обыкновенно стоят нищие, и собирают милостыню для бедных в бархатные мешочки». И тут же, намекая на ханжество этих дам, добавляет: «драгоценности, на них надетые, стоят в несколько раз больше собранных ими денег» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 52 об.).

39 *Ботен* Август — французский аббат, богослов; проповедовал преимущественно в аристократических кругах.

40 *Шатель* — французский аббат, вел борьбу за независимость французской церкви от Ватикана, создал общину «независимой католической церкви» («галльский примас»), которая в 1842 г. была закрыта; близок христианскому социализму.

41 *«Les lamcntation sociales»* — «Общественные бедствия», книга французского публициста, социалиста Боналя Луи Габбриэля Амброзия (1778—1848).

42 *...о конкурсе на сооружение памятника Наполеону...* — 15 декабря 1840 г. прах Наполеона I был перевезен с острова св. Елены в Париж и объявлен конкурс на сооружение надгробия, в связи с чем во Франции возник настоящий культ Наполеона, объединивший различные слои общества, настроенные оппозиционно к режиму Июльской монархии. В письме к братьям Анненков приводит слова сторожа из Инвалидного дома, где в боковой часовне стоял гроб Наполеона: «Вы не можете себе представить, какая любовь у всех членов общества к этому человеку. Кучера, работники, прачки прослезятся при его имени, оправятся и скажут: это хорошее было время, сударь» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 59).

43 *Folies* — Фоли, Шалость, один из старинных французских театров, построенных на бульварах в конце XVIII в.

44 *«Палермский трибун»* — драма в пяти действиях французского писателя и драматурга Латура де Сент-Ибара.

45 *«Кедрик-Норвежец»* — социальная драма французского писателя, журналиста и драматурга Пиа Феликса (1810—1869), оппозиционно настроенного против Июльской монархии.

46 *«Плутни Кинолы»* — социальная комедия Бальзака Оноре (1799—1850), в центре которой столкновение творческой личности с буржуазным и аристократическим миром; в начале 1840-х годов Анненков довольно критически относился к творчеству Бальзака, впоследствии это отношение сменилось полным признанием.

47 *...с тех пор, как Франция открыла Шекспира...* — В 1821 г. в Париже было издано полное собрание сочинений В. Шекспира с предисловием «Опыт о жизни и творчестве Шекспира»; в этом исследовании Ф. П. Г. Гизо выступил пропагандистом эстетических принципов творчества Шекспира, противопоставляя их обветшалым традициям классицизма и реакционного романтизма. В 1826 г. появляется трактат Стендаля «Расин и Шекспир», также пропагандирующий творчество Шекспира. Некоторую роль в пропаганде Шекспира сыграли драматурги из кружка Деляклюза Этьена Жана (1781—1863), писавшие литературные драмы в подражание шекспировским «Хроникам».

48 *...актеров Вильямова балагана...* — Знаменитый театр Шекспира «Глобус» отличался почти полным отсутствием декораций и народными традициями исполнения.

49 *«Цыган Парис»* — мелодрама популярного в 1840-х годах французского драматурга Бушарди Жозефа (1816—1870), с запутанной интригой, нагромождением ужасов, нелепыми ситуациями «черного жанра».

50 *Ашар* Пьер Фредерик (1808—1856) — французский актер-комик, с 1836 г. постоянный актер театра Пале-Рояль.

51 *Дош* Шарлотта Мария (1821—1900) — французская актриса.

52 *Gymnase* — Жимназ, театр на бульваре Бон-Нувель в Париже, открытый в 1820 г. для учебной практики студентов консерватории; был любим буржуазией за свой репертуар, основное место в котором принадлежало драмам французского драматурга Скриба Огюстино Эжена (1791—1861), автора многочисленных комедий, мелодрам, водевилей, популярных в 1830—1840 годах.

53 *Мюзар* Франц Генри (1793—1859) — французский музыкант, композитор, устроитель публичных балов и маскарадов в Париже.

54 *...на курс френологии с опытами.* — Френология создана немецким врачом Галлем Францем Иосифом (1758—1828); эта псевдо-наука о связи между психическими функциями мозга и строением черепа пользовалась особой популярностью в Париже в период пребывания там Галля (1810—1820 гг.); после его смерти ученики открыли в Париже специальные кабинеты френологии.

55 *Salle Saint-George, La grande Chaumière* — известные танц-залы в Париже 1840-х годов.

56 *Гальяни* — глава знаменитой книжной фирмы, которая содержала известный на весь Париж книжный магазин и кабинет для чтения, где получались все периодические издания Европы.

57 *Дюмон-Юрвиль* Жюль Себастьян Цезарь де (1790—1842) — французский путешественник-натуралист.

Письмо XI

Впервые — «Отечественные записки», 1842, кн. VIII, отд. «Смесь», с. 47—51.

1 *...об аллеманских государствах...* — Название германских государств по имени племени аллеман, ветви швабского племени, некогда в них обитавшего.

2 *...по выражению Хлестакова...* — Персонаж из комедии Гоголя «Ревизор» (1836 г.)

3 *«Рождай мне только дочерей, Рейн!»...* — Перифраз реплики Макбета, героя одноименной трагедии Шекспира: «Рождай мне только сыновей».

4 *Лафатер* Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский пастор и писатель, в своих «физиологических фрагментах» пытался доказать, что по чертам лица можно определить характер человека.

5 *...с неописанным выражением довольства, благополучия, душевного мира и желанного состояния совести.* — Характеристика филистеров у Анненкова перекликается с характеристикой, данной Марксом в те же годы: «Существование страдающего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое подвергается угнетению, должно неизбежно стать поперек горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному миру филистерства» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 378).

6 *Еще Байрон заметил эту особенность...* — «Дон Жуан» Байрона, 62 строфа 10-й песни: «Был в Кёльне, каждый там неотвратимо почтить святые кости принужден одиннадцати дев блаженных и потому, наверное, нетленных» (*Байрон Д. Г.* «Дон Жуан». М., 1959, с. 59).

7 *...кёльнская католическая протестация...* — Иначе «кёльнская смута» — конфликт между прусским правительством и католической церковью по поводу вероисповедания детей при смешанных браках (католиков с протестантами); прусское правительство капитулировало перед Ватиканом.

8 *...ганноверская оппозиция...* — В 1837 г. король Ганновера отменил буржуазно-либеральную конституцию и в 1840 г. провел закон, который свел до минимума права представительных учреждений, что вызвало недовольство в либеральных кругах Ганновера, нашедшее свое выражение в протесте геттингентских профессоров, поданном королю.

9 *Бёрне* Людвиг (1786—1837) — немецкий писатель, публицист и критик либерального направления.

10 *«Фенелла»* — «Фенелла, или Немая из Портичи», опера французского композитора Обера, впервые поставленная в Париже в Гранд-Опера́ в 1828 г., очень популярная в 1830—1840-х годах.

11 *...в арзамасскую академию искусств...* — Школа иконописного и живописного дела, основанная в Арзамасе Нижегородской губернии в 1802 г. А. В. Ступиным.

12 *Тимбукта*, ныне Томбукта — город в республике Мали; *кафры* — название, данное европейскими колонизаторами южноафриканскому народу коса; *Вандименова земля* — остров в юго-восточной Австралии, открытый в 1642 г. голландским мореплавателем А. Я. Тасманом; в 1788 был объявлен английским владением под названием земли Ван-Димена; в 1853 г. назван Тасманией.

13 *Джиото*, правильно Джотто ди Бондоне (1276—1337) — итальянский художник.

14 *Фра-Беато*, правильно Фра-Джованни да Фьезоле, прозванный Беато А. (1400—1455), итальянский художник.

15 *Массачио* (Massazza du Valdondona) Паоло Антонио, граф (1711—1785) — итальянский художник и архитектор.

16 *...в лавке Исакова...* — Магазин иностранной книги на Невском в Петербурге, принадлежавший книгопродавцу и издателю Исакову Якову Алексеевичу (1811—1881); впоследствии книготорговля Исакова стала одной из первых в России; Исакову принадлежит издание сочинений А. С. Пушкина.

17 *...три восточные царя, шедшие за звездою в Назарет...* — Библейская легенда о трех царях, или волхвах, Каспаре, Мельхиоре и Валтазаре, которые, руководимые звездою, показывающей им путь, пришли в Вифлеем на поклон новорожденному младенцу Иисусу.

18 *Типография Котты* — издательская фирма, тесно связанная с историей немецкой литературы. Иоганн Фридрих Котта, особенно много сделавший для процветания фирмы, был основателем одной из самых популярных немецких газет «Allgemeine Zeitung», издававшейся в Аугсбурге в 1810—1882 гг.; газета придерживалась консервативного направления.

19 *«Конетабль Честерский»* — «Конетабль Честерский, или Обручение», роман Вальтера Скотта из эпохи Крестовых походов.

20 *...«чаши, во истину дьяволу обреченные»...* — Цитата из сочинения кн. Курбского Андрея Михайловича (1528—1583), русского политического деятеля и писателя эпохи Ивана Грозного («Сказания кн. А. Курбского». СПб., 1822, с. 84).

21 *Лютих* — старое название бельгийского города Льежа.

22 *Начались выборы.* — Выборы в Палату депутатов в Париже в августе 1842 г.

Письмо XII

Впервые — «Отечественные записки», 1842, кн. IX, отд. «Смесь», с. 58—65. Аннотация: «Берега Рейна и окрестные города. — Тироль. — Дюссельдорфская и мюнхенская школы живописи».

1 *Полуимпериал* — русская золотая монета; империал равен был 15 рублям ассигнациями.

2 *...мать Родшильдов...* — Речь идет о банкирской династии; Джеймс Ротшильд (1792—1863) — глава банкирского дома.

3 *Лессинг* Карл Фридрих (1808—1880) — немецкий художник-пейзажист и исторический живописец, представитель Дюссельдорфской школы живописи.

4 *Данекер*, правильно Даннекер, Иоганн Генрих (1758—1841) — немецкий скульптор и художник, автор мраморной скульптуры «Ариадна на пантере» (1809).

5 *Бекманский сад* — Франкфуртский музей Бетмана. Назван по имени Бетмана Симона Морица (1763—1816), основателя банкирской династии во Франкфурте-на-Майне, уроженца Голландии; был возведен в австрийское дворянское достоинство; отличался благотворительностью и покровительством наукам и искусствам.

6 *...на улице Гроссен-Хирш-Грабен...* — Имеется в виду улица и дом, где родился И. В. Гёте и где им были написаны первая драма «Гец фон-Берлихинген» (1771—1773) и роман «Страдания молодого Вертера» (1774).

7 *...которые еще обстраиваются...* — Штутгардт, Дармштадт и Карлсруэ приобрели вид европейских городов только в XIX в.

8 *...заметили вы. справедливо...* — К этому тексту в журнальной публикации есть примечание от редакции: «Это относится к письму, полученному автором в ответ на предыдущее».

9 *...заседает та баденская палата...* — Вторая баденская палата, которая в 1842 г. настаивала на принятии закона об ответственности министерства, отмене барщины, десятинной подати и других подобных требованиях; палата была распущена.

10 *...существование Ицштейнов, Пфицеров и проч....* — Ицштейн Иоганн Адам (1755—1858) — немецкий политический деятель, один из руководителей либеральной оппозиции в баденском ландтаге; Пфицер Павел (1801—1867) — немецкий публицист и либеральный политический деятель, член второй баденской палаты с 1831 г.

11 *...соперничает с Лейпцигом.* — В Штутгардте, столице Вюртембергского герцогства, проводились ежегодные книжные ярмарки, и по оборотам книжной торговли Штут-

гардт занимал второе место в Германии после Лейпцига, где также проводились ежегодные книжные ярмарки.

12 ...*происходило знаменитое confession d'Augsbourg...* — Аугсбургское исповедание — важнейший символ веры в лютеранской церкви; в основу первой части исповедания положено 17 правил Лютера, объединявших учение реформатской и лютеранской партий. Труд этот был обработан соратником Лютера Ф. Меланхтоном и получил название Аугсбургского, поскольку был представлен Карлу V в Аугсбурге.

13 *Фохт* Николас (1653—1733) — немецкий художник и гравер.

14 *В замену изгнанных из него умственных интересов настроены дворцы, церкви и галереи...* — Во второй четверти XIX в. Мюнхен был превращен в один из главных художественных центров Германии; в него были приглашены видные художники, скульпторы, зодчие, создавшие специальную мюнхенскую школу, отличавшуюся пышностью и декоративностью.

15 *Базилика* — храм в виде четырехугольника с портиками и колоннами.

16 *Глиптотека* — собрание скульптурных произведений, особенно античных. Глиптотека в Мюнхене, огромное здание в ионическом стиле, пользовалась особенной известностью.

17 ...*как рыцарь Жуковского, вспоминающий о далекой Палестине над вывезенной им пальмой...* — Имеется в виду баллада русского поэта Жуковского Василия Андреевича (1783—1852) «Ветка Палестины» (1832), вольный перевод стихотворения Людвига Уланда «Боярышник графа Эбенгардта»; ветку боярышника Жуковский в своей балладе заменил веткой оливы.

18 ...*страницу Карамзина о Рейнском водопаде...* — Описание Рейнского водопада в «Письмах русского путешественника» (1791) Н. М. Карамзина.

19 ...*пропало даже и поколение умных лодочников с Карамзина...* — Подразумевается фраза из «Писем русского путешественника»: «Лодочник почел за нужное сказать нам, что в Америке есть подобный водопад» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. СПб., 1884, с. 213).

20 ...*основана твердо ее материальная и нравственная сила.* — Имеется в виду борьба за левый берег Рейна, отошедшего по решению Венского конгресса к Франции. Суждение Анненкова по этому вопросу совпадает с суждением молодого Энгельса, который писал в статье «Эрнст Мориц Арндт», опубликованной в журнале «Telegraph für Deutschland» в январе 1841 г.: «Дело в том, что я придерживаюсь, — может быть, в противоположность многим, взгляды которых я вообще разделяю, — той точки зрения, что для нас возврат говорящего по-немецки левого берега Рейна — дело национальной чести...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 41, с. 130).

21 ...*получило великолепное развитие в Шеллинге.* — Речь идет о религиозно-мистическом направлении в немецкой философии, так называемой позитивной философии, центром которой был Мюнхен; это направление выступило с критикой философии Гегеля и пыталось подчинить философию религии; дальнейшее свое развитие оно получило в философии Шеллинга. Мысль о связи позитивной философии с философией Шеллинга развивал Ф. Энгельс в статье «Шеллинг и откровение»: «В первый раз за последние пятьсот лет выступает герой науки и объявляет последнюю служанкой веры» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 41, с. 201). Первоначально статья Энгельса вышла отдельной брошюрой в Лейпциге в 1842 г.

22 ...*переходом Мергейнеке к так называемой правой стороне гегельянизма...* — После смерти Гегеля в 1831 г. в Германии произошло размежевание его сторонников. Старогегельянцы, или правогегельянцы, выступили с открытой защитой юнкерства, прусской монархии, церкви и пытались интерпретировать учение Гегеля в церковно-христианском духе. На сторону правогегельянцев открыто стал протестантский теолог Мархейнеке Филипп Кондрад (1780—1846), выпустив в 1842 г. книгу «Введение в публичные лекции о значении гегелевской философии для христианской теологии». Берлин, 1842. По поводу этой книги К. Маркс писал А. Руге в 1842 г.: «Старый Мархейнеке счел, по-видимому, необходимым подтвердить документально перед всем миром всю импотентность старогегельянства. Его вотум — это позорный вотум» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 365).

23 *Салат* Якоб (1766—1850) — немецкий ученый, философ-идеалист, правый гегельянец, профессор Мюнхенского университета.

24 ...*разговор с ним Н. А. Мельгунова...* — Имеется в виду статья русского писателя,

публициста Мельгунова Николая Александровича (1804—1867) «О новой философии Шеллинга», опубликованная в «Отечественных записках», 1839, т. 3.

25 *Уланд* Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт-романтик и политический деятель консервативного направления.

26 *Сольмс-Лих* Людвиг (1805—1880) — прусский помещик и политический деятель, сторонник монархии.

27 *Об оппозиции всему этому...* — Имеется в виду литературно-общественная группа «Молодая Германия», объединявшая наиболее прогрессивных немецких поэтов и писателей, критически относившихся к прусскому режиму: Г. Гейне, К. Гуцкова, Л. Бёрне и др., и прогрессивная немецкая пресса, в частности журн. «Deutsche Jahrbücher», орган левых гегельянцев, издававшийся А. Руге.

28 *...читаю энергическое проклятие Анастасия Грюна...* — Поэма «Прогулка венского поэта», вышедшая анонимно в 1831 г. и проникнутая оппозиционными настроениями против режима Меттерниха.

29 *Рюккерт* Фридрих (1788—1866) — немецкий поэт-романтик, переводчик восточной поэзии. Мнение Анненкова о Рюккерте перекликается с мнением молодого Энгельса, который писал: «Как поэта любви, его можно было бы сопоставить с Гейне...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 41, с. 362).

30 *Алгамбра* — крепость-дворец мавританских царей близ Гренады, памятник средневековой мавританской архитектуры.

31 *«Аугсбургский журнал»* — «Allgemeine Zeitung», немецкая ежедневная газета консервативного направления, выходившая в Аугсбурге с 1810 по 1882 г.; основана в 1798 г.

32 *...порода Арминиевых детей...* — Герман (Арминий), вождь племени херусков, возглавил германские племена, разбившие римские легионы в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.).

33 *Мейербер* Джакомо (настоящее имя Якоб Либман Бер) (1791—1864) — композитор, автор опер «Роберт-Дьявол» (1837) и «Гугеноты» (1836).

34 *Мендельсон* Моисей (1729—1786) — немецкий философ-просветитель и писатель.

35 *...как Каратыгин в «Ермаке» г. Хомякова...* — Речь идет о русском актере Каратыгине Василии Андреевиче (1802—1853), исполнителе главной роли в трагедии русского писателя Хомякова Алексея Степановича (1804—1860) «Ермак».

36 *...Дюссельдорфе — столице нового воззрения на живопись...* — Имеется в виду Дюссельдорфская школа — наиболее значительная из местных школ немецкой живописи XIX в. Сложилась в связи с основанием (1819 г.) Академии художеств в Дюссельдорфе, объединяла художников различных направлений; для творчества некоторых, в том числе К. Ф. Лессинга, характерен просветительский взгляд на искусство и реалистическое направление; своей творческой зрелости школа достигла к середине 1840-х годов.

37 *Гусс*, правильно Гус, Ян (1371—1415) — профессор Пражского университета, вождь чешского национально-освободительного движения, был обвинен в ереси и сожжен на костре.

38 *Геценберг* Жозеф (XVII в.) —немецкий скульптор и гравер, автор фресок в Боннском университете.

39 *...франкфуртскую картину Овербека...* — Картина «Триумф религии в искусстве» (1840) немецкого художника, представителя «назарейцев». См. также прим. к первому «Письму из-за границы», п. 12.

40 *Корнелиус* Питер (1783—1849) — немецкий художник, первый директор Дюссельдорфской Академии живописи.

41 *Гесс* Карл Адольф (1769—1849) — немецкий художник и педагог.

42 *Каульбах* Вильгельм (1805—1874) — немецкий живописец и рисовальщик, ученик П. Корнелиуса.

43 *Циммерман* Клемен (1789—1869) — немецкий живописец, работал по украшению мюнхенской глиптотеки и столовой залы в мюнхенском королевском дворце.

44 *Шлотгауер* (1800—?) — немецкий резчик по дереву и рисовальщик.

45 *Бюргер* Август (1749—1794) — немецкий поэт-романтик, автор популярных баллад и поэм, в том числе известной поэмы «Ленора», переведенной на русский язык В. А. Жуковским.

[46] *Анакреон*, правильно Анакреонт — древнегреческий поэт (ок. 570—487 до н. э.).
[47] *Торвальдсен* Бертель (1768 или 1770—1844) — датский скульптор.
[48] *...оглянулся назад, как Орфей...* — Древнегреческий миф о поэте-певце Орфее, спустившемся в ад за своей умершей женой Эвредикой; во время возвращения на землю Орфей оглянулся на Эвредику, нарушив данное обещание, и потерял ее навеки.

Письмо XIII

Впервые — «Отечественные записки», 1843, кн. IV, отд. «Смесь», с. 90—94.

[1] *«Моисей»* — «Моисей в Египте», опера Д. Россини (1827).
[2] *Палата представляет вид страшного смятения.* — В письме к братьям Анненков писал: «Я был свидетелем одного такого бурного заседания. Всего более шумела левая сторона, оппозиционная под председательством Одилона Барро, Лафита и Араго. Пощады нет ни министру, никому. Вильмен, министр просвещения, был оглушен страшным воплем, Дюшатель — хохотом от одной фразы, не слишком ловкой. А когда попадается новичок, так из рядов выскакивают остроты, смущающие бедного оратора... Когда говорит Ламартин — это орел! Какая быстрота соображения, какой поток сравнений, метафор, картин. Когда говорит Беррье — это огонь! Что за увлечение, что за жар, что за количество доказательств, которые гонят один другого и жмут противника до появления крови, т. е. до вскрика, как это часто случалось. Когда говорит Гизо — это рассудок в полном величии. Он разбирает и разлагает каждый порыв оратора и в минуту, когда Палата находится в энтузиазме, выливает на нее ушат холодной воды своими стойкими рассуждениями» (*ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 3, л. 60).
[3] *Перье* Казимир (1811—1876) — французский политический деятель, дипломат; в период Июльской монархии принадлежал к оппозиции.
[4] *Ше д'Эст-Анж* (Chaix d'Est-Ange) Андре (1800—1876) — французский адвокат.
[5] *Марье* Пьер Томас (1795—1870) — французский политический деятель, адвокат.
[6] *«Вишь, куда метнул, какого туману напустил!»* — Реплика городничего в адрес Хлестакова из комедии Гоголя «Ревизор» (1836).
[7] *...магистрат назначается пожизненно...* — Во Франции магистрат — судейский персонал с включением прокуратуры; согласно французскому гражданскому кодексу от 1807 г., мировые судьи после пятилетней службы получали грамоту на пожизненное отправление своих обязанностей.
[8] *...который стоит между двумя партиями — римскою и чисто национальною...* — Согласно закону об образовании 1821 г., во французской средней и высшей школе господствовало классическое образование, а курс естественно-математических дисциплин был сокращен, что в 1840-х годах привело к усилению влияния церкви на образование; национальная партия во главе с Ж. Мишле и Э. Кине стремилась высвободить образование во Франции из-под влияния церкви.
[9] *Биран* Франц Пьер де (1766—1824) — французский философ.
[10] *Жуффруа* Теодор Симон (1796—1842) — французский философ.
[11] *Бартелеми* Сент-Илер Жюль (1805—1895) — французский философ и политический деятель консервативного направления.
[12] *Гранье* Жозеф (1813—1881) — французский ученый.
[13] *Симон* Жюль Франсуа Сюсе (1814—1898) — французский политический деятель, буржуазный республиканец, профессор философии, член Академии наук.
[14] *...и нормальной* — Ecole normal, школа для подготовки учителей; во Франции в 1840-х годах было несколько десятков подобных школ, лучшей считалась парижская.
[15] *...только и замещает стихами ремесленников...* — В «Revue Indépendante» П. Леру печатались стихи рабочих поэтов с указанием их профессии и фамилии; публиковались статьи о рабочей поэзии, принадлежавшие Ж. Занд: «Диалоги о пролетарских поэтах», «О народных поэтах» и др.
[16] *Дюпен* Андре Мари Жан Жак, барон (1783—1865) — французский государственный деятель, юрист, отличавшийся умением приспосабливаться ко всяким правительствам.
[17] *...все почти упали...* — Видимо, ежедневная газета «XIX Siècle», стоявшая в оппозиции к Июльской монархии.

[18] *«La Législation»* — «La Législation, *journal théorique et practique»* — «Законодательство, теоретическая и практическая газета», орган монархистов, выходила в Париже в 1843 г.

[19] *«La Nation»* — «La Nation, *journal des droits et des intérets de tous»* — «Нация, газета прав и интересов большинства», французская ежедневная газета буржуазно-республиканского направления, выходила в Париже с 1843 по 1846 г.; редактор А. Э. Женуд.

[20] *...которого не назову...* — Видимо, журн. «Phalange, *revue de la science sociale»* — «Фаланга, журнал социальных наук», издававшийся последователями французского социалиста-утописта Ш. Фурье в Париже в разном объеме и под разными названиями с 1832 по 1849 г. Мнение Анненкова о журнале перекликается с высказыванием Ф. Энгельса, который писал об этом журнале в 1846 г.: «...этот журнал — чисто денежная спекуляция фурьеристов и публикуемые в нем рукописи Фурье имеют очень различную ценность. Издающие этот орган господа фурьеристы стали похожими на немцев напыщенными теоретиками, и на место юмора, с которым их учитель разоблачал буржуазный мир, они поставили священную, основательную, теоретическую, угрюмую ученость, за что они по заслугам были осмеяны во Франции, а в Германии получили признание» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 308).

[21] *Он имеет здесь успех...* — Роман Эжена Сю «Парижские тайны» публиковался в «Journal des débats» в течение 1842—1843 гг. и имел огромный успех: у дверей редакции каждое утро выстраивался хвост очереди нетерпеливых читателей, стремившихся пораньше узнать продолжение. Ф. Энгельс полагал причиной успеха романа внимание автора к бедственному положению низших сословий (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 542).

[22] *«La Gendelettre»* — третья часть романа О. Бальзака «Утраченные иллюзии», вышедшая в Париже в 1843 г. и вызвавшая бурю возмущения в журналистских кругах, особенно у сотрудников «Деба», узнавших себя в персонажах романа.

[23] *...сам потерялся в разрешении общественных и жизненных вопросов.* — Имеется в виду противоречивость мировоззрения и действий Ф. Ламенне, который, будучи католическим пастором, восстал против католицизма; начав с борьбы против Июльской монархии, за что неоднократно подвергался преследованиям, Ламенне отходит от политической борьбы и становится идеологом христианского социализма.

[24] *...декоративное направление.* — Начиная с постановки романтической драмы А. Дюма «Генрих IV и его двор» в 1828 г. в театре Французской комедии, все парижские театры стали уделять большое внимание оформлению спектаклей. Стремясь воспроизвести местный колорит и дать почувствовать эпоху, оформители возводили на сцене замки, монастыри, тюрьмы, использовали предметы быта прошедших эпох, соответственно оформляли и костюмы актеров.

[25] *Жоанно* Тони (1803—1853) — французский художник, рисовальщик и гравер, один из первых иллюстраторов книг; иллюстрировал Мольера, Сервантеса, французских поэтов-романтиков.

[26] *Гаварни*, собственно Сюльпис Гийом Шевалье (1804—1866) — французский рисовальщик и художник демократического направления, сотрудник «Шаривари» и «Карнкатюр».

[27] *«Mille et une nuits»* — «Тысяча и одна ночь», феерия в четырех действиях и одиннадцати картинах, впервые поставлена в Париже в 1842 г.

[28] *Аристархи* — ученые, придирчивые критики; восходит к собственному имени александрийского ученого Аристарха Сиракузского (ок. 217—145 до н. э.), прославившегося придирчивой критикой и исправлениями поэм Гомера.

ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА

«Парижские письма» написаны П. В. Анненковым во время его второго зарубежного путешествия, в 1846—1847 гг.; впервые опубликованы в журнале «Современник» за 1847—1848 гг. в отделе «Смесь».

В *ГБЛ* под шифром М 51 84/29 хранится автограф II и III писем. Это рукопись объемом 20 листов с оборотом, написанная черными, выцветшими от времени черни-

лами на листах тонкой голубоватой почтовой бумаги размером 1/4 листа. Письма адресованы В. П. Боткину, к которому в тексте часто обращается автор.

В автографе есть исправления, сделанные рукою автора теми же черными чернилами, которыми написан текст писем, и редакторская правка (синие и черные чернила, красный и черный карандаш), принадлежащая, судя по почерку, И. И. Панаеву, редактору «Современника». Правка носит в основном стилистический характер или содержит чисто редакторские указания.

Все обращения к В. П. Боткину в автографе зачеркнуты черными чернилами, теми же чернилами зачеркнуты несколько текстов. Одни из этих зачеркнутых текстов носят личный, частный характер (см. ниже), другие содержат факты, о которых упоминалось в «Современных заметках», публиковавшихся в тех же номерах «Современника», в каких публиковались и «Парижские письма», и принадлежащих И. С. Тургеневу (см. ниже).

Найденные автографы позволяют проникнуть в творческую лабораторию автора «Парижских писем» и понять характер и принципы редакторской правки. И. И. Панаев старался по возможности заменить французские слова русскими, придать частным письмам характер корреспонденций, укрупнить их, для чего объединил два письма в одно.

В редактировании «Парижских писем» принял участие и В. Г. Белинский, он сократил текст, характеризующий популярный роман Жорж Занд «Лукреция Флориани» (см. ниже) и внес некоторые стилистические изменения, которые выявляются при сравнении текста автографа с журнальной публикацией, в примечании они не указаны.

Вторая публикация «Парижских писем» была осуществлена после смерти автора, в 1892 г., в сборнике «П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 гг.» СПб., 1892. Редактором и составителем сборника был друг Анненкова, известный литературовед и пушкинист Л. Н. Майков.

В основу второй публикации был положен текст первой журнальной публикации, подвергнутый незначительной редакторской правке, которая свелась к следующему:

1. Первые два письма в журнальной публикации назывались «Письма из Парижа», во второй публикации все «Письма» названы «Парижскими письмами».

2. В первой публикации каждое письмо заканчивалось подписью П. А—в, во второй письма даны без подписи.

3. В отличие от первой публикации, во второй число и место написания писем указаны в начале письма, а не в конце его.

4. В журнальной публикации некоторым письмам предшествовала краткая аннотация, во второй аннотации опущены.

5. В первой публикации перед письмом стояло «Письмо первое», «Письмо второе» и т. д., во второй стоят римские цифры.

6. В первой публикации все названия книг, картин, журналов и т. д. даны курсивом, во второй — в кавычках.

7. В первой публикации большинство числительных было обозначено цифрами, во второй введено словесное обозначение.

8. В первой публикации фамилии русских друзей Анненкова обозначены начальной буквой, во второй эти фамилии написаны полностью.

9. Во второй публикации убраны все редакторские примечания, которые были к некоторым текстам в первой публикации.

Во второй публикации допущены опечатки: Письмо III, с. 274 во второй публикации — «нужные», а в первой — «нежные»; Письмо IX, с. 345 во второй публикации «разрушает», в первой — «разрешает»; Письмо IX, с. 365 во второй публикации — «рисунки украшений», в первой — «рисунки и украшения» и др.

В основу настоящего издания положен текст первой публикации, но учтены некоторые редакторские поправки, внесенные в текст второй публикации, а именно:

1. Все письма названы «Парижские письма»;

2. Письма обозначены римской цифрой, а подпись П. А—в — опущена;

3. Названия книг, журналов, картин и т. д. даны в кавычках;

4. Редакторские примечания, сделанные к некоторым текстам в первой публикации, опущены, но учтены в примечаниях.

Письмо I

Впервые — «Современник», 1847, кн. 1, отд. «Смесь», с. 34—40, под названием «Письмо из Парижа».

По поводу первого письма В. П. Боткин писал Анненкову: «Ваше письмо с небольшими выпусками, вероятно, будет напечатано в „Современнике", и Вас униженно просят не забывать, что „Современник" жаждет Ваших писем из Парижа и иных стран. Что касается до меня, то каждое Ваше письмо я буду посылать туда, исключая, разумеется, то в них, что должно оставаться приватным» (*Анненков и его друзья*, с. 528).

[1] *...шипела по-змеиному около выборов...* — Этим словам Анненкова находим объяснение в статье Ф. Энгельса «Правительство и оппозиция во Франции», опубликованной в английской газете «The Northern Star» 5 сентября 1846 г. и дающей английскому читателю отчет о только что прошедших во Франции выборах в палату депутатов и негативной реакции французской прессы: «Еще никогда в период после революции 1830 г. не выставлялось напоказ такое откровенное бесстыдство, такое пренебрежение к общественному мнению. По меньшей мере три пятых депутатов — верные друзья министерства; иными словами, это либо крупные капиталисты, дельцы и спекулянты железнодорожными акциями с парижской биржи, банкиры, крупные промышленники и т. п., либо их покорные слуги» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 27).

[2] *...свистела потом на Ротшильда и компании железных дорог...* — В статье Ф. Энгельса «Правительство и оппозиция во Франции» читаем: «А совсем недавно было положено начало новому способу борьбы, о котором стоит упомянуть. Один рабочий написал памфлет против главы этого режима, — не против Луи-Филиппа, а против „Ротшильда I, короля ростовщиков". Успех этого памфлета (он уже выдержал около двадцати изданий) показывает, как правильно было выбрано направление удара. Король Ротшильд был вынужден дважды выступить в печати, защищаясь...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 29).

[3] *«De la France démocratique»...* — «Демократическая Франция», французский альманах, выходил в Париже с 1844 по 1848 г., возник на основе «Народного альманаха»; редактор Паньер Лоран Антуан (1805—1854), альманах имел демократическое направление, в нем печатались выдержки из речей и статей сотрудников газеты мелкобуржуазных демократов «Реформа»: А. О. Ледрю-Роллена, Э. Араго, а также статьи социалистов-утопистов П. Леру, Луи Блана, памфлеты и очерки демократических публицистов и писателей Л. М. Корменена, А. Ф. Эскироса, Ф. Пиа, стихи рабочего-поэта П. Лашамбоди, П. Ж. Беранже; иллюстрировали альманах художники «группы Филиппона».

[4] *...медаль скульптора Давида в честь ларошельских сержантов...* — В 1822 г. в гарнизонных городах Франции вспыхнули восстания французских карбонариев, направленные против династии Бурбонов. Четыре сержанта, возглавлявшие восстание в гарнизоне г. Ла-Рашель, были преданы суду и казнены на Гревской площади Парижа. В их честь французский скульптор Давид д'Анжѐ Пьер Жан (1788—1856), прозванный Давид Анжерский, создал медаль, которая и была воспроизведена в альманахе.

[5] *«Revue sociale»* — «Revue sociale, ou Solution pacifique du probléme du prolétariat» — «Социальное обозрение, или Мирное разрешение проблемы пролетариата», ежемесячный французский журнал, выходил в Париже с 1845 по 1847 г.; редактор П. Леру, в журнале принимал участие П. Ж. Прудон.

[6] *...странно, что о книге «Considération économiques» до сих пор не говорит еще ни один из журналов...* — Речь идет о книге «Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère» («Система экономических противоречий, или Философия нищеты») П. Ж. Прудона, вышедшей в Париже в 1846 г. На Анненкова книга Прудона произвела сильное впечатление, и он, отложив все дела, принялся за ее изучение. Интерес к этой книге заставил его обратиться с просьбой к К. Марксу, с которым он познакомился в 1846 г. в Брюсселе, высказать свое суждение о книге. На просьбу Анненкова Маркс ответил известным письмом от 28 декабря 1846 г., в котором не только давал подробный разбор концепции Прудона, но впервые

излагал основы своей теории исторического материализма (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 401—412).

На отзыв Анненкова о книге Прудона откликнулся В. П. Боткин, который писал Анненкову 26 ноября 1864 г.: «Ваши несколько слов показывают мне всю дельность этой книги, и слава автору, что он вышел из декламации социальной школы и взглянул на дело прямо и твердо. Помните, я Вам, это было при Фролове, как-то говорил, что если в мире природы все усләвливается законами, то задача современной науки отвлекать законы, действующие в мире политическом и промышленном. Дело не в том только, чтобы показать на то, что есть, а отыскать, почему это есть, словом, отыскать законы, действующие в мире промышленном» (*Анненков и его друзья*, с. 525).

7 *Блан* Луи (1811—1882) — французский утопический социалист, противник пролетарской революции, носитель порочной идеи сотрудничества классов, историк; в 1848 г. — член Временного правительства, председатель Люксембургской комиссии для рабочнх; в августе 1848 г., после поражения революции, эмигрировал в Англию.

8 *Мотте* Виктор Луи (1809—1897) — французский художник-портретист и исторический живописец, автор фресковой живописи на религиозные сюжеты.

9 *Ветхого и Нового Завета*... — Библия, разделяющаяся на Новый и Ветхий заветы.

10 *Фан-Дейк*, правильно Ван-Дейк (Van-Dyck), Антонис (1599—1641) — фламандский жнвописец.

11 ...*падуанские фрески Джиотто*... — Роспись капеллы в г. Падуе, произведенная флорентийским художником Джотто; фрески давали светское истолкование евангельскому рассказу и явились школой новой живописи для большинства итальянских мастеров XIV в.

12 *Перужино*, правильно Перуджино, Ваннуччи Пьетро (между 1445 и 1452—1523) — итальянский живописец.

13 Фра-Фиезоли, он же Фра-Анджелико, правильно Фра-Джиованни Анджелико да Фьезоли, прозванный Беато (1400—1455) — итальянский художник.

14 Марк — евангелист, по преданию, его останки были перевезены в Венецию, в храм, носящий его имя.

15 *Мне случайно попался здесь на днях один славянский «Сборник»*... — Имеется в виду «Московский сборник» — периодическое издание славянофилов; известны «Московские сборники» 1846, 1847 и 1854 гг., в дальнейшем издание было запрещено.

16 *«О современном направлении искусств пластических»*... — статья русского историка-славянофила Александра Николаевича Попова (1821—1877), опубликованная в «Московском сборнике» 1846 г. По поводу отзыва Анненкова об этой статье Боткин писал ему 26 ноября 1846 г.: «Вы удивляетесь статье Попова „О современном направлении искусств". Но саго прочитайте любую немецкую философскую статью о каких-нибудь произведениях искусства — будет нечто подобное. Теперь у немцев эти статьи сделались уже редки, но лет десять назад они процветали в гегелевской школе» (*Анненков и его друзья*, с. 520).

17 *Джиованни Болонский*, правильно Джоаванни да Болонья (1524—1608) — скульптор, долго работавший в Италии, по происхождеиию фламандец.

18 Умбрийская — итальянская школа живописи XV в.

19 «La closerie des genêts» — «Хуторок Жене», драма французского писателя-драматурга Фредерика Сулье.

20 ...*позывом к художественности*... — Имеется в виду приверженность эстетической концепции Гегеля, под влиянием которой сформировались эстетические взгляды Анненкова, как и других членов кружка Белинского в 1830-х годах. По поводу этого высказывания Анненкова Боткин писал ему: «Помните, у нас в этом отношении было несколько споров о французских пьесах, и Ваши суждения мне казались больше теоретическими, нежели практическими (имеются в виду разговоры во время совместного путешествия Анненкова и Боткина летом 1846 г. — *И. К.*). Во мне гнездился тот же червяк, но его выгнала парижская общественность и ее практический смысл. А по возвращении Вашем я знаю наперед, что буду просить Ваших наставлений и обещаю слушаться Вас во всем; не мудрено, что я здесь опять смахну на „позыв к художественности", которою бредят все наши приятели» (*Анненков и его друзья*, с. 527—528).

[21] *...с крестиком св. Лудовика за Вандейскую войну...* — Французский королевский орден, уничтоженный во время французской буржуазной революции конца XVIII в. и восстановленный в период Реставрации; впервые орден выдавался участникам контрреволюционного крестьянского мятежа, поднятого под руководством реакционного французского дворянства в департаменте Вандее в 1793 г., подавленного войсками Конвента.

[22] *...с почетным Легионом...* — Французский орден, введенный Наполеоном I в 1802 г.

[23] *...замиренный маркиз...* — Легитимист, представитель монархической французской партии, поддерживавшей старшую ветвь Бурбонов, смирившийся с правлением Луи Филиппа, представителя Орлеанской династии, младшей ветви Бурбонов.

[24] *...Отпускной солдат из Алжира...* — Подразумевается французская война в Алжире, закончившаяся в 1847 г. покорением Алжира и превращением его в колонию Франции.

[25] *Кабе* Этьен (1788—1856) — французский публицист, представитель мирного утопического коммунизма, редактор «La Populaire» («Народная газета»), пропагандировавшей идеи утопического коммунизма; выходила в Париже с 1833 по 1835 и с 1841 по 1850 г.

[26] *...чтением икарийской системы...* — Система мирного утопического коммунизма, получившая свое название от книги Э. Кабе «Путешествие в Икарию» (1841).

[27] Фаланстерианцы — последователи французского социалиста-утописта Шарля Фурье (1772—1837); фаланстер — дворец, в котором, согласно Фурье, будут жить члены фаланги — производственно-потребительской кооперации, которая составит основу общества будущего.

[28] *Консидеран* Виктор (1808—1893) — французский социалист-утопист, ученик и последователь Фурье.

[29] *Дюперре* Ги Виктор (1775—1846) — французский адмирал, участник завоевания Алжира.

Письмо II (а)

Составляет первую часть второго «Письма из Парижа», опубликованного впервые в «Современнике», 1847, кн. II, отд. «Смесь», с. 142—153.

В настоящем издании публикуется по автографу письма Анненкова к В. П. Боткину от 1 января 1847 г. (*ГБЛ*, л. 1—5 с об.). Автограф носит на себе следы редакторской правки И. И. Панаева и авторской правки. Панаевым вычеркнуты все обращения к Боткину, шесть строк в начале письма и семь строк в конце. В верхнем левом углу первого листа перед зачеркнутым текстом рукою Панаева написано: «„Современ‹ник›" № 2 Смесь», а в правом — поставлена римская цифра I. По зачеркнутому тексту тою же рукою написано: «„Письмо из Парижа" 4 января». В настоящей публикации все зачеркнутые тексты, слова и словосочетания восстановлены и заключены в квадратные скобки. Все авторские изменения, носившие чисто стилистический характер, внесены в текст. Редактор, помимо исключения нескольких текстов, внес лишь одно изменение: вместо словосочетания «для бедных, как мы с вами, друг мой» рукою Панаева написано: «для бедных людей».

[1] *...катоновской строгости...* — Катон Старший (или Цензор) Марк Порций (234—149 до н. э.), идеолог крайне консервативной группировки древнего Рима, прославился борьбой против роскоши и свободы нравов; его имя стало нарицательным.

[2] *...сделать назло официальному опекуну...* — Имеется в виду политика строгих полицейских мер, регламентирующих общественную жизнь Парижа, введенных в 1835 г. и неукоснительно проводимых министром внутренних дел правительства Луи Филиппа Шарлем Дюшателем.

[3] *...из точки отправления Руссо...* — Французский философ и писатель Руссо Жан Жак (1712—1778) выдвинул идею о необходимости для современного цивилизованного человека стать ближе к природе и освободиться от общественных условностей.

[4] *Дюгальд-Стюарт*, правильно Стюарт Доглад (1753—1823) — шотландский философ, представитель идеалистического направления в философии, т. н. философии здравого смысла, обусловливающей нравственную природу человека и его поведение здравым смыслом, которым и рекомендовалось руководствоваться во всех случаях жизни.

[5] ...*сделавшись пэрами, и лекций более не читают*... — Намек на французского профессора-криминалиста Росси Пеллегрино Луиджи Одорандо де (1787—1848), итальянца по происхождению, который, получив звание пэра, покинул Сорбонну и уехал в Италию. Поездка Росси была связана с секретной миссией, возложенной на него Гизо: переговорами с папой по поводу сокращения чрезмерно активной деятельности иезуитов во Франции.

[6] ...*общества свободного обмена*... — «Общество свободной торговли», объединявшее крупных землевладельцев, промышленную и торговую буржуазию; существовало в Париже с 1845 по 1848 г., президент общества Шевалье Мишель (1806—1879), французский экономист и публицист, сотрудник «Journal des débats», горячий сторонник свободы торговли.

[7] *Дюное*, правильно Дюнуайе Шарль (1786—1862) — французский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии; публицист и буржуазный политический деятель.

[8] *Бланки* Адольф (1798—1854) — французский буржуазный экономист и историк экономических учений.

[9] *Бастиат*, правильно Бастиа Фредерик (1801—1850) — французский вульгарный экономист, ярый апологет капиталистического развития.

[10] *Фоше* Леон (1803—1854) — французский буржуазный публицист, политический деятель умеренно-республиканского направления, ученый, экономист-мальтузианец; в период революции 1848 г. депутат Учредительного собрания, один из руководителей партии порядка, участник подавления июньской революции.

[11] *Сей Гораций* — французский экономист и буржуазный политический деятель, в 1848 г. депутат Учредительного собрания.

[12] *Апис* — священный бык, символизирующий божество древнего Египта, содержался в особом храме в Мемфисе.

[13] ...*ее притензии блюсти выгоды работников*... — Мнение Анненкова о демагогическом характере полемики совпадало с мнением Ф. Энгельса, высказанным им в адрес такой же полемики, происходившей в Германии, в статье «Протекционизм или система свободной торговли», опубликованной в газете «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» 10 июня 1847 г.: «Господа буржуа, защищающие покровительственную систему, никогда не упускают случая выставлять на первый план благо рабочего класса. Судя по их словам, вместе с введением системы покровительства промышленности для рабочих наступит истинно райское житье... Но если, с другой стороны, послушать сторонников свободы торговли, то получается, что только при применении *их* системы неимущие люди смогут жить ... в высшей степени привольно и весело» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 63).

[14] *Сезам* — иначе кунжут, дико растущая трава тропических стран, разводится ради добываемого из него кунжутного масла.

[15] ...*под влиянием английской реформы*... — Речь идет о реформе избирательного права, проведенной английским парламентом в 1832 г. в интересах промышленной буржуазии.

[16] *Тиволи* — город в южной Италии, служивший местом отдыха для римской знати.

[17] ...*движется воспоминаниями искусства и образа жизни XVIII столетия*... — Мнение Анненкова по этому вопросу близко высказываниям Ф. Энгельса в статье «Ретроградные знамения времени», опубликованной в «Telegráph für Deutschland», в феврале 1840 г.: «Стоит вам только посетить салон, меблированный в современном стиле, как вы увидите, чьими духовными чадами являются формы, которые вас окружают. Все уродливости стиля рококо из эпохи самого крайнего абсолютизма были вновь вызваны к жизни, чтобы навязать духу нашего времени те формы, в которых уютно себя чувствовал режим „l'état c'est moi"» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 41, с. 27—28).

[18] *Вато*, правильно Ватто, Жан Антуан (1684—1721) — французский живописец.

[19] *Буше* Франсуа (1703—1770) — французский живописец.

[20] ...*так много тешит новая колония народное самолюбие!*.. — Покорение Алжира Францией было окончательно завершено французским генералом Ламорисьером Кристофом Луи Леоном в 1847 г., с этого времени Алжир становится официально колонией Франции.

[21] *«Иллюстрация»* — «l'Illustration, *journal universel*» — «Французская универсальная иллюстрированная газета», основана в Париже в 1843 г.

[22] *Дош* Шарлота Мария (1821—1900) — французская актриса.
[23] *Жюльетт* Милле (Juliette Drouet) (1806—1883) — французская актриса.
[24] *...в образе Сенвиля...* — Ошибка: Сенвиль Луиза (1818—?) — французская оперная певица.
[25] *Грасо* Джиованни (1792—1863) — французский актер, итальянец по происхождению, играл в театре Пале-Рояль.
[26] *«Клариса Гарлов»* — драма Ф. Понсара (1846).
[27] *«Найденыш»* — «Мартин Найденыш», роман Эжена Сю (1846).
[28] *Мери* Франциск Жозеф (1797—1865) — французский драматург и либреттист.
[29] *...драма Сулье...* — «Хуторок Жене».
[30] *...сам Александр Дюма с новым театром...* — Речь идет об «Историческом театре», созданном французским романистом и драматургом Александром Дюма-отцом в Париже в 1847 г. специально для постановки своих исторических пьес.
[31] *Понсар* Франсуа (1814—1867) — французский драматург, возглавивший вместе с другим французским драматургом Ожье Виктором Эмилем т. н. школу здравого смысла, выступавшую в 1840-х годах против романтического направления во французской драматургии; автор трагедий в стихах на исторические сюжеты («Лукреция», «Шарлота Корде») и бытовых нравоучительных комедий.
[32] *«Современник»* — русский общественно-политический и художественный журнал демократического направления, основанный А. С. Пушкиным в 1836 г. в Петербурге; с 1837 по 1846 г. выходил под редакцией профессора Московского университета Плетнева Петра Александровича, поэта и критика; с 1847 по 1866 г. — под редакцией А. Н. Некрасова и И. И. Панаева.
[33] *Кудрявцев* Петр Николаевич (1816—1858) — русский литератор, профессор всеобщей истории Московского университета.

Письмо II (б)

Составляет вторую часть второго «Письма из Парижа», опубликованного впервые в «Современнике», 1847, кн. II, отд. «Смесь», с. 142—153.

В настоящем издании публикуется по автографу письма Анненкова к В. П. Боткину от января 1847 г. (*ГБЛ*, л. 6—11 с об.). В автографе зачеркнуты все обращения к Боткину и несколько текстов личного характера. Все зачеркнутые тексты восстановлены и заключены в квадратные скобки.

В редактировании текста письма принимал участие В. Г. Белинский. После зачеркнутой фразы в конце письма рукою Панаева карандашом написано: П. А-в.

Автограф письма от 4 января содержит одно существенное отличие от публикации — в нем дан более развернутый отзыв о романе Жорж Занд «Лукреция Флориани». Шесть строк из этого отзыва были опущены Белинским, что следует из его письма от 17 февраля к Боткину (см. ниже).

[1] *...тени Дантов и Камоенсов...* — Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт; Камоэнс Луиш ди (1524—1580) — португальский поэт.
[2] *Сальванди* Нарцисс Ахилл (1795—1856) — французский политический деятель, академик, министр просвещения в кабинете Ф. Гизо при Луи Филиппе.
[3] *Кине* Эдгар (1803—1875) — французский философ, историк, писатель и политический деятель, был настроен оппозиционно к режиму июльской монархии; боролся против подчинения образования во Франции влиянию католической церкви; его преподавательская деятельность была под постоянным контролем министерства просвещения.
[4] *Гинар* Жан (1805—?) — французский ученый, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 г.
[5] *Бруно* — Бруно Джордано Филиппо (1548—1600) — итальянский ученый, философ и поэт.
[6] *Дюма* — Дюма Жан Батист (1800—1862) — французский ученый, химик; боролся за изменение высшего образования во Франции и приближение его программ к потребностям развивающегося капиталистического производства.

[7] *...до такой степени сухо...* — Суждения Анненкова о книге Прудона, которую он так расхваливал в первом письме, заметно изменились после получения письма Маркса от 28 декабря 1846 г.

[8] *...моральный вопрос разрешается превосходно...* — По поводу отзыва Анненкова о романе Жорж Занд «Лукреция Флориани», только что переведенном на русский язык, Белинский писал Боткину 17 февраля 1847 г.: «Я позволил себе сделать некую мерзость с письмом Анненкова: т. е. вычеркнуть его суждение о Лук‹реции› Флориани; мне была невыносима мысль, что в „Современнике" явится *такого* рода суждение. Как ты думаешь, не осердится он за мою неделикатность?» (*Белинский*, т. 12, с. 332). Суждение Анненкова было вычеркнуто Белинским не целиком, а только сокращено: в публикации оно кончается словами: «мастерству ли рассказа...»

[9] *Леверье* Урбан Жан Жозеф (1811—1877) — французский ученый, прогнозировавший на основе математических исчислений открытие новой планеты (Нептун), действительно открытой 23 сентября 1846 г. Высказывание Анненкова о Леверье послужило, возможно, поводом для появления в № 3 «Современника» за 1847 г. статьи русского ученого А. Н. Савича, о которой Белинский писал Боткину: «Хороша статья Савича — популярное изложение сущности подвига Леверрье. Ясна и понятна — стало быть, достигает своей цели... Я думал, что вся штука в открытии новой планеты. Нет, дело в уяснении открытого Ньютоном всеобщего закона тяготения. Леверрье двинул науку» (*Белинский*, т. 12, с. 348—349).

[10] *Конт* Огюст (1798—1857) — французский философ, основоположник буржуазной социологии и философии позитивизма.

[11] *Араго* Доминик Франсуа (1786—1853) — французский ученый, физик, астроном и в то же время политический деятель, республиканец, член Временного правительства в период революции 1848 г.

[12] *Рауль-Рошет* Дезире (1790—1854) — французский ученый, археолог; консерватор кабинета антиков и медалей в Парижской библиотеке; сторонник династии Орлеанов.

[13] *...полученных журналом «des Débats» от компании...* — Намек на лицемерную политику официального правительственного органа, получавшего, во-первых, дотацию от правительства, а во-вторых, имевшего постоянную поддержку от финансовой буржуазии, стоявшей у кормила правления в период Июльской монархии.

[14] *...говорить всегда наперекор им...* — Газета «La Presse» отличалась крайней беспринципностью и демагогичностью: получая, как и «des Débats», дотацию от правительства и являясь, по существу, правительственным органом, «La Presse» постоянно играла в ложную оппозиционность.

[15] *Видаль* Франсуа (1814—1872) — французский ученый-экономист, социалист, автор популярного труда «Распределение богатств», в котором давал острую критику буржуазного строя; в период революции 1848 г. секретарь Люксембургской комиссии и депутат Законодательного собрания.

[16] *«Histoire de la domination romaine en Judée» par S. Salvador...* — «История господства римлян в Иудее» Сальвадора Жозефа (1796—1873), французского ученого, доктора медицины, писателя и историка, занимавшегося историей евреев.

[17] *Помпей* Гай (106—48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель.

[18] *Тит* Флавий Веспасиан (39—81) — римский император с 79.

[19] *Санхедрин* — последователь философской школы в древней Иудее (сакхея).

[20] *...времен последних Маккавеев...* — Династия, правившая в Иудее с 142 по 3 г. до н. э.

[21] *«Филипп II и Перец»* — историческое исследование Ф. Минье из эпохи регентства во Франции (1715—1723).

[22] *«Histoire de la poésie provencale» Фориеля...* — «История провансальской поэзии»; этот труд возник на основе лекций Фориеля Клода Шарля (1772—1894), французского ученого, филолога и писателя.

[23] *«Bibliothèque des mémoires relatifs an XVIII siècle»* — «Библиотека мемуаров, относящихся к XVIII веку»; труд был предпринят французским издателем, главой издательской фирмы XVIII—XIX вв. Дидо Пьером.

[24] *du Hausset* — Госсе Нинон, камеристка маркизы де Помпадур (Жанны Антуанетты Пуассон) (1721—1764), фаворитки Людовика XV. Госсе оставила мемуары, вошедшие в издание П. Дидо.

[25] *de Bézenval* — Безенваль Пьер Виктор де (1722—1793), французский генерал-лейтенант, протеже королевы Марии Антуанетты, автор «Мемуаров, анекдотов, политических и исторических» (1770—1780 годы).

[26] *Роланд*, правильно Роллан, Манон (1754—1793) — жена известного жирондиста, хозяйка жирондистского салона; гильотирована во время якобинской диктатуры; мемуары написаны ею якобы во время тюремного заключения.

[27] *...герцогини Менской...* — Речь идет о фаворитке Людовика XIV, герцогине де Мен, маркизе Монтеспан Франсуазе Атенаис (1641—1704).

[28] *Теокрит*, правильно Феокрит из Сиракуз (ок. 300 до н. э.—?) — древнегреческий поэт, автор идиллий.

[29] *«Le dix-huitième siècle en Angleterre», «Études — sur l'Antiquité»* — «XVIII век в Англии» и «Античные этюды» — эссе Филарета Шаля (1798—1873), французского ученого-филолога и писателя.

[30] *«La guerre des paysans»* — «Крестьянская война», сочинение французского писателя и публициста Вейля Александра (1813—?), автора памфлетов, романов, стихов, научных сочинений.

[31] *Молен* Жан Габриэль Виктор де (1784—1856) — французский литератор и профессор Collège de France. Рецензия Молена, привлекшая внимание Анненкова, дана на книгу: Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, poéte national de la Russie, traduites pour la premiere fois en français par H. Dupont, professor de littérature à l'institut des voies et communication de S. Petersbourg 2v. Paris, 1847.

[32] *Дюпон* Гораций (1796—?) — французский ученый, литератор, переводы, сделанные им, составляют два тома: первый включает биографический очерк, взятый из «Современника» (1838, кн. 10), письмо В. А. Жуковского о смерти Пушкина, прозаические переводы отрывков из «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», поэм «Бахчисарайский фонтан» и «Руслан и Людмила»; второй том также состоит из прозаических переводов 48-ми стихотворений Пушкина, маленьких трагедий и поэм: «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Полтава», «Домик в Коломне», «Медный всадник».

Письмо III

Впервые — «Современник», 1847, кн. III, отд. «Смесь», с. 38—46, под названием «Парижские письма» без подписи и указания числа.

В настоящем издании письмо публикуется по автографу (*ГБЛ*, л. 12—20 с об.).

Правка автографа произведена красным карандашом и черными чернилами рукою Панаева. Начальная фраза письма: «Здравствуйте, неоцененный мой» и дата «20-го февраля. Париж» зачеркнуты; поверх зачеркнутого написано: «Парижские письма. Письмо третие».

При публикации в «Современнике» текст третьего письма был значительно сокращен. Из письма исключены все обращения к адресату, Боткину, все тексты личного характера, а также тексты, относящиеся к выступлению парижской примадонны, артистки Штольц, и процессу А. Дюма с редакторами журналов (см. ниже).

При публикации в настоящем издании все зачеркнутые тексты восстановлены и заключены в квадратные скобки; редакторские исправления и сноски оговорены в примечаниях; авторские исправления включены в текст письма.

[1] *...неслыханный поступок г-жи Штольц при первом представлении...* — Неудачное выступление парижской примадонны, оперной певицы (меццо-сопрано) Розины Штольц (1815—1903); дальше идет зачеркнутый Панаевым текст, к которому внизу есть сноска, сделанная также рукою Панаева: «„Современник", № 2, стр. 194. Смесь», подразумевающая «Современные записки» И. С. Тургенева, опубликованные в № 2 «Современника» и рассказывавшие о том же факте.

[2] *Процесс Александра Дюма с журналами «Constitutionnel» и «Presse»...* — Дальше шел зачеркнутый текст, который был заменен Панаевым словами: «вероятно, уже известен вам. Я говорить о нем не стану; замечу только...»

[3] *...показать ей гений французского народа в своей особе...* — Речь идет о поездке Дюма на бракосочетание герцога Монпансье, сына короля Луи Филиппа, с испанской инфантой Луизой Фернандой, которое состоялось 10 сентября 1846 г.

[4] *...Это — Хлестаков в самом крайнем, колоссальном своем развитии...* — Оценка Анненкова, данная Дюма-отцу, явно повлияла на Белинского, который писал о Дюма Боткину: «...это скверназец и пошлец. Булгарин по благородству инстинктов и убеждений» (*Белинский*, т. XII, с. 446).

[5] *Баруалг* Пьер Франциск (1801—1873) — французский певец.

[6] *Сведенборг* Эммануил (1688—1772) — шведский натуралист и философ, первоначально рационалист, затем мистик, автор сочинения «Небесные тайны», представляющего собой аллегорический комментарий к Библии (8 тт., 1749—1756 гг.).

[7] *...Александринского театра...* — Вместо этого зачеркнутого текста Панаевым написано: «со всякого театра...»

[8] *...отправил их на казнь...* — Имеется в виду миф о греческом царе Агамемноне, который, стремясь задобрить богиню Артемиду, должен был принести ей в жертву свою дочь Ифигению.

[9] *Клаписсон* Антуан Луи (1808—1866) — французский скрипач и композитор, автор хоров, романсов, опер, многие из которых, как и упомянутая «Горбатая волынка», имели большой успех. Клаписсон был одним из ведущих профессоров Парижской консерватории и организатором музея музыкальных инструментов.

[10] *Роже* Густав (1815—1879) — французский актер, певец (тенор).

[11] *Делиль* Мари (1816—?) — французская актриса, играла в театре Пале-Рояль.

[12] *«Ne touchez pas à la reine» господина Буассело...* — «Не подавайте руку королеве», опера французского композитора Буассело Жоржа (1818—1854).

[13] *Одран* Пьер (1814—1885) — французский актер театров Водевиль и Варьете.

[14] *Лавуа* Луиза (1823—?) — французская оперная певица, пела в Опера-Комик.

[15] *Ремюза* Франсуа Мари Шарль (1797—1875) — французский политический деятель, в кабинете Тьера занимал пост министра внутренних дел; писатель, автор популярного труда «Пектус Абеляр» (1845).

[16] *...сделало его патриархом позднейших доктринеров...* — Группа французских буржуазных политических деятелей 1815—1830 годов, которые, будучи конституционными монархистами, ярыми врагами демократии, пытались создать во Франции блок буржуазии с дворянством по английскому образцу; их выступления отличались показной ученостью. Роей-Коллар, в прошлом участник французской буржуазной революции конца XVIII в., защитник демократии, а затем ставший монархистом, возглавлял эту группу.

[17] *...теперь начинается реакция...* — Имеется в виду новое направление в итальянской литературе и публицистике, начавшееся в 1840-х годах и явившееся результатом усилившегося освободительного движения в Италии, боровшейся против австрийского владычества.

[18] *Бианки-Джованни* Аурелио (1799—1862) — итальянский публицист, боровшийся за объединение Италии.

[19] *Ревере* Джузеппе (1812—1889) — итальянский поэт, автор исторических драм; наиболее популярна «Лоренце Медичи» (1839).

[20] *...к семье вышеупомянутых нововводителей...* — Имеется в виду цикл героических опер итальянского композитора Д. Верди (1813—1901): «Навуходоносор», «Эрнани», «Макбет», «Атилла»; эти оперы преследовались австрийской цензурой и были действенным оружием в борьбе Италии за свою независимость.

[21] *«I due Foscari»* — «Двое Фоскари», опера Верди на сюжет одноименной трагедии Д. Г. Байрона.

[22] *Колетти* Филиппо (1811—1894) — итальянский оперный певец (баритон).

[23] *Гризи* Джулиа (1805—1880) — итальянская певица (меццо-сопрано).

[24] «Лукреция» — драма Ф. Понсара, апологета буржуазного Парижа, поставленная в парижском театре Жимназ в 1843 г.

[25] *...Падение «Агнессы» нанесло удар так называемой школе здравого смысла...* — О падении «Агнессы де-Мерани» И. С. Тургенев писал в «Современных заметках»: «Драма „Агнесса“ Понсара была дана 23 декабря в Одеоне и пала торжественно» («Современник», 1847, кн. III, с. 67, отд. «Смесь»). Понсар возглавлял направление консервативных французских драматургов, целью которых была дискредитация демократического пафоса романтической драмы и стремление в противовес ей воскресить на парижской сцене обветшалые традиции французского классицизма.

[26] *...занята иною, новою, неизвестною мыслью...* — Имеется в виду мысль о рево-

люции, которая в этот период все чаще высказывалась в оппозиционных кругах Франции. Ф. Энгельс писал по этому поводу в статье «Движение за реформу во Франции» (ноябрь 1847 г.): «...здешние рабочие острее, чем когда-либо, ощущают необходимость революции, и притом революции гораздо более основательной и радикальной, чем первая» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 363).

27 *Демурье* Шарль Франсуа (1739—1823) — французский генерал и политический деятель, убежденный роялист, вкравшийся в доверие к жирондистам; предательская политика Демурье привела к поражению французских войск в Бельгии.

28 *...решают дело под Цюрихом...* — Сражение 15 сентября 1789 г., когда французские войска одержали победу над войсками союзников.

29 *...известная песня, от которой так много страдала Франция...* Имеется в виду гимн Великой французской революции «Марсельеза» на слова поэта К. Ж. Руже де Лиля (1760—1836).

30 *...в котором говорит устроитель побед...* — Речь идет о выступлениях в Комитете общественного спасения деятеля Великой французской революции, вождя якобинцев Робеспьера Максимилиана Мари Исидора (1758—1794).

31 *Дантон* Жорж Жак (1759—1794) — деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев.

32 *«Монитор»* — «Gazette nationale, ou le Moniteur universel» — «Национальная газета, или Всеобщий вестник», французский официальный орган, выходил в Париже с 1767 по 1865 г.

33 Сен-Жюст Людовик Антуан (1767—1794) — деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев.

34 *...имеет строгую критическую форму...* — «История французской революции» Луи Блана; всего в его исследовании 18 томов, первый вышел в 1847 году; в своей «Истории» Луи Блан сосредоточил основное внимание на действиях левых сил в революции.

35 *...волюм Мишле* — «Истории французской революции» (1847—1853) французского историка Жюля Мишле.

36 *...волюм Ламартина (о жирондистах)...* — «История жирондистов» Ламартина Альфонса Мари Луи, французского поэта и политического деятеля; в своем труде он, извращая факты, дискредитировал якобинцев и возвеличивал жирондистов.

37 *...волюм Эскироса (о монтаньярах)...* — «История монтаньяров» Анри Франсуа Альфонса Эскироса (1814—1871), французского писателя и политического деятеля; христианский социалист, Эскирос был автором нашумевшего труда «l'Evangile du peuple» (1840), в котором говорил об Иисусе Христе как о первом санкюлоте, за эту книгу он был подвергнут тюремному заключению и денежному штрафу.

38 *...волюм Пожула...* — «История французской революции» Пожула Жана Жозефа Франциска (1800—1880), французского публициста; буржуазный республиканец, Пожула сосредоточил свое внимание на второстепенных эпизодах революции.

39 *Cymnase dramatique* — Жимназ, драматический театр на бульваре Бон-Нувель в Париже, открыт в 1820 г.

40 *Шери* Роза (1826—?) — французская актриса, много игравшая в драмах и водевилях Э. Скриба.

41 *Дезире* (Amable Courtecuisse) (1822—1873) — французская актриса оперетты и музыкальной комедии.

42 *«Шарлота Гарло»* — драма Э. Скриба.

43 *Брессан* Жан Батист Проспер (1815—1886) — французский драматург и актер.

44 *Мажанди* Франсуа (1783—1853) — французский ученый, химик и врач.

45 *...сильными нападками...* — По поводу этой информации Белинский писал Анненкову: «Выходка „добродетельной“ партии против эфира привела меня на минуту в то состояние, в которое приводит эфир. Этот факт окончательно объяснил мне, что такое новые музульмане, у которых Руссо — алла, а Р‹обеспьер› — пророк его, и почему эта партия только шумлива, а в сущности бессильна и ничтожна» (*Белинский*, т. 12, с. 342).

46 *«Mystère de carnaval»* — «Тайны карнавала», мелодрама Буржуа Анисе Огюста (1811—1882), французского драматурга, популярного в буржуазных кругах Парижа 1840-х годов; пьесы Буржуа отличались мелодраматическим нагромождением ужа-

сов, запутанными сюжетами, неправдоподобными событиями, ложным психологизмом.

[47] *...прогулка масляничного быка не удалась...* — На масляничной неделе по парижским улицам ежегодно проходило традиционное торжественное шествие, во главе которого вели разукрашенного быка, получавшего имя наиболее популярного литературного героя года; эта церемония восходила к средневековому празднику мясного цеха.

[48] *«Коварство и любовь»* — драма Фридриха Шиллера.

[49] *Белинский* Виссарион Григорьевич (1811—1848) — русский критик и теоретик реалистического искусства, революционный демократ.

Письмо IV

Впервые — «Современник», 1847, кн. IV, отд. «Смесь», с. 74—83, под названием «Парижские письма».

[1] *...ссорой двух знаменитых особ, кончившеюся на днях радушным примирением...* — Видимо, имеется в виду ссора А. Дюма с французским писателем-историком Эженом де Мирекюром; Мирекюр написал против Дюма памфлет «Торговый дом Дюма и К⁰», за что Дюма подал на него в суд, обвиняя в клевете и требуя извинения. Мирекюр принес свои извинения через печать.

[2] *...явился процесс Евгения Сю...* — Судебный процесс, возбужденный против Эжена Сю, французского романиста, редакцией газеты «Constitutionnel» за нарушение контракта.

[3] *«Парижские таинства»* — роман Э. Сю. См. прим. к «Письмам из-за границы», письмо XIII, п. 21.

[4] *...нестерпимо скучный роман...* — Речь идет о романе Э. Сю «Мартин Найденыш», в котором автор нарисовал картину нищеты и темноты «низших классов»; в романе пропагандировались социально-утопические взгляды, подвергались критике клерикалы, буржуазия, дворянство, что и послужило истинной причиной для судебного процесса.

[5] *...с уничтожением журнала «Эпоха»...* — Об этом читаем у Ф. Энгельса в статье «Закат и близость падения Гизо. — Позиция французской буржуазии»: «В прошлом году предпринималось издание большой газеты „Époque"; она должна была поддерживать правительство, вытеснить с рынка все оппозиционные газеты и заменить своей поддержкой дорогостоящую поддержку г-на де Жирардена, „Presse". Эта затея с треском провалилась, отчасти в результате интриг самого г-на де Жирардена, без которого не обходится ни одно подобное дело» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 189).

[6] *...Улисс спекуляций...* — Оценка, данная Жирардену Анненковым, перекликается с оценкой Ф. Энгельса в статье «Закат и близость падения Гизо...»: «...человек весьма одаренный и энергичный, но лишенный каких бы то ни было принципов» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 187).

[7] *...какую Гоголь написал про настоящего Улисса...* — Имеется в виду статья Н. В. Гоголя «об Одиссеи, переводимой Жуковским. Письмо к Н. М. Я—ву», опубликованная в «Современнике», 1846, кн. 7, и содержащая выпады против русской обличительной литературы и передовой русской критики 1840-х годов; статью Гоголя, полемизируя с ним, цитировал В. Г. Белинский в статье «Выборные места из переписки с друзьями Н. В. Гоголя», опубликованной в «Современнике», 1847, кн. 2.

[8] *Жирарден* Эмиль де (1806—1881) — французский публицист и буржуазный политический деятель, отличавшийся крайней беспринципностью. В 1830—1860 гг. с перерывами был редактором газ. «La Presse», которая в период Июльской монархии находилась в оппозиции и правительству Гизо, а в период революции 1848 г. поддерживала умеренных республиканцев.

[9] *«Démocratie pacifique»* — «La Démocratie pacifique, *journal des intérêts des gouvernements et des peuples»* — «Мирная демократия, газета интересов правительства и народа», французская ежедневная газета социалистического направления, выходила в Париже с 1844 по 1851 г. под редакцией Виктора Консидерана.

[10] *«Le Libre échange»* — «Le Libre Echange, *journal du travail agricole, industriel et commercial»* — «Свободная торговля, земледельческая, индустриальная и коммерческая газета», выходила в Париже с 1846 по 1848 г. под редакцией Мишеля Шевалье.
[11] *«L'Union»*. — «L'Union, *bulletin des ouvriers»* — «Союз, вестник рабочих», французская общественно-политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с 1843 по 1847 г.
[12] *«L'Atelier»* — «L'Atelier, *organe spécial de la classe laborieus, rédigé par des ouvriers exclusivement»* — «Мастерская, специальный орган трудящегося класса, подготовляемый исключительно рабочими», французский ежемесячный журнал социалистического направления, выходил в Париже с 1845 по 1848 г.; редакторы: Ф. Ж. Бюше и К. А. Карбон.
[13] *«Le Fraternité»* — «Le Fraternité de 1845, *organe communisme»* — «Братство 1845, орган коммунистов», французский общественно-политический журнал, выходил в Париже с 1845 по 1848 г., развивал идеи утопического коммунизма; редактор Шарль Марш.
[14] *Мартень* Шарль де (1790—1847) — французский политический деятель, монархист.
[15] *Восстановление капитула Сен-Дени...* — Имеется в виду коллегия духовных лиц при королевском доме.
[16] *...на законе о низшем преподавании...* — Законопроект министра просвещения Сальванди предусматривал введение обязательного начального образования во Франции; принят не был.
[17] *Давид* Фелисиен Сезар (1810—1876) — французский композитор, автор оды-симфонии «Пустыня», имевшей огромный успех в Париже в 1844 г.
[18] *...открытого в ней сен-симонистской головой...* — Ф. Давид был последователем социалиста-утописта Сен-Симона; с целью пропаганды сен-симонистских идей Давид предпринял трехлетнее путешествие по Востоку, результатом которого была его ода-симфония «Пустыня» («Le Désert»).
[19] *...отказано в приеме присяжными...* — Во французской живописи 1840-х годов шла напряженная борьба между сторонниками академической живописи, представители которой были устроителями ежегодных выставок в Салоне, и сторонниками романтического и реалистического направлений.
[20] *...при возрастающей беспрестанно дороговизне хлеба...* — Тяжелые неурожаи во Франции в 1845—1847 гг. сильно подняли цены на хлеб, вздуваемые к тому же спекулянтами.
[21] *...к смертной казни...* — В результате усилившегося голода во многих департаментах Франции в 1847 г. вспыхнули голодные бунты; в г. Бюзансе голодные рабочие напали на хлебные грузы и склады, принадлежавшие хлеботорговцам, подозреваемым в спекуляции зерном; двое из них были убиты; трое из зачинщиков хлебного бунта были приговорены к смертной казни.

Письмо V

Впервые — «Современник», 1847, кн. V, с. 74—83, отд. «Смесь», под названием «Парижские письма».

По получении этого письма Боткин писал Анненкову: «Ваше письмо о выставке восхитило меня; его дельность и мастерство выше всего, что я читал когда-либо об этом предмете, и я ставлю себе за большую честь, что мои мысли об этом предмете находятся в совершенной симпатии к Вашим. Кстати: „Отечественные записки" помещают письма Кудрявцева о Лувре (всего три письма), которые — должен Вам признаться — сильно меня огорчили. Представьте, наш общий приятель остается неизлечимым немцем. По поводу Лувра он все говорит о греческом и римском искусстве, современность его ни с какой стороны не касается...» (*Анненков и его друзья*, с. 537).

[1] *Дюссельдорфская школа* — см. прим. к XII «Письму из-за границы», п. 37.
[2] *Вернет* Эмиль Жак Гораций (1789—1863) — французский художник-баталист и литограф.
[3] *Деверия* Эжени (1800—1857) — французский художник.
[4] *Генрих IV* (1553—1610) — король Франции с 1589 г.

[5] *Эдуард VI* (1537—1553) — король Англии с 1547 г.
[6] *Сеймур* — старинный английский род.
[7] *Фландрен* Ипполит — французский художник, дебютировал в Салоне в 1836 г.
[8] *Сикст V* — папа римский (1521—1590).
[9] *Леман* Рудольф (1799—1863) — французский художник-пейзажист.
[10] *Делором* Жан Жозеф (1815—1884) — французский художник-портретист.
[11] *Форнарина* — по преданию, натурщица Рафаэля.
[12] *Виоланта* — «Донна Велата» («Дама под вуалью»), портрет кисти Рафаэля.
[13] *Деларош* Поль (1797—1856) — французский исторический живописец.
[14] *Грей* Иоанна (1537—1554) — известная своей трагической судьбой королева Англии.
[15] *Роберт-Флери* Жозеф Никола (1797—1890) — французский художник и литограф, автор знаменитой картины «Аутодафе».
[16] *Гессе*, правильно Гесс, Жан Батист Александр (1806—1879) — французский исторический живописец.
[17] *Пизани* Луиджи — венецианский дож.
[18] *Жакан* Клавдий (1804—1878) — французский исторический живописец, жанрист и литограф; ученик Роберта-Флери.
[19] *Карл V* (1500—1558) — германо-римский император с 1519 г., король испанский с 1516 г.
[20] *Шопен* Генри Фредерик (1804—1880) — французский исторический живописец и пейзажист.
[21] *Анна Австрийская* (1601—1666) — королева Франции, жена Людовика XIII, дочь испанского короля Филиппа III.
[22] *Конде* Луи Бурбон, принц (1621—1686) — французский полководец.
[23] *Каве* Мария Элизабет (1810—?) — французская художница; настоящее имя Boulanger, под именем Cavè выставлялась с 1836 по 1842 г.
[24] *Людовик XIII* (1601—1643) — король Франции с 1610 г.
[25] *Изабе* Луи Габриэль Эжен (1803—1886) — французский живописец, писал на исторические сюжеты; излюбленный художник французской буржуазии периода Июльской монархии.
[26] *Лебрен* Шарль (1619—1690) — французский живописец.
[27] *Пуссен* Никола (1594—1665) — французский живописец, представитель классицизма.
[28] *Жувене* Жан (1644—1717) — французский исторический живописец.
[29] *Декамп* Александр Габриэль (1803—1860) — французский живописец, ученик Давида.
[30] *Руссо* Теодор (1812—1867) — французский живописец и график, принадлежал к т. н. «барбизонцам».
[31] *Каба* Никола Луи (1812—1893) — французский живописец, мастер интимного пейзажа.
[32] *Делакруа* Фердинанд Виктор Эжен (1798—1863) — французский живописец и график; начиная с 1822 г., когда была им создана картина «Ладья Данте», он становится во главе романтической школы живописи во Франции.
[33] *Кутюр* Тома (1815—1879) — французский исторический живописец и портретист.
[34] *Коро* Камилл (1796—1875) — французский живописец. принадлежал к т. н. «барбизонцам», создатель реалистического «пейзажа настроения».
[35] *Диаз*, Диаз де ла Пенья Нарсис Виржиль (1808—1876) — французский живописец, принадлежал к т. н. «барбизонцам».
[36] *Ювенал* Децм Юний (ок. 55—56—ок. 131—132) — римский поэт, сатирик и моралист.
[37] *...крадет у меня дни за днями...* — А. И. Герцен, получив с помощью В. А. Жуковского заграничный паспорт, в марте 1847 г. приехал с семьей в Париж и тут же посетил Анненкова; Анненков становится постоянным гостем семьи Герцена и спутником Александра Ивановича в его прогулках по Парижу.
[38] *...в котором французское искусство наиболее торжествует...* — В годы Июльской монархии на одно из первых мест выдвинулась именно пейзажная и жанровая живопись.

Письмо VI (а)

Впервые — «Современник», 1847, кн. VI, отд. «Смесь», с. 224—233, под названием «Парижские письма».

1 *Дикманс* Александр Габриэль (1803—1860) — французский художник и литограф.
2 *Дова* Эдуард Феликс (1811—1884) — французский художник.
3 *Метцу* Цезарь (1823—1895) — французский художник-пейзажист.
4 *Лоррен* Клод (1600—1682) — французский живописец.
5 *Биар* Эжени — французский художник и литограф, ученик Делароша, дебютировал в Салоне в 1842 г.
6 *Папети* Джованни Луи Феррон (1815—1849) — исторический и религиозный живописец.
7 *Гюден* Теодор (1802—1880) — художник-маринист и литограф, выставлялся в Салоне с 1842 г.
8 *Гейм* Франциск Жозеф (1787—1865) — французский исторический живописец; в картине «Чтение комедии в обществе г.г. королевских актеров» дал портрет Андриё Франсуа (1759—1833), французского драматурга, профессора Коллеж де-Франс.
9 *Mabille, Ranclagh, Chateau-Rouge* — известные кафе-шантаны Парижа 1840-х годов.
10 *Куанье* Конрад (1828—1895) — голландский художник-пейзажист.
11 *Лёле* Эмиль Адольф (1824—1885) — французский художник-жанрист и пейзажист.
12 *Лёле* Арман Юбер Симон (1818—1885) — французский художник-портретист и жанрист.
13 *Рокеплан* Камилл Жозеф Этьен (1800—1855) — французский художник-жанрист, пейзажист, маринист и литограф.
14 *Лепуатьен* Эжени Модест Эдмонд (1806—1870) — французский художник, жанрист, пейзажист и маринист.
15 *Флерс* Камиль (1802—1868) — французский художник.
16 *Мейер* Максимилиан (?—1889) — французский художник-пейзажист.
17 *Бланшар* Теофиль Клеман (1820—1849) — французский художник-пейзажист и литограф.
18 *Пангильи* Октав (1811—1870) — французский художник, жанрист, пейзажист, иллюстратор.
19 *...на манер Осипа в «Ревизоре»...* — Персонаж из комедии Гоголя «Ревизор» (1836).
20 *Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1787) — русский писатель, автор од, поэм, трагедий в духе ложного классицизма; основатель Московского благородного пансиона, давшего образование многим русским писателям.
21 *Петров* Василий Петрович (1736—1799) — русский поэт, автор ряда од и переводов, в частности перевода «Энеиды» Виргилия.
22 *Диаз уже составил себе школу во Франции...* — «Барбизонская школа», условное наименование группы французских художников-пейзажистов 1830—1840-х годов, проводивших лето в д. Барбизон; школа явилась протестом против условного классического пейзажа и зачинательницей реализма во французской живописи.
23 *Лонге* Луи Ансельм (1809—1869) — французский художник-портретист.
24 *Миллер* Адольф Якоб (1810—1874) — французский живописец, жанрист и портретист.
25 *Видаль* Винцент (1811—1887) — французский художник, ученик Делароша.
26 *Клесингер* Жан Батист (1814—1883) — французский скульптор, автор портретов Э. Скриба и Рашели, а также ряда статуй и скульптурных групп; дебютировал в Салоне в 1843 г.
27 *Скопас* — древнегреческий скульптор и архитектор 4 в. до н. э.
28 *Прадье* Жан (1790—1852) — французский скульптор.
29 *Гиппократ* (ок. 460—377 до н. э.) — древнегреческий врач, один из основоположников античной медицины.
30 *Айвон* Адольф (1817—1893) — французский художник, ученик Делароша.
31 *Франциск I* (1494—1547) — король Франции с 1515 г.
32 *Генрих VIII* (1491—1547) — английский король с 1509 г.
33 *...Я еду в Берлин...* — Анненков, дав по подписке, проведенной Боткиным, деньги на лечение больного Белинского, выехал ему навстречу, отказавшись от путешествия

в Грецию и Константинополь; Белинский, узнав об этом, писал Анненкову: «Дражайший мой Павел Васильевич, Боткин передал мне Ваше письмо, в котором так много касающегося до меня. Не могу выразить Вам, какое впечатление произвело оно на меня, мой добрый и милый Анненков!» (*Белинский*, т. 12, с. 341).

34 *«Ou l'Eglise, ou l'Etât»* — «Или церковь, или государство», книга Жанена Франсуа (1803—1856), французского литератора, филолога и музыканта; книга продолжила дискуссию о недопустимости влияния церкви на образование во Франции, которая была открыта в 1843 г. брошюрой французских ученых Э. Кине и Ж. Мишле «Иезуиты» и продолжена в 1844 г. книгой Ф. Жанена «Иезуиты и университет»; в 1845 г. в дискуссию вступил Э. Сю, написав свой антиклерикальный роман «Агасфер».

35 *Велисарий* (490—565) — полководец византийского императора Юстиниана Великого, прославившийся своими победами и впавший в немилость под конец жизни, что дало повод к легенде о его ослеплении; на петербургской сцене Александринского театра шла в 1839 г. драма Эдуарда Шенна «Велизарий», в которой маленький сын Велисария был его поводырем.

36 *«Ветошник»* — мелодрама Пиа Феликса (1810—1889), французского писателя, драматурга и публициста, мелкобуржуазного демократа, в период революции 1848 г. Пиа — комиссар временного правительства департамента Шер, депутат Учредительного собрания.

37 *...драма оканчивается пустым треском...* — О Феликсе Пиа как человеке Маркс писал Энгельсу 13 июня 1854 г.: «Противно, что эти crapauds никогда не выдерживают роли и не могут отказаться от этой „мелодраматической" лжи, апеллирующей к сердцу мелкого буржуа» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 310).

Письмо VI (6)

Впервые — «Современник», 1847, кн. IX, отд. «Смесь», с. 79—86, под названием «Парижские письма». Письмо имело тот же номер, что и предыдущее.

1 *...к последнему дню июльских праздников...* — Анненков после месячного пребывания в Зальцбрунне вместе с В. Г. Белинским, который проходил там курс лечения, и короткой поездки с ним по Германии и Бельгии приехал в Париж к моменту национального праздника Франции, дню взятия Бастилии 14 июля.

2 *...обилие скандальезных историй в последнее время...* — Оценка Анненкова совпадает с оценкой Энгельса, который писал в статье «Закат и близость падения Гизо...», опубликованной 3 июля 1847 г. в английской газ. «The Northern Star»: «Такого количества скандальных историй, какое было там накоплено и предано гласности за последние четыре-пять недель, право же, еще не встречалось в анналах парламентских прений» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 186).

3 *...в роде Жирорденовских нескромностей...* — Речь идет о предании гласности газетой «Пресс» намерения министра внутренних дел Шарля Дюшателя продать отчиму Э. Жирардена звание пэра Франции и место в палате за 80 тыс. франков, для того чтобы добиться поддержки «Пресс» действиям правительства. Этот факт отметил и Ф. Энгельс в статье «Закат и близость падения Гизо...»: «...видя, что министерство совершенно дезорганизовано и ослаблено, г-н де Жирарден и решил, что для него пришло время извлечь свой ящик Пандоры, полный скандальных тайн, и окончательно сокрушить уже шатающееся министерство такими разоблачениями, которые способны поколебать доверие к нему даже «ч р е в а палаты» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, 188).

4 *...Тестова процесса...* — Судебный процесс над соратником Гизо, министром публичных работ Тестом Жан Батистом (1780—1852), обвиняемом во взяточничестве; об этом процессе писал подробно И. С. Тургенев в «Современных заметках»: «Утром 8 июля весь Париж пришел в движение. В несколько рядов блестящие экипажи и толпа пешеходов тянулась по направлению ко дворцу. В этот день пэры Франции собрались под председательством канцлера, герцога Пакье, чтобы судить своих сочленов» («Современник», 1847, кн. IX, с. 131, отд. «Смесь»).

5 *...история контракта...* — Речь идет о контрактах французского правительства с реакционными кантонами Швейцарии, заключенных втайне от французской обще-

ственности; контракты явились поддержкой реакционных сил Швейцарии в гражданской войне 1847 г.

6 *...история Вернера...* — Выступление во французской печати публициста и врача Вернера, напечатавшего ряд статей о неприглядной политике французского правительства в Алжире, ставшем с 1847 г. колонией Франции.

7 *...история новой драмы Дюма...* — Монархическая драма А. Дюма-отца «Кавалер Красного дома», поставленная им в своем «Историческом театре»; драма вызвала протест у прогрессивной общественности Франции; сюжет взят из времени Жиронды, т. е. господствующего положения правых республиканцев в буржуазно-демократической революции конца XVIII в.

8 *...вдова злополучного Людовика XVI...* — Мария Антуанетта (1755—1793), жена французского короля Людовика XVI (1754—1793).

9 *Conciergerie* — Консьержери, знаменитая французская тюрьма в Париже, в которой содержалась после казни Людовика XVI, Мария Антуанетта.

10 *«Charlotte Corday»* — «Шарлота Корде», драма французского драматурга Франсуа Понсара.

11 *Процесс д'Эквилье...* — В 1845 г. состоялась дуэль редактора газ. «Пресс» Дюжарье с редактором газ. «Эпоха» Бовалоном. Бовалон убил Дюжарье; вследствие ложных показаний д'Эквилье, секунданта Бовалона, последний был оправдан. В 1847 г. суд вновь вернулся к этому делу и, улнчив свидетеля в даче ложных показаний, осудил д'Эквилье и Бовалона на длительные сроки тюремного заключения.

12 *...орфиламой Сен-Дени...* — знамена французского королевского дома.

13 *Мориц Саксонский* (1696—1750) — побочный сын короля саксонского Августа II, маршал Франции.

14 *Бюжо* (Bygeaud de la Piccouerie) Тома Робер (1784—1849) — маршал Франции, участник покорения Алжира; орлеанист, член палаты депутатов в период Июльской монархии; в 1848—1849 гг. депутат Законодательного собрания.

15 *...герцогиня Шатору, ведущая к войску короля...* — Фаворитка Людовика XV, короля Франции, побуждавшая его к войнам и сама принимавшая участие в военных походах; ее имя — Мария Анна де Мейли Ноэль (1717—1744).

16 *...старые итальянские «браво»...* — Наемные убийцы в Италии в XVI—XVII вв.

17 *Жокейский клуб* — объединял французскую золотую молодежь, был основан в Париже в 1834 г.

18 *...скачках Шантильи...* — Город в 40 километрах от Парижа, где ежегодно проводились скачки.

19 *«Histoire des Montagnards»* — «История монтаньяров» (см. прим. к III «Парижскому письму», п. 37).

20 *Демулен* Камилл (1760—1794) — французский революционер, журналист и поэт, деятель Великой французской революции.

21 *«Le Maire du village»* — «Деревенский мэр», брошюра французского политического деятеля, юриста и публициста Корменена Луи Мари де (1788—1862), автора многих памфлетов, направленных против Июльской монархии, защитника и пропагандиста идеи централизации Франции.

22 *...довел направление свое до крайних границ...* — Мнение Анненкова близко суждению Ф. Энгельса, который писал в 1842 г. в статье «Централизация и свобода»: «Вопреки брошюре Корменена, вопреки его блестящей и красноречивой защите французской централизации, последняя остается главной причиной регресса во французском законодательстве» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 41, с. 322).

23 *...смертью герцогини де Прален...* — Убийство в 1847 г. Прален Альтарис Розальбы Фанни (1807—1847), герцогини Шуазель, дочери маршала Франции Себастьяни, ее мужем герцогом Прален Шуазель Теобальд Шарлем (1805—1847); мотивом убийства французское общественное мнение полагало богатство герцогини; убийца покончил с собой.

Письмо VII

Впервые — «Современник», 1847, кн. XI, отд. «Смесь», с. 85—92, под названием «Парижские письма».

1 ...*три или четыре дня не умолкал нелепый шум на улице Saint-Honoré.* — Речь идет о провокационных актах парижской полиции, которая, воспользовавшись столкновением рабочих с хозяином сапожной мастерской на улице St. Honoré в конце августа 1847 г., пыталась вызвать возмущение в народе, чтобы иметь возможность жестоко расправиться с ним. Анненковская оценка этих событий перекликается с оценкой Ф. Энгельса, который писал в статье «Движение за реформу во Франции», опубликованной 20 ноября 1847 г. в английской газ. «The Northern Star»: «Происшествие в мастерской на улице Сент-Оноре было использовано как предлог для грубейшего нападения на народ с целью спровоцировать его на бунт и насилие» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 363).

2 «La Réforme» — «Реформа», французская ежедневная общественно-политическая газета мелкобуржуазных демократов; выходила в Париже с 1843 по 1850 г.; редакторы: Александр Огюст Ледрю-Роллен и Фердинанд Флокон.

3 *Альбони* Мариетта (1826—1894) — итальянская оперная певица (контральто); много гастролировала по Европе, в 1840-х годах пела в Петербурге.

4 ...*отводит глаза многих людей от настоящих задач...* — Оценка, данная Анненковым социалистической публицистике, перекликается с оценкой Маркса, данной им деятельности немецкого коммуниста-утописта Вейтлинга во время беседы, на которой присутствовал в марте 1846 г. Анненков, о чем он вспоминал впоследствии (см.: *Лит. воспоминания*, с. 303).

5 *«Démocratie au XIX siècle»* — «Демократия XIX в.» Берналя Кристофа, французского публициста социалистического направления.

6 *«Réforme du savoir humain»* — «Реформа человеческих знаний» Пьера Леру, французского социалиста-утописта; брошюра служила вступлением к его капитальному труду «О человечестве, его принципах и его будущем», вышедшему вторым изданием в 1847 г.

7 *«Histoire des deux restaurations»* — «История реставрации», книга французского историка и писателя Волабеля Ашиля де (1799—1879).

8 *«Du crédit et de la circulation»* — «Кредит и оборот», брошюра польского экономиста и философа Августа Цешковского (1814—1894).

9 *Черито* Фанни (1817—1909) — итальянская артистка балета, особенно успешно выступала в балете «Мраморная красавица» Пуни Цезаря (?—1866).

10 *Готье* Теофил (1811—1872) — французский поэт, романист и драматург.

11 *Кольбер* Жан Батист (1619—1683) — французский государственный деятель.

12 *Бюлоз* Франсуа (1803—1877) — французский публицист, основатель и редактор «Revue des deux mondes» — «Обозрение Старого и Нового света», французской ежедневной общественно-политической и литературно-художественной газеты консервативного направления, выходящей в Париже с 1829 г.

13 *Прилагаю их список «Les Aristocraties»* — «Аристократы» Этьена Араго; *«La marquise d'Aubray»* — «Маркиза д'Абри» Рауля Браварда; *«Cléopâtre»* — «Клеопатра» Дельфины Ге (Эмиль Жирарден); *«Le Puff»* — «Пуфф» Эжена Скриба; *«Le Château de cartes»* — «Карточный домик» Жана Баяра; *«La Rue Quincampoix»* — установить не удалось.

14 ...*бурно сшибались в нем две партии...* — Борьба романтического театра В. Гюго, выразителя антимонархических, обличительных тенденций, против эпигонской классической драматургии, ставшей в 1820-х годах выразительницей монархических идей и классовых предрассудков.

15 ...*эпоха борьбы глукистов и пиччинистов...* — В 1776 г. итальянский композитор Н. Пиччини приехал в Париж, где в это время большой популярностью пользовались оперы немецкого композитора К. В. Глюка; среди театральных зрителей образовались две партии: поклонники Глюка — глюкисты и поклонники Пиччини — пиччинисты; они вели себя чрезвычайно бурно во время спектаклей своих любимцев.

16 ...*после известного конгресса в Брюсселе...* — Конгресс по вопросу свободы торговли 16—18 сентября 1847 г. в Брюсселе, на котором присутствовали известные экономисты разных стран, представители торговой и промышленной буржуазии,

На конгрессе должен был выступать К. Маркс, но не получил слова; часть текста его речи вошла в статью «Протекционисты, фритредеры и рабочий класс» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 254—256).

17 *Комбон* Шарль Антуан (1802—1875) — театральный художник и декоратор, работал в Парижском цирке «Олимпия», театрах Лиона и других городов Франции.

18 *Филастер* Луи — французский скульптор и декоратор, выставлял свои работы в Салоне до 1880-х гг.

Письмо VIII

Впервые — «Современник», 1847, кн. XII, отд. «Смесь», с. 159—171, под названием «Парижские письма».

1 *Араго* Этьен (1802—1855) — французский журналист, сотрудник газеты «Реформа», драматург; мелкобуржуазный демократ, в период революции 1848 г. директор почт.

2 *Гозлан* Леон (1803—1866) — французский драматург, автор многочисленных романов, переводился на русский язык.

3 *Эмиль Жирарден* — французская писательница Дельфина Ге (1805—1855), жена Эмиля Жирардена.

4 *...а известно, что...* — Намек на скандальную историю с отчимом Эмиля Жирардена. См. прим. к письму VIб, п. 3.

5 *...разодранное сатирическою лозою г. Феликса Пиата...* — французский драматург и писатель Феликс Пиа был в то же время остроумным фельетонистом, его сатирическое перо было направлено главным образом против политических и эстетических идеалов «Journal des débats», где присяжным критиком был Жюль Жанен.

6 *...в котурнах и тогах...* — Котурны — высокие сандалии для актеров трагических ролей в древнегреческом театре; тога — верхняя одежда и знак отличия римских граждан.

7 *Плутарх* (ок. 45—ок. 127) — древнегреческий философ, историк и писатель-моралист, автор «Сравнительных жизнеописаний».

8 *Лоу* Джон (1671—1729) — шотландский финансист.

9 *Колонн* Жан (1734—1802) — французский государственный деятель.

10 *«La présidence de M. Guizot»* — «Президент Гизо», брошюра Капфига Батиста Оноре Раймонда (1802—1872), французского журналиста монархического направления.

11 *Ленге* Жан — французский публицист и государственный служащий.

12 *Павел и Виргиния* — герои романа того же названия французского натуралиста и писателя Бернардена Сен-Пьера Жак Анри де (1737—1814).

13 *...помешательством графа Мортье...* — Имеется в виду происшествие с графом, пэром Франции Мортье, который покушался на свою жизнь и жизнь своих детей и по просьбе жены в ноябре 1847 г. был заключен в тюрьму; состоявшийся в декабре того же года суд над ним признал его психически ненормальным.

14 *Каза-Мажор* — французская писательница, писала под псевдонимом Josephine Boussier, придерживалась социалистического направления.

15 *Анфантен* Бартелеми Проспер (1796—1864) — французский социалист-утопист, последователь Сен-Симона; в 1830-х годах организовал сен-симонистскую общину, выродившуюся в религиозную секту; в дальнейшем изменил своим взглядам и занимал ведущие посты в ряде капиталистических предприятий.

16 *Баро* Пьер Антуан Казимир (1799—1869) — пропагандист сен-симонизма, последователь и соратник Анфантена, сотрудник журнала сен-симонистов «Глобус».

17 *...обедами в пользу парламентской реформы...* — Речь идет о движении за парламентскую реформу во Франции, предпринятом династической оппозицией, умеренно-либеральной группировкой во французском парламенте, пытавшейся спасти династию Орлеанов; оппозиция, выражавшая интересы промышленной буржуазии, требовала незначительных реформ, на которые не соглашался Гизо.

18 *...швейцарскими делами...* — Гражданская война в Швейцарии в 1847 г., в результате которой были проведены буржуазные реформы.

19 *...об открытии Ниневийского музея...* — В 1847 г. в Париже, в помещении Лувра, был открыт музей ниневийской скульптуры и древнеперсидской письменности.

[20] *...директора королевских музеев Калье...* — Видимо, Вьель-Кастель Орас де (1802—1864) — хранитель Лувра.

[21] *Ботта* Пауль Эмиль (1805—1870) — французский ученый-археолог, консул в Александрии.

[22] *Фланден* Эжени (1809—1876) — французский ученый-археолог, художник, писатель-очеркист.

[23] *Коста* Антони (1804—1875) — издатель, основатель издательской фирмы во Флоренции.

[24] *Ахемениды* — династия царей древнеперсидской державы (558—330 до н. э.), к этой династии относился Кир II Великий, основатель Восточной империи.

[25] *Перистиль* — крытая галерея, переднюю часть которой составляет ряд колонн.

Письмо IX

Впервые — «Современник», 1848, кн. I, отд. «Смесь», с. 37—49, под названием «Парижские письма».

[1] *Луандо* Шарль (1812—?) — французский писатель и публицист, орлеанист.

[2] *«L'Univers»* — «L'Univers *religieux, philosophique, politique, scientifique et littéraire*» — «Религиозный, философский, научный и литературный мир», французский религиозный журнал консервативного направления, выходил в Париже с 1830 по 1860 г., издавался католическим духовенством в противовес газете «L'Avenir».

[3] *«L'Ami de religion»* — «L'Ami de la religion» — «Друг религии», французская религиозная газета консервативного направления, выходила в Париже с 1815 по 1858 г.

[4] *«Золотая легенда»* — средневековый сборник жизнеописаний святых, составленный генуэзским архиепископом Иаковом из Ворагина; сборник в свое время пользовался большой популярностью и был переведен на все европейские языки.

[5] *«Жиль-Блаз»* — «История Жиль Блаза из Сантильяны» — роман французского сатирика и романиста Лесажа Алана Рене (1668—1747).

[6] *Тартюф* — герой одноименной комедии французского драматурга Мольера (1622—1673).

[7] *Монталамбер* Шарль Фобр де (1810—1870) — французский писатель и консервативный политический деятель, глава воинствующей католической партии; легко приспособлялся ко всем политическим режимам; в период революции 1848 г. депутат Учредительного и Законодательного собраний.

[8] *Тамплиеры* — духовно-рыцарский орден, основанный в XII в. в Иерусалиме с целью защиты христиан от мусульман.

[9] *Сведенборгисты* — последователи шведского писателя и философа-мистика Сведенборга. См. прим. к письму III, п. 6.

[10] *Иллюминаты* — орден совершенствующихся (основан в 1776 г.), близок к франкмасонам.

[11] *Миллинеры* — последователи милленаризма (иначе: хилиазма) — религиозно-мистического учения о всемирном тысячелетнем царствовании Христа перед концом мира.

[12] *...известная секта отца Анфантена...* — см. прим. к письму VIII, п. 15.

[13] *«L'Avenir»* — «L'Avenir, *journal politique, scientifique et littéraire*» — «Будущее, газета политическая, научная и литературная» христианско-социалистического направления, основана Ф. Ламенне; выходила в Париже ежедневно с 1830 по 1831 г. под редакцией Ламенне, с 1841 по 1842 г. под редакцией Ипполита Бонелье.

[14] *«Globe»* — «Le Globe, *journal philosophique et littéraire*» — «Глобус, философская и литературная газета» социалистического направления, выходила в Париже с 1829 по 1831 г., редактор П. Леру.

[15] *Апрельский процесс (1835 года)...* Процесс над вождями восстания в Лионе 1834 г., которое распространилось на многие города Франции, в том числе и на Париж; суду было подвергнуто 164 человека; процесс тянулся девять месяцев и закончился обвинительным приговором.

[16] *Сентябрьские законы...* — Законы, введенные правительством Луи Филиппа в 1835 г. в сентябре месяце; они резко ограничивали свободу печати и ассоциаций; согласно этим законам всякое выступление в прессе против существующего правительства каралось денежным штрафом и тюремным заключением редактора.

[17] *Бюше* Филипп Жозеф (1796—1865) — французский историк, журналист и политический деятель, основоположник христианского социализма, в прошлом карбонарий и последователь Сен-Симона.

[18] *Бартелеми* Сент-Илер Эмиль Марк (1790—1887) — французский ученый-экономист и писатель-переводчик.

[19] *Кузен* Виктор (1792—1867) — французский идеалистический философ-эклектик, пэр Франции, в период Июльской монархии — министр народного просвещения.

[20] *Дюпен* Андре Мари Жан Жак (1783—1865) — французский юрист и политический деятель, умеренный буржуазный республиканец.

[21] *Губикан-Шарден* — глава парфюмерной фирмы в Париже.

[22] *...общими местами французской поэзии...* — Оценка Анненкова перекликается с оценкой Ф. Энгельса немецкой рабочей поэзии, данной им в статье «Немецкий социализм в стихах и прозе», опубликованной в сентябре—декабре 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung»: «Малодушие и глупость, бабская сентиментальность, жалкое прозаически-трезвенное мелкобуржуазное филистерство — таковы те музы, которые вдохновляют эту лиру...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 209).

[23] *Барбье* Огюст (1805—1882) — французский поэт-сатирик.

[24] *Мюссе* Альфред де (1810—1857) — французский писатель, поэт и драматург.

[25] *Пакье* Этьен Дени (1767—1862) — французский государственный деятель, орлеанист, председатель палаты пэров в период Июльской монархии.

[26] *Мирабо* Оноре Габриэль Рикети (1749—1791) — деятель Великой французской революции.

[27] *...явиться преобразователем пенальной системы...* — Речь идет о В. Гюго, который в своей книге «Рейн» выступил за распространение Code pénal, уголовного кодекса, принятого во Франции в 1810 г., на Рейнские провинции.

[28] *...другого ехать в Тунис...* — Имеется в виду А. Дюма-отец, который, будучи приглашенным на бракосочетание герцога Монпансье с испанской инфантой Луизой Фернандой, после брачной церемонии, совершенной 10 сентября 1846 г., отправился в Алжир, сделав остановку в Тунисе, якобы по заданию министра просвещения Сальванди, что вызвало скандал в палате депутатов.

[29] *Ролль* Пьер Никола (1770—1855) — французский журналист, хранитель Парижской библиотеки.

[30] *Гуцков* Карл (1811—1878) — немецкий писатель.

[31] *«Всякая всячина»* — русский сатирический журнал, выходил еженедельно в Петербурге в 1769 г., редактором и автором многих материалов журнала была русская императрица Екатерина II; выше автор говорит о Бальзаке.

[32] *Одио* Карл (?—1869) — представитель известной ювелирной фирмы в Париже, основателями которой были Одио Жан-Батист-Гаспар и его сын Жан Батист Клавдий, придворный мастер в эпоху Реставрации.

[33] *Госс* Никола Луи Франциск (1787—1878) — французский художник, портретист и религиозный живописец, автор многих фресок на религиозные сюжеты.

[34] *Сибо* Эдуард (1799—1878) — французский религиозный живописец.

[35] *Нидре* (1803—?) — французский художник-переплетчик и оформитель книги.

[36] *Дюрю* Жан Александр — французский литограф и художник книги.

[37] *Деборд-Вальмор* Марселина (1785—1859) — французская поэтесса романтического направления, друг О. Бальзака.

[38] *...петербургская публика очень хорошо знает...* — Русская актриса А. М. Колосова, по мужу Каратыгина, в свой бенефис поставила на петербургской сцене пьесу А. де Мюссе «Каприз» под названием «Женский ум лучше всяких дум»; игра Колосовой заинтересовала французскую драматическую актрису Аллан-Дюпре, гастролировавшую в это время в Петербурге; возвратившись в Париж, Аллан стала играть героиню Мюссе, мадам де Пре.

[39] *Баяр* Жан Франц Альфред (1796—1853) — французский драматург; автор популярных в период Июльской монархии водевилей «Гамен Парижа», «Виконт Леторьер» (по роману Э. Скриба) и др.

[40] *Коцебу* Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819) — немецкий писатель.

[41] *Мёрис* Франц Пауль (1820—?) — французский писатель, соавтор А. Дюма-отца и Жорж Занд.

[42] *Нельзя же быть в одно время Робер Макером и Цинцинатом!* — Робер Макер, герой драмы французского драматурга Сент-Амана (Жан Аман Lacoste) (1797—1879) «l'Auberge des Adrets», которого играл Ф. Леметр, стал нарицательным именем для ловкого человека и мошенника; Цинцинат, правильно Цинциннат Луций Квинкций (ок. 519—? до н. э.) — римский политический деятель, патриций, согласно преданию, олицетворение простоты и доблести.

[43] *Фервиль* Луи Базиль (1783—1864) — французский драматический актер, работал преимущественно в Жимназ.

[44] *Картуш* Луи Джовани (1693—1721) — атаман известной разбойничьей шайки в Париже и его окрестностях.

ФЕВРАЛЬ И МАРТ В ПАРИЖЕ 1848 ГОДА

Очерк П. В. Анненкова «Февраль и март в Париже 1848 года» состоит из трех частей и впервые был опубликован в русской периодике 1859—1862 гг. Первая часть под названием «Париж в конце февраля 1848 года» появилась в журнале «Библиотека для чтения», 1859, № 12, с. 1—40, за подписью: П. Анненков. Вторая под названием «События марта 1848 г. в Париже» и третья — «Физиономия Парижа в марте месяце» были опубликованы в «Русском вестнике», 1862, № 3, с. 239—299, также за подписью: П. Анненков.

Публикации возникли на основе «Записок о французской революции 1848 года», написанных Анненковым в Париже в период революционных событий 1848 г. (см. ниже), но представляют собой качественно новый материал. Во-первых, Анненков использовал лишь первую часть своих «Записок», значительно сократив ее, но в то же время ввел в текст сведения о последующих событиях революции. Во-вторых, сам рассказ о парижских событиях в очерке лишен непосредственности и взволнованности, присущих «Запискам», но взамен чувствуется определенный отбор описываемых событий и даны обобщения, отсутствующие в «Записках».

Анненков намеревался продолжить публикацию своих воспоминаний о революции, что явствует из его письма к М. Н. Каткову, редактору «Русского вестника», от 15 февраля 1863 г., где он спрашивает: «Да уведомите — найдется ли место в „Русском вестнике“ для продолжения моих заметок о французской революции 1848 г., последнюю часть которых привожу теперь в порядок» (*ГБЛ*, ф. 120, Катков, карт. I, ед. хр. 11).

В ответном письме от 5 марта 1863 г. Катков уведомляет Анненкова: «... не может быть сомнения, что продолжение Ваших воспоминаний будет принято „Русским вестником“ с полным удовольствием и радушием» (*Анненков и его друзья*, с. 494) Однако продолжения воспоминаний не последовало.

Впоследствии Анненков объединил журнальные публикации в один очерк, состоящий из трех частей, и под названием «Февраль и март в Париже 1848 года» опубликовал в I отделе своих «Воспоминаний и критических очерков» (СПб., 1877, с. 241—328). Текст первой и второй публикаций очерка идентичен, есть лишь небольшие отклонения. Так, в книжной публикации опущено придаточное предложение в заключительной фразе первой части очерка: «История возвращения необдуманного переворота назад, домой, к старым, но уже опустошенным местам, может быть, еще поучительнее истории его мгновенного и неожиданного успеха, *который мы старались представить в кратком очерке нашем*» («Библиотека для чтения», 1859, № 12, с. 40). Кроме того, изменена начальная фраза второй части очерка. В журнальной публикации читаем: «Мы начинаем с той минуты...» («Русский вестник», 1862, № 3, с. 239), в книжной: «Начнем с той минуты...» (см. ниже).

В основу настоящего издания положен текст второй, книжной публикации, т. к. она была последней прижизненной публикацией автора.

I

[1] *...который застал меня в Париже неожиданно.* — Анненков с осени 1847 г. безвыездно жил в Париже и в начале 1848 г. собирался вернуться в Россию, но революционные события заставили его задержаться. А. И. Герцен писал Анненкову

из Рима 5 марта 1848 г.: «Жду от тебя вестей, вероятно, ни ты, ни Гервег никуда не поедете» (*Герцен*, т. 23, с. 65).

2 ...*устроенных оппозицией* — Имеется в виду династическая оппозиция. См. прим. к «Парижским письмам», письмо VIII, п. 17.

3 *Барро* Камилл Гиацинт Одилон (1791—1873) — французский политический и государственный деятель, глава династической оппозиции в период Июльской монархии; противник революции 1848 г., после подавления июньской революции 1848 г. возглавлял реакционное министерство.

4 *Дювержье* — Дювержье де Горан Проспер (1798—1870) — французский политический деятель, представитель династической оппозиции в период Июльской монархии.

5 *Дюшатель* Шарль (1803—1867) — французский реакционный государственный деятель, министр внутренних дел при Луи Филиппе.

6 ...*пригласил национальную гвардию*... — Национальная гвардия состояла из лиц, освобожденных от военной службы, а также военно-обязанных старшего возраста; до февральской революции основной состав национальной гвардии — буржуазия, после революции была открыта для всех сословий, но состав ее мало изменился.

7 *Марат* Жан Поль (1743—1793) — французский публицист, деятель Великой французской революции, якобинец.

8 *Каваньяк*, правильно Кавеньяк Луи Эжен (1802—1857) — французский генерал и буржуазный политический деятель; военный министр во Временном правительстве 1848 г.; в период 1848—1849 гг. — глава партии порядка, усмиритель июньской революции, организатор кровавых расправ с рабочими.

9 *Бедо* Мари Альфонс (1804—1863) — французский генерал и политический деятель, умеренный республиканец.

10 *Кремье* Исаак Адольф (1796—1880) — парижский адвокат и буржуазный политический деятель; в период Июльской монархии примыкал к династической оппозиции, в период революции 1848 г. — член Временного правительства.

11 *Мараст*, правильно Марраст, Арман (1801—1852) — французский публицист и политический деятель, умеренный буржуазный республиканец; в период Июльской монархии находился в оппозиции, был редактором газеты «Националь»; в период революции 1848 г. — член Временного правительства; в 1848—1849 гг. — председатель Учредительного собрания.

12 *Муниципальная гвардия, garde municipale* — создана в Париже в 1830 г. для подавления народных волнений.

13 *Кирасиры* — конные части войска.

14 ...*в зале дендерского зодиака*... — Астрономические знаки, впервые изображенные на стенах дендерского замка в Египте.

15 *Шамполион-Фижак* Жак Жан (1778—1867) — французский ученый-археолог, хранитель рукописей в отделе королевской библиотеки.

16 ...*о Бордоском банке*... — Банк в г. Бордо, финансировался главным образом виноторговцами, оказывал сопротивление распоряжениям Временного правительства.

17 *претензий республиканских историков*... — Видимо, речь идет о: *Lamartine A.* Histoire de la révolution française 1848, tt. 1—2. Paris, 1849.

18 *Моле* Луи Матье, граф (1781—1855) — французский государственный деятель, орлеанист, премьер-министр в 1836—1837, 1837—1839 гг.; депутат Учредительного и Законодательного собраний в период Второй республики.

19 ...*по поводу испанских и афинских дел*... — В 1840-х годах противоречия между Англией и Францией обостряются, предметом их конфликта были Испания и Греция, где каждая из сторон добивалась предпочтительного влияния; в греко-турецком конфликте 1820-х годов Англия приняла сторону Турции, Франция — сторону Греции, что и привело к обострению их конфликта в 1840-х годах. В 1846 г. Гизо удалось добиться заключения брака испанской наследницы престола с младшим сыном Луи Филиппа и расстроить проектируемый Англией брачный союз принца Леопольда Кобургского с испанской королевой Изабеллой II.

20 *«Times»* — «Времена», крупнейшая английская общественно-политическая еженедельная газета консервативного направления; основана в 1786 г. в Лондоне.

21 *Гюбер*, правильно Эбер (Hebert), Мишель Пьер Александр (1799—1887) — французский юрист и консервативный государственный деятель, орлеанист, член палаты

депутатов (1834—1848), с 1841 г. главный прокурор королевского суда, министр юстиции (1847—февраль 1848).

22 ...*рассказчиков из демократической партии...* — Видимо, предполагаются: *Blanc L.* Histoire la revolution 1848. Paris, 1849; *Castilie I.* Histoire de la seconde République française. P., 1854; *Proudon P.-J.* Confessions d'un revolutionnaire. P., 1849.

23 ...*этот расчетистый выстрел...* — Анненков воспользовался непроверенным слухом: выстрел был произведен охраной крепости Шато де'О, хотя, действительно, в этот момент у крепости были Этьен Араго и Шарль Лагранж.

24 *Тьер* Луи Адольф (1797—1877) — французский государственный деятель и буржуазный историк. В Июльскую монархию принадлежал к династической оппозиции; в 1848 г. поддерживал партию порядка; в дальнейшем сторонник Луи Бонапарта и глава монархистов; палач Парижской коммуны.

25 *Ламорисьер* Кристоф Луи Леон (1806—1868) — французский генерал, покоритель Алжира; в 1848 г. депутат Национального собрания, сторонник партии порядка, участник расправы над восставшими рабочими в период июньской революции 1848 г.

26 *Парижский* Луи Филипп Альбер, граф (1838—1894) — сын герцога Орлеанского, внук короля Луи Филиппа.

27 *Немурский* Луи Шарль Филипп, герцог (1811—1896) — второй сын короля Луи Филиппа, бежавший из Франции в момент февральской революции 1848 г.

28 *Монпансье* Антуан Мари Филипп Людовик — пятый сын короля Луи Филиппа, бежавший из Франции в момент февральской революции 1848 г.

29 *Гарун* (?—809) — калиф, по прозвищу Аль-Рашид, т. е. справедливый.

30 *Орлеанская* Элен Луиза Элизабет, герцогиня (1814—1858) — вдова старшего сына короля Луи Филиппа, мать графа Парижского.

31 *Дюпон*, правильно Дюпон л'Эр Жак Шарль де (1807—1855) — французский политический деятель, участник Великой французской революции и революции 1830 г.; в 1840-е годы умеренный республиканец, принадлежал к династической оппозиции, в революцию 1848 г. глава Временного правительства.

32 *Ледрю-Роллен* Александр Огюст (1807—1874) — французский публицист и политический деятель, один из вождей мелкобуржуазной демократии, редактор газеты «Реформа»; в период революции 1848 г. член Временного правительства.

33 *Гарнье-Пажес* Луи Антуан (1803—1878) — французский буржуазный политический деятель, умеренный буржуазный республиканец, участник революции 1830 г., крупный финансист, в период революции 1848 г. член Временного правительства.

34 *Ларош-Жаклен*, правильно Ларошжаклен Анри Огюст Жорж (1805—1867) — французский политический деятель, легитимист, член палаты пэров в период Реставрации, депутат Учредительного собрания в 1848 г.

35 ...*куполом Делорма...* — Церковь французского архитектора Делорма Филибера (ок. 1515—1570).

36 ...*с воспитанниками политехнической школы...* — Студенты Сен-Сирской и Политехнической школ Парижа, вместе с студентами медицинского и юридического факультетов Сорбонны, образовали вокруг Временного правительства добровольную охрану и разносили по городу правительственные распоряжения, прокламации и воззвания, предотвращали воровство и поддерживали порядок; народ относился к этим добровольцам с большим уважением.

37 *Буль* Андре Шарль (1642—1732) — французский рисовальщик и резчик по дереву.

38 *Монталиво* Марат Камилл Башассон, граф де (1801—1885) — французский государственный дяетель, публицист и журналист, монархист.

39 *Мария Амалия* (1782—1863) — жена короля Франции Луи Филиппа.

40 *Флокон* Фердинанд (1801—1866) — французский публицист и политический деятель, мелкобуржуазный демократ, один из редакторов «Реформы».

41 *duc d'Orléans*, Орлеанский Фердинанд (1810—1842) — герцог, старший сын короля Луи Филиппа, участвовал в действиях алжирской армии.

42 *Г—вег*, Гервег Эмма (1817—1901) — жена немецкого поэта и политического деятеля Георга Гервега; в 1840-х годах супруги жили в Париже как эмигранты.

43 ...*свершила потом с супругом...* — Речь идет о вооруженном вторжении в Германию, в г. Баден, добробольческого отряда немецких эмигрантов в апреле 1848 г.; одним из руководителей отряда был Г. Гервег, вместе с ним участие в экспедиции приняла его жена.

[44] ...пал ее и сам Л.-Филипп...— Инициаторами революции 1830 г. были французские финансисты, которые и сделали королем Франции представителя Орлеанской династии, своего ставленника Луи Филиппа, правление которого продолжалось 18 лет.

[45] ...отобедали наскоро у одного знакомого...— Имеется в виду Сазонов Николай Иванович (1815—1862), русский публицист, живший в 1840-х годах в Париже как политический эмигрант; близок кругу А. И. Герцена.

[46] *Albert*, Альбер, псевдоним Александра Мартена (1815—1895) — рабочий, социалист, один из руководителей революционных тайных обществ в период Июльской монархии. В 1848 г. член Временного правительства, сотоварищ Луи Блана по деятельности в Люксембургской комиссии.

II

[1] *...оказался следующий* — Временное правительство, возникшее в результате Февральской революции, оказалось очень сложным по своему партийному и классовому составу; в него входили буржуазные республиканцы, умеренные буржуазные республиканцы, представители династической оппозиции, мелкобуржуазные демократы и утопические социалисты, что привело к резким противоречиям внутри его и пагубно отразилось на политике, им проводимой.

[2] *Гудшо* Мишель (1797—1862) — французский банкир, умеренный буржуазный республиканец, во Временном правительстве 1848 г. министр финансов.

[3] *Араго* Доминик Франсуа (1786—1853) — французский физик, астроном и политический деятель, буржуазный республиканец.

[4] *Мари* Александр (1795—1870) — французский адвокат и политический деятель, умеренный буржуазный республиканец, министр общественных работ во Временном правительстве 1848 г., министр юстиции в 1849 г. в правительстве Кавеньяка.

[5] *Карно* Лазар Ипполит (1801—1888) — французский публицист, государственный и политический деятель, буржуазный республиканец, министр просвещения во Временном правительстве 1848 г.

[6] *Бетмон* Эжен (1804—1860) — французский адвокат и политический деятель, буржуазный республиканец, министр торговли во Временном правительстве.

[7] *Сюберви* Жан Жерве, барон (1776—1856) — французский генерал и политический деятель, военный министр во Временном правительстве.

[8] *Курте* Амабль Гаспар Анри (1790—1877) — французский генерал и политический деятель, республиканец, служил в армии Наполеона I; главнокомандующий национальной гвардией в 1848 г., после июньских событий вышел в отставку, не желая поддерживать правительство Кавеньяка.

[9] *...формирование 24 батальонов «подвижной национальной гвардии»...* — Речь идет о мобильной гвардии, которая по молодости лет гвардейцев (состояла из юношей 15—20 лет), происхождению (буржуазия и люмпен-пролетариат), высокому жалованию, составу командиров, взятых из старых кадровых военных, стала послушным орудием в руках правительства и обманула ожидания рабочих.

[10] *...бонапартисто-социалистским восстанием...* — Имеется в виду июньская революция 1848 г., главную движущую силу которой составляли рабочие, однако к ней присоединились, разлагая ее, сторонники Луи Бонапарта, в будущем Наполеона III.

[11] *Commission pour les travailleurs* — Комиссия для рабочих, полное название — Правительственная комиссия для рабочих, создана декретом Временного правительства от 27 февраля 1848 г. под напором трудящихся масс Парижа; по месту своих заседаний — Люксембургский дворец — комиссия получила название Люксембургской; состояла из выборных представителей от рабочих и предпринимателей, ее работа продолжалась свыше двух месяцев, с начала марта до половины мая; целью комиссии была выработка социальных реформ; председатель комиссии Луи Блан, его заместитель Альбер; комиссия, несмотря на ряд мер, направленных на улучшение положения рабочих, сыграла отрицательную роль в ходе революции, так как отвлекала рабочих от истинных задач революционной борьбы.

[12] *Барбес* Арман (1809—1870) — французский революционер, мелкобуржуазный демократ, один из руководителей тайных обществ в период Июньской монархии; был приговорен за свою революционную деятельность к смертной казни, амнистирован

по ходатайству В. Гюго; активный деятель революции 1848 г., депутат Учредительного собрания; осужден за участие в событиях 15 мая на пожизненное заключение, освобожден по амнистии 1854 г.

13 *Национальные мастерские* — общественные земляные работы для безработных с платой по 23 су в день, организованы специальным декретом Временного правительства; рабочие были распределены в них по отрядам; начальник национальных мастерских — инженер Тома Пьер Эмиль (1822—1880); рабочие национальных мастерских стали основной движущей силой июньской революции.

14 *Низар* Жан Мари Ипполит (1806—1888) — французский критик и историк литературы, академик: политические взгляды крайне неустойчивые; при Луи Филиппе был начальником отделения в министерстве народного просвещения.

15 *Орфила* Матео Хозе Бонавентур (1787—1853) — французский ученый, химик и профессор медицины, автор знаменитого труда по судебной медицине «Tracte de médicine légale», основатель патолого-анатомического музея в Париже, клиник, госпиталей, музея сравнительной анатомии, ботанического сада; приверженец министерства Гизо.

16 *Косидьер*, правильно Коссидьер, Марк (1808—1861) — французский мелкобуржуазный демократ, участник Лионского восстания 1834 г., один из организаторов тайных революционных обществ в период Июльской монархии.

17 *Омальский* Генри Эжени Филипп Луи, герцог (1822—1897) — четвертый сын короля Луи Филиппа.

18 *Дюфор* Жюль Арманс (1798—1881) — французский буржуазный политический деятель, в период революции 1848 г. депутат Учредительного собрания, сторонник Тьера в период монархии Луи Филиппа; министр внутренних дел при Луи Бонапарте.

19 *Бильйо* Август Адольф (1805—1863) — французский адвокат и политический деятель; сторонник Тьера в период Июльской монархии; депутат Учредительного собрания в 1848 г.

20 *Порталис* Август (1801—1855) — французский юрист и политический деятель, буржуазный республиканец.

21 *Беррье* Пьер Антуан (1790—1868) французский адвокат и политический деятель, легитимист; депутат Учредительного и Законодательного собраний в 1848—1849 гг.

22 *Полиньяк* Огюст Жюль Арман Мари (1780—1847) — французский государственный деятель, монархист, глава французского реакционного кабинета (1829—1830 гг.).

23 *Распайль* Франсуа Венсен (1794—1878) — деятель французского революционного движения 1830—1840-х годов, ученый-химик и врач, публицист, социалист, депутат Учредительного собрания 1848 г., редактор газеты «Ami du peuple».

24 *«Ami du peuple»* — «L'Ami du peuple en 1848. *An 1-er de la République réconquise*» — «Друг народа 1848. Первый год вновь завоеванной республики», французская ежедневная газета социалистического направления, выходила в Париже с 27 февраля по 14 мая 1848 г., продолжала демократические традиции печати Великой французской революции.

25 *«Le peuple constituant»* — «Народ-учредитель», французская ежедневная общественно-политическая газета республиканского направления; выходила в Париже с февраля по июнь 1848 г. под редакцией Ф. Ламенне и Паскаля Дюпра (1815—1871), республиканца.

26 *Бланки* Луи Огюст (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист, приверженец заговорщической тактики борьбы; организатор тайных обществ «Времена года» и др.; в период революции 1848 г. стоял на самых крайних левых позициях демократического движения.

27 *«Commission des défenseurs de la république»* — «Комиссия по защите принципов республики», клуб, объединявший мелкобуржуазных демократов и социалистов-утопистов, создан в Париже в марте месяце 1848 г.; в организации клуба принимали участие О. Бланки и А. Барбес, клуб первоначально проводил свои заседания на rue Blanche, 26, затем в Boulevard Bonne-Nouvell.

28 *...клуб Бланки и клуб Барбеса...* — «Центральное республиканское общество» под председательством О. Бланки и «клуб Революции» под председательством А. Барбеса.

29 *Сентябрьские законы* — см. прим. к IX «Парижскому письму», п. 16.

30 *...адвокатов собственного дела...* — Имеются в виду А. Ламартин и Луи Блан, ставшие авторами трудов о французской революции 1848 г.

31 *...трактатов 1815 года...* — Документы, принятые на Венском конгрессе 1815 г., на основе которых был произведен новый раздел Европы.

32 *«Club républicain pour la liberté des élections»* — «Республиканский клуб свободных выборов», основан в марте 1848 г. в Париже, объединял представителей старой династической оппозиции и крупной финансовой буржуазии, носил откровенно реакционный характер; президент клуба Вьенне (1797—1863), буржуазный политический деятель, сторонник Тьера в период Июльской монархии.

33 *«société centrale républicaine»* — «Центральное республиканское общество», клуб основан в Париже в марте 1848 г., объединял мелкобуржуазных демократов и социалистов-утопистов, во главе клуба стоял О. Бланки.

34 *...наступили времена проконсулов...* — Имеются в виду комиссары якобинского правительства 1793 г.

35 *Даргу*, правильно д'Аргу, Антуан Морис Аполлинарий (1782—1858) — французский финансист и государственный деятель, буржуазный республиканец, директор банка в период революции 1848 г.

36 *Керетри* Огюст Илларион (1769—1859) — французский публицист и либеральный политический деятель.

37 *«l'Ordre»* — «L'Ordre, *journal des gardes nationales»* — «Порядок, газета национальной гвардии», французская газета умеренно-республиканского направления, выходила в Париже с марта по апрель 1848 г.

38 *...похожим на адамову голову...* — Иначе мандрагора, многолетние травы по берегу Средиземного моря, корневища которых напоминают контуры человеческого тела.

39 *Немецкое демократическое общество*, основано в Париже в марте 1848 г., объединяло немецких эмигрантов, мелкобуржуазных демократов; активную роль в нем играл немецкий поэт, эмигрант, мелкобуржуазный демократ Георг Гервег (1807—1875), а также Венедей Якоб (1805—1871), немецкий радикальный публицист.

40 *Франкфуртский парламент* — Общегерманское национальное собрание, созванное в период революции 1848—1849 гг. в Германии с целью объединить страну и выработать конституцию. Открылось 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне.

41 *Джонс* Эрнст Чарлз (1819—1869) — деятель английского рабочего движения, поэт и публицист, один из вождей левого крыла чартистского движения, друг Маркса и Энгельса.

42 *...рассеять всю эту партию в один день...* — Речь идет о подавлении чартистского восстания в Лондоне 10 апреля 1848 г.

43 *...вторжение французских немцев в Баден с оружием в руках...* — См. прим. к I-й части, п. 43. Целью вторжения было провозглашение в Германии республики; добровольческий отряд был разбит у Доссенбаха 27 апреля 1848 г. войсками Германского союза.

44 *Жерар* Антуан (1808—1855) — французский публицист, писатель и политический деятель, социалист.

45 *Собриэ*, правильно Собрие, Мари Жозеф (1825—1857) — французский журналист и политический деятель, демократ, участник тайных революционных обществ; в 1848 г. основал газ. «Парижская коммуна».

46 *...18 брюмера народа может повести за собой 18-е брюмера деспотизма...* — Государственный переворот, завершивший процесс буржуазной контрреволюции во Франции, свершившийся 18 брюмера по революционному календарю (9 ноября 1799 г.), в результате которого была установлена диктатура Наполеона Бонапарта.

47 *...кругом июльской колонны...* — Колонна, воздвигнутая в 1840 г. на месте, где стояла королевская тюрьма Бастилия, разрушенная парижским народом 14 июля 1789 г.

48 *«Chant du départ»* — «Патриотическая песнь», гимн Великой французской революции, созданный на слова Андре Шенье.

49 *...ça ira* — припев французской народной песни периода Великой французской революции.

50 *...разрешилась майскою...* — События 15 мая 1848 г., когда была предпринята народом Парижа неудачная попытка разогнать Национальное собрание, которое начало проводить реакционную политику.

III

[1] *«Club de la Révolution»* — «Клуб революции», образовался в конце марта 1848 г., проводил свои заседания в Пале-Рояле, объединял рабочих-социалистов, мелкобуржуазных демократов; президент клуба А. Барбес.

[2] *«La Commune de Paris»* — «La Commune de Paris, moniteur des clubes» — «Парижская коммуна, вестник клубов», французская ежедневная политическая газета демократического направления, выходила в Париже с марта по июнь 1848 г.; редактор Жозеф Собрие.

[3] *«institution oratoire»* — «Институт ораторов», парижский клуб, основан в марте 1848 г., объединял умеренных республиканцев.

[4] *Монтионовская премия* — Prix de virtu, учрежденный французским филантропом, бароном Монтионом Антуаном-Оже (1733—1820) при французской Академии.

[5] *Араго* Эммануэль (1812—?) — французский адвокат и государственный деятель, мелкобуржуазный демократ, сын Д. Араго, в период революции 1848 г. комиссар Временного правительства.

[6] *д' Альтон Ше*, Альтон Ше Линьер Эдмонд де (1810—1874) — член палаты пэров в период Июльской монархии, умеренный республиканец, известен своими независимыми и свободомыслящими взглядами, атеист.

[7] *Клуб «Юной горы»* — «Club de la jeune Montagne», основан в Париже в марте 1848 г., объединял мелкобуржуазных демократов.

[8] *Клуб «монтаньяров» или «Сорбонны»...* — Клуб, основанный в Париже в марте 1848 г., объединял мелкобуржуазных демократов, главным образом представителей интеллигенции, назван по месту своих заседаний — амфитеатра Сорбонны.

[9] *«Le tribun de peuple»* — «Le Tribun du peuple, *organe des travailleurs*» — «Трибуна народа, орган трудящихся», ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Париже с 16 по 30 марта 1848 г., продолжала традиции демократической прессы французской буржуазной революции конца XVIII в.; ее издателями и сотрудниками были: Эскирос Анри Франсуа Альфонс (1814—1876), французский журналист, Лагалуа, французский рабочий-социалист, и аббат Констант.

[10] *«Club des Jacobins»* — «Клуб якобинцев», основан в марте 1848 г. в Париже, объединял мелкобуржуазных демократов; президент клуба Бушело Виктор Альфонс Жан, член парижского магистрата, заседания клуба проводились на rue du Faubourg-du-Roule.

[11] *«Le Pilori»* — «Позорный столб», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже 18—24 июня 1848 г.

[12] *«La Guillotine»* — «Гильотина», французская общественно-политическая газета, продолжала традиции демократической прессы Великой французской революции; выходила с марта по июнь 1848 г.

[13] *«Клуб Сен-Марсо»*, существовал в Париже с марта по май 1848 г., объединял социалистов, коммунистов-утопистов, мелкобуржуазных демократов; президент Ф. Распайль.

[14] *«Père Duchesne»* — «Le Père Duchesne, *gazette de la Revolution*» — «Папаша Дюшен, газета революции», выходила в Париже с апреля по август 1848 г.; газета демократического направления; редактор Эмиль Кольфаврю.

[15] *...воскрешая память грязного листка Гибера...* — Имеется в виду газета времен Великой французской революции «Letters, bougrement patriotiques, du veritable Père Duchesne» — «Просвещенный, чертовски патриотичный, истинный Папаша Дюшен», выходила с 1790 по 1792 г., имела демократическое направление и отличалась грубостью и резкостью своих приемов; редактор Эбер Жак Рене (1757—1794).

[16] *«Le Voix des femmes»* — «Le voix des femmes, *journal socialiste et politique, organe des intérêts de teutes*» — «Голос женщин, социалистическая и политическая газета, орган большинства», французская газета республиканского направления, выходила в Париже с 14 марта по 20 июня 1848 г.; редактор — видная деятельница женского движения Эжени Нибойе.

[17] *Легуве* Эрнест (1807—1890) — французский писатель и историк литературы, философ-моралист, член Академии, автор многих романов и драм, из которых роман «Edit de Falsen» пользовался большой популярностью; основная тема произведе-

ний и публичных лекций Легуве — влияние женщин на семейную и общественную жизнь.

18 *Адам* Антони Эдмонд (1816—1877) — французский журналист, публицист и буржуазный политический деятель, член редакции «Националь»; в период революции был помощником мэров Парижа — Гарнье-Пажеса и Марраста.

19 ...*февральскими событиями...* — Французская революция 1848 г. имела широкий отклик во всей Европе. 17 марта 1848 г. произошло революционное выступление народа в Вене, в результате которого канцлер Меттерних бежал и была провозглашена буржуазная конституция. 18—31 марта в результате революционных выступлений народа в Милане Ломбардия была освобождена из-под австрийского владычества. 18 марта король Пруссии объявил конституцию. В марте—мае 1848 г. произошло повстанческое движение в Познаньском герцогстве.

20 ...*разбежалась и была потоплена в крови..* — См. прим. к I части, п. 43, и ко II-й части, п. 43.

21 *«L'Union»* — «L'Union sociale, *revue populaire*» — «Общественный союз, народное обозрение», орган легитимистов; газета выходила ежедневно с 15 апреля по 7 июня 1848 г.

22 *«Assemblée Nationale»* — «L'Assemblée Nationale» — «Национальная Ассамблея», французская ежедневная политическая газета консервативного направления, выходила в Париже с марта по июнь 1848 г., редактор Альфонс де Лавалетт.

23 *Ташеро* Жюль Антуан (1801—1874) — французский журналист и публицист, умеренный буржуазный республиканец.

24 *«Revue retrospective»* — «Обозрение прошлого», французский периодический сборник, издавался Ж. А. Ташеро в 1840-х годах.

25 ...*появился официальный документ...* — Имеется в виду отдельный выпуск «Revue retrospective», который содержал, по уверению Ташеро, копию анонимного доноса о тайном обществе «Времена года» и об организации им восстания, намечаемого на 12 мая 1839 г.; копия якобы была извлечена из секретного архива министерства внутренних дел и была снята с подлинника, написанного О. Бланки. Этот документ, имевший целью скомпрометировать Бланки, был грубой фальшивкой. Бланки написал опровержение, которое появилось в газете «Le Sentinelle des clubs», имевшей демократическое направление и выходившей в Париже в апреле 1848 г.; опровержение сопровождалось заметкой от редакции под названием «Протест Л. О. Бланки». Анненков, как и Герцен, поверил подлинности документа, опубликованного Ташеро.

26 *«Le Representant du peuple»* — «Le Répresentant du peuple, *journal quotidien des travailleurs*» — «Представитель народа, ежедневная газета трудящихся», выходила в Париже с апреля по август 1848 г.; имела социалистическое направление, редактор П. Ж. Прудон.

27 *«La Garde National»* — «Национальная гвардия», французская ежедневная политическая газета умеренно-республиканского направления, выходила в Париже с 7 марта по 5 апреля 1848 г.; редактор Капо де Фелиде (1800—1863), журналист.

28 *«La vraie République»* — «Истинная республика», французская демократическая газета, выходила в Париже ежедневно в марте 1848 г.; редактор Торе Теофиль (1807—1869), публицист и журналист, мелкобуржуазный демократ.

29 *«бюллетени»* — «Bulletin de la République», официальный орган Временного правительства, печатал распоряжения и декреты, распространялся по всей Франции; официальный редактор Жюль Фавр; находился под непосредственным наблюдением Ледрю-Роллена.

30 ...*выходили из-под пера Жорж Занд...* — Жорж Занд была неофициальным редактором «Бюллетеня республики» и автором многих материалов, в частности обращений и прокламаций к французскому народу; ей принадлежит знаменитая прокламация от 15 апреля 1848 г., призывавшая народ к бдительности и революционной активности.

31 *Карбон* Клод Антим (1808—1899) — французский рабочий-социалист, публицист и журналист, редактор «l'Atelier».

32 ...*этим вялым возобновлением Жилблаза...* — Социальный роман Луи Рейбо «Жером Потюро в поисках единой социальной позиции» (1842), неоднократно переиздававшийся, своим описанием разных слоев французского общества, действительно,

напоминал роман А. Р. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1715—1735).

33 «*Les filles cloitrées*» — «Монастырские жертвы», пьеса французского драматурга Монвиля Жана Антуана, шла в Одеоне в 1830-х годах, была запрещена цензурой Дюшателя.

34 «*Le poète de famine*» — «Голодный поэт», пьеса шла в 1830-х годах в театре Амбигю, была запрещена цензурой Дюшателя; автора установить не удалось.

35 «*Le camarade de lit*» — «Товарищ по койке», пьеса 1830-х годов, запрещена цензурой в 1840-х годах; автора установить не удалось.

36 «*l'Auberge des Adrets*» — «Постоялый двор Адре», сатирическая эксцентриада Сент-Амана, французского писателя-драматурга и журналиста.

37 «Robert Macaire» — «Робер Макер», совместная пьеса Сент-Амана и французского актера Фредерика-Леметра, исполнителя главной роли.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

В *ИРЛИ* (№ 5743. XXX 6 33) хранится черновой автограф Анненкова под названием «Путевые записки (о заграничном пребывании) Анненкова Павла Васильевича». Датирован автограф 1842—1843 гг.

Это папка, содержащая 49+50 листов. Листы подшиты и пронумерованы, но это сделано не автором; листы белой бумаги, разного размера и достоинства, большинство исписаны черными чернилами, некоторые карандашом. Почерк мелкий, бисерный, характерный для Анненкова в период 1840-х годов. Среди листов попадаются конверты, листы почтовой бумаги с цветными виньетками. Одни листы содержат заметки о памятниках архитектуры и искусства городов Италии, другие представляют собой краткие заметки о достопримечательностях городов Германии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Англии, Ирландии, Шотландии.

Среди этих разрозненных листов обращает на себя внимание несброшюрованная тетрадь размером ¼ листа писчей бумаги, исписанная с обеих сторон черными чернилами, мелким, плохо разборчивым почерком. Рукопись носит черновой характер, есть помарки, много зачеркнутых слов и предложений. В отличие от других заметок, эта рукопись содержит последовательный рассказ о зарубежных впечатлениях автора и состоит из ряда законченных очерков о городах Западной Европы 1840-х годов.

Всего в этой рукописи *ИРЛИ* 49 листов с оборотом и один без оборота (с 23 по 72 л.). Начало рукописи отсутствует. Его удалось обнаружить в *ЦГАЛИ*, в фонде П. В. Анненкова (ф. 7, оп. 2, ед. хр. 6). Это четыре листа того же достоинства и формата, что и листы *ИРЛИ*. Они исписаны с обеих сторон черными чернилами, названы: «П. В. Анненков „Путевые записки“», датированы 1840 годом и содержат рассказ о начале зарубежного путешествия Анненкова, предпринятого им в 1840 г. вместе с М. Н. Катковым.

Листы *ЦГАЛИ* органически сочетаются с листами *ИРЛИ*. Воссоединенная рукопись состоит таким образом из 53 листов с оборотом и одного без оборота. Она содержит пять законченных очерков под названием: «Травемюнде и Любек», «Гамбург», «Берлин», «Лейпциг и Дрезден», «Прага».

На последнем листе тетради, непронумерованном, стоит заглавие «Вена», однако никакого текста нет, и по диагонали листа написано рукою Анненкова: «Путешествие 1840—1843 гг.»

Пять очерков, обработанных Анненковым, представляют собой рассказ о достопримечательностях, природе, прошлом и настоящем главных городов Европы в первую половину 1840-х годов. Они являются качественно новым материалом по сравнению с «Письмами из-за границы», опубликованными в «Отечественных записках» за 1841—43 гг., хотя в некоторых деталях и совпадают с ними.

Написанные в основном во время путешествия, эти пять очерков готовились к публикации, возможно, уже после возвращения автора из поездки по Европе.

В настоящем издании рукопись «Путевые записки», содержащая пять очерков, публикуется впервые. Публикация дается по воссоединенному автографу *ИРЛИ* и *ЦГАЛИ*. При публикации никаких лексических и стилистических изменений, как и изменений в расположение текста, внесено не было. Орфография и пунктуация авто-

графа по возможности приведены в соответствие с сегодняшними нормами русского языка.

Предложения и словосочетания, зачеркнутые в тексте, восстановлены и заключены в квадратные скобки. Отдельные слова, чаще всего оговорки, зачеркнутые автором, не восстановлены. Слова, недописанные автором, дописаны и заключены в угловые скобки. Перевод иностранных слов и словосочетаний, а также иностранных слов, написанных русскими буквами, дан под строкой со знаком звездочки.

ТРАВЕМЮНДЕ И ЛЮБЕК

Начало рукописи и очерк «Травемюнде и Любек» состоит из восьми листов с оборотом, первые четыре хранятся в *ЦГАЛИ*, четыре следующие — в *ИРЛИ* (с 23 по 27 л.).

1 *Штиглиц* — известный петербургский банкир, который вел дела братьев Анненковых.

2 *Стюарт* — содержатель популярного ресторана в Кронштадте в 1840-х годах.

3 *...доставить особы наши Германскому союзу.* — Deutsches Buhd возник в силу союзного акта в июле 1815 г., объединял 38 немецких государств и вольных городов, туда же входила и Австрийская империя.

4 *Зубов* Платон Михайлович (1767—1822) — граф, фаворит русской императрицы Екатерины II.

5 *Турецкая война* — война России с Турцией в 1828—1829 гг.

6 *...и создавшего сказку...* — Романтическая повесть Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм», написанная им после его путешествия в Западную Европу (1789—1790). См. прим. к первому «Письму из-за границы», п. 4.

7 *...бесчисленные надписи Лизина пруда...* — Пруд в Москве в первой половине XIX в., в котором, по преданию, утопилась героиня повести Карамзина «Бедная Лиза».

8 *...разрушенных хвостиком божьего бича, Даву...* — Речь идет о маршале Франции Даву Луи Никола, князе Экмюльском (1770—1823), участнике русского похода Наполеона I, который по пути из России в Европу в 1813 г. в результате ожесточенных боев вернул города Любек и Гамбург, освобожденные русскими войсками.

9 *Кальдерон*, правильно Кальдерон де ла Барка, полное имя Кальдерон де ла Барка-и-Рианье Педро (1600—1681) — испанский драматург.

10 *Аль-фреско* — фресковая живопись, т. е. живопись водяными красками по сырой штукатурке.

11 *Ревель* — старое название г. Таллина, основание которого предание связывает с построением охотничьего замка датским королем Вольдемаром II в 1219 г.

12 *...как Ромео, потерявший Юлию...* — Герои трагедии В. Шекспира «Ромео и Джюльетта».

13 *Сенека* Люций Анней (ок. 3 г. до н. э.—65) — римский философ, писатель-драматург и политический деятель.

ГАМБУРГ

Очерк написан на девяти листах с оборотом (*ИРЛИ*, с 28 по 36 л.).

1 *Мобель* — автор путеводителя по Германии.

2 *...учение Лютера пробежало потоком всесокрушающим...* — См. прим. к четвертому «Письму из-за границы», п. 13.

3 *...римского антихриста.* — Папа римский, которому протестантская церковь отказалась подчиниться.

4 *...указывая на одну книжку...* — Речь идет о Библии, которую Лютер положил в основу протестантской религии.

5 *...картина старого Франка «Шествие на Голгофу»...* — Картина фламандского художника П. Франка на библейский сюжет: шествие Иисуса Христа на место своей казни — гору близ Иерусалима.

6 *...на день запирали в храм...* — В 1813 г. Гамбург, освобожденный русскими

войсками, вновь был захвачен французами; город был объявлен на осадном положении, и в нем распространился голод.

7 *...второй принадлежит самому себе и не имеет короля.* — Гамбург после отделения от Франции в 1814 г. вновь стал вольным городом и с 1815 г. на правах союзного государства вошел в Германский союз.

8 *...в маскарад Энгельгарда.* — Энгельгард Василий Васильевич (1785—1837), внук одной из сестер князя Потемкина, полковник в отставке, в середине 1830-х годов выстроил в Петербурге на Невском большой дом (ныне дом № 31) и приспособил его специально для публичных балов, маскарадов, концертов и т. д. Балы и маскарады Энгельгарда пользовались большой популярностью в Петербурге в 1830—1840-х годах. О них упоминает М. Ю. Лермонтов в своей драме «Маскарад».

9 *Клопшток* Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт, один из представителей Просвещения в Германии, автор поэмы «Мессиада», а также драм, написанных на библейские сюжеты.

10 *Шахеризада* — Шахрезада, по преданию, жена персидского царя Шехрияра, чтобы избежать смерти, рассказывала мужу сказки, которые якобы положены в основу знаменитого арабского эпоса «Тысяча и одна ночь».

11 *...у Самсона в день Петергофских гуляний...* — Народные гуляния в Петергофском парке, центром которых были фонтаны со статуей «Самсон, раздирающий пасть льва».

12 *...носители Юной Германии.* — Речь идет о Молодой Германии, группе немецких писателей, выступивших в 1830-е годы против господствующей в Германии реакции и филистерства, в защиту гражданских свобод; во главе группы стояли поэт Генрих Гейне (1797—1856) и публицист и писатель Людвиг Бёрне (1786—1837). Взгляды младогерманцев отличались неопределенностью и противоречивостью, что и привело к расколу группы.

13 *Шупп*, правильно Шуппиус, Иоганн Бальтазар (1610—1661) — немецкий писатель и поэт-сатирик, с 1649 г. стал жителем Гамбурга.

14 *«Reisebilder»* — «Путевые картины» (4 т., 1826—1831), книга была написана Гейне после путешествия по Гарцу и Тюрингии, имела огромный успех, но за идеи свободомыслия подверглась запрещению во многих герцогствах Германии.

15 *«Salons»* — «Салон», книга составлена из произведений, тематически не связанных друг с другом; в нее входили циклы стихов и новелл; впервые издана в 1834 г.

16 *Вот одна из поэтических шуток его...* — Анненков приводит свой перевод стихотворения Гейне «Diesen liebenswürd'gen Jüngling», которое входит в цикл «Die Heimkher», стихотворение впервые было опубликовано в первом цикле «Reisebilder» (1826).

17 *Следующее, которое я сейчас только прочел...* — Анненков приводит свой перевод II части «Berg-Idylle» из раздела «Aus der Harzreise»; стихотворение входило в первый том «Reisebilder». Переводы Анненкова из Гейне принадлежат к первым переводам этого поэта в России. В русской периодике первое стихотворение Гейне появилось в 1839 г. Это был перевод М. Н. Каткова стихотворения «In méine gar zu dunkler Leben» («Отечественные записки», 1839, т. XV, с. 151).

18 *Менцель* Вольфганг (1798—1873) — немецкий публицист и историк литературы.

19 *«Gallische Jahrbücher»* — «Halliche Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst» — «Галльские ежегодники по вопросам немецкой науки и искусства», литературно-философский журнал младогегельянцев, издавался в г. Галле, в Саксонии, с 1833 по 1841 г. под редакцией Арнольда Руге (1802—1880). После запрещения журнал издавался в 1841—1843 гг. в Лейпциге под названием «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst»; в журнале принимал участие молодой К. Маркс.

20 *Иваницкий*, правильно Иванницкий, Александр Борисович (1811—1872) — выпускник кадетского Горного корпуса, с 1834 по 1842 г. был за границей для практического изучения горного дела; впоследствии известный горный инженер и генерал-майор.

21 *Кайданов* Николай Иванович (?—1894) — русский ученый-архивист.

БЕРЛИН

Очерк написан на 14 листах с оборотом (*ИРЛИ*, с 37 по 50 л.).

1 *...со скачущей победой наверху...* — Триумфальная арка в Берлине, построенная в ознаменование побед в 1789—1793 гг., с многочисленными скульптурами, в том числе скульптурной группой «Виктория» работы немецкого скульптора Ф. В. Шадова.

2 *Блюхер* Гебхард Леберехт (1742—1819), князь Вальштатт, — прусский полководец, генерал-фельдмаршал.

3 *...вывеска ресторатора Ягора.* — Популярный в 1830—1840-х годах ресторан в Берлине, упоминается в «Письмах из Берлина» Г. Гейне.

4 *Вильгельм* — имеется в виду второй сын прусского короля Фридриха Вильгельма III. Фридрих Людвиг (1797—1888), получивший в 1840 г. титул принца Вильгельма; с 1861 г. император германский и король прусский под именем Вильгельм I.

5 *Шадов* Фридрих Вильгельм (1764—1850) — немецкий скульптор и художник.

6 *Дюссельдорфская школа* — См. прим. к двенадцатому «Письму из-за границы», п. 37.

7 *Бюлов* Фридрих Вильгельм (1755—1816) — прусский генерал, прославившийся в боях с Наполеоном I в 1813 г.

8 *Шарнгорст* Георг Иоганн Давид (1755—1813) — прусский генерал и теоретик военного дела.

9 *Раух* Христиан Даниэль (1777—1857) — немецкий скульптор.

10 *Леве* Людвиг Иоганн Даниэль (1795—1871) — немецкий певец, исполнитель партий Эгмонта, Макбета, Отелло.

11 *...в котором Б. Шварц пробовал силу нового порошка...* — По мнению, бытовавшему в первой половине XIX в., изобретателем пороха был немецкий францисканский монах, ученый Бертольд Шварц; изобретение относили к первой трети XIV в.

12 *Лигниц*, графиня Августа Геррах (1800—1873) — вторая жена короля Фридриха Вильгельма III, получившая титул княгини Лигниц.

13 *Генрих* — прусский принц, брат Фридриха Великого (1726—1802).

14 *Гердер* Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий ученый, публицист, поэт и философ.

15 *Витке*, правильно Ватке, Вильгельм (1806—1882) — немецкий ученый, философ, богослов, автор книги «Человеческая свобода» (1841).

16 *Риттер* Карл (1779—1859) — немецкий ученый, географ.

17 *...руку, достойную фарнезского Геркулеса...* — Имеется в виду мраморная статуя Геракла (Геркулеса) Фарнезе в Неаполитанском музее, изображающая Геркулеса, опирающегося на палицу.

18 *...знаменитый бронзовый обожатель...* — Видимо, статуя Адониса, полубога, охотника, любимца Венеры.

19 *Полигимния* — одна из девяти муз, изобретательница лиры, покровительница танцев и пантомим.

20 *Бозио* Франсуа Жозеф (1769—1845) — французский скульптор, автор конной статуи Людовика XIV в Париже.

21 *...и мраморная прекрасная Кановы, изображающая Гебу...* — Речь идет о статуе 1796 г. итальянского скульптора Кановы Антонио (1757—1822), повторенной им несколько раз; один экземпляр ее находился в Берлине.

22 *...ученый каталог картин, составленный Ваагеном.* — Немецкий искусствовед и художественный критик Вааген Густав Фридрих (1794—1868) составил первый в Европе научный каталог Берлинской картинной галереи.

23 *Виварини* Антонио (1497—1543) — венецианский живописец.

24 *Гольбейн* Ганс Младший (1497—1543) — немецкий живописец.

25 *Корреджио*, настоящее имя Антонио Аллегри (1494—1534) — итальянский живописец.

26 *Юпитер в виде Лебедя, прилетавший в первой к Леде, во второй к Ио...* — Картины Корреджио на мифологический сюжет о любви Зевса (Юпитера) к дочери Этолийского царя Леде и дочери Аргавийского царя Ио; чтобы соблазнить их, Юпитер обратился в лебедя.

27 *Вы видите Рафаэля учеником Перуджино.* — Итальянский художиик Рафаэль Санти (1483—1520) в 1500 г. поступает в ученики к Пьетро Перуджино, влияние которого

было на Рафаэля очень велико; следы этого влияния можно видеть даже в зрелых работах мастера.

28 *Иоанн Креститель*, или Предтеча — один из героев истории христианской религии, упоминается у римского историка Иосифа Флавия.

29 *Юлий II*, в миру Джулиано делла Ровере (1443—1513) — римский папа с 1503 г., при нем лучшие мастера Италии были приглашены в Рим.

30 *Альбано*, правильно Альбани, Франческо (1578—1660) — итальянский живописец.

31 *Карраччи* Аннибале (1560—1609) — итальянский художник, один из братьев Карраччи (см. прим. к пятому «Письму из-за границы», п. 33).

32 *Сальвиано*, правильно Сальвиати Франческо, настоящее имя Микельанджело де Росси (1510—1563) — итальянский живописец.

33 *Септим-Север* Люций — римский император в 193—211 гг.

34 *Шлугер*, видимо Шлютер Андреас (1664—1714) — немецкий скульптор и архитектор; жил раньше Фридриха II, действительно принимал участие в постройке Королевского дворца в Берлине, ему принадлежит оформление фасада.

35 *Девриент* Эдуард Филипп (1801—1877) — немецкий актер, из актерской династии Девриентов.

36 ...*«Вольтер — богу»*... — В 1761 г. Вольтер поблизости от своего замка в Фернее построил церковь, начертав на фасаде ее слова: «Богу воздвиг Вольтер». Сам Вольтер, по преданию, объяснил свой поступок так: «Церковь, которую я построил, единственная церковь в мире, посвященная богу, и только ему одному, все остальные посвящены святым».

37 *Семилетняя война* — война Пруссии с Австрией, которая длилась семь лет, с 1756 по 1763 г., и закончилась победой Пруссии; прусскую армию возглавлял король Фридрих II.

38 *Барбарина* — любовница Фридриха II, актриса Барбарина Кампани.

39 *Дидерот* — Дидро Дени (1713—1784), французский философ-энциклопедист.

40 *Гельвеций* Клод Адриан (1715—1771) — французский философ.

41 *Тут сам Фридрих был сочинителем.* — В результате Семилетней войны, выигранной Фридрихом II, Селезия от Австрии перешла к Пруссии.

42 *Королева Луиза* — прусская королева Августа Вельгемина Амалия (1776—1810), первая жена Фридриха Вильгельма III.

43 *«Диана, подстереженная в купальне»* — картина на мифологический сюжет о юноше Актеоне, осмелившемся взглянуть на обнаженную богиню Диану во время ее купания; разгневанная Диана превратила Актеона в оленя; картина К. Ф. Зона.

44 *Сан-Суси* — летняя резиденция Фридриха II, в переводе означает «Без забот».

45 ...*с известной мельницы*... — Имеется в виду анекдот о мельнике, не пожелавшем снести свою мельницу, как того требовал король; упрямый мельник пригрозил судом, и Фридрих II уступил, гордясь своим повиновением закону.

46 ...*убежал он от ласк и милостей первого своего ученика*... — Фридрих II, еще будучи наследным принцем, вступил в переписку с Франсуа Мари Аруэ Вольтером; став королем, Фридрих пригласил Вольтера к себе. Вольтер приехал в 1753 г. и поселился при дворе короля, где ему отвели покои маршала, пожаловали камергерский ключ и орден. Однако вскоре Вольтер разочаровался в короле и особенно в его окружении, что нашло отражение в его произведениях, вызвавших раздражение Фридриха. Через три года Вольтер уехал.

47 *Густав Адольф* — видимо, Густав II Адольф (1594—1631), король Швеции с 1611 г.

48 *Циммерман* Иоанн (1723—1795) — лейб-медик прусского короля Фридриха II, оставил записки о его кончине; записки переведены на русский язык под названием «Фридрих Великий при смерти». М., 1802.

49 ...*собирая мысли для великих творений*... — Представитель т. н. просвещенного абсолютизма, Фридрих II был не только великим полководцем, но и политиком, историком и философом; он оставил много ученых трудов на немецком и французском языках: «Опыты о формах правления и обязанностях государей», «Рассуждение о государственной пользе наук и искусств», «Политические завещания» и др.

50 ...*перемывал он черное белье короля.* — Фридрих II дал Вольтеру, в бытность его при прусском дворе, свои стихи для исправления; Вольтер назвал их «грязным бельем, которое ему отдал вымыть король».

51 *Гагн* Шарлотта (1809—1891) — немецкая драматическая актриса, играла в театрах Мюнхена и Берлина.
52 *Леве* София Иоанна (1815—1866) — немецкая оперная певица (сопрано), из актерской династии Леве.
53 *...вышедшую из-под пера Скриба, соединенного с камертоном Обера...* — Французский композитор Ф. Д. Обер написал множество опер на либретто французского писателя-драматурга О. Э. Скриба; наиболее известная из них «Фра-Диаволо».
54 *Шмит*, правильно Шмидт, Мария (1808—1875) — немецкая оперная актриса.
55 *Мартиус*, правильно Мантиус, Эдуард (1806—1874) — немецкий оперный певец (тенор).
56 *Сезастрат*, правильно Сезострис — имя трех египетских фараонов 12-й династии.
57 *Сталь*, правильно Шталь, Фридрих Юлий (1802—1861) — немецкий юрист и реакционный политический деятель, автор «Философии права», давшей теоретическое обоснование феодально-монархического строя в Пруссии.

ЛЕЙПЦИГ И ДРЕЗДЕН

Очерк написан на 14 листах с оборотом (*ИРЛИ* с 51 по 64 л.).

1 *...примечателен ярмаркой и полем Наполеоновской битвы.* — Начиная с XV в. в Лейпциге проводились знаменитые ярмарки, которые вели свое происхождение от привилегированных базаров XII в.; видное место на лейпцигских ярмарках занимала оптовая книжная торговля, начавшаяся с XVI в.; в Лейпциге существовали известные в Европе издательства, музыкальные и художественные фирмы, там же была сосредоточена мировая торговля автографами. 16—19 сентября 1813 г. под Лейпцигом произошло знаменитое сражение французских войск под командой Наполеона с войсками коалиции, закончившееся поражением французов.
2 *...ободренным Кульмской победой...* — Сражение 17—18 августа 1813 г. у Кульма, селения в Чехии, между союзными войсками и французским корпусом Наполеона; сражение окончилось победой союзных войск.
3 *Шварценберг.* — Австрийский маршал К. Ф. Шварценберг, погибший в Лейпцигской битве.
4 *...кроме Саксонии...* — В 1812 г. саксонские войска образовали особый корпус армии Наполеона, в 1813 г. во время битвы при Лейпциге часть саксонского войска самовольно перешла на сторону коалиции.
5 *...не спасли Саксонию от мстительности Венского конгресса...* — По решению Венского конгресса в 1815 г. Саксония была разделена и лишена половины своей территории, в том же году она была присоединена к Германскому союзу.
6 *Гинеман*, правильно Ганеман, Самуэль (1755—1843) — немецкий ученый, основатель гомеопатии, виталист.
7 *...в сравнении с конституционным правлением Саксонии...* — В 1831 г. после сильных народных волнений в Саксонии была принята буржуазная конституция, в результате которой осуществились реформы в сфере управления; при короле Фридрихе Августе (правил в 1836—1856 гг.) реформаторская деятельность проходила особенно активно.
8 *...при нынешнем направлении правительств пятиться назад...* — Намек на реакционную политику Священного союза, в котором главную роль играли Австрия, Пруссия и Россия; в 1820 г. было открыто провозглашено право Священного союза вмешиваться в дела других государств, в результате чего австрийские войска были введены в Италию; после французской революции 1830 г. реакционная политика Священного союза усилилась.
9 *...раненный русской пулей...* — Речь идет о польском политическом деятеле, маршале Франции, участнике русского похода Наполеона Понятовском Юзефе (1763—1813).
10 *Друиды* — жрецы древнекельтских народов, населявших некогда Галлию и Британию.
11 *Два исторические погреба видел я...* — См. прим. ко II и III «Письмам из-за границы», п. 1 и 4.
12 *...с которой гремел Лютер...* — Религиозный диспут в Лейпциге в церкви св. Николая в 1520 г., на котором произошел окончательный разрыв Мартина Лютера, главы протестантской церкви, с католическим Ватиканом.

[13] *...знаменитое местопребывание Лютера...* — В 1507 г. М. Лютер был приглашен на церковную кафедру во вновь открытый Виттембергский университет; в Виттемберге Лютер провел почти всю жизнь; в 1522 г. в этом городе Лютер в течение восьми дней выступал со своими знаменитыми проповедями против католицизма.

[14] *Александр Павлович* — русский император Александр I в 1801—1825 гг.

[15] *Август II* (Фридрих) — курфюрст Саксонский с 1694 по 1733 г. и король польский с 1697 г.

[16] *Королевский замок* — дворцовый комплекс, построенный в стиле Возрождения в 1699—1716 гг.

[17] *Цвингер* — дворец в стиле рококо, построенный немецким архитектором М. Д. Пёпельманом (1662—1736) в 1711—1722 гг.

[18] *Брюль* Генрих, граф (1700—1763) — саксонский политический деятель.

[19] *Диатлингер* — немецкий художник, рисовальщик и резчик по дереву.

[20] *...двор Великого Магола...* — Двор государя знатной тюркской династии, около трех столетий властвовавшей в Индии.

[21] *...Менелая, спасающего убитого Патрокла...* — Во время битвы греков за Трою был убит греческий герой Патрокл; греческий царь Менелай, не желая, чтобы тело Патрокла досталось врагу, вынес его с поля боя; об этом повествует Гомер в «Илиаде».

[22] *...дворец оканчивается картинной галереей.* — Знаменитая Дрезденская галерея, насчитывавшая в 1840-х годах свыше 2500 картин, преимущественно итальянской и фламандской школ; в основу этого собрания положена Моденская галерея, приобретенная саксонскими королями. Впервые с Дрезденской галереей познакомил русского читателя Н. М. Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» (1791); два десятилетия спустя о Дрезденской галерее публикует свои впечатления В. А. Жуковский в очерке «Рафаэлева мадонна» (см.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. СПб., 1909, т. 12), вслед за ним В. Кюхельбеккер — «Отрывок из путешествия по Германии» (Мнемозина, 1824, кн. I, с. 61). Однако в центре их внимания одна картина — «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Анненков дает впервые развернутый обзор сокровищ Дрезденской галереи, подчеркивая светский, демократический характер живописи Возрождения; он указывает на жизненные, почти житейские сюжеты в этих картинах на мифологические и библейские темы, что было подлинным новаторством для своего времени; близким Анненкову было восприятие живописи Возрождения Н. П. Огаревым, которые описал свои впечатления в частных письмах (Русская мысль, 1889, кн. I, с. 11).

[23] *Геркуланумская матрона* — имеется в виду женская статуя из древнеримского города Геркуланума, расположенного между Неаполем и Помпеей у подножия Везувия; город был разрушен во время землетрясения в 73 г.

[24] *«Кесарю кесареви, а богу богови»* — согласно библейской легенде, ответ Иисуса Христа посланным от фарисея, спрашивавшим, позволительно ли, в соответствии с его верой, платить налоги кесарю.

[25] *...«Религия, подводящая к божей матери венецианское семейство».* — Знаменитая картина Паоло Веронезе (настоящее имя Калиари) (1528—1592) «Мадонна с семейством Куччина» (1571—1673). В картине, по установленной в венецианской живописи традиции, перед Мадонной, которую отделяет от людей две колонны, представлено знатное венецианское семейство.

[26] *«Иаков, подымающий камень с колодца»* — Анненков допустил неточность: картина итальянского художника Луки Джордано (1632—1705) написана на библейский сюжет и называется «Ревекка с работником Авраама у колодца». Согласно библейской легенде, Авраам послал своего работника выбрать жену для сына Исаака; работник, придя к г. Харрану и увидя толпу женщин у колодца, решил выбрать в невесты Исааку ту девушку, которая раньше других даст ему напиться, это была Ревекка. Приветливо улыбнувшись, она протянула работнику кувшин с водой.

[27] *...о сильной клар-обскуре Еспаньолета...* — Картина «Ангел, освобождающий Петра из темницы» принадлежит испанскому художнику Рибера Хозе (1588—1656) из Спаньолетте.

[28] *...о Гверчино, картина которого «Царица Томириса»...* — Речь идет о картине итальянского живописца Гверчино (собственно Барбери Джованни) (1591—1666)

на сюжет из жизни мессагетской царицы Томириде, к которой безуспешно сватался персидский царь Кир Старший, желавший овладеть ее страной; во время войны, которую начал Кир против мессагетов, погиб сын царицы.

29 *Дель-Сарто* Стефанус — фламандский живописец XVIII в.

30 *Джорджино*, правильно Джорджио, Барбарелли (1478—1511) — итальянский живописец, ученик Джованни Беллини.

31 *Марати* Карло (1625—1713) — итальянский художник.

32 *...архитектурной живописи Каналетти...* — Каналетти Бернардо (1720—1786), венецианский живописец, прославился картинами, сюжет которых составляет городской интерьер.

33 *Зейбельд* Христиан (1697—1768) — немецкий художник-портретист.

34 *Нетчер* Каспар (1639—1684) — голландский художник.

35 *Рюисдаль* Яков (1629—1681) — голландский пейзажист.

36 *Теньер*, правильно Тенирс, Давид Младший (1610—1690) — фламандский художник.

37 *Останде*, правильно Остаде, Андриан (1610—1685) — голландский живописец.

38 *Вуверман*, правильно Воуверман, Филипс (1619—1668) — голландский живописец.

39 *Рембрандт представил «Мальчика, уносимого орлом в облака»...* — Картина Рембрандта «Похищение Ганимеда».

40 *Шоппс* — установить не удалось.

41 *Хевлинг*, правильно Хефлер, Вильгельм (1815—1872) — менецкий драматический актер.

42 *Антюц*, правильно Аншюц, Роза — немецкая актриса, принадлежала к известной актерской династии.

43 *Шредер-Девриент* Вильгемина (1804—1860) — немецкая оперная певица (сопрано).

44 *Маркс* Паулина (1819—1881) — немецкая оперная певица, в 1840-х годах выступала в Дрездене.

45 *Чифачек*, правильно Чихачек, Жозеф (1807—1886) — немецкий оперный певец (тенор).

46 *Клейст* Генрих (1777—1811) — немецкий поэт и драматург романтического направления.

ПРАГА

Очерк состоит из семи листов с оборотом и одного без оборота (*ИРЛИ*, л. 64—72).

1 *Богемия составляет теперь оппозицию Австрии...* — Период конца XVIII и первой половины XIX в. в развитии Чехии (старое название — Богемия), входящей в состав Австрийской империи, характеризуется переходом к капитализму в условиях национального угнетения, упадка самобытной чешской культуры, поэтому оппозиционное движение носило характер национально-освободительный и выражалось главным образом в борьбе за развитие самобытной чешской культуры и языка.

2 *Шафарик*, правильно Шафаржик, Павел Иосиф (1795—1861) — чешский ученый, деятель чешского освободительного движения.

3 *Срезневский* — Измаил Иванович Срезневский. См. прим. к IV «Письму из-за границы», п. 20.

4 *...развиты в ученом и высшем сословии Богемии весьма сильно.* — Анненков ошибочно ставил знак равенства между чешским национально-освободительным движением и чешским политическим движением 1830—1840-х годов.

5 *Карпатия, Иллирия, Долмация, Славония* — названия славянских земель, входивших в состав Австрийской империи.

6 *Богемия была некогда отдельным государством...* — В последней четверти IX в. Чехия входила в состав Великоморавской державы, в начале X в. выделилась в самостоятельное государство; в XIII и XIV вв. подверглась немецкой колонизации, которой усиленно сопротивлялась; после неудачи в сражении 1620 г. окончательно потеряла самостоятельность.

[7] *...принимала участие в великих переворотах...* — Речь идет о гуситском революционном движении XV в. против феодализма, католицизма и немецкой колонизации и участии в общеевропейской войне 1618—1649 гг.

[8] *...как живой источник воды Моисеевой из каждого камня...* — По библейскому рассказу, израильтянин Моисей, выполняя божественную миссию, выводил свой народ из египетского плена; во время перехода через пустыню народ, мучимый жаждой, возроптал на Моисея, и он, ударив жезлом о подножье горы, добыл воду и утолил жаждущих.

[9] *Градчин* — северо-западная часть Праги со старинным дворцом, возвышающимся над остальной частью города.

[10] *...рака св. Непомука...* — Гробница с мощами Яна Непомуцкого, по преданию, покровителя Праги, канонизированного церковью.

[11] *...изображение святого, вылитое из пушки гуситов...* — Имеется в виду чешский герцог Вацлав (928—936 гг.), убитый своим братом; Вацлав насаждал христианство в Чехии, за что был канонизирован церковью; его статуя была отлита из пушки участников гуситского движения, названного по имени его вождя Яна Гуса.

[12] *Тридцатилетняя война* — первая общеевропейская война, продолжавшаяся 30 лет (1618—1649 гг.); велась между двумя группировками держав: габсбургским блоком (Испания и австрийские Габсбурги, при поддержке католических князей Германии и Польско-Литовского государства) и антигабсбургской коалицией (Франция, Швеция, Голландия, Дания, Россия и отчасти Англия), при поддержке антигабсбургского движения в Чехии и Италии; война носила первоначально религиозный характер, но была тесно связана с социально-политическими кризисами и революционными движениями.

[13] *...из которых граф Турн выбросил депутатов.* — См. прим. к IV «Письму из-за границы», п. 15.

[14] *...башня железной женщины Делиборки...* — Анненков допустил ошибку: башня носит имя чешского рыцаря Делибора из Казоеда. См. прим. к IV «Письму из-за границы», п. 16.

[15] *...бредом тяжелого, горячечного сна.* — Церковь св. Николая в Праге, построенная в 1764—1771 гг., знаменита самой большой в Европе фресковой картиной (1500 $м^2$).

[16] *...построенная во время похода...* — Чешское восстание 1618—1620 гг., потерпевшее поражение у Белой горы.

[17] *...виднеется Вышгород с остатками замка кровожадного Либуши...* — Южная часть Праги со старинной цитаделью на правом берегу Влтавы; см. также прим. к III «Письму из-за границы», п. 7.

[18] *...говорящий мост.* — Карлов мост, украшенный галерей из 30 статуй и скульптурных групп святых, сделанных в разное время разными скульпторами.

[19] *Тамплиеры* — см. прим. к «Парижским письмам», письмо XI, п. 8.

[20] *Иосиф II* (1741—1790) — император «Священной римской империи» и австрийской монархии Габсбургов, представитель так называемого просвещенного абсолютизма.

[21] *Меттерних* Клемен Венцель Лотарь, князь (1773—1859) — австрийский политический деятель, руководитель европейской реакции.

[22] *Инки, ацтеки* — Инки — племена и правящая династия Перу до завоевания этого государства испанцами; ацтеки — племена, населявшие Мексику до завоевания ее Испанией.

[23] *...о старой Ратуше с часами.* — Речь идет о Староместской Ратуше со знаменитыми астрономическими часами, которые состоят из двух частей. В верхней показан кругооборот солнца, луны и дневного времени; в нижней отмечены дни недели и месяцы года; помимо того изображены 12 знаков зодиака. Над часами-курантами в двух небольших окнах каждый час показывались статуэтки апостолов и Христа; по обеим сторонам курантов — скульптуры смерти, турка, скряги и спесивца. Сложный для своего времени механизм курантов часто выходил из строя.

[24] *Тихо-Браге* (1546—1601) — датский астроном; последние годы провел в Чехии, близ Праги.

[25] *Карл IV* (1316—1378) — наместник Чехии и Моравии с 1333 г., чешский король (Карл I) с 1346 г. император «Священной римской империи» со столицей в Праге и германский король (Карл IV) с 1347 г. При Карле IV произошел процесс централизации Чехии; внутренняя политика Карла IV была направлена на развитие горо-

дов, торговли, укрепление феодального государства, государственного права, национальной культуры; при нем был основан Пражский университет (1348) и Пражское архиепископство (1355).

[26] *Альрам* Габриэль (1824—1884) — немецкая актриса, родилась в Праге и дебютировала на сцене пражского театра.

ЗАПИСКИ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

В настоящем издании впервые публикуется рукопись Анненкова «Записки о французской революции 1848 года». Первое упоминание о рукописи Анненкова находим в письме А. И. Герцена московским друзьям от 2—8 августа 1848 г.: «Наш друг„ Поль, который написал вам хронику целую о всех происшествиях с 24 февраля, не может никак стать обеими ногами на революционной terrain. Вечером 15 мая, посмотревши все, что было, я говорил Боке и Полю, что республика кончена, они восстали против меня. Боке на другой день сидел уже в Консьержери — а Полю следовало посмотреть на ужасы июня, чтоб согласиться. А посему я советую, читая его историю, быть осторожными» (*Герцен*, т. XXII, с. 81). Это письмо Герцена было отправлено в Россию с А. А. Тучковым, который со своими двумя дочерьми был в Париже в период революции, а в августе 1848 г. возвращался на Родину. С ним же, как видно, был отправлен в Россию и труд Анненкова.

Как реагировали московские друзья на «Записки» Анненкова — не известно: кроме письма Герцена, об этих «Записках» нет никакого упоминания ни в печати, ни в частной переписке, молчал о них и сам Анненков, что, в общем, понятно, если учесть политическую обстановку в России тех лет. Десять лет спустя, в 1859 г. Анненков публикует в «Библиотеке для чтения» (№ 12) очерк «Париж в конце февраля 1848 года», а в 1862 г. в «Русском вестнике» — продолжение (№ 3): «События в марте 1848 года в Париже» и «Физиономия Парижа в марте месяце». Как можно предположить, эти этюды создавались на материале «Записок», но, конечно, не вобрали в себя всего их содержания.

«Записки» Анненкова были обнаружены лишь после революции. Упоминание о них содержится в переписке В. Д. Бонч-Бруевича с сыном Анненкова Павлом Павловичем Анненковым, относящейся к 1933—1934 гг., когда Бонч-Бруевич работал по организации Центрального литературного музея в Москве. Письма Бонч-Бруевича адресованы П. П. Анненкову в Ленинград, где он работал и жил (переписка хранится в *ГБЛ* и *ЦГАЛИ*).

Бонч-Бруевич писал П. П. Анненкову 14 июня 1933 г.: «Сообщаю Вам, что фондовая комиссия ГЛМ в своем заседании от 27 мая с. г. (прот. 12, п. 16) постановила приобрести „Записки“ Вашего отца о революции 1848 г. с тем, чтобы передать их для напечатания в сборниках „Звенья“» (*ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 2, ед. хр. 190, л. 10). В письме Бонч-Бруевича П. П. Анненкову от 20 июня 1933 г. говорилось: «Сейчас над рукописью Анненкова работает опытный литературовед, особенно знакомый с литературой той эпохи, так как к ней нужно сделать значительный комментарий, а главное, хорошо разобрать рукопись — почерк Вашего батюшки был довольно трудный» (там же, л. 11). 20 октября 1933 г. Бонч-Бруевич извещал П. П. Анненкова о том, что «самое большое через две недели» «Записки» «поступят из переписки на окончательное чтение» и после написания к ним примечаний будут напечатаны в первом выпуске сб. «Звенья» (там же, л. 15). Из последнего письма Бонч-Бруевича П. П. Анненкову от 2 марта 1934 г. следовало, что дело так и не сдвинулось с места: «Как давно мы не переписывались, а за это время случилось некоторое существенное событие. Так, Николай Михайлович Мендельсон, который должен был разобрать, переписывать и комментировать „Записки“ Вашего батюшки по поводу февральской революции, неожиданно умер... Мы, разумеется, сейчас же переключились на других сотрудников, и эти „Записки“ в настоящее время разбираются, переписываются и будут нами напечатаны в одном из номеров „Летописи“ нашего Музея» (*ГБЛ*, ф. 399, кар. 232, ед. хр. 36).

Однако «Записки» Анненкова так и остались неразобранными, непереписанными и неопубликованными. Рукопись Анненкова была кратко описана в бюллетене Государственного литературного музея 1940 года, № 5, где в разделе: «П. В. Анненков, I, рукописи»; читаем: «I. Воспоминания о революции 1848 г. в Париже. Без года,

на 54 лл. Шифр — 981—6. Черновая рукопись с многочисленными поправками и вставками на русском, частично на французском языках. Рукопись представляет собой описание событий в Париже с конца февраля по июнь 1848 г. с приложением отдельной статьи о деятельности Луи Блана за этот же период. Часть рукописи, касающаяся февральских и мартовских событий, напечатана в журнале „Библиотека для чтения", кн. 12. Приобретена у П. П. Анненкова».

Под названием «Воспоминания о французской революции 1848 года» и с датировкой «1862—63 гг.» рукопись была передана в 1941 г. Литературным музеем в *ЦГАЛИ*, где она и хранится в настоящее время в фонде П. В. Анненкова (ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1).

Это рукопись объемом 53 листа, сдвоенных, большого формата, с оборотом. Рукопись без заглавия, начала и фамилии автора. Видимо, в таком виде она поступила в Гос. лит. музей, так как в письме П. П. Анненкова к Бонч-Бруевичу от 25 августа, содержащем опись переданных музею материалов, читаем: «№ 2. Черновые записки П. В. Анненкова, относящиеся ко времени его пребывания в Париже вместе с Герценом, Огаревым, Бакуниным в феврале 1848 г. — на 53 листах» (*ГБЛ*, ф. 369, кар. 232, ед. хр. 36).

В принадлежности рукописи Аннеикову сомневаться не приходится: на это указывает и почерк, и текстуальные совпадения первых страниц рукописи с очерком Анненкова «Париж в конце февраля 1848 года», опубликованным в «Библиотеке для чтения».

Обилие конкретных деталей и мелких подробностей в описании революционных событий 1848 г., многочисленные выдержки из парижских газет, прокламаций, воззваний, афиш, речей депутатов Учредительного собрания, декретов Временного правительства французской республики 1848 г. — все это убеждает, что перед нами не воспоминания, а рассказ очевидца, создававшийся по следам событий. Об этом же свидетельствуют и выражения, на каждом шагу встречающиеся в рукописи: «шаг сделан, вперед или назад [неизвестно] еще бог знает». «К социальным органам присоединился орган Прудона» и т. д.

Знакомство с рукописью *ЦГАЛИ* показало, что в ней не только отсутствует начало, но и не хватает многих страниц в середине. На местонахождение этих отсутствующих листов указала публикация И. Л. Морозова в «Историческом сборнике» (Л., 1935, № 4). В комментарии к публикации, содержащей шесть писем Анненкова к И. В. и Ф. В. Анненковым из Парижа в 1848 г., Морозов вскользь упомянул о разрозненных листах, хранящихся в *ИРЛИ* под названием: «П. В. Анненков „Записки о французской революции 1848 года"». Действительно, в *ИРЛИ* удалось обнаружить указанный материал (№ 57 49 XXX 6 38). Это девять листов того же достоинства и формата, что и московская рукопись, в них речь идет об июньских событиях революции 1848 г. Видимо, эти листы выпали из рукописи при транспортировке архива Анненкова из села Чирькова в Ленинград летом 1917 г., когда он был передан П. П. Анненковым в Пушкинский дом.

При воссоединении в рукописи не оказалось никаких пробелов, отсутствует только начало; ее объем 63 листа, из которых 59 с оборотом и 4 листа без оборота. Листы рукописи автором не пронумерованы. В целом рукопись представляет собой несброшюрованную тетрадь большого формата. Бумага нелинованная, белая, плотная, сдвоенная. На одном листе (*ИРЛИ*) просматривается штемпель: овал, по внутренним краям которого идет надпись: Императорская Петербургская бумажная фабрика. В середине овала — изображение короны. Эта фабрика, согласно указателю С. А. Клепикова «Филиграни и штемпели на бумагах русского и иностранного производства» (М., 1959, с. 103), находилась в Петергофе; указанный на бумаге штемпель этой фабрики применялся в 1844—1845 и 1846—1849 гг.

На остальных листах штемпель отсутствует, они уже другого достоинства и несколько меньшие по формату. Характерно, что на такой же бумаге написана копия статьи Герцена «После грозы», привезенная Анненковым из Парижа осенью 1848 г. На полях этой рукописи рукою Анненкова сделана надпись: «Посвящена и подарена мне Алек<сандром> Ив<ановичем> Герц<еном>. Переписана М. К. Ерн 1848 в августе перед нашим отъездом из Парижа» (*ГБЛ*, ф. 69 Герцена и Огарева 2/24).

Автограф «Записок» Анненкова, помимо собственно рукописи, содержит план на трех листах с оборотом.

Рукопись представляет собой обстоятельный, богатый подробностями и хронологически построенный рассказ о событиях французской революции 1848 г., начиная с 24 февраля и кончая 22 июня 1848 г.

В рукописи семь глав, и условно ее можно разбить на две части. В первой — четыре главы, разные по жанру, композиции, объему. Название первой главы отсутствует, в ней повествуется о событиях конца февраля. В отличие от всех последующих, первая глава состоит из отдельных этюдов, названных самим автором: «Четверг», «Происшествия 25, 26, 27, 28, 29 февраля», «Подробности бегства короля», «Заключение, 3-го марта, пятница», «Окончание подробностей». Вторая глава названа — «Через неделю. Март месяц», третья — «Луи Блан в Люксембурге» и четвертая — «Физиономия Парижа в марте 1848».

После первой части идет план, за ним вторая часть рукописи, состоящая из трех глав, одинаковых по жанру и композиций; они названы: «Апрель месяц», «Май месяц», «Июнь». План, предшествующий второй части, также состоит из трех частей под названием: «Апрель месяц», «Май месяц», «Июнь».

В рукописи, особенно в первой части, много помарок, вставок, сносок, она носит явно черновой характер; видимо, это авторский экземпляр, с которого была снята копия для московских друзей, отправленная с А. А. Тучковым в августе 1848 г.

Рукопись написана на русском языке, но в ней много французских текстов, разных по объему; в основном это выдержки из французской прессы, прокламаций, афиш, декретов, речей. Фамилии участников революции, ее вождей и идеологов, названия парижских улиц, театров, пьес, клубов, газет даны по-французски и по-русски.

Рукопись и план написаны черными чернилами, выцветшими от времени, мелким, бисерным, крайне неразборчивым почерком, характерным для Анненкова 1840-х годов. Разбивка на абзацы в тексте почти отсутствует, строчки расположены вплотную одна к другой; в тексте много зачеркнутых слов, предложений, абзацев; много слов, предложений и целых абзацев вписано между строк.

К основному тексту рукописи автором даны вставки, они написаны на листах того же достоинства и формата, что и весь текст, и обозначены особым знаком — крест в скобках (X), который стоит и в рукописи, и на листе вставки. Есть в рукописи большие по объему сноски, они даны в конце страницы, под чертой; некоторые из них переходят со страницы на страницу и имеют в свою очередь сноски.

В рукописи прослеживается три слоя авторской правки: черными чернилами, рыжеватыми чернилами и карандашом. Правка рыжеватыми чернилами, видимо, первая по времени. В рукописи много помарок, есть большие чернильные пятна, затемняющие текст.

Двуязычие рукописи, обилие в ней всякого рода помарок, исправлений, вставок, сносок, своеобразный язык, а главное, неразборчивый почерк сделали ее крайне трудной для расшифровки. Тем не менее рукопись практически расшифрована целиком, за исключением нескольких слов.

Заглавие рукописи «Записки о французской революции 1848 года», под которым она публикуется в настоящем издании, установлено на основании, во-первых, переписки П. П. Анненкова с В. Д. Бонч-Бруевичем, во-вторых, названия рукописи, вернее части ее, хранящейся в *ИРЛИ*.

При публикации никаких лексических, стилистических изменений, а равно изменений в расположение текста рукописи не внесено. Орфография и пунктуация приведены по возможности в соответствие с сегодняшними нормами русского языка. Все французские тексты, слова, предложения сохранены в тексте, их перевод дан под строкой, внизу страницы, со знаком *.

Предложения, абзацы, а также некоторые слова, зачеркнутые в тексте, при публикации восстановлены и заключены в квадратные скобки. Большие по объему зачеркнутые тексты также восстановлены и даны в Приложении (см. Варианты), если удалось обнаружить вставку, их заменяющую; если вставка осталась необнаруженной, то зачеркнутые тексты заключены в квадратные скобки, восстановлены и оставлены на своих местах.

Слова, не дописанные автором, восстановлены и даны в угловых скобках. Слова, предложения, вписанные между строк, равно, как и абзацы, внесены в основной текст; слова, предложения и абзацы, написанные автором поверх зачеркнутых слов и текстов, также внесены в текст, в подстрочных примечаниях эти вставки не оговорены.

Первая глава состоит из шести листов, пять из которых с оборотом. Четыре листа с оборотом (л. 1—4) и один без оборота (5-й лист) хранятся в *ЦГАЛИ*; один лист с оборотом (не пронумерован) в *ИРЛИ*.

Начало первой главы, равно как и заглавие рукописи, утрачено. О содержании утраченных страниц 1-й главы может дать некоторое представление очерк Анненкова «Февраль и март в Париже 1848 года» (см. наст. издание).

Первая глава, видимо, писалась Анненковым в ходе самих событий: рассказ его строго фактичен, фрагментарен и эмоционален; это рассказ—очевидца, потрясенного событиями и спешившего зафиксировать непосредственные впечатления от них.

1 *...вся масса откинулась назад...* — Речь идет о расстреле мирной демонстрации на бульваре Капуцинов в 10 часов вечера 23 февраля 1848 г., что и послужило сигналом к революционному выступлению парижского народа.

2 *В ночь все улицы покрылись баррикадами...* — См. у Марка Коссидьера «Канун революции»: «Весь этот вечер, вся ночь с 23 на 24 февраля имели зловещий вид. Подготовка восстания проводилась с необычайной энергией, молча, без всякого вмешательства военной силы. Париж превратился в сплошной двор для построения баррикад с Гентского бульвара до площади Бастилии, от ворот Сент-Дени до Сены» («Революция 1848 г. во Франции в воспоминаниях участников и современников». М., 1934, с. 74).

3 *Никто не хотел более этих династических имен...* — Речь идет о вождях династической оппозиции в период Июльской монархии О. Барро, А. Тьере, М. Моле и др.

4 *Национальная гвардия* — см. прим. к очерку «Февраль и март в Париже 1848 г.» (I часть), п. 6.

5 *...он тайком выезжает из Тюльери...* — После февральского переворота король Луи Филипп (правил в 1830—1848 гг.) бежал с семьей из Парижа сначала в Нормандию, а затем в Англию.

6 *...ворвавшийся народ согнал Созе с председательского кресла...* — Речь идет о появлении баррикадных бойцов 24 февраля 1848 г. в зале палаты депутатов, председателем которой был Созе Жан Пьер (1800—1876), французский адвокат и консервативный политический деятель, орлеанист; в последние годы правления Луи Филиппа председатель палаты депутатов.

7 *...повлекли их в Ратушу...* — Ратуша Парижа — традиционное место провозглашения всех революционных правительств Франции.

8 *...какой-то Шевалье, посторонний человек, ворвался на кафедру...* — Выступление в палате депутатов 24 февраля 1848 г. бывшего редактора французского научного журнала «Bibliothèque historique» Шевалье Гильома Августа (1809—1868), французского политического деятеля, не являвшегося депутатом палаты.

9 *...народ вырезывал и расстреливал стражу...* — Речь идет о сражении у Шато д'О, гауптвахты, прикрывавшей дворец Тюильри.

10 *Garde municipale* — муниципальная гвардия (см. прим. к I части очерка «Февраль и март в Париже 1848 г.», п. 12).

11 *...где Наполеон, Карл Х и Лудвиг Филипп праздновали разнородные свои величия.* — Дворец Тюильри был местом официальной резиденции Наполеона I, Карла Х и Луи Филиппа.

12 *Июльская колонна* — см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 47.

13 *...обесчещенным более 3 раз в продолжение полустолетия...* — Имеется в виду изгнание Людовика XVI в 1792 г., Наполеона I в 1814 г. и Карла Х в 1830 г. из дворца Тюильри.

14 *...за отстранение красного знамени.* — Речь идет о выборе государственного знамени Французской республики в первые дни февральской революции 1848 г. Рабочие Парижа требовали объявить государственным знаменем — красное знамя, поднятое впервые в рабочих предместиях Парижа во время Июльского восстания 1832 г.; представители буржуазии, республиканцы настаивали на трехцветном (сине-бело-красном) знамени, принятом в период Великой французской революции.

15 *«La Patrie»* — «Родина», французская ежедневная политическая газета коммерсантов, выходившая в Париже с 1841 по 1866 г.; в период Июльской монархии и революции 1848 г. — орган монархистов, редактор Ж. Ф. Пажес из Арьежа.

[16] *Ротшильд* Джеймс (1792—1863) — французский финансист, глава банкирского дома.

[17] *...легитимисты, торжественно отказывающиеся от своего идеала герцога Бордосского...* — Французская монархическая партия в период Июльской монархии, поддерживавшая притязания на престол представителя старшей ветви Бурбонов герцога Бордоского, графа Шамбора, Генриха Карла Фердинанда (1820—1883).

[18] *«Попюлер»* — «La Populaire» — «Народная газета», пропагандировавшая идеи утопического коммунизма, выходила в Париже с 1833 по 1835 и с 1841 по 1850 г., под редакцией Э. Кабе.

[19] *...в нем некогда судившемуся...* — Французский революционер Арман Барбес принимал участие в тайном революционном обществе «Времена года» и был одним из вождей антиправительственного заговора 12 мая 1839 г.; после неудачной попытки восстания Барбес был арестован, судим и приговорен к смертной казни, но по ходатайству В. Гюго казнь была заменена пожизненным заключением, от которого Барбеса освободил восставший парижский народ в феврале 1848 г.

[20] *...удерживает вместе с тем журнальный залог...* — Денежный залог, вносимый редакторами французских журналов и других периодических изданий согласно закону о печати 1835 г.

[21] *...чтоб перемена не произошла только номинально...* — Ср. у К. Маркса: «Буржуазные республиканцы „National" забавлялись тем, что меняли монархические имена и костюмы на старореспубликанские. Для них республика была лишь новым бальным нарядом для старого буржуазного общества» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. т. 7, с. 18—19).

[22] *...игранную некогда знаменитым его одноименником.* — Имеется в виду газ. «Ami du peuple par Marat» — «Друг народа», издаваемая Маратом в 1789—1793 гг.

[23] *Кабетовский* — клуб «Comité fraternité centrale» («Центральное общество братства»), организован Э. Кабе в марте 1848 г.; клуб проводил свои заседания в публичном зале Сент-Оноре, объединял около 8000 сторонников мирного утопического коммунизма.

[24] «Commission des défenseurs de la République» — «Комиссия по защите принципов Республики», см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 27.

[25] *Бастид* Жюль (1800—1879) — французский политический деятель и публицист, один из редакторов буржуазно-республиканской газ. «Националь» при Луи Филиппе; министр иностранных дел в период революции 1848 г. (май—декабрь).

ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ. МАРТ МЕСЯЦ

Вторая глава состоит из семи листов с оборотом (с 12 по 18 л., *ЦГАЛИ*) и одного листа без оборота, на котором дана вставка к 17 листу (оборот) (*ИРЛИ*).

Начало второй главы зачеркнуто автором и, судя по знаку X, должно было быть заменено вставкой, которую обнаружить не удалось, поэтому зачеркнутый текст восстановлен и оставлен на месте.

Вторая глава, судя по хронологическим пометкам, создавалась в конце марта— начале апреля по предварительным заготовкам. В описании событий заметен отбор фактов, компоновка их дается по определенному плану и тематике: это в основном рассказ о деятельности Временного правительства. Тема социально-бытовой жизни Парижа и деятельности Люксембургской комиссии, затронутые первоначально во второй главе, исключены из нее; видимо, при окончательной обработке материалов, Анненков счел необходимым посвятить этим темам особые главы — III и IV.

[1] *Сентябрьские законы* — см. прим. к девятому «Парижскому письму», п. 16.

[2] *Бартоломеевская ночь* — избиение католиками протестантов в Париже в ночь на 24 августа 1570 г., под праздник св. Варфоломея.

[3] *Правило это распространяется на Алжирию...* — На основании нового избирательного закона Алжир посылал четырех депутатов в Национальное собрание и они могли принимать участие в обсуждении вопросов, касающихся непосредственно Алжира.

[4] *...центральный для Парижа...* — Центральный комитет по общим выборам, во главе которого стоял помощник парижского мэра, французский политический деятель, умеренный буржуазный республиканец Рекюр Андре Бахиабе Атанас (1796—1873).

5 *«Club républicain pour la liberté des élections»* — «Республиканский клуб в защиту свободных выборов», см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 32.

6 *«des prévoyants»* — «Клуб предусмотрительных», основан в марте 1848 г. в Париже, объединял представителей промышленной буржуазии, носил реакционный характер.

7 *«Comité préparatoire pour l'Assemblée Nationale»* — «Комитет подготовки Национального собрания», реакционный клуб, основан в марте 1848 г. в Париже при газете «l'Assemblée National».

8 *«de la Garde Nationale»* — «Клуб национальной гвардии», основан в марте 1848 г., объединял умеренных буржуазных республиканцев, представителей династической оппозиции, имел свой печатный орган «Le Ordre».

9 ...*консервативную партию весьма сильную.* — Ср. у К. Маркса: «Одним словом, революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 7).

10 *«Société centrale républicaine», salle Conservatoire de Musique* — «Центральное республиканское общество», зал Музыкальной консерватории; клуб основан в Париже в марте 1848 г., объединял мелкобуржуазных демократов, социалистов, коммунистов-утопистов; во главе клуба стоял О. Бланки.

11 ...*старым проконсулам 93 года.* — См. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 34.

12 *Префект, подпрефект* — начальник полиции в Париже и его заместитель.

13 ...*суспендировать лиц пожизненной магистратуры.* — Имеется в виду закон, по которому судьи не выбирались, а назначались исполнительной властью и после пятилетней службы должность их сохранялась за ними пожизненно.

14 ...*перешла сама собой на улицу...* — Ср. у К. Маркса: «Государственный и частный кредит, это — экономический термометр, показывающий интенсивность революции. *В той самой мере, в какой падает кредит, повышается накал революции и растет ее творческая сила*» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 20).

15 *«de l'Emancipation des peuples»* — «Клуб освобожденного народа», основан в марте 1848 г. в Париже, объединял мелкобуржуазных демократов, продолжал традиции клубов Великой французской революции.

16 *«Немецкое демократическое общество»* — см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 39.

17 ...*хартист Джонс...* — Речь идет о народной хартии, содержащей требования английских чартистов; хартия впервые была опубликована в 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в Парламент, в 1847 и 1848 гг. чартисты развернули массовую кампанию за принятие хартии, отклоненной английским Парламентом в 1839 и 1842 гг. См. также прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 41.

18 *Бакунин* Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, публицист, друг В. Г. Белинского и антагонист К. Маркса; участник революции 1848—49 гг. в Германии; впоследствии один из идеологов анархизма; на Гаагском конгрессе исключен из I Интернационала за раскольническую деятельность. В начале революции 1848 г. Бакунин приехал в Париж и жил в казармах монтаньяров префекта парижской полиции М. Коссидьера, затем был выслан из Парижа.

19 ...*18 брюмера деспотизма.* — См.: п. 46 прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года».

20 ...*Гудшо в малое время своего правления финансовыми делами сделал однакож весьма важную ошибку...* — Ср. у К. Маркса: «Чтобы устранить даже *подозрение*, будто республика не хочет или не может выполнить обязательства, полученные ею в наследство от монархии, чтобы вселить доверие к буржуазной честности и платежеспособности республики, временное правительство прибегло к столь же недостойному, сколь и ребяческому бахвальству. Еще *до* законного срока оно уплатило государственным кредиторам по 5-, 4½ и 4-процентным бумагам. К капиталистам сразу вернулись весь их буржуазный апломб и самоуверенность, когда они увидели, с какой боязливой поспешностью стараются купить их доверие» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 20).

ЛУИ БЛАН В ЛЮКСЕМБУРГЕ

Третья глава написана на четырех листах с оборотом (с 19 по 22 л., *ЦГАЛИ*). На листах много помарок, вставок, зачеркнутых текстов, много больших чернильных пятен, затемняющих текст. Начало и название главы зачеркнуто автором.

На основе хронологических пометок в тексте III главу можно датировать серединой апреля, писалась третья глава на основе предварительных заготовок, сделанных в ходе описываемых событий.

1 *Commission pour les travailleurs* — «Комиссия для рабочих», была создана декретом Временного правительства от 27 февраля 1848 г. Основной задачей комиссии была выработка проекта социальных реформ, проведение которых, по мнению авторов проекта Л. Блана и Ф. Видаля, должно было способствовать преобразованию промышленности и сельского хозяйства в социалистическом духе.

Комиссия осуществила также ряд практических мероприятий: был издан декрет о сокращении рабочего дня в Париже и провинциях; на основе решения комиссии, был осуществлен ряд частных соглашений между предпринимателями и рабочими об увеличении рабочим заработной платы в отдельных видах промышленности, а также произведена организация рабочих промышленных ассоциаций в Париже при содействии и материальной поддержке Временного правительства.

2 *«Organisation du travail»* — «Организация труда», первое издание вышло в Париже в 1840 г. В этой монографии в качестве пути к социализму Л. Блан рекомендует организацию промышленных ассоциаций, в которых рабочие будут получать не только плату за свой труд, но и часть прибыли, благодаря чему, по мнению автора, уравняются права рабочих и хозяев. Эти ассоциации, по мысли автора, должны были вытеснить капиталистические предприятия.

3 *...либеральной школой политической экономии..* — В 1840-х годах во Франции идея промышленных ассоциаций была очень популярна среди экономистов различных направлений: ее проповедовали умеренные буржуазные республиканцы Марраст и Гарнье-Пажес, с ней выступали представители христианского социализма (Бюше), утопического социализма (П. Леру), ее признавали последователи классической политэкономии.

4 *Смит* Адам (1723—1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии.

5 *...эти законы признавала она порождением совокупной жизни лиц...* — Ср. у К. Маркса: «Излишне добавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил*, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402; из письма Маркса к Анненкову от 28 декабря 1846 г.).

6 *...они с трибуны обещали изменение основных законов работы.* — Имеется в виду заседание министров Временного правительства с 24 на 25 февраля 1848 г. во главе с Ламартином, на котором был подготовлен декрет, официально признающий социальный характер февральской революции и гласивший, что правительство обязуется обеспечить работу всем гражданам; декрет признавал также, что рабочие должны «объединиться, дабы иметь возможность пользоваться выгодой от своего труда».

7 *...с уничтожением цивильного листа.* — Часть государственного дохода, которая предоставляется в личное распоряжение короля.

8 *ateliers nationaux* — см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 13.

9 *Декрет был издан тотчас же.* — Речь идет о декрете от 2 марта 1848 г.; однако декрет натолкнулся на резкое сопротивление предпринимателей и фактически не был проведен в жизнь.

10 *...как нельзя более приходятся старые слова...* — «Да здравствуют принципы и пусть погибнут колонии» — перифраз известного латинского выражения: «Pereat mundes et fiat justitia», т. е. «Пусть погибнет мир, но совершится правосудие» — девиз императора «Священной Римской империи» Германского народа Фердинанда I (правил в 1555—1564 гг.).

[11] *...для обсуждения своих проектов...* — Судя по официальным отчетам о работе Люксембургской комиссии в «Мониторе», для участия в ее работе были приглашены: Воловский, Жан Рейно, Коссидьер, Туссенель, Видаль, Пеккер, Пьер Леру, Дюпон, д п'Эр Анфантен, Олен Родриг, Ла Плэ, Карбон, Эмиль Жирарден, Дюверье и др.; Анфантен, Пьер Леру, Э. Жирарден и Олен Родриг по разным причинам в работе комиссии не участвовали. Что касается Прудона, то он сам предложил свое сотрудничество Л. Блану, однако Л. Блан, по словам самого Прудона, отказал ему в этом.

[12] *5 марта в подобном заседании...* С марта на заседаниях Люксембургской комиссии начинается обсуждение проекта социальных реформ, авторами которого были Л. Блан и Ф. Видаль. На заседании 5 марта обсуждался проект устройства рабочих жилищ (опубликован в «Le Moniteur universel» 13 марта); 20 марта на заседании комиссии обсуждался проект организации труда в промышленности (опубликован там же 24 марта); 2-я часть проекта была опубликована в «Le Moniteur universel» 27 апреля и 6 мая, в ней излагались принципы организации труда в торговле и земледелии.

[13] *Дюссар* Ипполит (1798—?) — французский экономист, участник февральской революции, буржуазный республиканец.

[14] *...воодушевлены истинным желанием примирения...* — Ср. у К. Маркса: «Рабочие сделали февральскую революцию совместно с буржуазией; теперь они старались отстоять свои интересы *рядом* с буржуазией...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 16).

[15] *...к необычайному частному заседанию комиссии...* — Речь идет о двух типах заседаний Люксембургской комиссии: 1) частных, закрытых заседаниях, в которых принимали участие 20 делегатов, по 10 от рабочих и промышленников, избранных по жребию; 2) открытых заседаниях, куда, помимо делегатов, допускались представители прессы.

[16] *Пеккер* Константен (1801—1887) — французский экономист, социалист-утопист.

[17] *Воловский* Луи (1810—1876) — французский экономист, представитель вульгарной экономической школы; поляк по происхождению, сторонник польского освободительного движения.

[18] *...старый принцип 89 года — свобода отдельного лица...* — Речь идет о принципе Великой французской революции, записанном в «Декларации прав человека и гражданина», принятой в августе 1789 г. и провозгласившей целью общества сохранение прав личности: свободы, собственности, безопасности, сопротивления угнетению.

[19] *Le Play* — Ле-Плэ Фредерик (1806—1882) — французский социалист-утопист, ученый-социолог, металлург; много путешествовал по Европе для сбора сведений о жизни рабочих, восемь раз был в России; автор кн. «Les ouvriers européens».

[20] *«Solution du problème social»* — «Revue sociale, ou Solution pacifique du problème de prolétariat» — «Социальное обозрение, или Мирное разрешение проблем пролетариата», французский ежемесячный журнал социалистического направления, выходил в Париже с 1845 по 1848 г., первоначально под редакцией П. Леру, в 1848 г. под редакцией Ж. П. Прудона.

[21] *Vallu* — Валлу, французский рабочий-социалист, сотрудник газеты «Le Droit social» («Социальное право»).

[22] *Дерони* Исидор Лаурен (1797—1885) — французский промышленник.

[23] *Кюль* Шарль (1804—1880) — французский промышленник.

[24] *Родриг* Оленд (1794—1856) — французский финансист, публицист, один из руководителей сен-симонистской школы во Франции, организатор промышленных ассоциаций.

ФИЗИОНОМИЯ ПАРИЖА В МАРТЕ МЕСЯЦЕ 1848

Четвертая глава написана на шести листах с оборотом (с 6 по 12 л., *ЦГАЛИ*). В этой главе много больших сносок, переходящих со страницы на страницу, есть сноски к сноскам. В тексте много помарок, вставок целых абзацев между строк.

Как и две предыдущих, четвертая глава писалась на основе предварительных заготовок, сделанных в ходе событий в конце марта и начале апреля. Судя по апрель-

скому плану (см. ниже), факты освещаемые в четвертой главе, должны были войти в главу «Апрель месяц»; это дает основание предполагать, что четвертая глава писалась не раньше мая месяца, однако корректив в освещение событий Анненков не вносил, так что IV глава по характеру освещения событий значительно разнится от V главы.

На освещении событий в этой главе ощущается влияние ближайшего окружения Анненкова — М. Бакунина и Г. Гервега; в дальнейшем это влияние не прослеживается.

1 *...спешиваются, словом, как все...* — Ср. у К. Маркса: «Все роялисты превратились тогда в республиканцев, все парижские миллионеры — в рабочих» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 18).

2 *...об основании более 80 клубов в Париже.* — Имеется в виду широкое распространение клубной деятельности в Париже в период революции 1848 г. Временное правительство покровительствовало образованию клубов, полагая, что сама их многочисленность и разнообразие делают совместные действия их невозможными. Мэр Парижа предоставлял для клубов специальные помещения. См. у Жоржа Ренара: «Клубы нарождались сотнями на следующий день после 24 февраля. За один первый месяц их создалось в одном Париже и его предместиях 250» (*Ренар Ж.* Республика 1848 г. СПб., 1907, с. 27).

3 *«Institution oratoire»* — см. прим. к III части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 3.

4 *Монтионовская премия.* — см. прим. к III части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 4.

5 *Фаланстербианцы* — см. прим. к первому «Парижскому письму», п. 27.

6 *St. Lasare* — больница для бедных в Париже.

7 *Францисканец* — член францисканского ордена, так назывался монашеский орден, основанный Франциском Ассизским в нач. XIII в.

8 *«de la jeune Montagne»* — см. прим. к III части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 8.

9 *...таковы письма Дюма, В. Гюго, Сю и др...* — Обращения названных писателей к избирателям отличались крайне нечеткими взглядами. А. Дюма на выборах в Национальное собрание был забаллотирован; В. Гюго, «опасаясь новой власти Марата», высказался за буржуазную республику, и прошел в Национальное собрание на дополнительных выборах 4 июня 1848 г.; Э. Сю высказался за союз буржуазии с пролетариатом, оправдав определение К. Маркса, назвавшего его «Сентиментально-мещанским социал-фантазером» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., **т. 7, с. 100)**; в Национальное собрание не прошел.

10 *Кучера сделали даже маленькое возмущение...* — См. у Луи Блана: «Но едва комми были поставлены на свое место, как во всем Париже прекратилось движение карет. Сперва остановились омнибусы и линейки, за ними последовали фиакры, кабриолеты и всякие другие средства передвижения. Снова вопрос заработной платы!» (*Блан Л.* Люксембургская комиссия. В кн.: Французская революция 1848 г. в воспоминаниях участников и современников. М., 1934, с. 268).

11 *Бюшед*, Бюше (Buched) Квентин — французский адвокат, публицист и политический деятель, умеренный буржуазный республиканец.

12 *Кстати о деревьях свободы.* — Имеются в виду посадки на улицах Парижа дубов и тополей сразу же после февральской революции. Эта традиция восходит к Великой французской революции. Деревья свободы, посаженные в феврале, оставались на улицах до конца 1850 г., когда префект полиции приказал их вырубить.

13 *Людовик XVIII* — французский король в 1814—1824 гг.

14 *Bobeuf*, Бабеф Гракх (настоящее имя Франсуа Ноэль) (1760—1797) — французский революционер периода Великой французской революции.

15 *Дезольм* Пьер Карл (1817—?) — французский публицист, коммунист-утопист, деятель французского революционного движения.

16 *«Club de la Montagne»* — «Клуб Гора», основан в марте 1848 г. в Париже, объединял мелкобуржуазных демократов, название взято из эпохи Великой французской революции: «Гора» — революционно-демократическая группировка в Конвенте.

17 *«des Jacobins»* — см. прим. к III части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 10.

18 *«Центральный клуб»* — «Клуб клубов», основан в марте 1848 г. в Париже; объединял мелкобуржуазных демократов, социалистов и коммунистов-утопистов; Анненков ошибочно отождествляет его с «Клубом революции» Барбеса.

19 *Каэнь* Луи Жозеф Антони (1796—?) — французский фабрикант, литератор, коммунист-утопист, соратник К. Дезольма.

20 *«Commuпа de Paris»* — «Парижская коммуна», см. прим. к II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 2.

21 *«Société central démocratique»* — «Центральное демократическое общество», основано в марте 1848 г. в Париже, по своему направлению занимало среднее положение между партией «Националь», объединявшей умеренных буржуазных республиканцев, и партией «Реформы», объединявшей мелкобуржуазных демократов.

22 *Дежан* Наполеон Эжен — французский государственный служащий и политический деятель, орлеанист.

23 *«Comité central des élections»* — «Центральный выборный комитет», основан в Париже в марте 1848 г., объединял буржуазных республиканцев, умеренных буржуазных республиканцев и рабочих-социалистов, сторонников «Le National».

24 *Бергень* Пьер Антуан (1790—1868) — французский политический деятель, легитимист, депутат Национального собрания в 1848 г.

25 *«Club de la liberté des élections»* — см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 32.

26 *«La République française»* — «Французская республика», ежедневная политическая газета республиканского направления, выходила в Париже с февраля по март 1848 г., редактор Ипполит Кастиль (1820—1866), французский беллетрист и публицист социалистического направления, автор «Истории второй республики» (1855—1856).

27 *«Liberté»* — «La Liberté, journal des idées et des faits» — «Свобода, газета идей и дел», ежедневная политическая газета консервативного направления, выходила в Париже с марта по июнь 1848 г., редактор Сент-Альма.

28 *«Corsaire»* — «Le Corsaire-Satan» — см. прим. к восьмому «Письму из-за границы», п. 27.

29 *St. Alma,* Лепетьен Сент-Альма (1795—1875) — французский журналист, монархист.

30 *«Курьер»* — имеется в виду «Le Courrier français». — См. прим. к восьмому «Письму из-за границы», п. 22.

31 *...о страшном дне 18 марта в Берлине...* — Речь идет о революционных выступлениях в Берлине, в результате которых прусский король Фридрих Вильгельм IV дал Пруссии буржуазную конституцию.

32 *...об инсурекции в Вене 17 марта...* — Революция в Вене, бегство канцлера Меттерниха, провозглашение буржуазной конституции.

33 *...объявляет независимость Ломбардии...* — Речь идет о революционных выступлениях миланцев, в результате которых Милан и другие города Италии были освобождены от австрийского ига.

34 *Немецкий парламент* — см. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 40.

35 *Это время чудес, это время сна, фантома!* — Ср. у К. Маркса: «...Волны февральской революции высоко вздымались над континентом, каждая очередная почта приносила все новые революционные вести, то из Италии, то из Германии, то с крайнего юго-востока Европы и поддерживала всеобщее упоение народа, непрерывно принося ему новые доказательства победы...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 25). Однако Маркс отчетливо видел, что всеобщий энтузиазм, охвативший Париж, лишь отвлекал народ от насущных задач революции, Анненков же сам находился в плену этого энтузиазма.

36 *Слухи о нашествии Гервега...* — См. прим. ко II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 43.

37 *...мысль о Республике, привезенной извне...* — Речь идет об активном противодействии немецких публицистов, а также Маркса и Энгельса попыткам мелкобуржуазных немецких демократов во главе с Г. Гервегом и Г. Борнштедтом собрать силы для вооруженного вторжения в Германию с целью совершения в ней революции. Маркс, приехав в Париж в начале марта 1848 г., организует клуб Немец-

ких рабочих с целью противодействия Немецкому демократическому обществу. В отличие от Немецкого демократического общества, клуб Немецких рабочих, проводил политику Союза коммунистов, готовил к отправке в Германию небольших групп немецких рабочих из Парижа, членов Союза коммунистов; эти группы снабжались необходимыми средствами и практической программой действия. С этой целью Маркс и присоединившийся к нему 21 марта Энгельс разработали «Требования коммунистической партии в Германии», представлявшие собой конкретизацию программных положений «Коммунистического манифеста» (см. воспоминания Себастьяна Зейлера в кн.: Союз коммунистов — предтечи I Интернационала. М., 1964, с. 184).

38 *...подымать там коммунистов...* — Имеются в виду конкретные планы Маркса и Энгельса об объединении усилий коммунистического движения в Германии с движением чартистов в Англии, которое могло быть осуществлено через издание газеты. Об этом намерении, видимо, Маркс и говорил Анненкову, с которым он встречался в период марта—апреля 1848 г. Однако обстоятельной беседы с Марксом у Анненкова к моменту написания заготовок для четвертой главы, возможно, еще не было, иначе трудно объяснить неосведомленность Анненкова о местопребывании Энгельса, который вплоть до 21 марта находился в Брюсселе, а не в Кёльне, куда они направились вместе с Марксом в начале апреля 1848 г.

39 *...и на эту минуту, разумеется, Гервега.* — Оценка Маркса дается Анненковым явно под влиянием Гервега и Бакунина, с которыми он был близок в марте и начале апреля 1848 г. и которые резко осуждали Маркса и Энгельса. Однако авантюристические действия самого Гервега оцениваются Анненковым в этой и следующей главах под определенным влиянием Маркса.

40 *Надар* — псевдоним Феликса Турнишона, французского писателя и карикатуриста, сотрудника сатирических журналов 1830—1840-х годов.

41 *...в самых позорных положениях...* — В период революции 1848 г. в Париже появилось множество карикатур на деятелей Июльской монархии и больше всех на короля Луи Филиппа, принадлежавших известным французским художникам Домье, Гаварни, Доре; из них особой популярностью пользовались рисунки, на которых Луи Филипп изображался в виде груши — символа глупости во Франции.

42 *...перемещением театров на улицу.* — Речь идет об организации в Париже в период революции 1848 г., по личному распоряжению Ледрю-Роллена, театрализованных представлений на открытой сцене; в организации этих народных театров большое участие принимала Жорж Занд.

43 *«Les filles de la liberté»* — в *Gymnase*, *«Les barricades de 1848»* — «Дочери свободы» Л. Ф. Клервиля и Ж. Кордье в Жимназ; «Баррикады 1848 г.» Бризбара и Сент-Ива — театрализованные представления, в основе которых лежали пьесы 1830-х годов, запрещенные цензурой Дюшателя, министра внутренних дел при Луи Филиппе.

44 *«Le poéte de famine»* — см. прим. к III части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 32.

45 *«La tour de Nesle»* — «Нельская башня», пьеса А. Дюма, направленная против произвола, жестокости и преступлений королевской власти; премьера спектакля состоялась в 1830 г.

46 *«Le camarade de lit»* — см. прим. к III части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 33.

47 *«L'Auberge des Adrets»*, *«Robert Macaire»* — см. прим. к II части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 34.

48 *...переданный Фредериком Леметром с таким необычайным увлечением, с таким пафосом...* — Образ Робер Макера, ловкого мошенника и пройдохи, явился сатирическим символом Июльской монархии; К. Маркс называл короля Луи Филиппа «Робер Макером на троне» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 10).

‹ПЛАН›

План к «Запискам о французской революции 1848 г.» представляет собой часть автографа Анненкова, он находится в середине рукописи и предшествует главе V. План написан на трех листах с оборотом (с 23 по 25 л., *ЦГАЛИ*).

Создание плана, видимо, имело целью систематизировать предварительные заготовки, которые всегда делал Анненков в ходе событий; в плане намечены опорные пункты изложения и указаны основные источники.

Состоит план из трех частей, название которых идентично названиям глав, для которых писался план и которые составляют вторую часть рукописи, главы «Апрель месяц», «Май месяц», «Июнь».

АПРЕЛЬ МЕСЯЦ

Первая часть плана V главы — самая развернутая, она содержит 37 пунктов; нумерация пунктов в апрельском плане спутана: точно пронумеровано 27 пунктов, затем, после цифры «27» идет цифра «18», начинающая собой новую нумерацию. Четыре последних пункта апрельского плана написаны, видимо, позже: они даны в манере майского плана.

Формулировки апрельского плана — четырех видов: краткая формулировка, называющая событие; развернутая формулировка, кратко излагающая событие; пересказ события; оценка события.

Апрельский план, видимо, писался в конце апреля или начале мая, когда замысел главы еще не созрел полностью, отсюда неупорядоченность изложения, широта охвата событий, различный характер формулировок.

В главе «Апрель месяц» получила раскрытие лишь часть пунктов плана, многие пункты раскрыты в четвертой главе.

МАЙ МЕСЯЦ

Майский план значительно менее подробный, чем апрельский: в нем всего девять пунктов. Писался майский план, видимо, в июне, после создания пятой главы, когда стиль второй части рукописи уже сложился. В апрельском планс многие пункты указывают на события и явления, относящиеся к культурной и социально-бытовой стороне жизни Парижа, в майском обозначены лишь события общественно-политической жизни. Формулировки майского плана также отличны от апрельского — это в основном название событий и указание источника (номера газет), освещающего это событие. Личные впечатления автора почти не нашли отражения в плане.

ИЮНЬ

План июня, VII главы «Записок», — самый неупорядоченный и эмоциональный. Написав восемь пунктов и доведя изложение событий до 20 июня, автор со словами: «По порядку» возвращается к началу месяца и записывает еще ряд пунктов, но без нумерации, а с обозначением лишь даты события, при этом иногда дважды возвращаясь к одному и тому же числу. Многие пункты июньского плана написаны карандашом. В конце плана сделана приписка: программа банкета, написанная частью по-русски, частью по-французски. Июньский план писался, видимо в конце июня, после трагических июньских дней.

Весь план следует рассматривать как самостоятельный материал, и не только потому, что многие пункты его не получили раскрытия в рукописи. Оценка событий, данная в плане, непосредственнее, острее, определеннее, чем в рукописи. Таковы, например, оценки контрреволюционного выступления в Руане, антинародной сущности закона о выборах, демагогической программы правительственного социализма, выдвинутой Маррастом, и т. п.

[1] *Разрушение клуба Бланки.* — Имеется в виду разделение «Comité central Républicain», известного как клуба О. Бланки, на собственно клуб Бланки, который сохранил за собой прежнее название, но перенес свои заседания в зал Парижской музыкальной консерватории, и «club la Révolution», известный как клуб Барбеса.

[2] *...отстранен от выбора за атеизм...* — Для многих деятелей революции 1848 г. характерно слияние социалистических идей с религиозными, что и отметил Анненков со свойственной ему наблюдательностью.

[3] *Théâtre de la république* — указом Ледрю-Роллена Théâtre Français был переименован в Театр Республики, и в нем давались представления для народа.

[4] *Пьеса Poste в театре de la Gaité «La foi, l'espérance, la charite»...* — Имеется в виду пьеса французского драматурга Карла Антони Постла (1793—1864) «Вера, надежда,

милосердие», которая в период февральской революции была поставлена в театре Гэте.

5 *«Les révolutions 89, 30, 48»* — «Революции 89, 30, 48»; *«Les 4 sergents de Rochell»* — «Четыре ларошельских сержанта» — имеются в виду театрализованные обозрения, популярные в период революции, чаще всего эти пьесы не имели автора, были импровизацией на определенные темы. Второе из названных обозрений было о французских карбонариях, поднявших восстание в гарнизоне г. Ла-Рошель и казненных в 1823 г. на Гревской площади в Париже.

6 *Даллас,* Аллас Юний де — французский журналист и политический деятель, мелкобуржуазный демократ.

7 *«Пролог» Жорж Занд — нелепость.* — Комедия «Король ждет» («Le Proloque, in titule le Roi attend»), написанная Жорж Занд в 1848 г. специально для народного театра Республики. Главный персонаж комедии — великий французский драматург Мольер, его диалоги с великими писателями прошлого составляют содержание пьесы.

8 *Пьеса Оже «L'Aventurier»* — «Авантюрист», пьеса французского драматурга Виктора Эмиля Ожье (1820—1889), возглавлявшего вместе с Понсаром школу «здравого смысла» во французской драматургии 1840-х годов.

9 *Мюссе—прелесть.* — Альфред де Мюссе никак не откликнулся на революционные события 1848 г. Анненков имел в виду постановку в Историческом театре А. Дюма в 1848 г. пьесы Мюссе «Подсвечник», написанной в 1835 г. и относящейся к «комедиям-пословицам»; в данной пьесе тема традиционного адюльтера вытеснена правдивым показом буржуазных нравов.

10 *Леру* Жозеф Андре Виктор (1791—1873) — французский публицист, писатель и политический деятель, социалист.

11 *Жорж Занд и ее журнал «La vraie république», о себе и о работнике.* — Жорж Занд принимала самое активное участие в революции 1848 г. Она была фактическим редактором и автором передовых статей в правительственном бюллетене, издавала и редактировала собственную газ. «La Cause du peuple», принимала активное участие в газ. «La vraie République», которая издавалась французским журналистом Торе в Париже в апреле—мае 1848 г. и имела демократическое направление. В этой газете Жорж Занд публикует ряд статей: «Перед Ратушей», «Социальный вопрос», «Письма к Ламеннэ», «Религия, догмат и культ во Франции», в которых освещалось положение рабочего класса Франции.

12 *...просьба о многоженстве...* — 29 мая в комиссиях Учредительного собрания обсуждался законопроект о восстановлении права на развод; законопроект предусматривал отмену закона от 8 мая 1816 г. и возвращение к нормам гражданского кодекса, введенного Наполеоном I.

13 *Донос на «L'Organisation du travail»...* — Речь идет о заметке в социалистической газ. «Организация труда» от 8 июня 1848 г. под заголовком «Денежная аристократия»; в ней приводился список самых богатых людей Франции с указанием их капитала, за этим списком последовали три других. Публикация вызвала бурное негодование со стороны буржуазных депутатов в заседании от 10 июня 1848 г.

14 *...кровопролитие по случаю 45 сантимов в департаментах.* — Имеется в виду налог в 45 сантимов на каждый франк, введенный Временным правительством за землепользование, который вызвал крестьянские восстания в провинциях Франции и поселил в крестьянстве недоверие к республике.

15 *К. Тома о Крите 2 июня.* — Имеется в виду восстание греков против турецкого владычества на острове Крит в мае 1848 г.

АПРЕЛЬ МЕСЯЦ

Пятая глава начинает собой вторую часть «Записок». В ней десять листов с оборотом (с 28 по 37 л., *ЦГАЛИ*). Писалась пятая глава на основе плана и предварительных заготовок не раньше мая месяца. В отличие от предшествующих глав, текст пятой главы, видимо, был переписан автором; в нем меньше помарок, вставок, хотя есть и поправки.

Основными источниками пятой главы были личные наблюдения автора, беседы с Марксом и Энгельсом, постоянное общение с Герценом, который во второй поло-

вине апреля возвратился в Париж и был постоянным собеседником и спутником Анненкова.

1 *...мэра города, Армана Мараста...* — В отчете комиссии Учредительного собрания, уполномоченной проверить расходы Временного правительства, есть сообщение о создании Маррастом особой полиции парижской мерии; полиция не носила официального характера, но была весьма деятельной и достаточно могущественной. Акт комиссии подтверждается показаниями самого Марраста.

2 *...был откинут.* — Речь идет о манифестации рабочих 17 апреля, которая потерпела поражение, результатом чего было возвращение армии в Париж по приказу члена Временного правительства Ледрю-Роллена.

3 *...изгнать всех иностранных работников из Франции.* — Речь идет о демонстрации рабочих Парижа 2 апреля 1848 г., которая прошла под лозунгом: «Долой рабочих-иностранцев».

4 *...встретили в Ратуше сопротивление...* — Имеется в виду прокламация Временного правительства от 8 апреля 1848 г., в которой осуждалось требование парижских рабочих об изгнании рабочих-иностранцев из Франции.

5 *«des droits de l'homme»* — «Société des droits de l'homme et du citoyen» — «Клуб прав человека и гражданина», основан в Париже в марте 1848 г., объединял мелкобуржуазных демократов и социалистов, имел свой печатный орган газ. «Парижская коммуна», президент Вуллен, рабочий-социалист, публицист, сотрудник журнала «Le Droit social».

6 *...анархии в Лионе...* — Революционное выступление лионского пролетариата в апреле 1848 г., в результате которого в рабочем квартале Круа-Русс была учреждена власть, независимая от городской Ратуши; для усмирения лионского восстания в город был направлен комиссар Временного правительства Эммануил Араго.

7 *...писаны были, как после открылось m-me George Sand.* — См. прим. к III части очерка «Февраль и март в Париже 1848 года», п. 30.

8 *«La Cause de peuple»* — «Дело народа», французская ежедневная политическая газета республиканского направления, выходила в Париже с 9 по 23 апреля 1848 г.; главный редактор Жорж Занд.

9 *...бюллетень George Sand от 16 апреля...* — «Bulletin de la République» от 15 апреля 1848 г. № 16, в котором содержалась прокламация Жорж Занд к парижскому народу о предстоящих выборах в Национальное собрание, бывшая, фактически, призывом к восстанию в случае, если Национальное собрание обманет ожидания рабочих. Впоследствии «Бюллетень» не был признан Ледрю-Ролленом; на следствии выяснилось, что Жорж Занд прислала Жюлю Фавру, официальному редактору «Bulletin de la République», три текста прокламации на выбор, Жюль Фавр не проверил тексты, и был опубликован последний, по усмотрению самой Жорж Занд.

10 *...вероятно, данному сверху...* — Ср. у К. Маркса: «*16 апреля* было *недоразумением*, созданным временным правительством заодно с буржуазией» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 25).

11 *...замысленной парижским Катилиною Бланки...* — Намек на участие О. Бланки в антиправительственных заговорах в период Июльской монархии; римский политический деятель Катилина Луциус Сергиус (ок. 108—62 до н. э.) возглавлял заговоры против Помпея, а потом Цицерона.

12 *...в паническом воображении буржуазии.* — Ср. у К. Маркса: ... «И никто не проявлял такого фанатизма в борьбе против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 25).

13 *...о неподсудности магистратуры Франции...* — Согласно французскому закону от 1803 г., судьи не выбирались, и назначались и за время своего пребывания в должности не могли быть привлечены к судебной ответственности.

14 *...выданной накануне...* — Прокламация, напечатанная 18 апреля в «Натиональ»; в ней была выражена благодарность парижскому народу за совершенно разные акции: манифестацию национальной гвардии 17 марта и народную манифестацию 16 апреля.

15 *...с семейством Тучковых...* — Речь идет об Алексее Алексеевиче Тучкове (1777—1862), участнике Отечественной войны 1812 г., члене Союза благоденствия, приятеле Герцена и Огарева, который со своими двумя дочерьми Натальей, впоследствии женой Сатина, и Еленой, впоследствии женой Огарева, был в момент революции 1848 г. в Париже.

16 *...продуктивной солидарности Прудона...* — Экономическая теория Прудона относительно организации обмена и обращения ценностей в обществе, согласно которой меновая стоимость вещи должна быть равна ее промышленной стоимости, в результате чего из обмена изымаются деньги, а обмен ценностей и продуктов в обществе может совершаться посредством знаков банка.
17 *Гуни* — установить не удалось.
18 *Буало* Эрнест Фелин (1804—1875) — французский публицист и журналист.
19 *Сирье* Генри де (1818—?) — французский литератор, легитимист, депутат Национального собрания.
20 *«Les Murs de Paris»* — «Les Murs de Paris, *journal de la rue*» — «Стены Парижа, газета улиц», ежедневная юмористическая иллюстративная газета, выходила в Париже с 1822 по 1852 г.; в период Июльской монархии — орган оппозиции, в период революции 1848 г. — орган республиканцев; редактор Сант-Альма.
21 *Леба* Филипп (1794—1861) — французский ученый-филолог, профессор Коллеж де-Франс, автор энциклопедического словаря.
22 *Дегузо* Жан Батист (1784—?) — французский ученый и политический деятель, буржуазный республиканец.
23 *Трела* Улисс (1795—1879) — французский политический и государственный деятель, умеренный буржуазный республиканец, министр общественных работ в мае—июне 1848 г., депутат Учредительного собрания.
24 *Беранже* Пьер Жан (1780—1857) — французский поэт-демократ, автор политических сатир.
25 *Данги* Жан Батист (1823—1894) — французский рабочий-социалист.
26 *Леруа* Жан Мария (1788—1865) — гравер и часовщик, рабочий-социалист.
27 *Совари* — сотрудник газ. «La Fraternité de 1845», рабочий-социалист.
28 *Тома* Шарль (1812—1879) — французский публицист, республиканец.
29 *Лакордер* Жан Батист (1802—1861) — французский проповедник, пытавшийся соединить требования ортодоксального католицизма с учением о политической свободе и правах рабочих.
30 *Cognerel*, Когнерель Леон (1794—1855) — французский протестантский священник, сторонник христианского социализма.
31 *Пепен* Франсуа Мария (1809—?) — французский рабочий-социалист, сотрудник журн. «l'Atelier».
32 *Валлу* — французский рабочий-социалист, сотрудник журн. «Le Droit social».
33 *Смит*, правильно Шмит, Жан (1773—1857) — французский государственный чиновник и литератор.
34 *Montaigne*, Монтень Луи — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
35 *Valériot*, Валерио Жан Макс (1820—1848) — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
36 *Drevet*, Древе Жозеф — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
37 *Adam*, Адан Виктор (1801—1866) — рабочий-социалист и журналист.
38 *Malarmé*, Маларме Жюль Плацид (1818—?) — рабочий-социалист, сотрудник «La Fraternite de 1845».
39 *Gautier*, Готье Жан Баттист (1813—?) — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
40 *Chevassus*, Шевассю — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
41 *Flotte*, Флотт Пьер Луи Вельямин (1814—1888) — рабочий-коммунист, друг и соратник О. Бланки.
42 *Dupreis*, Дюпре Жан (1818—?) — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
43 *Berard*, Берар Жан Батист — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
44 *Cartigny*, Картигни Жан Баттист Сильвестр (1816—?) — рабочий-социалист, член Люксембургской комиссии.
45 *Redon*, Реду — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
46 *Charles*, Шарль — рабочий-социалист, участник французского рабочего движения.
47 *Lagarde*, Лагард Жан Баттист — рабочий-социалист.

[48] *Perdignier*, Пердигнье Агриколь — рабочий-социалист, журналист и писатель, автор биографий политических деятелей, посвятивших себя народному делу.
[49] *Bernar*, Бернар Мартин (1808—1885) — рабочий-социалист, член тайных обществ в период Июльской монархии, участник французского рабочего движения.
[50] *Hubbert*, Юбер — рабочий-социалист.
[51] *Guillaumon*, Гильом Туссен (1813—?) — рабочий-социалист.
[52] *Griveau*, Гриво — рабочий-социалист, соратник О. Бланки.
[53] *Duvivier*, Дювивье Франциск Флери (1794—1848) — французский генерал, создатель мобильной гвардии, участник покорения Алжира и подавления июньского восстания.
[54] *Lasteyrie*, Ластери Жюль (1810—?) — французский политический деятель, при Луи Филиппе принадлежал к династической оппозиции.
[55] *Vavin*, Вавен (1792—?) — французский адвокат и государственный деятель, при Луи Филиппе принадлежал к династической оппозиции.
[56] *Berger*, Берге Жан Жак (1790—1859) — французский журналист, республиканец.
[57] *Recurt*, Рекюр Андре Атанаис (1796—1872) — французский врач и буржуазный политический деятель, в 1848 г. помощник парижского мэра.
[58] *Garnon*, Гарно Луи Жан (1797—?) — французский адвокат и политический деятель, орлеанист.
[59] *Guinard*, Гинар Август Жозеф (1799—1871) — французский буржуазный политический деятель.
[60] *Томас*, правильно Тома, Эмиль (1822—1880) — французский инженер и политический деятель, в 1848 г. начальник национальных мастерских.
[61] *«Peuple constituant»* — «Le Peuple constituant» — «Народ-учредитель», французская ежедневная газета христианско-социалистического направления, выходила в Париже с 27 февраля по 16 ноября 1848 г., редактор Ф. Ламенне.
[62] *Дюрие* Ксаверий (1817—?) — французский публицист, республиканец.
[63] *Ребул* Жан (1796—?) — рабочий-булочник, поэт, близкий по мотивам П. Беранже.
[64] *Файе* (1793—?) — французский епископ.
[65] *Билльо* Август Адольф (1805—1863) — французский адвокат и политический деятель, при Луи Филиппе принадлежал к династической оппозиции.
[66] *Перрье* Луи (1816—?) — французский адвокат, политический деятель и журналист, республиканец.
[67] *Мюрат* Наполеон Люсьен Шарль (1803—1879) — второй сын неаполитанского короля Мюрата Иохима.
[68] *Бонапарт* Наполеон (1822—?) — сын Жерома Бонапарта.
[69] *Бонапарт* Пьер Наполеон, принц Канино (1815—1881) — сын Люциена Бонапарта.
[70] *les vorales* — Ненасытные, демократический клуб рабочих в Руане.
[71] *Бак* Жан Баттист Теодор (1809—1865) — французский политический деятель, демократ, участник революций 1848 и 1830 годов, комиссар Временного правительства в 1848 г.
[72] *Deschamps*, Дешан Фредерик (1806—?) — французский адвокат, демократ, настроенный оппозиционно к режиму Луи Филиппа, комиссар Временного правительства в Руане; после руанских событий подал в отставку.
[73] *Орденд*, правильно Орденер Мишель (1787—1862) — французский генерал.
[74] *Сенар* Антуан Мари Жюль (1806—1885) — французский юрист, реакционный политический деятель; депутат Учредительного собрания в июне 1848 г., министр при Кавеньяке.
[75] *Encyclopédie Nouvelle* — Новая энциклопедия, основана в 1843 г. П. Леру и Ж. Э. Рейно, пропагандировала социалистические идеи, была популярна в Европе, в частности в России.
[76] *Reynaud*, Рейно Жан Эрнест (1806—1863) — французский философ, по профессии горный инженер, сен-симонист, впоследствии христианский социалист, основное сочинение «Terra et Ciel» («Земля и небо»); депутат Учредительного собрания.
[77] *Serres*, Серре Марцель — французский ученый-геолог, подверг критическому рассмотрению Библию.
[78] *Decaisne*, Деказ Луи (1819—1886) — французский буржуазный политический деятель.
[79] *Bineau*, Бино Жан Мартин (1785—1855) — французский ученый, инженер, буржуазный политический деятель.

80 *Сей Жан Батист* (1761—1832) — французский экономист.

81 ...*обнимающую всю производительность государства*... — Имеется в виду проект социальных реформ, опубликованный в «Мониторе» 27 апреля и 2, 3, 6 мая 1848 г. в неоконченном виде; этот проект предлагал устройство земледельческих колоний на основе системы кооперации, создание кредитных учреждений, централизацию всех страховых учреждений, устройство складов и базаров, учреждение государственного банка в Париже с отделениями в департаментах. В создании проекта, помимо Луи Блана, принимали участие Видаль, Пеккер и Альбер.

82 *«Association fratérnelle des ouvriers tailleurs»* — «Братская ассоциация рабочих-портных», организована в бывшей долговой тюрьме Парижа Клиши. Во главе ассоциации стояли представители Люксембургской комиссии. Л. Блан добился для нее заказа на 110 180 франков на пошив обмундирования для национальной гвардии; рабочие были снабжены от государства материалами, с 28 марта в ней начались работы. В ассоциации было полное равенство в вознаграждении — 2 франка в день. Прибыль делилась на две части: одна распределялась между членами ассоциации, другая составляла ее резерв. Управление было поручено выборной администрации, контроль — особой комиссии. В ассоциации насчитывалось до 1200 рабочих, она просуществовала до июня 1848 г.

83 ...*моравское братство*... — Община чешских братьев, которые в Моравии назывались моравские братья; община возникла в XV в. после гуситского движения; члены общины должны были жить по примеру первых христиан в бедности и смирении, строго соблюдая правила христианской морали.

84 ...*предложенных Прудоном.* — Попытка Прудона создать в 1848 г. общество Народного банка, основанного на акциях. Официально эта попытка была осуществлена лишь 31 января 1849 г., когда был подписан у нотариуса устав банка.

85 ...*мною виденные здесь.* — О своих встречах с Марксом и Энгельсом Анненков написал в «Замечательном десятилетии» (*Лит. воспоминания*, с. 304).

86 ...*было уничтожено в Лондоне его коммерческой популяцией*... — Имеется в виду поражение чартистов в Лондоне 10 апреля 1848 г.

87 ...*в два градуса*... Прусское Национальное собрание, созванное в мае 1848 г. при двухступенчатом голосовании.

88 *Карл Альберт* (1798—1849) — король Сардинский.

89 *Попытки Гекера и Струве в Бадене*... — Баденское правительство, испуганное ростом республиканского движения, приняло решение об увеличении контингента армии и обратилось за военной помощью к Германскому союзу. Эта акция послужила поводом к республиканскому восстанию 12 апреля 1848 г., во главе которого стояли мелкобуржуазные демократы Геккер Фридрих Карл (1811—1881) и Струве Густав (1805—1870). К концу месяца восстание было подавлено.

90 ...*попытка должна кончиться трагически.* — См. прим. к очерку «Февраль и март в Париже 1848 года», глава III, п. 20.

МАЙ МЕСЯЦ

Шестая глава состоит из шестнадцати листов с оборотом и одного без оборота (с 38 по 54 л., *ЦГАЛИ*). Писалась шестая глава по плану и предварительным заготовкам в июне—июле. Так же, как и предыдущая шестая глава, видимо, была переписана автором; в ней сравнительно мало исправлений, хотя есть уточнения.

Источниками шестой главы служила французская пресса, прокламации, воззвания, издаваемые парижскими клубами, протоколы Учредительного собрания, постоянное общение с А. И. Герценом, с парижским окружением К. Маркса — Эвербеком, Бернайсом, Зейлером и, видимо, газ. «Neue Rheinische Zeitung», издаваемая Марксом и Энгельсом в Кельне, что ощущается как в отборе, так и в освещении событий мая месяца.

1 *Клуб «des Amis du peuple»* — клуб «Друзей народа», объединял демократов и социалистов, проводил свои заседания в salle Montesque, основан в марте 1848 г., президент клуба Ф. Распайль.

2 ...*воскрешал покойную «La Montagne»*... — «Гора» политическая партия эпохи Великой французской революции, объединявшая революционных демократов; полу-

чила свое название от того, что члены этой партии занимали верхние скамьи в зале заседаний Конвента.

[3] *Andry de Puyravean*, Андре де Пиравеан Пьер Франциск (1783—1856) — французский политический деятель, карбонарий, участник революции 1830-х годов.

[4] *Беррье* Пьер (1790—1867) — французский адвокат, публицист, редактор «Французской газеты», легитимист.

[5] *Фалукер* Пиат, правильно Феликс Пиа (1810—1889) — французский писатель, публицист и критик, мелкобуржуазный демократ, в 1848 г. депутат Учредительного собрания.

[6] ...*благородной воинской хитрости.* — Ср. у К. Маркса: «*Рядом* с министерством финансов, торговли, общественных работ, *рядом* с банком и биржей воздвигалась *социалистическая синагога*, первосвященники которой, Луи Блан и Альбер, имели своей задачей открыть обетованную землю, возвестить новое евангелие и дать работу парижскому пролетариату» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 15).

[7] *Ленон-Ленант* Шарль Жозеф (1782—1868) — французский государственный деятель, в период Июльской монархии принадлежал к династической оппозиции.

[8] *Тридцатилетняя война* — см. прим. к очерку «Прага» «Путевых записок», п. 12.

[9] *Дорнес* Огюст (1799—1848) — французский публицист и политический деятель, буржуазный республиканец, депутат Учредительного собрания.

[10] *Фавр* Жюль (1809—1880) — французский политический деятель, умеренный буржуазный республиканец.

[11] *Ширас*, правильно Шарас, Жан Батист Адольф (1808—1865) — французский генерал и реакционный политический деятель.

[12] *Дюклер* Эжен (1812—1888) — французский журналист, член редакции «Националь», буржуазный политический деятель, в мае—июне 1848 г. министр финансов.

[13] ...*предательском изгнании польских эмигрантов из Кракова...* — Краков, в силу своего относительно независимого положения — по решению Венского конгресса, находился под совместным контролем Австрии, Пруссии и России — был приютом польских эмигрантов. В феврале 1846 г. в Кракове вспыхнуло восстание, которое к началу марта было подавлено австрийскими войсками, и Краков был присоединен к Австрийской империи. Однако в городе сохранилась традиция оказывать приют эмигрантам. 25 апреля 1848 г. на границе Кракова австрийскими войсками была задержана группа польских эмигрантов, в знак протеста в городе вспыхнуло восстание, подавленное австрийскими войсками 26—27 апреля 1848 г.

[14] ...*поражение Мерославского в Позене...* — Людвиг Мерославский (1814—1878), польский политический деятель, буржуазный демократ; в марте 1848 г. возглавил польские национальные вооруженные силы в Познаньском княжестве в их борьбе за независимость Познани; восстание было подавлено в мае 1848 г., чему способствовала двойственная политика самого Мерославского.

[15] *Бреславский конгресс* — общепольский съезд, созванный в Бреславле (ныне Вроцлав) 5 мая 1848 г.; в виду возникших противоречий между буржуазными демократами и консерваторами, съезд не дал никаких положительных результатов.

[16] *Franc-Carré*, Франк-Каре Поль Франциск (1800—1862) — французский реакционный политический и судебный деятель, пэр Франции.

[17] *Kersousie*, Керсози Иохим Рене Теофил (1798—1874) — французский революционер, участник июньского восстания 1830 г., деятель тайных обществ в период Июльской монархии; в 1848 г. возглавлял комитет действия Общества прав человека и гражданина; автор военного плана июньского вооруженного восстания 1848 г.

[18] *Блан* Этьен (1813—1882) — французский художник, критик, во время февральской революции главный директор Управления изобразительными искусствами.

[19] *Легард* (Legiard de la Diriays) Жозеф (1782—1862) — французский социалист, демократ.

[20] *Cannes*, Кан Эрнест — французский рабочий-резчик, революционер.

[21] *Rosiérs*, Розьер Жюль — французский революционер, руководитель Ассоциации свободных трудящихся в 1840-е годы.

[22] *Huber*, Губер Луи (1815—1865) — французский революционер, участник апрельского восстания 1834 г., в период революции 1848 г. президент Клуба клубов, один из инициаторов манифестации народа в Париже 15 мая 1848 г.; подозревался в предательстве; при Луи Бонапарте оставил политическую деятельность.

23 *Geoffrou*, Жоффрэ Леон — французский революционер, член тайных обществ в период Июльской монархии.
24 *Flotte*, он же Deflotte Пауль Луи Франциск (1817—?) — французский офицер, революционер, член общества «Права человека», впоследствии гарибальдиец.
25 *Bietre*, Бьетр Луи (1800—?) — агроном и политический деятель, республиканец, в период Июльской монархии преследовался за свои политические убеждения.
26 *Dugrospié*, Дюгропрэ — установить не удалось.
27 *Raumond*, он же Rémond, Раймон Жан Жозеф (1799—1876) — французский публицист, сен-симонист.
28 *Boisaxe*, Бусаке — установить не удалось.
29 *Агент Ламартина г. Сикур...* — Видимо, Сегюр Филипп Пауль (1780—1873), французский политический деятель, дипломат, участник русского похода Наполеона I; был с дипломатической миссией в Петербурге при Александре I, написал кн. «История России и Петра Великого» (1829).
30 *«Comité centralisateur»* — «Централизующий комитет», возник в Париже в апреле 1848 г., проводил свои заседания во дворце наций, председатель комитета Луи Губер.
31 *«Comité des élections»* — «Комитет по выборам», основан в начале апреля 1848 г., объединял мелкобуржуазных демократов и социалистов, председатель Арман Барбес.
32 *Квестор* — во Франции 1848—51 гг. три члена комиссии, выбираемые из своей среды палатой и отвечающие за ее безопасность.
33 *Тома* Клемент (1812—1871) — французский генерал, реакционер; в 1870-е годы начальник национальной гвардии, казнен парижским народом в 1871 г.
34 *Талейран* Шарль Морис (1754—1838) — французский политический и государственный деятель, выдающийся дипломат, министр иностранных дел при Наполеоне.
35 *Труве-Шовелен* Орест (1805—?) — французский финансист и экономист, при Кавеньяке министр финансов.
36 *Vincennes* — Венсен, крепость под Парижем для политических преступников.
37 *«Le Bien public»* — «Общественное благо», французская ежедневная политическая газета буржуазно-республиканского направления, выходила в Париже с мая по декабрь 1848 г., редактор А. Ламартин.
38 *Берар* Пьер Гоноре (1797—1858) — французский политический деятель, буржуазный республиканец, доктор медицины.
39 *Вивьен* Франсуа (1799—?) — французский государственный деятель, журналист, примыкал к династической оппозиции.
40 *Вуаре*, правильно Вудоре, Орас (1818—?) — французский дипломат, журналист, примыкал к династической оппозиции при Луи Филиппе.
41 *Турре* Марк Антоний — французский экономист, мелкобуржуазный демократ, комиссар Временного правительства.
42 *Волабель* Ашиль де (1799—1879) — французский историк и буржуазный политический деятель.
43 *Пажес* (из Арнежа), Жан Филипп (1784—1854) — французский публицист, издатель журн. «La Patria».
44 *...во временном изгнании фамилии Луи Филиппа...* — Декрет, вотированный Национальным собранием 26 мая 1848 г. большинством голосов; согласно декрету въезд и проживание на территории Франции и ее колоний навсегда запрещался Луи Филиппу и его семье.
45 *Ром* Себастьян (1793—?) — французский генерал, республиканец.
46 *Falloux*, Фаллу Альфред (1811—1888) — французский политический деятель и писатель, легитимист и клерикал, в 1848 г. инициатор разгона национальных мастерских и вдохновитель подавления июньского восстания в Париже, министр просвещения в правительстве Кавеньяка.
47 *Севестр* Поль — французский мануфактурист.
48 *Мишо* Жюль — рабочий-социалист, сотрудник газ. «La Fraternité de 1848».
49 *Грандин*, правильно Гранден, Виктор (1797—1849) — французский фабрикант, депутат в 1839—1848 гг., затем депутат Учредительного и Законодательного собраний, занимал крайне консервативные позиции.
50 *Ион* — служащий парижской префектуры.

[51] *Боке*, правильно Бокке, Жан Батист — французский учитель, участник тайных революционных обществ в период Июльской монархии, сторонник газ. «La Réforme»; в период революции 1848 г. помощник мэра 12-го квартала Парижа; друг семьи Герцена.

[52] *Леннан* Леон Луи Кретьен (1811—1890) — французский буржуазный политический деятель, инженер.

[53] *Ландрен* Арман Пьер Эмиль (1803—1859) — французский адвокат, буржуазный республиканец.

[54] *Рей* Леопольд (1821—?) — рабочий-социалист, арестован в июне 1848 г.

[55] *Moreaux*, Моро Валентин Адольф (1803—?) — французский коммерсант и политический деятель, умеренный буржуазный республиканец.

[56] *Goudchaux*, Гадехо Мишель — французский финансист и политический деятель, умеренный буржуазный республиканец.

[57] *Changarnier*, Шангарнье Никола (1793—1877) — французский генерал, участник подавления июньского восстания.

[58] *Louis Napoléon*, Луи Наполеон Бонапарт (1808—1879) — сын брата Наполеона I, голландского короля Луи Бонапарта; президент французской республики с декабря 1848 г., после переворота 2 декабря 1852 г. — император Франции Наполеон III.

[59] *Lagrange*, Лагранж Шарль (1804—1857) — французский офицер и политический деятель, мелкобуржуазный демократ; при Луи Филиппе подвергался тюремному заключению за свои политические убеждения, журналист, сотрудник «Реформы».

[60] *Boissel*, Бойссель Жан Мария (1795—1861) — французский политический деятель, при Луи Филиппе сторонник династической оппозиции.

ИЮНЬ

Глава состоит из восьми листов с оборотом и одного без оборота, из них шесть листов с оборотом и один без оборота (нумерации нет) в *ИРЛИ*, два листа (26 и 27) в *ЦГАЛИ*.

Глава писалась на основе плана примерно в июле месяце; ее текст переписан автором, но в нем много помарок, вставок.

Источниками главы была французская пресса, протоколы заседаний Учредительного собрания, прокламации и воззвания клубов, беседы с Герценом, общение с немецкими эмигрантами в Париже, близкими Марксу и Энгельсу, и, возможно, «Neue Rheinische Zeitung», издаваемая Марксом и Энгельсом в Кельне.

[1] *...битвы при Лейпциге...* — Сражение под Лейпцигом 16—19 сентября 1813 г. французских войск под командованием Наполеона I с войсками коалиции, закончившееся поражением Наполеона; *при Акциуме* — морское сражение около мыса Акциума 2 сентября 31 г. до н. э. между Октавианом, с одной стороны, и Марком Антонием в союзе с египетской царицей Клеопатрой — с другой; *при Ватерлоо* (селение в Бельгии) — сражение между войсками Наполеона I и армией под командованием английского полководца Веллингтона 18 июня 1815 г., окончившееся поражением Наполеона.

[2] *...этого Булонского и Страсбургского авантюриста...* — Имеются в виду заговор Луи Бонапарта в Страсбурге 1836 г., предпринятый им с целью захвата трона Франции, и с этой же целью организованный заговор в августе 1840 г. в Булони, в результате обоих заговоров Луи Бонапарт был арестован; в первом случае он был выслан в Америку, во втором — подвергнут шестилетнему тюремному заключению.

[3] *Гекерн (Петербургский Дантес)* — Убийца А. С. Пушкина Дантес-Геккерн Жорж Шарль (1812—1896), французский офицер, бонапартист, яростный враг Парижской коммуны, организатор контрреволюционного заговора.

[4] *Женуд* Антуан Эжен (1792—1849) — французский публицист, сторонник Бурбонов, редактор «Французской газеты», автор монархической «Истории Франции».

[5] *Дамэт*, правильно Дамэн, Эдуард Адольф (1807—1848) — французский генерал, орлеанист, участник подавления июньского восстания 1848 г.

[6] *...об изгнании Луи Наполеона...* — Речь идет об изгнании Луи Бонапарта в 1832 г. из Франции, куда он вернулся из Италии, где принимал участие в экспедиции, пред-

принятой итальянским революционером Мелотти с целью освободить Рим из-под власти папы.

7 *Томасен* Филипп — французский журналист либерального направления, публицист, один из редакторов газ. «Папаша Дюшен» в 1848 г.

8 *Блум* Исаак Август (1812—1877) — французский ученый-математик, бонапартист.

9 ...*воображаемых Питта и Кобурга...* — Имеется в виду несуществующая опасность со стороны Англии и Германии: английский государственный деятель Вильям Питт (1759—1806) стоял во главе коалиции против Франции в 1789 г., саксонский принц Кобург-Заальдфельдский Фридрих Иосиф (1737—1817) командовал в 1793 г. австрийскими и имперскими войсками в их походе против Франции.

10 *«Journal des atelier nationaux»* — «Газета национальных мастерских», французская ежедневная политическая газета демократического направления, выходила в Париже 22—24 июня 1848 г.

11 *Турк* Леопольд (1797—1887) — французский публицист и политический деятель консервативного направления, депутат Учредительного собрания в 1848 г.

12 *«Cabbuliste»* — «Le Kabbuliste, *journal des sciences occultes* et divinatoires» — «Загадочный, газета оккультных наук и пророчеств», выходила в Париже в июне—августе 1848 г., носила религиозно-мистический характер.

13 *«Le Christ républicain»* — «Христос-республиканец», французская политическая газета социалистического направления, пародировала библейские сюжеты, выходила в Париже с 8 по 25 июня 1848 г.

14 *«Le Franc-maçon»* — «Франк-масон», французское ежемесячное журнальное обозрение, орган масонского общества, выходило в Париже с 1848 по 1851 г.

15 *«La république des fémmes»* — «La République des fémmes, *journal des cotillons*» — «Женская республика, газета юбок», орган женского общества везувианок, вышел в Париже один номер в июне 1848 г.

16 *«L'Accusateur public»* — «Общественный обвинитель», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 13 по 26 июня 1848 г.; редактор А. Эскирос.

17 *«Le Tribunal révolutionnaire»* — «Революционный трибунал», французская политическая газета демократического направления; вышел один номер в Париже 21 июня; редактор Луи Оливье.

18 *«L'Aimable Faubourien, journal canaille»* — «Любезный житель предместья, газета каналий», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 1 по 7 июня 1848 г.

19 *«La Carmagnole, journal des enfants de Paris»* — «Карманьола, газета детей Парижа», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 1 по 15 июня 1848 г.; редактор Ахилл Коллен.

20 *Гильбе* Жан Дезире Луи Констан (1819—?), французский журналист.

21 *«Journal des Sans-Culottes»* — «Газета санкюлотов», французская политическая газета республиканского направления, выходила в Париже с мая 1848 г. по март 1849 г., редактор К. Гильбе.

22 *«Diogène sans-culotte»* — «Диоген-санкюлот», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 18 по 25 июня 1848 г.

23 *«Gamin de Paris»* — «Le Gamin de Paris. *Ou s'abonne sur les quais sur les boulevards à Paris*» — «Парижский гамен, или Подписчики пристаней и бульваров Парижа», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 4 по 24 июня 1848 г.; редактор А. Коллен.

24 *«Vrai gamin de Paris»* — «Le Vrai gamin de Paris» — «Истинный парижский гамен», французская политическая газета демократического направления, орган монтаньяров, выходила в Париже в июне 1848 г., носила сатирический характер.

25 *«République rouge»* — «La République rouge» — «Красная республика», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с 11 по 18 июня 1848 г.; редактор Цезарь Перушо.

26 *«Bonnet rouge»* — «Le Bonnet rouge, *drapeau des sans-culottes*» — «Красный колпак, знамя санкюлотов», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 11 по 20 июня 1848 г.

27 *«Boulet rouge»* — «Le Boulet rouge» — «Красное ядро», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 13 по 20 июня 1848 г.

[28] *«Le Conspiration des poudres, journal fulminant»* — «Пороховой заговор, газета разгневанных», французская политическая газета демократического направления, вышел в Париже один номер 4 июня 1848 г.

[29] *«Le Volcan»* — «Le Volcan par la citoyenne sans peur» — «Вулкан бесстрашных граждан», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с 15 по 22 июня 1848 г.

[30] *«Le Père Duchêne, gazette de la Révolution»* — «Папаша Дюшен, газета революции», выходила в Париже с апреля по август 1848 г., имела демократическое направление; редактор Эмиль Кольфаврю.

[31] *«Le Vrai père Duchêne de 1848»* — «Le vrai Père Duchêne de 1848, *journal des classes ouvriers*» — «Истинный Папаша Дюшен 1848 г., газета рабочего класса», французская политическая газета демократического и социалистического направлений, выходила в Париже с 21 по 30 мая 1848 г.

[32] *«Le travailleur* par la mère Duchêne» — «Le Travailleur par le Mère Duchêne. *An 1er de la république démocratique et sociale*» — «Работник Мамаши Дюшен. Первый год демократической и социальной республики», французская политическая газета демократического и социалистического направлений, выходила в Париже с 29 мая по 24 июня 1848 г.; редактор Цезарь Вермаз.

[33] *«Le Petit-fils du père Duchêne»* — «Внук Папаши Дюшен», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с 14 по 26 июня 1848 г.

[34] *«Le père Duchêne, ancien fabricant de fourneaux»* — «Le Père Duchêne, *ancien fabricant de fourneaux et sans-culotte en 93*» — «Папаша Дюшен, старый фабрикант кухонных печей и санкюлот 93 года», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с 12 марта по декабрь 1848 г.

[35] *«Les lunettes du père Duchêne»* — «Les Lunettes du Père Duchêne, *journal chantan, comique, satirique, anecdotique et orné d'images*» — «Подзорная труба Папаши Дюшен, певческая, комическая, сатирическая газета, украшенная изображениями»; вышло в Париже в июне 1848 г. два номера; имела социалистическое и демократическое направление.

[36] *«Des Antonins»* — «Демократический клуб, образован в предместьях Парижа Сан-Антуан в марте 1848 г., объединял рабочих-социалистов.

[37] *«Quinze-vingt»* — Демократический клуб, существовал в Париже с марта по июнь 1848 г., объединял рабочих-социалистов, президент Брутенель Надаль.

[38] *«Le va-nu-pieds»* — «Босяк»; сведений обнаружить не удалось.

[39] *«L'incendiaire»* — «Зажигательный»; сведений обнаружить не удалось.

[40] *«La France libre»* — «Свободная Франция», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с апреля по октябрь 1848 г.

[41] *«Spartacus, liberateur du peuple»* — «Спартак, освободитель народа», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с 18 по 25 июня 1848 г.

[42] *«La Politique des fémmes»* — «La Politique des fémmes, *journal public pour les intérêts des fémmes et par une société d'ouvriers*» — «Женская политика, общественная газета, выражающая интересы женщин и единого сообщества рабочих», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с 18 июня по 5 августа 1848 г.; редактор Дезире Гэ.

[43] *Bonard*, Бонар Артур де — французский журналист, социалист-фурьерист.

[44] *«Le Salut social, journal des droits de l'homme»* — «Общественное благо, газета прав человека», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже с 19 по 23 июня 1848 г.; редактор Артур Бонар.

[45] *Баро* (Barrault) Пьер Антуан Казимир (1799—1869) — французский социалист-утопист, сподвижник Анфантена, публицист и журналист.

[46] *«Tocsin des travailleurs»* — «Le Toscin des travailleurs» — «Набат трудящихся», французская политическая газета социалистического направления, орган сен-симонистов, выходила в Париже с 1 по 24 июня 1848 г.; редактор Баро.

[47] *Deschamps*, Дешан Эмиль (1791—1871) — французский критик, публицист и журналист.

[48] *«Le Robispierre»* — «Le Robispierre, *journal de la réforme sociale*» — «Робеспьер, газета

социальных реформ», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 1 по 5 июня 1848 г.; редактор Э. Дешан.

49 *«Le vieux cordelier, drapeau du peuple»* — «Старый монах, знамя народа», французская политическая газета демократического направления, выходила в Париже с 19 мая по 1 июля 1848 г.

50 *«Napoléon républicain»* — «Наполеон-республиканец», французская политическая газета бонапартистского направления, выходила в Париже с 11 по 25 июня 1848 г.; редактор Марцель Дешан.

51 *Guillemain* — установить не удалось.

52 *«L'Aigle républicain»* — «Республиканский орел», французская политическая газета бонапартистского направления, выходила в Париже с 12 по 21 июня 1848 г.

53 *«Le Napoléonien»* — «Le Napoléonien, *journal quotidien des clubs démocratiques de la garde nqtionale»* — «Наполеоновцы, ежедневная газета демократических клубов национальной гвардии», французская политическая газета бонапартистского направления, выходила в Париже с 12 по 14 июня 1848 г.

54 *«Le Petit caporal»* — «Le Petit Caporal, *journal de la jeune et vieille garde»* — «Маленький капрал, газета молодой и старой гвардии», французская политическая газета бонапартистского направления, выходила в Париже с 15 июня 1848 г. по 15 мая 1849 г.

55 *«Le Rèdingote grise»* — «Серый сюртук», французская политическая газета бонапартистского направления, выходила в Париже с 18 по 20 июня 1848 г. с эпиграфом: «Республика демократическая, единая и неделимая».

56 *«Le Constitution, journal de la république napoléonienne»* — «Le Constitution, *journal de la république napoléonienne et des vrais intérêts du pays»* — «Учредитель, газета наполеоновской республики и свободных интересов страны», французская политическая газета бонапартистского направления, выходила в Париже с 12 по 19 июня 1848 г.

57 *«Le Pamphlet»* — «Le Pamphlet quotidien illustré» — «Памфлет ежедневный, иллюстрированный», французская сатирическая газета республиканского направления, выходила в Париже с мая по июнь 1848 г.; редактор Поль Феваль.

58 *...о кровавом мщении негров Мартиники...* — Во французской колонии на о. Мартинике в феврале 1848 г. было отменено рабство, но угнетение негров продолжалось, что и привело к восстанию в июне 1848 г.

59 *«La Cancan»* — «La Cancan de la semaine» — «Еженедельная сплетня», сатирическая газета республиканского направления, выходила в Париже в мае—июне 1848 г.

60 *«Les bêtises de la semaine»* — «Les Bêtises de la semaine, *revue intérimaire, ministérielle, parlementaire, parisienne, provinciale et étrangère»* — «Глупости за неделю, обозрение должностное, министерское, парламентское, парижское, провинциальное и иностранное», сатирическая газета республиканского направления, выходила в Париже в июне 1848 г.

61 *«Le Canard»* — «Le Canard, *journal drôlatique, fantastique, anecdotique, politique et critique de l'an 1-er de la république»* — «Утка, газета потешная, фантастическая, анекдотическая, политическая и критическая, 1-го года республики», сатирическая газета демократического направления, выходила в Париже в июне 1848 г.; редактор Альфонс де Колонн.

62 *«Le Diable rose»* — «Розовый дьявол», сатирическая газета демократического направления, выходила в Париже в июне 1848 г.; редактор Эжен Бедоллье.

63 *«Le Petit homme rouge»* — «Маленький красный человек», сатирическая газета орлеанистского направления, выходила в Париже в июне 1848 г.

64 *«Le lampion»* — «Le Lampion, éclaireur politique» — «Фонарь, политический дозорный», французская политическая газета легитимистского направления, выходила в Париже с 28 мая по 21 августа 1848 г.; редактор Ксаверий де Монтепен.

65 *«La Séance»* — «Сеанс», французская общественно-политическая газета республиканского направления, выходила в Париже с 1 мая по 21 июля 1848 г.; редактор Август Леру.

66 «L'Époque» — «L'Époque de 1848» — «Эпоха 1848» — французская политическая газета республиканского направления, выходила в Париже в июне 1848 г.; редактор Одиллон Пишо.

67 *«Le bon sens»* — «Le Bon Sens du peuple, *journal des honnêtes gens»* — «Здравый

смысл народа, газета порядочных людей», французская политическая газета республиканского направления, выходила в Париже с 26 марта по 15 апреля 1848 г.; редактор Поль Феваль.

68 *«La tribune»* — «La Tribune de 1848» — «Трибуна 1848», французская политическая газета социалистического направления, выходила в Париже в марте—июне 1848 г.; редактор рабочий Валлу.

69 *«Figaro»* — «Le noveau Figaro, *programme des théâtres, journal quotidien du soir, politique, littéraire et satirique»* — «Новый Фигаро, программа театров, ежедневная вечерняя газета, политическая, литературная и сатирическая», выходила в Париже с 8 по 13 июня 1848 г.; редактор Амеде Роллан.

70 *«L'organisation du travail»* — «L'Organisation du travail, *journal des ouvriers»* — «Организация труда, рабочая газета», французская политическая газета социалистического и демократического направлений, основана рабочими делегатами Люксембургской комиссии, выходила в Париже с 4 по 25 июня 1848 г.; редактор Жак Дезире.

71 *Пюжоль* Луи — французский публицист, мелкобуржуазный демократ, лейтенант национальной гвардии в период революции 1848 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* В указатель включены имена, упоминаемые только в тексте автора. Краткие сведения даются к имеиам, опущенным в примечаниях.

УКАЗАТЕЛЬ ИНОСТРАННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ*

* В указатель включены издания, упоминаемые как в текстах, так и в приложении.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ*

* Советские издания выделены курсивом.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

П. В. АННЕНКОВ

ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА

Утверждено к печати Редколлегией серии «Литературные памятники». Редакторы А. Ф. Ермаков, И. Г. Древлянская. Художник Е. А. Михельсон. Художественный редактор Т. П. Поленова. Технический редактор Р. М. Денисова. Корректоры Р. С. Алимова, М. В. Борткова, Г. М. Котлова

ИБ № 26699

Сдано в набор 21.02.83. Подписано к печати 19.07.83. Формат $70 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага для глубокой печати. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,8. Уч.-изд. л. 53,5. Усл. кр.-отт. 46,87. Тираж 25000 экз. (допечатка). Тип. зак. 883. Цена 7 р. 20 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

7 р. 20 к.